Марина Иванова
Главное - выжить
семейная сага

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Семейная сага Марины Ивановой «Главное выжить», – это исповедь перед людьми! Судьба трех поколений женщин из одной семьи не жалует ни одну из них. Но в этой жизни, мы все на испытании. Целая эпоха молчаливо наблюдает, – справятся наши герои с трудностями, смогут выжить в предоставленных обстоятельствах. Что выберут пороки или добродетель? Об этом вы узнаете, прочитав сборник романов Марины Ивановой, – «Главное выжить».

- Марина Иванова
  - КРУГОВОРОТ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
    - Глава 29
    - Глава 30

- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63

○ ИСПЫТАНИЕ СУДЬБОЙ

- Глава 1
- Глава2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10

- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54

- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Глава 64
- Глава 65
- Глава 66
- Глава 67
- Глава 68
- Глава 69
- Глава 70
- Глава 71
- Глава 72
- Глава 73
- Глава 74
- Глава 75

○ ЗАМУЖ ЗА МИЛЛИОНЕРА

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22

- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43

Марина Иванова
ГЛАВНОЕ – ВЫЖИТЬ
семейная сага

КРУГОВОРОТ

Моим родителям Таисии Яковлевне и Ивану Михайловичу Черниковым посвящается.

Глава 1

«Пятый курс – все на борьбу с безграмотностью! Село вас ждет!

– Девочки, что это за объявление висит в центральном холле? – кричала вечно опаздывающая Ольга Снежко, догоняя подруг.

Девушка была очень хороша собой. Темно-русые волосы подчеркивали голубизну ее небесных глаз в обрамлении пушистых, длинных ресниц. Волосы, забранные в хвостик, как маятник качались в такт ее спешащей походке.

Она бежала по коридору любимого университета и постоянно подтягивала на плечо набитую учебниками тяжеленную сумку.

Две красавицы Веры, – Верочка Маленькая, Вера Большая и Лида жили с Олей Снежко в одной комнате общежития и дружили, начиная с абитуриентских посиделок и заканчивая плаканьем в жилетку друг друга до последнего курса. Они сдали на «отлично» летнюю сессию четвертого курса и счастливые перешли на последний пятый курс филологического факультета Московского государственного университета, в народе называемого МГУ.

Судьба свела вместе четыре братские республики в одном престижном столичном Вузе. Вера Большая, – высокая статная девушка была из Белоруссии. Она родилась младшей дочерью в большой семье, где разница между старшей дочерью и младшей, – двадцать лет. Родители умерли очень рано, когда Вере исполнилось только двенадцать. И старшая сестра, которой было в то время тридцать два года, взяла ее на воспитание в свою семью. У сестры была дочь на год старше Веры. Так бывает в жизни, что тетя на год младше своей племянницы. И не нужно было гадать, чтобы понять, кому из детей в этой семье было намного сложнее жить. Старшая сестра Веры Большой всегда издевалась над младшей сестрой. Она срывала на ней злость из-за своей несостоявшейся семейной жизни, срывала на ней свое плохое настроение и просто так обижала ее, потому, что ей так хотелось…

Другую девушку, которую догоняла Оля Снежко, звали Верочкой Маленькой. Она приехала на учебу из Молдавии. Родилась и выросла в деревушке, где маленькие дети постоянно плакали оттого, что ночи были не такими темными, как им хотелось, потому что они очень любили темную ночь, чтобы можно было украсть побольше кирпича у соседей на новый строящийся дом.

Маленькая Верочка была небольшого роста, с черными кудряшками, струящимися до плеч, круглолицая, с миловидным личиком и румяными щечками. Она всегда заливалась веселым смехом над любой шуткой девчонок. Верочка дружила со всеми студентами университета, не только своего факультета и курса, но и со всеми старшекурсниками разных факультетов МГУ. Ее заразительный смех можно было услышать то в одной, то в другой комнате общежития. Подруги, чтобы различать девочек, маленькую Веру называли Верочкой Маленькой, а стройную зеленоглазую высокую блондинку, – Верой Большой.

Третья девушка, Лидия, была из Украины. Она считалась самой красивой девушкой МГУ. Длинная черная коса, заплетенная назад, высокомерно поднимала ее красивую головку и Лида шла по университету, как королева. Ее стройный стан плавно проплывал по коридорам старинного здания. И все окружающие смотрели на нее и видели в ней героиню произведений Льва Николаевича Толстого. Все студенты между собой называли ее Наташей Ростовой. Казалось, что она принадлежит другому времени и не должна быть их современницей.

Лида Николаенко завораживала взгляды юношей своей красотой. Они не могли оторвать взгляд от огромных черных глаз, которые были подчеркнуты красивой формой бровей и алых зовущих губ, которые украшали нежно-розовое матовое личико. Она была само спокойствие и, казалось, никуда и никогда не торопилась в отличие от своей любимой подруги, Оли Снежко.

– Девочки, подождите меня, пожалуйста. Почему вы так быстро всегда ходите, – запыхавшись, кричала Оля Снежко, догоняя подружек.

Оля Снежко – эта девушка вихрь! Девушка-вулкан! Девушка – сама грациозность России! Она была активисткой со школьной скамьи. Занималась профессионально гимнастикой. Пластичная, с выточенной фигуркой, она сводила с ума всех парней института. Многие скульпторы хотели ваять такое совершенство линий. А художники, – писать ее портреты. Голубые глаза, полные интеллекта, всегда внимательно смотрели на собеседника. И на ее лице без фальши всегда можно было прочесть, что она думает о человеке, с кем беседует. Очень эмоциональный человек, Оля Снежко была всегда генератором новых идей.

В институте ей пророчили большое будущее. Она, как и все девочки комнаты, шла на красный диплом. Учеба ей очень нравилась. Будущая профессия учительницы русского языка ее завораживала. Она знала все правила русского языка наизусть

настолько, что ее среди ночи разбуди, она расскажет их так, будто сама была автором этих правил. В аспирантуру ее забирали сразу после окончания института.

Ей предложили работу на кафедре с приличным окладом и с предоставлением жилья. Остаться в Москве после учебы! Об этом мечтали все студентки университета! Замуж выйти за москвича, – никто! Во всяком случае, никто из наших четырех героинь, которые и не догадывались, какой круговорот жизни им приготовила судьба!

А судьба распорядилась так: кавалеров у девушек было пребольшое количество, но все они были только друзьями. Девушки хотели овладеть специальностью настолько хорошо, что, кроме как об учебе, они вообще ни о чем не могли думать.

– Все еще успеем, – говорили они, когда секретничали в комнате общежития. – Главное, – быть нужными школе и детям. А дальше, когда будет любимая работа, знания, которыми можно будет уверенно поделиться, и замуж можно выйти за достойного, чтобы от него не зависеть. А в случае, если этот достойный недостойно себя поведет, то расстаться с ним незамедлительно и суметь обеспечить себя и детей достойным существованием.

– Девочки, я еду, – сказала Оля, догнав своих подруг. – Я пока бежала, все время думала об этом объявлении на стенде.

– Куда едешь? – уставились на нее удивленно подруги.

– Как куда? В село, поднимать грамотность у сельского населения.

– А! Ты об этом объявлении? Да кто же тебя отпустит? Ты без пяти минут аспирантка, которой пророчат преподавательскую карьеру нашего любимого университета. Рассмешила ты нас, это точно.

– Нет, я твердо решила. Я – учительница русского языка сельской или деревенской школы. Это мое призвание. Я только что позвонила нашему куратору и он сказал, что пятый курс по желанию переходит на индивидуальный план обучения. И если есть желание, то можно начинать работать учителем хоть сейчас. Практика как защита диплома, но тебе всего два раза нужно будет приехать на сессию.

Девочки посмотрели на Олю удивленно и переспросили ее вновь. Они не поверили тому, что Оля, гордость института, собралась уезжать в далекую, никому не известную деревню. Перспектива быть забытой навсегда очень испугала девочек. Ни для того они старались поступить в престижный Вуз, не для того они старались учиться на одни пятерки, не для того они приехали в столицу, чтобы похоронить себя молодыми в деревне.

Когда тебе всего двадцать лет, ты думаешь, что ты уже очень

старый и мудрый человек. И любое твое мнение правильное. Другого мнения ты не приемлешь. Знания, полученные в университете, тебе нужно только совершенствовать, кажется, что ты уже все знаешь и можешь перевернуть весь мир.

Любовь, о которой мечтаешь, – чистая, светлая и обязательно огромная, – должна быть настолько необъятной, что не хватит всей Вселенной, чтобы ее вместить. Дружба должна быть преданной настолько, что ты должна, закрыв глаза и отбросив все страхи и сомнения, совсем забыв о себе, броситься на защиту своей единственной подруги или друга. Все в двадцать лет воспринимается по максимуму. Это и есть юношеский максимализм. Можно сколько угодно находить плюсов и минусов в такой трактовке жизни. Но одно ясно, – что в двадцать лет ты готов перевернуть мир и у тебя для этого есть силы…

Глава 2

– Конечная остановка, – громогласно прокричал водитель маленького старенького автобуса. – Конечная остановка, – Горькая Балка.

– Ой, какое страшное название, – Горькая Балка. Скажите, пожалуйста, дорогой водитель, почему это село так называется? – спросила, сделав испуганное лицо, Оля Снежко. Девочки переглянулись, толкнули подругу в бок и поспешили к выходу.

– Нет, почему Горькая? Взяли бы назвали Сладкая Балка. Все ж веселей, а то Горькая? – продолжала настаивать Оля.

– Ты поживи тут с нами и поймешь, что нашей селе названия Горькая Балка очень подходит, нашей селе именно эта названия и нужно, – пробубнил возмущенный водитель сильным кавказским акцентом.

– Ой, ой, ой, как мы вовремя приехали! – засмеялась Оля. – Поднимать срочно нужно грамотность у населения. И девчонки, смеясь, выскочили из автобуса.

На вокзале стояла целая делегация, встречающая молодых учителей из Москвы. Женщина, точная копия актрисы Людмилы Гурченко, махала рукой девочкам, как старая знакомая. С нею рядом стоял молодой красивый юноша и взрослый мужчина – инвалид, с перевязанным глазом. Они так радостно встречали молодых девушек, как будто знали их давно и очень за ними соскучились.

– Здравствуйте, коллеги, – сказал, улыбаясь, мужчина без глаза и, протянув каждой из них руку, представился:

– Директор школы, Ефим Ефимович. – Несказанно рад, несказанно рад, нашему полку прибыло.

Женщина театральной внешности обняла девчонок по очереди и все время приговаривала:

– Молодцы, что приехали, мы вас тут и замуж выдадим, и с жильем поможем. Кстати, вот у нас уже есть один холостой, – показывая на юношу, стоявшего рядом, произнесла актриса-учительница. – Девчата, налетайте, знакомьтесь – Евгений Петрович Черкашин, учитель начальных классов. Завидный жених!

– Спасибо за рекламу, а почему завидный? – спросил молодой человек, смущаясь. – У меня даже жилья своего нет. У вас, если помните, Людмила Егоровна, квартируюсь.

– Но это временно, – пробасил директор школы. – Всех поженим и квартиры дадим. Так что все будет хорошо. – И, подхватив чемоданы девушек, скомандовал: – Жень, хватай

чемоданы у невест и пошли знакомить их с новым местом работы. Ой, сначала давай отведем их в новый дом, а потом на место работы.

– А вечером обмоем новоселье, – смеясь, предложила Людмила Егоровна.

– Это само собой. Вечером всем коллективом на новоселье. Расходы я беру на себя, так что, девчата, не бойтесь, а то я гляжу: перепуганные идут такие, – подхватил разговор Ефим Ефимович.

В это время из – за дерева за девушками внимательно наблюдал незнакомый мужчина. Он старался быть незамеченным. Единственно, что его выдавало, это то, что он постоянно оглядывался по сторонам, боясь, что его увидят. Успокоившись тем, что его не заметили, мужчина сплюнул и быстро зашагал в сторону заброшенной старой кошары.

Дружная процессия, ничего не замечая, продолжала весело шагать по пыльным улицам села. Куры, кудахтая, перебегали с одной стороны улица на другую, будто играли в догонялки. И тоже старались понравиться вновь прибывшим молодым учителям.

Дома стояли вразвалочку: небольшие домики наклонились крышами к своим младшим братьям, как их называют, летним кухням. Времянки строили как временное жилье, поэтому и назывались они времянками или летними кухнями. Их строили переселенцы, когда приезжали осваивать новые земли. Прежде чем строить уже добротные дома для того, чтобы в них жить нескольким поколениям, они возводили сначала маленькие домики из двух комнат, заселялись туда.

А затем, если хватало денег, строили рядом большие красивые дома. Бывало такое, что некоторые так и оставались «временными» навсегда! На подворье также ставили хозпостройки: сараи, курятники, коровники и, конечно, подвалы-погреба. Подвалы – это была гордость всех селян. Летом там держали в холоде продукты, а зимой хранили заготовленные летом соленья и собранный своими руками урожай картофеля, свеклы, моркови.

Две Веры, Оля и Лида шли легко паря над сельской пылью, высоко поднимая ноги, потому что им было очень удивительно то, что, когда они наступали на пыль, она поднималась нежным облаком и сопровождала их. Людмила Егоровна, не переставая щебетала, она рассказывала девочкам о прелестях сельской жизни, о том, какие фрукты и овощи растут в этом красивом уголке земли, – на ставрополье.

– Девочки, здесь нет ни заводов, ни фабрик! Экологически чистая зона! Дети рождаются здоровые и умные, – говорила она. –

Это судьба, что четыре самые лучшие студентки МГУ приехали в захудалую деревню. Вы – красавицы! Умницы! И просто молодцы, что не испугались и приехали к нам в село. У нас здесь очень хорошо! Вам понравится.

Девчонки шли и рассматривали с любопытством село, в котором будут жить. Небольшие аккуратно побеленные домики стояли по обеим сторонам улиц. Детвора бегала босиком, поднимая пыль и весело играя в прятки. Они так были заняты своей игрой, что не замечали никого вокруг. И только один из них, увидев приближающуюся процессию, толкнул рядом стоящего друга, и они дружно крикнули хором:

– Здравствуйте, Ефим Ефимович и Людмила Егоровна!

– Здравствуйте, здравствуйте, а почему вы только с нами поздоровались? Вы видите, что мы не одни идем, – строго помахав пальцем, произнес директор школы.

– Здравствуйте, а мы их не знаем, – ответил, рассматривая с интересом приезжих, белобрысый мальчишка.

Настолько белого цвета были у него жесткие волосы, что он напоминал своим цветом волос иссиня-белый школьный мелок, которым писали на доске.

– Это наша местная достопримечательность, – сказала Людмила Егоровна, обнимая мальчика. – Семья альбиносов. Двенадцать детей. Все дружные они у нас. И на уроках иногда тоже хорошо себя ведут, правда?

– Да, мы хорошие! А это к вам родственники приехали?

– Ты что? Какие родственники?! – произнесла подбегающая девочка.

– Мне мама сказала, что к нам новые учителя приезжают. Правильно я поняла, это учителя молодые, да?

– Да, правильно. Это ваши молодые и красивые учителя. Будете учиться у самых красивых учителей.

– Ура, у нас будут самые красивые учителя! – закричали дети и побежали рассказывать последнюю новость другим школьникам. Им очень хотелось первыми рассказать, что они видели новых учителей.

– Евгений Петрович, это ваши подопечные, между прочим, – сказал директор школы.

– Я уже это понял и успел полюбить их за открытость, – сказал, молодой человек, немного стесняясь.

Евгений Петрович Черкашин, красивый, высокий юноша, с темными волнистыми волосами, зачесанными назад, изумрудными глазами, стеснительный от рождения все время молчал, пока нес чемодан и сумку Оли Снежко. Почему-то он именно у нее взял чемодан и сумку. И, смущаясь, рассматривал

худенькую девушку, которая легко парила над сельской пылью.

Все девушки были красивыми, совершенно разными, но молодость всех объединяла именно своей девичьей непосредственностью. Они шли с широко раскрытыми глазами, изучали Горькую Балку и были очень удивлены такому радушному приему.

Евгений Петрович Черкашин был выпускником черкесского педагогического училища, который он окончил на «отлично». Он получил распределение в село Горькая Балка и тоже очень испугался названия.

«Интересно, почему оно так называется?»– постоянно думал он.

И Людмила Егоровна поведала ему такую историю, что по селу протекает местная речка, которая названа Горькая Балка, потому что в речке была темная, черная вода. А черная она была потому, что река была очень илистая. Ила в ней было больше, чем воды. Река была узкая и неглубокая.

Она протекала в конце села в низине, в небольшом овраге, который тоже назывался Черной Балкой. Отсюда и название такое пошло. Село располагалось на юго-востоке Ставропольского края. Зелени было мало. Климат – сухой. Но в центре села находился большой зеленый парк рядом с артезианской трубой, из которой текла самая вкусная и самая чистая родниковая ледяная вода. Этот парк был местной достопримечательностью села.

В центре парка возвышался один единственный памятник, – защитникам Отечества! И возле него постоянно стояли в карауле школьники, отдавая свой священный долг памяти погибшим героям!

Название Горькая Балка совсем не соответствовало светлой энергетике села. Дышалось здесь очень легко, и люди были очень светлые и гостеприимные. Они так расположили к себе молодых учителей, что девочки уже через десять минут знакомства весело щебетали со своими новыми друзьями, и видно было, что село нисколько не разочаровало их.

– Смотрите, а здесь еще и многоэтажки строят! – удивилась Оля, проходя мимо новостроек.

Целая улица двухэтажных коттеджей с красивыми балконами выстроилась в ряд.

– Это наш председатель колхоза, Светлов Виктор Алексеевич, строит дома для новых специалистов, – гордо произнес Ефим Ефимович. – Вообще-то у нас колхоз-миллионер, это мы вам для справочки говорим. Горькая Балка, – побратим с болгарским селом Бартаво. Наше село образцово-показательное в стране. К нам очень часто приезжают иностранцы с дружественным

визитом за обменом опыта. Вы еще клуб наш не видели! А какой у нас будет новый современный Дворец культуры, который строится в центре! А школу нашу председатель колхоза очень любит и очень нам помогает. Вот вам, молодым специалистам, выделил целый дом под жилье рядом со школой. Правда, без удобств пока, зато печка очень хорошо топится, а уголь выделяет колхоз бесплатно, и дрова тоже есть. Короче, на всем готовом будете жить.

Девочки переглянулись между собой. Они никогда в жизни не топили эти печки. Даже не знали, как уголь выглядит. Кроме, конечно, Верочки Маленькой, которая жила в молдавской деревне. Всю жизнь, прожив в городе, они мало что знали о деревенской жизни. Но страшно почему-то не было.

«До зимы еще очень далеко», – думали они.

На улице светило южное солнце, воробьи счастливые купались в пыли, август месяц был в разгаре. Новая жизнь манила и звала своим медовым запахом, витавшим в воздухе. Деревенские запахи очень отличались от городских. Чистый деревенский воздух, наполненный ароматами свежей скошенной травы, запахом чабреца и мяты, вскружил головы молодым девушкам. Никакие французские духи не могли заменить этот пьянящий аромат.

– Девочки, как здесь легко дышится! – кружась, говорила Оля. – Мне здесь очень и очень нравится! Люди здесь такие приветливые все! Вы заметили, что сельские жители намного проще, чем городские? Мне они очень нравятся, и Горькая Балка тоже. Я здесь останусь надолго, – это точно.

– И мне здесь нравится, – произнесла красавица из Украины Лида! – Похоже, я здесь тоже надолго задержусь!

Две Верочки переглянулись и тоже закивали головами, соглашаясь с подругами. Они дружной процессией подходили к своему первому добротному большому дому, который для них выделил председатель колхоза. Белый дом гордо стоял, и от него исходил запах чистой, свежей, только что нанесенной побелки.

Два окна смотрели на улицу, которая называлась символично, – «Школьная». Забор и калитка выходили на ту же асфальтированную улицу, на которой даже были столбы с фонарями для освещения, как в городе. Рядом с домом находилась небольшая времянка из двух комнат, совершенно нежилая, но так же красиво побелена снаружи. Во времянке в первой комнате стояла старинная русская печь, а во второй комнате был насыпан черной горой уголь для печи. Комната с печкой заменяла все хозяйственные постройки, вместе взятые, потому что лопаты, грабли, мотыги находились в первой комнате.

Достопримечательностью этого поместья было огромное тутовое дерево, которое росло рядом с времянкой. Оно было настолько высоким и огромным, что ствол не могли обхватить даже четыре человека. Чуть поодаль возвышался небольшой холмик с черепичной крышей и добротной деревянной дверью с амбарным замком.

– А что это за сооружение, бомбоубежище? – спросила самая смелая девушка, Оля Снежко.

– Да нет. Это сельские закрома. То есть подвал, в котором хранят соленья и картошку на зиму! Да и молоко, чтобы не прокисло, – торжественно произнес Ефим Ефимович, директор школы. – Но его мы вам покажем чуть позже. А сейчас пойдемте знакомиться с вашим новым жильем. – И он показал на самый главный большой дом.

Из-за забора слева выглядывала неопрятного вида женщина. Волосы немытые, растрепанные, замусоленный халат прикрывал старое протертое спортивное трико. Казалось, от одного вида этой женщины исходил неприятный, зловонный запах.

– Ой, здрасьте, а вы наши новые соседи? – спросила неприятная соседка. – Очень рада познакомиться. Меня зовут Клара. Муж у меня ученый, агроном. А я занимаюсь цветоводством. Если вам нужно цветочки купить или, там еще чего, обращайтесь, не стесняйтесь.

– Хорошо, хорошо, они обязательно обратятся к тебе, Клара Андреевна. Только сейчас не лезь ты со своим бизнесом к девчатам. Дай им обвыкнуться, – сказал строго директор школы.

– Ничего, ничего, ухожу, ухожу по делам. Буду вечером! Девочки, мы еще поговорим, – сказала, ехидно улыбаясь и отходя от забора, соседка слева.

– Хорошо, что у вас соседки справа нет, а только стадион. А вон там, через стадион, наша красавица школа. Видите? В зелени вся утопает! Там вы и будете работать. А с соседкой Кларой поосторожнее. Наглая как танк она у нас. Смотрите в долг у нее никогда денег не берите. А то она, если вовремя не отдашь, так проценты на проценты считает. Мало того под десять процентов в месяц занимает, так еще и проценты к основному долгу прибавляет! Она у нас подпольная миллионерша. А посмотрите, как живет! Не дай Бог так заболеть! Зачем ей деньги, если она их только копит да копит?! – задумчиво произнес Ефим Ефимович.

Двор соседки слева был завален всяким хламом. Никому не нужная макулатура, металлолом, старые выброшенные двери, окна, – все, что люди выбрасывали на свалку, оказывалось у Клары во дворе. Девочки обратили внимание на то, что окно в доме у нее закрыто старой невзрачной подушкой!

И единственный дом, который не был побелен снаружи, был у нее. О том, что находится внутри, можно было только догадываться…

– Ну, вот и напугал я вас сразу страшной соседкой. А она не только внешне страшная, она еще и душой страшная. Так что с нею никаких «цветочков-лютиков».

Глава 3

Белый, чисто пахнущий дом широко распахнул свои голубые, только что покрашенные двери перед новыми хозяевами. Маленькое окошко рядом с дверью подмигивало девушкам и, кокетничая, приглашало их зайти.

Девушки осторожно подошли к порожкам, так же осторожно заглянули вовнутрь и несмело зашли в свой первый собственный дом.

Первое, что они увидели, был маленький коридорчик-кухня с огромным прямоугольным столом, важно стоявшим возле маленького подмигивающего окна. Напротив стола у другой стенки находился красивый, в мелкую клеточку, диван, а сбоку торжественно красовались газовая плита и раковина. Справа находилась дверь в большой зал, а прямо, – дверь в остальные две комнаты.

– Девочки! Ура! Какой большой и красивый дом! – закричала Оля Снежко, открывая напротив дверь.

– А что в этой большой комнате справа? – спросила Лида, красавица университета. – Смотрите, здесь тоже стол стоит круглый и даже трельяж есть. А кроватей нет и дивана тоже. Но мы тут будем заниматься подготовкой к урокам.

– Не переживайте, коллеги! Мы сейчас с учителями, у кого что есть, скинемся, и принесем вам все необходимое. Вы не волнуйтесь, и кровати, и диваны будут. Поделимся, правильно, Людмила Егоровна? – спросил директор школы.

– Да, конечно, это мы мигом! Заказывайте, что хотите, чтобы в новом доме было! Я запишу, и через полчаса все это у вас будет стоять!

Девочки дружно забегали по всем комнатам. Посмотрели, что есть в наличии и что им хотелось бы еще приобрести. Они мечтали вслух. И даже не успели подумать, что это нескромно, как Людмила Егоровна уже вовсю составляла список необходимых вещей.

И еще ровно через полчаса все это уже стояло в их новом доме, как она и говорила! Казалось, дружнее семьи, чем сельские учителя не могло и быть. Молодежь несла кастрюли и тарелки. Диваны и кровати, несколько столов и стульев, полочки для книг, даже ковры на стены и паласы на полы, привезли на школьной машине. Все дружно обставляли новое жилье молодых учителей. А в то время, когда все наводили уют в новом доме, Ефим Ефимович повел приехавших учителей к их новому рабочему «месту жительства», – средней школе номер восемь. Можно

подумать, что в селе школ и правда было восемь, а не одна.

Школа была двухэтажной с очень высоким фундаментом, отчего она казалась очень высокой и большой. Своей П-образной формой школа напоминала огромные ворота на школьном стадионе. Вокруг были посажены кусты сирени и фруктовые деревья.

К главному входу пролегала аллея из кустарниковых зарослей. У девушек захватывало дух от того, что они подходили к святыне знаний, которая вскормила ни одно поколение талантливых учеников и дала Родине множество замечательных людей. Запах школы всегда отличался от других запахов в зданиях. Запах школы напоминал запах школьных мелков, запах вымытых хлоркой полов, запах поднятой на переменах учениками, пыли, запах свежей краски, и школьной столовой. Девочки заходили в свою новую школу с благоговением. Им казалось, что, переступая порог школы первый раз в качестве учителей, они клялись верности этому Храму знаний на всю жизнь.

– Девочки! – восторженно сказала Оля Снежко. – Как мне здесь все нравится! Светлая такая школа, окна большие, коридоры– широкие.

Заглядывая в класс, девочки посмотрели на свежевыкрашенную доску и точно такого же цвета полы и дружно засмеялись.

– Осторожно, полы покрашены, не заходите, – испуганно произнес Ефим Ефимович. – Пойдемте в святую святых, – учительскую. – И, обняв рядом стоящих девушек, повел их в «комнату для отдыха», как называли учительскую старожилы школы. – Вы понимаете, главное в школе, – это умение расслабляться. Вам нужно, прежде всего, научиться отдыхать между уроками, как на фронте. Пять минут перемена, и вы брык на диван, кто успел. А кто, – нет, тот на стулья бах и растянулся. Иначе вас намного не хватит. Учителя должны уметь абстрагироваться от своих подопечных. То есть нужно приобрести иммунитет, – это научиться не слышать ни криков, ни шума, ни воплей завистливых коллег. Только один голос вы должны слышать всегда, – это мой, директора школы.

В любой обстановке, только услышите мой голос, сразу бегите мне на помощь. Вдруг родители меня бить начнут или ревнивые мужья моих учителей за волосы таскать будут, – и он провел рукой по своей лысине.

Ефим Ефимович громогласно засмеялся, увидев испуганные лица своих новых коллег, которые еле сдерживали смех, глядя на лысого директора школы с перевязанным глазом.

– Да я шучу. У меня волосы от большого ума повылезали сами, и никто меня здесь не бьет! Я здесь очень уважаемый человек. Вообще село очень любит учителей. Потому что ликвидация безграмотности необходима здесь всем. На нас смотрят как на святых. Учителя сегодня в почете. Родители умные в селе все. Понимают, что только если играть в унисон, можно достичь успехов в воспитании подрастающего поколения. Только глупые люди могут позволить себе обсудить учителя при своих же детях. На селе вообще очень мудрые люди живут, и они прекрасно понимают, что только если за воспитание берутся все вместе, то тогда и будет результат. Ладно, что-то я заболтался с молодежью. Заходите в учительскую и располагайтесь, как вам захочется. Привыкайте к новому месту работы, а я пойду распоряжусь насчет новоселья.

Девочки робко открыли дверь, зашли в учительскую. Перед ними открылась большая длинная комната. Возле стены стоял огромный кожаный диван, по бокам такие же огромные, важные, два кожаных кресла. Возле двух окон стояли в ряд, подперев друг друга, длинные столы. Напротив, – возвышались забитые школьными принадлежностями шкафы. Оля подбежала к огромному кожаному дивану, подпрыгнула возле него и мягко упала на него спиной, провалившись в скрипящую блестящую кожу.

– Какая прелесть! Я целыми днями буду валяться здесь после уроков, отдыхать после тяжелого трудового дня! Какая мощная энергетика! Ощущение такое, будто ты лежишь на прохладном облаке, – смеясь, сказала Оля.

– Ладно, дай я тоже на себя его примерю, – улыбаясь, произнесла Вера Большая.

Она важно присела на диван, как царица на трон. Оглянулась по сторонам и высокомерно произнесла: «Мне кажется, что мы здесь вчетвером не поместимся, я думаю, что в длину он подходит только мне. Все, решено, на нем буду отдыхать только я.».

– А мне и кресла хватит, – укладываясь на кресло в ширину, воскликнула Верочка Маленькая. – Честно сказать, мне очень понравилась школа и село, где мы будем жить.

– Да и мне тоже. А люди, какие хорошие здесь, гостеприимные и очень добрые, – добавила Лидия, самая красивая девушка Украины. – Оль, какая ты молодец, что нас из университета вытащила и сказала нам, – хватит уже штаны протирать, давайте деньги зарабатывать. А мы бы так и сидели за партами, а не за учительским столом, – гордо сказала, присаживаясь за стол возле окна, Лида.

Девочки изучали свое новое рабочее место с интересом. Заглядывали в окна и рассматривали школьный двор с бегающими маленькими человечками, будущими инженерами, врачами, актерами, которые носились по школьному двору и громко смеялись, подгоняя будущее. Вдалеке виднелся красивый зеленый парк и маленькая черная речка, которая называлась Горькая Балка.

«Почему Горькая Балка? – думала Оля. – Она должна называться Красивая Балка! Потому что здесь очень хорошо и красиво!».

Конечно, все понимали, что они начинают самостоятельно примерять на себя взрослую жизнь. А какая она будет? Этого из них никто не знал…

Глава 4

– Оля, а можно я к вам приду чая попить? – спросил, краснея, Евгений Петрович.

– Конечно, приходите, будем рады вас видеть, коллега. Тем более, что вы наш сосед. А мы с соседями живем дружно, даже с Кларой Андреевной, правда, девочки.

– Да и это правда. От нее так воняет, что можно задохнуться, – брезгливо заметила Верочка Маленькая. – Я даже у нее спросила: «А почему от Вас так воняет, это от коз, которых вы держите, или почему?» А она мне ответила:

«Конечно, когда ты мясо ешь, то тебе, видно, не воняет. А то вы, белоручки, кроме своих учебников ничего в руках держать не умеете. А я вон раком все время стою на грядках, с каждого сантиметра по десятке снимаю.». А недавно, она с мужем пришла и стала измерять наш огород. А потом сказала, что мы случайно у нее метр земли оттяпали. Поэтому она должна свой забор перенести ближе к нашему дому. Сказала, что черешню пока мы можем этот год еще собирать. А потом она полностью переходит к ним.

– Нет, а почему они раньше не измеряли землю? Почему сейчас решили, когда дерево у нас уже большое растет? Или они только сейчас узнали, что у них должно быть земли больше, чем у нас? – недовольно спросила Вера Большая.

– Да ладно вам, не нужно жадничать, пусть забирают хоть весь огород. Можно подумать мы будем за ним ухаживать. У нас и времени нет, да и желания, – сказала, смеясь, Оля.

– А я буду в огороде возиться. У нас в Горловке дача была как находка! После городского смога, хочется чайку на свежем воздухе попить и помидорчики с огурчиками свежие собственные сорвать, цветочки полить, одно удовольствие, – задумчиво произнесла Лида.

– А вот у нас в горах, в Карачаево-Черкессии, вообще землю завозили, – подхватил разговор Евгений Петрович. – А если у кого в горах огород был, столько камней на тачке нужно было вывезти, а потом копать замучаешься; но зато если уродит картофель, то картошка вот такая бывает, – и Женя показал двумя руками, представляя картофель, – и добавил: – тридцать сантиметров в длину.

– Ну, ты даешь?! Такой картошки вообще не бывает, – засмеялась Вера Большая.

– Я сама из Белоруссии, так там картошка так картошка! А ты – у нас в горах, у нас в горах!

– Нет, я не вру, я правду говорю, у нас и малина в горах растет как яблоки, правда. А кукуруза так полметра в длину.

Девочки стали смеяться, представляя полуметровую кукурузу.

– А у нас в Молдавии виноград такой, что сразу винные бутылки растут прямо на плантациях, – гоготала во весь голос Верочка Маленькая! – Нет, ну вы и врать все! Я прямо сейчас от смеха умру!

– А я никогда не вру, – сказал обиженно Женя. – У нас правда в горах все очень обильно растет. Там знаешь какие лопухи огромные, что их можно, как зонтик, носить под дождем.

– Жень, не смеши меня, – продолжала смеяться Вера Большая. – Я как представлю ваши горы кавказские… А ты кто по национальности?

– Я– русский, – ответил Женя, допивая чай и кусая свою любимую зеленую мармеладку. – А что, я на нерусского похож? Или ты думаешь, что в горах только нерусские живут?

– Нет, просто ты закончил Черкесское педучилище, значит, ты черкес, – продолжала смеяться Вера большая.

– Ну, пусть будет так. А раз ты из Белоруссии, значит ты, – белорусска? А Верочка Маленькая, – молдаванка. Одна Оля Снежко – русская; хоть фамилия у нее украинская, но она же из России.

– А я – хохлушка по фамилии, – поддержала разговор Оля Снежко. – Это так называется, русская украинка. И не русская, и не украинка, что-то среднее. Но, вообще-то, я вам вот что скажу. Какая разница, какой мы национальности?! Мы прежде всего люди. Мы все очень похожи. Вот смотрите, – у нас у всех два глаза, один нос, один рот, две руки и две ноги. А в душе у каждого живет любовь и чувствуем мы все одинаково: плачем, переживаем, радуемся и даже болеем одинаково! И какая национальность по-другому не переживает смерть близких, потерю родных, голод и жажду.

Так какая разница, кто мы и какой национальности? И страна у нас одна на всех – СССР. Поэтому нас все и боятся, что мы – Союз Советских Социалистических Республик. А по одному нас давно всех перебили. Не дай Бог, вот хоть на секунду представьте, что каждая национальность живет только в своей стране. Ужас ведь, да? Тогда бы, в конце концов, рано или поздно, мы бы стали выходить замуж и жениться на своих родственниках. А это привело бы только к одному – вымиранию нации и в результате к уничтожению людей на Земле.

– Ой, ты меня рассмешила, – смеялась Верочка Маленькая. – Говоришь, что каждая национальность живет в своей собственной

стране! Что и генеральных секретарей будет столько, сколько национальностей, и министров, и правителей? Я такое даже в страшном сне боюсь увидеть. Представляешь, Брежневых будет много и на Украине, и в Белоруссии, и на Кавказе, и в России, не смешите меня, пожалуйста. Зачем нам столько начальства?! Нет, люди все одинаковые, я согласна, только дураками почему-то считают русских.

– А это потому, что русских больше. Поэтому так и кажется, что дураков больше у русских, и плохих людей больше тоже у русских. Хотя на самом деле это вопрос спорный. Плохих национальностей нет. Есть только люди плохие и хорошие у разных национальностей.

Село Горькая Балка было многонациональным, но, ни у кого никогда не возникало даже вопроса, ты кто по национальности. В советское время все были равны, и главная задача для всех была, – построение коммунизма, в котором все люди будут счастливыми, невзирая на их сословие и вероисповедание. А главное, чтобы везде людям разных национальностей жилось одинаково хорошо и в городе, и в деревне.

– Слава Богу, у нас пока один бессменный генеральный секретарь, Леонид Ильич Брежнев, и послушайте, что он говорил о селе, выступая на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, – сказала Оля Снежко, открывая газету «Правда».

– А ты у нас далеко пойдешь, политикой интересуешься? – подмигнула подруге Вера Большая. – Так, что он там болтает?

– Он подчеркнул актуальность проблемы села. Вот что он сказал:

«Важную задачу мы видим также в том, чтобы приблизить тружеников села к городским жителям и по уровню благосостояния, и по культурно-бытовому обслуживанию, и по образу и удобствам жизни. Для нашей страны, где много миллионов людей живет в деревнях, – это задача в одинаковой мере и важная и сложная…».

Село Горькая Балка процветало на Ставрополье. Колхоз имени Ленина был самым успешным. В социалистических соревнованиях всегда побеждал дух коллективизма, который объединял разные слои населения. Все люди были равны: и крестьянин, и рабочий, и интеллигенция, и животноводы, и овощеводы, и правление колхоза, и председатель сельского совета, и сторож дядя Вася. В селе было четырнадцать магазинов, дом быта, кафе-ресторан, Дворец культуры и даже гостиница. Село боролось за звание, – «поселок городского типа». На улицах прокладывали асфальтированные дороги, ставили столбы с

фонарями, чтобы освещать темные сельские улицы. Вечерами ходила вразвалочку сельская дружина с красными повязками. А перед показом фильмов в клубе были танцы под настоящий духовой оркестр.

– Оля, пойдем сегодня в кино? – опустив глаза, предложил Женя.

– Да как-то неудобно, девочки, наверное, тоже хотят пойти, – прошептала ему на ухо Оля.

– А у меня денег на всех девочек не хватит. Я еще зарплату не получил, – сказал покрасневший юноша.

– А у меня есть, давай я тебе дам, а ты всех нас позовешь, – сказала, подмигнув ему, Оля.

– Ладно, а я тебе с зарплаты отдам, – обрадовался Женя и сказал: – Девочки, хотите пойти в кино.

– Ура! Конечно, хотим, а ты нас что, приглашаешь? – запрыгала Верочка Маленькая.

– Да, мы вас с Олей приглашаем.

– Девочки, а у нас уже парочка объявилась. Женя и Оля – жених и невеста, тили-тили-тесто! – продолжала пританцовывать Верочка Маленькая.

– Верочка, я тебе сейчас отшлепаю, – засмеялась Оля. – Вот сейчас догоню и отлуплю, как в общаге. Мы просто друзья с Женей. А никакие не жених и невеста. Скажи ей, Жень!

– А я бы и не против был «жениха и невесты», мне нравится, что нас так называют. Но если ты против, тогда лучше, Верочка, послушай мою невесту.

– Конечно она не будет против. Ты ей тоже нравишься, – кричала убегающая Верочка.

– Ну, Верка, держись, теперь я тебе точно язык вырву.

– Хватит бегать по дому друг за другом, как маленькие, – закричала учительским тоном Вера Большая. – А еще педагогами себя называют. Давайте быстрее собираться в кино, нужно еще потанцевать успеть. Вот там и посоревнуетесь.

Выбегая на свежий воздух, девушки не заметили во дворе у соседки Клары Андреевны мужчину, который встречал их на вокзале, спрятавшись за дерево. Мужчина, как всегда, зло сплюнув, произнес с диким акцентом.

– Какого черта их поселили рядом с тобой?

– Да я сама в шоке, что председатель колхоза отдал им самый лучший дом в селе, – произнесла возмущенно Клара Андреевна.

– Ну, ничего, будь поосторожней и смотри за ними в оба! – произнес незнакомец, зло прищурившись, провожая смеющихся девушек злым взглядом.

Глава 5

Музыка «Утомленное солнце нежно с морем прощалось…» звучала до самой окраины села. Темная ночь мягко окутывала медленно идущих молодых и красивых учителей. Она защищала их неокрепшие, нетронутые трудностями души, и подготавливала их к будущей суровой учительской жизни.

Сердца бились в такт звучащей музыке, и на душе было одновременно тревожно и спокойно. Что ждет их впереди? Какие трудности и неприятности подстерегают их на жизненном пути? Встречи с какими учениками их ждут? Справятся они с таким важным делом на земле, – воспитанием детей? А их будущие ученики давно спят и видят десятые сны. И в своих детских снах они видят красивых молодых учителей, которые научат их любить, творить и жить…

Красивый голос певицы пробирался все глубже и глубже в души приближающихся к сельскому клубу учителей. Они дружно подхватили любимую песню: «В этот час ты призналась, что нет любви…».

Вдалеке виднелись силуэты молодых людей, которые подпирали фонари с уличным освещением. Сельская молодежь с наступлением темноты, после тяжелого рабочего дня, искупавшись и пахнув свежим модным одеколоном «Шипр», стояли, подперев стенки клуба, в ожидании своих будущих невест и жен. Птицы в центральном парке, испуганно прокричав от внезапно подошедших и смеющихся молодых людей, взлетели в темное небо и, кружась, продолжали танцевать в такт звучащей музыке. Новые жители села, вновь прибывшие учителя, подходили к местным жителям, улыбаясь. Молодые парни оживились, увидев красивых девушек в сопровождении Евгения Петровича Черкашина.

– Привет, Жень, а не много тебе одному столько невест? Ты бы поделился, познакомил, – сказал высокий симпатичный юноша, который стоял перед входом в клуб.

– С удовольствием познакомлю, – ответил, улыбаясь, Женя. – Знакомься, это наши молодые учителя: комсомолки, умницы и просто красавицы! Вот моя невеста, Оля Снежко, а это ее подруги: две Верочки и Лида. Девочки, а это Вася Гуляев, наш ветеринарный врач, местный ловелас и мой лучший друг.

– Почему это я ловелас? – спросил, улыбаясь, высокий чернявый парень, который, протянул руку, почему-то Оле Снежко. – Вы, красавица, его не слушайте, и замуж, если надумаете выходить, не вздумайте выходить за него. Лучше за

меня выходите. Всегда с мясом будете.

– Девочки, предупреждаю! Будьте с ним поосторожней. Прикармливает сначала, а потом бросает! – засмеялся Женя. – Знакомьтесь, еще один кандидат в женихи, – Александр Петров. Он второй человек после председателя колхоза, потому что он его личный шофер.

И Женя показал на красивого русоволосого парня, который небрежно держал сигарету в зубах и ухмылялся.

– Да я не второй. Я вообще первый парень на деревне, потому что его жизнь в моих руках, – высокомерно произнес красивый юноша.

Лида Николаенко смотрела на юношу, не отрываясь. Уверенный в себе молодой человек внушал ей доверие и спокойствие. Девочка из учительской семьи, папа – директор школы, мама – учительница словесности. Они всегда воспитывали свою дочь на ярких примерах литературных героев: Наташи Ростовой, Машеньки из «Дубровского». Интеллигентные люди окружали ее с детства. Она никогда не видела «первых парней на деревне», и смотрела своими красивыми карими глазами на Александра Петрова, не отрываясь.

Совершенно другие молодые люди всегда были примером для воспитанной девушки. Но Лида не могла отвести взгляд от спокойного молодого человека, так отличающегося от всей ее семьи и ее окружения. Александр стоял высокомерно, глядя, сверху вниз на городских девушек, и усмехался, рассматривая их с головы до ног.

– Вы что-то очень худоваты? – спросил он брезгливо. – Вообще не похожи на наших девчат. У нас они все кровь с молоком, а вы, наверное, и корову доить не умеете?

– А ты, наверное, в слове «мир» десять ошибок делаешь? – быстро ответила Маленькая Верочка. – Тоже мне показатель-корову доить. Да я, если захочу, быстро научусь, только зачем мне это? Каждый должен заниматься своим делом. Вот ты водишь машину, и води, и извини меня, что я с тобой сразу на «ты», не обижаешься на меня? А то, может быть, мне к вам по имени отчеству обращаться, раз вы «первый парень на деревне»?

– А ты наглая. Наверное, тоже деревенская. Вот эта, – и он показал на Лиду, – сразу видно, городская, стоит и ветром ее расшатывает. А ты прям на нашу похожа, на горькобалковскую. Ты – пухленькая, и палец в рот тебе не клади.

– Да я всю жизнь в Москве прожила, деревня, – пошутила Верочка Маленькая. – А ты мало того, что в слове «мир» десять ошибок делаешь, так еще и в людях не разбираешься, – продолжала смеяться Верочка Маленькая.

– А ты откуда знаешь, что я ошибки делаю? Может, я отличником в школе был. Только в армию пошел сразу, а не в институт, потому что настоящий мужик!

– Ладно, хватит вам болтать всякую ерунду, – включилась в разговор Вера Большая.

– Давайте мне жениха подбирать. Ветеринар Васька Гуляев отпадает, меня подкармливать не нужно, я дальше расти не собираюсь. А кто у вас тут самый высокий? Мне нужен муж два с половиной метра. Есть такой.

– Есть. Наш зоотехник Юрка. Он как раз два с половиной метра, только в ширину. Так что тебе как раз подойдет, по пупок тебе будет, – сказал Вася Гуляев, смеясь.

– Саша, а где Петр-комбайнер? – спросил Женя. – Он же у нас баскетболист. У него рост два метра восемь сантиметров. Он знаешь, как в комбайне сидит всю смену? Буквой «ЗЮ». И выходит с работы, правда, этой самой буквой! Так до дому и идет, не разгибаясь.

– Вот спасибо, Женечка. Ты – настоящий друг. Один ты знаешь, какой мне муж нужен. Чтобы он ко мне с поклоном подходил, как к царице, и слушался меня.

– Так это не про Петра-комбайнера разговор, – возмутился Александр. – Он, когда выпрямится, так сразу всех и пошлет подальше! Женек не знает, какой тебе муж нужен, а я знаю. Тебе нужен такой муж, который будет среди ночи конфеты в соседний город бегать покупать. Так это наш зоотехник, Юрка. Он тебе будет по пояс, но зато ласковый. А тебе именно такой и нужен. Ты – большая и строгая. Даже мне страшно становится, ну у тебя и взгляд! Ну прям, как у нашего председателя колхоза, когда он на меня на пьяного смотрит. А наш Юра ничего и никого не боится. Даже председателя колхоза, поэтому и тебя не напугается. А вот эта городская, что с меня глаз не сводит, – показал он на Лиду, – вот она мне подходит. Она красивая, и коса у нее очень богатая. Я ее раскормлю, и будет она как наша деревенская пышечка.

– А мне жениха нашли? – спросила сердито Ольга Снежко.

– А тебя никто и не рассматривает, раз тебя Женька уже себе забрал. У нас знаешь как в деревне. Мужик у мужика никогда подругу не заберет. А вот бабы у нас так и норовят из-под носа друг у друга увести, – зло сказал Сашка Петров.

– Оля, а я что тебе, совсем не нравлюсь? – спросил Женя удивленно.

– Нравишься, но ты же молодой еще очень. Ты же на пять лет меня младше. Так не бывает, чтобы муж жены младше был.

– Прям не бывает, – ответил Женя. – Ты знаешь, моя бабушка старше своего мужа была на десять лет. Она была Кононенко по

фамилии, а замуж вышла за Коваленко. Так он в Гражданскую войну погиб. А она говорит соседям: «Ой, я так мертвых боюсь, я его хоронить не буду». Так соседи и хоронили его сами, представляешь?

– Во, Ольга, ты видишь к чему он клонит, – опять подхватил разговор Вася Гуляев. – Если ты всего на пять лет старше, так, может, сама его похоронишь, он на десять лет точно старше себя жену не возьмет, чтоб соседи не хоронили.

– Нет, я не поэтому Олю выбрал. А потому, что по душе она мне. Она хоть бы и на десять лет старше меня была, все равно чувствую я, что мы с ней одно целое.

– Ладно, уговорил, выхожу за тебя замуж, – сказала Оля. – А то так танцевать хочется, что просто сил нет. Пошли, девочки, потанцуем, и так мало времени осталось, скоро уже фильм начнется.

Ребята дружно поддержали ее предложение, и пошли танцевать твист. Ритмичная музыка приглашала их присоединиться к танцующим.

Вася Гуляев, подмигивая девушкам и строя смешные рожицы, пустился в пляс под всеми любимую музыку: «Говорят, не повезет, если черный кот дорогу перейдет, а пока наоборот только черному коту и не везет…».

Он вообще был очень веселым молодым человеком. Он так же, как и Саша Петров, был уроженцем села Горькая Балка. И его обожали все жители села. Если у кого-то заболело любимое животное в стойле, все знали, что Вася придет и вылечит. Толковый молодой специалист был ровесником девушек учителей и сразу стал им как брат. С ним было не страшно ходить по селу, потому что его все знали и уважали, и девочки знали точно, что их никто в селе не обидит.

Танцевальный зал был огромный и светлый от ярких люстр, которые висели и украшали высокие потолки клуба. Фигурная лепнина в виде разнообразных ромашек, была разбросана по белому полю потолка, скульптурные украшения обрамляли хрустальные переливающиеся люстры. Бриллиантовые блики весело подмигивали друг другу и танцевали с молодежью.

Девушки, кокетливо поднимая головы, разглядывали не только молодых и интересных мужчин, но и эти красивые люстры, а также картины, украшавшие стены холла. Особенно вписывалась в эту великолепную «царскую залу», картина во всю стену, которая висела напротив входа. Это была картина «Ходаки к Ленину». Бросались в глаза белоснежные простыни, покрывавшие стулья, и одетый с иголочки, в красивый костюм-тройку, – Владимир Ильич Ленин, со своей неизменной харизмой.

В контрасте с ним, – грязные, в тулупах, небритые, с длинными неопрятными бородами селяне. Они немым укором напоминали танцующим молодым людям, что они должны всегда помнить: кто дал им, безмятежно танцующим и безнадежно влюбляющимся, эту спокойную жизнь с веселыми танцами под настоящий духовой оркестр?

Молодежь понимающе улыбалась, танцевала и ждала начало просмотра модного «индийского» кино. Оркестр жил отдельной жизнью в сторонке, дабы не привлекать внимание, и не быть отвлекающим маневром для подмигивающих друг другу молодых людей…

Глава 6

– Девочки, посмотрите, пожалуйста, можно в этом платье идти на первое сентября в школу? – спросила Оля, кружась перед зеркалом.

– Почему нельзя? Можно. Ты в нем как Софи Лорен. Талия осиная, платье пышное, ножки тонюсенькие, – сказала Маленькая Верочка, смеясь. – Вон вчера как ты этими ножками выплясывала перед Женькой, чуть не сломала их совсем.

– Как тонкие? У меня очень красивые ноги. Завидуют молча. Сама вон тоже в платье влезла. Костюм не надеваешь. А насчет Жени успокойся. Мы просто друзья.

– Конечно, друзья. Мы видели вчера, как вы друг на друга насмотреться не могли. А костюм не надеваю, потому что жарко сегодня в костюме. Вроде бы первый день осени, а жара здесь такая, что дышать нечем, ужас, – сказала, вытираясь платочком, Верочка Маленькая.

– Это оттого дышать нечем, что пояс туго затянула, – засмеялась Оля.

– А сама? Того и гляди рухнешь без сознания, Софи Лорен.

– Девочки, а я в отличие от вас, пойду в костюме, – сказала гордо Лида. – Вообще вы знаете, что интеллигентные люди одеваются не по погоде, а по сезону?

– Ну, мы, во-первых, сельская интеллигенция. Во-вторых, красота спасет мир, а, в-третьих, у нас папашей-директоров нет, чтобы нам венгерские костюмы покупали, – сказала Вера Большая.

– Ну и что, а я перешила у модистки мамино пальто, и у меня получился костюм не хуже, чем венгерский, смотрите!

И Верочка Маленькая продемонстрировала свою обновку из драпа.

– Ой, и правда классный получился! Но в нем тебе, Верунчик, придется ходить в школу только зимой и притом без верхней одежды, – громко засмеялась Вера Большая.

– Так, прекратили! Не одежда украшает человека, а человек одежду, – сказала строго Оля Снежко. – Вы сегодня идете на свой первый самостоятельный урок и не об этом должны думать. Вы должны думать о своих первых учениках и знаниях, которые вы им подарите.

– Правильно, Оля! Так, постройтесь, в шеренгу! – строго произнесла учительским тоном Вера Большая. – Я вас сейчас буду учить, как вы должны будете знакомиться со своими воспитанниками.

– Ой, тоже мне учителя с опытом, одна с тоненькими ножками, другая с голосом тюремщика, – засмеялась Верочка Маленькая.

– И правда, можно подумать, мы не все учились в одном университете, – подхватила разговор Лида Николаенко. – Вот я вам расскажу один секрет папиного друга, старого педагога: никогда не нужно показывать ученикам, что мы их боимся, иначе они в нас засомневаются и в наших знаниях усомнятся.

– Поэтому я зайду в класс, как тюремный надзиратель, чтоб у них аж поджилки затряслись! – закричала Вера Большая.

– Ужас! Мы должны любить учеников, а не пугать их, – сказала Лида. – Мой папа ни одного грубого слова никому не сказал. Он мог только молча глянуть, и ученики уже плакали от стыда.

– Вот это хороший секрет опытного педагога. Теперь давайте сядем на дорожку, вздохнем и пойдем в новую жизнь, – сказала Оля Снежко.

И первая уселась на спинку дивана. Девочки заняли места рядом с нею, вздохнули, и, широко раскрыв дверь дома, вышли в направлении своей любимой новой школы.

Они шли медленно и важно, распугивая не менее важных уток, которые паслись на стадионе. Идти в обход им совсем не хотелось, и они, по очереди наклоняясь, вышли через дырку в штакетнике. Две доски были вырваны в заборе. И получалась такая импровизированная дверь-окно в их будущую новую жизнь

«…Школьные годы чудесные с книгою, с дружбою, с песнею. Как они быстро летят, их не воротишь назад. Нет, не воротит никто никогда школьные годы…», – доносилось со стороны школы.

– Девочки, я что-то боюсь. У меня такое волнение, как-будто у меня ничего не получится, – теребя руками папку с тетрадями, сказала Верочка Маленькая.

– Не ной, все у нас получится. Взяла себя в руки и пошла уверенной походкой на свою новую работу, – сказала громко Вера Большая. – Вот от кого не ожидала, так это от тебя. Хватит ныть!

– Самое главное, не забывайте, что мы не должны подвести наш университет, – сказала Оля серьезно. Затем остановилась и добавила: – А наш Вуз давно заработал себе имя, и наша задача только не опозорить его и весь преподавательский состав, который дал нам самые лучшие знания предмета.

Мы с Лидой учителя русского языка и литературы, а вы, обе Верочки, – математики. И мы все, – учителя с большой буквы! Запомните это раз и навсегда!

– А я– учитель начальных классов, – подхватил разговор

догнавший их Женя.

– Ой, а ты такой красивый, Женька, – закричали девочки. – И тебе галстук очень к лицу! А костюм какой! Ты очень похож на дипломата зарубежного. Женя, ты у нас как артист!

– Оля, а тебе правда нравится? – спросил, немного смущаясь.

– Правда! Очень, очень! Ты похож на моего любимого индийского актера, – Раджа Капура, это точно!

– Любимого! Девочки, вы слышали? Оля сказала: «На любимого». Она меня любит. Все! Значит, будем играть свадьбу! Прямо на День учителя, в октябре, ровно через месяц.

– Давай, давай, так хочется на свадьбе погулять и заодно отпраздновать нашу новую педагогическую деятельность! – сказали девочки, и зашли в прохладу сельской школы, с ее незабываемым переливом детских голосов.

Под музыку они вывели своих учеников на торжественную линейку, которая останется у каждой из них в памяти на всю жизнь, потому что это их первая самостоятельная линейка в качестве учителей школы! А сколько их еще будет впереди!

Ученики стояли в ряд ровным прямоугольником во дворе школы. Белые накрахмаленные банты покачивались на красивых головках учениц. Мальчишки прятались от жары под своими огромными букетами цветов из Гладиолусов. Все стояли в ожидании начала школьной линейки. Зазвучал гимн Советского союза, подняли красный флаг всех пятнадцати республик.

– С праздником вас, друзья! – зазвучал из рупора голос Ефима Ефимовича. – С первым днем знаний! Новых побед в учебе и в труде! Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик! Запели родной, гордый гимн сильной страны: «Союз нерушимый республик свободных…». И у всех почему-то выступили слезы радости и гордости за мощную державу под названием, – Родина!

Первоклассники плакали от волнения, что они уже стали взрослыми, и выпускники плакали от того же. А у родителей первоклассников и у родителей выпускников лились слезы, – ведь их дети так незаметно выросли.

«…Как они быстро летят, их не воротишь назад, школьные годы…»

Вытирая слезы, старшеклассники бежали со своими красивыми букетами к любимым учителям. Глядя на них, первоклашки, счастливые, повторяли все за ними и, не понимали, почему те плачут.

«Ведь так радостно избавится от тяжелых букетов цветов»– думали они.

Маленькие человечки, веселые и свободные от непривычной

ноши, начинали дергать за косички своих любимых одноклассниц, чтобы привлечь их внимание к своей персоне, а те, в свою очередь, высовывали языки и дразнили мальчишек, которые им нравятся.

– Первое сентября! Самое настоящее ваше учительское первое сентября! – заговорщически сказала Людмила Егоровна, тихо подойдя к девочкам. – Нужно обязательно обмыть это событие! Скидываемся по трояку. И на закуску сразу. Все собираемся у меня дома в пять часов вечера, прием?!

– Прием, прием! – ответили на позывной девчата.

Они уже начали привыкать к традициям их дружной учительской семьи. Людмила Егоровна Вышакова жила через дом от дома молодых учителей. Она слыла очень хорошей хозяйкой. У нее в закромах всегда было много солений, которые она искусно готовила летом и кормила весь дружный коллектив зимой. Людмила Егоровна вообще была прирожденным лидером. Самым настоящим профсоюзным босом.

Владимир Владимирович, ее муж, учитель рисования и пения, души не чаял в своей жене. Любил ее так, что этой семье можно было позавидовать. Весь дом был увешан портретами любимой жены. У них родились две дочки: Лена и Люба. Лене было десять лет, Любе – пять. Они всей дружной семьей занимались художественной самодеятельностью. Как пел Владимир Владимирович, не пел никто. Такого божественного голоса ни у кого не было. Силища у голоса была такая, что когда он затягивал одну за другой песню, его слышали в соседних селах. А когда они пели всей семьей, то даже и в краевом центре, наверное, было их слышно.

Людмила Егоровна считалась лучшим учителем математики в крае. «Лирики и физики», – так называли их в селе Горькая Балка. Семья была очень талантливая и дружная. Во времянке с ними жила старенькая мама Владимира Владимировича, которая была всегда и всем недовольна. Никто и никогда не видел ее улыбающейся. Она придерживалась очень строгих правил в воспитании детей и внуков, но к традициям этой молодой семьи относилась с пониманием.

– Пусть лучше у меня на глазах, чем где попало…» – частенько говорила она, сидя на скамейке.

Сама Людмила Егоровна отличалась от всех неизменной харизмой и была родом из соседнего провинциального городка Зеленокумск. Она часто отвозила туда детей на выходные. А потом забирала их перед школой. Семья Вышаковых была душой коллектива учителей. Все праздники, включая дни рождения, проходили у них во дворе, под яблоней.

Там стоял огромный стол и сбитые деревянные лавки. На улице также находилась глиняная печка. На ней всегда жарили шашлыки. Сад был очень большой, росло много разнообразных фруктовых деревьев, урожай, которых забирали все, кто хотел запастись на зиму фруктами и не ленился. Учителя очень любили собираться у них в гостях. Эти посиделки напоминали семейные дружные застолья, – с песнями, плясками, анекдотами.

А заодно проводился кастинг для вновь прибывших в коллектив, своего рода проверка на прочность. Человека подпаивали, снимали с него маску и смотрели, чем он дышит, чем интересуется, чем живет. После таких посиделок многие увольнялись с работы, потому что им было стыдно, что они экзамен завалили…

– Девочки, мы вас заждались. Давайте подсаживайтесь, сейчас Ефим Ефимович подойдет. Так, с первым рабочим днем вас! Наливайте им по полной, – штрафной. Пусть курс молодого бойца пройдут, – смеялась Людмила Егоровна, когда вновь прибывшие учителя усаживались под яблоней.

– Оля, я не поняла, как это ты совсем не пьешь? – слышался возмущенный голос хозяйки. – Какая аллергия? Ты нас не пугай. Аллергия – это что-то новенькое. Вообще на спиртное, даже на пиво? Да, это ужасно! Тогда пусть за тебя твой дружок выпьет. Жень, давай, покажи класс! Как я тебя учила? Вот так воздуха набирай, а потом пей вместе с воздухом. А теперь давай выдыхай. Вот так, правильно. Набираешь воздуха полную грудь, потом выпиваешь, а потом уже выдыхаешь. А то все по старинке пьют неправильно. Выдохнут воздушную пробку, которая смягчает градусы, выпьют, – и бегом дышать! Это неправильно! Вот оставайтесь у меня все жить, я вас научу пить! Кроме, конечно, аллергиков! Жень, и что ты в ней нашел? Худая, не пьет. Тебе нужно другую срочно найти. А то заладил, – любовь да любовь! Оля, а ты к нам надолго приехала учительствовать? Или так побаловаться, а потом опять в свою Москву рванешь?

– Насовсем. А что-то не так? Иль ко двору не пришлась? Не пью, не курю, ужас, да?

– Да уж, конечно ужас! Темная лошадка, не знаешь, что от тебя ждать. Ты, Евгений лучше подальше от нее держись. А то заведет тебя твоя любовь незнамо куда.

– Людмила Егоровна, вы меня извините, но мы уж как-нибудь сами разберемся, – резко перебил ее Женя Черкашин.

– Да и то правда, ты поумерь свой пыл, Людмила! – сердито сказал подошедший Ефим Ефимович, – Не твое это дело, молодых осуждать. Ты вот что мне скажи, сама-то давно слушать старших перестала? А то, что она не пьет, так это ей плюс. А ты

нервничаешь, что не можешь ее под свой каблук засунуть. Ребята, совет вам да любовь. А если нужно, мы вам такую свадьбу справим, настоящую, комсомольскую! Людмила, давай запевай лучше! Ах, эта свадьба, свадьба, пела и плясала…

Оля сидела и думала:

– Да какая свадьба?! Завтра первый рабочий день. Первый в жизни урок! Первое настоящее взрослое дело.

Глава 7

Ольга Семеновна Снежко подходила к расписанию уроков на ватных ногах. Дети сновали туда-сюда. Раздавались басистые голоса старшеклассников, радостные щебечущие голоски учеников начальных классов, а между ними слышны были пискляво-грубые голоса среднего звена.

Вся эта вакханалия вперемешку создавала единое целое одного растущего организма под названием, – «школа». Только в этом учебном заведении можно было услышать именно такое разнообразие голосов, которое звучало одновременно и напоминало улей радующихся пчел.

Изредка слышались покрикивания уборщиц и учителей, которые врывались в идеальную атмосферу одновременного рассказывания последних новостей и непрекращающегося смеха. Ученики как будто пытались успеть наговориться на переменах после трудного сорокапятиминутного молчания. Они совершенно не замечали выкрикивающих замечаний классных руководителей: «Петров, не бегай по коридору! Иванов, перестань орать! Перепелкин, не обижай младших!».

Оля с трудом пробралась к расписанию уроков с блокнотом в руке. Она аккуратно записывала: русский язык, первый урок, 8 «Б» класс – пятнадцатый кабинет. Рука, записывающая уроки и кабинеты, предательски дрожала.

– Не бойся, – шепнул ей на ухо, подошедший к расписанию Женя. – Я тоже боюсь, но главное не показать виду, что тебя что-то смущает. Главное заходи уверенно в класс. Ты все знаешь, а ученики ничего. И одна надежда только на тебя, что ты с ними поделишься своими знаниями, которые получила в университете. Пойдем, я тебя провожу до кабинета. Смотри, как я научился распознавать, где в каком крыле находятся кабинеты. Вот видишь, в школе две лестницы, – слева и справа. Дели школу на две части. Первый этаж принадлежит начальной школе, а второй и третий, – средней. Десять кабинетов на первом этаже. Пять слева и пять справа. На втором этаже тоже десять, начинаются они с одиннадцатого кабинета. Если тебе нужен пятнадцатый кабинет, то он, значит, на втором этаже ровно посередине и тебе можно подниматься по лестнице, хоть справа, хоть слева. Куда пойдем?

– Пойдем направо. Ведь наше дело правое, правое, правое, – подпела Оля своему новому другу. – Мне уже и правда не так страшно, спасибо. Но лучше поднимемся вместе.

Оля взяла Женю под руку, он сильно прижал ее руку к себе, и они пошли по коридору к лестнице справа.

Школа жила своей веселой жизнью: радовалась крикам учеников, радовалась новым учителями, конечно, новым завязывающимся отношениям между учениками и учителями. Учителем нужно родиться. Нужно очень любить эту трудную профессию. Такую нужную и такую ответственную работу. Потому что от твоего отношения к своему труду, зависит очень многое.

Ты, – пример для подражания! Ты – вся будущая жизнь своих учеников! Ты – путеводитель! Многих людей забудут, а первого учителя помнят все! И ты не имеешь права на фальшь. Дети очень чувствуют несправедливость бытия.

И если ты не достоин быть учителем, то лучше и не начинай им быть. По большому счету, не так уж сложно оставаться самим собой. В школе учитель должен быть образцом для подражания. В учителе все должно быть прекрасным, – и дела, и мысли, и поступки! И, конечно, внешняя составляющая.

Очень трудно быть во всем безупречным. Учителям должны платить баснословные зарплаты, чтобы они соответствовали образцу для подражания, а не ходили на работу в рваных колготках, стоптанных сапогах и совсем без причесок. И не потому, что у преподавателей нет свободного времени на то, чтобы следить за собой, а оттого, что у них нет денег, для достойного существования, не говоря уже о жизни!

Вчерашний выпускник педагогического училища Евгений Петрович Черкашин собирал все свои стипендии на последнем курсе, чтобы купить себе красивый, достойный костюм. И это ничего, что он недоедал. И это ничего, что сидел до ночи в библиотеке, потому что не на что было купить учебники. И это ничего, что его мама и бабушка тянулись из последних сил, чтобы выучить свою единственную опору и надежду. Об очном отделении пединститута не могло быть и речи. Слава Богу, что наконец-то, он осилил педучилище после 8 класса, и окончил его с красным дипломом.

Сразу после окончания педучилища, он поехал и поступил в пединститут на исторический факультет заочного отделения. И ему нужно было заработать побольше денег, чтобы помогать маме и бабушке и самому себе, для того, чтобы получить высшее образование.

Любовь настигла его в маленьком южном селе Горькая Балка. Любовь с первого взгляда и с первой ступеньки автобуса, на которую ступила маленькая ножка Оли Снежко, когда она приехала с подругами «поднимать грамотность у населения села». Любовь сыграла свою роковую роль. Женя не мог оторвать глаз от красавицы в воздушном нежно– голубом шифоновом платье в белый горошек. Платье очень подходило под цвет ее небесных

глаз!

«Она само Божество!»– подумал он, глядя на свою судьбу.

Других девушек он даже и не заметил. Он знал одно точно, – это приехала его будущая жена и мать его будущих детей…

– Женя, спасибо большое, что проводил, – прервал его размышления голос Ольги.

– Вот он, пятнадцатый кабинет, – сказала она, ласково глядя на друга, – Пожелай мне ни пуха ни пера!

– Ни пуха ни пера! У тебя все получится! Уверенность, и только уверенность в себе и во мне!

Женя огляделся вокруг и громко произнес ученикам, которые стояли возле двери класса:

– В кабинет не входить! Только после того, как позовет вас учитель, понятно? Учитель тоже должен подготовиться к уроку!

И он важно открыл дверь, пропуская Олю в класс. Он подмигнул ей и закрыл за нею дверь.

Первый урок Оля провела на одном дыхании. Она никогда его не забудет: она никогда не забудет, как с интересом рассматривали ее тридцать пять учеников. Как сидели они, сложа руки на парте, как внимательно ее слушали, когда она объясняла новый урок. И как будто, по мановению волшебной палочки, они дружно брались за авторучки и записывали правила под ее диктовку в тетрадь. Ощущение было такое, что ты правишь всем миром, что ты дирижер большого детского оркестра!

Ты – путеводитель, который указывает путь от темного безграмотного прошлого к светлому все побеждающему будущему! Объясняя новый материал, Оля старалась охватить вниманием всех учеников. Она проходила между рядов и, если видела, что кто-то ее не понял, старалась снова объяснить своим ученикам правила, которые пригодятся им в дальнейшей жизни и работе.

– Без русского языка не обойтись нигде. Если ты живешь в России, ты обязан знать свой родной язык в совершенстве. Ты даже заявление о приеме на работу не имеешь права написать с ошибками. Знание русского языка вызывает уважение у коллег на любом поприще, где бы ты ни работал, – повторяла она своим ученикам прописные истины.

Вызвав нескольких учеников к доске и разобрав, написанную фразу, по членам предложения, она увидела, что ребята все поняли правильно. В этот момент Оля почувствовала такую радость от положительного результата своего труда! И поняла одно, – она не зря прожила этот день! И что ее выбор профессии самый правильный на свете!

Чуть не прыгая от радости, она возвращалась счастливая

домой.

– Я – молодец! Я – справилась! И ничего здесь трудного нет. Ученики – ангелы! О какой дисциплине нам все время твердили в университете?! – спрашивала себя веселая Ольга. – Дисциплина, и только дисциплина – успех усвоения нового учебного материала! Да, дети слушали меня с открытыми ртами и вообще не шумели и не разговаривали. Работать учителем очень даже легко. Главное, чтобы ученики тебя понимали, когда ты им объясняешь новый урок, и все! Потом проверить, все ли разобрались с новым материалом, а если кто не понял, еще раз объяснить, пока не поймут все! Какая у нас легкая профессия! Самая любимая на свете, а за нее еще и деньги платят!

Когда Оля зашла в дом, она сразу не поняла, что происходит. Громкие вопли подруги Верочки Маленькой испугали ее. Маленькая Верочка лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку, и плакала навзрыд! Она причитала в голос что-то несвязное, девочки пытались подать ей кружку с успокоительным, но она отмахивалась от них и продолжала рыдать.

– Что случилось? – спросила испуганная Оля. – Почему она плачет? Кто ее обидел?

– Да кто-кто?! Ученики урок ей сорвали! Говорит, и улюлюкали, и тряпкой с мелом бросались. В общем, бесились на уроке, как хотели. А она, опыта еще мало, не справилась. И по-хорошему хотела, и по-плохому пробовала. В общем, как учили, – все делала. Но не справилась. Ефим Ефимович свои владения обходил, ну и спас ее.

– Он ее тоже успокаивал, а она больше на уроки свои не пошла. Весь день прорыдала, – сказала Вера Большая, протягивая стакан с валерьянкой.

– Верунчик, ты это брось! На уроки ходить нужно, – успокаивала подругу Оля.

– Вот меня тоже испытывали и тоже улюлюкали, – соврала Оля. – А я давай с ними тоже улюлюкать, и тряпку тоже взяла и бросила в самого отъявленного хулигана. А потом его потихоньку схватила и затащила в лаборантскую. У меня урок в кабинете химии был. Да и говорю ему на ухо: «Видишь, у меня не получается, а так не хочется в институт возвращаться. Вижу ты у них за главного! Давай мне поможешь, и будем мы их с тобой вместе учить. Ты будешь за дисциплиной следить, главный по ней будешь, а я буду за знания отвечать!». Ты попробуй завтра тоже так сделать. Вот увидишь, сразу толк будет!

– У тебя правда тоже так себя вели ученики? – спросила Верочка, вытирая слезы.

– Правда, дети же все одинаковые. И уроки для них

одинаково неинтересные, будь – то математика или русский.

– Точно! – поддержала разговор Вера Большая. – А мои мне такое устроили! Говорят: «А вы тоже молодая учительница? А по вам прям не скажешь. Вы, говорят, больше на милиционера похожи, на дядю Степу Великана!» И как заржут, вот изверги. Можно подумать, что им знания не нужны совсем. Эти деревенские вообще стыд потеряли, разговаривают с учителями, как с подружками! А я как стукну кулаком по столу и говорю: «Всё, завтра все с родителями за одной партой сидеть будете, пусть они вас дисциплине научат.». Так они сразу как шелковые стали! Ничего мы еще посмотрим: кто кого? – продолжала махать кулаком Вера Большая.

– Девочки, у вас правда у всех так было, как и у меня? – стала успокаиваться Верочка Маленькая. – А где наша Лида? Она еще не пришла?

– Ее, наверное, уже и убили эти детишки, – сказала, засовывая кусочек свежеиспеченного хлеба в рот, Вера Большая.

– Я тоже так есть хочу, – отрезая себе горбушку, произнесла Оля. – А хлеб здешний такой вкусный. Совершенно не похож на наш городской. Он такой пахучий, и с корочкой оранжевой. Горячий, только что из печи. Говорят, из местной пекарни, только что привезли. Я не устояла и тоже купила. Вот это правда! Хлеб всему голова! Давайте поедим все вместе. Сейчас яичницу пожарю с салом и с помидорами. Там, кажется, в бурьяне помидоры поспели, хорошо хоть, от бывших хозяев еще остались. Нам нужно тоже сажать на следующий год.

– Верочка, нарви, пожалуйста, помидорчиков, может, там и огурчиков раздобудешь, – обратилась она к плачущей подруге. – А я пока сало порежу.

Верочка встала, утирая слезы и шмыгая носом, пошла в огород за помидорами, недовольно бурча себе под нос:

– Как же, раздобудешь?! У Клары Андреевны, что ли, под проценты? За килограмм, отдадим десять на следующий год, – продолжала ворчать Верочка Маленькая, постепенно успокаиваясь.

– Смотри, вроде бы отходит, шутить начала, – шепотом сказала Оля. – А правда, где Лида?

– Да ты понимаешь Оля, наша Лидуся влюбилась в этого шоферишку, Сашку Петрова, что председателя колхоза возит. Ну он в вечернюю школу ходит. Вот она и согласилась еще и в вечерней школе подрабатывать ради него.

– Ой, я тоже хочу подрабатывать. Мне деньги очень нужны. Мне нужно родителям помочь еще двух сестер выучить. А денег, как всегда, не хватает. Вот папа мой и кричит на нас: «Идите

работать, лодыри, нечего штаны просиживать. Жаль, говорит, что одни девки в доме, был бы хоть один мужик, так мы бы с ним весь мир перевернули.». А мама смотрит на него и говорит: «Нам тебя одного очень даже достаточно.». Он у нас гулена каких поискать, – рассказывала Оля, жаря свое любимое блюдо: яичницу с помидорами.

– Верунчик! Подрежь еще помидорчиков, люблю, когда она сочная бывает. Вера, а ты в вечерней школе будешь с нами подрабатывать?

– Да, можно. Взрослых учить легче, чем этих малолетних дебилов!

– Ты, главное, уверенно заходи в класс и никого не бойся. Все равно ты во сто раз больше знаешь, чем они. Вот и поделись с ними своими знаниями, – гордо произносила каждое слово Оля Снежко, повторяя слова Евгения Петровича Черкашина. – Интересно, как там у Жени урок прошел?

– Ой, да вы же еще не знаете, – засмеялась Верочка Маленькая, подбегая к Оле. – Ефим Ефимович мне рассказал, когда в учительской мне слезы подтирал. Говорит: «Тут ученики над тобой измываются. А там Евгений Петрович над учениками. Я, говорит, слышу, – дети кашляют и сигаретами тянет на весь этаж. Ну, я и подкрадываюсь, – говорит, Ефим Ефимович. – Смотрю, дверь в класс широко раскрыта, и стоит на пороге, прислонившись к косяку двери, наш красавец Женя, а во рту у него сигарета.

Стоит, курит, в коридор дым пускает, и что-то детям диктует, какую цифру писать.».

Ну, Ефим Ефимович, чуть в обморок не упал, когда это увидел. Короче, подходит он к Жене и говорит ему: «Извините, Евгений Петрович, сигаретку не дадите?!». А тот ему протягивает, как ни в чем не бывало, да еще и подкуривает, спички зажигает. Ну, Ефим Ефимович дверь в класс закрыл, поворачивается к нему и говорит: «А ничего страшного, что я вообще не курю? А ты, сукин сын, что здесь устраиваешь? Перекуры прямо на уроке? Тебя этому в училище учили?».

А он ему отвечает, что насчет этого никаких рекомендаций дано не было. Ефим Ефимович говорит: «Вот, сученок. А я ему тогда и говорю: «Пойди, сходи к нашему завучу по воспитательной работе, Вальке – Курилке, пусть она тебе объяснит рекомендации. А я пока урок вместо тебя проведу.». Так он пошел к этой Вальке – Курилке. К ней кличка такая в школе прилепилась, потому что она много курит. А фамилия у нее Федорова. А этот сукин сын, как говорит Ефим Ефимович, заходит в учительскую и спрашивает ее: «Вы, Валентина Ивановна

Курилко?». Все учителя в учительской на пол от смеха повалились. А, она как закричит: «Вы, что себе, молодой человек, позволяете?! Да, я знаю, что у меня такая кличка. Но чтобы вот так в лицо и при людях. Да я вам сейчас устрою!».

Представляете, она разбушевалась так, что ее никто раньше такой не видел. Она и так самая злая из всех завучей в школе, а тут побагровела, слюной злости брызжет в разные стороны, волосы дыбом! И кричит на всю учительскую: «Я тебя сейчас убью!» И вот с такими криками давай за ним по учительской бегать и лупить его журналом по голове.

Верочка Маленькая забыла уже все, что с нею произошло, и весело рассказывала эту историю, изображая всех в лицах. Девочки смеялись до слез, а вместе с ними и зашедший на запах яичницы Женя.

– Ну с кем не бывает?!Подумаешь, ну вышел такой казус. Но ничего, побила меня завуч, пар выпустила, а потом мы все дружно смеялись. А Ефим Ефимович, больше всех!

– Ну и денек сегодня вышел! Правду говорят, первый блин комом, – хохотали от души молодые учителя.

– А у меня первый блин не комом, – пропела сияющая от счастья и любви красавица Лида Николаенко, – Я буду еще и в вечерней школе преподавать! И буду учить «первого парня на деревне», – Сашу Петрова.

Их разговор прервала вошедшая без стука соседка Клара Андреевна. Она с интересом рассматривала обстановку в доме у приезжих учителей, не забыла прошмыгнуть взглядом по накрытому столу, оглядеть всех присутствующих, наигранно тяжело вздохнуть и спросить:

– Любимые соседи, у вас соли не найдется.

Оля Снежко протянула ей пачку соли, Клара Андреевна сделала вид, что берет ее, пачка выпадает из рук, с грохотом разрывается, и соль белыми брызгами рассыпается по всей комнате.

– Ой, какая неприятность, – произнесла зло Клара Андреевна. – Наверное, к большой беде, – ехидно добавила она.

Глава 8

На следующий день молодые учителя дружно записались на подработку в вечернюю школу вместе с Лидой Николаенко.

Дышать атмосферой знаний. Впитывать энергетику напечатанных книг, которые со временем только увеличивали свое гипнотическое влияние на читающую молодежь. Читать в СССР было модно. Жаль, что книг было не достать. Все записывались в огромную очередь за желанным томиком фантастики или детектива.

Деревенские ребята ничем не отличались от городской молодежи. Они так же бурно обсуждали прочитанные книги, ходили на занятия в музыкальную школу, создавали свои ВИА (вокально-инструментальные ансамбли) и жили полноценной жизнью молодых людей шестидесятых годов.

После работы уставшие колхозники садились за парты и, засыпая, слушали своих умных учителей, которые делились с ними своими знаниями совершенно бесплатно. В стране проходила ликвидация безграмотности. Все должны были окончить среднюю школу, продолжить обучение в техникумах или институтах и стать высококвалифицированными специалистами.

Нужно сказать, что очень многие хотели учиться, и не только учиться, а расширять свой кругозор. Молодежь ходила в библиотеки, училась играть на музыкальных инструментах, посещала театральные кружки и, конечно, с удовольствием ходила на хор.

Вечернее обучение велось и в музыкальной школе. Приехали специалисты из Одесской консерватории, молодожены, – самая красивая пара села, – семья Плетенкиных. Они были не только красивы внешне, но и очень красивы душой. Очень талантливые молодые люди, игравшие виртуозно на всех музыкальных инструментах, сочинявшие стихи и музыку к своим добрым песням о жизни и дружбе.

Председатель колхоза очень любил эту семью и выделил им целый двухэтажный коттедж. В одной половине жили они сами, а во второй половине была музыкальная школа. Благодаря этим двум талантливым людям село процветало. Создавались творческие коллективы, проходили интересные концерты. Они своим появлением в селе внесли свежую культурную струю в души местного населения.

Сельские инструментальные ансамбли звучали не хуже столичных. Да и местные исполнители были на голову выше

многих приезжих звезд. В клубе очень часто проходили концерты: молодежь пела, танцевала, разыгрывала спектакли. Старожилы Горькой Балки культурно проводили свой досуг. И благодаря такому продуктивному отдыху они очень хорошо трудились и всегда побеждали во всех социалистических соревнованиях.

Горькая Балка жила интересной жизнью. Молодежь из села невозможно было выгнать. Жизнь в селе ничем не отличалась от городской. На гастроли приезжали знаменитые артисты. Они любили посещать далекое южное село.

– Оля, сегодня приезжает Людмила Зыкина. Я купил билеты, – сказал Женя, обнимая Олю. – Ты пойдешь?

– Конечно, пойду. Я очень люблю ее песни. А ты знаешь, что она приезжает не одна? Она приезжает с Константином Симоновым. А мне доверили вести открытие этого тематического концерта, посвященного Дню Победы. Я очень волнуюсь, я буду читать его стихи: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди! Жди, когда наводят грусть желтые дожди! Жди, когда снега метут, жди, когда жара! Жди, когда других не ждут, позабыв вчера…».

– Не бойся, прочти эти стихи с душой, как ты обычно делаешь. Симонову очень понравится, как ты читаешь его стихи. Мы всегда с удовольствием слушаем тебя, и он тоже будет рад их послушать в твоем исполнении, поверь мне.

– Эта такая ответственность! Вечно Ефим Ефимович меня выдвигает везде. То на этом совещании выступи, то на другом, то на этом концерте, то на том.

– А ты знаешь, что ты у нас лучшая?! Поэтому ты, наверное, замуж за меня не хочешь выходить, потому что я совсем не такой, как ты. Я – худший.

– Ты что, Женя, я очень хорошо к тебе отношусь. Ты самый лучший друг и соратник. Я очень, очень тебя люблю. Ты зря сейчас так говоришь.

– Ну тогда почему не хочешь, чтобы мы поженились?

– Давай, я домой съезжу, посоветуюсь с мамой, папой, а потом скажу, будем мы жениться или нет, хорошо?

– Только я тебя очень прошу, не томи мне душу, пожалуйста. Я уже год за тобой следом хожу. На дверях твоих висну и висну каждый вечер. Уже сколько стихов выучил для тебя. Есенина всего, даже твоего любимого Маяковского, а ты никак меня не подпускаешь к себе. Надо мной все парни в селе смеются. Говорят, что ты меня заколдовала.

– Да, я тебя заколдовала, потому что сама околдована тобой! Ты такой добрый, такой красивый, такой умный. Мне кажется, что это я тебя недостойна. Смотри, сколько девочек красивых за тобой бегают, а ты ни на кого не смотришь. Может, все-таки

передумаешь?

– Нет, даже и не проси. У нас в семье все однолюбы. Мы любим всего один раз и одну и ту же девушку на всю жизнь. Я свой выбор сделал, теперь очередь за тобой.

– Я из дома приеду и сразу тебе сообщу о моем решении, хорошо?

– Отлично! Скоро мы с тобой поженимся! – сказал Женя уверенно и, обняв Олю, повел ее к вечерней школе, где он тоже вместе с девочками подрабатывал преподавателем истории до одиннадцати часов вечера.

Женя учился заочно в пединституте на историческом факультете, и ему выпала такая счастливая доля: учить местных жителей, которые были намного старше его.

Школа вечером очень отличалась от этой же школы днем. Вечером она была величаво-таинственная. Полутемные коридоры пугали страшными огромными тенями на стенах. Даже запах пыли вечером был совсем другим.

Воздух в вечерней школе пах хлоркой вперемешку с одеколоном «Шипр», который завоевал все призы парфюмерного производства, и им было модно пользоваться в то время.

Колхозная молодежь с удовольствием ходила на вечерние занятия к своим ровесникам-учителям.

Они дружно болтали на перемене, как старые друзья, и смеялись над шутками, как дети. Но, только зайдя в класс после звонка, они превращались в обыкновенных школьников. Взрослые мужчины и женщины усердно учили правила, решали задачи и записывали домашнее задание. Они также получали двойки и нисколько не обижались на своих строгих учителей.

Лида была любимой учительницей Александра Петрова. Они долго засиживались на скамейке возле школы и долгими часами целовались и болтали всякую ерунду. Она каждый день счастливая прибегала домой и радостно сообщала о том, что Саша ее любит тоже.

В отличие от нее, девчонкам Александр совсем не нравился. Они считали, что Лида достойна большего. Насчет Оли Снежко и Жени Черкашина, они были совершенно спокойны и говорили, что эта пара создана Богом. Сказали, что лучшей пары и не найти. А вот Лида и Саша были цветами из разных садов.

Нежная, интеллигентная Лида и неотесанный мужлан-грубиян Александр. Девочки были уверены, что ничего у них не получится. Люди совершенно не подходили друг другу. Да и отношение Александра к Лиде любовью назвать было нельзя. Он постоянно грубил ей, очень жестко подшучивал над ней, и она очень часто плакала. Но в силу своего скрытного характера она

ничего не рассказывала своим любимым подругам. Она боготворила его всем сердцем и ничего не требовала взамен.

Александр важно ходил по селу, обнимаясь то с одной, то с другой девушкой. Он был очень красивым юношей: высокий, степенный, с красивыми серыми глазами, молодой мужчина из зажиточной сельской семьи Петровых. Его мама была женщиной властной и к выбору сына относилась без должного уважения. Она всегда говорила: «На ком скажу, на той и женится, лоботряс.»

Александр недавно пришел из армии. Выглядел мужественным защитником Родины и очень сексуальным молодым человеком. Деревенские девушки вешались на него как игрушки на елку. Все понимали, что ему нужно жениться. Был такой обычай на селе: сходить в армию, построить дом, жениться и нарожать много детей. Образование в счет не бралось. Были бы руки да здоровье! Девушкам тоже образование было ни к чему. Главная их задача, – стать хорошей женой и матерью.

Они могли печь хлеб, доить корову, делать закрутки на зиму и воспитывать детей. На маленькую худенькую Лиду они смотрели свысока, потому что понимали, что такая «тощая» невеста не подходит их Александру. Они знали наверняка, что его мать будет против такой жены, которая корову не умеет доить. И были совершенно спокойны по поводу того, что он с нею встречается. Знали, что это очередная игрушка в его руках.

– Поматросит, и бросит! – говорили они, смеясь.

– Лидия Васильевна, а когда ваша свадьба? – с издевкой спросили две великовозрастные ученицы, сидевшие за первой партой.

– Только после ваших свадеб будет моя, – отвечала Лида, смущаясь.

– Сань, а Сань, когда у вас свадьба? – не унимались подруги.

– Да прямо сейчас после уроков, – отвечал, смеясь, Александр. – А вам прям не терпится на свадьбе погулять на халяву, да?

– Нет, просто мы интересуемся, потому что Валька, твоя бывшая, спрашивала, когда ты уже нагуляешься и к ней вернешься.

– Передайте Вальке, чтоб губу обратно закатывала. Я к ней никогда не вернусь, пусть за Петра замуж выходит. Я дружком на свадьбе буду. И крестным потом. Пусть дурью не мается, а то в девках засидится.

– Лидия Васильевна, а вы дружкой у Вальки на свадьбе будете? – продолжали допрос девушки с первой парты.

– Я вижу, у нее и без меня подруг очень много, так что нет такой необходимости на сегодняшний день. Но все, прозвенел

звонок, не отвлекаемся, начинаем работать.

– Тоже мне работа мелом на доске писать! – засмеялись девушки.

– Хорошо, если это отдых, идите отдыхать вместо меня, прошу к доске, – сказала, улыбаясь, Лида.

Глава 9

На выходные Лида Николаенко и Оля Снежко приехали в гости к Олиным родителям. Две Верочки решили навестить родных и поехали, – одна в Белоруссию, другая, – в Молдавию.

Оля часто возила девочек к себе в гости. Из всех приезжих девчонок, она жила ближе всех к Горькой Балке.

Она жила недалеко от краевого центра. В райцентре, – Шпаковское, в пяти километрах от города Ставрополя.

Родители у Оли были очень гостеприимные. У них всегда жили родственники, племянники, чьи-то внуки и дети. И вообще мама Оли была очень мудрая и самая красивая на юге женщина.

У нее были черные волосы, которые в контрасте, с голубыми глазами, как и у дочери Оли, приковывали взгляды всех людей, проходивших мимо. Что-то неземное, божественное в лице этой красавицы захватывало тебя с первой минуты, и ты уже сразу начинал любить и уважать этого человека.

Ты сразу становился его обожателем и почитателем. Мама Оли работала в школе воспитателем в группе продленного дня. У нее было три дочери: Оля – старшая, Ира – средняя и Галя, – младшая. Первые две девушки были погодками, а младшая Галя была на десять лет младше старшей сестры Оли Снежко.

Отец в дочерях души не чаял. Он очень любил их всех троих. Но в семье Снежко случилось несчастье, средняя дочь Ирочка пропала без вести при странных обстоятельствах. Она пошла вечером в магазин за хлебом и не вернулась. Отец поднял милицию, прокуратуру, но девушка, как сквозь землю пропала. Никто про нее ничего не знал…

Но жить нужно было дальше. Нужно было работать, чтобы дать детям образование и помочь им войти во взрослую жизнь.

В свое время, он был первым мужчиной в райцентре, который имел после войны грузовик «Полуторку». Машину, без которой не обходился ни один двор.

Кто-то переезжает, кто-то везет на рынок продавать картофель, кто-то собирается по дешевке доехать до краевого центра. И все просят серьезного и немногословного дядю Федора подвезти их за определенную плату. Поэтому вечером отец приходил с работы и вываливал рубли, копейки из целлофанового пакета. Девочки радостно встречали папу.

Им очень нравилось, что он всегда привозил шоколадки своим любимым дочкам.

В красавице-жене он видел ангела, любил ее безмерно, но никогда этого ей не показывал. Важно заходил в дом, делал

много замечаний, садился есть, а потом с газетой заваливался на кровать. В этот момент его нельзя было трогать. К нему никто не подходил, пока он отдыхал. А если он был готов кого-нибудь выслушать, то он открывал дверь в свою спальню, и это было знаком, что его можно было беспокоить.

Оля ходила вокруг да около открытой двери, не решаясь зайти и спросить у отца совета насчет свадьбы с Женей. Она так и не решилась к нему зайти. Мама тоже была чем-то занята, и Оля не хотела беспокоить и ее.

– Оля, ну как там у вас в деревне, красиво? – спросила, подбегая, младшая сестра Галя Снежко.

Она считала себя уже взрослой девушкой, потому что училась в девятом классе.

– Тебе нравится там? А жених у тебя есть? – не переставала задавать вопросы младшая сестра.

– Есть, а как же! – гордо ответила старшая сестра Оля Снежко. – А у тебя сейчас одни женихи на уме, да? А как же учеба?

– Да ты за меня не сильно переживай, я все успеваю. Я – отличница и умница!

Девушка действительно была хороша собой. Стройная, зеленоглазая, с крупными вьющимися локонами; правильные черты лица и бархатная кожа говорили о ее благородном происхождении. Прабабушка у них была «столбовою дворянкой», как ее называл их прадед.

– Нашел, говорит, я ее у столба во дворе, вот и называю теперь столбовою дворянкой.

Галя была точная копия той «столбовой дворянки», только очень современная. Она была душой компании, всегда с парнями носилась на мотоцикле и на мотороллере. Гоняла так, что мальчишкам было ее не догнать. В школе тоже училась лучше всех, да и по дому вся работа была на ней, потому что две старшие сестры были студентками и обе учились в Москве. Оля в МГУ, а Ира, средняя сестра, – в институте Советской торговли.

Все три сестры были совершенно разными. Средняя сестра, Ирина Снежко, очень отличалась от всех еще и тем, что была очень вспыльчивая. У нее в характере находился ген «сверхсправедливости». Она непримиримо боролась с недостатками окружающих. Все недоумевали, почему такая маленькая хрупкая красавица с васильковыми глазами ничего не боится. Она так зло сверкала своими огромными глазищами, когда видела несправедливость бытия.

Ира была совершенно бесстрашным человеком. Могла смело пойти навстречу толпе подонков и сказать им в глаза все, что она

о них думает. Как ни странно, ее никто и никогда не обижал. Даже бандиты местные ее очень уважали за смелость. Более бесстрашной девушки, чем Ира Снежко, не было в селе Шпаковском.

Даже преподаватели института Торговли в Москве побаивались ее, потому что она ненавидела фальшь в любом ее проявлении. И когда она поднимала руку на лекциях, все уже заранее знали, что сейчас начнется разбор полета и что преподавателю будет сейчас очень жарко! Сестрички ее очень любили, но тоже побаивались. Не дай Бог ей попасться под горячую руку!

– Оля, ты же не знаешь, что наша Ирка замуж выходит? – закричала Галя, вспомнив последнюю новость.

– Да ты что? И кто же муж?

– Он не здешний. Он учится в Москве, в Тимирязевской академии. Представляешь, он тоже, как и она, отличник. Идет на красный диплом. Они уже к свадьбе все приготовили. Будут ее играть у жениха, а потом у нас. Так его мама захотела. Ирка говорит, что вообще никакой свадьбы не хочет. Сказала, если он хочет маму уважить, пусть будет свадьба только у них дома. А моих родителей, говорит, нечего напрягать. Мы, говорит, – нищие. У нас денег нет на всякую такую ерунду. Подумаешь, – говорит, – ты в женихи не нарядишься, а я в невесты. Я лично не приветствую все эти маскарады. Она у нас, как всегда, в своем репертуаре. Всех построила, но мужа будущего очень любит. Он, говорит, очень умный и красивый. От него будут очень умные и красивые дети.

– А мама наша видела зятя?

– Нет, пока не видела, но очень переживает, что все не как у людей. Говорит, что люди осудят, если свадьбы не будет.

– А я ей сказала, чтобы она не переживала, сказала, что у меня будет, аж, две, – засмеялась младшая сестра, Галя Снежко.

– Я тоже, наверное, замуж выйду, – поделилась секретом с младшей сестрой Оля. – У меня жених есть. Тоже умный и красивый. Но он моложе меня, не знаю, как маме об этом сказать. Боюсь, что она против будет.

– Да, не будет! Ведь наша «столбовая дворянка» тоже старше своего мужа была. Да мама уже с нами ко всему привыкла. А папа поворчит да успокоится. А ты точно собралась замуж?

– Да честно сказать, сама еще не знаю, – сказала, обнимая младшую сестренку Оля. – Я еще думаю.

– Собралась, собралась, – сказала подошедшая Лида Николаенко. – Парень очень хороший, коллега наш. Он ее давно замуж зовет. А она все раздумывает. Год уже за нею убивается.

Каждый день ее замуж зовет. У меня тоже жених есть, но меня мой любимый Саша Петров, первый парень на деревне, что-то не торопиться брать в жены. Наверное, мама ему не разрешает. На своей, деревенской хочет его женить.

– Девчата, если парень полюбит, то никакая мама не сможет стать помехой, – уверенно заявила Галя Снежко. – Я точно знаю, хоть вы меня маленькой еще считаете, но я вам все равно скажу. Если мужчина любит, ни перед чем не остановится. Вон, Ирка наша, мы вообще не думали, что ее, с таким характером кто-нибудь не побоится замуж взять. Но, видите, нашелся.

Говорит, люблю больше жизни и никому ее не отдам!

Сестры Снежко были очень дружны между собой. И очень переживали друг за друга. Особенно баловали младшую сестру. Она пользовалась таким положением, и ей нравилось, что она самая маленькая в семье. Десять и девять лет разницы с двумя старшими сестрами кажется огромной. Девочки часто брали свою младшую сестренку с собою на взрослые посиделки, и она с огромным любопытством наблюдала за своими любимыми сестричками.

Она всегда подражала им. И старалась быть похожей на старших сестер. От Оли она переняла некоторое высокомерие и строгость, а от Ирины, средней сестры, – воинственность хулиганки. Но иногда, забыв наказы старших сестер, забыв, что уже старшеклассница, лазила, как мальчишка, по заборам, гоняла по улицам на мотоцикле и целовалась в кустах сирени с мальчишками, которые в ней души не чаяли.

– Галка, домой! – кричала строгим голосом мама. – Хватит тебе на скамейке засиживаться. Посидит, поцелуется, а потом парни под домом всю ночь дерутся. Давай заходи домой!

– Ма, да мы с Олей и Лидой секретничаем, сидим, семечки щелкаем на улице. А ты на всю улицу опять кричишь, меня позоришь.

– Да старшие посерьезней тебя будут! У них столько женихов не было, как у тебя. Они об одной учебе думали, а ты только об одних мужиках. Вся в отца пошла, гулена!

– Мамуля! Да мы втроем на лавочке сидим, я, Лида и Галя. Выходи, посмотри, женихов нет, – сказала, смеясь, Оля.

– А вот вам бы с Лидой уже и пора завести. Уже годков-то немало.

– А я замуж решила пойти на следующей неделе, – смеялась вовсю Оля. – Можно, ма? Ты не против?

– Давно пора! Нет, не против. Выходи. Он хоть не негр?

– Да почти что негр! Тоже кучерявый и темнокожий, – уже хохотала во весь голос Оля.

– Хорошо. Вот отец обрадуется. А то, говорит, на рыбалку не с кем сходить, одни бабы в доме. Пойду, обрадую, что у него зять будет негр и будет с ним на рыбалку ходить, рыбу пугать, – тоже засмеялась мама.

Вечерами на улице райцентра было темно. Южная ночь с высоким звездным небом казалась огромной и невероятно спокойной. Только слышалось, как вдалеке гавкали собаки, и ругался сосед с применением крепких матерных словечек. А впереди была неизвестность, такая же огромная и таинственная, как звездное южное небо над головой…

Глава 10

Ефим Ефимович организовал Оле Снежко и Жене Черкашину шикарную комсомольскую свадьбу. Такой свадьбы не было в селе уже давно. В школе, в спортзале составили столы, огромной буквой «П». Из дома принесли столько еды, что после свадьбы ели еще целую неделю. Всякие деликатесы украшали столы. Мясо выделил председатель колхоза. Была и свинина, и баранина, и говядина. Салаты готовили лучшие хозяйки села.

Столы ломились от изобилия всего: соленья для закуски доставались из закромов самого высшего качества. Выпивка лилась рекой. Во главу угла поставили десятилитровые бутыли самогона мутного серого цвета.

Невеста была одета в красивое белое платье, сшитое на скорую руку великолепными сельскими модистками. В прическе переливались нежным блеском белые красивые цветочки-шпильки, которыми крепилась воздушная фата. Жених был в строгом темном костюме и белой рубашке с галстуком. Он, как всегда, был похож на иностранного дипломата. Жених от счастья все время улыбался, и счастливее человека в этот момент не было на земле.

Невеста виновато посматривала на свою маму, которая с серьезным видом сидела на свадьбе на месте самого важного приглашенного гостя. Она единственная из всех родственников поверила, что это не шутка, что их Оля на самом деле выходит замуж, и приехала в село Горькая Балка. Папа, получив телеграмму такого содержания: «Выхожу замуж приезжайте свадьба эту субботу люблю оля. тчк», сказал:

– Да это розыгрыш, какая там свадьба?! Неделю назад дома была и ничего не сказала, все шутила, что за негра замуж выходит. Мать, смеешься, что ли? Ты что, поверила и поедешь? А я умный, я никуда не поеду. Мне больше делать нечего, как деньги тратить на эти поездки. Видать, соскучилась по нам опять старшая дочка, вот и выпендривается. Откуда он взялся этот жених? Не было, не было, и вдруг нате, получите зятя.

Мама смотрела очень серьезно на молодых, потом улыбнулась тому, что дочь счастлива, что очень хорошие слова про ее дочь говорил директор школы, Ефим Ефимович. Что у них такой дружный коллектив, что живут они, как одна семья. Очень хвалили и Женю Черкашина. Говорили, что толковый специалист, что дети его очень любят, что он будет за Олиной спиной, как за стеной. Именно так и сказали, что все в нем хорошо, но только очень уж он интеллигентный молодой человек и очень

стеснительный.

– В наше время таким быть нельзя. Нужно быть чуть – чуть попробивнее, – говорила Людмила Егоровна. Все бы хорошо, но плохо то, что так и не научила она Женю и Олю пить водку и вино. В общем, очень хорошие молодые люди, но совсем непьющие. Видно, они с Олей друг друга поэтому и нашли, что оба до мозга костей трезвенники. У Жени аллергия даже на пиво, а у Оли аллергия на запахи спиртного вообще.

Учителя дружно посмеялись над молодоженами и подарили им самое драгоценное, – стиральную машину и телевизор! Радости молодоженов не было границ. Ребята и прыгали, и смеялись, о таком богатстве они даже не мечтали. Но самый главный подарок сделал председатель колхоза, Светлов Виктор Алексеевич. Он объявил, что девушкам – подругам, проживающим с Олей, он предоставляет новое жилье, а весь дом вместе с усадьбой дарит молодоженам!

– Это, – сказал он, – наш подарок молодым специалистам. Но это пока. А достроим двухэтажные коттеджи, вы как раз нарожаете детей, мы вам подарим и коттедж!

Девочки радостно переглянулись. Две Верочки почти одновременно спросили:

– А мы успеем получить такие подарки, если на следующей неделе тоже выйдем замуж?

– Конечно, успеете, мои красавицы. Я для вас целую улицу Ленина выстраиваю коттеджами двухэтажными со всеми удобствами, чтобы молодежь в село бежала, а не из села.

Свадьба была очень красивая и веселая! Молодежь плясала до упаду. От парней, приглашавших девушек на танцы, не было отбоя. Не зря она называлась «комсомольская свадьба». Все комсомольцы села Горькая Балка гуляли свадьбу до утра! Подарков было огромное количество. Все подаренные вещи были разобраны и выставлены на всеобщее обозрение. Советы по использованию давались тут же.

Одна дружная и счастливая семья сельских учителей во главе с незаменимым директором школы, Ефимом Ефимовичем, праздновала свою первую, но не последнюю учительскую свадьбу…

Утро следующего дня было для молодоженов значимым. Они первый раз проснулись в своем семейном гнездышке. Девочки съехали сразу после свадьбы, Оля с Женей на правах полноправных хозяев стали заниматься перестановкой и уборкой в первом собственном доме. Мама Оли осталась у них погостить с недельку и помочь наладить молодоженам быт. Она очень корректно объясняла дочери, что мужа нужно всегда слушаться и

по любому поводу советоваться. Теперь она – мужнина жена и должна полностью ему подчиняться.

– Теперь у вас двоих появилось семья, аж, семь «я». И никогда не спорьте, чье «я» самое главное. Вы теперь не должны ничего и никого бояться, потому что вдвоем, вы – сила. А дьявол обычно окутывает своим колдовством одиноких, потому что ему так легче с ними справится. А вот людей, зарегистрировавших свой брак, ему не одолеть. А если повенчаетесь в Церкви, так и вовсе ему будет вас не достать. Так что теперь, несмотря ни на что и вопреки всему, вы должны помогать и уважать друг друга. И проживете долгую и счастливую супружескую жизнь, – говорила мама Оли, попивая по вечерам с ними чай.

– Мамочка, ты о чем? Какая церковь? Мы же атеисты! Мы же комсомольцы! А Женя вообще в партию вступает на днях. Да и меня все время зовут. Ты эти проблески антисоветской агитации брось! Темноту безграмотную не разводи! Ничто нашему счастью не помешает. У нас же настоящая любовь. Нам некого бояться! Посмотри лучше новости. Видишь, куда цивилизация шагнула?! Теперь их можно не только слушать, но и смотреть. А ты все дьявол, церковь?! Это все прошлый век.

Маме было в диковинку видеть телевизор, настоящий разговаривающий и показывающий новости и концерты ящик. Она все время смеялась, когда подходила к нему близко, и он начинал с нею разговаривать. Мама отпрыгивала от него испуганно и заливалась громким смехом.

– Вот диво-то какое?! – говорила она. – Поеду, расскажу отцу, он мне точно не поверит. Мы в райцентре живем, а деревня все-таки дальше нашего шагнула, – говорила она, удивляясь. – В деревне люди богаче нашего живут. И мяса сколько хочешь у них есть, и овощи, и фрукты. А председатель колхоза, какой молодец! Как отец родной всем вам! А, Ефим Ефимович, – какой замечательный человек! Очень хорошие люди у вас на селе живут.

– Мама, так от хозяина все и зависит. Хороший хозяин всех счастливыми делает, а плохой, – и себе не в радость! Хороший хозяин долго правит, а плохой нужду справит, и долой!

– Да и в семье так. Если вдвоем тянем, то заживем! А если один, – то пропадем! – говорила мама Оле, задумавшись глядя на Женю.

– Мамочка, вижу, не нравится муж тебе мой, а почему, не пойму? – секретничала с мамой Оля.

– Нет, Оленька, я пока сказать ничего не могу, нравится или не нравится. Жизнь проживете, посмотрю, тогда и скажу. А пока помолчу лучше. Ничего не могу сказать, красивый очень, добрый, умный. Но какой-то не наш, не простой. Видишь, с ножом и

вилкой ест, как граф какой. А мы люди простые, – «столбовые дворяне», как отец говорит. Нам бы все руками да деревянной ложкой, чтоб близость к природе ощущать. И скрытный очень, сидит, молчит, себе на уме. Хитрый какой-то!

– Мама, он хороший и любит меня очень. Разве этого мало?

– Хватит на первый раз! А жизнь она все расставит на свои места. Мужик должен быть добытчиком. Пропадешь ты за ним дочка. Тебе придется все добывать самой в этой жизни. Пока будет не очень тяжело, детей ведь нет, а потом потруднее. А там кто его знает, что будет дальше? Только один Бог знает!

– Мамочка, ты опять начинаешь? О чем ты говоришь, какой Бог? Это все предрассудки. Каждый человек должен судьбу свою сам сделать. И вообще, каждый воспитанный человек сам себя воспитать должен.

– Я тебя переубеждать не буду. К Богу каждый приходит сам, без чьей-нибудь помощи. Когда Он захочет, чтобы ты к Нему пришел, Он даст тебе знать.

– Вот и правильно и не надо. Я же атеистка и комсомолка. И с высшим образованием. А все остальное от темноты, от незнания.

Мама Оли посмотрела на свою взрослую дочь, улыбнулась, задумалась, а вслух сказала:

– Мы вас к себе ждем в гости на Новый год. Ты же знаешь, это наш любимый семейный праздник. И по традиции, где бы вы не были, вы должны приехать в родительский дом.

– Отлично! А можно мы и телевизор с собой возьмем? – спросила, обнимая маму, Оля.

Мама посмотрела на говорящий ящик и сказала:

– Не нужно, пусть будет как всегда. Лучше посидим, пообщаемся, попоем. Детишки концерт покажут, спектакль поставят. Отдохнем по-семейному. Телевизор нас только отвлекать будет. Зачем нам чужой гость в доме на семейном празднике? Да еще такой смешной?!

Мама засмеялась и помахала пальцем своему новому другу – телевизору.

Глава 11

«…Пять минут, пять минут, с Новым годом, с новым счастьем!». Музыка лилась из рупора проезжающего автобуса. Женя и Оля Черкашины бежали счастливые, с подарками на рейсовый автобус, который вез их к Олиной маме и папе.

Самое большое село Шпаковское стало самым маленьким районным городком Михайловск с тем же названием, каким давным-давно была их деревня. Деревня разрасталась. С одной стороны вообще срослась с краевым центром. Отличалась от других сел водоемом. По селу текла узенькая извилистая река, – Чла, которая больше похожа была на грязную лужу для отбросов. Рядом, в пяти километрах, находился краевой центр город Ставрополь, где везде лежал асфальт и на улицах горели фонари.

Заезжая через пять километров в большую деревню, человек сразу становился слепым и глухим. Темнота была такая, что, как говорится, хоть глаз выколи, а тишина, – что того и гляди лопнут ушные перепонки от такого давящего безмолвия.

Улицы были узкими и неудобными. Вернее они были удобны для того, чтобы помещалась одна повозка с лошадьми. А о будущем здесь, когда строили эти улицы, как говорится, не думали, потому, что все знали, что это будущее придет еще совсем нескоро. И каждый знал наверняка, что это будущее его не коснется.

Люди здесь жили улыбчивые и злые одновременно. Так бывает, что человек тебе зло улыбается. И не знаешь, что думать: ты ему не нравишься или нравишься настолько, что он тебя ненавидит?

– Привет, Олька! – зло улыбаясь, произнесла соседка Агафья Гундосиха.

Так звали местную, как все говорили, – ведьму.

А ведьмой ее считали еще и потому, что она курила. Вроде бы взрослая женщина, а с сигаретой в руках. Как это казалось в то время не симпатичным. Да и во все времена курящая женщина смотрелась, как ведьма.

– В зубах сигарета, земляной цвет лица, потухшие волосы и взгляд, не хватает только метлы! – так говорили мужчины, глядя на курящих женщин.

– Здравствуйте, тетя Агафья, – ответила Оля, прижимаясь ближе к своему мужу.

– Красивый, чертяка, – сказала, выпуская дым, ведьма-соседка!

– Я рада, что он вам понравился!

– Да радоваться тебе недолго осталось. Ждет тебя впереди такая ужасная жизнь с твоим красавцем, что не приведи Господь! Да и у Ирки твоей такая же фигня с замужеством! Слезы, слезы, одни слезы вижу.

– Спасибо, добрая фея, – сказала, смеясь, Оля! – Другого от вас я не ожидала. Что вам никто сегодня не налил? Не похмелились, видно?

– А ты смейся, смейся, недолго тебе осталось. Годочек еще посмеешься, а там вспомнишь, тетушку Агафью.

– А я о вас и не забывала никогда, – помахав рукой и оглядываясь, сказала Оля, все так же смеясь.

– И это хорошо, что не забывала. Круговорот в жизни и природе – это неразрывная цепь событий, которая уже запланирована на небесах.

Муж сильнее прижался к Оле и, не оглядываясь, произнес:

– Ну и экземплярчик? У вас тут все такие прорицательницы?

– Да, у нас наше село называют, – Ведьмин Яр. В простонародье его так называют. Говорят, здесь одни ведьмы живут!

– Точно, Ведьмин Яр. Вот ты меня околдовала, влюбился в тебя без памяти и так счастлив, что даже боюсь сглазить свое счастье, – сказал Женя, целуя жену.

– Да, каждый человек должен сам себя воспитать и счастье свое сам себе должен добыть. И не бояться ничего. Вот я, например, вообще ничего и никого не боюсь. А таких, как Агафья, мне просто очень и очень жаль.

Она думает, что всем миром управляет. Сама уже забыла, где правда, а где ложь. Сидит, колдует что-то, а сама хуже всех живет. Видел, какая хата покосившаяся у нее? А бурьян видел, какой растет, выше той самой покосившейся хаты. А ты, наверное, и хаты за бурьяном не увидел.

– Да я вообще ничего здесь не вижу, кроме тебя, как ты здесь вообще ориентируешься? Мне кажется, что я сейчас тебя отпущу и сразу в Ведьмином Яру окажусь.

– А я завтра тебе покажу, где мы идем. Ты правду сказал, вот если бы ты меня сейчас отпустил, точно в Яру оказался. А в Ведьмином или в Агафьином, – это еще вопрос.

Войдя к себе во двор, Оля радостно вздохнула и потянула за собой своего любимого мужа. Во дворе стоял очень высокий столб, и на нем висела яркая – яркая лампочка. Слева от калитки стоял большой, добротный кирпичный дом, а справа маленький аккуратный домик, – летняя кухня.

Летней она называлась не только потому, что она работала летом. Кухня работала и летом, и зимой, и осенью, весной. А

летней она называлась потому, что летом все любили в ней спать. Там было прохладно от земляных полов и не кусали комары, потому что марлевая занавеска закрывала двери.

Летняя кухня всегда работала потому, что все любили там находиться. Там стояли два дивана и стол с печкой. Удобно усевшись на диваны, все могли друг друга видеть и слышать. Наговориться можно было вдоволь. В маленьком домике зимой было тоже очень уютно и всегда тепло от горящих в печи дров.

Сестры любили свои посиделки в маленьком уютном домике под настоящий серебряный самовар. Вечерние чаепития и секреты, которые были неразлучными друзьями девушек, всегда были вместе с сестрами, родными, двоюродными, племянниками и племянницами. В большом доме вся семья собиралась обычно только на большие праздники, такие как Новый год, юбилеи, дни рождения. А в летней кухне сестры уединялись посекретничать, когда приезжали в гости к родителям.

В большом доме молодоженам выделили отдельную комнату. Приехала средняя сестра Ира со своим мужем Владимиром. Зятья познакомились и быстро нашли общий язык. Тесть оценивающе рассматривал двух молодых зятьев, и не было понятно, – они ему нравятся или не очень пришлись ко двору.

– Что ж ты за мужик, что не пьешь? – сказала с упреком мама Оли, обращаясь к Жене. – Смотри, вон Володька, – настоящий мужик: раз и выпил залпом. А ты что-то темнишь, или не нравимся мы тебе, что даже водка не лезет?

– Мамочка, ну хватит к моему мужу приставать! Не пьет он у меня, совсем не пьет. Если выпьет, так ему плохо становится. Вы же не хотите, чтобы у вас зятю плохо было?

– Я тоже не пью, – сказала Ира. – Так это ж не говорит о том, что я плохой человек. И Вова мой тоже не пьет, только он боится всех обидеть, поэтому наступает себе на горло и прикидывается для всех своим. А я же никогда не прикидываюсь ни для кого. Я когда приезжаю к свекрови, она от меня прячется, боится, что я что-нибудь ей скажу.

– Ирка, ну, это мы знаем, как ты умеешь. Ты помнишь, как учительница тебя из класса вместе с партой вытаскивала, когда ты ей грубить начала? А как змею ей на стол подкинула, ужас! Училась ведь отлично, но фальшь не признавала ни в каком ее проявлении. Вот и учительницу не жаловала, потому что та все время врала.

– А как можно кого-нибудь учить, если врать только умеешь. Вранью, может, и научит, больше ничему не сможет. Я ей так и сказала: «Вы мне не указ! Когда врать перестанете, тогда я вас слушать буду».

В школе даже учителя побаивались Ирину Снежко. Она была заводила всех недовольных. Гиперсправедливость не давала ей покоя. Мальчишки заглядывали ей в глазки и тоже остерегались. Вообще все думали, что она никогда не выйдет замуж, потому что не могли представить, – кто рискнет быть рядом с нею. Каким смелым должен быть мужчина, чтобы не испугаться ее жесткого характера!

И все были очень удивлены, когда она вышла замуж за симпатичного улыбчивого парня. Володя был очень добрым молодым человеком. Он никогда не повышал голоса. Всегда соглашался с Ирой. Никогда с нею не спорил.

Только всегда пытался мягко объяснить ей, где она была неправа. «Душа компании», – называли его друзья. Он всегда весело шутил, рассказывал анекдоты и очень любил Иришку, так он ее называл. Парень из простой деревенской семьи всего добился сам. Окончил с отличием школу, институт. В многодетной семье числился первым помощником и самым любимым сыном, потому что был ласковым и добрым.

На Новый год Ира и Володя приехала со своей двухмесячной дочкой Наташей. Девочка была точной копией самой Иры, такой же синеглазой, с темными кудрявыми волосами. Носик крошечный, алые пухлые губки бантиком вырисовывались на матовом кукольном личике. Папа Вова в ней души не чаял. Баловал ее, постоянно носил на руках и убаюкивал, нежно прижимая к себе.

Володя помогал Ире во всем: купал любимую дочку, переодевал, и постоянно гулял с нею. Ребята после института ждали распределения, куда пошлют их на работу. Вернее, ждали, куда пошлют Володю. А жена должна была ехать вместе с ним туда, куда его направят.

– Давайте, потанцуем, – весело сказала Ира. – Пойдемте, я уже сто лет не танцевала.

– Да, целых одиннадцать месяцев, – сказал Володя. – Девять месяцев беременности и два месяца нашей Натулечке.

– Для меня этот год за два считался. С таким токсикозом, как у меня, я думала, беременная уже лет пять, – вздохнула Ира. – Ладно, не будем вспоминать, давайте танцевать! Я так танцевать люблю, да и Володя мой тоже. Мы с ним на всех танцевальных конкурсах побеждали. О нас говорили, что мы самая красивая и самая выносливая пара. Мы оба, – лидеры! И привыкли быть всегда и во всем первыми.

– А мы лучшие по чтению стихов! – сказала, вскакивая Оля. – И я, и Женя – мы всегда выигрываем все конкурсы тоже!

– Вот, мать, у нас, оказывается, целый дом актеров! Сейчас

концерт посмотрим. Давайте устроим соревнование: кто кого перетанцует и стихов больше всех знает, – засмеялся подвыпивший отец большого семейства. – А Галка, наша младшая, будет в паре с племянницей Валей готовиться. Давайте, начинайте, мы с матерью будем вам оценки ставить. Идите, готовьтесь, даем вам всем десять минут на подготовку. А мы пока с мамой споем для вас:

– Гой дивчина шум и тгай, кого любишь забувай, забувай! – звучал красивый голос отца на всю Шпаковку.

Весь вечер молодежь и старики смеялись, разыгрывали разные сценки, соревновались и дружно пели свои любимые песни.

В семье Снежко все любили петь и танцевать. И работать они тоже любили. И правду говорят, – кто умеет хорошо отдыхать, тот и работает лучше всех! Душа, она у каждого труженица. У кого ноет каждый день, ведь это тоже работа, у кого, – поет! Душа и спит очень чутко: переживает. Бывает, откликнется душа на сердцебиение или просто парит над сном без всяких видимых заслуг! Душа поет, душа танцует, она то плачет, то ликует!

– Мне что-то не по себе, – сказала Оля, наклонившись к сестре Ире. – Я не пойму, что со мной, голова кружится и постоянно тошнит.

– Олька, – да ты, наверное, беременная, – сказала Ира, обнимая сестру. – Смотри, точно родится у меня племянник или племянница. Разница сколько будет между нашими детьми? Всего год?! Натульке моей год будет, а твой ребенок только родится. Вот класс! Они тоже будут погодками!

– Не говори, пока маме. Пусть сюрпризом будет, – тихо приложив палец к губам, – попросила Оля.

Неожиданно их разговор прервал настойчивый стук в окно. Оля от испуга вскрикнула. Ира даже бровью не повела. В этот момент вдребезги на мелкие кусочки разлетелось стекло в окне. В комнату влетел огромный булыжник.

Оля с Ирой непонимающе смотрели друг на друга. С улицы они услышали противный душераздирающий смех. Явно смеялась женщина. Отец Оли, Семен Яковлевич, схватил свою реликвию предков, – фамильное ружье-двустволку, зарядил его на ходу, – длинными медного цвета патронами, и выскочил на улицу. Раздался громкий выстрел.

В это время со всех сторон взрывались новогодние фейерверки, салюты в честь нового года. Сыплющиеся с неба огненные фонтаны, со свистом и грохотом напоминали всем, что Новый год наступил. Стрельба новогоднего переполоха отвлекла девушек от неприятного инцидента. И улыбающийся Семен

Яковлевич громко пошутил, обращаясь к Валентине Матвеевне:

– Это, наверно, мои невесты мне мстят, что я, мать, на тебе женился.

Дочери засмеялись, посмотрели на любимого отца и решили продолжить праздник всем врагам назло.

Семён Яковлевич тут же вырезал вместе с зятьями новое стекло из старых запасов и провел мастер-класс для дочкиных мужей.

Глава 12

После того злополучного нового года быстро пролетели восемь месяцев Олиной беременности. Август был очень жарким. На юге всегда так бывает. Лето – так жара, осень – тоже не холодно, а зима – суровая, что похуже северной зимы до мозга костей пробирает.

Странное дело, человек отличается от животных тем, что всегда и всем недоволен. Собака радуется морозной зиме, жаркому лету, дождливой осени и прохладной весне.

А человек ждет не дождется зимы, чтобы опять на нее ругаться: «Господи, – говорит человек. – Как мне эта зима надоела!».

Хотя зима только что началась?! А человек ждет с нетерпением лета, чтобы сказать: «Господи, как меня жара достала!»

Человеку всегда зимой очень холодно, летом сильно жарко, осенью дождливо, весной, – прохладно!

В Горькой Балке куры весело спасались от жары, купаясь в пыли. Собаки, играясь, закапывались под деревья. А люди, закрыв, напрочь, ставни, сидели в темноте прохладных комнат и ругали лето. Листья на деревьях никуда не могли спрятаться и скручивались в трубочки от жары. Только сельская детвора была всем довольна и не вылезала из черной речки, вода в которой почти закипала от солнца.

Оля все время говорила, что ей тяжелее с каждым днем носить свой большой живот.

– Наверное, я поеду к маме рожать. Все-таки, там город рядом. Если что, то меня хоть спасут. Жень, все равно каникулы, давай поедем к нашим. Мне будет спокойнее, если я буду рядом с мамой.

– Хорошо, поедем, конечно. А ты в такую жару выдержишь поездку? – спросил он взволнованно.

– Да, конечно, выдержу! Ты же рядом все время будешь, поэтому мне не будет страшно. Мне с тобой ничего не страшно, – говорила Оля, ласково глядя на мужа.

– Скоро меня в армию заберут, все так не вовремя. Меня в военкомат сегодня вызывали, сказали, чтобы я готовился к осеннему призыву.

– Хорошо, что мне рожать летом. Ты еще успеешь ребенка увидеть, – успокаивала она мужа.

Пролетали летние денечки, время пролетало так же быстро вместе с ними. Оля должна была скоро родить. Но, несмотря на

это, она продолжала ходить на работу и делать домашние дела. Постирав, как всегда, белье, Оля потихоньку развешивала его во дворе.

– Олька! Ты когда разродишься? – кричала соседка-процентщица, Клара Андреевна, залезая на забор. – Говорят, что на днях родишь. А кто будет, – мальчик или девочка? По животу вижу, что девка. Тебе денег не нужно дать взаймы под проценты? На пеленки, на кроватку. А то у меня пока есть чуть лишние.

– Нет, спасибо, Клара Андреевна. Я насобирала с зарплаты, да и отпускные тоже отложила. Мне пока хватит.

– Ну, как знаешь, как знаешь. А то, если что, я тебя уважаю. Тебе под десять процентов в месяц дам, а не по двадцать, как всем.

– Клара Андреевна, вы читали Достоевского «Преступление и наказание»? Там о процентщице речь идет.

– Так это ж когда было? Наверное, давным-давно. А я только от своей доброты предлагаю, да хорошим людям. А цветочки тебе не нужны? Или травка у меня разная есть, – засадишь себе огород травкой, у вас все равно ничего не растет, – хохотала во весь голос Клара.

– Почему ничего не растет? Смотрите, Женя помидоры посадил, уже вовсю спеют и картошку мы в этом году сажали, даже подсыпали ее.

– Ага, подсыпали?! Загорнули бурьян в кустах землей. Это теперь называется «подсыпали»! – продолжала смеяться Клара Андреевна.

Соседка-процентщица была очень жадным и завистливым человеком. Она была уверена, что делает добро всем людям, давая денег взаймы под большие проценты. Себя она считала очень умной и хитрой женщиной. Подозревала всех во всем, видно, судила всех по себе. Она никому вообще не верила и считала всех дураками.

Клара Андреевна родила троих детей, которые были не очень довольны своим появлением на свет, потому что постоянно кричали на мать, высказывая свое пренебрежение. Все в этой семье жили обособлено друг от друга.

Дети не ценили и не уважали родителей. Они даже не были благодарны маме за то, что она своим «процентным бизнесом» обеспечила их жильем. Клара всем детям купила квартиры. Но они счастья им не принесли.

В отремонтированных квартирах так никто и не жил. Мебель покрылась паутиной и пылью. Квартиры стояли никому не нужные, просто для галочки, что у них они есть. Дочь вообще не разговаривала со своей матерью уже восемь лет, потому что

обиделась, что ей купили квартиру в старом фонде, а двум младшим сыновьям, – в новом. Она мстила Кларе Андреевне и не разрешала своей дочке общаться с бабушкой и дедушкой.

– Олька, а когда срок ставили рожать, в сентябре или в конце августа.

– Клара Андреевна, а вам зачем? Врачи сказали, что летом. Поживем и увидим.

– А я прямо думаю, что на днях, – не отставала назойливая соседка.

Клара была неприятным человеком и в общении и внешне. Она всегда носила мятую грязную одежду. Лохматые нечесаные волосы выглядывали из-под рваного платка. От нее всегда неприятно пахло, потому что она мылась редко, экономила воду и ругала своих переростков-сыновей, что те очень часто чистили зубы и тратили много воды.

Сыновья Клары были уже взрослыми мужчинами, но, похоже, не собирались создавать семьи. Скорее всего, из-за жадности боялись потратить деньги на своих будущих жен и невест, поэтому ни с кем из девушек даже не встречались.

Оля не очень любила жадную соседку, которая знала все сплетни про всех жителей села. Но дефицит общения у Клары выливался в «словесный понос» при встрече с любым живым человеком, от нее трудно было отвязаться. Все старались сослаться на огромную занятость, лишь бы не попадаться ей на глаза.

– Клара Андреевна, извините меня, пожалуйста, но я очень тороплюсь, иду в школу. Нужно все дела сдать Лидии Васильевне перед декретным отпуском. До свидания.

– Ой, прямо пяти минут не найдет для своей соседки. А я хотела рассказать, как твоего Женьку застукали с пионервожатой в классе. Вся Горькая Балка об этом говорит. Только ты, дура беременная, ничего не знаешь. Он же закружил с молодой местной красавицей. Тебе до нее далеко! У них уже месяца три как любовь, – с ехидцей произнесла Клара Андреевна.

– А я знаю, я сама ее просила мужа ублажать, пока беременная, – соврала Оля, высоко подняв голову, и улыбнулась такой очаровательной улыбкой, на которую была способна молодая женщина, услышавшая новость от «чистого» человека, которым была грязная Клара.

У Оли все поплыло перед глазами. Она не могла поверить, сказанным словам процентщицы. Но подозревала, что с Женей что-то происходит. Она замечала, что он больше всех уделяет внимание молодой пионервожатой Вике. Но она думала, что их отношения остаются только рабочими.

Она даже думать, не смела, что Женя может предать ее. Она видела, что люди шушукаются за ее спиной, когда она проходила мимо. Но Оля в муже была полностью уверена. Она была счастливой женщиной, ожидавшей появления нового человечка. Оля сразу вспомнила, что последнее время девочки перестали ходить к ним в гости. Они избегали общения с Олей и всегда прятали глаза, когда она спрашивала их, почему они не заходят к ним с Женей на ужин, как всегда.

На порожках дома у Оли вдруг сильно закружилась голова, перед глазами запрыгали черные круги. Она стала терять сознание. Оля не успела схватиться за дверь, как сильные руки подхватили ее, и она обмякла в руках Васи Гуляева, главного ветеринарного врача и друга семьи.

– Оленька, что произошло? Ты такая бледненькая!

Вася махал на нее своим любимым юмористическим журналом «Крокодил», который был у него в руках. Он использовал его вместо веера. Как всегда, молодой человек влюбленными глазами, смотрел на Олю.

Он полюбил ее с первой секунды, когда увидел впервые возле сельского Клуба. Вася Гуляев всегда говорил ей о своей любви, но она, кроме дружбы, не могла ему ничего предложить, и он так и остался для нее просто другом.

Молодой человек был очень высокого роста и очень добрый. В селе уважали его за веселый нрав и умение дружить.

Вася Гуляев был уроженцем села Горькая Балка. Вместе с Александром Петровым, они пришли из армии и сразу влюбились в приезжих красавиц. Вася ходил за Олей по пятам, вернее вместе с Женей ухаживал за Олей. Но так получилось, что Оля выбрала Женю. А Вася женился на Вале, местной красавице.

Родители одобрили их брак, потому что Вася и Валя были из зажиточных семейств. Валя тоже на днях должна была родить ребенка. Этот год был очень урожайным на рождение новых горькобалковцев. Людмила Егоровна, учительница-актриса, тоже ждала в своей семье пополнения, хоть и была старородящей мамашей. У нее уже были две дочери, – десяти и восьми лет, но они с Владимиром Владимировичем очень хотели сына и решились еще на одного ребенка.

– Оля, что произошло? – испуганно спросил Вася. – Хорошо, что я рядом стоял, а то бы ты точно убилась о порожек.

– Да жарко очень, сама виновата, силы не рассчитала, пока белье вешала. Нужно было в прохладной комнате полежать. А я на солнце вышла, – сказала она, извиняясь.

– Нет, Валька моя молодец, лежит и лежит, бережется. А ты, как всегда, придумываешь себе дела, – отругал ее закадычный

друг. – А Женька где?

– Не знаю, у них в летнем лагере какие-то соревнования. Ты заходи, он скоро придет.

– Да, конечно, зайду. Смотри, что я тебе притащил. Видела, какой барашек молодой, смачный. Я хотел его разделать, но решил тебе целого показать. Сейчас я его порублю, не переживай, – засуетился Вася, увидев расстроенную Олю. – Так, где у вас топор? Все вспомнил. Я его у вас в старом доме видел.

Вася уверенно зашагал в сторону старого дома. Слышно было, как он рубит молодого барана, как складывает мясо в таз и при этом ругается, как сапожник, на Женю, что топор у него тупой.

– За меня нужно было выходить замуж, – кричал Вася. – Вот выбрала себе интеллигента безрукого, – возмущался верный друг. – Как ты его терпишь? Он же к жизни не приспособлен, – постоянно повторял Вася. – Тебе не такой мужик нужен. Тебе нужен такой, как я. Эх, ты, что ты наделала? Я же кричал, упрашивал тебя, чтобы за меня выходила, так нет, – «я Женю люблю, Женю люблю!». Ну и куда твоя любовь тебя выведет? Не люблю я твоего Женьку, не люблю и все! Хоть он мне и друг! Вообще, какие у любви друзья могут быть?! – возмущался он. – Не мужик он, не мужик! Все на тебе одной! Топор вон и то тупой!

– Вася, хватит всякую чушь болтать. У тебя Валечка – самая лучшая девушка в селе. Самая красивая и хозяйка, не сравнить со мной. А ты, как тот кобель, по бабам бегаешь. Что ж вы за мужики такие поганые, все норовите под каждую юбку залезть, – стала кричать Оля. – Что вам не живется с одной женщиной, все ищете что-нибудь получше, а ведь мы все одинаковые и никогда вы не найдете лучше, чем у вас есть. Вам это только кажется, что другая вас по – другому любить будет, а так не бывает. Все мы любим одинаково, и ненавидим тоже одинаково, и мстим одинаково. Когда же вы, кобели, поуспокоитесь все?! Оля лежала на кровати и рыдала.

– Ой, с тобой все ясно. Лучше я в другой раз зайду. Ты не обижайся на меня. Я же очень люблю тебя, и любить буду всегда. А то, что меня не любишь, тут ничего не поделаешь. Я буду все равно к тебе приходить и подкармливать буду, чтобы с голоду в обморок не падала, – сказал Вася и осторожно прикрыл дверь.

Вася был очень видным парнем. Его любили все девчонки села. Вообще нужно сказать, Вася Гуляев и Саша Петров были самыми высокими и красивыми парнями в деревне. Вася был смуглым, с черными, как смоль, волосами, и такими же черными глазами, а Саша был светло-русым молодым человеком с огромными серыми глазами.

Жена у Васи тоже была жгучая казачка. Красавица Валя

ходила по селу с длинной красивой косой, всегда модно одевалась и была очень веселой девушкой. Она, как и Вася Гуляев, была душой любой компании. Говорят, что люди одинаковые не смогут жить вместе. Но Валя была мудрой молодой женщиной, и всегда старалась быть в тени своего мужа, чтобы не расстраивать его.

Оля подружилась с Валей, сразу, как только приехала в село. Она очень уважала ее, всегда советовалась с нею, делилась секретами. Местные девушки безоговорочно приняли в свои ряды приезжих молодых учительниц. Только девушки Александра Петрова не могли подружиться с его подругой, Лидой Николаенко. Они видели в ней чужую.

Аристократка никак не могла понравиться им, потому что ее манеры были им не понятны и только раздражали сельских девушек. Их очень радовало то, что Александр не делал Лиде предложения руки и сердца. Все уже подшучивали над их отношениями.

– Саша, ты, когда женишься? А то и Лидочку в девках заставляешь сидеть.

– Я еще молодой, чтоб жениться. Я еще не нагулялся. Вот когда надоест, тогда и женюсь, и не факт, что на Лиде.

Клара Андреевна тоже приложила немало усилий для того, чтобы Саша Петров не женился на Лиде. Она постоянно нашептывала его матери на ухо, что Лида ему не пара. Это Клара Андреевна для Оли Снежко приготовила эту экзекуцию и всячески подговаривала пионервожатую Вику отбить у Оли Снежко мужа.

Клара-процентщица всю свою энергию направляла на то, чтобы сжить со свету своих новых соседей. Никто не понимал, за что она так ненавидит Олю Снежко и ее подруг. И почему хочет от них избавиться. Но Клара Андреевна выполняла задание незнакомца, который приказал ей, – «выжить Олю Снежко и ее подруг из села Горькая Балка.

Глава 13

Оля лежала и плакала над своей горькой судьбой. Вспомнила слова Гундосихи Агафьи: «Ты еще поплачешь от своего красавца». Вспомнила, как председатель колхоза тоже отговаривал ее от этого скорого брака. Он же, как старший товарищ, пытался объяснить ей, что для семьи такой девушке, как Оля, нужен человек постарше. Например, такой человек, как он. Они все как будто сговорились в одно и то же время и признавались ей в любви. Сразу три человека: председатель колхоза, Светлов Виктор Алексеевич, который был на десять лет старше Оли, Вася – ветеринар, ее ровесник, и Женя, – учитель, младше ее на пять лет.

– И зачем я выбрала этого мальчишку? Пожалела, наверное, или действительно влюбилась. Умный, поговорить есть о чем. А он таким разговорчивым оказался. С одной женой разговаривать ему скучным показалось, так он за пионервожатую взялся, – рыдала Оля Снежко.

– Оленька, что случилось? – спрашивал Женя на ходу, забегая в дом. – Ко мне Васька прибежал и сказал, что тебе плохо.

– Нет, Женя, мне очень хорошо сейчас. Очень хорошо, что ты меня предал. Очень хорошо, что ты сволочью оказался. И очень хорошо, что вся Горькая Балка надо мной смеется, что ты с пионервожатой любовь крутишь. Так вот что я тебе скажу. Вот, видишь наше свидетельство о бракосочетании? Все, ты, Женя, свободен теперь, – сказала Оля и, разорвав документ на четыре части, бросила обрывки ему в лицо. – Теперь ты свободен, собирай вещи и чтобы я тебя больше в своей жизни никогда не видела. Прощай! – твердо сказала она и смахнула рукавом слезы.

– Оля, что наделала? – спросил он, собирая на полу разорванные кусочки от свидетельства. – Да ничего у меня с этой пионервожатой не было. Она сама всем рассказывает, что у нас с нею роман. Она просто бегает за мной, как все малолетки в этом селе. Ты же знаешь, что я только тебя люблю. Зачем ты порвала наше свидетельство о бракосочетании? Это примета плохая. Теперь мы уязвимы. Мама твоя говорила, что Дьявол окутывает всех одиноких. А мы же с тобой женаты. Зачем ты порвала документ?

– Ты еще мне указывать будешь? Не нужно было доводить до этой сплетни. Не нужно было людям повод давать, чтобы за моей спиной шушукались. И вообще, дыма без огня не бывает! Я больше тебя не держу. Иди к своей пионервожатой!

– Да нет никакой пионервожатой. Хочешь, я завтра Ефим Ефимовича попрошу, чтобы он ее уволил из школы и отправил из

села?

– Нет, не хочу. Девушка здесь причем? Ты, и только ты, во всем виноват. Ты еще ко всему и подлец!

– Не подлец я. Она по селу специально слухи разносила, и всем врала, что у нас с нею отношения. Оля, ты знаешь, что я только тебя люблю и больше никого никогда не полюблю.

На следующий день пионервожатую уволили из школы и выпроводили за аморальное поведение из села Горькая Балка. Оказалось, она очень любила женатых мужчин. И Евгений Петрович был не первой жертвой. Хотя в селе холостых было немало, но у пионервожатой Вики был нездоровый интерес только к женатым мужчинам. Это своего рода болезнь, – спортивный интерес, кто кого. И очередная победа к себе в копилку за разбитое семейное счастье.

Есть такие «милые» девушки, которых интересует сам процесс отбивания мужей у жен. Собственно говоря, им сами мужчины совсем неинтересны. Главное – это процесс! Сначала мило улыбнуться жертве, потом бросить невзначай скромный взгляд. Затем обратиться с просьбой помочь решить небольшую проблемку. А дальше дело техники: нечаянно прикоснуться к руке, покраснеть, нежно прижаться грудью, спрашивая совета. Последний штрих, – обязательно покормить жертву, при этом оправдываясь, что сегодня тесто получилось не совсем удачным!

И вот когда прирученный кролик придет со всеми пожитками к такой девушке домой, уйдя из семьи и от детей, то она найдет массу других причин, почему им нужно расстаться, и обвинит его в том, что она его разлюбила…

Пионервожатая, с позором выдворенная из села, была вынуждена выехать в другое место, разрушая следующие семьи ради спортивного интереса.

В Горькой Балке еще неделю обсудили последние новости о молодоженах и разлучнице, а затем и вовсе забыли о случившемся.

Оля и Женя помирились и поехали к Олиным родителям в Шпаковское. Срок еще позволял разъезжать на пригородных автобусах, и они смело поехали к Олиной маме в гости.

Автобус весело мчался по проселочной пыльной дороге. По обеим сторонам стройными рядами стояли нарядные зеленые лесополосы. Между ними ровным ковром попеременно раскинулись зеленые поля озимых вперемешку с коричневыми полями только что вспаханной земли. Птицы красиво парили в небе, плавно приземляясь на придорожные обочины, важно вышагивая на своих тоненьких серых ножках, будто разминая их перед предстоящим дальнейшим полетом.

Бирюзовое небо завершало эту красивую картину, написанную природой. Когда автобус проезжал мимо мелькавших городов и сел, то пассажиры всегда с любопытством всматривались в дома и подворья, стоявших по обеим сторонам дороги. Самое удивительное было то, что везде живут люди. И в каждом доме течет своя жизнь, со своей тяжелой и не очень судьбой. И сразу вспоминаются слова пословицы: «Под каждым домом, под каждой крышей, свое горе, свои мыши!».

Огородики перед домами были аккуратно ухожены. Ровными рядами дружно стояли покрасневшие кусты помидор. Виноград, налившийся винным соком, густо обвивал беседки дворов. Яблони под тяжестью хорошего урожая опустили свои натруженные ветви. Оранжевые шарики облепихи, словно гирлянды, украшали колючую красавицу!

На скамейке важно восседали старушки, прожившие свою тяжелую и не очень судьбу, и с любопытством разглядывали проезжавшие мимо автобусы.

Городские пейзажи отличались от деревенских только тем, что по обеим сторонам улиц стояли многоэтажные дома, а в зеленых скверике гуляли с красивыми детскими колясками молодые мамаши, которые тоже проживали свою тяжелую и не очень судьбу, с той только разницей, что совершенно не обращали внимания на проезжающие рейсовые автобусы.

Оля сидела, отвернувшись от своего молодого мужа, и разглядывала пробегающие мима картинки повседневной жизни. Она очень боялась предстоящих родов, и была счастлива, что едет к своей любимой маме за поддержкой.

– Мамочка, я, наверное, буду рожать здесь, – сказала Оля, когда они остались с мамой одни.

– Правильно, дочка! Здесь ведь краевой центр рядом. Мне тоже будет спокойней, если ты будешь рядом. Тем более, Женю забирают осенью в армию, и тебе будет нужна моя помощь. А тебе вдруг осенью приспичит рожать. Нет, ты все правильно сделала. Вот и Ира с внучкой Наташей тоже у нас гостят. Натуле уже год, взрослая выросла «девушка», помогать все норовит. А ты знаешь, что Ира вторым ребенком беременна? – продолжала рассказывать новости мама. – Зятя Володю послали по распределению в Калмыкию, какой-то колхоз поднимать. Им там обещали квартиру дать. Так что если что, то все твои сестрички на месте! Хоть поможете мне с Галкой совладать. Вашей младшей сестре нужно обязательно по голове настучать, вообще от рук отбилась, не слушается меня. Хорошо, хоть отца еще боится, а так вообще не знаю, как с нею справиться.

– Мам, да у нее просто взросление идет. Она же на

следующий год выпускница у нас. Она уже себя взрослой считает. А куда поступать надумала, не знаешь?

– В пединститут наш, ставропольский, ей математика очень хорошо дается, она на физмат будет поступать.

– Ну, пусть, ты ее не сильно гоняй. Она хорошая у нас девочка, добрая.

– Что добрая, то добрая. Целая свора кобелей под забором торчит. А она со всеми дружит. Ей всех жалко, никак выбрать одного не может. Говорит, да я не знаю, что такое любовь! Мне они все как братья.

– Ма, ну и пусть общается. Лучше что ли, если будет этих парней бояться? Вот у нас Лида Николаенко, помнишь? Подруга моя? Так она вообще целыми днями только уроки учила и учила. А с парнями общаться до сих пор не умеет, нет у нее никакого опыта. Так вот, влюбилась она в первого попавшегося парня, Сашку Петрова, водителя председателя нашего колхоза, так он ей мозги делает до сих пор, уже три года. Сам гуляет вовсю, а ее унижает, короче, издевается над нею, а она любит его без памяти и сидит, ждет, когда замуж он ее позовет. А все почему? Потому что опыта у нее в общении с мужчинами нет, понимаешь?!

– Ой, можно подумать, у тебя был опыт общения! Сама такое «г» выбрала, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Мамочка, я же его люблю, как Лида своего Сашку. Но ты знаешь, я, – теоретик, но не практик. Посоветовать могу всем, а сама обязательно кучу ошибок сделаю…

Глава 14

– Поздравляю! У вас, мамаша, девочка! Смотрите! Сегодня все парни родились и одна девушка! Примета такая есть: если все парни и одна девочка за смену, значит, счастливая будет и мужиков у нее будет много, – говорила восторженно акушерка, показывая нового человечка, появившегося на свет.

– Нет, пусть лучше один мужчина будет, но верный, – сказала Оля, улыбаясь.

Девочка была крепкая, с бархатной смуглой кожей. Она смотрела на всех и улыбалась.

– Смотрите! А она улыбается, и глазки строит, точно парням не сдобровать! А папаша ваш ни свет ни заря под окном стоит, ждет! Давайте покажем ему красавицу!

– Его сегодня в армию забирают, поэтому так рано под окнами и стоит. Ему в шесть утра на призывной пункт. Покажите ему красавицу дочку, пусть посмотрит, а то придет, а ей уже три года будет.

Женя смотрел на дочку, а на глаза наворачивались слезы. Он дрожащим голосом крикнул в форточку:

– Я вас очень люблю! Жди меня, и я вернусь, только очень жди! Не обижайтесь на меня! Простите за все!

Время бежала неуловимо. Вся семья нянчила новую родственницу, племянницу, внучку и дочку. Имя «Катя» ей подарил дедушка. Он сказал: «Хочу, чтобы назвали Катюшей».

И запел свою любимую песню, – «Расцветали яблони и груши…». Эту песню он не прекращал петь, с того самого дня, когда приехал с фронта на своей полуторке.

А в Горькой Балке все ждали Олю на работу, и сам Ефим Ефимович, директор школы, приехал к ее родителям, чтобы уговорить Олю вернуться в село. Безграмотные колхозники с нетерпением ждали свою любимую учительницу.

– Оленька, я тебя очень прошу, выходи на работу пораньше, – говорил Ефим Ефимович. – Поехали, наймем тебе кормилицу, няньку дадим, но ты нужна нам на работе. Очень нужна!

– Здрасьте, – сказала забежавшая и раскрасневшаяся младшая сестра Галя Снежко.

Запыхавшаяся, с темными кудряшками, подчеркивающими белизну кожи, розовощекая с огромными зелеными глазами, младшая сестра удивленно рассматривала незнакомого мужчину. Ефим Ефимович о чем-то задумался, глядя на нее, а вслух произнес:

– Здравствуйте, а это кто у нас? – спросил директор школы с

любопытством.

– Это моя младшая сестра, Галя. Она на следующий год выпускница.

– Отлично! Вот и хорошо, что выпускница, мы ее тоже с собой забираем. Школу будет заканчивать у нас, заодно сестре с племянницей поможет.

– Не, я не поеду. А куда я женихов своих дену.

– Вот, насчет женихов, красавица, не переживай. У нас в деревне их пруд пруди. Знаешь, какие красивые у нас парни? Поехали, я тебе гарантирую, что у тебя будут лучшие женихи села.

– Какие женихи?! – укоризненно спросила мама Оли, подкладывая гостю лучшие кусочки только что зарубленной и вкусно приготовленной курицы. – Ефим Ефимович, ну вы даете, сначала одну дочку забрали к себе в школу, теперь другую тоже забираете. Я знаю, что с вами они там не пропадут, видела на свадьбе, какая у вас дружная учительская семья. Но Галю с последнего класса забирать не позволю.

– Ну ладно, тогда я сам с Олей и маленькой Катенькой буду сидеть в кабинете директора, и нянчить вашу внучку на педсоветах.

– Подождите, я не поняла, – сказала Валентина Матвеевна. – Так Оля что едет с вами в Горькую Балку?

– Да, у нас аврал без нее, все только хотят учиться у Ольги Семеновны, и больше ни у кого. Работать некому, толковых специалистов нет. Я приехал просить у вас, Валентина Матвеевна, вашу старшую дочь Олю, чтобы выручала бедного директора школы. Я здесь был на августовской краевой конференции. Вот заодно решил у вас Олю отпросить. А здесь такая удача. Сразу и нянька нашлась. Лучше родной тети Гали Снежко, никто племянницу не воспитает.

– Нет, нет и нет. Я их никуда не отпущу. Хотите, обижайтесь на меня, хотите, нет, Ефим Ефимович, но куда Оле на работу. Она еще после родов не окрепла. Муж в армии. Как она там одна.

– Так, поехали и вы с нами!

– Нет, я не могу. У меня работа. Мне до пенсии доработать нужно. Я человек ответственный. Я одна на своем участке. Я не могу людей подвести.

– Тем более, вы меня должны понять и пожалеть. Да и дочери все в вас пошли, тоже очень ответственные, и тоже не могут людей подвести. Поверьте мне, я под честное слово боевого офицера забираю ваших дочерей к себе в школу, и обещаю, что ни один волосок не упадет с их головы.

– Мамочка, ну отпусти нас, – стала упрашивать маму

младшая дочь Галя. – Если мне что-нибудь там не понравится, я сразу тебе телеграммку пришлю, и ты за нами приедешь, – сказала она, ласково обнимая маму.

– Ах, ты егоза, ласковая дитятко и, правду говорят, двух маток сосет. Ладно, уговорили вы меня, езжайте, только быстрее, пока отец с работы не пришел. А то он вам даст и Горькую Балку, и школу, и женихов местных.

– Спасибо большое! – обрадовался Ефим Ефимович. – А с Галочкой будут заниматься лучшие учителя! Она поступит в институт без всяких проблем. Вашу внучку, принцессу Екатерину, мы быстро, с ветерком, доставим на нашей школьной машине «Волга»! Видели, колхоз нам выделил современный автомобиль? Так что мы без промедления, славненько доставим ценный груз домой. И обещаю каждые каникулы на нашей новой машине так же привозить их к вам в гости.

Глава 15

Горькая Балка радостно встретила своих старых и новых жителей солнечной погодой без единого дуновения ветерка. Ласточки низко летали и весело щебетали, приветствуя Олю Снежко с дочерью Катей и младшей сестрой Галей.

Дом важно стоял в окружении фруктовых деревьев, и, по-родственному, как всегда, подмигивал своим окошком. Голубая дверь распахнула свои объятия, пропуская в прохладу Галю и маленькую Катеньку.

Галя зашла в дом, как будто была здесь уже ни один раз. Огляделась по сторонам, прошлась по комнатам, включила диковинку века, – телевизор и круглыми глазами уставилась в говорящий ящик. Ей было все интересно здесь: и красивый трельяж с тремя зеркалами, и стеклянный буфет с посудой, и круглый деревянный раздвижной старинный стол.

– А вы тут живете лучше, чем городские! У вас прямо очень здесь все по-модному и очень красиво! – сказала Галя восхищенно.

– Да, сестричка, это наши коллеги подарили все это на свадьбу. Только трельяж мы сами с Женей купили, с зарплаты денег насобирали.

И не успела она закончить свой рассказ, как в комнату ворвались веселые девчата и ребята: две Верочки с мужьями и Лида с Александром Петровым.

После комсомольской свадьбы Оли Снежко, девочки тоже выскочили замуж. Верочка Маленькая, – за Юру-зоотехника, местного весельчака, а Вера Большая за баскетболиста Петра-комбайнера, как и пророчил ей Женя Черкашин. Они считались самой высокой парой села.

Вера Большая была на последнем сроке беременности. Но она всегда была отчаянной и до последнего находилась в строю.

– Ура! Оленька, ты вернулась! Галчонок, и ты приехала?! Вот молодцы! – обнимали подруг девочки. – Нам Ефим Ефимович сообщил эту радостную новость, что он вас привез. Покажите нам нашу принцессу, – кричали радостные подруги, заглядывая под одеяло. – Какая красавица! Царица! Екатерина Великая!

Девочки восхищались новым членом их дружного коллектива, который месяц назад родился. Катя улыбалась им, протягивала ручки и хотела быстрее встать и побежать вместе с ними.

– А мы собрались на водохранилище Отказненское. Жара замучила, дышать нечем. Хоть окунемся, – радостно сообщила

Верочка Маленькая.

– Мясо замариновали, едем на природу жарить шашлыки! – перебила ее Вера Большая. – Оля, поехали с нами! Мы на двух машинах решили прокатиться с ветерком! Бери Катюшу, Галю и поехали с нами. Когда еще выходные будут. Скоро на работу! Бабье лето как-никак!

– Ура! Поехали, Оля! – радостно закричала младшая сестра Галя. – Мой приезд заодно отметим!

– Хорошо, поехали! – сказала Оля Снежко. – Можно подумать ты не накаталась с Ефим Ефимовичем сегодня?!

В это время Катенька очень сильно заплакала. И Оля вздохнула, подходя, к дочери и грустно произнесла:

– Наверное, животик крутит. Да и маленькому ребенку отдых нужен. Я, наверное, уже отъездилась. Мне дочку нужно беречь. Все никак не свыкнусь с мыслью, что я, – мама. Сейчас я ее купать буду, а ты, Галочка, успеешь еще накататься. Мне помощь твоя нужна. Так что ты тоже не поедешь. Ты же мне помогать приехала, а не отдыхать?

– Хорошо, как скажешь, – надув губки, произнесла Галя. – Мама сказала, чтобы я тебя слушалась. Да и правда, мы сегодня уже накатались, аж голова кружиться. Спасибо! Езжайте без нас. Но шашлыков привезите. Я их очень люблю! – беззастенчиво крикнула Галя девчонкам, которых она очень хорошо знала, потому что они часто гостили у них дома в Шпаковке, когда были студентами. И Галя, можно сказать, выросла у них на глазах.

– Жаль! Ну ладно, другой раз поедете! Пока! – сказал Юра-зоотехник, весельчак и балагур.

Это были его последние слова. В тот день он домой не вернулся…

…Ребята поехали в село Отказное на водохранилище, посидели на природе, пожарили шашлыки, выпили… И, накупавшись вдоволь, решили рвануть в Зеленокумск на танцы. Им было весело, машина председателя колхоза была в их полном распоряжении. Впереди у них была целая, никогда не заканчивающаяся интересная жизнь! Так они думали…

Первый парень на деревне, Александр Петров, все так же смеясь, кричал, что председатель колхоза второй человек после него. А он хозяин всей Горькой Балки и Вселенной…

В тот день ничего не предвещало беды. Но внезапно небо стало абсолютно черным, пошел сильный ливень. Видимость была низкая, обочину размыло. Машина неслась на большой скорости, зацепила обочину, юзом пронеслась по мокрой дороге и, несколько раз перевернувшись, полетела в обрыв…

Сколько было крови в той аварии! Самое страшное было то,

что из обломков искореженной машины доставали покалеченных молодых людей.

Вера Большая родила в том самом овраге. Скорая помощь вывозила одного за другим изувеченных молодых людей, пострадавших в этой чудовищной аварии. Чуда не случилось. И ребята потеряли самого любимого своего друга Юрку-весельчака…

Лидия Николаенко сидела на переднем сиденье рядом с Александром Петровым, она странным образом осталась жива. Место, где она находилась, было снесено до самого водительского сиденья. Ужасным было то, что у нее, – учителя русского языка и литературы, Лидии Васильевны Николаенко, – отрезало на правой руке все пальцы.

Всех ребят в тяжелом состоянии доставили в краевой центр. В состоянии шока находились не только ребята, а все жители села Горькая Балка. Такой страшной аварии никто никогда не видел!

Оля, прижимая к себе сестру Галю и дочь Катю, понимала, что она была на волосок от смерти в тот роковой день. И что чудом осталась жива, потому что не поехала с ребятами, хотя очень хотела. Она никак не могла поверить в случившееся. Ей казалось, что все это снится. Но нужно было взять себя в руки и поддержать подруг в трудную минуту.

– Лида, как ты себя чувствуешь? – спросила Оля, сидя в больнице возле постели подруги.

– Мне сегодня немного лучше, – ответила, продолжающая все время плакать подруга. – Но мне все равно не хочется жить. Смотри, Оля, какая я теперь учительница русского языка? Я теперь инвалид. Я не смогу теперь быть учительницей, без правой руки. А зачем мне жить без моей любимой профессии. Вся жизнь мгновенно остановилась. Вчера было все, а сегодня – ничего. Как страшно жить! Почему судьба сыграла со мной такую злую шутку. Я ведь жила, никому ничего плохого не делала. Жила по совести. Оля, ну скажи, почему я?! Почему именно я?! Ты моя самая близкая подруга. Ты меня давно знаешь. На каком этапе моей жизни я согрешила, что не так сделала?! За что я так наказана?! Зачем осталась жива? Лучше бы вместе с Юркой меня не стало. А теперь я, – калека.

Она поднесла свою забинтованную правую руку к заплаканному лицу. И еще сильнее запричитала:

– Господи, забери меня лучше насовсем. Зачем оставил мучиться на этой земле?!

Оля посмотрела на подругу и слезы непроизвольно полились ручьем из глаз. Она гладила Лиду по голове, поправляла на ней одеяло. Она не знала, как успокоить ее. Потом взяла Лиду за

левую руку, сильно сжала ее и, посмотрев на бинты, строго произнесла:

– Прекрати истерику сейчас же! Ты и меня извела вконец. Смотри, а то у меня молоко пропадет. Давай не думать о плохом. Ну, уже случилось, ничего не изменить. А жить по-новому, – можно научиться! Ведь есть люди, которые вообще правой рукой никогда не писали, а только левой рукой. Вот и ты выйдешь из больницы и научишься писать левой рукой. Да уже в больнице время не теряй, бери и начинай учиться писать левой рукой. Завтра же принесу тебе тетрадь и ручку. И не паникуй. Ноги целы, голова на месте. Подумаешь, вместо правой руки будешь писать левой, вот и вся разница.

– Да и то верно, – сказала, постепенно успокаиваясь, Лида. – Что это я, совсем расклеилась, нужно взять себя в руки! А как же наши отцы и деды после войны без рук и без ног приходили. Вон, и Ефим Ефимович с одним глазом с войны вернулся и не жалуется на жизнь. Точно, буду левой рукой работать. Ты же знаешь, я сильная, я справлюсь. Оля, а Саша, слава Богу, живой, да?

– Да, живой твой Саша, что с ним будет. Поцарапался немного, меньше всех пострадал. Кстати, он уже к тебе приходил в больницу?

– Пока еще нет, но обязательно придет. Он же меня любит.

– Конечно, любит. Вы с ним и свадьбу сыграете, и дети у вас будут. Все будет хорошо! А ты, – жить не хочу, почему Бог не забрал?! У тебя вся жизнь впереди! Завтра принесу тебе ручку и тетрадь. Ты – сильная. У тебя все получится.

– Оля, а тебя ведь Бог уберег с Катей и Галочкой, не пустил вас с нами в тот день! Я как вспомню, что могло бы с вами случиться, если бы вы поехали. Слава Богу, хоть ребенка с собой не потащили. Да и вообще, и Галочку с собой собирались еще брать. Нас бы твой папа, Семен Яковлевич, точно всех разорвал бы за вас.

– Я сама чуть сознание не потеряла, когда Людмила Егоровна прибежала вся в слезах и как закричит, что вы все погибли в той страшной аварии. Я думала, что у меня разрыв сердца будет. Все село говорило, что вы насмерть разбились. Это был такой удар для всех.

Юру Весельчака хоронили всем селом, людей было очень много. И все только и говорили, что Бог хороших людей забирает быстрее, чтобы здесь поменьше мучились, а плохих держит очень долго, чтобы успели понять свои ошибки и грехи отмолить.

Земляки за всех молились, пока они были в больнице. Даже наш партийный председатель колхоза, так и сказал: «Пусть меня

партия простит, а вы, горькобалковцы, молитесь за нашу молодежь, чтобы живы остались. Они нам очень нужны!»

Слава Богу, что Верочка Маленькая, Петр-комбайнер только переломами отделались. Вера Большая родила в искореженной машине. И, слава Богу, ни она, ни ее дочь, которую назвали Розой, не пострадали!

Оля выхаживала подруг и сидела возле Лиды каждый день.

– Ты даже и не думай о том, что жизнь кончилась, – убеждала Оля подругу. – Жизнь только начинается. Давай выздоравливай быстрей и на работу. Хватит слезы лить, а то, как замуж пойдешь с опухшей рожей.

В палату, смущаясь, заглянул Александр Петров. В руках он держал букет цветов и коробку конфет.

– Здравствуйте, – сказал, заикаясь, юноша. – Я к Лиде.

– Да уж, конечно, не ко мне, – засмеялась Оля. – Проходи, не бойся, теперь бояться уже не стоит. Отбоялись уже все. Проходи. Сейчас у медсестры вазу для цветов спрошу и домой пойду.

– Привет, – наклоняясь и целуя Лиду в лоб, сказал Саша. – Лида, ты замуж за меня пойдешь? – добавил он скороговоркой.

– А ты не боишься, что я калека?! – спросила Лида, уже улыбаясь.

– Нет, ты чего такое несешь! Ты у меня самая красивая! Выйдешь из больницы, фату и платье поедем покупать. И еще туфли красивые. Мама сказала, что мы тебе самое дорогое платье купим.

– Мама?! Она же всегда против нашей свадьбы была!

– Да нет, она просто так из-за вредности себя вела. А вообще она выбор мой одобряет. Так я не понял, ты согласна или нет? – испуганно спросил Саша.

– Я же люблю тебя, ты же знаешь. Конечно, я согласна, – ответила счастливая Лида.

Оля поставила букет цветов в вазу, освободила место для нее на тумбочке и потихоньку вышла, оставив молодых одних.

Все село злословило, что женится Сашка на Лидке только потому, что испугался, что его в тюрьму посадят, потому что Лидин папа, большой начальник, приехал и потребовал наказание этому шоферишке, который молодежь искалечил. Богатые родители Сашки Петрова выплатили за своего бестолкового сыночка кругленькую сумму денег, лишь бы его не упекли в тюрьму. А с девушкой решили поступить по справедливости, – взять ее в жены…

В селе все радовались этому событию. Но Клара Андреевна никак не могла успокоиться, что вышло все не так, как она хотела. Она подрезала тормозные шланги, в точной уверенности,

что в машине поедет Оля. И, конечно, предполагала другой исход этой аварии. При встрече с Кавказцем она, оправдываясь, говорила, что сделала все так, как он ей велел.

– Ну, ничего, они у меня еще попляшут! – говорила она со злостью незнакомцу. – Вот ведь живучие все оказались! Все им нипочем. Видно я торопилась и плохо подрезала тормозной шланг, когда они к Ольги Снежко забегали перед поездкой на водохранилище.

– Ты все сделала правильно, только Ольги Снежко в машине не оказалось! – зло сплюнув, произнес Кавказец-незнакомец. – Ее нужно убирать.

Глава 16

– Здравствуйте, дорогие мои выпускники. Познакомьтесь, это ваша новая подруга и одноклассница Галя Снежко, – представил Ефим Ефимович новую ученицу. – Она родная сестра нашей Ольге Семеновне Черкашиной, приехала помочь нянчить свою племянницу, принцессу Катюшу. Видите, какой серьезный и взрослый поступок. Быть всегда нужной своей родной семье и своей стране, – это дело каждого из нас. Только тогда, когда мы будем одной дружной семьей, только тогда у нас будет очень сильное государство и никакой враг нам не будет страшен.

– Проходи, Галочка, будь как дома, – подтолкнул ее по-родственному, директор школы Ефим Ефимович.

– Проходи, садись, – сказала улыбаясь Вера Большая, их классный руководитель.

После аварии она быстро пошла на поправку, и только гипс на левой руке напоминал о случившемся.

– Меня зовут Вера Матвеевна. Я ваша классная руководительница, – представилась она, улыбаясь. Ничем не выдав, давнишнее знакомство. – Класс у нас дружный. Все друг друга уважают. А если нет, то разговор у нас короткий. Мы разбираем неугодного на совете класса. И даем шанс остаться в комсомольской организации. У нас учатся только самые лучшие и самые дружные дети.

Класс и правда был очень дружным. Не было среди ребят никаких злых придирок друг к другу. Все были очень добродушными и отзывчивыми. У них даже мальчишки с девчонками советовались, кого взять в женихи и невесты. Девочки шушукались между собой и делились своими чувствами, рассказывая о своих симпатиях. Мальчишки умудрялись, смеясь, подбегать к девушкам и подслушивать, что о них болтают девчонки. Парни были красивыми и сильными. Серьезно занимались спортом, учились тоже неплохо. Все обязательно собирались поступать в институт.

Десятый «Б» класс был самым образцовым в школе. Почти все учились на «хорошо» и «отлично». После уроков гоняли, как обыкновенные деревенские мальчишки на мотоциклах и бегали в кино и на танцы под духовой оркестр.

Галя Снежко очень нравилась всем одноклассникам. Она была человеком веселым, открытым и очень хорошим, преданным другом. Легко общаясь, она также легко вошла в коллектив. Мальчишки один за другим увивались за нею, как всегда. Но она знала себе цену, держалась со всеми одинаково ровно, особо

никого не выделяла, и была, как всегда, для всех, – хорошим «другом – пацанкой».

Но в один прекрасный солнечный день Галя стояла со своими одноклассниками на пороге школы и, как всегда, весело болтала. Вдруг она внезапно замолчала и, повернув голову, уставилась на молодого человека, который шел ей навстречу.

– Девочки, кто это? – спросила Галя, хватаясь за сердце.

– Где?

– Да вон там, видите? Идет руки в брюки в белой рубашке и лаковых туфлях. Вон он еще нам машет.

– А так это Витька Шевцов. Он на год младше нас учится.

– Красивый, да? – оглядываясь на юношу, восхищенно произнесла Галя.

– Смотри, а он тоже на тебя загляделся.

– Может и не на меня! Может на тебя, – засмеялась, толкая подругу, Галя.

У Гали появилась близкая подруга, тоже новенькая в этом классе, родная сестра Лиды Николаенко, ее младшая сестра, – Таня. Она приехала ухаживать за Лидой после той страшной аварии. Подруги, Галя и Таня, всегда ходили вместе. По-очереди ухаживали за маленькой Катей, вместе ходили в больницу, – помогать Лиде. Они очень подружились. И у них друг от друга не было никаких секретов.

– Танечка, я, кажется, влюбилась! Представляешь, любовь с первого взгляда, – сказала Галя краснея. – А тебе нравится Витька Шевцов, или нет?

– Да так себе, ничего, симпатичный, – смеялась Таня.

– Да ты что, симпатичный?! Он самый красивый на свете! – возмущалась Галя.

– Не знаю, но, он же молодой.

– Всего на год младше меня. Вон у нашей Оли муж на пять лет младше. А Витька только на год.

– Ну, смотри сама. Он же из богатой семьи. А они нас к себе не подпускают. Нас, бедных, им не понять.

– Да какие там бедные и богатые? Это раньше было. А сейчас все люди равны. Ты такое говоришь, как будто мы в прошлом веке живем. У нас же нет ни бедных, ни богатых. Мы же все одинаковые. В одной стране живем.

– Да это, может быть, у вас в городе все равны. А в деревне еще живы предрассудки. Ты еще увидишь это? Вон моя Лида долго замуж не могла выйти за Сашку Петрова. Думаешь почему? Потому что мы бедная интеллигенция. И еще не факт, что, если бы не авария, ему разрешили на ней жениться.

– Да нет, ты что? У них же любовь. Ты видела, как она на него

смотрит. Я у них на свадьбе была. Видела, как они целовались? Да и вообще он ее на руках выносил из Загса. И мать его хоть и сидела на свадьбе как на похоронах, так это только из вредности, как Оля говорит.

– Ну ладно, посмотрим, что из этой твоей любви к Витьке будет. Но он тоже все время на тебя смотрит, я замечаю все. Я буду на юриста поступать. Думаю, что он тоже в тебя влюблен. Вот сегодня пойдем на танцы, я специально посмотрю. И расскажу тебе, как он на тебя смотрит, хорошо?

– Отлично, следопыт. А я никогда в жизни так никого не боялась из парней, как его, – сказала, округлив глаза, Галя Снежко.

Вечером того же дня девочки и ребята из десятого «Б» класса пошли на танцы.

Музыка гремела на всю деревню. Все жители села закрывали свои дома и шли вечером в клуб. Здание «КЛУБ» величаво стояло, подсвеченное фонарями, как огромная желтая луна на фоне черного неба. Стиль барокко в виде лепнины с музыкальной тематикой, – с арфой, гуслями, девушками, играющими на этих инструментах, – красиво высвечивался под крышей. Чуть ниже красовались огромные буквы слова «КЛУБ» все из той же лепнины. Красивее не было в селе здания. Не считая, конечно, единственной школы из красного кирпича под номером восемь.

Девчонки стояли, как всегда, поддерживая стены клуба с одной стороны. Мальчишки точно так же опирались на другую стенку. Они тайком рассматривали понравившихся им девушек, и если замечали, что на них смотрят, то сразу отводили взгляд в сторону. И это могло продолжаться часами, пока, кто посмелей, все – таки не подходил к объекту своего воздыхания и не приглашал на танец. Обычно смелее оказывались девушки. И как только объявляли «белый танец», они бежали через весь зал приглашать понравившихся им парней.

Витьку Шевцова приглашали нарасхват. Галя стояла и смотрела на танцующего юношу, не отрывая глаз. Как только его приглашали танцевать, то Галя шла с первым попавшимся парнем, только быть поближе к Вите. Они встречались глазами, улыбались и, танцуя, оглядывались друг на друга. Первым не выдержал Виктор. Он быстро подошел к стоящей в окружении парней Гале и стал дружно поддерживать беседу. Как только заиграл медленный танец, он сильно дернул Галю за руку и потащил в центр танцевального зала.

– Галя, тебя, прям, не украдешь у твоих многочисленных поклонников! Вон стоят, косятся на меня. Придется, видно, мне из-за тебя драться сегодня с ними.

– Не нужно драться, я этого не люблю. Вообще-то, если драться придется, я в стороне стоять тоже не буду. Если ты думаешь, что я буду стоять в сторонке и наблюдать, как тебя избивают, ты глубоко ошибаешься.

– Да нет, я видел, как ты с мальчишками по шутке дралась. Прям как заправский боец. А давай, сбежим с этих танцев! Пойдем, я тебе наш парк покажу! И наш местный родник. Ты, наверное, еще его не видела. Пойдем?

– Пойдем! Мне интересно, все посмотреть, – ответила, глядя влюбленными глазами, на своего обожателя Галя Снежко.

Ребята выскочили, смеясь, из душного помещения на свежий пьянящий воздух. Вечер был очень спокойным, только темнота ослепила глаза, когда они выбежали из клуба. Присмотревшись, они заметили, что небо высоко – высоко над головой. Звезд на небе великое множество, и они все вытанцовывали в такт звучащей из клуба музыки.

Огромные тополя величественно окружали маленький островок села, под названием, – «Центральный парк», – любимое детище всех влюбленных молодых людей. В парке стояли скамейки и росли на клумбах красивые цветы.

Запах маленьких светло – фиолетовых цветочков разносился на все село. Именно ночью они начинали свою работу. Цветы назывались ночными фиалками, потому что только в темноте начинали играть свою мелодию тонкого и сладкого аромата. Шлейф пьянящих играющих цветочных нот сопровождал влюбленную парочку повсюду. Они, наслаждались красотой природы, весело болтали и шли, обнявшись, по парку, разыскивая свободную скамейку.

– Галочка, какой чудесный вечер, правда! Ни единого дуновения ветра. Природа замерла специально для нас. Слышно только биение наших сердец. Послушай, пожалуйста, мое сердце, как оно бьется, – сказал Виктор и нежно прижал девушку к себе.

– А ты мое сердце слышишь? – спросила осторожно Галя.

– Да, слышу. А ты? Прислушайся, мне кажется, они стараются поймать один ритм и начинают биться в такт вместе, – прижимая ее руку к своему сердцу и все ближе прикасаясь к Гале, – сказал дрожащим голосом Виктор.

Он нежно и ласково стал покрывать лицо Гали поцелуями, нежно прикасаясь к ее красивым глазам, горящим щекам и жадным до поцелуя губам. Они слились в едином и таком сладком, страстном своем первом поцелуе.

Такого поцелуя никогда раньше ни у нее, ни у него не было. Их сердца бешено набирали обороты, не хватало воздуха от нахлынувших чувств. Тополя кружились вместе с влюбленными, а

танцующие звезды сливались в одну яркую огромную звезду, которая, вспыхнув, угасла и исчезла в огромной вселенной под названием, – Любовь!

Глава 17

– Что случилось, Ира! – кричала в трубку телефона Оля Снежко, когда ее младшая сестра Галочка прибежала домой со своего первого настоящего свидания. – Ира, что случилось? Почему ты плачешь? – продолжала спрашивать Оля испуганно.

Галочка стояла рядом, смотрела на старшую сестру круглыми глазами и не понимала, что происходит.

– Как умер твой муж, Володя?! Он еще совсем молодой! Как сгорел? О чем ты говоришь?! Конечно, приеду. Я сейчас же вылетаю. Катю оставлю с Галочкой. Да не плачь ты. Сейчас бегу за билетами. Господи, потерпи, сестренка, дети где? У соседки? Хорошо, я сегодня же прилечу. Я – в Минводы, в аэропорт!

– Что случилось, Оля? – спрашивала плачущая Галя.

– Володя умер.

– Наш Володя? Зять наш? Иркин муж?

– Да.

– А что случилось?

– Я пока ничего не знаю. Говорит, что сгорел. Я сейчас в аэропорт. Ты остаешься с Катей. Ты уже девушка взрослая, справишься не хуже моего с племянницей. Я не могу оставить Иру в таком состоянии одну, понимаешь? Нашей сестре сейчас нужна помощь. Господи, что происходит? Почему несчастья сваливаются на наши головы внезапно. Ничто не предвещает беды и вдруг трагедия в семье. У меня голова идет кругом! Такое ощущение, что тебя с бешеной скоростью закручивает жизнь, и ты не знаешь, что ждет тебя на следующем витке…

Иру Снежко и Володю отправили после окончания учебы, по распределению в Калмыкию. Володю поставили председателем колхоза, поднимать отстающее хозяйство. Он окончил академию с красным дипломом. Ира в том же году институт Торговли и тоже с отличием. Ее назначили на должность председателя райпотребсоюза. Лучшей семьи нельзя было и представить. Очень красивая и перспективная пара. Жили они лучше всех, в огромном достатке.

Так получилось, что им очень повезло как – то сразу. Молодым специалистам выделили огромный дом, самый лучший в селе. У них было очень большое хозяйство: утки, гуси, коровы. В магазинах в то время было всегда пусто, процветал дефицит. Но в семье председателя колхоза Володи Пантюхова и его жены Ирины Снежко, председателя райпотребсоюза, – всегда было всего полно. Ира постоянно высылала посылки своим любимым сестричкам: то красивую кофточку, то красивое пальто. Она в Шпаковское

привозила маме и папе коробками шоколадное масло, ящиками поставляла яблоки и виноград, корзинами колбасу и различный дефицит. Зарплаты у них были очень большие, денег хватало на все. Из всех трех сестер семьи Снежко, Ира жила лучше всех. Не зря говорится: будут богаты мои родственники, – будем богаты и мы. Ира и Володя очень помогали всем родственникам и с той, и с другой стороны.

Все у Иры было хорошо на первый взгляд. Ей все завидовали и даже не догадывались, что у нее в семье было не все гладко. Ира тщательно скрывала от всех, и даже от родных сестер, что муж ее очень любит выпить. Володя пил всегда со всеми подряд, не разбирая чинов и заслуг. Он никогда не различал людей по их статусу. И всегда говорил: «Для Бога мы все черви. Кто пожирнее, кто похудее, но мы – никто! Мы все равны, будь то Генеральный секретарь, будь то дворник. Главное, оставаться человеком!».

И Володя, будучи председателем колхоза, пил со скотниками, чабанами, врачами, учителями и дворниками. Он пользовался большим авторитетом, потому что умел «держать водку». Всех всегда напаивал, выслушивал внимательно, а потом аккуратно объяснял им политику партии. Как специалисту ему тоже не было равных. Он знал буквально все.

Он был настоящим председателем, вожаком, предводителем. Ему был всего тридцать один год. Ира родила ему двух очаровательных детей, девочку Наташу и сына Сашу. Сама Ира, вообще спиртное, не признавала ни в каком виде. Она очень сильно боролась с пагубной привычкой мужа. Но так и не смогла уберечь своего любимого Володечку от смерти!

– Прости! Не уберегла! – причитала Ира на похоронах.

– Как это произошло?! – обнимая сестру, спрашивала Оля, прилетев к ней на первом же самолете.

– Да что рассказывать?! Я, как всегда, ему устроила разгон. Сказала, чтобы больше никаких пьянок. Ну, прихожу с работы, он опять подшофе и собирается идти на кошару к своим чабанам. Я пыталась и по – плохому, и по – хорошему его оставить дома. А он говорит, что ему срочно нужно туда по работе. Короче, он меня оттолкнул и ушел. Я разозлилась, собрала детей и увела их к подруге. Всю ночь не могла уснуть. А под утро, чуть задремала, меня как кто в бок толкнул. Я выскочила на улицу, смотрю, а со стороны нашего дома дым валит. Я бегом туда, прибегаю. Дом весь в огне. Я дверь еле открыла. Ты же знаешь, двери у нас на пружинах мощные, и чтобы их открыть, сила нужна огромная. Я вбежала, зову его, зову, а он не отзывается. Тогда я намочила платок холодной водой, закрыла лицо и побежала по комнатам его искать. Дверь только открыла в зал, огонь как вспыхнет. Я

сама в том огне чуть не сгорела. По комнатам побежала, смотрю, лежит мой Володенька возле окна в спальне. Видно, – хотел окно открыть. А сам весь как уголь черный, и волдыри где пульс.

Схватила я его, потащила через огонь к выходу. Вынесла на улицу. Кричу, чтобы хоть кто – нибудь помог. А он лежит и не дышит. Я испугалась, зову людей, стал народ сбегаться. Машина пожарная подъехала, стала пожар тушить. В это время грузовая машина проезжала мимо. Я под колеса, шофера уговорила, чтобы он в райцентр, в больницу его отвез. Он согласился. Мы его в кабину машины затащили, я наверх залезла, в кузов. Кричу, чтобы в больницу быстрее вез. Помчались мы быстро. А на полпути, машина остановилась, и моего Володю шофер вытолкал из машины. Сказал, что он дух испустил, – умер, говорит, ваш муж.

И уехал, а я осталась с ним в его любимом поле, которое он под озимые вспахал. На все поле навзрыд причитала. А вокруг вороны черным облаком летают и так отвратительно каркают! Потом ничего не помню, помню, как люди, какие – то меня в одну сторону повезли, его в другую. Потом из милиции приходили, и из морга. Я все как в тумане помню. Тебе позвонила, и все, – больше ничего не помню.

– Ира, дорогая моя сестренка. Но теперь нельзя так убиваться, его все равно не вернешь. А детей нужно поднимать. Поэтому ради детей нужно жить. Пойдем к детям. Пойдем. Где они?

– Они у моей подруги. Я им ничего не сказала, и не скажу. Потом может быть как – нибудь объясню, где их папа. И ты ничего не говори им.

– Хорошо, я ничего не скажу. Может, давай я вас к себе в Горькую Балку заберу? Вам здесь оставаться не нужно. Вам здесь все о Володе будет напоминать. Поехали ко мне в село?

– Нет, я здесь однозначно не останусь. Я к маме в Шпаковку поеду. Здесь все продам: хозяйство, дом, а там что – нибудь себе построю. Я к маме поеду, – плакала Ира.

– Вон, смотри, мама с папой приехали, пойдем встречать, – сказала Оля поднимаясь.

– Господи, а любимый зять их уже никогда не встретит! – запричитала Ира, увидев своих родных.

Глава 18

Дни летели с бешеной скоростью. Каждый день кто – то рождался, кто – то умирал. Жизнь шла своим чередом.

Прошли уже осень и зима. Оля Снежко с дочерью Катей поехала на весенних каникулах навестить убитую горем среднюю сестру Иру, которая переехала с детьми жить к родителям в село Шпаковское. Молодая женщина никак не могла отойти от смерти любимого мужа и даже не замечала, что на улице весна устраивала свои праздники с распусканием почек, ковровым одеванием молодой травы и весенней капелью.

Запахи весны в деревне были под стать настроению живущих там людей. Аромат весны был дурманящим: сладковато – фруктовым от цветущих абрикос, геоцинтов, крокусов и светло – розовых яблонь! Весеннее настроение витало в воздухе и заставляло людей постоянно улыбаться, потому что эти запахи будоражили душу сладостными желаниями.

Жизнь продолжалась. Младшая сестра Галя не поехала в Шпаковское, потому что готовилась к выпускным экзаменам и ходила на консультации и факультативы. Она осталась на весенних каникулах в Горькой Балке. Времени на подготовку оставалось очень мало, Галочка собиралась поступать в этом году в педагогический институт и все свободное время проводила за учебниками и со своим любимым другом Витей Шевцовым.

Выпускница Галя Снежко расцвела, как молодая красивая роза в нераспустившемся бутоне, с трепетно – нежными бархатными лепестками, тянувшимися навстречу южному теплому солнцу. Галя ходила опьяненная любовью. Каждый день она проводила с Витей Шевцовым. Они не могли расстаться друг с другом ни на минуту. Витя провожал ее в школу и встречал ее после уроков. Он стал уже членом их небольшой женской семьи. По Горькой Балке Галя с Витей ходили вместе и никого не замечали. К их любви нельзя было подойти и на метр. Они ревностно защищали свою территорию, и не позволяли даже взглядом коситься в сторону их любви.

– Галочка, а твоя сестра уехала? – хитро спросил Виктор, когда провожал девушку из школы.

– Да, а почему ты так странно смотришь?

– Галь, ну пойдем к тебе, чаю попьем. Я так проголодался ужас, как, – сказал юноша с видом худеющего молодого мужчины прямо на глазах у влюбленной девушки, вытянув указательными пальцами лицо.

– Ах ты, хитрец! Но, ладно, пошли, так и быть, уж, покормлю

тебя. У самого даже щеки выпирают в стороны. А он все голодает, – засмеялась Галя.

Не успели они войти в дом, как Виктор, оставив свое шутовство, вдруг очень серьезно посмотрел на Галю, встал перед нею на колени и, как юный Ромео, со слезами на глазах сказал:

– Я очень сильно тебя люблю. Мне кажется, что я дышать не смогу, если тебя не будет рядом со мной. Я ничего не могу с собой сделать. Я так боюсь, что ты скоро уедешь в свой институт и бросишь меня.

И он стал покрывать ее руки, лицо, волосы поцелуями, прижался к ней так сильно, что Галя даже испугалась такого напора. Момент неожиданности сыграл свою злую шутку, и они пылкой юношеской любовью страстно слились в поцелуе и объятиях. У обоих закружилась голова, влюбленные, упав на ковер, уже не понимали, что делают. В огромной жажде овладеть друг другом, они дрожащими руками срывали одежду. Их захлестнуло, неизведанное до сей поры чувство, Все, что с ними происходило, происходило как во сне! Они были на вершине блаженства, и даже не догадывались, какие последствия могут их ожидать в дальнейшей жизни. В этот момент они не могли думать ни о чем, кроме как о своей любви!

Страсть их поглотила целиком. И даже, когда Галя вскрикнула от сильной боли, она не могла прийти в себя, потому что все, что с нею происходило в этот момент, происходило как в волшебном сне. Она так давно ждала этого! Она знала одно: что любит и любима! И была безумно счастлива от этого нового чувства, которое называется, – Любовью.

Затем они вместе замывали кровь ее невинности на ковре и постоянно целовались, как только прикасались головами друг к другу. Счастливее молодых людей в этот момент не было на земле! В этот миг весь мир принадлежал, – только им двоим. И никому больше! И не было в этот момент красивее и счастливее людей на земле.

– Галочка, ты не переживай! Я окончу школу, и мы обязательно поженимся, – говорил счастливый Виктор Шевцов. – У нас с тобой все будет хорошо. Я очень тебя люблю, и мы никогда не расстанемся! У нас будет очень счастливая семья и много умных детей.

– Вить, а если я забеременею, ты меня бросишь?

– Ты что, глупенькая, я только от тебя хочу детей, больше ни от кого. Я буду к тебе приезжать в институт, когда ты поступишь. А ты ко мне на каникулах будешь приезжать. Так жаль, что мы не в одном классе учимся. Рванули бы вместе в институт. Ну ладно, время быстро бежит. На следующий год я тоже поступлю. Мы все

равно будем вместе.

Время действительно бежало стремительно. Галя окончила школу, летом поступила в пединститут на физмат в Ставрополе. И с удовольствием посещала лекции и семинары. Об одном она очень переживала: что редко видит Виктора. Но молодой человек почти каждые выходные приезжал к Галочке в общежитие. Знал всех ее друзей и подруг. Постоянно вечерами пел ей под окнами серенады. И самый первый поджидал ее с одеждой возле гардероба. Однокурсницы все были влюблены в красивого надежного друга Гали Снежко. Их любви завидовали все от мала – до велика. Они почти никогда не ссорились, постоянно не могли оторваться друг от друга и торопили время, чтобы быть вместе навсегда.

– Почему так тянется время? – спрашивала, Галя, вздыхая.

– Мне кажется, что оно вообще остановилось, – отвечал ей Виктор. – Но главное, что мы все равно будем вместе, потому что я очень тебя люблю.

– И я тебя очень – очень. Ты скоро тоже будешь студентом, и тогда мы сможем вместе снять квартиру и не просить сестру Иру пойти погулять с племянниками в парке.

Ира с детьми после смерти мужа продала все свое хозяйство в Калмыкии и купила квартиру в Ставрополе. И Галя с Виктором постоянно ходили к ней в гости.

– У нас тоже будет свой дом и очень много красивых детей, – мечтали молодые люди. – Мы обязательно поженимся и будем жить долго и счастливо! – говорили они, обнявшись на вокзале и ожидая очередного автобуса в Горькую Балку, на котором уедет Виктор, чтобы вернуться вновь.

Круговорот событий набирал скорость с космической быстротой.

Виктор окончил школу, поступил вместо пединститута, как обещал Гале, в сельхозинститут. Родители нашли ему богатую невесту. А Галю Снежко он, беременную, бросил.

Галя вышла замуж за первого попавшегося парня, очень богатого жениха, – Федора Кузнецова, который имел свой собственный дом, машину и даже торговую лавку. Она, конечно, быстро сделала аборт незадолго до замужества. Ей в то время было все равно, какие последствия ей подарит этот ее опрометчивый поступок. Но начинать семейную жизнь со лжи ей не хотелось. Это было не в правилах семьи Снежко.

Прошел год Галиного замужества. Федя души не чаял в своей молодой жене. Он был очень хозяйственным молодым человеком. Строил огромные планы на будущее и носил молодую жену на руках. Каждый день готовил для Галочки ужин и ждал ее

уставшую с занятий.

Но судьбе было угодно, чтобы Виктор Шевцов опять появился в ее жизни. Он нашел ее, стал преследовать и уговаривать выйти за него замуж. Виктор плакал, просил прощения и клялся в вечной, долгой любви.

– Галя, что ты наделала? – говорил он ей, встречая ее из института каждый день. – Галочка, я не могу жить без тебя. Прости меня, пожалуйста, прости, что струсил и сбежал, когда ты была в таком положении. Зачем ты сделала аборт? Я не хочу жить без тебя. Разводись со своим мужем. Ты же его не любишь. Ты же любишь только меня. Давай поженимся, я очень тебя прошу. Если ты не разведешься со своим мужем, я тебе обещаю, что покончу жизнь самоубийством.

Галя продолжала любить своего Витю Шевцова так же сильно, как тогда, когда увидела его в первый раз. Она очень переживала, что обижает хорошего человека, – своего мужа Федора. И в один она все честно ему рассказала и подала на развод.

В назначенный час, возле центральных ворот парка, – на Комсомольской горке, Галя ждала своего Витюшу. Она пришла с документами, подтверждающими, что она полностью свободна и теперь они смогут пожениться. Она сделала все, о чем просил ее Виктор. Увидев его, Галя счастливая побежала ему навстречу. Она даже не заметила, что Виктор был не один.

Виктор подходил к центральным воротам парка, и вел под руку симпатичную высокую девушку. Подойдя к Гале, он спросил:

– Покажи документы о разводе.

Галя, смотрела на Виктора влюбленными глазами, не подозревая, ни о чем.

«Может быть, это двоюродная сестра, – подумала она, глядя на незнакомую девушку, которую Виктор держал под руку. – Наверное, она будет у нас свидетельницей на свадьбе. Витя всегда был очень предусмотрительным молодым человеком.».

– Познакомься, – сказал Виктор Шевцов, возвращая Гале документы. – Это моя жена, Лена. Считай, мы в расчете! Я очень хотел тебе отомстить за то, что ты сделала аборт. Запомни одно: мы с Аленой любим друг друга, и ты больше не путайся у меня под ногами и не бегай за женатыми мужчинами, поняла?!

Мимо проходил взвод курсантов. Они внимательно смотрели на парня и двух девушек. Одна из которых ехидно улыбалась. А другая, широко открыв глаза, непонимающе смотрела на происходящее, а из глаз лились водопадом слезы. Галя медленно подошла к Виктору, пристально посмотрела ему в глаза.

– Ну ты и подлец! Я не забуду этот урок никогда! – произнесла Галя. И, смачно отвесив ему звонкую пощечину, гордо

развернулась и пошла прочь.

Глава 19

– Мама, я уезжаю в Мурманск сегодня же, – сказала Галя, рыдая. – Я больше не могу и не хочу здесь оставаться. Мне стыдно вообще жить. У меня больше не будет детей, мужа. Я, честно сказать, жить вообще не хочу!

– Галочка, ну разве так можно? У тебя есть мы: папа, сестры, племянники, я. Ты это брось. А твой Витя был подонком, им и останется всю жизнь. Еще неизвестно, кому в этой жизни повезло, – тебе или его жене?

– Мать, что здесь за крики? – спросил, открывая дверь в спальню, Семен Яковлевич.

– Ничего, иди спать! Завтра все узнаешь, – выталкивая мужа и закрывая за ним дверь, тихо сказала Валентина Матвеевна.

– Вот интересно мне завтра все узнавать. Может, кому нужно сегодня рожу набить за мою девочку, так я это с удовольствием сделаю. Кто, дочка, тебя обидел? Муж твой бывший? Так ты ему скажи, что не виновата ты, что не любишь. Я еще на свадьбе вашей видел, что у тебя глаза грустные. Пошли они куда подальше, такие мужья! Знаешь, сколько еще их будет?! Главное детей еще не нарожали, а остальное дело наживное. Если кто тебя полюбит, не переживай, и испорченную замуж возьмет!

При слове «испорченную» Галя как заголосит в голос, как будто кто – то умер!

– Вот успокоил дочку! – закричала на мужа жена и с силой вытолкала его из комнаты. – Вот, олух царя небесного, успокоил! Ты на отца не обижайся, – обратилась она к Гале. – Он же хотел, как лучше. Но ему пока говорить не нужно, что ты уезжаешь. А то он свою любимицу никуда не пустит. А ты и вправду уезжай на время отсюда. Время – лечит. А смена обстановки поможет тебе забыть эту сволочь, прости, что я его так называю. Он еще, доченька, очень сильно пожалеет о том, что так сделал. Он на коленях к тебе приползет! Но мы для него бедные. Я видела, как он брезгливо рассматривал наш дом. У него ведь в селе самый большой дом стоит. Может, не нужно было его к нам домой привозить? Может, не нужно было вообще с ним знакомиться. Ну, что теперь об этом говорить. Не плачь, моя хорошая! Найдешь ты свое счастье. А с Федором вы бы все равно развелись. Не любила ты его никогда, – сказала мама грустно.

– Ма, а ты папу любила? – спросила, успокаиваясь, Галя.

– Теперь люблю! А раньше он мне только нравился. Но он же настырный такой у нас. Увидел меня, влюбился и сватов заслал. А самое смешное, – он в соседней деревне овец чужих пас. Так,

когда мои родители мимо него проезжали, он сказал, что это все овцы его. Сказал, что очень богатый, прям как Карабас Барабас из сказки, и что на неделе сватов зашлет за мной. И родителям моим обещал, что я буду за ним как за каменной стеной. А у нас в семье девять детей было. Жили мы бедно, вот родители мои и клюнули, – на «богатого» жениха. А когда меня отдали за него замуж и мы уехали с ним в его деревню, тогда я и выяснила, что живет он в землянке, а овцы чужие. Но родителей я не стала расстраивать. Стали мы с ним быт налаживать. Уехали в новый совхоз «Большевик», получили жилье и стали оба работать в поте лица и овец скупать, чтоб было чем родителей моих подкармливать и сестер и братьев. А там и Олька родилась, Ира. А потом и ты.

А любила я всю жизнь сына нашего председателя колхоза, да и он меня тоже очень любил. Но его родители были против нашей свадьбы, так как я была бедная на тот момент. Несмотря на то, что до революции предки мои были помещиками. Отец не зря меня называет, – «столбовою дворянкою». Но я тебе про это в другой раз расскажу. Вот и весь сказ. Деньги к деньгам. Времена разные, а нравы одни. Ты тоже по себе ищи мужа там, в Мурманске.

– Нет, больше я замуж не пойду ни за бедного ни за богатого. А ведь Федька богатый был, а не посмотрел на то, что я бедная, и не посмотрел, что испорченная, как папа говорит, сразу взял, потому что любил. И сейчас в любой момент заберет. Он мне так и сказал: «Ты, Галчонок, дурью не майся, если что возвращайся.». Но не люблю я его, я Витьку проклятого все равно люблю. И бегу я не от себя, я от него бегу. Я от любви бегу, – заплакала вновь Галя.

Под кроватью тихо сидели и слышали весь разговор любимые племянницы Гали: Наташа и Катя. Они в это время гостили у бабушки, и все время играли в огромном, как им казалось, доме в прятки. Вот и опять в очередной раз они залезли под кровать и прятались от своих младших братьев. Случайно они услышали плач забегающей тети Гали, а следом увидели ноги забегающей бабушки Вали. Потом услышали весь разговор и «успокаивающего» всех дедушку. Видели, как приоткрылась дверь, и на четвереньках стоял и пытался заглянуть под кровать Сашка. И как дед схватил его за ухо и крикнул: «Да нет здесь никаких девчат, нечего подслушивать бабские разговоры!».

Он так сильно хлопнув дверью, что посыпалась штукатурка и слышно было как пошел к себе в комнату что – то бурча.

– Мурманск, – прошептала Катя на ухо двоюродной сестре Наташе. – Это где такой город? Мне кажется, он на другой

планете.

– Тихо, ты! Это на севере!

– Где?! – спросила Катя.

– На севере, где все время очень холодно, – сказала, одергивая кузину, Наташа.

– А мне нравится название, – Мурманск! – мечтательно произнесла Катя.

Она даже не догадывалась в тот момент, что Круговорот жизни уже приготовил ей «Испытание судьбой» в этом красивом городе…

Глава 20

– Виктор Алексеевич, – удивленно спросила Оля Снежко председателя колхоза. – Какой коттедж? Я правильно поняла, вы мне дарите ко дню учителя коттедж? Это шутка?

– Нет, я дарю вам, Ольга Семеновна, ключи от двухэтажного коттеджа на улице Ленина, как самому лучшему специалисту села Горькая Балка, завучу школы, правой руке Ефим Ефимовича, вы все правильно поняли и это не шутка!

Оля стояла и не верила сказанному. Самая красивая улица села! Центральная улица с нарядными коттеджами и газонными скверами. С фонарями дневного освещения. Со всеми удобствами. Это было как в сказке!

– Поздравляем! – закричали девчата: две Верочки и Лида Николаенко, теперь в замужестве Петрова. Они запрыгали возле своей любимой подруги. – Сегодня идем всем дружным коллективом в твой новый дом.

– Нет, все – таки мне тоже нужно было выходить замуж за приезжего, – засмеялась, Лида Николаенко. – Зачем я вышла замуж за Сашу Петрова, деревенского, – шутила она.

– А я знала, что у них в деревне к мужу и дом в придачу дается, а я хотела современный двухэтажный коттедж получить, поэтому за баскетболиста вышла, – пробасила Вера Большая.

– А я ведь хотела за дагестанца Магомеда выйти еще в институте, помните, – за мою первую любовь! Ну, за того, которому родители не разрешили на мне жениться? Вот бы его перетянуть в Горькую Балку и тоже коттедж получить! – поделилась с подругами Верочка Маленькая.

– Вот, вспомнила, – удивилась Вера Большая. – Он уже, наверное, забыл тебя давно. Перетянуть в Горькую Балку его решила. Коттедж она хочет, хватит Оли завидовать.

– Ну да, конечно, ты же уже в этом коттедже квартиру получила, и притом, самая первая, – запротестовала Верочка Маленькая. – В первом построенном коттедже, между прочим. Ты всю жизнь у нас выше всех, – шутила, как всегда, Верочка Маленькая.

– Я не поняла, ты опять на мой рост намекаешь? Да, мой Петр Васильевич Панов – лучший механизатор села. К тому же, он не местный, поэтому и получил коттедж за отличную работу. И машина у нас у первых появилась тоже, между прочим, нам ее как премию дали. Что тебе все не нравится, что со мной происходит я не пойму? Где радость за ближнего? Где далеко спрятанная зависть? Ты что вечно всем недовольна?

Две Верочки так и продолжали спорить, как всегда. Они обе вышли замуж. В один день сыграли две свадьбы. Познакомились со своими мужьями на тех самых первых танцах в клубе. Но Верочке Маленькой не повезло, – ее муж, Юра весельчак погиб в той страшной аварии. Она так и не могла оправиться после той трагедии. Детей у нее не было, и она с удовольствием занималась детьми подруг.

Виктор Алексеевич Светлов, председатель колхоза, очень ценил и берег свои молодые кадры. И они отвечали ему тем же. Никто и никогда не мог сказать ему – «нет».

– Нужно, так нужно, – говорили они ему. И выходили работать в две, а то и в три смены. – Если это необходимо для села, то о чем речь, – говорили они.

Сила личного примера председателя колхоза, который ночевал в дни сбора урожая, – в комбайне, в кабинете, в поле на стоге сена. Сам до последнего садился за штурвал комбайна, подменяя уставшего работника. Он для всех был вторым отцом. Всегда строен, подтянут, бывший фронтовик, Светлов Виктор Алексеевич был душой и сердцем Горькой Балки. В Москве его тоже уважали и любили. Многочисленные награды за добросовестный труд и за поднятие уровня жизни сельского населения, – это был его подвиг во благо земляков.

– Девочки, я не могу поверить, что у меня целый дворец! – восхищенно говорила Оля Снежко. – Представляете, а Женька мой ничего еще не знает, вот я его сегодня обрадую! Да и Катька в музыкальной школе сейчас. У них идет подготовка к творческому отчетному концерту их ансамбля народных инструментов. Они едут выступать на телевидение.

– А какой музыкальный инструмент дали все – таки Кате? – спросила Верочка Маленькая. – Я ее вчера видела, она шла в музыкальную школу и такая довольная была, говорит, что привезли новые музыкальные инструменты: малюсенькие такие домбры, балалайки и еще много интересных вещей! Она очень хотела получить маленькую домброчку, чтобы с нею выступать на концерте. Она так мне и сказала: «Наверное, дадут мне маленькую домброчку, потому что я самая крошечная и худенькая в ансамбле!

– Да, Верочка, она не угадала, домброчку ей не дали. Вчера после музыкалки весь вечер проревела, потому что ей дали балалайку – бас. Знаешь, такая огромная балалайка, самая большая, которая в пол штырем втыкается?

– Ой, ужас! А почему ей такую дали? – забеспокоилась Верочка Маленькая, потому что дети подруг были ее дети.

– Да потому что у них ансамбль шуточный. А может, потому,

что слуха у нее музыкального нет вовсе. На балалайке одну только струну толстую дергать нужно, вот и все! Именно для таких «одаренных», как наша Катя, такой инструмент предназначен!

– Ой, хотела бы я посмотреть на это зрелище, а когда концерт будет, схожу обязательно, – сказала Маленькая Вера, как всегда смеясь.

– На следующей неделе, – ответила Оля.

– Девчонки, вот время бежит, наша Катя вчера еще поперек дивана лежала, а сегодня уже на концерте выступает, на телевидение в Пятигорск едет наша Катюша. А Мише твоему, сколько уже, получается, лет? – спросила Вера Большая Оли?

– Мишеньке уже пять лет, а Кате – десять, – ответила за Олю, Верочка Маленькая.

Оля Снежко, когда Евгений Петрович пришел из армии родила ему сына Михаила, в котором он души не чаял. «Наследник», – хвастался он всем.

– Ой, и правда, как будто только вчера родила дочь и сына, – удивленно подхватила Оля. – Девочки, значит, так, слушай мою команду: я сейчас в детский сад за Мишей, потом за мужем в школу, за Катей в музыкалку. Сначала отведу их в новый дом, обрадую семью. А вы к нам вечером забегайте, отметим это событие! – сказала, подпрыгивая от радости, Оля. – Честное слово, не верится, что у меня теперь будет двухэтажный коттедж с балконом! – добавила она.

Вечером, собирая вещи в старом доме, Оля Снежко увидела, что во дворе у Клары Андреевны собрались странные люди кавказской национальности, они о чем – то очень громко спорили и слышался раздражающий скрежет металла. Оля была рада, что уезжает от этой неприятной соседки и от ее окружения. И самое главное, от этих тошнотворных запахов гнили, который перебивал аромат многочисленных цветов.

«Мне не верится, что я не буду больше видеть висящую на заборе сплетницу», – радовалась Оля. – Мне кажется, что и Гале она помогла расстаться с Виктором. Я думаю, что Клара Андреевна сыграла здесь не последнюю роль. И за что она так нас ненавидит?!

Глава 21

В то самое время, когда Оля Снежко думала о судьбе своей сестры, собирая вещи, Мурманск приветствовал Галю Снежко с распростертыми, теплыми объятиями Севера, на которые он был только способен. Метель мела так, что просто невозможно было устоять на палубе. Альбатросы кружили со своими прощальными криками, над уходившем на ученья военным судном, – «Звездочка».

Галя с подругой Людмилой первый раз уходили в море. Качка была такая, что не хотелось жить.

– Вот что такое морская болезнь, – думала плачущая Галя. – Зачем я вообще пошла в море. Учила бы спокойно где – нибудь в деревне маленьких непослушных учеников. А круговорот последних событий закрутил так, что и оглянуться не успела, как сразу с качающегося поезда оказалась на качающемся пароходе.

– Ой, как мне плохо! – причитала, стоящая рядом подруга Людмила. – Мне никогда так не было плохо. А можно я с корабля выпрыгну? Я больше не могу терпеть это постоянное головокружение, эту тошноту, это не выносимо!

– Держись, Людок! Пробьемся! Так всегда бывает, когда первый раз в море выходишь. Ты, главное, держись, а то точно за борт вывалишься, – поддерживала подругу Галя. – А ветер какой! Прямо с ног сбивает! А брызги вообще несоленые. Вода, смотри, какая черная, кажется, прямо как у нас в Горькой Балке! Смотри, как круговоротит, точно как у нашего бушуйка, где мы в детстве купались.

– Галя, давай попросим, чтобы пароход остановили и назад вернули. Если мы дальше в море пойдем, мы вообще умрем. Пойди, попроси, чтобы мы обратно в порт пошли, мне очень плохо.

– Да кто же из – за тебя, сопливой шестнадцатилетней девчонки, корабль будет поворачивать назад! – сердито сказала Галя. – Первый рейс придется потерпеть. А дальше видно будет!

На следующий день море было тихим и спокойным. Как будто вчера не было никакого шторма. Девчата лежали в своей двухместной каюте, задрав ноги к потолку, и смеялись над собой, вспоминая, какими они были вчера. Они показывали свои испуганные лица, дразнили друг друга, изображая, как держались за леерные ограждения корабля, и как хотели выпрыгнуть за борт от непрекращающейся качки.

Все произошло так быстро! Они не ожидали, что их возьмут на работу прямо с поезда. Не успели они приехать в Мурманск,

как сразу устроились на работу, им еще в поезде сказали, что в военно – вспомогательный флот берут на работу без всяких проблем, что на суда этого назначения постоянно требуются работники, и жить тоже можно там же. Попутчики дали им адрес и даже отвезли их в отдел кадров. Девчонки приехали со своими санитарными книжками, поэтому их тут же отправили на пароход. Люду, из – за того, что у нее было только среднее образование, взяли посудомойщицей и уборщицей. А так как у Гали было неоконченное высшее образование, – буфетчицей. И в тот же день их обеих отправили на корабль «Звездочка» и они сразу ушли в море.

– Я не могу! – держалась за живот, кричала Люда! – Хватит меня смешить.

– А вчера я думала, – продолжала свой рассказ Галя, – я, правда, думала, что нас Людмила Васильевна, наш шеф – повар, точно уволит. Она так орала на нас! Я думала, что от ее крика корабль вообще перевернется. Только я уже ничего не слышала. Видела только ее багровое лицо и открывающийся рот. У меня уши заложило от морской качки. Ты помнишь, как она вчера говорила: «Ничего себе помощники, только взялись картошку чистить, все побросали и наверх побежали. Опять только сели, за нож взялись, и опять наверх! И так, – весь день.»

– Да, помню, – ответила, смеясь, подруга Людмила. – А потом помнишь, как она тебе говорит: «Галя, быстро надела фартучек накрахмаленный, чепец и в кают – компанию беги, обслужи Адмирала!» А ты как закричишь: «Как обслужить?». А она говорит: «Не в постели, конечно, стол накрывай, посуду убирай, которая не нужна. Да, смотри, не облей нашего командира кипятком! И самое главное, иди уверенно, и не качайся с подносом.».

– Я, если честно, подумала: «Вот мне еще этого не хватало, со стариком спать ложиться», – сказала Галя Снежко. – Я вообще – то в тот момент о еде и думать не могла.

– Ой, не могу, – продолжала хохотать Людмила, – а о постели могла?

– Конечно, я сразу о плохом подумала. Ну, потом с испугу взяла себя в руки и пошла. А там, веришь, сидят все молодые парни в погонах, весь комсостав.

В салоне кают – компании Галя Снежко увидела весь офицерский состав во главе с адмиралом. Они там отдыхали, смотрели телевизор, читали, а также завтракали, обедали и ужинали. В основном все мужчины как на подбор были молодые и красивые. Они смотрели с любопытством на стройную симпатичную девушку, которая, бледная, испуганная, но гордая, с

высоко поднятой головой, профессионально за ними ухаживала. Спасибо Людмила Васильевна, шеф – повар, показала, как бывалая морячка, мастер – класс девчонкам, как нужно ухаживать за адмиралом. Она прекрасно понимала, что если что будет не так, то, прежде всего, будет нагоняй ей, как старшей по званию и положению.

На пароходе было всего четыре женщины и тридцать человек молодых и не очень мужчин – офицеров. «Звездочка» – корабль вспомогательного флота выполнял обслуживание военных кораблей и военных баз. И являлся своего рода гостиницей в море для офицерского состава.

Он сопровождал корабли на учениях, возил топливо, продукты, снаряжение, собирал отработанные учебные торпеды, отвозил на боевые корабли инспектирующих адмиралов, капитанов разных рангов, военно – морских офицеров.

– Галочка, почему не обращаешь внимание на наших красавцев офицеров? – Неужели тебе никто из них не нравится?! – спросил ее как – то адмирал Иван Яковлевич Патрушев.

– У меня парень в армии служит, – соврала Галя.

– Парень в армии! Это хорошо. Ждешь его? Верно ждешь? Похвально! Молодец! Я сам лично дам распоряжение, чтобы офицеры к тебе не приставали, – сказал он, и по – отечески пожал ей руку.

Адмирал вообще должен был находиться на специальном офицерском катере, но Иван Яковлевич Патрушев мог появиться где угодно и когда угодно. Он знал, как говорится, жизнь матросов изнутри. Его все уважали в Мурманске за талант руководителя и человеческие качества.

Море! Какое красивое Баренцево море! Переливается всеми цветами радуги! Такой бирюзовой воды нет ни в одном море мира! Чистейшая северная вода в коротком полярном дне играет разноцветными бликами от появившегося северного солнца! Вдалеке виднеется норвежская каменистая земля, украшенная редкой зеленью. Обрывистые скалы в причудливых формах «предков – викингов» омываются белой воздушной пеной Баренцева моря! На рейде гордо стоит, отправляющийся на очередное задание военный корабль.

Галя с Людмилой целыми днями находились на камбузе. Так называлась кухня на пароходе, где готовили еду морякам. Девчонки очень уставали от работы, им было совсем не до развлечений. Моряки занимались своим делом, а вечером уставшие смотрели один и тот же фильм, и, как всегда, это был фильм, – «Девчата».

Вечерами после ужина все обычно расходились по каютам.

Галя постоянно сидела за учебниками, потому что готовилась к очередной сессии. Она перевелась на заочное отделение и знала, что летом ей придется ехать сдавать экзамены. Она серьезно готовилась к каждому предмету. Людмила со злой завистью смотрела на нее, и говорила:

– Что ты из себя умную строишь? Думаешь, ты грамотная кому – нибудь нужна будешь?

Галочка смотрела на нее с сочувствием и думала: «Я учусь не для того, чтобы замуж выйти, а для того, чтобы, наоборот, – не выходить замуж и чтобы ни от кого не зависеть.»

У Галочке Снежко на корабле от ухажеров не было отбоя, несмотря на то, что адмирал предупредил офицеров, чтобы к ней никто не подходил, потому что, она ждет парня из армии. А кого это когда – нибудь останавливало? Если девушка симпатичная и умная, с нею интересно общаться, то здесь уже не срабатывали никакие авторитеты.

Людмила на корабле тоже не была обделена вниманием. Она брала молодостью и знала, для чего она мучается в этом море. Она целенаправленно пошла в море, чтобы выйти замуж. И преследовала свою цель весь рейс. Она подружилась со старшим помощником капитана, который был старше ее на десять лет. Мужчина был разведен и одинок, поэтому у них сразу завязались «доверительные» отношения. Вечером в каюте Людмила мечтательно рассказывала Гале Снежко, что у него есть квартира, машина и что он очень богатый. Она была уверена, что именно такой мужчина у нее и должен быть!

– Какая там любовь, – говорила она. – Мне бы замуж выйти и никогда не работать. Какой институт? Я забеременею и выйду замуж, а там разберемся. Главное – побыстрее замуж выскочить.

– Нет, это ты зря, – возмущалась Галя Снежко. – А потом, представляешь, он тебя всю жизнь попрекать будет, что ты у него на шее сидишь и нигде не работаешь.

– Не будет. Я ему нарожаю сразу много детей, пусть алименты платит.

А я работать все – равно не хочу и не буду.

– Люда, а наш старпом тебе хоть чуть – чуть нравится?

– Да боже упаси! Чем? Он небольшого роста, старый. Но ты видела, как он на меня смотрит? Влюбился, как мальчишка. Так что этот точно женится. А мне больше ничего и не нужно. Я ведь для этого и пошла в море, – чтобы лоха найти и замуж выйти. Ты знаешь, как мне нищета надоела? Мать пьет, отца своего не знаю. Ты думаешь, я о такой жизни мечтала? Да я бегом из дома убежала, чтобы всех их не видеть больше никогда. Я их всех ненавижу. Так что ты мне не мешай и не воспитывай меня. Тоже

мне училка. Ты скажи мне, только честно, тебе твоя любовь, что дала? Где он твой Витька Шевцов? Мы в Горькой Балке все над тобой ржали, когда он тебя бросил.

Людмила была родом из Горькой Балки. Но все говорили, что мать ее неизвестно от кого нагуляла, спилась. Бабка померла, а ей деваться было некуда. Она в Ставрополь подалась на заработки, там и встретила Галю Снежко, когда та собиралась в Мурманск уезжать. Людмила слезно уговорила взять ее с собой. Галя пожалела девушку, но уже десять раз об этом пожалела. Людмила была эгоистичной, злой и циничной избалованной девицей. Она к своей цели шла по трупам, даже не оглядываясь.

– Ну что ты молчишь, что твоя любовь тебе дала? – спрашивала Людмила с презрением.

Галя Снежко посмотрела на нее, вздохнула и ответила:

– Я счастливая была! Ты знаешь, любовь – это такое чувство, оно не всем дано. Это как Божий дар – любить! Но, конечно, и страдать тоже приходится! Но когда земля из – под ног уходит, голова кружится, и сердце пытается выскочить из груди – это пьянящее чувство любви не заменить никакими другими чувствами. Вот ты, когда целуешься с Володей со своим старпомом, что чувствуешь?

– Да ничего, просто интересно и смешно, а еще его жалко чуть – чуть. Он так весь трясется, как в кино. Смешно, правда?

– Маленькая ты еще, – сказала Галя грустно. – И очень тебя мне жаль, что не знаешь ты, что такое любовь. А себя жаль, что я знаю, что это такое, но у меня она не взаимная.

– Да пошли они все со своею любовью. Деньги – вот и вся любовь! Есть деньги – есть любовь. Нет денег – нет любви.

– Ты меня пугаешь, Люда! Это философия проститутки! Люда, скажи, что ты так не думаешь, что ты меня просто обманываешь? Скажи, а то я тебя сейчас убью!

– Ну и убивай! – смеясь, сказала Людмила. – Я правда думаю, что муж нужен только для денег!

После выполнения своего задания судно вернулось в порт назначения в город Мурманск. Девочки сняли квартиру в районе «Петушки» и ждали очередного рейса. Капитан судна был доволен их работой. И в следующий поход они должны были идти тем же составом.

Мурманск был красивым молодым городом. Таким же молодым, как и девочки, приехавшие на Север. Им все здесь нравилось, – и волнистые сопки, и чистые озера, и красивые корабли в порту. В кинотеатр «Мир» они бегали на танцы с удовольствием, а ребята с парохода постоянно приглашали девчонок в ресторан поужинать и потанцевать.

Однажды в ресторане к Гале и Людмиле подошел высокий молодой человек. Это был двоюродный брат сестер Снежко, – Илья. Галя очень удивилась, что он попал на службу в военно-морской флот. Он служил в Североморске. В Мурманск приехал по служебным делам, зашел поужинать и случайно встретил сестру. Очень обрадовался. Ему приглянулась ее подруга Людмила. Он с нею познакомился. Но Людмила сообщила ему, что уже выходит замуж за капитана и дала ему отворот поворот. Хотя, как она призналась Гале позже, что она чуть не влюбилась в ее брата. Но любовь к деньгам задушила на корню это странное чувство, – «когда кружится голова».

А Галя продолжала готовиться к сессии, старалась больше внимания уделять учебе и целыми днями сидела в областной библиотеке.

Люда все это время ходила на свидание к старпому в его квартиру, и у них завязывались денежно – семейные отношения. Вскоре Люда насовсем переехала в его квартиру, вышла за него замуж, родила ему дочь Анну и больше в море не ходила. Она сделала все, что запланировала.

А Галя Снежко поехала домой сдавать летнюю сессию.

Когда она переступила порог Отчего дома, мама не узнала ее сразу. Она запричитала, как только увидела сильно похудевшую бледную младшую дочь, на которой не было лица. Не только темные круги под глазами выдавали тяжелую жизнь Севера, но и болезненный цвет лица с синим отливом не остался незамеченным мамой, которая, увидев дочь, заплакала и больше в Мурманск Галю не пустила…

Глава 22

А в Горькой Балке все усиленно готовились к творческому концерту музыкальной школы, который снимало краевое телевидение в городе Пятигорске. Дочь Оли Снежко, – Катя, была удостоена чести играть на балалайке – бас в ансамбле народных инструментов. Ей очень не нравился этот музыкальный инструмент, потому что она была самая маленькая и худенькая девочка в коллективе. Из – за маленького роста ее почти не было видно из – за этой балалайки – бас. Единственное преимущество было у нее, что этот инструмент она никогда не носила сама, ей его подносили старшеклассники – мальчишки.

Штырь балалайки уже был воткнут в деревянный пол на сцене, когда к нему подошла маленькая Катюша. Так как у мальчика из старшего класса музыкальной школы не было много сил, чтобы его вставить в пол посильней, то штырь от балалайки – бас не очень удачно закрепился. А так как Катя было очень маленького роста, то ее поставили на маленькую табуретку, чтобы она доставала до нижней струны. Катю было едва видно, одна ее голова в красном клетчатом платочке высовывалась из – за огромной балалайки, и она с трудом дотягивалась до последней струны, выводя мелодию, – «Во саду ли, в огороде…».

Преподаватель музыкальной школы талантливый Егор Ильич Плетенкин считался в селе очень уважаемым человеком. Он очень переживал за всех своих учеников. Ансамбль народных инструментов был шуточным.

И Катя как никто вписывалась в общую картинку веселого оркестра. Да к тому же он понимал, что у Кати нет вообще музыкального слуха, поэтому и дал он ей самую большую балалайку, на которой нужно было оттягивать только одну струну в такт всей песни. Ученики были все одинаково одеты под русский стиль: девушки в цветных косынках, ребята в кепках с красными маками и в цветастых рубашках. Самый настоящий ансамбль народных инструментов! Их встречали «на ура» на всех концертах. Они были любимцами всех жителей Ставрополья. Их триумф решили запечатлеть на краевом телевидении и дали задание провести фестиваль всех творческих музыкальных коллективов. Снять отчетный концерт любимой музыкальной школы на память.

В зале присутствовали все родственники и знакомые. Приехала любимая тетя Галя из Мурманска. Пришли две Верочки, тетя Лида. Все были на этом незабываемом празднике жизни.

Ансамбль был задорный, с живой энергетикой, и всем очень

нравилось его исполнение. Катя тоже вошла в азарт и весело дотягивалась до последней струны! Неожиданно скамейка под нею покачнулась назад, и она с грохотом упала на пол, придавленная балалайкой – бас. Но и лежа на полу она не прекращала на ней играть, пока ансамбль не доиграл, – «Во саду ли в огороде» до конца. Катя лежала на полу и только подергивала своими маленькими ножками в такт песни. Катя в прямом смысле каталась по полу от смеха, доигрывая последние аккорды, как учил любимый преподаватель.

Зал взорвался аплодисментами, потому что зрители подумали, что такая концовка была специально задумана в конце исполнения. Они никак не ожидали, что всем очень понравится кульминационный момент, который не был запланирован. Все дружно засмеялись, овации не прекращались, зрители не могли успокоиться, и все время кричали «Браво!».

Их музыкальная школа заняла первое место на том фестивале творческих коллективов, и все довольные и веселые возвращались на школьном автобусе домой в Горькую Балку.

– Катька, мышонок! Я так за тебя испугался! – смеялся, обнимая любимую ученицу, Егор Ильич. – Я хотел даже остановить концерт, а потом смотрю, ты смеешься и продолжаешь играть. Ну, думаю, все в порядке! Такой концовки я вообще не мог даже придумать в аранжировке!

– Вы же сказали, Егор Ильич, чтобы ни при каких обстоятельствах не останавливались, если даже собьемся. Помните, вы всегда нам советовали делать вид, что ничего не произошло и обыграть ошибку! Вот я и подумала, что это и есть то самое обстоятельство, когда нужно не ударить в грязь лицом, только спиной об сцену.

– Катя, мы сами чуть со смеху не умерли, когда продолжали играть, – смеялись ребята. – Ну ты молодцом! Очень хорошо держалась и играла, лежа тоже хорошо.

– А я вообще так испугалась! – сказала Оля Снежко, обращаясь к дочери. – Я ведь о концерте все знала, а вот об этой вашей задумке ничего.

– Мама, да это не была задумка! Это я на самом деле упала! – сказала, смеясь, Катя.

– Ой, а шишка есть? – стала осматривать Катю Оля Снежко.

– Нет, я на бок завалилась и доигрывала свою партию. Честно сказать, я даже испугаться не успела.

– А я тоже подумала, что так задумано! – сказала тетя Галя. – Ну, племянница, ты у меня – молоток! Сразу видно, мое воспитание!

– Тетя Галя, а ты в Мурманск вернешься или с нами

останешься? – спросила Катя, обнимая любимую тетю.

– Я институт окончила, и теперь у меня есть высшее образование. Буду работать в школе, меня в соседнее село зовут на работу. Я остаюсь на Юге. И на Север больше не поеду.

– Ура! – сказала Катя. А Мурманск – он какой? Он большой и красивый, да?

– Да, он очень красивый, и люди там тоже красивые живут. Но там очень холодно и очень – очень много снега. Ну ничего, ты вырастешь, я обязательно тебя туда повезу. У меня там живет подруга, она замуж вышла за моряка. У них родилась дочка Анечка. Подруга сказала, что ее дом всегда открыт для меня.

– Я очень хочу съездить и посмотреть, что такое Север, – сказала Катя задумавшись. – Я поеду обязательно туда. Мне нравится название, – Мурманск!

Если бы Катя тогда знала, что приготовила ей судьба в этом городе через несколько лет…

Но пока она ехала со своей любимой тетей Галей Снежко в Горькую Балку. А у Гали в этот момент очень сильно билось сердце. Она боялась встретить любовь всей своей жизни, – Витьку Шевцова. Она еще не видела коттедж, который получила ее сестра Оля. Она не видела новую красивую улицу, которая находилась в процессе строительства, когда она переехала жить к сестре. Галя очень хотела побывать в Горькой Балке, но не хотела видеться, вернее, боялась увидеть общих знакомых.

«Это очень хорошо, что Оля получила новое жилье, – думала Галя, подъезжая к Горькой Балке. – Мне не очень хочется видеть старый дом, в котором я была счастлива с Витькой Шевцовым. Как сказал Омар Хайям, «Никогда не возвращайтесь туда, где вам было когда – то хорошо». И правда, пока вы будете в дороге, там, где вам было хорошо, все очень сильно поменяется, и вы не найдете того, чего ожидаете увидеть.»

Но Галя очень хотела взглянуть на свое любимое село молодости, село своей первой любви, – Горькую Балку.

Недалеко от автостанции стояли в ряд красивые двухэтажные коттеджи с балконами. Они стояли такие важные на самой главной улице села, улице Ленина. Каждый двор был обнесен одинаковым невысоким железным заборчиком. Асфальтированные ровные тротуарные дорожки по обеим сторонам были подчеркнутыми подстриженными квадратными кустарниками в метр высотой. Село вообще напоминало чем – то красивые виды заграничных открыток, которые продавались в киосках «Союзпечати».

Когда Галя вошла во двор через центральную ажурную металлическую калитку, перед нею сразу открылись красивые

порожки парадного подъезда, над которым возвышался аккуратный симпатичный балкончик. Открыв парадную дверь, Галя оказалась в просторной прихожей, слева, от которой был огромный зал, а прямо перед нею поднималась красивая деревянная лестница, на стене которой были наклеены удивительные горные пейзажи фотообоев. Поднимаясь на второй этаж, лестница упиралась в рабочий кабинет с маленьким симпатичным балкончиком. Множество книжных шкафов с собраниями сочинений классиков, которые являлись гордостью старшей сестры, Оли Снежко подпирали стены рабочего кабинета.

На первом этаже находилась огромная зала, большая кухня и ванная комната. На втором этаже расположены были четыре спальни, ванная комната и рабочий кабинет!

– Боже ж ты мой! У вас здесь целый замок! – радовалась удивленная тетя Галя.

– Галочка, Ефим Ефимович предлагает тебе к нему в школу идти работать. Он сказал, что тебя возьмет обязательно, и жилье тебе тоже даст, – сказала Оля Снежко.

– Нет, спасибо, но я к вам теперь только в гости. А жить я здесь не буду никогда. Слишком много плохих воспоминаний, – сказала грустно Галя.

– Ты насчет Витьки. Так он здесь не живет. Он работает в соседнем селе. Его назначили председателем колхоза. Сказали, что у него дочь родилась. Тебе о нем нужно забыть навсегда.

– Да я уже и забыла, вернее, почти забыла. Ты знаешь соседа нашего в Шпаковском, – Колю Семкина? Он еще недалеко от нас живет? Через две улицы всего. Ну как же ты не помнишь? – возмущалась Галя. – Так вот, я выхожу за него замуж. Он меня очень любит, и давно. Он слишком долго меня ждал. Ты знаешь, что он мне сказал: «Если ты опять уедешь в Мурманск, то я поеду за тобой!».

– А, все вспомнила, на соседней улице живет у нас в Шпаковке. Я знаю Колю Семкина. Он еще самый сильный парень у нас в райцентре. Местный богатырь! Он мне очень нравится. Вот и правильно, тебе нужно свою жизнь налаживать. А Витьку забыть как страшный сон. У тебя будет очень хорошая семья и много красивых детей.

– Как у тебя и у Иры. У вас, правда, очень красивые дети родились. И надо же, так получилось: по двое детей, – по девочке и по мальчику? Я тоже уже хочу стать мамой.

– Ты у нас младшенькая сестричка любимая. Все у тебя будет хорошо, поверь мне. Выходи замуж, не бойся. Коля Семкин очень хороший молодой человек. С ним тебе будет не страшно жить. Он внушает доверие. Главное, чтобы он не пил, – сказала Оля

Снежко, задумавшись.

– А Женя твой продолжает заливать?

– Да, продолжает. Я ничего не могу сделать. Как сглазили его. Помнишь, он вообще раньше никогда не пил. А теперь я его лечиться от алкоголизма хочу заставить. Правда, бывает, он месяц не пьет, два, а потом как начнет, так две недели в запое. Конечно, на больничный лист уходит, маскируется, но мне кажется, что все обо всем догадываются, что он у меня алкоголик. Так стыдно, сестренка, ты не представляешь. Я все время раньше смеялась, не верила, что можно сглазить человека, порчу нанести, а теперь мне кажется, что это все из – за нашей бывшей соседки. Помнишь, после того, как она пачку соли у нас обронила. Да и здесь возле нашего коттеджа частенько ее вижу. Не пойму, что нужно этой Кларе Андреевне от нас? Ты знаешь, она мне очень напоминает нашу соседку из Шпаковки, – ведьму Гундосиху, – делилась своими опасениями Оля Снежко.

Глава 23

Маленький провинциальный райцентр, – село Шпаковское был своеобразным местом на планете земля. Соседи друг друга не знали, да и не хотели знать. Каждый жил сам по себе. Все жили для себя, во имя себя и на радость только себе. Многие даже не знали, что Галя Снежко уезжала в Мурманск. Никому ни до кого не было никакого дела. Только один человек, каждый день зачеркивал на календаре дни и ждал Галиного приезда. Это был Николай Семкин.

Он любил девушку – соседку еще с первого класса. Тайком посматривал на нее и тихо вздыхал. Когда пришел из армии, он набрался смелости, признался ей в любви и стал красиво ухаживать за нею. Всегда привозил огромные букеты красивых полевых цветов, которые она любила. Ночами напролет сидел под окнами с гитарой и все время в прямом смысле, носил любимую Галочку на руках. Николай окончил Политехнический институт заочно и работал инженером дорожно – строительного управления. В кабинете никогда не сидел, а ездил сам лично на объект, и частенько садился за бульдозером, ровняя землю, показывая своим работникам, как нужно строить хорошие дороги. О его богатырской силе ходили легенды. То видели, как он одним плечом поднимал комбайн, вытаскивая его из грязи. То видели, как он, перекинув трос через плечо, тащил поломанную машину до ближайшей станции техобслуживания. Два метра роста, широкоплечий богатырь, славился не только своей богатырской силищей, но и сверхчеловеческой добротой.

Никогда и никто не слышал от него, чтобы он с кем – то ругался. Но достаточно было только его строгого взгляда, и хулиганы сразу отходили в сторону. «За его спиной как за стеной», – говорили все, кто его знал.

Под натиском его любви не устояла и Галя Снежко. Она долго присматривалась к молодому человеку и неожиданно для всех ответила ему взаимностью. У них родилась красавица дочь, – Настенька. Она было копией Гали Снежко. Но по характеру вся в папу, – такая же целеустремленная, борец за правду, и всегда добивалась своего, как и Николай.

– Вот видишь, и ты дождалась семейного счастья, – говорила ей средняя сестра борец за правду Ира Снежко. Та самая Ира, которая потеряла мужа в пожаре. – Да, запомни одну вещь: мы никогда не будем одни! Никогда! Вот я, хоть и вдова, оставшаяся с двумя детьми в тридцать один год, никогда не была одна. У меня и сейчас отбоя от мужчин нет. Было бы желание! Одной,

конечно, детей тяжело воспитывать, но я замуж больше не пойду, не хочу! Я своего Володьку никогда не предам. Я его одного всю жизнь любила, люблю и любить буду. И вот что я тебе еще скажу, сестра: только тогда и понимаешь, что ты любила по – настоящему, когда теряешь своего близкого. А пока он с тобой рядом, ты не задумываешься об этом и совсем не бережешь его.

Ира говорила это и плакала, выпивая очередной стакан водки.

– Ира, а когда ты успела пристраститься к водке? Ты же раньше никогда не пила? Ты же все время спиртное терпеть не могла? – спрашивала сестру Галя, расширив глаза от удивления.

– А кто сказал, что я пью. Я так, только балуюсь. Ты ничего такого не подумай. Я ведь сильная, я, – справлюсь. Представь, в тридцать один год остаться вдовой с двумя детьми. Это очень тяжело! Мама с папой помогают, конечно. Только мне все равно трудно! Что там говорить, невыносимо трудно мне без моего Вовки!

И она опять зарыдала, налила себе зеленого змея в стакан и залпом опять выпила.

– А ты слышала, что у Оли нашей Женька тоже пьет? – спросила осторожно Галя. – Как – то странно получается: тот, кто никогда не пил, вдруг стал любить эту заразу. За что, спрашивается? Вот ты за что ее любишь? – продолжала спрашивать младшая сестра.

– Да не люблю я ее треклятую. Она мне забыться помогает, понимаешь? А Женька, он был алкаш, просто никто не знал. Мой Володя говорил, что, когда они у мамы за столом сидели, помнишь, еще в самый первый приезд на Новый год, он со всеми за столом не пил. А когда мой Вовка в туалет пошел, то случайно увидел, что Женька с горла прямо в туалете хлещет! Он говорит, что чуть не убил тогда Женьку за это. Мы, конечно, ничего тогда Ольге нашей не сказали, потому что она беременная была. Так что он скрытый алкоголик уже давно! А я водку не люблю, она мне забыться помогает, понимаешь? – повторяла Ира.

– Нет, не понимаю.

– Да, пошла ты! Ты с мое хлебни, тогда узнаешь! – кричала на сестру Ира.

«Господи, не дай Бог так заболеть! – думала младшая сестра. – Может и правда Ире так легче становится? Вот только на работе это сказывается. Она нигде из – за этой своей болезни не задерживается.».

Работала Ира Снежко председателем крайпотребсоюза, оттуда ее выгнали за пьянку. Теперь вот на заводе «Поршневых колец» в литейном цехе работает. Говорит, что хочет раньше на

пенсию уйти.

«Конечно, это просто отговорки и не от хорошей жизни она туда попала. И уборщицей подрабатывает тоже не от хорошей жизни. Конечно, одной тянуть двух детей очень сложно, да и на хорошей работе удержаться с такой пагубной привычкой тоже нелегко! И трудности в жизни появляются, из– за того, что она алкоголик. А женский алкоголизм неизлечим, так все говорят! И то, что водка забыться помогает – это самообман! – думала Галя, глядя на среднюю сестру.

Ее раздумья прервал какой – то шум во дворе. Дверь широко распахнулась и на пороге перед сестрами оказалась Ведьма Гундосиха. Она ужасающе хохотала на весь дом, и девушкам от ее смеха стало не по себе.

– Что испугались? – закричала лохматая старуха. – Сбываются мои предсказания, скоро и Ольга к вам присоединится. Хапнула она от своего красавца, как я и говорила.

И безобразно смеясь, она с силой стукнула дверью и убежала…

Глава 24

– Катя, доченька, я больше не могу жить с папой, – плакала Оля Снежко. – Я устала с ним бороться. Я устала от его пьянок. Я все ему оставляю: и коттедж, и машину, я хочу уехать от него к маме в Шпаковку. Права была Гундосиха, что наплачусь я со своим красавцем. Вы уже выросли: и ты, и Миша. Я больше не могу так жить. Я с ним расстаюсь, – говорила плачущая Оля. – Вы вправе выбирать сами, с кем вам остаться жить, вы уже взрослые.

У Оли Снежко и у Жени Черкашина было двое детей: красавица шатенка дочь Катя, и белокурый, кучерявый, как с октябрятского значка, мальчуган, вылитый маленький Ленин, – сын Миша.

– Мамочка, я еду с тобой в Шпаковку, – поддержала маму Катя. – Я терпеть пьянки тоже не собираюсь.

– Ма, а мне очень жалко папу, – сказал Миша. – Но я тоже еду с вами, – добавил он. – Мне тоже его пьянки надоели.

На следующий день они втроем с одним чемоданом выехали из Горькой Балки к бабушке и дедушке в Шпаковское. Коттедж и все, что Оля Снежко наживала своим честным, долгим трудом, она оставляла своему любимому Жене Черкашину. Она оставляла любимое село Горькую Балку с тяжелым сердцем, потому что она оставляла в этом красивом южном селе свою молодость, свою любовь и свои неоправданные надежды. Она оставляла там свою любимую подругу Лиду Николаенко.

Две Верочки уехали из села задолго до происходивших событий, но никогда четыре неразлучные подруги не расставались надолго. Круговорот жизни закрутил их так, что они вынуждены были жить в разных городах. Но, не смотря на это, девочки очень часто встречались и многолетнюю крепкую дружбу передали своим детям как эстафету!

Верочка Маленькая рано осталась вдовой. Она никак не могла оправиться от случившегося. После этого несчастья так и не смогла остаться в селе, которое напоминало ей о ее муже. Она собрала вещи и уехала в никуда. Девочки ее искали, но все было тщетно. Она как сквозь землю провалилась.

А Вера Большая вместе с мужем, высоким баскетболистом-партийцем, уехала в столицу, туда, куда послала мужа партия. А послала она его на новую работу в Министерство сельского хозяйства. Баскетболист-механизатор, окончил сельхозинститут и быстро пошел по карьерной лестнице. Высококвалифицированного специалиста оценили и предложили ему должность, от которой он не смог отказаться, и их семья

прочно обосновалась в Москве. Дочь Роза была лучшей подругой дочери Олей Снежко. Они вместе учились в одном классе. И она практически жила в семье Оли Снежко, пока не уехала с родителями в Москву.

Когда Оля решила уйти от мужа, она не стала расстраивать девчонок, и уехала, никому не сказав ни слова. Она была уверенна, что девочки, если узнают, что у нее неприятности, мгновенно бросят все свои дела и сразу прибегут к ней на помощь. Одна Лида Николаенко знала всю правду, потому что все происходило у нее на глазах.

Все взвесив и приняв окончательное решение, Оля Снежко с дочкой – старшеклассницей и сыном – пятиклассником с одним чемоданом приехала в Шпаковку к своим родителям.

– Ну, что я тебе говорила?! – ехидно спрашивала соседка Агафья. – Слезы горькие проливаешь ты от своего красавца? Все ведь сбылось, что я тебе пророчила. Пьет он, да?

– Тетя Агафья, не ваше дело! Дайте мне пройти с детьми, – сказала Оля и отодвинула перегородившую ей дорогу женщину, похожую на ведьму.

– Сыночек у тебя такой же будет, весь в отца пойдет, – сказала она и внимательно посмотрела на Мишу. – А вот дочка тоже хапнет, но счастливая будет. Защита на ней. Ангелы – хранители сильные у нее.

– Тетя Агафья, хватит вам всякую ересь нести! – сказала Оля. – Вечно вы из себя колдунью строите. Предрассудки все это! От темноты безграмотной, понятно?! А все, что с нами происходит, – так это мы сами во всем виноваты. Мы сами судьбу свою строим. Каждый воспитанный человек сам себя воспитать должен. Значит, упустили мы что – то. Недоработали, недосмотрели, а судьбу винить, – так это легче всего! Свалить все на черта, на колдовство, но только не на себя!

– Да ты же сама не веришь, ни в Бога, ни в меня. Ты вообще никому не веришь. Твои несчастья к тебе и приходят только из – за того, что веры в тебе нет.

– Тетя Агафья, а вы в Бога верите? Если верите, то должны знать, что колдовать, – это очень большой грех! Эти грехи не отмаливаются никогда. И гореть вам придется в аду вечно. Зачем проклинаете всех людей? Зачем ненавидите всех? Что мы вам сделали? Мы же вас не трогаем, не обижаем, живем по соседству дружно. Помогаем друг другу.

– А я в себя верю, и в свои темные силы верю! – засмеялась зло Агафья. – А за, что вас любить? Вас жизнь и так бьет, и этак. А вам хоть бы что, смеетесь целыми днями. Вечно у вас родственники, друзья живут. Вечно у вас весело, и каждый день

праздники. А ко мне никто не ходит. Боятся все меня, точно я проклятая. А я только и всего – вижу все, что вас ждет, да и только.

– Может, нужно людей любить? А не только себя. И не заглядывать, что у кого будет. Тогда и родственники к вам, тетя Агафья, ходить будут, и друзья. И детский смех будет у вас звучать во дворе, – сказала Оля, подмигнув соседке. – А вы все курите свою трубку, да под ноги мусор бросаете, когда люди идут.

Валентина Матвеевна очень обрадовалась тому, что Оля с детьми приехала жить к ней. А Семен Яковлевич, как всегда, ворчал:

– Сначала выходят замуж, никого не спросив, потом живут незнамо как, а потом к маме с папой бегут.

Но он знал, как себя успокоить. Семен Яковлевич, когда ему было тяжело, брал свою удочку, ружье, и шел на охоту и рыбалку. Так он успокаивал свои нервы. Точно так же успокаивали нервы его отец, его дед и его прадед.

До того, как он стал пасти овец, когда брал в жены красавицу Валю, его предки и правда были богатыми. Его прадед был местным барином. У него был свой пруд, свой слесарный цех, у прабабки был даже свой собственный маленький магазинчик. Когда пришла советская власть, прадед с женой и младшим сыном пытался бежать в Англию к своему старшему сыну, который там в то время учился. Но прадеда и его жену поймали и расстреляли. Пощадили только ребенка. Младшего сына отдали в детдом, а старший сын в Англии не пережил смерти отца и матери, заболел и умер.

Их поместье новая власть разобрала на кирпичи, из них построили новые бараки для бедных в совхозе «Большевик». Таким образом, они решали жилищные проблемы в те времена.

Волей судьбы в этом бараке из кирпичей прадедовой усадьбы и начинали жить папа и мама Оли Снежко, когда отпрыск знаменитого рода пас чужих овец и привез к себе в барак свою молодую жену.

– Вот и правду говорят: дома стены помогают. Тем более что стены выложены из кирпича родового поместья моего прадеда, – не уставал повторять Семен Яковлевич. Ведь он знал, что предки его красавицы жены тоже были из помещиков. Где-то в этом бараке могли быть их кирпичи тоже…

В войну папа Оли был шофером. Он возил боеприпасы на фронт и в тыл. Прошел всю войну от первого дня до последнего без единой царапины. Сказалась порода. Благородные корни давали о себе знать: Семен Яковлевич был очень смелым

человеком, жил честно, никого не предавал, не обижался, всем помогал. Дал дочерям высшее образование, хорошее воспитание и безмерную любовь к жизни.

Семен Яковлевич очень любил свою жену и дочек. Они были за его спиной по – настоящему как за стеной. Кормилец был и рыбаком, и охотником. Часто привозил домой рыбу и дичь. На генном уровне он помнил все пруды и леса своих предков. Он мог и сейчас с закрытыми глазами найти то рыбное место, где он еще маленьким мальчиком ловил рыбу со своим знаменитым прадедом.

Семен Яковлевич приучал к этому делу своих дочерей и внуков тоже. Он всегда брал их с собой на природу, покупал им удочки и прививал им любовь к активному отдыху.

Единственное табу для всех было наложено на его трофейное ружье, – двустволку, доставшееся ему от его предков, которое он за большие деньги выкупил у одного партийного работника. Он его не давал никому. Разрешал только полюбоваться на него, подержать в руках и класть на место. Многие приходили посмотреть на древнее произведение искусства и, затаив дыхание, потрогать его рукой. Вот и в день приезда дочери с внуками Семен Яковлевич взял свое любимое ружье, снасти и уехал успокаивать свои нервы в одиночку.

Глава 25

– Оля, а тебя точно приглашали на работу в Шпаковскую школу? – спрашивала мама.

– Да, мне позвонили из районо и предложили работать директором школы. Я сначала подумала, что это шутка, я не знала, как люди узнали, что я уволилась из школы в Горькой Балке и теперь без работы. Но потом трубку взяла Верочка Маленькая и как засмеется в трубку:

– Ну что, удивилась, что тебе сразу работу в Шпаковке нашли?

Волей судьбы Верочка Маленькая второй раз вышла замуж за их однокурсника – дагестанца, которому мама не разрешала на ней жениться. Но любовь оказалась сильнее, он дождался ее, нашел, женился, и увез жить в краевой центр, где работал в правительстве.

– Мама, помнишь, Верочку Маленькую? – спросила Оля, обнимая маму.

– Верочка замуж вышла второй раз за нашего бывшего однокурсника. Он нам с Женей еще новую машину помог купить. Вспомнила? Так вот он теперь большой начальник, и это он предложил мою кандидатуру на эту должность. Я же в Горькой Балке после того, как Ефим Ефимович ушел на пенсию, тоже стала директором школы работать. Школа продолжила традиции нашего любимого отца просвещения в моем лице. Ефим Ефимович все время помогал мне и оберегал меня. Он сказал, что может только мне доверить свое детище. И я с гордостью хочу тебе сказать, что у меня, мамочка, получается руководить большим коллективом. Школа – моя жизнь. Я не могу без школы. Ма, это мое, понимаешь? Я здесь на своем месте.

– Конечно, я все понимаю, но я хочу тебя предупредить. Оленька, тебе придется здесь очень тяжело. Здесь люди у нас не такие добрые, как у вас в селе Горькая Балка. А то, что надоело мучиться с мужем – алкашом, так это правильно сделала, что ушла, сколько можно было терпеть? И хорошо сделала, что все ему оставила. Пусть не говорит, что он один остался, и что его обобрали.

– Мамочка, я и правда очень за него боролась: и лечила его, и кодировала. Но ничего не помогает. Как же мне дальше быть, не знаю. Мне все равно его жалко. Он добрый, хороший, но больной. Почему нам так с Лидой не повезло? У нее Сашка Петров тоже алкаш. Всю жизнь ей испортил. Мама, представляешь, она ему троих детей родила, калекой с ним стала, а он неблагодарным

оказался. Как напьется, так все время и кричит: «Вот если бы не та авария, я бы никогда на тебе не женился!

Лида Николаенко оставалась такая же красивая и умная. Она была лучшей словесницей в школе. Ученики ее очень любили. Знания она давала глубокие, лучшей учительницы не было в крае. Они с Сашей построили новый большой дом. Лида родила ему двух сыновей и дочь. Родители смирились, что он женился на городской. Жаловались всем в деревне: «Грамотную взял. О чем с ней может говорить? Не наша она, не наша и есть. Даже корову доить не умеет!».

Старший сын, Илья, был копией Александра Петрова. Такой же красивый и широкоплечий. Красивые голубые глаза, русые волнистые волосы, зачесанные назад, ни одну девушку не оставляли равнодушной. Он учился в Политехническом институте. Занимался спортом и так же, как и отец, был душой компании. Младший сын, Антон, весь пошел в мать: такой же красивый и черноглазый. Он окончил Медицинский институт и работал стоматологом в своем родном селе Горькая Балка. А вот лапочка – дочка, – Машенька, взяла самое лучшее у Лиды, и у Саши. Чернявая красавица с голубыми глазами пошла по стопам мамы и стала воспитательницей в детском саду.

Лида Николаенко очень переживала, что ее лучшая подруга Оля разводится с Женей, но понимала, что Оля справится. Она и так очень долго боролась за мужа. Дети выросли, им нужно было получать достойное образование, и поэтому она поддержала Олино решение, хотя очень не хотела, чтобы лучшая подруга уезжала из села Горькая Балка.

– Оля, – плакала Лида, обнимая подругу, – только ты вот так можешь все бросить и уехать. Бросить удачную карьеру, бросить все нажитое и уехать все начинать заново!

– Не плачь, – успокаивала подругу Оля. – У меня будет все хорошо! Лида, мы сильные. Все пройдет, как с белых яблонь дым. «Жди меня и я вернусь, только очень жди», – обняла она подругу и заплакала.

– Вера Большая живет в Москве, – продолжала плакать Лида Николаенко. – Верочка Маленькая – в краевом центре. Раскидала нас всех судьба. Круговорот жизни продолжает закручивать наши судьбы, боюсь, что мы больше не увидимся.

– Нет, что ты, Лида?! Мы всегда будем дружить, где бы мы ни жили. Ничего страшного в том нет, что нас разбросала судьба. Но наша дружба вечна, это точно! Она продолжается в наших детях! А затем будет в наших внуках…

Новый коллектив встретил Олю Снежко очень настороженно.

Она зашла в маленькое одноэтажное барачного типа строение, вспомнила свою красавицу трехэтажную новую современную школу в селе Горькая Балка и заплакала. Школа-сарай с печным отоплением удручающе подействовала на Олю Снежко. У нее тревожно сжалось сердце, что стало жутко на душе.

– Не переживайте, Ольга Семеновна, это всего на один год, – поддерживали ее новые коллеги. – У нас в проекте стройка новой школы. Мы здесь только временно. Скоро переедем в новую школу. А коллектив у нас дружный, сработанный.

В кабинет директора заискивающе заглянула Галина Никитична Форова.

– Здравствуйте, – сказала она извиняющимся голосом. – Ольга Семеновна, а Катя Черкашина ваша дочь? Она выпускница? Добро пожаловать в мой класс. Катя, – обратилась она к девочке, – пойдем со мной. У меня такой дружный класс! Ты будешь очень довольна своим выбором.

Галина Никитична Форова, женщина с внешностью ехидной фотомодели, знала в школе всех и каждого. Первая сплетница в городе, с маленькими бегающими глазками, сведенными у переносицы, она всегда делала вид сочувствующего человека. Причем сначала выводила человека на отрицательную эмоцию, затем ехидно ему сочувствовала.

Катя пошла за новым классным руководителем, вошла в класс и сказала:

– Здравствуйте, меня зовут Катя Черкашина. Затем, стесняясь, улыбнулась своим новым одноклассникам и села за первую попавшуюся парту. Девочка, которая сидела рядом с нею, была очень красивая. С огромными карими глазами и курчавыми темными волосами. Умные, серьезные глаза изучающе смотрели на новенькую.

Катя сразу потянулась к этой умной и спокойной девочке. Она сразу подружилась с нею.

– Меня зовут Лена Штоум, – протянула Кате свою руку девушка, сидевшая рядом с нею. – Думаю, мы подружимся.

Катя весело разговаривала на перемене со своими новыми друзьями, которые ей очень понравились. Видно было, что ребятам она тоже пришлась по душе. Она была простая деревенская девушка, хохотушка, и совершенно без комплексов, как это было принято в Горькой Балке. Катя сразу все рассказала о себе. Сказала, что у них в деревне был очень сплоченный класс и что все в селе живут одной дружной семьей. Катя говорила, что ей очень было больно оставлять своих одноклассников, с которыми она отучилась девять лет. Ребята ее успокоили и сказали, что ей тоже очень повезло и что у них тоже очень

сильный и дружный класс.

– Мама, у меня такие замечательные новые друзья! – хвасталась Катя, придя домой. – Они меня очень хорошо приняли. И девочки такие все красивые и добрые. Почему бабушка сказала, что нам здесь придется очень туго? Почему сказала, что здесь люди злее, чем у нас в селе? Мамочка, правда, они так смеялись, когда я говорила слово «чо» вместо «что». Им это в диковинку было. А так все замечательно прошло.

– У меня тоже все прошло на высшем уровне, – сказал брат Миша. – Класс со мной подружился. Никто надо мной не смеялся, что я из деревни. Тоже ребята все классные, и главное, – учатся хорошо. Лучше, чем в нашем классе в Горькой Балке. Правда, девочки учатся здесь хуже, чем мальчики. Так интересно?! Я такого никогда не видел. Вот это меня очень удивило.

– И меня мой новый коллектив учителей тоже радушно принял, – подхватила разговор мама. – Ну все, начинаем новую жизнь. Все у нас здесь получится! Главное, бабушка и дедушка рядом, и поэтому с нами ничего страшного не произойдет.

– Я думаю, что папа без нас жить не сможет и скоро приедет, – сказал уверенно Миша.

Миша Черкашин, сын Оли Снежко, был очень красивым мальчиком с белокурыми и вьющимися волосами, которые обрамляли крупными локонами красивое личико. Он был похож на ангела. Открытые голубые глаза удивленно смотрели на все, что его окружало.

Миша был очень любознательным мальчиком, с развитым чувством юмора. Но, самое главное, у него была феноменальная память. Он отлично учился, был очень послушным, серьезным человеком. Учителя его очень любили и не могли нарадоваться на него. Дома он придумывал всякие интересные занятия, крутил гончарный круг и лепил из глины различные кувшины. Как ни странно, они у него получались. Он использовал технологию, о которой когда – либо читал или видел по телевизору. Когда он творил, то все это действо приправлял смешными рассказами и прибаутками, которые ни одного человека не оставляли равнодушным. Его любили все от мала до велика. Он своей светящейся добротой очень отличался от сверстников. Ему всегда было всех жаль, и он всем хотел помочь!

– Я не хочу даже думать об этом, – ответила мама. – Если папа приедет, то так же и уедет, – добавила она. – Я его и по – хорошему, и по – плохому просила бросить пить. Человек вообще не хочет исправляться. Так пусть он и живет своей алкашной жизнью и другим не мешает.

– Ма, а если он исправится? – спросил Миша с надеждой.

– Если исправится, тогда видно будет, – ответила мама, обнимая сына.

Глава 26

В Горькой Балке почему-то никто не видел Евгения Петровича Черкашина. Все думали, что он тоже уехал вместе с семьей. Лида позвонила Оле и спросила ее:

– А Женя тоже с тобой устроился в школу?

– Нет, его здесь не было. Он в Горькой Балке остался, – удивилась Оля.

– Странно, но его здесь никто не видел. Хорошо, я сегодня же схожу к вам домой и посмотрю, что произошло?

Лидия Васильевна взяла с собой на всякий случай своего старшего сына Илью. Когда она постучала в дверь, то очень удивилась, что никто не ответил. Она забеспокоилась и стала стучать еще громче в дверь и в окно, но в коттедже стояла мертвая тишина.

– Илья, мне кажется, там кто – то есть. Пожалуйста, залезь в форточку и открой мне дверь изнутри, – попросила она сына.

Когда они вошли в дом, то сразу бросились в глаза, – разбросанные пустые бутылки. Запах стоял ужасающий. В доме все было разбросано. Разлито по полу липкое вино. Шторы зашторены и от этого казалось, что ты оказываешься в преисподней. Было очень жутко здесь находиться. Спертый воздух отдавал неприятным запахом сигарет вперемешку с кислым запахом спиртного.

Лида поднялась на второй этаж и увидела страшную картину: на кровати лежал не человек и не мертвец – обтянутый кожей скелет черного как уголь цвета.

Лида вскрикнула и попросила сына не заходить в комнату.

– Илья, – крикнула она, – срочно беги в больницу и приведи Аркадия Михайловича, нашего врача. Только я тебя очень прошу, по – быстрее. Дяде Жене плохо!

Илья выскочил на улицу и побежал в больницу, которая, слава Богу, находилась рядом. Когда Аркадий Михайлович с медсестрой Валей прибежали, они были в ужасе, в каком состоянии находится Евгений Петрович Черкашин. – У него истощение организма. Срочно ставьте капельницу. Сердце здоровое, поэтому он еще жив. Быстрее, Валя, быстрее. Будем его спасать! Это у него алкогольное отравление от длительного запоя.

Дальше будет видно, что с ним будет. Одному Богу известно – вытащим мы его с того света или нет.

Лида не стала звонить и расстраивать Олю. Врачи сделали все возможное, и Женя пошел на поправку.

– Понимаете, Евгений Петрович, вам вообще нельзя больше пить. Иначе, у вас будет цирроз печени, и вы в страшных муках будете умирать от боли, – увещевал его Аркадий Михайлович. – Вам необходимо закодироваться, если у вас у самого нет силы воли. Вы должны сделать выбор: жизнь или смерть. У вас ведь такая замечательная семья, дети. Вы еще такой молодой. Зачем вы хороните себя заживо? Поезжайте к семье, возвращайте ее обратно сюда. Видите, вам и коттедж, и машина не пригодились, которые вам Ольга Семеновна оставила. Алкоголикам вообще ничего не нужно, кроме бутылки водки. Водка вам и жена, и мать, и дети…

– А может, ему сразу вколоть укол смертельный? – подхватила разговор медсестра Валя. – Я своему мужу так и сказала: «Если ты, сволочь, пить не бросишь, я тебя ночью, когда пьяный будешь, уколю и все, нет тебя. Тебя вообще, и так нет, – сказала я ему. – Ну откуда эта зараза пьянство берется? Может, колдует кто?

– Валентина, ты что, в своем уме? Окончила медицинское училище, комсомолка, а в такую дурь веришь?! – возмутился Аркадий Михайлович.

– Нет, ну почему одним везет с мужиками, а другим нет! Есть мужики, например, вообще не пьют, а вот нам с Ольгой Семеновной не повезло. Я очень хорошо ее понимаю, почему она все бросила и уехала. Ведь сил нет бороться с этими алкашами. Нужно такой закон издать: не хочешь бросать пить, тогда в тюрьму, и под охраной пусть работают, семьи свои содержат, да хоть живы будут, а то вон их сколько умирает!

– Все, хватит, Валентина! Пошли работать, – сказал Аркадий Михайлович. – Любишь ты своего Ивана, – засмеялся он. – Вот даже готова его в тюрьму посадить, лишь бы живой был.

– Да прям люблю. Ненавижу его всеми фибрами своей души! Всю кровь из меня выпил. Господи! Прости меня за мою ненависть к мужу…

Женя Черкашин пролежал в больнице целый месяц. После того как его выписали, он собрал свои вещи и поехал в Шпаковское просить прощения у Оли Снежко и у детей. Он приехал, купил цветов, упал перед женой на колени, вымаливая для себя пощады.

– Оля, я не могу без вас. Я пропаду. Я очень вас люблю. Прошу тебя, прости меня в последний раз. Дай мне еще один шанс. Не гони из семьи. Я брошу пить, обещаю. Я пойду, хочешь, зашьюсь, закодируюсь, и больше никогда не буду брать ни капли спиртного в рот. Прости меня, пожалуйста, в последний раз.

– Женя, ну как я тебе опять поверю, если ты меня уже столько

раз предавал? Как я тебя прощу? Я же столько раз тебе верила, где гарантия, что ты опять не обманешь меня?

– Я завтра вместе с тобой пойду и закодируюсь, честное слово. Все, я тебе обещаю, что больше никогда пить не буду. Мне и врач наш, Аркадий Михайлович, сказал, что если пить буду, умру. А я еще на свадьбе детей хочу погулять.

– Ладно, я тебе поверю, дам тебе последний шанс. Если честно, мне нашего сына, Мишу жалко. Он так за тобой скучает. Но я тебя сразу предупреждаю, что я отсюда никуда больше не поеду. Мне уже здесь пообещали дать коттедж, если я соглашусь работать директором школы.

Школа, конечно, самый настоящий сарай. Она очень старая, с печным отоплением. Но уже в проекте новая школа, и я вовсю занимаюсь ее стройкой. Я не вернусь больше в Горькую Балку. Я остаюсь жить в Шпаковке.

– Хорошо, хорошо, как скажешь. Ты знаешь, Васька – ветеринар, кум наш, ведь тоже сюда сразу за тобой переехал. Мне в Горькой Балке рассказали, что, как только ты с детьми уехала, он следом за тобой свою семью собрал и переехал жить в Шпаковку. Ему предложили здесь работу, и он согласился. А ты его здесь не видела?

– Нет, ни разу не видела. Вот как бывает, я и не знала, что они тоже здесь. Я бы очень хотела увидеть Валю и его.

Вася Гуляев по – настоящему любил Олю Снежко, хотя она никогда не отвечала ему взаимностью. Он постоянно был рядом, ходил за нею незримой тенью, тихо обожал ее, хотел видеть, дышать с нею одним воздухом. Он все так же не переставал любить ее. Он очень переживал за нее, но не мог повлиять на Женю Черкашина и не мог помочь своей единственной любимой женщине в этом горе.

Ни одна женщина не может так сильно любить, как могут любить настоящие мужчины. Они проносят любовь к женщине через всю свою жизнь. Прощают ей ее нелюбовь, ее ненависть, ее предательства. Не понимают, почему их любимая женщина приносит себя в жертву недостойному мужчине. Незаметно ходят за ней по пятам, знают о каждом ее шаге. Не лезут в семью, не надоедают ей своей любовью, а оберегают на расстоянии и всегда готовы прийти на помощь, если увидят, что их любовь в опасности!

– Нужно пригласить их семью к нам в гости, – сказала Оля Снежко. – Я очень часто их вспоминаю, какая дружная и хорошая семья у них. А в какую школу у них ходят дети?

– Кажется, они живут в центре. Они купили дом недалеко от рынка.

– Тогда они ходят в первую школу. А Валя, тоже мне кума, ни разу даже не позвонила мне?!

– Наверное, они хотят сделать тебе сюрприз, – сказал Женя. – Дом ведь новый, пока они его приведут в порядок, пока мебель купят, пока обживутся. А потом как снег на голову к тебе свалятся. Ты же знаешь Ваську. Он, как всегда, будет хвастаться, что он лучше всех, и, конечно, лучше меня.

– Зато я теперь точно знаю, кто рассказал Верочке Маленькой о моем переезде и попросил найти мне работу! – улыбнулась Оля Снежко понимающе. – И все – таки Вася Гуляев был и остается моим единственным и настоящим другом из всех мужчин!

– А как же я?! – спросил Женя испуганно.

– Куда я от тебя денусь?! Ты – отец моих детей. Мой муж. И я тебя все равно еще пока люблю. А Вася Гуляев и правда хозяин с большой буквы: не пьет, не курит, Вале помогает. А детей как любит! Да и нам все время помогал, то барана притащит, то гуся. Всегда нас с тобой подкармливал. Сюда, наверное, тоже переехал, чтобы мы с голоду не опухли.

– Не опухнем. Я уже ходил в районо и встретил там своего однокурсника по институту. Помнишь, когда я учился на заочном отделении на историческом факультете, я дружил с Петром Каляжным. Он теперь заведующий районо. Он, кстати, тебя хорошо знает и сказал, что ты у него лучший директор школы в районе. Он мне предложил тоже стать директором школы номер шесть. Но я ему сказал, что нет у меня руководящей хватки. А он мне сказал, что я все равно не отверчусь и буду секретарем парторганизации в твоей школе. Так что я уже назначен к тебе в школу и с завтрашнего дня приступаю к работе.

– Ура! Папа приехал! – закричал радостно пришедший из школы Миша. – Папочка, я так за тобой соскучился. Ты помирился с мамой? Я очень хочу, чтобы вы помирились и никогда не ссорились. Мамочка, ты его простила?

Да, Миша, я ему поверила в последний раз. Он мне пообещал, что пить больше не будет никогда. Он сказал, что будет работать и будет хорошим отцом вам, а мне, – хорошим мужем.

– Ура, скоро Катя придет из школы и тоже обрадуется! – запрыгал от радости Миша.

В скором времени Вася Гуляев собрал на новоселье всех друзей. Пришла Верочка Маленькая с мужем Магомедом, Оля с Женей. Они вспомнили Горькую Балку, друзей и всячески поддерживали семью Черкашиных, успокаивая их, что они временно в такой старой школе, что скоро построят новую.

– Как ни странно, – сказал Вася Гуляев. – А здесь много наших живет. Недавно встретил здесь Кавказца, ну помните того,

что у Клары Андреевны всегда ошивался. Такт он оказывается тоже здесь живет.

Глава 27

Катя шла в школу в приподнятом настроении. Дома все было хорошо. Папа вернулся. Ей очень понравился новый класс. Девочки были все очень красивыми. Мальчишки показались ей очень серьезными и выглядели, почему то намного старше девчонок – одноклассниц.

– Такие взрослые маленькие мужчины! – подумала Катя. – Наши, в Горькой Балке, почему – то выглядели помладше.

– Здравствуйте, – сказала Катя весело, зайдя в класс.

Но ей никто не ответил. Она еще раз громко произнесла:

– Здравствуйте!

В ответ опять прозвучала звонкая тишина. Каждый делал вид, что занят и не видит новенькую, которая с ними здоровается.

«Ничего не понимаю», – подумала Катя.

И только хотела поставить свой портфель на парту, как неожиданно самая красивая одноклассница зло столкнула Катин портфель на пол и громко сказала:

– Не видишь, здесь занято?!

Катя неторопливо подняла портфель, извинилась и хотела сесть за следующую парту, но в ответ услышала то же самое. Со всех парт Катю выталкивали ребята. Она, ничего не понимая, стояла, еле сдерживая слезы. В этот момент в классе вошла Лена Штоум. Катя ее увидела, подошла к ней осторожно и спросила у нее, что случилось? Но Лена Штоум вместо того, чтобы ответить закричала на ребят.

– Что за чушь, почему Катя не может территориально с нами учиться в одном классе?

– Да потому что она живет в другом районе, – закричала самая большая девочка в классе. – Тебе же понятно сказала Галина Никитична, что новенькая должна учиться в «Б» классе!

– Ну как же в другом районе?! Она почти моя соседка! – не унималась Лена Штоум, новая подруга Кати.

Дверь приоткрылась, и на пороге показалась, как всегда, улыбчивая и добродушно – ехидная Галина Никитична Форова. Женщине было около сорока лет. Она всегда ходила в кремпленовых платьях бирюзового цвета. Веки глаз подводила яркими голубыми тенями. Этим самым хотела привлечь внимание к своим выцветшим голубым глазам.

«Почему они у нее такие бесцветные? – подумала Катя. – Она такая милая женщина, постоянно улыбается, хочет показаться всем доброй. Интересно, может, она плачет много?», – задавала себе вопрос Катя, глядя на нового классного руководителя.

– Девочка, моя, – начала Галина Никитична приторно сладким голоском. – Понимаешь, я так просила, чтобы тебя оставили у нас в классе. Но завуч сказала, что по территории ты должна учиться в параллельном «Б» классе. Пойдем, моя хорошая, я тебя провожу, – обнимая Катю, продолжала рассыпаться любезностями несостоявшаяся классная руководительница.

Катя удивленно на нее посмотрела, взяла свой портфель и, попрощавшись с ребятами, вышла из класса.

Как только дверь за нею закрылась, Лена Штоум начала кричать на ребят:

– Вы все продажные твари, вот вы кто! Видите, что девочка очень хорошая. А вы все пошли на поводу у этой Гали – Киты. Почему вы не сказали ей, что хотите, чтобы она осталась у нас в классе? И вы прекрасно знаете, что территориально она должна учиться у нас, в «А» классе.

– Нет, Ленка, ну ты даешь?! В выпускном классе поссориться с Галей – Китой. Ты в своем уме? Ничего, пусть поучиться в «Б» классе. Ничего страшного в этом нет, – сказал Юрка – задира. – Я лично хочу выпуститься в этом году, а не остаться на следующий год.

– Да и то правда, Лена, мы все учились в этом классе с первого класса, а теперь еще давай из – за новенькой поссоримся. Галя – Кита объяснила, что нужно сделать все, чтобы она не училась в нашем классе. Она же дочь директора школы. Кита четко сказала, что она все, что будем делать в классе, будет доносить своей мамочке, – подхватила разговор самая высокая девочка в классе.

– Ну отчего вы взяли, что она будет доносить? – не успокаивалась Лена. – Вы же ее совсем не знаете. А мне показалось, что Катя вообще не сплетница. Она ни о ком, ни разу, не сказала плохо.

В это же время Галина Никитична по– дружески взяла Катю под локоток и вела ее через школьный двор в соседнее здание школы. Она по дороге все время говорила ей, что очень жаль, что она не будет учиться в ее классе.

– Но ничего, я математику преподаю и в «А», и в «Б» классе, так что будем видеться, – добавила она.

В «Б» классе ребята были приветливыми. Они обрадовались новенькой, и стали ей наперебой говорить, кого как звать и кто у них в классе преподает. О Галине Никитичне сказали, что она хитрая и тупая.

– Она все время думает, что мы все дураки в выпускном классе. Будто мы не видим, что она фальшивая насквозь. Вот у

нас классная руководительница нормальная, тебе понравится, – сказали они.

Катя проучилась в новом классе всего три дня. Все изменилось в тот самый момент, как объявили конкурс среди классов на лучший творческий концерт. Ученики должны были, – и петь, и танцевать и стихи рассказывать.

В «А» классе было много талантливых ребят, но у них никто не мог танцевать. Катя стояла и читала объявление рядом с расписанием о том, что проводится творческий концерт между старшими классами, и вдруг к ней подбежала Галина Никитична Форова. Она остановилась, внимательно посмотрела на Катю и спросила, задумавшись:

– Катя, а ты танцевать умеешь?

– Да, я занималась танцами у нас во Дворце Культуры в Горькой Балке.

– А какие ты танцы можешь танцевать?

– «Цыганочку» могу танцевать. И русско – народные танцы. И на фортепиано могут играть. Я музыкальную школу окончила.

– Молодец! Какая ты у меня умница, – сказала Галина Никитична и стремительно куда – то убежала.

В этот же день Катю перевели опять в «А» класс. Извинились и сказали, что ошиблись по территории, разобрались и она должна учиться именно в «А» классе. Как только Катя отказалась и сказала, что ей нравится «Б» класс, так Галина Никитична Форова закатила истерику с обмороком и была непреклонна. Она уговорила Катю вернуться к ребятам. Тем более, что за нею скучает Лена Штоум.

Об этом неприятном инциденте и странном перемещении из класса в класс, Катя маме рассказывать не собиралась, потому что, ей казалось, у мамы и без нее проблем в новой школе хватало.

Творческий концерт выиграл класс Галины Никитичны Форовой. Их класс теперь должен был принимать участие в районном творческом концерте. А в случае победы, – и в краевом конкурсе.

Катина «Цыганочка» произвела фурор на все жюри. С таким азартом она танцевала этот свой «танец души», доказывая всем, что она лучшая! И что ее обидели незаслуженно. И что, слава Богу, ей придется учиться всего год у этого подлого учителя, как Галина Никитична Форова! После этого концерта Катя стала самым уважаемым человеком в школе и завоевала свое достойное место под солнцем 10 «А» класса. Но Катю радовало только одно, – у нее появилась настоящая подруга, которую звали Лена Штоум!

Глава 28

Вечерами Катя видела, как мама и папа сидели и грустно рассказывали друг другу последние новости. Коллектив был очень сложным, люди не были такими добрыми и родными, как в Горькой Балке. Смена обстановки места жительства и коллег проходила не просто для Катиных родителей. Сложность составлял менталитет местных жителей, у которых были совершенно другие ценности. Жители Шпаковского очень отличались от жителей Горькой Балки.

В Шпаковке большинство людей были завистливыми и злыми, но тщательно пытались прикрыть эти пороки маской добродушия и веселья. Но если человек случайно поворачивался в сторону говорящего, то мог заметить прищуренный злой взгляд собеседника, который тут же на глазах превращался в этакого «душку», даже не смущаясь, что его застукали. Мило улыбался, как будто ничего не произошло. «Вам это только показалось, что человек к вам относится негативно! – говорили бегающие глазки.

Радовало только то, что строительство новой школы шло быстрыми темпами. Оля Снежко постоянно пропадала на стройке школы, за всем процессом наблюдала сама. Она рисовала себе разбитый сквер и цветник перед школой. Говорила, что к первому сентября весь строительный мусор должен быть убран. Школа должна стоять красавицей посередине сказочного красивого зеленого массива.

Клич на социалистическое соревнование был брошен всем строительным организациям. И между бригадами завязалась здоровая конкурентная борьба. Каждая организация старалась перещеголять в качестве и сроках строительства другую организацию. За всем этим процессом наблюдала независимая экспертная комиссия от райкома партии и райкома комсомола райцентра Шпаковского.

Школа росла на глазах. Одновременно вырастали вновь и вновь посаженные старшеклассниками, зеленые насаждения вокруг школы. Все принимали участие в строительстве новой красивой школы номер три.

– Ольга Семеновна, вас вызывают в райком партии, – сказала подбежавшая секретарша Раиса Веселова.

– Что еще случилось? – недовольно спросила Оля Семеновна Снежко, пытавшаяся отругать нерадивую техслужащую, которая недобросовестно выполняла свои обязанности.

– Не знаю. Сказали, срочно! – сказала Рая, рассматривая новую красивую школу, вырастающую на глазах. – Ой, какая

красивая получилась! Неужели мы в сентябре будем уже в ней работать?

– Кто-то будет, а кто-то и нет, – категорично сказала Оля Снежко, сердито глянув на провинившегося начальника ведра и тряпки.

Отовсюду лилась музыка: «Не кочегары мы, не плотники…».

Ученики старших классов, веселясь и шутя, быстро уносили мусор на носилках и высыпали его на подъехавшие грузовые машины. Они старались все делать качественно. Очень уж им хотелось переехать в новую красивую школу побыстрее.

– Ольга Семеновна, вы видели, как мы хорошо работаем?! – кричали они своему любимому директору школы.

– Вижу, вижу, мои хорошие! Так держать! У нас все на комсомоле держится. Вы наша опора и надежда! Спасибо вам, товарищи, – сказала улыбающаяся Оля Снежко. – Мы – лучшие! И школа будет у нас всегда в передовиках.

Она, улыбаясь, взяла свою сумку у секретарши Раи и побежала в райком партии.

– Ничего не понимаю, какое внеплановое заседание райкома партии? В связи с чем? – спросила она у своих коллег – директоров, сидевших перед залом заседаний.

– Сказали, кого – то будут награждать. Предупредили, чтоб были все.

– Награждать это хорошо, – сказала Оля Снежко. – А чем будут награждать? Машины новые пришли в район, или загранпутевки выделили? А может быть, в санаторий кого – нибудь направят?

– Да не знаем пока. Сейчас позовут и объявят.

Какого – же было удивление Оли, когда наградой за отличный труд был двухэтажный коттедж в самом престижном районе Шпаковки. В районе СНИИСХ. А когда назвали ее имя, Оля вообще не помнила себя от радости. Она даже немного растерялась, потому что не поверила, что ей государство опять подарило бесплатно второй двухэтажный коттедж за добросовестный труд.

«Надо же уже второй коттедж за отличную работу! – подумала она гордо!

– И в Горькой Балке мне давали коттедж, и в Шпаковке. Это так приятно, просто не передать, когда твой труд по достоинству оценивается. Любишь работу, отдаешься ей полностью, даже и не думаешь о вознаграждении, а жизнь сама тебе дает оценку твоему труду, да еще и награду за работу, которую любишь.

Ключи радостно побрякивали в кармане. Оля доставала их снова и снова и с удовольствием рассматривала. Она решила

пройтись пешком, порадоваться своим успехам, обдумать все, что с нею произошло. Коттедж номер сто восьмой, квартира номер один. Смотрела она на ордер и не могла поверить, что они снова будут жить в своем собственном двухэтажном доме. «Нужно сходить, посмотреть новую квартиру», – радостно подумала Оля.

Катя и Миша тоже очень радовались новому дому, а Женя все – время говорил:

– Мне и у твоих родителей нормально живется. У них дом большой, зачем нам еще один? Нам хватит и этого.

Переезд был веселым. Школьную грузовую машину нагрузили всей мебелью, которую они привезли из Черной Балки. В кузове важно стояло фортепиано, на котором Катя весело играла, пока они ехали из бабушкиного дома в свой новый коттедж. Лена Штоум, одноклассница и лучшая подруга, весело пела вместе с Катей:

– Мы едем, едем, едем! В далекие края! Хорошие соседи! Отличные друзья!

Девчонки смеялись от души. Лена помогала им переезжать, и ей очень хотелось посмотреть на новое жилье.

Коттедж был еще красивее прежнего. Он находился в середине микрорайона, где в центре были двухэтажные коттеджи, а вокруг стояли пятиэтажные дома. В этом районе находился самый лучший в Ставропольском крае дендропарк, где были собраны все виды растений со всей планеты Земля. Мини – еловая роща и мини – березовая роща были украшением этого замечательного парка. Аккуратно подстриженные кустарники обрамляли пешеходные дорожки во всем микрорайоне. Красивый розарий был разбит в центральной части парка. Самым главным украшением считался необычный фонтан, который освежал брызгами, пробегающих мимо прохожих. Оригинальные скамейки, выстроенные в ряд, всегда днем ждали своих пенсионеров, а ближе к вечеру, зазывали молодежь с гитарами и песнями.

Красивое здание Научно – исследовательского института сельского хозяйства возвышалось среди голубых, пушистых елей, которые гордо окружали мозговой центр ученых: кандидатов наук, докторов наук и академиков. В головном здании в огромных витринных окнах виднелся зимний сад. А через дорогу проглядывали квадратные участки земли с ярко – зелеными опытными зерновыми культурами и белыми номерными флажками над каждой делянкой.

Воздух здесь был настолько чистым и пахучим от фиолетовых, голубых и белых маленьких фиалок, которые повсюду росли под могучими кедрами. Нужно сказать, никто не

сажал здесь. Но фиалки, пролески, и ландыши прекрасно росли здесь еще задолго до того, как здесь начали строить самый красивый район села Шпаковское! Цветы продолжали, на правах настоящих хозяев, разрастаться повсюду. И все были им за это только благодарны. Потому что лучшей красоты нельзя было увидеть нигде больше в районном центре.

Семья Оли Снежко дружно поселилась в своем уютном коттедже. Радости не было предела. Они думали, что все разделяют их счастье. Они даже не подозревали, что очень много завистников появилось у них именно в тот момент, когда они получили этот коттедж.

– Катюша, поздравляю! Вы получили новый коттедж, – слащаво – зло произнесла Галина Никитична Форова. – Надо же, так повезло! Обычно коттеджи дают только академикам, докторам наук, кандидатам наук, в общем, научным сотрудникам, но никогда не давали учителям. Вам очень повезло.

– Не знаю, но это у нас уже второй коттедж. Мы в Горькой Балке тоже получали. Тот был даже в два раза больше, чем этот. Там еще и балкон был, – сказала Катя удивленно. – А почему вы говорите, что учителям не дают жилье? Мне, например, сказали, что вы тоже получили трехкомнатную квартиру в новом доме, с нами по соседству, – сказала Катя весело.

– Да, квартиры у нас всегда учителя получали, а вот, чтобы коттеджи двухэтажные давали, такого у нас еще не было. Наверное, вы взятку дали, чтобы получить такое жилье, да? – спросила она участливо.

– Нет, что вы? Мама никогда бы не дала. Вы же ее знаете. Она очень принципиальная.

– Да знаю, гоняет нас всех. Мы, честно тебе сказать, очень ее боимся. Она такая строгая просто ужас. У нас сроду такого директора не было! Но зато школу новую вон как быстро построила. Мы сколько лет ходили, выпрашивали. А она как взялась за этот проект, так сразу все у нее получилось. Ну и хватка у нее!

– Что есть, то есть. Она везучая. Мама и меня так воспитывает, говорит в этой жизни нужно человеку быть честным, принципиальным и очень любить свое дело, которым занимаешься. Я тоже очень хочу быть на нее похожей.

– Никто ж не против. Я тоже хочу быть такой же, как и твоя мама, – закивала головой Галина Никитична. – Я ведь в институте с твоей тетей Галей вместе училась. А твоя мама однажды приехала к нам в общагу и такой нагоняй нам устроила! Я это хорошо помню. Мы еще очень молодые были, бестолковые. У нас все разбросано в комнате, а она как зашла, как стала стыдить нас.

Говорит: «Вы же девушки, а в таком бардаке живете!».

Я твою маму еще тогда заметила и очень стала уважать ее. Помню все, что она нам говорила о жизни, мне очень нравилось, особенно, что каждый человек сам себя воспитать должен. А она ведь меня вспомнила, когда в школу к нам работать пришла, но сделала вид, что не узнала, что я подруга ее сестры. Но когда я ей рассказала, что у меня с деньгами трудно в семье, она тут же выписала мне материальную помощь. Я как – то попросила, чтобы она мужа – алкоголика моего взяла на работу сторожем, она и здесь пошла мне навстречу. Я очень ее уважаю и всегда буду ее правой рукой. Я же завучем у нее работаю. Я никогда не забуду ее доброе отношение ко мне, – сказала Галина Никитична Форова, и обняла Катю, по – матерински.

Глава 29

– Ольга Семеновна, куда нести бюст Ленина?

– Мальчики, несите в Красную рекреацию на второй этаж. Там, где висят наши красивые картины.

– Это те красивые картины, что на всю стенку? С революционерами и пионерами, – засмеялись парни.

– Да, именно туда, – улыбаясь им в ответ, сказала Оля Снежко.

Школа приобретала жилой вид. Даже нельзя было подумать, что это новостройка и ребята придут учиться в нее первый раз. На первом этаже стояли большие красивые напольные цветы.

Картины местных художников с родными пейзажами украшали первый этаж и пахли свежей краской на весь коридор. Красивые драпированные шторы кремового цвета висели по – домашнему и в то же время смотрелись царственно – величественно на окнах такой родной и уютной школы. В рекреации начальных классов на полу белой краской уже были начерчены классики, круги, лабиринты со сказочными героями. Хотелось, как в детстве, попрыгать на одной ноге, поиграть в искателя клада и полежать на мягком ковре в углу рекреации.

На стенах висели поделки бывших выпускников начальной школы. Их награды и кубки гордо стояли в шкафах по обеим сторонам коридора. Все было сделано с такой любовью, что даже не хотелось оттуда уходить.

Второй этаж был посвящен патриотизму нашей большой и великой Родины – СССР. На стенах висели огромные картины, во всю стену, с тематикой исторических событий. Из-за того, что картины были от пола до потолка, визуально казалось, что коридор от этого становился шире и выше. На полу лежали длинные однотонные половые покрытия темно – вишневого цвета.

Цветовая гамма была выдержана именно в этих цветах. И поэтому ученики сразу назвали его Красной рекреацией.

Третий этаж был салатовых оттенков. Там было много зелени, много красивых цветов, огромный длинный аквариум во всю стену. Уроки географии, природоведения, биологии и ботаники проходили на третьем этаже.

Когда пришла приемная комиссия принимать школу к новому учебному году, она глазам не поверила, – каким образом в такой короткий срок, новостройка превратилась в красивое обжитое здание?! Школа номер три имела совершенно жилой и семейный вид. Эту школу так и прозвали: «домашняя школа». Традиции Ефима Ефимовича продолжали жить.

Коллектив школы тоже помолодел. Пришли новые учителя, полные интересных замыслов. Недавние выпускники институтов обладали нескончаемой энергией и желанием работать. Старожилы – учителя тоже поддались общему деловому настрою и очень радовались тому, что им на смену приходит очень толковая, талантливая молодежь. Новостройка объединила весь учительский коллектив, и они на одном голом энтузиазме тащили все на себе. А так же они тащили в школу все, что у них было дома, чтобы сделать место, где они будут проводить большую часть своей жизни, по – домашнему уютным.

– Мама, так жаль, что мы в этом году оканчиваем школу и нам не придется учиться в такой красоте, – сказала Катя. – Школа такая получилась домашняя! Ученики будут точно здесь с удовольствием учиться.

– Да, я воплотила свою мечту в жизнь. Я всегда хотела, чтобы дети и учителя с удовольствием бежали в школу, а не из нее. А ты не переживай, насчет того, что не сможешь учиться в этой красивой школе, зато тебя ждет впереди институт, а потом ты придешь работать в эту школу. Главное, учиться хорошо, как я когда – то. И потом ты будешь незаменимым специалистом. Ты, доченька, пойми одно: никогда ни на кого не надейся и не перекладывай работу, которую сможешь сделать сама, на другого человека. Если тебя попросят помочь, помоги, а если кто – то будет злоупотреблять твоей добротой и часто просить тебя о помощи, тогда красиво уйди от этого человека. Помочь – это значит взять мешок с одной стороны и нести его вместе со всеми. А не брать мешок и нести его самому, вместо другого. Вот это научись различать.

– Мама, а я хочу тебе кое – что сказать. Дело в том, что мы с Леной Штоум решили поехать в Питер и попробовать поступить в Театральный институт. Мы поедем в Ленинград сразу после выпускного вечера, но если не поступим, тогда вернемся и попытаем счастье в Ставрополе.

– Все девочки хотят поступать в театральный и стать актрисами. Это пройдет, поверь мне, – сказала Оля Снежко. – В общем я не против вашей затеи, езжайте, пробуйте, чтобы потом не переживали, что вы что – то сделали не так.

Сразу после выпускного бала Катя с Леной Штоум уехали в Ленинград. Они остановились у Катиной двоюродной сестры Наташи, дочери тети Иры Снежко, которая училась в Ленинграде, в институте связи имени Бонч – Бруевича.

Студенческую жизнь мегаполиса они сразу почувствовали в стенах университетского общежития. Шестнадцатиэтажное здание приводило в ужас провинциальных девушек.

– Господи, я первый раз на лифте еду! Я боюсь, – кричала Катя, схватившись за сестру Наташу.

– Не бойся, – смеялась Наташа. – Это не как в космосе! Это круче!

– Наташа, я сейчас умру от страха, – кричала она.

Худенькая девушка шестнадцати лет в шелковом голубом платье схватилась за сестру и зажмурила глаза.

– А какая же ты будешь актриса, если такая трусиха? – кричала ей на ухо сестра.

– Не знаю, я думаю, что это не так страшно, как ехать вниз в закрытой кабинке.

– А ты выучила басню, прозу и стихотворение? – продолжала расспрашивать младшую сестру Наташа.

– Нет, я сегодня пойду с Леной в библиотеку на Невский проспект. Мы видели там очень большую библиотеку. Господи, как я люблю Ленинград, Наташа! Как мне здесь все нравится! Я очень хочу здесь жить и учится.

– Так поступи в Театральный институт и будешь здесь жить и учиться, – смеялась Наташа.

На следующий день Катя с подругой Леной пошли в библиотеку имени Владимира Маяковского. В огромном зале стояло очень много столов с настольными лампами и тяжелыми металлическими стульями. От света ламп было очень уютно и спокойно в библиотеке. Катя с Леной сели за последний стол, взяли много необходимой литературы и стали выписывать все, что должны были заучить. Полы в библиотеке были паркетными и сильно натерты воском. Стулья в библиотеке оказались очень массивными, с железными ножками и к тому же неподъемные. Катя, заучивая басню наизусть, начала потихоньку раскачиваться на своем стуле. Вдруг стул под нею накренился, ножки поскользнулись, и она, прям как на том своем отчетном концерте в музыкальной школе, задрав ноги, с грохотом упала на пол, придавленная вместо гитары тяжелым стулом.

«Хорошо, хоть без балалайки», – подумала, смеясь, Катя.

Реакция была такой быстрой, что никто даже не заметил, как она подскочила на ноги и, не поднимая стула, сделала вид, что сидит, как ни в чем не бывало за столом, аккуратно сложив руки, как первоклассница. Но то, что она сидела на полусогнутых ногах никто не увидел. Катя спокойно стала рассматривать поворачивающихся на грохот посетителей библиотеки. Лена Штоум сидела покрасневшая от стыда за подругу. И все сразу подумали, что именно с нею что – то случилось.

– Катька, я тебя сейчас убью, – шипела на подругу Лена, когда

все посетители библиотеки отвернулись. – Ты что, не можешь тихо хоть раз в жизни посидеть?

– Все, все, больше не буду, – хихикая, отвечала Катя и потихоньку поднялась на цыпочках, подошла к упавшему стулу, аккуратно подняла его и незаметно поставила его на место, как ни в чем не бывало.

В Театральном институте, на девчонок странно посмотрели.

– «Провинция» – написано у них на лицах, – сказали экзаменующие, глядя на испуганных красавиц.

– Желторотики ужас как надоели, – услышали они, как о них говорила приемная комиссия.

В аудиторию заводили по десять человек. Пять человек садились с одной стороны, пять – с другой. Посредине возле окна стоял длинный стол, а за экзаменаторами находились осветительные приборы. На зеленом паласе, строго посредине, лежал обыкновенный белый тетрадный листок.

– Проходите, садитесь перед преподавателями, представляйтесь. А затем идите, становитесь на тетрадный лист и читайте все, что приготовили, – говорили члены экзаменационной комиссии, зевая.

– Господи, а что читать?! – подумала Катя испуганно.

Общага с ее дискотеками, с ее вечеринками, с ее взрослой жизнью отняла все свободное время, рассчитанное на подготовку к экзаменам. Какие басни, стихи, проза? Все перемешалось в голове у Кати и у Лены.

Они провалили свой первый пробный тур. Лена Штоум растерялась и когда подошла к экзаменаторам, сказала, что она лучше приедет на следующий год поступать. Катя в отличие от подруги смело пошла, села перед преподавателями, представилась, сказала, откуда она.

– А где эта Шпаковка находится? – смеясь, спросили экзаменаторы.

– А это в Ставропольском крае. Рядом со Ставрополем.

– Ну, мы надеемся, что вы ехали в такую даль и, конечно, подготовились.

– Нет, – сказала Катя. – Мы же сразу с выпускного бала приехали. Думали, что из школьной программы нужно читать стихи, басни, прозу. А только здесь узнали, что нужно что – нибудь новенькое. Мы сходили в библиотеку, выбрали репертуар. Вот слушайте, что мы приготовили.

Катя встала на тетрадный листочек, приняла театральную позу и начала громко кричать:

– Крылов! Орел и куры!

Потоптавшись на белом тетрадном листе и посмотрев себе

под ноги, Катя начала уверенно читать басню:

– Орел под небесью летал!

И тут на нее что – то нашло, и она поняла, что неправильно поставила ударение на слово «небесью». И Катя, как в том анекдоте, продолжала расставлять ударение:

– Орел под небесью, под небеся, под небеси летал.

На этом память ее дала трещину, даже пробоину, и она больше не могла вспомнить ни единого слова.

– Ну что ж, вы так хорошо начали, а что дальше?

А дальше был поезд, привезший ее родителей – Олю Снежко и Женю Черкашина, тетю Галю и двоюродную сестру Настеньку в Питер. Родители кричали, что и речи не может быть о заводе, на который Катя собиралась устраиваться работать.

– Ты не будешь терять год. Ты поедешь и будешь поступать в Пятигорский институт иностранных языков, потому что мы что, получается, зря платили деньги репетиторам? Или мы их платили для того, чтобы ты работала на заводе и со станками разговаривала на английском языке? – строго спрашивали родители.

– Мамочка, – упрашивала Катя маму. – Ну пожалуйста, мама, можно я останусь в Питере? Я буду работать всего год на заводе, а потом поступлю в Театральный институт. Мне, между прочим, в Театральном институте сказали, что у меня талант. Просто нужно подготовиться, потренировать память и на следующий год они меня снова ждут.

– Вот отучишься в инязе, натренируешь свою память. А потом в свой Питер поедешь на следующий год, если тебе в пединституте не понравится. Так и быть, будешь поступать в свой театральный, если хочешь быть актрисой. Но только после института иностранных языков, – бескомпромиссно заявила мама Оля.

А папа Женя, как всегда, кивал головой в подтверждении маминых слов.

Они еще несколько дней погуляли по Ленинграду, и после небольших каникул увезли Катю из любимого Питера домой.

Катя все-таки пошла по «протоптанным стопам» своих родителей и поступила в Институт иностранных языков. Училась она без особого удовольствия, потому что все время думала о Театральном институте. Однокурсники говорили, что у нее талант актрисы, что у нее очень хорошо получается рассказывать разные интересные истории в лицах и красках! И все ей пророчили большое будущее выдающейся актрисы.

Новая студенческая жизнь увлекла Катю, но она все – равно мечтала о карьере актрисы. Она знала, что всегда будет любить

свой любимый, родной и красивый город – Петербург и обязательно сюда еще вернется.

Городок, где находился Институт иностранных языков, был маленьким, уютным, домашним. В группе было всего девять человек девушек и один парень. Две девушки были черкешенками, еще две – карачаевками, две – кабардинками и две – русскими. Вот такой межнациональный южный тандем Единственный парень в их группе был чеченец Зураб. Но для Кати все они были одной национальности: советские люди. Группа была очень дружная. О том, что они все были разных национальностей, они узнали, когда уже СССР развалился.

А в те времена все были ровесниками, и никто никого и никогда не разделял по национальным признакам и вероисповеданию.

Зураб Асланов, единственный парень в группе, был старше всех девчонок, он поступил учиться в институт уже после армии. Он оберегал всех девушек не только в своей группе, но и во всем институте. Серьезный молодой человек, однокурсниц считал своими сестрами. Если бы тогда им кто – нибудь сказал, что будет война с Чечней, девочки бы не поверили и выцарапали бы глаза тому, кто это сказал, потому что ребят чеченцев очень уважали все студенты института. Они были верны своему слову, всегда приходили первыми на помощь и были настоящими, верными друзьями с очень добрым сердцем.

Вообще институт иностранных языков на юге считался очень престижным ВУЗом. Очень сильный преподавательский состав, современный подход к обучению и преодолению языкового барьера. Институт славился своими лингафонными кабинетами, библиотеками, студенческим городком. Два высших учебных заведения гордо возвышались под горой Машук. Один институт назывался-ПГПИИЯ, – Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков, а другой – Фармацевтический институт.

За ними находились красивые, новые общежития, стадион и столовая. Красивее и любимее не было уголка на земле. Воздух был чистый и свежий. Весной пахло фиалками и пролесками, которых в лесу возле общежития было огромное количество. Машук заботливо обнимал студенческий городок, да и весь город Пятигорск со всех сторон своими красивыми зелеными склонами.

Многонациональный город со своей харизмой считался одним из любимых курортных городов для всех людей, которые приезжали отдыхать в санатории города.

Отдыхающие даже не догадывались о бурной студенческой жизни в стенах общежитий студенческого городка, потому что в

самом городе было очень тихо и спокойно. Только гора Машук была свидетелем всех ночных дискотек по выходным, бесчисленных свиданий и признаний в любви!

Концерты и спектакли местного драматического театра занимали все свободное время у студентов. Время, которое быстро пролетало от сессии к сессии, показывало, что жизнь пролетает с каждым курсом все быстрее и быстрее.

Дружная многонациональная группа на каникулах часто ездила отдыхать в горы. Друзья жарили шашлыки, устраивали вечера чтения стихов и пение возле костра под гитару. Катя часто приглашала к себе на юг гостей из Ленинграда, студентов Наташиного института связи имени Бонч – Бруевича.

Она продолжала дружить с друзьями своей двоюродной сестры из того самого шестнадцатиэтажного общежития в Ленинграде, где они останавливались с Леной Штоум, когда приезжали поступать в Театральный институт.

Студенты из Питера с удовольствием приезжали на Северный Кавказ, подышать чистым воздухом, посетить лермонтовские места, попить лечебной водички и просто полежать и позагорать на склонах зеленого Машука.

Глава 30

– Галя, представляешь, как время бежит! Наши дети так быстро выросли. Вчера только их на руках нянчили, а сегодня они уже обе студентки, – говорила восторженно Ира Снежко, показывая альбом младшей сестре Гале Снежко.

– Да, посмотри, вот Катюха наша, а вот Наталья – моя красавица. Это они в Пятигорске отдыхают все под Машуком у Кати в гостях.

Давай за них и выпьем, – сказала Ира, поднимая, как всегда, рюмку водки.

– Да не люблю я ее горькую. Вот сколько пытаюсь к ней привыкнуть, а не могу, – сказала Галя Снежко с отвращением.

– Ой, не смеши меня. Что, и на пароходе не научилась пить? Там же все пьют.

– Знаешь, все да не все. Если человек не захочет, то его никогда и никто не заставит, – сказала младшая сестра. – Да вон хоть Наташу свою возьми или Катьку Ольгину, так их ровесницы знаешь, как закладывают уже. А они еще даже не нюхали.

– Ира, а как там Наташа в Питере освоилась.

– Да ничего, учится в этом как его, – Бонч Бруевиче, в Институте связи на одни пятерки, на четвертом курсе уже. Представляешь, никто не верит, что сама поступила. Поехала одна в Питер и поступила. Сдала все экзамены, учится бесплатно без всяких там репетиторов. Факультет «Многоканальная связь», что – то с космосом связано. Их по распределению только в Москву или в Питер будут направлять на работу.

– Отлично, молодец! Вся в тебя и в отца пошла. Отличница. А время как летит ужас, да? Наташа уже студентка четвертого курса?! – задумчиво произнесла Галя Снежко.

– Да, только отец не узнает теперь никогда, какая у него дочь хорошая! Оставил меня, молодую, с двумя детьми одну, – зарыдала в голос Ира Снежко.

– Ну ладно, он там вам с небес помогает. Вот видишь, и дом ты двухэтажный построила, и детей хороших вырастила.

– Конечно, мне пришлось продать все свое хозяйство в Калмыкии, чтобы вложить их в стройку. Родители, правда, помогли. Я им за это благодарна. Да и ты с Ольгой тоже. Так, что, как говорится: «с миру по нитке, голому на рубашку!». Ты знаешь, мне одной без Вовки все – равно плохо. Я же привыкла к хорошим деньгам, а сейчас перебиваюсь с копейки на копейку. Знаешь, чтобы мне с деньгами полегче было, я пустила на первый этаж

квартирантов: парней из ДОСААФ. Они на водителей учатся, хорошие парни такие, работящие! А то мне без Наташки скучно. Плохо мне без нее. Ну ничего я что – нибудь придумаю.

В Петербурге Наташа училась очень хорошо. Ее любили и уважали и студенты, и преподаватели. Но однажды как гром среди ясного неба в институт принесли для Наташи телеграмму вот такого содержания: «Срочно приезжай, умерла мама».

Наташа, когда получила эту телеграмму, сразу упала в обморок. Она еще совсем маленькая узнала, что в пожаре погиб отец. Теперь такая страшная новость о смерти мамы догнала ее в Ленинграде. Она целыми днями не переставая рыдала, и не хотела верить в случившееся. Весь курс собрал для нее денег, и она с четырьмя своими подругами купила траурные венки и полетела домой хоронить маму.

Когда она подошла к дому, ей показалось, что все родственники очень громко причитают над гробом. Она отчетливо услышала голос:

– Да на кого же ты нас покинула?

Наташа осторожно подошла с девочками к двери, тихонько открыла, зашла в комнату и увидела, что перед телевизором сидят родной брат Саша и двоюродный брат Миша, сын тети Оли. Они сидели и смотрели кинокомедию и хохотали во весь голос.

Внизу, на первом этаже, Наташина мама, ожидая гостей, домывала полы. Она услышала шаги на втором этаже, быстро поднялась в дом и увидела испуганных девчонок с венками в руках, которые уставились на «покойницу» с половой тряпкой в руках.

– Ой, вы ко мне на похороны приехали?! – произнесла подвыпившая, как всегда, Ира Снежко. – Молодцы! А я думаю, как бы вам каникулы устроить в зимнюю сессию. Устали, небось?! – продолжала смеяться несостоявшаяся «покойница». – А я вам и женихов нашла. Вон у меня квартируются военные. Молодые красивые парни из ДОСААФа!

Наташа уставилась на мать и не верила своим глазам, что та жива, здорова, да еще и веселится, повесив траурный венок себе на шею.

– Мама, ты в своем уме? Что ты наделала? Ты что, сама эту телеграмму дала?

– Так точно! Хватит тебе учиться. Я за тобой скучаю. Ты у меня и так грамотная. Давай на работу устраивайся, и все, будешь со мной жить. У тебя уже есть неоконченное высшее образование. Для тебя здесь есть место на телеграфе. Я все решила, будешь жить дома! – безаппеляционно произнесла мама Ира.

Девчонки очень обрадовались, что все хорошо, все живы. Им

очень понравился внеплановый отпуск, и они, довольные, остались у Наташи в гостях на две недели.

В Ленинград Наташа больше не вернулась. Ей было стыдно смотреть однокурсникам в глаза. И очень жаль маму, которая была совершенно беспомощной, как ребенок, без нее. Она понимала одно: что, если она уедет обратно в Питер, пережитая ею трагедия «смерти» мамы станет явью. И она, глубоко вздохнув, проводила плачущих девчонок обратно в институт. А сама осталась жить в Шпаковке.

На вечере встречи выпускников Наташа встретила свою первую любовь с параллельного класса Сашку Петухова, и старые чувства вспыхнули вновь с удвоенной силой. Местный хулиган так красиво за нею ухаживал и с таким напором добивался ее, что через полгода они сыграли громкую, большую и красивую свадьбу. Мама Саши Петухова не очень одобряла выбор сына, она все время на него ругалась:

– Зачем тебе такая бедная невеста?! Мать у нее пьет. Отца нет. Ты точно пожалеешь о том, что меня не послушался. Мы же всю жизнь в зажиточных кулаках значились.

– Мама, я очень ее люблю. И мне плевать, кто она и из какой семьи. Я знаю точно, что у меня с нею будет прочный тыл.

Родила Наташа ему двоих детей. Мучилась и боролась всю жизнь с его пьянками. Но в тридцать один год, как и ее мама, осталась вдовой с двумя детьми на руках.

Нашли замерзшего Сашку Петухова под магазином рядом с домом в ноябре месяце. Как – будто специально для него неделю держались сильные морозы. А после того, как его похоронили, восстановилась жаркая осень – самое настоящее бабье лето…

Повторив судьбу мамы, оставшись вдовой с двумя детьми, Наташа всю жизнь ухаживала за мамой Саши Петухова, которая жила уже почти сто лет. Она, как всегда, выходила на улицу и приказным тоном кричала пятидесятилетней невестке Наташе, как служанке:

– Наташка, домой!

Наташа была чистым ангелом. Никогда никому не говорила грубого слова. Всегда была душой любой компании. Она оставалась предана умершему любимому мужу, – Сашке Петухову всю жизнь. Продолжала любить его. И больше ни одного мужчину к себе не подпустила.

За свекровью ухаживала со всей любовью, на которую была только способна. Она никогда не обижалась на ее грубые слова, на ее постоянные придирки. Даже не всегда родная дочь могла столько вытерпеть, сколько вытерпела Наташа.

Работала Наташа так же на телеграфе. Институт так и не

закончила. В своей профессии была очень толковым специалистом. Учеба в Питере, да и природная способность мыслить принесли свои плодотворные плоды. Неполное высшее образование не давало, конечно, заслуженной заработной платы, но Наташа никогда не говорила о том, что она жалеет, что не вернулась в Питер вместе с подругами.

– Меня так завертел круговорот жизни, что я не поняла, как все произошло, наверное, так и должно было произойти по судьбе, – говорила она. – Если бы сейчас вернуть жизнь назад, я бы точно так же ее прожила. Я благодарна судьбе за то, что она мне подарила настоящую любовь, – Сашу Петухова и двух таких умных и красивых детей.

Глава 31

Вся страна рыдала, когда умер Леонид Ильич Брежнев. Несменный Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза. Это был такой удар для целой эпохи советских людей, которые думали, что без лидера партии жизнь остановится. И всех ждет что – то очень страшное впереди.

– Катя, прекратите свои дурацкие танцы! – кричал Евгений Петрович Черкашин на студентов, которые приехали к Кате в гости и устроили веселую вечеринку.

– Папа, ну хватит кричать. Ну что страшного произошло? Но другого Генсека поставят. Почему вы так переживаете? – спрашивала удивленная дочь.

– Неправильная у нас пошла молодежь. Вы что, действительно не понимаете всю трагедию произошедшего? – спрашивал Евгений Петрович сердито.

– Папулечка, ну у нас каникулы! Мы и так всю сессию волновались. Дай нам немного потанцевать. Ребята приехали отдохнуть, домашнего поесть, побеситься, а ты нас ругаешь.

Катя никак не могла понять, почему такой траур по человеку, который уже выглядел очень комично с этими многочисленными орденами, поцелуями через выпадающие челюсти. Человек он такой же, как и все. Только почему никто так не убивался по убитым в Афганистане?! По тем, кого отправил именно он на войну?! Почему заставил совсем неразумных мальчишек играть в войну по – настоящему? Почему такой долгий траур и такая печаль на лицах у всех?

– Папа, вот так же плакали за Сталиным. А теперь клянут его что есть сил. Я уверена, что о Брежневе тоже ничего хорошего не скажут со временем.

– Да как ты смеешь такое говорить?! У тебя нет сердца, – сказал сердито Евгений Петрович. – Если хотите веселиться, то идите на улицу! А в моем доме я не позволю так кощунствовать!

– Ладно, мы уходим. Пойдем куда – нибудь в кафе. Может, хоть там траура нет, вот что значит непруха. Надо же было Брежневу именно сегодня умереть, когда вы ко мне в гости приехали! – сказала Катя расстроено.

– Да ладно, пойдемте в ресторан, – сказал Заур – чеченец, единственный парень в их группе. Добрее души никто и никогда не знал. Ему всегда и всех было жалко. Он никогда и ни с кем не ссорился. Для всех девчонок был настоящим другом и братом. С ним вообще не было страшно.

– Катя, нельзя никогда грубить старшим. Тем более своим

родителям, – сказал, обнимая Катю, Заур. – Пойдем потанцуем в другом месте. У тебя такие хорошие, гостеприимные родители, они всегда нас очень тепло принимают, нельзя их обижать. И вообще старших всегда нужно уважать.

Вся группа из десяти человек отправилась в ресторан «Чайхана», который был единственным рестораном в их маленьком городе Шпаковке. В ресторане было полно молодых людей, которые так же весело «поминали» ушедшего незаменимого лидера. Свободных мест вообще не было. Ребята даже немного расстроились, что не пришли раньше.

– Подождите, – сказала Катя. – У меня здесь работает одноклассник, я сейчас все устрою, – подмигнула она ребятам и забежала в ресторан.

Она нашла своего лучшего друга, одноклассника и официанта этого самого ресторана.

– Привет, Костя! Как дела? – сказала она, целуя любимого одноклассника. – У меня проблема. Я привезла в гости из института всю свою группу, а этому генсеку приспичило умереть. И мой хлебосольный папа выгнал нас из дома на улицу, чтобы мы не танцевали. А так хочется!

– У нас что, сегодня вечер выпускников? – спросил он, смеясь. – Вон идите за тот столик, там все наши сидят. Они будут тебе с твоими друзьями очень рады. Дополнительные столики я сейчас вам добуду. Составите вместе и посидите, отдохнете.

– Ура! – сказала Катя, выбегая к друзьям. – Сейчас нам все устроят. Пойдемте веселиться.

Ребята дружно зашли в ресторан, для них сдвинули столики, и они, познакомившись с Катиными веселыми одноклассниками, стали мило беседовать и общаться.

За столом сидела Мила Солодовская, самая красивая девочка в классе: высокая, стройная, с голубыми глазами и светлыми, спадающими до плеч, крупными локонами. Отличалась от всех миловидной кукольной внешностью и спокойным характером. Она была латышка по национальности. Училась в школе на одни пятерки. Поступила в юридический институт, и все называли ее прокурорша.

– Привет, моя любимая прокурорша! – сказала Катя, обнимая подругу.

– Привет, мой любимый переводчик! – ответила она ей. – Ну давай, знакомь нас со своими новыми друзьями.

– Хорошо, меня звать Заур, – представился ей единственный молодой человек из группы. – А это мои сестры по институту и по жизни.

И он представил девочек, рассаживающихся по своим местам.

Катя в этот вечер привела в ресторан всю группу, состоявшую в основном из девушек, а Мила Солодовская, наоборот, только парней. Одноклассники Кати и Милы поступили в Юридический институт после школы и часто вырывались куда – нибудь посидеть. Они все учились в краевом центре. И общежитие им никто не давал, потому что Шпаковка находилась в пяти километрах от краевого центра, поэтому они считались местными.

Катины подруги очень были рады познакомиться с новыми, красивыми парнями. Тем более бояться было нечего, все друг друга знали, и общение протекало легко и весело.

– Как хорошо, что я не поступила учиться в Ставрополе, – сказала Катя. – Вы меня, конечно, извините, но вы многое потеряли из студенческой жизни, не живя в общаге. Это все – равно, что вы в школе остались учиться, потому что после занятий в институте едете, как всегда, домой, а не в общежитие. Нет, это не по мне. Конечно, первое время было очень тяжело, пока мы друг к другу притерлись. А потом, все даже очень хорошо сложилось, и мы теперь как родственники друг другу. В общежитии очень весело жить!

– Ну, это как посмотреть, – сказал Юрчик-весельчак, как его Катя называла. Тот самый, который был против того, чтобы ссориться с классным руководителем, Галиной Никитичной Форовой, перед выпускными экзаменами.

– Посмотрите на себя, – сказал он. – Вы все худющие, мешки под глазами, сразу видно не доедаете там?

– Так это и есть кайф. Достать у соседа курицу из кастрюли, и унести к себе в комнату в общежитии. А по запаху следопыты – хозяева курицы, знаешь, как быстро находят, не то что ваши коллеги юристы, – отвечала ему Катя, смеясь.

– Точно, помните, как мы курицу варили, – сказала Аля, любимая подруга Кати и приемная дочь Верочки Маленькой, которая тоже училась с Катей в одной группе. – А Заур с ребятами утащили ее к себе в комнату. Но мы быстро по запаху курицу нашли и все вместе потом ее дружно съели.

– Ну вы даете, преподнесли меня в таком цвете! – сказал обиженно Заур, поглядывая на Милу. – Вы же знаете, что мы над вами тогда подшутили. Мы бы и так к вам пришли на эту курицу. Можно подумать, когда мне отец барана привозит, вы не приходите к нам поесть?!

– Ой, сравнил! Барана! У нас же целая курица на десять человек! А у тебя всего лишь баран, – сказала Катя.

И все дружно засмеялись.

– Катя, нам так за тебя обидно, ну почему ты не поступила в

Театральный институт? Мы такие надежды на тебя возлагали! – сказал подошедший официант Костя!

– Они меня так долго слушали, пока я ударение на слово «поднебесье» правильно поставлю, и мне стало очень жаль этих экзаменаторов, поэтому я гордо ушла. Я обиделась, что они не смогли оценить мой природный талант. Какую актрису потеряли в моем лице! Какая нелепая ошибка произошла в театральном мире! Ну ничего, они еще пожалеют, вот увидите. Потому что хорошего переводчика они точно не получат, – засмеялась Катя.

– Ребята, а вы знаете, как она красиво танцует «Цыганочку»? – спросил Костя.

– Нет, мы ни разу не видели, Катя не рассказывала, – удивились одногруппники.

– Так, сейчас я все устрою! – сказал Костя – официант. – Смотрите! Катюха, пошли со мной!

И Юра подошел к музыкантам и что – то им сказал.

– А сейчас для всех гостей нашего города, а в частности для студентов Иняза, «Цыганочка» с выходом! Катя, давай! – закричали музыканты в микрофон.

Костя откуда – то притащил красивую, цветастую огромную русскую шаль и протянул ее Кате. Заиграла живая, красивая музыка «Цыганочк»! Катя, подвязав на талии Шаль, выпорхнула из – за фортепьяно и полетела по кругу в своем любимом танце! Она, как всегда, вела свою партию стремительно, энергично, артистично, заводя танцем всех присутствующих! Люди повставали со своих мест, громко аплодируя в такт музыке. А Катя так красиво, от души танцевала, что смогла зажечь своей мощной энергетикой весь зал. Все сидевшие в ресторане тоже пустились в пляс с криками: «Чавелла!» И притопывая вперемешку с русскими народными танцами и элементами лезгинки, продолжали танцевать до упаду!

Затем были медленные танцы. Заур приглашал только Милу Солодовскую и не сводил с нее влюбленных глаз. Нужно сказать, что кавказцам всегда нравились светлые девушки. Но красавица Мила покорила своей красотой многих ребят, еще, когда училась в школе. Все знали, о ее первой любви с их одноклассником Степой Маловым, которого она проводила в армию. И его три друга всегда сопровождали ее не только в институт, но и на все дискотеки, концерты, походы в рестораны. Они всегда оберегали ее и не разрешали никому к ней приближаться. Они знали, что Катя сейчас все объяснит своему одногруппнику Зауру.

– Заурчик, миленький, – обратилась к нему Катя, – ты знаешь, у Милы есть жених, он наш друг и одноклассник. Она проводила его в армию и честно его ждет, поэтому не трать времени на

ухаживания зря и присмотрись к другим девушкам.

– Я все понял, – ответил Заур и улыбнулся. – Ну, может, судьба нас когда – нибудь сведет еще вместе. Если честно, то Мила мне очень понравилась, – добавил он и вышел с ребятами покурить на свежий воздух.

Судьба действительно их свела вместе еще один раз, но об этом немного позже.

Глава 32

– Скажите, пожалуйста, ну почему, я не могу держать у себя в школе балетмейстера, хореографа, преподавателя по вокалу, который бы преподавал талантливым детям танцы, учил их красиво петь и танцевать? – спрашивала, возмущавшаяся Оля Снежко.

– Да поймите вы, Ольга Семеновна, не предвидится в штатном расписании такая ставка! – кричал в ответ заведующий районо Петр Сергеевич Каляжный.

– Значит, уборщиц восемь человек предвидится, а одна ставка работников культуры, – нет?!

– Вот такой парадокс. И ничего здесь не поделаешь. Не мы это придумали, и не нам это менять.

– Представляете, какие бы у нас проходили концерты, соревнования между школами, если бы с детьми работали профессионалы? – пыталась убедить заведующего районо Оля Снежко. – И всех талантливых детей тогда бы забирали сразу профессиональные клубы, развивали их способности дальше, и получали новых композиторов, певцов, танцоров и актеров. Ну почему на дворе восьмидесятые, а мы еще живем в прошлом веке?

– Будем ждать перемен, – сказал печально Петр Сергеевич.

Но, перемены не заставили себя ждать. Начались многочисленные проверки на предмет тунеядства. Людей встречали на улицах и спрашивали у них документ, удостоверяющий, что ты – личность. А раз ты личность, почему в рабочий день идешь по улице, а не находишься на своем рабочем месте?

Люди в черном забегали в кинотеатры, прекращали внезапно сеанс, вывозили на милицейских машинах всех неугодных, и грозно спрашивали: «Почему вы сидите на дневных сеансах, вместо того чтобы быть на работе?»

– Андроповские времена настали, – шептались люди, оглядываясь по сторонам.

– А это как понимать: как сталинские или еще хуже? – спрашивали друг у друга.

– Пока непонятно. Но одно успокаивает: Андропов, говорят, очень сильно болен, и что у власти ненадолго. И его реформы в России не приживутся, если с ним что – нибудь случится.

Школа номер три процветала по всем показателям. Она завоевывала везде первые места. Во всех краевых конкурсах третья школа всегда побеждала. Школа гремела не только в районе, но и в крае. Конкурс чтецов. Кто первый? Школа номер

три! Конкурс хорового пения. Кто первый? Школа номер три! Конкурс КВН. Кто первый? Школа номер три! Все поздравляли Ольгу Семеновну Снежко с победой. Коллектив учителей был дружным и очень сплоченным. Все умели хранить тайны. И все одобряли новаторские идеи нового директора школы.

– Ольга Семеновна, можно я сегодня подежурю вместо своего мужа – алкаша сторожа, – спросила умоляюще Галина Никитична Форова.

– Конечно, Галина Никитична. Главное, чтобы школа наша любимая была под присмотром.

– А ключи от вашего кабинета на месте? Вдруг звонить будут. Или еще что – нибудь с сигнализацией?

– Не переживайте, Галина Никитична, ключи всегда на месте, а если нет, то они у Раечки Веселовой, секретаря моего.

– Хорошо, за школу не переживайте! Все будет в порядке!

– А я и не сомневаюсь. Я вам полностью доверяю. Ведь вы, – вторая мама моей дочери, так ведь вы говорите?

– Конечно, конечно, я всю вашу семью очень люблю!

– Да мы в школе и есть одна семья. И страна наша огромная– одна семья, – сказала Оля, улыбаясь.

– Да, это правда. А как Катя учится в институте? Подружилась с кем?

– Отлично. У нее группа состоит из всех национальностей. Недавно опять привозила всю группу в гости.

– Вся в тетю и маму пошла, – засмеялась Галина Никитична. – Я как вспомню, как мы всей группой у вас дома, у родителей, пропадали. И как вы со своими коллегами из Черной Балки приезжали. Как все – таки весело было у вас дома!

– Молодость есть молодость! Всегда весело и всегда дружно!

– А новый год вы будете дома встречать или в Горькую Балку поедете?

– Нет, мы всегда новый год встречаем большой дружной семьей, у мамы и у папы. Все сестры приезжают с детьми, мужьями.

– А Ира вышла замуж? Я слышала, она с каким – то бандитом живет.

– Глупости все это. Хороший мужчина, любит ее очень. Привыкли, что только хулиганы не боятся Иру и пытаются с нею общаться. Она у нас смелая очень. Никого не боится. А этот мужчина работает вместе с нею на заводе. Очень порядочный молодой человек. Да вы сами у нее спросите. Вы же дружили все вместе в молодости.

– Да, конечно, дружили. А я так и подумала, что это все сплетни. Человека оклеветать ничего не стоит! – сказала Галина

Никитична возмущенно.

На этот Новый год Катя привезла с собой самую близкую подругу студенческих лет, Алю. Она с нею подружилась в инязе и считала ее своей сестрой, потому что это была приемная дочь Верочки Маленькой. Ее мама умерла при родах. А Магомед нашел свою первую любовь, – Верочку Маленькую и женился на ней.

Стол уже был накрыт, когда они приехали к бабушке и дедушке. Все внуки и дети были в сборе. Кроме Миши и Саши. Этих двух неразлучных друзей, сыновей Оли и Иры Снежко всегда приходилось искать.

– А вы приготовили для нас с бабушкой праздничный концерт? – спросил важно дедушка.

– Конечно, приготовили. А вы нам подарки приготовили? – спросили две красавицы младшие внучки, дочки Гали Снежко и Николая Семкина, – Настя и Маша.

Девочкам было одной пять лет, а другой, – четыре года.

– А Катя, Наташа, Миша и Саша будут в концерте участвовать? – спросили они.

– Конечно, будут. И мама с папой ваши тоже будут. Все будут. У нас же такая традиция семейная: новогодний домашний концерт, и нарушать ее нельзя, понятно вам, принцессы? – заявил Семен Яковлевич.

– Да! Очень хорошая традиция! – запрыгали девочки. – Интересно, что папа с мамой покажут?

– Мама, а где Миша? – спросила Катя.

– Он, наверное, у тети Иры сидит с Сашей. Они что – то говорили про мальчишник новогодний.

– Какой еще мальчишник?! А традиция? Они что, увильнуть хотят? Тоже мне взрослые, – старшеклассники! Я сейчас им устрою! – возмущалась Катя. – Я пойду и приведу их сейчас же.

– Подожди, Катя, твой выход сейчас по сценарию. Иди, порадуй бабушку с дедушкой. Ты что приготовила?

– Новогодние частушки. Мы с Алей в общаге репетировали. И притом сами сочинили.

– Выступают студентки третьего курса Института иностранных языков. Частушки! – театрально произнес уже подвыпивший Евгений Петрович.

– Только, пожалуйста, не на английском языке. А то мне бабушка плохо их переводит. Она только с немецкого хорошо. Ухаживал за нею тут один немец в войну, когда они драпали из России. У них тогда мало времени было немецкому языку ее научить: быстро слишком бежали.

– Сеня, я сейчас тебя бить буду и не посмотрю, что внуков полный дом! – стукнула его бабушка.

– Русские частушки! В исполнении двух очаровательных красавиц, Кати и Али на русском языке! – повторил с выражением Евгений Петрович, который в этот день был конферансье.

Катя с Алей пустились в пляс под звучащий балалаечный аккомпанемент нового кавалера тети Иры, который внешне был похож на Квазимоду. Его ассиметричное лицо украшали глубокие шрамы, но красивая, добрая душа исправляла все недостатки. Правда дети его с первого взгляда очень боялись и плакали, но со второго взгляда у них уже была любовь на всю жизнь!

Такой обаятельный мужчина, красивый своей добротой и внутренним светом, не мог обмануть детскую интуицию. Его обожали все дети города!

Под всеобщий хохот над шутками о них же самих, все пустились в пляс и выбивали в такт чечетку, стараясь перестучать друг друга.

– Вот в чем преимущества частных домов, – кричал, радуясь, дедушка Семен! – Нет никого под тобой! Только один подвал! И ты хоть сколько стучи своими каблуками об пол, никто слова не скажет!

Дети тоже пытались подражать взрослым и выкрикивали: «У-у-ух, притоптывая своими маленькими ножками.

– Слышите? – сказал дедушка Семен. – Вот чтобы точно так меня хоронили. Под частушки! С весельем! Смерть – это ведь начало новой жизни! Значит, нужно радоваться ей!

– Вот старый дурак! Опять ты о смерти в праздник заговорил, – стукнула его танцевавшая рядом бабушка. – Да я вперед тебя помру, изверг! Умеешь ты все испортить! – кричала на него бабушка и продолжала, любя, колотить его своими маленькими кулачками.

Глава 33

Катя с Алей, выступив на семейном новогоднем концерте, пошли за следующими исполнителями, – за Мишей и Сашей, которые должны были участвовать во втором отделении домашнего представления. Было одиннадцать часов вечера. Новый 1983 год набирал обороты. На улице было тихо – тихо. Тоже мне райцентр, – сказала Катя, идя по заснеженным улицам. – Аля, да не ходи ты! Я сама быстро сбегаю. Ты посиди в тепле, – сказала Катя. – Ты же у меня в гостях.

– Нет, я с тобой. А вдруг тебя кто – нибудь обидит?

– Ты что? Меня здесь никто пальцем не тронет! Я же сама из этого района, – ответила Катя.

Они уже определяли дорогу на ощупь, потому что пугающая темнота окутывала все живое в этом городе. Катя с Алей подходили к темному ночному переулку напротив пивбара.

– Надо же, в переулке не горит ни одна лампочка! Все – таки хорошо, Аля, что ты со мной пошла. Мне хоть не так страшно с тобой, если честно, – сказала Катя, оглядываясь по сторон.

Двухэтажный дом тети Иры возвышался в новом микрорайоне. Катя совсем забыла, что к нему нужно было идти через темный переулок.

– Стоять! – услышали они мужские грубые голоса.

Катя была девушка не из робкого десятка. Она даже не вздрогнула, когда услышала из темноты страшные грубые указания и увидела человек пятнадцать поднимающихся со скамейки молодых подвыпивших мужчин.

В переулке было очень темно. В таких случаях говорят, – хоть глаз выколи.

Ничего не было видно, кроме силуэтов бандитов, угрожающе приближающихся к девушкам.

– О! Как нам повезло! На ловца и зверь бежит!

Один из подошедших, направил фонарик в лицо Кате, ослепил ее и сказал:

– А она мне нравится, красивая. Мне после зоны Бог именно такую красавицу послал.

– Отойдите в сторону, дайте пройти, – сказала Катя, нисколько не испугавшись ночного хама.

– Слушай, ты, девочка, ты меня не поняла, что ли? Или такая смелая? Или дурная?

– Отойдите, мужчина, – сказала Катя уверенно. – Аля, пойдем дальше. Не обращай на них внимания.

– Да, конечно, не обращай внимания, когда тебя насиловать

будут, – загоготал во весь голос лидер партии хулиганов.

«Этот точно не с нашего района, – подумала Катя и очень испугалась за подругу. – Хоть бы к Але не пристал. Хорошо, что та молчит и ничего им не говорит».

– Ладно, ребята, посмеялись, и хватит, – попыталась перевести разговор в дружеское русло Катя. – А то мы с вами новый год пропустим за разговорами.

– Чего хватит? Ты бы с мое на зоне отсидела по малолетке! Я бы на тебя посмотрел, чего хватит, а чего – нет.

Он зло схватил Катю за руку и сказал:

– Пацаны, нам двоих будет за глаза! Берите другую тоже!

Катя оглянулась и увидела, как Аля, медленно повернувшись, уходит с каким – то парнем от нее.

– Аля, ты куда? – спросила удивленно Катя.

– Я сейчас приду, – ответила подруга и стала медленно уходить в сторону пивбара.

– Вот видишь, хорошая девочка. Все поняла и уже пошла работать. А ты?

– Да пошел, ты! – отбросив его руку, сказала Катя и непонимающе посмотрела в след уходящей подруге, которая быстро скрылась в переулке напротив.

– Ты что, еще и драться будешь со мной?! – засмеялся отпетый хулиган. – Давайте, ребята, хватайте ее! – дал он кому-то команду.

Его отморозки подошли ближе и посветили фонариком Кате в лицо, внимательно посмотрели на нее и сказали:

– Нет, Индеец, мы на это не подписываемся. Это знаешь, кто? Это дочка директора школы нашей третьей. Ты что, вышку за нее захотел?

И они быстро зашагали в пивнушку. Только один его верный друг по кличке «Боевик» остался стоять вместе с ним. Он сплюнул, заругавшись, и зло сказал:

– Да на фиг они нам. Мы с нею сами справимся. Посмотри, какая она маленькая и худенькая! И он схватил обеими руками девушку, подойдя сзади. Катя наклонилась и что было сил укусила его за правую руку. От боли он вскрикнул, и со всего размаху ударил Катю по лицу. На правую руку у него была намотана огромная цепь с шипами. От удара Катя сразу потеряла сознание…

Очнулась на чердаке, в соломе, попыталась открыть глаза, но почувствовала, что у нее не может открыть правый глаз.

– Неужели они мне его выбили?! – подумала Катя. – Она не понимала, где находится?! Ужасный запах мышей и сгнившей соломы бил в нос. Она, как в тумане, услышала голоса. Голос был

скрипучий, старческий и с сильным кавказским акцентом:

– Ну что? Сколько палок кинули? – спросил Кавказец.

– Да нисколько, отец! Посмотри, она без сознания, а ноги так сжала, что мы ничего и сделать не можем. Мы ее переворачивали, и как только не крутили. А ноги как у покойника сведены, будто замерзли в одном положении. Мы еле с нее одежду содрали. Смотри, какая она красивая!

– И они зажгли лампочку, «сотку», которая висела под крышей.

– Да, волчица будет недовольна, – произнес Кавказец и зло, как всегда сплюнул.

«Какая волчица, – думала Катя. – Похоже, я на чердаке, в каком – то сарае», – оглядывая обстановку одним глазом, заметила Катя.

– А может, она того? – спросил Кавказец. – Может она окочурилась?

Нам еще этого не хватало. А если менты опять придут, то мы ее тоже в огороде закапаем? Туда же, где Ваську Гуляева спрятали. В одну братскую могилку, – засмеялся Кавказец.

«Нет, это точно сон, – подумала Катя. – Этого просто не может быть! У нас в Шпаковке и такие уроды живут?! Прямо, как в фильме ужасов. Глаз, значит, они мне точно выбили. А где Аля? Господи! Что с моей подругой? Жива ли она?».

В это время Кавказец провел своей шероховатой сухой ладонью по Катиной ноге.

– Когда ее оприходуете, то меня позовете, я тоже сладенького хочу, – сказал, кряхтя, Кавказец.

Катя не выдержала его гадких прикосновений и толкнула старого развратника со всей силы ногой!

– У тебя песок из задницы сыплется, а ты туда же?! – закричала она, сама не зная, что кричит.

– Вот, вот, очнулась, – закричал Индеец. – Класс! Теперь никуда не денется! Давай держи ноги, раздвигай!

Катя изо всех сил начала сопротивляться. Она выкручивалась у них в руках, пытаясь, освободится из липких, вонючих лап Индейца и Бандита. Кавказец стоял в стороне и с ухмылкой за всем этим наблюдал.

В это время Катя, со всей силы схватила насильника Боевика за его «мужское достоинство».

– Наверное, – подумала она, «достоинством» называется это место потому, что достается неизвестно кому. И подумать она не могла в своих девичьих грезах, что ее первое знакомство с мужчиной будет происходить именно так. Она была еще девственнецей.

Катя от безысходности схватила у Боевика все, что можно было уместить в руке, и начала почему – то сильно все это крутить. Где – то она слышала, что именно так нужно обороняться. Друг Индейца по кличке Боевик так стал орать от боли, что на боевика вообще не был похож. Посиневшее то ли от злости, то ли от боли лицо, выкатившиеся из орбит глаза выдавали в нем совсем не боевика, а обиженного глупого мальчишку.

– Ой, дура, отпусти ты меня! – орал он просящим голосом.

Но Катя была непреклонна.

– Что за удовольствие?! – кричала она. – Насиловать девушек, без их желания? Вы вроде бы молодые красивые самцы, вам любая девушка даст. Что вы как дебилы насилуете, потом в тюрьму садитесь, потом выйдите и опять насилуете. Взяли бы создали нормальные семьи и жили в ладу с собой. Дебилы! Вот и глаз мне выбили, я вас сейчас убивать буду, – кричала Катя, подкручивая еще сильнее то, что у нее было в руках.

– Ой, Индеец, останови ее! – кричал беспомощно Боевик.

Но Индеец так заливался смехом от увиденной картины и от наркотиков, которыми они накололись, что просто не мог остановиться. Он смеялся так громко, что, казалось, его слышно было на другом конце их маленького провинциального села. Кавказец аккуратно уже слез с чердака, так, на всякий случай, от неприятностей подальше. А Боевик уже стоял на коленях, почти лежа, и вымаливал пощаду у Кати.

Когда девушка его отпустила, он разъяренно вскочил на ноги и стал бить Катю ногами.

– Ах, ты, шлюха! Ты еще пожалеешь о том, что сделала. Сейчас все зализешь у меня, поняла? – и он стал дрожащими руками совать в лицо отворачивающейся Кате свое посиневшее орудие насилия.

Катя с еще большей решимостью закричала:

– Ну что ж, давай суй, я тебе его сейчас вообще откушу!

И это произвело на Боевика сильное впечатление, потому что он был уверен, что она это сделает.

– Так, я тебя сейчас убивать буду, – закричал боевик! – Или ты, по – хорошему сейчас все сделаешь сама, или пожалеешь, что родилась!

И он стал наматывать свою шипованную цепь на руку.

– Все, хватит! – закричал Индеец. – Ты не видишь, что она еще девочка. Я за всю свою жизнь вообще первый раз девственницу вижу. Так что она мне нравится. Я буду на ней женится, – сказал он, протягивая Кате разбросанную одежду!

– Индеец, ты в своем уме?! – спохватился Боевик. – Давай,

держи ее! Я ее оприходую. А потом можешь жениться, сколько тебе влезет!

– Ты что сказал, я не понял? Я тебе серьезно говорю, я жениться на ней буду. И он толкнул зло Боевика в плечо! Боевик не стал долго ждать и накинулся с кулаками на Индейца. Завязалась драка двух наркоманов не на жизнь, а на смерть.

Катя взяла свои вещи и, быстро одеваясь, стала спускаться по лестнице с чердака сарая.

На скамейке возле сарая сидела молодая незнакомая девушка. Она сидела и плакала, когда Катя села рядом с нею и продолжала быстро одеваться.

– А ты чего ревешь? – спросила Катя. – Тебя тоже изнасиловали?

– Нет, я живу с Индейцем, как его жена. Но я слышала, что он хочет на тебе жениться.

– Ты что, дура! Я никогда не выйду за него замуж, успокойся! Не по мне кафтан. А кто этот дед, что к ним на чердак поднимался?

– Это его отец, очень страшный человек. Ты убегай, чтобы тебя не убили.

Катя попыталась открыть глаз, но резкая боль напугала ее.

Со стороны дома послышались поспешные шаги и, женщина, подбежавшая к Кате, схватила ее за руку и потащила в дом.

– Дочка, – сказала женщина плача. – Что у тебя с глазом? Давай я тебе воды полью, ты его промоешь.

– Да, спасибо, – сказала Катя.

И они пошли вдвоем к умывальнику в коридоре.

– Давай я тебе кипяченной водой полью, – беспокойно сказала хозяйка дома. – Вот изверги, что наделали?! Проклятые наркоманы. Они тебе глаз выбили? – продолжала спрашивать женщина, причитая.

Она поливала воду Кате на руки и причитала:

– Такая хорошая девочка, как они могли?! Сволочи! Не люди! Животные!

Катя медленно промывала глаз. Запекшаяся кровь, так же медленно размокая, красными струйками бежала в раковину. Одним глазом Катя смотрела на кровавые ручейки, стекавшие по когда – то белой, а теперь ржавой раковине. Ей было страшно оттого, что она, молодая и красивая, будет одноглазая на всю жизнь. Глаз слипся от засохшей крови, и Катя потихоньку стала его приоткрывать. Ей было очень страшно оттого, что она останется без глаза. И было очень неприятно от того, что непрекращающаяся тошнота все время преследовала ее. Вдруг неожиданно стало появляться изображение, сначала мутное,

затем более отчетливое. Катя увидела вторым глазом бело – коричневую раковину. Она так обрадовалась, что глаз немного видит.

«Значит, он цел», – подумала Катя.

Осторожно она ощупала глаз и попросила принести ей зеркало.

Женщина, медленно взяв Катю под руку, подвела к шифоньеру с таким же поржавевшим, как раковина, зеркалом. Катя подошла ближе и внимательно стала рассматривать свой пораненный глаз. Отечность почти полностью закрывала правый глаз. Она двумя пальцами раскрыла верхнее и нижнее веко и увидела, что глаз черный от кровоизлияния, но совершенно цел. Над глазом Катя увидела огромный большой рассеченный шрам на брови, откуда продолжала струйкой бежать кровь.

«Слава Богу, что глаз цел», – подумала заплакавшая девушка.

Кавказец сидел, прикрывшись газеткой, и делал вид, что он не был в эту новогоднюю ночь на чердаке и все, что здесь происходит, его не касается. Он одним глазам наблюдал за дочерью Ольги Снежко, и думал: «Живучие все в этой семье, ну ничего придет наше время, мы им покажем, кто на Кавказе главный.

Бандитские группировки паутиной затягивали весь Северный Кавказ. Кавкавец был одним из лидеров этого движения. В Горькой Балке он организовал перевалочную базу для боевиков на заброшенной кошаре, оставил там своего напарника, он отправился в Шпаковку следом за Ольгой Снежко.

Глава 34

На улице уже светало. «Здравствуй, 1983 год», – сказала Катя, выходя на улицу и садясь в такси, которое ей вызвала мама Индейца.

Катя вспомнила, как мама Индейца вместе с его бабушкой упали перед нею на колени и стали в прямом смысле целовать ей ноги. Они упрашивали ее не сажать в тюрьму их любимого непутевого сына и внука. Они так причитали, как будто кто – то умер! Они умоляли Катю не ходить в милицию.

Говорили, что он только на прошлой неделе пришел из тюрьмы, и они еще не успели налюбоваться им: таким родным и любимым сыном и внуком.

Катя брезгливо отходила от них назад. Но никак не могла понять, за что можно любить такого морального урода, который является преступником, и все человеческое для него чуждо. Он же зверь, а не человек. И друзья у него под стать ему. А такие милые женщины, мама и бабушка, всю жизнь жили и думали, что вырастет их кормилец и поможет им вылезти из этой нищеты, в которой они находятся. Эта добрая женщина даже не подозревала, что ее муж Кавказец имеет любовницу Форову Галину Никитичну, использует ее в своих корыстных целях. И что все эти школьные мытарства тоже были не просто так. И, конечно, Катя не догадывалась, что Кавказец был личным врагом ее мамы. Она в этот момент о многом не догадывалась. Но в скором времени, она узнает все.

Катя очень удивилась, что эти люди ее земляки из Шпаковки. Она пожалела этих несчастных женщин, и пообещала им сходить к гинекологу.

– Если ваш сын ничего мне не сделал, то я не буду на него подавать в милицию. Я вам обещаю. Но очень прошу, чтобы вы серьезно поговорили со своим сыном. Еще один выпад в мою сторону или в сторону моей подруги, я сразу его сдам.

– Мы тебе обещаем, ни один волос не упадет с твоей головы, – причитала мама отморозка.

– Жените его, чтобы он никого не насиловал. Не я, так какая – нибудь другая девушка его посадит в тюрьму, если он не остановится, – сказала Катя.

Катя ехала домой на такси и плакала. Ей было жаль себя, ей было жаль Алю, ей было жаль этих бедных женщин, которые любили своего единственного и любимого сына и внука. Она очень переживала, что скажет родителям. Она думала, что они

уже сбились с ног, – ищут ее и Алю всю ночь.

«Уже, наверное, и в милицию сообщили», – думала Катя.

Но когда она зашла домой, то увидела, что дома все мирно спят и только мама сидит и смотрит телевизор.

– Катя, что произошло? Где Аля? – закричала она, увидев свою избитую дочь. – Тебя что, изнасиловали? Вы разве не праздновали Новый год с Мишей и Сашей у тети Иры, как мы думали?

– Да, мама, мы праздновали там Новый год, – быстро сказала Катя и выбежала на улицу.

Она побежала бегом к тете Ире домой, забежала к братьям Мише и Саше и спросила у них, не была ли у них Аля?

– Помогите мне ее найти, пожалуйста. И скажите всем, что мы праздновали Новый год с вами.

– Катя, а где это тебя носило в Новый год? – спросили испугано братья. – Потом все расскажу. Пойдемте искать Алю.

Они быстро выскочили на улицу. Тишина была настолько пустая, что, казалось, эхом отдается собственное дыхание. Побежав в тот переулок, куда уходила Аля, Катя вдруг увидела, как открылась калитка высокого забора и из нее вышла сопровождаемая своим новым другом, Аля.

– Аленька, ты цела? – спросила испуганно Катя, подбегая к подруге.

Аля посмотрела на подругу и ахнула.

– Катя, они тебя били? – спросила она виновато.

– Да обо мне потом. Что этот изверг с тобой сделал? – спросила Катя, рассматривая подругу.

– Ничего он со мной не сделал. Просто он сам кавказец и решил меня спрятать от этих тюремщиков. Ты меня извини, он сказал, что ты русская и ты все – равно замуж выйдешь, даже если тебя изнасилуют. А я – никогда. Поэтому он меня спас, – пряча глаза произнесла Аля.

Катя в данный момент совсем не думала о себе, она испугалась за подругу, которую привезла к себе в гости. Она даже и не подумала в тот момент о предательстве любимой подруги. Она полностью оправдывала ее и понимала, что эта была вынужденная мера самообороны.

– Молодец! Спасибо большое вам, молодой человек, за Алю, – сказала Катя, вытирая текущую из брови кровь. – Вы все правильно сделали. Я так переживала, что привезла подругу в гости, а тут мы в такое влипли, что даже в страшном сне не увидишь.

– Катя, прости меня, пожалуйста, что я испугалась и пошла прятаться, – говорила Аля, когда они шли домой вместе. – Ты

представляешь, этот армянин сам повел меня прятаться во времянку. И самое ужасное, наелся сала и всю ночь ко мне приставал. Я еле отбилась.

– Ой, ужас! – сказала Катя. – Как ты все это выдержала?! Не понимаю, как это могло произойти именно с нами и именно, когда ты ко мне в гости приехала.

– А тебя изнасиловали? – спросила тихо Аля.

– Ты что? Ничего у них не получилось! Я потом тебе расскажу. У меня очень сильный ангел – хранитель. Как они вообще меня не убили? До сих пор не пойму.

– Пацаны, – обратилась она к братьям. – Слушайте меня. Держим с вами одну версию. Праздновали вместе, потом я немного выпила и упала с лестницы. А когда летела со ступенек, то об угол рассекла бровь, понятно?

– Тебе срочно рану нужно обработать! Пойдем в травмпункт, пусть зашьют бровь. А то срастется неровно, – забеспокоился Миша.

И они все вместе пошли в поликлиннику. Над ними в приемном покое посмеялись, что они так весело встретили Новый год, наложили скобы на рану и отправили домой.

Дома уже все проснулись и ждали вторую часть концерта. Только мама встречала Катю на улице.

– Катя, мне нужно с тобой серьезно поговорить, – сказала она строго. – Ты где была ночью? Тебя, что изнасиловали? Говори правду!

– Нет, мамочка! Я привезу тебе справку от гинеколога. Извини меня, пожалуйста, что я с непривычки выпила водки и упала с лестницы у тети Иры.

– Ма, она так летела! – сказал Миша. – Мы даже испугаться не успели. Скажи спасибо, что еле уговорили ее в травмпункт сходить. А то бы с большим шрамом ходила.

Мама недоверчиво посмотрела на дочь и сына, на Алю и племянника и сказала:

– Пусть я сделаю вид, что поверила вам. Только я жду честного признания, где вы были ночью? – строго произнесла Оля Снежко.

– Оля, ну что ты пристала к ним, – сказала тетя Ира. – Я, сама знаешь, сколько раз падала с этой лестницы! А я же тебе сразу сказала, что молодежь сейчас не такая стала, как мы с тобой были. Они у нас взрослыми торопятся быть. И вот эти малолетки, Мишка и Сашка, девчат позвали на Новый год, а Катька со своей подругой Алькой остались за ними присмотреть. Зачем им с нами со стариками сидеть? Но я тебе честно скажу, не нравится мне ее подружка Алька, ой как не нравится…

В институте Катя ходила, прикрывая все время глаз носовым платочком. О том, что произошло в ту новогоднюю ночь, они с Алей решили никому не рассказывать.

– Пусть это будет нашей маленькой тайной, – попросила Катя.

Сразу по прибытию в студенческий городок Катя сходила к гинекологу. Ее успокоили и сказали, что все у нее хорошо, как и должно быть у девушки – девственницы. Что никаких изменений они не обнаружили и что анализы показали, что венерических заболеваний нет.

– Аля, я никак не могу отойти, – говорила Катя. – Меня все время мучают кошмары. И когда я хожу по институту, бывает, вспомню, что со мною произошло, так плохо становится на душе. Мне все кажется, что они меня выследят и все равно убьют. Зачем им живой свидетель? Ты знаешь, когда его мама сажала меня в такси, Кавказец стоял рядом и таким злым взглядом провожал меня. Это был взгляд не человека, это был взгляд убийцы. Я почему – то очень сильно боюсь с ними еще раз встретиться. Мне хочется все бросить и уехать подальше в свой любимый город Ленинград. Я, наверное, все – таки уеду в Питер к Лене Штоум. Она там в общаге семейной живет, замуж вышла, все время меня зовет к себе.

– Ты даже не думай об этом. Возьми и подай на них в милицию, – зло сказала любимая подруга.

– Ты что? Я же обещала маме и бабушке Индейца, что никому не скажу. Как я могу не сдержать слово?! Нет, лучше я на время уеду, спрячусь в своем любимом городе. Я попробую перевестись в пединститут имени Герцена. А потом ты летом ко мне приедешь.

– Катя, я так не хочу, чтобы ты уезжала. Может быть, не поедешь?

– Нет, я решила. Завтра пойду за билетами.

– А что родителям скажешь?

– Пока ничего не скажу. Только когда устроюсь на работу или переведусь в институт, тогда и расскажу.

На следующий день Аля посадила Катю на поезд, и та поехала в свой любимый город Ленинград.

Глава 35

– Ольга Семеновна! Вас вызывают в прокуратуру, – сказала взволнованно Раечка – секретарша.

У Оли Снежко подкосились ноги, когда она услышала, что ее вызывают в органы.

– Я так и думала, что Катя куда – то влипла! Что же все – таки произошло с нею в ту новогоднюю ночь?

– Хорошо, Раечка, спасибо, – сказала директор школы, Оля Снежко. – Я тебя очень прошу, не радуй никого такой новостью, – сказала по – дружески Ольга Семеновна.

Она с тяжелым сердцем шла в прокуратуру. «Что им известно о моей дочери? – думала она. – Почему Катя стала такой скрытной. Может, я мало внимания уделяю ей, с этой своей работой. Я целыми днями нахожусь в своей любимой школе. Воспитываю чужих детей. До своих очередь никак не дойдет. Нужно что – то менять в себе. Нельзя быть такой гиперответственной, – думала Оля, подходя к прокуратуре.

– Здравствуйте, Ольга Семеновна! Проходите, – вежливо и строго сказал следователь.

– Спасибо. А по какому вопросу вы меня вызвали?

– По анонимке, – сказал следователь. – У вас, Ольга Семеновна, столько недоброжелателей. Мы провели предварительное расследование и нашли массу нарушений.

– Я понимаю, времена начались другие. И пошли, как всегда, перегибы. Так по какому поводу анонимка.

– Вы не беспокойтесь, я вам дам ее прочесть. Тем более ваши враги такие трусливые, что даже побоялись написать анонимку своим почерком. Они ее напечатали. Вот, пожалуйста, почитайте.

Оля читала и не верила тому, что написано. Человек, писавший эту анонимку, был настолько уведомлен обо всех делах, которые происходили в школе, что недоразумений быть не могло. Человек, писавший ее, работал с нею бок о бок. И был самым приближенным к ней человеком. От этого становилось еще противнее. Почему ее так бессовестно предали? Да, она держала балетмейстера и хореографа на ставку уборщиц. Да, именно она была инициатором покупки всех этих картин, бюстов, аквариумов, напольных цветов в холл школьных рекреаций. Да, именно она придумала план, как сэкономить школьные деньги, и покупать новое оборудование в лингафонный кабинет, картины и бюсты политических лидеров не с помощью перечисления на счет, а напрямую, без всяких посредников, напрямую у художников, авторов этих работ. И тем самым не переплачивая

двойную цену за покупку. Нужно сказать, что у Оли Снежко всегда все было записано. Она никогда бы не посмела взять хоть копейку общественную себе в карман. И поэтому, когда она читала незаслуженные обвинения, она была очень удивлена, за что можно так ненавидеть человека, чтобы требовать взять расточительницу государственного добра под стражу и посадить ее в тюрьму на много лет.

– Кому я так перешла дорогу? – стала вспоминать она тщательно.

– Ольга Семеновна, мы вызвали свидетелей, фигурирующих в вашем деле. Это хореограф и балетмейстер, и они дали письменные показания. Вот они если хотите, можете ознакомиться. Вы знаете, они во всем признались, что они знали, что вы их устроили на работу вместо техслужащих. Конечно, это было очень рискованно с вашей стороны. Если бы кто – либо из них испугался и сказал, что не получал от вас зарплаты, то вы бы не отвертелись.

– А чего мне скрывать от них правду? – удивилась Оля Снежко. – Они прекрасно знали наше положение, что в школе не было предусмотрено ставок для талантливых работников культуры, как я не добивалась в отделе образования. Вот я и вынуждена была их попросить, чтобы они меня выручили. Они ни в чем, не виноваты. Я одна придумала эту схему и пригласила их к сотрудничеству. Зато вы знаете, сколько одаренных учеников поступили в Культпросветучилище после этих занятий? А сколько актеров мы нашли в нашей школе? И я очень рада, что наши творческие дети имели возможность заниматься у профессиональных педагогов по вокалу, сценическому мастерству и хореографов.

– Это все хорошо, но сейчас мы с вами поедем в школу и будем вынуждены изъять все финансовые документы. Мы будем выяснять, сколько денег поступило на школу и куда они были израсходованы, – сказал следователь спокойно. – И если вы присвоили хоть копейку государственных средств, то мы вас привлечем к уголовной ответственности.

– Хорошо, – сказала Оля. – Поехали, товарищ следователь, в школу. Мне нечего бояться, потому что воспитана таким образом, чтобы чужое не брать!

Когда Оля приехала со следователем и двумя оперативными работниками, то была очень удивлена, что в школе уже все говорили о том, что директора школы посадили за воровство.

– Ольга Семеновна, вас что арестовали? – спросила плачущая секретарша Раечка.

– Что ты такое говоришь? – сказала улыбающаяся Ольга

Семеновна.

– Директора из соседнего села уже арестовали и конфисковали все имущество у нее дома, – продолжала причитать Раечка-секретарша.

– У меня ничего не конфискуют, потому что я очень честно работала на процветании нашей школы, – успокаивала секретаршу Оля Снежко.

– Выйдите, пожалуйста, все из кабинета директора, – грубо приказал следователь. – Вызовите главного бухгалтера, – попросил он секретаршу Раечку.

– Ну конечно, новая власть правильно решила, что самые богатые люди в нашей стране – это нищие учителя и их директора школ. Конечно, они являются самыми зажиточными людьми в городе. И школа имеет столько денег, что с трудом хватает на приобретение только дидактического материала, – говорила, улыбаясь, Ольга Семеновна.

Проверка в школе велась целый месяц. На это время Ольгу Семеновну отстранили от должности, а исполняющую обязанностями директора школы, назначили завуча Галину Никитичну Форову.

Приезжали из прокуратуры даже домой к Оле Снежко, делали опись всего нажитого имущества. Они выясняли, сколько заработано и сколько потрачено, совпадают ли доходы с расходами.

В школе все ходили расстроенные и очень сильно переживали за Ольгу Семеновну.

– Не переживайте вы так, – поддерживала учителей Оля Снежко. – Просто мне дали немного отдохнуть от такой тяжелой работы. Ничего, в органах работают толковые специалисты, они разберутся.

И там действительно разобрались, Олю Снежко вызвали для дачи показаний в прокуратуру, и следователь, который вел ее дело, пожал ей руку и похвалил ее за такую бескорыстную любовь к школе. Он сказал, что все балетмейстеры и хореографы подтвердили, что регулярно получали заработную плату. А уборщицы признались, что нагрузка у них не увеличилась. Что полы мыли по – очереди дети Оли Снежко и ее родственники.

– За такую работу нужно награду выдавать, а не увольнять за финансовые нарушения, – сказал следователь прокуратуры. – Я очень рад, что с вами познакомился. А кто написал эту анонимку, он себя обязательно выдаст риторическим вопросом: «Ну, надо же, ни за что человека уволили. Вот, сволочи!». А как много вы узнаете о людях, которые раньше больше всех вам заглядывали в глазки, когда вы были директором школы, и увидите, как теперь

они первыми от вас отвернутся. Но мне этих анонимщиков от души жаль. Они все ущербные и завистливые люди, которые в большинстве случаев долго умирают в страшных муках от какой – нибудь неизлечимой болезни. Но это тоже не нам решать!

– Спасибо, – сказала Оля грустно, – что вы мне поверили и во всем разобрались.

– Вы знаете, у меня есть и хорошая новость для вас. Ольга Семеновна, ваш дружный педагогический коллектив пошел в районо и потребовал, чтобы вас оставили директором школы. И вы знаете, кто не ходил вместе со всеми?

– Нет, не знаю.

– Это Галина Никитична Форова. И еще я знаю, что по закону за финансовые нарушения директора школы отстраняют от должности и не разрешают работать даже преподавателем в этой школе. Но ваши коллеги упросили, чтобы вас оставили учительницей русского языка в третьей школе. И заведующий районо согласился. Так что вам не придется искать другую работу, – сказал следователь, с уважением глядя Оле Снежко в глаза. – Но хочу сказать вам по – дружески. Так работать все равно нельзя. Ведь мы при проверке вашей работы установили, что вы несколько раз свои отпускные отдавали на нужды школы. Это уже слишком.

– Но так хотелось, чтобы школа была уютная и домашняя, – сказала, смущаясь, Оля Снежко! – Моя семья вообще скромна в желаниях. Тем более государство нам бесплатно коттедж такой подарило. Как же я могу ему отвечать жадностью? – сказала она и засмеялась с облегчением. Все произошло вовремя. Все правильно. Мне нужно заняться семьей и детьми. А тех, кто придет на мое место, я научу всему, что я знаю, поверьте мне. И школа будет дальше процветать!

Когда Ольга Семеновна собирала в коробку свои вещи в кабинете директора, зашла Галина Никитична Форова и сказала наигранно:

– Ну надо же, ни за что человека уволили!

Оля посмотрела на нее удивлено, заулыбалась и ответила:

– Все правильно сделали. Нужно работать честно!

– А вы не знаете, кого поставят директором вместо вас, – поинтересовалась анонимщица.

– Знаю. Но это точно будете не вы. Завуча из шестой школы, мою лучшую подругу, – Верочку Маленькую.

Глава 36

Второй муж Верочки Маленькой, Мага, так его называли друзья, работал заместителем председателя правительства края. Дагестанец по национальности, однокурсник девочек, он всю жизнь любил их подругу. Но родители не дали ему жениться на ней, когда они еще были студентами, они его женили на дагестанке, которая умерла при родах, оставив Магомеда с новорожденной Алей на руках. Он один воспитывал дочь и очень переживал, что она растет без мамы. Он знал, что любовь всей его жизни, – Верочка Маленькая тоже вышла замуж. Он понимал, что сделал огромную глупость, что послушал родителей. Но ничего не мог изменить. Случайно, встретив в Москве Веру Большую, он узнал от нее, что Верочка Маленькая тоже стала вдовой, и он сразу бросился на ее поиски, упал в ноги, просил прощения и больше никуда ее не отпустил. Он даже ослушался своих родителей, которые были просто в ужасе оттого, что их любимый сыночек женится на молдаванке, да еще испорченной молдаванке, которая была замужем и стала вдовой. То, что он сам вдовец и у него на руках есть дочь Аля, их совершенно не смущало. Они всячески ему пытались опять помешать жениться на Верочке Маленькой.

Но Мага настолько любил ее, что в прямом смысле все время носил на руках и не давал никому ее в обиду. Да и в правительстве Магомед Алимович был очень принципиальным и честным человеком в отношении коллег и в отношении дела, которым занимался. У них родилась красивая и умная девочка Олечка. Так ее назвали в честь лучшей подруги Оли Снежко. Магомед в младшей дочери души не чаял. А смешение молдавской и дагестанской крови дало такие результаты, что можно было только позавидовать! Красавица, с иссиня – черными волосами, голубыми глазами и нежно – розовым цветом лица обладала такой положительной энергетикой, что рядом с нею расцветали цветы и все подруги бежали к ней за поддержкой и советом!

Семья молдаванки и дагестанца была очень дружной, потому что в их семье царила неземная любовь.

– Верочка счастлива во втором браке по – настоящему, – говорили подруги.

– Я, – замужем. За мужем, как за стеной, – соглашалась она.

Оля Снежко и ее семья все праздники отмечали вместе с семьей Верочки Маленькой. Иногда Лида Николаенко и Вера Большая с семьями приезжали навестить подруг. Когда они

скучали за своей Черной Балкой, они договаривались и все вместе приезжали к Лиде Николаенко в гости.

Верочка Большая так и жила в Москве. Муж ее работал большим начальником в Министерстве сельского хозяйства. Ему даже пророчили стать Генеральным секретарем коммунистической партии. А так как Вера Большая была правой рукой своего мужа – баскетболиста, то работалось ему легко. Правильно говорят, что девяносто девять процентов состоявшегося мужчины, – это женщина, которая находится рядом с ним. Вера Большая была всю жизнь лидером, впрочем, как и все наши четыре героини, которые рванули поднимать грамотность села Горькая Балка.

Круговорот жизни закрутил их так, что видеться часто им не представлялось возможным, но они всегда находили удобный и не очень случай, чтобы повидаться. Четыре неразлучные подруги утешали себя не только встречами, но и многочисленными письмами, которые они писали друг другу.

– Разбросала нас судьба, – говорила Оля Снежко, угощая своими любимыми пирожками Верочку Маленькую. Она подливала ей горячего чая и улыбалась. – Да, вот как бывает, живем мы, живем. Мечтаем о чем – то, а мечты раз, – и сбылись. Мы радуемся, радуемся, а потом думаем: «А зачем я об этом мечтала?! Ведь можно было мечтать о чем – то великом, раз мечты сбываются.». А мы мельчаем в своих мечтах и злимся, что не так жизнь свою прожили. А кто нам мешал по – другому ее прожить?

– Ты, как всегда, правильно все говоришь. И судьба нас разбросала, и мечтали мы не о том, – поддержала подругу Верочка Маленькая. – Кто же знал тогда, когда мы в общежитии до утра засиживались, что не все будет у нас гладко и хорошо. Что придется с подлостью людской встретиться и с несчастьями? И школы придется менять? Оля, я что – то не хочу к вам в школу директором идти. Мне страшно, – сказала Верочка Маленькая.

– Да ты не переживай, я тебе во всем помогу. Коллектив у нас очень дружный. Школа – домашняя. Посмотришь, как там уютно и красиво.

– Ты ведь из – за красоты этой и пострадала. Всегда так было и есть! Тот, кто работает, тот и получает по башке.

– Правильно говорят, инициатива наказуема. Но если честно сказать, я нисколечко не жалею, что так поступила. Зато одаренным ребятам успела помочь. Да и талантливым работникам культуры подзаработать.

– Нет, честно сказать, ты очень рискованно живешь! А если бы кто – нибудь из них струсил и сказал, что не получал у тебя

никакую зарплату?

– То меня тогда бы посадили в тюрьму за присвоение государственных средств, – сказала Оля, смеясь.

– А как же теперь быть? Ребят увольнять придется?

– Увольнять – это громко сказано! Они же на ставку уборщиц работали, а я вместе с дочкой вместо них полы в школе мыла по ночам.

Не буду же я перегружать оставшихся техслужащих? А ты просто уборщиц возьмешь на их место, и все будет, как должно быть. А хореограф и балетмейстер сказали, что они и бесплатно будут приходить заниматься с талантливыми детьми, они к ним уже привыкли. Конечно, первое время на общественных началах. Они говорят, что им нравится видеть результат своего труда. А там, может быть, еще все измениться и выделят ставку на дополнительное образование. Ты не переживай, у тебя все получится. Я очень рада, что именно тебя направили на мое место.

– Давай, Веру Большую успокоим, что теперь я директором школы буду, и твоя начатая работа будет с такой же любовью продолжена? А то она очень за тебя переживает. Говорит, что ты больше всего за школу будешь переживать и за традиции Ефима Ефимовича. А узнает, что я продолжу тобой начатое дело, это все – равно что ты его продолжаешь, – сказала Верочка Маленькая радостно, обнимая подругу, – и обрадуется.

– Хорошо, обязательно успокоим! У меня для тебя есть еще один сюрприз есть. Но об этом чуть позже. Слушай, я тебе сейчас расскажу последнюю новость. Ты знаешь, мой папа сидел рыбу у нас на Чигоревом пруду ловил на днях, а ему мужик какой – то, что рядом сидел, с такой радостью говорит: «Ты слышал, директрису третьей школы в тюрьму посадили?». А папа ему отвечает: «Не знаю, не знаю, когда уходил, она пирожки дома пекла. Это дочь моя директриса третьей школы и есть». Представляешь, до чего народ у нас падок до плохих новостей. Хорошие вести мало, кто любит. А вот что похуже, так это прямо от души и для души! А вот насчет сюрприза! Звонить никому не нужно! Вера Большая сегодня прилетает к нам. Она мне телеграмму прислала, чтобы встречали мы ее. Она с какими – то подарками к нам. И Лида сегодня приезжает из Горькой Балки. Так что все будем в сборе сегодня. Мы будем обмывать твое назначение! Иди, готовься подруг встречать!

– Ой, ура! Какая радостная новость! Я так рада, ты не представляешь, что мы опять увидимся, и будем опять болтать всю ночь! Как тогда в общаге! Как – будто и не было этих долгих лет расставания! Как все – таки я благодарна студенческим годам

и нашей Горькой Балке, что у нас такая дружба!

Вечером того же дня девушки опять были все вместе. Лида Николаенко и Вера Большая поздравляли Верочку Маленькую с новой должностью. Вспоминали и смеялись, как отпаивали ее валерьянкой, когда она сорвала свой первый урок. Каких успехов уже добилась. Как Женя в коридоре курил и от Вальки-курилки убегал. И, конечно, вспоминали, – Ефима Ефимовича, друга и наставника.

Девочки, а я вам новость расскажу, – сказала Лида Николаенко.

– У нас в Горькой Балке накрыли группу боевиков на старой заброшенной кошаре. Но средства массовой информации об этом молчат. Говорят, что они готовили какой – то теракт. Но главаря так и не поймали. Подозревают кого – то из местных.

– Наверное, Клара Андреевна, она же за деньги мать родную продаст, не то, что Родину, – предположила Вера Большая. – Вот времена пошли, теракты и прочие и как же нашей молодежи теперь жить, я не представляю. – Интересно, а Катюха твоя, как она там в студенчестве? Ей с подругами повезло или нет? Как она там?

– Вы знаете, очень за нее переживаю. Скрытная очень стала. Не до конца все рассказывает. Вот чувствую, что неприятности у нее произошли на новогодние праздники. Так она изворачивается, врет. Вот не знаю, наверное, пока я чужих детей воспитывала, точно до своих очередь не дошла, как в пословице говорится, – «У врачей больные дети, учителей, – дурные».

Глава 37

Перед Катиным отъездом в Ленинград, в комнате общежития происходили странные вещи. Постоянно пропадали у студенток деньги, красивые вещи. Никто ничего не мог понять. Что же это такое происходит? И если получали стипендию, то обязательно не досчитывались в тумбочке половину денег. И причем это было абсолютно у всех девочек.

– Катя, а где твоя красивая зеленая чехословацкая кофта? – спросила Роза, собираясь на свидание.

– Да в шифоньере висит на вешалке. Ты же вчера ее надевала?

– Нет, вчера я ее точно не видела. Я ее на прошлой неделе надевала. Вчера ходила в Танином платье. Она в моем.

Нужно сказать, что девочки были очень принципиальны в выборе одежды. И по закону этикета, они не надевали на второй день другую одежду, не ту, что в предыдущий день. А из – за скудости выбора в институте все считалось общим. Они брали друг у друга наряды, каждый день одевались в «новое», и поэтому выглядели стильно и модно каждый день.

– Но не знаю, может быть, кто другой взял? – сказала Катя, отворачиваясь к стенке.

– Ты же знаешь наш закон! Никто и никогда не берет ничего без спроса. У тебя ее кто – нибудь спрашивал на днях? – продолжала настаивать Роза.

– Кажется, нет! А в общем, не знаю. Посмотри внимательно, может быть, там висит все – таки моя кофта. Куда она могла деться?

Катя нехотя встала, подошла к шифоньеру и вместе с Розой они перевернули там все вверх дном. Кофта как сквозь землю пропала. Они глазам своим не верили, но кофты нигде не было видно.

– Не понимаю, куда она могла деться? – недоумевала Катя.

– Куда-куда? Туда, куда и все остальные вещи пропадают?

– Ты хочешь сказать, что у меня ее украли? – удивлялась Катя.

– Да, именно это и хочу сказать.

– Нет, этого не может быть, я же всем девочкам давала носить и никогда никому не отказывала. Зачем у меня воровать?

– Клептомания, понимаешь? Есть такая болезнь. Человек не хочет красть, а ему чего – то не хватает в крови, адреналина или еще чего – то, вот он и идет красть. Оно ему и не нужно, а он без этого не может.

– Да, я тоже об этом слышала, – подхватила разговор их третья подруга Аля, приемная дочь Верочки Маленькой, которая жила с ними вместе в одной комнате. – Я бы этих тварей, кто ворует, брала и руки им ломала. Сволочи, а не люди!

Катя навзрыд плакала и не потому что ей было жаль эту кофту, а потому что ей было обидно от того, что кто – то так подло поступает с ними. Кто – то свой, кто ест с ними из одной чашки и каждый день бывает рядом.

– Алечка, ну как этот человек может так обходиться с нами? Как он может стать хорошей матерью, хорошим специалистом? Как такие люди вообще могут жить?

Аля обняла Катю и плакала вместе с нею, успокаивая ее:

– Я сама не понимаю, как так можно? Ведь ты всем эту кофту давала носить. Сколько нас всех выручала. Непонятно совсем, зачем какая – то сволочь это сделала.

На следующий день Катя встала пораньше. У нее появилась одна очень интересная идея. Она отозвала в сторону Розу и спросила ее:

– А кто три дня назад ездил домой из общаги? Ты не помнишь?

– Помню, – ответила Роза. – Ездила к бабушке в деревню на выходные только Аля, больше никто не ездил.

– Аля, говоришь? Тогда послушай меня. У тебя же там тоже живет бабушка по отцу, так ведь?

– Да, моя любимая бабушка тоже живет с ними по соседству, – заулыбалась Роза.

– Отлично! – произнесла Катя радостно. – Мы сегодня не идем в институт, а едем в гости к твоей бабушке, понимаешь?

– Нет, не понимаю.

– Поехали, объясню по дороге, – сказала Катя, подавая ей сумку.

По дороге Катя объяснила подруге весь свой план. Она придумала его ночью.

– План очень простой, – делилась с подругой Катя. – Мы приедем к Алиной бабушке домой, попросим ее передать нам кофту, якобы по просьбе Али, скажем, что у нас очень холодно по вечерам, опишем мою пропавшую кофту и попросим нам ее вынести.

Розе план очень понравился, и они счастливые поехали к Алиной бабушке в село Псыж, рядом с Черкесском. Когда они приехали, то дверь им открыла двоюродная сестра Али, которая тоже знала девочек очень хорошо, так как часто приезжала с бабушкой к Але в общежитие. Девочке было лет двенадцать или тринадцать. Она радостно встретила Катю и Розу:

– Какую кофту Аля просила передать?

– Зеленую, такую красивую, удлиненную, она прошлый раз с нею приезжала, но забыла взять ее снова с собой, – сказала Катя уверенно.

– Проходите, – пригласила девочка их в дом.

Катя и Роза медленно прошли мимо времянки, где сидела у окна бабушка и вязала. Она им улыбнулась и кивнула.

– Катя, вот этого я не ожидала, – прошептала Роза, когда сестра Али зашла в другую комнату за ключами от шкафа. – Мне это не нужно. Представляешь, если мы ничего не найдем. Мы не оберемся позора, когда она узнает, что мы приезжали и были у нее дома.

– Да помолчи ты, – толкнула ее Катя. – Так можно не заметить, как стать трусливой и подлой. Я все возьму на себя, – сказала Катя. – Ведь это моя идея.

– А где она эта кофта? – спросила сестра. – Она вам не сказала?

– Да в пакете, с которым она приезжала, – нашлась Роза.

– А, поняла, – сказала девочка и пошла в другую комнату.

Она взяла стул и полезла открывать ключом антресоль в шкафу. Сестра Али достала пакет, поставила его на диван и стала доставать оттуда какие – то вещи.

Катя и Роза смотрели во все глаза на вещи, которые вытаскивала сестра Али и каждый думал о своем. Катя думала, что очень нелепо получилось: «Я никак не могла предвидеть того, что нас пригласят в дом. Это уже статья, вход в жилище. А если кофты моей не будет в этом пакете? Что тогда делать?», – думала Катя.

А Роза стояла и думала лишь об одном: «Убила бы сейчас Катьку за этот ее план. Вот влипли с ней опять. Все, приедем, я знать ее не знаю».

И вдруг со дна пакета младшая сестра Али достала Катину зеленую кофту. Время сразу остановилось для обеих девушек. Как в замедленной съемке, радостная девочка доставала из пакета красивую зеленую длинную чехословацкую кофту Кати.

Волосы, как говорится, на голове у девочек зашевелились. Они не верили своим глазам. Катя сразу вспомнила, как Аля успокаивала ее, как она говорила: «Я бы руки поломала тому человеку, кто украл у тебя эту кофту…».

Кате не стало хватать воздуха, ей хотелось вырваться на улицу или проснуться, как в страшном сне. Предательство имеет зловонный запах гнили. Вопросы один за другим застилали глаза: «Зачем лучшая подруга украла эту кофту? Зачем все время врала? Зачем плакала вместе с нею, когда успокаивала? Кате очень

хотелось посмотреть Але в глаза. Что она скажет, когда Катя ей покажет эту кофту? Чем объяснит этот гадкий поступок?».

Они с Розой буквально неслись бегом на автобусную остановку и торопились быстрее вернуться в институт.

Два часа езды туда и два обратно показались для них пятиминутной переменой.

Приехав в общежитие, девочки собрали всех девчонок из группы: тех у кого что – то пропадало за время учебы. Катя попросила девочек собраться в соседней комнате, чтобы не спугнуть Алю раньше времени. Старшекурсницы освободили для них одну из комнат, а сами вежливо ушли гулять по городу. Ситуация была щепетильная и не очень приятная. Когда девочки сидели в ожидании, узнать какую – то новость, они перешептывались и не знали, по какому поводу собрались.

Все в группе были уже осведомлены, что произошла очередная кража. Все знали Катину зеленую кофту, которую очень любили. И все очень расстроились, что опять кто – то из их однокурсниц ворует. Никто даже не догадывался, кто это может быть! Катя попросила Розу позвать к ним Алю. Она очень хотела посмотреть ей в глаза. Когда Аля зашла, Катя достала из сумки свою зеленую кофту, подошла вплотную к Але и громко спросила:

– Скажи, пожалуйста, каким образом вот эта кофта, которая три дня назад пропала, оказалась у твоей бабушки в шифоньере в Псыже?

Катя совсем близко подошла к Але и прямо посмотрела ей в глаза. Все девочки сидели, открыв рты, и молча, смотрели на эту сцену. Они были в шоке оттого, что, наконец – то, узнали, кто ворует. Они даже подумать не могли, что это Аля. Это был ужас для них для всех. Некоторые девочки даже заплакали, но не Аля…

Катя подошла еще ближе и стала смотреть Але в глаза, но она ничего не увидела в них, – ни испуга, ни страха, ни стыда! Она буквально провалилась в эти пустые бездонные страшные глаза. От возмущения Кате стало не хватать воздуха, земля уходила из – под ног, ее всю трясло от этих бесстыжих, тупых, коровьих глаз.

– Как ты могла?! С нами жить рядом и красть у нас, да еще и успокаивать! – кричала Катя.

Она не выдержала и стала своими маленькими кулачками колотить воровку! Девочки бросились оттягивать Катю от Али.

– Не пачкай об нее руки. А то тебя еще отчислят из института, – говорили они.

Катя заплакала от безысходности и от этих пустых глаз Али.

– Я сегодня же пойду и расскажу все в ректорате. А за воровство отчисляют без права восстановления, – кричала Катя. –

Как ты могла жить и есть с нами из одной тарелки все пять лет и нас же обворовывать все эти годы?

На следующий день Катя сказала Розе:

– Все, я больше не могу это выдержать, я уезжаю в Питер. Я видеть ее не могу, тем более жить с ней в одной комнате!

По институту быстро разнеслась весть о том, что Катя бросает институт и уезжает жить в Ленинград.

Катина подруга Роза, дочь Веры Большой, училась в этом же институте и жила с Катей так же как и Аля, приемная дочь Верочки Маленькой в одной комнате общежития. Три неразлучные подруги: Катя, Аля и Роза, – всегда были вместе, как их мамы.

– Я еду с тобой, – сказала Роза, когда Катя заявила о своем отъезде в Питер.

– Нет, ты никуда не поедешь! – отрезала Катя. – Ты самая лучшая студентка института. Отличница. Ты не поедешь.

– Знаешь, я тоже уже взрослая. Почти с тобой ровесница и нечего из себя старшую сестру строить! Я тоже поеду в Питер, с тобой или без тебя, это не важно. Я давно решила, что хочу поехать учиться или работать в Ленинград, – сказала Роза твердо.

– Катя, езжайте вдвоем, вам легче будет, – попросил их друг Заур – чеченец. – А я потом тоже к вам приеду.

На перроне стояли все девочки группы, плакали, провожая своих любимых подруг в Ленинград.

Глава 38

Из-за облаков, за девушками ласково наблюдало золотое солнце. Оно улыбалось нежно – желтым светом и переливалось золотистыми лучами, провожая Катю и Розу в далекие неизведанные края. Сердца у девушек стучали в унисон несущегося поезда. Горы Кавказа напутственно глядели им вслед. Катя и Роза прощались с родным Машуком, гордым Бештау и величественным Эльбрусом.

Синее небо обнимало мелькающие провинциальные домики и провожало девочек, несущихся в скоростном поезде, навстречу судьбе. Остался далеко позади любимый студенческий городок, любимая ореховая роща и, конечно, тихий печальный уголок, окруженный огромными, величественными елями, – место дуэли Лермонтова.

«Вот точно так же Пушкин и Лермонтов покидали любимые края, где горы были так же покрытыми зеленью, так же над их головами раскинулось необъятное синее небо, и так же мелькали маленькие провинциальные домики, – думала Катя, глядя в окно летящего поезда.

На горизонте величественно красовался сизо – голубой Бештау. Это было восхитительное зрелище! Вообще спокойный, гордый нрав Кавказа передавали вершины пятигорья, опоясывающие маленький курортный городок.

Это очень символично, – Пятигорск! Пять гор оберегают его со всех сторон. Да и гора Бештау тоже переводится как «Беш» – «пять», «Тау» – вершина. Опять же Пятигорск!

– Роза, смотри, гора Бештау! – воскликнула Катя. – Видишь, как всегда, стоит гордо в голубой дымке. Правда, красивые у нас на Кавказе горы? Ну как здесь не будешь стихи писать?! Вот и Александр Сергеевич Пушкин, видно, тоже здесь проезжал, и написал вот эти замечательные строки:

«Во дни печальные разлуки.
Мои задумчивые звуки.
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту, пустынник величавый.
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас…»

– Этот край своими красотами всегда вдохновлял поэтов к написанию таких строк, – сказала Катя, с грустью покидая место

своей юности.

– Катюха, так ты уже готова поступать в Театральный институт, вон сколько стихов знаешь? – спросила ее Роза, точная копия Веры Большой, такая же высокая и стройная. Она была единственной дочерью Веры Большой и Петра – баскетболиста. Живя в Москве, она все – равно очень часто вспоминала село своего детства, – Горькую Балку. С Катей и Алей Роза никогда не ссорилась, когда они были детьми. Они любили друг друга как родные сестра. Их мамы свою долгую и преданную дружбу передали как эстафету своим дочерям, которые тоже друг без друга не могли жить. Когда они узнали, что с Алей случилась беда, что она больна клептоманией, они ничего не рассказали ее родителям, а поговорили с нею серьезно сами, поплакали вместе и все ей простили. Аля тоже хотела с ними ехать в Питер. Но девочки ее отговорили от этого шага и попросили остаться и сходить к психиатру, провериться насчет клептомании.

– Тебя точно примут в театральный институт, как ты им стихи про Кавказ прочтешь, – сказала Роза уверенно, глядя на подругу.

– Мне очень нравятся эти места. А лучше классиков о них никогда и никто не скажет. Я, если честно, память тренирую, – засмеялась Катя.

Девчонки ехали на север в никуда, им было немного страшно от неизведанного. Что ждет их впереди? Какие люди встретятся в их судьбе? И смогут ли они претворить в жизнь свои мечты? Но круговорот жизни уже закружил их вместе с событиями, которые, как картинки из окна, мелькали одна за другой. Каждый вспоминал свои проведенные в институте годы, свое детство и родительский дом.

В годы молодости родителей неоконченное высшее образование давало право преподавать в школе. Но в настоящее время не было больше такой программы, как индивидуальное обучение, как у родителей, которые рванули поднимать грамотность населения, в село Горькая Балка. Девочки часто вспоминали, как их родители поехали тоже в никуда, и как у них сложились судьбы. Они были горды такой честной и долгой дружбой своих родителей и так же мечтали о том, что спустя много лет будут дружить по-настоящему.

Катя вспоминала, глядя на мелькавшие пейзажи, свое детство, как они вместе с Розой купались в реке Горькой Балке, как вместе пошли в школу, как вместе поступили в институт, как она плакала, когда Роза уезжала жить в Москву, когда ее родителей партия отправила работать в Правительство. Вера Большая работала в министерстве образования, а папа –

баскетболист в Правительстве, министром сельского хозяйства. По воле судьбы и повышения по работе, они вынуждены были уехать из такого уютного тихого села в столицу нашей Родины, – Москву. Они плакали по ночам от безысходности. Им очень не хотелось расставаться с Горькой Балкой, но партия приказала, – ослушаться все равно, что предать своих родителей! Когда Роза окончила школу в Москве, она заявила категорично, что учиться будет только там, где учится Катя, – в институте иностранных языков на юге.

В Ленинграде она никогда не была, но уже полюбила этот город по рассказам Кати. Ей очень хотелось посмотреть и познакомиться с достопримечательностями этого города. Она была уверена, что ее знаний хватит, чтобы великолепно преподавать английский язык в ленинградской школе. А диплом можно получить и позже. Когда она переводилась на заочное отделение, ее упрашивали остаться в институте и куратор курса, и декан, и даже сам ректор. Роза была самой лучшей студенткой курса, девушка шла на красный диплом, и вдруг – заочное отделение.

– Родители в курсе? – спрашивали преподаватели.

– Конечно, моя мама тоже с пятого курса ушла работать в село Горькая Балка, и нисколько об этом не пожалела.

– Тогда времена были другими. Сейчас все намного сложнее. В то время людей с высшим образованием – с настоящим высшим – а не модным названием, – «высшее образование», было очень мало. А сейчас «высшее образование» считается добавлением к приданому, чтобы удачно выйти замуж. Посмотри вокруг, каждый второй, даже первый, окончил институт, университет, академию. Толку что «окончил», а специалистов стоящих нет.

Раньше после техникума или училища больше было ценных работников, чем теперь. А сейчас процент образованных растет, а процент профессионалов снижается, вот в чем парадокс. Во времена ваших родителей настоящих умных студентов с настоящим высшим образованием было очень мало. Их были единицы! И до сих пор на их качестве знаний держится вся наука. А сейчас кандидатов наук – миллионы, докторов наук – тысячи, академиков-сотни, а качества знаний в упадке…

– Здесь я с вами не совсем согласна! У нас на курсе очень много умных девочек, которые сами учатся и образование получают достойное. Как же мы можем не считать полученное ими образование высшим? – спрашивала Роза у ректора.

– Нет, высшее образование, конечно, осталось. Ценности изменились. Деньги потихоньку начинают решать проблему обучения. Если так будет продолжаться, то любой тупица сможет

купить себе диплом о высшем образовании. Представляешь, это даже в страшном сне не хочется видеть. Уровень образования будет падать, а с ним и уровень жизни тоже, а уровень бездарей подниматься! Вот это плохо! – вспомнила Роза слова ректора.

– Катя, мне ректор сказал, что нам будет трудно устроиться на работу, потому что таких, как мы, сейчас очень много.

Катя смотрела в окно, любовалась красотой природы и совершенно неожиданно сказала, глядя в окно.

– Посмотри, Роза! Везде люди живут! Смотри! Вон та развалившаяся хата стоит у дороги. Видишь, свет в ней горит. Тарелка телепередач на крыше! Так что ощущение счастья или несчастья у всех одно– хоть ты живешь во дворце, хоть в той развалившейся хате, где горит свет. И так же уютно от людей, которые рядом и так же люди смотрят одни и те же передачи по телевизору, и так же одинаково счастливы и несчастны, независимо от того, где ты живешь, в особняке или в развалившейся лачуге…

Мелькали пейзажи различных хуторов, городов, полей и лесов. Хвойные деревья сменялись болотами и лиственными лесами, по дороге ехали грузовые и легковые машины. Вокруг текла жизнь с ее ежедневными проблемами, самая обыкновенная жизнь со своими радостями и горем: с рождением новых людей, с праздниками и буднями. Жизнь протекала всегда рядом с нами и вращалась незаметно, как всегда, вокруг нас…

Глава 39

«Добро пожаловать в Ленинград!», – было написано большими буквами на приближающемся мосту. Вдалеке виднелись промышленные объекты. Чернели отстойники уставших поездов. А впереди красовались старинные особняки и архитектурные произведения искусств многовекового промежутка времени.

– Девочки, я здесь! – позвала их Катина школьная подруга Лена Штоум, стоявшая на перроне с цветами.

– Ой, Ленчик, какая ты красивая! – закружила подругу Катя. – Знакомься, это моя подруга детства из Горькой Балки, Роза Петрова.

– Очень приятно, – сказала, улыбаясь, Лена. – Добро пожаловать в Северную столицу! Я думаю, Ленинград вас примет. Вы знаете, этот город с живой энергетикой. Он либо принимает, либо нет. Но плохих людей выбрасывает из города точно!

Девочки шли по Московскому вокзалу и не могли поверить, что они в Ленинграде!

– Осторожно ступеньки. Катя, ты, как всегда, радуешься городу как ребенок, и все время вертишь головой по сторонам, – сказала, смеясь, Лена.

– Да, я и правда очень люблю этот город! Я так счастлива, что снова, я здесь! Я здесь буду жить, это точно, вернее очень хочу этого. Не знаю, хороший я человек или плохой, но город, похоже, меня принял. У нас с этим городом любовь с первого взгляда. Помнишь, когда мы после выпускного вечера приехали в театральный институт поступать, он открыл для нас свои объятия навсегда. Лена, я так жалею о потерянных годах, я теперь буду умнее, найду работу, устроюсь, и, все у меня будет здесь хорошо.

– Не знаю, как насчет работы. У меня муж мой Слава оканчивает Ленинградский университет. Между прочим, самый лучший университет в городе, но так и не может найти себе работу по специальности. Поэтому он пока устроился на завод работать, чтобы получить прописку. И я тоже работаю на заводе. Лимитчики мы. Без прописки здесь точно не устроишься. Только на заводе есть лимитные места для временной прописки. Рабочих не хватает на заводе. Здесь и общежитие для проживания дают.

– Ты что?! Мы же без пяти минут дипломированные специалисты, – сказала, гордо подняв голову, Катя. – Наших родителей сразу взяли на работу и дали им жилье.

– Ну, это когда было? Да и уехали они в деревню, а не в столицу! Вот если бы вы сейчас так же в деревню поехали, и у вас

сразу все было бы! А в городе всегда сложнее устроиться.

– Ладно, попытаем счастье! Нам не привыкать, – сказала Роза и подтянула свой тяжелый чемодан на эскалатор.

– Роза, скажи, а, правда, метро как – то по – особенному пахнет? – спросила Катя у подруги.

– Да, интересный запах. Пахнет новой жизнью. Ты знаешь, а в Москве почему – то метро по – другому пахнет?! Мы когда туда переехали, я вообще, честно сказать, не очень этому обрадовалась. Я не люблю шумные города. Я и сейчас очень скучаю по нашей Горькой Балке.

– Потому что мы там родились, там прошло наше детство и там мы выросли и впитали эту степную пыль вместе с запахом акации и запахом ила в нашей речке, – сказала Катя. – А теперь нас вон куда занесло! В сам Ленинград!

– Да тебе и Шпаковка казалась мегаполисом, – подхватила разговор Лена Штоум. – Я всегда вспоминаю, как Катя к нам в школу в первый раз пришла. Глаза круглые: она привыкла, что у вас в селе всего три улицы. А тут районный центр, она сразу растерялась. Она ходила, и все время мне рассказывала о Горькой Балке. Мне иногда кажется, что я тоже там с вами жила, – сказала Лена, и добавила: – Осторожно! Ноги поднимайте, когда с эскалатора будете сходить!

– Ой, ой, ой, спасибо! – закричала Катя. – Я уже и забыла здесь все. Я же когда после школы приезжала в Ленинград, в метро всего несколько раз была.

– Да ты же у нас, актриса, все в библиотеках падала со стульев и в кафешках на Невском проспекте кофе с пончиками любила пить, как городская! – засмеялась Лена Штоум, вспоминая их девичьи похождения.

– Ладно вам, хватит смеяться, – сказала Катя. – Зато я осталась предана городу, не то что некоторые. Я, как тургеневская девушка, как уехала в шестнадцать лет из Ленинграда девственницей, так в двадцать один год целомудренной девушкой и вернулась! А кто – то уже и замуж выскочил, и дочек родил!

– И я тоже! – сказала Роза. – Я тоже еще девушка. Мы пока не торопимся. Вот найдем свои половинки, тогда замуж и выйдем. Я выйду замуж за американца, вот увидите!

– Роза уверена, что она выйдет замуж за американца, – сказала удивленная Катя. – Я не знаю, откуда у нее такое желание? Для меня американцы, – это инопланетяне. Я даже не знаю, как они выглядят? Учим английский язык, отдельно тренируем американское произношение, а вживую еще ни одного англичанина и американца не видели. Честно сказать, и русских

парней замечаем с трудом!

– Смотрите, в девках не засидитесь! – пригрозила им пальцем Лена, как строгая мамаша. – А вообще всему свое время. Мы вот в семейном общежитии сейчас живем. Вернее, нам комнату выделили. А не было бы у нас Маши и Жени, так, может, и не дали бы ничего. Зато вам есть, где первое время перебиться.

Девочки за разговором не заметили, как подошли к общежитию, которое находилось на углу улицы. Через дорогу виднелась красавица Нева. Девочки не выдержали, бросили сумки перед общежитием и перебежали через улицу на набережную реки. Они смотрели на черные волны, которые накатывались на гранитные ограждения, и прыгали, как дети, радуясь такой красоте. Нева была очень похожа на их любимую речку Горькую Балку, только во сто раз больше и коварнее. Они восторгались мощью удара волн, круговоротом течений и широтой размаха природы. Девочки одновременно испытывали чувство неописуемого восторга и захватившего их волнения в предвкушении чего – то нового, неизведанного. Они восхищались увиденным вдалеке зеленым лесом, который поддерживал багрово – фиолетовое красивое небо!

Ботанический сад мощной стеной возвышался на противоположном берегу Невы и зазывал девочек своими необычными для этих мест пейзажами. Красивый Гренадерский мост, который соединял два берега Невы, как знамение, напоминал девочкам о прошлой и будущей жизни. Дорогие иномарки, мотоциклы мчались навстречу друг другу, оставляя за собой клубы пыли, но девочки ничего не замечали вокруг. Им казался чистым весь этот смог, который висел в воздухе и мягким облаком окутывал их нетронутые, девичьи провинциальные души. Они смотрели на все это широко раскрытыми глазами, и радовались тому, что они находятся в их любимом городе Ленинграде!

Общежитие завода пластмассовых изделий напоминало их студенческое общежитие. Даже вахтерша тетя Маня была похожа на их вахтершу тетю Полину. Почему-то все вахтерши очень похожи друг на друга, и кастелянши тоже похожи, и уборщицы тоже были все на одно лицо! Ребята жили на втором этаже. Комната была большая и светлая. Окна выходили на центральную улицу. Шифоньером отделена в комнате так называемая кухня. За шкафом с продуктами стоял стол, стулья и холодильник. Импровизированная кухня была очень симпатичной и уютной. Стол уже был накрыт для гостей. Муж Лены, Слава, – очень интеллигентный молодой человек, умный и красивый, был небольшого роста и коренастого телосложения.

Лена очень гармонично дополняла своего мужа и рядом с ним выглядела со своими огромными карими глазами и вьющимися темными волосами маленькой и миниатюрной дюймовочкой. Глядя на эту красивую молодую пару, никогда не скажешь, что они уже родители двух девочек. Лена осталась в Ленинграде после того, как родители забрали Катю после неудачной попытки поступления в театральный институт, и поступила в университет на биофак на заочное отделение. Она всегда хотела туда поступить и считала, что проба в Театральный институт– это всего – навсего подготовка в большой и солидный университет. В Ленинграде она познакомилась со Славой, студентом юридического факультета того же университета. У семнадцатилетних молодых людей вспыхнула самая настоящая первая любовь с первого взгляда. В восемнадцать лет она родила Машулю, а в двадцать – Женьку.

Две девочки – красавицы. Одна мамина копия, а другая– папина. Вячеслав работал в две смены на заводе, чтобы прокормить семью, и учился на вечернем отделении Ленинградского университета. Молодая семья восхищала всех красотой, молодостью, добротой, любовью и трудолюбием. Лена тоже работала на заводе. Старшую дочь они отдали в детский сад, а с младшей им помогала мама Лены, которая приехала в Ленинград и устроилась кастеляншей в общежитие. Ей выделили отдельную комнату, и она целыми днями возилась с внучкой. Все их родственники уехали жить в Германию. И мама все время уговаривала детей уехать жить туда тоже. Лена была немкой по национальности, а Слава, – русским. После замужества Лена поменяла свою красивую фамилию Штоум на фамилию мужа, и теперь все ее звали Лена Ботова.

– Как у вас классно! – говорила Катя. – Мне очень у вас нравится! Но мы здесь вас надолго не потесним. Завтра пойдем искать работу и жилье.

– Да живите сколько угодно! – сказала Лена. – Будете мне помогать по очереди нянчить Женю. Славе остался последний курс института. А там, может, все – таки работу найдем высокооплачиваемую и квартиру получим.

– Спасибо большое, нам у вас нравится, но мы точно не надолго, мы очень работать хотим! – говорили девчата, хихикая и укладываясь на огромную напольную кровать, созданную из матрацев, которые им притащили друзья, собрав их по всему общежитию.

– Раньше Слава жил в мужской комнате, пока у нас второй ребенок не родился, – сказала Лена. – И я у них там же жила за шкафом. Таким образом, у нас отдельная была комната,

семейная. А потом вот мы такую красоту получили, и когда Катя написала мне письмо и просилась приехать с подругой, я с радостью согласилась. К счастью, теперь мы со своей комнатой. А помнишь, Катя, как мы первый раз в Питер приехали? Мы же с тобой после выпускного вечера сразу рванули во взрослую жизнь? Помнишь, как жили у твоей двоюродной сестры Натальи на шестнадцатом этаже и спали у них в общаге тоже на полу? А я у них так и жила, пока в университет не поступила и на завод не устроилась, потом общагу получила, так и осталась здесь жить. Я, честно сказать, очень рада, что с тобой тогда из Питера не уехала, иначе бы я свою любовь не встретила.

– Да, это было начало новой взрослой жизни, вернее, второй день взрослой жизни. Первый день взрослой жизни был выпускной бал. Это была первая моя попытка освоения Ленинграда. Вторая попытка будет завтра…

Глава 40

Вторая попытка взрослой жизни закончилась тем, что на работу их с Розой никуда не взяли. С высшим образованием специалистов хватало. Да и не только с незаконченным высшим, а с самым настоящим высшим, с рекомендациями и опытом работы. Расстроенные девушки пришли вечером к ужину в свой новый питерский ночлег.

– А у меня для вас радостная новость, красавицы, – сказал Слава. – Я поговорил с директором завода, и он решил предоставить вам и работу, и жилье. Только одно плохо: работать вам придется в литейном цехе. Это очень тяжелая физическая работа. Но зарплата хорошая, и, главное, сразу вам дадут прописку, правда, временную. Но лимитчики тоже люди. Давайте начинайте свою новую жизнь. А потом, что – нибудь придумаем. Может, вы попробуете поработать, вам понравится, вы еще в Химико – технологический институт захотите поступить и связать всю свою оставшуюся жизнь с пластмассовыми изделиями. Это своего рода тоже шедевры, – сказал Слава, и подмигнул своим новым подругам.

На следующий день девочки получили темно – синие рабочие халаты, красивые белые хлопчатобумажные перчатки и счастливые пошли со всем содержимым на работу. Завод находился сразу через дорогу от общежития.

Он показался таким родным: красивое здание из красного кирпича, с множеством дымящих труб величаво поднималось напротив красивой черной реки Нева. Из окон завода можно было видеть не только Неву, но и знаменитый Ботанический сад. Все находилось совсем близко, метро тоже было рядом, и поэтому после работы девочки бежали в общагу переодеться, чтобы побродить по Невскому проспекту до закрытия общежития. Лучшего места проживания нельзя было и представить в таком красивом и родном городе.

Лимитчицы! Какое красивое слово! Лимит чего? Совести? Чистоты помыслов? Доброты? Душевной теплоты? Чего? «Лимит не исчерпан!» – почему – то звучало в голове у Кати. Лимитчики нужны. Они как доноры, впускающие свежую кровь в застоявшиеся затхлые души, проживающих горожан, которые с пренебрежением смотрели на лимиту, забыв, что сами были такими же лимитчиками, только, хлебнув лиха, очерствели сердцем и брезгливо стали относится к приезжим, потому что уже считали себя коренными жителями такого доброго красивого старинного города. Но одно забыли: настоящие старожилы этого

города никогда не станут снобами или высокомерными выскочками, потому что они часть и единое целое этого отдельного огромного мира под названием, – Петербург!

– Здравствуйте, проходите. Вы новенькие? – спросил инженер по технике безопасности, рассматривая девушек. – Вот вам конспекты. Да, и здесь без них не обойтись, как и у вас в институте. Так что будьте любезны выучите текст, и завтра у вас занятия, они будут длиться всего неделю. Поэтому будете пока на подхвате у наших передовиков производства. Они вам все объяснят, что от вас требуется. Давайте, потихоньку начинайте работать, а там втянетесь.

Горевшая пластмасса имел специфический запах. Тошнотворный запах, как от плохо пахнувшего костра, сразу наводил ужас на девочек.

«Почему разные заводы имеют один и тот же запах мазута и солярки? – подумала Катя.

В школе она проходила трудовую практику на заводе Поршневых колец у тети Иры. Там был точно такой же запах. На бетонном полу так же разбросаны плоские картонные коробки, вернее все, что от них осталось. В огромном зале в ряд важно стояли железные немецкие станки. Они с грохотом и скрежетом медленно раздвигались, а после высыпания содержимого быстро неслись навстречу друг друга и с громким хлопаньем сталкивались и снова медленно расходились в стороны. Девочки стояли с широко раскрытыми глазами и удивленно смотрели на весь производственный ужас. Его можно даже было назвать творчеством.

Красивые, стройные девушки, бегали и колдовали над этими друзьями-махинами. Никто не обращал внимания на новеньких. Все были заняты своей работой. Здесь нельзя было отвлекаться ни на секунду, потому что можно было остаться и без руки, если зазеваешься. Работницы старались успеть перебрать готовую продукцию и сложить ее в коробки. И все это нужно было успеть сделать, пока их машины остывали.

– Роза, а мне здесь нравится, – закричала Катя, рассматривая производство. – Вот это жизнь! Я понимаю! Все гремит, движется, короче, живет!

– Да, и не говори, подруга, – ответила, задумавшись и поправляя платок, Роза. – Только я боюсь, что я не справлюсь со всем этим. Тут, мне кажется, так все сложно!

– Не бойся! Нас всему научат. Не Боги горшки обжигали, – поддержала подругу Роза.

– Девочки, пойдемте, я вас сейчас познакомлю с вашим бригадиром, – сказал инженер по техники безопасности.

Они подошли к женщине, которой на вид которой было лет сорок. Она строго посмотрела на вновь прибывших, затем увидела их испуганные лица, улыбнулась и сказала:

– Добро пожаловать в семью рабочих! Ничего не бойтесь, коллектив у нас дружный, молодой, в основном женский. Так что все у вас получится.

На следующий день девочки уже помогали складывать в коробки готовую продукцию. Они были стажерами, и это звание им очень нравилось. Коллектив действительно был молодой, все были лимитчиками, и все жили в одном общежитии. Кате и Розе очень нравился на заводе перекур. Это был настоящий перекур с сигаретой в зубах в курилке. Старожилы садились в потрепанные дерматиновые кресла, брали грациозно грязными руками сигареты и вдыхали, ко всеобщему пластмассовому смогу, еще и никотиновый дым. Рядом стояли в пластмассовых ящиках стеклянные бутылки с широким горлышком, затянутые белой фольгой, наполненные молоком.

– От вредности! – говорили девушкам профессионалы рабочие и запивали свои сигареты молоком прямо из горлышка.

– От вредности из – за курения? – спросила Катя.

Девочки засмеялись и сказали:

– Правильно! И от того, и от другого!

Стажировка длилась недолго. Через неделю девочек поставили самостоятельно к станкам. Им необходимо было делать оранжевые пластмассовые коробочки для военных целей. Им часто показывали на уроках военного дела такие коробочки, наполненными разными лекарствами. Они тогда и не догадывались, что будут принимать участие в изготовлении этих шедевров сами.

– Главное, чтобы перелив не пошел или недолив, – говорила им Валя, их наставница и новая подруга. – Иначе это будет брак. Держите всегда определенную дозировку. Не забывайте регулярно засыпать пластмассовую стружку в контейнер.

Контейнер для пластмассовой стружки был похож на огромное ведро, которое прикреплено было сверху станка. И для того, чтобы дотянуться до него и засыпать в него сырье, нужно было становится на маленькую табуретку и насыпать в бункер пластмассовую стружку из мешка. Мешки были до того тяжелые, что маленькая хрупкая Катя не могла их сдвинуть с места. А ведром тоже не натаскаешься, прыгая со скамейки на пол, потому что мог пойти перелив или недолив. Со слезами на глазах Катя боролась с этим мешком, пока Роза, как настоящая подруга, не увидела весь этот ужас и не прибежала на помощь подруге.

– Давай я помогу тебе поднять и засыпать этот мешок, а ты

мне потом будешь помогать тоже, – сказала Роза.

– Ой, точно, – сказала Катя.

И они вдвоем быстро подняли мешок, высыпали из него шуршащую пластмассовую стружку и, радостные, что справились с ответственным делом, весело обнялись.

Девушки внимательно следили за работой станков, вовремя выставляли дозировку в литейной машине. Успевали нажать на красную кнопку «Стоп», если видели, что пошел перелив и начинал сыпаться брак. Каждый день их перебрасывали с объекта на объект. Знакомили с новыми станками. Ставили на разные рабочие места.

Они производили и мелкие черные шпунтики, и огромные пластмассовые ящики, и детские игрушки и мыльницы. Но больше всего им нравилось делать маленькие кофейные чашечки для аэропорта.

От усталости и непривычки девочки вечером валились с ног. Они не понимали, как Славик мог совмещать учебу и работу. Это было очень тяжело. На любимый Невский проспект ходить уже не оставалось сил. И девочки, приняв душ, мгновенно засыпали…

Комнату в общежитии они получили большую, четырехместную. Две девушки, которые уже жили в ней, были намного старше и были им как старшие сестры. Помогали Кате и Розе словом и делом. Галя работала в котельной, а Нина в библиотеке завода, поэтому советовать девушкам им не составляло никакого труда. Они свое уже отработали на заводе, и пошли на повышение.

– Девочки, сегодня в Красном уголке будет лекция о вреде курения, а после нее будут танцы, – сказали соседки по комнате и наставницы по совместительству.

– Нет, мы не пойдем. Мы так устали. Всего два выходных. Так хочется полежать, почитать. Ноги так устали за неделю, что нам не до танцев. Мы еле ногами передвигаем, а еще их мучить в такт музыки, – сказала Катя.

– А вы знаете, какие у нас в общаге классные дискотеки проходят? С живой музыкой. Ребята так красиво играют! А ребята, какие красивые у нас!

– Кать, пойдем, посмотрим на красивых ребят, посидим, послушаем, как они играют, а танцевать не будем, – попросила ее Роза.

– Хорошо! Конечно, пойдем. Раз там ребята красивые и еще красиво играют, то обязательно пойдем и послушаем лекцию о вреде курения. Хотя, если честно, мы не курим и не пьем, вот извините, такой образ жизни мы ведем! Заметьте, в двадцать один год! – сказала Катя, медленно произнося каждое слово. –

Вот, я с этой работой уже стихами говорить стала. Роза, а к сессии, мы, когда готовиться будем? Ты знаешь, чем больше я на заводе работаю, тем больше хочу окончить институт. Что – то мне подсказывает, что я не хочу всю свою жизнь работать на заводе. Здесь деньги не просто так платят. Здесь мне очень тяжело работать физически. Хотя, если руки накачаем, как штангисты, то и мешки будем бросать, как пылинки: сначала на плечо, а потом в бункер! Вот так!

И она, как эксперимент, проделала все это с подушкой.

– Ой, тоже мне неженки! Студентки! Привыкли ни фига не делать на своих занятиях. А чуть хапнули настоящей жизни, так сразу и завыли, – возмущалась Галя, соседка по кровати.

– Точно! – поддержала ее Нина, которая тяжелее книги в руках ничего не держала. Ну я вот что вам скажу. Все это, конечно, замечательно. Но одно меня настораживает. Вы и правда еще девственницы?

– Да, а что здесь такого? – спросила Катя.

– Нет, это очень плохо. Потому что могут развиться многие женские болезни. Вам уже просто необходима половая жизнь. А то, самое страшное, можно сойти с ума, если у вас не будет мужчины. Женщина предназначена для того, чтобы быть матерью, а для этого ей нужен мужчина, – сказала Нина строго.

– Подумаешь, мужчина. А если никого не любишь? Тогда что? Ложится в постель с первым попавшимся мужчиной? – спросила Катя.

Вот у меня была любовь, как мне казалось. Самый красивый мальчик нашего провинциального райцентра. Он тоже за мной ухаживал. Много раз предлагал мне свою любовь опробовать в постели. Я все думала, думала.

Мне же мама сказала, что первый мужчина у меня должен быть мой муж. Я не хотела выходить замуж за тех парней, которые меня звали замуж. А сидеть и ждать, чтобы мой единственный и любимый предложил мне не любовь в постели, а любовь на всю жизнь, я не могла. И вот я купила билет в Ленинград и думаю, ну, раз я уезжаю надолго, пусть у меня будет мой первый мужчина хоть по любви.

И я настроилась и пошла к нему в гости. Иду, а у самой ноги подкашиваются, волнуюсь ужасно. Думаю, ну что я теряю. Он меня любит. Клянется мне в любви. А я все чего – то жду. А что мне нужно от него? Зачем я его мучаю! Не дети мы все – таки. А в нашем райцентре уже во всю о нас судачили.

– А я даже знаю кто, – сказала Лена Штоум, которая зашла к девочкам на чай и была свидетельницей этого разговора. – Наша классная Галина Никитична Форова всем рассказывала, что у вас

скоро свадьба. Что ты от него беременная! Мне мама в письме написала. Она с нею виделась.

– Вот – вот, точно! А я иду, вернее, мы идем с Розой, помнишь?! Она как раз со мной приехала. Я одна боялась идти, говорю, придем, позовем его погулять. А дальше, видно будет. Он же не знает, что мы из института приехали домой за вещами зимними, чтобы в Питер ехать. Пришли, позвонили, а дверь открыла его младшая сестренка и так зло на меня смотрит и говорит:

– Иди отсюда! Тебе здесь делать нечего!

Я чуть там в обморок и не упала. Ничего не пойму. Потом громко говорю ей, чтобы она его позвала. И вдруг я слышу, он идет, берет куртку и говорит мне сквозь зубы:

– Пойдем, у меня к тебе вопросы накопились.

Я ничего не понимаю, иду за ним. Роза, как все это услышала, шепнула мне на ухо, что она будет ждать меня на скамеечке возле фонтана.

– Да, я смотрю, что им лучше поговорить наедине, – подхватила разговор Роза. – Такая тяжелая атмосфера была, я ее сразу почувствовала. Думаю, ну это что – то у них произошло. Может, кошка какая между ними пробежала? А еще и я тут.

– Да, я и сама не поняла, что произошло? Пошла с ним вниз по ступенькам, вернее побежала. Он меня так сильно за руку схватил и вниз потащил, как будто от пожара убегаем. А затем пошли в дендропарк, и он мне говорит: «Катя, если с моей мамой, что – либо случиться, я тебе этого никогда не прощу. Она лежит с сердечным приступом».

А я ему говорю дрожащим голосом: «А причем твоя мама и я».

Он как глянет на меня зло. А затем спрашивает.

– Ответь мне на три вопроса, пожалуйста, только честно.

Я стою, ничего не пойму, – продолжала свой рассказ Катя. – Пришла проститься с любимым мужчиной, долго настраивалась на эту встречу, и вдруг такой оборот событий. И где – то вдалеке слышу его голос, он меня спрашивает:

«Катя, ты, правда, беременная?» – это мой первый вопрос. Второй вопрос: «Ты меня на себе женить хочешь, чтобы этого ребенка на меня повесить?». Третий вопрос: – «Это правда, что ты переспала со всеми неграми в своем институте, и стоишь на учете в венерическом диспансере, поэтому меня к себе не подпускаешь?».

От этих вопросов, я стала задыхаться! Меня накрыло удушливой волной обидной злости, а главное, я не понимала, откуда взялись все эти вопросы. И вдруг он мне говорит: «Сегодня

к моей маме приходила Галина Никитична Форова, твоя классная руководительница, и все это ей рассказала. Она, по – дружески пришла ее предупредить. Но она, видно, не знала, что у моей мамы больное сердце, и ей сейчас «скорую» вызвали.».

Я посмотрела на него удивленно и произнесла: «Леша, – сказала я ему. – Любимый мой человек. Я тебе сейчас отвечу на все твои вопросы: первый, второй, и третий. Я, – девственница и поэтому не беременная. У меня еще не было ни одного мужчины, а значит, вешать ребенка я не собиралась, так же как и женить тебя на себе. С черными и белыми не спала и в венерическом диспансере на учете не находилась. Я пришла попрощаться с тобой, так как уезжаю в Ленинград. Я хотела подарить тебе свою любовь, так как думала, что ты этого достоин и по– настоящему меня любишь. Если не веришь, посмотри на мой билет в Питер, – сказала я и достала из кармана билет на поезд. – А Галина Никитична Форова, пусть сама тебе и твоей маме расскажет, зачем она все это придумала и оболгала меня.».

После этих слов я развернулась и с гордо поднятой головой пошла прочь, оставив его один на один со своими вопросами и моими ответами. Вот как бывает с первой любовью. И самое главное, я его жалею до сих пор. Я все время ищу оправдание его поступку, – произнесла Катя грустно.

– Я знаю, что нужно делать. Тебя нужно спасать. Клин клином вышибают, – сказала библиотекарша Нина. – Я тебе помогу, как старшая подруга.

Она подбежала к своей тумбочке. Достала оттуда завернутую в газету книжку и протянула ее Кате. Читай, изучай и ищи мужчину, с кем ты переспишь.

– Что это? – спросила Катя.

Она открыла обложку и прочла «Камасутра». А что это такое?

– Это введение в половую жизнь для начинающих. Там все очень полезное написано и нужное. Почитай, не пожалеешь.

– «Камасутра», – прочла Катя, открывая книгу…

Глава 41

«Дым сигарет с ментолом…» – звучала музыка после лекции о вреде курения на всю общагу. Катя с Розой сидели на стульчиках, которые были аккуратно расставлены в ряд по – над стеночкой в красном уголке.

– Белый танец! – сказал в микрофон красивый молодой человек из ансамбля и включил на всю мощь магнитофон. – А у нас перерыв!

– Классная живая музыка! – сказала с иронией Катя.

– Нет, ну они же тоже должны отдыхать. Они и так долго играли и пели: «Я готов целовать песок, по которому ты ходила», – пританцовывала, улыбаясь, Роза.

– Мне очень понравился вот тот молодой светловолосый парень, который играет на ударных инструментах, – прошептала подруге Катя.

– Но он же малолетка! Ты что, не видела, как парень с микрофоном и с черной электрогитарой его постоянно закрывал, чтобы ты на него не пялилась.

– Да, я заметила, но подумала, мне показалось. Ладно, белый танец объявили, пойду, приглашу белобрысого малолетку, что я зря Камасутру читала, научу его чему – нибудь, – сказала Катя, смеясь, и уверенной походкой направилась к оркестру.

Катя вообще была девушкой не из робкого десятка. Она шла через весь зал с высоко поднятой головой, глядя на молодого человека, сидящего за ударными инструментами. И вдруг, от оркестра, в этот самый момент в ее сторону направился тот самый молодой человек с черной гитарой.

«Наверное, идет Розу приглашать», – подумала Катя.

И уступила дорогу, идущему навстречу.

Но молодой человек подошел к ней близко и сказал, глядя в глаза:

– Он вам не нужен! Вам нужен я. Разрешите вас пригласить на танец?

Молодой человек нежно и в тоже время крепко взял Катю за талию и красиво повел в медленном танце.

– Роман, – сказал он, наклоняясь к ней. – А вас как, очаровательная барышня, величать.

– Екатерина, – ответила ему девушка, внимательно посмотрев новому знакомому в глаза.

Роман смотрел на Катю такими влюбленными глазами, что сердце Кати от его взгляда очень сильно забилось. После этого танца она уже и не видела того белобрысого малолетку, который

завладел ее вниманием лишь на мгновение. Остальные танцы Катя танцевала только с Романом, в перерывах между исполнением его собственных песен. Парень был очень интересным в общении. Он веселил Катю весь вечер, рассказывал всякие байки про ансамбль, руководителем которого он был. Он много рассказывал о работе их завода, где он работал инженером после окончания Химико – технологического института. Катя легко нашла с ним общий язык, и очень удивлялась, что ни разу не видела его раньше.

После той дискотеки молодой человек стал частым гостем в комнате у Кати и Розы. Он приходил в гости к девочкам каждый вечер, приносил им разные деликатесы, подкармливал и развлекал их игрой романсов на гитаре. Он был настоящим, истинным питерским интеллигентом. Всегда очень тихо и мягко говорил, осыпал Катю комплиментами, и всегда выполнял все ее желания. Он так же каждый день приходил к ней на ее рабочее место, помогал ей таскать мешки и не сводил с нее влюбленных глаз. А после работы писал для нее песни.

Девчонки все время спрашивали Катю:

– Почему это инженер к тебе постоянно приходит? Катя, он к тебе не равнодушен. Мы работаем с ним вместе уже давно, он никогда таким не был. Ходил все время такой строгий. Кстати, он не женат, имей в виду. Он очень завидный жених.

– Нет, мы с ним просто друзья, – оправдывалась девушка.

Но почему – то Катя всегда краснела, когда его видела.

А девчата шептались и хихикали над молодыми влюбленными.

Однажды Роман пригласил Катю на свой день рождения. Катя пообещала придти. Вечером все девчонки советовали Кате, что надеть ей на эту встречу. Они наставляли ее, как бывалые невесты, и говорили, чтобы она обязательно присмотрелась к Роману, как к жениху.

– Ты, Катька, не дури, – говорили они. – Парень что надо и любит тебя. А у тебя уже возраст, тебе все – таки не шестнадцать лет. А он на шесть лет старше, как раз то, что нужно. Выходи за него замуж.

– Да меня никто еще не звал, – смеялась Катя.

– Катька, подумай своими мозгами. Он же питерский. Значит, у него прописка постоянная. Если ты выйдешь за него замуж, тебе будут открыты все двери. Куда захочешь, туда и устроишься на работу, – советовала ей Роза. – А потом и меня у себя пропишешь, как подругу.

– Роза, ты с каких пор стала такая меркантильная? – спрашивала Катя, смеясь.

– С тех пор, как мы с тобой повкалывали на этом заводе, у меня спина, знаешь, как болит. Я теперь понимаю, почему рабочим платят больше зарплату, чем высококвалифицированным специалистам с высшим образованием. Мы вкалываем с тобой на очень тяжелой работе. Я раньше вообще даже не задумывалась, что мне будет когда – нибудь так трудно в жизни. Именно физически трудно. Морально, когда устаешь, тоже приятного мало. Это тоже очень плохо. Но когда ты физически беспомощный, то плакать хочется от безысходности. Скорее бы институт закончить! Я только теперь поняла, как мама была права, что высшее образование просто необходимо девочкам, будущим матерям.

– Конечно, очень необходимо получить высшее образование, чтобы ни от кого не зависеть, но рабочим тоже кому – то нужно быть. Мы с тобой просто сами по себе хилые, поэтому нам и трудно. А девочки физически развитые, они эти мешки как пушинки бросают, и им ничего не страшно. А мне сейчас страшнее, чем мешки бросать. Я чего – то боюсь. Не пойму, почему мне так страшно идти на этот день рождения? – сказала Катя, подкручивая свои ресницы. – Роза, посмотри, я хорошо выгляжу? Можно так на день рождения идти?

– Ой, Катя, перестань бояться. Мы и так в девках засиделись, поэтому страшно. Ничего не бойся, ты у нас лучше всех! Не забывай это никогда! Дай я на тебя посмотрю! Отлично выглядишь! Ты такая красивая! Как актриса! Иди навстречу своей судьбе и ничего не бойся.

– Правильно, правильно! А Камасутра нам поможет! – поддержала Нина, протягивая ей книгу, обернутую в газетку. – Катюха, возьми, освежи в памяти прочитанное, пригодится.

Камасутра действительно очень «пригодилась…».

– Катя, проходи, – сказал Роман, помогая девушке снять дубленку. – Какая ты умница, что пришла. Проходи, не бойся. Познакомься, это мои самые близкие друзья.

Катя огляделась по сторонам. Увидела большую светлую комнату с тремя длинными окнами. Возле окна стояли два кресла и диван, а посредине комнаты – большой круглый стол, за которым сидели двенадцать человек молодцов: все были красивые и стройные как на подбор! За столом не было ни одной девушки.

– А где девочки? – спросила испуганно Катя.

– А у меня нет подружек, кроме тебя, – ответил Рома, смущаясь.

– У меня только друзья – музыканты, школьные друзья и институтские.

– Девушка, да вы не бойтесь нас. Мы не кусаемся. Проходите, не стесняйтесь, – сказал рыжеволосый молодой человек. – Вот знакомьтесь, – это Александр, это Владимир, это Игорь, это…, это…, это…

Он продолжал перечислять имена всех Роминых друзей, которые Катя тут же забыла.

– Но, собственно говоря, вам это и не нужно, – наконец догадался он. – Главное, чтобы вы запомнили, как зовут Романа, а мы, – что вас звать Катя.

– Вот и, слава Богу, дошло до тебя, – заметил один из друзей. – Наливай, лучше!

– Катенька, вы что будете пить?

– Ничего не буду.

– Как это не будете? Именинник обидится.

– Тогда, если можно, сок, – сказала Катя.

– Сергей, я тебе правду говорю, что она не пьет вообще. Я с нею уже год дружу и не видел ни разу, чтобы Катя пила или курила.

– Да брось ты, такого в природе не бывает! – ответил ему рыжеволосый. – Катя, а сколько вам лет, извините за нескромный вопрос? – продолжал Сергей.

– Нескромный он был бы, если мне было пятьдесят. А пока ничего, можно и ответить: двадцать один, – парировала ему Катя. – Хотя тоже не шестнадцать, извините.

– И ты хочешь сказать, что ты никогда не пила и не курила? – удивлялся новый знакомый, перейдя на «ты».

– Извините, что такая я вот несовременная оказалась, – сказала Катя. – Честно сказать, я пробовала, но мне не понравилось почему – то.

– Ребята, я первый раз за свою жизнь вижу девушку двадцати лет, которая не пьет и не курит. Вы прямо как из другого века, этакая тургеневская девушка. А у вас в деревне все такие? Вот куда нужно ехать за невестами! – сказал светловолосый друг Александр.

– Не нужно никуда ехать, – сказала Катя. – У вас в Ленинграде наверняка еще лучше девушки есть, просто они не ходят там, где вы ходите. Вы в театр идите, в библиотеку, в музеи. Вон у вас их сколько! Именно там и нужно знакомиться. А вы все больше по ресторанам да по дискотекам. Хотя последнее тоже допустимо. Мы с Ромой на дискотеке познакомились, да, Рома? – спросила Катя.

– Да, прелесть моя, на дискотеке. Но я тебя еще до дискотеки приметил, когда ты с круглыми глазами зашла со своей подругой к инженеру по технике безопасности, – ответил, улыбаясь Рома. –

Я как раз у него в кабинете был, но ты почему – то меня не заметила. А дискотека и лекция, это уже запланированная мною акция, чтобы с тобою познакомиться.

Катя по – новому посмотрела на своего старого друга. Она давно замечала, что он влюблен в нее по уши. Но что лекцию и дискотеку он специально организовал для нее, она услышала впервые.

День рождения прошел весело и непринужденно. Кате очень понравились новые друзья. Они читали стихи Есенина, пели романсы. И Кате казалось, что она знает их всех очень давно.

«Как в сказке двенадцать месяцев, – подумала Катя. – Они сидят вокруг меня, стараются развеселить и все время расхваливают своего лучшего друга Рому.

Катя все узнала о своем новом друге, начиная с детского сада и заканчивая, полученным дипломом в институте. Она все больше и больше влюблялась в него и все больше и больше убеждала себя, что Нинкина Камасутра ей сегодня пригодится.

– Все – все, вам пора всем домой, – сказал Рома, поторапливая своих друзей к выходу.

Катя засобиралась вместе со всеми.

– Катя, а ты куда? – спросил ее испуганно Роман. – А посуду мне помочь убрать? – добавил он, смущаясь.

– Давай мы поможем, – засмеялись друзья. – Мы что, никогда тебе не помогали?

Ребята вообще не хотели уходить. Они до конца не верили, что Катя совсем не пьет и не курит. Они все ждали, что она не выдержит и сорвется. Но Рома уже начал на них сердиться и подталкивать их к выходу.

Когда они веселой, дружной компанией стали выходить из квартиры, рыжеволосый Сергей задержался и, подойдя к Кате, шепнул ей на ухо:

– Катюха, ничего не бойся. Не отдавайся ему до конца. Оставь, пожалуйста, и мне чуть – чуть.

– А что, так заметно, что я собираюсь это сделать? – шепнула ему девушка в ответ.

Сергей махнул ей в знак согласия головой, и одновременно подмигнул.

Катя засмеялась и покраснела.

– Хорошо! – добавила она новому другу и тоже махнула ему в ответ головой, подмигнув.

Как только дверь за ребятами закрылась, Рома подбежал к Кате, стал перед нею на колени и сказал:

– Прости меня за моих друзей, как они меня достали, да и тебя, наверное, утомили.

– Совсем нет. Очень понравились! Давай убирать со стола, – сказала Катя.

– Да ну его, этот стол. Катя, я тебя люблю, – вдруг выпалил он. – С первого взгляда, как увидел. А ты веришь в любовь с первого взгляда?

– Верю, – ответила Катя, погладив Романа по голове.

Рома взял ее руку и стал нежно целовать ее.

– Я очень, очень люблю тебя, – сказал он. – Я вот так хочу просидеть с тобой всю оставшуюся жизнь.

Рома встал, взял Катю на руки, покружил по комнате и осторожно положил ее на диван. Он нежно стал целовать ее, потом все сильнее и сильнее покрывать ее лицо, губы поцелуями, задыхаясь от нахлынувшего чувства любви.

У Кати от странного ощущения чего – то необыкновенно – красивого закружилась голова.

«И зачем люди пьют? – подумала она вдруг. – Ведь можно и не пить, чтобы голова кружилась!»

А вслух сказала:

– Погоди, Рома. Где у тебя ванная комната? Я сейчас приду?

– Хорошо, хорошо, – сказал Рома и понес ее в ванную на руках.

– Принеси мне, пожалуйста, полотенце и повесь его на ручку двери, – сказала Катя.

– Я мигом, – добавил он обрадовано и побежал выполнять ее просьбу.

Он быстренько принес ей полотенце, по – солдатски быстро убрал все со стола на кухню, разобрал диван, и постелил накрахмаленное чистое пахнущее белье.

Когда Катя в одном полотенце вернулась из ванной, она улыбнулась увиденному: в розовом освещении напольного торшера лежал в ожидании любви ее первый в жизни мужчина.

«Видно, он давно все приготовил к первой брачной ночи, – подумала Катя, зайдя в комнату. – Почему мне так страшно? Я же никогда не была трусихой. Нужно же когда то начинать!».

Сердце, казалось, выпрыгнет из груди. «Наверное, так страшно мне было, только когда я прыгала с парашюта! Почему так страшно все начинать первый раз? Одно и то же волнение, как перед смертью. Господи! К чему это сравнение? В такой момент, – подумала Катя. – Ладно, я ничего не знаю и не умею. Но, Рома же, уже взрослый мужчина, двадцати семи лет, он все уже знает, и он, конечно, догадывается, что у меня сегодня первый раз. Так, что там написано в Нинкиной Камасутре? А нужно, прежде всего, расслабиться и отдаться чувствам. Какие чувства? У меня один какой – то бардак в голове! Девочки говорили, что если я сейчас

не пересплю с мужчиной, то могу сойти с ума в двадцать два года!»

Все эти мысли лихорадочно пронеслись в голове у Кати, пока она медленно шла от двери к дивану, на котором ее ждал Рома. Он лежал под простынкой, улыбаясь и немного смущаясь. Катя подошла к нему и прямо в полотенце легла рядом с ним. Молодой человек лихорадочно стал разворачивать этот белоснежный кокон, доставая оттуда свою розовую, горячую и нежную Катю. Он покрывал поцелуями ее молодое красивое тело и все время говорил:

– Боже! Как я тебя люблю! Как я давно этого ждал! Как я хочу тебя!

Катя испуганно дрожащими руками ласкала своего первого мужчину, постепенно она стала чувствовать, что ей нравятся его прикосновения, и это совершенно новое чувство охватило ее с новой силой. Тело стало откликаться на Ромины ласки. Комната поплыла вокруг их дивана в медленном вальсе любви. Катя слилась с Ромой в одно целое. Она уже не знала, где она, где Рома. Чувства накрыли ее огромной волной ощущений, которых до этой ночи она не испытывала никогда. Она вспомнила Нинкину «Камасутру», и подхватила общий темп любви, который и пугал, и ждал продолжения, и захватывал ее целиком, и с волнением искал выход захватившим эмоциям.

Рома аккуратно пытался овладеть ею. Страх усиливался. Катя знала, что в первый раз бывает очень больно, но нужно потерпеть, чтобы не обидеть любимого. А для этого нужно расслабиться и помогать партнеру. Она нежно ласкала Рому, и чем больше она изучала его тело, тем страшнее ей становилось. Впервые с нею вместе лежит в постели настоящий мужчина. Рома медленно входил в нее, и вдруг резкая боль, какой – то щелчок внутри разорвался, как бомба. Ей показалось, что этот звук эхом отозвался не только у нее в теле, но и эхом разлетелся по всей комнате. Катя видела и слышала, как хорошо в этот момент было Роману, и заметила, что новые ощущения полностью овладели ею. Она с радостью осознала, что стала женщиной, настоящей женщиной. Она радовалась этому больше всего на свете! И что боль уже позади, и что она очень нравится Роме. И что ей с ним приятно. И когда все произошло, они лежали рядом, держа друг друга за руки, и улыбались, будто не виделись целую вечность.

Но вдруг один испуг сменился другим. Катя испугалась, что сразу забеременеет, резко вскочила, и сказала Роме:

– Мне нужно срочно в ванную.

Затем аккуратно поднялась с постели, увидела, что крови, как рассказывали подруги, нет. Она очень удивилась этому,

потому что ей казалось в этот момент, что она вся истекает ею. «Может быть, я еще девушка», – подумала она расстроено.

Но ее размышления прервал Роман. Он нежно завернул девушку в простыню, и понес ее на руках в душ. Рома также аккуратно поставил ее в ванную, потом отошел в сторону, стоял и жадно рассматривал ее красивое тело. Он не мог оторвать от нее влюбленного взгляда, потом взял душ и стал купать Катю, нежно прикасаясь к ней, как к богине!

– Катя, какая же ты все– таки красивая! Ты знаешь, у тебя фигура Венеры Милосской! Ты – Афродита! Катя, я никогда такого не видел! Боже, как красиво! Все, я больше не могу, – закричал он, схватил ее опять на руки и понес на диван!

Катя, как в тумане, опять отдавалась этой такой новой для нее страсти. Она не знала вообще, что нужно делать, но Нинкина «Камасутра» ее «выручила», и она стала ласкать Рому, насколько ей позволяла ее бурная фантазия.

А фантазии, какая была у Кати, точно не было ни у кого, потому что Рома задыхался от нахлынувших на него чувств, и Кате показалось, что он дважды потерял сознание. Кате в этот момент понравился секс, которого в СССР не было!

Кате нравился Рома весь целиком! Ей нравилось изучать каждую клеточку его тела. Ей нравилось это новое чувство превосходства над мужчиною, ей нравилось чувствовать, что он полностью в ее власти. Она стала настоящей женщиной, а как они себя ведут в постели, она совершенно не знала. Но догадывалась, что именно так все это и должно быть. Попробовав все позы Нинкиной «Камасутры» сразу, Катя успокоилась и забылась ангельским сном.

«Но почему у меня все – таки не было крови, как у всех? – подумала Катя засыпая. – Девочки говорили, что после первого раза кровь бывает всегда! А вдруг я все еще девочка? – испугалась она. – А вдруг у меня что – нибудь не в порядке и у меня не будет детей? Ладно, завтра пойду в библиотеку и попрошу у Нинки книгу о женском теле», – вздохнула Катя и тут же уснула.

На следующий день Катя проснулась, и почему – то ей стало сразу стыдно за вчерашнее.

«Почему за приятными ощущениями нужно расплачиваться на следующий день стыдом?», – подумала Катя.

Она осторожно посмотрела на Романа, который поставил на стол яичницу и стал резать сыр на завтрак.

– Ой, проснулась, моя красавица! Катя, как я тебя люблю! У меня такого никогда не было, – сказал он, подсаживаясь к ней и гладя ее по руке. – Ты – прелесть! Ты самая лучшая на свете женщина, которую я встречал!

– А ты первый мой мужчина. У меня ведь никого не было до тебя. У меня сегодня ночью было все в первый раз, – сказала Катя, обнимая любимого мужчину.

Роман удивленно посмотрел на Катю, отодвинулся от нее и, изменившись в лице, сказал серьезно:

– Катя, я тебя очень прошу, никому никогда так не говори больше. Ты ставишь себя в неловкое положение. Не расстраивай меня, пожалуйста. Вставай, будем завтракать.

Катя покраснела, посмотрела внимательно на Рому и грустно произнесла:

– Значит, у меня нет первого мужчины, прекрасно! Так могло быть только со мной!

– Катенька, я тебя и так люблю. Не нужно мне, чтобы ты была девочкой и все такое. Я у тебя никогда ничего не спрошу. Мне совершенно все равно, кто у тебя первый, поверь мне. Это вообще не имеет никакого значения. Но самое главное, не нужно врать. Это никому не нужно, понимаешь? Честно тебе скажу, девочки так в постели себя не ведут в первый раз, да к тому же и крови у тебя не было. Никому так больше не говори, хорошо?

Катя встала, схватила простыню, завернулась в нее и, еле сдерживая слезы, побежала в ванную. Так стыдно ей еще никогда не было.

«Вот дура! – ругала она себя. – Зачем я ему сказала, что была девственницей, нужно было сказать ему, что у меня до него уже было сто мужиков разных возрастов, может, это ему больше понравилось бы. Вот и спрашивается, – для кого я берегла свою девственность до двадцати одного года?! Дура! Думала, он опытный, понял все».

Она схватила свои вещи, оделась и, схватив с вешалки дубленку, выскочила из квартиры, осторожно прикрыв за собою дверь.

Вечером того же дня поезд мчал Катю с Розой обратно домой на юг. В купе никого кроме них не было. Они ехали как по заказу вдвоем и могли вдоволь наговориться.

– Роза, а ты от чего бежишь? Я бегу от позора. Зачем я вообще с ним связалась? Ой, у меня до сих пор такое ощущение, что он у меня там свой «инструмент» забыл, – сказала Катя, шагая по купе расставив ноги.

Роза хохотала, как сумасшедшая, слушая рассказ подруги о проведенной первой ночи.

– Катя, ты в своем уме?! Ты показала ему за одну ночь всю прочитанную тобой Нинкину Камасутру. А после этого у тебя еще хватило наглости сказать ему, что ты, – девочка, ой умора, не могу! Конечно, он не поверил. А ты что хотела?

– Я хотела, чтобы он мне верил! Как можно было взрослому мужчине, двадцати семи лет, не понять, что я на самом деле девственница. И находилась в стрессовой ситуации, поэтому вела себя подобным образом. Ну ничего, все к лучшему. Сдам сессию, окончу институт, буду работать по специальности. А этого своего первого мужчину вообще не вспомню. Он, если бы меня любил по-настоящему, как он говорил, должен был мне не верить. Тем более я повода ему не давала, во лжи ни разу не была уличена, – сказала Катя. – Тоже мне, питерская интеллигенция, они все помешаны на своих квартирах и прописках. Он, наверное, думал, что я с ним из – за его квартиры легла в кровать. И хотела его на себе женить. А я вообще замуж пока не собираюсь. И вообще никогда замуж не буду выходить, мне этот секс не понравился. И правильно, что его в Советский Союз не пускают, – сказала обиженная Катя.

Глава 42

– Мамочка! Мы возвращаемся в институт, – сказала Катя, обнимая маму.

– Тетя Оля, вы маме ничего не рассказали о нашем эксперименте работы на заводе? – спросила Роза, смущаясь.

– Нет, я не стала ее волновать. Я знала, что этим все закончится. Но вы должны были хлебнуть и другой жизни. Наша с Верой Большой ошибка была, что мы вам позволили сразу после школы в институт поступить. А нужно было оставить вас решать все самостоятельно. Не хотите учиться, – идите работать на завод. Все познается в сравнении. Я знала, что вы одумаетесь. Попробовали, сравнили? Да, надолго вас не хватило!

– А у вас как дела обстоят? – спросила Катя, обнимая маму.

– У нас все по – старому. Работа – дом. Твой брат Миша поступил в МГУ на истфак. Представляете, я вам сейчас такое расскажу! Какая тяга бывает к учебе! Мише дали общежитие в высотке в Москве.

Папа наш стоит на балконе на двадцатом этаже, курит и любуется панорамой Москвой. И вдруг по пожарной лестнице лезет с двумя чемоданами через плечо, весь мокрый, один абитуриент. И спрашивает папу: «Скажите, пожалуйста, это какой этаж?».

Папа чуть в обморок не упал и с балкона чуть не выпал от испуга, когда увидел.

Повернулся к нему и говорит: «Это двадцатый этаж. А вам какой этаж нужен, молодой человек?».

А он ему отвечает: «Ну еще немного осталось, всего десять этажей. Мне на тридцатый.».

Папа его остановил, затащил к себе на балкон, помог ему с чемоданами и спрашивает: «А почему вы лезете по пожарной лестнице?».

А он ему говорит: «А что, еще какая – нибудь лестница есть? Я, – говорит, – зашел в коридор, огляделся, нет никакой лестницы, вышел и снова зашел. Вот так и ходил вокруг здания. А потом увидел эту лестницу и полез.».

Представляете, он откуда – то из глухой сибирской деревни. Папа его накормил, чаем угостил, а потом показал ему, где находится лестница, и объяснил, что такое лифт. Затем научил молодого человека им пользоваться. Вот так и проводил в страну знаний будущего второго Ломоносова.

Девчонки смеялись, слушая Олю Снежко. И каждый в этот момент думал, что учиться все – таки нужно. И высшее

образование получить тоже.

После сдачи последней сессии Верочка Маленькая взяла Катю и Розу к себе в школу на стажировку.

– Сейчас лето, будете работать у меня уборщицами. Вам отдаю первый этаж. После побелки будете мыть все крашеные панели, потому что краска не возьмется на побелку, понятно, стажеры? – строго сказала новый директор школы.

– Понятно, тетя Вера. Ой, извините, Вера Даниловна, – сказали девочки, и приступили к своим обязанностям уборщиц на следующий день.

– Даже отпуск не отгуляли, – ворчала Катя. – Хотя, человек без отпуска, все – равно выдержит все. Главное – моральный настрой! Помнишь, как Алька приезжала к нам в Ленинград? И как мы с тобой в ночную смену на заводе отработаем, натаскаемся тяжестей, а потом придем в общагу и выводим Алю в свет: город ей показываем.

– Да, помню. А ты еще говоришь, что человек, может не есть, не пить, не спать, если настроится морально, – напомнила ей Роза. – И еще говоришь, давайте на спор, что я целую неделю не буду спать. Ночью в ночную смену буду работать, а днем, – Алю веселить!

– Да, а потом я всего три дня выдержала, а на четвертый день мы поехали на Озерки купаться, и я там уснула на озере.

– Мы тебя не смогли вообще разбудить тогда, чуть в ночную смену не опоздали на работу, помню, – вспоминала Роза, намывая мокрой тряпкой набеленные стены.

Девочки работали без перчаток. От известки у них разъело руки, и они стали у них колом.

– Ой, больно как! – запричитала Катя. – Послушай, Роза. У меня у папы в кабинете военного дела есть противогазы. Давай их возьмем и сухой тряпкой будем известку с этих панелей счищать, а потом тряпочкой вытрем влажной, и все.

– Давай, – обрадовалась Роза.

Они зашли в кабинет Евгения Петровича Черкашина, взяли два противогаза и стали пробовать их надевать, как учили на уроках военного дела.

– Смотри, Катя. Наши оранжевые коробочки, которые мы с тобой на заводе делали? – закричала Роза. – Да, представляешь, а вдруг это наши с тобой. Нашими руками сделанные? Приятно в руках держать результат своего труда!

– Точно, я вижу перелив на коробочке. Это твоя работа, – засмеялась Катя.

– А я недолив твой вижу, – стукнула подругу Роза. – Это твоя, точно твоя работа. Ты же мешок поднять не могла. Вот и недолив

у тебя шел! Ладно, хватит отдыхать, пошли работать!

Сухая побелка летела со стены так, что девочки только успевали протирать стекла противогазов. Плотным облаком обволакивало узкие коридоры школы номер три. Работа продвигалась быстро и слаженно. Насухую девочки намного быстрее продвинулись в своих трудовых буднях. Побелка садилась везде, и на окна, и на вновь побеленные потолки.

– Ужас, какой! Заставь дураков, вот какой результат получишь! – кричала Оля Снежко, забегая в свою любимую школу. – Катя, прекрати самодеятельность. Сейчас Вера Даниловна придет, она в обморок упадет от таких уборщиц.

– Вот видишь, инициатива наказуема! – сказала Катя, убегая от мамы.

– Быстро откройте все окна! И теперь еще вам работа прибавится: все окна будете в школе мыть.

– Лучше бы мы на заводе остались работать! – смеялась Роза.

– Роза, а ты чего все смеешься? Сегодня мама твоя приезжает, она только что отзвонилась, – сказала Оля Снежко.

– Тетя Оля, а что мы ей скажем?

– А что скажем? Скажем, что по нашим стопам пошли. На пятом курсе ушли на индивидуальный план обучения и решили пойти работать в школу номер три Шпаковского района. Иначе ты же знаешь, какая она на расправу у нас крутая. Нам всем тогда достанется, вот увидишь? Я Веру Большую не меньше твоего боюсь.

– Ой, да что вы тут так напылили?! – сказала вошедшая и кашляющая от летающей побелки любимая тетя Галя Снежко, младшая сестра Катиной мамы.

– Вот правду говорят, что у врачей больные дети, а учителей – дурные! Катюха, тебе телеграмма пришла! – продолжала она, кашляя.

Мне на почте сказали, что к тебе жених едет из Ленинграда. Ужас, дышать невозможно, кто все – таки это сделал? – продолжала возмущаться младшая сестра Оли Снежко.

– Наши новые уборщицы – учителя! – ответила ей старшая сестра.

– Тетя Галя, какой жених? – спросила Катя.

– Не знаю. Тебе, наверное, лучше знать какой. Роза, у нее там что, жених появился? – спросила тетя Галя строго.

– Да, был там один инженер. С квартирой, с машиной.

– Подождите, какой инженер? С какой квартирой, машиной? – спросила Оля удивленно.

– Мамочка, да они тебя разыгрывают. Не было никакого жениха, – сказала Катя и показала за спиной кулак Розе.

– Сходи на почту за телеграммой. Человек, может быть, стоит на вокзале, а его никто не встречает. Бегите на почту быстрее, – потребовала мама Кати.

Девочки побежали на почту вприпрыжку. И по дороге Роза, смеясь, сказала:

– Вот видишь, все – таки Нинкина «Камасутра» сработала! Ромка за тобой следом рванул!

– Да какой Ромка! Он уже и забыл меня, наверное.

– Да, твою Камасутру всюнощную забудешь, как же?

– Хватит, Роза. Не болтай ерунду всякую.

На почте они получили телеграмму такого содержания: «Прилетаю ставрополь 13 августа тчк встречай тчк люблю Рома тчк».

– Ура! – запрыгала Роза. – Я же сказала, что это Ромка летит к тебе.

– А зачем? – испугалась Катя.

– Наверное, прочел в умной книжке, что такое бывает в первый раз, если девушка танцами занимается и у нее растяжка есть, поэтому крови может и не быть. Вот он теперь едет извиняться, что обидел тебя и оставил без первого мужчины.

– Роза, да хватит тебе издеваться. Ой, я боюсь. И больше секса не хочу. Мне не понравилось.

– Ты что? К тебе человек со всем сердцем летит. Он же все время говорил, что самолетов боится. А ты? Жестокая ты все – таки Катька!

– Ладно, пошли, приготовим, что – нибудь к столу. Гостя встречать нужно по – южному, с хлебом, солью и мясом!

Вечером тринадцатого числа стояла Катя в аэропорту и тряслась как осиновый лист. Было даже страшнее, чем, когда она первый раз занималась сексом. У нее было смешанное чувство, – она очень рада, что Рома приезжает, и одновременно, – ей совершенно не хочется его видеть. Обида на него заслонила все те чувства, которые она к нему испытывала. Но когда она увидела красивого молодого человека, летевшего к ней на всех парусах, вернее, крыльях самолета, которого он боялся больше смерти, Катя улыбнулась и помахала ему рукой.

Рома уверенной походкой с дипломатом в руке шел навстречу своей любви. Он подошел к девушке, видно было, что он очень волнуется. На ходу он стал раскрывать свой дипломат, из него посыпались желтые тюльпаны.

«Господи! – только и успела подумать Катя. – Желтые тюльпаны к расставанию. Желтый цвет к разлуке. Ничего у нас с ним не получится. А жаль!».

А вслух сказала: – Привет! Какой ты молодец, что приехал в

гости!

– Мне так плохо было без тебя, Катя. Я правда люблю тебя.

– Ладно, ладно, мы об этом потом поговорим, – сказала Катя и поцеловала друга в щечку.

– Ты мне не рада? – спросил Рома расстроено.

– Нет, почему? Очень рада. Пойдем – пойдем, вон нас такси ждет.

Когда он зашел в Катин двухэтажный коттедж, он не удержался и присвистнул:

– Ничего себе, как южане живут! Да вас раскулачивать нужно!

– Это маме моей коммунисты этот коттедж бесплатно подарили за хорошую работу, – сказала Катя, улыбаясь.

– Хороший подарок! А у нас в Питере почему такие не дарят за хорошую работу?

– Не знаю. Может, у вас уже подарком считается, что вы в Северной столице живете?

Роман с интересом рассматривал родовое гнездо Кати. Поднимаясь на второй этаж в комнату для гостей, он не переставал удивляться, как резко отличалось жилье провинциалов от столичных высоток. Коттедж был оформлен очень уютно. На стенах висели картины с пейзажами южной природы. Тюльпаны, нарциссы ярким пятном вырисовывались на центральной стене лестничного прохода.

На втором этаже находились три спальные комнаты, комната для гостей, рабочий кабинет и ванная комната. Расположившись в своей комнате, приняв душ после дороги, Роман спустился к столу, который девочки со вкусом накрыли в зале. Стол ломился от разных сортов мяса. Они встречали своего друга с размахом, как это любят южные люди и, конечно, с шашлыками!

– Здравствуйте, молодой человек, – улыбаясь, сказала Оля Снежко, заходя в коттедж. – Очень рада познакомиться. А дочь у меня такая скрытная. Вот ведь такого друга от нас скрыла!

– Так она вам ничего обо мне не говорила? – спросил Рома, смущаясь.

– Ничего, – подхватил разговор Евгений Петрович. – Она сказала, что решила продолжить учебу в университете, поэтому вернулась. А что у нее такой очаровательный друг появился, не сказала.

– Я ведь не просто так приехал, – сказал Роман Катиным родителям. – Я руку и сердце приехал просить у вас, – добавил он.

У Кати округлились глаза, когда она это услышала. Она посмотрела на Рому, потом на удивленных родителей, потом на открывшую рот Розу и чуть не упала в обморок.

– Ну, раз такое дело, мы согласны, – сказал папа Кати.

– Папа, ты что? – рассердилась Катя. – А у меня вы спросили?

– Да что тут спрашивать. Парень серьезный, сразу видно. Не прохвост, что тут думать. Если долго думать, можно в девках засидеться. Да тем более, характер у нее ужас. Я вам, молодой человек, уже сочувствую!

– Папа, ну ты даешь! Разве так дочку выдают замуж?

– А я сразу правду-матку люблю говорить, чтоб потом зять не обижался, – сказал Евгений Петрович Черкашин.

– Все, хватит, давайте садиться за стол! – спохватилась мама Кати. – А то сейчас напугаем жениха, он сразу и сбежит.

– Мама, ну вы даете! – засмеялась Катя. – Вот, Рома, видишь, как дочку из дома выгоняют.

– А мне это на руку. Пусть выгоняют. У тебя в Питере, считай, квартира уже есть! Нам есть куда ехать.

– Спасибо, добрый молодец! – сказала Катя и отвесила другу радушный поклон.

Вечером все дружно обмывали Катину помолвку. Собрались за столом все родственники, жених им всем очень понравился. А вот Катя все сидела и ждала, самых долгожданных слов извинения за то, что друг ей не поверил и хочет перед нею извиниться. Но ни в первый, ни во второй, ни в третий день Катя от него этого не услышала…

Гостю специально выделили отдельную комнату. А Катя под всяким предлогом не оставалась с ним наедине. Он признавался Кате в своей любви. Родители уговаривали ее выходить за него замуж. А она все ждала, когда он ей скажет, что понял свою ошибку. Но, не дождавшись, Катя подошла к нему сама и сказала ему:

– А ты ведь знаешь, я тогда ведь правду тебе сказала, что ты – первый мужчина у меня.

– Катя, ты опять начинаешь, – раздраженно сказал Рома. – Я тебя очень прошу, никогда больше никому такого не говори, ну как ты не поймешь, что ты себя ставишь в неловкое положение!

– Конечно, теперь точно никому не скажу. Потому что ты был моим первым мужчиной. А теперь я никогда с тобой в постель не лягу. А всем остальным, кто будет после тебя, естественно, буду говорить, что он у меня – второй или двести двадцать второй! А тебе, Рома, лучше уехать домой без меня. Я не хочу выходить за тебя замуж. Я тебя не люблю!

На следующий день Роман уехал, а Катя проревела весь день.

– Роза, ну если он меня любит, то обязательно еще раз приедет, ведь так же? А если не приедет, значит, и не любил никогда!

– Не приедет он больше к тебе, дура ты. И сдалась тебе это твоя первая ночь? Он парень взрослый. А ты его, как мальчишку, к себе даже не подпустила. Родители уходили к бабушке ночевать специально, чтобы вы одни в коттедже были, думаешь для чего? Думали, что у вас что – нибудь получиться. А ты все сама испортила. И чего ты ждешь теперь? Ты его больше точно никогда не увидишь! – кричала на подругу Роза.

– Спасибо, успокоила, – плакала Катя. – Если начинать жить и не верить другому человеку, то какая это будет жизнь?

– Спроси об этом Нинкину Камасутру! – зло ответила Роза.

Глава 43

А за окном метель. Такая южная красивая метель. Мелкие снежинки сыплются с неба как манна небесная: снежинок много, все мелкие и нежные, как пушинки. И непонятно становится, откуда они летят?! Можно подумать, они спускаются с голубого чистого неба, или, может быть, они нежным облаком поднимаются с белоснежной чистой земли.

Снежная круговерть обволакивает тебя белым облаком, которое вращается вокруг тебя, гладит тебя по лицу так ласково, так нежно, что даже захватывает дыхание, и поэтому хочется, чтобы эта метель никогда не заканчивалась.

Лидия Васильевна Николаенко, единственный и несменный директор школы номер восемь в селе Горькая Балка идет своей протоптанной тропинкой к своему постоянному месту работы. Она подставляет южной метели такое же доброе и красивое лицо, которое не изменили время и беды, сваливавшиеся на ее хрупкие плечи. Украинка в маленьком русском селе была самым известным человеком.

Ее уважали все от мала до велика. Ефима Ефимовича, конечно, будут всегда помнить все учителя, ученики и их родители. Такого руководителя никогда не забудет земля русская. Такого домашнего директора, с мощной светлой энергетикой, всегда будут вспоминать с любовью.

Нормы и правила поведения преподавательской семьи передавались после него из поколения в поколение. Лида шла, улыбалась и вспоминала свои студенческие годы, вспоминала Олю Снежко, Веру Большую и Верочку Маленькую. Круговорот жизни так закрутил их судьбы, и так разбросал их по белу свету, что они вынуждены продвигать в жизнь добрые традиции Ефим Ефимовича в разных городах, где они проживали. Незаметно их дети тоже подхватили семейную эстафету сельского учительства и продолжали гордо нести традиции Ефима Ефимовича, которые будут жить вечно!

Вот и Оля Курбатова, дочь Маленькой Веры, по распределению после окончания педагогического института прибыла на работу в маленькое село Горькую Балку.

Верочка Маленькая не только назвала свою дочь в честь Оли Снежко, она еще и попросила свою любимую подругу стать для ее дочери крестной матерью.

В селе все удивлялись, что дочь Верочки Маленькой по характеру и манере общения очень напоминала всем Олю Снежко. Молодой толковый специалист, отличный педагог, Оленька

Курбатова приехала в село Горькая Балка по распределению. А дочери Веры Большой и Оли Снежко, – Катя и Роза, остались работать в Шпаковском.

Дети Лиды Николаенко не все пошли по стопам мамы. У Лидии Николаенко младший сын был врачом. А старший, – инженером. Средняя дочь, Валенька, единственная окончила пединститут и стала воспитательницей детского сада.

Но в дом Лидии Васильевны Николаенко вместе с новыми временами пришла большая беда. Старший, любимый сын погиб в поезде. Он возвращался из командировки домой, но не понравился своей славянской внешностью попутчикам с Кавказа. Парень был молодым красивым человеком со светло – русыми волосами и голубыми, как небо, глазами.

Он всегда отличался от своих сверстников независимым характером. И раздражал в поезде своим неприступным видом этих отморозков, которые только своим ничтожным существованием подорвали авторитет целой нации под названием, – чеченцы. Кому нужна была эта война? Внешним или внутренним врагам? Дружили, любили, учились все национальности вместе. Никогда и никто не разделял своих друзей по национальным признакам. Но не нашлось более тонкой нити, чтобы рассорить дружный советский народ, как разжигание национальной розни. Страшные времена начались на Кавказе.

Никому не нужные времена. В любой войне победивших нет! В любой войне есть только проигравшие! В любой войне есть смерть и потери! В любой войне есть зло! А зло – это и есть разрушение: духовное, физическое, территориальное, материальное. Пьяные трусы боевики – четверо на одного! Позор всей нации!

Казнили старшего сына Лидии Васильевны в поезде. Они вчетвером его убивали, издевались над ним, потому что он веровал в Бога! Он любил Бога! И его распяли, как сына Бога!

Лидия Васильевна долго не могла оправиться от такой потери. Все три подруги, бросив свои дела, были рядом с нею в те ужасные времена. Приехали в Горькую Балку подруги и их дети. Они все очень любили ее старшего сына Илью Петрова.

Кто же тогда знал, что эта война заберет самых молодых и самых лучших и с той и с другой стороны! Эта война унесла многие жизни и русских, и чеченских парней…

В те страшные времена и свела судьба Катину одноклассницу прибалтийку Милу Солодовскую и однокурсника чеченца – Зураба. Все происходило очень быстро. В районный отдел милиции забежали боевики и, захватив всех сотрудников в плен, требовали одного, чтобы им предоставили самолет и автобус.

Они по одному выводили заложников на улицу и расстреливали их.

Дошла очередь до Милы. Негнущимися ногами подходила она к выходу, но человек в маске подошел к ней и сказал, подводя ее к двери:

– Ты свободна, Мила, помнишь тот вечер в ресторане в селе Шпаковском, когда мы были в гостях у твоей одноклассницы и моей однокурсницы Кати Черкашиной? Прощай, передавай привет Кате, а теперь беги!

Человек в маске выстрелил в воздух. И зашел снова в помещение. Из всего РОВД осталась в живых только Мила. Когда она встретилась с Катей, она рассказала, что это был Заур.

– Не может быть! – кричала Катя. – Этого не может быть! Он самый добрый был однокурсник у нас в группе.

– Я узнала его по глазам и голосу, – сказала Мила. – Это был Заур.

– Зачем, зачем он пошел на эту войну? – кричала Катя. – Кому нужна эта война? Столько молодых и красивых людей она унесла! Сколько ненужных дней и ночей потеряно! Сколько друзей пропало! Кому нужна эта война?

Первое сентября произошла трагедия и в школе номер три: на школьной линейке были взяты в заложники Кавказцем и его сыном Индейцем с группой отморозков-боевиков ученики младших классов. Оля Снежко и Верочка Маленькая, рискуя жизнями, вывели всех учеников через подземный тоннель, предназначенный для тира, который Оля Снежко так и не успела закончить и о существовании которого не знали боевики.

А Евгений Петрович Черкашин вместе со старшеклассниками, вооружившись в военном кабинете, как могли, прикрывали учеников вместе с любимыми учителями. Они отстреливались от бандитов, проходя практические занятия, играя в любимую игру «Войну» по – настоящему. Быстро среагировали Омоновцы и захватили этих отморозков. Все очень удивились, когда увидели, что Ведьма Гундосиха причитала над телом Кавказца. Он оказался ее сыном и умер от многочисленных ранений на ее глазах. Перед смертью он тихо признался Гундосихе, что их дело на Кавказе продолжает «Волчица».

Кто она никто, конечно, не знал…

Когда об этом узнала Лидия Васильевна Николаенко, она долго не могла поверить, что все это происходит с нею и ее любимыми подругами в их любимой стране. Долгими зимними вечерами сидела Лидия Васильевна Николаенко с Олей Курбатовой и вспоминала свою молодость, вспоминала своих девчонок, вспоминала свою такую короткую и такую длинную

жизнь, которая принесла ей очень много горя и испытаний. Но, как сильный человек, она стойко выносила все удары судьбы и никогда никому не жаловалась. Она была фаталисткой: верила только в судьбу.

– Кому суждено, тот и погибнет, и ничего с этим не поделаешь, – говорила Лидия Васильевна, вздыхая. – У каждого своя судьба.

– Лидия Васильевна, почему так в жизни происходит? Вместо цивилизации и роста мы имеем нищету и пороки! Эволюция переходит в другую стадию? В стадию деградации? – спрашивала ее Оля Курбатова.

– Олечка, эволюция и деградация в душе у каждого человека происходит. А кто, что выберет, зависит только от него самого. Вот тебе пример из жизни: семья Вышаковых.

Старожилы Горькой Балки. Мы вам еще рассказывали, как они нас первыми встретили на вокзале, когда мы, четыре девчонки, приехали поднимать грамотность в село, и как они приютили нас. Они были замечательными людьми: добрыми и гостеприимными. Но они выбрали деградацию, а не эволюцию. Алкоголь убил в них личность. Они опустились, перестали ходить на работу, превратились в ограниченных грязных беззубых пьяниц. Их выгнали из школы за пьянство. Еще Оля Снежко, Катина мама, директором школы была, она выгнала Людмилу Егоровну. А уже затем, когда я была директором, то пришлось уволить и Владимира Владимировича, отца семейства. Плакала, когда увольняла, но уже не могла ничем помочь, указание поступило сверху.

Их уже давно нет в живых, очень жаль, что сгубили они себя молодыми заживо. Ведь какими талантливыми людьми были. Жаль, что дочь их младшая, Вышакова Лариса, тоже пошла по их стопам. Видела ее недавно, высохшая вся, идет, глаза стеклянные, никого не видит. Она ровесница Кати и Розы. Вот воспитывались все одинаково, росли все вместе одной учительской семьей; продолжали традиции Ефима Ефимовича, а жизнь каждый выбрал по своему вкусу: кто деградацию, а кто эволюцию. А мы, учителя, переживаем, что это наша вина, что не донесли, не объяснили, не научили жить. И так будет до конца нашей жизни. Мы несем этот крест, потому что мы выбрали такую профессию. Вот тебе, Оленька, скорее всего, придется взять эстафету у меня. Ты после меня будешь директором этой школы. Я чувствую твою хватку. А школу мы отдаем после Ефима Ефимовича из поколения в поколение только в достойные руки. Ты будешь следующим директором нашей любимой школы! А как там, кстати, наши девочки? Как Катя и Роза?

– Они сейчас работают в Институте повышения квалификации. Катя работает заместителем руководителя, а Роза завучем там же. Им очень нравится. Коллектив, говорят, отличный! Правда, в основном, как всегда, женский. Но ничего. Их это не расстраивает. Замуж они все равно не собираются. Потому что парней достойных нет. Забрала одна война, другая, третья всех ребят. Женщин сейчас больше, чем мужчин, – это раз. Оставшихся парней убили наркотики и пьянка – это два. А, в – третьих, упустили мы время, когда нужно было замуж выходить. Мужчин свободных не осталось. Вот и приходится работать в женском коллективе, отдыхать на девичниках, в театр ходить только с подругами. Не очень хорошие времена настали. Демографический криз. Женщины могли бы родить, но денег не хватает даже себя одну прокормить, не говоря уже о детях.

– Глупости все это! Отговорки, – сказала Лидия Васильевна возмущенно. – Если ты сможешь прокормить себя, то поверь мне, ты можешь поделиться еще с тремя. Это наукой подтвержденный факт. Все зависит от количества поделенной трапезы между вами. А сколько каждый из вас, живущих в городе, выбрасывает вещей на свалку? А могли бы отдавать, как у нас в селе, друг другу. Мы знаем, кто у кого родился. Какие вещи можно привести в порядок и подарить. А кто уже вырастает, тот видит, что Мишка – сосед, или Машка тоже подросли, и с удовольствием отдают вещи, которые почти не носили, в надежные руки. В войну рожали, на сеновале рожали, и в поле рожали, и ничего. А мы себя теперь любим очень, вот и ищем себе оправдание, чтобы замуж не выходить и не рожать.

– Может, оно и так! Но когда учились, никого не хотели знать, а когда оглянулись после учебы, вокруг никого уже нет. Кого уже подобрали, кто уже спился, а кто уже в тюрьме, – засмеялась Оля Курбатова.

– Оль, а как там мама? Верочка Маленькая у нас всегда была такая дразнилка – хохотушка.

– Мамочка все с папой воюет. А он у нее генеральские погоны снимает по вечерам, когда она домой приходит из школы. Директор из нее получился что надо! Правда, сейчас она уже не такая хохотушка, но иногда как заведет свои «дразнилки – хохотушки», как вы говорите, так нам места с папой мало.

– Да это издержки нашей директорской работы! По – другому нельзя. Строгость всегда нужна. Учителям сейчас труднее, чем нам тогда было. Сейчас и ученики другие, и родители. Странно, но раньше учителей хотя бы родители боготворили, а сейчас все кому не лень ноги о нас вытирают. И родители, и их дети. Но во всем, мне кажется, родители виноваты. Как они не могут понять,

что нужно работать в унисон: учитель и родитель. Только тогда будет положительный результат. Но, если, родитель говорит своему чаду:

«Да этот учитель дебильный!» Как тогда можно чему – то научить их ребенка? Он смотрит на учителя, который пять лет отучился на «отлично» в институте, и хочет поделиться своими знаниями с их ребенком бесплатно. А их чадо сидит, высокомерно смотрит на учителя и не слышит ничего. А зачем? Ведь учитель же дебил!

– Точно! А потом ходят и требуют результата от учителя. А где его взять? Вот и мне мама рассказывала, как раньше и дети, и родители с учителями вполголоса разговаривали. Уважали бесконечно! Я не беру во внимание ее самый первый урок, который по неопытности она сама себе сорвала. Растерялась, с кем не бывает. Она мне часто эту историю рассказывает и о Евгении Петровиче с его сигаретами и Валькой – Курилкой. Смеется, когда все это вспоминает. И поэтому она очень оберегает своих молодых учителей. И говорит, что в наше время намного сложнее стало в школе работать. Ценности поменялись.

И сейчас в прямом смысле ноги об учителей вытирают все.

– Как это в прямом смысле?

– Да Катя рассказывала, что они с Розой еще до Института повышения квалификации стали работать в маминой школе. Ученики были неуправляемые. Особенно отвратительно вел себя один из учеников, сын заведующего районо. Его все ученики боялись, да и учителя побаивались тоже. Такой мажор, сын начальника всех начальников! Так вот Катя пришла в класс. Он смотрит, – учительница молоденькая почти ему ровесница. Мажор, чтобы класс повеселить, подошел и толкнул ее в спину ботинком, подошву которого натер школьным мелом. А сверху на плечо еще и шкурку от банана повесил. Катя развернулась, смотрит ему прямо в глаза, а он ей говорит: «Вижу, ударить меня хотите. А вам же нельзя. Я маме скажу, и вас уволят, и вашу директрису уволят тоже». А Катя ему говорит на ушко: «Ты прав, я тебе ничего не могу сделать. Но у меня есть люди, которые никакого отношения к школе не имеют, вот они – то с тобой и поговорят.»

А у Кати как раз сосед был хулиган отпетый, только что из тюрьмы вернулся, по – малолетке сидел. Катю он просто обожал за ее душеспасительные честные беседы. Она к нему подошла, рассказала обо всем, попросила поговорить с мажором по – мужски.

– Оля, ну это же не педагогично! Так нельзя! – забеспокоилась Лидия Васильевна.

– А учителей одного за одним из школы из – за него увольняли, так разве можно? Одна учительница не выдержала, толкнула его, так он справку принес, что у него селезенка разорвана. Все, посадили учительницу. А у второй учительницы муж хотел с ним поговорить, так он и на него нажаловался, и у того на работе тоже неприятности были.

– А у Кати были неприятности из – за него?

– Нет, как ни странно! Никто не знает, что этот тюремщик – хулиган сказал избалованному мажору. Только на следующий день пришла в класс Катя и спросила: «А где Андрей Монич?»

Фамилия такая у него была. А ей говорят, что он перевелся в другую школу. Намного позже она узнала, что их семья вообще из нашего села переехала жить в другой город. Вот видите, против одной силы всегда есть другая сила.

– Оля, все равно так нельзя, понимаешь?

– Да понимаю я все, Лидия Васильевна. А как с такими экземплярами, как Монич быть?

– Только уважение и сила личного примера!

– К кому уважение?

– Ко всем ученикам и их родителям. Это наш с вами крест, и мы должны его донести до конца достойно! И ни в коем случае мы не должны опускаться до их уровня. Мы должны сделать все, чтобы они до нашего уровня поднялись.

Глава 44

Свой крест Катя и Роза несли достойно в институте повышения. Они четко поняли свою позицию, по отношению к учительской деятельности после того случая с мажором Моничем.

– Детей мы точно не любим, наверное, – говорила Катя.

– Или они нас, – поддержала подругу Роза. – Мы правильно сделали, что ушли в Институт повышения квалификации, и хорошо сделали, что не в Институт повышения квалификации учителей. А повышение квалификации государственных и муниципальных служащих. Мы эстафету Ефима Ефимовича пронесем достойно здесь.

В селе Шпаковском открылся при Институте повышения квалификации Центр повышения квалификации государственных и муниципальных служащих. Даже не в селе, а уже в городе. Потому что село Шпаковское переименовали в город Михайловск. Все было, как прежде, только льготы учителя потеряли, да коммуналка выросла. Вот и весь плюс. Старожилы все так же продолжали называть город Михайловск, Шпаковкой, потому что не видели разницу. Что село, что город был похож на большую деревню…

– Оля, давай пойдем попытаем счастья, – сказала Роза, читая объявление в газете, – «Требуются работники с педагогическим образованием.». – Пойдем, предложим свои знания.

– Хорошо, пойдем. Спрос не ударит в нос. Может там и зарплата будет побольше, чем в школе? – сказала Роза.

Они подходили к невысокому двухэтажному корпусу с тревожным биением сердца. Здание было красивым, с огромными окнами. Перед зданием в ряд стояли скамейки и росли голубые красивые ели. Рядом буквой «Г» стояло четырехэтажное здание. И эта буква «Г» будто отгораживала себе территорию. Территория была по – семейному уютная.

Открыв дверь в огромный холл, и одновременно в новую жизнь, Катя и Роза осторожно зашли и спросили, как найти ректора института.

– Посидите, сейчас вас позовут, – сказала секретарша, голубоглазая блондинка.

Личико девушки было нежно – розовое, как у куклы. Она ревностно осмотрела вошедших девушек. Гордо встала из – за стола и прошла с высоко поднятой головой, демонстрируя свой красивый костюм. Мимоходом спросила:

– По какому вопросу?

– По вопросу трудоустройства, – быстро нашлась Катя.

– А он вас ждет? – показала на дверь ректора кукла – блондинка.

– Нет, мы сами по объявлению пришли.

– Хорошо, ожидайте, – сказала она, заходя в кабинет.

– Главная начальница» разрешила ожидать, – шепнула Катя на ухо Розе.

Девчонки переглянулись и засмеялись.

Пришлось ждать минут двадцать.

– Наверное, не очень нужны специалисты такого профиля, как мы, – предположила Роза. – Может, пойдем домой.

– Нет, еще чуть посидим, – сказала Катя.

Пока они ожидали, когда ректор соизволит их пригласить, девушки видели, как в кабинет заходили какие – то мужчины, женщины. Одно было ясно, что к шефу все заходили с испуганными лицами. Все спрашивали у секретаря Светы:

– Шеф на месте?

– Да, – отвечала она.

– А как у него настроение?

– Сегодня вроде бы ничего, – констатировала факт «начальница-кукла», пытаясь изобразить интеллект на лице.

Катя и Роза встречали и провожали заходивших и выходивших мужчин и женщин, явно не видящих вообще никого и ничего. Они все куда – то спешили, были полностью погружены в свои мысли, поэтому на Катю с Розой не обращали никакого внимания.

– Светлана, позови девушек, что на работу пришли устраиваться, пусть заходят, услышали девушки уставший голос по селектору.

– Ну слава Богу, – сказала Катя и подняла Розу за руку.

– Пошли! Думала, что мы сегодня к нему не попадем.

Григорий Владимирович Хворостов очень внимательно посмотрел из – за очков на девушек. Казалось, он рентгеном прошелся по их мыслям и душам. Было страшно от долгой паузы, и сердце, которое точно было в пятках, вновь с бешенной силой подскочило комком к горлу и застучало со страшной силой вновь.

– Значит, вы, красавицы, прочли объявление, что мне необходимы педагоги. Вообще – то мне бы хотелось взять кандидатов, докторов педагогических наук. А вы, – литейщицы! Завод пластмассовых изделий. Учительницы английского языка, вот и все, что у вас записано в трудовых книжках. Лить у нас нечего, английский язык тоже все знают как родной. Вот только что вы педагоги – это все, что мне подходит. Но ладно, давайте, попробую взять вас в редакцию института. Одну из вас возьму редактором, а другую корректором. И то возьму только на месяц,

с испытательным сроком. Раз вы окончили Лингвистический университет, значит, с русским языком дружите. Вот вы, например, – обратился он к Кате, – смогли бы сочинить мне оду в стихотворной форме для моего лучшего друга – врача. Мы с ним уже сорок лет дружим, – спросил Григорий Владимирович.

– Да, смогу! – с перепугу ответила Катя уверенно.

Роза странно на нее посмотрела и подумала: «Ну что она еще и поэтесса, я точно не знала?!».

– А вы очень спокойная девушка, – сказал ректор, обращаясь к Розе. – Я думаю, у вас будет получаться искать блох в ее произведениях! – добавил он, улыбаясь. – Вас назначу корректором.

– Хорошо, – сказала Роза. – Так мы не поняли, вы нас берете или нет?

– Беру! – сказал Григорий Владимирович. – Но только на месяц с испытательным сроком. Завтра на работу к девяти ноль – ноль и без опозданий.

Девочки вышли растерянные от шефа, Григория Владимировича Хворостова. Посмотрели друг на друга, выйдя на улицу, они одновременно спросили:

– А почему мы с тобой о зарплате ничего не спросили?

– И правильно сделали. В Америке всегда нужно молчать и не спрашивать, сколько будут платить. Иначе не возьмут на работу точно, – сказала Роза.

– А ты все о своей Америке знаешь?

– Все. Ты же знаешь, я люблю ее за то, что у них в Конституции написано, что каждый человек имеет право на счастье.

– Ладно. Когда уедешь жить в свою Америку, меня хоть в гости не забудь пригласить? Только в гости, а жить в другой стране, как ты, я не хочу. Я с удовольствием бы жила в любом уголке нашей необъятной Родины, где говорят исключительно на русском языке, пусть даже на местном диалекте, но только по-русски. Хотя ты английский язык знаешь в совершенстве, ты в Америке будешь как дома. Но, ладно, как судьбе будет угодно, так и будет. Всему свое время. Слушай, а может, в Мурманск рванем, как тетя Галя?

– Нет, ты сама езжай жить в свой Мурманск, я жить буду только в Америке, – сказала Роза уверенно. – Да, кстати, а как у тети Гали складывается жизнь? Она же в Мурманске не осталась. Не вышла замуж за капитана?

– Она вернулась в Шпаковку и вышла замуж за настоящего сухопутного богатыря. Родила ему трех замечательных детей: Настю, Машу и Игоря. А ее муж, дядя Коля, ее очень сильно

любит. Он в ней души не чает. Каждый день ей привозит огромные букеты полевых цветов! У них очень хорошая, дружная семья. Но ты знаешь, она до сих пор вспоминает ту свою первую любовь, Витьку Шевцова. Она все время про него говорит.

– А ваша знаменитая тетя Ира – боевик?

– Ой, это точно, что тетя Ира, – боевик, мамина средняя сестра, – она все так же с очередным бандитом живет.

– С тем, который добрый внутри и страшный снаружи?

– Да. Тот самый Квазимода. У них такая «бойцовская любовь», что просто ужас! Этот «добрый» внутри ей палец недавно откусил!

– Как откусил?

– Она ему пробила голову кочергой по пьянке, а он ей палец откусил. Вот такая у них пьяная любовь.

– И правда ужас! – закрыла руками лицо Роза.

– Да это еще не ужас! А ужас то, что он до сих пор ревнует тетю Иру к погибшему мужу. Помнишь, который сгорел, который был председателем колхоза и пил со всеми без разбору. Так вот, наш Квазимода, один раз напился, а тетя Ира опять ему давай рассказывать, как она своего мужа сильно любит и какой он красивый был. А ее сожитель слушал все это, слушал, потом взял керосин, облил ее и сказал: «Я тебя сейчас к нему отправлю!» И представляешь, чиркнул спичкой и кинул в нее. Короче, ее со страшными ожогами привезли в больницу, она еле выжила.

– У вас тут и правда, как в Чикаго!

– А тебе Алька про Чикаго рассказала, да?

– О чем?

– О той новогодней ночи?

– Нет, ничего не говорила. А что?

– Да так, ничего, – сказала Катя.

Когда девушки пришли домой, они очень обрадовались, увидев Алю, которая приехала в гости.

– Аля! – закричали они. – Ты точно будешь сто лет жить. Мы только о тебе вспоминали, – запрыгала Катя.

– Я буду жить долго, это точно, – засмеялась Аля. – Я помню, как ты говорила, что человек может прожить сто двадцать лет, если будет соблюдать Божьи заповеди.

Аля осталась работать в Горькой Балке. Она вместе со своей родной сестрой по отцу, Олей Курбатовой работала в сельской школе. Лидия Николаенко была их наставницей и другом. Школа продолжала традиции Ефима Ефимовича. Аля после того, как ее уличили в воровстве, прошла лечение у лучших психиатров Москвы.

Девочки от нее не отвернулись. Всячески ее поддерживали и

ничего не рассказали про ее болезнь Верочке Маленькой и Магомеду. Девочки очень любили друг друга и дружили так же как их родители. Аля очень удивилась, что ее любимые подруги не стали работать в школе, а устроились в институт повышения квалификации.

Она часто приезжала в краевой центр на совещания, потому что работала завучем по воспитательной работе в Горькой Балке и по роду деятельности часто приезжала с учениками принимать участие в разных фестивалях. Каждую свободную минуту забегала к своим любимым подругам. Она была активисткой, и ее энергии хватило бы многим. Она была генератором всех идей. И своей открытостью располагала к себе многих. Она полностью поддержала выбор подруг в пользу института повышения квалификации государственных и муниципальных служащих. Она очень интересовалась политикой и собиралась выдвигать свою кандидатуру в местную Думу.

Глава 45

В институт девочки пришли ровно в 9-00, как и сказал Григорий Владимирович Хворостов. Они осмотрелись, прошлись по аудиториям, посмотрели на красивые стенды, висевшие на стенах, на слушателей – студентов, как их называли здесь. Зашли в учебный корпус. Познакомились с завучем Ниной Ивановной Дружковой, милой интеллигентной девушкой двадцати пяти лет, которая очень хорошо их встретила, напоила чаем, рассказала о структуре учреждения и отправила в типографию, где их давно ждали.

Когда девочки зашли в огромную светлую аудиторию на первом этаже, они увидели, что за компьютером сидит молодая женщина с короткой стрижкой, которая даже голову не повернула на их «здрасьте».

Роза и Катя осторожно подошли к своему начальнику и представились новыми сотрудниками. Никакой реакции не последовало снова. Девушка с короткой стрижкой, нервно озираясь по сторонам, что – то быстро удаляла из папок в компьютере.

– Здравствуйте, нас отправили к вам на работу. Может быть, вы дадите нам задание, что нужно делать? – спросила Катя у сидящей за компьютером девушки.

– Ничего не нужно! Я со всем сама неплохо справляюсь. Вы, наверное, на мое место пришли? Но знайте, мое место шеф никому не отдаст, кроме своей дочери.

– Да я, собственно говоря, и свое место плохо знаю, не говоря уже о вашем, – сказала равнодушно Катя.

– Тогда давайте знакомиться. Я – кандидат наук, заместитель руководителя Центра повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, – грубо произнесла новая начальница.

– Да, звучит! – сказала Роза. – Но ни о чем нам не говорит!

– Вы что, вообще бездари. А какое у вас научное звание?

– Никакого! Мы с улицы! – наклоняясь, сказала Катя. – А можно за вас подержаться? А то я никогда не видела настоящих ученых. Вот, оказывается, как они должны выглядеть? Короткая стрижка, короткая юбка, длинный пиджак! Нужно запомнить. Вдруг и я захочу эту, как ее, – ученую степень.

– Разрешаю до меня дотронуться на счастье! Тем более я здесь работаю сегодня последний день. Надоело все! Ухожу в универ преподавать, – сказала худенькая девушка, которая сама была похожа на студентку – первокурсницу.

– А зачем вы тогда все из компьютера удаляете, если уходите?

– Я хочу, чтобы тот, кто будет после меня работать, тоже, как и я, все начинал с нуля!

– А зачем вам все это? – спросила Катя.

– А вам что до этого? Вы очень любопытны или в перспективе думаете все – таки о моем месте работы?

– Абсолютно не думаю, потому что не знаю даже, что такое заместитель руководителя Центра повышения квалификации государственных и муниципальных служащих!

– И правильно делаете. Потому что я вам еще раз говорю, что это место он освобождает для своей дочери.

– А вот вы неправильно делаете, что уничтожаете свои наработки. Если бы все ученые после своего ухода удаляли то, что они создали, тихо, по – подлому, свои научные труды, диссертации, то тогда жизнь остановилась. И не было бы цивилизации.

– Слушайте, учительница. Да не пошли бы вы куда подальше. Вы сейчас в этом гадючнике поработаете и так же будете себя вести. Здесь каждый по себе и все против всех!

– Я пока этого не заметила, – не успокаивалась Катя. – А ваше действо меня взбесило до глубины души!

В кабинет зашла очень красивая длинноногая девушка со взглядом Лани. Она посмотрела внимательно на новеньких и спросила:

– А вы к нам насовсем или временно.

– Мы к вам пока на месяц испытания, а дальше видно будет!

– Отлично! – сказала красивая девушка. – Может, тогда кто – нибудь в командировку поедет в Москву с шефом вместо меня?

– Нет, я в Москву не хочу, вот если бы в Питер, то я хоть сейчас бы, – сказала Катя.

– Да и я еще за родителями не соскучилась, – добавила Роза, улыбаясь, – поэтому в Москву тоже не поеду.

– Возьмем на вооружение! У одной родители живут в Москве, а другая очень Питер любит, – улыбнулась девушка с глазами Лани.

– Меня зовут Лера. А вас как?

– Меня зовут Роза.

– А меня Катя. А нашего начальника зовут, – Кандидат наук, – показала Катя на сидящую за компьютером девушку, – я правильно поняла?

Лера улыбнулась и добавила, – Нет, мою подругу зовут Алевтина Петровна Недоспелова.

– Ну, это мы не будем запоминать, нам лишняя информация

ни к чему, – сказала Катя. – Все равно девушка уходит и притом так некрасиво!

Роза стала дергать Катю за рукав и тащить из типографии.

– Нет, а я не поняла, а кто нас тогда ждет? – не успокаивалась Катя, выходя в коридор.

– Лера, позови – ка, мне этих двух ненормальных, – услышали они за своей спиной, когда выходили из кабинета. – Я же их жду. Мне нужно им задание дать.

– Девочки, подойдите, пожалуйста, к Алевтине Петровне. Она вас зовет.

– Вот ты дура, Катька! А вдруг, она никуда не уйдет и будет наша начальница, и все, тогда нам копец!

– Да пошла она. Тоже мне пуп земли, кандидат наук. Ты видела, как она сидела и вздрагивала, оглядываясь, – никто не идет, пока свои наработки удаляла из компьютера. Можно подумать, она незаменима?!

Да незаменимых людей нет вообще, это точно! Мне мама моя всегда говорила: «Девочка моя, запомни одну вещь, делай свою работу хорошо и никогда не жди за нее вознаграждения. И если тебя вдруг не поймут и уволят, знай одно: о тебе забудут в тот же день, через десять минут, как ты покинешь кабинет.» Помнишь, как от моей мамы сразу отвернулись все, кто ей в глазки заглядывал, когда ее уволили из директоров!

– Да, помню! – сказала Роза.

– Так что, эта воображала вообще думает, что ее будут помнить в институте всю жизнь?

– Заходите девочки, – сказала ехидно Алевтина Петровна. – Вы уже написали оду стихотворную для друга шефа? Он ждет и очень сердится. А если Григорий Владимирович недоволен, то, значит, вы уволены, – зло засмеялась Алевтина Петровна Недоспелова.

– Сейчас сочиним, для нас это пара пустяков, – уверенно сказала Катя и взяла лист бумаги со стола. Она обратилась к красивой девушке Лере с умными глазами Лани. – Расскажите, пожалуйста, кто друг шефа, как он выглядит, какие у него есть человеческие качества, – уверенно спросила Катя, беря со стола ручку.

Роза посмотрела на подругу и подумала: «Во, дает! Как будто всегда оды писала!».

Как ни странно, но Катя написала стихотворную оду на одном дыхании. У нее получились красивые и добрые стихи.

– Ой, какая прелесть! – закричала их новая подруга Лера. – Такое ощущение, что ты с ним лично знакома. Иван Иванович получился живой и красивый. Так все в точку! Как тебе это

удалось?

– Талант не пропьешь! – откуда – то вырвалась из дальних глубин подсознания эта заезженная фраза.

Роза, как стояла, так и села с грохотом на стул, глядя на Катю круглыми глазами. Только Алевтина Петровна зло посмотрела на девушку и, хлопнув дверью, выскочила с дискеткой своих наработок из кабинета. За нею следом побежала к шефу радостная Лера со стихотворной одой.

– Видела, как не признает больше ни за кем первенство?! Только за собой? – спросила Катя, показывая на дверь. – Это и есть один из смертных грехов, – Гордыня!

– Катька, откуда у тебя этот талант открылся, – смеясь, спросила Роза.

– С перепугу, что уволят и от злости на эту напыщенную кандидатку наук. А что ведь правда классные стихи получились? Я сама от себя этого не ожидала.

– Давай я хоть ошибки посмотрю. Я же теперь корректор, – улыбаясь, предложила Роза.

– Давай, смотри, чтобы мы с тобой были на высоте! Что, мы хуже этой кандидатши наук? Да мы с тобой, да с Нинкиной Камасутрой знаешь какие стихи будем писать?! – воскликнула Катя.

И девочки залились громким смехом на всю аудиторию.

Им очень понравился первый рабочий день, коллектив и атмосфера, в которой они будут проводить большую часть суток…

Глава 46

Работа в типографии шла полным чередом. Выпускали информационные бюллетени, дидактический материал, готовили методическую литературу, сборники и доклады. Роза справлялась со своими обязанностями лучше всех бывших до нее корректоров. Ольга Викторовна Мищенко, директор типографии, была очень хорошим человеком.

Она была очень добра ко всем, никогда ни о ком не сплетничала, темперамента была такого, что за нею было не угнаться. Может, из – за того, что она была самым молодым начальником самого молодого коллектива.

А может, оттого, что от природы была страстной казачкой из Ростова. Она заставляла всех работать в своем темпе, и все старались успеть за нею.

Нужно сказать, что Григорий Владимирович умел подбирать кадры. Он был отличным психологом и всех своих сотрудников видел насквозь. Это был талант руководителя. Так построить свою работу, что каждый из работников думал, что он единственный и на нем все держится! А если что – то пойдет не так, то он подведет весь коллектив, и жизнь в данный момент для него закончится.

Григорий Владимирович Хворостов очень напоминал своим стилем руководства, – Ефима Ефимовича. И, похоже, нес эту эстафету тоже. Он всегда знал все дни рождения сотрудников. Одинаково поздравлял и начальников отделов и уборщиц. Находил для них самые нужные и теплые слова. Корпоративные посиделки по большим праздникам всегда были очень домашними и уютными, как и у Ефима Ефимовича в Горькой Балке.

«Может быть, настоящие хорошие руководители все похожи друг на друга, а плохие руководители стараются переплюнуть друг друга в жизненном соревновании, – «Кто хуже!» – думала Катя.

Жизнь института, в котором работали Катя и Роза, вращалась только вокруг Григория Владимировича Хворостова и была очень интересной и насыщенной.

Катя была поэтессой и редактором местного масштаба. Она подбирала, как ей казалось, нужную литературу. Носила ее пачками шефу. Тот все перечеркивал, оставлял нужные и важные для слушателей материалы и не переставая кричал на Катю, что ей нужно было идти в доярки:

– Что это у вас за уровень подготовки? Вы что, не можете

разобраться, где вертикаль власти, а где горизонталь? – кричал постоянно ректор института.

Кате было очень стыдно, что она действительно этого не понимала. Господи, да в чем же разница? Вертикаль, горизонталь, муниципальная власть, государственная власть. Все это такие страшные названия, что голова идет кругом. Она понимала одно: власть – это кормушка, к ней все стремятся! И какая разница, как она называется?

– Екатерина Евгеньевна, к нам завтра заезжают слушатели. Категория, – главные экономисты. Будьте любезны, подготовьте для них методический материал.

– Роза, какие экономисты? Какой материал? Григорий Владимирович со мной разговаривает, будто я ко всему еще и экономист. Наверное, я не выдержу испытательного срока. У меня голова идет кругом. Вот это круговорот событий! Все бегом! И не расслабиться вообще. А какой у нас в институте штат? В аудиториях тишина. В коридорах тоже. В кабинетах все заняты своим делом. А работа кипит. Как будто все происходит за кадром.

– Катя, ты не бойся. Все будет хорошо! Втянемся. Ты вспомни, на заводе было не легче.

– Да, везде хорошо, где нас нет, – сказала Катя и побежала в библиотеку.

В гостиничном корпусе на первом этаже находилась красивая и большая библиотека, гордость Григория Владимировича Хворостова. Там можно было найти все, что душе угодно. Сам большой любитель чтения, он постоянно самосовершенствовался. Красивый умный мужчина, – Григорий Владимирович Хворостов всю жизнь проработал на руководящих должностях, начиная от молодого задорного комсомольского работника, и заканчивая, – серьезным, принципиальным партийным руководителем. Он долгое время проработал в правительстве любимого края и вдруг сам изъявил желание поднять с колен бывшую школу повышения квалификации и превратить ее в Институт повышения квалификации, – Центр повышения государственных и муниципальных служащих.

Григорий Владимирович вообще был очень удивительным человеком, – за чтобы он ни брался, у него все получалось, и он всегда доводил дело до конца. И не просто доводил. Он доводил это дело до совершенства! После него годами держались и процветали наработанные им проекты. Таких людей, истинно преданных делу, оставались единицы! Именно таких людей государство должно было беречь, лелеять, и собирать по крупицам их опыт работы руководителя.

– Зиночка! – закричала Катя, забегая в библиотеку. – Помоги мне, пожалуйста, мне срочно нужны все новые наработки для экономистов. Для главных экономистов.

– Хорошо, зайди через пятнадцать минут, я подберу, – заканчивая допивать чай, сказала заведующая библиотекой Зина.

– А знаешь, я вот что еще сделаю. Я сейчас побегу к завучу, Нине Ивановне Дружковой, и узнаю, что именно им будут читать, какие лекции, – сказала Катя. – И пусть преподаватели, кто у них читает лекции, тоже побеспокоятся о том, какую именно литературу нужно для них подобрать. Нужно делать так, чтобы польза была от чтения их лекций. И если слушатель что – нибудь не понял, нужно ему помочь в этом разобраться при помощи дидактических материалов.

Катя вылетела пулей и побежала в учебный корпус. Благо все было продумано на территории института таким образом, что все находилось рядом, – и гостиница, и столовая, и учебный корпус. Райским уголком называли студенты – слушатели этот мир повышения своих новых знаний. А знания действительно были очень нужны людям, которые не имели и минуты свободного времени у себя в селе, в городе, в районе. Потому что все заняты своими каждодневными проблемами.

А решить их не всем удается сразу, потому что, – начиная свой первый рабочий день на вновь полученной должности: главного экономиста, главного бухгалтера, главы города или села, – человек сразу теряется и начинает паниковать, не имея достаточно опыта и знаний.

Например, жил человек, был директором школы в маленьком далеком селе. И вдруг его выбирают главой районной администрации. А он не знает, с какой стороны подойти к своему «новому креслу».

А здесь его сразу правительство края за свой счет из краевого бюджета отправляет на двухнедельную учебу. Там ему все покажут и расскажут о новой должности и, самое главное, юридически подкуют. Короче, полностью подготовят к новому месту работы. Лекции читают практики из министерств и ведомств. Они научат, как нужно работать и что они будут проверять. Как не обжечься и не наделать ошибок, которые наделали предыдущие руководители. Как принести пользу своему народу, который тебя избрал, а не навредить ему.

Общение между коллегами, которые уже имеют опыт работы, тоже приносит свои плоды, поэтому проводятся выездные занятия по обмену опытом в лучшие хозяйства, к лучшим руководителям.

С таким нежеланием многие слушатели едут на эту учебу, жалея времени, которого и так в обрез. И еще с большим

нежеланием уезжают из райского уголка, понимая всю значимость приобретеных знаний для дальнейшей работы.

Каким образом ректор института Григорий Владимирович Хворостов внушил всем сотрудникам любовь к своей работе, никто не знал. Но что все очень честно работали и выкладывались на все сто процентов, – это было неоспоримым фактом. Находились, конечно, экземпляры, которые заболели, как говорится «прелестью». Одним из таких работников и была Алевтина Петровна Недоспелова, кандидат сельскохозяйственных наук. Она была дочерью Галины Никитичны Форовой. Фамилию получила в наследство от бывшего мужа, который не соответствовал ее параметрам: он был беден! Поэтому она быстро с ним развелась и находилась в долгосрочном поиске.

– Ты куда так несешься? – спросила язвительно Алевтина Петровна у Кати. – Все хочешь выслужиться. Да не будешь ты работать на моем месте. Я же тебе сказала, что он дочке своей приготовил его.

– Я и свое – то место не знаю, уже не говоря о твоем, – ответила Катя. – Когда ты уже успокоишься? Тебя что так сильно обидели в институте? Зарплату хочешь побольше? Или тебе хочется на место самого шефа сесть? Я не пойму тебя никак. Но тебе всего двадцать пять лет, ты, – кандидат наук, пишешь докторскую. Зачем тебе власть?

– Я умнее всех, и поэтому я должна стать ректором этого учреждения, – заметила безапеляционно Алевтина Петровна.

– Чтобы стать руководителем, нужно такой иметь опыт работы за плечами, как у Григория Владимировича. И быть вожаком. А ты уверенна, что тебя уважают и пойдут за тобой?

– Я авторитарный руководитель. Я как Сталин. Все будут меня бояться и делать, что я прикажу.

– Ой, извини, меня, пожалуйста, ну, это уже диагноз: «Клиника», – сказала, смеясь, Катя и побежала прочь от этой «Чумы», чтобы не заразиться.

Длинный коридор с многочисленными стендами важно открывал двери своим посетителям. Много напольных цветов, – подарки выпускающихся слушателей, – стояли в холле. Кожаная мебель, кресла и журнальный столик также находились в рекреации института.

Кабинет завуча и преподавателей находились в одном крыле учебного заведения. Катя забежала в кабинет завуча, взяла у нее список читающих преподавателей и, подбежав к каждому, попросила их приготовить нужную информацию для методических папок.

Нина Ивановна Дружкова, завуч института, была без пяти

минут кандидатом наук. Молодая красивая девушка. И, главное, очень умная, не по годам всегда с двух слов понимала, что от нее хотят. Муж у нее тоже был кандидатом наук и писал докторскую диссертацию. Но проще и добрее, чем эти два умных человека, Катя не видела людей никогда. Они не показывали своего превосходства над другими людьми и никогда не спорили с дураками. Они всегда и со всеми соглашались. Никому ничего не доказывали и делали все по – своему.

На должность шефа не претендовали и весьма довольны были своим положением. Они никогда не сожалели о том, что не родились в то время, когда коммунисты давали всем кандидатам наук жилье бесплатно. Как это делала Переспелова, выбив квартиру с торца жилого дома. Дружковы жили на квартире, снимали коттедж у своего научного руководителя, тот самый коттедж, который их руководитель тоже получил бесплатно от государства, и были счастливы оттого, что просто живут!

Семья Дружковых была самая счастливая на планете Земля, потому что у них было очень много друзей. Их любили друзья студенческих лет, друзья со школы и друзья, появившиеся на работе. Одними из их новых друзей были Катя и Роза.

– Нина, ты представляешь, – сказала Катя, – я чувствую, что я не потяну эту свою новую работу.

– Не переживай, все у тебя получается. Я сегодня была у шефа, он сказал, что вы ему нравитесь, и он оставляет обеих вас в штате.

– Ура! А я вообще думала, что я бездарь полная! Он же на меня кричит всегда, что у меня уровень доярки.

– Он кого любит на того больше всех и орет. Ты же знаешь, месяц испытательного срока вы выдержали. Какие стихи членам Правительства ко дню рождения ты пишешь! Ты что? Где мы еще такого редактора найдем?!

– Нина, ты надо мною смеешься. Ты же знаешь, что я с перепугу их пишу. Муза ко мне приходит в виде искаженного злостью лица шефа.

– А ты хочешь еще новость? – спросила ее Нина Ивановна. – Наша прекрасная Ангелина Петровна сегодня уволилась.

– Нет, этого не может быть! Она мне только что сказала, что просто хочет попугать шефа, а уходить совсем не собирается.

– Ну, видно, шеф это понял и сразу подписал ей заявление об увольнении.

– Она же незаменима, ты что? А кто будет работать вместо нее? Дочка шефа?

– Нет, не дочка шефа. А ты.

– Я?! Нет, только не это! Ты же знаешь, что я ничего не умею

и не знаю. И не кандидат наук, и вообще, я завалю всю работу. Я точно пойду сейчас и уволюсь.

– Не пойдешь и не уволишься. А возьмешь лямку и будешь тянуть. Я тебе помогу, не переживай.

– Я не хотела тебе говорить, но, когда мы устраивались на работу с Розой, я видела, как она все уничтожала у себя в компьютере.

– Вот оно что! А я – то думаю, почему она все время ходит с дискеткой?

– Катя, ты, главное, не бойся! У тебя все получится. Роза идет на повышение тоже. Она будет редактором. Еще взяли новую девочку, она будет корректором. Девочка очень хорошо знает компьютер, будет выпускать информационные бюллетени. А ты будешь заместителем руководителя Центра государственных и муниципальных служащих.

– Я не хочу и не буду. Я лучше уволюсь, чем такой позор! – сказала Катя чуть не плача.

– Екатерина Евгеньевна, прекратите истерику! – строго сказал шеф, войдя в кабинет, как всегда, неслышно. – Вас правильно проинструктировала Нина Ивановна. Вы с завтрашнего дня вступаете в новую должность. Поздравляю с первой группой заезжающих, – улыбнулся он. – Тем более подход выбрали замечательный. Преподаватели прибежали все в панике и требуют, чтобы я вас уволил. Говорят, что им нужно к лекциям готовиться, а вы их напрягаете, чтобы они попутно приготовили методический материал для слушателей. А я даже не знал, что они этого не делали. Так что вы все правильно понимаете, и движетесь нужным курсом. Вот, например, заставь меня подготовить нужный материал для экономистов. А я не экономист, я такого им материала подберу, – засмеялся Григорий Владимирович, – что их завтра всех и уволят. А вы, тем более, на английском языке должны им материал давать, что ли? Каждый должен заниматься своим делом. Вы педагог. Поэтому весь учебный процесс берете на себя. Учебные планы, – ваши. А за них я спрошу по всей строгости закона! Да и ещё, у меня едет группа фермеров в Америку, на обмен опытом. У вас будет несколько часов занятий, им нужно освежить знания английского языка. Ну, там с Розой вдвоем почитаете лекции. Подготовьте их к разговорно – деловому языку, – засмеялся шеф. – Короче, вы меня поняли? На вас вся надежда! Чтобы наши фермеры разговаривали лучше самих американцев!

И Григорий Владимирович, улыбаясь, вышел из кабинета так же как и зашел, – неслышно!

– Нина, как он так тихо ходит? – удивлялась Катя. – Я так

пробовала, даже на цыпочках ходила, но меня все равно слышно. Цок, цок, цок. Он как будто летает. Он что, святой?

– Точно, святой на грешной земле. Поэтому грешен как мир, – сказала Нина. – Послушай, Катя, мне такой сегодня красивый сон приснился. Мы с тобою идем по твоему любимому Питеру, по Невскому проспекту, и с нами еще кто – то, я не рассмотрела. Так снилось, будто наяву! – сказала Нина Ивановна Дружкова мечтательно.

Глава 47

Екатерина Евгеньевна, срочно к шефу, – кричала секретарша Света. – Я не знаю, кричит ужас как, что там случилось не пойму?

– Григорий Владимирович, вызывали? – спросила испуганная Катя.

– Еще как вызывал. Вот возьмите, почитайте. Я не понял, нас приглашают участвовать в конкурсе «Лучшее государственное учреждение дополнительного образования» при Президенте Российской Федерации? Ознакомьтесь и подготовьте необходимый материал. Ваши учебные планы нашли очень интересными, поэтому правительство края обязало нас принять участие в этом конкурсе, – так написано в приглашении. Что вы там навыдумывали с этими учебными планами? Всего год работаете на этой должности, а уже сам президент заинтересовался вами?!

– Ничего не выдумывала. Просто опросила все категории слушателей, какие темы для обсуждения им необходимы. И на основании соцопроса составила учебные планы. У нас ни одного академического часа не прошло впустую. Лекторы подготовили дидактический материал. Типография выпустила информационно – аналитические бюллетени. Мы скомпоновали видеофильмы с выездных практических занятий и положили диски в папки, подготовленные для каждого слушателя, вот и все!

Авторитет института вырос в разы. О нас услышали не только на периферии, а и в столице. И поэтому пригласили участвовать в конкурсе при Президенте Российской Федерации.

– И это всего за год вы умудрились столько навыдумывать на новом месте? – кричал Григорий Владимирович.

– Так у нас коллектив какой большой и талантливый. Мы всем миром взялись, и у нас получилось. Мы просто все ваши идеи претворили в жизнь. Вы же наш мозг.

– А теперь нужно, чтобы мы всем миром взялись и победили на этом конкурсе. Я вообще не привык проигрывать, – стучал кулаком по столу Григорий Владимирович. – И еще давайте сделаем все, чтобы показать нашу работу, вернее поделиться нашими наработками с коллегами. Мы никогда не были жадными, и у нас все получится!

Катя вышла из кабинета ректора еле передвигая ватные ноги. Она знала, – если шеф хочет победить, то побеждать нужно обязательно. У него всегда было столько мыслей в голове. Он был просто начинен идеями! И, как настоящий опытный руководитель, иногда не мог выразить от избытка этих идей свою

мысль. И тогда он выражал свои идеи междометиями: «ах», «ой», «дзинь, дзинь, дзинь», ну, в общем ты поняла и чтобы было сделано!».

– Надо же, им понравились наши учебные планы! – счастливо произнесла Нина Ивановна Дружкова.

– Еще бы не понравились! Как мы их рожали в тяжелых муках, я никогда не забуду, – вспоминала Катя, жалуясь своей лучшей подруге.

– Да, это точно! Мы никогда не забудем, какое наследство оставила после себя Алевтина Петровна Недоспелова. Помнишь, как ты ревела год назад и спрашивала у меня, как они выглядят, эти учебные планы?

– Да, помню. Меня такая паника охватила, когда я получила свое первое задание от Григория Владимировича написать учебный план для приезжающих слушателей. Я чуть с ума не сошла оттого, что не знала, что мне делать. И больше всего переживала, что я подведу весь институт.

Катя и Нина вспоминали, как они полезли в пыльные архивы библиотеки, хотели найти что – нибудь подходящее для образца и ничего вообще не могли найти. Они ничего не знали: ни нормативов, ни сколько часов лекций должно быть запланировано, ни какие темы должны освещаться во время учебы. В компьютере все было уничтожено Алевтиной Петровной. Все те наработанные годами учебные материалы, которые по крупицам собирались всеми бывшими сотрудниками института, Алевтина Петровна бессовестно присвоила себе и украла.

В пыли архива нашли папки еще тех годов, когда Григорий Владимирович был комсомольским работником страны СССР, которой уже не было. Да и комсомола тоже не существовало. Но комсомольские учебные планы на удивление сохранились. Лежали аккуратно в пронумерованных папках, как им и положено, по годам. От самого пола до потолка стройными рядами лежали учебные планы, которые были устаревшими и по форме, и по содержанию.

– Катя, не унывай, – поддерживала подругу завуч Нина в то ужасное время. – Мы с тобой сделаем запрос в Москву, пусть они нам пришлют хотя бы подходящие нормативы. А начинку мы подберем, – какую надо.

– Ниночка, да я за начинку и переживаю. Если мы не найдем старые учебные планы, мы не сможем отслеживать чтение лекций, которые были прочитаны уже слушателям в прошлом заезде. Нам, главное, нельзя повторяться. Нужно, чтобы были только новые темы и новые находки. Я поеду в министерства и ведомства, проведу соцопрос и выявлю, на что нужно обратить

внимание больше всего. Узнаю, что необходимо каждой категории слушателей? Завтра я поеду в Министерство экономики. Ведь это их люди к нам едут. А потом будем приглашать уже по соцопросу нужных лекторов. Наши преподаватели пусть тоже готовятся к лекциям и идут в ногу со временем.

– Да в ногу со временем вон идет «звезда психологии», задрав демонстративно нос! Двух слов связать не может, но зато психолог с красным, как всегда, дипломом. Я очень боюсь, как она лекции читать будет. У нее такое выражение лица глупое! А смеется так отвратительно, кошмар.

– Здравствуйте, коллеги! – как всегда высокомерно произнесла Людмила Евгеньевна Сидорюк. – Что же это мы идем себе и думаем?

– Да можно идти и не думать, как некоторые, – сказала Нина Ивановна, улыбаясь.

– Девчата, а что вы скажете о вашем бывшем психологе? Мне кажется, что она такая тупая была, – спросила вновь прибывшая психолог Людочка Сидорюк.

– Как она может быть тупая, если она доктор психологических наук? – спросила Катя удивленно.

– Вы знаете, она мне сегодня не дала ознакомиться с теми лекциями, которые читала. Я боюсь, что могу повториться.

– Не бойтесь, – сказала Нина. – Вы точно не повторитесь. Тем более я вам лекции не поставила. Лекции читать будет наш доктор психологических наук, потому что она никакая, не бывшая, а самая что ни на есть настоящая. Вы будете работать в паре. Лично вы, Людмила Евгеньевна, будете вести практику, а она теорию. Вы будете проводить психологические тренинги. Это же новая струя, а вы идете в ногу со временем, как вы сказали. И еще, вы же проходили обучение тренингов на американских площадках?

– Да я иду впереди планеты всей! Хорошо, буду вести тренинги, мне все равно. Я все могу, все знаю. Я закончила институт на «отлично», с красным дипломом, если вы видели?

– Да, мы обратили внимание! – сказала Нина. – Только не «закончила институт», а «окончила университет» нужно говорить правильно, чтобы не краснеть под цвет диплома, который вы получили в университете. Не удивляйтесь, вы окончили университет, а не институт. Откройте и прочтите, пожалуйста, какой Вуз вы окончили. Ну ладно, вы нас извините, у нас больше нет времени на разговоры, мы торопимся. Нам еще нужно весь архив перерыть, после такого же специалиста, как вы. А к вам огромная просьба, – посмотрите расписание, пожалуйста. У вас,

кажется, есть завтра тренинги, – напомнила завуч Нина.

Нина и Катя молча пошли в учебный корпус. А по дороге Нина сказала Кате:

– Боже ж ты мой! Бог лица просто так не выдает! Ты заметила, какая она неприятная женщина?! А сколько в ней гонору! И не пойму отчего?! Ты бы видела, сколько этот специалист «с красным дипломом» сделала ошибок в заявлении, когда устраивалась на работу! Вот как сейчас дипломы покупают. Ужас! А потом будут плодиться вот такие кандидаты наук и доктора наук, как эти специалисты с красными дипломами.

Катя и Нина вспоминали, сидя в кабинете и готовясь к конкурсу при Президенте Российской Федерации, как они начинали работать над этими учебными планами, как знакомились с новыми преподавателями, такими как Людмила Евгеньевна Сидорюк и ей подобными. Но одно радовало, – что хороших, талантливых людей было намного больше, чем новоиспеченных специалистов с красными дипломами. Какие замечательные министры и начальники отделов из министерств и ведомств, из краевого правительства приезжали. Они читали лекции, проводили круглые столы и дискуссии и какое нужное дело они делали всем дружным коллективом! Самое приятное было то, что они видели результат своего труда и глаза слушателей, полные любви и благодарности…

Прошел всего год, и теперь их работу заметили и пригласили участвовать в конкурсе такого высокого уровня. Было очень приятно и волнительно одновременно. И, конечно, как всегда, страшно. Справятся ли они с этим новым заданием?!

Подготовка к конкурсу забрала все свободное время у девочек после работы. Они сидели каждый день допоздна и решали главную проблему дня: как показать подробнее всю работу института на конкурсе. Роза, завуч Нина, Катя, Инна Хворостова, дочь шефа, и, конечно, Олечка Мищенко, директор типографии вместе с Егором Ушкаловым, лучшим специалистом по учебным видеофильмам в институте. Егор всегда снимал очень интересные сюжеты, интересные выездные занятия и монтировал интересные фильмы.

Вечерами слушатели, отдыхая в своих номерах в гостинице, могли наслаждаться просмотром фильмов с выездных занятий по обмену опытом, которые проводились в лучших хозяйствах края. Дружба с коллегами из других районов, которые приезжали так же на учебу и рассказывали, как они решали свои проблемы, тоже играла важную роль в процессе дальнейшей работы.

Прослушав двухнедельный курс обучения, все обязаны были сдать экзамены для получения дипломов. Учеба была намного

серьезней, чем они предполагали, приезжая, как они говорили, «отдохнуть» на две недельки. Но занятия проходили ускоренными темпами и пролетали как один день. Экзамены принимала независимая комиссия из высококвалифицированных специалистов из министерств и ведомств. Поэтому поблажек не могло быть вообще никаких. Все снималось на видео и находилось в видеоархивах.

– Григорий Владимирович, мне кажется, что нам нужно сделать такую книжечку, чтобы показать на конкурсе всю нашу работу, начиная с заезда слушателей и заканчивая анкетами и дипломами выпускников. И обязательно приложить фильм о нашем институте, – сказала Катя. – Мне кажется, что я, как специалист, очень была бы рада получить именно такую настольную книгу, которая всегда будет под рукой. Вот вся информация, которую я бы хотела внести в эту книжечку, посмотрите, пожалуйста.

– Очень хорошая идея, молодец! А я, как специалист, – сказал Григорий Владимирович, – хотел бы получить точно такую же книжку, но со всеми учебными планами для всех категорий слушателей, – сказал ректор, улыбаясь. – Идите, и чтобы сегодня было сделано.

Катя шла в аудиторию и боялась сказать своей команде, что сегодня они остаются работать опять до утра.

– До утра так до утра, – сказала завуч Нина спокойно и принялась разбирать папки с учебными планами.

Егор Ушкалов недовольно посмотрел на Катю и сказал:

– А что, это необходимо сделать сегодня ночью?

– Да, – ответила Катя. – Потому что сегодня последний день, а завтра с утра мы должны отослать все в Москву. Ты не переживай, друг мой, шеф всегда был щедрым на премии. И если у нас получится победить, то мы все получим хорошую добавку к зарплате.

– Я вообще уже ничего не хочу, хочу домой и спать, – сказал Егор зло.

– Слушай, Катя, почему мужчины такие слабые существа? Где сильный пол, о котором так много говорят? Почему они все время всем недовольны? – строго спросила дочка шефа, Хворостова Инна Григорьевна, которая работала начальником информационно – аналитического отдела. Та самая дочь, о которой говорила Алевтина Петровна, что она будет заместителем руководителя Центра.

Дочь шефа была очень хорошим, честным и добрым человеком. Специалистом она была тоже толковым. Пошла вся в отца. Единственная ее слабость была, – она любила выпить. Но ее

увлечение еще не переросло в трагедию всей жизни. Отец очень сильно переживал за ее будущее и держал свою дочь в ежовых рукавицах.

– Может, пивка возьмем? Я очень устала, – предложила Инна Хворостова, которая тоже вместе с инициативной группой готовилась к конкурсу.

– Ты хочешь, чтобы нас твой папаша всех уволил, а тебя одну оставил наслаждаться победой, – засмеялась Катя.

– Вот, вот, правильно говорите, всех в одну гребенку, и не посмотрит, что мы здесь неделю уже живем из – за этого идиотского конкурса, – подхватил разговор Егор Ушкалов.

– Не неделю, а всю жизнь. Неделю мы только собираем в отдельные книжечки всю проделанную нами работу. А ты почему все время недоволен? – спросила, обнимая друга Катя.

– Ладно, все, проехали, а где Инна Григорьевна Хворостова? Уже за пивом сквозанула, – спросил, ворча, Егор.

– Она, между прочим, подбирает тебе нужный материал у себя в кабинете. Пересматривает все выездные занятия и скоро принесет тебе его для монтажа. Пожалуйста, не бойся, что кто – то меньше тебя поработает! – ответила Нина Дружкова.

– Конечно, все работают одинаково. И никто не заглядывает к другому в карман, кто сколько получает. У нас одна команда молодости нашей. И таких, как мы, последних из могикан, остались единицы! Вообще, чем цивилизованнее мир, тем меньше людей, которые работают на голом энтузиазме. И почему так получается? Чем больше трудностей на человека падает, тем лучше он становится? – спросила Катя.

– Дураков больше нет, Екатерина Евгеньевна, вот что я вам скажу! Нет больше дураков, которые за бесплатно будут вкалывать. Может быть, раньше, когда коммунисты коттеджи вашим родителям дарили, они и были от этого добрее и чувствовали огромную благодарность к государству, которое их любит. А когда государство думает только о себе, а правители, – о своем кармане, то тогда, извините, мы, молодые, думать больше начинаем о себе, а не о государстве.

– Я с тобой, Егор, где – то согласна, а где – то нет. Понимаешь, мне кажется, что с этим можно родиться, а можно не родиться вообще. Люди во все времена были одинаковыми. Одни на голом энтузиазме города строили, а другие церкви разрушали и кресты сбивали. И радовались тому, что они делают великое дело, во имя идеи и любви! И не понимали, что любовь и уничтожение, несовместимые вещи. Любовь созидательна, а ненависть разрушительна. Но, даже разрушая, они любили себя так, что все, что с ними происходило, оправдывали. Убийцы тоже

себя постоянно оправдывают, осуждая жертву. Они любят только себя и больше никого. Живут только для себя и больше ни для кого. Думают только о себе и больше ни о ком. И не важно, в каком веке ты родился! Они никогда не изменяли себе. Главное, что они всю жизнь делали только то, что выгодно им, и в своей поганенькой жизненке руку помощи не протянули ни одному человеку. Вот так и прожили, – только для себя, не оставив о себе даже воспоминания! – сказала Катя.

За разговорами время пробежало быстро. Стало светать, и утром конкурсная работа была отправлена в Москву. А ровно через месяц, после подведения итогов конкурса, институт Хворостова Григория Владимировича стал обладателями «Гран – при» на международном конкурсе. И занял первое место в конкурсе учебных программ при Президенте Российской Федерации.

Глава 48

– Катя, – сказал ласково Григорий Владимирович, – тебе необходимо лететь с докладом в Санкт – Петербург и получить главный приз и грамоты.

– Спасибо, Григорий Владимирович, за предоставленное доверие, но можно я за деньги, которые наш институт потратил бы на самолет, поеду на поезде, а на сэкономленные деньги за билет возьму с собой начальника информационно – аналитического отдела, – Хворостову Инну Григорьевну и завуча Нину Ивановну Дружкову? И если можно, то мне хотелось бы взять и нашего редактора Розу, чтобы все события, которые с нами будут проходить, она могла осветить в нашем бюллетене.

То, что начальником информационно – аналитического отдела была Катина подруга и дочь шефа, знали все в институте. Дочь Григория Владимировича была очень хорошим другом. Она никогда и ни о ком не говорила плохо, ей доверяли самые важные секреты, она ни одного человека за всю свою жизнь не предала. К тому же она была очень хорошей хозяйкой. На ней держался весь дом. Она ухаживала за больной мамой, за младшей избалованной сестрой и была правой рукой самого Григория Владимировича Хворостова.

Катя уже занимала пост заместителя руководителя центра и сама предложила ее кандидатуру на начальника отдела. Она давно увидела, что в методическом центре Инна Григорьевна была самым активным, деловым и инициативным работником. А человеческие качества у нее были такие, что с нею все хотели дружить, потому что она была надежным и очень преданным другом.

– Хорошо, вы меня уговорили, Екатерина Евгеньевна, поезжайте! – сказал шеф. – Как раз купе будет на четверых.

– Катя, я теперь знаю, кто мне снился в том сне, в котором мы с тобой были в Питере! – сказала радостная завуч Нина Дружкова. – С нами во сне были Инна Хворостова и Роза.

На следующий день вся дружная компания села в поезд и они мчались к своей мечте: снова побывать в своем любимом городе Санкт – Петербурге.

Их не расстроило даже то, что в поезде их обворовали. У Инны разрезали сумку и вытащили все деньги, которые у них были. Хорошо, что документы завуч Нина оставила в другой сумке, а гостиница с питанием у них была оплачена. Можно было не беспокоиться неделю, пока будет проходить Форум. Но каким образом они будут добираться обратно домой, они пока

старались не думать. Они были молоды, красивы, и все неприятности казались пустяками.

Главное, они в Питере! Они записались на все экскурсии, которые были запланированы организаторами форума. Жили в шикарном отеле, ходили на все мероприятия, которые проводились в рамках конкурса. А по вечерам гуляли по ночному Питеру, заглядывая во все окна ресторанов. Катя и Роза удивлялись, прохаживаясь по Невскому проспекту:

– Почему всегда, когда мы бываем в любимом городе, у нас не бывает денег?! Как я хотела приехать в Питер хоть один раз с деньгами, сходить с вами в театры, музеи и посидеть в уютном ресторане, – сказала печально Катя. – Ну почему так получается, что, когда ты в Петербурге, у тебя обязательно не должно быть денег? Это только у нас так получается, интересно мне знать, или у других тоже? – смеялась Катя.

– Значит, так нужно! – сказала Нина. – Мы должны для себя что– то другое здесь понять. То, что с нами произошло, то, что нас обворовали, произошло не случайно. Мы потом, конечно, поймем, для чего все это нужно было. А сейчас нам нужно понять только одно: где взять денег на обратную дорогу?

– А что тут понимать, нужно идти к Роману, к первой Катькиной любви, – подхватила разговор Роза.

– Нет, только не это. Ты в своем уме?! – возмущалась Катя. – Я буду сидеть на паперти, но никогда не пойду к мужчине просить денег. Еще не хватало, чтобы я кому – нибудь навязывалась.

– А я считаю, что нужно идти и навязаться ради своих подруг, – сказала Инна Хворостова. – Как мы домой будем добираться? Лично я боюсь отцу даже позвонить. Он мне столько денег на подарки дал, а я опять попала в передел, – у меня их украли. Со мной всегда так происходит: куда бы я не поехала, обязательно меня обворуют.

– Здесь ты не одинока, потому что Катю у нас всю жизнь обворовывают тоже. И притом лучшие подруги, начиная с института, – смеялась Роза.

– Да, всю жизнь! Я даже и не задумывалась почему? Наверное, из– за лишней доверчивости. И она пропела «Из – за этой неразборчивости женской холера прет по всей Преображенской».

– Слушай, Инка, если бы мы знали, что тебя, тоже, обворовывают, мы бы никогда не дали тебе все деньги на сохранение. Я же специально Кате не дала, чтобы деньги не пропали. А домой звонить и просить стыдно. Что мы скажем, что поехали в Питер по работе, вышлите денег. Ужас! – сказала Роза,

вздыхая.

Девочки смеялись и шли от своей гостиницы как всегда, по темной неизвестной улице к Невскому проспекту. Они не могли налюбоваться красивыми подсвеченными зданиями на противоположной стороне канала Грибоедова. Старинные особняки стояли величественно в ряд и в темноте отражались на гладкой поверхности воды, симметрично выплывая из электрического света.

– Какая красотища! – сказала Катя. – Какая все – таки энергетика прет от этих старинных зданий. Представляете, здесь же и Пушкин, и Лермонтов, и Достоевский ходил, а теперь мы идем по их же следам, дышим тем же самым воздухом, видим тот же канал, ту же Неву, тот же Невский проспект, Казанский собор. Я как об этом подумаю, то у меня дух захватывает. Но почему так много здесь домов с мертвыми глазницами окон? Почему здесь так много заброшенных домов? А сколько людей живут, – без жилья, на съемных квартирах?! Вот лучше бы они раздали все эти квартиры малоимущим. Поверьте мне, они бы нашли силы и средства, чтобы отремонтировать эти старые дома и продлить им жизнь еще на несколько веков! Они бы своими руками ремонт в них делали постоянно, и не дали бы им разрушиться. И все ж веселей, когда в окнах горит свет, правда? А когда в домах никто не живет, то это так страшно. Они разрушаются прямо на глазах. Обмен энергетикой должен присутствовать постоянно. Вот даже если уезжаешь из квартиры в отпуск, приезжаешь и замечаешь, что квартира постарела в твое отсутствие. Я сколько раз это наблюдала у себя дома, когда мы семьей на море отдыхать ездили.

– Может быть, эти дома в аварийном состоянии и в них нельзя жить? – заметила Роза. – А может быть, какой – нибудь умник в нужное время их «прихватизировал», как говорит наш шеф, и теперь не знает, что с ними делать. Но смотрите, какие они все равно красивые! Такие старинные, важные и гордые! Свысока на нас смотрят и даже не жалуются. А представляете, сколько они разных людей здесь повидали на своем веку! И не зазнались, как некоторые, от знакомства с гениями! Они мне нравятся! Вы знаете, мне все в Питере нравится!

– И мне здесь очень и очень нравится, – сказала Нина. – Здесь и правда легко дышится. Я отдыхаю здесь душой!

– А я довольная, что мы из нашей деревни вырвались, – поддержала подруг Инна. – И еще, мне очень понравился доклад, с которым Катя выступила сегодня. Она им всем носы утерла. Вы слышали, как она им сказала: «Приезжайте и увидите, что для нас институт, – это не работа, а наш родной дом, который мы любим,

отдаем ему все силы и бежим на работу как на праздник. А уходим, сожалея, что рабочий день закончился! И поэтому мы, – первые. У нас одна команда молодости нашей, и у нас один за всех и все за одного!».

– Это все так и есть, – согласилась Нина. – У нас очень дружный коллектив, и мы делаем очень нужное дело! Мы видим результат нашей работы. С какой благодарностью наши слушатели получают папку с методическими материалами, в помощь для их будущей работы на новом месте! Вы замечали, как они становятся увереннее в своих силах, и им уже не страшна ни какая должность, будь то главный экономист или глава города! Мы делаем очень нужное дело! Наш институт будет работать вечно, потому что мы нужны людям и наша работа приносит очень положительные результаты.

– Ой, девочки, а я обещала шефу свечку за здравие поставить в Казанском соборе, если он нас в командировку отпустит. Завтра обязательно пойдем и поставим! – вскрикнула Катя. – А с другой стороны, хорошо, что у нас денег нет. Вот пешком везде ходим. Даже на метро денег нет! Когда бы мы так много ходили?! Во всем есть свои плюсы!

Катя выскочила из темной улицы на светлый Невский проспект и закричала:

– Не верю!

Девочки даже подпрыгнули от неожиданности. А потом вспомнили, что Катя им обещание дала это сделать, если они выиграют и попадут в Санкт – Петербург. Они обнялись, хохоча, и поддержали Катю, крича все вместе на весь Невский проспект:

– Не верю!!!!

Люди шарахались от кричащих девушек и не понимали отчего им так весело и почему они так счастливы!

Глава 49

Командировочные дни подходили к концу. Нужно было что – то делать, чтобы найти деньги на обратную дорогу. Девочки берегли оставшиеся копейки как зеницу ока. Они знали, что нужно оставить хотя бы на метро, в том случае если придется искать знакомых, чтобы перезанять денег. Чем ближе время приближалось к концу командировки, тем страшнее становилось оттого, что жить придется в худшем случае на улице или в лучшем случае на вокзале. Гостиница была огромной с просторной столовой и шведским столом. Современные лифты носились вверх и вниз, доставляя своих посетителей в ультрасовременные номера.

На ресепшене на них странно смотрели молоденькие девушки, которые там работали, и все время спрашивали:

– У вас все в порядке?

Командировочные тоже постоянно улыбались победителям соревнования и обменивались не только улыбками, но и наработками. Ректоры институтов постоянно рассыпались в комплиментах новому молодому поколению, и передавали привет Григорию Владимировичу Хворостову.

Никто даже не догадывался, что творится в душе у победительниц. Девушки не знали, куда пойдут после того, как их ласково выставят на улицу в двенадцать часов дня, когда их время пребывания в гостинице истечет.

– Катя, – давай иди к Ромке, – говорила ей Роза. – Хватит из – себя гордую строить!

– Может, я лучше к Нинке – Камасутре пойду? – спрашивала Катя.

– Ладно, пойдем к Нинке, уговорила, – недовольно бурчала Роза. – Послушай, но у нас только денег в один конец на метро. Поэтому нам нельзя ошибиться. Давай лучше позвоним из гостиницы в общагу и узнаем, – живет она там или уже съехала. Столько времени прошло, все могло измениться?

– Точно, давай позвоним и через справочную узнаем.

– Алло, добрый день, – испуганно спросила Катя, – не подскажете мне, Нина Васильева, библиотекарь, живет в тринадцатой комнате, и не могли бы вы ее позвать к телефону?

– Нина Васильева уже давно вышла замуж и уехала из общежития в неизвестном направлении или в Тамбов, или Псков, я уже и не упомню, – отозвался голос мужчины – вахтера на другом конце провода.

– Спроси о Ромке! – закричала Роза.

– Не буду! – уперлась Катя. – Еще чего, лучше умру. Мне стыдно.

Катя положила трубку телефона и стукнула Розу по плечу.

– Ты что, не понимаешь? Я ему не нужна. Столько лет прошло, он меня, наверное, и не помнит. Роза, отстань от меня со своим Ромкой.

– Знаешь что, подруга, ты мне вот что скажи, ты ради нас можешь хоть раз через себя перешагнуть? Сколько можно уже тебя упрашивать. У нас нет другого выхода, – злилась Инна Хворостова.

– Знаешь что? Ты бы лучше сумку свою держала при себе. А не знакомилась в поезде, с кем попало. А потом еще этот твой новый дружок устроил концерт пьяный, ведь специально устроил, чтобы его с поезда ссадили в Воронеже. Ты что думаешь, он и правда сильно пьяный был? Он специально начал проводникам и начальнику поезда грубить. Да он таких дур, как ты, уже стольких ограбил! А потом видела, как рванул, когда из поезда вышел, прям, как трезвый. И дружок его на машине ждал, ты что, не видела? У них давно все продумано. Да и в доле они вместе с ментами, сто процентов, – кричала на подругу Катя. – А сумку они тебе специально порезали, для отмазки.

– Хватит, девочки, ругаться! – прервала их завуч Нина. – Знаете что, давайте искать выход из положения. А не нападать друг на друга.

– Точно, успокойтесь уже, – поддержала ее Роза. – Лучше давай еще кого– нибудь из знакомых вспомним. Слушай, а Лена Штоум? Ты что, забыла, наша Лена? У которой мы с тобой останавливались, когда в Питер приезжали после института. Одноклассница твоя, помнишь? Ну, та самая, которая нас с тобой приютила, а ее муж на завод нас устроил работать?

– Какая ты умная, Роза! Я о ней сразу вспомнила! Но она уже в Германию, наверное, уехала. Ты же помнишь, у них все родственники туда переехали. Я ей письма на общежитие писала, писала. Ни ответа, ни привета. Они точно в Германии живут. У них в Шпаковке никого не осталось. Все родственники уехали давно. Хотя я, кажется, помню, где Лена последний раз жила. Из общаги они переехали в коммунальную квартиру. Я, правда, у них всего один раз была, помогала им вещи перевозить из семейной общаги в комнату возле Нарвских ворот. Может, правда попробуем ее разыскать? А вдруг они еще не уехали?

– Поехали, нам же все равно ночевать негде, да и денег на билет тоже нет. У нас, что выбор есть? Но запомни, Катя: у нас денег только на метро в одну сторону. Если мы ее не найдем, то будем добираться гоп – стопом домой, – подвела итог Роза. – А

может быть, все таки к Ромке?

Катя помахала подруге кулаком, состроила грозную рожицу, и, подхватив чемодан, уверенно зашагала в сторону метро.

– Нет, я не хочу гоп – стопом, – закричала Инна, дочь шефа, семеня сзади. – Я точно по дороге в кого – нибудь влюблюсь. И дальше поеду с ним.

– Хватит болтать, поехали. Рискнем, нам не привыкать. Главное, держаться вчетвером и не отставать друг от друга. Катя, еще раз хорошо подумай! К Роме едем или к Лене? Денег у нас в один конец! – спросила строго завуч Нина.

Девочки возле метро окружили Катю со всех сторон, поставили руки в боки и полушутя – полусерьезно спросили:

– Слово за тобой.

Катя постояла, делая вид, что принимает решение, сделала паузу и громко сказала:

– К Лене Штоум!

Электричка неслась в метро с такой скоростью, что девочки думали, что они точно едут в никуда, да еще на последние деньги. В тот момент жизнь для них остановилась. Они ехали, молча, каждый думал о своем, и молил Бога, чтобы их хоть кто – нибудь выручил в этой неприятной ситуации. Они не хотели никого обременять своими проблемами.

Во – первых, потому что они не хотели, чтобы хоть кто–нибудь в их маленьком городке Михайловске о них судачил. Во – вторых, им хотелось, чтобы о том, что они попали в такую неприятную историю, знали они вчетвером. А в третьих, они не хотели расстраивать своих близких. Они знали, что приедут, получат зарплату и премию и отдадут долг.

– «Станция метро «Нарвская», следующая…» – услышали они монотонный голос машиниста.

– Все, Катя, тебе хана, если ты сейчас не найдешь, где живет Лена, – сказала, смеясь, Роза.

– Розочка, а ты не помнишь? Может, ты со мной тогда вещи помогала перевозить?

– Нет, я тогда была в институте, забирала документы, – сказала безапелляционно Роза.

– Ой, я не помню, где живет Лена Штоум! – сказала испуганно Катя и стала оглядываться по сторонам.

– Она не найдет, это точно, – уверенно констатировала этот факт Инна Хворостова. – Она вообще не умеет ориентироваться на местности. Я одна из вас машину вожу. Я бы сразу нашла. А Катька ни разу за рулем не сидела.

Катя стояла, смотрела через дорогу на высокие многоэтажки, потом обошла вокруг станцию метро. И, увидев Нарвские ворота,

обрадовалась и быстрой походкой направилась к ним. Девочки втроем следовали за нею по пятам. Они тащили за собой свои тяжелые чемоданы с «одеждой на каждый день». А так как дней в неделе было семь, то семь тяжелых красивых костюмов лежали у каждой из них в чемодане.

– Так, – первая запричитала Инна, дочь шефа. – Я больше никуда не пойду, сейчас стану рядом с теткой, которая продает цветы, достану свои красивые костюмы и буду их продавать, потом продам и ваши. Больше нет у нас никакого другого выхода.

– Подожди, – сказала Катя. – Я уже почти вспомнила. Пойдем к Нарвским воротам. Лена с мужем придумали традицию обмывать все события своей семьи шампанским под Нарвскими воротами. Я вспомнила, каждую ту счастливую секунду, когда мы радовались новоселью! Я была такая счастливая за них! Как будто это я получила эту большую, красивую комнату в коммуналке! Пойдемте туда, я оттуда вас точно приведу к Лене домой.

Катя постояла под Нарвскими воротами с закрытыми глазами минут пять. Потом подхватила свой чемодан и уверенно направилась в одну из арок домов. Она шла очень быстро, девочки еле поспевали за нею. Они пытались ей кричать вдогонку. Пытались нервно шутить. Но Катя уже ничего не слышала, а почти бегом неслась в нужном направлении.

– Вот эта дверь. Точно эта дверь. Вернее та дверь была деревянная. А эта железная, да еще с кодовым замком, – сказала Катя удивленно.

– Вот точно не сюда пришли! – капризничала Инна Хворостова. – Катя, вспоминай!

– Да точно этот дом!

К двери подошел молодой человек, открыл дверь своим ключом, и Катя прошмыгнула вместе с ним в подъезд. Девочки остались ждать на улице и переминались с ноги на ногу от волнения и нервов, которые уже у них постепенно расшатывались. Они простояли минут десять. Дверь открылась, и вышла растерянная Катя.

– Нет, похоже, не этот подъезд, – сказала она расстроено. – Может соседний? И она пулей побежала к соседней двери.

Девочки молча и зло наблюдали за любимой подругой. Катя бегала от подъезда к подъезду и не могла вспомнить, где живет Лена Штоум.

– Черкашина, ты нас уже достала. Вспоминай, где живет Лена. Иначе, мы тебя продадим на органы. У нас не осталось выбора, – кричали замерзшие подруги.

На улице была красивая северная осень. Желтые листья лежали нежным ковром под оголившимися деревьями. Моросил

мелкий холодный питерский дождик, иногда срывался с неба первый снежок, но Кате было так жарко оттого, что она, похоже, подвела своих подруг, и она, бегала от двери к двери, и уже начинала паниковать. На улице стало темнеть. Становилось страшно и неуютно. В подворотне подвывали подвыпившие жильцы, а девочки умоляюще смотрели на Катю и просили ее вспомнить, где живет Лена?

– Катя, почему ты решила, что это не Ленин подъезд? – спросила Нина.

– Потому что я помню, что у нее квартира была под номером тридцать шесть. А сейчас нет такого номера квартиры в этом подъезде.

– А на каком этаже она жила?

– На третьем, кажется на третьем, – ответила Катя.

– Так сходи и позвони на третий этаж, – сказала Нина – завуч. – Может, ты цифры забыла. Ты же с ними никогда не дружила. Ты же больше с буквами общалась.

– Ладно, а как я попаду теперь в подъезд? – спросила совсем расстроенная Катя.

– Нина нажала на какие – то цифры по памяти. Даже никто и не понял какие, но дверь, видимо, была не закрыта, и Нина легко ее открыла и пропустила туда Катю.

Катя поднялась на третий этаж, посмотрела на красивую дверь, робко позвонила, и дверь сразу открыли. На пороге стояла точная копия Лены Штоум, – ее дочь Женя.

Когда Катя увидела, что попала именно туда, куда нужно, она не поверила своим глазам. Она так обрадовалась, когда увидела красивую белокурую девочку, точную копию мамы, только цвет волос был точь в точь, как у Славика. Катя так обрадовалась, что бросилась к девочке обнимать ее и одновременно спрашивать ее:

– А где мама?

Девочка отошла в сторону. И показала рукой на женщину, стоявшую сзади. У женщины на лице была маска из огурцов. Она стояла в широком коридоре в домашнем махровом халате и тапочках. И совсем не ожидала увидеть непрошенных гостей в эту минуту.

Лена Штоум удивленно посмотрела на Катю, схватилась за сердце и воскликнула:

– Господи! Черкашина! Да я только вчера тебя вспоминала! Рассматривала наши фото, нашла, где мы втроем, – я, ты и Роза фоткались, помнишь? А сегодня ты собственной персоной здесь!

Но Катя уже ничего не помнила, она так обрадовалась, что нашла Лену, и не смогла ничего вымолвить, кроме как:

– Ленчик! Нас четверо! Нас обокрали! Мы будем жить у тебя!

Лена засмеялась и сказала:

– Ну это другое дело. Теперь я узнаю свою подругу, – Екатерину Черкашину, которую опять обворовали. Я другого от тебя и не ожидала. Заходите!

Катя выскочила на улицу, широко открыла дверь и с гордостью заявила:

– Ну что, бомжи! Заходите! Нужно быть очень хорошим человеком и иметь в каждом городе, хотя бы по одному другу!

Девчата радостно посмотрели на подругу и спросили:

– Неужели ты ее нашла? А мы уже и не надеялись! Ура!

– Испугалась, что на органы ее продадим, – обнимая подругу, сказала Инна Хворостова.

Глава 50

– Девочки, заходите, мои хорошие! – приглашала дружелюбно Лена Штоум новых друзей. – Роза, и ты тут, как я рада вас видеть! А я только что Кате говорила, что вчера наши фото рассматривала. Ну, вы меня, конечно, извините. У меня, как у всех питерских старожил после отпуска есть нечего. У меня пустой холодильник. Мы с мужем только что приехали из Германии. Были у родственников в гостях. И, если честно, мы тоже туда собираемся уезжать жить. Так что вам очень повезло, что мы вас, обворованных, дождались. Извините, что пустой холодильник, зато девочки, смотрите, что у меня есть! У меня есть канистра спирта!

– А нам больше ничего и не нужно! – запрыгала Инна, дочь шефа и большая любительница выпить. – Я так устала строить из себя приличного начальника отдела, что просто очень хочу расслабиться после этой трудной командировки. Меня звать Инна, нашего завуча – Нина Ивановна. А нашего руководителя, самого главного начальника звать Екатерина Евгеньевна Черкашина.

– Боже ж ты мой, да и какой же ты теперь самый главный руководитель? – смеясь, спросила Лена Штоум, обращаясь к Кате. – Она у нас проректор института, – дружно ответили девочки.

– Ничего ж себе обворованный проректор, – засмеялась Лена. – Ладно, я так по вам соскучилась. Давайте что – нибудь придумаем. Доставайте грибочки, соленья из холодильника. Будем праздновать ваш приезд. А завтра будет завтра. Вы не переживайте, денег на дорогу я вам найду, в поезд соберу. Так что оставайтесь жить столько, сколько хотите.

Девочки стали рассказывать наперебой, как их обокрали, каким образом они попали в Санкт– Петербург. Как боялись остаться на улице. Как не знали, как будут добираться обратно домой. Катя все время удивлялась, что Лена с мужем и детьми не уехали вместе с родственниками в Германию. Она была уверенна, что Лена давно уже там живет. Более того, Галина Никитична Форова, их классный руководитель, на встрече выпускников, всем сообщила, что Лена Штоум живет в другой стране.

– Ленуля, ты извини, что мы тебя стесним в твоей комнате на день, два. Как только билеты купим, так и отчалим, – сказала Катя.

– О какой комнате ты говоришь, Катя? У меня теперь ни одна комната, а все четыре. Я эту квартиру полностью

приватизировала. Достойно работала, родила двух девочек, двух мальчиков, вот государство мне эти комнаты по одной и отдало. Я вам выделю самую большую комнату, ты не переживай, Катя. Я так по тебе соскучилась. Я очень рада тебя видеть, и очень хочу поболтать, вспомнить молодость.

– Ленчик, а я только теперь поняла, что у вас нумерация квартир поменялась из– за приватизации. А раньше, какая у тебя квартира была?

– Тридцать шестая, – ответила Лена.

– А кто сказал, что я с цифрами не дружу? Я с хорошими людьми дружу! – гордо заявила Катя, помогая накрывать на стол.

В дверь неожиданно позвонили. Звонок был тоже такой домашний, южный с птичьими переливами. Катя сидела на кухне спиной к двери. Лена побежала открывать дверь со словами:

– Наверное, муж с работы пришел! Вот он сейчас обрадуется и очень удивится, потому что мы только вчера альбом с вашими фотографиями рассматривали. Он сейчас в обморок упадет, когда Катю Черкашину увидит. Он ее очень любит!

– Здравствуй?! – услышала Катя до боли знакомый голос.

Она медленно повернулась и увидела, что в комнату заходят Ленин муж Слава и Роман.

– Привет, – ответила удивленная девушка. – На ловца и зверь бежит!

– Вот это сюрприз! Ребята, это точно судьба! – произнес Роман. – Катя, неужели ты одумалась и все – таки решила выйти за меня замуж? – спросил, улыбаясь, Роман.

– Да, мы именно поэтому и приехали, – подхватила разговор дочка шефа, Инна Хворостова. – Мы специально конкурс выиграли при Президенте Российской Федерации, за дипломом и грамотами приехали, а заодно, думаем, и замуж выйдем. – А как вас зовут, жених?

– Меня зовут Роман Яковлевич Воронцов, и я уже давно влюблен в вашу подругу. А она меня столько лет отвергает, вы не знаете, почему?

– Знаю одно, что она вся в работе. Ей некогда замуж выходить. Она у нас на работе и живет. На ней весь институт держится. Она у нас проректором работает.

– Девочки, я так рад, что вы приехали, – подхватил разговор Слава. – А мы только вчера Катю и Розу вспоминали. Фотографии пересматривали. Ну, как тебе наша берлога? Получше, чем общежитие рабочее будет, да?

– А я часто общагу нашу вспоминаю. И ребят всех наших тоже, – засмеялась Катя.

– Ну, сейчас общага намного современней стала. Ты бы

видела, какой ее красивой Роман Яковлевич сделал. Он ее реставрировал. Заменил все: и отопление, и трубы водопроводные. Теперь она выглядит как гостиница премиум – класса. Там теперь даже концертный зал есть.

– Да ладно тебе меня расхваливать. Можно подумать я один все там делал. Мы же все старались. Любимое дело вместе пытались возродить.

– Катя, я забыл тебе сказать, он же у нас теперь генеральный директор завода. А я его заместитель. Вот ведь как бывает. Мы поэтому и задержались с любимой женой здесь. В Германию поэтому и не уехали. Не могли завод на разграбление оставить.

– Ничего себе, вы даете! Вы так и продолжаете свое дело. А я думала, что все заглохло, как у всех. Так наш завод продолжает работать?

– Да, конечно, мы его акционеры. Теперь это наш завод. Молодые, инициативные не дали заводу разрушиться. Поэтому у нас дела идут очень хорошо. Единственное плохо, что Ромка о тебе постоянно спрашивает. И упрашивает почти каждый день, чтобы мы с ним за тобой съездили. Боится после последнего визита к вам приезжать. Ты почему моего лучшего друга обидела? Хорошо, что сама приехала. Значит, успеем сыграть свадьбу до того, как в Германию переедем.

– Я не поняла, – стала возмущаться Инна Хворостова. – Катя, ты их не слушай. Не вздумай оставаться здесь. Что я папе скажу?! Хочешь, чтобы он меня совсем прибил, что лучшими специалистами разбросалась по дороге? Ты даже об этом и думать не смей.

– Да я и не собираюсь. Меня еще никто и не оставляет.

Весь вечер Роман влюбленными глазами смотрел на Катю. Он сел напротив нее и не сводил с нее глаз.

Девчонки подмигивали Кате и говорили ей на ухо:

– Вот бы нас так любили!

Катя немного стеснялась своего старого друга. Она постоянно отводила глаза в сторону, краснела и просила Романа не смотреть на нее, как кролик на удава или наоборот.

– Хватит испытывать мое терпение! Перестань надо мною издеваться. Я все поняла. Я больше не буду тебя обижать! Пожалуйста, не смотри на меня так!

Роман молча подошел к ней, что – то шепнул ей на ухо и вышел из комнаты.

Катя немного растерялась, даже немного испугалась. Она опять не поняла, что пошло не так, почему он ушел, даже не попрощавшись? Наклонился, сказал ей на ухо: – Я всегда буду тебя любить! – Повернулся и ушел.

– Ну что, опять обидела человека? – спросила Роза. – Сколько ему можно за тобой бегать? Тоже мне невеста без места.

– А что, он опять ее бросил? – спросила Инна Хворостова.

– Перестань! – стукнула подругу Нина – завуч. – Когда он ее бросал? Они никак не могут договориться насчет свадьбы. У влюбленных всегда так. Не переживай. Все у них получится. Время все расставит по своим местам.

– Да, время бежит быстро. Пока они надумают жениться, уже это будем ни к чему, – сказала сердито Лена Штоум. – Не заметят, как старыми станут. Они доиграются со своей любовью. Главное в отношениях двух людей, – не заиграться надолго. Иначе, Катюха, можно навсегда в старых девах засидеться. Замуж не хотят выходить только ленивые люди. Они не хотят ни под кого подстраиваться. Не хотят ничего менять в своей жизни. Им легче по – накатанному. Есть момент истины, когда тебе уже никого и ничего не хочется. И чем больше тебе лет, тем меньше хочется тебе создать семью. Не хочется рожать детей, не хочется менять свой налаженный быт на непонятную и сложную семейную жизнь. Самодостаточные женщины не собираются делиться своим благополучием с менее успешными молодыми мужчинами, которым нужно еще помогать становиться на ноги. Да и выходить замуж за ровню, тоже не очень хочется, потому что тогда нужно делить лидерство. И всю жизнь доказывать, кто в семье главный. И пока женщина добивается успеха в творчестве или на производстве, она забывает, что ее предназначение на земле, – это стать матерью. И это лидерство неоспоримо!

А женщина, которая это не поняла, в борьбе за лидерство теряет время и стоит на вечере встречи выпускников одна. Она завистливо смотрит на своих одноклассниц, которые уже живут ради внуков и радуются успехам детей, и почему – то выглядят моложе тех, которые всю жизнь прожили только для себя!

Катя сидела и смотрела перед собой в пустоту и думала, что права лучшая подруга: ее время ушло! И что она, наверное, пошла не тем путем. Шла очень быстро, но долго и, скорее всего, не по той жизненной дороге. Затем остановилась, оглянулась, а достойного мужчины рядом нет. Вообще никакого мужчины нет. А ведь так не должно быть. И Катя почему – то вспомнила стихи Брюсова:

Ты – Женщина, Ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток.
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг!

Катя вспомнила эти строки и слова мамы Оли Снежко, которая говорила ей все время: «Ласковая телятка, двух маток сосет!». А ей в свое время эту пословицу повторяла ее мама. И так из поколения в поколение, женщины семьи Снежко мечтали быть ласковыми и нежными…

«Почему я опять Ромке нагрубила? – подумала Катя. – Когда я уже повзрослею? Нужно о семье подумать. Мои одноклассницы все замужем уже давно. А я как всегда в отстающих!».

– Катя! О чем задумалась? – спросил вошедший с цветами Роман.

Катя даже обрадоваться не успела. Роман достал красивое кольцо из бархатной коробочке, и, обращаясь к сидевшим за столом подругам, сказал:

– Девочки, будьте свидетелями, я очень люблю Катю, поэтому больше ее никуда не отпущу и хочу, чтобы она стала моей женой.

Он посмотрел на Катю нежно, взял ее руку, надел на ее тонкий пальчик красивое кольцо и сказал:

– Независимо оттого, какой будет ответ, я тебе его дарю. Ты выйдешь за меня замуж? – спросил он осторожно.

– Я подумаю, кажется, нужно говорить воспитанной девушке! – сказала Катя, улыбаясь. – Но я так долго думала, поэтому говорю тебе сразу: «Да, я согласна!».

Роман радостно обнял Катю и, счастливый, произнес:

– Теперь я тебя уже никуда не отпущу. Завтра же идем в Загс подавать заявление. Девочки, я всех приглашаю на нашу свадьбу.

Не веря в произошедшее, он осторожно наклонился к Кате и тихо спросил у нее: «Катя, это точно не сон? Ты не передумаешь к завтрашнему дню? Ты точно согласна?».

– Да точно, точно! Тем более и родители уже давно дали согласие на наш брак!

– Еще бы она была не согласна! Я бы ей сама голову оторвала, – сказала Лена Штоум. – Рома самый достойный молодой человек, который мне вообще встречался! Конечно, после моего Славы. И вы очень красивая пара!

Глава 51

На следующий день девочки ворвались в новую квартиру Ромы, чтобы забрать свою подругу Катю и посмотреть, куда ее увез будущий муж.

Квартира была большая, пятикомнатная на Невском проспекте. С красивой современной мебелью и евроремонтом. Здесь были даже предусмотрены детские спальни для будущих детей. Кухня-столовая была тоже сверхсовременная и уютная. Спальня была сделана с такой любовью, что можно было подумать, Рома все время советовался с Катей, потому что все было сделано в ее вкусе. Спальня стояла белоснежная, как невеста. Встроенную кровать окружала арка из зеркальных настенных шкафов.

Она смотрелась как бриллиантовая диадема в изголовье невесты. Вся квартира была очень светлая и уютная. Но особенно поразил Катю тот самый розовый, напольный торшер который стоял на полу в их первую брачную ночь с Камасутрой. Она зашла в квартиру и поняла, что ей очень хочется здесь жить.

– Рома действительно меня любит, – подумала Катя. – Так угадать все мои желания и мечты! Именно о таком семейном уголке я и думала.

– Ты заметила, – сказал ей Рома. – Я заканчиваю ремонт в последней детской комнате? И если честно, то я собирался ее доделать и ехать за тобой. Но Бог так управил, что ты сама приехала в Питер. И все – таки эта судьба! Катя, я так тебя люблю, и запомни мои слова, – ни один мужчина не сможет сделать тебя счастливее, чем я. Я правда думал, что все смогу сделать гораздо раньше. Но пока мы с заводом разобрались, пока налаживали наши дела со Славой, пока я на тебя обижался. Да, было чуть – чуть, чего греха таить! Я был очень зол на тебя. Я знал только одно: что должно пройти время, чтобы ты поняла, что ты тоже меня любишь. Я не хотел тебя торопить.

– А если бы я вышла замуж? – спросила Катя.

– Нет, пока ты со мной не увиделась и не разобралась в себе, ты замуж не вышла бы. Я очень хорошо тебя знаю, я помню, насколько ты была веселая девушка на заводе, ты настолько же была и серьезная.

Звонок в дверь перебил их разговор.

– Катя, поехали с нами к Ксении Блаженной, – закричали девочки, забегая в квартиру к Роме. – Мы едем в ее часовню. Нам столько дали записок, чтобы мы оставили их у нее и попросили помощи. Ты едешь с нами.

– Да, я тоже хочу поехать, – сказала Катя.

– Заходите, ну какие вы все – таки шумные, южане! Давайте позавтракайте с нами, – обнимая будущую жену, пригласил девчонок Рома. – А потом я вас отвезу к Ксении Блаженной.

– Да, мы очень шумные! – громко сказала Инна Хворостова. – А чего ходить как мумии замороженные? Что ж ты нашу горячую южанку замуж берешь? Почему спокойную девушку не полюбил? Ну ладно, ты не переживай. Знаю, что любовь у вас временем проверена. Так что все нормально, живите.

– Спасибо, что разрешила! Молодожены у тебя забыли спросить, что им делать, – перебила подругу Нина – завуч. – Рома, не обращайте на нее внимание. Она от своей вредности не знает, что говорит.

– Ой, как у вас красиво! Можно мы квартиру вашу посмотрим? – спросили они со свойственной только провинциалам бесхитростной манере общаться.

– Конечно, смотрите, – ответил Роман. – И сегодня будете у нас ночевать, хватит Лену со Славиком напрягать.

– Ты что такое говоришь?! – завозмущалась Лена Штоум. – Девочки с юга мои землячки. Они мне как сестры.

Роза подмигивала Кате и сказала:

– Ты, молодец! Пора нам с тобой уже замуж. Лучшей партии ты бы и не нашла. Мельчал, нонче, мужик, понимаешь, мельчал! А Рома, он другой, посмотри какой серьезный! Какой тебе дворец построил. Он будет отличным мужем и отцом! Поверь мне.

Девочки приехали в часовню, моросил мелкий неприятный дождик. Катя подошла к маленькому зеленому зданию, и оно показалось ей таким родным и теплым. Она прижалась к нему лицом и почувствовала, что здание, – живое. От неожиданности Катя заплакала. Слезы сами катились у нее по лицу. Она еще ничего не знала о питерской святой. Она с нею только знакомилась. Но Катя сразу поняла, что любовь и уважение к святой Ксении Петербургской она будет испытывать всю жизнь.

Девочки еще долго были под впечатлением, когда Роман отвез их в Александро – Невскую лавру. Они ходили с круглыми глазами и восхищались вековыми произведениями искусства.

– Как можно было из металла вылить такие наряды, что каждая складка на одежде смотрится как живая! Такое ощущение, что она даже шелохнулась на ветру! Какая красотища! Впечатления переполняли душу! Они прикасались к чему – то святому и необъяснимому. Великие захоронения великих людей! Каждая из девушек ходила в тишине, и каждая оставалась со своими сокровенными мыслями о прошлом, о настоящем и неизведанном будущем.

Одна Инна Хворостова, подходя к могиле Достоевского, увидев стоящую там стопку водки с кусочком хлеба сверху, облизнулась, потому что очень хотела похмелиться после вчерашней самогонки Лены Штоум.

– Даже не думай! – закричала подошедшая Катя. – Достоевский тебе этого не простит!

– Девочки, нам уже пора! – сказала Лена Штоум. – Поехали, нужно готовиться к походу в театр.

– Да, точно, мы же сегодня идем в Театр Комедии, – сказали, спохватившись девушки.

– Девочки, вы хотите все успеть сразу? Но вы теперь, считай, местные. Теперь можете приезжать к нам с Катей в гости, когда захотите.

– Как это к вам с Катей? Она поедет с нами. Ей еще уволиться нужно.

– Не нужно, я договорился, что ректор нашего института повышения государственных и муниципальных служащих переводом ее забирает себе.

– Это все, конечно, хорошо, – сказала Инна Хворостова. – Но тебе, Роман Яковлевич, с отцом моим придется разбираться, за то, что вы лучшие кадры переманиваете.

– Не переживай, Инна, Я вам тоже здесь женихов с Розой найду. И замуж сюда мы вас в ближайшее время заберем. Знаете, сколько у меня хороших друзей холостых. Катя их уже видела.

– Да, очень хорошие ребята, – подтвердила Катя.

– Ну ладно, уговорил. Нам ведь тоже уже замуж пора! Так что не затягивайте с этим.

– Хорошо, понял! Будет сделано быстро! Завтра ничего не планируйте, я вас приглашаю в ресторан обмыть нашу с Катей помолвку. У меня уже зарезервирован самый лучший столик для вас. Так что вам больше не нужно будет заглядывать в окна кафешек, – засмеялся Рома и, улыбаясь, посмотрел на будущую жену.

– Вот Катька, ты у нас точно получишь. Все уже рассказала мужу, да? – махала кулаком Инна Хворостова.

– А как же. Теперь мы муж и жена – одна сатана. Поэтому у нас секретов друг от друга нет, – продолжал подшучивать над девочками счастливый жених.

Девочки хорошо отдохнули в любимом городе. Их очень хорошо везде принимали: не знали, куда усадить, куда уложить. Очень хлебосольными оказались эти питерские ребята. Но время летело безжалостно быстро, и командировочный отпуск подошел к концу.

Григорий Владимирович Хворостов поохал, повозмущался, но

разрешил Кате оформить перевод в такой же Центр повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, который находился в Санкт – Петербурге. Он дал ей замечательную характеристику и разрешил остаться в Питере, без отработки. Сказал, что по обмену опытом подарил им своего лучшего сотрудника. А также пригласил Катиного будущего ректора института к себе в гости. Он очень хотел показать воочию жизнь победителей соревнования.

На перроне провожала Розу, Нину и Инну Хворостову вся шумная компания во главе с семьей Лены Штоум. Роман разливал шампанское на перроне в красивые бокалы, а Катя стояла и плакала, потому что не хотела расставаться со своими любимыми подругами. У нее было двоякое чувство и радости и страха. Она хотела поехать уладить все на работе сама, но Рома уже ее никуда не отпустил. Он сказал:

– Хватит, я уже один раз отпустил тебя. Теперь ты никуда не поедешь. Мы теперь не будем расставаться с тобой никогда. Я очень тебя люблю, и я знаю, что я у тебя первый и последний мужчина. Прости меня, неопытного в женской психологии человека. Прости меня, дурака, мы и так с тобой столько времени потеряли. Нам нужно еще наверстать упущенное. А следующим пунктом нашего с тобой жизненного пути будет рождение детей! – сказал он тоном, не терпящим возражений.

– Рома, а знаешь, как говорят в народе: если ты хочешь рассмешить Бога, то расскажи ему о своих планах, – сказала Катя и серьезно посмотрела на своего будущего мужа. – Ну, что Бог даст, то и будет! – добавила она.

Глава 52

Горькая Балка то же проживала не совсем лучшие свои времена. Менялись хозяева власти. Только не менялись нравы. Клара Андреевна также выращивала цветочки, которые окружали ее заброшенный двор, заваленный разным хламом. На огороде разрасталась трава разных сортов, которую она продавала по сто рублей за пучок. Она продолжала разводить этакую «красоту» на продажу, потому что от каждого сантиметра земли хотела выжать как можно больше прибыли. В ржавых корытах разводила водяные лилии, вырванные из болот местные камыши. Как она говорила: «Для богатых дураков, которые думают, что покупают фирменные растения, а не местные сорняки». Окруженная обломками хлама, она на каждом свободном участке земли сажала разные цветы, начиная от крокусов с маргаритками и заканчивая крупными ромашками и колокольчиками. Когда цветы начинали цвести, она колдовала над ними и в этот момент была похожа на сказочную фею из сказки «Цветик – семицветик». Даже грязный халат выглядел, как настоящее царское одеяние среди этой цветущей красоты. Но даже запах этих цветов не мог перебить запах тошнотворной вони неповторимого «аромата» навоза, исходящего от находящихся по соседству коз, кур, коров, которых она тоже лелеяла и оберегала. Сочетание натасканного ржавого металлолома, красивых цветов и грязных животных и птиц было не совместимо с окружающей средой чистого южного села. Ее много раз штрафовали за антисанитарию, но она громогласно завывала свою песню возмущения, по которой было видно, что Клара Андреевна рыночная торговка и лучше с нею не связываться.

Местные жители недолюбливали ее за сплетни, которые она носила от двора ко двору. Они недолюбливали ее за жадность, которой та обладала в полной мере, и за зависть, которая родилась раньше нее. Трое ее детей тоже далеко не ушли от мамы. Как говорится, далеко не откатились яблоки от яблони. Дочь с нею так и не общалась. Но Клара Андреевна этого не замечала. Она отдавалась полностью своему процентному бизнесу. В народе ее называли Клара – процентщица! А проценты у нее были баснословные! Десять процентов в месяц от суммы займа. Это сто двадцать процентов годовых, а если долг вовремя не отдавался, то проценты прибавлялись к основному долгу, то сумма увеличивалась вдвое, и получалось по двести процентов в год. Но это были самые низкие проценты. Двадцать, тридцать процентов в месяц, – это были ее постоянные ставки в

зависимости от ситуации. Люди были очень «благодарны» ей за то, что она выручала их в трудную минуту. Она брала с них только расписку о займе с паспортными данными и каждый месяц, получив проценты, заставляла эту расписку переписывать нужным числом следующего месяца. Всем нравилось, что не было ненужной бумажной волокиты и что деньги можно было взять в любое время суток. Предприниматели ходили к ней за помощью и даже не догадывались, что попадали в невылазную кабалу к женщине в грязном халате бомжеватого вида.

Рост цен на коммунальные услуги превышал рост прибыли на товар, который они закупали на оптовом рынке. У людей исчезали из карманов деньги, старики умирали от голода в своих одиноких квартирах, люди переставали полноценно питаться, потому что им приходилось продавать выращенную своими руками похудевшую курицу, так как корм дорожал, а за вырученные деньги купить хлеба и оплачивать счета за свет, воду и газ. Да еще отдать проценты Кларе Андреевне.

Клара Андреевна была рада этому бизнесу не только потому, что он приносил хороший доход, а еще потому, что она чувствовала свою власть над людьми. Она так преуспела на этом поприще, что чувствовала себя владычицей людских душ. Она все вокруг себя умножала на проценты. В семье было принято даже родному сыну и мужу давать деньги в долг. Такой был устой их жизни. Ей очень нравился сам процесс, когда она встречала должника и требовала проценты. Она властно произносила свою волшебную фразу: «Должок!» И получала удовольствие от того, что провинившийся кредитор начинает унижаться и умолять ее подождать еще денек.

– Лариска, ты, когда отдашь долг?! – спросила угрожающе Клара Андреевна у пробегающей мимо девушки.

Лариса Вышакова, лучшая подруга детства Кати Снежко. Дочь знаменитых талантливых учителей Людмилы Егоровны, которая была похожа на актрису Людмилу Гурченко, и Владимира Владимировича, певца от Бога была из семьи учителей. Как и родители, одаренная от природы, умная и красивая, она бесценно прожила свою жизнь. Конечно, родители очень рано ушли из жизни. Те самые веселые, компанейские учителя Вышаковы, собиравшие у себя под яблоней молодой учительский коллектив Ефима Ефимовича спились и очень рано ушли из жизни. Осталось после них три их дочери: Лена, Люба и младшая красавица и умница, – Лариса. Сразу после школы она тоже поехала поступать в Институт иностранных языков вместе с девочками, как говорится, за компанию. Но ее гордый нрав понял, что это не ее жизнь, и она, сдав все экзамены на «отлично», пришла в ректорат

и сказала, что учиться у них не хочет и освобождает свое место для другого достойного абитуриента.

Человеком она всегда была волевым. Всегда говорила в глаза только правду. Человеком слыла строгим и категоричным. Терпеть не могла фальшивых и глупых людей. Лариса после того, как не захотела учиться в институте, устроилась работать на завод, влюбилась в молодого человека и пошла за ним под венец в красивом свадебном платье. Гости ждали ее за столом в ресторане, но так и не дождались. Невеста к свадебному столу так и не прибыла. Прямо перед загсом увидела, что ее будущий муж принимает наркотики.

Лариса подняла свое красивое, пышное свадебное платье, сбросила свадебные туфли и босиком побежала восвояси.

Гости гуляли свадьбу без невесты. А Лариса никогда не пожалела о своем поступке. Она добровольно посвятила себя политике: вступила в коммунистическую партию, стала профсоюзным боссом и там же первый раз в своей короткой жизни попробовала наркотики. Она влезала в огромные долги к Кларе Андреевне из – за такого дорогого пристрастия.

Лариса каждый день убеждала себя в том, что она делает это в последний раз, но просыпалась и бежала за новой дозой, потому что не видела выхода из создавшегося положения. Она уже не принадлежала себе.

Наркотики – это смерть при жизни! Лариса просто растворилась в них. Она с первой дозой рассталась со своей молодостью, красотой и жизнью навсегда. Ощущение того, что ты продал душу дьяволу, не покидало ее ни на секунду. Она понимала, что тонет, понимала, что кроме нее самой ей никто не поможет, понимала, что давно уже умерла, но ничего не чувствующее тело продолжало ходить по планете Земля, искать денег для очередной дозы.

Проблема займа денег была самой ужасной проблемой, которую придумал для людей дьявол. Лариса видела выход из положения, когда занимала первый раз деньги под проценты. Но постепенно она уже не принадлежала себе, она работала на Клару Андреевну, у которой постоянно просила на дозу.

Она искала выход из этой долговой ямы, куда она все глубже и глубже проваливалась. Казалось, вот выход из положения: бери кредит и отдай Кларе долг. Но как только она отдавала долг процентщице Кларе, то была уже в кабале у другого процентщика, – у банка. И Лариса опять понимала, что ей нужно искать где– то денег, чтобы закрыть кредит и купить очередную дозу наркотиков.

Она переставала спать ночами. Ее душа уже не принадлежала

ей, мысли были отданы дьяволу, который смеялся у нее за спиной и шептал на ухо: «С банками дела плохи. Пойди, займи у Клары Андреевны еще денег, чтобы отдать проценты государству. Иначе, позора не оберешься, когда из банка придут к тебе домой и опишут твое имущество! Займи у Клары Андреевны, не бойся! Ты обязательно заработаешь и отдашь. Ты же молодец! Ты самое лучшее на земле существо! Ты еще сомневаешься?! Да, купи себе дозу, последний раз купи, увидишь, что никаких проблем нет и все вокруг замечательно! И ты – лучшее на свете творение Бога! Пойдем, я всегда с тобой! Я действительно люблю тебя! А где твой Бог? Видишь, нет его! Он тебе даже не помогает вылезти из долгов! А я всегда рядом и всегда помогу тебе советом. Пойдем!», – говорил дьявол.

– Пойдем, пойдем, красота моя, – говорила Клара Андреевна. – Лариска, а что ж тебе твои сестры не помогают? Они ж вроде бы богатые! А ты одна, горемыка, маешься. Вкалываешь на этом своем заводе за десятерых. Получаешь прилично. Все равно не хватает. Вон худющая какая стала, как смерть. Наверное, есть нечего? Вот ты, бедная, то занимаешь, то отдаешь! Ну, я тебя люблю, понимаю, что тебе на лекарство нужно. Да ты и правда, что – то очень плохо выглядишь. Стареешь прямо на глазах. Вот сволочи, одни жиреют, а другие с голоду мрут! А, как же там твоя лучшая подружка Катька Снежко поживает, слышала я, что она в Питере живет? Говорят, за миллиардером замужем? Не слыхала ничего о ней. Пусть бы тебе деньжат подбросила.

– Да высылала она мне деньжат. Я же вам прошлый раз думаете за что отдала долг? У Катюхи, вроде бы, все хорошо. Только слышала я, что у них что – то дети не получаются. А так вроде все отлично. Она мне иногда денег тоже высылает, когда у нее есть шабашка. Ромка, муж ее, хоть и миллиардер, но, говорят, такой жадный, ужас! Первое время был очень внимательный, подарки дарил, цветы. Но потом не прошел «испытание деньгами». Говорят, гульнуть любит, да и руку на нее поднимает. Вечно наша Катька битая ходит!

– Ой, надо же так не везет всем бабам в их семье. Что матери, Ольге Снежко, алкаш Женька достался в мужья, что дочери жадный алкаш и кобель достался. Правда, говорят, что судьбу матери повторяет дочка. Ну, ничего, пусть терпит. Не люблю я их. Ольге так и надо, ходила тут царицей, пока они по соседству со мной жили. Сволочь она интеллигентная, в платьях модных ходила, нищенка. Откудова у них деньги были? Голодрань приезжая. Ведь это она твою мать и отца из школы уволила за пьянку, а ты с ее дочкой, дура, дружишь. Так им всем и надо! Пусть хлебнут лиха. Всему их роду пусть будет плохо! – зло

сплюнула Клара Андреевна. – Знаешь, много таких умных развелось. Ум есть, а хорошей жизни нет! А жизнь, она знает, что делает. Ладно, хватит языками чесать, давай пиши расписку и получай свои денежки.

– Сынок, посмотри, Лариска правильно написала или нет?! А то она уже и писать разучилась, смотри, как у нее руки трясутся от голода. Читай повнимательней, что она написала. А то она может специально какую – нибудь ошибку сделает, тогда и расписка будет не действительная, – говорила Клара и протягивала тетрадный листик своему сыну.

К двум женщинам подошел высокий, красивый, молодой человек. Но что – то было в нем незаметно отталкивающее. Он высокомерно – заискивающе и брезгливо взял расписку у Ларисы, отошел в сторону и несколько раз перечитал ее вслух. Потом вдруг резко повернулся и подбежал испуганно – весело к своей любимой мамочке и радостно – дебиловато закричал:

– Нашел, нашел!

– Что нашел, сыночек? – спросила Клара Андреевна испуганно.

– Ошибку нашел. Она не дописала в одном слове букву «а»! – закричал, тряся распиской, кандидат каких – то наук.

Младшему сыну Кларе Андреевне было тридцать лет. Он с отличием окончил институт, аспирантуру, занимал высокий пост в финансовой кампании «Факел», откуда и брал деньги для маминых заемщиков.

И, конечно, очень хорошо искал ошибки в расписках.

Лариса посмотрела своими мутными глазами на эту сцену. Подумала, что дьявол, по – разному окутывает своих людей. Одних заставляет занимать деньги, других – давать взаймы. И продолжает смеяться над теми и над другими. «В могилу, интересно, – подумала Лариса, – расписки не кладут? Вот если я умру, я ведь не смогу отдать долг? И как тогда мне быть? Я заберу с собой эти долги в следующую жизнь? И почему мне все время кажется, что я скоро умру?».

Лариса тяжело вздохнула и спросила у Клары Андреевны:

– Клара Андреевна, а почему у вас такие красивые, умные сыновья, одному тридцать пять лет, другому тридцать, а они до сих пор не женаты? Оба вроде при образовании и хороших должностях в финансовых компаниях, при квартирах и хороших зарплатах, а без жен?

– Да ты знаешь, – шепнула ей на ухо Клара Андреевна. – Они у меня очень жадные, поэтому и не женятся.

Сказав это, она громко рассмеялась на всю улицу и добавила:

– Все в отца пошли, козлы!

Глава 53

Прошел ровно год. А солнце все так же красиво светило в селе Горькая Балка. И, село все так же жило своей, только ему известной жизнью. Речка Горькая Балка медленно текла и была, как всегда, красивая и спокойная. На черной, как мазут, маслянистой глади воды красиво отражалось южное солнце этого засушливого края. Гладкая поверхность речки была иссине – черная, и в контрасте с нею совершенно белые утки напоминали черные и белые силы! Они ныряли в своих белых шубках в воду, выныривали, резвясь, из воды и старались догнать друг друга в своих играх. Детвора лежала на пыльном берегу реки, уступив временно место уткам, и пыталась загореть и согреться. Они смотрели друг на друга, дрожали, стуча зубами, и, весело прищурившись, пытались шутить над своими посиневшими губами.

– А ведь ничего не меняется, – сказала Роза, смотря на черную гладь воды. – Помнишь, мы так же в детстве купались, так же ныряли с бушуйка, и думали, что лучшего аквапарка нам не найти.

– Да, это точно, мы испытывали в детстве те же самые эмоции. Чувства не меняются с годами. Все эволюционирует, а чувства не становятся другими, они остаются прежними, – добавила Катя. – Ты знаешь, и с годами ничего не меняется. То есть ты взрослеешь, стареешь, а радуешься все так же, как в детстве. Эмоции не стареют! Вот я о чем! С годами они становятся только ярче! Поэтому и говорят, что старики с годами сентиментальнее.

Неожиданно загоравшие на берегу детишки с посиневшими губами подскочили и с криками: «Атас, директриса идет!», разбежались врассыпную.

К девочкам подошла красивая женщина в деловом костюме. Она была очень хороша собой. Небольшого росточка, как и ее мама Верочка Маленькая. Оля Курбатова была очень похожа на нее. Те же ямочки на щеках, та же обворожительная улыбка и кудряшки. В руках она несла свои босоножки, быстро перепрыгивая с кочки на кочку, чтобы не обжечь ноги о горячий песок. Она подошла к стоявшим девушкам. Рядом с нею, важно подняв голову, уверенно вышагивала, не боясь обжечься, ее старшая сестра по отцу Аля. Она держала руки за спиной и о чем – то думала, глядя себе под ноги.

– Катя, Роза, я так и знала, что вы здесь! Ну что, может, окунемся, вспомним детство? – предложила Аля.

– Давай, мы с удовольствием! Ведь эти грязевые ванны из чернобалковского ила и сделали нашу кожу такой бархатной, всем мужикам на радость, – ответила Катя подруге.

– Прям, так уж и всем. Одному Роме на радость. Катя, у вас правда, не все гладко? – спросила Аля.

– Да, девочки совсем не гладко. Меня так в Горькую Балку тянет. Меня даже сюда больше, чем в Шпаковку, тянет.

– Катя, мне не вериться, что тебя тянет в Горькую Балку из Питера! Там жизнь кипит. А здесь разрушенная деревня.

Помнишь, как наши родители говорили, что это было образцово – показательное село для иностранцев. И как не стало хозяина, все сразу пошло в развал, – сказала Роза.

– Да, такого руководителя, как Светлов Виктор Алексеевич, бывший председатель колхоза имени Ленина, никогда не будет! Такие руководители рождаются один раз в миллионы лет. Да и такие, как Ефим Ефимович, тоже. Я вроде бы и стараюсь школу держать в его духе. Но у меня не получается так, как у него. Родители стали злее, да и дети тоже. Очерствел русский народ, очерствел!

– А Светлов Виктор Алексеевич как поживает? Я слышала, что он в Кисловодске живет, – спросила Катя.

– Прям там в Кисловодске. Не выдержал он разлуки с селом нашим. Уже давно вернулся из Кисловодска в Горькую Балку, – сказала Аля, чертя, на песке непонятный круг с какими – то полосами внутри.

– Вот и по мне, Горькая Балка все – равно была и будет самым красивым и родным для меня селом. Конечно, сердце кровью обливается, что разруха добралась и сюда. Но все еще должно измениться к лучшему. Придут к власти настоящие хозяева, которые будут любить нашу огромную страну: города и деревни, хутора и поселки, аулы и кишлаки. И самое главное, будут любить мегаполис и аул одинаково.

– Да, Катюха, ты еще скажи, что хорошие дороги станут делать и в городе и в деревне, – обняла подругу Оля Курбатова. – И не будет больше в России двух бед, как говорили классики, потому что при хороших дорогах дураки не рождаются.

– Да, именно это я и хочу сказать. Сама посмотри, если в стране кризис, то всем плохо и в большом городе, и в маленькой деревне. Моя философия вообще такова, что мы стоим на месте, а вокруг нас крутятся огромные города, маленькие деревни и хутора. Жизнь течет в какой – то параллели с нами. Почему мы ищем во всем, что нас окружает, сходство?! Мне вообще кажется, что огромный Питер очень похож на нашу маленькую Горькую Балку.

– Точно! – подхватила разговор Роза. – Ты помнишь, когда мы первый раз приехали в Ленинград, нам река Нева показалась такой родной. Мы еще с тобой смеялись, сравнивая ее с Горькой Балкой.

– Да, такая же темная и маслянистая. Такая же непредсказуемая и своенравная, с такими же круговоротами от нашего бушуйка, – задумавшись, сказала Катя.

– Послушайте, мои дорогие подружки детства, только почему круговорот жизни нас закручивает так, что нам приходится встречаться всем вместе только по такому печальному поводу? – спросила Роза чуть не плача. – Почему так устроен мир, что самых красивых, самых умных он забирает очень рано? Лариса такая молодая умерла? Почему так у нее сложилась жизнь? Она и наркотики, вообще в голове не укладывается!

– Не спрашивай нас об этом, – сказала Катя. – Мы сейчас опять плакать начнем. Она и правда была самой красивой девочкой у нас в классе. Да что там говорить, она была и самой умной из нас всех. Я сама себе сто раз задавала этот вопрос. Я не могу, я, как вспомню, какая она стала худющая. Ведь кожа и кости. Наркотики проклятые! Почему самая сильная девочка из класса сломалась?! Может быть, мы все виноваты, что не смогли ее поддержать и вытащить оттуда, куда она попала.

– Катя, я всегда была рядом с нею, – сказала Оля, вытирая слезы. – Я ее на работу в школу взяла и к врачам возила. Но не смогли мы ей помочь, не смогли мы ее спасти.

Аля сердито посмотрела на младшую сестру и возмущенно произнесла:

– Может быть, не стоило с нею столько возиться? Постоянно ты с нею нянчилась. Со мною столько не общалась, сколько с ней.

– Аля, ты прекрасно знаешь, что Лариса всегда была очень замкнутой девушкой, с ней не очень – то пообщаешься. Она никогда не жаловалась на судьбу, всегда самостоятельно принимала все решения. Родные сестры, конечно, сволочи, что от нее отвернулись, когда с нею случилась эта беда. Но она никогда не держала зла на них. Даже когда после смерти родителей ее сестры оставили Ларису ни с чем, она всегда говорила: «Я на них зла не держу! У них же дети, а у меня никого нет, мне ничего не нужно.».

Она всегда была намного сильнее всех нас, поэтому мы не смогли ей ничем помочь. Она шла туда целенаправленно. Как будто заранее знала, что рано уйдет. Она мне всегда говорила, что так получилось, потому что дьявол сильнее нас всех и что он нас всех рано или поздно окутает своими земными соблазнами. Но последнее время она часто уходила в себя, постоянно о чем –

то думала, видно было, что очень переживала и все время говорила: «Ну, почему я атеистка? Почему неверующая, почему некрещеная? Если бы я была с Богом, я бы спаслась, но я к Нему не дошла!».

Девочки еще долго стояли возле маленькой сельской речки Горькой Балки, вспоминали Ларису, рано ушедшую от них, вспоминали свое детство и то, как их всех закрутил круговорот жизни…

Глава 54

Лидия Васильевна Николаенко ни одного дня не сидела дома, когда ушла на пенсию. После гибели старшего сына она долгое время не могла прийти в себя. Но двое оставшихся детей каждый день поддерживали маму и помогали ей и отцу пережить горе.

Смерть старшего сына Ильи очень потрясла всю семью. Саша Петров еще больше запил с горя, сломался и стал превращаться из красивого мужчины в старого опустившегося деда. Лидия Васильевна еще сильнее похудела, почернела, стала совсем седой, но, в отличие от мужа, не опустила рук, а с еще большим рвением окунулась в работу и воспитание внуков.

Верные подруги: Оля Снежко и две Верочки, – всегда были рядом. Они часто встречались, общались. Их дети то же были очень дружны между собой. Новое поколение переняло эстафету взаимопомощи и дружбы у своих родителей, и девочки то же старались не расставаться надолго. Они всегда помогали друг другу и сразу прибегали на помощь к тому, кто в этом нуждался.

Они часто приезжали в Горькую Балку, останавливались всегда только у Лидии Васильевны. Ее гостеприимный дом всегда был открыт для всех без исключения. Очень большой, светлый дом с огромной библиотекой, оставшейся Лиде по наследству от папы, заведующего районо. Дом был соединен небольшим переходом с летней кухней, которая тоже была большой и светлой.

«Уют исходит от людей!», – так и хотелось сказать, видя этим милых, улыбчивых хозяев дома.

Лидия Васильевна, несмотря на годы и все неприятности, выпавшие на ее долю, оставалась очень добрым и отзывчивым человеком. Ее очень любили ученики и их родители, не говоря уже о друзьях. Из школы и Горькой Балки никто не хотел ее отпускать.

Все уроженцы села Горькая Балка жили одной дружной семьей. Радости и горе всегда делили пополам. Валя, дочь Лидии Васильевны очень любила своих подруг детства, – Катю и Розу. Она, будучи самой младшей из них, всегда считала их своими старшими сестрами. С детства они были вместе на всех учительских праздниках, пикниках, в путешествиях к морю. Коллектив школы Горькой Балки поддерживал все традиции, начатые Ефимом Ефимовичем. И каждый год весь учительский коллектив вместе со своими семьями ездил к Черному морю. Девочки часто вспоминали свое веселое беззаботное детство,

своих еще тогда молодых родителей. И удивлялись, как быстро бежит время. Кого – то уже не стало, и это было очень печально. Кто – то достиг своих вершин, и это очень радовало. А кто – то вообще продолжал быть недовольным своей жизнью и даже не заметил, что она уже прошла…

Вот и Клара Андреевна прибежала на речку и еще издалека запричитала:

– Ваша Лариска Вышакова меня обокрала, взяла и умерла! Давайте собирайтесь и отдавайте за нее долги! Вы же богатенькие, с вас не убудет! Сейчас же чтоб отдали, сволочи! Вот расписка, видите, написанная ее рукой. Вы же ее подруги, верните мне ее долг! Я за нею в могилу не полезу!

Катя выхватила из рук Клары Андреевны расписку, разорвала ее на мелкие кусочки и со злостью бросила их в лицо процентщице. Девочки брезгливо смотрели на ползающую на коленях в пыли Клару Андреевну, которая собирала разлетевшиеся в разные стороны обрывки Ларисиной земной жизни.

Катя посмотрела на нее с пренебрежением и сказала:

– Клара Андреевна, не рыдайте, мы и без расписки отдадим вам Ларисин долг, только запомните одно: если человек в душе честен, ему никакие расписки не нужны!

– Правильно! – поддержали подругу Оля Курбатова и Роза, – мы отдадим вам все до копейки. Нам ваши грехи не нужны. А вас нам искренне жаль, да не только вас, а ваших детей, внуков, весь род по седьмое колено, ведь им придется нести наказание за ваш страшный грех. Даже в Библии написано: возьми столько, сколько дал, а лишнее – это от дьявола… Мы вас поздравляем, вы открыли дверь в ад!

– Ничего, ничего, – угрожающе произнесла Клара Андреевна, – за меня отомстит Волчица!

– Какая такая Волчица? – спросила Катя.

– Да говорят, что бандой боевиков управляет какая – то Волчица, – сказала Аля. – Но никто и никогда ее не видел. Очередная сплетня в селе.

– Девочки, пойдемте! Мама стол накрыла, вас ждет, – прервала их разговор подбегающая к ним Валя. – Я так и знала, что вы на речке. Ладно, хватит плакать, жизнь продолжается, ничего уже не изменить, Лариску не вернешь. Она уже ушла с нашей грешной земли, значит, так нужно было. И ей, поверьте мне, намного лучше сейчас там, чем здесь. Маме поменьше напоминайте о случившемся, а то она начинает опять Илью вспоминать, как всегда. Давайте лучше будем рассказывать ей о

своих победах без поражений.

– Хорошо, мы тебя поняли, философ, – пообещали девочки и, не глядя на ползающую в пыли Клару Андреевну, пошли домой к Лидии Васильевне Николаенко.

– Валюха, а ты, говорят, замуж собралась, да?

– Да, собралась! И ничего от вас не утаишь! Я хотела вам сюрприз сделать. Вы знаете, где я буду теперь с мужем жить?

– Где? В Москве или в Вашингтоне? – спросила, улыбаясь, Роза.

– Да сдался мне твой Вашингтон! – толкнула подругу Валя. – Я буду жить в Горькой Балке и никуда отсюда не уеду. А жить я буду в Катином коттедже, на улице Ленина. Моему мужу этот коттедж наш председатель колхоза к свадьбе подарит. Бывшие жильцы уехали в столицу, а коттедж освободили. Ты помнишь, Катя, как я тебе говорила, когда маленькая была: «И зачем мои родители дом стали строить? Мне так ваш двухэтажный коттедж нравиться. Я очень хочу здесь жить.». И вот вам, пожалуйста, детские мечты сбываются! Сейчас приватизация идет, нам председатель так и сказал: «Я вам советую приватизировать его себе насовсем».

– Вот и хорошо, я очень рада за тебя! – сказала Катя. – Я буду приезжать к тебе в гости в свои родные стены! А то вечно хожу вокруг коттеджа, заглядываю в окна и вспоминаю детство. А так хочется зайти, посмотреть, как там теперь. Ура! Я очень рада!

– И мы тоже за тебя рады! – сказали подруги детства. – А мы помним, как ты говорила, когда ходила по Катькиному коттеджу: «Ничего, ничего, я вырасту, замуж выйду, и муж мне такой же подарит!», – смеялись девчонки.

– Не трепитесь! Придумываете на ходу! Возьму и вообще вас на свадьбу не позову.

Дочь Лидии Петровой, Валя, как и мама, очень любила детей и стала воспитателем детского сада. Коллектив, в котором работала Валя, тоже был очень дружным и отзывчивым. Младшая дочь Валечка была просто красавица, копия своей мамы, такая же черноглазая, с длинной косой, и так же влюбляла в себя всех парней села. Рано вышла замуж за своего одноклассника и однофамильца. Все в селе удивлялись, что фамилию менять не придется. У Лидии Николаенко, родился внук Антон Петров. С детства всем лечил зубы, представляя себя врачом-стоматологом. Самые красивые дети и внуки в селе были у Лидии Васильевны и у Александра Ивановича Петровых. «Дети любви», – как их все называли.

Валя обняла Розу и засмеялась:

– Ой, у нас еще кто-то на выданье! Роза же в Америку

уезжает? Ты девочкам сказала, что замуж выходишь?

– Слушайте, о какой Америке идет речь? – спросила Катя.

– Да Роза наша замуж за американца выходит. Был здесь один по обмену опытом. Влюбился в нее без памяти. Теперь она уезжает от нас в Вашингтон. Ты что, будем к ней туда ездить!

Катя остановилась, посмотрела на подругу. Глаза у нее округлились: – Почему ты ничего не говорила. Вот это новость!

– А потому что она этого еще не знает. Жених сидит сейчас у нас дома и мило общается с ее мамой и просит ее руки.

– Неужели Чарльз вернулся? – удивилась Роза.

– Вернулся, вернулся. Мало того, еще столько заграничных подарков привез! Иди, посмотри! – добавила Валя.

Девочки пошли знакомиться со знаменитым американским гостем. Они знали, что Розе он тоже очень нравился. Высокий симпатичный молодой человек приехал специально в Россию, чтобы увезти отсюда русскую невесту. Он объездил всю большую страну с одной, единственной целью, – найти себе достойную жену. Его пригласили местные бизнесмены, которые искали новый рынок сбыта минеральных удобрений.

Молодой бизнесмен хоть и был городским жителем, но имел свое фермерское хозяйство. У него было очень много идей для продвижения своего бизнеса. С ребятами из России он давно дружил. У них были совместные проекты. И самое главное, он часто бывал в нашей стране и ему очень нравились наши девушки.

Роза в совершенстве владела английским языком. Она была приглашена в качестве переводчика для группы бизнесменов из Америки. Любовь с первого взгляда вспыхнула у ребят, как только они увидели друг друга. Чарлз много говорил Розе о своих чувствах и обещал приехать за нею, забрать к себе на родину. Никто не верил, что молодой человек вернется. Иностранцы все так говорили, что хотят жениться на русских девушках, а когда возвращались домой, то родители проводили с ними соответствующую разъяснительную беседу, и они в Россию больше не возвращались. Но с Розой этого не случилось, и она уехала жить в Америку со своим любимым мужем.

Глава 55

Верочка Маленькая – Курбатова со своим мужем – дагестанцем продолжали жить счастлива в городе Михайловске. Но беда никогда не спрашивает разрешения, когда ей можно прийти. Несчастье ворвалось в их семью неожиданно.

Верочка Маленькая внезапно заболела и попала в больницу в город Ставрополь. Муж не отходил от нее ни на шаг. Он сидел возле ее постели и все время держал Верочку Маленькую за руку. Весь медперсонал очень удивлялся, как можно так сильно любить, прожив вместе такую долгую семейную жизнь и смотреть на свою жену такими же влюбленные глазами, как и в первый день знакомства. Таких пар было очень мало. И поэтому молодые медсестры забегали посмотреть на влюбленную пожилую парочку. Они даже немного завидовали им и в мечтах примеряли на себя их модель семейной жизни.

Медсестрам было интересно, что любовь старшего поколения может быть такой долгой. Верочкин муж вообще ни на кого не обращал внимания. Он постоянно спрашивал супругу, как она себя чувствует. Кормил ее с ложечки, сам переодевал ее, никого не подпускал к ней, он вообще не отходил от нее ни на минуту, постоянно сидел возле своей любимой жены и не уходил домой вообще. Даже врачи были удивлены такими чувствами зрелого мужчины. Он три ночи подряд дежурил возле ее постели, ничего не ел, совсем не спал и только грустно смотрел на умирающую жену. Заведующий отделением, увидев это, разрешил им переселиться в отдельную палату для двоих.

Оля и Аля Курбатовы все бросили, и сразу примчалась из Горькой Балки в краевой центр. Они очень переживали за свою маму и были напуганы состоянием ее здоровье.

В общей палате до того, как их перевели в отдельную, с Верочкой Маленькой лежала одна женщина, которая видела, как Верочку покидали жизненные силы. Однажды подошла к ее дочерям и сказала:

– Я знаю, что с вашей мамой. У нее порча. Ей сделали на смерть по ошибке, хотели кому-то из подруг. Вы узнаете, кто это сделал немного позже. На вашей маме, помимо порчи, очень много плохого глаза. Я смогу ее вылечить, только мне нужно, чтобы вы меня оставили с нею на несколько минут наедине.

Аля стала возмущаться, что все это прошлый век и что она не верит в колдовство и порчу. На что отец сделал ей замечание и вывел ее и Олю из палаты.

Стоя в коридоре, они слышали, как знахарка читала над

Верочкой молитву. Читала долго, громко, затем вышла и позвала почему – то младшую дочь Олю, чтобы та повела маму в душевую кабинку. Когда Оля держала душ и помогала маме купаться, то она увидела, как что – то черное из нее вытекает. Она была в ужасе от увиденного. Но после этого лечения молитвой, Верочке Маленькой стало легче, и она пошла на поправку.

Верочка Маленькая никак не могла поверить в то, что есть темные силы, которые могут убить человека. Она всю жизнь была неверующая, в институте изучала такой предмет, как атеизм, и была уверена, что все это предрассудки. Но к Богу каждый человек приходит в свое время.

Ее дочь Оля Курбатова тоже не верила в Бога до случившегося несчастья. И, будучи на данный момент директором школы в Горькой Балке, не понимала, почему люди ходят в церковь за несколько километров, в соседнее село Отказное?

Старая, полуразрушенная сельская церковь была настоящим произведением искусства. Она горделиво стояла возле федеральной трассы. И все проезжающие люди с восхищением смотрели на Божий храм, который выдержал вражеские бомбардировки в Великую Отечественную войну. И кровавым пятном стоял у дороги величественный и не сломленный. Храм просто не возможно было не заметить: среди маленьких покосившихся изб. Но церковь из красного кирпича возвышалась и сейчас и тогда, когда фашисты не смогли ее найти. Жители села Отказного прятали ее, как могли! Накрывали церковь спиленными деревьями и всей деревней ткали огромный ковер защитного зеленого цвета, чтобы спрятать свою красавицу и защитницу от варваров! И она выстояла и защищала всех людей, проезжавших мимо.

– Настоящую любовь можно сглазить, – думала Олечка Курбатова. – Родители так любили друг друга, что все женщины не могла пройти мимо, чтобы не позавидовать такой сильной и яркой любви. Женщина с молитвой, которая выливала порчу, сказала: «Вера, тебе сделали порчу на смерть. Кто – то позавидовал вашей сильной любви, но теперь я поставила тебе защиту. Ты очень открытый человек, поэтому тебя легко сглазить. У тебя есть три подруги, такие же открытые, как ты. И у всех у них в жизни много переживаний, потому что на них на всех тоже есть порча. И она вкратце рассказала о жизни каждой из ее подруг.».

Верочка Маленькая была настолько удивлена, что никак не могла понять, как эта незнакомая ей женщина могла увидеть, что у нее есть три лучшие подруги, у которых тоже не все гладко в

жизни. Но женщина объяснила ей, что она верует давно и искренне, что у нее открылось духовное зрение. Верочка Маленькая не успела поразмыслить над этим, как три неразлучные подруги появились у нее в отдельной палате.

Подруги Верочки – хохотушки прилетели вмиг, когда узнали, что с нею случилась беда. Вера Большая, Оля Снежко и Лида Николаенко всегда были вместе, когда кто-нибудь из них нуждался в помощи.

Многолетняя дружба, настоящая, проверенная временем, спасала их всегда! Сразу откуда – то появлялись силы жить, творить, любить, когда они собирались вместе. И точно так же, как и в студенческие годы, они засиживались до утра, секретничая о своем, о женском.

– А говорят, что женской дружбы не бывает! Еще как бывает! – смеялись они, собравшись опять вместе. – Нашей проверенной дружбе будет столько лет, сколько каждый из нас проживет!

Вообще нужно сказать, что Верочка Маленькая, хохотушка – веселушка, очень любила всех своих подруг. Она сказала, что своих дочерей будет называть именами любимых подруг. Первую свою дочь назвала Олей в честь Оли Снежко. Но, к сожалению, Бог больше детей не дал. Но она всегда говорила, что внучкам обязательно повезет больше и она им даст имена, – Вера и Лида.

Оля Снежко вместе со своей тезкой сидела возле постели Верочки Маленькой и радовалась вместе со всеми, что та пошла на поправку.

– Ну, ты нас напугала, – говорила Оля Снежко. – Ты так, пожалуйста, больше не поступай! Ты знаешь, что и так вообще житья нет от этих завистников, так ты еще и порчу, какую – то подцепила.

– Да я и сама не на шутку испугалась. Думала, ну вот и все, отжила свое!

– Ты что, забыла, что мы с тобой не пили спиртное, не курили, плохого никому не делали, значит, должны прожить до сто двадцати лет. Ученые давно подсчитали биологический возраст землян. Сто двадцать лет! А то, что не дотягиваем, так это наши стрессы, наша ненужная суета, наши грехи. Мы сами себе даем установку: «Я буду жить до шестидесяти лет!» А нужно сразу сказать: «Я буду жить по максимуму, до ста двадцати лет!».

– Вот и правильно Ольга Семеновна говорит, – поддержала разговор дочь. – Хватит хандрить. Еще внуков нужно вырастить, правнуков.

Программа еще не выполнена здесь на Земле.

– Вот и то правда! Ладно, уговорили! Иду на поправку!

– Вот и хорошо! Ну что, директрисы, обмен опытом Ефима Ефимовича будете передавать следующим поколениям? – спросила, смеясь, Аля Курбатова.

– Будут, будут! Мы еще держим равнение на ту учительскую школу! – засмеялась ее сестра Оля и, посмотрев на старшее поколение, гордо произнесла: «Я свой коллектив постоянно вожу в горы, на море. Мы всей Горькой Балкой постоянно выезжаем на пикники к праздникам. Детей учителей тоже не оставляем без внимания. В этом году возили их в Санкт – Петербург к Кате. У нас были самые интересные экскурсии. Им очень понравилось!

– Это все правильно вы делаете, – сказала Оля Снежко. – Главное, чтобы коллектив был очень дружным, без зависти друг к другу. Чтобы была одна семья, каждый друг за друга переживал, и чтобы все помогали друг другу. Вот мы говорим: дети сейчас стали другими, их родители тоже. Но ведь если правду сказать, то не от хорошей жизни, люди стали злее. Посмотрите, что вокруг происходит: каждый сам по себе. А по телевизору какие новости показывают? Это ж не новости, а фильмы ужасов.

Девочки переглянулись и засмеялись. В последнее время и правда было столько на людей выплеснуто черного негатива из цветного ящика. Хотелось сразу переключить телевизор на другой канал. А там тоже самое: «УУУУ, там произошло то – то, а там то – то.» И куда бежать неизвестно. Даже реклама была пугающей: «У вас во рту ужас что творится! Сколько микробов! Почти как в унитазе!» И показывают микробы во рту и в унитазе!

И на грязных носочках их детей.

– Мой сын Миша вообще телевизор не смотрит, – продолжала Оля Снежко. – Он мне говорит: «Мама, ученые недавно провели эксперимент и выявили, что большинство инсультов наступают после вечерних новостей. Ты, – говорит, – лучше в церковь сходи. Там такая атмосфера, что мозг взрослого человека при чтении молитв становится чистым как у младенца. И, – говорит, – если часто ходить на службу, то можно надолго остаться молодым». Вот он, секрет молодости! Ученые сами в шоке от своих экспериментов!

– Оля, а правду говорят, что Миша собирается уходить в монастырь?

– Да, он хочет уйти из мирской жизни. У него не все здесь получается.

С женой развелся. Пьет много, как когда – то и его отец пил. Генами передалась болезнь алкоголизма. Но он борется со своим недугом и поэтому хочет уйти в монастырь. Здесь со своими дружками ему не справиться со своей пагубной привычкой.

– Ну, а Женя Черкашин, муж твой, он же остановился?

– Верочка, ты же знаешь, что он никогда не остановится. Никогда! Он останавливается максимум на полгода, а потом опять на неделю в запой. Сейчас увлекся пивом. Каждый день по трехлитровой банке покупает. Там почки, видно, уже скоро не выдержат, – сказала грустно Оля.

– Но он тебя очень любит. Просто болезнь сильнее его любви оказалась.

– Я, если честно, уже ни бороться, ни ругаться, ни разводиться не могу. Устала от всего. Будь что будет! Одной тоже страшно. Дети разбежались кто куда: Катя в Питере, Миша в монастырь собирается. Вообще – то сын, когда не пьет, такой замечательный человечек. Жаль, что я ничего не могу сделать с этой болезнью. Я его и лечила, и кодировала, ничего не помогает. Теперь с двумя алкашами воюю. Сына в одной двери ловлю, когда он из дома с книгами на продажу убегает, а муж в это время в другую дверь выбегает, и тоже с книгами. Уже из дома всю библиотеку вынесли и не только, короче, все что могли, вытащили. У меня сил нет с ними бороться!

Катя в Петербурге, я ей ничего не рассказываю, не хочу расстраивать. Одна с ними воюю. И уроки веду за них тоже, чтобы Верочку Маленькую не подводить, занятия в школе не срывать.

– Олечка, красавица моя! – сказала Вера Большая. – Ну почему именно у вас с Лидой такая женская судьба получилась из нас четверых?

Честно сказать, мы с Верочкой Маленькой думали, что вы у нас будете самыми счастливыми! А теперь смотрим и видим, что все не так сложилось, как мы хотели. Теперь будем переживать за наших детей, за следующее поколение наше. Что ждет их впереди?!

– Да, это точно, уже и сейчас переживаем за них, – сказала Верочка Маленькая. – Доченьки, смотрите в оба, когда замуж будете выходить, – пригрозила Але и Оле мама. – Сразу смотрите, пьет он или не пьет, жадный или щедрый. А то вляпаетесь, как мои подруги.

– Мамочка, я тебе могу сказать точно: я не знаю, красивый, богатый или бедный будет мой муж, но я знаю точно, за кого выйду замуж: за того, кого полюблю, – уверенно сказала Оля.

– Я тоже буду выходить замуж только по любви, – поддержала младшую сестру Аля Курбатова.

– В этом мы как раз и не сомневаемся. Мы все так же выходили замуж, – по любви! А что эта любовь нам каждому разное подарила в жизни, мы вам теперь можем признаться.

– Говорят, что дочки повторяют судьбу своих матерей. Поэтому у меня будет тоже любящий и любимый муж, как у

тебя, – обняла Верочку Маленькую Оля Курбатова.

Верочка Маленькая пошла на поправку, и скоро ее выписали из больницы. Врачи долго еще вспоминали эту влюбленную пожилую парочку. Они восхищались мужчиной и говорили, что только мужчины кавказской национальности умеют так любить. И что у них в крови есть ген покровительства женщине. Они ею восхищаются, носят на руках, защищают мать своих детей от проблем и что уважение к матери заложено в них с самого рождения! А ходить с поднятой головой и делать неприступный вид – это всего лишь их защитная реакция, и только.

Дочь Верочки Маленькой, Олечка Курбатова, была метиской и, как все метисы, очень красивой девочкой. Она всегда весело смеялась, как мама, и тоже была душой компании. Но если ее стоило разозлить, то кавказская кровь закипала так, что ее уже было не остановить. Хватка руководителя была у нее от рождения. Даже когда она училась в школе, она уже тогда была лидером, и Верочка Маленькая все время говорила, что ее дочь очень похожа на ее подругу, Олю Снежко. Она поэтому и имя дала ей в честь своей любимой подруги. Олечка Курбатова вышла замуж, как и говорила, по любви за сына Васи Гуляева – ветеринара, который еще в детский сад ходил вместе с нею, и еще тогда предлагал ей быть ее мужем. А сейчас он стал главой сельской администрации села Горькая Балка и, не задавая лишних вопросов, понес ее в загс на руках.

А вот ее сводная сестра Аля Курбатова ненавидела всех мужчин вместе взятых. Она и на свадьбе у сестры устроила дебош, потому что ей не понравилось, как один из парней ей сделал замечание. Она вывела его из ресторана и избила. Но все уже привыкли к ее выходкам, и никто не обращал на это внимания.

На свадьбе у Олечки Курбатовой, конечно, были все четыре подруги и их дети. Свадьба очень напоминала, – комсомольскую свадьбу Оли Снежко.

Да и проводилась она все в том же школьном спортзале: настоящая сельская свадьба, с гармонью и веселыми розыгрышами. Больше всех на этой свадьбе танцевала Вера Большая, которая жила в Москве, и которая побывала на многих столичных свадьбах в лучших ресторанах города. Но лучшей свадьбы, чем в ее любимом селе Горькая Балка она не видела. Она была восхищена тем, что дух села не менялся, и она снова попала в свою молодость.

Вера Большая уже довольно долго жила в Москве, работала в министерстве образования. И по роду своих обязанностей держала руку на пульсе всех образовательных учреждений и,

конечно, на руке своей дочери Розы, которая тоже выплясывала вместе с нею у любимой подруги на свадьбе.

Вера Большая смотрела на дочь и улыбалась своим мыслям: она никак не ожидала, что эта рука так далеко от нее уедет. Она знала только одно: Америка – это другая жизнь, другие нравы, другие традиции. Как там будет жить любимая и единственная дочь? Но в семье никогда не пропагандировалась любовь по расчету. Все было по обоюдному желанию, и дочь уехала счастливая за мужем, которого она очень уважала и любила. Язык Роза знала в совершенстве и сразу влилась в новую американскую семью.

Подруги дочери обещали Вере Большой, когда Роза уедет, приезжать к ней в гости, чтобы она не скучала. Но больше всех ее навещала Аля. Замуж она так и не вышла, потому что у нее были очень завышенные требования к будущему супругу. И, не обремененная семьей, она колесила по нашей огромной стране и часто бывала за рубежом. В Питере у Кати она была самым любимым гостем. Даже Роман, муж Кати, всегда очень радовался ее приезду. Она постоянно приезжала на какие – то курсы повышения, на семинары и форумы. Все говорили, что она, как и ее отец, Магомед будет политиком. Аля знала многих коллег отца, была вхожа в семью Веры Большой. И знала, чем дышат министерства и ведомства, которые она часто посещала по роду своей деятельности. Аля была кандидатом в депутаты. Она постоянно советовалась с Олей Снежко в некоторых вопросах, потому что Оля Снежко уже была депутатом краевого совета и много работала. Посоветовавшись с Алей, она решила отдохнуть и съездить к дочери в Санкт-Петербург.

Глава 56

Санкт-Петербург тоже с нетерпением ждал Ольгу Семеновну Снежко. Она, как всегда, решила сделать себе праздник для души: приехала в гости к любимой дочери Кати. Белые ночи раскрыли свои объятия и мягко окутывали своей теплотой гостей и жителей северной столицы.

На набережной пели свои «музыкальные шедевры» местные колоритные бомжи. Их также снимали на любительское видео туристы из разных стран. Продавцы сувениров сидели на бетонных обрамлениях красавицы Невы и выкрикивали свое знаменитое: «Приобретаем Чижика! Не забываем!».

Веселые экскурсии по Неве проходили одна за другой на многочисленных катерах. Белоснежные маленькие яхты обходили стороной, важно стоявшие огромные белые иностранные корабли, привезшие туристов из разных уголков земли. Весело и бесшабашно прогуливались по Адмиралтейской и Английской набережных, студенты.

Люди всех возрастов мчались на роликовых коньках им навстречу. Экскурсионные автобусы медленно разъезжали по историческим местам красивого города. Туристы фотографировались на фоне знаменитых дворцов и соборов. Их восхищали незабываемые архитектурные сооружения в стиле классицизма и барокко!

Оля Снежко очень любила этот замечательный город и с удовольствием приезжала сюда подышать его историческим воздухом и, конечно, навестить дочь с зятем.

Дочь и мама сидели за чашечкой чая и вспоминали родственников.

– Как же там чувствуют себя мои любимые тетя Галя и тетя Ира, и мои двоюродные сестры и братья? – спрашивала Катя у мамы.

– У них все по – старому. Тетя Ира продолжает гонять своего мужа Квазимоду. Он так же пытается от нее защищаться. Недавно они опять поскандалили, что просто ужас! Лица ее ты бы не узнала. Он так ее избил, что собирали по косточкам. Нужно делать пластическую операцию. А тетя Галя растит троих детей: Настя и Маша выросли такими красавицами! Степа, младший сын, их наследник, собирается в этом году поступать в институт. Он у них очень смышленый малый. А дети тети Иры живут у нас в городе. Наташа больше замуж не вышла, работает на телеграфе, а Саша открыл сеть ювелирных магазинов! В общем, все, как и прежде. А как ты здесь поживаешь? У тебя все хорошо? Рома не

обижает?

– Нет, мама. Рома не обижает, только последнее время выпивать стал часто. У него банкеты, презентации. Конечно, все это ему не очень нравится, а куда деваться? Это часть его работы. Расширяют рынок сбыта, наращивают связи. Но я его поддерживаю, как могу. Иногда меня все это раздражает, а иногда я просто хочу все бросить и убежать куда – нибудь.

– Катюша, а почему у вас дети не получаются? Может нужно врачу показаться? Уже и внуков хочется.

– Мама, я на днях еду с Ромой к одному медицинскому светиле. Он нам расскажет всю правду, почему у нас не получаются дети. Мы с Ромой не знаем причину.

На следующий день Катя и Рома поехали к доктору. Сдали анализы и были приглашены на повторный прием через три дня. Катя ходила спокойная. Она знала, что все у них будет хорошо. Врачи подскажут, какие витамины нужно будет пропить, и дети у них обязательно будут, она в этом не сомневалась! Вечером того же дня она нашла конверт под дверью квартиры. Катя подняла его, развернула и увидела, что в конверте лежит свернутый кулечек с какими – то деревяшками.

– Мама, смотри, нам кто – то подложил конверт под дверь, а там мусор какой то, – удивленно произнесла Катя.

– Доченька, выброс, пожалуйста! Сходи на улицу, сожги все и побрызгай святой водой это место.

Катя все сделала, как ей сказала мама. Но, в тот же вечер, с нею начали происходить невероятные вещи. Она билась в истерике оттого, что чувствовала жгучую ненависть к своему супругу, она видеть его не могла и уходила спать в комнату для гостей. Ее все в нем раздражало. Она начинала задыхаться, как только слышала его голос.

Мама пригласила в дом экстрасенса, и та сказала, что на семью наведена порча на смерть, и, самое страшное, сделана обоим супругам. Она провела соответствующий ритуал, попросила Рому принять тоже участие в очищении. Но он категорически отказался и сказал знахарке, когда провожал ее:

– Я не верю во всю эту чушь! Уходите! И забудьте сюда дорогу!

На следующий день Кате стало легче после молитв, которые прочла знахарка, она сказала Кате, что порчу с нее убрала, а вот мужу, который отказался лечиться придется в жизни очень туго. После ее ухода Катя позвонила доктору – светиле, и тот попросил ее к нему заехать. Она быстро собралась и поехала в медицинский центр. Ей очень хотелось узнать причину своего бесплодия. Катя зашла с учащенным сердцебиением к врачу. Она очень боялась

услышать самый страшный диагноз, дрожащей рукой открыла дверь, поздоровалась, и тихо спросила:

– Скажите, пожалуйста, какой курс лечения мне нужно пройти, чтобы я стала мамой. Я очень хочу иметь детей.

– А вы и будете их иметь. У вас все замечательно. Вы совершенно здоровы. И у вас будет столько детей, сколько захотите. А вот с вашим супругом, наоборот, не все в порядке. Вернее даже, все очень плохо. Вот подойдите сюда, посмотрите. Это его результаты анализов. Видите, в процентном соотношении написан состав сперматозоидов. Вот, видите? Подвижные, малоподвижные формы, мертвые. А у вашего супруга все перечеркнуто и написано – «Не обнаружены». Это говорит о том, что ваш супруг стерилен и у вас от этого брака детей не будет никогда.

Катя ничего не слышала. Слезы горячими струйками текли по щекам. Она сидела и не понимала, как дальше жить? Как сохранить семью? Детей придется брать в детском доме? Что делать?

– Вы не плачьте, – прервал ее размышления доктор. – Таких семей очень много по стране. Только если хотите сохранить семью, вам нужно ничего не говорить мужу. Я ему пропишу уколы, витамины. Вы ему их проколете. А сами поищите себе подходящего мужчину, от которого захотите иметь ребенка. Понимаете, ложь во благо! Это тот самый случай. Так многие делают. Он ничего не узнает. А вы, как умная женщина, сохраните семью. И будет у вас полноценная семья с ребенком.

Катя выходила от врача и не хотела верить услышанному. Она зашла в аптеку, купила шприцы, витамины и шла домой с глазами, полными слез. Зайдя в свою любимую кафешку на Невском, она не могла успокоиться, и все время рассматривала анализы мужа. Потом она разорвала эти бесцветные коричневые бумажки с «семейным приговором» и вышла из кафе.

Она побрела, куда глаза глядят. Очнулась она возле своих волшебных друзей – атлантов у старого входа в Зимний дворец. Когда ей было плохо, она всегда подходила к старой парадной Зимнего дворца и касалась ногтя большого пальца у каждого из Атлантов, загадывая желание.

– «Почему мне так плохо? Почему я всегда попадаю в такие ситуации? Почему именно я? Нет, я не смогу нянчить ребенка от другого мужчины и говорить Роме, что это его ребенок. Этого я никогда не смогу сделать. Но и правду, я Роме не скажу. А вдруг врач ошибся? Нет, что мне теперь делать? Как поступить?», – думала Катя, прогуливаясь по городу.

Только поздно вечером Катя пришла домой, села в комнате с

мамой и рассказала ей все как на духу.

Оля Снежко была очень огорчена этой последней новостью. Она не знала, чем помочь дочери в этой ситуации? Как поступить? Это какая – то страшная истина, которая ворвалась в семью, как ураган, и стала сметать со своего пути все мысли и слова поддержки. Что посоветовать в такой ситуации дочери? Открытым текстом сказать, чтобы изменила мужу или посоветовать ей, чтобы уходила от него. Что в такой ситуации посоветуешь?

Развод или принести себя в жертву и не иметь детей совсем?

– Привет, а что это вы мне не рады? – спросил вошедший и, как всегда, подвыпивший Роман. – Вы мне скажите, надолго собрались здесь задержаться, тещечка?! – спросил он, смеясь.

– Роман, хватит поясничать, – закричала Катя. – Ты вообще уже совсем совесть потерял! Каждый день приходишь пьяный. Так дела не делаются! Ты потеряешь весь свой бизнес. Ты думаешь, оттого, что ты выпиваешь со всеми подряд, тебя будут уважать больше? Да тебя не то чтобы уважать, с тобой никто дел иметь не будет. Хватит уже, остановись! Если не можешь сам бросить, то давай я тебе помогу, давай к врачу сходим!

– Ты сама лучше к врачу сходи, почему ты мне родить не можешь?! Наверное, понаделала абортов, пока я свой бизнес налаживал. Вот и мама моя говорит, что ты всю жизнь мне сломала. Что ты специально меня охмурила, чтобы из своей деревни в столицу перебраться, – кричал взбешенный Роман. – Одно слово, – «Лимита!».

Катя ничего не слышала, она, молча, стала собирать свои вещи.

– Дочка, не торопись. Утро вечера мудренее. Давай поговори с ним с трезвым. И потом ты решишь, что делать.

– Мама, я не буду с ним жить. Я никогда ему не прощу, что он позволил нагрубить тебе. Он знает, как я к этому отношусь.

– Катя, это очень плохой поступок, бросить Рому в такую тяжелую для него минуту.

– Какую тяжелую?

– Он, наверное, тоже был у профессора и узнал правду? – предположила Оля Снежко.

– Мама, да не был он ни у кого. Он был только у своей мамочки. И это ее версия, что я бездетная. Она ему постоянно об этом говорит. А о том, что у него такие анализы, он не знает. Я те результаты анализов сразу порвала, а ему оставила те, что дал мне доктор. И заключение, что сперматозоиды слабенькие и что ему нужно витамины поколоть.

– Катя, я сейчас еду в Москву, к Вере Большой, я ей обещала

заскочить на обратном пути, а затем домой. Меня не нужно провожать, я вызвала такси, а с мужем тебе нужно поговорить с трезвым, понимаешь?

Ты себе никогда не простишь, что бросила его в эту минуту. Вспомни нашу тетю Иру, как муж ее сгорел, когда она его одного оставила. Нельзя трогать и оставлять пьяного мужчину. Может, что угодно произойти. Не опускай руки, дочка, пусть он еще к другим врачам сходит. Может быть, анализы не подтвердятся. Только мнение трех врачей может быть объективным. Надеяться на одного врача никогда не стоит. Поговори с ним, скажи, что нужно еще сходить к нескольким специалистам. Скажи, что ты не делала никаких абортов и что тебе нужно выяснить причину, почему у вас не получаются дети?

– Ты куда? – строго спросил жену Роман.

– Я провожу маму на вокзал, – сказала Катя.

– Какой вокзал? Ольга Семеновна, не выдумывайте и ложитесь спать. Подумаешь, какие мы обидчивые! – продолжал кривляться Роман. – Нужно было за дочкой смотреть как нужно, а не разрешать ей делать все, что ей угодно. И раскулачивать вас все – таки нужно было. А то государство вон какие хоромы вам понадарило бесплатно! Катька, а ты ни куда не пойдешь! Никаких провожать! Пусть катится! С обиженными знаете что делают?

– Роман, все, хватит, ложись спать! Хватит позориться перед мамой, – сказала Катя и повела пьяного мужа в спальню.

– Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой. Выходила на берег Катюша, на высокий берег на крутой! – запел свою «колыбельную» Роман.

Уложив мужа спать, Катя осторожно взяла из комнаты свою сумочку и потихоньку, на цыпочках, прошла к входной двери. Такси с мамой уже уехало. Осталась какая – то недоговоренность. Катя очень хотела поехать на вокзал и проводить маму. Она быстро оделась, выскочила на улицу и стала ловить машину.

– Ты куда, тварь намылилась?! – закричал взбешенный Роман. Он выскочил за нею следом, быстро подбежал к ней и схватил ее за воротник пальто. – Ты что, к любовнику собралась? Да я сейчас тебя убивать буду! – заорал он с пеной у рта, и ударил ее в живот.

От неожиданности Катя упала на асфальт. Она успела только закрыть лицо руками, как тяжелые удары кожаных сапог стали сыпаться на нее. Она хотела вскочить и убежать, но Рома схватил ее за волосы и поволок в дом. Катя не могла даже вывернуться, потому что очень болел бок, она не знала, что у нее были переломаны ребра. Она видела себя со стороны, как в фильме ужасов. Роман тащит ее по ступенькам за волосы и кричит:

– Убью, а никуда не отпущу! Я же тебя, тварь, люблю! Тебя

так никто любить не будет, как я!

В квартире Роман убивал свою жену, предъявляя ей несуществующего любовника и претензии по поводу бездетности. Он не понимал, кому он построил столько детских комнат. Раз она не может ему родить…

Глава 57

Ранняя Весна в Михайловске была очень красивой. Везде цвели любимые фиалки. Запах был опьяняющим, зелени было очень много. Оттенки от бархатного фиолета до шелковой синевы вперемешку с желтыми, белыми, розовыми крокусами и бордовыми и синими восковыми гиацинтами радовали глаз своим разнообразием: от ярко – желтых нарциссов до сочно – красных тюльпанов. Солнце светило ярко, цветочки на клумбах наперебой подмигивали своими голубыми, белыми, желтыми, бордовыми красками распространяя волшебные ароматы.

Кустарники, украшенные розовыми цветочками, тоже стояли в ряд и нежно заигрывали. Почки на деревьях превращались в маленькие, зеленые листики. А бархатные бело – розовые яблоневые соцветья проживали свой свадебный период, в сопровождении сладкой песни жужжащих пчел, наслаждавшихся незабываемым запахом проснувшейся природы.

Катя приехала домой насовсем. Она вышла из больницы и подала на развод. Роман умолял жену простить его, дать ему последний шанс, угрожал, что оставит ее без ничего, и очень удивился, что Катя и так ничего не собирается брать после развода. Оставив бывшему мужу даже свои вещи: шубы, сапоги и драгоценности, которые он ей дарил. Она просила его только об одном: чтобы он никогда больше не появлялся в ее жизни. О том, что он бездетный, она ему не сказала: не захотела его расстраивать.

– Жизнь продолжается! – сказала Кате мама. – И в том, что так произошло, никто не виноват, так просто должно было произойти, и все. Просто Рома не выдержал испытание деньгами. Это очень страшное испытание, и мало кто его выдерживает.

Испытание нищетой намного легче выдержать, чем испытание богатством. Человек превращается в страшное животное, которое ничего не хочет и больше ни о чем не мечтает. По – скотски жить можно не только в хлеве, но и в замке!

– Мама, у меня, кроме жалости к бывшему мужу, вообще никаких чувств не осталось. Он все уничтожил первым своим ударом. Я сразу отчетливо поняла, что это последние минуты нашей совместной жизни. Я же никогда не видела, чтобы папа тебя бил. Да и вообще чтобы дедушка на бабушку глянул косо. Или вообще чтобы мужчина мог поднять руку на женщину. Это уже для меня не мужчина. Это трусливый и гадкий слизняк. Если мужчины обижают стариков, женщин и детей, они расписываются в собственной несостоятельности. Они точно не смогут сразиться

с хулиганами, они никогда не смогут никого защитить, они никогда не смогут заступиться за своих близких, они просто струсят, если увидят, что нападавшие сильнее них.

– Да, это точно! Наш папа хоть и пьет, но никогда на меня руку не поднял. А то, что Рома объясняет все тем, что был пьяный и ничего не помнит, это полная чушь. Какой бы ты пьяный ни был, если у тебя в крови есть уважение к женщине, то у него просто рука на нее не поднимется.

– Это даже не обсуждается. Он знал мою позицию по поводу поднятой руки. Но он не поверил мне, что я могу вот так запросто развернуться и уйти, в чем пришла. Поверь мне, если бы он был на моем месте, он при разводе так бы не поступил, он, наоборот, забрал бы все, и даже больше. Они до конца думали со своей мамочкой, что я вышла замуж только за его деньги и прописку.

– Доченька, ты у меня самая красивая и добрая! И ты никогда не будешь одна. Поэтому не переживай, Бог очень тебя любит.

– Да я и не переживаю, мамочка! Я уже смирилась, и, когда мне плохо, я все время читаю стихи: «Никогда ни о чем не жалейте вдогонку, если то, что случилось нельзя изменить. Как записку из прошлого, грусть свою скомкав, с этим прошлым порвите непрочную нить!».

– Ты точно вся в меня пошла! Я тоже всегда стихи читаю, когда мне плохо, – сказала Оля Снежко, обнимая дочь. – А замуж ты еще выйдешь, не переживай! Ты у меня красавица и умница. И дети у тебя обязательно будут!

Вечером того же дня в гости к Оле Снежко приехали все четыре подруги и их дочери. Они накрыли стол, посидели «развернутым девичником», как они говорили, попели грустные и веселые девичьи песни и поддержали Катин развод.

Роман еще много раз приезжал к Кате, стоял на коленях и выпрашивал слезно прощения. Он не мог понять, как можно его такого богатого, такого успешного, такого несчастного, бросить. Но Катя знала одно: если женщина простит побои мужа один раз, то она будет бита им постоянно. Чудес не бывает! Мужчина либо не бьет женщину, либо бьет. Разные мужчины и разные мужья.

Вера Большая рассказывала, что она сразу предупредила своего мужа, что если он хоть раз ее стукнет, то она его просто убьет. Он на нее удивленно посмотрел и спросил: «А разве можно свою любимую подругу ударить? Ведь это женщина, мать его детей. А раз мать его детей, то значит, любимая женщина. А раз любимая, то, как ее можно ударить?

Верочка Маленькая вообще не понимала, что это реальность, что такое бывает. Она не понимала вообще, о чем идет речь. Ее муж – кавказец даже глянуть в ее сторону грубо не мог. А когда

Оля Снежко рассказала, что произошло с Катей, она еле удержала своего любимого, когда поделилась с ним этой трагедией: он сказал, что дагестанская диаспора достанет этого бизнесмена в Питере. Он возмущался и не понимал, как можно поднимать руку на женщину вообще, на это маленькое хрупкое существо?

– Да не только обижать женщин нельзя, – подхватила разговор Катя. – Воевать вообще нельзя. В любой войне победителей нет. В любой войне есть только проигравшие. Злость разрушает человека изнутри. Я не понимаю всех этих бандитов, которые совершают теракты по всей стране. Я не понимаю эту женщину «Волчицу», о которой говорят, что она очень жестокая и никого не оставляет в живых свидетелях, и что сами боевики ее немного побаиваются. Она, скорее всего, тоже мать. Откуда в ней столько злости?

Аля посмотрела на Катю удивленно и сказала:

– Какие дети у нее могут быть? Ты что? Она, скорее всего, и не замужем. У нее, наверное, времени нет на все эти глупости. Одинокая волчица выходит на охоту одна. А может, и нет никакой волчицы. Боевики придумали ее для отвода глаз.

– Волчица есть, – это точно, – подтвердила информацию Лидия Николаенко. – Она приемница Кавказца, сына Гундосихи.

– А Гундосиха так и не смогла оправиться после смерти единственного сына? – спросила Вера Большая.

– Нет, она еще больше обозлилась на всех людей вокруг. Злость ее же и убила. Но Гундосиха успела порчу на Верочку Маленькую навести. Хотела на меня, – сказала, вздыхая Оля Снежко. – Мне в больнице та женщина, которая Верочку спасла, рассказала, что это она мне сделала на смерть. А Верочка Маленькая наступила первая на порог. Именно на ту гадость, которую та насыпала. У нас же еще огромное несчастье произошло. У нас же Ира Снежко пропала. Вышла за хлебом и больше ее никто не видел. Мы с ног сбились ее искать. Думали, что это их рук дело тоже. Мы в розыск подали. Но пока ничего неизвестно.

– Слушай, а за что Кавказец так ненавидел вашу семью? – спросила Верочка Маленькая.

– Гундосиха перед смертью призналась, что всю жизнь любила моего отца и хотела нас всех извести.

– Слушай, это точно ее рук дело, ваша пропавшая без вести средняя сестра, – сказала Лида Николаенко.

– Ты знаешь, она клялась моему отцу перед смертью, что не причастна к этому делу вообще. За меня и за Верочку Маленькую все рассказала. И еще намекнула, что мы все очень хорошо знаем Волчицу, – задумавшись, произнесла Оля Снежко.

– Она из Шпаковки? – спросила Вера Большая.

– Нет, ее видели у нас в селе Горькая Балка, говорят, что у нее кто – то из близких живет там. Она хитрая и изворотливая, ее чуть не схватили при захвате Ровд, но она убила одного из спецназовцев, переоделась в его форму и продолжала штурм вместе с остальными, убивая своих же. Скорее всего, она была в поезде, когда убивали моего сына, – вздохнула Лидия Васильевна, и, виновато пожав плечами, посмотрела на своих подруг.

Лида Николаенко после смерти сына очень переживала о том, что не смогла уберечь его. Она жалела, что разрешила ему уехать из дома, поступить в университет, она думала, что если бы он был рядом с нею, такого бы не произошло. После его гибели, она решила, что жизнь для нее закончилась, но близкие подруги были рядом и помогли ей справиться с трагедией ее жизни.

Но судьба – злодейка принесла еще одну беду в ее дом. Недавно у нее умер любимый муж, Сашка Петров. Он сломался после смерти сына, стал еще больше пить, сердце не выдержало, и он ушел из этой жизни совсем молодым человеком. Только после его смерти она призналась подругам, что была им тоже постоянно бита по пьянке. А терпела все это и жила с ним, потому что любила его всю жизнь и еще потому, что хотела сохранить семью. Она всегда хотела, чтобы у детей был отец, чтобы была полноценная семья. И она всегда боялась того, что скажут о ней односельчане. Она всю жизнь, оказывается, переживала, что она, «калека», женила на себе самого красивого парня и сделала его несчастным. Она всегда чувствовала, что он ее не любил и женился на ней только после той злополучной аварии.

– Ну ты даешь, как ты могла все это терпеть? Ты что, себя перестала уважать из – за этой любви? Любить – это не значит отдавать себя не растерзание дураку, – возмущалась Вера Большая. – Смотрю я на вас, мои красавицы, и думаю – и правда, говорят: не родись красивой, а родись счастливой!

– Оля, а ты с Женей счастлива? – спросила Верочка Маленькая у Оли Снежко.

– Была! Но только те годы, когда он не пил. А остальные годы я его только жалела. Болезнь его настолько прогрессировала, что он полностью свой организм уничтожил этими пьянками. Теперь я уже и не знаю. Может быть, я и не любила никогда? Я ему так и говорю. Что он своими пьянками любовь окончательно убил.

– Ну ничего, девочки, влюбиться можно и в старости! У нас случай был в деревне, откуда я родом, – подхватила разговор Верочка Маленькая. – Один дедок похоронил свою жену и пошел по всем своим старым невестам. Это еще после войны было. Так вот, он один вообще не мог жить. Он стал искать новую жену из

старых подруг. К одной приехал, а она тоже умерла. К другой, приехал, а та с дедом живет. Вот он ездил, ездил, ну, к последней уже доехал, а она после инсульта восемнадцать лет парализованная лежала. А как увидела жениха своего любимого, так и забыла, что парализованная, подхватилась и села, как девка молодая. Щеки загорелись алым огнем, юбки поправила и замуж пошла. Любовь к ней на старости лет пришла.

Девочки покатились со смеху от этого рассказа. Они так смеялись, что и не заметили, как стали вспоминать, какая у кого из них была любовь.

И каждая стала рассказывать о своих старых кавалерах. Вспомнили и ребят из студенческой жизни, одноклассников, и просто друзей.

Сидели очень долго, почти до рассвета. Роза рассказывала про Америку. О том, что там жить тоже можно. Люди везде одинаково живут. Языки разные, а проблемы одни. Люди одинаковые своими пороками и болезнями, своими пристрастиями и недовольством, своей любовью и ненавистью.

– Мне там только очень скучно. Я же ничего не делаю, хочу отпустить домработницу. Мне надоело уже дома сидеть. Если я разведусь, то только от скуки, потому что он мне не разрешает на работу устраиваться. Он говорит, что его жена не должна работать, потому что он ревнивый и ему спокойнее, если я дома. И не позволяет делать работу по дому, потому что его многие сограждане берут русских жен замуж вместо домработниц. Говорят, что очень выгодно. Говорят, они и на кухне, как шеф – повара высшего разряда, с детьми лучше гувернанток, в болезнях ухаживают лучше докторов, а в постели, – лучше всяких проституток! Вот как наших русских невест хвалят и женятся на них только из – за экономии. Поэтому он не хочет, чтобы о нем думали так же. А я ему говорю: «Давай я открою свой бизнес. Частную русскую школу. Может, кто этой идеей загорится?» Я уже и бизнес – проект, приготовила. Ну может, я еще его уговорю. А если нет, то точно от скуки разведусь.

– Вот это да! Значит, мы вешаемся оттого, что ничего не успеваем. А они в Америке, – от скуки! – закричала Катя. – А я вот о чем подумала. А ведь ощущение недовольства у нас одинаковое. Вот что получается: проблемы разные, ощущения от проблем, – одинаковые. Значит, мы, купив красивое платье, а они собственный самолет, радуемся одинаково! Вот это открытие! – засмеялась Катя. – И если ощущения одинаковые, то можно довольствоваться малым, и получать такое же ощущение от счастья, как от чего-то огромного. И самое главное, что все люди любят одинаково! Любовь либо есть, либо ее нет, и не важно, где

ты живешь, – в городе или в селе. И совершенно не важно, в какой стране! И совершено не важно, сколько твоей любви лет. Любовь – она без возраста, без границ, она вечна!

Глава 58

Галя Снежко, младшая сестра Оли, так и не смогла забыть свою первую любовь, Виктора Шевцова. Она почти каждый день его вспоминала. Почему он так поступил с нею? Зачем требовал развода с первым мужем? Как он там живет со своей женой? Есть ли у него дети? – задавала она себе всегда одни и те же вопросы.

Дети росли у нее красивыми и здоровыми. Настя и Маша были погодками. Они учились в одной школе. Но никто и никогда не мог подумать о том, что они родные сестры. Они были очень разными.

Настя была активисткой в школе, всегда в передовиках: заводилой в классе. А Маша, ее младшая сестра, полная ее противоположность. Всегда тихая, скромная девочка старалась быть в тени, чтобы ее не замечали. На семейных праздничных концертах она выступала наравне со всеми своими братьями и сестрами. А вот на школьных утренниках заставить ее выступить было невозможно. Настолько она была стеснительным человеком, что когда разговаривала со своими одноклассниками, то всегда краснела.

Галина Семеновна, их мама, работала в школе у Верочки Маленькой учительницей физики. Она так же, как и ее старшая сестра, Оля Снежко, полностью посвятила себя школе: возила учеников в театры, в горы на экскурсии, и почти жила в школе. Они целыми днями и вечерами находились на работе. Подрабатывали и в вечерней школе, и в колледже, который был при школе. И не только материальная сторона вопроса играла свою роль. Это была простая любовь к профессии. Все держалось на голом энтузиазме. Они любили каждого ученика и были не просто путеводителями в мире изучаемого предмета, а путеводителями в житейских вопросах и увлечениях.

Школа того поколения держалась на таких учителях, преданных своей профессии до конца. Они работали и отдавали себя полностью своим ученикам. Молодежь приходила в школу и удивлялась, как можно за такую зарплату отдаваться работе без остатка. Учителя-новобранцы говорили, что нужно халтурить за такие деньги.

А вот таким последним из могикан и верными своей профессии нужно каждые каникулы давать путевки в санатории и вообще никогда не заставлять писать планы и отчеты. И, конечно, освобождать от ненужного контроля районо. Потому что они своим ежедневным патриотическим трудом доказали уже свою состоятельность в профессии. И эти проверки совершенно ни к

чему не приводили.

– Галина Семеновна, к вам приехал какой – то олигарх на очень дорогой машине, – сказала постаревшая секретарша Рая.

– Какой олигарх? – удивилась Галя Снежко.

– Настоящий олигарх. Школе привез гуманитарную помощь: компьютеры, телевизоры и даже тренажеры в спортзал.

– А я здесь причем?

– Так он спросил: «Галина Семеновна у вас работает?» И я подтвердила информацию.

– Интересно. У меня нет никакого знакомого олигарха! Кто бы это мог быть?

Галя вышла из своего кабинета и увидела мужчину с огромным букетом бордовых роз. Из – за необъятного розового цветника, она даже не увидела, кто к ней подошел.

– Здравствуйте! – услышала она голос, который бы узнала и через тысячу лет. Это был голос ее первой любви, это был голос ее молодости, это был голос ее боли. И голос предательства! Это был голос ее Вити Шевцова.

Почему голос, впрочем, как и душа, никогда не стареют? Почему он дается с рождения и остается неизменным до смерти? Почему голос не меняется, как его обладатели? Виктор выглядывал из – за букета цветов пополневшим и уже не тем молодым и красивым юношей, каким был когда – то.

– Привет, – ответила удивленная Галя. – Какими судьбами тебя занесло в наши края? Честно сказать, я даже не думала, что когда – нибудь тебя увижу в этой жизни снова!

– А я о тебе вспоминал, – ответил, стесняясь, несостоявшийся муж. – Как же так получилось, что мы с тобой так нелепо расстались?

– Почему же нелепо? Все было закономерно спланировано тобой: и мой развод, и твоя женитьба, и твоя месть тогда на «Комсомольской горке». Только у меня один вопрос к тебе. Ты был все эти годы счастлив?

– Нет, я был все эти годы очень несчастным человеком. Я жил с нелюбимой женой, которая в данный момент болеет неизлечимой болезнью и умирает. У меня родилась дочь – эгоистка, которая думает только о себе и совершенно ничего не хочет знать обо мне. И я всю свою жизнь любил только одну тебя.

– Я ведь, если честно, тоже каждый день вспоминала о тебе. Мне кажется, что я до сих пор люблю тебя. Но я, в отличие от тебя, была счастлива. У меня трое детей. У меня есть муж, который меня любит и боготворит. У меня есть любимая работа. Я и правда счастливая женщина.

– Галя, я очень хочу снова начать с тобою отношения. Я

понял, что я до сих пор люблю тебя. Несмотря на то, что прошло уже столько лет, мои чувства к тебе не стали слабее. Моя жизнь бессмысленна без тебя. Я самый богатый человек в России и самый несчастный мужчина на земле.

– Но то, что ты самый богатый человек России, я за тебя рада, а вот что несчастный, то, честно сказать, ты меня расстроил. Я буду теперь за тебя переживать. Но ничего, все у тебя будет хорошо! Ты мне поверь, все у тебя еще сложится, но уже, конечно, не со мной.

– Значит, ты меня не любила, раз так легко от меня отказываешься. Я могу только теперь сделать тебя самой счастливой женщиной. Мы будем отдыхать только в лучших санаториях, ездить за границу и отдыхать в самых лучших отелях. Раньше я тебе не мог бы ничего дать этого. Когда я был молодым, я мог бы тебе предложить только одни проблемы.

– А знаешь, с милым и в шалаше рай. Ты разве забыл старую русскую пословицу? Я тебе могу сказать точно, что тогда, в то время, я была рада проблемам. Тогда я действительно тебя любила, а когда любишь, нет ничего страшного и невыполнимого. Честно сказать, я бы сделала тебя счастливым – это точно. И наши дети не были бы эгоистами, потому что росли бы в семье, где есть любовь! А в семье, где есть только выгода, все продолжают жить только для себя. Вот вам и результат. У меня сейчас трое детей, а дети у нас очень дружные и нас с отцом очень любят.

Галя говорила эти слова с гордостью. Она смотрела на свою первую располневшую любовь и понимала, что обида к этому человеку, которая столько лет сидела в ней, куда – то потихоньку улетучивалась. Она открыто рассматривала эти седые волосы, глубокие морщины, сухие старческие губы. Она видела перед собой пожилого мужчину с потускневшими и выцветшими грустными глазами. Почерневшее от зависти и злости лицо выдавало в нем неудовлетворенного жизнью человека.

«Видно жизнь очень сильно поколачивала моего любимого Витюшу Шевцова», – подумала Галя Снежко. У нее сжалось сердце, оттого, что все в этой жизни могло сложиться намного лучше для него, если бы тогда он не струсил, и женился на ней, на девушке из бедной семьи. Вот она, расплата за женитьбу по расчету, а не по любви. Ощущение счастья одинаковое у бедных и у богатых, и зачем же это ощущение счастья уменьшать, женясь на обеспеченной нелюбимой женщине только потому, что так сказала мама.

«Получается, он сделал несчастным не только себя, но и еще трех женщин: жену, дочь и меня, – подумала Галя.

– Конечно, я уже не тот красивый молодой человек, которого

ты любила. Ты так внимательно рассматриваешь меня, как будто хочешь запомнить меня такого на оставшуюся жизнь.

– Нет, ты не прав, я рассматриваю твою прожитую жизнь, – сказала Галя грустно. – Говорят, что каждая морщинка на лице – это события, произошедшие с тобой в твоей жизни. Есть морщинки от веселья и смеха. Есть морщинки от печали и грусти. А есть от несложившейся карьеры, злости и зависти.

– А у меня морщинки от слез, которые я все это время проливал по тебе, – улыбнулся Виктор Шевцов. – У меня и любовницы все были похожи только на тебя. Я даже в их смехе искал твой смех и в манерах искал твои манеры, и в запахе искал твой запах. Но все это была только фальшивая подделка.

– А мне всеми этими глупостями некогда было заниматься, – сказала Галя. – Я просто жила. Я рожала детей, воспитывала их, и каждый день получала охапки цветов от своего любящего мужа.

– Но ведь ты не любила его? Ведь, правда? Ведь все эти годы ты любила меня? Ну, скажи, ведь это было именно так?

– Ты все эти годы мечтал услышать именно это? – спросила Галя удивленно. – И ты после всего этого еще удивляешься, что дочь у тебя эгоистка? Да ты жил всегда только для себя. Ты даже представлял себе несколько раз нашу эту встречу и как я тебе расскажу, как все эти годы я страдала и жила хуже всех без тебя?

– Нет, это неправда, ты думаешь, что я не любил тебя по – настоящему? Я был молодой, глупый, и жизнь сама меня наказала сполна. Я думал, что самое главное для счастья, – это иметь много денег! Но когда их много, ты, как ни странно, совершенно не чувствуешь себя счастливым. А чувствуешь себя, наоборот, самым несчастным человеком на свете. Тебе уже ничего не хочется. Тебя ничто не удивляет. И ты будто уже умер.

– Мне очень жаль, что ты неудовлетворен достигнутым. Ну, ничего, может быть, жизнь еще можно повернуть в другую сторону. Говорят же, – от сумы и от тюрьмы нельзя зарекаться. А вдруг ты завтра останешься без денег и счастливым? – засмеялась Галя.

Виктор посмотрел на нее, как на сумасшедшую. Он не хотел видеть себя бедным и счастливым. Он уже был влюблен в деньги больше, чем в свою жизнь. Он уже не хотел расставаться с ними ни за что. Он ничего не хотел менять в своей жизни. Он просто хотел все оставить как есть, только изменить свой возраст. Быть богатым и молодым, и чтобы рядом была не эта постаревшая и располневшая женщина, а та молодая, стройная и красивая Галочка Снежко, его первая и последняя любовь.

Годы пролетели один за другим так быстро, что, казалось, только вчера они были молодыми, а сегодня…

Галя смотрела на свою первую любовь и улыбалась. От прежнего стройного и красивого юноши не осталось и следа. Куда ушла любовь? Столько лет она каждый день о нем вспоминала. А увидела – и сердце даже не екнуло. Она больше его не любила. Зачем были эти слезы? Зачем были эти страдания? Зачем были эти воспоминания? Она всю жизнь думала, что она любила только своего Виктора Шевцова. Она видела, что муж, который был рядом с нею все эти годы, страдал оттого, что она любила другого. Он всю жизнь догадывался, что она не любила его, как он ни старался.

Момент истины, наконец – то, настал. Галя очень обрадовалась своему новому чувству. Только сейчас она поняла, насколько сильно она любит своего мужа, отца своих детей.

Вот и сейчас Галя бежала домой, чтобы рассказать своему мужу о том, как сильно она его любит. Как она ошибалась все эти годы! Сколько времени она потеряла, любя мираж! Она бежала домой как никогда. Что – то тревожное закрадывалось в душу. Сердце билось с бешеной скоростью. Волнение охватывало Галю все сильнее, и холодок страшного предчувствия закрадывался в душу. Еще издалека она увидела машину скорой помощи, которая стояла возле ее дома. Подбежав, Галя увидела, как мужа выносят на носилках и он грустными глазами оглядывает своих двух дочерей и сына. Он посмотрел на подбегающую Галю и еле слышно произнес:

– Прости, Галочка. Простите все меня. Я ухожу.

Он печально поднял глаза и смотрел куда – то вдаль, будто видел там кого – то, кого оставшимся на земле видеть не полагалось…

Галя подбежала к врачам и стала кричать:

– Помогите ему, пожалуйста, помогите! Коля, ты только не умирай! Я очень люблю тебя! Я всю жизнь любила только тебя! Прошу, любимый, не оставляй меня!

Врачи скорой помощи насмотрелись за свою работу на разные ситуации. Они делали свою работу монотонно, без эмоций. Строго отодвинули Галю от больного, они грубо произнесли:

– Не причитайте, заходите в машину. Когда машина тронулась, врач посмотрел печально на Галю и сказал:

– Он умер.

– Сделайте что – нибудь! Спасите его. Этого не может быть! Помогите! – кричала Галя.

Она в эту минуту понимала только одно: – она умерла вместе с ним.

Почему судьба так страшно играет с нами?! Почему

круговорот жизни так закручивает судьбы?! И почему, прожив с человеком сорок лет, ты думаешь, что никогда его не любил, а когда он умирает, только тогда понимаешь, что любил только его одного! И самое страшное, что при жизни ему не успел это сказать! Самое страшное, что уже ничего не исправить, не изменить, и еще более ужасное, что после того, как он ушел из этой земной жизни, тебя самого вообще больше нет!

Хоронили Николая Семкина всем городом Михайловском. Очень много людей пришло на его похороны. Люди с бывшей работы приехали на трех автобусах. Людей, которые его очень уважали, было так много, что заполненные автобусы стояли даже на соседней улице. Вообще все о нем говорили, что он при жизни был ангелом.

Мужчина два метра ростом, самый сильный человек в округе, которого боялись все хулиганы города, никогда не говорил никому ни одного грубого слова. Он никогда и ни о ком не говорил ничего плохого. Всегда всем помогал.

Такие люди встречаются обычно очень редко: мужчины, настоящие мужчины, немногословные, честные, надежные. Их все меньше и меньше становится в новом, молодом поколении. Раньше если мужчина сказал, то можно не сомневаться, что он это сделает. А сегодня женоподобные болтливые мужчины, много обещают и ничего не делают. В любой момент могут предать, подвести и засунуть нож в спину.

На похоронах на Гале не было лица, она никого не видела, у нее как будто помутился рассудок. Она вообще не хотела больше жить. Глаза стали мертвыми, из них ушла жизнь насовсем. Сколько ей осталось жить на этой земле, никто не знал, кроме Господа Бога. А ей казалось, что она умерла вместе с мужем.

Дети пытались поддержать маму. Но она уже никого не видела и не слышала. Она так сильно переживала смерть их отца, что стресс выбил ее из колеи жизни. Она осиротела без любимого человека. Для нее жизнь закончилась со смертью Коли Семкина, единственного друга и любимого мужа, который так и не узнал, что она, наконец-то, полюбила его. Почему так бывает в жизни, что, когда человек рядом, он надоедает, раздражает, его не замечаешь или не хочешь замечать. А когда он умирает, понимаешь, что тебе в нем нравилось все, и ты любила его по – настоящему?

Глава 59

Оля Снежко как могла, поддерживала сестру в эту страшную минуту. Она не отходила от нее ни на шаг. Дети тоже всегда были рядом. Но, когда уходит из жизни кто – нибудь из членов семьи, семья давала трещину, пробоину в прочном корабле жизни. И, кажется, что корабль идет ко дну и ничего уже не исправить, не зачеркнуть, не стереть и не переписать. Что в таком случае остается делать? Остается научиться жить без любимого человека заново. Это очень трудная задача и для некоторых людей вообще не выполнимая. Где найти силы для новой жизни? Как забыть прожитые вместе счастливые и не очень годы? Как увидеть вокруг себя, что цветет сирень, идет дождь, светит солнце? Как увидеть все это в цветном изображении, а не в черно – белой абстракции?!

– Галочка, ты еще очень молодая, – говорила старшая сестра Оля. – Смотри, какие у тебя красивые дети. А еще скоро родятся внуки. Так что жизнь продолжается! Ты не переживай! Ты очень нужна своим внукам, детям и, конечно, нам: родным и друзьям.

– Оля, я столько времени потеряла. Я ведь любила Колю по – настоящему, а всю жизнь думала, что люблю Витю Шевцова. Почему жизнь такая не справедливая? Я увидела вдруг всю жизнь перед глазами. Я любила образ, мною выдуманный. А рядом жил человек, который по – настоящему меня любил, а я только принимала его любовь. Я самый несчастливый человек в мире. Почему, именно когда я поняла, что люблю Колю, я его потеряла навсегда. Если бы я знала, что так все будет, я бы по – другому прожила эти сорок лет совместной жизни.

Но это не единственный удар, который получили сестры Снежко в этот год. Очередной удар судьбы настиг их в августе месяце. В авиакатастрофе погибли родители. Они распланировали отпуск: сначала поехали отдохнуть на море в Анапу, а потом на самолете решили полететь в свой любимых город Санкт – Петербург, к друзьям в гости. Все пассажиры этого рейса погибли. Для всех россиян эта была страшная трагедия. Долго не могла оправиться от такой потери Оля Снежко. Она говорила, что теперь родители, наверное, на небесах встретились с двумя любимыми зятьями и со своей пропавшей дочерью, – Ирочкой Снежко, которую они безмерно любили.

Хотя Оля Снежко надеялась, что Ира все – таки жива. Тогда очень странно повел себя местный прокурор, к которому они обратились с просьбой найти их младшую сестренку. Он пообещал поставить все на контроль, а затем списал в архив это

дело за давностью срока. Но жить нужно было дальше, наперекор всем испытаниям, выпавшим на их семью.

Прошли годы. Весна вступала в свои права. Ветер суховей подметал засорившиеся улицы. Деревья качались в разные стороны, размахивая своими ветвями, как бы здороваясь и зазывая к себе красавицу весну. Запах разливался пьянящим ароматом в воздухе. С весной приходила надежда на новую лучшую жизнь. Хотелось любить и быть любимой. И настроение становилось у всех тоже весеннее и приподнятое.

Оля Снежко шла по улице и вспоминала свою молодость, как она молодая и веселая девушка, приехала в Горькую Балку, как встретила самого красивого молодого человека Женю Черкашина, как родилась у нее дочь Катя и сын Миша, как быстро закрутил круговорот жизни ее судьбу.

Вот уже она и бабушка! Катя вышла второй раз замуж после развода с Романом. Новый зять Оле очень нравился: высокий, красивый и, главное, не пьющий. Он был самым уважаемым и известным человеком в городе Шпаковке. Новый зять Никита был прокурором района!

– Какой же ты прокурор района, если живешь у тещи? Прокуроры так не живут. Прокуроры воруют и живут в своих собственных замках, – подтрунивали над ним коллеги из других районов.

– А мне нравится жить у тещи в ее коттедже, – отвечал им Никита. – И родовое гнездо моей жены меня очень даже устраивает. А вам что, завидно, что я на блины каждый день хожу, а не только на Масленицу? – отвечал он им.

Внуки Оли Снежко Кристина и Максим выросли еще быстрее, чем ее дети. Так, во всяком случае, ей казалось. Максим уже заканчивал школу и собирался поступать в Санкт – Петербург в университет на юридический факультет.

– Было бы очень здорово, если бы у нас в Питере была своя собственная квартира! – произнесла, мечтая Катя. – Максим бы учился в университете, а мы приезжали к нему в любое время, когда захотели. А там и Кристина подрастет. Я бы ей тоже хотела дать столичное образование.

– Катя, вон куда ты замахнулась в своих мечтах, – смеялась Оля, глядя на дочь. – Ты точно вся в меня! Я тоже мечтала всегда, чтобы ты жила в этом городе. Жаль, что с Ромой у тебя не получилось. Но на все воля Божия! Мы полагаем, а Бог располагает!

– Ничего, мама, ты всегда мне говорила, что мысли материализуются! И мечты сбываются! И еще, как говорится в пословице: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей!», –

задумавшись, произнесла Катя.

Она позвонила своей подруге Лене Штоум. Рассказала о том, что хочет купить квартиру в Питере. Попросила ее подобрать ей самую дешевую маленькую квартирку на окраине города. Катя решила взять кредит, чтобы купить себе свою мечту!

Муж – прокурор всегда был занят только собой: своей внешностью, своими предпочтениями, своими мыслями, и был очень далек от Катиных желаний. А Катины мечты были для него просто бредом сумасшедшей женщины. Его в этой жизни все устраивало, потому что он любил в этой жизни больше всего себя самого. Он был своеобразным человеком: строгим до нескрываемой злости и серьезным до высокомерной брезгливости к окружающим.

Дети его боялись как огня, но по – своему уважали. Катя могла только догадываться, что он любит ее и детей, потому что он никогда не показывал им своей любви. На работе слыл уважаемым человеком, талантливым специалистом и очень принципиальным руководителем и, как все думали, – хорошим человеком. Как ни странно, но для своей жены он был скорее врагом, нежели другом. Он постоянно ее предавал. Катя видела, что в людях он ценит только власть, деньги и силу. Он презирал нищих, не уважал стариков, и издевался над младшими и слабыми, а в глаза заглядывал и пресмыкался только перед сильными мира сего.

Очень жаль, что Катя поздно это поняла. «Любовь и правда слепа», – думала она, оглядываясь на прожитые годы.

Когда она встретила и полюбила его, она ничего не замечала вокруг. Он казался ей самим совершенством. Она не видела в нем ни одного недостатка. Она боготворила этого человека, как и многие, которых он предавал.

Потом родились дети, и о разводе уже не могло быть и речи. Дети упрашивали маму жить с их строгим папой, которого она уже давно не любила. Вот так Катя тянула свое женское счастье одна и постоянно злилась на себя, почему она смалодушничала и не ушла от него так же, как и от первого мужа. Денег прокурор Кате никогда не давал, потому что прирожденная патологическая жадность не могла ему позволить, чтобы он потратил на Катю хоть копейку. Она должна была сама себя одевать, она должна была одевать сама своих детей, даже продукты она должна была покупать тоже сама. Куда прокурор тратил свои деньги, оставалось только догадываться.

Он был до такой степени жадным человеком, что о любовницах не могло быть и речи. Прокурор тратил их только на себя и, конечно, отсылал их своей жадной мамочке, чьей копией

он был.

Катя же всю жизнь надеялась только на себя. Она не была замужем, как она говорила о себе. И все думали, что она шутит. А на самом деле она никогда не чувствовала себя женщиной рядом с ним. Ей было нелегко находится в браке с мужчиной, который числился отцом ее детей, а ей приходился чужим человеком.

– Почему меня всегда окружают одни низкосортные самцы, которые кроме предательства больше ни на что не способны? Почему в этой жизни я должна надеяться только сама на себя, набивать шишки сама, попадать во всякие сложные ситуации, совершать много ошибок? Почему мне не с кем посоветоваться? – спрашивала Катя у мамы.

– Потому что он – трус! – говорила мама. – Он боится трудностей. Он боится неприятностей! Он боится вообще жить. Как тот премудрый пескарь, который всю жизнь боялся выплыть из своей норки. И только в старости сделал единственный поступок: выглянул из своего укрытия, в котором прожил всю жизнь, и тут же был съеден.

– Это точно, мама! А есть еще такие премудрые пескари, которые пытаются заставить выглянуть из норки свою жену и смотрят – съедят ее враги или нет? Выплывет она из создавшегося положения или утонет? – задумавшись, произнесла Катя.

Катя барахталась всегда на дне жизни одна, пытаясь подняться наверх, где виден был свет, к которому она всегда стремилась. Тот самый свет, который мы видим при рождении. И опять, как и тогда при нашем первом появлении на свет, рядом оказывается один, единственный родной человек, которого мы видим первым, – это мама.

Одна Оля Снежко знала правду, что ее дочь задумала купить квартиру в Санкт – Петербурге. Катя пришла, как всегда, в ее комнату и начала издалека разговор. Она рассказала ей о своем плане, который она задумала.

– Мама, – сказала Катя. – Мне нужно с тобой посоветоваться.

Максим будет учиться в Питере, ты это знаешь. О моей мечте тоже. Я нашла банк, который даст мне ипотечный кредит под маленькие проценты.

Но я боюсь говорить об этом мужу. Что мне делать?

– Обязательно расскажи мужу о своих планах. Попробуй осторожно сначала ему намекнуть, а потом все ему расскажи. Я думаю, это неплохое вложение денег, он неглупый человек, он согласиться, – посоветовала мама.

Но как только Катя сказала мужу первую фразу, что неплохо было бы взять кредит и купить квартиру в Питере для детей, которые будут там учиться, разразился такой скандал, что

слышно было на всю округу. Катя узнала от мужа, что она полная дура, идиотка, и чтобы навсегда рассталась со своею мечтой и не пыталась видеть этот город даже в страшных снах!

– Этого не будет никогда! Слышишь, дура набитая! С голой жопой, а туда же! Питер ей подавай! – кричал взбешённый прокурор!

Оля Снежко всегда поддерживала свою дочь. Она видела, что Катя такая же сумасшедшая в хорошем смысле этого слова, какой была и она в молодости. Оля Снежко знала все о своей дочери и очень переживала за нее. Но понимала, что семья, где есть дети, должна быть полноценной, хотя бы до тех пор, пока дети не вырастут.

– Нельзя быть эгоистами и ломать детскую психику руганью, разводами, и выяснением отношений, – говорила Оля Снежко. – Я и сама всегда жила ради детей и сохраняла свой брак с пьющим мужчиной. Я пыталась от него уйти и что из этого получилось? Я потеряла Мишу. Мне кажется, что мой развод так повлиял на него, что он стал алкоголиком, и поэтому я считаю, что семья должна быть! Вырастите своих детей, воспитайте их, дайте им достойное образование, жените и выдайте замуж, а потом разводитесь сколько хотите. Вам никто и слова не скажет.

А пока есть дети, вы не принадлежите себе. Вы принадлежите им. Это ваш родительский долг. Вы не должны быть эгоистами и думать только о себе!

Мужчины бывают двух видов: алкоголики и эгоисты. И те, и другие не лучший вариант для создания семьи. Но из – за скудости выбора женщины терпят их присутствие в семье, действительно присутствие, а не помощь и мужскую опору, о которой мечтают влюбленные девочки в детских садах, молодые девушки в институтах и одинокие женщины в своих собственных квартирах и домах.

Но как объяснить этим счастливым женщинам, что им очень повезло в жизни и что они ничего не потеряли оттого, что присутствие мужчин в домах и квартирах, – это всего лишь очередной раздражитель и нервомотатель, который сокращает жизнь красавицам женщинам, а не помогает продлевать ее. Поэтому, по статистике одинокие женщины живут дольше замужних! Как ни парадоксально, а мужчины наоборот!

Катя, ты куда постоянно мотаешься? – кричал взбешенный муж Никита. – Постоянно у тебя дела, заботы?

– Я слежу за своей внешностью! – отвечала с гордостью Катя. – Я езжу в косметический салон и делаю маски для лица, массаж и много всякой женской ерунды. Извини, но я сама зарабатываю и могу себе это позволить. Я же не беру у тебя денег.

– Еще чего не хватало! Так я тебе и дал бы деньги на ветер бросать. Ты только зря тратишь свое время. Ты уже старая и замужем. Зачем тебе прихорашиваться? Ты мне и такая подходишь.

– Хватит меня унижать, – говорила Катя, поднимаясь на второй этаж к маме в комнату.

– Мамочка, – шепотом произнесла Катя. – Я завтра еду в Санкт – Петербург покупать квартиру. Мне дают кредит. Я возьму с собой Кристину, а Никите расскажем, что поедем в Питер на экскурсию. Если что, ты поддержи меня.

– Катя, я очень люблю тебя. И считаю, что ты все правильно делаешь. Нужно обязательно думать всегда о детях и дать им старт в будущую жизнь.

Но так может получиться, что не все задуманное сбудется. Я тебя очень прошу, если что не получится, не переживай. И еще скажи мне честно, ты не назло Ромке это делаешь?

– Мама, я о Ромке даже не вспоминаю никогда. Ты же знаешь, я любила всегда этот город больше, чем мужчин, которые были со мною рядом!

– Да, это точно! И главное, ты его любишь даже больше, чем себя. Но твоя версия насчет салона красоты может провалиться! Потому что от проблем ты не стала выглядеть свежее! – сказала мама, глядя на бледную, уставшую дочь и твой прокурор может что – нибудь заподозрить.

– Ничего, сейчас в ванну отогреваться пойду, сделаю масочку в домашних условиях. Поверь мне, ничуть не будет хуже, чем в салоне! – засмеялась Катя. – Ты, главное, не забудь поддержать меня насчет экскурсии. Скажи, что ты даришь эту поездку Кристине на день рождение! Ложь во благо!

– Конечно, поддержу, ты не переживай! Главное, чтобы мы купили квартиру в Питере. Смотри, осторожно, а то сейчас столько мошенников развелось, что можно куда – нибудь влипнуть.

– Не беспокойся, я буду с Леной Штоум. Кстати, это она нашла Нинку Камасутру. Помнишь, со мной на заводе работала? Ну та, что жила со мной в одной комнате. Так вот, она работает уже много лет риелтором в Санкт – Петербурге и нашла мне дешевую квартиру, это какая – то их шабашка. Ну, в общем, с ипотекой не получилось, но я получаю кредит и еду покупать квартиру. Никита ничего не должен знать, а то обязательно все испортит, вместо того чтобы помочь. Всё будет хорошо. Лена нашла мне трехкомнатную квартиру на окраине Питера, пять минут ходьбы от метро, и, самое главное, очень дешево.

– Тогда такую возможность нельзя упустить. Конечно,

поезжай, мы обязательно справимся со всеми трудностями, – сказала Оля Снежко, улыбаясь и нежно глядя на любимую дочь. – Ты только там постарайся, найди Мишу в монастыре. Его перевели в Питер. Он нам уже давно не звонил, и я очень переживаю, а вдруг с ним что – нибудь опять случилось?!

Глава 60

Миша, младший брат Кати, сын Оли Снежко, пошел весь в отца. Также заболел алкоголизмом. Он очень много пил. Оля Снежко винила во всем себя за то, что так получилось. У Мише из-за его пьянок со семейной жизнью не сложилось. Он развелся с женой, очень сильно переживал по этому поводу, решил исправиться, поняв, что не сможет бороться с этой пагубной привычкой в мирской жизни, собрался и ушел в монастырь.

Миша редко звонил из монастыря домой. Последний раз позвонил и сказал, что его из Москвы перевели в Санкт – Петербург. Сказал, что ему здесь очень нравится и что только хорошие люди окружают его. Он говорил, что больше не хочет возвращаться в мирскую жизнь и навсегда останется в монастыре.

Прошло уже больше года его пребывания в Санкт – Петербурге, и вдруг Миша перестал звонить и писать. Оля Снежко очень переживала, что сын не звонит, а Катя постоянно через Интернет пыталась найти Мишу. Она писала в монастырь и пыталась узнать, что случилось с ее братом?

Умный и красивый молодой человек всегда отличался от своих сверстников тем, что был немного старомоден.

«Эх, Мишка, Мишка, тебе бы жить этак в девятнадцатом веке», – говорили одноклассники.

Философ по жизни, он был очень добрым человеком, всегда старался всем помочь, и никто никогда не слышал от него, как и от Николая Семкина, ни одного грубого слова. Но в отличие от своего дяди, он всех и всего боялся: Миша боялся обидеть всех вокруг. Он и выпивать стал только потому, что боялся, что его кто – то заподозрит в том, что он кого – то не уважает, боялся, что подумают, что он считает себя выше всех остальных по социальному статусу. Он старался быть со всеми вежливым и внимательным в любой компании. Всегда очень весело шутил и для всех был своим парнем.

Он был очень интересным собеседником, потому что очень много читал и знал огромное количество интересных историй. Но когда рассказывал их, очень стеснялся того, что он, – самый умный, и старался казаться глупее, чтобы не обижать собеседников. Из-за того, что он был очень стеснительным молодым человеком, он вечно попадал в неприятные ситуации.

Однажды он постеснялся отказаться выпить с одним посторонним мужчиной на вокзале. Отъезжающий предложил ему выпить с ним за компанию, пока Миша ждал своего поезда в Москве. Он в то время был студентом исторического факультета

МГУ и после того, как сдал летнюю сессию на «Отлично», приехал на вокзал купить билет домой. Мужчина полубомж-полуколхозник с мешками и сумками подошел к нему и предложил ему выпить «за компанию».

– Давай скоротаем вечерок, – сказал сельский житель, который сидел на вокзале с мешком непроданного картофеля. У мужчины была еще сумка с морковью и свеклой.

Миша постеснялся обидеть незнакомца, который был расстроен, что не смог все продать, и решил поддержать его. Он согласился с ним выпить и заодно выслушать целую тираду о противных покупателях, правительстве и о низких зарплатах. Они немного посидели, выпили, поговорили о тяжелом существовании бытия, дождались отправления поезда нового знакомого.

Миша, как воспитанный человек, пожалел старика и предложил помочь донести ему сумку с морковью до электрички. Ручка у сумки порвалась, и Миша решил взять эту сумку на плечо. Когда они спускались с ним по эскалатору, Миша по своей интеллигентной забывчивости, спускаясь по эскалатору, продолжал рассказывать какую – то интересную историю новому знакомому, а когда спустился, оглянулся, то колхозника рядом не оказалось. Он постоял, подождал его внизу, а потом решил подняться и поискать его на том месте, где они познакомились. Он стал подниматься на эскалаторе обратно и очень удивился, когда увидел, что его новый знакомый стоит с двумя милиционерами и кричит, показывая на Мишу:

– Держите его! Держите! Это он украл мою сумку и деньги!

– Молодой человек, пройдемте в отделение, – сказали милиционеры, и отвели Мишу в отделение привокзальной милиции. Там они показали заявление от гражданина колхозника о краже его сумки с товаром, и довольные тем, что быстро раскрыли преступление и теперь точно получат лишние звезды на погоны, они не стали долго разбираться и очень быстро отвезли Мишу в места не столь отдаленные, где он услышал такую фразу:

– Добро пожаловать в тюрьму под названием «Матросская тишина». У нас все команды выполняются: бегом! А теперь, – бегом марш, мрази!

И под лай озлобленных собак и под звонкие удары резиновых дубинок, Миша побежал вместе со всеми в длинные «покои» под названием камера, в которой находилось сто пятьдесят человек. Все так называемые сидевшие спали стоя, некоторые сидели на корточках возле стены и ждали своей очереди, чтобы лечь на кровать.

Заключенные стояли очень близко друг к другу в этой душной длинной комнате. Помещение было сильно переполнено.

От тошнотворного запаха пота и грязи лица у всех были почерневшими, а в глазах виднелась безысходная пустота. Эти люди как будто давно все были мертвы. Ничего их не радовало, им всем хотелось одного, – выйти быстрее отсюда на свободу. Глоток свежего воздуха был в данный момент самым желанным для них и заменил бы им все сокровища мира.

Все произошло очень быстро, поэтому Миша не успел сообщить родным, что попал в такую неприятную историю и коротает свой срок в тюрьме.

– Миша, привет! – вдруг услышал он за спиной.

От неожиданности он вздрогнул, обернулся и увидел, что к нему обращается парень лет двадцати пяти. Это был Боевик. Тот самый, с которым Катя билась на чердаке в новогоднюю ночь.

– Миша, а ты какими судьбами сюда? Сын директора школы и моего любимого учителя истории Евгения Петровича Черкашина! Как же тебя угораздило сюда попасть? Кстати, как поживает Ольга Семеновна и Евгений Петрович, Катя?

– Хорошо поживают. Они даже не знают, что я здесь.

Миша рассказал своему земляку все, что с ним случилось на вокзале, что все так быстро произошло, что он не смог даже успеть предположить, что за то, чтобы помочь человеку донести сумку, можно загреметь в тюрьму.

– Да, жизнь непредсказуема. Этим ублюдкам нужно поднимать показатели, вот они на таких лохах, как ты, и делают свою работу. А таким, как мы, целуют ноги. Пойдем, я тебя представлю Смотрящему, ты не переживай, я тебя возьму под свою крышу, тебя никто здесь не обидит.

Мишу завели за штору, налили чая, угостили сигаретами и, выделив ему зубную щётку и пасту, сказали, чтобы он жил по понятиям, и никто его не тронет. Смотрящий узнал, что он студент МГУ исторического факультета, и присвоил ему кличку Историк. Сразу же поступил приказ: сочинять умные письма для любимых женщин из зоны. Попутно Миша проводил политинформации, поднимал уровень знаний по истории и был уважаемым человеком среди своих сокамерников. Некогда красивый белокурый мальчик с вьющимися волосами, Миша, копия маленького Ленина с октябрятского значка, становится лысым зэком в «Матросской тишине».

Через полгода он получил срок: два года условно. Помогли хорошие характеристики из школы и университета, и его отпустили. Братва дала с собой денег, одела в дорогую кожаную куртку, новые джинсы и проводила на свободу за тюремные ворота…

Оля Снежко даже не знала, что и думать, куда делся ее

любимый сын и почему не приехал на каникулы. Только когда запросили характеристику из тюрьмы, только тогда она узнала горькую правду о сыне.

И вот опять через много лет он оставил отчий дом, ушел в Монастырь и опять ничего не давал о себе знать.

– Катя, ты обязательно разыщи его в Питере. Что могло произойти на этот раз? Кому он опять пытался помочь? – говорила Ольга Семеновна, провожая дочь в Санкт – Петербург.

– Мама, ты не переживай. Я обязательно его найду. Я думаю, что он опять из – за своей «доброй стеснительности» попал в какой – нибудь передел. Я схожу в монастырь и все расспрошу о нем.

Глава 61

Сделка с квартирой в Санкт – Петербурге сорвалась. Катю, как всегда, обманули мошенники. Она положила в банк крупную сумму для того, чтобы стать клиентом банка, потому что банковским вкладчикам кредит на жилье давали под маленькие проценты. Многие предприниматели принесли в этот банк свои скромные вложения, чтобы в дальнейшем брать кредиты на развитие бизнеса под маленькие проценты.

Но коммерческий банк был однодневной фальшивкой и пострадали многие: они не то, что не получили кредиты, но и не вернули свои собственные деньги. Когда обман был обнаружен, было уже поздно и Катя потеряла помимо своих вложений, очень много денег: залог за квартиру, деньги, отданные риелтору, деньги, потраченные на дорогу. Но Катя никого не винила в случившемся, кроме себя.

Оля Снежко воспитывала детей так: «Вы и только вы виноваты в том, что с вами происходит. Никогда никого не вините. Если вас обидели, то попросите у обидчика прощение, что заставили его согрешить. Всегда поступайте с людьми так, как хотите, чтобы поступали с вами. Но с хамами нужно вести себя по-хамски.».

Первую часть ее воспитательной речи дети запомнили очень хорошо и всегда применяли в своей жизни, а вот вторую часть, – насчет хамов, не совсем усвоили и никогда не применяли. Поэтому Катя поругав, как всегда, себя, поплакала над случившимся, напилась успокоительных лекарств и пошла в часовню к Ксении Блаженной просить ее, чтобы та помогла ей купить квартиру в Санкт – Петербурге, в городе, который она не просто любила, а боготворила! Она дышала с ним одним воздухом и давно срослась с этим городом душой.

– Ксения, помоги мне, пожалуйста, – плакала Катя, обнимая и обливая слезами салатовые стены часовни Ксении Блаженной. – Пожалуйста, помоги мне, я понимаю, что я тебя прошу о том, от чего ты сама отказалась в свое время. Но я очень хочу купить квартиру в Санкт – Петербурге на улице… – и Катя стала диктовать адрес квартиры, которую она должна была купить.

Откуда ни возьмись перед Катей появилась пожилая женщина. Она строго сказала Кате:

– Прекратите диктовать адрес. Ксения сама знает, что лучше вам дать. Какую квартиру и где.

И так же незаметно исчезла, как и появилась.

Катя продолжала плакать, она уже не просто плакала, она

рыдала в голос, потому что ей было так плохо от того, что она подвела людей, которые принимали участие в сделке. Она плакала от того, что с таким трудом ей пришлось вырваться из дома от своего мужа. Она плакала от того, что она не может найти своего брата. Она плакала просто потому, что на свете живут такие ничтожные мелкие людишки – мошенники и воры, – которые сами не ведают, что творят! Она плакала оттого, что их ожидает впереди страшное наказание за всех обманутых и обворованных людей. И весь род их будет проклят!

– Скажите, пожалуйста, как пройти в монастырь оптинских старцев? – спросила Катя у проходившей мимо женщины.

Женщина остановилась, посмотрена на плачущую Катю, рассказала ей, как лучше ей пройти к монастырю, и чуть ли не за руку отвела ее в нужное место.

Питерская интеллигенция всегда отличалась от всех жителей планеты: добротой, сочувствием и желанием сразу прийти на помощь. Ни в одном городе не было столь добродушных стариков и старушек, которые всегда аккуратно выглядели, всегда улыбались и здоровались. Они были так же красивы, как и архитектурные ансамбли, украшающие город!

Монастырь могущественно стоял в золотом убранстве вековой красоты на набережной Шмидта и нежно смотрел на проходивших мимо людей с их мелкими проблемами, которые для них в данный момент казались глобальными.

Здание было необыкновенно красивым и своим великолепием поражало любое воображение. Тяжелая деревянная дверь, повидавшая миллионы прихожан за свою многовековую историю, со скрипом открылась, и Катя с дочерью Кристиной оказались в Храме чистоты, красоты и душевного спокойствия. Службы не было. Прихожан в Храме было мало. Только девушки-художницы, одетые в черные одежды, тихо разрисовывали стены внутри монастыря. Катя подошла к служителю церкви и робко спросила его:

– Я сестра Миши Черкашина. Его из Козельска перевели сюда и вот мы долго не можем связаться с ним. Вы не подскажете, может быть, вы что-либо о нем слышали?

– Конечно, слышал. Он работал у нас. Он был незлобливый молодой человек. Я даже не удивлюсь, если он живой, – сказал, улыбаясь, служитель церкви. – Правда, он последнее время очень болел, но постоянно ложился в больницу. То к баптистам, то к иеговам в больничку ложился. Он все не мог с верой определиться. Но вам о Михаиле лучше расскажет настоятель. Он сейчас подойдет к вам.

Катя стояла и ждала старого, седого, с белой бородой

настоятеля Анатолия Алексеевича и очень удивилась, когда молодой и красивый молодой человек лет двадцати пяти, с небесно-бирюзовыми умными глазами, подошел и спросил тихим голосом:

– Вы меня искали?

– Да, – ответила Катя. – А вы настоятель монастыря?

– Да. Мне передали, что вы ищете своего брата. Вы меня извините, но я не могу ничем вас утешить. Я хочу вам сказать, что, скорее всего, его нет в живых. Дело в том, что он был очень болен алкоголизмом. Мы много раз пытались его спасти, молились за него все время. Но он очень много пил. Он иногда уходил в мирскую жизнь, потом возвращался. Мы говорили ему неоднократно, что ему нельзя возвращаться в мирскую жизнь. У него был недуг – алкоголь. И однажды он предал Библию и не сдержал слово, которое нам дал, и мы вынуждены были с ним расстаться. Потом я видел его в городе в непотребном виде. Но у него была очень больная поджелудочная железа. Он неоднократно лежал у нас в больнице, и мы знали, что ему пить нельзя вовсе. Но он так и не смог избавиться от своего недуга. Я буду с вами откровенен. Скорее всего, его нет в живых. Но на все воля Божия.

Катя стояла и ничего не слышала. Она ходила там, где ходил ее любимый, родной и единственный брат. Она дышала тем же воздухом, каким дышал он, и плакала, потому что не знала, жив он или нет. Но какое-то предчувствие ее все-таки не покидало, ей казалось, что ее брат жив.

– Скажите, пожалуйста, а как я должна ставить свечку ему: за здравие или за упокой?

– Только за здравие! Потому что для Бога мертвых нет. И пока вы не удостоверитесь, что его нет в живых, ставьте свечу ему только за здравие. Но вам лучше сходить в отделение милиции, у них есть все данные об убиенных и умерших. В криминальной сводке посмотрите, может, что-либо узнаете о своем брате. И ознакомьтесь с документами, которые могут вам помочь.

– А вы знаете, Анатолий Алексеевич, я сюда приехала еще и потому, что хотела купить квартиру в Санкт-Петербурге. Но сделку сорвала. Я так переживаю, что подвела людей. Мне очень плохо на душе. – И Катя опять зарыдала.

– Мы будем за вас молиться. Но послушайте меня и не перебивайте и не плачьте! Вы – светлый человек! И Бог не хочет давать вам окраину города. Он вам приготовил центр!

Катя стояла, плакала и не понимала, о чем ей говорит Анатолий Алексеевич. Она попрощалась с настоятелем, поблагодарила его, и пошла искать своего брата дальше.

В милиции ей сказали, что ее брат, скорее всего, жив, потому что его отпечатков пальцев среди умерших бомжей не обнаружили. Затем ей дали картотеку с фото всех найденных за три года бродяг и просили посмотреть фотографии убиенных. Катя с трудом вглядывалась в лица, но, слава Богу, ни на одной фотографии брата Мишу не нашла.

– Значит, он жив, – вздохнула она, поблагодарила работников милиции и пошла к дочери Кристине, которая сидела на качелях во дворе, поджидая маму.

Проходя с дочерью по Невскому проспекту, Катя увидела объявление: продается квартира, номер телефона такой-то. Катя решила позвонить и узнать, – за какую цену продаются квартиры в Санкт-Петербурге. Она спросила, где находится эта недвижимость и, заплаканная, пришла в красивое современное здание «Центр-жилье». На стене висели грамоты и награды самого престижного риелторского центра Санкт-Петербуга.

Красивые фото элитных домов, квартир и дач украшали стенды офиса. Катя познакомилась с директором «Центр– жилье» Юрием Акининым. Рассказала ему за пять минут всю свою биографию, поплакала вдоволь, вспомнив, как ее обманули мошенники, и как она подвела людей.

Расспросив все о продаже квартир в центре города и их стоимости, Катя выяснила одно: квартиры в старом фонде стоят очень дорого, и эта ее мечта никогда не осуществится.

Вечером Катя с Кристиной пришли в гости к Нинке Камасутре, которая по просьбе Лены Штоум занималась поиском квартиры для нее. Нина была очень огорчена случившимся, она кричала на Катю, что та потеряла много денег и подвела людей.

– То, что я потеряла деньги, это ты правильно сказала. Но за работу я отдам твоему риелтору, как и договаривались, семьдесят тысяч рублей.

– А залог сто двадцать тысяч ты тоже потеряешь, – продолжала кричать Нина.

Катя выслала Нине за оформление квартиры двести тысяч рублей на залог. Но залог оказался меньше на восемьдесят тысяч рублей, которые Нинка Камасутра потратила, купив себе две шубы.

– Я тебе деньги за шубы обязательно верну, – убеждала себя и Катю Нина.

– Девочки, ничего не нужно возвращать. И поэтому вы не переживайте, я все заплачу, как и обещала. Вот, Ира, возьми за работу, как и договаривались, семьдесят тысяч рублей. Ты нашла квартиру, выполнила свою работу и должна получить за нее деньги. А ты, Нина, тоже столько квартир пересмотрела, чтобы

подходящую найти. Поэтому не переживай я тебе дарю эти две шубы. Только у меня одна просьба к вам. Я все равно не откажусь от своей мечты купить квартиру в Санкт-Петербурге. Я вас очень прошу, если у меня появятся деньги, помогите мне, пожалуйста, найти для покупки хорошую квартиру. Не обижайтесь на меня.

– Конечно, конечно, можешь в нас даже не сомневаться. Мы тебе всегда поможем найти то, что ты хочешь, – сказала Нинка – Камасутра, обнимая Катю. – Жаль, что Ромка твой скоропостижно скончался от пьянки. А вот если бы ты его потерпела, то его квартира тебе бы досталась, а не его мамочке.

– Что ты несешь? – завозмущалась Лена Штоум. – Сама всех мужей перехоронила, жилье в Тамбове продала и вернулась в Питер, других мужиков грабить.

– Девочки, прекратите ругаться, – успокаивала их Катя. – Мне и так очень плохо, а вы еще ссоритесь, как всегда.

Катя, навестив в Питере своих подруг и отдав все долги, проплакала несколько дней и ночей, собралась и вернулась к себе домой на юг.

Она приехала уставшая и страшно разочарованная в людях. Единственно, что ее утешало, так это воспоминание о святых местах, которые она посетила.

– Катя, – сказала ей Оля Снежко, когда она вошла в дом. – У меня к тебе есть приятное известие. Тебе, как предпринимателю, твой любимый банк одобрил кредит на приличную сумму. Я тебе всегда говорила, что лучше и надежнее старого, проверенного банка ничего нет.

– Мама, я и забыла, что подавала документы в два банка! Неужели, моя мечта все-таки сбудется! – запрыгала Катя. – Нужно срочно искать подходящую квартиру. Я сегодня же позвоню Нинке – Камасутре и ее подруге, они обещали мне помочь!

Но когда Катя позвонила своим старым друзьям, она услышала только то, что они ничем ей не могут помочь, и что квартиры в том районе, где она хочет купить жилье, стоят очень и очень дорого.

– У тебя таких денег никогда не будет! – кричала в трубку телефона Нинка Камасутра. – Мы ничем тебе не сможем помочь. Извини, времени слишком мало.

– Ну как же, ты же обещала, что если мне что-нибудь нужно будет, то я могу обращаться к тебе, а не прошло и недели, как ты отвернулась от меня! – сказала Катя, вытирая слезы.

Катя плакала и все время думала, что круговорот жизни странным образом закручивает людей, смешивая их с проблемами, обещаниями, поступками и предательством. Почему в жизни так бывает, что люди видят только сами себя, любят

только себя, переживают только за себя, и проблемы других людей их мало волнуют? Вот так же Иуда, предавший когда – то своего Учителя, отвернулся от него, получив за него плату, так и Катина подруга, целуя ее и клянясь ей в верной дружбе, получила две шубки и предала ее, не успев отвернуться.

Катя смотрела на ненавистный сотовый телефон, крупные слезы падали на панель, не хватало воздуха от обиды и жалости к прошлой дружбе. Не хватало сил даже думать, что все это недоразумение. Предательство раздавило, расплющило и уничтожило всю многолетнюю дружбу. Получается, что дружить умеют только мужчины.

– Мужчины, – сказала Катя вслух и вспомнила своего нового знакомого из «Центр-Жилья» Юрия Акинина. Через пять минут она уже набирала номер телефона риелтора.

– Юра, вы меня помните? Я Екатерина Евгеньевна Черкашина.

– Конечно, помню Екатерина Евгеньевна! Вас очень трудно забыть, с Вашими мошенниками, ворами, друзьями. Что у вас опять произошло, почему вы плачете?

– Юра, мне банк одобрил определенную сумму кредита, и я хочу, чтобы вы мне помогли найти квартиру в Санкт-Петербурге. Но вы же знаете мою проблему. Мой муж недоволен моей идеей насчет покупки квартиры, и я не могу к вам вылететь. Я потеряла очень много времени, потому что искала объект здесь, на юге. Я не знала, что можно взять ипотеку и в другом городе через этот банк. У нас с вами всего неделя, иначе деньги сгорят. Я теперь не знаю, что мне делать?

– Не переживайте вы так! Я вам помогу. Высылайте мне согласие банка на сумму, которую вам одобрили, а я вам вышлю паспортные данные моего лучшего сотрудника. У него был опыт работы с женщиной из другого города. Он помогал купить квартиру в Санкт-Петербурге, женщине из Новороссийска. Вы ему вышлите доверенность, чтобы он от вашего имени совершал все сделки и все у вас будет хорошо! – успокаивал Катю новый знакомый, которого она видела всего лишь десять минут.

«Господи, наверное, опять какие-нибудь мошенники! Почему у меня на лбу написано: «обманите меня!». Я опять рискую, – думала Катя. – Ну ничего, кто не рискует, тот не пьет шампанское! Я рискну в очередной раз. Моя мама поступила бы точно так же.

Оля Снежко выслушала дочь, полностью ее поддержала, и они запустили проект всей своей жизни.

Глава 62

Ребята из Санкт-Петербурга оказались очень способные и трудолюбивые. Они за неделю сделали все возможное и невозможное. Они пересмотрели очень много квартир, подыскивая подходящий вариант, потому что были профессионалы в своем деле. Ездили по всему городу в поисках объекта и уговаривали хозяев продаваемых квартир не бояться продавать квартиры в ипотеку и, конечно, не бояться людей с юга. У всех на слуху было, что если человек с Северного Кавказа, значит, обязательно он чеченец! А в сфере не – давних событий, которые опозорили такой древний и красивый чеченский народ из – за кучки отморозков, не ясно какой национальности и вероисповедания, под названием, – «террористы». Какое грязное слово-«террористы». Какие грязные, трусливые поступки этих не имеющих национальности и человеческого лица шакалов.

– Господи, мама! Когда мы учились в Институте иностранных языков, с нами учились люди разных национальностей. Мы дружили, любили и никого никогда не разделяли по национальным признакам, – говорила Катя. – Только по человеческим качествам разделяли.

– Доченька моя хорошая, – отвечала ей Оля Снежко, – а мы вообще учились в СССР все из разных республик, теперь они называются странами ближнего зарубежья. И тоже противное название – «ближнее зарубежье».

Из– за амбиций некоторых руководителей, которые захотели все стать президентами, народ теперь страдает. И к родственникам на Украину едет через таможню, где тебя вывернут наизнанку, как врага народа. Облапают тебя со всех сторон твои же земляки. Мне Лида Николаенко рассказывала.

Время безжалостно проносилось мимо, объект все никак не находился. Деньги должны были вот-вот сгореть. И Катя уже смирилась с мыслью, что ее мечте не суждено осуществиться. Александр Помидоров, так звали риелтора, который работал с Катей, почему-то не звонил. Время поджимало, и надежда постепенно улетучивалась с остатком времени сохранения кредита.

– Екатерина Евгеньевна, – как всегда медленно, по-питерски тихо сказал Саша. – Я нашел объект. Вы будете вторая хозяйка квартиры. Не считая бывших хозяев с прошлого и позапрошлого веков. Квартира двухкомнатная. В старом фонде, но ничего, хозяйка согласилась на ваши условия. Так что будем брать, если вы согласны.

– Согласна, согласна, конечно, согласна! – кричала Катя в трубку телефона. – Сашенька, я вам очень благодарна! Я уже и надежду потеряла.

Спасибо вам огромное за ваш профессионализм!

Александр Помидоров стал почти родным человеком. Каждый день он созванивался с Катей, рассказывал об успехах и неудачах. Объяснял, что необходимо выслать из документов, и каждый день Катина мечта приближалась к осуществлению.

– Мамочка, банк одобрил объект, но есть одно «но». Завтра мне нужно будет приходить со своим мужем подписывать договор. Но, ты, же, знаешь, что он никогда не согласиться на эту сделку. Что мне делать, посоветуй!

– А, давай попросим моего двоюродного брата сходить вместо твоего мужа. Они чем-то похожи. Может он и сойдет, – сказала Оля Снежко.

– Да и правда, они чем-то похожи, – обрадовалась Катя.

На следующий день Оля Снежко позвала на беседу братца, которого не видела уже почти год. О том, что он стал выпивать, говорили многие, но чтобы так сильно, она не ожидала. Когда Оля Снежко увидела его, она даже подумала, что этот старый дед вообще ошибся адресом. Но когда он бросился обнимать сестру и просить у нее выпить, она поняла, что эта идея с подтасовкой фактов не самая лучшая. Ей пришлось рассказать все своей дочери, и они решили открыться мужу и зятю.

Сколько им пришлось выслушать в свой адрес нелестной правды, сколько криков было на весь дом, сколько разбитой посуды, оскорблений. Но когда вся семья, начиная с Оли Снежко и заканчивая детьми, стояли на коленях и уговаривали его согласиться пойти в банк поставить свою подпись, он, разгневанный тупостью жены, все же согласился. Никита принял к сведению ее доводы насчет учебы сына и дочери в столичном вузе. Взвесив все «за» и «против», на следующий день он появился с Катей в банке. За пять минут пребывания уничтожил взглядом и словом весь кредитный отдел банка. Раз десять едва не сорвал сделку, чуть не перечеркнул полугодовую работу умницы, отличницы, начальника кредитного отдела Юлечки, которая сказала ему:

– Вы знаете, мужчина, вас сюда никто не звал, вы сами пришли.

А после того, как его проводили, она с сочувствием посмотрела на Катю и произнесла:

– Екатерина Евгеньевна, мы с вами работали над этим проектом полгода, вы такой светлый человек, а ваш муж такой тяжелый. Вы видели, как он за пять минут нас всех здесь

уничтожил! И если бы не уважение к вам, мы бы расторгли сделку.

Правдами и неправдами квартира была куплена, и Катя стала обладательницей розового свидетельства на двухкомнатную квартиру в Санкт– Петербурге.

– Катя, ты купила кота в мешке, – говорили ей подруги. – На это могла пойти только ты. Слушай, а неужели тебе не интересно, что ты приобрела?

– Главное, у меня есть крыша над головой в самом Питере, и мне все равно, какая она. Дети будут учиться в столице! И это самое важное. А для меня имеет значение то, что я смогу приезжать в свой любимый Питер, когда захочу!

– Доченька, я так не могу, – возмущенно сказала Оля Снежко. – Ты, конечно, вся в меня пошла, а не в папу, но мне очень интересно, что мы там купили? Поэтому я завтра же выезжаю в Питер.

– Мамуля, спасибо большое! Я и сама хотела тебя попросить об этом, но как-то неудобно было. А Максим сдаст ЕГЭ, и мы сразу после выпускного приедем поступать. Раньше муж меня не отпустит. А я хочу знать наверняка, купили мы все – таки квартиру или нет? Или нам опять встретились мошенники, как всегда? Но я тебя одну туда не пущу, поедешь с Кристиной. У нее как раз каникулы начались.

– Хорошо! А ты знаешь, у меня есть идея. Может быть, мы там и магазинчик откроем. Все-таки мегаполис! Так тебе будет легче с долгами и кредитом рассчитаться, – предложила Оля Снежко.

– Мамулечка, ты у меня просто волшебница. Не зря ты столько лет директором школы проработала. Твои идеи просто супер! Товара у меня в магазине много, хватит и на Питер. А я снова в Турцию слетаю и еще привезу. Ведь это же Северная столица, а не наша Шпаковка, – радовалась Катя.

В стране был очередной кризис, и Катя должна была выживать в этих экономических условиях. Она открыла несколько магазинов в городе Михайловске. Но она никак не думала, что ее мама, человек другой эпохи сможет быстро сориентироваться в новом мире.

На следующий день, проводив мужа на рыбалку, Катя съездила за билетами на поезд, купила целое купе и проводила маму, Кристину и четыре огромные сумки с товаром в Санкт – Петербург. Лена Штоум, как всегда, тоже поддержала идею подруги и с удовольствием ждала Катину маму в городе Санкт-Петербург.

Риелтор из Санкт-Петербурга, Александр Помидоров тоже стал членом их большой семьи. Он встретил Катину маму и дочь

на вокзале, как и обещал Кате, нанял такси, помог им погрузить вещи и привез их на новую квартиру.

Настоящий питерский интеллигент! Он все делал красиво! Сам был красив внешне и внутренне, светился добротой и порядочностью. Профессионал с большой буквы, работу выполнил на «отлично» и довел ее до логического завершения: сдал квартиру под ключ новым хозяевам.

– Катя, – кричала в трубку телефона Оля Снежко, – мне очень нравится квартира. Молодец Сашенька Помидоров! Комнаты большие, окна выходят не во двор, а на зеленую улицу. Правда, необходим ремонт капитальный. В первую очередь нужно заменить окна, а так все очень замечательно. Завтра пойдем искать магазин под аренду. Не переживай, доченька, мы пробьемся! Не впервой!

Оля Снежко была настоящей подругой для дочери. Она всегда помогала ей, и не только советом, но и делом. Для нее жизнь заключалась только в том, чтобы помогать близким. Настроение у бабушки и внучки было замечательное! Погода в Питере приветствовала их своей ласковой теплотой.

Солнце светило всю ночь, что было удивительным для Кристины и Оли Снежко. Магазин они нашли по объявлению на другом конце города. Сняли его в аренду и запустили в работу. Евгений Петрович всегда находился где-то рядом с нею. И ему было очень комфортно в ее тени.

Оля Снежко, несмотря на свои годы, была полна сил. Она так и осталась хорошим руководителем, которая показывала своим личным примером, как нужно жить и работать. Кристина была вся в бабушку. Такая же энергичная и предприимчивая. Она сразу взяла все в свои руки. Быстро сориентировалась в большом городе. Бизнес она знала с самого рождения. Всегда помогала маме в ее магазинах. И два поколения женщин этой семьи, красивых и умных, открыли магазин «Красотка» быстро и оперативно. Гены прапрабабушки дворянки, у которой в прошлом веке тоже был свой магазинчик, давали о себе знать.

– Жаль, что дедушка Семен и бабушка Маша не дожили до этого дня и не видят, как мы здесь работаем, – сказала Оля Снежко внучке. – Они бы гордились нами, что мы с тобой вдвоем смогли это дело здесь провернуть. Но они на небесах поддерживают нас, поэтому мы быстро и легко открыли магазинчик.

– Да, они бы и мамой гордились, что не испугалась она мошенников и опять пошла на риск, который привел ее к положительному результату.

– Слава Богу за все. Все мы в этой жизни думаем, что делаем

все сами. А ведь на все Воля Божья, – сказала, задумавшись, Оля Снежко. – Главное – оставаться человеком и не думать только о себе. Стараться думать больше о других. Как наш Создатель обо всех нас думает и по вере каждому помогает.

Оля Снежко, после смерти Жени Черкашина, полностью посвятила себя детям и внукам. Она ничего не жалела для них и была для них настоящим маяком жизни. Ей некогда было стареть, она знала одно – что дочери, сыну и, конечно, внукам она еще очень нужна. Сына Мишу она искала повсюду в Санкт-Петербурге: и в монастыре, и среди бомжей, и по больницам. Материнское сердце подсказывало ей, что он жив. Она ходила по улицам Санкт-Петербурга, чувствовала, что она обязательно найдет его. Она даже ощущала его присутствие. Ей сказали, что он принял обет молчания и живет где-то на островах. Она знала, что приедет Катя, и они обязательно туда поедут, разыщут его и опять будут вместе.

В магазине первое время они работали вместе с внучкой Кристиной, пока не нашли хорошего продавца. Наладив работу новой торговой точки, они стали посещать музеи, театры и вести образ жизни отдыхающих пенсионеров и школьников.

А Катя с сыном Максимом, погуляв на выпускном вечере, приехали после окончании школы в Санкт-Петербург. Оля Снежко с Кристиной встретили их на вокзале, как всегда, с цветами. У Кати взволновано стучало сердце от радостной встречи с любимыми людьми, и любимым городом, и квартирой, которую она еще не видела.

«Здравствуй, любимый город! Вот мы снова вместе. Я знала, что я сюда обязательно вернусь. Пойдем, покажешь мне, что ты на этот раз для меня приготовил!», – подумала она, выходя из поезда.

Покупая «кота в мешке» Катя даже не могла и подумать, что Санкт-Петербург опять приготовил для нее сюрприз!

На протяжении многих лет Кате снился один и тот же сон: очень красивый старинный дом в Питере. Перед домом стоит новая пятиэтажка, а вдалеке виднеются такие же красивые старинные питерские дома. Но почему-то больше всего Катю поразила во сне красивая церковь, которая виднелась справа от питерских домов.

Когда она приехала все-таки в свой любимый Питер, выглянула в окно из своей новой квартиры, она не могла поверить увиденному. Какого же было ее удивление, когда она сразу вспомнила тот красивый сон. И заплакала.

– Этого не может быть, вот это сюрприз! – сказала Катя. – Вы все со мною рядом! Все, кого я просила помочь мне купить

квартиру в Санкт-Петербурге, когда омывала слезами салатовую часовню на Смоленском кладбище! Ксения Блаженная, Оптины старцы! Все здесь со мною по-соседству! Этого не может быть! Но это так!

Церковь вдалеке – это Смоленский собор. Напротив окон в Катиной новой квартире, – часовня Ксении Блаженной, а монастырь Оптиных Старцев находится на соседней улице! Господи! Велики твои Чудеса, Боже! Спасибо Тебе, за то, что Ты есть!

Катя посмотрела в окно на любимый пейзаж, перекрестилась и поблагодарила Бога за все, что он для нее сделал. «Нужно обязательно пригласить сюда Алю и Розу, пусть за меня порадуются», – подумала Катя.

Неожиданно её мысли прервал голос мамы, которая смотрела последние новости по телевизору. Она взволнованно звала её подойти к ней.

Когда Катя подошла, она не поверила своим глазам, по телевизору показывали ее любимую подругу детства Алю. Она почему-то была в наручниках, а голос диктора безжалостно повторял, что в Москве задержали банду боевиков вместе с их главарем «Волчицей», которую полностью поддерживал и финансировал Запад. Волчицей оказалась Алия Магомедовна Курбатова, которая ранее не была судима. Но отличалась жестокостью и коварством. Все теракты были ею тщательно спланированы и организованы. Правая рука криминального авторитета «Кавказца», Курбатова организовывала вместе с ним покушение на Ровд, занималась поставкой наркотиков в Россию. Главной задачей этой бандитской группировки было:

«Межнациональные распри, торговля оружием, растление молодежи на юге России».

Катя выключила телевизор, заплакала и сказала:

– Мамочка, как такое могла получиться, что Аля наша выбрала этот путь. Видно ее тоже окутал дьявол, как и Ларису Вышакову, как Клару Андреевну, как всех этих террористов, – плакала Катя. – Какое наказание их ожидает за это?

– Каждый человек ответит за свой грех, за чужой ему не придется держать ответ. А наказание будет очень страшным, поверь мне.

Глава 63

– Помогите, – кричала соседка Клара Андреевна, – Мой сын не хочет отдавать мне проценты за занятые у меня деньги!

Она бегала по огороду с мотыгой и кричала на всю Горькую Балку.

– Помогите, меня собственный сын обворовал! Я же им говорила, чтобы они вовремя возвращали мне проценты. Иначе я буду им проценты на проценты считать. Хамы, вообще совесть потеряли! Я же сказала, чтобы всегда вовремя отдавали. Подумаешь, я же всего под двадцать процентов в месяц занимаю им по-родственному, а не под тридцать или сорок!

– Так это же под шестьсот процентов в год! – кричал ей сын в ответ.

– Мама, ты бы хоть с родных сыновей столько не брала. Ладно, вокруг себя все суды выиграла. Вон у подруги своей любимой миллион выиграла! Триста тысяч занимала, пятьсот тысяч вернула процентами, да еще, по последней расписке, миллион выиграла. А у Галки, у соседки, аж четыре миллиона выиграла вместо восьмисот тысяч, которые занимала. Притом, и с той уже миллион забрала процентами. Ну а с сыновей, – зачем проценты на проценты берешь?

– Ты мне зубы не заговаривай! Со мной даже дочь моя не хочет знаться, что я ей квартиру в старом фонде нашла, а вам, оглоедам, – в новом районе. Ничего, раскошеливайтесь! У меня бизнес свой, а у вас – свой. Сестра моя, еще та сволочь, тоже со мной десять лет не разговаривает. Обиделась, видите ли, за то, что я у нее наследство отобрала! А я ведь была самая любимая дочка у родителей. Почему я должна была с нею наследство делить?! Я и так ей по-родственному в долг давала деньги только под десять процентов и никакой благодарности!

Клара продолжала жить своей всем известной жизнью современной процентщицы. Она никогда ничего не читала. Не смотрела телевизор. А каждый день получала огромное удовольствие от того, что пересчитывала пахнущие типографской краской бумажные купюры, которые никогда не тратила. Как всегда, от нее неприятно пахло, потому что она экономила деньги за воду и старалась поменьше мыться. Была одета в тот же грязный халат и потертые трико.

Горькая Балка всегда содрогалась от ее криков жадности. В селе все знали, что если хочешь посадить у себя на газоне травку, то у Клары она обязательно будет. И та продаст тебе пучок за тысячу рублей, потому что с корнями и с землей на них.

– Семенами трава-сорняк у меня дешевле, но уже выросшая трава намного будет дороже, – убеждала она своих глупых покупателей.

Она на каждом сантиметре своей земли выращивала деньги в виде цветочков, семян и лягушек, которых она разводила в ржавых корытах, стоявших по всему огороду. Она все так же умудрялась лазить по болотам и продавать водные сорняки, как она говорила, богатым дебилам, которые тратили огромные состояния, думая, что покупают эксклюзив для своих частных прудов.

Запах тины и лягушачьи песни распространялись на всю Горькую Балку. Хуже, чем у нее не было дома во всей деревне. Изба покосилась, давно не была побелена, двор был захламлен всяким мусором, натасканным с соседних улиц и со всего села. Все, что выбрасывалось в селе, было у Клары во дворе!

Жажда наживы – это болезнь. Она была долларовая миллионерша, потому что продавала все, что можно было продать. Она бы с удовольствием продавала и воздух, которым дышала, только не знала, как его лучше упаковать. Деньги ей нужны были только для того, чтобы просто их копить и собирать. Она и не представляла себе, что их можно было потратить и что-нибудь, – «купить». Она даже такого слова не знала. Слово «продать» было любимым в ее лексиконе, поэтому Клара Андреевна хуже всех одевалась, в дом ничего не покупала, и после очередного града выбитое окно было заткнуто подушкой, а крыша зияла насквозь от дыр.

Мусор возвышался над домом так, что можно было подумать, что люди здесь не живут, а это просто сельская свалка в центре села. Но Клара была самым счастливым человеком на свете, потому что была очень богата! Односельчане ей все говорили: «Клара, на крышке гроба багажник не предусмотрен!».

Но она считала, что они все ей завидуют.

– Лидочка, тебе деньги занять? – спрашивала она у проходившей мимо Лидии Васильевне Николаенко.

– Нет, спасибо большое. Вы же знаете, что я стараюсь жить на свои кровные. Я занимала у вас всего один раз, когда Сашеньку своего хоронила. Да и то до сих пор переживаю, что похоронила его в долг.

– Не переживай, это же ты на памятник брала. И он самый красивый получился, я ходила на кладбище смотреть, специально ходила, чтобы увидеть, куда мои денюжки пошли! – говорила гордо Клара.

И в этот момент она на самом деле думала, что делает благое дело и берет за него так мало, всего тридцать процентов в месяц;

а если человек не успевает отдать долг вовремя, то всего-навсего не отданные проценты она прибавляет к основному долгу, только и всего.

– Арифметика проста: проценты на проценты идут, если возникают проблемы с отдачей, вот и все, – скромно объясняет она всем принцип своего бизнеса.

– Спасибо, Клара, за заботу. Ну, мне теперь ничего не нужно. Пенсии хватает. Дети выросли, внуки многого пока не требуют. Так я еще и работать продолжаю, вы же знаете.

– Послушай, я после тюрьмы, что-то плохо стала себя чувствовать, начинаю плохо деньги видеть. Боюсь, что сдачи больше дам, когда буду с покупателями рассчитываться. Я же так отвыкла на Зоне от земли. Зато хоть узнала, что такое работа. У нас там по сменам выходили халаты шить. А на свободе, я же ни дня не работала. Думала, на кой ляд мне эта работа за копейки нужна? Но сторожем все равно устроилась, подрабатываю теперь. Без работы не могу. Шучу. Да мне какая разница, где спать?! Вот я в колхозе, в правлении и сплю на диване. А они, дураки, мне еще за это и зарплату платят!

Клара Андреевна отсидела свой срок по полной. Никогда не думала, что «Волчица» ее сдаст. Она ж ей, как дочка была, после Кавказца. Жаль, что не успели они покончить с семейством Оли Снежко. А так вроде бы все по плану шло. А теперь эти отморозки-сыновья еще и грабят, проценты не отдают.

– Вообще рамсы попутали, сволочи! – кричала она на сыновей.

– Клара Андреевна, вы так не перетруждайтесь, – смеялась Лидия Васильевна. – Себя нужно хоть чуть-чуть поберечь. А то, как молодая, по огороду с мотыгой за сыном бегаете.

– Ой, Лидочка, да я ж не как вы. В этой школе и живете за гроши. И не надоело вам так работать? Мрете ж вы, учителя, как мухи. За эти копейки вкалываете и довольны. Я как сейчас помню, как вы молоденькими к нам приехали. Только с одними чемоданами с книгами. Так ведь и остались только с этими чемоданами. Нищие же вы, учителя! А ходили – нос задерете, книжку под мышку положите и ходите, как будто довольные жизнью. Ну и что, где вы все сейчас? Небось вымерли все твои подружки как мамонты, – захохотала зло Клара. – Вот Ольга Снежко, подруга твоя лучшая, где? Небось, точно померла уже? Ничего что-то о ней не слышно последнее время!

– Да, Бог с вами, Клара Андреевна! Оля Снежко квартиру в Санкт-Петербурге купила и живет там. Вот мы с девчонками в гости к ней собираемся. Она там и магазин открыла, видно, от вас по-соседски опылилась! В торговлю ушла. И летает по Питеру,

как девочка молоденькая.

Говорит, что две комнаты обоями поклеила. А потолки высокие, так она со стремянкой, представляете, по квартире бегает! Верочка Маленькая в Москве живет. Дача у нее министерская двухэтажная под боком. С бассейнами, зимними садами и прудиками. Вера Большая в Америке, к дочери переехала. Нас все время в гости тоже зовет. Мы в этом году собираемся поехать, что ж мы хуже иностранных пенсионеров? Там у ее мужа целое фермерское хозяйство со страусами, крокодилами. А вы все с лягушками, да с болотными камышами, да с процентами и руганью. Мы хоть, как вы говорите, нищие, зато счастливые в дружбе, детях, внуках. Мы очень часто собираемся все вместе. В этом месяце, например, на новоселье в Питер и на открытие фонтанов едем к нашей Оле Снежко. Решили у нее на этот раз собраться.

– Ничего себе, так она и правда квартиру в самом Питере купила? – спрашивала ошарашенная новостью Клара Андреевна.

– Да, правда. Она живет в самом центре Санкт-Петербурга. Десять минут ходьбы до Зимнего Дворца!

– Вот везет же дурам! А откудова деньги у нее? Она ж никогда не была богатой! Вот и Галка Снежко, сестра ее младшая, вышла все-таки замуж за своего Витьку Шевцова, миллиардера, хоть и на старости лет, но вышла. Это что ж получается, что любовь у них сильная была? Через столько лет, он ее нашел. Вот и опять вместе. Зато Ирка Снежко, их средняя сестра, я слышала, что пропала без вести, вот ведь как в жизни бывает! – ехидно произнесла Клара Андреевна, как будто что-то знала.

– Ничего. Зато дети у нее хорошими людьми выросли! Сын – владелец ювелирных магазинов. А дочь с детьми свой ресторан имеет! И живет, как королева!

– Вот везет же дуракам! – зло сквозь зубы сказала Клара Андреевна.

Лида Николаенко посмотрела на нее с сожалением и ответила улыбаясь:

– Завидуют молча, Клара Андреевна. А наше богатство в нашей дружбе! Вот мы, четыре девчонки, приехали в село, несмышленые, глупые, молодые душой. А вот собираемся вместе и опять чувствуем себя такими же несмышлеными, глупыми, молодыми душой. И радуемся, что такими остались. Мы же даже и не видим себя постаревшими. Мы реально видим себя все теми же молодыми и красивыми, какими были когда-то.

– Ой, Лидка, ты меня рассмешила. Ты себя хоть со стороны видела? Настоящая баба яга, – смеялась на все село процентщица.

А вы, Клара Андреевна, тоже совсем не изменились, все такая

же, как и были! Все так же завидуете и проценты предлагаете! Друзей у вас никогда не было и, навряд ли, будут. Мне вас, честное слово, искренне жаль. Прожили жизнь без друзей, без любящих детей. Жизнь прошла, а вы, Клара Андреевна, спасибо хоть в тюрьме побывали для разнообразия. Повезло, ведь, по амнистии вышли раньше времени. А так больше у вас ничего интересного в жизни и не было. Вы вроде, как и не жили совсем! Что-то мне вас очень жалко с вашими миллионами. Помните, как мы с вами познакомились, когда первый раз в Горькую Балку приехали? Вы тогда у нас что спросили: «Девочки, вам денег под проценты не нужно занять?» Вот жизнь пролетела. А вы ко мне все с тем же вопросом пристаете. Вот видите, круговорот жизни вас так по кругу до сих пор и носит.

А нас круговорот событий всех так закружил, что закрою глаза и как сейчас вижу объявление: «Пятый курс – все на борьбу с безграмотностью! Село вас ждет!»

– А что ж ты, Лидочка, не хочешь мне рассказать о Катьке, дочке Ольги Снежко, как она в Мурманске жила, после того, как с Ромкой Воронцовым развелась? Она же все-таки уехала жить на Север, как когда-то ее любимая тетя Галя. Я слышала, что она там тоже хапнула по самое не хочу?! Вот это тот еще круговорот жизни, – зло прошипела Клара.

– А что вам рассказывать, Клара Андреевна? Вы возьмите и прочтите про ее жизнь в романе «Испытание судьбой». Там все о Кате Воронцовой и узнаете…

Она написала бестселлер века!

«…Девушка в белом красивом воздушном платье лежит в грязной луже. Она поднимается, опять падает, пытается снова встать, но у нее ничего не получается. Вязкое болото затягивает ее все глубже и глубже…».

ИСПЫТАНИЕ СУДЬБОЙ

Глава 1

Девушка в белом красивом воздушном платье лежит в грязной луже. Она поднимается, опять падает, пытается снова встать, но у нее ничего не получается. Вязкое болото затягивает ее все глубже и глубже.

Впереди виднеется красивая зеленая трава и бирюзовое небо. Неожиданно за спиной слышится странный рычащий звук.

Она оглядывается и с ужасом понимает, что ее сейчас сожрут две огромные безобразные свиньи, которые стремительно приближаются к ней. Свиньи открывают свои зубастые черные пасти и, приготовившись к прыжку, злобно сморщив свои грязные морды, бросаются на нее.

Девушка в панике начинает быстро выползать из болотного плена, хватается за чистую зеленую траву и, ломая ногти, карабкается в сторону ярко – зеленой опушки леса, обрамленной волшебным бирюзовым небом и сияющими лучами золотого солнца…

«Господи! Почему я все время вспоминаю этот ужасный сон, который меня преследует уже почти три месяца?!» – думала Катя, легко шагая в белом красивом воздушном платье по любимому скверику города Пятигорска.

Маленький тихий курортный городок радостно встречал своих посетителей. Небольшие частные домики стояли в разноцветных одеяниях. Белые, голубые, салатовые особняки красовались друг перед другом. Веселые улицы, украшенные фруктовыми деревьями, радовали глаз своими плодами летом и яркой зеленью листвы, – весной. Провинциальные музеи важно расположились в ряд с разноцветными домами – соседями и всем видом показывали свою неповторимую значимость. Они хранили память о знаменитых жильцах, которые оставили творческий след в истории России. Санатории, парки и, конечно, нарзанные галереи были визитными карточками этих курортных городков. Единственное, что не вписывалось в тихую своеобразную атмосферу отдыха, – высшие учебные заведения и, конечно, студенты…

Катя прожила в этом неповторимом уголке необъятной Родины пять своих незабываемых студенческих лет.

«Как давно я здесь не была, кажется целых четыре года?!», – вспоминала Катя, весело шагая по любимому скверику.

Пение трамваев доставляло огромное удовольствие. Своим скрежетом по рельсам они, как будто, говорили ей:

– «Здрррррррррравсссссссствввуй, Катюха. Мы рады твоему

приезззззду… Ты не была ззззздесь четыре года после окончания институтаааа…»

«Неужели прошло четыре года?! – вспоминала Катя, – четыре года неудачного замужества, четыре года любимой работы в редакции газеты, четыре года общения с новыми знакомыми. Но все уже было далеко позади.»

А сейчас веселая, ничего не подозревающая девушка, шла в белом воздушном платье по знакомым улицам и улыбалась неизвестности, которая уже подкрадывалась к ней, приближая к событиям, которые изменят всю ее жизнь…

Катя никогда не выглядела на свои двадцать пять лет. Она была хорошо сложена: тонкая талия, очень красивые ноги, бархатная кожа. Темно – русые волнистые волосы крупными локонами обрамляли нежное личико. Огромные изумрудные глаза с подкрученными пушистыми ресницами ни одного мужчину не оставляли равнодушным. Светлая и позитивная она всегда была душой компании, восхваляла всех своих подруг и мечтала их удачно выдать замуж. Сокурсницы хотели дружить с нею, сокурсники мечтали взять ее в жены. А она бежала по жизни, смеясь, и всегда знала, что ее счастье еще впереди! Катя посмотрела на часы и подумала: «До отправления самолета целых восемь часов. Это целая вечность! Пробегусь – ка я по старым любимым улочкам. Подышу свежим, напоминавшим молодость, воздухом. Зайду в знакомое и родное общежитие.».

– Привет, – неожиданно послышалось за спиной.

– Господи, Никита! Какими судьбами ты здесь? – удивилась Катя, обнимая молодого красивого юношу.

Парень очень был похож на знаменитого актера Ивара Калныньша из кинофильма «Зимняя вишня». Статный, очень высокий, он всегда красиво и со вкусом был одет. Волосы, немного волнистые, аккуратно зачесаны назад. Темно– карие, почти черные глаза, внимательно смотрели на собеседника. Казалось, что молодой человек может читать мысли на расстоянии. В деловом сером костюме и галстуке он больше был похож на дипломата, чем на студента первого курса. Никита всегда казался старше своих лет. Вот и сейчас в свои восемнадцать, он выглядел как молодой серьезный мужчина двадцати пяти лет.

Никита?! – удивленно сказала Катя, разглядывая любимого друга. – Ты же должен быть в Москве. Все говорили, что ты поступил в МГУ?! Или ты только что прилетел?

Катя смотрела на своего бывшего коллегу с удивлением. Она очень обрадовалась, что увидела Никиту. Молодой человек был любимчиком всех женщин редакции. Он был настоящим

джентльменом, – не скупился на комплименты и знал все женские секреты. А те в свою очередь очень любили ему советовать, как лучше ухаживать за девушками. Одной из таких советчиц как раз и была Катя, когда они работали в редакции. Катя и Никита очень хорошо общались. Коллектив единомышленников был веселым и сплоченным. В редакции все друг другу помогали советом и делом, и прикрывали друг друга перед начальством.

Никита не поступил в институт. Вернее, не захотел поступать никуда после школы. Решил попробовать свои силы в редакции, а на следующий год поступить на факультет журналистики. Он был подающий надежды молодой юнкор. Много печатался еще будучи учеником школы. И вдруг, как снег на голову, его решение не пойти учиться в университет, а поработать внештатным корреспондентом. Он хотел понять, – это точно его судьба или выбрать что-нибудь другое.

– Расскажи, куда ты пропал? Мы все очень часто вспоминали тебя. Почему ты ушел по – английски? Даже со мной не попрощался, – обиженно спросила Катя? – Все говорили, что ты поступил в Москве в университет на факультет журналистики.

– Катя, – сказал Никита, не сводя глаз с девушки. – Ты так много говорила о Пятигорске, что я просто влюбился в него, как когда – то в тебя. Я решил пойти по твоим стопам и поступил в твой институт. Скажи честно, ты что-то имеешь против моего выбора?

– Нет, что ты? Я наоборот очень рада. Просто от неожиданности чуть не потеряла дар речи! Иду одна со своими воспоминаниями, а тут вдруг ты. Я просто растерялась и обрадовалась одновременно.

– А я вообще еду на трамвае, – добавил Никита. – Смотрю! Идет, моя красавица, по жизни смеясь. Я думаю, что все это мне снится. А потом говорю сам себе: «Так это же Катя, моя любимая Катя. Ее нельзя ни с кем спутать. И на ходу выскочил за тобой. Очень боялся, что разминемся», глубоко вздыхая, произнес Никита.

– А ты знаешь, мне ведь больше никто и никогда не дарил таких корзин с белыми розами, как ты, – сказала Катя, беря друга под руку. – И не было дня, чтобы я тебя не вспоминала, – чуть краснея, добавила она. – Да что там я, мы все в редакции тебя вспоминаем каждый день. И как ты на шефа сказал, что он бездарь и газетенка его бездарная. И как ты сказал ему: «Да не нужна мне хорошая характеристика от вас, это все равно, что подписать смертный приговор, потому что весь комсомол ваш продажный.»

Мы тогда долго вспоминали, как у шефа очки полезли на лоб

от удивления и как он, хрипя, орал: «Вон отсюда звездный мальчик, зазвездился и засветился. Ходишь здесь светишься!» А ты ему в ответ: «Светить всегда, светить везде! До дней последних донца! Светить и никаких гвоздей. Вот лозунг мой и солнца!».

Друзья весело засмеялись и, хохоча на всю улицу, медленно пошли по центральному скверику города никого не замечая вокруг.

– Ты, Катя, мне зубы не заговаривай. А ты какими судьбами сюда, не иначе меня проведать?

– Я, Никитушка, тебе правду говорю. Я не знала, что ты здесь. Я думала, что ты в Москве.

– Тогда дай угадаю, ты, наверное, в командировку сюда. И заодно к тете Полине решила забежать? – весело спросил Никита. – Кстати, она частенько тебя вспоминает. Говорит, что ты самая любимая ее студентка была и самая лучшая подруга.

– Ты еще скажи, что живешь в моем общежитии. Откуда ты знаешь тетю Полину, – хитро прищурившись, спросила Катя.

– И не только! – ответил, улыбаясь, Никита. – Я даже живу в твоей комнате в общежитии.

– В четвертой?! – спросила удивленно Катя, перескакивая со ступеньки на ступеньку.

– Да, в ней самой. Зайдешь в гости, посмотришь, как я устроился?

– С удовольствием! – сказала Катя и добавила: «Только у меня совсем мало времени у меня самолет в семь часов!».

Никита остановился и удивленно спросил: «Какой самолет, куда?».

Перед глазами все помутнело. Никита давно и безнадежно был влюблен в Катю. Он ежедневно вспоминал каждую минуту, проведенную с нею вместе. И всегда, перед тем как признаться ей в своих чувствах, Катя очень умело переводила разговор в другую плоскость. Она ничего не хотела слышать о чувствах молодого человека. Во – первых, потому что она была замужем, во – вторых, потому что разница в возрасте смущала ее, а в третьих, она постоянно знакомила его с разными девушками, и он на зло ей начинал крутить с ними романы. И был для нее скорее подружкой, чем мужчиной, который имел на нее виды.

– Какой самолет? Ты о чем, я не пойму, – добавил Никита растерянно.

– Да простой самолет, ТУ – 154, который летит Минеральные Воды – Мурманск, – сказала Катя, весело глянув на любимого друга. – Никита, послушай меня, мой любимый друг. Я решила кардинально изменить свою жизнь. Я начинаю все с чистого листа, уезжаю на север.

– Ты что с ума сошла?! Какой север?! У тебя карьера, семья, друзья?! – закричал Никита и, схватив девушку за плечи, стал трясти ее и повторять: «Зачем тебе север? Тебе будет там плохо. Хочешь, я все брошу и полечу с тобой? Ты же знаешь, я давно, очень давно люблю тебя, – выпалил он быстро, не дав Кате опомниться. – Послушай, меня. Я буду много работать, я смогу сделать тебя счастливой. Поверь мне. Учиться я смогу и заочно. Катя, я буду работать и учиться. Но одну я тебя никуда не отпущу.»

Никита своими карими глазами умоляюще смотрел на Катю.

– Не молчи, скажи, что ты никуда не полетишь, – все так же держа Катю за руки, произнес Никита почти крича. – Скажи, что ты не против, чтобы я полетел с тобой. Не молчи ответь мне, что с тобой происходит?

Катя стояла молча, смотрела на Никиту и думала про себя: «Я так боялась, что он опять начнет говорить мне о своих чувствах. Самое страшное, Никита мне тоже очень нравится. Но семь лет разницы в возрасте, – это много. Я не должна быть эгоисткой. Я даже мысли об этой любви не должна допускать.».

А вслух сказала:

– Никита, ты мне очень нравишься. Но я должна сама в себе разобраться. Я развелась недавно с мужем. Я должна побыть одна. Ты очень хороший человек. Я всегда буду помнить о нашей дружбе. Я буду тебе писать. Я буду, как всегда, делиться с тобой своими секретами. Но мы, – и ты и я, – должны пойти в этой жизни отдельно друг от друга. Мы обязательно встретимся еще. Если судьба захочет, она обязательно позволит нам встретиться. А я верю, что ты найдешь ту единственную любимую. Женишься. У тебя будут дети. И, встретив однажды меня, ты скажешь:

«Как хорошо, что я послушался тогда Катю и отпустил ее в свободное плавание.»

– Катя, а как же карьера, семья, друзья? – попытался зацепиться хоть за что – то Никита. – Все начинать сначала, тебе не страшно?

– Нет не страшно. Никогда не поздно начать жить, – сказала Катя уверенно. – Не поздно, даже за день до смерти. Главное оставаться всегда собой, уважать других и успех придет. А слово «карьера», я вообще не люблю. Слово «карьера» у меня ассоциируется с ямой, которую кто-то кому – то копает или с «места в карьер», как говорится. Стоял, и бац упал! А все вокруг рукоплещут и кричат: «С повышением тебя, с повышением!» А ты давно внизу и никто этого не замечает! А семья – когда есть дети, и нет предательства. А друзья, либо они есть, либо их нет. И неважно, где ты живешь – на Юге или на Севере.

Никита стоял и понимал, что Катя настроена очень серьезно на изменения в своей жизни. И что никто на свете и ничто ее уже не остановит. Он знал ее гордый нрав. Знал ее настолько хорошо, что, похоже, она сама себя настолько не знала. Ужас скорого расставания предстояло ему пережить стойко и в одиночестве. Север – это так далеко! Лететь в никуда, не иметь там ни друзей, ни родных, ни работы. На это могла решиться только Катя. В двадцать пять лет начать все с нуля?!..

– А кто у тебя на севере? – спросил Никита грустно.

– Родственница одна дальняя. У мамы брат троюродный есть, так это его жена. Каждое лето гостит у нас. Ее звать Люда. Мы с ней познакомились летом, года три назад. А в этом году разговорились. Я рассказала ей о проблемах с мужем. Люда пожалела меня и сказала, чтобы я приезжала к ней, если будет трудно, – сказала, задумавшись Катя.

– А тебе, что так трудно, что ты бежишь в никуда? Ты, Катюха, точно с ума сошла. Может, передумаешь, – умоляюще спросил Никита?

– Да, представь себе. Сошла с ума и нисколько об этом не жалею.

– У тебя с мужем вообще все плохо? – спросил Никита печально.

– У меня с мужем вообще никак. Я его разлюбила, понимаешь, Никита. Да он тебе тоже никогда не нравился. Что ты за него так переживаешь, – добавила она, улыбаясь.

– Катя, ты права, мне он никогда не нравился, потому что ты прекрасно знаешь о моих чувствах к тебе. Почему ты не хочешь выйти за меня замуж. Я совсем тебе не нравлюсь?

– Тебя девочки молодые любят. А я намного старше тебя. У нас с тобой, поверь, ни одна судьба. Так что я иду своей дорогой, а ты иди своей. И поверь мне Никита, я останусь навсегда твоей верной подругой, а ты, – моим лучшим другом. И чтобы не случилось у нас в жизни, мы обязательно будем помнить друг друга. Но сейчас наше расставание будет лучше для нас обоих, – сказала Катя, ласково посмотрев на Никиту.

Она увидела красную вывеску родного общежития № 2, и быстро добавила: «Прости меня, я заболталась. Хватит стоять. Пошли, пошли, хочу быстрей вдохнуть студенческого воздуха», – сказала Катя и побежала по ступенькам родного общежития.

Никита с расстроенным видом поплелся за нею. Как в тумане Никита видел, как она весело обнимает и что-то щебечет тете Полине. Как достает какие – то свертки и, размахивая руками, старается рассказать, как она жила последнее время…

А Никита вдруг вспомнил, как он молодой и уверенный в

себе юноша, после выпускного вечера в школе, пришел устраиваться в редакцию города Михайловска на работу. Первого кого он увидел, – это худенькую девушку с огромными зелеными глазами миндалевидной формы. Ее энергетика была настолько мощной, что Никиту теплой волной откинуло в сторону, когда Катя, сотрудница отдела писем, прошла мимо него с высоко поднятой головой. Девушка остановилась и оценивающе посмотрела на молодого юнкора.

Когда она увидела его испуганные, как ей показалось, глаза. Она по – доброму ему подмигнула и сказала: «Петр Петрович Шиков, редактор наш, тоже начинал с внештатного корреспондента в свои шестнадцать лет…».

И с тех пор Катя стала его наставницей, другом и Ангелом Хранителем. На всех планерках поддерживала его. Все говорили, что он старается писать правду. А это провальная практика. Но его «правда» всегда срабатывала, и даже имела огромный успех в прессе. Его такие непохожие на все остальные статьи, очерки, фельетоны поднимали тираж уже всем надоевшей районной газеты. Никита всегда мечтал о том, что они вместе с Катей создадут новую, ни на что непохожую газету, будут работать вместе, и никогда не расстанутся. Он специально не поехал поступать в Москву, только чтобы быть поближе к Кате. Он хотел видеться, советоваться, и просто дружить с нею. Он так много мечтал об их общем будущем. Никита так боялся, что она скажет ему: «Прости, ты меня недостоин. Покажи мне, – кем ты стал. И смогу ли я тебе позволить находиться рядом с собой». Он и учился только для нее. Он все время жил ради нее. Искал себя, чтобы быть достойным ее. И, вдруг, – Север?! Она опять ускользала от него. А он ничего не мог предложить ей, кроме своей дружбы. Но это пока… Как медленно тянется время. Как много нужно успеть…

– Никита, ты чего загрустил? О чем задумался? Пойдем заряжаться энергетикой родных стен комнаты № 4, – услышал он Катин голос.

– Да, конечно, пойдем, – сказал Никита. – Может, хоть это удержит тебя от очередной ошибки. Дома и стены помогают, ты забыла? А тут какой – то Север, – продолжал он ворчать.

– Все хватит нравоучений, Никита. Я тебя очень прошу, пообещай мне, пожалуйста, что больше не будешь меня воспитывать. Иначе мы поссоримся. Все решено, – строго сказала Катя.

Глава2

Комната общежития выглядела так же, как и четыре года назад. Но Катю больше всего поразило, что обои были фиалкового цвета, как в ее студенческие годы, только рисунок поменьше.

– Катя, вот видишь. Я все помню. Даже то, что ты говорила, что обои были фиалковые, – говорил Никита.

Он по – хозяйски ставил на стол чай, варенье, конфеты.

– Правда ты всегда твердила, что у мужчин память короткая, потому что у них работает одно полушарие, а у девушек – два. Только одно забыла, что ваши два полушария меньше весят, чем одно наше. Цвет, видишь, угадал. Но жаль, рисунок не подобрал. Ты говорила, что на обоях были огромные цветы. Я нашел только с мелкими фиалками. Пришлось такую очередь выстоять и достались только с мелкими цветочками, а с крупными разобрали.

– И ты сам их клеил? – спросила Катя, разглядывая швы на обоях.

– Конечно, сам. Я еще и крестиком вышиваю, – попытался пошутить Никита. – Может, возьмешь меня с собой. Я тебе пригожусь.

– Нет, Никитка. Я иду навстречу своей судьбе одна. Пусть она меня испытывает одну, без тебя. Мы будем с тобой общаться, будем друзьями по переписке. Давай договоримся, что будем держаться вместе: ты на Юге, я – на Севере. Ты, главное, учись. Ты закончишь институт. Я окончу жизненный университет. Мы будем обмениваться опытом и хорошим, и не очень. И, конечно, удачей, которая нас не оставит никогда, поверь мне.

– Скажи, Катя, а тебе, правда, не страшно ехать в никуда одной?

– Честно сказать, очень страшно. Но мне кажется, я сама от себя бегу. От судьбы не бегут. Все знают, что от нее не убежишь. Если я это делаю, значит так нужно. Значит кто – то очень хочет меня проверить. Ты знаешь, перед отъездом я видела странный сон, – сказала Катя испуганно. – Мне снились две крупные такие свиньи. Ты не знаешь к чему это?! – спросила Катя тревожно.

– Наверное, тебе кто – то хочет их подложить, – попытался перевести все в шутку Никита. – А ты хорошо знаешь эту женщину, к которой едешь?

– Не очень хорошо, – ответила Катя. – Но она мне очень понравилась. Она такая улыбчивая была. Все время смеялась, когда я шутила. Всегда комплименты мне говорила. В общем,

душка была. Мне показалось, что она милая. Когда она приезжала в гости, она была очень добра к нам ко всем. Хотя ты знаешь, мои сестры двоюродные, говорили, что она очень жадная. Они рассказывали, что, выезжая в город с ними, она покупала дешевое мороженое только своим детям. Маша и Настя, мои двоюродные сестры, смотрели на нее, когда она с детьми ела это мороженое. А она говорила им, что у них есть своя мама, и в следующий раз, она поедет в город с ними и тоже купит им мороженое. Хотя, может они чего не поняли. Им тогда было очень мало лет. Я думаю, они что – то напутали. Ну, ничего, посмотрим. Я у нее только на первое время остановлюсь, а дальше попробую подыскать работу, квартиру. В общем, там разберусь, – добавила Катя задумавшись.

– Катя, тебе бы лучше в людях научиться разбираться. Ты меня, конечно, извини, – сказал Никита. – Ты хоть и старше меня, но мне кажется, что в жизни ты потеряешься со своей доверчивостью и верой в людей. Я очень за тебя боюсь.

– Не переживай, все будет хорошо! Я знаю, что такое совесть – это когда: «Никто не увидит, никто ничего не скажет, а я все равно этого не сделаю», – сказала Катя. – Буду жить по – совести. Во всяком случае, постараюсь так жить. И все у меня получится.

Они еще долго говорили о будущем, смеялись, вспоминая прошлое, и не заметили как время, проносясь мимо, крикнуло им: «Регистрация рейса Минеральные Воды– Санкт-Петербург.

Прямого рейса на Мурманск не было. Билеты были только до Санкт – Петербурга. А из Питера улететь в Мурманск можно было без проблем.

Никита стоял в аэропорту долго – долго и все смотрел на улетающий самолет и говорил: «Господи, помоги ты этому человечку выдержать все испытания, которые выпадут на ее такие маленькие, хрупкие плечи.»

А о том, что они обязательно выпадут, он нисколько не сомневался…

Глава 3

Санкт – Петербург и аэропорт встретили Катю как всегда по – доброму, по родственному. Многообещающе улыбаясь Кате, ее любимый город радовался ее приезду. И всегда, когда она туда прилетала, не хотел ее отпускать. Вот она злобная улыбка фортуны и грозный голос из кассы объявил: «Билетов на Мурманск нет!».

«Придется ночевать в аэропорту», – подумала Катя. – Ладно, поеду к Рите. Значит, это судьба повидаться со своей любимой подругой.

Рита была Катиной подругой детства. Девушка серьезная, деловая, она с самого рождения была похожа на доктора наук. Сколько лет ей никогда никто не мог сказать. Она всегда выглядела «профессором со стажем». Высокая и высокомерная Рита производила впечатление человека, повидавшего на своем пути много чего интересного. И поэтому знала ответы на все вопросы. Рита прочно обосновалась в этом давно любимом городе. Она была важным начальником. Работала Рита дворником. У нее с мужем была большая комната – дворницкая на Невском.

«Все, еду к ним в гости. Они очень обрадуются, когда меня увидят. Ребята меня любят, да и я их тоже», – решила Катя.

Ребята переехали жить в Питер из Катиного маленького провинциального городка Михайловск, который расположился на Ставропольской возвышенности на юге нашей страны. И был продуваем всеми существующими на свете ветрами. Отсюда и молодежь была в городе немного ветреная. Они часто бродили по любимому микрорайону СНИИСХ. Это такое особое «государство в государстве». Расшифровывался район, как Ставропольский Научно-Исследовательский Институт Сельского Хозяйства. И, конечно, многие ученые-исследователи жили именно в этом микрорайоне. Очень удобно, рядом опытные поля и научные лаборатории. Самый красивый, зеленый микрорайон города Михайловска. Здесь в центре были выстроены двухэтажные коттеджи, окруженные и пятиэтажными панельными домами. Очень красивый розарий с фонтаном и красивыми декоративными скамейками вокруг. Молодежь засиживалась на этих скамейках до утра и не давала спать уставшим работникам умственного труда, – профессорам и кандидатам наук, которые возмущались тем, что уж очень ветреная молодежь нынче пошла. И ветреная молодежь, уставшая от придирок старших товарищей, покидала город Михайловск и уезжала учиться в столичные

города. Игорь учился в первом мединституте города Санкт-Петербург. А Рита собиралась поступать в Технологический институт. Но пока она ждала ребенка и продолжала работать дворником. Любви ребят можно было позавидовать. Юные Ромео и Джульетта убежали от родителей в Питер и поженились. Устроились на работу в жилищную контору, как ее называли, – Жэк. Получили свое первое жилье и теперь ждали своего первенца. Все друзья и родственники с нетерпением тоже его ждали, потому что всем хотелось увидеть плод их любви.

«Сейчас только сдам в камеру хранения вещи и позвоню Рите», – думала Катя, ожидая свою очередь.

Она вспомнила, как когда – то девчонками три подруги: Катя, Рита и Оля весело проводили время. Городок Михайловск, в котором они жили, был маленьким. Все знали друг друга с детства. Вот и они, три смешные подружки, мечтали о возвышенном, великом. Три такие разные девушки думали об одном, но в разных ракурсах. Мало того, что они думали всегда об одном и том же по – разному. Так они и были совершенно не похожими друг на друга.

Одна была серьезная, не погодам. Это была Рита. Другая веселая и наивная, не по возрасту – Катя. И третья, медлительный философ по жизни, Оля. Все три девочки были очень разными и внешне. Катя худенькая, зеленоглазая шатенка. Рита высокая, длинноногая блондинка. А Оля – пухленькая брюнетка. Характеры у всех были разные. Но мечтали они, не смотря на разные жизненные позиции, об одном и том же.

Как ни странно, но не смотря на то, что росли в разных по своему укладу семьях, они были едины в своих мечтах. Кате позволяли все: ей можно было приходить домой поздно, дружить с тем, с кем ей хотелось, читать столько, сколько угодно, ей полностью доверяли. Рите ничего не разрешали вообще. Единственное, что ей разрешали, – это в девять часов вечера ложиться спать. Поэтому она, вырываясь на улицу, старалась сразу наверстать упущенное. Поэтому в шестнадцать лет забеременела, и все очень удивлялись, когда успела?!

Будущий отец ребенка был всеобщим любимцем, душой компании. Он никогда не расставался со своей гитарой. Песни, смех всегда сопровождали старых друзей, среди которых самыми яркими девушками были, – Катя, Рита и Оля.

Игорь был из профессорской семьи, невысокого роста, коренастого телосложения с огромными черными глазами. Он всегда улыбался и рассказывал много интересных смешных историй. Все понимали, что он придумывал их на ходу. Но всем очень нравилось его слушать. И друзья просили его рассказать

очередную байку.

Насмеявшись вволю, ребята расходились по домам. Учился он в медицинском институте в Санкт – Петербурге. После каникул всегда уезжал на учебу, а маленький городок без него становился унылым и скучным. Он всегда громко пел, и на всю округу лилась его особенная музыкальная программа. Он очень любил петь песню: «Господа юнкера, кем вы были вчера…».

Видно в прошлой жизни он был точно Гусаром. А в этой «нагусарил» Рите ребенка и уехал. Самое главное отдыхали все друзья вместе, Рита первая всегда уходила домой. Родители в девять заставляли ее ложиться спать. Никто даже подумать не мог, что именно Рита первая станет мамой. Да еще одиночкой. Когда Катя узнала о проблеме Риты, она была просто в отчаянии. Очень за нее переживала и, получив стипендию, заняв у подруг денег полетела в Санкт – Петербург к будущему папаше. Катя привезла его с собой в свой маленький городок. А ночью Рита со своим будущем мужем, как Ромео с Джульеттой убежали в новую, красивую Санкт – Петербургскую жизнь. Никто не успел узнать в городке о матери одиночке. Родители Риты даже не успели испугаться, прочитав письмо дочери о том, что она им благодарна за воспитание и ничем не хочет их обременять. Написала, что заочно поступает в институт и выходит замуж…

Вспоминая прошлое, Катя стояла и улыбалась. За воспоминаниями Катина очередь незаметно подошла.

Глава 4

– Девушка, проходите, – услышала она голос молодого человека и вздрогнула. Вход в камеру хранению напоминал вход в бомбоубежище.

– Господи, до чего же у вас тут неудобно, – произнесла Катя ему в ответ.

Она поднималась с огромным чемоданом на постамент. Потом наклоняясь вошла в полукруглую дверь – окно. Затем спрыгнув на пол и подтянув к себе свою ношу, Катя спросила: «Куда ставить чемодан?».

– Давайте, я поухаживаю за такой красивой девушкой, – предложил, улыбаясь, симпатичный блондин с голубыми глазами.

На вид ему было лет тридцать. Блондин, рассматривая девушку, добавил:

– Вам повезло, вы успели. – У нас сейчас пятнадцатиминутный перерыв, – сказал он начинавшей возмущаться очереди и повесил табличку, – «Технический перерыв».

– Ну что ж будем пить чай с вареньем и приглашаем вас к столу, – сказал он Кате, улыбаясь.

– Вы что с ума сошли? – сказала она рассердившись. – Что это вы себе позволяете, молодой человек. Вот так бесцеремонно можно любого в ваши катакомбы завести. И, бац, табличку на дверь повесить – «Технический перерыв», а вы, девочки, выворачивайте свои кошельки, – возмущалась Катя недоумевая.

– Да не бойтесь, девушка, – произнесла пожилая женщина, выходя из маленькой подсобки. – Я его давно знаю. Первый раз за все время я увидела, чтобы он пригласил первую попавшуюся девушку выпить с ним чаю.

– А что все водку приглашает пить? – недоверчиво посмотрела Катя на молодого человека. Женщина и молодой человек засмеялись удачной шутке.

– А что я похож на алкоголика? – спросил, улыбаясь, новый знакомый.

– Нет, не похожи, – ответила Катя, опустив глаза. – Но, честно сказать, я в темноте и не рассмотрела вас.

– У нас в нашем кабинете светло и тепло. Пойдемте, – позвала Катю интеллигентного вида старушка.

Через пять минут новые знакомые уже весело болтали и пили чай.

– Катя, – сказал Михаил, так звали молодого человека, который пригласил Катю составить им компанию. Молодой

человек был очень стеснительный, постоянно краснел и не знал, как начать разговор.

– Катя, пока вы стояли в очереди, – наконец, произнес Михаил. – Я имел возможность наблюдать за вами. Свет в наших катакомбах, как вы говорите, подобран специально для нас, чтобы мы могли рассмотреть всех посетителей. Пока мы с Натальей Владимировной работали, я специально протянул время до перерыва, чтобы вас украсть. Наталья Владимировна, – молодой человек показал на интеллигентную старушку, – одобрила мой выбор. И сказала: «Я думаю, что девушка, так мило воспринимающая нашу очередь, нам подходит». Катя, вы стояли одна со своими мыслями и улыбались.

– Такой позитивный человек, занявший себя добрыми воспоминаниями, не сможет тебя обмануть, – сказала мне Наталья Владимировна. – У нее такое одухотворенное, умное лицо, что меня, бывшего ректора Питерского университета, доктора психологических наук, оно не обманет, – заверила она меня.

– Как ректора университета? – спросила Катя удивленно. – А почему вы ректор университета и здесь?

– Я пенсионерка, – улыбаясь, ответила Наталья Владимировна, – аэропорт напоминает мне мой университет: людей здесь очень много, у всех разный потенциал, а Никита один из лучших моих кандидатов наук. И для докторской диссертации ему необходим научный материал. А его здесь несметное количество. Здесь маску люди не надевают. Нет, вру, – добавила она, – лица надевают лишь только тогда, когда провожают друг друга или встречают.

– Господи, значит я очередной рабочий материал. И часто вы, таким образом, заманиваете к себе таких наивных дурочек, как я? – спросила Катя, улыбаясь. – Постоял человек с открытым ртом. Пожалуйста, проходите, расскажите о себе, не стесняйтесь и человек с открытым ртом и сведенными к переносице глазами, – смеясь, стала изображать косоглазие Катя, – пролазит к вам в окно – дверь, и не замечает, что уже является подопытным кроликом.

– Нет, это не совсем так, – ответили, тоже смеясь, новые знакомые. – Типология личности – это совсем не то, о чем вы говорите. Физиодиагностика – это вообще интересная вещь. Мы ведем описание людей по внешним признакам, а потом, когда они ставят вещи или забирают, мы уже являемся почти родственниками и фиксируем то или иное поведение человека. Но если человек не идет на контакт, мы не настаиваем.

– Мало того, мы даже точно знаем, какой человек пойдет на

контакт, а какой нет, – уверенно заявил Михаил.

– А как насчет меня? – спросила Катя кокетничая. – Можете сказать правду, вы знали, что я буду пить с вами чай? Поэтому меня и пригласили? Какие вы интересные люди и как хорошо, что я с вами познакомилась, – сказала Катя радостно. – Вообще, если честно сказать, мне очень везет на хороших людей. Мне кажется, что плохие встречаются только в книгах или в фильмах, – восторженно произнесла она. – Вы знаете, – продолжала Катя, – я была такая уставшая, и от мыслей, и от полета, и от волнения. А сейчас с вами пообщалась и мне так легко, как будто я только что вышла из санатория. Я от вас зарядилась такой энергетикой положительной, что хватит мне, кажется, на много лет. Скажите, пожалуйста, господа ученые, я случайно не энергетический вампир? – испуганно спросила Катя.

– Нет, совсем нет! – в один голос заявили новые знакомые. – Люди созданы друг для друга, чтобы обмениваться биоэнергетикой. Благодаря этому появляются силы для жизни. Американцы вообще говорят, что каждый человек должен знакомиться хотя бы с одним человеком в день. Светлые люди заряжаются друг от друга. А черные, с черной энергетикой, заряжаются только от светлых людей. Но светлых больше. Мы поделимся с ними, с черными, своей светлой энергетикой. Может, они и посветлеют от общения с нами, – засмеялась Наталья Владимировна.

– Катя, а ты не только от нас зарядилась, – сказал Михаил, незаметно перейдя на «ты», ты от Питера зарядилась. Этот город начинается с аэропорта. Хочешь, я тебе завтра покажу город. Он тебе обязательно понравится. Это твой город, зачем тебе Мурманск? Начни новую жизнь здесь. А мы с Натальей Владимировной тебе поможем. Оставайся, подумай над нашим предложением. А если серьезно, хочешь прожить долго и счастливо, – засмущался Михаил. – Тогда выходи за меня замуж. У меня есть все, – и квартира на Невском, и машина. Зарплата хорошая. Только вот жены, такой как ты – нет.

Катя засмеялась и говорит: «А если у меня отвратительный характер?»

– Катя, – перебила ее Наталья Владимировна. – Ты забыла кто мы по специальности? Вот, наконец – то, я от него услышала, что он готов привести в дом хозяйку. Была бы мама его жива, порадовалась бы за сыночка. А то все одно и то же: тема диссертации, статьи да формулы, – вздыхая, произнесла Наталья Владимировна. – Выходи, Екатерина, за него замуж, будешь как за каменной стеной, а чего он бобылем живет, один в трехкомнатной квартире в центре Петербурга?!

– Да, ладно, согласна, – засмеялась Катя. – Все равно ночевать негде, выхожу, да и не судьба видно на Север попасть. Что – то или кто-то меня туда не пускает.

– Вот и отлично! – отметим это событие вкусным мороженым! Я сейчас быстро сбегаю за самым вкусным мороженым в мире, – Обрадовался Миша, – ты какое любишь?

– Щербет, больше никакое не люблю, – сказала, улыбаясь, Катя.

– Я так и знал, – поднял указательный палец правой руки вверх Михаил, – помахав Наталье Владимировне, сказал: «Я знал ответ. Сейчас я мигом!»

Михаил молнией сорвался с места, выпорхнул в круглую дверь и улетел.

Катя сидела и думала о том, как странно судьба с нею играет.

«За один день два предложения выйти замуж. Да и Питер никак не хочет меня от себя отпускать. Человек думает одно, а Судьба, молча, наблюдает за тобой и вносит свои коррективы в намеченные планы. Сейчас поеду к Рите и расскажу ей о новом знакомстве. Я думаю, Рита очень обрадуется и начнет мне находить женихов ради того, чтобы я только осталась в Питере. Миша очень симпатичный молодой человек и такой умный, и добрый. Он бы мог стать мне очень хорошим другом. Интересно, как там Никита, переживает за меня, наверное, очень? – подумала Катя и вздохнула.

Неожиданно зазвучал голос диктора: «Объявляется дополнительный рейс Санкт – Петербург – Мурманск, билеты приобретайте во второй кассе.»

Катя вскочила и невидимая сила подхватила ее и понесла к окошку, возле которого еще никого не было. Катя была первой в кассу.

«Вот начинает везти! Север меня все – таки ждет, – подумала она, – и стала сразу счастливой и испуганной одновременно. Господи, что ждет меня впереди? Какие еще испытания судьбой? Какая голая правда жизни?…»

Вернувшись за вещами в камеру хранения, Катя обрадовалась, что не застала там Михаила.

– Передайте ему от меня большое спасибо за знакомство. И скажите ему, что все у него будет хорошо, а я не должна сворачивать с намеченного маршрута, он поймет. Да он, как профессионал, уже давно это прочел по моему лицу. Видно не судьба мне остаться в Питере. Север ждет и хочет согреть меня своим теплом, – засмеялась Катя.

И, обнявшись и обменявшись своими светлыми энергиями с Натальей Владимировной, побежала на регистрацию. Время

пролетело мгновенно, и вот Катя уже в самолете, – прохладная свежесть, незнакомый запах казался таинственным и одновременно успокаивающим, сердце колотилось с бешеной скоростью, как – будто подгоняло секунды отсчета времени в обратном направлении: 109,108,107… До начала новой жизни оставалось максимум два часа лета. Прохлада, пробивающаяся сквозь одежду, была предварительной подготовкой к холодной, северной жизни южного человека.

«Ничего страшного! Будь что будет, – мысленно повторяла Катя. – Ведь книга жизни и судьбы уже давно написана на небесах, и ничего не исправить, не зачеркнуть и не стереть. Остается только наблюдать и соблюдать Божьи законы. И любить ее, эту единственную, написанную кем-то биографию.

Глава 5

«Добро пожаловать в город – герой Мурманск! Температура воздуха за бортом самолета минус 25 градусов», – услышала Катя как во сне.

Она встала и неуверенными шагами стала подходить к выходу. Первое, что ее поразило, когда она встала на трап самолета, – это черное, низкое небо, на котором отражались яркие огни аэропорта. Огромное небо, освещенное прожекторами, казалось, таким родным и очень уютным. Ветер, лаская лицо, шептал на ухо: «С приездом, заждалиииись ужжжж, заждались ужжжжж…». Мороз на Севере не был таким страшным и ужасным, как описывали знакомые. Настроение поднималось с каждой опускавшейся ступенькой и хотелось кричать: «Я люблю тебя, новая жизнь!»

Катя влюблялась в этот город все больше и больше. Мурманск был какой – то удивительно спокойный и очень красивый своим контрастным соединением темных и светлых сил. Белый, переливающийся брильянтовый снег, подсвеченный фонарями, окутывала черная, мягкая как бархат, теплая темнота. Во всем была такая гармония, что душа пела свою песню счастья: «Теплый Север, мягкий Север, чистый Север, свежий Север, любимый Север – Привет! Вот мы и встретились!»

Катя договорилась с Людой, что доберется сама. Зачем тревожить ночью людей, – подумала она.

Взяв такси, Катя мчалась навстречу новой жизни! Что ждет ее впереди? Какие сюрпризы ей приготовила Судьба? Вглядываясь в замерзшее окно, она пыталась рассмотреть красоту темноты. Мелькали изящные черные силуэты с одной стороны дороги. С другой стороны, – мохнатые гигантские чудища пугали и притягивали одновременно. Вдалеке светились разноцветные огни приближающегося города. Переливаясь искрящимися блестками, огни радостно мигали и подпрыгивали один выше другого.

Веселая и счастливая Катя подходила к двери квартиры. Адрес дома таксист нашел быстро. Он по дороге с радостью сообщил Кате о том, что город принимает только хороших людей, плохие здесь не задерживаются.

– Но вы, похоже, приехали сюда надолго, – сказал он Кате и глянул на нее в зеркало заднего вида. – Вы, – добрая!

Люди в городе были удивительно красивыми своей добротой тоже. Таксист все время шутил и поддерживал Катин приезд как мог…

Катя позвонила осторожно в дверь, чтобы не разбудить спящий девятиэтажный дом, который тоже показался ей очень родным.

– Кто там? – услышала она очень сердитый сонный голос. – Это я, Катя, – робко ответила девушка.

– А, приехала?! – произнесла недовольно Люда.

«Да, – подумала Катя, – на юге она была намного любезнее.»

Каждое лето Люда гостила у своей подруги юности, тети Гали Снежко, родной Катиной тети, которая и выдала ее замуж за своего троюродного брата. Люда любила приезжать на юг всем семейством, она часто навещала Катю и ее маму тоже.

– Почему так поздно?! – продолжала ворчать Люда, открывая очень много замков.

– Извините, но самолет только что прилетел, – ответила Катя оправдываясь. – Здравствуй, Людочка, – прошептала обрадовано Катя, – Послушай, какой красивый у вас ночной город!

– Он всю зиму будет ночной, – перебила ее Людмила. – А до весны ты, я думаю, не задержишься, – добавила она зло.

– Ты извини, что я тебя разбудила, – произнесла Катя виновато. – Но я вижу, ты мне не рада. Может, я в гостиницу пойду, поселюсь, чтобы вам не мешать, – предложила Катя.

– Еще чего, с ума сошла совсем что ли? Ты меня обидеть хочешь?! – закричала Людмила. – Я же сама тебя приглашала. И что мать твоя скажет, что ты пошалаться приехала в Мурманск, поэтому в гостиницу пошла. Там одни проститутки околачиваются. Вот тебя еще до кучи там не хватало. Давай проходи, раздевайся. Есть хочешь? Если нет, тогда ложись спать, – произнесла Люда тоном, не терпящим возражения.

– Спасибо большое, я не хочу есть, можно я в ванную и спать, – спросила Катя тихо.

– Здесь я хозяйка! – закричала Люда металлическим голосом. – И я буду диктовать условия, поняла? Да, а ты, кстати, на разведку или насовсем? – добавила она, смягчившись, увидев слезы на глазах у Кати. – Посмотри, какая цаца! Не реви, просто у меня голос такой грубый, привыкай. Мне твоя тетка и мать дали задание присмотреть за тобой. Так что терпи, не ной. Не люблю, когда ноют. Отвечай по существу вопроса, – На сколько дней приехала?

– Я думаю насовсем, хочу испытать счастье, – сказала Катя, немного успокоившись, – завтра пойду искать работу, а дальше видно будет, – робко произнесла она.

А сама подумала: «Ну и характер у Людмилы?! Может и правда, просто голос такой и чего это я так разволновалась.

Нужно взять себя в руки. Не раскисать. Может, Люда с черной энергетикой. Пусть осветляется. Ладно, утро вечера мудренее. Завтра будет завтра.»

На следующий день Катя встала рано, но Людмила видно и не ложилась, потому что она продолжала кричать на детей и собирать их в школу.

– Катя, помоги мне, погладь брюки Славику, а то я не успеваю им завтрак приготовить. – Анька, давай поживей, жри, и беги в школу. Они у меня оба отличники, – добавила Людмила гордо, шлепнув детей по заднице рукой.

Катя очень хорошо знала Людмилиных детей. Все лето она у них находилась в няньках, когда они приезжали на юг. Под ее присмотром были две сестрички двоюродные, – дети тети Гали: Настя и Маша, и двое детей Людмилы. Целый детский сад был у нее на попечении, пока взрослые веселились у любимой тети в гостях.

– Привет, Катюха! – закричала выбегающая из кухни Аня. – Так здорово, что ты приехала! Теперь ты мне будешь английский язык помогать делать.

– И мне будешь, – заявил Славик.

– Вот точно, – обрадовалась Люда. – Я немецкий в школе учила и ничего не петрю. Ну, в общем, до весны ты будешь жить у меня, а потом муж с моря придет, так что сама понимаешь, муж у меня молодой, красивый мужик, хоть он и дядька твой троюродный, но ты тут будешь лишняя. А пока ты мне с детьми поможешь и заодно ремонт сделать тоже. Катюша, а сколько у тебя денег вообще с собой? – ласково спросила Люда. – Может быть, ты мне займешь, пока Илья с моря придет, или пока он мне денег вышлет.

– Конечно, займу, – пообещала Катя, и назвала сумму, с которой она приехала в Мурманск. – Я взяла, чтобы хватило и за квартиру заплатить и до первой зарплаты.

– Ну, хорошо, что много денег привезла. Мой придурок ходит в море, а зарабатывает чуть больше, чем те, что на берегу жопу свою греют. Это хорошо, что деньги у тебя есть, все ж тебе спокойней, да и мне легче, – сказала Люда довольная. – Вот видишь, я детей накормила, в школу отправила и обратно в кровать. Я всегда так живу. У меня режим, – провожу детей в школу и ложусь спать. А ты там посуду помой и заодно найди, что позавтракать. Можешь на обед поставить бульон варить. В морозилке есть мясо, посмотри там своим хозяйским глазом.

Неожиданно зазвонил телефон, Люда даже подпрыгнула, испугавшись звонка. Она дрожащей рукой взяла трубку и, прикрывая ее рукой, тихо произнесла: «Да, все в порядке. Товар

пришел в срок. Я за всем прослежу. Не переживайте. Все под контролем.»

Катя посмотрела на взволнованную Люду и очень удивилась, что она может еще кого-то бояться. Люда была всего на десять лет старше Кати, но Катя не знала, как ее называть: тетя Люда или Люда? Она не знала, сколько ей лет и Кате казалось, что эта толстая с утиной походкой женщина вообще без возраста и пола. Люда имела дочь восьмиклассницу и сына пятиклассника. Причем она действительно их «имела». Постоянно унижала и оскорбляла их. Требовала, чтобы они были совершенны как Боги. Неприятная на вид женщина просто была очень несчастным человеком. Хотя и создавала видимость, что вообще никого не боится. А здесь вдруг такой странный звонок?! Люда мгновенно посерела, вся сжалась и приобрела несчастный жалостливый вид.

«Какой интересный экземпляр для Михаила и Натальи Владимировны, – думала Катя, глядя на нее. – Видно в жизни ей пришлось не сладко. Но уважать ее стоит еще за то, – успокаивала себя Катя, – что она великолепная хозяйка.»

В квартире у Люды была такая чистота, что можно было задохнуться. В воздухе, как в хирургии, витал запах стерильной хлорки. Катя жалела ее, потому что знала, что Люда много испытала в этой жизни. У нее был первый неудачный брак. Мать алкоголичка вообще не знала, что у нее есть дочь, которая второй раз вышла замуж, новый зять и внуки. И вообще, в молодости, они вместе с тетей Галей, с Катиной тетей, ходили в море. Там ее молодую чуть не изнасиловала группа пьяных матросов и если бы тетя Галя ее не спасла, то ее точно бы убили эти отморозки.

«Нет, она неплохая, – успокаивала себя Катя. – Просто она спала, видно не дождалась моего приезда, ведь у нее двое детей школьников, скорее всего она устала. Да еще неприятности видно у нее случились? Вон, как она испугалась телефонного звонка. Видно подрабатывает еще где – то. Выспится, встанет совершенно другим человеком, – добрым и милым, каким была в гостях на юге.»

Катя достала мясо из морозилки. Поставила кастрюли и решила сварить борщ. Не тунеядка же она. Нужно Людмиле помочь по быту, ведь ей так трудно одной с детьми. Катя приготовила заготовки для борща, нашинковала капусту, на сковороде издавала приятные запахи, – зажарка. Катя собрала пенку из кастрюли и, пока мясо у нее варилось, подошла к окну.

«А город, какой добрый и красивый! – подумала Катя. – Нет, не может здесь быть плохих людей. Ведь ей таксист так и сказал: «Плохие люди здесь мерзнут, знаешь как в сказке Морозко. Вот тебе здесь жарко показалось, значит, ты добротой своей себя и

других греешь. Плохие здесь не задерживаются, убегают как крысы с корабля. – Какой красивый и добрый город! – вертелось в голове у Кати. – Значит и люди здесь красивые и добрые.»

Глава 6

«Какая зеленая красивая трава! Необычная чистота вдруг сменяется какой – то смешанной липкой грязью. Невозможно убежать, ноги вязнут все сильнее и сильнее. И вот уже близко опять эти безобразные, толстые две свиньи. Они подходят, обнюхивают и смеются. Противно так смеются, хватают тебя, толкают в грязь. А тебя засасывает все глубже и глубже. Становится очень страшно от того, что невозможно убежать, – ноги утопают в грязи, не слушаются. Ты пытаешься достать одну ногу, а у тебя глубже засасывает другую. Две толстые безобразные свиньи кружат вокруг тебя как вороны. Тебе только остается отмахиваться от этих грязных свиней, как от назойливых мух. С трудом удается вытащить одну ногу, затем другую. Медленно падая и снова поднимаясь, – убегать. Вернее отползать от этих коварных тварей. Вот вдалеке чистая красивая трава, добраться бы только до нее и опять этот противный смех и голоса, голоса, голоса…

– Вставай! Хватит спать! Детям в школу пора, поднимайся, соня! – закричала Люда прямо над ухом. – Что намаялась вчера с непривычки? Подумаешь, ковер выбила на снегу. Все пальцы в кровь. Вот неженка. А еще собираешься на севере жить.

Сквозь сон Катя услышала, как веселятся дети.

«Господи это всего лишь сон, один и тот же сон», – подумала Катя, открывая глаза. – Сейчас встану, а где же день? Все также темно!».

– Бедные дети, вы ночью ходите в школу? – спросила Катя у Анны и у Славика.

– Да сейчас уже семь часов утра. Мы такие довольные, что ты к нам приехала, есть хоть над кем поиздеваться, – произнес Слава весело. – И не забудь, сегодня у нас английский. Мама сказала, что у нас теперь, как у новых русских, есть свой личный репетитор, только бесплатный.

– Нужно сказать, что дети всегда любили меня, ну чтобы настолько, – засмеялась Катя. – А вы знаете, я очень строгий учитель, так что смотрите не пожалейте, что вы теперь как новые русские.

– Катюша, ты не против того, что я тебя хочу попросить с ними позаниматься, – сказала Люда ласково. – Я знаю, что ты учитель английского языка по специальности. Только я до сих пор не пойму, зачем ты в редакцию устроилась работать, а не пошла в школу? – спросила, ухмыльнувшись Люда.

– Ты знаешь, мне кажется, что это большая ответственность, –

учить, судить, лечить – это Божий дар. Ошибки этих профессий не исправляются, – сказала Катя. – К счастью или к сожалению, но у меня этого дара нет.

– Надо же, а вот у меня этот дар есть, только образования нет, – гордо подняв голову, заявила Люда. – Но я этих образованных быстро за пояс затыкаю, тоже мне, интеллигенция вшивая. Подумаешь, сами ходят в старом пальто, с рваной подкладой и в одних единственных сапАгах. Да еще учат меня жить. Да у меня этих сапАгов, аж десять пар. Вот я и думаю, на кой ляд мне эти институты, если у них польта рваные. Я тебе покажу подкладку у Анькиного репетитора, ты со смеху помрешь. К нам тут одна ходит, подрабатывает на хлеб русским языком. Зачем училась спрашивается, чтоб в рванье ходить? – стукнув кулаком по столу, – закричала Людмила.

Катя смотрела на Люду и удивлялась, как можно так любить себя и ненавидеть всех кто окончил институт. Наверное, у нее зависть к тем, кто образование получил. Несчастная Люда, так по этому поводу переживает. Это комплекс или все – таки зависть? Хвалиться тем, что ты лучше одет. Лучше бы она хвалилась тем, что она добрее, или умнее кого – нибудь. А раз этим похвастаться не может, значит нужно хвастаться тем, что у тебя есть, – сапАгами…

– Ладно, интеллигенция, че задумалась? – спросила Люда, толкнув Катю в плечо, – пошли завтракать. Распорядок у нас такой, едим все вместе, чтобы со стола десять раз не убирать. Дети встают в 6-30, и мы встаем так же, в 7 – 00 – завтрак, понятно? Мы домохозяйки – народ порядка! А если, что не нравиться, Илья денег пришлет, я тебе отдам долг, иди куда хочешь. Я, конечно, вычту за проживание и питание, а остальное отдам, мы люди честные, ты не переживай.

– Да я и не переживаю, – сказала Катя. – Только я сегодня схожу в районо, может быть учителя все – таки нужны на севере. И в редакцию схожу, нужно на работу устраиваться, хватит отдыхать.

– Я тебя не об этом спросила! – сказала Люда зло. – Распорядок дня понятен?

– Так точно, товарищ генерал, понятно! Подьем в 6-30! Завтрак в 7-00, – отдавая честь, подыграла ей Катя. – Разрешите идти?! – спросила она улыбаясь.

– Нет, я не поняла, ты, что надо мной издеваешься? – зло спросила Люда.

– Что ты?! – ответила Катя, смягчая ситуацию. – Я же тебе честь уважения и исполнения приказов отдала, – уверенно отчеканила она.

И по – военному выпрямившись, щелкнула как офицер пятками.

– Ну, ладно, это мне нравится, муж меня тоже генеральшей зовет. Я люблю исполнительных, – сказала Люда и махнула на Катю рукой.

Глава 7

Мурманск – какой красивый город! Розовато-фиолетовое с синевой небо находится очень низко над головой, поэтому видно, как оно своей мягкой невесомостью окутывает волнистый горизонт сопок. Изящные карликовые березки стоят вытянувшись и своими изогнутыми верхушечками стойко поддерживают всю красоту нежного неба. Сопки выглядят так, будто невидимая рука Создателя провела по голове младенца и взъерошила только что вымытые волосы. Удивительно родным показался Кате Мурманск в час обеденного рассвета. Необычный город, со своей первозданной красотой радостно приветствовал Катю.

– «Здравввввствуй, – шептал встречный свежий ветер. – Мы тебя зажжжждались, обнимая приговаривал покалывающий морозец.»

Катя улыбалась чистой и красивой природе и весело бежала в ближайший магазин. Люда посылала ее за продуктами, чтобы приготовить обед, всегда в одно и тоже время. Она говорила своим генеральским тоном: «Даю тебе пятнадцать минут, вон во дворе видишь универсам, заходишь, берешь свинину, картошку, хлеб, капусту, яблоки и, естественно, конфеты к чаю. Теперь «кругом марш», время пошло.»

Она всегда произносила это громко и видно было, что роль генеральши ей очень нравится.

– Есть! – подыгрывала ей Катя и с удовольствием бежала на свободу.

Кате было все интересно в этом городе, хотелось бежать, ехать изучать его каждую улочку, каждый переулок. Интересно, какой он? Большой или маленький, современный или не очень? Она знала, что город довольно молодой. И знала, наверняка, что у города есть лицо. Свое ни на что не похожее лицо.

Мурманск – город – герой! Красавец! И очень светлый духом маленький северный городок. Даже в темную полярную ночь выглядит самым светлым уголком на нашей планете Земля. Кате не верилось, что она находится в этом уголке земли за Полярным Кругом.

Когда она училась в школе, ее больше всего привлекала именно эта «голова лошади» на карте. Так Катя называла Кольский полуостров, показывая его на уроке географии. Морозец щиплет, ласково покусывая. Почему все южане боятся морозов? Ничего чище и прекраснее морозов нет. Снег скрипит под ногами и приговаривает: «Чушь, чушь, чушь, что север холодный. Чушь, чушь, чушь, что север суровый. Чушь, чушь, чушь, что север

жестокий. Север – теплый, мягкий и добрый. Здесь очень спокойно и легко.

«Я, южный человек, хочу и буду жить здесь! – мечтала, направляясь, в магазин, Катя. – У меня будет свой дом, семья, дети и много хороших, верных друзей, которые не мерзнут. Интересно, а Люда мерзнет? Нужно ее об этом спросить, – улыбнувшись, подумала она.

Катя настолько была увлечена своими мыслями, что не заметила, пробегая мимо черной иномарки, номер у которой был, – «три семерки», что затонированное окно машины медленно опустилось, из него внимательно рассматривал Катю незнакомец в черных затемненных очках.

Когда Катя, закупив продуктов, вернулась в квартиру, в коридоре она услышала, что Людмила с кем – то разговаривает по телефону и дрожащим голосом говорит, что ей нужно еще немного денег добавить. Что расходы у нее увеличиваются. Немного помолчав, Людмила испуганно пообещала, что предоставит полный отчет о сделанной работе и повесила трубку из которой были слышны навязчивые однотонные гудки.

– Ну что принесла продукты? – спросила Люда, растерянно. – Ты понимаешь, солнышко, продолжала она притворно добреньким голоском, что я денег на продукты тебе не дала, потому что ты у меня живешь, это как бы тебе сказать, ну, плата за жилье, договорились?! А потом Илья придет с моря, мы с тобой сядем все посчитаем и я тебе еще долг отдам.

– Господи, Люда, я даже об этом и не подумала, – сказала удивленно Катя. – Это само собой разумеющееся. Хочешь, я тебе и за квартиру заплачу сейчас. А продукты я покупаю, потому что питаюсь с вами. Так что все нормально, – улыбнулась Катя, и добавила: «Ты не переживай, ты мне ничего не должна!».

– Вот и правильно, тогда я возьму за квартиру деньги сейчас. Так что давай оплату вперед, и тебе будет спокойно и мне. Давай пока за месяц, – торопливо произнесла Люда, потирая довольно руки.

– Хорошо, – ответила Катя. – Только я не хочу вас обременять целый месяц. Я сегодня же пойду и поищу работу, сейчас приготовим обед и я побегу.

– Катя, ты не переживай, если будешь жить меньше месяца, тогда я тебе оставшиеся деньги отдам, ты не сомневайся, я очень честная, – сказала Люда, изображая улыбку. – Не волнуйся, я лишнего не возьму, – мягко добавила она. – Я наоборот всегда больше отдаю людям, чем беру. А теперь давай готовить. С тобой так хорошо. Мне с тобой намного легче и веселей. И спокойно мне так с тобой. А ты, Катя, не переживай, у тебя обязательно все

здесь получится, – произнесла Люда душевно, пересчитывая деньги.

Катя смотрела на «добрую» Люду и даже забыла у нее спросить: «А ты в Мурманске мерзнешь?»

Дни пробегали один за другим. Странные телефонные звонки продолжали пугать Людмилу. Кате казалось удивительным, что Люда после этих звонков спешно собиралась и выбегала на улицу. После чего приходила довольная, запиралась у себя в комнате, и было слышно, как она пересчитывает вслух деньги.

«Почему на севере так быстро бежит время? – думала Катя расстроено. – Не успеешь проснуться, и снова нужно ложиться спать. Может быть это от того, что все время темно…».

– Люда, я совершенно ничего не успеваю, – говорила Катя. – Мне нужно срочно устраиваться на работу.

Но Люда слезно просила Катю помочь ей с детьми, пока она обустраивает свое жилье. Ремонт в квартире Люды набирал обороты. Бригада рабочих все делала слаженно и быстро. Катина обязанность была убирать за ними строительную грязь. Люда очень боялась, что не успеет к приходу мужа. И каждый день просила Катю помочь ей по хозяйству, – приготовить обед, затем позаниматься английским с детьми, после этого, убрать мусор за рабочими. К вечеру, Катя падала от усталости с ног и говорила сама себе, что завтра с утра пойдет устраиваться на работу. Но Людмила находила массу просьб, которые просто необходимо было сейчас выполнить, иначе они не успеют к приезду Ильи. И ей одной никак не справиться. Катя переживала за свою новую подругу, которая так себя называла.

– Мы, Катюха, с тобой горы перевернем. Мы же с тобой теперь лучшие подруги! – била себя в грудь Людмила. – Вот сейчас сделаем ремонт и я пойду и покажу тебе город. Ты обязательно устроишься на работу. Здесь работы полно. Ты только помоги мне завтра и все. А потом найдешь хорошую работу, квартиру снимешь, ты не переживай, и замуж выйдешь. Здесь, знаешь, все замуж выходят и кривые и косые. А ты, тем более, – красавица! Стоит тебе только в город выйти, так тебя моряки с руками заберут, такую красотку.

Людмила, как всегда, посылала Катю в магазин за продуктами, давала ей огромный список и периодически спрашивала ее сколько у нее осталось денег?

Глава 8

Дни бежали очень быстро. Катя не понимала, что нарочитая вежливость Людмилы была спланированной акцией. И Люда всем своим подругам рассказывала, что к ней приехала ее племянница, ленивая девка, которая вообще сидит у нее на шее, ест ее продукты и не собирается идти на работу. Люда жаловалась на Катю всем во дворе. Она изображала из себя потерпевшую невинность. И все соседи сочувствовали ей, потому что к ней приехала нахлебница – племянница. И, похоже, совсем не собирается уезжать. А Люда в это время каждый день придумывала массу новых заданий для Кати.

– Тебе нужно помочь мне с перестановкой мебели, весной приходит Илья, я хочу его удивить и мне очень нужна твоя помощь, – говорила Люда без остановки.

Катя не могла вырваться, потому что день был очень коротким. И она никак не могла привыкнуть к тому, что темно не значит поздно. Часов Люда не любила, она всегда говорила: «Счастливые часов на наблюдают».

Часами были дети и радио. Приготовив обед, Люда «по – дружески» советовала Кати: «Так, сегодня ты уже никуда не ходи, потому что уже поздно, да и кто тебя будет ждать после обеда, сейчас придут дети из школы, мы их покормим, и ты сядешь с ними делать уроки, а работу пойдешь искать завтра.

– Ну хорошо, завтра насчет меня ничего не планируй, – просила ее Катя. – С утра я сразу пойду в редакцию газеты и попытаю счастья. Ты, наверное, права, сегодня уже поздно идти, потому что, судя по нашей редакции, после обеда никого из начальства не найдешь, все на заседании Правительства. Такое чувство, что они все совы и работоспособность у них повышается ближе к ночи, – соглашалась Катя.

Дети приходили из школы всегда в одно и то же время. Обычно дети возвращаются домой после школы веселые и шумные. Но дети Люды были всегда грустные и молчаливые. Катя находила странным их поведение. Дети, опустив голову, заходили в квартиру. Катя никогда не слышала, чтобы они весело играли или шутили друг с другом. Тихо, по одному, они заходили в комнату мамы, отчитывались за пройденный день в школе, показывали свои дневники. Хотя, сказать честно, им нечего было бояться, потому что они учились оба на «отлично». Но, ощущение зловещей тишины, когда они приходили из школы, было очень неприятным. Испуганные лица детей, подходивших к маминой комнате, видеть каждый день, было просто не выносимо.

– Вы чего такие напуганные и всегда молчаливые? – спросила Катя тихо у Славы.

– А тебе какое дело?! – грубо ответил мальчик.

– Нет, просто я вас помню в отпуске, летом вы были такие веселые и беззаботные, – сказала Катя. – У вас, что в школе проблемы?

– Ты чего, дура, что ли? Мы же в отпуске с папой были, – сказал удивленно мальчик.

– А, все понятно, с папой не страшно получать даже двойки, а с мамой и пятерки страшновато.

– Ма, а чего это Катька лезет меня воспитывать, против тебя меня хочет настроить! – громко произнес Слава.

Катя от неожиданности даже подпрыгнула.

– Ты очень хороший мальчик, а главное, – добрый, – сказала она, прямо глядя ему в глаза.

– Так, что случилось?! – строго спросила Люда.

– Да Катька говорит, что ты плохая, а папа хороший, – ехидно произнес Слава.

– Люда, у тебя замечательный сын, – сказала Катя с иронией. – Я тебя очень прошу, поделись опытом, как ты их воспитываешь?

– А че тут делиться. Разговаривать с ними не нужно. Воспитывать только «воспитателем». Он у меня всегда под рукой, вот он, – ремень, – сказала Люда, – и как стукнет им по двери, – вот и все воспитание!

– Да, замечательный способ, обязательно возьму на вооружение, когда у меня будут свои дети, – сказала, улыбаясь, Катя. – А за пятерки тоже к воспитателю прибегаешь?

– Для профилактики не помешает. Главное, чтобы не расслаблялись, а папу они любят потому, что он деньги зарабатывает. Хотя, честно тебе скажу, он у меня тюфяк – тюфяком. Ты знаешь, я же его за бутылку водки у бывшей жены купила. Ты же знаешь, что она у него алкашка была, мы еще в Архангельске тогда жили. Вот я его в хорошие руки и забрала. Я же никогда не пила, не курила. Вот такая ему досталась красавица – хозяйка. Он такого сроду не видел. Видишь, какая у меня чистота, да и пожрать всегда до пуза. Дети обстираны, а че мужику еще надо, он у меня счастливый. Только не пойму, почему ему шибко в море ходить нравится, дурак какой – то? Ты знаешь, хоть бы выбирал рейсы хорошие, чтоб платили, а то он во все подряд ходит, дурак.

– Да, ему здорово повезло с тобой, ты замечательная хозяйка. Анне и Славе тоже повезет. Ведь хорошими людьми растут, – отличниками, – сказала Катя, задумавшись.

– А ты как думала?! Анька вся в меня пошла! Представляешь, я тут так смеялась, берет как – то она мою шкатулку с золотом. Ты у меня ее не видела, вот я сейчас похвастаюсь тебе. Видишь, шкатулочка, как кастрюля. Это моя гордость. Мне знаешь, больше всего, что нравится? Это то, что крышка не закрывается. Так вот, моя дочка мне говорит: «Ма, а ты когда умрешь, это все мне достанется?». Ну чем не моя кровь, красотка. Я так смеялась, даже похвалила ее за такую хватку. Вся в меня!

Катя, слушая все это, думала: «Господи, как хорошо, что у меня такой хватки нет, ужас. Или я в этой жизни ничего не понимаю, или жизнь не понимает меня. Почему – то мне хочется быстрее убежать от этой чистоты, от этой кастрюльки с золотом. Я здесь задыхаюсь, а в этой чистоте боюсь испачкаться. И чем быстрее я освобожусь от этих «замечательных» людей, тем быстрее стану чистая в грязи, чем грязная в чистоте. Неужели, есть такие люди и это их правда жизни, – голая правда, не прикрытая ничем. Или их так испытывает судьба? А они не замечают этих испытаний. И живут в греховной чистоте.

Глава 9

На следующий день все было как всегда: подъем в 6-30, завтрак в 7-00, только новое было то, что пришла в 8-30 к Люде ее подруга Вера. Катя как раз домывала посуду. Раздался звонок в дверь, который даже напугал вжившуюся тишину этого дома. Так непривычно было слышать чей – то посторонний голос в квартире и еще более удивительно было то, что у Люды есть друзья, потому что за время пребывания в этой семье, Катя не слышала ни единого доброго слова хоть о ком – нибудь. Катя точно знала, что ничего хорошего не будет сказано и о ней.

– Привет, подруга! – произнесла Люда с наигранной радостью. – Как хорошо, что заскочила ко мне. У меня столько новостей для тебя. Вот познакомься, – это моя племянница с юга, к которой мы каждое лето с детьми ездим. Развелась с мужем, приехала найти мужа себе моряка, как мы с тобой в молодости. Посмотрим, какого дурака подцепит она себе.

– Да, нет, мне повезло с Толиком, царство ему небесное. Знаешь, Людмила, как одной плохо. У тебя хоть дети есть, а у меня кроме собаки никого. Очень плохо мне, хочу уехать к себе в деревню, на родину, квартиру продам и уеду.

Катя смотрела на эту грустную, милую женщину и ей так стало жаль ее. Она очень испугалась, на секунду представив себя, вот такой же одинокой ужасной женщиной.

«Мне ведь уже 25 лет! Боже, я уже такая старая, не поздно ли начинать новую жизнь?» – подумала Катя. – Но сразу вспомнились слова: «Новую жизнь начинать никогда не поздно, даже за день до смерти». Да и в фильме «Москва слезам не верит», – в сорок лет жизнь только начинается… Так что, будем считать до сорока. В двадцать пять – это первая попытка начать новую жизнь. Какая она? Пока не очень, но любой опыт – это опыт. И он нужен, чтобы не совершать таких же ошибок в дальнейшем».

– Катя, ты что уснула, не слышишь?! Я к тебе обращаюсь! У твоей матери деньги есть? – спросила Люда, уже крича на Катю. – Глухая тетеря, я у нее должна десять раз спросить.

– Что? – переспросила Катя, не поняв вопроса.

– Что, что, я говорю, что ты точно глухая. Тебя глухую замуж никто не возьмет. Твоя мать богатая – это точно. Она всю жизнь большим начальником проработала. Наверняка, наворовала, пусть она тебе деньжонок подкинет на квартиру и будешь жить себе, как королева.

– Ты что Люда, откуда у нее деньги? Я знаю, что мы всю

жизнь живем в долг. Занимаем до зарплаты, потом получим, – отдаем, занимаем – отдаем, занимаем – отдаем, – сказала Катя.

– Вот, а сейчас сам Бог велел занять тебе на квартиру. Пусть займет, а ты у Верки купишь, у нее знаешь какая хорошая квартира, прям в центре города. Так что звони мамаше и проси денег, – произнесла Люда тоном, не терпящим возражения.

– Да как – то неудобно, только приехала, работу не нашла, а уже дайте денег на квартиру, – сказала Катя.

– Чего там неудобно?! Все удобно, ладно, я сама ей позвоню. Так что, Верка, я, считай, покупателя тебе нашла, эти точно не обманут. У нихвся семья, – «того», – покрутила Люда у виска. – Одним словом «интеллигенция». Давай, Верка, пиши адрес Катьке, и все, больше никого не ищи, а то вляпаешься куда – нибудь, я тебя знаю.

– Так, Катюха, я пойду к Верке в гости, у нас дела, а ты приготовь что – нибудь на обед. Вдруг я не успею вернуться, покормишь детей и занимайся с ними английским.

– Люда, мне же на работу устраиваться нужно, – напомнила Катя.

– Какая работа?! Квартиру скоро купишь, тогда и работу найдешь, а без прописки тебя никуда не возьмут. А я тебя к себе не пропишу. Оттяпаешь потом у меня жилье, как я когда – то мужа за бутылку водки, – смеясь, сказала Люда, выталкивая подругу Веру из квартиры.

Люда пошла провожать подругу и делится с нею последними новостями, а Катя с листком бумаги в руках, на котором был написан адрес, осталась стоять и думать: «Квартира в центре города своя, это же несбыточная мечта».

Она даже и подумать никогда не могла, что можно купить себе квартиру за чужие деньги.

«Нет, этот вариант не для меня. Я заработаю сама себе на квартиру, что я зря на север приехала? – думала Катя, пряча адрес в сумочку.»

Приготовив обед, Катя достала с книжной полки первую попавшуюся книгу.

– «Сестра Керри», – прочла Катя на обложке название книги.

Давным – давно в школе, Катя ее читала, книга ей очень понравилась. Было какое-то странное ощущение, что эта книга не просто так оказалась у Кати в руках.

«Почему именно эта книга попалась мне на глаза? – удивилась она. – Как будто кто-то хочет меня успокоить, что у меня жизнь еще не такая грустная, как у героини.»

Книги действительно созданы для того, чтобы успокаивать или учить чему-нибудь. Доказанный факт, что те люди, которые

много читают, – никогда не болеют раком. Катя еще раз пробежалась глазами по книжной полке, но кроме школьных учебников там ничего не было.

«Почему у Люды так мало книг? – подумала она. – Почему книги так раздражают Людмилу? Почему она никогда не читает?». Роман «Сестра Керри» очень нравился Кате и та с удовольствием стала ее перечитывать. Странно, но в этой книге Катя увидела себя, в книге был описан похожий с нею случай: девушка точно так же приехала искать счастье в другой город; в книге описывались все мытарства, происходившие с нею.

«Получается, плохие люди не только в книгах встречаются, а в жизни нашей тоже. Что ждет меня впереди? Какие испытания? И справлюсь ли я с ними достойно», – думала Катя.

Читая эту книгу, Катя вспомнила Никиту, вспомнила тетю Полину из студенческого общежития, вспомнила ученых из аэропортовской камеры хранения. Кате так сладко стало на душе. И не все так плохо!

«Есть хорошие люди и, конечно же, их участие и доброта обязательно помогут мне преодолеть все препятствия на пути к новой жизни. Люда по – своему тоже хороший человек. Переживает за меня. Хочет, чтобы у меня все в этой жизни получилось. Хочет, чтобы у меня жилье свое было. Я обязательно совсем справлюсь, только нужно быстрее устраиваться на работу. Деньги так быстро заканчиваются» – вздыхала Катя.

– Привет, что читаешь? – спросила Анна подкравшись. – Господи, как можно находить что – то интересное в чтении?! – спросила она, зайдя в комнату неслышно. – Ну какой тут кайф? Я никогда не засоряю свои мозги лишним чтением. Одно дело в школе. Ты хоть знаешь, для чего читаешь, – для оценок. А ты вот зачем напрягаешься? Хочешь поработать, возьми мой английский и давай вкалывай.

– Я не могу понять тебя, Анечка, – сказала Катя. – Ты отличница, гордость школы и не любишь читать? Чтение – это не работа, это отдых. Вот ты и твое воображение начинают разыгрывать разные интересные сценки в твоей голове. Такими красками разрисовано это твое собственное кино и поэтому никто в жизни, никто и никогда не сможет это кино повторить. Только твоя память. И только в самых ярких красках, известных только тебе самой, – сказала Катя весело. – А у тебя твои пятерки черно – белые, наверное? Зачем тебе пятерки?

– Не, ну ты даешь?! Они мне нафиг не нужны, – сказала Анна безразлично, но они нужны моей злющей мамочке. – Понимаешь, она возомнила себе, что сэкономит на мне на поступлении в институт. Ты же знаешь, она на всем экономит. Но я думаю, что

ей все равно придется выложить кругленькую сумму за мое поступление. Времена другие начинаются. И я их с удовольствием жду, пусть раскошеливается на любимую доченьку.

Катя смотрела на эту красивую девочку, с милым выражением лица. И видела изуродованное злостью лицо страшного монстра.

«Не может быть, чтобы пятнадцатилетний жизненный опыт девочки, сделал ее такой уродиной. Откуда столько злости в таких красивых голубых глазах? Внешне, имея облик Ангела, со светлыми вьющимися волосами и бледно – розовой матовой кожей, Анна была похожа на восковую неживую куклу с вращающимися глазами. Может быть, дьявол окутывает своей злостью всех, – от мала до велика. Скорее всего, он проверяет нас на прочность, – думала Катя, – кто – то борется до последнего. А кто – то сдается, не успев родиться».

А вслух сказала:

. – Нет, я не хочу с тобой вообще на эту тему говорить. Ты такая озлобленная на жизнь. В свои пятнадцать лет. Ты же никуда не ходишь. Ни с кем не общаешься. Откуда такой цинизм ко всему, что тебя окружает? А самое страшное, – это ненависть к собственной матери. Да ты должна ее уважать только за то, что она тебя вообще родила. Ты должна быть благодарна ей за подаренную тебе жизнь. Именно подаренную, бесплатно тебе данную. Ведь она у тебя денег за твое рождение не брала? А как я понимаю, с вашим коммерческим подходом, девушка, к жизни, ты, скорее всего, предоставишь счет своему еще не родившемуся ребенку.

Катя была возмущена до глубины души.

– Да пошла ты, знаешь куда, воспитатель! – зло крикнула Анна. – Ты вот ее защищаешь, а послушала бы ты, что она вообще о тебе говорит. Ты бы по – другому заговорила. Ты точно малахольная, как она говорит. И правда, таким вот уродам, как вы, государство дает жизнь и образование, и коттеджи бесплатно.

Катиной маме действительно коммунисты подарили двухэтажный коттедж за добросовестную работу. Она была директором школы. В их микрорайоне давали коттеджи всем кандидатам и докторам наук. А так как школа учила детей и внуков ученых. Решили, что будет правильно, чтобы и директор школы тоже получила такой же коттедж. Тем более, что семья Кати жила на квартире и стояла в очереди на жилье.

– Господи, а при чем здесь государство и коттеджи? – удивленно спросила Катя.

– Да при том, что мамочке твоей вон какой коттедж бесплатно государство подарило, небось, как моя мама говорит,

одним местом заработала? – ехидно улыбаясь медленно произнесла Анна.

– Знаешь что деточка, ты права. И мама твоя права. Моя мама действительно заработала коттедж одним местом, которого у вас, к сожалению, нет. Она заработала его, – головой. А у вас, по-видимому, вместо головы продолжение шеи, – спокойно произнесла Катя, глядя на Анну, как личный врач на безнадежного больного.

Этот диалог, особенно завершающая его часть, были тут же переданы маме в еще более искаженном виде, и вечером того же дня вышел новый приказ, – никаких книг с полок без разрешения не брать и вообще читать запрещается! Режим был настолько строгим, что Катя должна была теперь водить Людиных детей каждый день в бассейн.

– Детям нужно заниматься спортом! – категорично заявила Люда.

Именно это и внесло некую радость в скучную Катину жизнь. Катя с удовольствием выскакивала с детьми на свежий воздух и полными легкими набирала чистоту жизни. Глоток промерзшего воздуха грел душу. Кате хотелось взлететь и пролететь над этим красивым ночным городом. Даже дети Люды казались чище и человечнее в этой тихой светлой темноте. Света было очень много от искрящегося снега, отраженного в лучах фонарей.

Катя весело и легко бежала по мягкому снежному ковру, а Север танцевал вместе с Катиной душой свое «Северное танго», за которым ненавязчиво наблюдал, улыбаясь, незнакомый мужчина из черной иномарки с номером «Три семерки».

Глава 10

Ремонт подходил к концу. Ванная комната сверкала своей новой кафельной плиткой с дельфинами, а кухня была украшена, – чайником и чашками. Люда была очень озадачена тем, что нужно срочно поехать в соседний город и купить зеркальную полочку для ванны. Лучшего советчика, чем Катя она не могла себе найти, поэтому участь Кати была предрешена.

На следующий день, в обычный субботний выходной, когда никакие государственные учреждения не работали, лучшим времяпрепровождением было посещение магазинов.

Шопинговый отдых вообще очень нравится многим женщинам и Люда была не единственным экземпляром, любящим такое увлечение. Катя вообще была вне себя от счастья, что снова увидит свою любовь, – теплый, северный город. Температура воздуха была по – настоящему родной и любимой для этих мест, – минус тридцать пять, как раз для легких прогулок по магазинам.

Добираться нужно было в соседний городок Колу, который находился в десяти километрах от Мурманска. Пригородный автобус переделан был на северный манер, – двойные стекла обтянуты брезентом изнутри. За счет замкнутого пространства автобус выглядел таким домашним и уютным.

Люди весело щебетали в нем, каждый о своем. Атмосфера была удивительно дружелюбной и ощущение родства присутствовало между совершенно незнакомыми людьми. Несмотря на зимнюю стужу, душа пела свою неповторимую песню Весны. В подтверждение этому, лозунг на трех многоэтажных домах при въезде в город гласил, – «Труд – Мир – Май» и казался очень уместным.

Катя, найдя просвет в брезенте, прижалась губами к окну и теплым дыханием разогревала маленький иллюминатор – глазок, чтобы видеть этот красивый заснеженный пейзаж. Перед нею из окна мчавшегося и ревущего работяги – автобуса, видавшего и не такие морозы, открывался красивый вид.

От северного солнца на снег подали разноцветные блики, отчего поле казалось усыпано весенними фиалками. С интересом Катя смотрела на розово – фиолетовое небо и вспоминала свой маленький южный городок Михайловск, который тоже находился недалеко от города Ставрополя. Он был всего в пяти километрах от краевого центра. В дендропарке, который располагался рядом с Катиным домом, фиалки весной на глазах расстилали пышный ковер своих темно-фиолетовых и голубых цветочков. И ведь никто там их не сажал. Природа сама знала где и что украсить. А запах

какой… Катя даже почувствовала этот цветочный аромат, когда глядела в этот крошечный иллюминатор. Ощущение такое от этих фиалок на снегу, что она снова дома и все у нее в жизни стабильно и нет никаких трудностей и проблем.

Люда все время что – то весело говорила и была совершенно другим человеком, – нежным и ласковым. Вообще общественное мнение было для нее очень важным. Она была – «Очень мнительным человеком», как она сама о себе говорила. В такие «мнительные» минуты Катя ее просто обожала и всегда внимательно слушала. Отвечая на вопросы Люды, она шутила и шутила очень смешно. Соседи по автобусу подхватывали Катины шутки, переносили их из одного края автобуса в другой и все дружно смеялись.

– Вот мы и приехали, – сказала Люда и, кряхтя как старушка, стала подниматься со своего места. – Сейчас пойдем в центральный универмаг, посмотрим цены, а потом пробежимся по окраинным магазинчикам, там, может быть, эти полочки будут стоить дешевле, – подытожила она и уверенной утиной походкой пошла в сторону многоэтажного здания.

– Отлично! – улыбаясь, произнесла Катя. – Заодно посмотрим на новые неизученные творения архитектуры и оценим преимущество маленьких городков перед большими. Цивилизация добралась и сюда, смотри, троллейбусы тоже ходят.

Вообще городок Кола был похож на усовершенствованную деревню. Первое, что бросилось в глаза – это кирпичное здание в центре городка. Название ему было – «Ресторан Север», а вокруг стояли деревянные магазинчики, кафе и жилые дома.

Найдя центральный деревянный универмаг и узнав цены, Катя с Людой решили обойти все магазины в этом городке. Нужно сказать, что они не напрасно оббежали все деревянные хозяйственные постройки. На окраине городка, в одном из домов, они все – таки нашли нужную зеркальную полочку. Да еще и кафель про запас. И довольные покупками, не замечая тяжести приобретенного, тащили важный груз к автобусу. В качестве экономии, конечно же, шли пешком, неся тяжелые коробки, затекающими руками с неразгибающимися пальцами.

– Ой, Катя, смотри осторожнее неси, не дай Бог разобьешь, я тебя убью. Я столько искала эту зеркальную полочку и кафель, что даже не верится, что я все это купила. Послушай, тебе сильно тяжело? Но ничего потерпи немножко. Ты же знаешь, мне нельзя таскать тяжести, вечно эти проблемы со спиной, – причитала идущая впереди «добрая» Люда.

– Ничего, ничего я все понимаю, – отвечала Катя. – Конечно, после родов у всех женщин начинаются эти проблемы, ты же

двоих детей выносила на своем позвоночнике. Так что не переживай, я справлюсь, – сказала Катя. – Если честно, то я так рада, что мы все нашли, да и поездка мне очень понравилась, а морозец какой, слышишь, как красиво скрипит снег под ногами, словно песню поет: «В лесу… родилась… елочка…».

Катя невольно стала напевать в такт скрипучего снега.

– Хорош, людей пугать! С тебя пивунья, как с меня балерина, – произнесла Людмила и, переваливаясь как утка с ноги на ногу, заторопилась к автобусу. – Ужас какой морозище, ненавижу этот Мурманск, я здесь мерзну даже летом! – сплюнула Людмила. – Катька, – кричала она на бегу, – вот теперь запоминай, в каких магазинах можно купить подешевле, я Верке скажу за сколько я все это купила, она с зависти помрет, – смеясь пробасила Люда.

– А она тоже сюда приедет и купит, чего ей завидовать? – отозвалась Катя.

– Ты чего с дуба рухнула? Я ей в жизни не скажу, где купила и ты не вздумай проболтаться, а то у тебя ума хватит.

Вот за таким мирным разговором Катя и Люда дошли до автобусной остановки. Розовые щеки, чуть пощипавшие от морозца, придавали девушкам здоровый и красивый вид. Катя смотрела на Люду и думала: «Почему она дома совершенно другая, вот идет раскрасневшаяся, красивая русская баба. Кровь с молоком. Улыбается и от этого становится еще краше.»

Улыбка во все времена очень шла девушкам, женщинам и бабушкам. Это прямое оружие против противоположного пола. И почему женщины этим оружием очень редко пользуются? Идут со своими проблемами, никого не видят и не хотят видеть. А потом оглянутся, а они одни и нет рядом обожателя.

«Нужно мне по – чаще улыбаться, – подумала Катя. – Вот я уже старая, мне двадцать пять лет, ни детей, ни семьи у меня нет, скорее всего, это от того, что я не улыбаюсь. Все, с сегодняшнего дня начинаю.»

– Что лыбишься, как дура? – перебила Катины мысли Люда. – Вон мужики на тебя оглядываются. Наверное, думают, идет сумасшедшая и хочет познакомиться, чтобы донесли ей тяжести. Катя посмотрела на проходивших мимо мужчин и засмеялась от Людиных слов.

«Точно, нужно улыбаться к месту. А не каждую секунду», – подумала Катя и еще больше заулыбалась.

Вечером того же дня, приготовив ужин и позанимавшись с детьми английским языком, Катя села в комнате и решила посчитать свои оставшиеся деньги. Денег осталось совсем немного.

«Господи, срочно нужно искать работу, скорее бы понедельник, – подумала Катя. – Нужно срочно написать домой письмо, они там очень волнуются.».

Попросив у Людмилы листик бумаги и ручку, Катя села писать письмо.

– Гасите свет! – приказным тоном, не принимающим никаких возражений, закричала Люда.

– Люда, можно я на кухне письмо домой напишу? – тихо спросила Катя.

– Нет, ты знаешь, сколько электричество стоит? Так что экономим. Днем напишешь, – сказала Люда зло.

– Но ты же прекрасно понимаешь, что у нас днем опять не будет времени, я так никогда не напишу домой письмо, – стала упрашивать ее Катя.

– Напишешь, успеешь, ничего с тобой не случится. А вообще, что тебе писать? Накормлена, живу как у Христа за пазухой на всем готовом, спасибо большое Людмиле, что приютила.

– Люда, как хочешь, но в понедельник я иду устраиваться на работу. Пожалуйста, ничего не планируй на счет меня, я тебя очень прошу, – сказала Катя.

– Ты что мне еще указывать будешь, что мне делать, а что нет?! – заорала Людмила. – В моем собственном доме ты мне указывать будешь?!

– Господи, да я не об этом хотела сказать. Я больше не могу у тебя на шее сидеть, нужно на работу мне устраиваться, понимаешь, вот что я имела в виду.

– Все, ложись спать! – грубо сказала Люда, щелкнула выключателем и громко хлопнула дверью.

Как только она ушла, Катя взяла лист бумаги, и при свете лампочки в аквариуме, который «экономит» свет, начала писать письмо домой и так ей стало себя жалко, что она, уткнувшись в подушку, вдруг тихо зарыдала…

«Господи! Почему завтра воскресенье? Скорее бы понедельник! Никита, почему ты не пишешь? Да ты же не знаешь, куда писать, я же тебе адрес не дала», – думала, плача, Катя.

Но, каково было ее удивление, когда она утром, уходя в магазин, заглянула в почтовый ящик и увидела конверт с любимым, дорогим почерком.

«…Здравствуй, дорогая Катя. Заехал к твоим родителям домой и попросил адрес твоей знакомой в Мурманске. Как ты там? Очень переживаю за тебя? Стал снится точно такой сон про твоих двух свиней. Ты их уже в Мурманске повстречала или еще нет? Напиши. Люблю. Скучаю. У меня все хорошо, еще на одну сессию приблизился к тебе. Люблю. Извини, ничего не могу с

собой поделать. Пиши. Очень переживаю. На всякий случай, пишу тебе свой адрес. Вдруг захочешь забыть. Твой верный, вечный друг, – Никита.»

Катя прочитала письмо, поцеловала этот любимый почерк и так стало легче на душе. Она улыбнулась и сказала сама себе:

«Одну свинью, кажется, уже встретила. Но, может быть, я ошибаюсь…»

На следующий день Люда зашла к Кате в комнату и ласково сказала:

– Сегодня мы с тобой пойдем по магазинам, ты же знаешь, на носу Новый год, так что можешь теперь не торопиться устраиваться на работу, у всех годовые отчеты, им не до тебя и никто на работу перед новым годом тебя не возьмет. Так что успокойся, пойдешь устраиваться после нового года. А у нас еще столько дел с тобой, хочу обои в зале поменять. Ну это на каникулах. А сегодня будем закупать все к празднику. Не забудь взять деньги.

При слове, – «деньги», Кате стало совсем не по себе. Как же мне растянуть их, чтобы хватило до первой зарплаты.

Но как только она вышла на улицу, любимый город ее сразу утешил, лаская падающим снегом и закружив нежными снежинками. Они были такими огромными, падали медленно вальсируя, успокаивая, убаюкивая и приговаривая: «Все будет хорошо, потерпи немножко, у тебя все получится.»

Яркие иллюминации освещали Кате дорогу и обещали ей всегда быть рядом и светить также весело всегда и везде. «Светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить и никаких гвоздей, – вот лозунг мой и солнца!», – улыбнулась Катя, вспомнив опять Никиту.

Перед Новым годом предпраздничная суета всех будоражила и придавала ускорение всем людям, вышедшим в этот чудесный день за покупками. Лица у всех прохожих были счастливые и взволнованные в предвкушении такого чудесного, любимого всеми праздника.

«Надежда», которая умирала последняя, готовилась праздновать свой новый день рождения и все люди знали точно, что с боем курантов родится она вновь, – наша новая «Надежда», – на счастье, на радость, на успех, на удачу, на чудо, на мечту, на любовь…

– Люда, смотри какие красивые фигуры изо льда! – закричала Катя, увидев трехметровые статуи, которые важно возвышались над мелкими суетливыми людишками, сновавшими по улице взад и вперед.

Они были настоящим произведением искусства! Ледяные

шедевры переливались бриллиантовым блеском и от подсвечивающих прожекторов выглядели живыми.

«Этот город не перестает меня удивлять своей красотой, – подумала Катя, – какой красивый и такой непохожий на другие города этот гордый северный город.»

– Подумаешь, да этих чучел каждый год из снега выпиливают, делать им нечего, денег девать некуда, – зло протянула сквозь зубы Люда.

– Нет, Люда, ну ты посмотри какая красотища! – восклицала Катя.

– Слушай, что ты как деревня?! Тебе все в диковинку, у вас там снега не бывает, поэтому ты и видишь красоту, где ее совсем и нет.

– Люда, а ты в чем красоту видишь? Ну скажи мне, пожалуйста, ты где ее находишь? – спросила Катя, прижимаясь к ней под локоток.

– В зарплате мужа, когда он с хорошего рейса приходит, – удовлетворенно засмеялась Люда, довольная своей шутке. – Хватит задавать глупые вопросы, давай быстрее иди, и, оттолкнув Катю, добавила: «Нам еще в рыбный магазин нужно зайти, деревня.»

Катя себя действительно почувствовала деревней, когда они зашли в магазин «Океан». Какой там только рыбы не было! Длинные как змеи и плоские, и в горошек плавали прямо в большом бассейне. Их вылавливали огромным садком, взвешивали и кричали:

– Кому палтус? Кому зубатка? Кому треска?

Такого разнообразия рыбы, да и названий, она никогда не видела и не слышала. Сама Катя была заядлой рыбачкой, но кроме карасей, окуней, сазанов и щук она никакой другой рыбы не знала. От запаха рыбы и такого разнообразия у Кати закружилась голова и она подумала: «Вот что значит портовый город, город рыбаков и военных моряков!».

Людей в черной военно – морской форме можно было часто увидеть в городе Мурманске. А вот о моряках – рыбаках она вообще узнала только, когда познакомилась с Людой, потому что ее муж Илья ходил в «Рыбаках», – . так называли моряков, которые ходили в море ловить рыбу. А Катя всегда думала, что Илья у них капитан, – потому что его так называла тетя Галя.

Выйдя из магазина, Катя спросила Люду:

– Скажи, а наш Илья эту рыбу ловит?

– Да все подряд они ловят, только я об этом его никогда не спрашивала. Меня только интересует, сколько он зарплаты поймает за рейс, остальное меня не волнует.

– Люда, а Новый год они бедные на пароходе встречают? – продолжала спрашивать Катя.

– Прям, бедные, ничего с ними не будет, накроют стол, какой – нибудь веник нарядят и справят не хуже нашего.

– А мы елку будем покупать? – спросила Катя, подойдя к продавцу елок?

– Че? Какую еще елку? Ты на меня посмотри, я похожа на сумасшедшую? Такие деньжища тратить зря. У меня елка еще с Архангельска осталась. Я ее при первом муже еще купила. Так я каждый год подсчитываю сколько я сэкономила на елках за пятнадцать лет.

– Люда, а ты любишь праздник Новый год? – не переставала задавать вопросы Катя.

– Нет. Просто, не дай Бог, кто– нибудь в гости припрется. Я только для этого стол и накрываю, чтобы не опозориться.

– Счастливый ты человек, Люда. Мне кажется, что тебе вообще ничего не нужно. А раз тебе ничего не нужно, значит, у тебя все есть. А раз у тебя все есть, ты, значит, – счастливый человек, – сказала Катя задумавшись.

– Нет, я совсем не счастливый человек. У меня много денег нет. Вот если бы у меня было много денег, тогда бы я была очень счастливой, – мечтательно заметила Люда.

– А зачем тебе много денег? Тебе же ничего не нужно?! – удивленно спросила Катя.

А про себя подумала: «Наверное, Люде нужны деньги, чтобы живую елку купить? Потому что от запаха хвои и смолы увеличивается гормон счастья и человек становится здоровее и намного богаче, чем от экономии дешевой пластмассовый безделушки с мертвой, никому ненужной черной энергетикой, которая из года в год собирает пыль, несчастья и болезни нескольких поколений, встречающих у такой Старой Елки, – Новый Год…».

Неожиданно к ним подошла красивая молодая женщина в белой норковой шубке. Она приветливо улыбнулась и красиво протянула Людмиле маленькую ручку в лайковой перчатке.

– Здравствуй, Людочка, а кто это с тобой, познакомь нас.

Люда сразу изменилась в лице, побледнела и засуетилась, стала хватать сумку у Кати из рук. Затем перекладывать ее из одной руки в другую и, заикаясь, пыталась произнести:

«З-з-зд-расьте, это м-моя племянница в гости ко мне приехала».

Катя удивленно посмотрела на Людмилу.

– Меня зовут Катя.

– А меня Татьяна. Я давнишняя подруга Людмилы. Думаю,

мы с вами, Катя, подружимся, – улыбнувшись, произнесла новая знакомая. – Но сейчас тороплюсь, мне пора, будет время, забегайте ко мне в гости, – добавила она, протягивая обратно руку в лайковой перчатке.

Людмила схватила ее маленькую ручку своими двумя ручищами и стала ее сильно трясти, прощаясь и заглядывая Татьяне в глазки. Таня улыбнулась, выдернула брезгливо ручку в лайковой перчатке и торопливо побежала дальше, помахав девушкам на прощанье рукой.

Катя смотрела ей в след восхищенно и думала: «Какая красивая женщина, я тоже хочу быть похожей на нее.».

– Что уставилась, – недовольно произнесла Люда, – Что миллионерш никогда не видела?

– Люда, а кто это?

– Да так, одна знакомая, мужья раньше в море ходили.

Глава 11

Новый год встречали всей семьей, до встречи Нового года оставались считанные минуты и тут Люда спросила: «Может пойдем спать?».

Но дети попросили посидеть еще чуть – чуть. Катя вообще очень любила новогодние передачи, концерты, юморески и была очень огорчена тем, что ничего не увидит праздничного, так радующего душу. Она вспомнила, как перед Новым годом, они всей семьей садились за праздничный стол, улыбались друг другу, желали счастья, весело общались, устраивали семейные концерты и смотрели любимые новогодние передачи.

Когда ты смотришь красивую новогоднюю сказку, улыбка счастья невольно светится на твоем лице. Такая вечная и непонятная, многогранная и необъяснимая любовь ко всему и ко всем захватывает тебя в новогоднюю ночь и начинает кружить над светом бытия под названием, – Жизнь!

– Люда, но разреши мне, пожалуйста, посмотреть новогодние передачи? – попросила ее Катя. – Я за свет заплачу.

– Хорошо, только звук я тебе сама поставлю, – сказала Люда и выключила звук почти на «нет». – И не вздумай прибавлять, нужно всем ложиться спать, – добавила она раздраженно.

«Хорошо, ведь смотрели раньше немое кино и ничего, нравилось», – подумала Катя и уселась поближе к телевизору.

– Че там можно смотреть? Ничего хорошего я не вижу в этих передачах? Че здесь может нравиться, я удивляюсь, неужели ты не завидуешь этим красавицам и их нарядам? – спросила Люда ехидно.

– Нет, ты знаешь, я, наоборот, очень за них радуюсь и потом мечтаю, примеряю мысленно на себя их красивые одежды и прически. В общем, я мечтаю, а мечты сбываются, – это точно, поверь мне, – произнесла Катя весело.

– Я же говорю, что ты сумасшедшая, – зло сказала Люда, передергивая брезгливо плечами. – Ну мечтай, мечтай. До психушки тебе не далеко с твоими мечтами.

В этот момент настойчиво зазвонил телефон и громким эхом пронесся по всей квартире, создавая «звуковой фон» немым телевизионным передачам. Люда, испугавшись, подпрыгнула и быстро схватилась за трубку телефона, прикрыла дверь и стала, как всегда, заикаясь, – отчитываться, что все идет по плану, что все дома, что у них все тихо, что все хорошо. Эхом продолжал дрожать ее испуганный голос по квартире:

– Да, да не переживайте, я рада, что товар вам понравился.

Будет все в ажуре. Спасибо! Вас тоже с праздником…

Катя подвинулась ближе к телевизору и счастливая, что, наконец – то, может спокойно посмотреть свой любимый «Голубой Огонек» ловила каждый момент, каждое движение актеров. Казалось от того, что ты близко находишься к родным тебе людям, улыбающимся, добрым, с веселыми и умными глазами, ты вновь получаешь заряд домашнего уюта. Ты даже через телевизор ощущаешь тепло их душ и жизненную энергию их сердец. А они, подмигивая тебе, говорят, – «Катюха, держись, мы все с тобой и не переживай ты так. Нам всем тоже было нелегко покорять Творческий Олимп. Мы все звездочки нашего огромного небосвода и небо обязательно сведет нас всех вместе. Вот тогда мы подведем итоги нашего бытия на этой грешной земле.»

– Все, ты меня достала! – прозвучал где – то вдалеке грозный голос. Вернее отголосок чего – то грязного, хриплого, какой – то страшный, нечеловеческий рык. – Хватит наглеть! У тебя денег не хватит со мной расплатиться за Свет! Знаешь, сколько твои передачи будут стоить, если их перечесть на оплату за электроэнергию?! Давай выключай телевизор и ложись спать!

На этом чудесный новогодний вечер был закончен…

Неожиданно орущий дверной звонок вспугнул эту гнетущую тишину. Люда как всегда испуганно подпрыгнула и удивленно посмотрела на Катю.

– Кого это принесло в такой час?

Она недовольно потянулась к дверному глазку и стала быстро снимать цепи со всех своих замков.

В квартиру разрумяненная с двумя огромными пакетами и бутылкой шампанского ввалилась в белой норковой шубке Таня. Она была похожа на Снегурочку.

– А что у вас так тихо в новогоднюю ночь?! – спросила она возмущенно.

– Так режим у нас.

– Как в тюрьме, что ли?

Татьяна впихнула пакеты с подарком Людмиле в руки и твердой поступью прошла в зал, на ходу сбрасывая с себя белую норковую шубку. Людмила едва успела ее подхватить.

– Вот, хорошо, что хоть стол накрыли, – произнесла, смеясь Татьяна. – Катя, иди, я с тобой хочу выпить.

Катя улыбнулась Людмиле и прошла следом за новой знакомой.

Людмила суетливо стала подавать еще один столовый прибор и натянуто улыбаться Тане.

– Мы гостям всегда рады.

– Да уж, я вижу.

Таня ласково обняла Катю, изучающее на нее посмотрела и спросила: «А где твой молодой человек?»

Катя улыбнулась, покраснела и застенчиво ответила: «А у меня его нет».

Люда тут же влезла в разговор и красочно стала описывать Катино предыдущее замужество, она так громко описывала бездетность бывшего мужа Кати и что после такого семейного опыта, ей никогда не захочется больше выходить замуж. На вопрос о детях, Людмила скороговоркой проговорила, что Катя очень хочет стать мамой, но пока что не от кого.

Таня оборвала душеизлияния Людмилы о Катиной жизни и попросила Катю саму рассказать о себе.

– В общем, мне нечего добавить, Люда сказала всю правду обо мне, у меня от нее нет секретов, – заступилась Катя за Людмилу.

– В таком случае, я забираю тебя с собой, – не терпящим возражений тоном сказала Таня. – Мы едем в Колу, в мой ресторан.

– Как у вас есть собственный ресторан? – удивленно спросила Катя.

– Да, мой собственный.

– А разве такое бывает? Вы, наверное, директор ресторана.

– Нет, я не директор, я хозяйка. Наше государство решило открыть частные предприятия. Мой дядя занимает очень высокий пост в Москве, в нашей златоглавой столице, где уже есть частные рестораны. Он разрешил открыть ресторан и мне, здесь на севере. Чем мы хуже москвичей?

Катя очень обрадовалась этому приглашению. «Хоть бы глотнуть свежего воздуха в компании Тани», – подумала она. – И с радостью приняла приглашение.

Глава 12

В ресторане весело звучала песня «Белые розы, белые розы, беззащитны шипы…». Все сверкало под блесками цветомузыки. Разодетые мурманчане, под новогодними порами, – выплясывали друг перед другом и старались весело провести время. Катя невольно тоже стала подтанцовывать в такт любимой песни. Она повернулась и засмеялась, увидев как вытянулся швейцар, поднимаясь на цыпочках и дотягиваясь макушкой к потолку.

«Вот бы у нас в деревни какой – нибудь дед так стоял по стойке, – «Смирно!», – перед своей внучкой», – думала Катя, смеясь.

Таня подбежала к Кате, обняла ее и потащила в закрытую кабинку.

– Катюха, пойдем есть красную и черную икру ложками. Ты мне теперь как сестра.

Катя удивленно посмотрела на Таню, заулыбалась. А Таня продолжала требовать, чтобы Катя не называла ее на «Вы». – Только на ты, слышишь, только на ты. Я не такая уж старая, – говорила Кате ее новая подруга.

С балкона на них с интересом смотрели два молодых человека. Таня зло взглянула на них и потащила Катю за собой.

В этот вечер Катя очень много танцевала, как будто хотела натанцеваться на целый год вперед. Молодые люди один за другим приглашали Катю танцевать, но Таня их упорно от нее отгоняла и говорила, что ее подруга не танцует с незнакомыми людьми медленные танцы. Таня вообще очень жестко разговаривала со всеми молодыми людьми в этом ресторане. И они с Катей с удовольствие танцевали только ритмичные танцы. А когда звучала медленная музыка, Таня уводила Катю опять за их столик. Кате очень понравился этот новогодний вечер, и очень понравилась ее новая подруга, Таня, которая, как и обещала Людмиле, привезла Катю домой рано утром.

После этой новогодней ночи дни тянулись однообразно, и долгие новогодние праздники превратились в большой ремонт квартиры. Деньги катастрофически быстро исчезали. На душе было очень и очень скверно. Кате хотелось быстрее устроиться на работу и начать новую интересную жизнь. Но жизнь праведная текла по давно написанному кем – то сценарию.

– Так, сколько у тебя осталось денег? – спросила как – то Люда.

– Совсем немного, – ответила Катя расстроено.

– Ну ничего, позвонишь матери, она тебе вышлет на

квартиру. Скоро будешь сама себе хозяйка. Верка звонила вчера, она собирается уже скоро уезжать, так что все будет хорошо.

Наконец – то праздники закончились. Ремонт тоже. «Почему не сделать такие длинные праздники весной? – подумала Катя, – можно было и на рыбалку съездить и сельским жителям в огороде посадить рассаду. А зимой только спиться можно, – делать же нечего!».

– Ура! Хорошо, что завтра, наконец-то, праздники закончатся. Как долго они длятся?! С утра иду устраиваться на работу, – весело сказала Катя.

– Да, но тебе нужно найти прописку сперва, без прописки тебя не возьмут, поэтому лучше сиди, занимайся моими детьми и хозяйством. Купишь квартиру, будет и прописка и работа, подожди еще чуть – чуть, – косясь произнесла Люда.

– Нет, я завтра же пойду искать прописку, может, в частном секторе меня кто – нибудь и пропишет. Я боюсь, что еще неизвестно, когда Вера будет продавать квартиру, да и маму не хочется беспокоить. Хочу сама себе заработать на жилье, – сказала Катя уверенно. – Тем более мы с тобой все уже сделали к приезду Ильи, смотри, какие обои красивые во всех комнатах поклеили.

– Без прописки тебя возьмут только в море посудомойкой, как когда – то меня и твою тетю Галю Снежко, – зло произнесла Люда. – Я вообще – то знала, почему иду в море, мне нужно было замуж выйти, да и молодая была. Мне всего восемнадцать лет было, – добавила она гордо подняв голову. – А ты уже старуха, тебе скоро двадцать шесть, будешь у них у моряков, – подстилкой.

– Нет, не буду, – твердо ответила Катя. – Все от человека зависит, можно быть и замужем подстилкой. В жизни так бывает, когда ничего не можешь достичь сама, тогда выходишь замуж за богатого, состоятельного мужчину и полностью от него зависишь, – выслушиваешь гадости в свою сторону, являешься девочкой для битья, тихо его ненавидишь, а в глаза улыбаешься и поешь ему дифирамбы. И только потому, что пользуешься его благами, а сама из себя ничего не представляешь. Ты просто подстилка, а подстилке нельзя быть ершистой, иначе ты уже не подстилка, а чистилка для грязной обуви. Приходится молчать, – пусть плюют, топчут, чистят обувь, соскребая об тебя грязь. Если грязи наберется много, то тебя выбросят и купят новую чистилку – подстилку, – сказала Катя, рассуждая вслух.

– Нет, я не поняла, – спросила Люда. – Ты кого это имеешь ввиду, не меня ли? Я сама о своего мужа ноги вытираю, хоть у меня нет образования. У меня жизненный университет за

плечами, я его у алкашки за бутылку водки купила. Ты что, забыла?! Он теперь мне весь век благодарен должен быть, что по – человечески живет не в хлеве, а в квартире и жена у него, – хозяйка! Пусть такую еще попробует найти, – опять завела свою пластинку Людмила.

– Нет, что ты. Я тебя не имела ввиду. Ты что за богатого вышла? По расчету? Ты же по любви вышла замуж. За любовью, аж, в море пошла. Трудностей не испугалась. Первый раз пошла, – не того нашла. Второй раз пошла и что нужно нашла. Это твоя судьба и никто ее у тебя не отберет и на себя не примерит. Я говорю о «Вирусе Золушки». Тот его поймает, кто трудностей боится и работать не хочет. Замуж хочет выйти, чтобы ничего не делать: не рожать, не работать, не учиться, а все сразу получить, как в сказке. А в результате получит все – таки работу подстилки – чистилки, – закончила размышлять Катя.

А Люда продолжила размышлять вместо нее.

– Вот и ты пойдешь в подстилки, – сказала она Кате. – Ты точно найдешь себе кого – нибудь из таких. Я в этом не сомневаюсь. Хорошо я тебя здесь на привязи держу. Если бы не я, сидела бы ты, да и терпела бы своего бывшего муженька – алкаша. Ан нет, вон куда от него убежала. Теперь и не достать ему тебя, – зло крикнула Люда.

– Да он вообще думает, что я в Магадане, так что дорога в новую жизнь мне только отсюда. А вот куда меня новая дорога заведет, мы еще посмотрим, рано подводить итоговую черту, – сказала Катя, прямо смотря Людмиле в глаза. – Завтра иду устраиваться на работу и точка.

Глава 13

На следующий день рано утром Катя выбежала на улицу. Ночь была, как всегда, полярная и темная, но уже начинался рассвет. Длился он часа три или четыре, выглядел этот северный день, как первый рассвет взрослой жизни после выпускного школьного бала. Небо начинало играть разноцветными огоньками и так было красиво и необычно, что все люди казались молодыми и счастливыми. Ощущение было такое, что эту морозную свежесть северяне любят очень искренне, потому что радуются румянцу на щеках, как дети. Лица у бежавших на встречу друг другу людей, были приветливые и улыбающиеся. Так и окружающая природа радовалась присутствию бежавших на работу Божьих созданий. Все в жизни гармонично и очень хорошо сочетается с тем, что ее окружает. Единство мироздания сливается в одно целое и дополняет друг друга своей неповторимостью, – человек и природа, человек и вселенная, человек и человек.

«Мы все должны стремиться к чистоте помыслов, потому что мы являемся частицей Природы, да еще и подобием Бога», – думала Катя, улыбаясь прохожим, родным людям…

Перед зданием районо усердно работал дворник. Он разбивал железным ломом лед на дорожке и совковой лопатой отбрасывал его в сторону. Катя подошла к двери, дернула со всей силы, на что дворник ей сделал замечание, что дверь не виновата, что работать все начинают с девяти часов. Катя засмеялась и предложила дворнику помощь, чтобы не замерзнуть. Дед радостно согласился перекурить и поделился с Катей мастер-классом. Катя в короткой дубленке рыжего цвета и точно таких же замшевых сапогах с забранными вовнутрь джинсами смотрелась как модель с обложки мод.

На нее с интересом оглянулся высокий стройный мужчина. На вид ему было лет сорок пять. Он держал в руке журнал «Огонек» и помахал им, приветствуя Катю.

– Что таких дворников – моделей специально набрали в честь приезда Горбачева?

Катя остановилась и с удивлением посмотрела на симпатичного подтянутого мужчину.

– А что Горбачев правда приехал? – спросила Катя удивленно.

– Да, прилетел вчера, грозится полярки снять трудовому пролетариату. А вы из Ставрополя, его землячка, наверное, правильно я догадался, что вы его засланный агент?

Катя засмеялась, оперлась на лопату и внимательно посмотрела на мужчину с журналом «Огонек».

– Я, правда, из Ставрополя, только я не агент, это случайное совпадение, что мы земляки. Я политикой вообще не интересуюсь.

– Ну вот и хорошо. Меня зовут Юрий Саммуилович. А как вас, милая барышня, если не секрет.

– Меня Катя. Катя Воронцова.

– Очень приятно познакомится.

Дверь в районо открылась и оттуда выглянула пожилая женщина. Она громогласно произнесла: «Семеныч, иди двор за зданием расчисть и песочку побольше насыпь, машины буксуют!»

Дворник быстро выхватил лопату из Катиных рук, подхватил лом и захромал в сторону металлических ворот. Он на ходу посоветовал Кате много не болтать, а занять очередь к «конторским крысам», – как он называл работников Районо.

Катя улыбнулась и поспешила ко входу. Юрий Саммуилович открыл перед нею дверь и протянул ей свою визитку.

– Обращайтесь, Катюша, если что, всегда помогу!

Катя улыбнулась новому знакомому, и кивнула в знак согласия.

– Спасибо, рада знакомству.

– Я тоже. Вы как глоток свежего воздуха.

Мужчина подмигнул Кате и быстро пошел к лифту.

Катя отсидела огромную очередь и, зайдя в кабинет к инспектору, услышала то, что и ожидала, – «Места у нас есть, но необходима прописка. Как только вы пропишитесь, мы вас с удовольствием возьмем.

«Так, значит, следующим этапом в моих поисках, – будет прописка», – подумала Катя и тут же, выйдя на улицу, спросила первого попавшегося прохожего: «Вы не подскажите, как проехать в частный сектор, в район, где есть собственные дома?».

Самое интересное было то, что люди совершенно незнакомые, с добрым участием подходили и дружно советовали, как лучше туда добраться, каким троллейбусом, на каком автобусе проехать в тот или иной район. Катя быстро записывала информацию, ловя каждое слово прохожих, и ее очень радовало, что северяне такие отзывчивые люди. Каждый хотел как можно больше рассказать о старых районах своего любимого молодого города. Они с такой любовью говорили, что город, хоть и совсем юный, но имеет свое лицо и с такой гордостью делились впечатлениями о старых районах, с которых начинался Мурманск.

Сев на нужный троллейбус, Катя поехала изучать свой новый, но уже любимый ею город, – такой родной и близкий ей по духу. Объявили нужную остановку и Катя с легкостью выпорхнула в морозную свежесть рассветного дня.

Город тянулся вдоль залива и располагался на сопках, – на длинных ступеньках каменного царства. Старый район города очень отличался от современных новостроек. Настилы были деревянные и подниматься нужно было все время по узкой, деревянной лестнице с перилами. Ощущение было такое, что Мурманск – это высокая пирамида и районы располагались несколькими ярусами.

Катя поднималась все выше и выше, как – будто взбиралась ближе к солнышку, чтобы погреться в его ласковых лучах. Она остановилась, чтобы перевести дыхание. Чем выше поднималась Катя, держась за перила, тем больше воздуха ей не хватало.

«Полярки, ведь, не просто так платят, – подумала Катя, – наверное, за вредность, за то, что кислорода нет. А Горбачев их снять хочет, как Юрий Саммуилович сказал, – с трудового пролетариата», – улыбнулась Катя, вспомнив нового знакомого.

Вдруг какая – то невиданная сила ласково взяла ее за плечи и нежно заставила оглянуться назад. Девушка замерла от увиденной картины, она оцепенела и не смогла сделать ни одного вдоха. Катя стояла, сраженная наповал, увиденным, – в красном зареве природной иллюминации, отражающейся на воде залива, в один ряд стояли красавцы пароходы. Белоснежные, гордые и необыкновенно красивые своей величественной силой. Корабли являлись мощными защитниками своего Отечества во все времена. Они гордились своей исторической жизнью на воде. Никогда не пасовали в шторм. Не боялись опасности поджидающей стихии. Шли смело навстречу неизвестности. Сколько бы красивых историй они могли рассказать, если бы умели говорить! Но своим громким молчанием белые корабли кричали Кате: «Иди вперед, ничего не бойся! Мы защитим тебя, мы всегда будем с тобой, ты – сильная, у тебя все получится!».

Набрав полную грудь свежего воздуха, Катя смело шагнула вперед, но еще и еще раз поворачивалась, любуясь своими новыми друзьями. Спокойно и радостно стало на душе и Катя подумала: «Господи, да ради того, чтобы увидеть такую красоту, стоило жить и какие же все – таки здесь люди приветливые и красивые. Вот и этот мужчина, Юрий Саммуилович, что визитку дал очень внимательный и добрый!».

Катя достала визитку из кармана дубленки и прочла: «Инструктор райкома партии».

А в это время этот самый мужчина с журналом Огонек, Юрий Самуилович, – инструктор райкома Партии, – вышел из здания районо и переходил проспект Беринга. Он даже не заметил, как это произошло. Но на него с огромной скоростью налетела иномарка. От удара мужчина упал на асфальт, скрежет тормозов

и двое здоровенных мужиков, выбежавших из машины, наклонились над телом. Они увидели, что мужчина не дышит, испугались, оглянулись по сторонам, – на улице было пустынно, никого не было. Водитель иномарки и его пассажир схватили тело потерпевшего, быстро забросили его в машину, резко рванули с места преступления и удалились в сторону выезда из города.

В лесу они достали тело из машины, быстро облили его бензином и подожгли, чтобы замести следы. Затем, когда все сгорело, собрали все в мешок и даже подмели за собой.

– Нету тела – нету дела, – сказал один из них, оглядываясь по сторонам. – Чистая работа, поехали.

И они поехали дальше по своим делам. А сколько вот так пропадает без вести людей. Никто не знает, где их искать. Был человек и вдруг потерялся. Что случилось? Куда исчез? Родные ищут и не могут найти. И всю жизнь ждут, что человек вернется. Ведь надежда, – это все, что у человека остается.

Но Катя ничего этого не видела и не знала, что произошло с ее новым знакомым, она подходила к деревянным домам старого района, и отметила про себя, что покосившиеся избы говорят уже о совершенно другой жизни. Холод какой – то пустоты, чего – то мертвого и страшного пробирался в Катину душу. Казалось, люди здесь никогда не жили. Ничто не говорило о присутствии живых существ на этой обетованной земле. Тяжело висела пугающая тишина.

«Здесь точно живет дьявол», – подумала Катя и робко постучалась в первую попавшуюся дверь.

Тишина становилась зловеще – звенящей и начинала пугать девушку еще больше. Через некоторое время, она услышала какой – то непонятный звук, напоминающий завывание скрипящих полов, услышала шаркающие шаги и тяжелую поступь уже отжившего свой век человека. Дверь открыло что – то отдаленно похожее на мужчину или женщину; пол рассматривался с трудом. В грязном замусоленном платке это «нечто» сказало скрипучим прокуренным голосом:

– Чего стучишь, заходи. Ты откуда такая чистая и пахучая? Выпить принесла? Можно без закуси. Прищурившись и наведя резкость, это «нечто» внимательно смотрело на Катю:

– А сколько же тебе лет, красавица? – спросила бабушка изрядно под хмельком и с трясущимися руками.

– Мне двадцать пять лет, – ответила Катя, вздыхая.

– Надо же, моя ровесница! – удивилась старуха. – А какое сегодня число? Год я знаю какой. Не совсем мы тут потерянные. Иногда менты напоминают, достали уже своими вопросами, –

когда на работу устроишься, когда пить бросишь? А кто пьет? Сами во сто раз больше нашего бухают, а нас за людей не считают. Я что – то не пойму, ты бутылку принесла или нет? Да и вообще ты по какому делу? Из собеса что – ли или инспектор по делам несовершеннолетних? Так я тебя сейчас как попру, – закричала, замахиваясь на Катю, двадцатипятилетняя бабушка. – Касатиков моих у меня поотобрали, материнства меня лишили, за что спрашивается? Нет правды на земле! Запомни, дрянь, они все равно меня не бросят, дети мои. Убегут с вашего приюта и к мамке родной вернутся. Им же свобода нужна, сволочи, а вам бы задавить всех, растоптать, все у меня забрали. Да я, – капитанская дочка бывшая. И муж у меня капитан, вон там спит. Хочешь и ты с ним ложись. Только на бутылку дай, я не жадная, по тебе вижу одинокая ты. Ему налей, он тебя так оприходует, век помнить будешь, а понравится и жить у нас останешься.

– Нет, спасибо большое, – сказала Катя. – Только я не пойму никак, почему вы здесь, в таком красивом месте, не живете? Вы умерли все давно. Вас нет. А посмотрите вон туда, на белые чистые пароходы. Видите, какие они красивые! Вот они, – живые! Вы ведь все равно ничего вокруг себя не видите, значит не живете вовсе.

– Мы свое отжили, тебе и не снилось, – возмутилась молодая бабушка! – Знаешь, какие он деньги зарабатывал?! А какая квартира у нас была в центре города?! Просто деньги нам нужны были, вот и продали, а эту купили. Да на хрена нам красота твоя, насмотрелись вдоволь. Ты чего лечишь меня красотой какой – то? Ты лучше подруга на бутылку дай, я тебе такую красоту покажу, – уже умоляюще произнесла хозяйка покосившейся избы.

– Да, нет у меня денег и красоты мне вашей не нужно. Не дай Бог так заболеть! Посмотрите, пожалуйста, на себя в зеркало, ровесница. А потом выйдите и посмотрите на друзей своих, вон там в зареве вашей молодости, – показала Катя на залив. – Сколько они, эти белые корабли – красавцы, пережили, а не сломались как вы. Стоят с гордо поднятой головой и им не стыдно за свою прожитую жизнь.

Катя повернулась и молча пошла дальше по грязной деревянной улице, даже не попрощавшись с новой знакомой. Она еще долго слышала в свой адрес какие – то нелестные вещи и единственно правильное слово, которое кричала бабушка в грязном платке, – «Подумаешь, учительница, нашлась, еще учить жить меня будет!»

Как ни странно, но в каждом доме, Кате слышалась ругань, пение или плачь. Вся эта вакханалия наводила на мысль, что здесь живут люди с другой планеты. Катя грустно проходила от

избы к избе и понимала, что в этом районе, ей почему – то не хочется прописываться.

В унисон ее настроению очень резко испортилась погода: задул сильный, порывистый ветер, мгновенно небо стало черным, скрылись ее друзья – пароходы в каком – то зловещем смоге. На лестнице, из темного облака, вдруг показался белый мятый костюм и такая же морская фуражка, слышно было, что кто-то поет песню: «Капитан, капитан, улыбнитесь, ведь улыбка это флаг корабля, капитан, капитан, подтяните…».

Последнее слово оборвалось, и капитан, поднимающийся по лестнице навстречу Кате спросил: «О, привет, красавица, выпить хочешь?».

– Спасибо, я не пью, – ответила Катя, рассматривая помятого капитана, который шел с дипломатом в руках ей навстречу.

Капитан прижался к перилам, чтобы ее пропустить вниз и внимательно ее рассматривал.

– А зря, у нас могло быть столько общего! – произнес Капитан, улыбаясь.

– Что у вас здесь весь район пьяный? – спросила Катя с трудом держась за перила.

– Нет, это у нас душа у всех пьяная, – философски заметил он, прижимаясь к перилам, чтобы пропустить Катю, – иногда это очень спасает, – добавил он.

Катя прошла мимо капитана, едва разминувшись с ним, потому что лестница была очень узкой. В лицо ей ударил запах перегара. Катя отвернулась, схватилась за перила и побежала вниз. В спину ее толкала все та же невидимая сила. И это был знак Свыше, чтобы Катя быстрее покинула это дьявольское место. Подбежав к остановке, Катя быстро запрыгнула в троллейбус и поехала в центр города. В салоне она была одна. Водитель странно посмотрел на Катю, испуганно спросил: «Ты что прогноз погоды не слышала? Штормовое предупреждение было! Я в парк, я больше никуда не поеду».

– А какая следующая остановка? – спросила Катя.

– Детский мир, – грозно произнес водитель троллейбуса. – А следующая, – парк».

«Возле Детского мира живет Вера, – вспомнила Катя. – Наверное, и правда, лучше занять денег у мамы и купить квартиру, устроиться на работу, да не на одну, а лучше на три и отдать маме быстро долги. Ладно пойду к Вере, поговорю с нею, раз троллейбус больше никуда не идет. И что этот водитель так испугался этого штормового предупреждения?»

С этими мыслями она приехала к магазину «Детский Мир», единственный ориентир, который она помнила, когда Люда ее

водила к Вере смотреть квартиру. Той самой Вере, которая хотела уехать из Мурманска после смерти мужа и срочно продавала квартиру. Правда это было уже три месяца назад, но Людмила говорила, что Вера собирает какие-то документы для продажи. Катя решила сама поговорить с нею о цене и спросить ее, как быстро будут готовиться документы.

Объявили остановку, Катя вышла и ужаснулась. На улице было совсем темно. Ветер так завывал и сбивал с ног, что можно было подумать, что ты оказался в преисподней. Видимость была такая, что Катя, протянув вперед руку, ее уже не видела. Девушка вообще никогда ничего подобного не испытывала. Она не знала, – в каком направлении ей двигаться. Она была в плену у стихии. Ее вдруг подхватили грубые потоки холодного ветра и понесли куда – то прямо.

«Боже мой, – подумала Катя, – как резко здесь меняется погода! Только что светило солнце, не было ни единого дуновения ветра и вдруг внезапно стало совсем темно и налетел снежный ураган.»

Фонари никак не могли пробить своими лучами света плотную пелену завывающего ветра.

«У-у-у,» – протяжно завывало со всех сторон. Провода обледенели искрились на черном небе. Было жутко очень. Казалось, что все собаки города выли одновременно Столбы так и стояли белым пятном среди белоснежного вихря. Очень сильно сбивало с ног и ничего не было видно вокруг, даже в десяти сантиметрах от себя. Странные, зловещие завывания и слепящая черная буря закручивала тебя, пытаясь станцевать с тобой свой последний «Прощальный вальс».

Снежный шторм зловеще закручивал Катю и пытался уложить ее в сугроб замерзать. Порывы ветра были настолько сильными, что просто невозможно было устоять на ногах. Ничего не было видно и никого не было слышно, кроме воя ветра. Кате показалось, что она одна во всей Вселенной, она совершенно одна в открытом океане жизни и навсегда сбилась с пути. Кате было очень жарко от того, что она с силой преодолевала шаг за шагом, пробираясь через мощную стену снега, выставив руки вперед, как слепая. В лицо стучались мелкие, острые иголки льда. Было очень больно, неприятно и главное, – панически страшно, потому что она не знала, куда идти и что ее ждет впереди? Опять Катю схватили очень сильные порывы ветра, крепко обняли и понесли в неизвестном направлении.

Со своей способностью ориентироваться на местности, Катя могла потеряться даже во дворе собственного дома. Она знала, наверняка, что теперь никогда не найдет, где живет Вера, тем

более, что была у нее всего один раз. Девушка окончательно поняла, что заблудилась и уже никогда не выберется из снежного плена. Катя хотела повернуть назад и поехать к Людмиле, но уже вообще не знала, где находится, куда ей идти и боялась только одного, – замерзнуть где – нибудь в сугробе.

Катя слышала от Людмилы много страшных историй о том, как утром находят в городе много замерзших людей, после такой метели. У Кати началась паника, – сердце билось в бешеном ритме, не хватало воздуха, слезы текли горячей струйкой по щекам и тут же замерзали.

«Очень не хочется умирать такой молодой», – плакала Катя.

Она вдруг расслабилась и отдалась вся на волю стихии. Ее подхватил знакомый друг, – северный ветер и потащил прямо по дорожке. Катя больше не сопротивлялась и от этого почему – то сразу успокоилась и закричала в темноту:

– Родной мой, любимый город! Я тебе доверяю! Ты не оставишь меня! Ты не обманешь меня! Ты поможешь мне!

Неожиданно перед Катей что-то мелькнуло вдалеке: замигали светлячки окон, показался силует многоэтажного дома.

«Нужно идти туда, там есть подъезд и можно будет переждать ураган», – подумала девушка, ускоряя шаг, преодолевая и толкая впереди себя снежную стену. Катя немного успокоилась и уверенно направилась в сторону светящегося дома. Самым странным было то, что двор ей показался до ужаса знакомым. Казалось, что давным – давно, она уже была здесь.

«Может быть, даже в другой жизни?» – пронеслось в голове у Кати. Она подошла к первому подъезду, нащупала дверь, которая не была закрыта, не было на ней кодового замка.

«Вот и слава Богу! Хоть согреюсь», – подумала Катя и стала откапывать дверь от снега.

Когда она зашла в подъезд, руки кололо острыми иголками, как будто, она их облила кипяченной водой. Катя заплакала от боли, подышала на свои руки, увидела батарею, подбежала к ней и приложила к ней свои ладошки. Постояв немного, оглядевшись вокруг и отдышавшись, Катя посмотрела по сторонам и ей вдруг показалось, что именно здесь они с Людой и были.

«Хотя не может быть, – подумала она, – все подъезды похожи друг на друга. Совпадений таких не бывает. Неужели мой новый друг Ветер, привел меня куда нужно. – Мне кажется, и дверь была такая,» – сказала она вслух, продолжая общаться с Ветром.

Набравшись смелости, Катя робко позвонила в дверь квартиры и вдруг, о чудо! Дверь открыла Вера.

– Господи, Катюша, ты откуда в такую погоду? Ты разве не слышала, сегодня с утра передавали штормовое предупреждение?

Люда мне еще с утра позвонила и сказала, чтобы я никуда сегодня не выходила. Ты же знаешь она всегда радио по утрам слушает и знает все сводки синоптиков. Как она могла тебя отпустить в такую погоду? Катя, ты не должна так рисковать собой, а Людмила знает, что ты ко мне пришла, почему она тебя отпустила? – спрашивала Вера удивленно, снимая дубленку с Кати.

Помогая ей раздеться, Вера все время поворачивалась к кому – то на кухне и говорила:

– Валера, срочно неси сюда водку и закуску, будем оттаивать нашу замерзшую южанку.

– Вера, я к тебе пришла потому, что хотела узнать, как у нас дела с продажей квартиры? – сказала Катя счастливая, что не замерзла и нашла Веру.

– Какой квартиры, Катюша? – удивленно переспросила Вера. – Я же сразу Людмиле позвонила, еще месяца три назад, у меня же планы поменялись, я вышла замуж, вон Валера, мой муж, мы с ним по объявлению познакомились, тебе, что Людмила ничего не сказала? – с ужасом в глазах спросила Вера.

– Нет, ничего не сказала, – грустно ответила Катя.

А про себя подумала, – «Зачем Люда так жестоко меня обманула?».

Вера с Валерой были замечательной парой. Им было около шестидесяти лет. Люди они были светлые. И видно было, что в их семье царит любовь. Линда, собака Веры, и ее верный друг, породы Коли, одобряла выбор хозяйки и весело махала хвостом, сидя рядом с новым хозяином. Пожилые молодожены пытались развеселить Катю, успокаивали ее. Они были счастливы и этим счастьем хотели поделиться с нею. Катя от души радовалась за них. Они ели фирменные и очень вкусные Верины ватрушки с клюквой и пили горячий чай.

– На ночь мы тебя разотрем еще раз водкой. Жить будешь у нас, пока погода не установится. Люде я позвоню и предупрежу ее, что ты здесь, чтобы она не волновалась, а сейчас в ванну отогреваться – сказала Вера, нежно обнимая замерзшую гостью.

Катя вообще ничего не хотела слышать о Людмиле. Она лежала в горячей воде и отогревала в ванной свои воспоминания: Катя вспоминала, как Люда сегодня утром говорила ей, что Вера обещала продать Кате на днях квартиру в рассрочку, что обещала прописать Катю у себя перед отъездом. Она вспомнила, как убеждала ее Люда, что нужно еще немного подождать, не торопить Веру с отъездом. Катя проанализировав все это, поняла, что Люда все это время обманывала ее, чтобы Катя не смогла устроиться на работу. Катя никак не могла понять, – зачем ей это

нужно?

– Валера тоже одинокий, вдовец. Детей нет, – продолжала рассказывать Вера о новом муже, когда та вышла из ванной. – Очень хороший человек: не пьет, не курит, меня очень любит. Нам с Линдой теперь не страшно. Мы теперь под мужским присмотром. И, ласково поглаживая руку мужа, Вера нежно добавила: «Одной плохо Катя, это точно. Тебе тоже нужно познакомиться с хорошим мужчиной и выходить замуж. И никогда не вздумай делать аборт. А то все у нас хорошо. А по – молодости я совершила глупость и навсегда осталась без детей», – сказала она печально, – «Вот Людмиле Бог дал детей, а я в прошлой жизни, а может уже и в этой нагрешила, наверное, много, мне и не дал.»

Услышав о Людмиле, Катя подумала, что будет не очень хорошо, если ее не предупредить и сказала:

– Вера, давай все – таки позвоним Людмиле, она, наверное, переживает за меня.

– Не волнуйся, – перебила ее Вера. – Я уже ей позвонила, пока ты в ванной отогревалась и выслушала от нее кучу гадостей по поводу и без. Так что не бери в голову, ложись спокойно спать, а завтра от нее получишь свое. Я свое уже получила сегодня. Ты же знаешь, какой у нее характер!

– Господи, Бог все – таки точно есть! Бог есть – это точно! – говорила Катя, теребя Веру за рукав халата. – Я до сих пор не верю, что это Бог меня к тебе привел. Вот всегда так. Он показывает нам свои чудеса, а мы не верим. Ты знаешь, ветер меня подхватил, я хотела в другую сторону пойти, но ветер меня толкал именно в твою сторону и привел меня к тебе. Многого я еще не понимаю из того, что со мной происходит в Мурманске. Мне нравишься ты, Вера, мне нравится этот город, – такой ласковый и такой грубый, такой сильный и такой нежный, нравится такой, какой он есть. Я буду здесь жить и у меня все получится! Я верю, я знаю, несмотря ни на что, несмотря ни на какие сюрпризы, которые мне этот город преподнесет, я буду любить Мурманск, – рыдая, произносила клятву самой себе и городу Катя.

На следующий день Вера сказала Кате, что звонила Люда рано утром и сказала, что не держит на Катю зла, что она посоветовала ей съездить в центр города в старый район, где точно можно найти прописку.

– Есть такой район, о котором говорит Людмила, он находится в центре города, старый район, там есть частный сектор, – объясняла Вера. – Он не такой заброшенный, где ты была вчера. Там живут приличные люди, считай что старожилы

Мурманска. У них там частные большие дома. За деньги они смогут тебя прописать. Алкоголиков там поменьше. Хотя алкаши – это бич всех портовых городов. Очень многие люди спиваются, кто – то не выдерживает большого количества денег, кто-то не может себя найти и реализовать, а кто – то просто уже поймал ген алкоголизма и несет его как тяжкое наследие. Правильно Людмила говорит, что там можно прописаться за небольшие деньги, – повторила Вера. – Ты попробуй, Катенька, поезжай туда, – посоветовала ей Вера.

Утром погода пела счастливую песню спокойствия и стояла такая тишина, что можно было подумать, что вчерашний день был просто кошмарным сном. Ничто не напоминало о вчерашней метели, кроме огромных сугробов, которые подпирали дома под самые крыши. Работа по уборке снега и вывоз его за пределы города, не прекращались ни на секунду. Весело собирая снег, журчали двигатели снегоуборочных машин, возле домов суетливо размахивали лопатами дворники и счастливые люди опять торопились по своим делам.

Катя пробиралась в лабиринте очищенных тропинок в старый элитный район города. Проблема Кати была в том, что она была замужем и в паспорте у нее стоял штамп о бракосочетании с бывшим мужем. По закону если прописывать Катю, то нужно было прописывать всех, кто записан у нее в паспорте. Детей от первого брака у Кати не было, а вот муж, Роман Воронцов, – в паспорте значился. Он ей развода не хотел давать категорически, поэтому ей пришлось уехать без расторжения брака. Чтобы прописать Катю, нужно было прописывать вместе с нею и несуществующего мужа. Искать нужно было большой частный дом, чтобы хозяева смогли прописать сразу двоих. В старом районе города, Катя обошла все дома в округе. Переговорив со множеством людей, она соглашалась на любые условия хозяев. Катя обещала арендаторам, что она в законодательном порядке оформит документы, которые подтвердят, что она не будет претендовать на жилплощадь. Люди соглашались, но как только узнавали, что она замужем, тут же ей отказывали в прописке. Совсем потеряв всякую надежду, Катя едва брела, утопая в белом, пушистом снегу, падая от усталости. Оставался последний дом, в который она не постучалась. Катя совсем уже отчаялась и не знала, что ей дальше делать. Совсем не хотелось возвращаться на юг. Она уже была безнадежно влюблена в эту бескрайнюю красоту под названием, – «Север».

Раскрасневшаяся и уставшая Катя подходила, вернее пробиралась к очередной калитке. Во дворе возился с машиной мужчина средних лет, коренастый, невысокого роста. Одет он был

в кожаную офицерскую дубленку, из-под шапки выглядывали темно – русые волосы, черные как смоль глаза внимательно рассматривали девушку, помешавшую ему счищать снег с его любимого белого Джипа. В каждом движении этого человека, чувствовалась уверенность в себе и какое – то высокомерие к окружающему миру.

– Извините, пожалуйста, – сказала Катя уставшим голосом. – Вы не могли бы мне ответить на такой вопрос, – я ищу прописку, заплачу любые деньги, дело в том, что я нашла работу в школе, а без прописки меня не берут, не смогли бы вы меня прописать? – спрашивала Катя, произнося заученную фразу, которая подразумевала один и тот же ответ, – «нет».

Мужчина, не дав Кате договорить, сказал ей громким офицерским голосом:

– Заходите, поговорим!

Катя уже ни на что не надеявшаяся, вдруг почувствовала, что этот человек может ей помочь. Она оживилась и уже смелее и веселее зашла в дом, который показался ей очень странным. Во – первых, он не был похож на жилой дом. Во – вторых, в комнате стояли какие – то станки, лежало оборудование в упаковках, топилась деревенская печь и стоял ужасный запах нафталина. В – третьих, в углу лежали какие – то мешки, набитые свиной щетиной в бобинах.

– Да не бойтесь вы меня, – проговорил мужчина, улыбаясь. – Мне кажется, я вам смогу помочь, а вы, – мне, – как – то странно посмотрев на девушку, произнес офицер. – Дело в том, что у меня кооператив. Мы делаем кисти для покраски из натуральной свиной щетины.

«Сон в руку, – подумала Катя, – этот странный сон про двух свиней, который ей снился перед отъездом и который ее постоянно преследует каждую ночь. Господи! Что все это значит? Как жаль, что я не могу знать свою судьбу наперед», – подумала испуганно Катя.

– Да не бойтесь вы так. Ничего страшного здесь нет.

– А я и не боюсь совсем, – сказала Катя уверенно. – Только я не пойму, каким образом, вы сможете мне с пропиской помочь? – спросила Катя осторожно.

– Я, хозяин этого дома, и я вас пропишу здесь, – успокаивал Катю новый знакомый.

– Ой, как хорошо! – засияла Катя. – А я уже и надежду потеряла, что у меня, что – либо здесь получиться. Спасибо вам большое. Только я с печатью в паспорте, что я замужем, ну, там проблемы могут с пропиской возникнуть. И еще мне работу дают в школе, поэтому мне очень нужна прописка. Вы и правда мне

поможете? – защебетала Катя.

– Да, – твердо сказал мужчина. – Помогу, можете не сомневаться.

Новый знакомый показался Кате очень серьезным человеком и почему – то внушал ей доверие.

– Но я вам предлагаю еще один вариант, – произнес он. – Вы будете уже с завтрашнего дня работать здесь и без прописки. Пока мы вам ее сделаем, вы сможете здесь зарабатывать намного больше, чем в своей школе. И если вам понравится и у вас будет получаться, вы за три месяца заработаете себе на машину или на квартиру, – сказал мужчина уверенно.

– Я что – то не совсем понимаю, что мне нужно делать? – с опаской спросила Катя.

– Ничего страшного здесь нет. Вы будете сидеть на одной из операций. Например, набивать щетиной флейцы. Флейцы – это вот такие железные штучки, – и мужчина показал Кате металлическую коробочку, заклепанную с двух сторон. – Или клеить ручки уже к набитым флейцам. Короче, как вам будет угодно. А за каждую набитую кисть я вам буду платить наличными. Вы будете на сдельщине, сколько сделаете, – столько и заработаете. Зарплата каждодневная, – сказал мужчина, улыбаясь. – Я так понимаю, что вам очень нужны деньги, – добавил он.

– Да, очень нужны. Спасибо большое, – сказала Катя. – Лучшего варианта и представить нельзя. Я, конечно, согласна и с удовольствием приступлю к работе хоть сегодня. Если честно, я никакой работы не боюсь, я постараюсь, чтобы у меня все получилось. Вас мне точно Бог послал, спасибо большое, – сказала радостно Катя.

– Ну что по рукам. Вы мне хорошую работу, а я вам прописку, идет? – спросил весело мужчина.

– Конечно, идет! – ответила радостная Катя. – Я честно сказать думала, что мне сегодня точно уже не повезет. Спасибо вам большое, – добавила она, протягивая ему руку в ответ.

– Да, кстати, меня зовут Игорь Сергеевич, а вас как, милая барышня? – спросил офицер кокетливо.

– Меня Катя, Екатерина Евгеньевна Воронцова, – сказала Катя, серьезно, чуть не добавив год рождения, число и месяц.

– Вот и отлично! Я бывший офицер – подводник, сейчас занимаюсь бизнесом. В общем, я – пенсионер. Но как видите молодой пенсионер, – сказал Игорь Сергеевич, улыбаясь.

«Офицер – подводник?! Я все – таки почти тоже физиодиагностик, как Наталья Владимировна и Михаил с питерского аэропорта, – подумала Катя. – Я сразу поняла, что он

офицер. Белые корабли в алом зареве, стоявшие в ряд, дали наконец – то о себе знать. Они тогда так красиво стояли в заливе и обещали мне помочь. Они все – таки сдержали свое слово офицера и помогают мне теперь. Спасибо вам большое!» – улыбаясь, подумала Катя.

– Катя, подойдите сюда, пожалуйста, – прервал ее воспоминания Игорь Сергеевич.

– Попробуйте взять чуть – чуть щетины из бобины и аккуратно просуньте ее вот в этот жестяной каркас. Так, рассыпается. Ну – ка, попробуйте еще раз, держите крепче щетину и резче засовывайте. Не бойтесь, вот так. И мужчина уверенно проделал операцию.

Катя постаралась повторить все за ним. Немного щетины просыпалось, но большую часть ей удалось туда заправить.

– Катя, а у вас неплохо получается с первого раза, – похвалил ее Игорь Сергеевич.

– Можно я еще попробую? – попросила Катя. – Вы знаете, мне даже нравится. Я думаю, у меня получится. Теперь главное руку набить. Но здесь уже практика нужна, и, конечно, скорость, – размышляла Катя вслух.

– Да, ты молодец, хваткая. Такими темпами ты на квартиру раньше заработаешь, чем я тебе прописку сделаю, – сказал он смеясь, переходя на «ты».

– Игорь Сергеевич, вы еще ко всему и психолог. Только вы меня так не обнадеживайте, а то я могу и без выходных и без перерыва на обед работать, если у меня будет получаться и мне это будет очень нравится. Я буду очень много работать, тем более, что есть стимул, – квартира, – сказала Катя, довольная своей работой. – Я хочу остаться жить на севере.

– А вы где, Екатерина Евгеньевна, живете в Мурманске? – спросил Игорь Сергеевич.

– Я живу в новом районе, – сказала Катя грустно.

– Вот это совпадение и я там же. Давайте, я вас подвезу домой, а завтра к девяти я жду вас на работе, договорились?

– Договорились. Спасибо большое, Игорь Сергеевич, мне правда не верится, что я завтра начну зарабатывать деньги.

– Верьте, верьте. Именно завтра. Оплата каждый день за сделанную работу.

«Какой хороший человек мне встретился и серьезный и бизнесмен, настоящий офицер. А машина какая у него! Да на таком Джипе я никогда не ездила, – думала Катя, сидя в машине, и разглядывая бежевый кожаный салон, – значит, дела у него идут хорошо, и он мне обязательно поможет с пропиской. Все складывается очень даже замечательно. Север меня принял и

хочет оставить. Ура! Домой не придется возвращаться! Никита, наверное, очень расстроится. Сегодня сяду и напишу всем письма, похвастаюсь, – решила Катя.»

И счастливая стала рассматривать красивый город Мурманск из окна дорогого автомобиля.

«Такой далекий и родной. Такой близкий и далекий. Люблю тебя, Север! Люблю безгранично. Люблю в тебе все!» – признавалась в своих чувствах к городу Катя.

Игорь Сергеевич показывал Кате свой Мурманск. Он провез Катю по новым незнакомым улицам и подробно рассказал о достопримечательностях северной столицы. Работодатель и новый работник разговаривали уже как старые знакомые. Работа в редакции дала о себе знать: Катя очень быстро шла на контакт, могла поддержать любую беседу и, как ей все говорили, с нею было очень легко общаться. Новый знакомый тоже оказался разговорчивым мужчиной, но в отличие от Кати больше задавал вопросы, чем отвечал на них. За короткую дорогу, от частного сектора до Людиного дома, Игорь Сергеевич уже почти все знал о Кате. Он расспрашивал ее, – из какой она семьи, есть ли дети, где работала? Катя подумала, что так и должно быть, человек берет ее на работу с улицы, в прямом смысле, поэтому ему нужно знать о своем работнике все. Попрощавшись, Игорь Сергеевич предложил Кате заехать за нею завтра в половине девятого утра, чтобы та не опоздала на работу. Катя с радостью согласилась и они договорились встретится на этой же остановке…

Глава 14

В кабинете Федеральной службы безопасности в городе Пятигорске посредине находился стол буквой «Т», за ним сидел седовласый мужчина в форме генерала. В дверь осторожно постучались, и в кабинет, освященный ярким солнечным светом, вошел Яков Саммуилович Гельштейн, – в форме подполковника. Тот самый мужчина, который познакомился с Катей возле районо и которого почему-то звали в тот момент, – Юрием Саммуиловичем. Возможно это был другой человек, но очень похожий на него. Да, это был его брат близнец.

– Здравствуй, дорогой, проходи, – произнес генерал, протягивая ему руку. – Ну что ж одна надежда на тебя, Яков.

– Здравствуйте, что на этот раз? – улыбнулся Яков Саммуилович.

Генерал взял со стола пачку фотографий и протянул их Якову.

– Вот, полюбуйся, нарушка шла за ним попятам.

Яков посмотрел на снимки, – на фотографиях красовался мужчина с журналом «Огонек» в руках. Яков Саммуилович побледнел, бровь дернулась. Он внимательно рассматривал фотографии, перелистывая одну за другой.

– Я тебя понимаю, второй раз потерять брата, – это нелегко. Как видишь, твой брат– близнец, не погиб в Афганистане, а был смотрящим города Москва. Лег на дно в Мурманске, долго мы его искали, а он спокойно работал инструктором райкома партии у нас под носом. И вот, когда он был на крючке и мы почти вышли на след Дядюшки, у нас на глазах его сбила машина. И эти отморозки, чтобы скрыть следы преступления, сожгли его тело в лесу. Видишь, фото, даже следов не оставили, все подмели, в прямом смысле, – подчистую. У наших ребят был приказ не высовываться ни при каких обстоятельствах, чтобы не спугнуть более крупного зверя.

– Получается Дядюшка не он, как мы предполагали?

– Да, кто-то другой. Через него мы должны были выйти на Дядюшку. Но не успели. Сегодня ночью переправляем тебя в Мурманск. Сутки на ознакомление дела. С завтрашнего дня, ты не Яков Саммуилович, а Юрий Саммуилович Гельштейн.

Генерал подошел, обнял Якова по-дружески.

– Яша, я тебя очень прошу, – найди Дядюшку! Ребят жалко, столько времени потеряно. Одна надежда не тебя. Наберешь группу из местных. Работать будешь на Севрюка Игоря Сергеевича. Присмотрись к нему повнимательней. Опыт у тебя

большой, справишься.

– Служу Советскому Союзу, – отрапортовал Яков Саммуилович, взял папку и вышел из кабинета.

А в это время счастливая Катя, попрощавшись с новым работодателем, забегала в квартиру к Людмиле и спешила сообщить радостную новость, что у нее все получилось.

– Люда, я нашла работу и прописку! – с восторгом делилась впечатлениями Катя о своей удачной поездке, когда вошла в квартиру.

Но Люда была такой разъяренной. Она ничего не хотела слушать. Она кричала так, что дрожали стены всего девятиэтажного дома:

– Ты че, сволочь, себе позволяешь?! Шалава! Дома не ночевала! Я твоей матери уже телеграмму отправила, что ты здесь проституцией занимаешься!

– Люда, ты что такое говоришь? Я попала в снежную бурю и ночевала у Веры. Она же тебе звонила, а утром я опять пошла искать прописку и нашла. А зачем ты мне соврала насчет квартиры? Ты же давно знала, что Вера ее больше не продает. Я потеряла столько времени! Я бы давно уже работала. А ты меня убеждала каждый день, что Вера мне продаст квартиру, что она документы собирает, а сама прекрасно знала, что нет никакой квартиры, – говорила Катя, глядя в лицо обманщице.

Но в глазах Людмилы была одна черная темная наглая пустота. Катя будто летела в пропасть, глядя в них и ей стало очень страшно.

– Закройся, шалава! Ты бы работала на панели, если бы я тебя не подобрала. А стоило чуть поводок отпустить, ты побежала трахаться, проститутка. Я твоей матери так и сказала: «Ей башку оторвут, я за нее отвечать не собираюс!ь», – продолжала раздраженно кричать Люда.

– Господи, как ты можешь так говорить? – спросила Катя чуть не плача и вдруг заметила, что из комнаты выходит муж Людмилы, – Илья.

«Вот для чего ей нужен такой концерт!» – подумала Катя.

– Илюша, посмотри на эту дуру, – произнесла Люда, смеясь. – Какой – то лопух ей навесил на уши, что она будет бешеные деньги получать. Представляешь, она сказала, что будет получать больше, чем ты в море. Вот идиотка! А еще с образованием, шалава подзаборная. Вот увидишь, мать сейчас приедет и увезет тебя с позором в твою деревню. Надо же, стерва, и Верку нашла. Посмотри на нее, я ее специально держала на привязи, чтоб не скурвилась. А она первый день на улицу вышла и уже мужика

подцепила, – зло закричала Люда.

– Я тебя очень прошу, Люда, прекрати, пожалуйста. – Я сейчас же уйду, я все понимаю, у тебя муж с моря пришел, я помню наш разговор, – сказала Катя, собирая вещи.

– Еще чего?! Уходить она собралась. Мать приедет, тогда и вали, куда хочешь. Муж мой «по зеленке» пришел, заправятся соляркой, а завтра обратно в море уйдут. А в данный момент, я за тебя ответственность несу перед твоими родителями, поняла?!

– Да что мне два года что – ли? Мне уже двадцать пять лет, – сказала Катя обижено. – Меня так в молодости никогда не опекали. А ты маму мою до инфаркта решила довести, телеграмму послала, зачем? Тебе от этого легче, Люда? Расстроила человека и радуешься, – произнесла Катя, смотря в пустые глазницы живого мертвеца.

– Ладно, не злись, – сказала Люда смягчившись. – Деньги у тебя все равно кончились. Возьми денег у меня в долг, иди на переговорный пункт. С домашнего телефона дороже звонить. Иди, позвони, успокой свою мамочку, а то, правда, стукнет ее инсульт, а я же потом переживать буду. Илюша, ты же знаешь, я такая мнительная, просто ужас, – обратилась она к мужчине ласково.

Илья был очень высокий, крепкий мужчина. Но, несмотря на рост, он был очень незаметным человеком, – с выцветшими бровями и ресницами. С такой внешностью ему нужно было работать в разведке. Следы прошлой разгульной жизни отложили свой отпечаток. Серые бесцветные глаза смотрели не наружу, а как бы в себя. Илья был человек-тень. Выглядел он очень несчастным, – стоял отрешенный от всего происходящего и только кивал головой, отвечая Людмиле. На вид ему было лет шестьдесят. Хотя ему было всего сорок пять лет.

Катя выскочила из дома, ей показалась, что она вся испачкалась в этой кристально чистой душной квартире. Она готова была бежать куда угодно. Катя поняла, что последние деньги Люда у нее забрала и у нее действительно не осталось ни копейки. Выйдя на улицу, девушка не могла сдержаться от слез.

«Ну, за что, за что мне такое испытание? Это же все вранье, все не правда, что она наговорила про меня моей маме, – думала Катя, – моя мама очень умная женщина, она все поймет. Нужно испытать и этот незаслуженный позор».

Подойдя к междугородной телефонной будке, которая находилась на улице возле телеграфа, Катя купила карточку и набирала код родного городка Михайловск. Когда она услышала голос мамы, она ничего не смогла сказать, только громко заплакала и мама стала ее успокаивать: «Не переживай так сильно, доченька, я тебе верю. Все не так, как сказала Люда, я

знаю тебя больше и дольше, чем она. А тетя Галя, подруга Людмилы, сказала, что знает, какая она сплетница, еще с тех пор, когда они вместе ходили в море, поэтому обещала приехать и оторвать ей голову за тебя. Ты не переживай, мы с тобой. Лучше расскажи, как у тебя дела? – спросила мама ласково, – если тебе совсем там плохо, возвращайся домой, Катюша, нам тебя очень не хватает, – добавила она, – Ах, вот еще что, – Никита приезжал, очень тебя любит, брал твой адрес, он должен был тебе написать», – рассказывала мама Кате последние новости.

Катя, услышав родной голос мамы, успокоилась и рассказала ей, что нашла работу и прописку и что у нее все хорошо и что ей очень понравился север.

Когда Катя закончила переговоры с мамой и уже собралась выходить из телефонной будки, то вдруг заметила на полочке огромный коричневый кошелек. Она вышла и посмотрела на улице человека, который мог забыть его на полочке. Хозяина кошелька нигде не было видно. Никто кошелек не искал. Катя немного подумала и зашла обратно в телефонную кабину. Она взяла кошелек, открыла его, посмотрела и увидела, что там было очень много валюты, он был просто набит долларами. Катя закрыла кошелек, спрятала его под пальто и вышла из кабинки.

«Нужно отдать его хозяину, – подумала Катя, – я постою и подожду, когда за ним вернутся.»

На улице становилось все холоднее и холоднее. Мороз усиливался. Фонари пытались освещать и одновременно подогревать улицу искусственным дневным светом. Крупные снежинки, как мотыльки, вились возле фонаря, кружась и танцуя вечный вальс чистоты. Вечер был тихим и морозным и очень, очень спокойным.

Катя простояла двадцать минут. Люди проходили мимо телефонной будки. Катя внимательно всматривалась в их лица и думала, если бы она что – то потеряла, она обязательно вернулась бы и искала потерянную вещь здесь. Она точно знала, что вычислит человека, который потерял такие огромные деньги. И первому встречному она их, конечно же, не отдаст, она вернет этот кошелек только хозяину.

В это время мимо Кати опять медленно проехала черная иномарка с номером три семерки. Из окна на нее с интересом смотрел все тот же незнакомый мужчина.

Катя не заметила машину, потому что стояла к ней спиной и внимательно наблюдала за прохожими. Мимо пробегали, смеясь, молодые люди, проходили степенно, выгуливая собачек две пенсионерки. Прошло еще двадцать минут. Ветер стал усиливаться, мороз крепчать. Катя уже подпрыгивала с ноги на

ногу, пытаясь согреться. Тревога окутывала Катю с каждой новой минутой все больше. Она начинала вспоминать перекосившееся от злобы лицо Людмилы и очередные ее проклятья. Страх накрыл Катю новой удушающей волной воспоминаний. Катя понимала, что Люда опять начнет на нее кричать и оскорблять ее, как всегда.

«Но нужно обязательно дождаться хозяина кошелька. Ему сейчас намного хуже, чем мне, – думала Катя. – Бегает человек, переживает, а вдруг он моряк и это его полугодовая зарплата. Нет, я обязательно должна его дождаться», – сказала Катя сама себе.

Человек десять заходили и выходили из телефонной будки и очень странно смотрели на девушку, которая вытанцовывала возле телеграфа то на одной, то на другой ноге.

Прошло еще минут пятнадцать, Катя вообще от мороза уже не могла даже пошевелить губами. Руки не слушались, и казалось, что правая рука прилипла от холода к кошельку, который она держала за пазухой.

Наконец, подъехал «Мерседес», из него вышел хорошо одетый мужчина. Он медленно что-то высматривал у себя под ногами, потом также медленно стал подходить к телефонной будке.

Катя обрадовалась, когда увидела, что мужчина явно что – то ищет. Про себя девушка подумала: «Неужели я его дождалась?!»

– Вы что – то потеряли? – спросила Катя, еле шевеля губами от холода.

– Что нужно? – спросил грубо мужчина, приняв Катю за алкашку, которая с трудом говорит.

– Вы ничего не потеряли? – повторила свой вопрос Катя.

– Да, потерял, а вам что до этого? – зло переспросил мужчина.

– Так это же хорошо, ой, вернее плохо, – пыталась начать разговор Катя снова. – Дело в том, что я кое – что нашла, – сказала девушка. – А теперь вы расскажите, что вы потеряли, – недоверчиво спросила она.

– Ну, портмоне я потерял, а вы что нашли? – грубо ответил пострадавший.

– Опишите его, пожалуйста, – не унималась Катя. – Какого он цвета и что в нем лежит?

Мужчина рассказал в подробностях, какой кошелек он потерял, какого он цвета и что там лежат доллары и рубли.

– Ну, слава Богу! – сказала Катя обрадовавшись. – А то я замерзла вас ждать. – Вот возьмите, пожалуйста, – сказала Катя и протянула находку молодому человеку.

Мужчина взял портмоне, открыл его, посмотрел, что все на

месте и, не сказав Кате даже спасибо, повернулся и пошел к своей машине, оглядываясь все время назад.

Самое смешное было то, что он смотрел на Катю удивленно. Так обычно смотрят на сумасшедших, – взгляд был испуганно – пренебрежительный. Ни сказав ни слова, он быстро сел в машину и уехал.

«Наверное, от радости, что кошелек нашел, потерял дар речи», – подумала Катя.

Она заулыбалась, глядя на ошарашенного мужчину и довольная, с чувством выполненного долга, счастливая побежала домой.

В то время люди не знали слова – «вознаграждение». Они только знали слово – «совесть».

Катя смеялась, вспоминая лицо этого несчастного потерпевшего. Она понимала, что он много пережил за этот вечер и поэтому даже не успел сообразить, что с ним произошло.

А Катя знала точно, что этим своим поступком, она прошла еще одно испытание своей судьбы и совести. Совесть – это что такое? Совесть – это, – «никто не увидит, никто ничего не скажет, а я все – равно этого не сделаю».

«Наша совесть – это и есть наша судьба, которая все видит и наказывает нас за совершенные проступки. А мы потом плачем и задаем себе вопрос, – «За что нам все это?!», – думала Катя, возвращаясь к Людмиле домой в этот кристально чистый дом, в котором она, почему – то задыхается.

– Катя, ты, что в Москву ходила звонить? Тебе бы все пошалаться! Одно слово – «шалава»! – возмущалась Люда.

– Представляешь, мужчина один, – начала рассказывать Катя, – потерял кошелек с долларами. Видно, звонил, да и забыл в телефонной будке, а я его нашла, ну и ждала хозяина кошелька, чтобы отдать его деньги, – гордо произнесла Катя.

– Илюха, ты видел когда – нибудь, такую идиотку?! – стала звать мужа Люда. – Иди, посмотри. У нее денег ни копейки в кармане, а она доллары раздает, точно сумасшедшая. Кто же тебя умной назовет?! – не переставала орать на Катю Людмила.

– Какие доллары? – спросил удивленно Илья, выходя из комнаты с газетой в руках. – Может мне в море не ходить, а ходить по телефонным будкам кошельки собирать, ха, ха, ха, – засмеялся Илья, довольный собой и тем, как он пошутил над племянницей.

– Представляешь, Илюха, в каком – то кооперативе, она будет больше тебя получать, в будках кошельки подбирать, так она быстрее нас богатой станет. А врет все так складно, будто «Целка с Марса» и налево совсем не ходит. Ой, умора, да и только.

Клоуна нам с юга прислала твоя родня. Представляешь, и деньги она направо и налево раскидывает, кошельки с долларами раздает. Говорит, что они ей не нужны, а у самой ни копейки денег. Да, кто ж тебя умной назовет, дебилка?! – не переставая смеялась Люда.

Катя посмотрела на них серьезно и говорит:

– Бог! Создатель наш меня умной назовет!

– Бог говоришь?! Вот посмотреть бы как ты без копейки денег останешься в незнакомом городе и как тебе, твой Бог, поможет, – хохоча, произнесла Людмила.

И они с Ильей стали смеяться еще громче.

Катя посмотрела на этих двух таких похожих людей и вздохнула.

«Почему мне их очень жаль? – подумала она. – Наверное, потому что они ущербные. Но такие люди тоже имеют право на существование. И действительно, – удивлялась про себя Катя, – они не живут, а существуют. Но такие люди должны присутствовать в нашей жизни, потому что, если таких экземпляров не будет, не с кем будет сравнивать. А ведь все познается в сравнении. И это их голая правда…».

– Хорошо, я ухожу, – сказала Катя и потянулась за своими оставшимися деньгами, которые лежали на полочке.

– Куда тянешься?!

Люда вырвала деньги из рук Кати и произнесла, смеясь: «Ты мне за квартиру должна осталась. Иди с Богом! Тебе же деньги не нужны. А ты куда собралась, к своему хахалю?»

– Нет, я пойду, поищу квартиру, – сказала Катя.

– Иди, найди квартиру без денег, попробуй Бога свое попросить, чтоб помог! – зло прошипела Людмила.

– А вот и попробую! – крикнула Катя и выбежала, задыхаясь от слез и обиды, на чистый, свежий воздух.

В кармане у нее было всего девять копеек. Именно столько стоила городская булочка в хлебном магазине.

Катя очень хотела есть. За весь день у нее не было ни крошки во рту. Забежав в ближайший магазин, она купила на последние деньги свою любимую булочку и побежала к шестнадцатиэтажному дому.

Нажав на кнопку лифта, Катя стала подниматься на последний этаж. Зачем она это сделала, она не знала, наверное, просто хотела съесть эту булочку, чтобы никто не видел. Голодная девушка пыталась дышать запахом свежей, пахнущей ванилином, булочки и у нее закружилась голова. Она скатилась по стенке лифта вниз, – и плачущая, и жалеющая себя, давилась этим кусочком хлеба, – единственным богатством, которое у нее

осталось. Плача навзрыд, она пыталась проглотить ванильную мякоть. Хлеб застревал в горле, нечем было дышать, слезы душили. Кате хотелось кричать от обиды и никогда больше не видеть этих жадных и злых людей.

Лифт опустился на первый этаж, Катя выбежала из дома, схватила белый пушистый снег и пыталась протолкнуть застрявший кусочек булочки, глотая его и одновременно вытирая катившиеся по щекам слезы.

Она остановилась, посмотрела на низкое звездное небо и замерла. Сквозь череду неприятностей, свалившихся на ее голову, она восхищенно заметила, – Северное сияние, – которое плавно растекалось зелеными разводами фиолетовых полос по черной бархатной поверхности неба. Северное сияние окутывало девушку и успокаивало. Катя еще раз посмотрела на неописуемую красоту севера, вздохнула и побрела куда глаза глядят.

«Лучше работу найди поприличнее, чем этот кооператив! – вспоминала она слова Люды. – Иди в море посудомойкой, там хоть больше заработаешь! Туда всех берут и с высшим образованием и замужем. Там и кормят, и спать есть где, и мужика найдешь себе богатого!».

«Хорошо я так и сделаю, – сказала сама себе Катя. – Может и правда попробовать пойти устроиться в море. Что – то мне подсказывает, что ждать больше не нужно помощи ни от кого. Я и так много времени потеряла. Вдруг Игорь Сергеевич меня тоже подведет с пропиской? – думала Катя, шагая уверенной походкой по любимому ею городу.

Размышляя о будущем, она незаметно оказалась возле администрации Северного Флота. Робко зашла в отдел кадров и очень удивилась, когда увидела того самого мужчину, который забыл портмоне в будке телефона.

– Вы что за мной следите? – настороженно спросил он.

– Нет, это чистое совпадение. Я проходила мимо, увидела вывеску. А мне нужна работа, только у меня украли документы, я не знаю, что делать, – выпалила Катя.

Мужчина рассматривал Катю с интересом. Затем, улыбнулся и сказал:

– Конечно, я вам помогу. Я же теперь ваш должник. Это моя новая должность теперь, – начальник отдела кадров. А так я в море ходил, это моя рейсовая зарплата была, я так испугался, что потерял все деньги. Вы меня, извините, что даже спасибо не сказал, думал, честно сказать, что здесь какой-то подвох? Очень удивился, знаете ли, что есть нормальные люди на земле.

Катя улыбнулась и, замахала руками:

– Что вы, хороших людей больше, просто плохие лучше

организованы. Они в кучки собираются, поэтому их видно.

Мужчина согласился с Катей и попросил рассказать, что у нее случилось. Катя рассказала, что все дело в прописке. Она объяснила начальнику отдела кадров, что она не может устроиться на работу по специальности из – за того, что ее никто не прописывает. А не прописывают, потому что у нее муж в паспорте записан. А теперь еще у нее и документы украли. Катя не стала говорить, что выбежала из дома в чем была и не собирается туда больше возвращаться.

Он ее внимательно выслушал и сказал:

– Мы вас возьмем, у нас как раз есть вакансия, заболела камбузная рабочая. Камбузная, значит работник кухни, – пояснил ей начальник отдела кадров. – И если вы себе быстро сделаете медицинскую книжку, то уже на этой неделе уйдете в море. Только сразу предупреждаю, зарплата мизерная. Другого выхода у вас нет, поэтому пока не разведетесь, вас никто не пропишет.

Идите в наш медпункт и пройдите медкомиссию побыстрее. Я позвоню и предупрежу, что вы подойдете, – сказал мужчина в полковничьих погонах.

«Такой молодой, а уже полковник! – подумала Катя, – насмотрелся видно за свою жизнь на таких, как я. Вот, сразу понятно, что он очень хороший человек, – светлый и добрый. Наверное, пожалел меня, а может дочь у него моя ровесница? Скорее всего, дочь свою вспомнил, но главное, что понял мою ситуацию. И все – таки хороших людей больше!» – подумала Катя, выходя из кабинета начальника отдела кадров.

Катя быстро прошла медкомиссию, осталось дождаться результатов анализов и сфотографироваться на медкнижку.

«После всего этого, можно сразу идти жить и работать на корабль», – вспомнила она слова начальника отдела кадров.

Сделав все очень оперативно и, главное, – бесплатно, Катя пошла по городу в поисках фотоателье, где можно было сделать фотографии на документы.

За фотографии деньги отдавать нужно было не сразу, только после получения снимков. Катя решила сразу сфотографироваться.

«А завтра заработаю денег в кооперативе и отдам за фото, – подумала она. – Игорь Сергеевич говорил, что зарплата будет выплачиваться каждый день. Сколько сделаю кистей, столько и получу», – размышляла Катя, пока искала фотоателье.

Девушка не заметила, что уже довольно поздно. На улице не было ни души. На севере все время темно и очень трудно ориентироваться по времени. С утра чуть забрезжит рассвет и уже темно.

В слабом освещении одинокого фонаря, она подошла к первой попавшейся женщине, которая подпирала единственный столб возле маленького рынка, и замерзшими руками считала свои копеечки. Катя спросила ее негромко:

– Вы не подскажите, где здесь фотоателье?

– А ты, что приезжая, дочка? – вопросом на вопрос, ответила старушка.

Катя почувствовала запах спиртного.

«Почему здесь так много пьющих женщин?» – подумала она. А сама ответила:– Да, приезжая.

– А откуда ты, красавица? – продолжала свой допрос пьянчужка.

Как только женщина услышала название города, откуда Катя родом, тут же принялась обнимать и целовать ее.

– Господи, землячка моя! Я в Михайловске уже сто лет не была, – сквозь слезы произнесла новая знакомая. – Как же ты здесь оказалась? Какими судьбами тебя сюда занесло? – не унималась подвыпившая женщина. – Господи, дай же мне тебя рассмотреть, – подводя к столбу со слабым освещением, продолжала причитать тетя Шура, новая знакомая Кати.

Тетя Шура была женщиной без возраста. Трудно было определить, сколько ей лет. На месте где, когда – то был нос, находилось что – то повернутое набок, сплющенное подобие носа. По ее когда-то красивому лицу, которое было теперь асимметрично, можно было прочитать, что ее часто били. Но больше всего Катю поразили глаза тети Шуры, – они светились такой неземной добротой, что нельзя было от них оторвать взгляд! Васильковые, красивые глаза, очень хорошо сочетались с седыми волосами, которые торчали из – под старой вязаной шапчонки. Головной убор был ей совсем не по размеру. Старое потрепанное пальто, сидевшее на ней мешком, не трудно догадаться, было у нее в гардеробе одно. Но самое главное было то, что Тетю Шуру как раз и не интересовали эти ничтожные мелочи. В своей жизни, она никогда никого не осматривала с головы до ног. Эта обычно привилегия очень богатых людей, которые, ищут себе подобных, подбирая их по одежде. А когда одежду богатые люди снимают, то начинают очень нервничать. И это очень заметно, когда они бывают на отдыхе в дорогих отелях, где, оставаясь в одних купальниках, начинают беспокоиться, потому что им кажется, что они теряют вместе с одеждой, что – то большее, – честность, порядочность, преданность, искренность. Остается одна пустота, разочарование, злость и предательство. Они даже общаться боятся, потому что считают, что отдыхающие без одежды, не заслуживают их общения, потому что они не могут

без одежды определить – люди находящиеся с ними рядом на лежаке, их круга или нет?!

Люди, тети Шуриного круга, смотрели сразу в глаза и никуда больше. Как будто хотели заглянуть в глубинные слои души. Одежда для них была помехой для изучения данного индивидуума. Главное для них была, – Душа. Общались с душой, для души, – и от души радовались новому знакомству. Катя тоже обратила внимание на глаза тети Шуры, – они были необыкновенно синего цвета, в них отражалось столько тепла, что они могли растопить весь лед севера. Катя инстинктивно потянулась к этому человеку и за короткое время рассказала своей землячке все о себе, совершенно все, без утайки.

– Так, слушай меня, – говорила уже тетя Шура, обращаясь к Кате, как к старой знакомой. – Я все поняла, тебя ко мне Бог прислал. Не нужно тебе идти ни в какое море. Ты там пропадешь. А на берегу, я тебе помогу, – и с пропиской, и вообще. Вот, записывай мой адрес, и приходи ко мне, когда захочешь. Хоть сейчас давай пойдем ко мне. И знай, что ты теперь не одна. У тебя есть твоя землячка. Я – твой Ангел Хранитель. Тетя Шура крепко обняла Катю и три раза по русскому обычаю поцеловала. Ты будешь мне, как родная дочь, я тебя никому в обиду не дам!

От этих слов Кате хотелось плакать и смеяться одновременно. Ей так стало легко на душе, и как ни странно, она почему – то сразу поверила этой женщине. У нее было такое ощущение, что она давно ее знает.

– Спасибо огромное, тетя Шура, за поддержку. Я обязательно к вам зайду.

– Мы вот что сделаем, – перебила ее тетя Шура. – Ты сейчас сходи, сфоткайся, на всякий случай, вон в том здании круглосуточное фотоателье есть, – тетя Шура показала на светящуюся вывеску. – А потом приходи ко мне домой. Адрес ты записала, тебе же все равно ночевать негде. Вон там моя девятиэтажка у залива виднеется, видишь? Пять минут хотьбы, и ты – дома. А я как раз сейчас бутылочку куплю и буду тебя ждать. Правда, ты меня извини, я чуть подвыпила уже, но это дело не меняет. Я тебя очень буду ждать и очень обижусь, если не придешь, любимая моя землячка.

Катя неслась в фотоателье на всех парусах. Она первый раз после того, как приехала на север, ощущала себя свободной и счастливой.

«Господи! Как человеку мало нужно для счастья? Одно доброе слово, один ласковый взгляд и ощущение того, что тебя понимают», – думала Катя.

В фотоателье она медленно подошла к зеркалу и увидела

совершенно другую Катю, – глаза ввалились, от всех этих неприятностей она стала выглядеть намного старше своих лет.

«Я же так давно не видела себя в зеркале, – подумала она, – получается, что все эти месяцы, я жила как в тюрьме. Я изменила себе и я стала не я».

Ужаснувшись и отшатнувшись от отражения в зеркале, Катя все равно сфотографировалась, – «на всякий случай», – как говорила тетя Шура, заулыбалась и пошла в сторону Залива. Очень хотелось спать и есть. Просто очень захотелось домой. Катя еще немного побродила по любимому городу, подошла близко к заливу и стала всматриваться в такую теплую, мягкую темноту. На душе было неспокойно.

«Как дальше жить? – думала Катя. – Что делать? Однозначно завтра иду на работу в кооператив, а сейчас к тете Шуре и спать», – улыбнулась Катя и уверенно зашагала к светящейся девятиэтажке.

За нею медленно ехала все та же машина с номерами три семерки. Казалось, кто-то контролирует каждый ее шаг. Но Катя находилась в своем мире и ничего вокруг не видела.

Позвонив в дверь, Катя осторожно отошла от двери, боясь, что неправильно записала в темноте адрес. Но дверь с шумом распахнулась и Катя увидела на пороге сияющую и раскрывшую свои объятья тетю Шуру:

– Господи! – закричала она радостно, – моя племянница Катюха из Михайловска приехала.

Катя даже не успела ничего сообразить, как тетя Шура достала из старенького пальто только что купленную бутылку водки, сунула ее Кате в руку и потащила ее к себе на кухню.

Вот так и появилась Катя с бутылкой водки в руке перед своими новыми «родственниками».

Как только она вошла в комнату, у нее было такое ощущение, что она приехала обратно домой. При ярком освещении огромной лампочки-сотки, одиноко висевшей на кухне, Катя смогла разглядеть тетю Шуру. Катя не верила своим глазам, – несмотря на свернутый набок нос, тетя Шура была очень похожа на Катину маму. Глянув на мужа тети Шуры, Катя уже не смогла удержаться от улыбки, – дядя Вася был точной копией ее отца, а когда она увидела их дочь Свету, Катя с открытым ртом смотрела на свое отражение.

– Это сон, – подумала Катя. – Этого не может быть! Так не бывает в жизни?! Шутки Бога?! – удивилась она и ущипнула себя за ногу.

– Катюха, какая ты молодец, что приехала! – пробасил, обнимая ее, дядя Вася. – А ведь я тебя помню еще совсем

маленькой, ты все бегала цыплят душила. Поймаешь цыпленка, обнимешь его, прижмешь к себе крепко-крепко, бац, и его уже нет! – хохотал дядя Вася, вспоминая.

– Да хватит пургу нести, – сказала, отмахиваясь от мужа, тетя Шура. – Садись Катенька, не слушай его, дурака. Вечно, он что – нибудь напридумывает себе!

– Нет, он ничего не придумывает, – удивленно сказала Катя. – Я тоже слышала такую историю про себя.

– А я тебя все время била, помнишь? – подхватила разговор Света. – У меня еще косички были, длинные такие. Ну, помнишь, Катюха? Ты их всегда дергать любила. Ну, я тебе за это и давала по башке, – подтвердила Света.

Тетя Шура внимательно посмотрела на свою дочь, потом на Катю и сказала удивленно:

– Смотри, отец, как они сильно похожи. Одна на юге выросла, другая, – на севере и так похожи сестрички. – Давай, наливай, любимый мой, – обратилась она к мужу и добавила, повернувшись к Кате, – мы же Светку пропиваем, замуж ее выдаем за таксиста, он хороший парень, но мамаша у него, – просто змея, – вздохнула тетя Шура и запела, да так чисто и красиво: «Помнишь мама моя, как девчонку чужую. Я привел к тебе в дом и тебя не спросил. Строго глянула ты на жену молодую и заплакала вновь, нас поздравить забыв, нас поздравить забыв…»

Песню подхватил такой же чистый и красивый мужской бас дяди Васи и они так душевно, нежно глядя друг другу в глаза, пели песню своей молодой и долгой любви.

Первый раз за все время, Катя уснула счастливая и спокойная, потому что была дома.

«Вот и сняла квартиру без денег, – подумала она засыпая. – Люда бы опять не поверила».

Катя лежала смотрела в потолок, слезы катились из глаз, но это были другие слезы, – слезы благодарности, – она никак не могла понять, как все это произошло, что она нашла новых родственников в городе Мурманске. Она чувствовала, что какая-то сверхъестественная сила ей постоянно помогает И впервые за все время она произнесла вслух:

– Спасибо, Господи, тебе за все! Прости душу мою грешную! Аминь!

Глава 15

На следующий день Катя быстро привела себя в порядок и уже в восемь часов утра стояла на остановке возле дома Людмилы, где они расстались с Игорем Сергеевичем. Катя простояла в ожидании шефа около часа, как ей показалось. Часов у нее не было и она боялась, что опоздала. Она почему – то ужасно разволновалась.

«А вдруг этот человек просто подшутил надо мною и Люда была права, – думала Катя, – и ничего хорошего сегодняшний день мне не принесет?».

Расстроенная она уже собиралась возвращаться к новым «родственникам», – к тете Шуре и дяде Васи.

– Катька, ты что всю ночь здесь простояла? – вдруг с вопросом обратилась, незаметно подошедшая сзади Людмила. – Я знала, что ты, дура, будешь здесь с утра стоять. Ты же у нас такая вся правильная. Обещала, что на работу поедешь к девяти, я так и знала, что припрешься и будешь его ждать. Ты что так и не поняла, что над тобой посмеялся мужик. А ты где шалалась всю ночь? Я твоей матери уже все рассказала. Представь себе, сходила на телеграф, не поленилась, еще раз позвонила и сказала, что я не виновата, если вашей шалаве где – нибудь голову оторвут. Так и сказала, что ты уехала с мужиком каким – то незнакомым, – трахаться.

Людмила смаковала каждое грязное слово. Шипела в ухо так громко, что люди, стоящие рядом стали оглядываться и осматривать Катю. Они же никогда не видели, как выглядит шалава.

– Люда, может ты концерт будешь разыгрывать по – громче, – спросила Катя, глядя Люде в глаза. – Знаешь, ни все слышат!

Их разговор прервал сигнал автомобиля. Катя оглянулась и увидела, как из машины вышел Игорь Сергеевич и медленно стал подходить к разговаривающим женщинам.

– Доброе утро, милые дамы, – поприветствовал он их, улыбаясь.

– Доброе утро, – ласково ответила Людмила и, протянув руку Игорю Сергеевичу, сказала: «Катя, познакомь свою любимую тетю с твоим новым другом».

Катя уставилась на Людмилу удивленно. Но та обняла ее, как ни в чем не бывало, повернулась к Игорю Сергеевичу и сказала:

– Понимаете, молодой человек, я у Кати единственная родственница в городе. У нее мама очень строгая и я полностью несу за нее ответственность. Поэтому я вышла проводить

любимую племянницу на работу. Мы с ней очень дружны. Вы, пожалуйста, обещайте мне, что будете привозить Катю лично ко мне в квартиру и сдавать мне ее из рук в руки, чтобы я не волновалась. Я, молодой человек, запомнила номер вашей машины. У меня большие связи, я просто так не могу отпустить любимую племянницу с первым попавшимся мужчиной. Дайте мне, пожалуйста, ваш паспорт, а вечером я вам его отдам, когда Катю привезете. Простите, пожалуйста, но я не знаю, кто вы, где работаете? И не могу так рисковать любимой девочкой. Я думаю, вы меня понимаете?»

– Да, конечно, все правильно, я бы сделал точно так же. Сейчас я принесу паспорт, – ответил Игорь Сергеевич и направился к машине.

– Катька, вот это машина?! Я такую сроду не видела, – сказала Люда округлив глаза и наклонившись к Кате, чтобы никто не слышал. – Видела, как на нас все смотрят? Он, наверное, сказочно богат! С ним нужно подружиться. Не боись, я наведу о нем справки!

– Так, значит, вы, – Игорь Сергеевич Севрюк, – сказала Люда, открыв паспорт. – А меня зовут Людмилой Васильевной Мантовой, – слащаво произнесла Люда.

Она была сама любезность. Игорь Сергеевич ответил ей отработанной фразой:

– Очень приятно, Людмила Васильевна, и добавил: «А теперь можно я украду у вас любимую племянницу?» – хитро улыбаясь, спросил Игорь Сергеевич.

– Да, теперь можно, но только до вечера. И вернете Катеньку в квартиру пятьдесят восемь вот этого дома, что напротив остановки, понятно? – строго спросила она.

Из машины Игорь Сергеевич помахал Людмиле рукой, как старой знакомой и машина с визгом рванула с места.

– Извини, пожалуйста, что опоздал, – обращаясь на «ты», – сказал Игорь Сергеевич. – Были дела срочные, очень боялся, что не дождешься.

– Здравствуйте, – удивленно произнесла Катя, подумав, как запросто этот человек переходит то на «вы», то на «ты». – Но, может у этих бизнесменов так положено разговаривать со своими работниками?

– Почему такая грустная? – спросил он, дотрагиваясь до руки Кати. – Ничего не бойся, я тебя сегодня познакомлю со своими сотрудниками. На сегодняшний день, конечно, они мне больше компаньоны. Мы ведь только открываемся и у меня насчет этого предприятия есть большие надежды.

– Мне нравится, что я буду стоять у истоков вашего бизнеса, я

обязательно постараюсь работать хорошо и не подвести вас, Игорь Сергеевич, – сказала Катя серьезно.

– Да хватит тебе, Катя, что я такой старый что ли, не называй меня по имени отчеству. Зови меня просто Игорь. А то я начинаю чувствовать себя стариком. Поверь мне, я не намного старше тебя. Я и так переживаю, что я уже пенсионер.

– Я попробую, Игорь, только вы не обижайтесь, пожалуйста, если я иногда буду вас называть Игорь Сергеевичем. Я привыкну, время пройдет и у меня все получится, – сказала Катя, отвернувшись к окну.

Она смотрела на пробегающих мимо людей, спешащих на работу, на машины и дома.

«Какой красивый вон тот дом с голубым фасадом! Я буду в нем жить, – подумала она и улыбнулась. – А район такой родной и уютный! Вот и озеро напротив, через дорогу, тоже показалось мне знакомым.»

Город стоял красивый в снежном убранстве, – дома весело махали проезжающим машинам в свете фонарей дневного освещения, – голубым, желтым, розовым отливом. Девятиэтажные дома выглядели такими домашними и близкими, глаза окон светились, в своем неповторимом убранстве красивых штор, подмигивали Кате и говорили, – «Все будет класс! Поверь нам! Мы стольких вас здесь понасмотрелись! Мы вас любим! Всех приезжих! И тебя, Катюха, тоже! Ты выбрала кого – нибудь из нас? Или тебя какой – нибудь дом выбрал?! Здесь только так и не иначе. Все по любви с первого взгляда!», – кричали ей, подпрыгивая от радости, стоявшие у дороги разноцветные дома.

– Вот и приехали. Смотри не влюбись в моих хлопцев. Они ребята бравые, как и я, все офицеры, – бывшие подводники, и хохлы западные. Нет, вот уже соврал тебе, есть один еврей – махровый, настоящий Абрам, но мы зовем его Юриком.

Выйдя из машины, Катя увидела пять белых иномарок, которые стояли в ряд, как те белоснежные корабли. Таких машин Катя никогда и не видела. Когда она подошла к знакомому дому и увидела, что из трубы валит дым, ей показалась, что она в родной деревне у бабушки и все здесь напоминает детство. Маленькие деревянные домики, заметенные снегом по самые крыши и сверкающий в лучах солнца бриллиантовый снег. Она очутилась в сказке!

В красивом современном городе на севере нашей страны, в самом его центре, есть маленькая деревушка с деревянными избами, печным отоплением, с огородами и садами и с живностью. Слышно, как кукарекают петухи, воображая перед красивыми курочками и мычат коровы. Самое интересное было

то, что снега здесь было столько, что можно провалиться по пояс. Если из города снег постоянно вывозили, то здесь только прорывали траншеи и протаптывали лабиринты дорожек.

«Точно, как на Хуторе близ Диканьки, вот тебе и хохлы, только без чубов, но зато в военном обмундировании», – подумала Катя молча и улыбнулась своим мыслям.

– Привет, орлы! Смотрите, какую я вам принцессу привел. – Знакомьтесь, – это Екатерина Воронцова, – наша новая боевая подруга. А это мои давние друзья и недавние партнеры, – Владимир и Юрик. Мы все вместе служили на одной подлодке. Так что знаем друг друга не понаслышке. Съели много чего вместе, так что нашему полку прибыло. Думаю, мы все поладим между собой. Цель у нас одна, – заработать много денег.

Катя очень обрадовалась, когда увидела мужчину, с которым познакомилась возле районо. Того самого инструктора райкома партии, Юрия Саммуиловича. Она радостно на него посмотрела. Но он как-то странно себя повел. Он снова начал знакомиться с нею, точно, как тогда возле районо.

– Доброе утро, милая барышня и как же вас зовут? – спросил он, улыбаясь.

Катя удивленно на него посмотрела и медленно произнесла:

– Катя Воронцова.

– А меня зовут Юрий Саммуилович Гельштейн, – засмеялся он в ответ. Но для вас, – просто Юра, если позволите? Я не слишком стар для Юры?

– Нет, что вы?! – запротестовала Катя. – Вы молодо выглядите!

– Ну, тогда за работу, Катенька, прошу! – протянул он Кате руку и помог ей снять дубленку.

– Спасибо, надеюсь, не подведу вас. Тяжело в учении, легко в бою, – сказала Катя, отчеканивая каждое слово. – Так что ведите меня на мое рабочее место и я сразу приступаю к работе.

– Вот сразу видно наш человек, пошли, – сказал Юра и, взяв Катю под локоток, галантно провел в следующую комнату.

Юра был старше их всех и производил впечатление умного, интеллигентного человека. Жаль, конечно, что он ее не узнал. Катя сразу поняла, что именно в нем она найдет надежного друга. У Юры были большие черные глаза и открытый взгляд, как у Никиты. Кате нравились люди, которые не прячутся и смотрят прямо в глаза собеседнику. Вот и у Юры взгляд был открытый и изучающий. Сам он был высокий, худощавый мужчина, на вид ему было лет сорок. Но, несмотря на разницу в возрасте, простота в общении сразу располагала к задушевной беседе с ним. Есть люди, которые нравятся сразу, с первой минуты, а есть такие,

которые отталкивают тебя еще не успев с тобой заговорить. В общем, Катя нашла в Юре родственную душу и очень обрадовалась тому, что она будет работать именно с ним в паре.

– Значит так, слушай мою команду! – громко произнес Игорь Сергеевич. – Катя, ты набиваешь флейцы, Юра клеит ручки, а Алексей делает сами заготовки. У него это очень хорошо получается.

– Ты не прав, – засмеялся Володя, – У меня вообще очень хорошо получается ничего не делать, – сказал он, краснея, развалившись на диване. Это был еще один сослуживец Игоря Сергеевича, который вел себя немного стесняясь и от этого постоянно улыбался и шутил. А улыбка у него, надо сказать, была очаровательная. Он вообще был похож на хомячка, весь такой мягкий, пухленький, небольшого росточка. Ходил он, чуть переваливаясь, как медвежонок. Вид у него был абсолютно не защищенного человека, несмотря на то, что в молодости он занимался боксом профессионально. Он старался выглядеть грубым, иногда вел себя немного вызывающе и такое ощущение было, что он постоянно сдерживает себя в эмоциях. Иногда у него вырывалась наружу неформативная лексика и проскальзывали словечки, смысл которых Катя даже иногда не понимала. Движения его рук Катя находила своеобразным. Он постоянно, когда говорил, поворачивал ладошки вверх и весь подавался вперед, как будто хотел кого – то напугать.

Но всем было очень заметно, что он побаивается Игоря Сергеевича и находится в полной зависимости от него. Катя удивлялась, почему друзья-компаньоны побаивались своего шефа?

«Может быть, они его уважают, – думала Катя. – А может быть по какой – то причине очень зависят от него?».

Работа в кооперативе началась так, как будто они давно трудились в одном коллективе. Катя очень переживала, что она не будет успевать, набивать щетиной эти флейцы, но Юра подошел и объяснил ей, как это делать быстрее. Он успокоил ее, сказав, что ничего сложного здесь нет. Нужно просто рассчитать примерное количества ворса и все делать твердой рукой.

– Пальчики у тебя тонкие, ты музыкой случайно не занималась? – спросил Юра, рассматривая красивые Катины руки.

– Я окончила музыкальную школу по классу фортепиано, – ответила Катя скромно.

– Ну, тогда у тебя точно все получиться, – заметил уверенно Юрик – еврей, как его все здесь называли.

– Я привыкла всегда быть в передовиках. Нет, не потому, что я тщеславна. Просто мне нравиться быть первой, не люблю

отставать.

– Тем более, это очень хорошее качество – быть лидером, – похвалил Катю ее новый друг.

– Нет, не лидером, просто я люблю такую механическую работу. Если я собираю смородину, то после меня не остается ни одной ягодки на кустике. Я сразу выстраиваю схему быстрой сборки урожая, и мне нравится видеть результаты своего труда, – похвасталась Катя.

– Тогда мы точно будем с тобой в передовиках производства, – сказал Юра уверенно. – И добавил, – похоже, нам повезло с первым работником, именно этого кооператива. Честно сказать, за что бы мы не брались, а мы вообще – то брались за многое, мы всегда сначала пробуем делать все сами, а потом нанимаем работников и смело можем их контролировать. Знаем примерно норму выработки, затраты времени, сил и естественно знаем оплату труда. Это у нас уже десятый кооператив. Но малярные кисти делаем впервые.»

– А за морем вы не скучаете? – спросила осторожно Катя.

– Нет, почему же, тянет. Конечно, моряк одной тягой семью не прокормит. В нашей профессии все равно больше минусов, чем плюсов. Практически никто семью свою толком не видит, когда в море ходит, не видят, как дети растут, любимая жена, чем живет. Нет, с меня хватит, пенсия у меня хорошая. Скажу по секрету, я еще числюсь инструктором райкома партии, так что мне хватает. А вот здоровье море забрало все, заплатил я ему сполна. Вот и задаю себе постоянно один и тот же вопрос: «Равноценный это бартер или нет?». Мне уже тридцать пять лет, а выгляжу, я точно знаю, на все шестьдесят. Вот скажи, Катюша, – стоит валюту на здоровье менять или нет?».

– Зато сейчас на берегу без дела сидеть не можете, да? – весело сказала Катя. – Ничего наверстаете свое с внуками. Жизнь прекрасна тем, что непредсказуема. Было бы скучно жить, если мы знали все наперед. Скукотища, ужас! – сказала Катя передернувшись.

Юра посмотрел на нее и оба залились громким смехом.

Катя наклонилась к Юре и шепотом у него спросила, почему он сделал вид, что они не знакомы? На что Юра признался, что специально это сделал, чтобы не подставить ее, так как Игорь Сергеевич не любит, когда на работу берут знакомых. И посоветовал ей про это тоже никому не говорить.

На душе у Кати было светло и весело. Ей нравились ее новые друзья, ей нравился запах горевших дров в печи, даже воспоминания о Людмиле начинали ей нравиться. Постепенно стало рассветать, – нежно – голубое небо с интересом

заглядывало в маленькое окно небольшого домика. Оно, подмигивало своим любопытным глазом и напоминало Кате, что жизнь прекрасна и удивительна, а судьба каждого давно написана там наверху! Снег медленно опускался на землю, нежные снежинки, в ажуре разнообразных узоров, плавно парили в воздухе стройными рядами, догоняя друг друга. Стояла такая красивая тишина, что хотелось наслаждаться ею постоянно и раствориться в ней навсегда.

– Катя, о чем ты думаешь? – спросил ее Юра. – Ты смотри, не вздумай уходить от нас. Посмотришь, что у нас тяжело и сбежишь.

– У вас тяжело?! – смеялась Катя, набивая флейцы свиной щетиной. – Да легче я нигде работы не видела, у вас очень легко, у вас светло и чисто, у вас очень уютно.

– Чисто в таком сраче? – засмеялся Юра.

– А вы знаете, как бывает грязно в чистоте? – спросила Катя серьезно.

– Мне кажется это намного страшнее, чем чисто в сраче, – согласился с нею Юра.

– Хватит вам болтать, я завидую, – прокричал Алексей из другой комнаты.

Из его цеха доносились однообразные звуки – щелчки.

– Я здесь клепаю в гордом одиночестве свои «ювелирные» изделия и нервничаю, потому что не слышу, о чем вы болтаете. Мне хочется слышать все, о чем вы говорите. Вы еще и смеетесь. Мне скучно, – продолжал возмущаться из своей каморки Владимир.

Катя и Юра переглянулись и засмеялись еще громче. Кате очень нравилась такая рабочая обстановка. Она чувствовала, что делает нужную работу, и ей очень захотелось, чтобы у ребят, – простых военных офицеров-пенсионеров, все получилось. Кате очень хотелось, чтобы их дети получили хорошее образование, чтобы никогда не болели, чтобы в их семьях был достаток, чтобы они видели, как растут внуки, чем живут жены, чего достигли дети, и ей очень хотелось быть для них нужным и ценным работником.

«У них должно получиться, что они задумали, – это точно», – я буду за них молиться.

Кате всегда нравились предприимчивые люди, которые не заливали проблемы водкой, или не прикрывали проблемами, – страсть к спиртному, как ее бывший муж, Роман. Она всегда испытывала симпатию к людям дела. Мужчины должны работать, чтобы обеспечить семьи всем необходимым. Именно такими она видела своих новых знакомых. Именно таким она хотела видеть

своего будущего мужа.

Вечером, как и было обещано, приехал Игорь Сергеевич, пересчитал все набитые ворсом флейцы и заплатил Кате деньги.

– Все, по – честному, даже брака не нашел, – удивился Игорь Сергеевич. – Если дальше будешь так работать, – сказал он радостно, – то выдам тебе премию за хорошую работу. Я очень доволен твоей производительностью, – добавил он.

– Будем стараться, ведь здесь команда, поэтому никак нельзя отставать. Иначе отстанут тогда все и тогда точно выбросят меня за борт, – найдут мне замену и останусь я без прописки и без работы, – сказала Катя Игорю Сергеевичу.

– Да это у нас быстро делается, по – военному, – к стенке и расстрел. Ты уж постарайся, не подведи. Насчет расстрела я, конечно, пошутил, – улыбаясь, произнес он.

– Я возьму на заметку вашу удачную шутку и насчет «не подведи» тоже возьму на вооружение, – подыграла ему Катя. – А как насчет прописки, новостей нет? – стесняясь, спросила она у шефа.

– Ты знаешь, если тебя все в работе устраивает, то работай. А насчет прописки не беспокойся, я именно сейчас этим вопросом и занимаюсь.

– Спасибо большое, а то мне как – то неудобно было вас об этом спрашивать. Мне все здесь нравится, но прописка мне необходима для основной работы по специальности. В кооперативе я могла бы подрабатывать после основной работы.

– Хорошо, вопрос закрыт, я все сделаю, – слово офицера! – отчеканил Игорь Сергеевич. – А сейчас, давай, собирайся домой, я как раз в твою сторону еду. Мы по дороге обсудим все вопросы по прописке. Тем более я теперь постоянно буду твоим телохранителем. Меня к тебе твоя тетя приставила. Видела, что она паспорт у меня забрала? Теперь мы с тобой ни только одним словом офицера связаны, но еще и паспортом, который я отдал твоей тете Люде.

Всю дорогу домой, Игорь Сергеевич старался расспросить Катю о том, почему бывший муж отпустил такое сокровище одну на север. Катя, ничего не утаивая, рассказала ему о сложных отношениях с мужем, рассказала о том, что он ничего не знает о месте ее нахождения в этом красивом уголке земли и думает, что она в Магадане.

Игорю Сергеевичу очень понравился Катин рассказ, особенно его обрадовало то, что она здесь практически без родственников. Незаметно он подвел разговор к тому, что неплохо бы снять ей отдельную квартиру, ведь тогда она сможет делать работу прямо на дому, в тепле.

Он беспокоился о Кате, потому что она сидит в холодном помещении и может простудиться, а у нее такой возраст, что ей нужно еще рожать. Да и чтобы не слушать эти грубые солдафонские шутки его коллег, потому что он знает хорошо своих старых друзей, которые рассказывают морские байки в нецензурной интерпретации.

Катя, как могла, оправдывала своих новых знакомых, убеждая своего шефа в цивилизованных отношениях с коллегами по цеху. Незаметно за разговором, дорога домой подошла к концу. Катя поблагодарила Игоря Сергеевича за хорошую зарплату и за новых знакомых.

Они вместе вышли из машины. Игорь Сергеевич галантно ухаживал за Катей, – открывал дверь машины, подавал руку, сыпал комплиментами. А когда поднимались на лифте к Людмиле, старался развеселить Катю, потому что заметил, – чем ближе они подходили к ее квартире, тем больше у Кати портилось настроение.

Игорь Сергеевич не мог этого не увидеть. Он внимательно посмотрел на Катю и сказал: «Тебе обязательно нужно снять квартиру. Я об этом позабочусь.»

– Игорь Сергеевич, проходите чайку попьем с вареньем, я сама сделала, – раскланивалась перед гостем Людмила. – Катя, ты представляешь, Илья опять в море ушел, остались мы с тобой одни, – сироты. – Илья – это муж мой, – пояснила она Игорю Сергеевичу. – Вот если бы не Катенька, я бы не знаю, что делала. Она такая помощница мне. Ничего мне делать не дает. Она еще и английским языком с детьми моими занимается. – Дети, смотрите, кто с работы пришел?! Ваша любимая сестричка, – крикнула Люда в сторону детской комнаты.

– Ура, закричали Анна и Славик, – бросаясь Кате на шею. – Мы за один день так за тобой соскучились, – говорили они, обнимая Катю.

Катя от растерянности даже не поняла, что вообще происходит. А Игорь Сергеевич взял паспорт и, умиляясь такому радушному приему родственников, быстро попрощался со всеми и, пообещав завтра быть в то же время, закрыл за собою дверь.

Люда, набросив множество цепей на дверь, повернулась к Кате совершенно с другим выражением лица. Она из любящей родственницы превратилась в злого монстра.

– Ну, как заработала свои миллионы, шалава? – спросила со злостью Людмила. – Конечно, нам так не жить, зарплаты немыслимые не получать! Подстилки всегда хорошо получают. Тварь подзаборная! Вон люди в море ходят и то столько не

получают. Илья всю ночь не спал, искал тебя по всему городу, мразь!

– Люда, хватит об меня вытирать ноги, сколько можно, – отодвигая бесформенную женщину, сказала Катя уверенно. – Честно сказать, я пришла за вещами. Спасибо большое за радушный прием, но я нашла квартиру.

– Квартиру? Ночью?! Я тебе сейчас устрою, – на квартиру ночью она собралась. Никуда не пойдешь! Мать звонила, должна приехать. Где она тебя искать по городу будет. Вот когда твоя мать и моя подруга скажут, что я за тебя больше не отвечаю, тогда иди, куда хочешь. А пока я за тебя несу ответственность, меня просили присмотреть за тобой, и я, поверь мне, присмотрю! Завтра пойдем с тобой на телеграф, позвоним твоим, и когда они мне скажут, что я не отвечаю больше за тебя головой, тогда вали, куда хочешь и на глаза мне больше не показывайся.

– Люда, я большая девочка, понимаешь? Далеко совершеннолетняя, – наклоняясь к ней ближе, сказала Катя. – И я сама буду решать, – как, где, и с кем мне жить.

Неожиданно зазвонил опять телефон. Люда подбежала побледневшая к аппарату, взяла трубку и молча стояла и выслушивала, что ей говорят на другом конце провода. Она вся будто съежилась. Лицо вытянулось от напряжения и покраснело. Слышно было, что кто – то очень сильно ее отчитывал. Люда, как школьница, повторяла одно и тоже, что больше этого не повториться. Она не сорвет сделку, как в прошлый раз. И что она просит прощения за то, что так произошло. Послышались гудки, Люда продолжала держать трубку в дрожащей руке. Она молча уставилась в одну точку и в прямом смысле задыхалась от испуга. Очнувшись Люда, вдруг сразу изменилась и умоляюще посмотрела на Катю. Слезы появились на глазах и она, опустив голову, сказала: «Прости меня, пожалуйста, Катюха. У меня такай характер ужасный, понимаешь, я сама не рада. Вот я такая мнительная, гадостей наговорю, а потом так переживаю. Ужас. Я понимаю, я так тебя обижаю, но прости меня, пожалуйста. Я очень тебя люблю. Из всей родни мужа, ты мне самая близкая. У меня же и родственников нормальных нет, мать, – алкашка! Что она мне могла дать? Да ничего, бьюсь одна, как рыба об лед. Не уходи, я постараюсь исправиться. Давай, больше никогда не ссориться. Мне одной очень страшно с детьми. Илья только что в море ушел. Но, поживи у нас, хотя бы еще дня два. Я оправлюсь после его ухода. Вот так всегда, – придет на день с моря, взбаламутит душу и уходит», – плакала Люда.

Катя видела, что Люда чем – то очень напугана, она внимательно посмотрела на нее, и вдруг ей стало ее очень жалко.

«Она и правда несчастная женщина, – подумала Катя. – Дети, кухня и зависть – это все, что у нее есть. Ничего хорошего в этой жизни у нее не было. В молодости хотела убежать из семьи алкоголиков. Пошла в море, где и познакомилась с моей тетей Галей, единственной своей подругой молодости, к которой приезжает каждое лето отвести душу и отдохнуть, тогда же и закрутила роман со своим будущим мужем, помощником капитана, вышла замуж, даже школу не закончила, родила Аннушку, развелась, потому что муж нашел помоложе, потом бросила Аньку бабке и снова ушла в море, чтобы второй раз выйти замуж, – за Илью, которого купила у алкашки за бутылку водки, родила ему Славика и живет в своем маленьком, тесном мирке, где нет книг, телевизора, любви, а есть какие – то странные пугающие телефонные звонки…»

Кате обняла Люду и сказала: «Да я не обижаюсь на тебя. Я тебя понимаю. Много у тебя в жизни было трудностей. Вот и характер оттуда вреднючий. Хорошо, я переночую у тебя, а завтра пойду искать квартиру».

– Я так и знала, что ты квартиру еще не нашла, – вздыхая произнесла Людмила, взяла Катю под руку и повела ее на кухню, пить чай.

Люда изливала душу Кате почти два часа. Рассказывала ей о своем детстве, о родителях. Вспоминала свою деревню. Свою первую несчастную любовь.

«Почему первая любовь бывает в большинстве случаев несчастной?» – думала Катя, слушая Людмилу, и вспоминала свою первую любовь.

На втором курсе иняза пришла к Кате первая любовь в виде грека Ахилеса. Ворвалась в комнату общежития как вихрь. Первая любовь, – был высокий стройный молодой человек с синими васильковыми глазами, самый красивый юноша студенческого городка. Учился он в политехническом институте на факультете «Ресторанный бизнес».

Вечером подрабатывали они с друзьями на практических занятиях в ресторане и подкармливали всех студентов в округе. Девушки были без ума от красивого кормильца. Но он из всех своих воздыхательниц выбрал только одну Катю, самую хрупкую девушку, решив, видно, ее подкормить. Любовь была яркой и настоящей, но юношеский максимализм все испортил. Единственный сын в богатой семье, он не должен был идти в армию, ему должны были купить военный билет. Катя пристыдила его и он, чтобы доказать ей, что он настоящий мужчина, ушел в армию. Отец был у него очень влиятельным человеком. После того, как сын твердо решил идти в армию, он

имел основательный разговор с Катей, после чего они стали вдвоем уговаривать Ахилеса продолжить учебу в институте, но так и не смогли его остановить. Он ушел служить в Афганистан, вернулся из плена, – наркоманом. Отец его много раз лечил, все состояние потратил на то, чтобы спасти своего любимого сына. Но судьба распорядилась иначе, – он умер в Греции молодым и красивым от передозировки наркотиков. Катя винила себя в случившемся всю свою жизнь. Но время нельзя было повернуть назад и что – либо исправить. Остались одни воспоминания и сны…

– Катя, а ты где ночевала? – эхом отозвался вопрос Люды. – У Игоря Сергеевича?

– Люда, ты что такое говоришь?! Я человека всего второй день знаю, – удивленно ответила Катя.

– Я так и думала, – ответила Люда, – ты на вокзале ночевала, да? – спросила она вздыхая.

– Да, – соврала Катя и опустила глаза.

Люде она решила не говорить о новом знакомстве. Что – то ей подсказывало, что этого не нужно делать.

«Как же мне хочется вернуться к тете Шуре, – подумала Катя. – Почему они так похожи на моих родных? Как так получилось, что совершенно чужие люди стали мгновенно очень близкими. Почему в жизни так происходит? Из миллиона людей подходишь к одной женщине, которая оказывается твоей землячкой? Какая маленькая Вселенная! Какая огромная любовь Бога! Какая интересная штука – Жизнь!»

Глава 16

На следующий день Катя очень обрадовалась, что Игорь Сергеевич уехал в командировку в Москву и не будет сдавать ее из рук в руки Людмиле. Она решила после работы навестить своих новых родственников. Владимир выдал ей зарплату вместо Игоря Сергеевича, и она радостная побежала домой к своим землякам. Ей очень захотелось рассказать тете Шуре и дяде Васе о своей новой работе.

– Катюха, привет! А мы тут за тебя переживаем. Думаем, что ты обиделась на нас, – сказал дядя Вася. – Мы с Шурой еще долго сидели и вспоминали нашу молодость, родных и тебя маленькую. Тебе же нужно было рано идти на работу, мы понимаем. А мы в тот день еще долго сидели с Шурочкой, ты, наверное, не выспалась? Светка тоже рано легла, ей же в автопарк на работу с позаранку. Она контролером билетов у нас числится. А Шура, посудомойкой в ресторане работает, трое через трое. Кормилица наша! У нее как раз выходной день был. Шура меня успокоила, что ты в ночную смену осталась работать, а то я подумал, что я тебя сильно обидел. Я сразу прошу, – извинить меня, если я пьяный тебе какую – нибудь ерунду буду болтать. Знаешь, я буянить начинаю по – пьянке, ты не переживай. Вообще я такой и по – молодости был, очень горячий, ты же помнишь? – продолжал задавать вопросы дядя Вася, который был опять явно навеселе.

– Да, помнит она все, – сказала выходившая из спальни, чуть покачиваясь, тетя Шура.

Она так ласково посмотрела на Катю, что ей захотелось обнять свою новую родственницу. Вид у нее был такой смешной, – растрепанные волосы торчали в разные стороны, майка одета наизнанку, тапочки на разные ноги.

«Как в цирке, – подумала Катя, улыбаясь. – И лица у них добрые и смешные, как у клоунов».

Самое главное в этих лицах не было ни грамма фальши и это очень подкупало. В их трехкомнатной квартире всегда было в меру чисто, в меру стояла мебель, в меру висели чуть оборванные шторы. Квартира находилась в центре города. Но самое интересное, что живя на третьем этаже, они знали всех своих соседей с первого по девятый. И жили все очень дружно, как одна семья. Все соседи, будучи молодыми людьми, приехали на север на заработки, жили на другой стороне Залива, на хуторе Дровяном, в деревянных домиках, с печным отоплением под названием «буржуйка». Видно, раньше такие печи были только у богатых буржуев, поэтому так их и назвали.

В те времена железный ящик с трубой должны были иметь все зажиточные люди. Хутор Дровяной потихоньку дряхлел, Мурманск разрастался и всех жителей хутора переселили в новые дома напротив через залив. Поэтому они все дружно переехали из своей любимой деревни, – как они ее называли, – в центр большого города. Уклад жизни остался один для всех, – тот самый, к которому они привыкли, живя все вместе.

– Катюха, пойдем я тебя покормлю, – сказала тетя Шура. – А ты к нам, смотрю, – с тортиком пришла?! Вот умница. Я уже сто лет торты не ела! Заодно, чаю попьем. Пошли, у меня знаешь какой суп вкусный, я его с перловкой делаю. Дед мой в тюрьме к ней привык. У моего деда такая жизнь была, не дай Бог. Я тебе потом все расскажу. И, повернувшись к дяде Васи, сказала строго:

– А ты ложись спать, дай нам по – бабски посплетничать.

Дядя Вася молча взял с полки книгу и, бурча себе под нос, пошел на скрипучую двуспальную кровать.

– Читать любит дед мой, ужас как. Тоже в тюрьме пристрастился. – А ты давай пробуй мой фирменный суп, такой суп ты сроду не ела. Вкуснотища такая, что за уши не оттянешь! Я тебя научу его готовить. Главное огурцы соленые, бочковые, вонючие и перловка. Вот и весь секрет. Сыта, до пуза будешь!

– Вась, скажи, классный у меня суп? – крикнула тетя Шура, поворачивая голову в сторону двери.

– Да! – раздался бас из спальни.

– Он меня постоянно просит его сварить, без него вообще голодный ходит, – кричала тетя Шура, прикрывая дверь в кухню.

– Катя, я тебя чего увела. Мне нужно будет тебе о родственниках наших рассказать, чтобы мы с тобой не прокололись, – доставая альбом с холодильника, заговорщически произнесла тетя Шура. – Это правда Васькина родня, ну ничего, смотри, вот это его отец, дядя Паша, а это его мать, – хорошая женщина, правда умерла рано. Светка на нее похожа.

– Теть Шура, а Света где?

– У мужа. Где ж ей быть. Мы ее с отцом быстро наладили. Выпендривается, понимаешь. Парень с квартирой, водитель. Ее любит. Что ей еще нужно? Так нет, любовь подавай. А откуда ее, любовь эту, сейчас взять? Это раньше у нас была любовь. Мы с отцом так любили друг друга. Молодые, красивые были. Мы тогда не пили совсем. Я первый раз выпила и меня так поласкало! А Васька тот вообще в рот не брал. Спортсмен, высокий красавец, короче, боец! И с армии пришел не пил. А потом мы на север завербовались. Чуть по чуть, вот и дожили: алкаши мы, понимаешь, Катюха. Если честно, мы на юге тридцать лет не были. Как отпуск, отпускные получим и за бутылку. Утром с

похмелья так плохо, что жить не хочется. Думаем, ну сейчас чуть выпьем, полегчает и поедем в отпуск. Итак до следующего утра. И вот каждый день собираемся, – плача исповедовалась тетя Шура. – На следующий день опять такая петрушка. Мне кажется, что мы давно умерли. Мертвые живем. Утром плохо, думаем, только похмелимся и опять до утра. Вот и весь отпуск – ездим из кухни до спальни и обратно, – и, улыбаясь сквозь слезы, добавила: «А на работу выходим черные от пьянки, нам все говорят – сразу видно, что на юге были. Вот хохма. Живой анекдот!».

Катя смотрела на эту улыбающуюся сквозь слезы женщину и думала: «Не такая судьба у нее должна была быть. Почему так с нею в жизни произошло?»

Тетя Шура будто прочла ее вопрос и вслух ответила:

– Кать, я сама себе эту судьбу сделала. У меня трое детей было: Света, Соня и Сашка, все на букву «С». А я, как дура, вернее как Светка, все любовь искала. Уже замужем была за Васькой, а искала. Короче, влюбилась я в своего начальника. А он еще тот кабель был. Ну и закружила я с ним. Я тогда мало пила, а он сильно обходительный был. С цветами всегда ко мне приходил. Мой Васька и не знал, что их дарить нужно. А тот культурный, ручки белые, нежные.

Но и застал меня Васька под этими ручками, а там больше не под чем было. Ну и убил его, хотел и меня, да деток пожалел наших. Вот он – в тюрьму, а я – в пьянку с горя. Тоска за любимым была. А я ведь только тогда и поняла, что любимый мой, – это Васька и есть. А детей я растеряла всех. Одна Светка рядом. Сонька нас с отцом стесняется, уехала в другой город, вышла замуж, всем сказала, что умерли у нее родители, а Сашка, сынок наш, тот сидит все время в тюрьме. Вор он.

И тетя Шура тяжело вздохнула, высморкалась в фартук, утерла слезы и стала показывать Кате фотографии родственников и земляков Катиных дальше.

– Тетя Шура, ты знаешь, я первый раз вообще вижу, чтобы кто – нибудь себя алкоголиком называл. Это уже подвиг. Но получилось так в жизни, но согрешили вы, но расплатились за свои грехи, – своим же счастьем. Нельзя унывать. Нужно дальше жить. Вы такая красивая, добрая. Вы очень хорошая. Нельзя себя так казнить. Мне кажется, что и воспоминания, вы просто хотите утопить в водке. Но воспоминания такие не объемные и невесомые, что их не утопишь, их нужно только отпустить. Пусть себе летят, – сказала Катя, обнимая несчастную женщину.

– Спасибо, Катя. Ну уже поздно начинать жить сначала. Я улечу теперь только вместе с воспоминаниями. Ты, Катюха, не

пей. Вижу я, что ты очень серьезная. Будет у тебя здесь счастье, я точно знаю, но обещай мне, что Светку вывезешь на родину. Она у меня очень хорошая: пьет не много, ей бы замуж за Ромку официально выйти, а он ей только гражданский брак предложил. А я так хочу, чтобы все было по-настоящему. Вот вместе их и вывезешь, если получится, ладно?

– Конечно, тетя Шура, – сказала Катя. – Я и Свету и ее мужа повезу на нашу родину, и вас с дядей Васей, я обещаю, что отвезу вас в Михайловск.

– Спасибо большое, дочка, – вытирая слезу, произнесла тетя Шура. – Ну ладно, что это я все о себе, да о себе. Давай о тебе поговорим. – Ты так на мою Свету похожа, а как фамилия твоя?

– Я Воронцова.

– Воронцова, что-то я таких не знаю. Катюша, а ты где сегодня ночевала?

– Я у Люды ночевала, у той дальней родственнице, про которую я вам рассказывала. Она даже прощение у меня попросила. Вроде помирились, – сказала Катя, вздыхая.

– Смотри, Катюха, поосторожней с ней. И запомни одно и навсегда: мой дом – это твой дом. Если тебе будет плохо, сразу беги к нам. Мы с отцом тебя обидеть никому не дадим. А Ваське я сказала, что ты в общаге живешь. Так он ругался, ужас! Сказал, что не позволит, чтобы любимая племянница жила в общежитии. Пойдем, я тебе твою комнату покажу. Вот иди сюда, смотри – вот эта самая уютная спальня – твоя теперь будет. Мы тут прибрались для тебя. У нас же трехкомнатная квартира. Вот тебе ключи от квартиры, теперь это твои ключи. Сашке еще сидеть и сидеть в тюрьме. Пусть подумает над своей жизнью. Он, ты знаешь, вообще работать не хочет. Катюха, ты когда захочешь, приходи к нам и живи. Нечего по чужим углам скитаться. У тебя теперь своя квартира в центре города есть. Знай, наша квартира – это твоя квартира! – сказала тетя Шура, обнимая Катю.

– Что насекретничались, все косточки перемыли мне? Торт зажали и чай не зовут пить, – забасил дядя Вася, выходя из спальни. – А я ведь тоже сладкое люблю. Я – добрый, правда, мать? – спросил он, обнимая ласково – грубо тетю Шуру за плечи. И, сдавив ее своими сильными длинными ручищами, добавил: «А не принять ли нам с тобой, маманя, на грудь по пятьдесят, нет, по сто грамм?».

«Видно теперь задавили воздушные воспоминания и дядю Васю тоже», – подумала Катя и, попрощавшись с новыми родственниками, выпорхнула за дверь.

Катя очень полюбила этих своих земляков. Ей нравилось в них все. Она искала оправдание их заболеванию. Она понимала,

что не все могут выдержать испытания судьбой. Но, голая правда, – она вот такая и есть ничем не прикрытая, – ни ложью, ни фальшью, ни временем. Их голая правда была вымученной, выстраданной, испытанной. Несмотря на все беды, выпавшие на их долю. Они не озлобились. Они не изменили себе. Они ни об одном человеке не сказали плохо. У них все были хорошие, кроме них самих. В своих бедах они винили только себя и свою любимую водку. У них вообще не было виноватых. В их жизни не было недоверия к другим людям, даже сомнений по поводу того, давать первому встречному ключи от квартиры или не давать. С этими размышлениями Катя и не заметила, как добралась до Людиной квартиры.

Глава 17

Пролетело незаметно несколько месяцев. Катя продолжала работать в кооперативе. Коллектив ей очень нравился. Свежий, весенний запах приходил с юга, но Север нисколько не менялся. Снега было много, сугробы лежали до крыш домов и только птицы пели свою весеннюю песню, – щебетали весело и кричали всем прохожим: «Скоро весна! Скоро весна! Скоро весна!».

Дни становились все светлее, и светло – голубое небо окутывало своей нежной чистотой, – улицы, дома и, видневшиеся вдалеке, сопки…

Катя часто ходила к своим новым родственникам. Она очень подружилась с дочерью тети Шуры, – Светой и с ее будущим мужем – Романом. Ребята приглашали Катю жить к себе. Тетя Шура и дядя Вася тоже звали жить племянницу с ними. Но она не хотела стеснять их своим присутствием.

Да и Люда была сама любезность. Она упросила Катю не оставлять ее одну, пока Илья не придет с моря. Каждый день Катя искала себе отдельную квартиру, но ей сказали, что обычно жилье на севере сдается хорошо летом, потому что многие уезжают на юг и в городе почти никто не остается. Цены на жилье становятся не такими высокими и можно найти подходящий вариант подешевле.

В очередной раз, зайдя с работы к тете Шуре, Катя принесла им как всегда гостинцев и, конечно, – дала денег, чтобы они не бегали занимать у соседей. Катя давно поняла, что исправить в этой ситуации ничего уже нельзя. Она от всей души полюбила своих новых родственников такими, какие они есть.

«Родителей и родственников не выбирают, – думала Катя и вспоминала, как они приглашали ее посетить их любимую свалку».

– Катя, – говорили они. – Тебе там непременно понравится. Выше того «высшего круга» общества, ты не видела никогда в своей жизни. Там и доктора наук и весь цвет интеллигенции. Там такие хорошие люди собираются. Тебе они обязательно понравятся. Мы каждую весну там встречаемся. Ходим, ищем бутылки, затем отмываем их в ручейке, потом сдаем. На вырученные деньги покупаем спиртное. А продуктов там видимо – невидимо, – говорит увлеченно тетя Шура. – Понимаешь, чуть срок годности товара прошел, его выбрасывают. Мы подберем там колбаску, вытрем растительным маслом. Она, кстати, там целыми ящиками валяется. Мясо возьмем, его там тоже валом. Сварим шулюм, специй по – больше бросим, вкуснотища! А запах какой

от костра! И близость к природе такая, что поет каждая клеточка организма! Катюха, как там хорошо! Ты не представляешь! Возьмем простынку или скатерть, что найдем, постираем ее в ручейке, высушим на дереве, расстилаем ее на траве, накроем стол и поем! Как мы красиво поем, Катя! Все плачут, когда нас слушают. Вот это и есть настоящая жизнь!

Катя смеялась и обещала с ними обязательно пойти на их любимую свалку.

– Катя, там тебя уже все ждут. Мы похвастались, какая у нас замечательная племянница, – добавил, жуя очередной бутерброд, дядя Вася. – Мы же тобой гордимся. Весной обязательно пойдешь с нами.

– Какие душевные разговоры мы ведем там. Как там легко дышится! Это на том берегу, где мы раньше жили, – говорила тетя Шура гордо. – Там сейчас свалка городская. Мы там живем до зимы, поэтому наша трехкомнатная квартира пустует тоже до зимы. Так что наша квартира – это твоя квартира и не вздумай ничего снимать. Будешь жить у нас сколько влезет. Никто тебе мешать не будет. Сама себе хозяйка. Ну, может, когда приедем к тебе погостить. Это бывает, когда менты нас загребают и привозят домой. Они все время удивляются и говорят: «Ну ладно, мы понимаем, что бомжи здесь живут, а вы – то куда, Тищенко? Вы куда к ним примазываетесь? Вам чего не живется в тепле, в чистоте. У вас же трехкомнатная квартира в центре Мурманска?».

– Представляешь, Катя, тупые такие эти менты. Никак понять не могут, что чище природы ничего нет, – поддержал разговор дядя Вася.

Он ласково обнял Катю и в подтверждение своих слов очень красиво запел своим чистым, раскатистым басом: «Степь да степь кругоооооом…! Путь далееек лежиииииит! В той степиииии глухоооой зааамерзал ямщик!»

Глава 18

Когда Катя пришла к Людмиле после очередного тайного посещения своих новых родственников, она очень удивилась, увидев Игоря Сергеевича, пившего чай с вареньем у Люды на кухне.

– Так и где мы так поздно ходим? У нас, что появился молодой человек? – улыбаясь спросил он, глядя прямо в глаза Кате.

– Да что вы, Игорь Сергеевич, – мягко и быстро протараторила Люда. – У Катеньки нашей и в мыслях такого нет, ей хватило первого замужества. Она у нас очень серьезная девочка. Просто я ее попросила детей в бассейн записать, вот она по делам и ездила, – подмигнула Кате Людмила.

Катя удивленно посмотрела на Люду и подумала: «И зачем она врет так правдиво? Для чего это ей нужно?».

Но ответ пришел сам собой.

– Вот! – продолжала Люда. – Игорь Сергеевич решил познакомиться с твоей тетей поближе и предлагает мне тоже работать вместе с тобой у нас дома. Так что теперь тебе не придется никуда больше ездить и сидеть в этом холодном помещении тоже не придется. И нам будет легче, сама знаешь, как нам деньги нужны. Я тут подумала, на твою квартиру будем все вместе зарабатывать. Вдвоем быстро насобираем тебе на жилье. Игорь Сергеевич как сказал, сколько у него денег можно заработать! Так это ж больше, чем Илья в море. – Я так обрадовалась, что он меня тоже на работу взял! Поблагодари нашего кормильца, что стоишь как в гостях, дома же ты, проходи.

– Да, спасибо за заботу, Игорь Сергеевич. Всю жизнь мечтала работать на дому, – сказала Катя отрешенно.

– Нет, Катюша, это только весной. Я боюсь, что ты там замерзнешь, отопление паровое будем делать, а весна здесь очень суровая. Я тем временем займусь твоей пропиской, все сделаю, чтобы мы тебя быстрее прописали и тогда ты сможешь пойти работать в школу без проблем.

– Спасибо большое за участие к моей судьбе, ну, что ж будем работать дома, как скажете, – грустно произнесла Катя.

– А я так соскучилась за работой, Игорь Сергеевич. Я все дома и дома сижу одна, детей воспитываю. Мне ваше предложение очень нравится, я бы хоть сейчас за работу, – сказала счастливая Люда.

– Так в чем же дело, Катюша?! – сказал, поднимаясь с места, Игорь Сергеевич. – Поехали, возьмем сырье и ты покажешь

Людмиле Васильевне, что нужно делать. Катя у нас, между прочим, – в передовиках ходит, очень хорошо у нее получается, все просто в шоке, как – будто всегда делала эту работу. После отпуска, я ее мастером поставлю с хорошим окладом, – сказал Игорь Сергеевич, уверенно подходя к двери. – Да, кстати, деньги за сегодняшний день я отдал Людмиле. Я думал, что успею из Москвы прилететь, чтобы выдать зарплату вам, поэтому Володе не сказал, чтобы он с вами расплатился.

– Так много денег дал и всего за один день, я даже не поверила! – воскликнула Люда. – Ой, какой вы молодец, Игорь Сергеевич! Всем рабочие места даете. Я очень хочу работать у вас. Катя, правда, езжай прямо сейчас за сырьем и сегодня начнем работать. Что деньги терять?! Ой, то есть, время, правда, Катюша? – хитро улыбаясь спросила Люда.

Катя встала из-за стола, даже не допив чай, опустила голову и пошла за своим начальником. Приказ в ласковой форме обсуждению не подлежал, да и скорее хотелось вырваться из этой кристально – чистой, но почему – то такой фальшиво – грязной квартиры, в которой нечем было дышать.

– Ты почему такая расстроенная? – спросил ее Игорь Сергеевич, когда они спускались в лифте. – Ты же сама просила, чтобы я устроил твою знакомую или родственницу, кто она тебе, на работу. Я что – то не понимаю, я сделал опять что – то не так?

– Да, нет, все нормально, все хорошо, спасибо большое. Только я уже привыкла к ребятам, к обстановке в кооперативе. Я не думала, что вы работу будете на дом привозить.

– Понимаешь, так будет лучше, прежде всего для тебя. Это только на весну, Катюша. Ты, наверное, уже поняла, что ты не совсем мне посторонний человек. Ты, конечно, догадываешься о моих чувствах к тебе. Я человек одинокий, всеми забытый, в жизни много чего видевший. Я тебе честно хочу признаться, уже отлюбивший свое. Я совершенно один и мне не о ком заботиться, но я очень хочу оберегать тебя. Быть тебе настоящим другом. Я понимаю, что дружбу нужно еще заслужить, но поверь мне, я все сделаю от меня зависящее, чтобы облегчить твою жизнь. Это не пустые слова, я уже почти сделал тебе прописку, сегодня был в Белом Доме. У меня там очень хороший друг работает, так он пообещал все устроить в ближайшее время. Понимаешь, помещение, в котором находится кооператив, не состоит на балансе жилого фонда. И как только он поможет мне перевести его в жилой фонд, это будет уже моя частная собственность и я, без всяких проблем, тебя там пропишу.

Игорь Сергеевич ласково обнял Катю и сказал: «Ты только доверяй мне и пойми одно, – все у тебя получится. Все, все, что

ты задумала, жизнь только начинается. Извини меня, за мою дерзость, рад, что возле тебя оказался именно я. Это моя и твоя судьба.».

Игорь Сергеевич смотрел Кате в глаза так нежно и так преданно, что ей стало казаться, что все ее проблемы уже решены. И как она сразу не разглядела знак судьбы свыше?! Что именно в момент отчаяния, когда никто даже не хотел разговаривать с ней о прописке, она увидела его, боевого офицера, психолога человеческих душ, который единственный протянул ей руку помощи и, главное, поверил ей, девочке с улицы…

– Катя, ты почему молчишь? Ты мне не веришь или что? – спросил Игорь Сергеевич испуганно.

– Да, конечно, я вам верю, я не сомневаюсь в том, что вы искренне хотите мне помочь, спасибо большое вам за все.

– Ну что ты опять вам и вам, я сразу чувствую себя на сто лет старше тебя, хотя у нас разница, всего ничего, – десять лет. Ну хватит, я очень тебя прошу, давай на «ты». Неужели я уже старик и все для меня давно кончено.

– Нет, нет, что вы, ой, извини, – ты.

– Вот правильно. Скажи, – ты, Игорь, что – то такое задумал, что ночью везешь меня в кооператив за сырьем?

– Да, кстати, мне вообще странно и страшно, Игорь, почему ты везешь меня в кооператив ночью? – в тон ему, игриво ответила Катя.

– Не вопрос, Екатерина Единственная. Бояться тебе не стоит, потому что твоя строгая тетя взяла у меня данные паспорта. Далее, я тебя отпросил, чтобы, наконец – то, побыть с тобой наедине. А, в – третьих, у меня для тебя сюрприз.

– Ой, я ужасно любопытна и что же за сюрприз? – спросила Катя прищурившись.

– Мой день рождения! И в паспорте твоя тетя увидела число и месяц, поэтому я тебя у нее отпросил на свой праздник. Скажу честно, что я очень боялся, что она тебя не отпустит, поэтому сказал ей, что мы всем дружным коллективом будем праздновать этот знаменательный день всю ночь. Традиция у нас такая, ну она чуть – чуть поворчала, но согласилась только с тем условием, что будет работать у меня и что я ей завтра привезу сырье для работы.

– Господи, и здесь выгоду нашла, добрая фея, – произнесла Катя с иронией. – Игорь, а как же я без подарка и не оделась на торжество?

– Не переживай, а никого кроме нас на дне рождения не будет. Я всех отшил. Я – именинник! С кем хочу, с тем и встречаю свой юбилей! Для всех остальных, я– в Москве, по делам.

Катя не могла разобраться сразу в этой ситуации. Противоречия разума и чувств раздирали еще неокрепшую душу. Очень не хотелось оставаться у Люды и в то же время страшно было оставаться с Игорем наедине. Что – то в нем настораживало Катю и одновременно что – то притягивало.

Катя прониклась к нему уважением и каким – то еще странным чувством. Это нельзя было назвать любовью; очень сильная симпатия вперемешку с уважением и благодарностью поселились на данный момент в Катиной душе.

Но события развивались так стремительно, что раздумья Кати прервали объятия Игоря. Он схватил Катю на руки и стал кружить по залу, где горел камин и запах свежих разноцветных тюльпанов, разбросанных по всей комнате, вмиг вскружил ей голову.

Север и тюльпаны?! Соединение контрастов шокировало Катю. В каминной комнате, слева у входа в кооператив, о которой Катя даже не догадывалась, ничего не было, кроме дивана, огромного камина и большой ворсистой шкуры огромного белого медведя, которая лежала распластавшись на полу, вместе с зубастой пастью и стеклянными глазами медвежьей морды. Оглянувшись, Катя заметила в углу письменный стол и мощный шкаф – сейф. На полу вместе с рассыпанными тюльпанами расположился импровизированный стол с шампанским и фруктами.

– Катя, – нежно шептал Игорь, покрывая ее лицо поцелуями. – Мы с тобою уже знакомы три месяца. А любовь ведь вспыхнула, – с первой минуты нашего общения. Сколько можно убиваться за тобой, пожалей меня одинокого, я еще никого так не любил как тебя. Девочка моя родная, поверь мне, я сделаю тебя счастливой. Ты только люби меня и будь мне верной женой, выходи за меня замуж…

– Не могу, Игорь, я же еще не разведена. Замужем я уже была и, честно сказать, мне там не очень понравилось, – улыбаясь отвечала ему Катя. – Ты мне тоже очень нравишься, но любовь это или влюбленность я пока не знаю. И как поступить в данной ситуации я тоже не знаю.

– А тебе и не нужно ничего знать. Я – мужчина! Я несу ответственность за все, ты только доверься мне, а время все расставит на свои места, давай выпьем шампанского за наш с тобой совместный союз и за нашу будущую семью. У нас с тобой будет замечательная семья и много, много умных, красивых детей.

Игорь взял гитару и очень красиво запел любимый Катин романс, – «Я встретил вас, и все былое, в отжившем сердце ожило…»

Катя, слушала Игоря и думала: «Может быть действительно это моя судьба, я тоже хочу умных и красивых детей, хочу семью, хочу, чтобы у них был умный, добрый отец, да и мне уже двадцать пять лет, нужно иметь детей. У моих подруг уже, – не по одному ребенку. А у меня получилось так, что первый муж был бездетным, в детстве переболел по мужской линии свинкой и когда профессор из центра Планирования семьи вызвал ее в свой кабинет и прочел приговор, сказав, что от этого брака у нее детей не будет никогда, она потеряла сознание. Когда пришла в себя доктор успокоил ее, сказав, что большинство семей сохранено умными женщинами, которые ничего своим мужьям не сказали. Они рожали им детей от других мужчин. Доктор сказал Кате, что пропишет мужу витамины, пока она будет искать подходящего полового партнера. Слова доктора звучали так, будто ничего страшного в этом обмане нет и что все это во блага семьи и будущих детей.

Но тогда Кате показалось, что жизнь закончена, и Бог распорядился так, – детей от этого брака не дам. Но Бог всегда был рядом с Катей и спустя какое – то время она поняла, почему он не дал детей именно от этого человека. Она ничего не сказала своему бывшему мужу, как посоветовал профессор и один на один оказалась с этой проблемой.

Но даже тогда, когда муж начал обижать ее, презирать за то, что она не может забеременеть, что она не женщина, что ему надоели эти уколы и что другая обязательно родит ему ребенка, даже тогда, она ему ничего не сказала про его болезнь, не хотела расстраивать. Когда начались с его стороны измены, обман, предательства, унижения, и даже избиения, она развернулась и убежала от него в Мурманск.

– Катюша, ты со мной или где? – спросил ее Игорь. – Я хочу выпить за тебя, за то, чтобы у тебя все получилось в этой жизни. За то, чтобы ты согласилась выйти за меня замуж и никогда об этом не пожалела.

– Спасибо, Игорь. А я желаю тебе в твой день рождения! – сказала Катя, – чтобы ты был самым счастливым человеком на планете «Земля»! И еще, я хочу, чтобы ты знал, что я никогда не предам тебя, – сказала Катя нежно.

Игорь смотрел на Катю и думал: «Она действительно будет очень верной и хорошей женой, но хотелось бы узнать, какой она будет любовницей? В ней столько нерастраченной страсти.»

Игорь, как во сне, как в бреду восхищенно повторял одно и тоже, обнимая и целуя ее: «Боже мой, ты – само совершенство! Какая шелковая кожа! Какая красивая фигурка! Как долго я искал тебя!»

Но одна фраза, почему – то насторожила Катю, – «Ты именно то, что мы искали».

«Мы, Николай второй, что ли?» – подумала Катя.

Игорь оказался искусным любовником. Было видно, что у него давно не было женщины. Он весь дрожал, обнимая Катю, трепетно – нежно прикасался к ней, как к Богине, как к Святыне. Игорь не мог насытиться ею и Кате казалось, что она сейчас погибнет от его пьянящих ласк; – у нее кружилась голова, и не от того, что у нее давно не было мужчины, ни от того, что ей нравились его прикосновения, а от какого – то нового, непонятного чувства к этому человеку, который так искренне восхищался ею. Боготворил! Как будто никогда ничего подобного не видел и не испытывал в своей жизни.

Хотя вниманием женщин он никогда не был обделен. К нему постоянно приезжали в кооператив какие – то дамы в норковых шубах, – стильные и изящные под стать своим иномаркам. Он всегда оправдывался, почему-то перед Катей, что это приезжали его деловые партнерши. И всегда весело и непринужденно шутил с ними, а потом быстро садился в машину и уезжал в свои длительные командировки в Москву. Хотя Катя знала, что Игорь уже пять лет, как вдовец. Он потерял жену в автомобильной катастрофе. После того, как он познакомился с Катей и взял ее на работу в кооператив, он очень красиво за ней ухаживал. Ко всем праздникам дарил подарки, цветы, водил в театр на премьеру. Ну как она могла отказать ему, такому нежному и одинокому мужчине, вдовцу, который столько для нее сделал, во взаимной симпатии. Конечно, она тоже очень давно любила его, просто боялась себе в этом признаться. Она знала, что рано или поздно это должно было произойти. Да и все в кооперативе об этом знали.

Глава 19

Жизнь постепенно налаживалась, Игорь каждый день приезжал к Люде, они постоянно говорили о предстоящей свадьбе. Он красиво попросил у нее, как у единственной Катиной родственницы, благословения на их брак.

– Дура ты, Катька, выходи за него замуж. Это самый богатый жених на весь наш город. Я навела о нем справки. Ты давай быстрей разводись со своим бывшим придурком. Кстати, Игорь Сергеевич сказал, что он все устроит и развод, и свадьбу. Ты главное сырья у него бери впрок, чтобы мы могли тоже разбогатеть.

Люда уже, вовсю, работала у Игоря Сергеевича в кооперативе. Она, как и говорила, стала зарабатывать намного больше, чем Илья в море. Игорь Сергеевич на дом привозил ей и Кате сырье. Девушки делали набивку флейц. Они набивали их свиной щетиной, поэтому в квартире очень пахло нафталином, но Люду не раздражал «запах денег».

По вечерам Игорь забирал Катю, вез в ресторан ужинать, и обязательно водил, как всегда, в театр на премьеру. После спектакля приглашал к себе домой. У него была большая квартира с зимним садом, с террасой, но выглядела очень одинокой. Красивая дорогая мебель царственно возвышалась посредине огромной залы. Квартира была торжественно – величественная, но почему – то было неуютно. Ощущение такое, будто ты находишься в музее. Катя понимала, что это вкус другой женщины, бывшей жены Игоря, которая умерла пять лет назад. Хотя следов счастливой семейной жизни не было видно вообще, следов детей тоже. Игорь уговаривал Катю остаться жить у него. Но она категорически отказывалась.

– Если хочешь, чтобы я жила с тобой, сними мне квартиру. Я не хочу, чтобы ты меня сравнивал со своей бывшей женой, потому что вы жили здесь с ней в одном пространстве и ты волей – неволей будешь сравнивать меня с нею, – откровенно призналась Катя.

– Хорошо, я обязательно куплю нам новую квартиру, – говорил, смеясь Игорь. – Как только ты согласишься выйти за меня замуж, я тебе обещаю, приобрету тебе квартиру сразу же.

– Я сама себе заработаю на квартиру, а потом выйду за тебя замуж, – серьезно говорила Катя в ответ.

Игорь все время хотел забрать ее паспорт. Он хотел через свои связи развести ее с бывшим мужем побыстрее. Все нужно было делать через суд, совместных детей и имущества у Кати с

бывшим мужем не было, поэтому Кате можно было развестись через ЗАГС. Но так как Роман Воронцов согласия на развод не давал, то был единственный выход, – разводиться через суд. Там сказали: «Вызовем вашего мужа один раз, он не приедет, потом – второй раз вызовем, а на третий, – разведем автоматически».

Игорь Сергеевич все предусмотрел, поговорил со знакомыми и хотел сделать все за один день.

– Нет, сказала Катя. – Мы все сделаем по закону, честно, чтобы наверняка, не нужно спешить и подала заявление на развод в суд.

Вечером она пришла к Люде и сказала: «Скоро я разведусь, но замуж не пойду, не хочу пока замуж вообще, да и за Игоря в частности. Что-то меня в нем настораживает, не могу понять, что именно.»

– Ты что дура? Выходи и не раздумывай. Любовь ей подавай, малахольная. Мы за первого попавшегося всегда выходили, а она смотри, – «старая цаца», выбирает. Тебе уже шестнадцатилетние в затылок дышат, а ты все выпендриваешься. Выходи, и все тут. Там посмотришь, если что, разведешься, оттяпаешь у него его миллионы и домой поедешь богатая. А сейчас скажи ему, чтобы сырья побольше привозил, а то жадный какой – то. Мы же хорошо работаем, быстро, видать это ему не нравится!

– Конечно, не нравится. Ты думаешь, что Игорь Сергеевич глупый? – спросила Катя. – Знаешь, он мне сделал замечание, говорит: «Я вам двоим сырье вожу, а вы вчетвером с детьми работаете. Так вы меня разорите.»

– Катя, а ты большая сволочь. Ты что думаешь, уже разбогатела? – закричала Люда, – или замуж вышла уже? Его деньги за свои считаешь? Бережешь его деньги? Да мы еще посмотрим – возьмет ли он тебя замуж вообще? Я ему как расскажу о тебе, малахольной, всю правду. Так он, вмиг, тебя бросит, а то он про твою родню все тут у меня выспрашивал: кто такие, да каких кровей? Я ему, дура, сильно вас расхваливала. А захочу такой грязью оболью, что не отмоешься.

– Люда, ты можешь говорить ему, что хочешь, мне все равно, – равнодушно произнесла Катя. – Я, как только разведусь, прописку найду, устроюсь на работу, на три работы, сама себе все заработаю и тогда я буду выбирать сама, – за кого замуж выходить, а не так, чтобы меня выбирали, а потом об меня ноги вытирали, поняла? – сказала Катя уверенно.

Катя знала, что она в этой жизни все делает правильно, по – совести. И надеяться в этой жизни будет только на себя и на Бога. Бог есть – это точно! Она чувствовала Его присутствие всегда, когда ей было хорошо или когда ей было плохо. Сейчас она

чувствовала, что ей очень плохо. Самочувствие было каким – то неважным, все время тошнило.

«Может климат сказывается, все – таки полярки платят не просто так. Север все – таки, нехватка кислорода. Заполярье немногие выдерживают. Завтра обязательно пойду к врачу», – думала Катя.

– Ты что побледнела вся? Ты, случаем, небеременная? – заорала Люда. – Вот проститутка, еще этого не хватало. Все, я звоню родителям, что ты будешь делать теперь? Аборт или рожать?!

– Конечно, рожать, – категорично заявила Катя. – Мне уже двадцать пять лет. Я давно хочу стать мамой.

– Кому рожать? Он же тебя замуж не возьмет, если узнает, что ты беременная. Иди, делай аборт, дура бестолковая, – орала не переставая Люда. – Срочно иди, иначе я все твоим родителям расскажу, про твои гульки шалавские, чтоб они потом меня не винили. Кстати, ты собираешься родителям говорить, что ребеночка нагуляла? Стыдоба! Я бы тебе не советовала говорить им раньше времени. А то еще и мне из – за тебя достанется, что не доглядела за тобой! Аборт не вздумай делать! Это я просто так кричу, а то потом детей точно не будет и будешь меня проклинать, а я такая мнительная…

– Да не кричи ты так. Я бесплодная, не переживай, – спокойно ответила Катя. – Ты же прекрасно знаешь, что я очень хотела ребенка, но у меня ничего не получалось в первом замужестве. Успокойся, ради Бога, я завтра же пойду к врачу. И не переживай, я ничего родителям не скажу.

На следующий день диагноз подтвердился.

– Восемь недель, поздравляю, – объявил Кате врач. – Что будем делать, мамаша, аборт или рожать?

– Конечно же, рожать! – радостно произнесла Катя.

Вечером того же дня Игорь снял Кате квартиру и счастливый весь день носил ее на руках.

– Неужели, получилось?! Я, наконец – то, стану папой, Катюша, – постоянно повторял он. – Мы теперь будем все время вместе. Я больше никуда не поеду, ни в какую командировку. Будем гулять на свежем воздухе, есть черную и красную икру и нисколечко не волноваться. У нас должен родиться самый красивый, самый умный сын. Все, с сегодняшнего дня, ты больше не работаешь! Я обеспечиваю семью, а твое дело отдыхать и набираться сил для исполнения материнского долга.

– А откуда ты знаешь, что будет сын? – смеялась Катя.

– А я подсчитал, прежде чем…

Катя удивленно на него посмотрела и засмеялась еще громче,

что он высчитывал пол ребенка.

Игорь на радостях все время говорил, говорил, опять подбегал, рассматривал результаты анализов и снова говорил, говорил, говорил.

– Завтра же пойду к врачу, дам ему кучу денег, чтобы все было по лучшему разряду. Я так долго об этом мечтал мне все – таки уже 35 лет. У всех дети есть, а у меня только будет. Катюша, как я тебя люблю, золотце ты мое ненаглядное, спасибо тебе большое за такую радостную новость и прости меня, что так долго тебя оставлял у этой злой женщины, у твоей тети Люды. Я тебя никому не дам в обиду, прости. Сегодня же переезжаешь в новую квартиру.

Три месяца были раем для Кати. Игорь купил квартиру, сделал уютным гнездышко для будущей мамы, постоянно был рядом с Катей, дарил ей букеты красивых цветов и они вместе гуляли по снежному весеннему городу по много часов. Он был очень внимателен к ней и счастливее женщины не было тогда на свете. Но без работы Катя не могла сидеть и все время просила Игоря привезти ей сырья для флейц. Игорь наотрез отказывался.

– Ты что с ума сошла?! Ты, наверное, не понимаешь, что на здоровье ребенка все может повлиять и эбакситная смола, и нафталин, и щетина. Ни дай Бог попадет в легкие и навредит моему принцу или принцессе. Моим голубкам. Вот было бы классно, если будет двойня. У вас в роду, нет двойняшек? – спрашивал Игорь, обнимая Катю.

– Нет, не было. А у вас? – спрашивала Катя смеясь.

– У нас, кажется, были. Нужно у родственников спросить, – задумавшись сказал Игорь. – Двойня это очень хорошо. Представляешь, какая экономия!

– Какая экономия? Ты от счастья совсем голову потерял, – смеялась Катя.

– Да точно, что – то я не то говорю, – целуя Катю сказал Игорь. – Катя, ты мне зубы не заговаривай, – пригрозил Игорь. – Где твой развод по закону? Я ребенка сразу на себя запишу. Главное, давай разводись быстрее со своим мужем.

Но с разводом пока что – то ничего не получалось. Катя ходила в суд и все время спрашивала, есть ли новости?

– Мы вам обязательно сообщим результаты, если будет что – либо известно», – отвечали ей безразлично.

Время неумолимо бежало. За эти четыре месяца беременности, Катя так к Людмиле ни разу не сходила. Илья давно пришел с моря, но Катя слышала, что снова засобирался в рейс.

«Нужно навестить их обязательно, а то неудобно как – то, –

все время себя заставляла Катя. – Ладно, завтра схожу обязательно, – все время повторяла она, – Люда очень любит ходить по магазинам, поэтому завтра предложу «шопинг», да и мне нужно гардероб поменять, я уже в свои вещи не влажу. Вон как меня разнесло. Нужно обязательно сходить в магазин приодеться. Слава Богу, у меня есть на сберегательной книжке три с половиной тысячи. Я, кстати, могла себе уже машину купить, старенькую, конечно, но свою, за эти деньги и на юг поехать на ней», – мечтала Катя. На следующий день позвонив Людмиле и назначив ей встречу, Катя вышла из дома в хорошем расположении духа. Она шла по улицам любимого города, улыбаясь, подставив лицо теплым лучам северного солнца, мечтала о своем будущем ребенке. Недалеко от ее дома стояла припаркованная черная иномарка с тремя семерками; окно, как всегда, было чуть приоткрыто и за Катей продолжали с интересом наблюдать…

Глава 20

– Привет, моя красавица! – лилейным голоском прошипела ей Люда, когда Катя пришла к ней домой.

Это была совершенно другая женщина.

– Что же ты съехала и даже адресочка не оставила? Игорь такой скрытный тоже стал, сказал, – нечего к ней ходить, микробы носить. Даже на радостях мне стал сырья побольше возить. Такой счастливый ходит. Прям, на седьмом небе от счастья. Такой родственник нам стал, гостинцы детям носит, все о тебе говорит и говорит. Вот везет же, дурам! Так мужик влюбился, как пацан.

– Ладно тебе, Люда. Ты мне вот что скажи, домой уже написала или нет?

– Нет, честное слово, не написала. Все держу в секрете, как договаривались. Ты что, дура совсем. А если он тебя бросит? Или не дай Бог у тебя мертвый родится. Или еще хуже аборт надумаешь делать. То, что тогда я твоим скажу? Что я тебя покрывала, проститутку. Не обижайся, я тебя люблю, поэтому так называю. Ты знаешь, я ж сейчас больше мужа своего денег получаю. Он, дебил, в море ходит, а я на берегу сижу и больше него денег зарабатываю! Видишь, а ты мне не верила, что можно в море не ходить, а денег больше получать, – смеялась Люда, толкая Катю в бок.

Катя хотела ей напомнить, что все было совсем наоборот, но вспомнила, что это бесполезное занятие и в знак согласия кивнула головой.

– А ты такая толстая стала, Катька, ужас! Ну ничего, мы тебе сейчас быстро вещички подберем. Мы сейчас пойдем, купим новые тебе юбку с кофтой. А твои старые вещи я Анечке заберу. У тебя всю жизнь хорошие вещи были, фирменные. Мать тебя сильно баловала. Очень они мне нравятся. Все – таки тебя хорошо мать твоя одевала, – повторяла Люда. – Где только по нашим временам доставала эти вещички? Но ладно, нам начальства не понять. Куда нам тупым, без образования до вас умных. Ладно, пошли в магазины, я люблю с тобой ходить, ты хоть посоветовать мне сможешь, что сейчас в моде. Небось, журналы опять покупаешь свои? Все деньги тратишь напрасно! Напрасно жизнь проживаешь! Вот купи одну вещь и носи ее всю жизнь и не трать ты деньги зря, пусть они лучше у тебя лежат в коробке из – под обуви, как у меня. Чем больше у тебя денег, тем спокойней.

Люда терпеть не могла, когда тратили деньги на книги, на вещи, на кино и театры. Только на еду ей было не жалко тратить

их. Она собирала купюры, пересчитывала, обнюхивала и была в этот момент самым счастливым человеком. Видно запах типографской краски успокаивал ее. Людмиле было спокойно от того, что эти безжизненные бумажки накапливались в ее коробке. Несколько раз она теряла свои сбережения из – за денежных реформ. И опять начинала собирать их по – новой в свою старую коробку из – под обуви.

– А зачем тебе деньги в коробке, Люда? – спросила ее Катя. – Ты же все – равно их не тратишь: книги ты не любишь, кино тебя раздражает, одеваться тебе не нравится.

– Деньги мне нужны, чтобы любить себя и мне с ними спокойно, – я ж тебе говорю, обижалась на нее Людмила.

– А без денег ты себя не любишь? – смеялась Катя. – Или ты их кладешь перед собой и любуешься ими. И ощущение такое, как – будто кино посмотрела или книгу почитала, да? Или положила их в свою постель и укрываешься ими, как одеялом. И тепло тебе от них и светло, – продолжала смеяться Катя.

– Посмейся у меня. Я и не посмотрю, что ты беременная. Как дам тебе по башке, – засмеялась в ответ Люда. – Они мне душу греют. Тебе, дуре, этого не понять, – продолжала ворчать Люда. – Ты же у нас всем встречным деньги раздаешь кошельками. Я всем рассказываю, все в шоке, какая ты ненормальная.

Купив себе юбку, брюки и два свитера, Катя поспешно распрощалась с Людой. Она задыхалась от общения с нею.

– Мне срочно нужно в женскую консультацию, – поглядывая на часы, соврала Катя. – А сама подумала: «Пойду – ка я схожу к ребятам на свою бывшую работу в кооператив. Что – то они часто стали мне снится».

– Привет, как я за вами соскучилась! – закричала Катя, забегая в кооператив. – Я, как только рожу, сразу прибегу к вам на работу. Я так за вами скучаю!

Ребята подбежали к Кате и стали обнимать ее.

Недалеко сидели три молоденьких девушки, которых недавно взяли на работу. Кооператив расширялся, заказов было много, приходилось работать в две смены.

– Новенькие? – спросила Катя, показывая на девочек, сидевших за ее бывшим столом.

– Да, набрали таких бестолковых, ужас, – прошептал ей на ухо Юра.

А девочкам громко крикнул, – «Работайте, нечего глаза пялить, потом посплетничаете. Все за работу!», – строго приказал Юрик, который уже работал заместителем Игоря. – А мы, Катюша, выйдем с тобой на свежий воздух. Тебе нельзя эбокситной смолой дышать.

Юра по – отечески, взял Катю за плечи и вывел ее во двор.

– Нам необходимо с тобой поговорить, – сказал он серьезно и открыл перед Катей дверь.

– Юрий Самуилович, мне показалось, вы мне не рады? Что случилось? – спросила Катя наигранно, сделав обиженный вид.

– Понимаешь, радость моя, у меня к тебе есть очень неприятный разговор. Дело в том, – произнес он задумчиво, – мне нужно открыть тебе один очень важный секрет. Я понимаю, что я могу потерять очень многое, если об этом узнает Игорь. Мы с ним компаньоны давно, ты же знаешь. Он мне не простит никогда, что я тебя пожалел. Дело вот в чем, ты очень хороший человечек, Катюша, и я не хочу, чтобы ты страдала в этой жизни. Тебе срочно нужно сделать аборт. И не перебивай меня, – остановил он Катю, которая хотела возмутиться. – Игорь не тот человек, за кого себя выдает. Он женат и его жена знает о твоем существовании. Я вчера случайно узнал, что они используют тебя, как дешевого донора. Твоя тетка Людмила все это подстроила. Она у них на каких – то процентах. Жена Игоря работает у нас главным бухгалтером. И все кооперативы принадлежат ей. Игорь от нее очень зависит. Ты ее тоже очень хорошо знаешь. Это – Татьяна. Новый год в ресторане в городе Кола, помнишь? Это ее ресторан. Да все, что имеет Игорь принадлежит ей. Он никогда с нею не разведется. У них уже есть один ребенок, сын. Он инвалид. Ему двенадцать лет. Он не слышит, не говорит и не ходит. Игорь с женой его держат в интернате. Они никак не могут смириться со случившимся. Понимаешь, у Игоря нашли белокровие. Его жена Таня считает, что именно его диагноз виноват в том, что у них родился больной ребенок. И каждый из них винит друг друга в этой беде. Но самое главное, – у Тани есть влиятельный дядя, – политик в Москве, и он оставил ее будущему сыну огромное наследство, но он не знает, что Таня больше детей иметь не сможет, потому что ей все удалили по – женски. Игорь предложил найти донора. Они выбрали тебя по совету твоей тети Люды, поэтому она тебя и вызвала сюда. Они решили пустить тебя в качестве эксперимента: если у тебя родится здоровый ребенок, они его заберут, а если больной, то тебе с ним мучиться придется одной. Он им будет не нужен. Игорь с женой смеются над тобой, что ты все принимаешь за чистую монету и обсуждают вдвоем, чтобы еще придумать, чтобы над тобой потешиться. Тем более, что твоя родная тетка дала им на это добро, – она продала тебя, как донора. Игорь рассказывает твоей тетке, что ты о ней говоришь, как ты на нее обижаешься. И они обсуждают тебя вместе. Игорь с женой говорят, что ты – никто, потому что у тебя нет денег. А они – все, потому что деньги у них есть. Ты –

эксперимент! Ты – подопытный материал. Дешевый донор. Я тебя очень прошу, – умоляюще попросил Юра, – уезжай отсюда домой, чтобы они тебя не достали. Я очень боюсь за тебя. Одно я знаю точно. Ты – сильная. Ты справишься. Только, если честно, мой тебе совет, не рожай. У тебя все будет хорошо.

Это не твоя судьба, поверь мне. Я – твой самый настоящий друг и ты это знаешь. Извини, но иногда нужно сделать больно, чтобы потом было хорошо. Это как на операционном столе. Прости и спасибо за то, что ты выслушала меня. Да и еще, самое страшное. Они решили убрать тебя на болотах, как только ты родишь. Они убьют тебя. Поэтому Люда создает себе алиби, якобы ты, – распутная девка и она не знает, где ты! За убийство твое она отвечать не собирается. Но дала «добро», чтобы тебя убили. Вот, слушай, – протянул Юра диктофон, только не спрашивай, откуда я все это знаю. Скажи спасибо, что Господь подослал меня к тебе.

Юра нажал на кнопку диктофона и Катя отчетливо услышала голос Игоря. Он давал распоряжение, чтобы Володя убрал Катю на болотах сразу же после родов, а Людмиле приказывал информировать всех соседей, что Катя давно уехала к себе домой. «Нужно создать алиби, чтобы нас никто не заподозрил в убийстве Кати», – громко говорил голос Игоря из диктофона. – А ты, Таня, наденешь парик, который я купил, и будешь чем-то похожа на Катю. Возьмешь ее паспорт, он у меня в сейфе, купишь билет на поезд и прокатишься в сторону Михайловска. Засветишься перед проводницами. А дальше дело техники. Но сначала нам нужно забрать у нее ребенка, а потом пригласим ее за грибами, туда же, к той братской могилке, где все наши трупы лежат, – засмеялся Игорь громогласно, и Людмила нервным смехом поддержала его. – Всем все понятно, что нужно делать?

– Да, инструкции получили, начинаем работать, – смеясь произнесла Татьяна.

Катя хватала ртом воздух, слезы текли по щекам.

– Юра, как же так можно жить? Они же люди? – плакала Катя.

– Они не люди. Они давно служат Дьяволу. Пойдем, я тебе открою потайную комнату, ты заберешь свои документы, пока Игорь в командировке и уедешь отсюда навсегда. Только давай быстро, не задерживайся! Юра, оглядевшись торопливо по сторонам, быстро открыл Кате дверь в каминную комнату.

Катя зашла, как во сне, вспомнила рассыпанные весенние тюльпаны, шкуру белого медведя, сердце учащенно забилось от воспоминаний.

Катя вздрогнула, когда услышала голос Юры, который поторапливал ее и напоминал, что с минуты на минуту сюда

может придти Владимир, тот самый Владимир, – добрый хомячок, друг и второй компаньон Игоря Сергеевича, который теперь работает у него начальником службы безопасности.

Катя быстро стала искать свои документы в ящике стола, затем вспомнила про сберегательную книжку, на которую перечислялась Катина заработная плата и которая хранилась в сейфе.

Она оглянулась и обнаружила, что дверь сейфа была приоткрыта. Катя подбежала к сейфу, схватила, второпях, папку с документами, резко потянула на себя, папка выскользнула из рук Кати и полетела вниз, – из папки посыпались какие – то документы, бумаги и ее сберегательная книжка.

Катя стала торопливо собирать рассыпанные бумаги. Неожиданно ее взгляд привлекла милицейская сводка с фотографиями, на которой было написано огромными буквами, – «Разыскиваются серийные убийцы».

Катя недоуменно посмотрела на фотографии убийц и ужаснулась. Она не могла поверить глазам. Это были фото Игоря Сергеевича и его друга – напарника, мягкого хомячка, – Володи, с которым Катя вместе с Юрой начинала работать в этом кооперативе. Но фамилии почему – то стояли под фотографиями совершенно другие…

«Наверное, шуточный коллаж?» – подумала Катя.

И стала продолжать собирать оставшиеся документы в папку. На полу лежали раскрытые старые паспорта, Катя подняла их и увидела, что это паспорт Игоря Сергеевича и паспорт, теперь уже начальника службы безопасности – Владимира.

Фото были их, а фамилии в паспортах стояли такие же, как и на милицейской сводке. Катя ничего не могла понять.

«Слишком много информации за сегодняшний день! – пронеслось у нее в голове, – я ничего не могу понять, что вокруг меня происходит? Все события развиваются так стремительно, как в том страшном сне с двумя свиньями».

Катю охватил страх от последних новостей настолько, что она не могла трясущимися руками собрать все разбросанные документы. И одна сводка все-таки осталась незамечена Катей. Она одиноко лежала под столом.

Катя бросила злосчастную папку в сейф и выскочила из потайной каминной комнаты на улицу, даже не попрощавшись с Юрой.

Домой Катя шла, ничего не видя. Слезы сами собой лились от горя, обиды, жалости к себе, к этому еще не родившемуся ребенку.

«Господи, за что, за какие грехи? Зачем это испытание

судьбой? Где и что я сделала не так и почему именно я. А ведь мне так хотелось стать мамой. Я так долго этого ждала.

Но я – эксперимент и мой ребенок эксперимент. Разве можно делать эксперимент над живыми людьми? Эксперимент, – какое грубое, злое слово? Как нужно ненавидеть весь род человеческий, чтобы ставить такие эксперименты…

Почему люди думают, что они пришли на эту землю всего один раз? Игорь – убийца! Отец ее ребенка – убийца! Володя, мягкий хомячок, – тоже! Какой ужас?! – думала Катя. – Что ждет их в следующей жизни за такой грех? Что с ними будет потом? Как они могут сейчас жить с таким грехом?

Вопросы один за другим догоняли Катю и вставали перед нею черной стеной. Катя шла, падая и поднимаясь. Ноги не хотели слушаться. Люди все, в одночасье, вымерли. Звенящая злобная тишина давила на плечи. С трудом Катя шла, ничего не видя вокруг. Она шла за своими вопросами в никуда…

Глава 21

Какая красивая сказка! Огромные ели окружили деревянную трехэтажную избушку синего цвета. На фоне голубого неба она казалась каким – то сказочно – огромным и неземным существом, и не просто существом, а нависающим над тобой и осуждающим тебя чудовищем.

Звук шуршащих елей, издаваемый при помощи ветра, окутывал тебя и грозно приговаривал: «Зачччем пришшшшла? Зачччем пришшшла? Дажжжже не думай ничччего делать!

«Это сон», – подумала Катя, заходя в больницу.

Синее чудовище, в народе называемое абортарием, недовольно скрипнуло и нехотя впустило Катю в свою обитель.

– Здравствуйте, Галина Абрамовна. Имя Катя прочла на табличке, заходя в кабинет главного врача.

– У меня нет прописки, жилья, но у меня есть проблема…

И Катя рассказала ей все, что знала о своем ребенке, о болезни отца ребенка и об эксперименте.

– Срок очень большой. Вы понимаете, чем вы рискуете? Вы останетесь без детей, в лучшем случае. В худшем, – умрете на операционном столе или наоборот, – цинично добавила врач. – Я не могу ни чем вам помочь, да и никто вам не поможет в такой ситуации, – строго сказала она.

На вид ей было лет пятьдесят. Небольшого роста, смуглая кожа и очень черные как смоль, живые глаза. Женщина внимательно посмотрела на плачущую Катю и, немного смягчившись, добавила:

– Как вас угораздило вляпаться в такую историю?

Она набрала какой – то номер телефона и поинтересовалась, находиться ли в интернате ребенок под такой фамилией? Ответ даже услышала Катя, но диагноз не услышала, но зато догадалась, что в отличие от нее, врач все поняла.

– Я очень вас прошу, помогите мне, пожалуйста, – плакала Катя.

Слезы, не переставая, заливали ее лицо. И как крик души, она умоляюще произнесла: «У меня есть три тысячи рублей. Я хотела купить машину. Пожалуйста, возьмите деньги. Я напишу расписку, что в исходе операции никого не буду винить. Что я полностью всю ответственность беру на себя. Только, пожалуйста, помогите!».

– Хорошо, я сейчас позвоню в онкологию. Если информация подтвердиться о патологии отца, я приму решение, – строго отчеканила Галина Абрамовна. – А пока подождите в коридоре.

Казалось, прошла целая вечность за те полчаса, которые решали Катину судьбу. Опять она ее испытывала и тянула время, проверяя, насколько хватит сил у этого неразумного создания природы, каковым она считала Катю.

Ведь можно было все взвесить. Жить не рискуя, просчитать каждый шаг, сесть и подумать, а не бросаться, словно в омут, в новые отношения с малоизвестными людьми. Нельзя так слепо доверять людям и оценивать их по шкале той же, по которой оцениваешь саму себя. Нет одинаковых людей. Есть похожие взгляды на жизнь. Есть общее мнение о каких – то житейских ценностях. Есть что – то близкое по духу, но одинаковых взглядов на жизнь – нет. Одинакового мнения, о каких – то житейских ценностях – нет. Одинаковых душой – нет, потому что мы все одинаковые своей непохожестью друг на друга. И что одних раздражает в других, другим нравится в третьих, а третьих бесит все это в четвертых, а четвертым ненавистны все.

– Заходи! – грубо, по – солдатски, – произнесла Галина Абрамовна. – Вот тебе ручка, вот лист бумаги, пиши, – «Я, такая – то такая, в моей смерти прошу никого не винить и за исход операции полностью вину беру только на себя, потому что другого выхода из создавшегося положения не вижу. Я понимаю, всю серьезность случившегося и о сроке беременности ознакомлена. От искусственных родов отказываюсь, число, подпись.»

– Все, теперь иди готовься к операции, сдашь анализы и пойдешь последней, после остальных, в конце рабочего дня. Деньги положишь в карман халата, мало ли какой будет исход, а примета такая есть, – деньги наперед не брать. Все! Свободна!

И презрительно посмотрев на очередную жертву, Галина Абрамовна протерла брезгливо руки спиртом, как бы говоря всем своим видом: «Ты не первая и не последняя, а я умываю руки…».

Палата была очень огромной: пятьдесят кроватей по десять штук стояли в пять рядов. Шумно не было. Но стоял такой вакуумный гул от разговаривающих друг с другом больных. Девочки в палате очень хвалили весь медперсонал больницы и больше всех заведующую, – очень толкового специалиста, как говорили они.

– Сама редко практикует, только очень сложные случаи берет. Еще говорят, что она очень любит деньги, потому что еврейка, – шептались девушки в коридоре.

«Можно подумать только евреи их любят? – подумала Катя. – Русские их ненавидят, армяне ими хвастаются, грузины на них угощают, немцы их экономят, американцы их вкладывают, итальянцы на них веселятся, а французы ими балуют женщин.

Одни евреи их любят. Поэтому ученые – евреи, врачи – евреи, политики – евреи, главный жрец и жрица у язычников, – и те евреи. А те евреи, которые не любят деньги, те – неправильные евреи.

– Послушай, Катя, а тебе когда будут делать аборт? Сегодня или завтра? – спрашивала девушка, кровать которой стояла напротив Катиной.

Девушка была очень разговорчивая. Сразу познакомилась с Катей, когда она стелила постель.

– Не знаю, – ответила Катя. – Наверное, завтра, а может, – сегодня.

Девочки, которые уже сделали аборт, пережив испуг, веселились вовсю. Видно отойдя от наркоза, боялись разучиться разговаривать и поэтому все время смеялись и рассказывали друг другу забавные истории о прошлых абортах.

– Вот прошлый раз я так орала на этих врачей, а потом на мужа, потому что он один получает удовольствие от секса, я же никогда его не получала. И все страдаю, терплю все это только из – за его зарплаты. Он же у меня один работает и постоянно упрекает меня, что я – тунеядка. Говорит, что я обязана его кормить и ублажать. А я, как дура, расплачиваюсь этими абортами. Лучше, наверное, пойду на работу устроюсь, а то я каждый месяц хожу сюда, – кричала все время соседка по кровати, боясь, что ее не услышат на другом конце палаты.

В палате лежало очень много женщин. Все были разных возрастов от пятнадцатилетних девушек до шестидесятилетних старух. Вот где поистине правда: «И на старуху бывает проруха». А может быть, такими казались Кате сорокалетние женщины?

– Катя, почему ты отвернулась, не хочешь рассказать нам свою историю? – допытывалась назойливая соседка. – Мы о тебе ничегошеньки не знаем. Так нельзя, мы здесь все сестры по несчастью или по счастью. Не угадаешь здесь. А у тебя есть дети? Вот я троих уродов наплодила. А ты скольких? – смеялась и толкала Катю в плечо, – Рита.

О том, что ее так звали, знали уже даже на другом конце палаты.

– Ритка, перестань горлопанить! – кричали ей с другого конца палаты.

Она как будто ничего не слышала громко продолжала кричать:

– Мой идиот – муж говорит мне: «Рита, когда ты бросишь делать аборты? Тебе видно эта процедура нравится? – А я ему в ответ, – «Ты, милый, угадал. Мне нравится даже больше, чем сексом с тобой заниматься.»

И опять заливается смехом вся палата и сама Рита хохочет громче всех.

– Катя, ты что, переживаешь что ли? Нашла за что переживать? Или боишься? Так ты не бойся, я почти каждый месяц хожу и ничего страшного, – продолжала успокаивать ее соседка Рита…

Страшное было впереди, когда вдруг забегали врачи и медсестры. Они останавливали кровотечение у Риты, которая находилась на краю жизни и смерти и правду могла знать только ее судьба, которая в это мгновение ее испытывала. Было очень страшно и жалко эту молодую женщину, потому что все, включая Катю, успели полюбить и возненавидеть ее за то время, пока она была с ними. И все сразу поняли, почему она так много говорила, – она как – будто хотела наговориться на всю оставшуюся жизнь. А сколько ей осталось, никто не знал, кроме ее судьбы…

– Воронцова, в операционную бегом! – пробасила медсестра уставшим голосом. – Ну и денек сегодня?! Подобрались все тяжелые, хоть караул кричи.

– А что с Ритой? – спросила женщина в углу палаты.

– Что, что, померла! А что вы думаете, по сто абортов в год делаете. Стенки матки не выдержали, стерлись, – ухмыльнувшись, произнесла медсестра, и обратилась к Кате:

– Иди, не дрожи! – толкая в спину и недовольно приговаривая, шла за Катей старшая медсестра. – Понаехали тут на север всякие за большим рублем. Все отбросы, а нам сверхурочно вкалывай. Садись вот сюда на кушетку. Куда уселась? Пеленку постели сначала. Сейчас мы тебя позовем, и тяжело шагая и также тяжело дыша, зашла «добрая спасительница» в белые покои.

Из операционной доносились сильные стоны. Запах хлорки преследовал так сильно, что закружилась голова.

– Главное выжить, главное выжить, – шепотом проговаривала Катя.

Как будто давала установку себе и еще кому – то невидимому. Тому, кто все время был рядом.

– Мне нужно выжить. У меня все будет хорошо. Прости мою душу грешную, Господи! Помоги мне со всем этим справиться.

Сердце так сильно билось, казалось стук было слышно в ее маленьком городке, – Михайловске. Девчонкой рисовала она картинки и часто представляла себя очень хорошей мамой; нежно и аккуратно носила на руках свою дочку или сына. Они с подружками все время играли в дочки – матери. Их любимые куклы были самыми послушными детьми на свете.

– Следующая, заходи! – услышала она где – то далеко – далеко.

Тяжелыми ватными ногами, еле передвигая их, зашла Катя в залитую светом белую комнату. Как в полутьме видела идущую навстречу Галину Абрамовну, которая аккуратно взяла из ее рук халат, повесила его на вешалку, предварительно ощупав карманы.

– Так, подруга, срок большой. Будем делать тебе все без наркоза, с уколом. Мало ли что. Сразу говорю, что будет очень больно. Быстро взяла резиновое кольцо в зубы и если хочешь еще иметь детей, то лучше не дергайся. Мы тебя, конечно, привяжем. Ты не пугайся, мы сами боимся, но ты же, девочка, по жизни любишь, чтобы над тобой делали эксперименты. Так что настройся, расслабься, мы приступаем, – улыбаясь и, по – родственному подмигнув, сказала Галина Абрамовна.

Она уверенно надевала перчатки и, глядя на Катю, как на очередную жертву, спросила: «О том, что ты здесь ведь никто не знает? Правильно я поняла? Ты же никому об этом не сказала?».

– Нет, как договаривались, Галина Абрамовна, – ответила Катя пересохшими губами. – А можно я буду стихи вслух читать? – спросила Катя дрожа всем телом. – Я буду читать их громко, пока будет идти операция. Это будет меня отвлекать от боли…

– Ладно, если тебе так легче, устроим вечер стихов. Но только не забудь закусить резинку, иначе зубы все сломаешь о стихи.

– Я Дементьева люблю стихи. Я их буду читать! Катя начала громко выкрикивать строчки, боясь, что потеряет сознание.

– Для кого – то дружба тоже бизнес, выгодная сделка без потерь, если же итог пойдет на минус, новый друг укажет вам на дверь…

Дальше все происходило как во сне: как в тумане стали исчезать лица людей в белых халатах, они сливались с белыми стенами и ярким светом и становились одним целым белым пятном на грязной поверхности жизни.

Сжав зубы, Катя продолжала читать стихи, громко стонать им. Она пыталась не слышать, как внутри разрезали ребенка на куски, как скребком из нее забирали уже то, что от него осталось. Врачи безжалостно убивали ее ребенка и Катя была их соучастницей.

«Боже мой, какой это большой грех делать аборт! Убивать маленьких человечков. Не давать им увидеть Свет. Вот и я убила своего родного ребенка, который, не успев родиться, стал неудавшимся экспериментом: большим грехом разумных существ, которые называют себя «человек – разумный. Да он же, человек, и

есть самое страшное животное на свете, если ставит эксперименты на своих же собратьях!» – рыдала душой Катя.

– Воронцову на выписку не готовьте, что-то пошло не так! – сказала Галина Абрамовна, осмотрев Катю на следующий день. – Быстро готовьте капельницу, температура высокая, идет воспалительный процесс.

Медсестры ставили ставки между собой, – выживет или нет. Катя металась в бреду, отгоняла от себя страшных каркающих свиней, которые летали вокруг нее, как вороны. Она с кем-то разговаривала, просила прощение у не родившегося ребенка, и звала постоянно Никиту.

– Да, случай сложный, – услышала Катя вдалеке, но главное – эксперимент удался. Выжила, вот как бывает. Организм молодой, здоровый, ни разу не рожала. Думаю, выкарабкается, – говорила Галина Абрамовна, обращаясь к старшей медсестре.

После чего наклонилась к Кате, поправила одеяло и сказала: «Но гарантий дать не могу, что у вас когда – нибудь будут дети. Так что готовьтесь к одинокой старости. Во – первых, возраст двадцать шесть лет опасен для абортов, во – вторых, срок очень большой, а в – третьих, эмоционально – депрессивное состояние, что вы не переставая рыдаете, – скажется на последующих беременностях не в вашу пользу. А вообще, что дальше будет, знает только Бог…».

Катя пролежала в больнице две недели. Температуру сбили. Критический момент миновал. Никто не знал, что она была в «Абортарии». Игорь Сергеевич находился в командировке; о том, что она сразу после разговора с Юрой пошла в больницу, Катя никому не сказала.

«Вот так умерла бы, и никто не узнал, где я и что со мной, – думала Катя. – Может мне и жить не нужно после всего, что я сделала? Как смотреть в глаза маме? Как жить дальше?», – думала она, отвернувшись от всего мира к грязной зеленой стене больничной палаты.

– Если уж быть предельно откровенной, то я отработала свои деньги честно. Я постаралась сделать все аккуратно. Так что, жизнь покажет, будут у вас дети или нет. Но месяц никаких мужчин, понятно? – сказала Галина Абрамовна, вызвав к себе Катю в кабинет. Она протянула ей документы на выписку и первый раз за все время улыбнулась.

– Теперь на всю жизнь никаких мужчин, я их ненавижу, Галина Абрамовна.

– Так говорят все. Вы не оригинальны. Хотя стихи читали первая за мою практику и так выразительно, что наши хотят,

чтобы вы их до конца прочли. Как в себя придете обязательно нам их прочтете. И еще, вы не считайте нас врагами. Вы и только вы сами, виноваты в этой сложившейся ситуации. Нужно уметь разбираться в людях, а ребенок действительно был бы больным, если бы родился.

Я навела справки о его отце. Вина на нем, а не на его жене. Просто у людей от денег изменилось представление о жизни и они не хотят верить в то, что деньги еще не все. И если они есть, то это не значит, что у вас может быть все, что вы захотите. Именно, когда их много, может быть еще больше других неприятностей, которые нельзя решить с помощью денег. Их вообще может решить случайность.

Глава 22

Катя выписалась из больницы на пятнадцатый день. Похудевшая и уставшая от пережитого, она вышла на улицу и боялась идти по чистому снегу. Ей казалось, что она испачкает его своим существованием. Так гадко было на душе. Вся жизнь виделась страшным сном, который, вот – вот закончится.

– Первое, что нужно сделать, – это выехать из квартиры Игоря Сергеевича. Хорошо, что у него командировка на месяц. Чем быстрее я это сделаю, тем лучше для меня, – подумала Катя. – Нужно навсегда исчезнуть из его жизни, пока он не вернулся из командировки. Кате не хотелось видеть экспериментатора человеческих душ и тел и она не до конца понимала, что значит эта милицейская сводка? Все было похоже на страшный розыгрыш!

– За что мне такие испытания? – думала она, возвращаясь домой пешком. – Может все это для того, чтобы такие люди, как я, – не имели детей? Но можно было поступить со мной просто, – не дать мне их вообще, без этих ужасных испытаний. Катя шагала неуверенно, наступая осторожно, как ей казалось, грязными ногами по чистому пушистому снегу.

– Боже мой, я вся испачкалась. Я вся такая грязная. Я испачкалась своими последними проступками. Наверное, я несу кару за чей – то грех моих предков. А может, я сама грешница великая? Просто, себя судить очень тяжело самой. Внутри темно и в каком – то закоулке души можно потеряться. Или в каком – то другом закоулке души спрятался такой маленький грешок, размером с человеческую жизнь.

– Привет, любимая, – услышала Катя шепот над ухом.

У Игоря была манера всегда тихо входить в квартиру, украдкой подходить к человеку, молча стоять и слушать о чем говорят присутствующие. Катя опять почувствовала себя очень виноватой подопытной, которая что – то напутала в эксперименте и своим вмешательством все испортила.

«Главное не выдать Юру, – пронеслось у нее в голове. – Нужно подыграть Игорю, чтобы он ничего не понял».

– Привет, – виновато произнесла она.

– Как я за вами соскучился! – бросился к ней Игорь и прижался к животу. – Как вы тут без меня, как там наш малыш? – повторил он, обнимая и целуя Катин животик.

Самое страшное было, что он произносил все очень искренне, – и влюбленный взгляд, и ласковое прикосновение. Если бы не какая – то нагло – блуждающая улыбка, которая и

раньше появлялась на его холеном лице, то Катя могла подумать, что все, что с нею произошло, – это был страшный сон.

«Как я раньше не видела два человека в одном теле», – думала Катя, глядя на Игоря Сергеевича.

Она открыто посмотрела в глаза нечеловека – дьявола и ужаснулась, – глазницы были совершенно пустые, заполненные наглой ложью.

– Никакого ребенка там нет, – оттолкнув твердой рукой Игоря, жестко произнесла Катя. – Я сделала аборт. Мне надоели твои обещания насчет прописки. Мне надоели твои обещания насчет работы. Мне вообще все надоело. Мне вообще нужно сначала стать на ноги, а потом думать о ребенке, я ухожу от тебя насовсем, – глубоко вздохнув, сказала Катя.

Секунду Игорь стоял с блуждающей полусумасшедшей улыбкой на лице. Затем покраснел, небольшая отечность появилась возле глаз. Одутловатое лицо посинело, он весь затрясся и замахнулся на Катю.

– Ты что, тварь, думаешь вот так спокойно уйти?! – орал Игорь в бешенстве.

Ему уже не нужно было надевать маску доброго, чуткого отца семейства. Он в ней окончательно задохнулся. Теперь, наконец – то, он был настоящим Игорем. И очень хорошо было видно, что ему комфортно быть самим собой.

– Я столько денег в тебя вложил! Кормил тебя красной и черной икрой с руки. Не брезговал тобой. Ты, мразь, очень пожалеешь о том, что сделала. Ты, ты, – задыхаясь и заикаясь произнес он. – Ты сдохнешь без меня!

И вдруг резко замолчал и зарыдал навзрыд, как маленький ребенок, у которого отобрали любимую игрушку. Долю секунды Кате стало его даже жалко. Человек видно не привык, что ему отказывают. Он не понимал, что он сделал, не так? Он не понимал почему то, что он задумал, не сработало?

Ведь они так тщательно спланировали эту операцию, – «Дешевый донор» и вдруг такой провал. Катя смотрела на него и не понимала, как она не могла разглядеть это эгоистичное жалкое существо, которое рассказывало всем о своих подвигах и победах над наивной провинциалкой? И думало, что очень легко обмануть наивную простушку и сделать ее игрушкой в своих руках. И как «Оно», совместно со своей женой, придумывало план очередного унижения над своей подопытной. Как «Оно» ухаживало за ней и кормило рабочий материал с руки. Ведь «Оно» было в ответе за того, кого приручило…

Катя знала одно, что ей нельзя, ни при каких обстоятельствах, раскрывать источник информации. Она ведь

дала слово, – и по совести не должна была навредить Юре. Ведь он, от души, боялся за ее будущее, не боясь за свое. Если бы Игорь догадался, что это Юра предупредил Катю, он бы разорил своего компаньона в один счет. Но Катя всегда говорила сама себе, что нужно жить по совести всегда. А совесть, – «Никто не увидит, никто ничего не скажет, а я все равно этого не сделаю», – постоянно повторяла про себя Катя. – Эта установка было ее жизненным кредо.

– Ты что ничего не боишься? Да ты же тупая как пробка, – орал Игорь, брызжа слюной. – Ты не представляешь, куда ты влипла, девочка! Тебе конец! Я тебя проклинаю! У тебя никогда не будет детей. Ты никогда не выйдешь замуж. И самое интересное, ты попадешь под задние колеса автомобиля, случайно. А вообще нет, если так будет, то это будет легкая смерть для тебя. Я придумаю тебе смерть пострашнее! Ты – ничто, потому что у тебя нет денег. А я – все, потому что у меня их много. Я смогу купить всех ментов, а потом взять и продать их, и снова купить. А ты, как была грязью, так грязью и сдохнешь, вместе с ментами, потому что вы – нищие…

И в тот самый момент, когда Игорь выкрикивал все эти мерзости, он поднимал руки к потолку, тряс ими и видно было, что он в этот момент возомнил себя Богом.

Катя смотрела на него, широко открыв глаза. Она не могла поверить, что человек может так быстро измениться. Она не могла поверить, что так можно было играть роль?! Без всякой профессиональной актерской подготовки и вдруг такая великолепная актерская работа. Она резко вздрогнула, но, ни от того, что Игорь замахнулся на нее рукой, а от того, что раздался звонок в дверь. Звонили три раза, звонил кто – то свой.

«Господи, хоть бы это был Юра, – подумала Катя. – Он бы не позволил Игорю так издеваться надо мной.»

– Кого еще черт несет? – заорал Игорь и быстрыми шагами стал подходить к двери. – Кто там? Виктор это ты?

– Да, – ответил охранник Игоря Сергеевича.

Это был высокий красивый молодой человек, бывший спортсмен, а теперь личный охранник убийцы.

– Ты как раз вовремя, заходи, – сказал он своему охраннику. – Да, я помню, что прилетела сестра Володи. Я хотел поселить ее здесь, с Екатериной, – нервно отвечал он на вопросы. – Они что уже приехали из аэропорта? – зло спросил Игорь.

– Хорошо, пусть заходят.

Катя с сумкой быстро подбежала к выходу и хотела спрятаться за спиной Виктора. Но Игорь Сергеевич схватил ее за руку и толкнул в комнату.

– А ты куда собралась? – высокомерно, как служанке, обратился к ней Игорь. – Мы еще с тобой не закончили разговор и, выхватив сумку из рук Кати, Игорь вытащил оттуда паспорт. Он стукнул им по лицу Кати наотмашь и приказал как собаке:

– Сидеть! Разговор продолжим после! Виктор пригляди за ней.

Игорь Сергеевич зашел в ванную комнату, умылся холодной водой. Катя не знала, что делать?! Уходить? А без паспорта как? Как устроиться на работу?

«Уйти без вещей, не страшно, – подумала она. – А вот без документа, удостоверяющего, что ты человек, а не собака, нельзя. Что делать? Нужно бежать и чем раньше, тем лучше».

Плакать, почему – то не хотелось. Страшно тоже не было. Была только пустота. Страшная рыдающая пустота.

– Виктор, отпусти меня, – попросила Катя, подойдя к двери.

– Не могу, Екатерина Евгеньевна, шеф приказал сторожить!

В это время Игорь Сергеевич вышел из ванной. Он говорил по телефону с Володей-хомячком, чтобы тот поднимался с сестрой в квартиру. В дверь позвонили, вошла симпатичная молодая девушка и Володя. Игорь раскрыл для них объятия.

– Ой, заходите, гости дорогие! – приветливо голосил совершенно другой Игорь. – Заходите, заходите. Сейчас принесут обед из ресторана и будем пировати, – смеясь и ласково улыбаясь Кате, как ни в чем не бывало, произнес нечеловек.

– Так, Катюша, подсуетись. Приглашай гостей, вот знакомься, – это родная сестра твоего мужа Володи, – Ириша. Ой, яка гарна дивчина! Вона з Украины только что приехала. Она ни разу не видела его жену.

«К какому мужу? – подумала Катя. – Игорь с ума, что ли сошел?»

– Ты что не рада родственнице? – смеялся Игорь Сергеевич.

Он подтолкнул Катю к Володе-хомячку.

– Теперь Вова, она твоя жена. А я, разрешите представиться, свободен и несметно богат, – обратился он к сестре Володи. – Представляешь, Ирочка, я еще и первый олигарх России и очень завидный жених, – продолжал разыгрывать спектакль одного актера, Игорь Сергеевич.

Катя удивленно посмотрела на Володю, начальника службы безопасности, на охранника Виктора, который не понимал, что здесь происходит.

Но старый знакомый, – мягкий и пушистый хомячок, превратился в искусственного колючего ежика. Владимир, не глядя на Катю, схватил ее за руку.

– Жена, пойдем, выйдем на пару слов!

Володя потащил Катю в другую комнату.

– Ирочка, извини меня, пожалуйста, – обратился Игорь Сергеевич, к сестре Владимира. – Я сейчас подбегу к тебе. Только разберусь с молодоженами. Вечно твой брат со своей женой ругается, – пропел Игорь и вышел вслед за Катей и Владимиром.

– Так, мразь, – сказал он, наклоняясь к Кате. – Я все рассказал Вовчику. Паспорт ты не увидишь до тех пор, пока я тебе его не отдам. А сейчас я свободный человек, мне нужны дети, Ира мне их родит. Она – умная девочка. Не такая дура, как ты. У тебя было бы все, – дети и много денег, а ты выбрала нищету. Вовчик, ты меня знаешь, я твою сестру обеспечу с головы до ног. И ее двух детей тоже обеспечу. Я куплю ей квартиру, машину и все остальное. А тебе отдаю эту мразь. Я знаю, ты давно облизываешься по ней, да и охранник Виктор тоже.

Теперь, как хотите, хотите вдвоем, хочешь один. Поиграешь, а потом ему отдашь. Она – твоя. Мне она больше не нужна. Короче, дарю, берите, пользуйтесь, я не жадный. А затем в расход ее!

– Спасибо, брат, – сказал Владимир. – Только одна просьба: никогда не бей мою сестру Иру, ее первый муж так колотил, что в голове у нее пластина вставлена. Ну ты не переживай, родить она сможет. У нас в роду все плодовитые.

– А она точно мне сможет родить? – спросил Игорь настороженно. – Ты же понимаешь, у меня уже мало времени осталось.

– Да, конечно, сможет. Ей всего двадцать два года. Она в восемнадцать лет родила дочку, в двадцать – сына. Сейчас самый хороший возраст для рождения детей.

Катя стояла, слушала и не слышала. Смотрела и не видела. Происходящее настолько ее потрясло, что она смотрела перед собой и думала, что все это происходит не с ней. Кате казалось, что она смотрит очень страшный фильм – фильм ужасов!

– Что глаза вытаращила? – вдруг толкая ее в грудь, сказал Владимир, пошли, ублажать меня будешь!

Запах спиртного ударил Кате в лицо.

– Ты что не слышала, что пахан велел? Бегом в душ! Ты что сделала аборт, сучка? К тебе человек со всем уважением, а ты? Так его обидеть вздумала!

И схватив Катю за руку, он поволок ее в ванную. Перед тем как включить воду, Катя услышала смех в соседней комнате.

– Открывайте шампанское, будем отдыхати! – смеялся Игорь и на всю мощь включил музыку. В это же время Владимир включил воду в ванной. Последнее, что услышала Катя из соседней комнаты:

– Деньги есть, ты – человек, если нет, то ты – мент.

Владимир обнял Катю за талию своими огромными ручищами да так, что у Кати сразу что – то хрустнуло в спине. Схватил Катю за шею, он попытался изобразить страстный поцелуй влюбленного мужчины. Катя не могла вырваться и даже пошевелиться. Единственно, что она могла сделать, так это, укусить насильника.

Владимир, озверев начал ее бить. От мягкого хомячка не осталось и следа. Схватив Катю за волосы, он наклонил ее назад к полу и бил ее с такой силой в живот, в ребра, по ногам, куда мог попасть.

– Я тебя давно люблю! – кричал он. – А ты все меня за человека не считала! Ты же бедная у нас. Куда нам до тебя, – богатым?!

Он бил Катю и, казалось, вымещал на ней все свои жизненные неудачи, – начиная с дедовщины в военном училище и заканчивая неудавшейся карьерой во флоте. В мореходке его постоянно били, потому, что он был очень крупным среди всех молодых курсантов. А всем большим доставалось сильнее от старшекурсников маленького роста. Именно эти курсанты – старшекурсники маленького роста издевались над высокими молодыми курсантами. Наверное, били их в отместку, что ростом не вышли.

Владимир уже не видел Катю, а видел того мелкого Кольку – третьекурсника, который издевался над ним все время, пока не закончил училище. Катя тут же вспомнила почему – то именно эту историю. Владимир все время рассказывал ее в своих байках. Затем он, видно, вспомнил свою первую отвергнутую любовь и удачливого Игоря с женой – бухгалтером, а в завершении, – что на зоне его сильно опускали и поэтому в этот момент во всех своих бедах он винил маленькую, хрупкую девушку на которой вымещал зло всей своей жизни.

Катя, как могла, сопротивлялась. Она, не останавливаясь, махала своими маленькими кулачками, закрыв глаза и думала, что все это происходит не с ней, а во сне, в том далеком гадком сне с теми двумя свиньями. Но почему – то во сне их было гораздо меньше, чем в жизни. В очередной раз, когда были разбиты раковины и снесены полочки в ванной, озверевший Владимир удивленно посмотрел на окровавленную, но не сдававшуюся Катю, прорычал, как зверь:

– Ты и впрямь ненормальная! Не хочешь по – хорошему. Мы тебя сейчас вдвоем с Витькой оприходуем. Здесь и сейчас и до смерти. Ты ведь все равно нас посадишь, а сидеть нам не хочется, да и денег за тебя давать тоже. Ты – НИКТО. Катя сползла обессиленная на пол и свесила руку в ванну. Владимир поднял

кусок разбитого зеркала, посмотрел в него и закричал:

– Да ты меня поцарапала, дрянь!

Подскочив, он схватил маленькую тоненькую ручку Кати двумя своими огромными ручищами и что было сил стукнул ее о край ванны на излом так, что послышался хруст кости.

От дикой боли у Кати потемнело в глазах. Она чуть не потеряла сознание.

«Меня сейчас убьют, умирать совсем не хочется! С двумя точно не справлюсь, – лихорадочно проносилась мысль одна за другой. – Ничего не могу предпринять. Одно знаю точно. – нужно бежать!».

И не успев подумать, как это можно сделать, Катя внезапно вскочила, из последних сил собралась, толкнула всем своим маленьким, хрупким тельцем Владимира и сбила с ног огромного, ничего не подозревавшего детину, который, приоткрыв дверь, орал во все горло:

– Витек, иди сюда, десерт готов!

Видно они заранее договорились об условном знаке, чтобы поиграть вдвоем с подопытным кроликом. Катя резко толкнула Владимира, быстро повернула направо, забежала на кухню. Все происходило в считанные секунды, но они показались Кате вечностью.

В зале в это время раздавался смех и очень громко орала музыка. Именно она и заглушала шум всего происходящего. Из соседей никто не догадывался, что происходит в обычной двухкомнатной квартире.

«Никто меня не спасет здесь, кроме меня самой», – подумала Катя.

Она молниеносно пробежала через кухню, схватила на ходу стул, разбила окно, вскочила на подоконник, подпрыгнула и полетела вниз…

Ей казалось, что она летит, как птица над любимым городом и ей стало от этого ощущения очень легко! Неведомая сила подхватила Катю у земли и ей стало очень светло и тепло от неземного прикосновения! Несмотря на то, что на улице весна, сильный мороз хватал босые ноги, везде лежало очень много снега. Кате было очень уютно и тепло на чистой белоснежной улице. Именно снег, теплым одеялом, укутывал Катю. Ей не было даже больно. Она, как в замедленной съемке, поднялась над землей и полетела, едва касаясь теплого снега кончиками голых пальчиков. К счастью, квартира находилась на втором этаже, но фундамент был очень высоким. Но в этот момент Катя выпрыгнула бы с десятого этажа тоже. Ничто не могло удержать молодую девушку, – всю окровавленную, раздавленную и

униженную сделать то, что она сделала.

Катя бежала по ночному городу и разодранная одежда развевалась на ветру, как крылья Ангела. Они нежно несли ее над землей: Катя парила над Мурманском и легко перелетала от дома к дому. Ей стало очень спокойно на душе. Казалось, все происходит не с нею, – она не чувствовала себя обыкновенной земной девушкой, а видела себя со стороны инопланетным существом. Снег тихо и красиво падал, одевая Катю в разные теплые, меховые шубы. Сердце перестало громко биться. Кате было так легко и свободно в этом полете над жизнью и смертью, что она даже не заметила, как оказалась возле квартиры, номер которой был тринадцать.

Как она оказалась здесь, она не поняла. Невидимая сила подняла и принесла ее сюда на руках. Сомнений не было, – это входная дверь квартиры тети Шуры, новой «родственницы», о которой, слава Богу, Катя никому не рассказала. Она робко, дрожащей рукой нажала на звонок.

– Господи, кого черт принес? – грозно прохрипел такой чужой и такой родной голос тети Шуры.

– Да не черт, Ангел Хранитель, – оглядываясь назад, тихо сказала Катя.

Дверь скрипнула и вместе с ней ахнула тетя Шура.

– Катечка, да кто же тебя так?! Девочка моя, проходи быстрей. Давай закрывай дверь. Ты никого не привела за собой, уродов этих? Кто тебя так? Вот, твари, нелюди. Это ж точно не люди. Тебя что, изнасиловали?

– Мне плохо, у меня что – то с рукой, – сказала Катя, трогая осторожно поломанную руку.

– Дай, гляну, да тут перелом! Самый настоящий перелом. Я тебе сейчас в домашних условиях гипс наложу. Я же медсестра по образованию. Там ведь и спилась вот. Где спирт, там и спиваются. Я тебе об этом еще расскажу. А завтра пойдем в милицию. У меня там Федька – мент, – друг. Он нам поможет. Хорошо, что нас сегодня с комфортом доставили со свалки. Опять менты с облавой приезжали. Мы же чуть по чуть убираемся, готовимся к лету. Ну, выпили чуть, а они нас опять, бац, и заграбастали. Ну, вот и хорошо. А то, как бы ты домой попала? Ты же без ключей, как я вижу. И обе женщины, обнявшись, засмеялись.

– Что вы там разворчались?! – послышался недовольный голос дяди Васи. – Поспать не даете!

– А тебе, прям, завтра на работу, помолчи лучше, тунеядец, – отмахиваясь как от назойливой мухи, продолжала ворчать тетя Шура. – Ему ж нельзя работать. Ну я тебе про это потом расскажу. Ладно, я ведь битая перебитая, но это по заслугам, по пьянке.

Вечно ревнует меня, красавицу, ко всем собутыльникам. А я их до чего ж люблю всех! Особливо, когда они с бутылочкой ко мне приходят. А ты ведь не пьешь, ты меня не поймешь. Ладно, так вот я говорю, я хоть по пьянке битая, а ты – трезвая и тоже битая, – закрывая рот от смеха, сказала тетя Шура и серьезно добавила:

– Небось, наркоманы треклятые. Они всех бьют, дозу хотят, наверное.

– Нет, тетя Шура, это добропорядочные граждане нашей страны, просто ученые – экспериментаторы человеческих тел и душ.

– И, небось, образованные и семейные, и начальство. Завтра пойдем к Федьке – менту. Мы их всех посадим в тюрьму, что одному Сашке, что ль сидеть?

– Нет, нам нельзя в милицию, тетя Шура. У них везде связи, потому что у них деньги, – сказала Катя.

– Да пошли они со своими деньгами, мы их все равно посадим, – сказала тетя Шура уверенно.

На следующий день, придя в милицию, к Федьке – участковому, тетя Шура описала ситуацию и рассказала ему о случившемся. Возвратившись домой она радостно сообщила:

– Все, сидеть им всем не пересидеть!

Но не успела она закончить свой рассказ о походе в органы, как открылась дверь и на пороге показалась врач в белом халате: женщине на вид было около тридцати лет, стройного телосложения, очень симпатичная блондинка, зашла в квартиру и сказала:

– Екатерина Воронцова здесь проживает?

– Да, конечно, – обрадовалась тетя Шура. – Как все – таки хорошо работает наша милиция. И главное оперативно. Правильно, нужно руку поломанную показать в клинике врачу. Иди моя хорошая с ними и все им расскажи, что вчера мне рассказала, а то говорят, милиции платят мало и поэтому они не работают. Видишь, какие молодцы! Так быстро приехали.

Врач странно посмотрела на тетю Шуру. Было такое ощущение, что ее тоже хотят показать врачу.

– Вы знаете, у меня нет документа, паспорта нет, – сказала Катя.

– Ничего страшного, там разберутся, – сказала улыбающаяся медсестра.

Там действительно разобрались. Больница была какая – то необычная, – длинные коридоры, решетки на окнах и решетки на дверях, в переходах из одного помещения в другое сидели люди в милицейской форме. Катя огляделась, но не увидела

рентгенткабинета. И вообще не было никаких табличек на дверях.

– Странно? – подумала она. – Может быть, в милицейских больницах именно так и должно быть?!

Глава 23

– Заходите, с каким – то пренебрежением, – произнесла медсестра, чуть толкнув Катю в спину и зайдя в кабинет, отрапортовала:

– Воронцову доставили.

– Хорошо хоть без проблем? – говорила, как бы для себя, заведующая странной больницы.

На единственной дверной табличке было написано – Светлана Семеновна Ермакович.

Женщине было около сорока, темные волосы выбивались из – под белого чепца и в контрасте черного с белым очень странно смотрелись. Они напоминали белые и черные силы Вселенной. Этакая ведьма в белом! Видно было, что она довольна своей жизнью и работой.

– Так, так, так, – продолжала изучающе рассматривать Катю– Значит так, мы вас сейчас положим в больницу и будем обследовать.

– А почему с переломом нужно класть в больницу? – удивленно спросила Катя. – Мне могут наложить правильно гипс и отпустить домой, – добавила она спокойнее.

– Нет, не могут! – строго сообщила врач и посмотрела на Катю как – то странно.

– Ну, хорошо, если вы меня не поняли, я повторю свой вопрос, – сказала Катя громче. – Можно я буду лечиться дома, а не ложиться в стационар?

– Вы что, милочка, издеваетесь надо мной?! – зло и визгливо заорала «добрая» тетя – врач в белом халате.

– У вас четыре креста, это последняя стадия венерического заболевания. И эта больница называется КВД, – кожно – венерологический диспансер. Вас отсюда никто никуда не выпустит. Вообще, уже обнаглели эти бомжи, – сказала врач, разглядывая Катин паспорт.

– Откуда у вас мой паспорт? – спросила Катя удивленно. – Мне все понятно, – добавила она, глядя прямо в глаза медицинской феи.

– А что тут понимать, паспорт нашли на улице посторонние люди, сдали в милицию и все, они привезли его вместе с вами. Вы, Бомжи, все на одно лицо. Вам же документ личности не нужен. Потому, что личности нет, да и человека тоже. Ладно, увидите ее на химобработку, – сказала врач брезгливо.

Катю вывели как заключенную, заставили раздеться прилюдно наголо. И грубо толкнули за целлофановую занавеску.

Облили каким – то раствором с головы до ног. Запах был настолько едким, что резало глаза и нечем было дышать. Спазмы в горле сдавливали так, что казалось еще одна схватка и ты уже не очнешься от удушья никогда.

– Выходи, возьми халат, одевайся быстро и бери вот этот мешок, – командным голосом пробасила мужеподобная женщина – гестаповец.

Катя взяла огромный мешок и поволокла его по полу; мешок был выше ее роста, она не понимала, что там может находиться и почему его нужно было тащить на четвертый этаж.

Вообще Кате казалось, что происходит все не с нею, и она оказалась опять в том плохом сне со свиньями. Синий халат, красные тапочки, зеленый мешок вдруг стали серого цвета и все вокруг стало серым как в черно – белом кино и даже исчез звук, как в немом кино. Съемки были в замедленном режиме, люди медленно двигались, поднимали руки, что – то показывая как пантомиму и самое страшное, что все смеялись без звука, – все смеялись, только оголяя зубы.

Люди открывали рты, судорожно покачивали головами, девочки и женщины, почему – то, держали в руках расчески и делали себе прически; лак для волос и фен вообще не вписывались в эту общую картинку больницы.

Некоторые девушки красились перед зеркалом и было ощущение, что все собираются на маскарад. Только вместо масок у них, – их собственные лица. Лица, которые вызывают у них же самих смех. Сквозь шум гула, издалека донеслась, как в фильме ужасов, тянущаяся, искаженная, как на зажеванной звуковой ленте, речь:

– Смотрите, к нам новенькая! Добро пожаловать в ад! – смеясь и помахивая руками с расческами, фенами и лаками, прокричали человеческие маски.

«Почему они веселятся и чему так радуются? – задавала себе вопрос Катя. – Это точно сон, а где же эти две свиньи и грязь? Сейчас, наверное, появятся», – подумала Катя.

Но ее размышление прервала гестаповша – медсестра. Она остановилась у двери с решеткой, открыла ключом дверь и толкнула в нее со всей силы Катю.

– Вот твоя келья, молись о спасении души своей и подумай, стоит тебе жить, – сказала «добрая гестаповша». – Проблем будет меньше, а таким как ты жить не нужно, это точно. Коптите воздух, корми вас. Государство всю жизнь должно на вас работать бесплатно. Вот из – за таких уродов. Извини, забыла сказать, – заразных уродов, государство должно быть нищим. А с ними нянчатся, кормят их, деньги на них тратят. Была б моя воля, –

всех к стенке и расстреляла бы. Вас нужно отстреливать, как собак, да патронов на вас жалко. Вон простынь есть, давай, у нас самообслуживание, – вешайся. Приду через двадцать минут…

Катя услышала, как щелкнул ключ в замке и удалялись шаркающие шаги гестаповши. От отчаяния она зарыдала в голос, закричала и стала бить кулаком себя по лицу. Правая, сломанная рука, ужасно болела.

– Почему я, Господи?! За что?! Что я делала не так?! – Я старалась жить по Твоим законам. Не убила никого. Ой, как же не убила? Аборт? Я все поняла. А связь с женатым мужчиной? Но, я же не знала, что он женат. А должна была все знать о человеке, с кем жила. Все, я все поняла. А дьявол – гестаповша хочет, чтобы я совершила еще один самый страшный грех, – повесилась? Не будет этого никогда. Хватит, нагрешила. И теперь крест свой понесу до конца. Что Бог даст за это, то и будет. Выше Бога не прыгнешь и чужую судьбу не проживешь. Проживешь только свою!

– Давай, стели постель, раз не повесилась, – заорала над ухом Нина – гестаповша, – так звали эту мужеподобную медсестру.

Катя даже не заметила, как та вошла.

– Что причитаешь?! Раньше нужно было думать! А теперь, что кулаками махать по лицу и по голове, здесь везде камеры. Хорошо, что выплакала свое горе, что вылила грязь из души. Омылась, это тоже нормально. Теперь давай расстилай постель. В мешке матрац, подушка, одеяло. Постельное белье на тумбочке, жратву сейчас принесу.

Катя заправляла одеяло в пододеяльник, а слезы ручьем, не останавливаясь, лились и капали на кровать. Руки, как ватные совсем не хотели слушаться.

«Жизнь кончена, – думала она. – Почему так быстро наказание за грехи находит тебя? Ты даже еще не осознал, что согрешил, а уже наказан и спрашиваешь себя, – за что?! За какие грехи своих предков, страдаешь? Оказывается за свои собственные. Ты просто их не узнал, даже не успел осознать их. А они уже с тобой и за тобой и впереди тебя поджидают.

Мне уже двадцать шесть лет. Ни детей нет. Ни семьи. Конец всей жизни в самом ее расцвете. Такой печальный конец и такой грязный. Если узнает мама, она этого не переживет никогда. Такой позор для семьи! Может правда лечь спать и не проснуться. Опять грешу, грязными мыслями.

– Господи! Прости меня грешную, – приговаривала Катя. – Я выдержу все. Сын твой ради человеческого рода все выдержал. Крест свой нес до конца. Боль преодолел физическую и душевную. И я постараюсь выдержать все испытания Судьбы.

– Воронцова, к врачу! Срочно к главному! – запыхавшись произнесла Гестаповша – Нинка.

И как – то странно, очень тихо произнесла слово, – к «главному», поднимая палец указательный вверх. Как будто главный был сам Бог.

– Иди бегом!

«Нет, чтобы сказать беги», – подумала Катя и вздохнула.

Она поднялась и тут же упала на кровать, – ватные ноги не хотели слушаться. Сначала она подумала, что они отнялись у нее на нервной почве, затем подумала, что это все – таки сон и попыталась ущипнуть себя, но опять ничего не почувствовала.

Катя хотела встать на ноги, но не смогла. Рука, сломанная, тоже очень болела. Одной рукой Катя, держась за спинку железной кровати, попыталась встать и снова упала. Кое – как с большим трудом ей удалось все – таки подняться и она, держась за стенку, медленно вышла в коридор. Катя даже не почувствовала сильного удара по спине, когда вышла из палаты. Она упала на колени вновь под веселый смех людей – масок, а они кричали ей над ухом, прыгая вокруг нее: «Ты что грехи отмаливаешь перед нами? Ты сильно не старайся. Мы тут все такие. Только ты у нас випклиент. У тебя, почему – то камера отдельная, наверное, ты – новая русская и заплатила хорошо за отдельный номер или сильнее нас заразная», – хохотали накрашенные маски со всех сторон.

– А может она очередная любовница главного?! Кризис, денег на квартиру нет у него, вот и сдает ей жилье по – дешевле, – продолжали наслаждаться собственными шутками постояльцы этого больничного заведения.

«Если они в таком же положении, как и я, почему им так весело? – думала Катя, идя к главному врачу. – Может им здесь очень комфортно? Тогда дома у них, значит, еще хуже, чем здесь. Я не пойму, они все с какими – то нечеловеческими прическами и почему они так вульгарно накрашены? Такое ощущение, что это не больница, а притон для девиц легкого поведения».

– Здравствуйте, сударыня, проходите, – слащаво произнес мужчина на вид которому было лет шестьдесят, а может и сорок. Кате все люди в этой больнице казались бесполыми и без возраста.

– Ну – с, как вы докатились до такой жизни? Как же вы, сударыня, заболели такой болезнью? Будем искать очаг заражения. Итак, ваши половые связи за месяц? – медленно облизывая каждое слово, так же как и губы, – произнес бесполый человек.

«Дедушка» испытывал наслаждение от того, что говорил и

видно было, что очень любил свою профессию и любил ее потому, что ему нравилось копаться в старом интимном белье.

– Игорь Сергеевич Севрюк, – сказала Катя и опустила голову.

Ей было неприятно даже вспоминать его фамилию.

– Хорошо, а полгода назад кто был вашим половым партнером?

– Он же.

– Так и запишем, а еще кто?

– Никто, он один, – удивленно произнесла Катя.

– Ну прямо – таки, он один. Какие мы скромные, – хитро прищурившись и высокомерно – зло посмотрев на Катю, – произнес доктор, что – то записывая в историю болезни.

Весь беленько – грязный доктор, без возраста и лица, старался даже ангажировать Катю.

– Конечно, мы так и запишем, сударыня. Ну, а теперь давай правду матку выкладывай! – вдруг заорал он. – Хватит из себя святошу строить. Я все о тебе знаю. Ты думаешь, у нас нет агентурных данных на твой образ жизни? И досье мы давно уже на тебя имеем. У нас свободная страна и все мы ходим под одной статьей. Так что мы все под колпаком и обо всех ваших связях нам известно. И потому мы не позволим вам распространять инфекцию в нашей чистой стране. Безнаказанно, вернее без вины, вы сидеть не будете, но за укрывательство разносчика заразы, вам сидеть придется. А что вы, милочка, хотели за свою такую грязь?

– Вы, доктор, правильно сказали – грязь! Так вот, я недавно находилась на учете в женской консультации, у них есть все мои анализы. Вы знаете, они не были такими грязными там. Может, они у вас испачкались? – спросила Катя, внимательно смотря на «чистого» дедушку.

– Мерзость, какая! Вы, голубушка, что себе думаете? Раз у вас есть высшее образование, так вы можете хамить главному врачу этого замечательного чистилища?! Вы, видно, не догадываетесь до конца, куда попали и чем это грозит, и что ваша болезнь требует долгого изучения и лечения тоже долгого, – десятилетиями не можем эту гадость уничтожить. Сейчас придет невропатолог, окулист и терапевт и мы начнем вас осматривать, как подобает настоящим специалистам в своей области. Мы все будем выносить вам вердикт.

Дверь открыл мужчина чуть помоложе главврача. Он брезгливо – вежливо попросил открыть Катю рот, затем указательными пальцами отодвинул нижнее веко одного глаза, потом другого и после этого попросил раздеться догола.

Видно было, что он с восхищением рассматривает молодую упругую грудь и красивую фигуру девушки. То, что она вся в

синяках и ссадинах, он даже не заметил. Проглотив слюну желания, он пожал плечами и, повернувшись к главному врачу, произнес:

– Видимых признаков не обнаружено. Может, подождем результаты анализов?

– Хорошо, подождем. Вы свободны и подтолкнув, то – ли невропатолога, то-ли окулиста – терапевта к двери, – сказал тихо, но чтобы Катя слышала:

– Это очень опасное заболевание и не всегда его можно обнаружить сразу. Вы, голубушка, лягте на кресло, теперь я посмотрю вас. Чем раньше мы обнаружим, когда вы были заражены, тем лучше для нас всех.

Сорокалетний дедушка пошел одевать перчатки, затем очень быстро пристегнул каким – то ремнем одну Катину руку, также быстро – поломанную руку.

Кате было очень больно, она даже не успела ничего сообразить, сломанная рука болела так сильно, что Катя чуть не потеряла сознание, невозможно было оторвать туловище от кресла.

– Странные методы осмотра? – подумала Катя.

Доктор тут же пристегнул к гинекологическому креслу ее ногу, уже протягивал свои противные высохшие ручонки к другой Катиной ноге и в этот момент она увидела, что врач – маньяк расстегивает дрожащими руками свои брюки. Катя поняла, что он хочет ее изнасиловать.

– Вы в своем уме?! – закричала Катя. – Помогите! На помощь! – громко стала кричать она.

Но все давно привыкли ко всему в этой частной венклинике.

«Помощи ждать, как всегда, не откуда», – подумала она.

И свободной ногой попыталась отбиться от этого неприятного ей старика.

Доктор быстрыми, отработанными движениями грубо зажал ей рот, но девушка укусила старика и когда он отпрянул, то грубо схватил ее за больную руку. Острая боль пронзила кость под гипсом. Катя с такой силой толкнула его ногой в лицо, что он упал навзничь и сильно ударился головой.

– Я сделаю твое пребывание здесь незабываемым! – в бешенстве орал старик, когда прощался со своей новой пациенткой. – Уведите! – громко закричал он, дотрагиваясь до появившейся шишки на голове.

Глава 24

Прошло два месяца чистилищного заключения.

«Неужели никто меня отсюда не вытащит? – подумала Катя. – Почему меня не ищут родные? Люда, наверное, сообщает им, что у меня все хорошо и что много работы. Может, хоть кто – нибудь знает, что я здесь? Но это же, как в тюрьме. Там хоть существует какая – то связь с миром или тоже не для всех. Что же делать? На улице наступило лето. Когда же я и природа останемся вместе? Когда я буду любоваться чистотой ее красоты».

Катя снова взяла лист бумаги и быстро записала на нем свои мысли. «Да, рассказ получился, мне кажется неплохой. И откуда у меня вдруг открылся этот дар?» – подумала Катя.

Она уже месяц писала маленькие рассказы, продолжая историю описывать во всех красках. Это единственное утешение давало ей силу жить. Катя вспоминала все, что с нею произошло за последнее время и все это записывала. Получалась толстая тетрадь набросков целого романа. Катя подружилась с Ниной – Гестаповшей и та носила ей листы формата А-4. А затем купила ей три общих тетради. Катя все их исписала.

Ей хотелось кричать на весь белый свет о том, что с нею произошло. Катя не хотела, чтобы ее ошибки повторяли девочки, которые так же как она слепо бросаются в новые отношения. Ей хотелось предупредить всех, чтобы они не попали в те обстоятельства, в которых оказалась она. И вдруг заметила, что у нее очень хорошо получается. «Если со мной что-нибудь случится, – думала Катя, – то Нина отдаст эти тетради кому-нибудь. Может быть в газете напечатают. Она вспомнила свою бывшую работу в редакции, Никиту и заплакала.

– Ну что ты опять ревешь? – спросила ее зашедшая с подносом Нина. – Опять сон про свиней видела?

– Нет, Нина, они мне больше не снятся, – вытирая слезы, сказала Катя.

– Тогда тетради закончились, да? И что ты в них постоянно пишешь, случайно не доносы?

– Нет, я рассказы пишу, наброски, мысли, которые меня одолевают.

Нина Гестаповша берет со стола лист бумаги, читает, – «Испытание судьбой».

– А что интересное название. А про меня напишешь?

– Уже написала. Вот возьми.

Катя протянула несколько листков бумаги Нине.

Нина посмотрела на них удивленно, села на стул возле стола

и начала читать. Дочитав до конца, она сжала этот лист бумаги в руке. Катя испуганно на нее посмотрела.

– Что не понравилось? – испугалась Катя.

Нина уткнулась лицом в эти сомкнутые листочки и зарыдала. Она так рыдала, что Катя ничего не могла сделать, только бегала вокруг нее и совала ей стакан с компотом.

– Р-р-разве так можно словами сказать? Катя, у тебя талант, ты слышишь меня, у тебя талант писательский. Ты будто в душу мою заглянула и все там увидела. Как ты красиво написала, что у меня сердце утопает в море слез за всех нас. А за грубостью я прячу свою израненную душу. Я же ведь, Катя, одна из вас. СПИД у меня. Мне осталось жить несколько месяцев. Муженек наградил. Но я носитель и не могу никого заразить. Сама потихоньку умираю. Муж уже умер. Он у меня капитаном был. С моря привез иностранную заразу.

Нина аккуратно расправила листочки. На бумаге расплывались буквы от ее слез.

– Вот испортила тебе рассказ.

– Ничего, я тебе его дарю. Я уже этот рассказ в тетрадь переписала, – сказала, улыбаясь, Катя.

Нина вздохнула, нежно сложила эти листки вчетверо, погладила их рукой и засунула в карман.

– Спасибо большое, Катя, вот никак не ожидала перед смертью про себя что-нибудь почитать.

Нина подошла к окну и стала смотреть на низкое северное небо, которое заглядывало в окно и улыбалось.

Катя подошла, обняла Нину и сказала: «Ты знаешь, я тоже очень люблю смотреть на небо. Оно такое спокойное при любой погоде, особенно летом».

На самом деле, на севере лето только витает в воздухе и опьяняет. Время года на севере определяется только по календарю. Поэтому июнь месяц, – это точно лето и никто этого не опровергнет, но на улице кое – где лежит снег. Иногда снег срывается даже летом, но это все равно лето севера. Катя сидела на широком подоконнике и как обычно рассматривала деревья, дома, и вечно спешащих куда – то людей.

«Вон на той стороне улицы идет мужчина и несет красивый букет цветов! Так приятно осознавать, что кто – то, кого – то любит и кто – то спешит сделать кого – то счастливой. Но на кого похож этот мужчина?! – стала вспоминать Катя.

– «Боже ж ты мой, да это, кажется, Игорь?!».

Катю как будто обдали кипятком.

«Серийный убийца идет сюда! Почему он до сих пор на свободе?! Тетя Шура рассказала все своему участковому Федьке,

назвала его прошлую фамилию из милицейской сводки! Неужели это чей – то глупый розыгрыш, а Игорь вовсе не убийца? Конечно, нет. Иначе бы он точно сидел в тюрьме. Это все, какое – то недоразумение, врачи сказали, что не могут найти они очаг заражения, что они не нашли эту заразу ни у бывшего мужа Кати, ни у Игоря Сергеевича. Наверное, они что – то напутали с моими анализами и я здесь оказалась по чьей – то глупой ошибке?» – думала Катя.

В начале северного лета, Игорь Сергеевич был одет в длинное драповое пальто темно – синего цвета и белый шарф. Летняя погода на севере обычно устанавливается в конце июля, поэтому, несмотря на яркое солнце, на улице было очень холодно.

Игорь Сергеевич шел, как всегда, с высоко поднятой головой, быстро перебегая улицу и тщательно рассматривая букет. Он поворачивал его во все стороны. Было видно, что он доволен своим выбором. И как всегда высокомерно откинув назад прядь своих поседевших волос, он уверенно направился в сторону больницы.

Катя быстро соскочила с подоконника и заторопилась в свою палату. Она увидела, как Игорь, держа букет и коробку конфет в руке, остановился в начале коридора, как он с шумом открыл дверь заведующей поликлинике – ведьмы в белом, Светланы Семеновны Ермакович, и как слащаво – громко произнес:

– Миледи, я так рад вас видеть! Как ваше драгоценное здоровьечко? Как докторская диссертация? Как вообще дела? Да и вообще, как тут поживает наш подопытный кролик, Катюша Воронцова?!

– Все замечательно! Спасибо за спонсорскую помощь, отец ты наш родной, свою подопечную можешь оставить на всю жизнь. Дверь прикрой, еще разговор есть, зашел, как заехал, вот душа широкая! Спасибо за цветы, Игореша, не забыл, какие люблю. Молодец!

Катя, услышав все это, встала как вкопанная, прислонившись к стене. Нина стояла напротив нее и удивленно на нее смотрела.

– Ты кого так испугалась, – прошептала она?

– Там мой убийца.

Нина приложилась ухом к двери, махнула Кате, чтобы та уходила. Она медленно пошла в свою палату. Коридор казался ей таким длинным. «Этот длинный тоннель в никуда, никогда не закончится!» – думала она, когда возвращалась к себе в палату. Слезы катились сами по себе. Она тоже шла сама по себе. И жизнь текла вместе с нею сама по себе. Войдя в комнату, Катя тихонечко села на край кровати, руками схватившись за матрац, как за спасательную соломинку. Она ничего не понимала в данный

момент. Мысли путались и она пыталась восстановить картинку увиденного и услышанного.

Нинка внимательно слушала под дверью, о чем там говорят. За дверью Игорь Сергеевич громко говорил, что сегодня ночью Воронцову нужно убрать. Он сказал, что уезжает в Москву на постоянное место жительства, теперь он, – депутат, неприкосновенная личность, что дядюшка постарался взять его к себе. Они с женой уезжают насовсем и нужно подчистить хвосты, – убрать ненужных свидетелей. Ведьма в белом уверенно сказала, что один укол и Катя Воронцова будет на небесах! Слышны были шаги Игоря Сергеевича, подходившего к двери. Он мило прощался с Ермакович Светланой Семеновной, заведующей КВД.

Нина Гестаповша шарахнулась в сторону, забежала в рекреацию, спряталась за напольный цветок. Мимо нее уверенной походкой прошел Игорь Сергеевич в палату к Кате…

Катя стояла в своей комнате возле окна и смотрела на небо, как бы прося у него помощи. Она с трудом держалась на ногах, держалась за подоконник, в ушах звенели шипящие колокола.

«Похоже! Меня либо убьют либо будут держать здесь всю оставшуюся жизнь! Потому что я – никто! У меня нет денег!».

Ее раздумья прервал голос за спиной:

– Привет, Екатерина невеликая! Как вы себя чувствуете? – с ехидной улыбкой спросил Игорь, – главврач, не беспокоит? Как дела на личном фронте?

Игорь Сергеевич плотно закрыл за собой дверь, резко повернулся к Кате и зло произнес:

– Ну что, не ожидала увидеть меня здесь? А ты, что думаешь, что все с тобой произошедшее недоразумение? Ошибаешься, моя дорогая, – зло прошипел он, беря Катю двумя пальцами за подбородок.

Он смотрел ей прямо в глаза и брезгливо произносил каждое слово:

– Это тебе наказание за то, что ты не послушала меня, не родила мне ребенка, и еще моли Бога, что ты не попала под задние колеса автомобиля, случайно. Посмотри вон в то окно. Видишь, там здание стоит – психбольница? Наверное, ни один день за этими психами наблюдаешь? Тебе ведь больше здесь заняться нечем.

Напротив Катиного окна действительно была психиатрическая клиника и видно было этих безумных людей очень хорошо. Здания находились очень близко друг к другу и Катя действительно их видела.

– Я хотел сначала тебя туда определить, – продолжал Игорь Сергеевич. – Но запросили очень много денег, поэтому тебе повезло, главврач оказался не жадным. Но, запомни, ты – грязь, потому что у тебя нет денег, а я – все на этой земле, потому что у меня они есть. Так что прощай и еще раз подумай, как ты нехорошо поступила. За свои дела нужно отвечать. Игорь Сергеевич еще раз брезгливо посмотрел на Катю и произнес сквозь зубы:

– Жить осталось тебе недолго! И я буду решать – сколько?! Потому что, кто много знает, тот мало живет! Я думаю, ты понимаешь о чем я?! – многозначительно произнес Игорь Сергеевич, пристально глядя ей в глаза.

Он зло сплюнул, хлопнул дверью и вышел из Катиной палаты.

Глава 25

Вечером этого дня, Нина Гестаповша держала лестницу возле окна туалета на втором этаже. Эта была не ее смена. И Нина тайком поджидала Катю, держа в руках свою старенькую куртку. Катя быстро вылезла из окна, благо была худенькая и легко могла поместиться в узкое окно больницы. Лестница шаталась, Катя дважды чуть не сорвалась на землю. Нина удержала ее и Катя благополучно спустилась во двор больницы.

– Господи, как хорошо! – сказала Катя глотнув полную грудь свежего воздуха.

– Беги вон в ту дырку в заборе, – поторопила ее Нина.

Катя обняла новую подругу, поблагодарила, что та спасла ее от смерти и сказала, что будет молиться за нее, чтобы она выздоровела. Но Нина перебила ее.

– Катя, самое главное, ты, – пиши, слышишь, пиши свои романы, а я их буду читать на небесах. Ты должна жить ради нас, – заплакала Нина.

Катя пообещала, что никогда не бросит писать и побежала к дырке в заборе, на прощание помахав рукой Нине, которая вытирала слезы и шептала:

– Храни тебя Бог, Катюша!

На улице резвилось настоящее северное лето! Конечно, оно как всегда было только на календаре и в душе у Кати. В кошельке у Кати не было денег совсем. Но она была так счастлива от того, что была на свободе и поэтому чувствовала себя – миллиардершей!

Катя бежала, оглядываясь, подальше от этого злосчастного заведения. Она боялась, что ее кто-нибудь увидит.

Неожиданно она услышала за спиной голоса. Катя испугалась и побежала быстрее.

– Катюха, Воронцова, стой, это ты? – кричала Света, дочь тети Шуры, из машины, которая поравнялась с Катей. – А мы тебя ищем.

Машина «Жигули» красного цвета была очень старенькая, но такая красивая!

– Ой, откуда вы здесь?! – спросила удивленно Катя и прыгнула в машину.

– Мы машину только что купили у родственника Ромкиного, выехали обкатать.

– Так она ваша, ой, как здорово! Ромка, я так за вас рада! Какие вы молодцы!

Катя радовалась за ребят! Радовалась машине, как ребенок

новой игрушке!

– Вы знаете, я всегда хотела купить машину, – говорила Катя, – я так рада, что она ваша и что вы здесь вовремя оказались! – обнимала Катя свою названную двоюродную сестру.

– Нет, сестренка, случайностей не бывает. Мы очень долго искали тебя: обзванивали все больницы, даже морги. Никто не знал, куда тебя отвезли врачи. А сегодня прям вытолкал кто-то нас, чтобы ехали машину проверять. И вот мы тебя нашли! – радостно сообщила Света. – Мама обрадуется, она все глаза выплакала за тобой.

Да, кстати, у нас хорошие новости для тебя. Кажется, наклевывается прописка. Так что будешь работать в своей газете или в школе. Ну, в общем, где захочешь и все у тебя будет хорошо! Наш один друг обещал тебя прописать. Мама Шура подсуетилась; поехала к нему, сказала, что любимой племяннице нужно помочь, пообещала ему, что ты денег ему дашь за прописку, как заработаешь. Все, жизнь налаживается. Не имей сто рублей, а имей сто родственников! Желательно на всей планете Земля. Наши, как раз у него сейчас день рыбака отмечают.

– Кать, ну чего ты ревешь? Все уже позади. Изверги, конечно, эти твои бизнесмены. Нам мама все рассказала, но против них не попрешь пока. Нужно их как – то научиться отличать от хороших людей. Да они умеют под нас подделываться. Но все равно это подделка, а не оригинал.

– Да, я от счастья плачу, что у меня есть вы, а больше мне никто и не нужен. Остальные просто умерли для меня. Вот и все! Я забыла их, как страшный сон. Мне ведь и правда все время снился очень страшный сон, – две свиньи, грязь! Это точно были они, – я их видела во сне. Это был просто плохой сон. Я проснулась и жизнь продолжается! Главное в этой жизни не грешить, а то можно не заметить, как в таких свиней превратишься.

У капитана все были в сборе, – тетя Шура, дядя Вася и даже соседка, тетя Галя, из соседнего дома была тоже. Она была женой настоящего капитана, который ушел в море. Так, во всяком случае, говорила она всем. Но, ей, конечно, никто не верил, потому что жены капитанов не ходят в рваных трико и вязаном, изъеденном молью, платке. Она всегда была под шофе, и с сигаретой в зубах. За столом сидел спившийся капитан, который давно уже не ходил в море, но обещал Катю прописать. Он был сам по себе из бывших капитанов. Когда Катя его увидела, то очень рассмеялась. Это был тот самый помятый капитан в белом костюме и фуражке, с которым Катя едва разминулась, когда бежала по узкой лестнице в частный район, где жили одни

алкаши. Это был настоящий спившийся бывший капитан.

Таких спившихся «Бывших», но не до конца опустившихся, было много, – капитаны, врачи, учителя. Они все были «Бывшие». Интеллигентные люди, которых в свое время не поняли, обидели, обманули. А на самом деле, они просто не нашли применение своим таким незаурядным талантам. Они потерялись и сломались в сложной жизненной обстановке и теперь усердно искали смысл жизни на дне бутылки. Поэтому работы у них было непочатый край. Выпьют одну бутылку, глянут на дно, а там нет смысла жизни, нужно другую бутылку открывать. Не хочется, а нужно. Вдруг этот самый смысл жизни окажется именно на дне этой последней бутылки?! Как не странно, но последняя бутылка была перед смертью у каждого алкоголика.

Катя понимала этих людей. Она любила и жалела их одновременно. Несмотря на их недуг, они еще не совсем опустились. Они оставались еще людьми. Они работали. Не воровали. Пытались жить. У них было столько талантов, что им действительно трудно было реализоваться. А как красиво они пели романсы и читали стихи…

Все «Бывшие» пришли отметить День Рыбака и поздравить капитана. А тетя Шура заодно договориться о прописке для Кати. И она едва не упала в обморок, когда на пороге квартиры капитана появилась Катя, которую привезли Света с Ромой. Было сказано столько теплых слов в ее адрес. Тетя Шура, не переставая, обнимала Катю и плакала, Дядя Вася произнес тост за лучшую журналистку планеты. Тетя Шура, – за самую лучшую племянницу! И все это был просто «Пиар» для того, чтобы капитан все – таки прописал Катю у себя в четырехкомнатной квартире.

За шестой бутылкой они убедили его, что Катя напишет расписку, заверенную у нотариуса, что ни при каких условиях не будет претендовать на его жилплощадь. И что прописать ее можно будет без права проживания. Наконец, после седьмой бутылки, – капитан согласился.

– Катюша, я тебя познакомлю со своей соседкой Машкой, – сказала подвыпившая настоящая капитанша, тетя Галя. – Ты понимаешь, она тоже с юга и тоже недавно переехала на север. С мужем развелась и поменяла астраханскую квартиру на Мурманск. Ей очень нужна подруга. Вы с ней ровесницы, вам будет вместе очень даже интересно. Так что я ей о тебе расскажу и потом позову тебя с собой к ней в гости.

– Мы тебе здесь и подруг найдем и мужа, – весело подхватила разговор тетя Шура.

– Нет, только не мужа, – передергивая плечами, сказала

Катя. – Мне от этого слова уже плохо!

– Да, ладно тебе, вон Светку выдадим за Ромку, а потом и тебе свадьбу справим, – продолжала устраивать Катину судьбу тетя Шура.

– Мы сейчас Ромину маму замуж выдаем. Она в восемьдесят пять лет замуж идет и ничего не боится, – смеялась Света. – А мы в двадцать шесть в обморок падаем от одного слова «Замуж».

– Что?! Ромка, это правда, что твоя мама замуж выходит? – удивленно поинтересовалась тетя Шура.

– Да, в следующем месяце приглашены, – недовольно пробурчал покрасневший Роман.

– Ну и молодец, баба, – сказала радостно тетя Шура, – сынка своего обошла! Вот ведь как в жизни бывает!

– А мне еще рано, правда, Света? – обратился за поддержкой Роман.

– Правда, тебе же всего тридцать пять. Вот будет тебе восемьдесят пять, как твоей маме, тогда и поженимся, – смеясь, ответила Света. – А пока время есть, будем искать тебе богатую невесту. Зачем тебе бедная, как я?! Ты ведь в мамочку пошел? Она нашла дедка побогаче и в Загс его затащила со всем его добром, чтоб детишкам своим напоследок еще деньжат подбросить. А мы пока не годимся в невесты, бедные мы, с нами можно и без замужества жить, правильно, Рома? – с издевкой продолжала Света.

– Ладно тебе дочка, что ты на моего любимого зятька накинулась? Любит он тебя. Вот хотела машину красную, неважно какой марки, лишь бы красная, – взял и купил. Вот летом везет тебя на юг к Кате в гости. Хоть на Родине предков побываешь. А я так хочу на родину, но, наверное, так и не доеду до юга. Вон куда меня жизнь забросила, – говорила тетя Шура со слезами на глазах.

– Ладно, отец, давай запевай нашу любимую: «Помнишь мама моя, как девчонку чужую, я привел к тебе в дом и тебя не спросил, строго глянула ты на жену молодую и заплакала вновь нас поздравить, забыв, нас поздравить забыв…».

Катя всегда плакала, когда слушала, как они поют. Какие чудесные голоса были у дяди Васи и тети Шуры! Все заворожено смотрели на них и внимательно слушали пение их душ и сердец. Дядя Вася наклонился к Кате и сказал, что он уже сделал ей новый паспорт, осталось только вклеить фото. Теперь у нее новая фамилия и никто ее теперь не найдет. Домой ей возвращаться нельзя. Людмила сдала с потрохами Катю своим подельникам, – адрес, где проживает в Михайловске и где может оказаться, после того, как сбежала из больницы.

– На первое время тебе, Катя, придется остаться у Светы с Ромой. Никто не знает про их отношения, что они живут вместе, – пояснил дядя Вася и еще рассказал, что ей нужно срочно поменять имидж.

В этот же вечер Света подстригла Катю и перекрасила. Катя превратилась из шатенки в блондинку. Тут же ее сфотографировали и вклеили фотографию в новый паспорт. Теперь ее и родная мама не узнала бы. Катя передала письмо родителям через Светиного водителя-дальнобойщика, который ехал как раз в их маленький южный городок за арбузами и попросила передать письмо лично в руки. Вот так Катя сообщила маме, что у нее все хорошо, чтобы всем говорила, что Катя живет в Москве и чтобы мама передала ей дубликат трудовой книжки. Осталось только вписать в трудовую книжку, что копия верна, но фамилия изменена после замужества и можно выходить на работу.

Да и бояться больше было нечего. Игорь Сергеевич насовсем покинул Мурманск и переехал жить со всеми своими холуями в Москву. Мурманск освободился от людей, которые в нем мерзли. У Кати начиналась новая интересная жизнь. Но она еще не знала, что судьба приготовила ей новый сюрприз.

Глава 26

Вскоре Катя прописалась у капитана и нашла работу в редакции газеты «Северное Сияние». Коллектив был очень дружный, редактор газеты с радостью взял Катю к себе в штат без испытательного срока. Катя стала работать корректором. Свободных мест в школе пока она искала прописку, уже не было и Катя очень обрадовалась и этому предложению. В редакции заместителем редактора работала Яна Гусева. Она была замужем, в семье, казалось, все было замечательно. На работе тоже. Яна была очень строгой девушкой. Всегда ходила с короткой стрижкой под мальчика. Жесткие темно – русые волосы никогда не слушались и вечно торчали в творческом беспорядке. Одевалась Яна строго в брючные костюмы и галстуки. Она всегда ходила с высоко поднятой головой и всем казалось, что она из очень состоятельной семьи, что она ни в чем не нуждается. Самое интересное было в ней, – это ее внешность и походка. Можно было подумать, что фамилия Гусева ей дана, потому что она похожа на важную гусыню. Хотя это фамилия ей досталась от мужа, который был скорее похож на бойцовского пса.

Муж Яны был небольшого росточка, такой прижимистый мужичок – кулачок. Жадноват и глуповат, да и еще гулена, каких поискать. Он приходил в редакцию очень часто. В основном, за деньгами. Вечно у него ломалась машина. Вечно нужно было что – то купить из запчастей. Вечно от него несло дорогим парфюмом. И вечно, после того как он уходил, оставался шлейф его неприятного присутствия.

Катя и Яна были ровесницами и сразу нашли общий язык. Катя всегда знала по запаху парфюма и расстроенному лицу Яны, что к подруге приходил муж. Катя и Яна частенько засиживались вдвоем на работе допоздна и ездили домой всегда вместе, потому что жили в одном районе.

Пролетали месяцы один за другим. Время неслось с бешеной скоростью. Кате очень нравился ее новый коллектив. Работа корректором ей тоже нравилась. Ей даже не хотелось уходить по вечерам с работы. Однажды, в очередной раз задержавшись в редакции, Катя услышала душераздирающее рыдание, раздававшееся из кабинета Яны. Она быстро побежала на помощь к подруге в кабинет.

– Что случилось? – спросила Катя, увидев плачущую навзрыд подругу. – Что у тебя случилось? – повторила вопрос испуганная Катя, забегая в кабинет заместителя редактора.

По запаху парфюма она догадалась, что опять приходил

муженек.

– Что, муж обидел? – спросила Катя.

– Да, а ты этого козла видела? – Нет, унюхала его парфюм. Даже если бы не унюхала, то поняла по твоему настроению, что он здесь был, что он тебе опять сказал? – поинтересовалась Катя.

– Кать, ты представляешь, он сейчас сказал, что он меня бросает и подает на развод, – захлебываясь слезами, причитала Яна. – Он сказал, что у него есть другая женщина.

Произнеся эти слова, Яна зарыдала еще сильнее.

– Что мне теперь делать? Мне придется уезжать из Мурманска. Вот сволочь, привез меня сюда, притащил в этот город после армии и бросил. Он у нас служил в Украине. Сам с Урала. Мы и в очереди на квартиру стояли в Мурманске. Теперь он все разрушил. Сам все своими руками уничтожил.

Яна плакала не останавливаясь.

– Что мне теперь делать? Как домой возвращаться? Стыдно – то как, Катя. Что делать? Как мне дальше жить? – кричала она навзрыд.

Яна, прикрывая лицо руками, причитала и раскачивалась на стуле взад и вперед.

– Яночка, не переживай ты так. Мы что – нибудь обязательно придумаем. Безвыходных положений не бывает, – успокаивала ее Катя. – Подожди, не убивайся ты так. Он твоего ногтя не стоит. Подонок. Мне он никогда не нравился. Найдешь ты настоящего мужчину, хорошо хоть детей у вас нет. Ничего не твой значит это человек, твой будет совсем другой, – честный, чистый, добрый. Бог всегда освобождает место для лучшего. Я в это верю. Я вот тоже разведена. Переживала сначала очень, конечно. А теперь вот и забыла его совсем. Так, слушай меня, сегодня иду с подругой в ресторан. У нее день рождения. Ты идешь с нами и никаких разговоров и отклонений не принимаю. Все решено. Сегодня идем веселиться. Кстати, она тоже разведенка. Так что нашему полку прибыло. Самое главное, мы не первые и не последние. Таких как мы – миллионы! И если мы все вместе заплачем, то все и утонем в собственных слезах. Что не делается, – все к лучшему. Начинается новая жизнь, я знаю точно, что она будет лучше предыдущей. Так всегда бывает. Я не могу тебе всего рассказать, но я все это испытала на своем опыте. Поверь мне, у меня опыт был очень печальный. Мы сейчас пойдем с тобой в магазин и приоденемся на вечер! Не зря мы сегодня аванс получили. Пойдем, отпросимся у шефа на завтра. Мы, кстати, все сделали очень оперативно и даже следующий номер уже сверстан. Я его отредактировала, осталась только шефовская правка. Я сейчас как раз иду к нему и заодно попрошу его отпустить нас пораньше.

Редактор внимательно выслушал, что Кате с Яной нужно срочно перевозить мебель на новую съемную квартиру и отпустил девочек, так и не поняв, кто же все – таки переезжает и куда. Но после похода в ресторан, девчонки действительно сняли квартиру, и эта небольшая ложь оказалась правдой.

– Сейчас купим самые красивые наряды и пойдем к Маше на день рождения, – сказала весело Катя, когда они вышли из редакции.

– А кто эта Маша? – спросила настороженно Яна.

– Это моя подруга. Она тоже с юга. Она с мужем развелась и поменяла квартиру свою астраханскую на Мурманск. У нее маленькая дочь есть и поэтому она работает в детском садике нянечкой.

Машка была та самая соседка тети Гали – капитанши, с которой она познакомила Катю, как и обещала. Одна из тех разведенок, с которыми дружила Катя. Еще была Наташа, ее соседка, тоже одинокая девушка и Света, названная двоюродная сестра, – дочь тети Шуры. Хотя у нее был гражданский муж, – Ромка, но это не считалось, ведь она тоже была в разводе с первым мужем. Вот это и был их клуб разведенных сердец. Девушки нашли общий язык друг с другом и очень подружились.

В ресторане Катины подруги так поддерживали Яну, что она подумала, что знает всех очень и очень давно. Все понимали Янину проблему, потому что все были когда – то на ее месте. Девочки на своем опыте испытали, как тяжело перенести предательство близкого человека и они всячески отвлекали Яну от грустных мыслей. Все девушки были очень красивы в тот вечер, – молодостью, дружбой и еще каким – то непонятным чувством женской солидарности. Их всех свела боль, причиненная разводом. И раз они сегодня собрались вместе, значит, судьбе было так угодно. Среди девушек не было никакой ревности, зависти, только одно общее желание, чтобы все были счастливы.

Подруги всячески помогали Яне. Они старались уйти в тень, чтобы она была в центре внимания. Невооруженным глазом было заметно, что у Яны сильно упала самооценка. А упала она от того, что любимый мужчина ушел к другой, бросил ее как ненужную вещь.

Но Катя осыпала комплиментами Яну не переставая, и та немного расправив плечи, стала поглядывать по сторонам. Девчонки только и успевали показывать, то на одного парня, то на другого, который не сводил с Яны влюбленных глаз. Даже именинница уступила Яне первенство, понимая ситуацию.

Яна только теперь вспомнила, что она молодая и

привлекательная женщина. Она веселилась наравне со всеми и танцевала не переставая один танец за другим. После этого вечера Яна часто вспоминала этот поход в ресторан и благодарила Катю за ту поддержку, которую она ей оказала в трудную минуту.

Катя не оставляла подругу ни на секунду. Она была, конечно, очень удивлена, что Яна жила в семейном общежитии. Комната в общежитие принадлежала ее мужу. После развода Яну выселили из этой комнаты просто на улицу и обе девушки сидели на самом крайнем севере на «ковре – самолете», который был выброшен на снег ее бывшим мужем вместе со всем Яниным «приданным».

– Ничего, Янчик, сейчас отвезем вещи к моей тете Шуре, а потом найдем тебе квартиру, – говорила, обнимая подругу Катя.

– Катя, давай снимем квартиру вместе. И платить нам будет выгоднее, – предложила Яна.

– Хорошо, давай поищем. Я думаю, так будет даже лучше. А сейчас бери гитару и запевай нашу любимую песню, – попросила Катя. – Мы теперь как теть Шурины бомжи на свалке, – добавила она, оглядывая разбросанное имущество.

Девчонки засмеялись, упав прямо на свернутый палас, лежащий на снегу перед общежитием. Они ждали машину с грузчиками и друзьями, которые взялись помочь с переездом. Они хохотали до слез.

Насмеявшись вдоволь, посмотрели друг на друга, увидели себя молодыми, здоровыми, красивыми, брошенными и запели в один голос, даже не запели, а заорали на весь Мурманск:

«Призрачно все, в этом мире бушующем! Есть только миг за него и держись! Есть только миг между прошлым и будущим именно он называется – Жизнь…».

Глава 27

Жизнь объединила после переезда девушек вместе. Они решили снимать квартиру вдвоем, чтобы меньше было платить за жилье. Нашли двухкомнатную квартирку из старого фонда. Недорогая хрущевка с толстыми в метр стенами на первом этаже рядом с редакцией, сразу им приглянулась. Их все устраивало и хозяева пообещали ее освободить как раз тогда, когда Яна вернется из отпуска. Яна очень устала от последних неприятных событий и захотела ненадолго съездить в Горловку к своим родным. Девочки решили, что как только отпуск будет подходить к концу, они созвонятся заранее и Катя сходит на их будущую квартиру, чтобы подготовить ее к приезду Яны.

Провожать Яну приехали все девчонки и, конечно же, их новый друг из ресторана – Серега. Два метра роста и огромные залежи неиссякаемого юмора, – это и был Сергей. Есть люди, которые даже не задумываются о том, что сказать. У них всегда есть в запасе куча всяких прибауток на все случаи жизни. Таким был их новый знакомый.

Они познакомились с ним в ресторане, когда поддерживали Яну. Он был таким несчастным завсегдатаем, что уже думал, что ничего интересного в жизни больше не встретит. А тут, бац, и такая неординарная компания: пять девушек, совершенно непохожие на тех «красавиц», которые посещают такие заведения. Девушки были ужасно голодные после работы, они дружно набросились на еду, затем весело обсуждали насущные проблемы и совершенно никого не замечали вокруг. Они никому не строили глазки и не вели себя жеманно и неестественно, как обычно это делают девицы легкого поведения из «высшего» круга.

Самое интересное было то, что они разговаривали друг с другом одновременно и очень хорошо понимали о чем они говорят. Казалось, они просто сидят в общаге в своей комнате, – а в ресторане кроме них больше никого нет. Короче, такие вечные переростки-студентки. Серега подошел, и смело подсел к ним.

Через две минуты им казалось, что они знают его сто лет. Он не высказывал никому из девушек симпатию и всех это устраивало. Серега весь вечер веселил Яну и очень помог ей с переездом из общежития. Он нанял машину, грузил вместе с грузчиками мебель и оказался настоящим другом на все сто процентов.

Когда вещи были отвезены, они дружной компанией пообедали у тети Шуры и мечтали, что когда – нибудь у них будут свои собственные квартиры и будет стоять самая красивая

мебель и обязательно будет очень много красивой посуды. Серега был тоже приезжим, жил в ДМО, – дом междурейсового отдыха, – специальная гостиница для моряков.

Сергей ходил в море четвертым механиком после окончания мореходки. Он, конечно, хотел стать дедом, то есть старшим механиком и первым человеком после капитана. Но для этого ему нужно было долго ходить в море. Его работа заключалась в том, чтобы в машинном отделении судна было всегда шумно. Это, значит, чтобы двигатель парохода работал исправно, тогда можно не беспокоиться, что корабль пойдет ко дну.

Но для того, чтобы быть начальником над механиками, нужно стать сначала третьим механиком, потом вторым, а затем, – первым, то есть дедом – старшим механиком. После распределения он попал в Траловый Флот.

С девочками – разведенками ему было очень легко общаться, так как он тоже был брошен своей женой. Участь морячки, ждущей мужа из рейса не все выдерживали.

В Мурманске даже поставили памятник «Женщине, умеющей ждать». Приходилось по восемь месяцев и больше ждать своих моряков, поэтому жена Сергея не справилась с этим испытанием и развелась. Но жизнь продолжалась, все были молодые и проблемы казались ничтожными по сравнению с глобальным потеплением на планете.

Всегда у молодых людей гормон счастья зашкаливает и хочется смеяться без остановки и без причины. Может быть, в молодости набираешь запасы счастья для борьбы с будущими неприятностями взрослой, зрелой и тяжелой жизни?

Молодежь еще не больна предательством и завистью. Неозлоблена неприятностями и проблемами. Молодежь пока радуется своим очередным неудачам и смеется заразительно и громко над своими недостатками. Их смех пугает и раздражает постоянно недовольных старушек. И они забыв, что сами были молодыми, не устают делать замечание девушкам и парням, которые не могут удержаться от смеха.

Катя радовалась каждому новому дню. У нее как будто началась вторая молодость. Она так устала от проблем, что хваталась за жизнь с такой жадностью, будто боялась не успеть насладиться счастьем. Она очень любила своих друзей. Работала много и с удовольствием. Старалась не вспоминать то, что с нею произошло. Но не могла. Она возвращалась к нему в своих романах и писала, писала, писала…,каждую свободную минуту. Было ясно, что прошлое всегда будет с нею, но нужно продолжать жить и не забывать никогда, что твоя Судьба давно кем – то написана, а прочесть ее нужно обязательно тебе самой. И,

конечно, очень интересно узнать, что ждет тебя впереди…

– Катя, почему ты ни с кем не встречаешься? – спросила хитро прищуриваясь тетя Шура, когда она забежала к ней в гости. – Тебе нужно с каким – нибудь молодым человеком познакомиться. А то ты все одна или с подружками.

– Нет, тетя Шура, у меня, похоже, больше никогда не будет молодого человека. Скорее всего, у меня будет пожилой мужчина в семьдесят лет, может в восемьдесят пять, а может и никогда. Я в них очень сильно разочаровалась.

– Господи, сходи к Машке, развейся, может, в кино сходите или в ресторан, познакомитесь с кем. – Вообще-то раз мужик ходит в ресторан, значит, он не наш клиент, – не со свалки. Туда ходят только те, у кого деньги есть. Но можно попасть и на красивого. Тогда это все равно, что наш со свалки, – рассуждала тетя Шура, смеясь.

– Нет, тетя Шура, а вдруг там Игорь Сергеевич будет?

– Нет, он уже давно в Москве. Он в Мурманск не сунется, не переживай! Забудь его, как страшный сон. Ищи себе мужа.

– Хорошо, а какого искать? По твоей версии, только страшные с деньгами, а красивые, – со свалки?

– Ищи себе человечного мужа. А красивые, – они чужие мужики и все альфонсы. Лучше бери страшного.

– Ой, не могу, рассмешила ты меня, тетя Шура, – засмеялась Катя. – Альфонсы красавцы не хотят работать, а живут за счет женщин и поэтому они, что твои бомжи со свалки.

– Нет, наши мужики со свалки работают так же, как и мы. Мы все работаем одинаково. Тогда они альфонсы, еще хуже наших, со свалки!

– Это точно, хуже не бывает, – согласилась Катя, смеясь.

– Ладно, иди уже к Машке. Она тебя звала и что – то хочет тебе рассказать. Я знаю даже что. Ну, пусть это будет сюрпризом, а то точно не пойдешь.

– Вот так сюрприз! Значит, если бы я знала какой, то не пошла бы? – Вы меня заинтриговали. Я всегда там, где страшно и плохо. Все, тогда я побежала, – сказала Катя и выпорхнула как птичка навстречу своей судьбе.

Она, как всегда, не заметила стоявшую неподалеку черную иномарку с тремя семерками и пробежала счастливая мимо нее…

Глава 28

Пришла осень! На днях должна была приехать Яна. Катя названивала хозяйке квартиры, которую они сняли и все узнавала: – «Выехали бывшие квартиранты и когда можно будет заселяться?».

Девочки уже заплатили за снятую квартиру за три месяца вперед, но бывшие квартиранты не торопились выезжать. Скоро должна была приехать Яна, а в квартиру Катя до сих пор не могла попасть.

– Я сегодня пойду и буду разбираться, даже ругаться с хозяевами, – подумала Катя.

А пока она шла и подставляла свое нежное лицо под струйки лившегося дождя, который очищал и умывал красивые разноцветные дома и яркие бордово – желтые деревья и улыбалась неизвестности, которая ее поджидала…Катя чувствовала, что сегодня что-то должно произойти. Дождь веселился и заигрывал с ней. Именно сегодня что – то волшебное парило в воздухе и нашептывало ей: «Иди навстречу своей судьбе!!!».

– Да, уже бегу, бегу, – сказала, улыбаясь, Катя и забежала в соседний подъезд, где жила Маша и капитанша тетя Галя.

– Послушай, Маша, а это кто у тебя?! – удивленно спросила Катя, когда вошла на кухню и увидела незнакомого юношу, который стоял к ней спиной и мыл посуду.

Когда он повернулся, то Катя не поверила своим глазам, – перед нею стоял Никита. Тот самый друг, коллега из редакции, который провожал Катю в аэропорту, когда она улетала в Мурманск. Тот самый, чьи письма согревали ей душу, когда ей было плохо. Тот самый, имя которого она повторяла, когда была на краю смерти, после аборта.

Никита посмотрел на нее так, будто они только что расстались.

– Привет, любовь моя, как ты жила без меня все это время? – произнес молодой человек бархатным баритоном.

От одного голоса можно было сойти с ума. Да и выглядел он потрясающе, просто волшебно. Высокий стройный молодой мужчина стал еще привлекательнее. Он возмужал, волнистые русые волосы, как всегда коротко были подстрижены и только этот казацкий волнообразный чуб подчеркивал модельную стрижку. А красивые темно-карие, почти черные глаза, проникали в тебя насквозь. При его такой внешности, он мог бы работать фотомоделью на обложках глянцевых журналов. И в то же время,

его лицо было всегда разным. Если увидишь раз, то следующий раз можешь его не узнать. Есть такие люди, что лица у них имеют способность исчезать. Но глаза, глаза выдавали любовь. Настолько он любил Катю, что они сияли таким солнечным блеском, что могли растопить весь северный полюс. Он подошел к Кате, взял ее руку и нежно прикоснулся к ней губами. Он был бабский угодник. У Кати было такое впечатление, что у нее сразу пересохло во рту и перехватило дыхание. Она с трудом могла произнести слово.

– Никита, откуда ты здесь? – прошептала она.

– А я в море хожу переводчиком. А здесь я у своей тети Маши, – сказал Никита. – Ну ты лучше не говори ей, что мы с тобой знакомы. Она не любит, когда я вожу сюда девушек. А так ты, ее подруга, сможешь приходить, когда захочешь, – заулыбался Никита и она нам ничего с тобой не скажет.

– Хорошо, – удивилась Катя, – Давайте знакомится, меня Катей зовут, – протянув руку, сказала, улыбаясь, Катя.

В это время на кухню зашла Маша.

– Вы уже знакомитесь. Это хорошо. Знакомься, Никита, – это Катя, моя лучшая подруга. А это Никита, мой племянник.

– Очень приятно, – ответила Катя и протянула Никите обе руки.

«Катя, что с тобой? – спросила она сама себя, – На тебя это не похоже. С таким чувством тебе еще не приходилось встречаться. Катя, ты, похоже, снова родилась! Боже, как много времени ты потеряла. Это же и есть твоя любовь! Как я хочу к нему прижаться и никогда не расставаться! Никогда!», – проносилось у Кати в голове.

После последних неприятностей, которые с нею произошли в этом городе, ей казалось, что она умерла. Она по – новому училась ходить, говорить, даже думать. Ее все раздражало в мужчинах. Она не знакомилась ни с кем. Ни с кем из мужчин не хотела разговаривать. Кроме однозначного – «да» или «нет», в зависимости от ситуации, она отвечала на все их вопросы. Она даже думала, что ей придется обратиться к психиатру.

Девочки подшучивали над ней, когда в ресторане она только ела и грубила мужчинам, которые пытались за нею ухаживать.

– Да это мой племянник, кстати он тоже с юга, – продолжала знакомить их Маша. – Он из Астрахани. – А Катя тоже с юга, только она из Михайловска. Это в Ставропольском крае. Есть там такой городок маленький провинциальный.

– Что вы говорите? – подыграл Никита, – очень приятно встретить на севере южанку тоже! – Удивительно, что вы, южный человек, еще не растопили вечную мерзлоту на этом холодном

севере?

– Ждали вас на подмогу, – ответила Катя, смеясь.

Никита очень веселил ее. Ну в общем-то как всегда. Но было в нем что-то такое, что окутывало тебя спокойствием. Кате хотелось залезть к нему под бочок и пролежать там всю оставшуюся жизнь. Уверенность в завтрашнем дне просматривалась в каждом его движении и во взгляде. Казалось, он никого и никогда не сможет предать. Силу духа и мудрость жизни увидела Катя в его глазах.

– Наверное, я просто соскучилась за ним. Никита мне всегда нравился. Но почему-то я первый раз в жизни хочу замуж. Я уверена, что хочу стать его женой, – подумала вдруг она. – Хочу, чтобы он стал отцом моих детей. Все решено, так тому и быть, – вздохнула она и улыбнулась своим мыслям.

– Неужели я так смешон, что вы смотрите на меня и улыбаетесь? – продолжал играть свою роль Никита.

– Нет, что вы, простите, пожалуйста, это просто мои мысли «не вслух». Так тоже бывает.

– Знаю, знаю, я этим вот уже полчаса занимаюсь, как с вами познакомился. У меня такое чувство, что мы уже давно знакомы.

– Все, хватит болтать, – сквозь зубы произнесла Маша, выталкивая Никиту из кухни. – Иди уже в магазин. А то накормишь нас, болтун, что мы с голоду помрем?! Беги давай!

Никита медленно взял с вешалки плащ и, улыбаясь Кате, вышел из квартиры.

– Маша, мне он так понравился твой племянник! Маша, а он женат? – произнесла быстро Катя, как только за ним закрылась дверь.

– Да нет, кому он нужен, он такой жадный, да и молодой он очень.

– Жаль, опять мне не повезло, – грустно сказала Катя. – Почему так получается? Как только кто – нибудь понравится, обязательно не мое.

– Кать, ты не переживай. Давай пойдем с тобой в ресторан поужинаем, а то я с работы такая голодная пришла, а этот олух пока продуктов купит, пока приготовит, я с голоду умру. Да и потанцевать хочется. Я так веселиться хочу. Короче, отдохнуть хочу, устала очень. Тем более нянька сейчас придет. Никита очень хороший нянь. Пусть он посидит с Дашкой. Может, ты мне там мужа найдешь. А то я с этой работой вообще никуда не хожу.

– Да, конечно, с мужем только там и знакомиться?! Нет, я не хочу, давай дома с Никитой посидим, – попросила ее Катя.

– Нет, идем в ресторан, когда еще такой шанс выпадет, – не терпящим возражения тоном сказала Маша.

– Но ладно пойдем, а то я чуть не влюбилась в твоего племянника. Пойду одеваться, зайдешь за мной, хорошо? – сказала Катя и пошла к тете Шуре в соседний дом.

У Кати там была своя комната. Ее никто не беспокоил. Весной и осенью она одна жила в этой трехкомнатной квартире в центре Мурманска. Дверь в квартиру никому не открывала. Боялась, что Игорь Сергеевич может возвратиться из Москвы. Тетя Шура и дядя Вася всегда в это время года уезжали в очередной «отпуск» на городскую свалку. Они очень редко приезжали и то, только тогда, когда их привозила милиция.

Света жила у Ромы, но иногда по выходным она приезжала навестить Катю тоже. Они болтали о своем, о девичьем, пили чай и мечтали об очередном отпуске.

Каждое лето, Катя отправляла Свету и Ромку к себе на юг в гости к своим родителям. Те любили их, как своих родных детей, и всегда с радостью встречали их. Катя призналась маме, что они думают, что они настоящие родственники и рассказала ей, что это их с тетей Шурой тайна и просила ее не раскрывать. Мама пообещала и слово сдержала. Да и вся родня со стороны дяди Васи уже умерла. А тетя Шура, все говорили, – была детдомовская. Она рано потеряла родителей. Поэтому у Светы с Ромой больше родственников на юге не осталось, кроме Катиных родителей. Только тете Шуре и дяде Васе никак не удавалось выехать на юг. Они были очень преданы своей свалке и ее обитателям. Света привыкла, что родители ведут такой образ жизни, сама на свалке она никогда не была и никогда туда не хотела. Ее родители только зимой жили в квартире, а в остальное время года семья Тищенко жила на своем любимом обитаемом «Бывшими интеллигентами» островке, который заменял им все курорты мира!

Но сегодня произошел очень интересный случай; тетя Шура впервые приехала домой сама. А произошло вот что, – три дня назад Катя и Света сделали в квартире генеральную уборку. Света вытащила все надоевшие вещи из шифоньера, связала их в огромный узел и выбросила его на мусорку. Катя и Света так долго смеялись, когда тетя Шура, не поленилась и, думая, что она нашла очень хорошие вещи, привезла этот узел обратно к себе в квартиру через три дня. Катя зашла в комнату, увидела этот узел – путешественник, засмеялась и сказала: – «Земля и, правда, круглая!»

Она оделась, посмотрела на себя в зеркало и увидела очень красивую девушку, – изумрудное бархатное платье подчеркивало изумрудный цвет ее сияющих глаз. Катя распустила вьющиеся, мягко спадающие крупными локонами блестящие темно – русые

волосы, которые очень подчеркивали цвет ее красивых глаз и осталась очень довольна увиденным. Широкий, переливающийся от камней Сваровского, ремень играл всеми цветами радуги от ярко – светящейся одинокой лампочки. Катя остановилась, еще раз взглянула на себя в зеркало и подумала: «А я ведь красивая! Почему интересно, я раньше этого не замечала. Мне кажется, Никита меня еще не разлюбил. Но он все-таки очень молод для меня. Нужно отбросить эти мысли и не портить жизнь парню. Пусть найдет хорошую девушку и женится на на ней. Тем более, что я не заслужила эту любовь. Я такая грязная вся. Такая грешница. И у меня, скорее всего, не будет больше детей. Зачем портить жизнь парню. Нужно постараться себя успокоить. А может быть я все придумала. Да, конечно, я все придумала. Пусть Никита пусть будет счастлив. Я не буду мешать ему. Очень жаль, что он молод и что это не моя судьба…».

Глава 29

В ресторане было как всегда шумно и многолюдно. Столики все заняты, молодые люди в свободное время часто посещали по вечерам такие заведения, чтобы расширить круг знакомств, поужинать и провести хорошо субботний вечер. Модно было в то время посидеть за бутылочкой Шампанского и за кофе в уютном, чистом ресторане, где играла живая музыка и молодежь танцевала до упада.

– Да хватит хандрить, все будет отлично и на нашей улице будет праздник! – говорила Маша, подмигивая Кате. – Давай веселиться. Улыбайся, а то к нам точно никто не подойдет, – добавила она, наклонившись.

В ресторане были все знакомые лица. Молодые люди сюда ходили поужинать и обязательно познакомиться для дальнейшего времяпрепровождения. Поэтому к Кате и Маше никто из знакомых не подходил. Они заранее знали, что получат отворот – поворот. Так только ручкой помашут, поздороваются и сидят, высматривают себе легкодоступных, высокомерных подружек, которые не могут сами себе заказать ужин.

Таких девушек видно издалека. Они сидят и поджидают своих кормильцев. Работать эти девушки не хотят, а вкусно поесть и повеселиться им очень хочется. Вот и сидят они с одной кружкой кофе весь вечер, поджидая новое кормящее знакомство. Нет, нет, они не проститутки, просто они молоды и красивы. Они ждут богатого мужа миллиардера.

«Он сначала с ними познакомится, потом их накормит, затем оденет, и возьмет замуж во Дворец. А потом они никогда не будут работать, и тем более учиться», – думали девушки, томно проводя глазами по залу.

Это была мечта всех легкодоступных красавец! Ведь у них есть красота и молодость. А то, что красота и молодость исчезают с годами, им об этом неизвестно. Они думали, что будут молоды и красивы вечно. Некоторым, может и повезет. Их могут взять в содержанки. Они будут жить хорошо, пока покровитель будет в силах.

А потом, покровитель будет сидеть на нарах, содержанка будет сидеть на свалке и ждать, когда собутыльник принесет ей очередную бутылку. Тетя Шура рассказывала об одной такой содержанке, – покровитель заменил ее на более молодую содержанку и выгнал, а новой передал ее квартиру, машину и весь причитающийся «соцпакет».

Красавица теперь бутылки собирает, по мусоркам лазит и

вспоминает свою бурную молодость, – как ее любили все капитаны города?!

– Кать, смотри какой мужик идет тебя танцевать приглашать, – сказала Маша. – Смотри, он не моряк. А что это за форма у него?

– Да это летчик, – безразлично произнесла Катя.

– Ой, мама, я летчика люблю! Ой, мама, за летчика пойду! – пропела Маша.

– Это очень хорошо, – подпел ей высокий молодой человек. – А мне вот эта девушка очень симпатична, – сказал он и показал на Катю. – Разрешите вас пригласить на танец, не откажите имениннику.

– Вот это ход, грамотно так подошел, – сказала Маша. – Молодец! Кать, нельзя человеку праздник портить, иди, потанцуй, развейся.

– Пойдемте, именинник. А имя у вас есть, или у вас сегодня день рождения, а не именины?

– Да, день рождения, а звать меня Слава.

– А меня Катя.

– Да я уже услышал, вас подруга Катюхой называла. Кстати, моему другу тоже сегодня день рождения. Мы решили отдохнуть в ресторане. А тут вот такое везенье, вас таких красивых встретили, вот повезло.

– Сразу видно, что вы не местный, – ухмыльнулась Катя. – И это еще не факт, что вам повезло. Вы бы лучше времени зря не теряли, познакомились бы с другими девушками. А ваш друг и вы женаты? – неожиданно спросила Катя, глядя в глаза новому знакомому.

– Нет, не женаты, можем паспорта показать.

– Паспорта, это замечательно! – сказала, задумавшись, Катя. – А то мы очень замуж хотим. Чтоб все по закону. Чтобы вы все свое имущество сразу нам подписали. И одно из условий, чтобы у вас были квартиры, машины. Мы серьезные, потенциальные кандидатки в жены. Мы не подходим для легкого времяпрепровождения. Мы подходим только для замужества на всю жизнь.

Катя говорила серьезно, еле сдерживая смех.

Молодой человек странно посмотрел на Катю, проводил ее к столику, поблагодарил за танец и пошел к своему другу, задумавшись.

– Ты чего ему наговорила?! – спросила Маша, смеясь. – Почему он такой пришибленный ушел?

– Задала несколько вопросов и просила ответить на них в письменной форме, – улыбаясь, ответила Катя. – Маша, расскажи,

пожалуйста, о своем племяннике?

– Что о нем рассказывать, бабник он и в Африке бабник, – сказала Маша, выпивая сок.

«Не похож он на бабника, хотя девочки всегда за ним бегали, он со многими встречался, – думала Катя. – Нет, все-таки, не совсем он легкомысленный, он серьезный очень всегда был. С ним почему – то очень спокойно. От него такая мужская аура исходит. Он так уверен в себе, что эта уверенность передается и тебе.»

А вслух сказала:

– Ты знаешь, Маша, он все – равно особенный!

– Ладно, не болтай ты всякую ерунду. Нет в нем ничего особенного. Обычный моряк-переводчик. Приехал сюда по распределению после иняза. Думал, что здесь денег можно срубить по – легкому. А тут просто так северные не платят. Сама знаешь, климат здесь не подарок. Мрут люди, как мухи на этом севере. А те, что в море ходят, так вообще не жильцы.

– Нет, знаешь от судьбы не убежишь, что тебе предназначено, то тебя и догонит, – сказала Катя, задумавшись. – Везде догонит. Где бы ты ни был. Ты хоть в Африку убежишь, хоть на северный полюс, судьба тебя будет испытывать на прочность везде. А вот как ты справишься с испытанием, зависит только от тебя.

– Послушай, Кать, ты перестань видеть во всем знак судьбы. То сны ты видишь вещие, то судьба тебя испытывает. Ты, правда, странноватая какая – то. За тобой такие мужики увиваются, а ты в безденежного желторотика втюриваешься. Не будет у тебя с ним ничего путного. Помотросит и бросит тебя твой морячок. Вон смотри, Леха – капитан, все глаза на тебя протаращил, – воспитывала подругу Маша. – Вон он сидит в конце зала. Он всегда тебе в глазки заглядывает. Ты еще подумать не успеешь, чего хочет, а он уже исполнил для тебя. Помнишь, как он мороженое целый ящик нам притащил. Если захочешь, он тебе таких молокососов целый полк притащит со своего корабля.

– Не нужно мне никого. Мне твой племянник понравился. Ты не хочешь, случайно, со мною породнится? Не нравлюсь я тебе, да? Вот могла бы и не узнать, что ты дружишь со мной только из – за жалости!

Катя засмеялась и обняла подругу.

– Ты точно, чекнутая, – сказала Маша. – Я переживаю за тебя. Плохой человек мой племянничек. У него этих денег пруд пруди, а он жадный и подлый. Он всегда, как только найдет девицу побогаче, тут же победнее и бросает. Ты проверь его. Скажи, что ты бедная, денег у тебя нет, что очень хочешь, чтобы он тебе помогал материально. Вот увидишь, он сразу от тебя убежит, –

ехидно произнесла Маша.

– Да не хочу я никаких проверок, мне он вообще таким не показался. Я даже слушать ничего не хочу. Хватит мне нервы мотать. Только человек понравился, он тут же хуже всех. Я никогда никому не верю. Жизнь покажет, – сказала Катя и откинулась на спинку стула, обиженно скрестив руки на груди.

– Смотри, Катюха, Серега наш идет с твоими летчиками. А когда он с ними успел познакомиться? Я ему сказала, что мы сегодня в ресторан идем, – сказала Маша. – Он тут же приперся. Мне кажется, что он тоже в тебя втюрился.

Серега познакомился с новыми парнями – летчиками и пригласил их за свой столик. А потом привел их знакомиться с девочками. Новые знакомые оказались летчиками – полярниками с Африканды. Да, есть на севере такое «жаркое» местечко под таким названием. Это был поселок городского типа. С аэродромом и железной дорогой. Да и еще с залежами титановых руд. Название появилось в разговоре инженеров-путейцев, проектировавших линию. Одни из них пошутил, что на севере жарко, как в Африке и полушутя станцию так и назвали.

– Вот тебе и Африка на севере, – смеялась Маша, – прямо в тему нашего разговора. Ты же сказала, что хоть в Африку убежишь, судьба догонит.

Новые знакомые весь вечер смешили девочек своими летчицкими байками. Серега снабжал все это морской приправой. Маша смеялась от души и видно было, что ребята ей очень нравятся.

– Послушай, Катерина! Я так уже лет сто не смеялась, – говорила она. – Правда, хорошие ребята?

– Очень, а главное ребята воспитанные и не глупые. Все истории действительно очень интересные и веселые. Маша, тебе понравился Славик или мне показалось? – на ушко прошептала Катя.

– Да! – также тихо ответила Маша. – А тебе кто понравился?

– Твой племянник, – засмеялась Катя.

– Ну, ты точно дура. Вечно влюбляешься не в тех и не тогда, когда нужно.

– Спасибо на добром слове, подруга, – сказала Катя смеясь. – Я обязательно приму к сведению, что я дура. А то вот так живу и ничего о себе не знаю.

Маша засмеялась и потащила Катю танцевать.

Глава 30

После ужина Маша пригласила к себе в гости новых знакомых. Они с удовольствием приняли приглашение и по дороге захватили из своей машины свой фирменный летчицкий напиток – чистый спирт. Катя, на всякий случай, запомнила их номер машины. По своей фирменной схеме любимые цифры семь и девять и плюс или минус от них.

«Все замечательно, – подумала Катя. – Теперь можно и успокоится. Скоро будем дома, а там, – Никита. И почему мне кажется, что рядом с ним ничего не случится. Такое чувство, что он как спасательный круг для утопающего, послан мне свыше. Поскорее бы придти и увидеть его», – продолжала думать Катя и почти бежала домой к Маше.

– Да подожди ты, куда так летишь? Мы за тобой не успеваем, – смеясь, кричала вдогонку подруга. – Ты нас хоть подожди торопыга.

Серега догнал Катю, сделав своими длинными ногами, два шага. У него при росте два метра, полтора метра были только ноги, так все говорили, когда подшучивали над ним. Ему нужно было родиться девушкой с такими ногами.

– Так, я не понял, куда ты так летишь? – еще раз повторил Сергей. – Мы все здесь, а ты торопишься как – будто мы все там. Или у тебя там все, без нас?! – как всегда многозначительно произнес Сергей и подмигнул Кате. – Да ладно, шучу. Тебе просто холодно и зачем плестись? Нужно бежать, чтобы согреться, правильно?

– Правильно, – ответила Катя, не глядя на Сергея.

– Молодец, быстро сориентировалась. Вот за это я тебя и люблю. За скорость и находчивость, – обнимая по – братски Катю за плечи, произнес Сергей.

Как только они вошли в квартиру, Катя почему – то стала оправдываться перед Машиным племянником Никитой, как перед мужем.

– Вот с ребятами познакомились. Летчики – полярники, очень веселые ребята.

– Привет, а меня звать Серега, – прибежал на помощь Кате старый друг и стал изображать знакомство.

– Да слава Богу, знакомы уже. Ты мне с утра надоел, – сказал Никита, улыбаясь.

– Хорошо, тогда знакомься, это мои новые друзья, – Слава и Игорь. Мы тут, твоей тетке Марии, жениха ищем.

– Ой, прям, заискались?! – стукнула Сергея Маша. – Племяш,

не верь им. Они сговорились и притянули мне гостей. Очень, говорят, веселые ребята, давай, в гости позовем. Ну, не откажешь же им. Так что ты, дружок, иди в спальню и ложись спать. Спасибо, что выручил. Мы хоть отдохнули. Теперь и ты иди, отдыхай.

– Да ничего, я с вами посижу, отдохну. Мне нравиться ваша компания, – сказал, улыбаясь, Никита и посмотрел на Катю.

– Что тебе с нами со стариками сидеть. Иди к своим молодым в гостиницу, если хочешь, – продолжала настаивать Маша.

– Маша, пусть он с нами посидит, ну, пожалуйста, – умоляюще произнесла Катя.

– И, правда, Маш, ты уже совсем того, – произнес удивленно Сергей. – Значит, как с дочкой сидеть пока ты в ресторане отдыхаешь, значит хорошо. А как с нами ему посидеть – так плохо. – Давайте накрывайте на стол, девочки, – по – хозяйски распорядился Серега. – А мы с мужиками, пойдем, покурим. – Никита, пошли, покурим с нами, похлопывая по плечу по – отечески, – сказал Серега, и они дружной мужской компанией вышли на балкон.

– Катя, – заговорщически произнесла Маша. – Короче, слушай сюда. Видела, как на тебя смотрит Игорь. Бери его на себя, зафлиртуй с ним. Мне кажется он очень надежный парень. Да и Слава говорил, что он у них командир.

– А мне показалось, что ты ему приглянулась? Да не хочу я с ним флиртовать, он не в моем вкусе, – сердито сказала Катя. – Ой, Катерина, Катерина?! Не доведет тебя до хорошего твоя любовь к малолеткам! Если хочешь, я тебе секрет раскрою, – мой племянник хитрый и очень жадный и у него есть девушка. Не нужен он тебе, вот, хочешь, проверь его, поиграй с ним, но не вздумай с ним в постель ложится. Попроси у него сначала, чтобы он тебе квартиру снял, денег дал, а потом пообещай переспать с ним.

– А, если он согласится? – спросила Катя.

– Пока не получишь от него все, что он тебе обещать будет, не вздумай с ним ложиться в постель, – зло произнесла Маша.

– Маша, да что ты такое говоришь, я не собираюсь с ним ложится, и денег у него просить тоже не собираюсь. Ты как скажешь, хоть стой, хоть падай.

– Он кабель конченный. Я точно знаю, что у него в каждом городе по проститутке, – добавила Маша.

Весь вечер ребята смеялись, рассказывали байки и было очень весело. Сидели почти до утра. Никита рассказывал смешные истории, не сводя глаз с Кати. И всем было понятно, что ребята нравятся друг другу. Почти под утро все разошлись по домам.

Серега вызвал такси и повез новых друзей к себе в гости, высыпаться. К тому времени, он уже купил себе однокомнатную квартиру. Дружная компания договорилась встретиться завтра, потому что был выходной и они решили культурно отдохнуть, – сходить в театр. Серега, как самый старший, не разрешил ехать выпившим ребятам на их машине.

– Утром заберем машину, – сказал Серега. – Ничего страшного с ней не случится.

На севере очень показательным было то, что машины стояли прямо на улицах и не всегда даже закрытые. Но никто их не угонял, никто в них не лазил, да и не собирался. Это было в порядке вещей, что кроме хозяина нечего в ней никому делать. Машины стояли везде: во дворах, возле ресторанов, на трассах. Никто их не взламывал. Никто не уничтожал, как обычно на юге.

– Маша, я пошла домой, – сказала Катя, домывая посуду. – Уже поздно, вернее очень рано и нужно ложиться спать.

– Никита, проводи Катерину до дома, а то темно на улице. Ее дом здесь по соседству, она у тети своей живет, – у алкашки, – крикнула Маша, расстилая постель.

– Хорошо, я провожу Катю, – сказал обрадовано Никита, быстро схватил плащ и стал помогать Кате одеваться.

– Да не нужно меня провожать! Здесь совсем рядом. Я сама быстро добегу.

– Нет, нет, я одну такую красивую девушку никуда не отпущу, – сказал Никита голосом, не терпящим возражения. И они вышли вдвоем за дверь. Вызвали лифт, и пока тот поднимался на седьмой этаж, Никита очень близко подошел к Кате и сказал, вернее спросил:

– Кать, можно я тебя поцелую?

От неожиданности Катя так растерялась, что хотела тут же сказать – нет, нельзя, а сама только головой кивнула в знак согласия.

Поцелуй был таким страстным, что закружилась голова и открытый лифт закружился вместе с влюбленными. Дверь то открывалась, то закрывалась в такт звучащей мелодии любви, которую они оба слышали. Никита, покрывая лицо Кати поцелуями, говорил и говорил быстро шепотом: «Давай, скажем, что у тебя все спят и мы не смогли попасть в квартиру твоей тети. Скажем, что нам не открыли дверь. Пойдем к Машке, ну, пожалуйста, пойдем вместе. Я тебя очень прошу, ну, пойдем.».

– Ой, а вдруг она догадается, что мы ее обманываем?

– Да, не догадается, ну, пойдем, посидим, поговорим о жизни, – умоляюще попросил Никита, вспомним прошлое.

Они долго еще не могли оторваться друг от друга, крепко

обнявшись и страстно целуясь. Они, как будто, хватались за новые отношения, как за спасательный круг.

Когда Катя и Никита вернулись в Машину квартиру. Они начали почти одновременно говорить, что не могли дозвониться и просили разрешения посидеть у нее и подождать до утра. Маша заспанным голосом сказала, что она знала, что так и будет и постелила уже им постель в зале. И, правда, постель была разобрана…

– Так, все ложимся спать! – радостно прошептал Никита. – Я, честное слово, к тебе не буду приставать, – быстро добавил он, увидев испуганные глаза Кати. – Честное слово не буду.

– Хорошо я пойду, умоюсь. Приду, чтобы ты уже спал, – сказала Катя, помахав ему пальцем.

Катя ушла в ванную комнату, а Маша подошла к Никите и сказала: «Не вздумай с ней спать, а то останешься без штанов. Я, на правах твоего друга, хочу тебя предупредить, что Катя, – валютная проститутка и берет очень дорого за час. У тебя столько денег нет, сколько она берет за ночь. Так что будь осторожен с ней. Я ее знаю лучше, чем ты. Предупреждаю, последний раз.».

После этого разговора, Маша как ни в чем не бывало зашла в ванную комнату и напомнила Кате об их договоре: «Проси у него денег сразу. Скажи, что не хочешь жить с тетей алкашкой, хочешь себе квартиру купить. У него денег много. Он только что с моря пришел. Давай, крути его по полной. И не вздумай ему дать без денег, поняла?! А то он тебя сразу бросит. Не будь дурой, хоть раз в жизни. Возьми от мужика побольше, ты же знаешь, они все козлы!».

Катя вообще не понимала, что хочет от нее Маша. Она просто улыбалась, кивала ей головой и совершенно ничего не хотела слышать. Она была на седьмом небе от счастья и плохо соображала, что ей говорит подруга. Катя вспоминала сладкий поцелуй возле лифта и теплые родные объятия такого большого, сильного и нежного молодого мужчины, которого она любила!

Когда Катя тихонько на цыпочках, в одной ночной рубашке, подошла к постели, ей показалось, что Никита уже спит. И Катя, чтобы его не разбудить, осторожно прилегла на краешек дивана. Но, как только она легла, Никита обнял ее своими огромными руками, и она утонула в его сильных объятиях. Задохнувшись от нахлынувшей нежности, Катя была на грани обморока. Целый год у нее не было мужчины. Она даже стала забывать, что такое женщина, молодая красивая женщина. Но Никита так восхищался ее телом, говорил ей красивые ласковые слова, что Катя потерялась во времени и пространстве от чувств, переполнявших ее. Ей хотелось, чтобы этот миг никогда не заканчивался. Она

понимала только одно, что она любит и любима и это чувство называется – счастьем…

Все произошло так быстро, что не ясно было, где реальность, а где сон. Помня печальный предыдущий опыт, Катя бегом побежала в ванную.

– Катя, ты что дала ему? – с укором спросила Маша, забегая к подруге.

– Ну понимаешь, он мне очень нравится и вообще я, кажется, влюбилась серьезно и надолго. Маша, ты не обижайся на меня, что я не сделала так, как ты сказала. Просто, я даже не поняла, как это произошло. Да ну их эти деньги! – махнув рукой, весело произнесла счастливая Катя.

– Хорошо, – зло ответила Маша и грубо схватив подругу за руку, потащила ее в комнату, где лежал Никита.

– Познакомься с этим молодым человеком, – зло прошипела Маша.

– Я уже знакомилась, это твой племянник Никита, – сказала Катя недоуменно.

– Нет, еще раз познакомься, это никакой мой не племянник. Это мой любовник, – усмехаясь и глядя, с издевкой на Катю, произнесла подруга. – Я просто его проверяла, а ты мне в этом очень помогла. Мало того, что он жадный, так он еще и сволочь порядочная. Ты, Катя, можешь оставаться здесь, потому что ты ничего не знала. А ты, – обратилась она к Никите, – пошел вон из моего дома. Тварь неблагодарная. Кормила я его, поила за свои деньги, а он скотиной гулящей оказался.

– Маша, ну, расскажи Кате правду, – умоляюще попросил ее Никита. – Расскажи, пожалуйста, как все было на самом деле. Расскажи, как ты сама ко мне в постель залезла и как я просто тебя пожалел.

Катя смотрела на эту сцену как посторонний наблюдатель. Ей опять показалось, что все это происходит во сне. У нее было такое ощущение, что ее испачкали в грязи. Взяли целое ведро с дерьмом и вылили ей прямо на голову.

«Господи! Моим жизненным кредо было – никогда даже не целоваться с друзьями подруг», – думала Катя.

Самое страшное было то, что Маша знала, что для Кати это было правилом жизни. Катю всегда тошнило от того, что многие знакомые девчонки пытаются отбить парней у подруг. А тут так получилось, что она сама стала такая же, как многие. Одно только слово Маши при их первом знакомстве, что Никита ей не племянник и Катя никогда бы с ним не была.

Катя стояла, молчала, ничего и никого не видела, ручьем лились слезы по щекам. Она медленно взяла свои вещи и уже

хотела уходить, как Маша подбежала к ней и сказала: «Ты, Катя, оставайся, пожалуйста. Мне нужно с тобой поговорить. А он пусть забирает свои вещи и убирается отсюда, куда хочет, мразь».

– Маша, почему ты так со мной поступила? – уже не сдерживая рыданий и скатываясь по стенке, произнесла Катя. – Ты за что меня так ненавидишь? Что я тебе плохого сделала? Я тебя подругой считала, а ты меня, – врагом, да?

– Подожди не уходи! – кричала Маша уже Никите. – Видишь, у нее истерика. Пойди, принеси с кухни пустырника и успокой ее что – ли. Достали вы меня оба со своею любовью.

Катя сидела на полу и плакала. Она даже не могла подняться, чтобы сесть в кресло. Нервы опять пригвоздили ее к полу. Как эхо, Катя услышала, что Никита говорил Маше, – «Машь, извини меня. Я люблю Катю очень давно. Я из-за нее сюда приехал. Дурак, зачем пьяный у тебя спать лег, всю жизнь себе испортил. Сейчас посижу у тебя до утра. Как только начнут ходить троллейбусы, я уйду. Только займи мне денег, я тебе отдам. Ты же знаешь, я только с моря пришел и мне еще зарплату не выплатили. Как выплатят, я сразу с тобой рассчитаюсь и за проживание и за питание. А сейчас оставь нас, пожалуйста, вдвоем с Катей, нам есть, что друг другу сказать.».

– Да пошли вы оба! – кричала Маша.

Но, услышав о деньгах, смягчилась и, хлопнув дверью, ушла в другую комнату.

– Катя, прости меня, пожалуйста, – опустив голову, произнес виновато Никита. – Я не хотел тебя обманывать. Ты же знаешь, что я давно люблю тебя. Я так боялся, что ты такая красивая, добрая, умная, снова замуж выйдешь. Я не хотел тебя потерять и приехал за тобой в Мурманск.»

– Зачем ты со мной так поступил? Да, я очень плохая, у меня характер сложный, я была замужем, я сделала аборт, меня проклял один человек, сказал, что замуж я больше никогда не выйду и детей у меня не будет. Но я никогда никого не предавала, как вы, – ответила Катя, вытирая слезы.

– А за меня бы пошла замуж? – осторожно спросил Никита.

– Нет! Ты меня обманул, а я не прощаю предательства.

– Нет, это потому что у меня денег нет даже на троллейбус, я нищий, – сказал Никита, вздыхая.

– Ты, нищий духом, если спишь со всеми подряд.

– Кать, я, правда, не такой, ну получилось так. Мне знакомые дали адрес Маши, сказали, что в Мурманске живет наша землячка. Они сказали, что будет тебе, где остановиться, если что. Да и просто вещи оставить, когда в Мурманск приедешь. Вот я и оставил вещи, познакомился с Машей и ушел в море. Потом

пришел, получил место в гостинице и зашел после ресторана пьяный за вещами к ней. А Маша меня не отпустила, сказала, – ну, как ты в таком виде будешь по городу ходить. Менты забрать могут. Оставайся у меня, переночуешь, а завтра пойдешь в свою гостиницу. Ну, я, ничего не подозревая, согласился. Она мне постелила. Я уснул, а проснулся от того, что ко мне кто – то лезет с поцелуйчиками. Честно сказать, я хоть и пьяный был, но мне было жутко неприятно. Я ее отодвинул и говорю, что сейчас уйду. Она в слезы, что я не женщина тебе, непривлекательная. Мне так стало ее жалко. Ну, думаю, что я не мужик что ли ломаюсь, как баба. Убудет от меня что ли. Тем более девушки у меня нет. Я человек свободный. Ну, прости меня, пожалуйста. Если бы я тебе признался, что я не племянник ее, ты бы никогда со мной не была бы, это же правда? – спросил Никита осторожно.

– Правда, – вздыхая и вытирая слезы, произнесла Катя. – Ну, выслушала твою исповедь и решила, что хорошо хоть врагами не расстаемся и на том спасибо.

– Так ты меня прощаешь, Катя, – умоляюще спросил Никита?

– Да, – ответила Катя.

– Тогда не сиди на полу, а то простынешь. Иди ко мне на диван.

И Никита подвинулся, чтобы уступить место рядом с собой.

– Нет, не хочу, мне здесь комфортней и спокойней.

«Скорее бы утро, – подумала Катя. – Так хочется забыть этот день и Никиту.»

Глава 31

На следующий день Катя почерневшая от очередного предательства шла под проливным дождем ничего не замечая вокруг. Подходя к редакции, она увидела иномарку Юры, которая остановилась рядом с нею. Из нее вышел Юрий Саммуилович. Он говорил по телефону. Катя так обрадовалась, увидев старого друга. Она не знала, что он в городе. Ей сказали, что Игорь Сергеевич уехал в Москву со всей своей свитой. Катя заулыбалась, хотела броситься к нему с объятиями, но вдруг услышала, как он говорит по телефону с Игорем Сергеевичем о ней.

– Нет, Игорь, Катю еще не нашел. Да, понял я, что она может помешать мне в выборах. Конечно, нужно срочно ее убрать, как свидетеля. Хорошо, но она как сквозь землю провалилась. Мои люди везде рыщут, ее нигде нет. Пристрелить как собаку? Хорошо, сделаю. Не переживай, следов не оставим. В первый раз что-ли?

Когда Катя услышала эти слова, она быстро заскочила в редакцию и с учащенным сердцебиением бежала на второй этаж. Она больше никому не верила. У нее было подозрение, что Юра ведет двойную игру. И что-то все-таки настораживало ее в нем. Конечно, ему на руку убрать свидетеля. Это была минутная слабость, что он пожалел ее тогда. И, наверное, теперь очень переживает, что Катя может проболтаться, что он ей открыл правду, – кто такой Игорь Сергеевич.

Катя бежала по ступенькам, она слышала, как открылась дверь и за нею следом в редакцию вошел Юрий Саммуилович.

«Какой ужас, он тоже мой враг», – думала Катя, забегая к себе в кабинет и закрывая дверь на ключ.

Минут через десять ее вызвал главный редактор Михаил Михайлович Терентьев. Катя в коридоре увидела, выходившего из кабинета редактора, – улыбающегося Юрия Саммуиловича.

Она резко повернулась к стенду с фотографиями сотрудников, делая вид, что расставляет фото.

Юрий Саммуилович остановился, посмотрел внимательно в сторону Кати, развернулся и вышел. Катя вытащила свою фотографию, спрятала к себе в записную книжку и зашла к Михаилу Михайловичу.

Редактор дал задание Кате, взять интервью у кандидата в Мэры города Мурманска, – Юрия Саммуиловича Гельштейна.

– Очень хороший человек сваргань ему хвалебную оду на первую полосу, – приказал Михаил Михаилович.

– Хорошо, я завтра с ним свяжусь.

– Вот его телефон, договорись о встрече, – сказал редактор, протягивая визитку.

Катя упросила Яну встретиться с будущим мэром и взять у него интервью вместо нее. Яна с удовольствием согласилась познакомиться с будущим мэром. Она договорилась с Катей и сказала, что интервью возьмет, а статью о нем будет писать Катя. Статья вышла на первой полосе, хвалебная ода получилась. Редактор был доволен, статья вышла, как всегда, под Катиным псевдонимом, – «К. Правдин». Она всегда писала статьи под чужим именем. Редактор изучил все Катины работы, рассказы, статьи и предложил Кате выпускать на четвертой полосе по одной главе из ее романов. Катя согласилась. Рейтинг надоевшей всем газеты «Северное сияние» пошел вверх. А Юрий Саммуилович выиграл выборы и стал мэром города Мурманска.

Катя вышла из редакции в конце рабочего дня и переходила дорогу, не глядя на машины. У нее было дурное предчувствие, что должно что-то случиться.

По дороге неслись машины. Одна из которых чуть не сбила Катю. Девушка отскочила от нее и вспомнила, как Игорь Сергеевич ей говорил: «Смотри, чтобы случайно не попала под задние колеса автомобиля.».

Машина внезапно притормозила, дверь открылась и Катю схватили чьи – то сильные руки. Они, как пушинку забросили ее на заднее сиденье. Катя даже испугаться не успела. Она медленно повернулась и посмотрела отсутствующим взглядом на похитителя.

– Катя! Что произошло?! – спросил испуганно Юрий Саммуилович.

Катя, увидев старого верного друга, отшатнулась от него и зло посмотрела ему в глаза.

– Давай, не тяни уже, пристрели меня как собаку, – сказала Катя.

Юра приказал водителю отвезти ее на окраину города.

Получается, Юра, став мэром, решил замести следы, боялся, что она проболтается, что он, будучи инструктором райкома партии, занимался коммерцией. И ради этого даже согласился помочь Игорю Сергеевичу убить ее. Но Юра посмотрел на Катю с болью в глазах, завернул ее в полы своего плаща, накрыл голову капюшоном и завел в кафе. Они зашли в одну из закрытых кабинок. В кафе, с символическим названием, – «Старый друг», Катя сидела рядом с Юрием Саммуиловичем и вся дрожала. Нет, ей не было страшно. Ей было просто противно, что ее лучший друг оказался подонком.

– Катя, я не враг тебе. Ты зря на меня накинулась. Я давно

знаю, что ты работаешь в редакции, что все твои статьи выходят под псевдонимом, – «К. Правдин». Если бы мне нужно было тебя убрать, я бы давно это сделал.

Катя посмотрела на своего бывшего друга и вдруг разрыдалась. Она уткнулась ему в плечо и рыдала, как маленькая девочка, ища защиты у старшего товарища. Катя поверила ему.

«Ведь Юра уже однажды спас меня, – вспомнила Катя, – и если бы не он, лежала бы я и гнила в болотах сейчас».

Она рассказала Юре все, что с нею произошло после их последнего расставания. Рассказала про предательство единственного друга, которого любила. Она все рассказала ему про Никиту. Юра поддерживал Катю, пытался успокоить, убеждал в том, что жизнь не заканчивается на этом, что все это мелочи и есть намного худшие опасения, чем эти.

Юра рассказал Кате, что Игорь Сергеевич очень разозлился, когда узнал, что она сбежала из больницы. Юра так же сообщил ей, что все это время Игорь Сергеевич разыскивал ее и хотел убить. Юра признался Кате, что он уводил Игоря по ложному пути, убеждая, что Катя уехала отсюда навсегда заграницу. Юра в ужасе поделился с Катей, что донором Игоря Сергеевича стала, по собственному желанию, дочь Людмилы, – Анна и что после родов, Игорь Сергеевич и его жена планируют захватить все имущество таинственного Дядюшки, которого никто не видел. Все знают, что Дядюшка, – видный политик. Но даже племянница Татьяна никогда с ним не виделась. Не говоря уже про Игоря Сергеевича. Дядюшка очень осторожен и общается с ними только через подставных лиц-агентов, которые никогда не повторяются. Агенты исчезают и меняются. Никто не может ухватиться за ниточку, которая приведет к нему. Юрий Саммуилович признался Кате, что мэром города Мурманска поставил его все тот же Дядюшка, которого никто и никогда не видел. Он мотивировал это тем, что бывший инструктор Райкома партии очень хорошая кандидатура для того, чтобы стать мэром.

Расставаясь, Юра предупредил Катю, чтобы она была поосторожней, потому что Игорь Сергеевич очень хочет избавится от нее, как от свидетеля какой – то страшной тайны.

– Катя, может быть, ты все бросишь и не будешь испытывать судьбу? Может тебе уехать в другой город? – спросил Юра, обнимая свою любимую подругу.

– Нет, Юра! Я больше никогда не буду убегать от судьбы. Я поняла одно, что от судьбы не убежишь, нужно просто смириться и принимать ее удары достойно.

Прошло три дня, Катя поняла, что никуда не уедет. Будет

продолжать жить, дружить и любить. Она поняла так же, что не хочет видеть Машу больше никогда. Насчет Никиты стоял большой открытый вопрос. Она постоянно думала о нем. Убеждала себя, что он хороший человек. Всячески искала ему оправдания и как ни странно находила их.

Но она знала точно, что они больше никогда не увидятся.

– Нет нельзя! – услышала Катя грозный голос вахтерши тети Глаши, которая всегда думала, что она самая главная в редакции и без нее не выйдет ни один номер газеты. – Сказано, что соблюдайте тишину, идет работа над номером, – строго произнесла она.

– Да мне на одну минуту. Позовите, пожалуйста, Катю Воронцову, ну, пожалуйста.

– А, Катюшу нашу, сейчас позову, конечно. Первый раз вижу ее жениха. А ты ничего красивый, подходишь ей. Одобряю ее выбор, – рассматривая молодого человека, проговорила вахтерша.

– Кать, ты, что от нас такого красавца прятала? – хитро прищурившись, спросила тетя Глаша. – Иди, я тебя отпускаю пораньше сегодня! – важно произнесла она. – Скажу, что ты только что вышла, если шеф будет спрашивать, – подмигнула главная работница редакции.

– Спасибо, – удивленно проговорила Катя и вышла в вестибюль.

– Господи, Никита! Ты откуда здесь?! – возмущенно произнесла Катя.

Она увидела белого, как розы, которые он принес, Никиту и улыбнулась. Никита держал огромный букет белый роз перед собой.

– Это тебе! И вот еще что, я купил билеты на концерт группы «Земляне», давай сходим. У них сегодня выступление в 18–00.

– Никита, спасибо огромное за цветы! Мои любимые белые розы, – проговорила скороговоркой Катя. – А концерт уже через час? Он будет во Дворце профсоюза? – переспросила Катя неожиданно.

– Да, во Дворце профсоюза, – ответил Никита, кивая головой.

– Очень хорошо, я знаю, что там есть парикмахерская. Побежали, я приведу себя в порядок. А костюм этот пойдет или мне переодеться? – оглядывая себя и демонстрируя костюм Никите, – спросила радостная Катя.

– Классный и тебе очень идет! – смущенно произнес кавалер и они счастливые выбежали из редакции.

– Никита, а как ты меня нашел?

– Я встретил случайно Серегу, он к нам в гостиницу приходил. Я когда его увидел, очень обрадовался, потому что так

не хотел идти к Машке, чтобы узнать, где ты работаешь? Мне так стыдно за произошедшее. Давай, больше никогда об этом не вспоминать, – умоляюще попросил Никита. – Катя, а давай жить вместе и больше никогда не расставаться, – тут же добавил он.

– Никита, мы как раз с Яной, подругой моей, уже сняли квартиру. Пока я не могу дать согласие на твое предложение. Иначе, я подведу ее. Знаешь, я хочу попросить тебя, чтобы ты сходил вместе со мной к хозяйке этой квартиры. Давай, после концерта сходим.

Может, повезет, застанем ее дома. Я представляешь, хожу туда почти каждый день. Мне никто дверь не открывает. У нас деньги взяли за квартиру вперед за три месяца, а квартиру не освобождают. Ночью, если честно, я боюсь туда ходить одна. Подруга моя, Яна, скоро приезжает и мне так неудобно перед нею, что я никак не могу переехать в эту квартиру. Сходишь туда сегодня со мной после концерта?

– Да, конечно, без проблем. Сходим, разберемся! – сказал Никита уверенно, по – мужски.

Кате стало спокойно и хорошо на душе. Она поняла одно, что Никита ее человек и пришел в ее жизнь надолго. Она приказала себя, – забыть все, что у них произошло в квартире Маши.

«Я переверну эту страницу навсегда и начну все с чистого листа.», – подумала Катя и взяла Никиту под руку.

На следующий день Никита и Катя встречали в аэропорту Яну Гуськову. Погода была чудесная! Такая же, как и настроение двух влюбленных людей! Они все время смеялись и вообще никого не видели кроме друг друга. Казалось, на всей Земле больше никого нет, кроме их двоих и их огромного счастья! Счастья жить! Счастья дышать! Счастья любить!

– Никита, я так боюсь, что Яна мне не поверит, что я никак не могу пробиться в нашу с ней съемную квартиру.

– Катя, ты не переживай. Я же свидетель, что там никого нет, и что в соседней квартире нам тоже не открыли дверь. Но, может быть, они знают, что вы должны с сегодняшнего дня въезжать, – спросил он, – и освободят квартиру именно сегодня.

– Так я сегодня днем заходила и опять никто дверь не открыл, – сказала Катя беспокоясь.

Самолет прилетел вовремя. Яна веселая, отдохнувшая, похорошевшая вышла в зал прибытия. Увидев Катю с незнакомым человеком, она удивленно посмотрела на подругу и спросила у них у двоих:

– Так, я не поняла, жить мы теперь будем втроем? Я по вашим лицам вижу, что у вас большая и светлая любовь!

– Яна, я тебя хочу обрадовать, что жить нам в той квартире не придется вообще. Потому что, хоть убивай меня, я так к ним и не достучалась, – выпалила Катя с перепугу.

– Катя, ты хочешь сказать, что нас очередной раз прокатили?! – закричала зло Яна.

– Меня зовут Никита, – подключился к разговору молодой человек. – Я свидетель всего происходящего с этой квартирой. Я, Катин друг, и мы с нею ходили туда вместе. Сейчас тоже поедем туда опять.

– Я, значит, буду на улице ночевать благодаря вам? Мне плевать: ходили, не ходили. Важен конечный результат. Спасибо огромное за заботу. Я спокойно отдыхала, доверила дело, думала, серьезным людям, а они тут в любовь играют, вместо того, чтобы делом заниматься! – кричала на всю улицу Яна.

– Так, все хватит истерик, идем и доводим это дело до конца, – твердо по – мужски, сказал Никита. – Вы с сегодняшнего дня оплатили? У вас есть расписка, что деньги отданы? Значит, сейчас поедем, сломаем дверь, войдете и будете жить.

Звонок в квартиру орал на весь подъезд. Но дом был хрущевской постройки с метровыми стенами в ширину. Естественно, соседи все мирно и тихо спали в своих квартирах, и не было им никакого дела до трех человек, звонивших и стучавшихся в дверь.

– Яна, я и соседу звонила. Он, кажется, родственник хозяйки этой квартиры. Давай еще раз позвоним и постучим ему, – устало сказала Катя.

И вдруг, соседняя дверь открылась. Оттуда вышел мужчина средних лет, щупленький сутулый и весь какой – то извиняющийся.

– Извините, пожалуйста, – сказал он. – Простите, я так понимаю, что вы наши квартиранты. Дело в том, извините, что моя бывшая жена, извините, сдала квартиру своей мамы, без ее ведома. А та живет там и никого пускать не собирается. Я целыми днями на работе, а бывшая теща никому не открывает. Извините, пожалуйста, я ничем помочь не могу, извините.

– Так, дедушка! – обратился к нему Никита. – Ты сейчас подойдешь к двери и попросишь свою бабушку, чтобы та открыла ее тебе. Иначе, мы сейчас дверь выбьем и зайдем вместе с проблемами, которые у вас появятся.

– Извините, хорошо, хорошо. Я постараюсь вам помочь, – сказал бывший зять и бочком прошел по над стеночкой. Он позвонил и постучал условным тройным стуком в дверь. После чего все присутствующие услышали шаркающие шаги и скрипучий голос спросил:

– Кто там?

– Извините, это я, извините, Миша, – сказал, извиняясь, бабушкин зять.

Ключ в двери медленно стал поворачиваться в замке. Загремела цепочка, которая была натянута изнутри. Чуть приоткрыв дверь, старушка выглянула и увидела незваных квартирантов.

– Никого не пущу! – закричала она через щель в приоткрывшейся двери. – Я денег не брала, пошли вон!

– Значит так! – сказал раздраженно Никита. – У вас тут целая мафия. Вы взяли деньги за квартиру за три месяца вперед, а пускать квартирантов не хотите. Все, я вызываю милицию. У нас есть расписка от вашей дочери, что она взяла деньги за проживание квартирантов. Вы сейчас пойдете в тюрьму за мошенничество, – грозно произнес Никита.

– Я же говорю вам, что это моя дочь – мафия. Вот спросите у девчат, что я денег у них не брала.

– А откуда вы знаете, что жить должны девчата? Может это семейная пара? Вот, например, я с женой, – быстро сообразил Никита.

– Ничего не знаю, вы меня запутали, – испуганно ответила бабуля, которая была ростом с Диму и комплекцией боксера. Она протянула палку в щель и угрожающе стала ею размахивать.

– Убирайтесь отсюдова! А не то, я сейчас и ружье достану и всех вас перестреляю. Я – фронтовичка!

Яна схватила ее за палку и закричала:

– А я психичка, у меня есть желтая справка и я сама тебя пришибу и ничего мне за это не будет!

– Так, хватит орать, – твердо сказала Катя. – И обращаясь к бабушке, ласково добавила: «Бабулечка, миленькая. У нас есть расписка, что ваша дочь получила деньги от нас и обязуется нас не обижать как квартирантов. Сегодня мы должны заехать, а иначе мы вынуждены будем вызвать милицию. Ночь будет у всех очень веселая».

– Бабуля, – тоже ласково сказал Никита. – У меня есть коньячок импортный. Давайте сядем и мирно решим эту проблему, чтобы соседи не слышали, потому что я понимаю, мы все здесь заложники ситуации, а ее нужно решать мирным путем.

– Да и то правда, милиция нам не нужна, – чуть смягчившись и глядя на Диму как – то по – доброму, сказала старушка.

Видно было, что он внушал ей доверие.

– Покажите паспорта, нет, лучше отдайте их зятю.

– Мишка, отнеси паспорта к себе в квартиру. Отдашь им документ, когда я скажу. Так – то мне будет спокойней. А теперь

можете заходить! – сказала она властно, когда паспорта были в соседней квартире.

– Вы меня тоже поймите, – говорила баба Маня, так звали старушку. – Дочь моя пустила квартирантов и меня не спросила даже. Мало того, что она мой дом в Ленинграде продала и купила эти две квартиры в Мурманске. Так я еще не думала, что буду на старости лет жить на севере с бывшим зятем. Вот что значит быть старой и беспомощной. Внук у меня в армии, младшой с нею живет в Туле. Она туда замуж вышла второй раз. Меня поселила рядом со своим первым мужем.

– Ну, раз так получилось, – сказала Катя. – То мы поживем с вами или без вас в этой квартире три месяца, за которые уже заплатили. А потом уедем, если вам не понравимся. А, если понравимся, то тогда за следующие месяцы будем отдавать деньги вам, хорошо?

Магическое слово «деньги» подействовало на бабушку очень успокаивающе. Она сразу как – то подобрела и сказала: «Вот и порешали. Я согласная. Теперь можно наливать сто граммов фронтовых!».

– Как это с нами она будет жить?! Здесь всего две комнаты, – возмутилась Яна, обходя квартиру. – Ты точно сбрендила, Катя. Договор дороже денег. Ничего страшного, потерпите своего бывшего зятя, тем более, вы сказали, что он вам, как сын. Всего три месяца потерпите или возвращайте деньги, мы другую квартиру снимем, – зло произнесла Яна. – Мне все уже надоело. Я хочу спать!

– Баб Маня, – сказала ласково Катя. – Сделаете ксерокопию наших паспортов, посмотрите на нас. Мы у вас на виду будем. Теперь мы соседи все – таки. У вашего зятя тоже две комнаты. Но, потерпите, пожалуйста, всего три месяца. Так будет честно, – ласково попросила Катя. – Да и вам полегче. Мы и в магазин сможем сбегать и за лекарством. Все же вам по морозу не ходить.

– Ладно, уговорили! – проворчала баба Маня, выпивая свои сто грамм фронтовых.

– Вот вам ключи. Но я буду открывать дверь другим ключом и приходить к вам в любое время, когда захочу. Я буду проверять все ли в порядке, – строго произнесла баба Маня. А то я знаю вашу «дырявую команду», нас так на фронте называли. Ладно, пойду, вещи мои Мишка заберет. Пока я только постельное возьму, а завтра все остальное заберу. Потерплю, так и быть три месяца. Ты мне, дивчина, нравишься, – обратилась она к Кате. с И жених твой тоже. А вот подруга твоя – злая, мы на фронте таких били.

– Ладно уж, идите, я – справедливая, а не злая! Я бы с вами

вообще не разговаривала, милицию вызвала и посадила бы вас как мошенников, – зло сказала Яна.

Она чуть не испортила своим напором дипломатическую беседу.

– Ты мне не груби! – тряся палкой, проговорила баба Маня. – Я за свою жизнь столько таких «справедливых» видывала. Что подставят и глазом не моргнут. – Ты, девонька, – обратилась она к Кате, еще узнаешь свою подругу. Поверь моему слову и, продолжая трясти палкой в подтверждении сказанного, пошла в соседнюю квартиру.

Яна заняла крайнюю комнату. Катя расположилась в проходной. Она поблагодарила Никиту за помощь и проводила его в гостиницу, а девочки радостные, что наконец – то у них есть свое жилье, пусть и съемное, но свое, уснули глубоким сном.

Квартира была старой постройки на первом этаже: с маленькой кухней и огромной ванной, которая отапливалась большим черным титаном. Так называли печку. А, на самом деле, «титан» был похож на огромную черную трубу. В диаметре эта труба была где – то полметра. Но самое интересное было то, что титан топился углем и дровами, как в деревне.

В центре города Мурманска стояли старые желтые дома, а рядом с ними лежали большие черные кучи угля. В подсобке, вернее в кладовке, сушились дрова для разжигания этого самого титана. С улицы девочки носили в эту подсобку дрова и уголь, чтобы они не были сырыми. Открывали кран на самом верху титана, набирали воду, а внизу титана топили печь. Вода быстро нагревалась и было очень уютно от запаха дров и угля. Как – будто ты возвращаешься в детство к бабушке, в настоящую русскую баню!

– Яна, мне нравится наша квартира и нравится разводить костер в «титане», как в камине, – пропела Катя. – И вообще классно здесь в центре города и никакой цивилизации. Такая мощная энергетика от всего этого идет, правда?

– Какая энергетика, дура? Это ты жила как барыня в своих коттеджах. А я в своей деревней по горло сыта, – печками, дровами, углем. Но раз тебе так все это нравится, будешь у нас заведовать кочегаркой. А я просто буду отдыхать и купаться, – сказала Яна с издевкой.

– Все договорились, тогда ты будешь, – кухаркой. Ведь тебе нравится готовить? – спросила смеясь Катя.

– Нет, подруга, так не пойдет. Ладно, договорились, будем дежурить по – очереди. Неделю, – ты готовишь, я топлю «титан», а следующую неделю, я – на кухне, ты – в ванной. Пойдем, составим расписание, – позвала Яна.

– Хорошо, пойдем! Теперь все по – честному. Мне твоя идея нравится.

– А мне, нет! Но я еще над этим поразмыслю, – недовольно пробурчала себе под нос Яна.

Глава 32

Дни пролетали очень быстро. Весна сменила Зиму. В воздухе пахло подснежниками и фиалками. Снега было, как всегда, очень много и лежал он под самые крыши домов. Несмотря на то, что таять снег не собирался, все – равно люди знали, что пришла весна.

На юге все давно ходят без верхней одежды. Ведь весна же. Как только припечет солнце, все северяне сразу снимают с себя верхнюю одежду. А север он и есть север, – ледяной ветер, завывающие метели и сияющее низкое солнце! Весной день становится длиннее ночи. Настроение становится весенне – приподнятое. Птицы поют песню любви, высоко паря в красивейшем бирюзовом небе.

Запах весны доносится с юга с каждым дуновением ветра. Голова кружится. Пьянящая истома пробегает по всему телу. Ожидание чистого и самого лучшего будущего в этот момент не покидает Катю. Она бежит на работу с улыбкой, потому что северный ветер ее ласкает и приговаривает: «Скоро лето, скоро лето, тебя ждет долгожданный отпуск! Ты поедешь домой к маме и папе. К людям, которые любят тебя и всегда ждут…»

– Катюха, привет! – услышала она за спиной знакомый голос.

Катя повернулась и увидела Свету, свою названную двоюродную сестру.

– Ты знаешь, – сказала она. – Ты куда пропала? Мы с Ромой забегали к маме Шуре. Их как всегда нет, они на своей любимой свалке. Посмотрели и вещей твоих тоже нет, сразу поняли, что ты переехала. А у нас для тебя новость, – мы решили пожениться. Я тебе по секрету скажу, я – беременная, у нас все хорошо. Я тебе так благодарна, что ты нас с Ромкой прошлым летом на юг отправила. Я как на своей Родине побывала, так сразу и забеременела.

– Ой, Светочка, ты очень похорошела! Беременность тебе к лицу. А я в работе вся, очень хочу квартиру себе купить. У меня же так и нет своего угла, все по чужим скитаюсь. Мне так надоело на съемных квартирах прозябать. У тети Шуры давно уже не была. На днях собиралась к ней сходить. Кстати, как она там?

– Да, я сама недавно только забежала к ней. То холодно было, то на сохранении лежала, то она, – на своей любимой свалке, – сказала Света, смеясь. – Ко мне она иногда приезжает, сама понимаешь, денег взять «на лекарство», как говорится. Она все внучку ждет. Ты забегай ко мне тоже, я за тобой скучаю. Ты все так же в редакции работаешь?

– Да, и в школе – моряков: курсы английского языка веду, меня пригласили. Вот в отпуск соберусь, теть Шуру с дядь Васей и тебя с племянницей и мужем возьму. В этом году опять никак не получается поехать. Да и боюсь, что меня там эти отморозки Игоря Сергеевича ждут. А тетю Шуру обязательно свожу на юг.

– Да ты что она не поедет, она и так на работе всем болтает, что каждую субботу на юг ездит родню хоронить. Короче, как запьет, так кого – нибудь хоронит на юге. Это у нее такая новая фишка. Ну, ладно, я заболталась совсем. Я побегу. Я к подруге, она рядом с твоей редакцией живет. Ну, пока, как – нибудь забегайте с Никитой в гости. Передавай привет ему от меня и от Ромки, – сказала, улыбаясь, Света и добавила: «Катюха, ты дурью не майся, выходи за него замуж, хороший он мужик. Нам с Ромкой он сразу понравился и, подмигнув Кате, Света произнесла:

– А ты готовься, будешь у меня на свадьбе дружкой моей.

И, поцеловав Катю, поспешила в подъезд напротив.

– Пока, пока сестренка, – сказала Катя и подумала:

«Молодец все – таки Света, остепенилась, пить перестала, ребенка хочет родить. Хоть бы у них все было бы хорошо!».

Катя посмотрела на часы и побежала на работу, боясь опоздать.

Шеф – редактор уже сидел у нее в кабинете и пил чай с карамельками. Он держал в руке первую полосу газеты и внимательно всматривался в заголовок. Но видно было, что думал он о чем – то своем. Мужчиной он был очень грузным и поэтому сидел за столом, откинувшись немного назад. Высокий рост и важный вид выдавал в нем начальника. Он даже не повернул голову в Катину сторону, когда она вошла. Ходил шеф – редактор всегда медленно, с высоко поднятой головой, держа руки за спиной. Со стороны всем казалось, что он очень высокомерный человек. На это было совершенно не так, потому что он был очень добрым и очень неравнодушным к противоположному полу.

Шеф-редактор любил всех женщин планеты Земля. Они отвечали ему взаимностью. Но у него был один недостаток, – Владимир Алексеевич был женат, имел двух дочек и так как дома был окружен одними женщинами, то очень хорошо понимал весь женский пол.

Душа у него была ранимая. Человеком он был влюбчивым и жалел всех женщин подряд, не обращая внимания на их возраст, социальный статус и вероисповедание. От этой своей жалости он занимался любовью со всеми подряд. Со всеми, – кто был не против. Катю любил по – отцовски, потому что она была из тех

женщин, которых секс с коллегами не интересовал.

А все кто не хотел с ним спать, становились его верными подругами. Катя была одной из самых близких его подружек на работе. Поэтому он рассказывал ей все свои любовные похождения. Он постоянно спрашивал у нее совета, – как поступить с той или иной женщиной? Как отвязаться от той или иной навязчивой дамы. И как сделать так, чтобы никто не обиделся.

– Так, Екатерина Евгеньевна, опаздываем?! Выговор вам в виде выслушанного от меня рассказа. Я тебе сейчас такое расскажу! Я с Валькой – официанткой провел только что секс – перерыв.

– Вы хотели сказать, секс – паузу, – перебила его Катя.

– Это у тебя с Никитой секс – пауза. А у меня секс – перерыв, – обиженно заметил он.

– Так ведь рабочий день только начинается?! – смеясь, напомнила Катя. – Какой перерыв?

– Это у нас с тобой рабочий день только начинается, а в ночном ресторане уже был перерыв, – подняв указательный палец вверх, многозначительно произнес Владимир Алексеевич.

На вид ему казалось лет шестьдесят. На самом деле ему было всего сорок пять лет. Но для Кати он казался глубоким стариком – юношей, который в молодости очень рано женился и не успел погулять, а теперь наверстывает упущенное ежедневно и ежечасно. Все знали о его недуге гуляки и все боялись подцепить этот вирус, – «Вирус гуляющего мужчины».

Причем, мужчины боялись заразиться болезнью «Гуляки» больше всего.

Катя видела, как он манипулируют всеми дамами без исключения, которые с ним занимаются любовью. Каждая из этих женщин была настолько уверена, что он любит только одну ее и принадлежит ей навеки, потому что он всем без исключения, вздыхая, говорил одно и то же, что жены у него никогда не было и что ему очень одиноко! Это была его постоянная версия для всех дам. Беспроигрышный вариант. Он, похоже, так часто это повторял, что успел и сам в это поверить.

– Катюха, что это за заголовок? – удивленно воскликнул Владимир Алексеевич, – «Во власти стихии»?! Да еще на первой полосе?! Нет, нужно такой заголовок, чтобы, аж, мурашки… Например, – «Во власти страсти», «Страсти от Власти» или «Власть и Страсть» вот, что либо этакое, – подняв глаза к потолку, произнес шеф – редактор.

И, вздохнув, добавил: «Катюха, я, похоже, разлюбил Валентину-официантку. Но как ее бросить не найду повода. Очень

уж ей замуж хочется. Так старается, сил нет. Все по шерстки меня гладит, да гладит, хоть бы раз обиделась. Так трудно с этими женщинами расставаться, – никак не хотят обижаться. Ну, что ты на этот раз посоветуешь, а?».

– Да, что тут советовать? – вздохнула Катя, – Скажите, что вас с работы уволили. Еще добавьте, что приехала бывшая ваша любовь и привезла с собой троих детей. И, что самое главное, что все оказались – вашими. Требует, чтобы вы усыновили их и подписали им все движимое и недвижимое имущество, – смеялась Катя. – Еще контрольный выпад: попросите у нее взаймы денег. Скажите, что нужно срочно бежать за границу, сделать пластическую операцию и спросите, сколько это будет стоить? Потом пообещайте, что позовете ее к себе на постоянное место жительства, на мусорку № 2. Главное, не забудьте попросить денег в займы. Это сработает сразу, – заметила Катя. – В конце концов, она же должна подтвердить свою любовь делом, правильно?

– Точно, Катюха. Ты – гений! Если кто будет спрашивать, я побежал на совещание.

– Понятно! Позывной, как всегда, – «на совещании!», – взяла под козырек Катя! – Только полосу оставьте мне. Ее править нужно. Кто сегодня дежурный выпускающий? Случайно не вы, Владимир Алексеевич?

– Все после шефа, только после шефа! Ты же знаешь, он все – равно исправит все по – своему. Так что ты на подхвате. Целую, пока, привет семье будущей.

Кстати, а может и не…, там Яна ревет с самого утра, не знаешь, что у нее опять случилось? Ужас, так рыдает, вся редакция плачет, сходи к ней, утешь ее. Забыл сразу тебе сказать, извини, свои проблемы ближе!

Второй этаж занимали шефредактор, фотокорреспондент, отдел писем, бухгалтерия и, конечно, – заместитель редактора. Катя, перепрыгивая через две ступеньки, быстро поднялась на второй этаж. Кабинет Яны был закрыт изнутри.

– Яна, открой, пожалуйста. Я тебя очень прошу, открой. Что случилось? Пожалуйста, открой, – потихоньку стуча, попросила Катя. – Яна, не глупи, открой сейчас же, – настойчиво повторила она.

– Да отстаньте вы все от меня! Надоели, никто мне не поможет, все кончено, завтра поеду домой, – навзрыд плакала Яна.

Но немного подождав, все – же открыла дверь. В комнате было как всегда очень темно, – черные шторы из плотной ткани были намертво зашторены. Комната была маленькой и

продолговатой. Во главу угла стоял стол буквой «Т» с двумя стульями по бокам и настольной лампой, от которой исходил по – домашнему уютный свет.

– Рассказывай, что случилось? – обняв подругу, спросила Катя.

– Ты представляешь, мою очередь на двухкомнатную квартиру собираются снимать, потому что муж развелся со мной и теперь меня ставят в очередь на однокомнатную квартиру в конец списка. Ее я буду ждать до следующей жизни.

– Хватит ныть, что – нибудь придумаем, – строго произнесла Катя. – Ревешь, будто кто умер. Все живы, – и это уже хорошо! Подожди немного, – задумалась Катя, – у меня, кажется, мысль появилась! – радостно добавила она. – Да точно, это выход! Яна, а если ты замуж выйдешь?

– Какой замуж? У меня даже парня нет! Я на них на всех смотреть не могу после моего урода. Он, видите ли, хочет теперь быть отцом, поэтому меня бросил, а когда я аборт от него делала, – не хотел. Теперь, когда я не могу родить, он вдруг захотел. Тварь, бессовестная, – завывая, продолжала Яна.

– Ну хотел, не хотел, – это уже в прошлом. А я бы посмотреть хотела на совестливую «Тварь», Яночка?! Как ты мужа назвала? Тварь бессовестная, – смеялась Катя. А ты видела «Тварь» с совестью. Нет, ты представляешь, такая вся красивая идет, чистенькая такая, совестливая «Тварь». Ходит, в глазки заглядывает, свои услуги предлагает, – продолжала фантазировать, смеясь, Катя.

– Да, ладно тебе, хватит меня смешить, – вытирая слезы, улыбаясь и дважды вздохнув после своей истерики, продолжала Яна. – Вижу по тебе, что у тебя какая – то идея появилась? Давай, выкладывай, не томи.

– Короче, а как насчет моего Никиты? Я его очень люблю и, думаю, что он меня тоже. Поэтому я его попрошу, и он обязательно тебя выручит. Он на тебе женится. Конечно, фиктивно. И ты, как замужняя дама, получишь свою двухкомнатную квартиру, очередь которой подходит. Только вам нужно быстро подать заявление в Загс и попросить их, чтобы быстрее расписали. У тебя же есть подруга Зина. Она же гинеколог, насколько мне известно, и она сможет сделать тебе справку, что ты беременная. Вас быстро распишут, и ты не потеряешь свою очередь на квартиру! А мы будем справлять новоселье! Ну как, понравилась тебе моя идея? – выпалила скороговоркой Катя.

– Ой, спасибо, Катюха! Только твой Никита не согласится на такую авантюру. Он у тебя очень серьезный товарищ.

– Но попытаться стоит!

– Как тебе такая бредовая идея в голову могла пришла? – задумавшись, произнесла Яна. – Никита никогда на это не пойдет…

На следующий день Яна и Никита подали заявление в Загс. Город был небольшой, Дворец Бракосочетания был один на весь город, поэтому все устроили быстро. Так как невеста была «беременна», – по справке подруги – гинеколога Зины, – то их согласились расписать в пожарном режиме. К тому же Никита, по просьбе Кати, принес справку из морской конторы о том, что у него запланирован рейс на ремонт в Аргентину на целых восемь месяцев, что было истиной правдой. Поэтому, принимая во внимание столь веские аргументы, Яну и Никиту решили расписать через неделю.

Это был самый ближайший срок. Раньше не могли. «Молодоженов» это вполне устраивало, радости прибавило еще то, что они получили приглашение в свадебный магазин, – «Мечта». Они слышали об этом райском местечке, где можно было купить все, но не верили.

В те времена в магазинах было совершенно пусто. На всех полках кроме пыли ничего не было. Один хозяин жизни был в те времена – «Блат».

– Где достали? По «Блату», наверное? У вас есть «Блат» в продовольственном магазине? У вас есть в промтоварном «Блат»? – спрашивали знакомые друг у друга.

Одевались красиво только по «Блату» или на рынке, где этот «Блат» перепродавался за баснословные деньги. А невеста с женихом были «Блатными» всего три дня. Давалось приглашение в свадебный салон «Мечта» именно на этот срок нужно было закупить в «Мечте» все, что ты хотел! Но это было невозможным по двум причинам. Во-первых, ты все не мог закупить, потому что у тебя не было денег. А во вторых, ты не мог все закупить, потому что денег не было и у твоих друзей, которые под шумок мечтали скупить все в этом магазине для молодоженов. А в третьих, скупалось все только на ту сумму, которую насобирали. Молодожены обычно скупали все, начиная от капроновых белых чулок и заканчивая коньяком «Белый аист». Этот шанс нельзя было упустить никому. Нужно было собрать побольше денег.

Так как денег у Кати и Яны было мало, а терять свадебные талоны не хотелось, они пробежались по всем друзьям, собрали список желаний и деньги. После этого дружной компанией из четырех человек, они отправились в «Мечту», как в музей.

Вернее, как в «Коммунизм», который строили их родители. С

собой Никита взял своего друга по мореходке, – Семена, которого Катя и Яна знали очень хорошо, потому что давно с ним дружили. Они считали его своей подружкой, которой можно было рассказать все секреты и поделиться сплетнями. Семен никогда и никому их тайны не выдавал. Он был настоящим Другом с большой буквы.

От всего увиденного в магазине «Мечта», у всех закружилась голова. Правильнее будет сказать, – закружилась она только у девочек. Моряки, как они сами говорили, видели уже этот коммунизм в загнивающем капитализме. Они туда заходили на своих рыболовецких судах и сдавали нашу социалистическую рыбу зарубежным странам за копейки.

Рыбы у нас в стране было очень много, впрочем, как и всего остального, но мы все это должны были показывать своим западным друзьям, стесняясь. Поэтому отвозили втихую всю рыбу им. Ведь у них, как нам внушали, ничего не было вовсе. А затем эту же советскую рыбу, только обработанную и красиво упакованную в заграничный наряд, они продавали опять же нашей стране, но уже втридорога. Удивительно, но рыбы хватало опять только «Блатным».

Мальчики бродили по магазину со скучающим видом. Девчонки хватали все подряд.

– Катя, беги сюда! Посмотри, вон видишь конфеты финские? Помнишь, нам, такие же, Никита привозил с прошлого рейса? Посмотри, какие ликеры импортные! Вон там, смотри, какие красивые бутылочки! А в том зале, ты видела, какие платья свадебные висят? И перчатки такие красивые, как у цариц! Я такого сроду не видела, – шептала, округлив глаза, Яна на ухо Кати.

– Смотри, смотри, а шторы какие красивые! – показывала Катя. – Давай, возьмем их в твою новую квартиру. А скатерти какие! А посуда! Я сейчас в обморок от изобилия всего упаду. Какая красотища! Жаль, что денег у нас немного. Я бы всего накупила. Как ты думаешь, а при Коммунизме так же все будет в магазинах?

– Конечно, мы его строим, поэтому у нас ничего нет, а когда построим, все будет как в магазине «Мечта», – подхватил их разговор Никита.

– Может, лучше бы строили загнивающий капитализм? Они уже давно в такой красоте живут, – скептически заметила Яна.

– Они просто не знают, что это коммунизмом называется, – смеясь, говорили наши доблестные моряки – загранзаплыва.

– Потише вы, – сказала Катя. – А то сейчас мигом из коммунизма вылетим. Давайте еще походим, посмотрим. Магазин

«Мечта, – какое красивое название, – медленно произнесла она.

– Я тоже как в сказке нахожусь, – закатив глаза, пропела Яна. – Я очень хочу, чтобы наши дети, да и мы еще успели пожить в такой красоте. Достали эти уже пустые магазины. Хочется красоты и вкусноты!

– И что вы будете делать с такой красотой и вкуснотой, если у вас денег не будет, – скептически заметил Никита. – Пойдемте уже домой, – в оба голоса заголосили парни. – Мы и так уже понабрали, не дотащим. Хватит уже бегать из отдела в отдел, продавцов смешить.

– Да, ладно вам, они и внимания на нас не обращают. Таких невест и женихов, как мы, наверное, по – насмотрелись уже. Можно подумать другие не так по магазину бегают! Все в одной стране живем, у всех одна жопа, – сказала Яна, обидевшись на ребят.

– Вам хорошо, – поддержала подругу Катя. – Вы такую красоту каждый раз видите, когда за границей бываете. Мы, между прочим, сами виноваты, что так в нашей стране живем! Мы эту страну сами прокляли. Нечего было Церкви разрушать, кресты сбивать. Теперь хотим такими чистенькими быть. И забыть, что творили. Ведь сами историю страны своими руками вершили. Не чужими руками, а вот этими, своими, – показала Катя, поворачивая ладони вверх. – Вот и получаем результат! Наследство дедов и прадедов получили и хотим лучшей жизни. Нам бы тоже поменьше грешить, а то внуки и правнуки нас тоже вспомнят «хорошим» словом…

Когда ребята вернулись домой, они разложили заморские продукты на столе и решили устроить пир на весь мир. Позвали друзей и стали справлять фиктивную свадьбу, – все подумали, что Никита и Катя заявление в Загс подали. Никто их не стал разуверять и чтобы не сглазить их настоящую аферу, ребята никому не сказали правду. – Заходи, заходи, – обрадовался Никита, увидев на пороге высокого красивого парня. – Яна, знакомься – это Андрей, наш боцман.

– Ой, я всегда думала, что боцманы толстые и маленькие дяденьки, которые сидят возле холодильник?! – удивилась Яна.

В дверях стоял высокий худощавый мужчина, очень симпатичный и немного стеснительный. Он был татарин по национальности.

– Почему вас не раскормили на корабле? Вы ведь ближе всех к кухне находитесь? – спросила Яна вошедшего парня. – Ну ничего, я за вас возьмусь. Я так думаю, вы знакомиться со мной пришли? Мне Катя проболталась, что у Никиты есть холостой друг, который очень давно ходит в море и очень хочет

познакомиться с хорошей девчонкой.

– Все правильно. Я и есть тот самый мужчина, которого хотят женить все друзья, – сказал краснея Андрей.

– А я и есть та самая хорошая девчонка, которая похожа на Анжелину Джоли ниже пояса. Помните, я уже как – то вам говорила по телефону об этом, когда вы сюда звонили. Я вас по голосу узнала.

Катя с Никитой, молча, стояли и, улыбаясь, наблюдали эту сцену знакомства.

– Никита, их и знакомить не нужно! – произнесла Катя. – Они уже давно познакомились сами по телефону, болтали почти каждый день по два часа и давно уже друг о друге все знают. Вот новый метод построения отношений: заочно – телефонно – дружеский.

– Я не удивлюсь, что именно вы и создадите новую ячейку общества быстрее всех, – уверенно сказала Катя.

– Катя у нас прирожденная сваха, – стольких подруг уже замуж выдала, – ласково обнимая девушку, сказал, Никита. – Давайте к столу, посмотришь, какая Яна хозяйка и как вкусно готовит. Вы знаете, девочки, Андрюхе лично я заочно запах еды передавал, но он ничего не понял.

Все дружно засмеялись и стали праздновать свадьбу, которая была ничей.

На следующий день Яна сказала Кате:

– Вот если бы Андрей появился чуть раньше, может и не пришлось бы просить Никитку женится на мне. Я ему намекнула, – говорит Яна, – а он сказал, что женился бы на мне, даже не фиктивно. Но я его за слово поймала и говорю: «Я как только с Никитой разведусь, так и быть за тебя замуж выйду!

– Класс, Яна! Будем дружить семьями, – обрадовалась Катя. – Мне, честно тебе скажу, очень понравился Андрей. Я даже уверена, что у вас и дети получатся. Вот не знаю, почему, но я уверена. У твоего бывшего не будет детей совсем, потому что он так с тобой поступил, а у тебя будут, – мальчик и девочка. Это точно испытание судьбой, понимаешь? Он привез тебя на север, молодую девчушку, заставил сделать аборт, подал на развод, оставил на улице и чуть не лишил очереди на жилье. Видишь, сколько у него грехов, а ведь ты ему ничего плохого не сделала. Еще и помолись за него. Он сам не ведает, что натворил, бедный, – задумавшись, произнесла Катя.

Неделя пробежала очень быстро. Яна каждый день ходила на свидание с Андреем, у них завязывались серьезные отношения. Вскоре подошло время регистрации фиктивного брака, – Яны и Никиты. В Загс пришли вчетвером. Никита согласился

расписаться с Яной, только с одним условием, что в зал регистрации пойдет вместо нее, – Катя.

– Пусть, говорит, документы будут Янины, но в Загсе, чтобы стояла рядом со мной ты, а то вдруг целоваться заставят, – сказал безапелляционно Никита.

На том и сошлись. Поэтому в Загс пришли вчетвером. Яна с Андреем стали ждать в коридоре. Катя и Никита зашли в зал регистрации брака.

В красивом зале находилась такая же красивая женщина, – ведущая церемонии, – и держала на таком же красивом подносе уже готовые документы.

– В этот торжественный день, хочется сказать добрые и нужные слова, – говорила ведущая. – Только что на наших глазах создана новая ячейка общества. И в этот знаменательный день хочется пожелать молодым счастья на долгие годы супружеской жизни! Согласна ли Яна стать женой Никиты? – обратилась она к Кате своим противным голосом.

«Такое ощущение, что все работницы загса проходит кастинг на наличие именно таких противных голосов», – подумала Катя.

– Да! – уверенно ответила невеста.

Катя это «да» сказала так уверенно, будто она действительно была Яной и действительно выходила замуж за Никиту.

Работник Загса продолжала произносить заученные фразы, как во сне. Хотя бы скрыла, что это ее тяжелая работа, и ей плевать на то, что для каждого человека регистрация брака, – это событие. Она работает, как на конвейере в тяжелом цеху и произносит тяжелые фразу вымученным лицом, даже не задумываясь о судьбе своих подопечных.

– Подойдите и поставьте свою подпись вот здесь и здесь, где стоят галочки.

Она говорила это так, будто невеста и жених еще к тому же и слепые. Женщина – робот тыкала ручкой в места, где были прорисованы «птички» и продолжала таким же монотонным голосом:

– Теперь вы, молодой человек, – чуть мягче произнесла дама, глядя ласково на молодого человека.

Она стояла и видно было, что она что – то вспоминала. Медленно взяла с подноса паспорт невесты и стала также медленно его открывать. Затем медленно посмотрела на фотографию Яны в паспорте, перевела удивленный взгляд на Катю, сравнивая «оригинал» с «копией» и снова внимательно стала изучать фотографию Яны в паспорте, разглядывая стоящую перед ней Катю.

Не нужно быть очень умным человеком, чтобы понять

насколько разными были эти две девушки: Катя была очень худенькой блондинкой с длинными вьющимися волосами, а Яна – пухленькой брюнеткой со стрижкой под мальчика. Даже если можно было списать разницу на то, что девушка похудела и перекрасилась, разные черты лица у девушек поставили в тупик, видавшего много чего на своем веку, работника Загса.

У Кати было узкое лицо, огромные зеленые глаза и тоненький с горбинкой нос. Яна была круглолицей с маленькими голубыми глазками, посаженными близко к переносице и маленьким курносым носом. Яна была полная Катина противоположность…

– А невеста – то не та!? – заорала на весь зал взбешенная ведущая свадебной церемонии.

Искаженное от злости лицо вдруг налилось краской и, брызжа слюной, она закричала:

– Срочно позовите заведующую Загса!

Ведущая свадебной церемонии, сдвинув набок прическу, бежала из зала в потайную дверь, которая находилась у нее за спиной.

Видно было, что она первой хотела рассказать начальству, что произошло.

– Никита – сказала Катя, быстро оценив обстановку. – Иди срочно и приведи сюда Яну. Скажи ей, что она заболела и поэтому я здесь вместо нее. Только, пожалуйста, бегом. Если Яна и Андрей не вышли на улицу, то должны быть в коридоре.

Никита спокойно, как – будто ничего не случилось, пошел искать Яну. Нужно отметить, что он вообще никогда и никуда не торопился. Все делал размеренно и основательно.

– Да можешь ты побыстрее! – испуганно и, тряся обеими руками, как бы подталкивая его, – прошептала Катя. – Быстрей, пожалуйста, закусывая губу, – произнесла она снова, оглядываясь на потайную дверь в зале.

Но как только Никита вышел из торжественного зала, в комнату влетели разъяренная ведущая свадебной церемонии и пожилая женщина небольшого роста. По внешнему виду сразу можно было понять, что это начальник Загса.

Уверенная в себе начальница, которую уже было ничем не удивить, прошла по залу регистрации твердой поступью, подошла к Кате и спросила:

– Ну что, жених уже сбежал?

– Нет, нет! – быстро затараторила Катя. – Просто настоящая невеста сидит в коридоре. Понимаете, она сломала руку и не может расписываться, поэтому попросила меня, – выпалила за секунду свою речь, Катя и глубоко вздохнула.

В это время открылась дверь и в торжественный зал медленно

и гордо, как всегда, вошел Никита. Так как парень был очень высокий и мощный, то маленького роста Яна – невеста со «сломанной рукой», смотрелась на его фоне очень комично. Больная невеста, скрючившись, подкрадывалась за могучей спиной Никиты в согнутом состоянии к начальнику Загса. Она очень удивила своим видом всех присутствующих.

– Она болеет! – громко произнес Никита, отходя в сторону и махнув в сторону невесты.

– У меня живот болит! – запричитала Яна, якобы корчась от боли.

«Очень плохая актриса», – подумала Катя.

Тихонько толкнув подругу в бок, Катя сказала шепотом, – «Ты руку сломала».

– Ой! – закричала Яна. – Я и руку сломала и живот болит, ужас какой – то.

И хватаясь то за руку, то за живот стала изображать ужасы на лице красавицы – невесты.

– Так, сели все! – приказным тоном закричала видавшая виды начальница. – Что вы тут за маскарад свадебный устроили?

Генерал Загса явно не видела такого никогда за время своей работы в этом учреждении. Она стукнула со всей силы кулаком по столу и приказным тоном прокричала: «Бегом сели!»

И указала на скамейку, очень похожую на ту, которая обычно стоит в школьных спортзалах возле стены. Все трое сели, прижавшись с перепугу, друг к другу. Сели, странным образом: Никита, Катя и невеста Яна.

– Я тебе этого никогда не прощу, – зло прошипела Яна. – Квартира срывается. Тебе обязательно нужно было переться в Загс вместо меня? – продолжала толкать она Катю в бок.

Не могла Катя ей объяснить, что это было одно из условий Никиты в их договоренности. Сейчас было не то время и не то место для объяснений.

Совещавшиеся в сторонке начальница и ведущая церемонии рассматривали заранее приготовленные свидетельства о регистрации брака и печати в паспортах у молодоженов.

– У вас что, брак фиктивный? – зло спросила начальница Загса.

– Что вы, что вы?! – быстро вскочив и быстро заговорив, стала объяснять Катя. – Они очень любят друг друга. Просто, это я во всем виновата. Я ее пожалела, что будет руке больно, когда она будет расписываться, да и живот от волнения у нее разболелся. У нее всегда так бывает, когда она сессию сдает и на работе проверки, у нее всегда живот болит, – тараторила Катя. – Пожалуйста, поверьте, не ругайте их, накажите лучше меня.

– Ясно все. Выйдете адвокат, пожалуйста, из зала и оставьте нас с молодоженами одних. – Да, кстати, я ведь этого адвоката уже здесь видела? – провожая взглядом Катю, и вспоминая, где именно она ее видела, произнесла начальница.

– Не припомню по какому поводу, но точно видела ее в Загсе. Ладно, потом вспомню.

«Конечно, когда – нибудь вспомните обязательно, – подумала Катя, выходя из зала регистрации. – Я приходила к вам по поводу развода с первым мужем.».

Катя глубоко вздохнула, вышла в коридор и стала читать Молитву, чтобы ребятам повезло, и чтобы их сильно не наказывали.

– Так, что будем делать с вами, голубки? – продолжала начальница, как только за Катей закрылась дверь. – Плохо вы начинаете семейную жизнь, – сказала она устало.

И начала им читать получасовую нравоучительную лекцию о вреде вранья и серьезности записи гражданского состояния. Семья – это ячейка общества. Какие семьи, такое и государство. Ложь и молодежь. Видно тема ей настолько нравилась, а пообщаться было не с кем. Начальница так разошлась, что, отдав документы, забыла сказать о новобрачном поцелуе. Или умышленно опустила этот момент. Она сурово трясла указующим перстом и повторяла, чтобы в следующий раз, когда молодые надумают выходить замуж или жениться, они шли в Загс только со своими мужьями и женами, а не с их друзьями и подругами.

Вечером, сидя за «свадебным столом» и вспоминая каждый эпизод пребывания в Загсе по отдельности, все просто ползали от смеха. Ребята пародировали друг друга, показывая свои испуганные лица. Авантюра чуть не сорвалась. Яна все время махала кулаком возле Катиного лица и говорила:

– Я так на тебя разозлилась, что готова была тебя убить прямо в Загсе!

Ребята смеялись над всей этой историей. Катя смеялась громче всех и никто даже не догадывался, во что выльется Янина злость в недалеком будущем…

Глава 33

Здравствуйте, тетя Глаша, – только и успела вымолвить Катя, когда зашла на следующее утро в редакцию.

– Не хочу с тобой здороваться. Противно мне от того, что ты такая оказалась, – произнесла, отворачиваясь, начальница вахты в редакции.

Катя посмотрела на нее удивленно и спросила:

– Какая такая?!

Но тетя Глаша демонстративно хлопнула перед нею своим вахтерским окошком.

Катя, ничего не понимая, стала подниматься к себе в кабинет. Зайдя к своему закадычному другу шеф – редактору Владимиру Алексеевичу, она сказала:

– Здравствуйте, какие новости.

– Привет, разлучница! – улыбаясь, произнес он ей в ответ.

– Какая разлучница? Я не поняла? – произнесла Катя растерянно. – Я вообще не понимаю, откуда такая реакция у всех сегодня.

– Да откуда, откуда, – ухмыляясь, произнес Владимир Алексеевич. – Яна твоя прибежала на работу с утра и давай всем рассказывать, что ты у нее мужа увела.

– Кто? Я?! – удивленно спросила Катя. – Нет, все было совсем не так. Ее, наверное, неправильно поняли. Она просто вышла вчера замуж. Как же я могла увести мужа, если она вышла замуж. Как всегда люди все перепутали. Только я не пойму, почему я стала виноватой в этой ситуации?

– Конечно, никто не поверил, кроме вахтерши, тети Глаши. – Но последняя очень убедительно всем рассказывает, какая ты сволочь. Она говорит всем, что ты действительно отбила у подруги мужа. Между прочим, мне донесли, что ей об этом рассказала сама Яна. Поверь мне, она знает, кому и что нужно рассказать, – засмеялся шеф-редактор.

– Да не может этого быть? Это недоразумение?

– Еще какое! – не унимался Владимир Алексеевич. – Она даже рассказала, что съехала с вашей совместной квартиры. Сказала, что оставила вам все. Говорит, пусть живут, а я уйду и не буду им мешать.

– Сплетни все – таки рождаются сами по себе, – недоумевающе сказала Катя.

Владимир Алексеевич приобнял девушку и сказал ей по – отцовски:

– Эх, Катюха, Катюха, ты бы присмотрелась получше к своей

подруге…

– Хорошо, обязательно присмотрюсь, – улыбаясь в ответ, сказала Катя.

В кабинет она уже поднималась, оценив обстановку, которая происходила в редакции. Девочки выглядывали из своих кабинетов, как только слышали ее шаги и, хихикая, закрывали перед ее носом дверь. Когда она подошла к корректорской, то увидела, что дверь в кабинет была открыта и там кто – то был. Войдя вовнутрь, Катя увидела Яну. Она подошла к подруге и открыто спросила:

– Что происходит с людьми? Почему надо мной смеются и ругают меня за то, что я увела у тебя мужа?

– Кто – то, представляешь, пустил сплетню, что ты у меня увела мужа, – произнесла, опуская глаза, Яна. – Я не могла никому ничего объяснить. Ведь нельзя же проболтаться, что мы занимаемся подтасовкой фактов и что у меня брак фиктивный.

– Яна, а кому нужно болтать о нас? Ведь мы втайне все сделали?

– Я думаю, что это Раиса Степановна всем разболтала. Я только ей рассказала, что мы надумали. Просто не терпелось поделиться с кем – нибудь.

Раиса Степановна была профсоюзным лидером в редакции и главным человеком после редактора. Она была главным бухгалтером, главным советчиком всего коллектива.

– Точно! – сказала Катя. – Ну, теперь все понятно. Вот откуда все пошло? Я испугалась за тебя, честно сказать, когда услышала эту сплетню, думала, что брак могут аннулировать. Ты же еще квартиру не получила.

– Вот, ты, точно дура, Катька! Ты лучше бы о себе переживала. Мне то что! Я уже замужем! А вот ты пока без мужа и без квартиры, – зло сказала Яна.

– Ничего! У меня еще есть время. У меня все еще впереди. Я знаю, Бог меня любит и не оставит без своей поддержки, – уверенно сказала Катя. – Главное, чтобы у всех все было хорошо.

В этот день на работе все поздравляли Яну и думали, что она и правда вышла замуж. Пили настоящий коньяк «Белый Аист» и спрашивали у Кати, когда она будет следующей? Катя смеялась и уходила от ответа. Она все время ждала, когда Яна расскажет правду, но Яна подошла к Кате и строго настрого приказала никому не говорить, пока не получит квартиру.

– Почему ты не побоялась рассказать о нашей афере Раисе Степановне? – спросила Катя.

– Ей можно. У старушки все равно склероз. Она, наверное, уже забыла. Так что не переживай, Катюха. Только я тебе еще

одну тайну открою: я квартиру получу, но ты у меня жить не будешь, и не надейся. Небось, специально добро сделала с расчетом, что будешь у меня бесплатно жить? – ехидно спросила подруга.

– Яна, зачем ты так?! Я об этом даже и не думала. Мне и в голову такое не приходило. Вот если бы у меня было свое жилье, – мечтательно произнесла Катя, – я бы пригласила всех друзей к себе жить, чтобы они могли сэкономить и купить себе квартиры.

И тут же спросила Яну:

– Скажи мне, когда ты квартиру получишь, одна будешь в ней сидеть? Даже Андрея не позовешь с собой жить? Или как и меня.

– Да, Андрея тоже, может быть. не позову, – недовольно сказала Яна. – Он ведь мог вместо твоего Никиты жениться на мне? А то все время, о чем – то думает? Боится меня. Присматривается. И вообще, я этих мужиков ненавижу после своего первого. Всех бы поубивала. Они все эгоисты и думают только о себе. Я теперь тоже буду думать только о себе и мне плевать на принципы и добродетель. Мне они ни к чему.

– Яна, не злись на всех. Видишь, все хорошо складывается. Все в твою пользу. Скоро ты будешь с квартирой. Я очень за тебя рада. Правда, от души рада. Вот увидишь, закончатся твои мытарства и ты перестанешь скитаться по съемным квартирам и общагам. Будешь сама себе хозяйка, правда, классно? – весело обнимая подругу, радостно воскликнула Катя!

– Что ты все время радуешься, как – будто квартиру получаешь вместо меня? Ты какая – то ненормальная. Ты мне завидовать должна, а не радоваться, а ты вечно за других больше, чем за себя радуешься. У тебя с головой все в порядке? – спросила Яна недовольно.

– Яночка, так я – счастливая, а не сумасшедшая! Понимаешь, я умею радоваться успехам других, как своим собственным. Вот смотри, если бы ты радовалась только своим везеньям, то у тебя все равно их было бы не так много, потому что ты одна. А вот если бы ты научилась радоваться за всех своих знакомых так же как и я, то поверь мне, что ощущение радости возросло бы именно во столько раз, сколько людей тебя окружают! Ты просто увеличиваешь свою радость и становишься счастливее в миллион раз больше! Вот видишь, как все просто.

– Да. Интересная у тебя теория. Нужно над нею поразмыслить, – задумчиво произнесла Яна. – Хорошо, я попробую применить ее на практике.

– Да, и еще, радость передается быстрее, чем зависть! – улыбнулась Катя.

– Как это быстрее? – спросила, прищурившись Яна.

– Да вот так, – и не успела она ответить на этот вопрос, как к ним подошла Раиса Степановна и сказала: «Ну – ка, девоньки, я вот, что надумала! Хочу с вами посоветоваться и, подмигнув, позвала их в свой кабинет. После разговора с Раисой Степановной, Катя улыбнулась и ответила Яне:

– Вот таким образом, радость передается быстрее, чем зависть. Теперь ты поняла? А произошло вот что…

Раиса Степановна, главный бухгалтер редакции, была женщина не из робкого десятка. Ее побаивались все в редакции и не потому, что она была профсоюзным лидером и всегда доставала к праздникам всякие вкусности, но потому, что всегда резала правду матку всем в глаза, не взирая, на положение высокопоставленных лиц. Раиса Степановна всегда добивалась справедливости для всех, но больше всего, конечно, для себя.

Она была очень большим человеком с широкой душой. Телосложением она была тоже широким. Медленно раскачиваясь, гордо проносила она свою грудь восьмого размера по коридорам редакции. Свой любимый утиный зад шестьдесят шестого размера Раиса Степановна всегда бережно усаживала сразу на два стула.

Руки постоянно складывала сзади в замок, положив их на седалищный стул. И, своими глазками – буравчиками просверливала собеседника насквозь, выпытывая у него нужную информацию. Более важной персоны нельзя было найти во всем городе. По всем признакам, так и должен был выглядеть «Блат». У нее везде были связи…

Войдя с девочками в свой кабинет, она посадила их напротив себя. Впилась одним глазом в одну, другим глазом – в другую подругу и стала обеих гипнотизировать. В ее просторном и светлом кабинете стоял «П» – образный стол и «главбуховский трон».

Свой монолог она читала медленно и тихо. Раиса Степановна рассказывала девочкам, открывая им секрет, – что хочет Кате помочь купить квартиру. Что весной она уходит на пенсию и очень желает уехать жить на юг.

Она рассказала девочкам, что в самом центре города у нее с мужем есть двухкомнатная квартира, но сложность состояла в том, что ее нельзя продавать, потому что она казенная, государство бесплатно подарило эту квартиру за отличную работу ее мужу. Идея была простая. Раиса Степановна не стала придумывать велосипед, а предложила Кате выйти замуж за ее мужа, с которым она быстренько разведется так же фиктивно, как фиктивно они поженятся. После чего, он пропишет ее в этой квартире, как свою жену и они, получив деньги за квартиру, уедут

со своим мужем на юг, а Катя с Никитой останутся жить в своей отдельной двухкомнатной квартире в центре города.

– Деньги за квартиру можно будет отдавать частями, – добавила Раиса Степановна.

– Как все замечательно получается?! – зло процедила Яна. – Твоя радость, Катя, увеличилась, но и тут же и закончилась, потому что осталось найти самую малость, деньги, ха, ха, ха…!

– Яночка, до весны еще есть время, – быстро сообразила Катя. – Никита в море сходит, заработает, я устроюсь на подработку и мы купим квартиру! А если нет, то я может быть, у мамы попрошу в долг. У нее, конечно, денег нет. Но я все – равно с нею посоветуюсь. Она у меня большая умница, что-нибудь придумает. Честное слово, мне кажется, такую возможность нельзя упустить. Тем более, цену за квартиру предложили сносную.

Глава 34

На телефонной станции как всегда было много людей. Все сидели, погруженные в свои мысли и смотрели оценивающе на присутствующих. Смотрели друг на друга и казалось не видели никого. Монотонный голос уставшего оператора звучал громко и успокаивающе:

– Москва – вторая кабина, Таллин – четвертая кабина, проходите.

Кто – то, улыбаясь, бежал на зов оператора. Кто – то тревожно озираясь, медленно подходил к двери, на которой была написана огромная цифра.

Кабины с цифрами были расположены по всему огромному залу. В центре помещения стояли скамейки. Люди, сидевшие на них, были совершенно разного возраста. Это были не просто люди, это была – «география планеты». Люди звонили во все концы земного шара. Все находились в центре вселенной, потому что здание, в котором все сидели и ждали переговоры, называлось – Центральный телеграф.

Катя сидела вся в напряжении и думала, как бы доходчивее рассказать маме о своей затее. Она очень переживала, что мама не дослушает ее до конца и бросит трубку. Катина мама была женщиной очень строгих правил. Всю свою сознательную жизнь находилась на руководящей должности и всегда всего добивалась в жизни сама.

Она никогда никого ни о чем не просила. Была очень самостоятельным человеком. Надеялась всегда только на себя. Несмотря на свой грозный вид, она была очень добрым человеком. Все принимала очень близко к сердцу. Со стороны можно было подумать, что она очень высокомерная дама и по манере держаться было понятно, что к этому человеку лучше не подходить. Только Катя знала, что это ее защитная реакция, потому что ее очень часто предавали. Случалось даже, что предавали очень близкие люди.

– Михайловск – пятая кабина, – прервав размышления Кати, громко произнес монотонный голос оператора, который повторял номер кабины по два раза.

Вдруг кто – нибудь забудет, зачем он сюда пришел. Катя побежала в пятую кабинку и, схватив дрожащей рукой, телефонную трубку, сказала:

– Алло, мамочка, ты меня слышишь? Как дела? Как папа? Как брат Миша?

– Все замечательно, – сказала мама настороженно. – Ты ведь

не только по этому поводу звонишь? У тебя ничего не случилось? А то мы переживаем, как ты там в чужом городе одна.

– Нет, мамочка у меня все хорошо, я не одна. Никита приехал, он в море переводчиком ходит. Он парень надежный. Ты же знаешь? Мама, я вот о чем хотела у тебя спросить. Только мне немного стыдно. Даже не знаю, как начать. Дело в том, что у нас одна сотрудница продает квартиру. В общем, она мне предложила ее купить в рассрочку.

– Хорошо, я все поняла. Конечно, сколько можно по квартирам скитаться. Свое жилье это было бы замечательно! Может быть, я спрошу у родственников денег в долг. Только не знаю, чем мы будем отдавать?

– Мамулечка! – дрожащим голосом, выкрикнула в трубку Катя. – Мы отдадим, обязательно отдадим. Никита с рейса придет. У него будут деньги, да и я работаю. Будем экономить. Я, если честно, вообще боялась тебе говорить о квартире. Я же знаю, что денег у вас нет. Но я даже не подумала, что можно у родственников одолжить.

Весь месяц Катя не находила себе места, очень переживала, найдет мама денег или нет. Раиса Степановна каждый день спрашивала, будет Катя покупать квартиру или ей других искать. Со своим «дедом», как она называла мужа, она уже фиктивно развелась и все жили в ожидании телефонного звонка от Катиной мамы.

Долгожданный день наступил, как всегда неожиданно. В редакцию позвонили с телеграфа и сказали, что переговоры с Михайловском на проводе и сейчас соединят.

– Катя, тебя к телефону, – закричала вахтерша тетя Глаша. – Бегом давай, а то сейчас отключат.

Катя бежала как – будто летела над всеми. Сердце стучало так сильно, хотело убежать и опередить Катю. Подбежав к телефону, Катя дрожащей рукой потянулась за трубкой.

«Только бы не плохие новости, только бы неплохие», – молилась Катя, беря телефонную трубку.

– Алло, да мамуль, я тебя слушаю, – робко произнесла Катя. – Какие новости?

– Я взяла билет на завтра, на самолет. Так что встречай. Денег я достала, радуйся, – сказала мама, смеясь. – Никому ничего не говори. Деньги ведь немалые! Ну все, до встречи, доченька!

– Спасибо, мамочка, – закричала Катя в трубку. – Огромное спасибо, я даже не ожидала, что такое может случиться. Я так рада!

Катя как во сне положила трубку, не понимая до конца, что

произошло и не веря услышанному, медленно повернулась и потихоньку стала подниматься по лестнице, кружась в вальсе на каждой ступеньке.

Катя не ответила на вопрос вахтерши тети Глаши, которая кричала вдогонку, чтобы Катя рассказала, почему она так обрадовалась. Она ни на что не реагируя, продолжала свое шествие, вспоминая каждое слово, произнесенное мамой, как эхо. Это был секрет только трех человек из редакции: Катин, Раисы Степановны и Яны. На счет денег Катя решила никому из них пока не говорить, потому что, сначала нужно встретить маму, потом уже с деньгами пойти к Раисе Степановне и купить квартиру, а потом радоваться вместе со всеми.

– Катя, – подбежала к ней Яна. – Скажи, пожалуйста, тебе мама звонила? Неужели вы нашли деньги? Классно! Или она тебя расстроила? Но вижу по тебе, что все у вас получилось. Рада за тебя, – сказала завистливо Яна.

– Тихо! – поднесла палец к губам Катя. – Пока ничего никому не говори. Завтра мама будет у меня. Я до сих пор, Яна, не верю, что я буду со своим жильем. Боюсь даже думать об этом, вдруг сглажу. Я вот чувствую, что может что – то не очень хорошее произойти. Я не совсем доверяю Раисе Степановне. Но ладно, посмотрим, что из этого выйдет.

– Я со смеху умру, если она тебя кинет. Ты деньги ей отдашь, а она возьмет и пойдет в отказ. Не будь дурой, расписку у нее возьми, мало ли что, – наставляла Яна.

– Да как – то неудобно расписку брать. Мы же работаем вместе. Неужели она на это пойдет?! Я, честно сказать, не по этому поводу ей не доверяю. Я думаю, вдруг они передумают продавать квартиру или еще что – нибудь нам помешает, – задумчиво произнесла Катя.

– Не надумают. Они сами бояться, что их кинут, это во – первых. Во – вторых, квартира государственная. В – третьих, они на обман идут, поэтому чужому такое предложить не рискнут. Чувствую, не посмеюсь я. У вас все получится. Так что будь спок! Пошли домой, нужно еще титан натопить. Да и жрать у нас нечего, – подмигнув Кате и обняв ее, сказала закадычная подруга. – И когда я уже от вас съеду, надоели вы мне с Никитой, – добавила она смеясь.

Придя домой, Яна стала к плите, Катя взяла ведро и пошла на улицу за углем. В воздухе стояла дымка, которая окутывала дома вокруг, стараясь укрыть их от сильных холодов. Северные морозы держались здесь до самого лета. Этим и отличался северный край. За полярным кругом была своя, принадлежавшая только этому краю, жизнь. Вокруг было тихо и свежо. Сверкая падал снег

и фонари освещали падавшие блестящие искринки. Только на севере можно увидеть бриллиантовый воздух. Он переливался и танцевал северное танго. Звучала музыка, которую слышали танцующие снежинки. Они кружились, сверкали и красиво опускались на землю в такт этой мелодии. Катя очень любила наблюдать за красотой северной природы. У нее всегда поднималось настроение при виде этого изящества. Холодный Север разливался в душе теплой истомой. Хотелось продолжать жить в этой нежной северной теплоте. Катя стояла и любовалась нежным березовым небом и красивыми сопками, возвышающимися над чистым городским озером.

«Как здесь красиво! – задумчиво произнесла она. – Вот так бы стояла вечно и любовалась необычными красками, разрисовавшими северное небо, но нужно набирать угля и топить титан, – вспомнила она.

Катя быстро подошла к угольной горе, поднялась на нее и стала разгребать руками снег. Дойдя до черного угля, приходилось отыскивать куски, которые были поменьше. Трудность состояла в том, что огромные камни примерзли друг другу. Их было очень сложно отсоединить. Нужно было раскачивать, стучать по ним обухом топора, или бросать их на более крупные камни, чтобы они раскололись. Разбив глыбы угля, Катя с трудом отрывала от них черные блестящие бриллиантовые шары и с грохотом опускала их в железное ведро. Набрав его доверху, она спускалась вниз с горы и чувствовала себя шахтером.

Катя представляла, как они добывали этот уголь в тяжелейших аварийных условиях и думала, что ей досталось самое легкое – это набрать достаточное количество угля в ведро. Довольная собой, розовощекая заходила она в квартиру, где уже пахло уютом от запаха сгоревших дров. Этот запах ни с чем нельзя было сравнить. Это запах сказок, деревенских посиделок и предков, которые сидели у костра и ощущали себя владельцами мира.

Каждое дерево пахнет по своему, когда горит. Особенно береза. Она пахнет свежим испеченным хлебом. Кажется, весь мир замер и вдыхает чистоту жизни, чистоту природы, чистоту людских отношений, когда слышишь этот запах, совершенно не хочется ругаться и плохие мысли уходят сами собой.

– Катя, правда, такой экзотики в наше время мы больше не увидим в цивилизованном мире нигде? – будто прочитав Катины мысли, спросила Яна. – Самое главное, мы с тобой скоро будем жить в своих квартирах! Купаться в своих ваннах и часто вспоминать наше последнее пристанище, – мечтательно произнесла она.

– Да я об этом тоже думала. Ты же получишь квартиру вон в том доме, – показала Катя в окно на новостройку, которая стояла на самой верхней ступени их любимого города.

Мурманск раскинулся вдоль залива и располагался на трех ярусах. Внизу был залив, чуть выше частные дома и на самом верху рос новый современный район многоэтажек.

Яна знала, в каком доме ей дадут квартиру и каждый вечер прогуливалась в свой новый район. По воле судьбы он находился рядом с домом бабы Мани, квартиру в котором они снимали.

– А ты тоже постоянно на него смотришь на мой новый дом? – спросила Яна, улыбаясь. – Я думала, что я одна наблюдаю за стройкой. Ты видела, что идут уже внутренние работы и скоро я перееду. Пожалуй, быстрее тебя буду ордер получать.

– Ну, как сказать, как сказать?! Может, я завтра пойду и распишусь с дедом. Возьму справку у твоей подруги, что беременная и въеду в свою квартиру первой, – дразнила подругу Катя.

– Ой, что вы говорите, может денег вам еще и не привезут, а вы уже размечтались. Зато я буду жить в новой квартире, а ты в старом фонде, если тебе повезет. И подруги, смеясь, начали подтрунивать друг над другом.

– Не к добру смеемся, – не успела произнести Катя, как в дверь позвонили.

– Никита твой пришел, – сказала Яна.

Катя побежала радостная к двери, но открыв дверь, поняла, что Никита принес с собой не очень хорошую новость, когда она увидела его грустное лицо.

– Что произошло?! – тревожно спросила она.

– Завтра в море ухожу. Мы едем в Клайпеду на поезде в восемь утра.

– Никита, а завтра мама прилетает вечером. Она мне точно не поверит, что ты у меня есть. Подумает, что я тебя придумала. Возьмет и денег на квартиру не даст. Ведь она заняла для нас денег. Она думает, что вдвоем мы быстрей отдадим, а теперь как же вы с ней встретитесь?

– Я позвоню вам из Москвы и поговорю с ней. Все объясню, скажу ей, что у нас серьезные отношения с тобой. Что я очень люблю тебя. И как только разведусь с Яной, а ты с дедом, мы сразу поженимся, – успокаивал Катю ее будущий муж.

– Ой, что вы говорите, а я возьму и не дам развода, – сказала, смеясь Яна.

– Да, ладно, хватит шутить! Сейчас мне не до шуток, я так не хочу, чтобы Никита уходил в море. Мне так плохо без него, чуть не плача, – произнесла расстроенная Катя.

Яна посмотрела на подругу и сказала, передразнивая Катю: «Да и без меня тоже тебе будет плохо, Катенька, потому что мы с Андреем собираемся тоже снять квартиру, надоело на перекладных тут с вами, как цыгане находиться. Мы хотим отдельно от вас жить, а то вы жрете много. А теперь, хватит ныть! Идите к столу, я уже все приготовила», – гордо произнесла она.

– Вы титан растопили! Очень хорошо, я сначала покупаюсь, – сказал Никита. – Потом ужинать буду. Вы без меня не садитесь, да и Андрей должен подойти. Он в магазин зашел, так что, Яна, ты не сильно радуйся, он ведь тоже со мной едет в Клайпеду, – ответил, поддев Яну Никита.

– Что ты сказал?! Никита, скажи, что ты пошутил, а то я сейчас тебя прибью, а потом и его. Вечно, как надумаем переезжать с ним на другую квартиру, он в море уходит! Я одна что – ли буду переезжать?

– Нет, как всегда со мной, – подсказала ей Катя. – Ты пойми они же не отдыхать едут, это их работа. Я тоже очень хочу, чтобы они были всегда с нами рядом.

На следующий день девчонки поехали рано утром провожать ребят на вокзал. Кате всегда хотелось увидеть настоящего действующего капитана, а не из «Бывших спившихся». В ее представлении он должен быть высоким, широкоплечим, в красивой морской белой форме. И не помятый.

– Никита, а ты покажешь мне вашего капитана? – спросила Катя.

– Да, обязательно покажу. Я помню о твоем желании посмотреть на настоящего капитана.

– Ой, тебе все капитана подавай! – сказала, подтрунивая над подругой Яна. – Ты знаешь, Никита. Она мне как – то рассказывала, что когда еще она была студенткой, она собрала полгруппы девчонок и повезла их в Мурманск за капитанами. А они тогда были молодые, зеленые и смогли долететь только до Москвы. Потом у них ума не хватило узнать, что разные направления и разные аэропорты есть в Москве. Просидели они в одном аэропорту южного направления. Подумали, что самолеты на Мурманск не летают, вернулись на поезде обратно в институт, – смеясь рассказывала Яна. – Я знаю эту историю, – сказал Никита, удивленно посмотрев на Яну. – Катя мне рассказывала о любви к северу еще со студенческих лет. Дело в том, Яна, она уже тогда чувствовала, что найдет меня здесь. Но тогда меня здесь не было еще и ей ничего не оставалось, как вернуться обратно, – серьезно добавил Никита.

Катя стояла и ничего не слышала в этот момент, потому что когда Никита уходил в море, жизнь для нее останавливалась и

время останавливалось тоже. И вообще хотелось только одного – это встречать его с рейса, а не провожать. Слезы навернулись на глаза. Она открыла сумочку, стала доставать носовой платочек и не заметила, как мимо них прошла высокая девушка модельной внешности, похожая на куклу. Это была Анна. Девушка с интересом посмотрела на Никиту, брезгливо оглядела Катю, улыбнулась и подумала: «Нужно срочно позвонить Игорю Сергеевичу и рассказать ему, что Катька в Мурманске». Анна еще раз оглянулась и заторопилась к выходу.

Никита поцеловал Катю и побежал к своему вагону. Андрей уже был в поезде. В этот момент Катя и Яна услышали об отправлении поезда на Клайпеду. Они бежали и махали вслед уходящему составу, который увозил их любимых.

– Ну, хватит реветь, – строго сказала Яна. – Подумаешь, Никита не показал тебе капитана.

– Яна, да причем тут капитан?! Я уже за Никитой скучать стала.

Неожиданно мимо них пробежали какие – то люди и поезд дернулся и остановился. Девочки, удивленно переглянулись и побежали к своим ребятам, которые махали им стоя в дверях вагона. Когда девочки подбежали, они увидели маленького, худого мужчину, который был настолько пьян, что еле держался на ногах. Его тащили под руки двое мужчин тоже изрядно выпившие.

– Катя, – закричал Никита, поднимая за шиворот пьяного мужчину маленького роста в измятом пиджаке.

Никита одной рукой держал его за шиворот, а другой, показывая на него сверху, прокричал:

– Познакомься, это наш капитан!

Капитан пытался навести резкость своими маленькими глазками, стараясь их «построить» девочкам. Катя с Яной прыснули со смеху. Капитан стал им махать рукой, думая, что он им очень понравился.

– Какой ужас! Столько времени хотела увидеть настоящего капитана! Лучше бы не видела, – сказала разочарованно Катя.

– Ой, подруга, я со смеху сейчас помру. Капитан, капитан улыбнитесь… Ой, не могу, – хохотала во весь голос Яна. – Наши капитаны намного лучше. Я вообще думаю, что если они на нас не женятся, тоже такими станут. Видела, его вообще ни одна женщина не провожала. Только двое алкашей.

– Яна, а может он вообще из другого города? Его жена там ждет с рейсов, ведь не только из Мурманска в море ходят, а со всей страны. Наши, например, тоже не отсюда. Это хорошо, что нас сюда занесло, вот мы и провожаем. Мне так плохо сейчас,

ужас, – заплакала Катя.

– Думаешь, мне хорошо, вот опять остались одни без мужиков и, наверное, как всегда месяцев на восемь. Будем ждать, куда денемся. Ладно, нужно подготовкой к твоей свадьбе с дедом заниматься. Сейчас мама денег привезет и вперед в Загс, – похлопывая подругу по плечу, поддерживала ее Яна.

Глава 35

Когда Анна села в свою красную иномарку, то обратилась к спутнику, который сидел рядом. Это был Юрий Саммуилович.

– Юра, я тебе говорю это была Катька. Она в Мурманске, нужно срочно звонить Игорю Сергеевичу.

– Не нужно никому звонить. Он знает, что она здесь. Ему сейчас лишняя шумиха не нужна. Он собирается стать депутатом. Игорь сказал, что даст нам знать, когда ее нужно будет убрать. Я держу все под контролем. Ты главное больше переживай о том, чтобы он не узнал, что ему подсунули фальшивый анализ ДНК.

– Я тоже постоянно этого боюсь. Виктор, дебил, постоянно крутится возле Ванечки. Откуда у него отцовские чувства вдруг появились, если он детдомовский. Боюсь, что он проколется.

– Не проколется, я его тоже на крючке держу, – устало повторил Юрий Саммуилович.

Виктор был личным телохранителем Игоря Сергеевича. Высокий красивый качок, как мальчишка влюбился в куклу Барби, – Анну. Она ему отвечала взаимностью. И когда Анна стала донором-роженицей у Игоря Сергеевича. Она была уже беременна от Виктора. Это знал Юрий Саммуилович. Ему было поручено провести анализ ДНК. Сто процентное отцовство было у Виктора. Анна была в панике, но Юра помог ей сделать фальшивку, которую они и подсунули Игорю Сергеевичу. Теперь на крючке у Юры была Анна тоже.

– Хорошо, шеф, – сказала она Юре. – Только обещай, что прикончить Катьку дашь только мне. Я давно этого хочу! Как я ее ненавижу! – звериным голосом произнесла Анна.

Катя с Яной прошли мимо машины Анны, не заметив, что в ней сидит мэр города. Они были заняты разговором. Ведь завтра нужно было встречать Катину маму и они спорили, что нужно для нее приготовить.

На следующий день, позвонив в аэропорт и узнав, когда прилетает самолет из Минеральных Вод, девочки дружно приготовили праздничный ужин, растопили титан и уже собирались ехать в аэропорт, как зазвонил телефон. Катя подбежала, схватив трубку и услышала мамин встревоженный голос.

– Катя, вы почему меня не встретили? Я на такси приехала, но не могу найти ваш дом. Кругами колесим здесь по району с таксистом.

– Мамочка, почему ты раньше прилетела, ведь самолет прилетает только через три часа? – удивленно спросила Катя.

– Да какой там через три часа?! Я на Питер билет взяла, а потом на Мурманск. На прямой рейс билетов не было.

– Мамочка, а вы где стоите?

– Да тут, ужас, какой – то. Все дома заброшенные и никто здесь не живет. Таксист сказал, что этот дом по твоему адресу давно снесли.

– Нет, нет, ты не пугайся. Я поняла, где вы находитесь. Скажи таксисту, пусть едет прямо к Семеновскому озеру, я выскочу на дорогу, ты меня увидишь, – быстро протараторила Катя.

Она схватила дубленку и выбежала на улицу.

Катя расстроилась, что все получилось не так как ей хотелось. Она мечтала встретить маму в аэропорту с цветами, а тут перепуганная мама с огромными деньгами на квартиру, да еще с незнакомым таксистом в заброшенном районе, где все дома уже готовы к сносу.

Катя выскочила на дорогу и стала поджидать такси. Вдалеке появились фары приближающейся машины с желтым фонариком сверху. Машина стала притормаживать и Катя, пулей, бросилась к ней.

– Мамочка, слава Богу, что ты сообразила позвонить, а то бы заблудилась в таком «большом городе». И почему ты сразу не сказала, что полетишь через Питер? Так жалко, что мы тебя не встретили, мы все продумали, – обнимая маму, сказала Катя.

– Хорошо продумали, спасибо телефон твой помню, а то бы сидела возле разрушенных домов и ждала, когда ты меня найдешь, – засмеялась мама.

– Ну и занесло вас. Мало того, что север. Да еще такой город в развалинах весь. Это весь город такой: в развалинах и руинах? А квартиру ты тоже в таком доме покупаешь?

– Нет, мамочка. Это центр такой, поэтому старые дома сносят, а строят новые. Вон видишь, – на горе, какие красивые дома стоят, как богатыри? Яна вон в том доме будет жить, – показывая на вершину сопки, где красовались новостройки, – показала Катя. – Здесь тоже будет новый красивый микрорайон.

– Здравствуйте! Слава Богу, вы приехали! – сказала Яна, встречая Катину маму.

– А мы с Катей собирались ехать в аэропорт. Почему вы не сообщили, что летите другим рейсом. Хорошо мы еще не уехали вас встречать, а то бы вы искали нас по всему городу.

– Билетов не было ни на один рейс. С трудом на Питер взяла. А оттуда, Катя писала, легче к вам добираться, – ответила мама. – А где Никита, на работе? – спросила она Катю.

– Мамочка, понимаешь, Никита ушел в море сегодня утром, – волнуясь, произнесла Катя.

– Я так и знала. А может вообще нет никакого Никиты? – строго спросила мама.

Не успела Катя ответить, как в дверях повернулся ключ и вошла хозяйка квартиры, – баба Маня. Она всегда заходила никого не предупреждая и когда ей вздумается. Важно вышагивая, обходила свои владения и пальцем, стирая пыль с подоконников, проверяла все ли в порядке.

– Очень хорошо, что вы приехали, вы Катина мама, да? Я слышала, что вы должны были сегодня прилететь. Ну что вам сказать, девочка хорошая, добрая, внимательная. Всегда спросит, есть ли у меня хлеб или лекарства? Вот Никита, парень ее, тот злой, но серьезный. Ей такой и нужен! А то она очень доверчивая, ее все без штанов и женихов могут оставить, подруги там всякие, – сказала баба Маня и зло покосилась в сторону Яны. – А вот подруга ейная тоже злая, я с ней ругаюсь всегда. И она помахала своей любимой палкой перед лицом Яны. – А с вашей Катей я дружу. Она хорошая девочка, добрая.

– Вы говорите, что у нее серьезный молодой человек? – спросила настороженно мама.

– Да, очень серьезный, прям настоящий мужик, сказал – сделал. У меня, мой хозяин, тоже был такой. Мы с ним жили в Питере, в комнате восемь метров и мама безногая с нами жила, а он у меня ученый был, грамоту знал, писать умел, – закатив глаза, завела свою каждодневную пластинку баба Маня.

– Ладно! – оборвала ее Яна. – Хватит, баб Маня, одно и тоже рассказывать. Давайте за стол садиться, человек с дороги устал, пусть поест.

– Спасибо, большое, Яночка. – Я сейчас в душ с дороги, а потом за стол. У вас так пахнет русской баней, отчего это? – спросила мама.

– Мамочка, это у нас титан дровами топится. Вода так греется, а дрова березовые, поэтому такой запах. Нам тоже очень нравится, уютно становится с этой печкой, да?

– Прям – там уютно! Вон угореть можно только так, – внесла свое веское слова баба Маня. – У нас соседка купалась и угорела на прошлой неделе.

– Хватит, баб Мань, жуть всякую рассказывать, – оборвала ее Яна.

– Слушай, Яна, а здесь такое ощущение, что никто никогда не умирает, как – будто смерть не заходит в этот город. Никогда я здесь не видела похоронную процессию, почему, интересно? – спросила Катя задумавшись.

– Потому, что здесь холодно, вечная мерзлота и людей отвозит катафалка прямо в морг. Там и прощаются. Я была на

похоронах здесь, у нас в общаге мужик знакомый напился и умер. Мы ездили хоронить его, он друг моего бывшего мужа был, – сказала Яна.

– Да это так, – подтвердила баба Маня. – Вот когда я со своим мужем в Питере жила, он у меня был ученый, грамоту знал, писать умел, мы в Питере вообще сжигали родственников. Но по желанию ихнему, конечно. Можно было и похоронить рядом там с «кремнемотором», так кажется называется эта печка, кладбище было, – продолжала вспоминать баба Маня. – Можно было и схоронить, если хочешь.

– Ага, если труп разрешение даст! – грубо перебила Яна. – Да хватит вам про покойников, что это на вас нашло, что вы о смерти заговорили? – спросила Яна зло.

– Так жизнь и смерть всегда рядом идут, так же, как плохие похожи друг на друга, а хорошие все разные, – философски заметила баба Маня. – Вот мой муж, когда мы в Питере жили, он у меня ученый был, грамоту знал, писать умел. Так вот он две войны прошел, нашу и финскую. А умер и не понял как. Домой с работы шел и машина сбила. Вот ведь как бывает. После войны, и одной и другой, живой пришел, ни одной царапины, а смерть в мирное время возле дома поджидала. Во как! – подняв указательный палец вверх, произнесла баба Маня.

Сама баба Маня тоже войну прошла, разведчицей была, как она сама говорила, служила в «дырявой команде», Ленинград она защищала зенитчицей, разведывала, куда наносить удар по врагу. Блокаду выдержала вместе со всеми и больную маму без ног выхаживала. Не дала ей умереть с голоду. Катя часами любила слушать ее рассказы о жизни, о войне, об ученом муже, который «…грамоту знал, писать умел…».

Сама баба Маня ни читать ни писать не умела, но была просто прирожденным экономистом – философом. Подсчитывала свои копейки и умела их копить и, конечно, советы давать, как сэкономить. Любила она это дело, деньги пересчитывать, это ее успокаивало. Сказались голодные годы блокады.

– С легким паром, мамочка! – Давайте садиться за стол. Мы с Яной уже второй раз разогреваем все, – сказала Катя. – Сейчас поужинаем, потом маме нужно отдохнуть с дороги, хорошо выспаться, а завтра пойдем к Раисе Степановне по делам.

– К какой Раисе Степановне? – ревностно спросила баба Маня.

– Это знакомая Катиной мамы, – быстро сообразила Яна.

– А, понятно, значит у вас тут знакомая есть? Это хорошо, повидаться нужно, на севере плохие люди не задерживаются. Сколько эта ваша знакомая здесь живет.

– Да лет двадцать точно, – ответила Катя.

– Тогда точно хорошая женщина, – сказала баба Маня. – Дело в том, что север он ведь знаешь какой? Он плохих людей на дух не переносит. Север все сделает, что ты все равно с него сбежишь, если ты – нехороший человек. Вот мой муж, он еще, когда в Питере жил, он у меня ученый был, грамоту знал, писать умел. Он всегда говорил, что плохих людей меньше, чем хороших, но они почему – то дружней.

– Как это дружней? – спросила Яна. – Вы баб Мань, опять что – то не то говорите.

– Нет, я правду говорю, – запротестовала баба Маня. – Вот сама подумай, как только тебе плохо, тут как тут прибегут злые люди гуртом и добьют тебя. Они очень дружно тебя добьют, поверь мне. Мне ужо годков много, я много на своем веку повидала всяких людей и плохих и хороших.

– Баб Маня, а мы хорошие или плохие? – спросила, обнимая старушку Катя.

– Вы вперемешку, – хитро прищурившись заявила баба Маня. – Я ешо ни разобралась в вас. Потом видать будет кто есть кто. Ладно, заболталась я, устала, пойду отдыхать. Все было вкусно, спасибо. – А вы мне понравились, – обратилась она к маме Кати. – Так что живите, сколько хотите тут. До свидания!

И тяжело поднявшись, она медленно пошла к двери.

– Интересная бабушка, – сказала Катина мама. – Ну ладно, я вот что хочу тебе сказать, – обратилась она к Кате. Нам нужно с тобой еще деньги снять. Я же с собой не могла взять такую сумму, поэтому положила их на сберегательную книжку. Завтра пойдем и снимем, с утра пойдем в сбербанк, а потом поедем к твоей Раисе Степановне.

На следующий день, рано утром они веселые пошли за деньгами.

– Мамочка, любимая, ты самая лучшая мама на свете, – не переставая щебетала по дороге Катя. – Я, наконец – то не буду скитаться по городу и буду жить в своей собственной квартире. Я даже и не думала, что это возможно. Не смела и мечтать. Какая ты у меня умница, моя любимая мама. Я прекрасно знаю, что денег у тебя нет и даже не понимаю, откуда ты их взяла? – спросила, обнимая маму, Катя. – Ты хоть расскажи, как тебе это удалось? Ты сделала невозможное возможным. Я представляю, каких тебе сил это стоило?! Мамочка, расскажи, пожалуйста.

– Да что тут рассказывать. Я очень хотела тебе помочь, доченька. Чтобы вам с Никитой больше не скитаться по чужим углам. Вот я и решила собрать у кого сколько есть денег и пошла побираться по родственникам и друзьям. Катя, я увидела, кто есть

кто на самом деле. Увидела всех и снаружи и изнутри. И хочу тебе признаться, – это очень неприятное зрелище.

Могу тебе честно сказать, это не одно и то же – внешняя оболочка и внутренняя составляющая человека. Я пошла сначала по всем близким родственникам. Ну ты же знаешь, что они бы отдали все, что у них есть, но у них ничего нет. Потом я пошла по близким и далеким друзьям. Те сразу откликнулись и у кого, что было стали отдавать мне.

Конечно, не все. Были и такие, которые отказывали, потому что не были уверенны, что учительская зарплата позволит мне отдать им долг. Я говорила, что напишу расписку и отдам под залог все золото. Но некоторые друзья все – таки отказали. Это были, скорее всего, знакомые. Не друзья – это точно. В основном настоящие друзья и выручили.

Потом я испытала страшный стыд, когда моя двоюродная сестра сказала мне: «Тебе не стыдно, прожить жизнь и ничего не иметь в конце, а ведь ты занимала всегда высокие посты». И мне было очень обидно слышать эти слова. Ты же знаешь, что я построила сама дом, в котором жил десять лет ее родной брат и причем, бесплатно. Да еще приходил и говорил мне, чтобы я за этот дом платила коммуналку, помнишь?

Хотя я жила в коттедже на другом конце города. А он в это время строил себе двухэтажный дом. Я ему сказала: «Ты знаешь, а когда ты достроишь свой дом, будешь там жить, тебе придется платить за коммунальные услуги самому. И тогда ты тоже будешь приходить ко мне и просить, чтобы я заплатила?» Так вот я перетерпела весь этот позор ради твоей квартиры, но это не самое страшное. Самое страшное, что друзья заняли мне денег без процентов, а мои двоюродные родственники, – под проценты.

– Ой, мамочка! Прости меня, пожалуйста. Тебе такое пришлось из – за меня пережить! Я никогда не забуду того, что ты для меня сделала. Спасибо тебе большое! – говорила Катя плача и обнимая маму.

– Все уже позади, не переживай. Мы, родители, для того и существуем, чтобы помогать своим детям. Это наше предназначение на земле, а вы потом будете помогать своим детям и это правильно. Так и должно быть. А те, кто этого не понял и всю жизнь прожил для себя. Тот в следующей жизни может оказаться без детей. Бог им просто не даст детей, и это и есть их «Испытание судьбой».

Так за разговором они не заметили, как подошли к сбербанку.

– Катя, я очень боюсь, вдруг нас кто – нибудь выследит и деньги заберет у нас, – сказала мама испуганно.

– Мамочка, ты не переживай. Мы никому не сказали, что пойдем за деньгами. А с другой стороны, здесь моряки тоже деньги получают. А потом мы просто так может быть зашли, узнать, есть ли перечисление денег от мужа – моряка. Не переживай.

– А почему мы должны деньги отдавать, когда тебя еще не прописали. Давай отдадим только часть денег, а вторую часть отдадим, когда тебя пропишут? – подозрительно заметила мама Кати.

– Хорошо, – сказала Катя. – Так и сделаем, чтобы не переживать потом. Хотя я верю им. Мы же вместе работаем. Поэтому ты не переживай. Деньги мы с Никитой вам обязательно вернем. Он у меня такой серьезный и очень честный. Он тебе обязательно понравится.

– Вижу, вижу, ты его очень любишь. Но ты вообще в людях не разбираешься. Я очень прошу тебя, присмотрись. Не выходи замуж быстро. Если увидишь, что это не твой человек, сразу бросай. А жить с ним из – за денег не нужно. Мы сами рассчитаемся с долгами. Я очень хочу, чтобы тебе повезло в жизни больше, чем мне.

– Мамочка, ну, папа не совсем плохой человек. Просто он болен алкоголизмом. Выпить любит и не может себя контролировать.

– Да, дочка. Я его тоже любила, пока он пить не стал. Кто же думал, что он станет запойным алкоголиком. Он всю жизнь винит моих родственников. Говорит, что они его пить научили. Все усаживали за стол с приездом, отъездом. Я думаю, может это и правда?!

– Нет, мамулечка. Он любит таким образом стресс снимать. Ведь он в гостях не пьет. Все думают, что у нас очень благополучная семья. Папа не пьет совсем, ты тоже. Но он не плохой мама, это точно. А пить стал, потому что это генетически передалось. Я думаю, кто – то в роду у него был запойным пьяницей. Мама, а мы вечно на себя берем все беды людские. Мы всегда думаем, что это мы виноваты, если у людей, что – то получается не так…Я сразу брошу Никиту, если замечу, что он много пьет. Возьму и брошу и даже жалеть не буду. Потому что никакая любовь не должна терпеть унижение одного человека другим. Вместе должны любить, а не один. Если один человек живет в ущерб другого, значит это не любовь. Мамочка, я не верю, что женщины живут с алкоголиками только, чтобы сохранить полноценную семью. Особенно, я не понимаю, когда говорят, что живут с алкоголиком ради детей. Зачем жить с алкоголиком, чтобы дети страдали? Кому от этого хорошо? Детям или второй

половине? Но ты знаешь, я не беру папу в пример. Он вообще никогда слова плохого никому не говорил. Пьет и пьет себе один, закрывшись в комнате. Его жалко только, что он ничего не ест. Он никому плохого не делает, только себе. Я говорю о тех алкоголиках, которые семью свою по всей деревне гоняют, а дети после этого заикаются. Я вот про таких алкашей говорю.

– Да, папа у нас не алкоголик. Он бытовой пьяница, – вздохнула мама и добавила, – пойдем, пойдем по – быстрее, хватит разглагольствовать. А то мы еле тянемся. Я так волнуюсь, вдруг за нами кто – нибудь следит. Сейчас стукнут по голове и убегут, а мы останемся и без денег и без квартиры. Не дай Бог! Вот тогда это кошмар. А мне хватит стрессов. Когда ты мне сказала о квартире, для меня было это как гром среди ясного неба, потому что ты же знаешь, что у нас никогда не было денег про запас. Мы все время жили на одну зарплату и думали всегда, только об одном – как дожить до следующей. Но Бог всегда давал нам больше, чем мы просили. Это необъяснимый факт. Мне государство всю жизнь давало жилье бесплатно, где бы я ни жила. И не просто жилье, а коттеджи двухэтажные. В селе, куда я приехала по распределению молоденькой учительницей, мне сразу дали отдельное жилье. Представляешь, Катюша, я приехала, сама не зная куда и вдруг меня отвели в дом и сказали, что это мой дом. Я не платила ни копейки за жилье. Там еще мои любимые подруги со мной жили. Мои девчата из университета тоже со мною приехали в село Горькая Балка работать. Ты же знаешь, две Верочки и Лида. Вот они денег мне на твою квартиру и заняли. Единственные, как услышали, что я деньги ищу, так сами прибежали и принесли. А говорят, что женской дружбы не бывает?! Еще как бывает! Вот видишь, как мы до сих пор дружим, хоть судьба всех по – разному испытывает, а дружбу убить не может! Мы всегда друг к другу на помощь прибегаем в трудную минуту!

– Мамулечка, а Никита мой тоже всегда мне помогает! Он мне сейчас и друг и подружка, короче все вместе! Он хоть и младше меня, но мне кажется, что по жизни намного мудрее и умнее меня. И он у меня такой красивый!

– То, что младше тебя, это у нас семейное! Я тоже на пять лет старше твоего папы! И ничего, жизнь уже прожили. А когда молодые были, приехали с девчонками работать в село Горькая Балка, папа твой нас встречал с учителями на вокзале: молодой, красивый, учитель начальных классов. Высокий, с вьющимися темно – русыми волосами. Глаза были изумрудные – изумрудные, как у тебя. И все девчата сразу в него влюбились. А он за меня уцепился и вот сколько лет уже живем с ним. Все, конечно, было,

но хорошего больше.

– Мамочка, а он мне рассказывал, что он кроме тебя, тогда на вокзале, не заметил никого и до сих пор никого не замечает. Вы уже столько лет вместе живете, он тебя до сих пор любит, слушается тебя. Ты для него непререкаемый авторитет.

– Конечно, любит! Я тоже была очень эффектной девушкой. Я была с тонкой талией и очень красивыми ногами, точно такая же у меня была талия, как у тебя сейчас. У меня были голубые – голубые глаза. Я была грозой всех местных парней. Меня многие любили, – сказала мама, высоко подняв голову. – За мной тоже очень много молодых людей ухаживало. Деревенские девчата на меня очень обижались, потому что парни все бегали за мной и кричали в след: «Принцесса пошла! Законодатель женской моды!». У меня всегда был хороший вкус и я очень хорошо одевалась. Я, правда, никакого внимания не обращала на молодых людей вообще. А твой папа найдет какую – нибудь причину, чтобы зайти. Придет, скажет, опустив глаза: «Мне с тобой посоветоваться нужно». – Так и остался советоваться на всю жизнь. До сих пор советуется. Помнишь, как он покупал пирожки по дороге, когда мы к бабушке в Горькую Балку ехали? Заглядывает в машину и говорит: «Любимая, меня опять обманули, когда я пирожки покупал. Может мне пойти поругаться?».

– Помню, – смеясь, закивала Катя. – А ты еще ему говоришь: «Не нужно, мы опаздываем, поехали. Обратно будем ехать, ты опять пойдешь пирожки покупать, они тебя обманут снова, вот тогда и поругаешься». – Мама, а Никита у меня очень самостоятельный. Его точно никто и никогда не обманет. Знаешь, что он мне говорит, что у меня на лбу написано: «Обманите меня». Наверное, у папы написано то же самое. Я все время боюсь, вдруг с квартирой не получится, а вдруг, нам что – либо помешает, – встревожено спросила Катя.

– Ты думай только о хорошем! Ведь мысли материализуются. Поэтому думай, как мы квартиру купим, как ее обставим, как будет там уютно и хорошо. Вот о чем думай, Катя, – сказала уверенно мама и ласково обняла дочку. – А у тебя здесь трудности, вернее проблемы были или не было со дня приезда в Мурманск? Мне очень плохие сны снились про тебя. Я так переживала. У тебя все нормально было? Судьба не испытывала?

– Нет, мамочка. У меня все отлично было. Все хорошо. Люди вокруг замечательные. Все помогали. Плохие даже не встречались, – опустив глаза, сказал Катя. – У меня все было хорошо.

Катя не хотела расстраивать маму. Ей даже вспоминать не

хотелось, что с нею здесь произошло. Она рассказала, что просто поругалась с Людмилой и перестала с нею общаться. Мама не стала расспрашивать Катю, почему она поругалась с Людой. А Катя постаралась больше никогда ее не вспоминать.

«Это был просто плохой сон и я проснулась. Ничего не было, – внушала она сама себе. – Она боялась даже вспоминать этот ужас ее жизни.»

Катя хотела вычеркнуть то, что с ней произошло, из своей памяти навсегда. И забыть этот кошмарный сон, как многие другие плохие сны…

Солнце светило как никогда ярко, когда мама с Катей вышли утром из дома. Оно хоть и не грело, но окутывало всех своей любовью. Солнце ласково обнимало и, как бы извиняясь, говорило: «Зато я очень красиво могу светить! Как нигде и никогда и никто не светит!»

В лучах северного солнца можно было утонуть. Отсвечивая и сверкая бриллиантовыми отблесками, оно играло так, что настроение сразу поднималось. Солнце ласкало и нашептывало Кате: «Вот видишь, Катя, жизнь прекрасна и удивительна! Все будет хорошо! Бог есть и Он не оставит тебя. Он все видит и чувствует. И Он обязательно поможет. А тебе главное оставаться хорошим человеком. Жить по Его законам. Вот и все. И, самое главное, ничего и никого не боятся. Мы все здесь в гостях у Бога. А в гостях нужно вести себя хорошо.

– Мамулечка, а ты знаешь, иногда мне кажется, что я не заслужила по жизни, чтобы у меня все было хорошо. Когда мне очень плохо, я анализирую все, что со мной происходит, и спрашиваю себя: «За что мне то, или другое наказание? А вспоминая все до мелочей, начинаю догадываться – за что!» – сказала Катя задумчиво.

– Правильно Катюша. Все, что с нами происходит не просто так. Это испытание судьбой. Она, Судьба, испытывает нас на прочность: выдержим мы удар за ударом или сдадимся, как слабые и никчемные существа. Вынесем урок из произошедшего или нет. В конце – концов, Бог не дает испытания, которые человек не может выдержать. Он на Сыне своем показал, как нужно нести свой крест до конца и не упасть в грязь лицом, не отречься от Отца своего. Как бы тяжело тебе не было, нужно оставаться человеком и никогда не уходить из жизни по собственному желанию, когда вздумается. Взял и ушел. С креста не сходят, с креста снимают. Бог дал тебе жизнь. И только Бог может у тебя ее забрать. Твоя роль на этой земле выдержать все испытания судьбы.

Глава 36

В сбербанке было очень много людей. Моряки отправляли заработанные деньги семьям, которые были разбросаны по всей огромной стране. Стояли огромные очереди в кассы. У Кати очень сильно билось сердце: она боялась, что в сбербанке не окажется нужной суммы. Или деньги они не смогут получить сразу все. И что деньги будут им выдавать частями. И что их обязательно обворуют и всякие другие пугающие мысли лезли ей в голову.

«Так! – успокаивала она себя. – Слова материализуются. Буду думать только о хорошем. Все будет хорошо, все будет хорошо, все будет хорошо», – повторяла Катя про себя.

Простояв в очереди часа два, их пригласили в специальную комнату и выдали полагающуюся сумму. Правда, часть денег выдали крупными купюрами, а другую часть – мелкими. Мама Кати была очень серьезным человеком. Поэтому она основательно пересчитала деньги по нескольку раз. И только, когда все ей показалось правильным, она успокоилась и, положив деньги в сумку, сказала Кате: «Смотри внимательно по сторонам, чтобы, не дай Бог, нас не обворовали. Сумма большая, поэтому я сейчас крепко прижму свою сумку перед собой, а ты наблюдай, чтобы никто подозрительный к нам не подходил. А то знаешь, как воры работают профессионально. Один отвлекает, другой хватает и бежит.».

– Мамочка, я буду твоим телохранителем, не переживай, – сказала Катя. – Если кто – нибудь подойдет, убью сразу. Тебе с таким трудом пришлось эти деньги добывать, а тут еще какие – то тунеядцы, за нас счет поживится хотят. Прибью точно, – уверенно сказала она. – Мама, я такая счастливая, что у нас все получилось, – прошептала она, прижимаясь к маме ближе.

Подъехав к самому красивому дому в городе, Катя показала маме свою голубую мечту, – дом с голубой мозаикой, в котором она будет жить. Она рассказала, что когда приехала в Мурманск, то ее очень поразил именно этот дом. Он стоял в центре города, такой красивый и гордый: голубой фасад с морской тематикой украшал девятиэтажное здание.

Кате тогда показалось, что она знает этот дом давным – давно. Самое интересное, Катя точно знала, что будет жить в нем. Она очень хорошо помнила это необъяснимое чувство любви с первого взгляда к этому дому. Вообще чувство любви с первого взгляда очень радовало и удивляло Катю. Вот также увидела она Никиту в редакции газеты и поняла, что это любовь с первого взгляда. Она взглянула на него и поняла, что он – ее на веки. Вот

и с домом так же. Посмотрела на незнакомый дом и увидела себя в нем.

Катя ждала этой минуты, когда она войдет в этот дом и поэтому все, что с Катей происходило, когда они покинули сбербанк было как во сне. Сияло солнце и голубой дом тоже улыбался им и радовался тому, что они скоро в нем будут жить. Квартира находилась на третьем этаже. Поднявшись на лифте, увидев номер квартиры, у Кати перехватило дыхание, руки задрожали, она очень сильно разволновалась:

– Мама, я боюсь. Вдруг они передумали, – сказала Катя испуганно.

– У тебя это от радостного волнения, – успокоила дочку мама.

За дверью послышались неторопливые шаги и грозный мужской голос спросил: «Кого это принесло в гости?».

– Мы не в гости, мы по делу, – ответила мама.

– По делу, это хорошо. Проходите, – открывая дверь, сказал пожилой мужчина маленького роста с огромным животом и маленькими колючими глазками. – Я понял, – вы моя новая жена, – самодовольно произнес Федор Михайлович. – Меня уже в курс дела поставили. Так что прошу любить и жаловать.

– Заходите, заходите, – закричала с кухни Раиса Степановна. – Очень рада, что пришли, давайте знакомиться.

– Здравствуйте, – сказала испуганная Катя.

Ей только сейчас стало понятно, за кого она выйдет замуж.

«Янке повезло больше, – подумала Катя. – Она хоть за молодого выходила. Ну, ничего еще одно испытание на мою голову.».

– Катенька, ты что моего деда испугалась? – спросила Раиса Степановна. – Так это он с виду такой грозный. В душе добрый ягненочек, – с любовью глядя на мужа и не видя, конечно, никаких его недостатков, сказала она.

Раиса Степановна нежно смотрела на своего «красавца» мужа и, конечно, видела только одни его достоинства. Видно было, что этот толстенький, маленький, лысый мужчина был для нее самым красивым человеком на всем белом свете.

– Меня зовут Ольга Семеновна, – сказала Катина мама. – Я по поводу вашего предложения по продаже квартиры, деньги мы принесли. Но я вам не могу отдать их просто так, потому что я, во – первых, вас вижу впервые, во – вторых, сумма не маленькая, а, в третьих, – дело еще не сделано.

– Ну, а как же нам тогда быть? – спросила тревожно Раиса Степановна. – Мы же тоже рискуем. Вот пропишем вашу дочь у себя. А она возьмет и не отдаст нам денег?!

– Я предлагаю другой вариант, – сказала Катина мама уверенно. – Если он не устроит, жду ваших предложений. А наш план таков: мы даем вам денег и вы пишете нам расписку, что взяли деньги у нас в долг, а когда выполните свои условия договора, мы отдадим вам вашу расписку.

– Ну что ж, очень разумно, мы согласны. Только, когда Федор Михайлович женится на Кате, тогда вы отдадите расписку, – сказала Раиса Степановна.

– Когда документы на прописку будут лежать в ЖЭУ, а лучше когда вы ее пропишите, – сказала Катина мама, улыбаясь.

– Вы не переживайте, мы сами переживаем, чтобы вы нас не оставили с носом. Хотя я Катю давно знаю, поэтому доверяю, и только поэтому предложила ей такую сделку. У нас квартира на юге есть, так что эта квартира на севере нам, в принципе, не нужна. Пусть молодые живут да радуются, – сказала добрая Раиса Степановна, которая продавала квартиру дорого, а вела себя так, будто дарит жилье.

Получив расписку, Катина мама отдала Раисе Степановне все деньги. Все сидели тихо и ждали, пока Федор Михайлович пересчитывал деньги по несколько раз.

– Давайте пить чай, – сказала ласково Раиса Степановна, довольная, что деньги у нее. – Завтра вы пойдете и подадите заявление в ЗАГс. А потом будем ждать, сколько сейчас ждут два или три месяца?

– Три месяца! Как раз Никита с рейса придет. Как раз к свадьбе подоспеет, – смеясь, сказала Катя.

Передача денег прошла без всяких недоразумений. Вскоре мама улетела домой, так как опаздывала на работу. А Катя вернулась из аэропорта расстроенная, потому что мама так и не увидела Никиту, и еще потому, что она опять осталась один на один со своими проблемами…

Вечером Катя решила зайти к своим любимым новым «родственникам», – тете Шуре и дяде Васе. Она соскучилась и хотела навестить их. Катя старалась реже ходить к ним после того, как Юра предупредил ее, что Игорь Сергеевич узнал о том, что она осталась в Мурманске.

Юра просил Катю поменьше появляться на людях. Катя не хотела компрометировать своих любимых людей. Она предупредила тетю Шуру, что Игорь Сергеевич ищет ее и поэтому она будет приходить к ним редко.

Катя давно у них не была и решила забежать к ним на минутку, чтобы рассказать последние новости. Но, как только Катя открыла дверь в подъезд, она услышала грозный голос блюстителей порядка:

– Мы вас за укрывательство вашей племянницы, отправим за решетку! – кричали они. – Где она скрывается?! Где Воронцова?

Катя услышала свою бывшую фамилию по мужу и поняла, почему Игорь Сергеевич не может ее найти. После того, как она получила развод с бывшим мужем, она поменяла фамилию Воронцова на девичью фамилию и стала теперь Черкашиной Екатериной.

Тетя Шура испуганным голосом повторяла одно и тоже:

– Она уехала на юг! Сразу после больницы и уехала! Даже адресочка не оставила, бессовестная! Я устала вам повторять, – продолжала разыгрывать спектакль тетя Шура.

– Ну смотри! если не так, пойдешь в тюрьму вместе с ней, – пригрозили они ей и стали спускаться по лестнице.

Катя быстро открыла дверь и спокойно, чтобы не привлекать внимание, направилась в соседний подъезд, доставая из сумки какие – то бумаги, изображая из себя социального работника.

«Господи! – подумала Катя. – Нужно быстрее выходить замуж за Федора Михайловича и еще раз сменить фамилию, пока они не догадались, проверить версию с разводом. Тогда Игорю Сергеевичу еще труднее будет меня разыскать…».

Жених был на тридцать лет старше Кати и на десять лет старше ее отца. Федор Михайлович был похож на жабу из сказки «Дюймовочка». Катя ощущала себя героиней именно этой сказки. В Загсе было полно народу. Все вдруг сразу надумали выходить замуж именно тогда, когда Катя с Федором Михайловичем пришли подавать заявление в Загс. Молодые люди толпились в коридоре, ожидая своей очереди. Отстоявшие счастливцы уже сидели и заполняли бланки заявления по образцу, который лежал на столе.

– Кто последний на подачу заявления? – строго и чуть вызывающе спросил Федор Михайлович.

Он пытался стоять на ногах и одной рукой держался за сердце. У него была одышка, потому что высокие ступеньки Загса, для него показались олимпийским трамплином. Лицо стало багровым и видно было, что у него поднялось давление.

Странную парочку испуганно рассматривали кандидаты в женихи и невесты. Они с интересом смотрели то на Федора Михайловича, то на Катю.

Последняя готова была провалиться сквозь землю. Ей хотелось все бросить и убежать, только бы не испытывать этого позора. Одна девица, брезгливо осмотрев Катю с ног до головы, отшатнулась от нее, не скрывая своего пренебрежения и демонстративно подойдя к своему молодому человеку, нарочито

громко сказала:

– Посмотри на ту парочку, вот умора, у них оказывается любовь?!

Все вокруг громко засмеялись и удивленно посмотрели на Катю. Никто из присутствующих не понимал, почему молодая красивая девушка выходит замуж за старого страшного деда. И одновременно все знали, все были уверены, что она делает это потому, что он, – богатый. Так, во всяком случае, они все думали, глядя, как ни странно, на старика с протертыми коленками в облезшей шапке.

«Хоть бы он ее не снял, а то будет светить своей лысиной», – подумала Катя.

Она стояла и мечтала в тот момент об одном: «Скорее бы пережить такой мучительный позорный момент». Одновременно, она успокаивала себя, повторяя, – «ничего, ничего, я этих людей вижу в первый и может быть в последний раз. Ничего, ничего я все вытерплю. Я должна все вытерпеть из – за квартиры.».

Но будущие молодожены, казалось, забыли, зачем пришли. Они продолжали показывать на Катю пальцами и шушукаться друг с другом.

Федор Михайлович от всего этого получал колоссальное удовольствие. Ему было очень приятно, что он «женится» на такой молоденькой и красивой девушке.

– Катенька, любовь моя. Я вот думаю, нам на какой день попросить роспись? У меня же везде связи. Я многое могу. А свадебку мы справим за границей, во Франции тебя устроит? – спрашивал он медленно и достаточно громко, придерживая вставные челюсти, которые пытались выпасть изо рта.

– Да, мне нравится эта идея: увидеть Париж и умереть, – сказала Катя вслух.

А про себя подумала: «И умереть от стыда, не выдержав такого позора». Интересно, как чувствуют себя продажные девки, когда продают свою молодость за деньги? Никогда не поверю, что у молодой красивой девушки могут быть чувства к старому талантливому человеку. И что она уважает его только за то, что он хлебнул со своей старой женой лиху, опуская, конечно, тот момент, что всего добился в жизни благодаря бывшей жене. А когда стал на ноги, то подумал, а для чего мне теперь старая, больная женщина, когда у меня все есть? И со спокойной совестью бросает жену, потому что захотелось «молодой любви» на старости лет. А девушки сидят в ресторане над своим кофе и ждут очередного старого миллиардера, чтобы он оставил им нажитое со старой некрасивой женой имущество, ведь они никогда не будут старыми. Умными, они, конечно, точно будут!

Ну, а старыми, как бывшие жены талантливых мужчин, – никогда…»

– Катюша, наша очередь подошла. Хватит мечтать о Париже. Пошли! – грубо сказал Федор Михайлович и, схватив свою невесту за руку, потащил ее навстречу фиктивной судьбе.

Когда они подавали заявление, работник Загса посмотрела удивленно на странную парочку. Видно такой древний экземпляр привлек ее внимание. Рассматривая брезгливо молодоженов, она назначила дату регистрации и попрощалась, не глядя на них. Не успели Катя с Федором Михайловичем выйти из Загса, как жених сказал Кате приказным тоном:

– Ты смотри, придешь домой и запиши где – нибудь дату регистрации, а то я точно забуду, когда нам расписываться. Так что напомнишь, когда в Загс идти.

– Федор Михайлович, а вы документы отдайте Раисе Степановне. Она у нас женщина серьезная и обязательная. Она точно не забудет, когда, зачем и куда, – сказала Катя, облегченно вздохнув.

А про себя подумала: «Слава Богу! Еще целых три месяца есть, перед тем как повторится следующий позор. Но квартиру очень хочется купить и не бегать по съемным».

Попрощавшись со своим будущим старым мужем, Катя глотнула свежего воздуха полной грудью и счастливая побежала домой.

«Хорошо, что полдела сделано! Еще один рывок и все будет замечательно! Нужно только найти еще подработку, чтобы заработать денег побольше и отдать маме долг за квартиру. В турфирму «Спутник» требовались экскурсоводы, – вспомнила Катя. – «Нужно сходить, спросить, какой график работы и сколько платят?»

С этими мыслями Катя добралась до экскурсионного бюро. Офисное здание находилось в десятиэтажном доме на первом этаже в новом районе города.

Двор был только что заасфальтирован и блестел черным жемчугом на солнце. Под стать ему блестели новенькие иномарки, стоявшие на автостоянке перед домом.

«Вот, – подумала Катя, – заработаю себе много денег, отдам за квартиру, а потом обязательно куплю все – таки себе машину.».

Длинный коридор с множеством дверей привел Катю в замешательство, когда она вошла.

– Не подскажите, куда можно обратиться по объявлению, насчет экскурсоводов? – спросила Катя, зайдя в первый попавшийся кабинет.

– Пройдите прямо, потом сразу в конце коридора направо, –

сказала тоненьким голосочком девчушка лет семнадцати. – У вас есть опыт работы?! – спросила она вдогонку.

Катя не успела ничего ответить, как к ней подошла женщина в строгом деловом костюме и недовольно сказала: «Да, какая разница, есть у нее опыт или нет! Научим, подскажем, нам нужны экскурсоводы. Здравствуйте, я директор турфирмы, будем знакомы, пройдемте в мой кабинет посекретничаем, чтобы нам никто не мешал», – произнесла она дружелюбно и приоткрыла дверь в свой кабинет.

На стене висела карта города Мурманска. Красивые картины, написанные местными художниками, украшали стены большой светлой комнаты. Великолепные пейзажи, изображающие потрясающую природу, завораживали разнообразием красок местного колорита. Во всем чувствовалась любовь к северному краю.

– Значит образование у вас высшее, это очень хорошо, знание английского и возраст подходящий. А то эти студентки безмозглые подрабатывают, ужас как. На контакт идти не могут. Совершенно некоммуникабельные, да еще с нездоровыми амбициями! Критику, вообще, не воспринимают ни в каком виде. А вы работаете где – нибудь еще? – спросила директор турфирмы. – Или вы к нам хотите устроиться насовсем? У нас, между прочим, хороший карьерный рост. Так что, добро пожаловать.

– Я работаю, но вы не переживайте, я могу работать на нескольких работах, у меня есть такой опыт. Я вообще никакой работы не боюсь. Я боюсь только одного – это подвести вас. Дело в том, что я могу работать только после пяти часов вечера. А на полный рабочий день выходить только по выходным.

– Вот и замечательно у нас есть экскурсии как раз вечерние и выходные. Возить туристов в Оленегорск на спектакли по субботам будете. В Ледовый Дворец приезжают «Московские шоу». Вы сможете бесплатно смотреть все спектакли. Сейчас возьмете текст, листов на пятьдесят, в отделе информации. Кажется столько, не больше.

Выучите наизусть все о Мурманске и мурманской области. Будете рассказывать людям по дороге о любимом городе. Так сказать, обогащать их знаниями, интересными фактами, чтобы дорога длинной не казалась. Привезете туристов, рассадите их по местам и смотрите себе спектакль, наслаждайтесь, да еще за это деньги получайте.

Конечно, деньги не очень большие. Но все же лишняя копеечка на житье – бытье. Извините, а вы замужем? Детки есть? – спросила с любопытством директор турфирмы. – Нет, вы

не подумайте чего – нибудь, просто, если дети дома одни, то многие отказываются от такой работы, поэтому идут молоденькие неопытные студентки.

Люди сервис любят на высшем уровне. А эти молодые, не серьезно относятся к своим должностным обязанностям. Конечно, не все, но большинство. Столько жалоб на них, а работать некому. Вот и рада всем кто приходит. А вам уже девятнадцать лет есть? – спросила она вдруг.

– Не переживайте, – сказала Катя улыбнувшись, я уже старушка. Мне двадцать семь лет.

– Ну вот и замечательно! Думаю, у вас все получится. Во втором кабинете возьмите текст и добро пожаловать в наши ряды!

Выйдя на улицу, Катя ощутила радость, от того, что так быстро нашла еще одну работу и теперь денег будет получать побольше. Она переживала только об одном, чтобы у нее все получилось. То, что будет тяжело работать в двух местах, это ее не пугало, потому что энергии у нее было столько, что она могла поделиться еще со ста тысячами человек.

Вприпрыжку, счастливая Катя, добежала до троллейбусной остановки и, улыбаясь, думала о Никите, о новой работе, о будущей квартире.

Неожиданно она услышала холодящий душу знакомый голос из прошлого: «Привет, подруга! Ты все – таки жива?! Еще не попала под колеса автомобиля?! – зло произнес Игорь Сергеевич. – А что ты делаешь в нашем районе? За нами соскучилась что ли?», – спросил он, немного опустив стекло иномарки. – Мы тут с Вовчиком катаемся, видим, стоит наша красавица, улыбается. Тебя видно жизнь вообще ничему не учит?! Значит, жизнь у тебя налаживается?! Пора тебе ее испортить!».

– Вы ее и так испортили достаточно. Вам все мало. Вон сидят девочки у вас на заднем сиденье, вы для них уже придумали экзекуцию? Или они наивные полагают, что это любовь, – сказала Катя, зло глянув на давних знакомых.

– А ты откуда знаешь, что у нас там девочки? Ведь стекла затонированы, – с усмешкой проговорил «хозяин жизни».

– Так вы по – другому жить не можете. Вам нужна жертва, над которой можно поиздеваться, – парировала им Катя.

Она чувствовала, чем больше с ними общается, тем смелее становится.

– Садись, подвезем, красотка, – смеясь сказал Игорь Сергеевич. – И не забывай. Я очень тщательно слежу за твоей судьбой. Я – твой Крест. Вернее «Четыре креста», которые ты будешь нести до конца своей жизни. А конец жизни твой наступит очень скоро! И, не забывай о моих проклятиях! У тебя никогда не

будет семьи, детей, мужа и, самое главное, не попади под задние колеса автомобиля, случайно. А твоего ухажера я точно порешу, если он мне еще нагрубит, когда я с ним по телефону буду разговаривать. Так что в твоих интересах трубку брать самой, когда я звоню. Скажи спасибо, что мне сейчас некогда, а то бы украл тебя, как всегда, – нагло улыбаясь и послав ей воздушный поцелуй, произнес Игорь Сергеевич. – А дружка твоего точно порешу! Ты меня знаешь! – добавил он зло.

– И откуда у вас появились зековские замашки?! – спросила Катя нисколько не испугавшись этих отморозков. – Вы, наверное, учите этот сленг, потому что в тюрьму готовитесь. Откуда вы знаете зэковские словечки?

Она хотела убедить Игоря Сергеевича в том, что не видела эти пугающие милицейские сводки о том, что они серийные убийцы! Что она не знает про их страшную тайну. Она понимала одно, что бесполезно что – либо доказывать этим моральным уродам, которые купили за деньги все: закон, власть, и, конечно же, свою никчемную жизнь!

– В нашей стране для таких как ты, вся жизнь тюрьма. Ты разве не заметила? – засмеялся Игорь Сергеевич. – А что ты так взъелась за то, что дружка твоего порешу? Ладно обоих закапаю, не переживай, будете у меня, как Ромео с Джульеттой в одной могилке гнить!

– Точно к тюрьме готовитесь? Новые словечки учите – «порешу», да «порешу», – ухмылялась Катя, смело глядя ему в глаза. – Раз так! То, еще один выпад в мою сторону или в сторону моего молодого человека, несостоявшийся муж, и я сама вас порешу. Вы меня уже достали! Вы меня поняли или может повторить для глухих дедушек? – спросила Катя, ни сколько не испугавшись этих состарившихся прохвостов.

– Смотри, Вовчик, смелая стала, давно кое – где не была? А то устроим тебе санаторий! Или ты забыла, что мы можем все? Лучше не зли нас! – закричал Игорь Сергеевич. – Скажи, спасибо, что мы девочкам вечер обещали приятный подарить, а то бы напомнили тебе, что ты – никто, потому что у тебя денег нет, а мы – все, потому что они у нас есть.

Машина резко рванула вперед, оставив за собой облако тревожной пыли. Стоявшие на остановке люди с любопытством наблюдали эту картину и настороженно смотрели на Катю, которая понимала, что жива осталась благодаря им. Игорь Сергеевич не стал на глазах у свидетелей убивать Катю. Хотя видно было, что ему этого очень хотелось.

Вся эта недавняя отвратительная история «дешевого донора» вновь вспыхнула в памяти у Кати. Но больше всего ей было не

понятно, каким образом Игорь Сергеевич узнал ее домашний телефон в их съемной квартире? И когда он успел поговорить с Никитой? Почему Никита ей ничего не рассказал про этот звонок. Хорошо, что Катя сама все ему рассказала про этих ублюдков. Она не хотела начинать отношения, скрывая всю эту грязь. И решила раз и навсегда покончить с этой историей.

– Ты слышал насчет зэковских словечек она спросила?! – удивился Игорь Сергеевич, когда они отъехали от остановки.

– Может быть она и, правда, торопилась, раскидала документы, когда искала свою сберкнижку и ничего не видела, как говорит Юрчик – Еврей, – ответил Володя.

– Да, я тоже так подумал, – сказал Игорь Сергеевич. – Скорее всего она ничего не знает о нашем прошлом. Ну красавица, конечно, жаль будет убивать ее, да, девочки, – повернулся он к местным проституткам, которых только что купил.

– Ну пусть тогда живет, – засмеялись они, думая, что Игорь Сергеевич шутит.

Глава 37

Весь следующий день Катя зубрила информацию о Мурманске и мурманской области. Интересные факты все больше увлекали ее и она чувствовала, что любит этот город еще больше. Ей все нравилось, что было с ним связано. Оставалась неделя до следующих выходных, когда она должна была выйти на вторую работу.

– Недели тебе мало будет, – кричала из своей спальни Яна. – Ты понимаешь, как много информации тебе придется пропустить через себя. Самое страшное, что тебе нужно будет отвечать на все их дурацкие вопросы. А пахабные вопросы придут в голову твоим пьяным отдыхающим обязательно.

– Почему это пьяным? – недоумевала Катя. – Люди, интересующиеся балетом, сто процентов не алкаши и вообще люди, которые любят искусство просто не будут тратить время на такие глупости. На свете много интересных дел и без пьянства. Да и вообще пить становится не модно.

– Кто тебе сказал?! Как пили так и будут пить. Да на балет, сто процентов, жены своих мужиков тянут. Выходят, как говорится, «в свет!», а на самом деле хотят показать свои наряды и мужей заодно, как часть гардероба. Ты прекрасно это понимаешь. Мужикам не нужно красоваться друг перед другом, это привилегия женщин.

– Конечно, привилегия может только и женщин. Но мужчины тоже хотят нравится и быть любимыми. И, конечно, некоторые из них любят искусство тоже. Ладно все, Яна, не отвлекай меня, пожалуйста, я буду очень долго сидеть и зубрить текст. У меня мало времени осталось.

«Мурманск, люблю тебя мой родной город!», – думала про себя Катя. – Я обязательно помогу людям узнать тебя получше и познакомлю с красотами севера не успевших тебя понять и полюбить. Мурманск – это самый красивый северный город. Невозможно не быть влюбленным в природу Заполярья! Какие яркие грибы на зеленых лужайках! Как гордо стоят они и смотрят на тебя своими оранжевыми шляпками! Грибы зазывают тебя в волшебную сказку детства, где ты будешь восторгаться красотами неповторимого пейзажа!

Северная природа отличается своей первозданной красотой и разнообразием красок. Когда ты впервые созерцаешь открывшиеся перед тобой волшебные пейзажи, то у тебя захватывает дух от многоликих оттенков чуда природы и ты восхищаешься увиденным как ребенок и, конечно, у тебя от

переизбытка чувств поднимается настроение.

Переливающиеся ягоды темно – синей черники и ярко – красной брусники разноцветными бусинками висят на коротких кустиках, а сочные ягодки северной малины «Морошки» желтым ковром с причудливыми узорами раскинулись на мягких и пушистых коврах-мхах, по которым никогда не ступала нога человека. Когда ты идешь по нему, то утопаешь в его невесомости и ощущаешь воздушную легкость полета. Ты не идешь, ты плавно летишь над землей и гордишься тем, что ты частица этой великолепной природы.

А завершают картину нерукотворного художника прозрачные бирюзовые северные озера! На самом дне которых виден каждый камушек и песчинка. Хочется припасть к ледяной воде, вдоволь напиться и низко поклониться чистоте природы и ее нетронутой человеческим прогрессом красоте!

– Катя, ты собираешься спать или нет? – закричала Яна из своей комнаты. – Мне надоело, что ты постоянно что – то бубнишь себе под нос. Сколько можно не давать мне спать. Все, завтра же напишу Андрею письмо и поеду сниму квартиру сама. Не буду ждать, когда он вернется с рейса. Невозможно же так жить, ты меня раздражаешь. Хватит, выключай свет уже. Нам завтра на работу. Будешь ошибки пропускать. Потом пиши опровержение за тебя. Достала уже, давай ложись спать.

– Ты знаешь, ты мне очень напоминаешь одну мою знакомую Людмилу, – сказала Катя удивляясь. – Если ты решила съехать, то нашла бы смелости сказать мне просто так, что тебе хочется попробовать пожить одной. А то вдруг моя проходная комната стала тебе помехой?! Ты забыла, что стены здесь толстючие. И ты, если бы даже я пела вслух, а не шептала, ничего не услышала. И только полоска света из – под двери, тебя натолкнула на мысль преподнести мне эту новость таким образом, – прокричала Катя в ответ. – Я даже сейчас стараюсь кричать громко, потому что тебе ничего не слышно из моей комнаты.

– Ладно, – открыв дверь, улыбалась Яна.

Она зашла в комнату подруги, села на ее кровать, обняла ее и сказала: «Я боялась, что ты обидишься, что, именно сейчас, тебя бросаю, когда Никита в море. Но раз я решилась, то скажу тебе все как на духу. Я действительно нашла подходящую квартиру и завтра хочу переехать туда. Квартира хорошая в новых домах со всеми удобствами и в новом районе. Прости, что бросаю тебя. Я понимаю, что тебе и так одной тоскливо, но у тебя есть баба Маня. Так что скучать она тебе не даст.

– Я все понимаю, Яна. Конечно, обидно, что одна остаюсь пока. Но ничего переживу. Такую судьбу мы выбрали сами себе:

ждать наших мужчин с моря, поэтому нам одним не привыкать жить. Вот замуж выйдем, дети у нас появятся, будет легче, да? – сказала Катя. – Я честно сказать, уже привыкла, что мы с тобой вместе. Но я очень за тебя рада, что ты Андрея выбрала из всех наших друзей. Он мне очень нравится, он настоящий и очень добрый, это сразу видно. Я думаю, вы будете с ним жить долго и счастливо. Я обязательно тебе помогу вещи перевезти, ты не переживай. И в гости буду к тебе приходить, когда позовешь. Нам все равно недолго еще по квартирам скитаться. Скоро все с жильем будем! Представляешь, с собственными квартирами! Яна, мне даже не верится, что они у нас будут!

– Будут, будут. Притом очень скоро, – уверенно сказала Яна. – Ты видела, как дома строятся быстро? Я там каждый день прогуливаюсь, за стройкой наблюдаю все время. Катя, а ты когда с дедом расписываться пойдешь?

– Не напоминай мне, пожалуйста. Я все время как вспомню, так меня в дрожь бросает. Сколько я пережила, когда в Загс ходила заявление подавать. Людей столько было, ужас. Я так краснела, тебе не передать. И теперь я очень боюсь того дня, когда замуж идти нужно будет, – подняв глаза к потолку сказала Катя взволнованно. – Но я потерплю. Очень хочу свое жилье, очень хочу. Я все время думаю, что это происходит не со мной, а еще с кем – нибудь.

– А ты как хотела, подруга? Без испытаний не получишь счастья. Терпи, я вот вытерпела твоего Никитку!

– Ну ты даешь?! Он такой красивый, молодой. А я за старика древнего выхожу замуж. Но еще больше всего я боюсь, что кто – нибудь сможет нам помешать. Я всегда загадываю, загадываю, а мне раз и судьба очередной сюрприз преподносит.

– Это если он в Загсе только помрет, – смеясь, сказала Яна. – Я представляю, стоишь ты с ним в Загсе, а он раз и дубу дал от счастья, что на молодой женился. Ой, умора не могу, – смеялась во весь голос Яна.

– Яна, ну хватит болтать. Я ничего не хочу сказать, но над таким шутить грешно. Пусть лучше человек живет. Я не думаю, что крепкий старик на эмоциях споткнется. Тем более он большой начальник, а они все толстокожие. По крайней мере, показывают, что им всегда на все наплевать. Ты бы его видела в Загсе. Он надо мной так издевался. Время тянул, кайф по – своему получал. Я чуть сквозь землю не провалилась. А он стоит, ухмыляется и людей смешит там. Забыл видно, что он старый. Молодость вспомнил, весельчак. Ну ладно, давай спать! Завтра точно на работу не встанем. Катя послала воздушный поцелуй подруге, выключила светильник, завернулась одеялом с головой и

осталась наедине со своими мыслями.

Ровно через неделю. Рано утром в субботу. Катя встала раньше обычного, дрожащими руками взяла бутерброд и еще раз старалась вчитаться в текст, который лежал на столе.

«Я почти ничего не помню. Я точно провалю свой первый рабочий день, – думала она. – А сердце все билось и хотело выпрыгнуть из груди, как всегда».

«Не думала, что так тяжело будет, – подумала про себя Катя. – Страшно так, будто идешь на задание, которое сразу было обречено на провал. Да что я себя накручиваю, – успокаивала себя она. – Всегда первый раз страшно, но деньги нужны. Потерпи, у тебя обязательно получится. Главное быть уверенной в своих начинаниях. Не до фанатизма, конечно, и не до самодурства. Так, взяла себя в руки, привела в порядок и уверенно пошла в офис за разнарядкой, – приказала Катя сама себе. – У тебя первый рабочий день на новом месте, о котором ты вообще ничего не знаешь. Хоть бы обмен опытом прошла, разочек. Проехала с экскурсоводом – практиком, который давно этим занимается. Но у них и так не хватает кадров, поэтому с тобой никто не хочет возиться. Да и у тебя своя основная работа занимает много времени. Соберись!» – строго приказала она сама себе и быстро вышла из квартиры.

Автобусы уже стояли перед офисом начищенные до блеска. Красивые иномарки сверкали на солнце и подмигивали Кате, говоря: «Не бойся! Мы с тобой. Не переживай, все будет хорошо!».

– Катечка, молодец, что пришла заранее. Твой номер автобуса триста семьдесят шесть. В нашем деле главное запомнить номер автобуса. Это для того, чтобы людей, когда привезешь на место, не засунуть на обратном пути в другой. Иди познакомься с водителем. Не забудь расписаться в его транспортном листе, – раздавала распоряжение старший менеджер Наташа.

В ее обязанности входило – раздать всем экскурсоводам билеты на представление по количеству мест в автобусе. И проконтролировать, что все на местах.

– Так, Катюха хвост трубой! – обратилась она к бледной Кате, как к лучшей подруге. – Это был психологический момент. Доверительные отношения располагали к более раскрепощенному общению. Менеджеру нужно было подготовить экскурсовода к свободной беседе с туристами. – Я знаю, ты сейчас боишься людей, которых повезешь. Не бойся, мы все, когда начинали, боялись первый раз общаться с клиентами. Представь, что ты уже не одну поездку сделала. По – внимательней относись к людям, не скандаль с ними. Мы – обслуга. Мы работаем в сфере

обслуживания. Значит, мы – слуги. Старайся им угодить. А для того, чтобы они не задавали тебе лишних вопросов, загрузи их информацией, которую ты взяла в офисе. Читай четко, медленно, не торопись, чтобы они понимали каждое слово. – Пойдем, я тебе покажу, как работает микрофон. Мы с тобой должны его проверить и ты скажешь пару слов. Это нужно для того, чтобы ты своего голоса не испугалась, когда первый раз услышишь его из динамиков. А где черная папочка с текстом, который я тебе давала? Ты ее не взяла, что ли?

– Наташа, я думала, что нельзя подсматривать в текст и оставила папочку дома, – испуганно сказала Катя. – Я не знала, что можно было читать, а не учить?

– Да у нас никто и никогда не учил текст. Наши девахи, студентки – халтурщицы, читать толком не умеют. По слогам читают. Мне люди жаловались после экскурсий на них. Поэтому ты, прям, молодец. Премию тебе выпишем, что ты первый раз едешь и с одной головой, без черной папочки. Нет, я первый раз такое вижу?!

Мне ты уже нравишься. Главное, чтобы ты нашим клиентам понравилась. После экскурсии раздашь им всем анкеты. Пусть заполнят анонимно. Так положено. Отзывы собираем, совершенствуем нашу работу. Так что, дерзай. Я уверена, что у тебя получится. Может, понравится работа, ты к нам насовсем перейдешь. Вон идут работнички, смотри на наш контингент.

Катя оглянулась и увидела уверенных в себе молодых студенток, которые шли, держа под руками черные папочки. Они смеялись так громко и было видно, что они вообще не переживают, что не умеют читать.

– Привет, рабочему классу студентов, – весело сказала Наталья!

– Ой, привет, привет, Наталья Ивановна. Что? Опять нам премию не дашь, ругать будешь? – высокомерно ответили девушки – студентки. – Используешь нашу дешевую рабочую силу. Денег не платишь, как обещала.

– Какие анкеты, такие и заработки. Вы прекрасно знаете, что зарплату не платят за то, что вы флиртуете с водителями и грубите пассажирам. Скажите спасибо, что я хоть что – нибудь плачу вам. Хоть и поражаюсь. Значит, работать не хотите, а денег хотите? Откуда у вас, у молодых, такое желание ничего не делать, а денег давай?! Вы вот с папками все идете по десятому разу. А вот, человек новенький, Катя, познакомьтесь. Так она первый раз людей везет и ничего с собой не взяла. У нее все в голове. Вот как нужно работать. А потом будете удивляться – почему это ей так много заплатили, а нам мало? Так ведь?!

– Ой, ой, ой, а куда ты ее сунула? – спросила девица, лет девятнадцати, уверенная в себе, и от этого немного нагловато – грубоватая.

Девушка была очень хороша собой. Яркая блондинка с длинными прямыми волосами. Она знала себе цену, но почему – то демонстрировала себя, как залежавшийся товар.

– Наверное, к правительственным сажаешь? Нас всегда только к рабочему классу, чтоб не опозорили вашу шарашкину контору. А ее сразу к элите. Да если бы мы так не любили тусовки, разве бы мы пошли к вам за такие гроши вкалывать? А так хоть на первый кофе для дальнейшего времяпрепровождения хватает! – капризно сказала студентка, с головы до ног окинув взглядом Катю. – А ты тоже студентка или выгнали откуда? – спросила вызывающе Вика.

Так звали этого главаря студенток, которые были у нее на подтанцовках. Они все время смеялись, когда она пыталась шутить и все время кивали головами в подтверждении ее слов, когда она говорила.

– Спасибо огромное за комплимент! Лучший комплимент года! – сказала Катя, обращаясь к Вике. – Меня зовут Катя и мне двадцать семь лет. Из института меня не выгоняли. С работы тоже. На тусовки не хожу. Мне просто очень нужны деньги и я очень волнуюсь перед первой поездкой. Лучше расскажите как у вас было у всех первый раз. На что мне нужно обратить внимание, чтобы не повторять ваших ошибок. Помогите, пожалуйста. Поделитесь, если не трудно, своими впечатлениями.

– Ой, а у меня было первый раз, просто ужас, – протараторила одна из студенток. – Я прочла весь текст за десять минут, а ехать нужно два часа до Оленегорска. Туристы стали задавать мне вопросы по прочитанному тексту, видно ничего не поняли. Я схватила наушники, водителю говорю: «Врубай музыку», откинулась на сиденье и сделала вид, что сплю.

Девчонки начали смеяться и вспоминать свои проколы. Даже недовольная Вика начала рассказывать, как у нее прошла первая поездка. Все хохотали, и перебивая друг друга, стали рассказывать, что нужно делать, а что нет, чтобы не опозориться. Какие бывают ужасные клиенты, которые задают много вопросов, на которые не знаешь ответов. Как сложно ими управлять, если они надумали над тобой подшутить и все в этом духе.

Наталья Ивановна смеялась вместе со всеми и рассказывала как к ней подослали в автобус местного краеведа, которая защитила докторскую диссертацию по теме, которую молодая студентка Наташа пыталась осветить в своей экскурсии и как она с достоинством вышла из этого положения:

– Я после очередного исправления моего рассказа, поняла, что я и капли не знаю того, чем владеет наш клиент. Тогда я вот что сделала, я ей сказала: «Ой, а вы знаете, столько противоречивых исторических фактов сейчас печатают, поэтому мы с удовольствием послушаем вас все вместе» И слезно попросила ее, чтобы она поделилась с нами немного своими знаниями. Как ни странно, она сразу согласилась, а когда взяла микрофон в руки и представилась кто она, я чуть не упала в обморок, потому что моему позору не было бы предела, если бы я продолжала эту экскурсию со своими скудными знаниями. Она столько знала, что мне за всю жизнь это не выучить. Мы до сих пор с ней сотрудничаем, а я с ней дружу, – гордо заявила в конце своей исповеди, Наталья Ивановна. – Так что вы все сейчас ведете экскурсию по ее докторской диссертации. Она очень любит наш край и с таким чувством гордости рассказывает о нем, что все тоже слушают ее до сих пор с открытыми ртами. Вот и вам нужно вести экскурсию с любовью.

Катя слушала всех внимательно и ей становилось спокойно на душе. Она поняла, что она обязательно постарается справиться с новой работой. Все девочки очень ей понравились, а с Викой она даже потом и подружилась.

За каждой девушкой был закреплен автобус и экскурсанты. Автобусы заказывали предприятия, организации и просто жители Мурманска и мурманской области, купившие тур. Распределяла их по автобусам Наталья Ивановна. Какой контингент едет в автобусе никто никогда не знал. Задача экскурсоводов была расположить людей к себе, провести обзорную экскурсию и помочь им преодолеть дорогу. Они снабжали туристов напитками и ответами на вопросы.

Все автобусы стояли в ряд. Туристы подходили и стояли возле автобусов, в ожидании объявления посадки. Наталья Ивановна раздала списки пассажиров всем экскурсоводам. Номера автобусов им сказали при покупке билетов на Ледовое представление.

– Проходите все по своим автобусам, пожалуйста, – ласково обратилась Наталья Ивановна к пассажирам. – Ни пуха, ни пера, – наклонившись к Кате, сказала она улыбаясь. – Олег, – обратилась она к водителю, – поддержи новенькую. У нее дебют сегодня.

– Будет сделано! – улыбнулся мужчина лет сорока худощавого телосложения с очень живыми глазами.

Он с интересом посмотрел на Катю и приветливо сказал как старой знакомой: «Заходи, начальник!»

Он подмигнул Кате и добавил наклоняясь: «Не бойтесь! Я с вами, все будет хорошо!».

Кате стало спокойно от этих слов и она уверенно произнесла:

– Доброе утро! Просыпаемся и проходим в автобус. Джентльмены пропускают дам вперед. Занимайте свободные места и не переживайте, ваши дамы займут для вас места рядом.

Водитель Олег улыбнулся, услышав, как Катя начинает работать с клиентами и, подняв большой палец вверх, – одобрительно кивнул ей головой.

– Доброе утро, меня зовут Екатерина Евгеньевна Черкашина. Нашего водителя, – Олег Петрович Смирнов, – прочла она на «Бейджике». Сегодня мы будем вашими новыми попутчиками и одновременно сопровождающими в увлекательном путешествии в мир прекрасного, – улыбаясь и добродушно глядя на взволнованных пассажиров, сказала Катя. – Вы узнаете и увидите красоту тех мест, где проживаете или гостите.

Катя заметила, что пассажиры волнуются не меньше, чем она, в ожидании поездки.

«И, конечно, они не подозревают, что я сегодня работаю первый день», – подумала она. – Главное, никакой фальши. Они сразу заметят подвох, если что! Значит, нужно вести экскурсию уверенно, но не нагло. Попробую представить, что они все мои давние друзья. Вот так, ура, получилось и ничего страшного. Сейчас сделаю перекличку пофамильно. Списки и билеты у меня на руках».

– Так, представим себе, что мы на занятиях в школе и проверяем вашу посещаемость, – улыбнулась Катя. – Школу и институт давно окончили? Попробуем вспомнить молодость, это всегда приятно, правильно?

– Только и осталось, что вспоминать, – сказал один из пассажиров начальственного вида, не скрывая своего раздражения. – Я в школе был двоечником и не люблю, когда меня проверяют.

Катя ласково посмотрела на него и заметила попутчику:

– Правильно, именно после таких проверок, вы и стали большим начальником и, конечно, проверяете теперь всех сами.

Все дружно засмеялись.

– Нет, потом в институте я был отличником, – смеясь, проговорил довольный собой мужчина.

– Да, ладно тебе, – толкнула его в бок, сидящая рядом женщина. – Начинаешь опять саморекламу.

Проверив посещаемость и убедившись, что все на месте, Олег спросил Катю: «Ну, что трогать, шеф?»

– Да, счастливого пути всем нам! – сказала Катя и, взяв микрофон в руки, встала лицом к пассажирам.

Катя начала свою обзорную экскурсию со слов: «Я знаю, что

вы все очень любите город, в котором живете так же, как и я. Но давайте немного вспомним и поговорим о нем. Мы начинаем нашу экскурсию с площади «Пять Углов», которая находится в Октябрьском районе нашего любимого города. Сколько районов насчитывает наш город?

– Три! – дружно закричали развеселившиеся пассажиры.

– Правильно. Всегда считалось, что у города три района. А что было здесь до того как наши родители или родственники приехали его строить? Вот и поговорим об этом. Поговорим о том, с чего все начиналось…

И Катя с такой любовью стала рассказывать то, что она учила целую неделю. Люди полностью оказались во власти молодой красивой девушки, которая увлекла их своим рассказом. Всем раньше, казалось, что они давно знакомы с городом, в котором живут, а теперь они ехали по совершенно незнакомому, но такому родному Мурманску.

Водитель Олег аккуратно вел автобус, заслушавшись живым рассказом о городе, в котором он прожил все свои сорок лет и прослушал ни одну экскурсию, пока работал в турагентстве. Потом он скажет Кате: «Слушай, ты так много знаешь и даже ни строчки не прочла. А стихи местных поэтов о Мурманске, ты вообще откуда взяла?».

Катя только улыбалась и говорила, что в местной библиотеке достала сборник стихов о севере и оживила сухой рассказ красивыми рифмами.

– В общем, творчески работать должен любой человек всегда. Будь то президент, будь то – дворник. Я всегда пытаюсь работать с душой. Силы беру от таких же светлых людей как ты, Олег, – дружески подытожила Катя…

Город Оленегорск встретил гостей солнечным днем. Ледовый дворец сиял серебром в лучах северного солнца. Он приглашал, весело улыбаясь, новых зрителей! Катя подбежала ко входу и узнала, что экскурсионные группы проходят без очереди.

– У меня сорок два человека. Сейчас мы подойдем, как только будем готовы.

И обращаясь к своим туристам, она громко сказала: «Сейчас мы дружно зайдем в зал, займем свои места. Только после этого, можно будет погулять, сходить в буфет, купить программку, посмотреть фотографии артистов. Нужно все успеть сделать до начала представления. Одно важное «но». Вы, пожалуйста, посмотрите на наш автобус, запомните его номер или запишите, и после представления, мы ждем вас всех здесь ровно 20 минут. Кто не успеет, будет добираться до Мурманска своим ходом. Все понятно? Есть какие – нибудь вопросы? – улыбаясь, спросила

Катя.

В ответ туристы дружно закричали:

– Спасибо, за интересную экскурсию! Вопросов нет!

Представление ледового шоу произвело на Катю и ее туристов неизгладимое впечатление. Масштаб зрелища был таков, что каждый зритель думал, что он принимает участие в шоу, – в спектакле на льду «Кармен».

Главная героиня была просто великолепна! Соединение музыки и полет фантазии закружили зрителей и уносили вместе с героями, с их переживаниями и любовью! Красивые наряды, цветной лед и сверкающие коньки, сложные акробатические элементы и талантливая актерская работа, все соединилось в единое целое и производило фурор на всех присутствующих.

В зале почти все плакали: и мужчины, и женщины. Кровь пульсировала в такт музыки «Кармен» и кружилась голова от увиденного. Какое нужное искусство! Какая сила позитива! Зашкаливает серотонин, гормон удовольствия. И люди выходят из зала заново родившиеся. Полет главной героини надо льдом стоял перед глазами, звуки музыки сопровождали всех еще несколько недель.

На обратной дороге туристы читали стихи и пели дружно любимые песни. Все были очень довольны прошедшим выходным днем и написали благодарственное письмо в турагентство «Спутник» за профессиональную работу экскурсовода, – Черкашиной Екатерины. Лучшей оценки за ее работу она не могла себе представить.

Получив премию за профессиональное выполнение своих должностных обязанностей, Катя счастливая побежала домой, а дома ее ждала еще одна радостная новость.

Глава 38

– Катюха, посмотри, кто к нам приехал! – закричала обрадованная Яна, открыв дверь. – Ты представляешь, Серега обошел все дома в округе, чтобы нас найти. Он случайно увидел из троллейбуса, как ты шла с работы домой. А пока доехал до Семеновского озера, пока вышел, пока добежал, то тебя и след простыл. Так вот он два дня обходил весь район, звонил во все квартиры, чтобы нас найти. И сегодня я открываю дверь, и чуть не упала в обморок, когда его увидела.

– Привет, Серега! Как я рада тебя видеть! – запрыгала радостная Катя, обнимая двухметрового друга. – Ну, рассказывай, как ты поживаешь? Мы так переживали, что потерялись с тобой. Ты когда помогал Яне переезжать, на следующий день после этого ушел в море. Думаем, как же нам с Серегой встретиться? В аэропорту, помнишь, когда Яну провожали, посмеялись от души и все! Проводили Яну в отпуск и попрощавшись, не обменялись новыми адресами. Но, ты знаешь, мы всегда знали, что обязательно встретимся. Мы так скучаем за твоими шутками, потому что ни с кем не смеялись как с тобой. Вообще я предчувствовала, что ты нас найдешь.

– Да и я не сомневался. Хотя, честно сказать, мне Машка сказала, что Яна не захотела вспоминать прошлую свою жизнь с мужем и не вернулась больше в Мурманск, а Катя вообще ничего никому не прощает, плюнула на все и уехала домой навсегда! Я ходил в редакцию, спрашивал у вашей вахтерши о вас. А она говорит, что ничего не скажет, потому что не обязана докладывать первому встречному ничего. Я и не знал вообще, что ты с Никитой помирилась, что живешь с ним вместе. Маша говорила, что она вас выгнала обоих. Я Никиту видел перед рейсом и сказал, где ты работаешь. Жалко парня стало. Яна говорит, что теперь ее муж – твой Никита. Прошло не так много времени, а тут такие изменения. Вы все со своими квартирами скоро будете, с мужьями. А я мог вас больше и не встретить. Вот, что значит уходить в рейс на восемь месяцев. Так, что ничего удивительного нет в том, что люди очень часто теряются, даже в таком маленьком городке.

– И это очень здорово, – засмеялась Катя, – потому что я каждый день молю Бога, чтобы не встретить свою «благодетельницу» Людмилу, у которой я жила, когда впервые в Мурманск приехала, – сказала Катя перекрестившись, – пока не ушла от нее в никуда с девятью копейками в кармане, – задумавшись произнесла Катя.

Она не хотела рассказывать подробности их взаимоотношений и то, что Людмила была соучастницей преступления против нее. Катя знала, что ничего случайного в жизни не бывает. Для чего – то ей нужно было встретить этого человека в своей жизни.

«Это тоже урок, хороший или плохой, судить не мне, а за любой опыт, даже самый печальный, нужно платить. У меня цена расплаты была очень высокая!» – подумала Катя и вздохнула.

– Ну, сейчас опять настроение испортится, – подхватил тему разговора никогда не унывающий Сергей. – Давай не будем вспоминать плохое. Лучше давайте подумаем, как встретим новый год. Думаю, вы будете не против, если я буду встречать его с вами?!

– Ура, лучшего нового года мы и не ждали! – закричали девчата и запрыгали, пытаясь обнять своего высоченного, двухметрового друга – подружку Серегу.

Он был очень светлым человеком. От него веяло всегда такой жизненной энергией. Казалось, он никогда не унывал. Хотя Судьба его очень долго испытывала. Родился он в Ленинграде, в очень богатой семье. Родители часто ездили за границу. Оба у него были дипломатами. Детей всегда брали с собой, потому что не было ни дедушек, ни бабушек. Родственников тоже не было, они были выходцами из детского дома.

Государство дало им квартиру, отличное образование, они были очень хорошими дипломатами. Но, несчастье пришло в дом никого не спросив. Случилась страшная авария. Родители погибли на глазах у детей. Остались в живых только Сергей и его младшая сестра Настенька. Сергею тогда было лет восемь. Настеньке – три года. Заботилось и воспитывало их государство, отдав в детский дом.

Сергей поступил в мореходное училище, чтобы вытащить из нищеты свою сестренку. С морей почти не вылазил, купил уже две квартиры. Одну оставил бывшей жене, на которой очень рано женился, а вторую оставил сестре. Ему приходилось очень много работать, чтобы прокормить свою бывшую семью и сестру. Но, глядя на него, хотелось жить. Как он шутил! Никто и никогда так не шутил. Его шутки были саркастически – ироничные. В таких случаях говорят: «Не в бровь, а в глаз!». Девочки очень любили своего друга и часто о нем вспоминали. Почему говорят, что светлых людей меньше. Нет, их больше, чем темных! Просто их не видно, потому что они все свое время на работе.

Снега в этом году выпало очень много. В общем, как всегда, в Заполярье! Крупные снежинки падали, медленно кружась в Северном вальсе. Они нежно обнимали прохожих своими

красивыми кружевами. Снежинки ласкали лица, спешащих за новогодними подарками людей, подхватывали всех в такт медленного вальса и убаюкивали. От их прикосновения становилось уютно и тепло на душе. У всех было предпраздничное настроение, все бежали счастливые за ожиданием нового чуда.

Катя хотела купить подарки самым близким людям, которые находились далеко – далеко на юге. Она всегда посылала к праздникам домой посылки. Радовала своих домашних маленькими подарочками. Ей хотелось передать вместе с посылкой частичку своей души и огромную любовь, которая жила в сердце.

– Катя, привет! Как ты поживаешь? – схватив ее за руку, произнесла пробегавшая мимо девушка.

Катя долго не могла вспомнить, кто это и как ее зовут.

– Ты, наверное, меня не узнала? Я, Лида, родная сестра Владимира, компаньона Игоря Сергеевича.

«А, вспомнила», – подумала Катя, глядя на ту самую девушку – донора с Украины.

Она познакомилась с Лидой в тот день, когда убежала через разбитое окно кухни от своего «Богатого счастья».

– У меня все замечательно! – сказала Катя, чуть насторожившись. – А как у тебя?

– У меня все очень плохо. Представляешь, я же стала гражданской женой Игоря Сергеевича. Ты же помнишь, меня мой брат с ним познакомил. Игорь сказал мне, что ты встречалась с моим братом, но потом его бросила.

– Ну, это не совсем так, Лида. Дело прошлое, что теперь вспоминать. Главное, что в жизни с нами происходит то, что и должно происходить по судьбе.

– А почему ты говоришь, что у тебя плохо все? Дети не болеют, – тревожно спросила Катя?

– Нет, с детьми все хорошо, – ответила Лида. – Плохо только то, что Игорь Сергеевич оказался очень плохим человеком. Он уговорил меня уйти от мужа, обещал мне золотые горы, а сам оказался очень жадным и злым. Представляешь, он постоянно поднимал на меня руку, детей моих тоже обижал. Он даже забрал у меня куртку кожаную, единственную вещь, которую подарил за эти годы. Такой богатый и такой жадный. Я уезжаю обратно к себе домой в Украину.

– Ты родила ему ребенка? – спросила Катя.

– Нет. Однажды он пришел домой очень пьяным. Мы с ним жили в той же квартире, где ты жила. Извини, я забрала твои вещи себе. Хочешь, я отдам их тебе, – сказала Лида смущаясь.

– Нет не нужно, я их тебе дарю, – сказала Катя, обнимая девушку.

– Спасибо большое. А Игорь такой жадный, забрал у меня все. Такой богатый и такой скупой, – повторила она. – Ты представляешь, – продолжала Лида, – в тот день, когда он пьяный орал на меня и все время называл меня, почему – то, Катей. Он говорил: «Ты, Катя – мразь, у тебя денег нет, а я – все, потому что они у меня есть!», – что – то в этом роде. В тот день он так сильно избил меня, что у меня произошел выкидыш. Я очень долго лежала в больнице. Врачи сказали, что я не смогу больше иметь детей. А ему родила ребенка Анна, кажется твоя двоюродная сестра. Володя говорил, что она твоя дальняя родственница. Так что теперь Игорь Сергеевич получил наследство от богатого дядюшки и я слышала, что он переехал жить в Москву. И работает в Правительстве. Я сейчас возвращаюсь к своему бывшему мужу. Он меня простил. Говорит, что сейчас не пьет. За детьми скучает.

Вспоминая ни то мужа, ни то Игоря Сергеевича, Лида заплакала над своей судьбой.

Кате стало ужасно жаль ее. Она обняла девушку еще раз и сказала ей: «Лида, просто ты очень хороший человечек и тебя очень любит Бог. Он просто тебя уберег от этого человека. Значит, твое счастье еще не пришло к тебе. Скоро у тебя и у твоих детей будет все очень хорошо. Ты только верь в лучшее, и все обязательно сбудется. Иногда мы думаем, что все кончено, что все очень плохо, но проходит время и мы понимаем, что все это было для того, чтобы мы потом увидели, что все лучшее – впереди! Поэтому ни в коем случае нельзя унывать. Нужно жить дальше. Конечно, детям будет лучше с родным отцом. Ты правильно делаешь, что возвращаешься. Вот увидишь, раз ты уже хлебнула из этой чаши неприятностей, то впереди тебя ждет только счастье! Так всегда бывает, жизнь, что матрац, – полоса черная, затем белая. Но белая всегда шире…

Лида внимательно слушала, что говорит ей Катя и казалось, даже смогла увидеть свое прекрасное будущее, которое приготовила ей судьба. Она, улыбнулась, обняла Катю, поблагодарила за добрые слова, попрощалась с нею и быстро побежала в кассы аэрофлота за билетами в свою лучшую жизнь…

Глава 39

Новый год справляли весело! Никита с Андреем пришли с моря, привезли очень много подарков. Рейс у них был недолгий, – всего три месяца и вся дружная компания собралась снова за одним столом.

Друзья смеялись над Сережиными шутками. Неиссякаемый юмор Сергея был настолько искрометен и необычен, что лучшего праздника никто не мог подарить.

Стол накрыли в большой зале. Елку нарядили на кухне, танцевать бегали туда же. Яна была в приподнятом настроении, потому что она именно в этот день должна была перевезти оставшиеся вещи, так как они, наконец – то, уходили с Андреем на новую съемную квартиру.

Как всегда жены моряков все делали сами, потому что мужчины были в море. Женщины исполняли роль и пап и мам в одном лице. Вот и Катя с Яной, нагрузившись, перевозили часть вещей вдвоем. Такова участь морячек. Это своего рода такая когорта современных декабристок. Не каждая женщина согласилась быть все время одна, пока муж зарабатывает деньги. Многие не выдерживали.

Участь моряков тоже была тяжелой. Постоянная психологическая давка на весь организм. Долгий период пребывания в закрытом помещении парохода, как в консервной банке, которую бросает из стороны в сторону. А куда деваться?! Приходилось терпеть жесткое и непредсказуемое поведение моря. Конечно же, доля риска присутствовала в каждом рейсе. Страх перед стихией, ощущение беспомощности, когда ты оказываешься один на один с огромными многометровыми волнами в шторм, заставляет признать ничтожность твоего бытия.

Все это очень влияет на физическое и психическое здоровье моряков. Постоянная адаптация к жизни то на берегу, то в море, то к детям, то к жене, то к друзьям, то к родственникам, а по большому счету, к самому себе, очень изматывает надорвавшийся испытаниями здоровый мужской организм.

Но это было не самое страшное. Самое страшное было то, что жизнь проходила как будто мимо. События происходили без твоего присутствия, – рождение детей, первые их шаги, поход в детский сад, женитьба детей и внуков. Все проходило мимо тебя. А ты всего лишь машина по зарабатыванию денег.

Самое обидное, что морякам все равно завидуют, думая, что у них огромные зарплаты, а на самом деле, большая цифра, полученная за все месяцы пребывание в море, очень быстро

превращалась в маленькую смешную цифру, когда ее делишь на все месяцы пребывания на берегу и в море. Денег семье не хватает, чтобы сводить концы с концами.

Яна сидела и как раз этим занималась, – подсчитывала, кто же получает все – таки больше? Она или Андрей?

– Почему мне нужно всегда делать все самой? – возмущалась она. – Даже посчитать выгоду от работы в море и на берегу.

– Ребята, я понимаю, что вы мне помогаете, но я очень хотела бы, чтобы Андрей находился всегда рядом со мной. Чтобы была нормальная семья. Чтобы мы все делали вместе, – говорила Яна, строго глядя на своего любимого. – Я очень хочу жить как все. Детей растить вместе, и переезжать вместе, и ужинать, и завтракать вместе.

– Так, хватит хандрить, – обнимая подругу, сказала успокаивающе, Катя. – Нам всего и всегда мало. Даже если муж будет рядом, мы обязательно найдем другую причину для переживаний. Посмотри, Андрей пришел с моря с красивыми подарками из заморских далей, а ты опять раскисла. Скоро дом достроится и вы квартиру получите. Потом деток нарожаете, внуки пойдут, правнуки. Вот, оказывается, сколько перспектив впереди! Годы так быстро летят, что не заметим, как следующий новый год наступит и мы вот также все вместе будем его праздновать в твоей новой квартире! Баб Маня, правильно я говорю? – спросила Катя у хозяйки квартиры, которая стала им подругой. – И вы с нами вместе будете встречать уже XXX век!

– Ничего себе, перспективка?! Я квартиру получу, аж, в XXX веке! – замахала руками Яна. – Да пошла ты, знаешь куда с такими прогнозами, еще подруга называется! Поддержала, нечего сказать!

– А мне нравится, – сказала баба Маня. – Я уже к вам привыкла, вы мне как родные стали. Чего уж там живите со мной сколько хотите. Я не против еще и в какой – н том веке пожить. Никита улыбался, глядя на баб Маню, представляя, как она будет зажигать еще в следующем веке.

– Ребята, давайте танцевать! Разрешите пригласить на танец вашу девушку, – любезно обратился к Никите Сергей. – Он нежно взял Катю за руку.

– Нет, нет, пригласи лучше Яну, – запротестовала Катя. – Видишь, у нее плохое настроение. Ни у кого не получиться поднять ей настроение лучше, чем у тебя.

– Так! Никакой самодеятельности! Я ваш гость и ты как, гостеприимная хозяйка, не должна меня обижать, пойдем танцевать, – сказал Сергей улыбаясь.

Сергей настоял на своем и стал кружить Катю в вальсе.

Танцуя с Катей, он старался приобнять ее сильнее. Руки у него почему – то очень дрожали. Катя знала о симпатии, которую к ней испытывал Сергей и ей всегда было не очень приятно, что она ему нравится, как женщина, а не как подруга.

Лично она очень хотела просто дружить с ним. Она видела в нем старшего брата, которого у нее никогда не было, надежного друга, которого хотела иметь, но, никак не мужчину. Сложившиеся отношения у нее с Никитой были настолько серьезными, что она могла предложить Сергею только дружбу.

Никита был намного моложе Сергея. Не имел опыта в отношениях и интригах. Он даже не заметил, что Катя очень нравится Сергею. Он не знал, что Сергей предлагал Кате выйти за него замуж и уехать с ним из Мурманска. У Сергея была мечта – купить домик на берегу Азовского моря и жить там тихо и спокойно с любимой женой. Он всегда знал, что никогда не будет ходить в море, если женится на любимой девушке. И всегда поддерживал Яну в споре о том, что и на берегу можно заработать намного больше. Ему не нравился Никита. Он считал, что Катя достойна лучшего. Сергей не хотел понимать и признавать того, что она была влюблена в Никиту по – настоящему.

– Ты рано или поздно разочаруешься в нем, – говорил он ей всегда.

Вот и сейчас, танцуя с нею, он шептал ей на ухо: «Катя, я очень тебя люблю. Никита тебе не пара, понимаешь. Ты заслуживаешь лучшего. Он грубый, необтесанный мужлан. Он не может оценить по достоинству настоящую женскую красоту. Тебе нужен – я. Ты молодая и еще не можешь сделать правильный выбор. Я тебе обещаю, я буду очень хорошим мужем».

– Хватит, Сергей, я очень хорошо к тебе отношусь, но я люблю Никиту, понимаешь. Я не хочу тебя обманывать и давай прекратим этот бессмысленный разговор.

Катя подошла к магнитофону, перевернула кассету и весело сказала:

– Давайте танцевать быстрый танец!

Она подбежала к баб Мане, стала приглашать ее танцевать и они вместе с нею пошли плясывать русско – народный реп.

Сергей сел за стол и стал по – дружески разговаривать с Никитой. Он говорил, что Никите очень повезло, что его любит такая девушка. Что нужно очень много зарабатывать, чтобы сделать ее счастливой. А за разговором, все больше, подливал и подливал Никите в стакан спиртное.

Катя просила Никиту не пить много. Она понимала, что Сергей это делает специально. Но Никита, хотел выглядеть взрослым мужчиной и не хотел никого слушать. Ему было очень

весело и уютно в этой компании. В результате, Сергей напоил Никиту да такого состояния, что тот упал и уснул замертво.

Баб Маня ушла к себе домой. Яна, разозлившись на всех и на своего пьяного Андрея в том числе, стала выговаривать Сергею, что он зря напоил рабочую силу в виде Никиты.

– Мы с Андреем не дотащим все оставшиеся вещи. Нужно еще телевизор мне отвезти на новую квартиру и коробки с вещами оставшиеся.

– Вообще, зачем ты его напоил, ты же знаешь, что вы должны были везти мне телевизор на квартиру?

– Ничего страшного, – сказал Сергей. – Мы сейчас с Катей тебе поможем, да и заночуем у тебя, правильно, Катя?

– Нет, неправильно. Хотите, обижайтесь, хотите, нет, а я Никиту одного не оставлю. Я вызову такси, заплачу таксисту, чтобы он помог донести вам телевизор и вещи. Не переживай, Яна, все сейчас сделаем.

– Я тебя очень прошу, уже утро, давайте чуть поспим здесь, а завтра отвезем твой телевизор, – стал упрашивать Яну Сергей.

– Нет, я хочу домой и спать, – капризничала Яна. – Андрей, вызывай такси, поехали! – распоряжалась Яна. – Серега с Андреем забирайте телевизор, Катя выноси все коробки из комнаты, все вещи несите в такси, – сказала она командным тоном.

Как только они уехали, Катя подошла к Никите и начала его будить. Она очень боялась, что Сергей вернется.

– Хватит спать, сейчас придет Сергей и будет опять ко мне приставать. – Давай, вставай, пожалуйста, Никита, ну вставай, пожалуйста, – упрашивала Катя спящего друга. – Я тебя очень прошу, просыпайся!

Она трясла его, поливала водой и била его по щекам, но Никита спал мертвецким сном и ничто и никто не мог его разбудить.

Дверь открылась и Сергей вошел в квартиру. Катя почувствовала себя неуютно и поняла, что выпивший товарищ опять начнет объясняться ей в любви.

– Серега, уже поздно, вернее рано. Почему ты не поехал домой?

– Кать, ну, послушай меня, выходи за меня замуж. Только я смогу сделать тебя счастливой. Зачем тебе вот этот алкаш? – и он брезгливо показал на спящего Никиту.

– Если ты не хочешь со мной поссорится, то ты больше никогда не будешь говорить мне о своих чувствах, – категорично заявила Катя.

В дверь позвонили и одновременно со звонком ввалилась в квартиру Лариса, соседка из квартиры напротив. Она была

хорошо навеселе. Девушка подошла к спящему Никите и сказала, вернее несвязно произнесла: «Никита, можно на тебя положиться?».

И вдруг совершенно трезвый Никита говорит ей, – Ложись, Лариса, тебе можно! Если тебе, конечно, это поможет.»

Все дружно засмеялись.

– Никита, ты что претворялся пьяным? – спросила удивленная Катя.

– Да. Я просто не хотел никуда ехать, – сказал Никита. – Прости Серега, спасибо за компанию. Вот, познакомься, наша соседка, Лариса, очень хорошая девушка, к тому же одинокая, как и ты. Можешь рассматривать ее кандидатуру в жены, а Катя, извини, уже замужем. До свидания, иди, помоги девушке – соседке, а нам с женой пора ложиться спать.

И на правах хозяина, Никита стал провожать гостей к двери. А Катя смотрела на него и думала, что она совсем его не знает. Что же он так хорошо играет свою партию. Он настоящий актер и где он этому научился. Странно, но этот его поступок немного насторожил Катю.

Глава 40

Зима была очень суровая, впрочем, как и всегда! Снега выпало столько, что домов не было видно из – за сугробов. Дорожки прокапывали к подъездам, как тоннели и люди сновали по траншеям туда и обратно. Если посмотреть сверху, можно увидеть, что люди похожи на муравьев, которые бегают по лабиринтам жизни, испытывая судьбу.

Казалось, бежит человек в правильном направлении, прибежал, смотрит, а там тупик. Человек разворачивается и бежит обратно, увлекшись, пробегает нужный поворот. Опять загружает себя ненужной работой, ненужной беготней по ненужным коридорам ненужного лабиринта… И так может пробегать всю жизнь, не найдя нужного поворота и нужного направления.

То ли Катя на себя много взвалила. То ли бегала по ненужным коридорам жизни. То ли не рассчитала своих физических возможностей, потому что хотела заработать побольше денег на свою собственную квартиру. Но так или иначе, она подорвала свой истощенный нагрузками организм, и попала в больницу с двухсторонним воспалением легких.

Никита очень испугался за Катю. Он каждый день приезжал к ней в больницу. Однажды он приехал как всегда навестить ее, но был чем – то встревожен и все время отводил от нее взгляд.

Катя пристально посмотрела ему в глаза и спросила: «Что случилось, Никита? Ты заболел? Почему ты бледный? У тебя все нормально?».

– Катюша, я не знаю, как тебе сказать, – начал Никита осторожно. – Но, похоже, Яна тебе совсем не подруга.

– А что случилось Никита.

– Понимаешь, вчера к нам домой пришла Яна. Я очень удивился, почему она пришла? Ведь она знала, что ты попала в больницу. Ну я ее пустил в квартиру, налил чая. А она сидит и сидит у нас. Я стал ее расспрашивать про Андрея. Она рассказала, что он опять ушел в море и как всегда злилась на него, на нашу профессию, жаловалась на судьбу, что ей вообще надоело ждать и все такое.

А потом вдруг заявляет, что уже поздно, и попросилась у нас заночевать? Я, говорит, лягу в своей бывшей спальне. Ну, я сказал ей, что, конечно, она может остаться, ведь страшно идти домой одной, а мне провожать не очень хочется. Ну, вот она легла, а среди ночи я проснулся от того, что мне что – то мешает спать. Я даже испугался, когда понял, что Яна залезла ко мне в кровать. И

не просто залезла, а стала приставать ко мне. Гладит меня и говорит: «Я тебе обещаю, что Катя ничего не узнает, ведь мы с тобой все – равно муж и жена, поэтому нам можно».

Меня, честное слово, затошнило, я взял и столкнул ее с кровати и сказал, что все расскажу Кате. Я возмутился, закричал, что она вообще тебе не подруга, открыл дверь и крикнул: «Пошла вон отсюда!»

Но я до сих пор, не могу отойти. Сразу и Машку вспомнил. Почему они все ко мне пристают. Ведь должны мужики приставать, а не бабы. Какие все-таки подлые бывают женщины, – сказал Никита вздыхая.

Катя чуть не расплакалась. Не ожидала она такого предательства от подруги. Ей было больно все это слушать.

– Никита, ты поступил верно, ты настоящий мужчина. Мне неприятно терять подругу, но получается она ею никогда и не была. Это ее грех. А мы все будем отвечать только за свои грехи. За чужие грехи нам точно отвечать не придется. И это хорошо, потому что нам нужно успеть в этой жизни в своих грехах разобраться и попросить за них прощение.

– Катя, тебе плохо? Ты стала совсем бледная. Вот я дурак. Зачем тебе рассказал. Я не хотел тебя расстраивать, не хотел тебе ничего говорить, но не выдержал и рассказал. Извини, я еле до утра дотерпел. Мне просто было необходимо с тобой поделиться. Я думал, что она может что – нибудь тебе наговорить на меня специально, чтобы ты мне не поверила. Я так боялся опоздать.

– Ничего, Никита, ты все правильно сделал. Мы же с тобой договорились все друг другу рассказывать. Мы же настоящие с тобой друзья, правда? – обнимая своего молодого человека, сказала Катя. – Спасибо тебе большое, что правду открыл на этого человека. А то бы я дальше жила и ничего не подозревала.

– Черкашина, в процедурный на уколы! Бегом! – прокричала медсестра, пробегая мимо влюбленных. – Хватит обниматься и целоваться.

– Ну ладно, я побежала, – сказала Катя Никите. – Я тебя очень, очень люблю, пока, скоро буду дома! Не скучай!

После укола, не успела она выйти из процедурного кабинета, как услышала такой чужой, далекий голос. Это был голос уже бывшей подруги.

– Катя, я тебе апельсиньчиков принесла. Когда ты выйдешь отсюда? Тебя скоро выпишут? А то я уже скучаю за тобой.

– Да я уже это поняла, что ты не только за мной соскучилась, не только за Андреем, а еще за моим молодым человеком, – ледяным голосом произнесла Катя. – Честно сказать, мне меньше всего хотелось видеть именно тебя, моя дорогая бывшая подруга.

Прощай и запомни, что у тебя больше нет знакомой Кати. Прощай, – сказала она уходя.

– Катя, Катя, подожди. Я тебе сейчас все объясню. Понимаешь, если честно, я только хотела его проверить, больше ничего. Думала, проверю, тебе расскажу, стоит за него выходить замуж или нет.

– Яна, перестань, пожалуйста. Я тебя об этом просила? И вообще, хватит врать. Мне и слышать тебя неприятно и видеть, прощай.

– Дура, – крикнула ей вслед Яна. – Ты еще об этом пожалеешь, придурашная ты. И Никита твой дебил. Пошли вы знаешь куда оба! Вы все равно жить не будете. Вот запомни мои слова. Если хочешь знать, он почти согласился, я сама его отослала подальше. А мы с Андреем будем жить долго, вам на зло! Он не поверит, если ты ему вздумаешь что-нибудь рассказать.

Катя уходила от бывшей подруги, даже не обернувшись в ее сторону. Кроме сожаления и жалости к ней она больше ничего не чувствовала.

«Вот он лабиринт жизни, – думала она. – Опять кто – то повернул не в тот поворот. В этой жизни никто никому ничего не должен. Самое интересное, что все, что с нами происходит, происходит не просто так. Люди, которые встречаются у нас на жизненном пути, они даны нам Судьбой. Поэтому многое, что с нами происходит, как нам кажется, не заслуженно, на самом деле мы получаем, за дело. Просто мы не понимаем, за какое? Иногда мы догадываемся, иногда не хотим знать, что нам самим ничего на этой земле не принадлежит, кроме наших грехов, которые мы накапливаем всю свою жизнь, накапливаем и забираем с собой в следующую жизнь. А потом задаем вопрос Создателю: «За что мне такая жизнь?! За какие грехи?! Да, за те, что накопили.».

Глава 41

Ранним весенним утром солнце на севере находилось очень высоко и светило так ярко, что рябило в глазах! За полярным кругом все сверкает от белого – белого снега, переливаясь всеми цветами радуги. Хотя снег даже и не думал таять, на север все – равно пришла весна! Вокруг наполнилось все ароматами! Кажется, вот – вот побегут ручейки и запахнет подснежниками и фиалками.

«Весна, весна!» – кричит ветер прохожим
«Весна, весна!» – подпевают ему чайки.
– Весна, весна! – подхватывали прохожие.

На улице март месяц, значит на юге уже тепло. На севере тепло только витает в воздухе, потому что весна витает в наших сердцах и оживает в наших душах. Хочется снова смеяться и любить. От пьянящих запахов весны кружится голова. Улыбающиеся прохожие спешат на работу и радуют друг друга своими счастливыми лицами.

Катя весело забежала в редакцию. У всех сотрудников было очень хорошее весеннее настроение. Все находились в ожидании отпуска и жаркого лета! Весной все готовятся уезжать и дети и взрослые и поэтому весна – самое любимое время года у северян. Общие сборы на юг. Настроение у всех веселое и весеннее. Ученики в ожидании лета перестают серьезно относиться к учебе, потому что весна пахнет приближающимися каникулами! Родители тоже остаются школьниками в душе на всю жизнь, – ощущение каникул остается в памяти подсознания навсегда.

– Привет, тетя Глаша, – весело поздоровалась Катя.

– Привет, привет раз не шутишь, – улыбаясь, ответила бессменный постовой на вахте. – Катюха, тебя, кстати, там уже заждались. Молодой, интересный товарищ.

– Интересно, интересно. Кто это может быть? – Никита дома спит, а больше у меня никакого молодого интересного нет. Вы же знаете все обо мне, тетя Глаша!

– Ну, не знаю, может Янкин какой друг, но спрашивал почему – то тебя…

– Здравствуй, Катя. Это я тебя спрашивал, – сказал подружка Сергей, беря ее за руку и отведя в сторонку. – Мне очень нужен репетитор. Я хочу пойти в море на английском судне. Вообще, я немного знаю английский, но эти знания нужно освежить.

– Слушай, Серега, что ты еще придумаешь? – улыбнулась Катя.

– Ничего, выходи за меня замуж! – опять предложил Сергей.

Катя посмотрела на него серьезно.

– Еще раз так скажешь, больше меня не увидишь никогда, понял? – строго произнесла она. – А хочешь английский освежить, придешь ко мне в Школу моряков. Будешь учиться со всеми, только бесплатно, потому что ты мне еще пока друг.

– Эх, Катя, ну почему я тебе раньше не признался в любви? Не успел и откуда этот Никита взялся. Все раз не хочешь, тогда я на Лариске женюсь.

– Правильное решение, между прочим, Лариса очень хорошая девушка. Она и готовит и печет хорошо. Она лучше меня, я тебе правду говорю. А меня ты просто придумал, понимаешь? Давай, долго не раздумывай, женись на Ларисе, а то можешь прозевать свое счастье, – сказала Катя и подмигнув Сергею, открыла перед ним дверь и выпроводила на улицу.

– Ой, сваха ты наша, сваха, – качая головой, подхватила тетя Глаша. – Ты когда перестанешь людей сватать?

– Но, это нужно кому – то делать, теть Глаша? Представьте, ходят люди мимо друг друга и не видят, что это их половинки. И нужен такой человек, который просто подтолкнет их и соединит. Люди остановятся на мгновенье, посмотрят по сторонам, увидят свои половинки И будут счастливо жить. Вот как мы с Никитой сколько времени потеряли, пока поняли, что мы половинки одного целого. А если бы кто подсказал и подтолкнул, сколько бы несчастий мы пропустили. Ведь вдвоем всегда легче бороться с трудностями, правильно?

– Это, конечно, правильно. Ну чтобы понять, что вы две половинки, нужно с человеком жизнь прожить, а потом говорить, что мы половинки одного целого. Посмотрим еще, что твой Никитка вытворит за свою семейную жизнь.

– Тетя Глаша, вы такая подозрительная. Вас муж, наверное, обижает.

– Нет, уже не обижает, я его ликвидировала. Ты думаешь, что я тебе просто так говорю. Я тоже думала, что мы с ним всю жизнь за ручку под гармошку ходить будем. Ан, нет, бросил меня и ушел другую половинку примерять.

– А мой Никита не такой! Скоро мы поедем с ним в наш первый отпуск. Сначала к его родителям, а потом к моим, приедем, я расскажу какой он замечательный!

– Не дури, Катюха. Сначала нужно к своим родителям его везти. Потом уже к его. Деньги нужно ведь твоей маме отдавать за квартиру, а не его. Кинут они тебя, точно кинут, Катька, –

строго помахав пальцем, сказала тетя Глаша.

– Нет, не кинут, мы жить будем вместе. Значит, за жилье платить тоже будем вместе. Это будет правильно. Поэтому, какая разница к кому мы первому поедем, правильно? Ведь все равно, все поровну. Деньги и долги, ведь так или я не права? В горе и в радости нужно быть вместе. Так, кажется, в Загсе говорится?

– Когда ты поумнеешь, Катюха? – махнув рукой, произнесла тетя Глаша. – Вот с Янкой что не поделили? Почему опять не разговариваете? Я так думаю, что вы зря это делаете. Может Янка в чем – то не права. Но тебе нельзя быть такой категоричной. Ходишь и вообще не замечаешь ее. Она ведь переживает и видно очень переживает, потому что виновата видно перед тобой. Но ты тогда вот что сделай. Ты ее прости, потому что гордыня тоже большой грех. Простить очень сложно бывает. Но прощать нужно. Иначе будет ее грех – твоим. Ведь говорится в Библии, – возлюби врага своего как себя самого. Ты не бери ее грех на себя. Прости и помолись за нее. Дай мне слово, что помиритесь. Вы так хорошо дружили. Я старая тоже за вас переживаю очень. Не расстраивайте меня, – вытирая слезу, сказала пожилая женщина.

– Не переживайте вы так. Я и не знала, что вы так расстраиваетесь за нас. Я обязательно помирюсь с Яной. Я думаю, что все уже забылось и обиды ушли. Я попробую простить ее, поглаживая по руке тетю Глашу, – сказала Катя. – Я вам обещаю, что сегодня же и помирюсь. Ладно, я побежала на работу, а то опоздаю точно. И будет мне выговор. Я побежала мириться, не расстраивайтесь Глафира Андреевна, я вам обещаю!

– Привет, – услышала она за спиной, оглянулась и увидела Яну, которая выходила с документами из кабинета шефа. Она подошла к Кате, как будто ничего и не было. Видно тетя Глаша обработала ее также.

– Привет, – улыбаясь, сказала Катя. – Шеф буйствует перед планеркой?

– Еще как! Сказал, что все будут отчитываться о проделанной работе за неделю.

– А я тоже буду отчитываться? – спросила Катя. – Я скажу, что я корректировала только первую полосу и последнюю, потому, что остальное не читают в вашей газете.

– И еще скажи, что ты полностью переписала его собственную статью и ему очень понравился стиль, он даже удивился, что может так писать, – смеялась Яна.

Они, смеясь, продолжали фантазировать над этой темой и постарались побыстрее забыть о том грехе, который возник в их отношениях. Они решили больше никогда о нем не вспоминать.

– Приходите в гости с Никитой. Скоро Андрей придет с

моря, – сказала Яна. – Андрей очень обрадуется. Да и мы с тобой хоть вдоволь посплетничаем на кухне и, подмигнув Кате, она радостная побежала созывать всех на планерку.

Катя легко вздохнула и сказала сама себе:

«А все – таки, когда отпускаешь обиду, легче становится. Честно признаться, я ведь за Яной соскучилась! Ну еще бы, столько вместе пережили! Думаю, я уговорю Никиту и он тоже ее простит. Да с Андреем перестать общаться из – за отвратительного поступка его женщины не стоит. Ни одна женщина не сможет мужскую дружбу сломать, если она настоящая! Обязательно пойдем, сходим к ним в гости. Зачем эти скандалы? Ведь жизнь такая короткая. А умение прощать – это самый лучший Божий дар».

– Катя быстро иди ко мне в кабинет, – закричала Раиса Степановна. – Короче, на следующей неделе, вы идете с дедом в Загс, – добавила Раиса Степановна шепотом.

– Ой, а я и правда забыла, хорошо хоть вы вспомнили, – сказала Катя. – Неужели на следующей неделе я буду со своим жильем.

– Конечно, будешь, куда ты денешься?!

– Я приближаюсь к своей мечте! Мне даже не верится, Раиса Степановна, – радостно бросилась обнимать ее Катя. – Я очень хочу жить в своей квартире. Я так долго об этом мечтала. Ура! Ура! – подпрыгивала она.

– Да хватит прыгать, – одернула ее Раиса Степановна. – Пусть мать твоя не переживает. Позвони ей! Иначе не въедешь. Как только получите роспись в паспорте, так сразу пойдете в ЖЭК с моим дедом. Он тебя пропишет в квартиру, как свою жену, так что пусть мать готовиться расписку отдать. Мы с дедом сразу, как тебя пропишем, на следующий день уедем на юг, а вы с Никитой переедите в собственную квартиру.

– Ура! Я побежала звонить маме. Сейчас у шефа отпрошусь, сошлюсь на болезнь и побегу звонить, – радостно сказала Катя.

Глава 42

Телефонный звонок разрывался, Катя не успевала подбежать, пока выбегала из ванной комнаты.

– Господи, что могло случиться?! Почему люди так долго звонят? Я всегда боюсь этих длинных звонков, они как предупреждение о чем – то плохом. Ночные звонки и долгие звонки меня всегда пугают, – думала Катя, выбегая из ванны. – Бегу, бегу, – проговаривала Катя на ходу, – заворачиваясь в полотенце и обращаясь к разрывающемуся телефону.

– Алло, что случилось, Раиса Степановна? Как не хочет жениться? А как же квартира?

– Да я, Катенька, уже и кричала на него и упрашивала, а он все твердит, что ему не в чем идти в Загс, будто он и впрямь жених. Пожалуйста, приезжай, уговори его. Я больше не могу, я точно его убью.

– Хорошо, Раиса Степановна, я еду к вам. Сейчас оденусь и приеду.

– Катя, что случилось? – спросил вошедший с улицы Никита. – Почему ты срочно выезжаешь к Раисе Степановне?

– Никита, короче, Федор Михайлович отказывается на мне жениться, потому что ему не в чем идти в Загс.

– Он что в свадебное одевается? Во фрак или в смокинг? А ты у меня, – бесприданница, идешь в Загс в одном полотенце. Ой, как нехорошо получается. Ты ему скажи, когда придешь: «Где мое свадебное платье, Федор Михайлович? Вы купили мне свадебное платье. Я не пойду с вами в Загс».

– Никита, ну хватит шутить. Мне сейчас не до веселья. А вдруг сделка из – за него сорвется и не видеть мне квартиры в Мурманске, да и тебе тоже, еще лет десять. Можно подумать, мне очень хочется опять переживать эти минуты позора. Лучше пережить минуту Славы, чем секунду Позора. Ой, что – то я волнуюсь тоже, мне не хочется идти в Загс совершенно. Представляю, как эти девушки в неравных браках борются с тошнотой, когда идут в Загс. Здесь брак фиктивный, а неприятно и даже страшно. Я как вспомню, как они все на меня смотрели в тот день, когда мы заявление подавали, ужас!

– А ты думаешь, мне с Янкой было очень приятно стоять в Загсе. Может, ну ее эту квартиру. Давай и дальше жить у баб Мани, – сказал Никита, обнимая Катю.

– Нет, нет, я выдержу, я потерплю. Господи! Помоги мне, пожалуйста. Сделай так, чтобы ни одного человека в Загсе не было. Помоги, пожалуйста и Катя перекрестилась на «Икону Всех

Святых», которую ей подарила Бабушка Маня.

Выскочив на улицу, Катя даже не заметила, что начиналась метель и, сопротивляясь сильному порыву ветра, упираясь в ветряную стену, которая мешала Кате сделать хотя бы шаг, она медленно продвигалась к остановке. Катя с огромным усилием продвигалась навстречу своего будущего, которое как маяк звало ее и указывало в каком направлении нужно идти. Полярная ночь прекрасна в освещении фонарей. Но когда сильно метет снег, то свет становится матовым и белые снежинки, кружась в такт завывания ветра, не дают даже видеть, куда нужно идти. Не видно вообще никого и ничего. Только вздрагиваешь, когда из – под земли вырастает то один, то другой прохожий. Лиц не видно совсем. Видно только силуэты, меняющиеся с высоких на маленьких, с толстеньких на худеньких. Все бегут по своим делам. Никто ни на кого не обращает внимание. У каждого своя цель и каждый идет к ней своей дорогой, которая пролегает у него в душе.

Подойдя к троллейбусной остановке, Катя облегченно вздохнула, потому что порывы ветра тоже шли вместе с ней. Она остановилась и ветер стал рядом в ожидании троллейбуса, она поднялась на ступеньку троллейбуса, и ветер как джентльмен, помог войти, подав руку и ласково помахав на прощание…

– Катенька, как хорошо, что ты приехала, – с порога начала причитать Раиса Степановна. – Посмотри на этого старого жениха, олух царя небесного, не пойду, говорит, позориться, мне не в чем. Посмотри на него, он поправился и ничего не налазит на него. Я ему и брюки расточила. Посмотри, ведь нормально же.

Катя чуть со смеху не покатилась, когда увидела на черных брюках вставленный клин из белого материала.

– Так, Федор Михайлович, хватит капризничать. Все очень замечательно. Повернитесь, пожалуйста, – командным голосом сказала Катя.

– Да что там повернитесь?! – закричал «жених». – Посмотри, ремень на брюках все – равно не сходится.

И он повернулся к двум женщинам, держа брюки руками, пояс от которых находился в двадцати сантиметрах друг от друга.

– Так, без паники! – сказала Катя уверенно. – Раиса Степановна, у вас будет кусочек материала или пояс от халата? Вы, Федор Михайлович, не переживайте. Сейчас проденем в петельку вот эту веревочку с одной стороны, завяжем вокруг пуговицы с другой стороны, вот так и никуда ваши брюки не денутся. А сверху наденем пусерочек длинный. Я знаю точно, что он у вас есть. Я видела, как Раиса Степановна его вам покупала. Правильно, Раиса Степановна?

– Точно! Я же покупала, когда к нам приезжали на работу торгаши из Белоруссии. Ты еще Никите купила, а я увидела и своему тоже захотела купить, еще размер взяла самый большой, помнишь? Вот он.

Она достала из шифоньера пуловер и стала натягивать его на мужа.

– Отлично! – расхваливала Катя, рассматривая престарелого жениха. – Вы, жених, значит в обновках в Загс, а я, бедная невеста, во всем старом, – нарочито плача стала приговаривать Катя.

– Ну хватит меня срамить, а то передумаю идти в Загс, останешься в девках, – проговорил довольный обновками Федор Михайлович.

– Ладно, поехали, поехали, а то опоздаем, – подхватила Раиса Степановна.

– А ты куда собралась?! Давай готовь мне покушать. Мы быстро с Катей сходим, поженимся и обратно придем. Нечего тебе там ходить светиться, догадаются еще, что брак фиктивный.

– Ой, можно подумать и так не видно. Ты себя все молодым представляешь. Забываешь, что ты уже далеко старый. Ладно, идите молодожены в Загс. Никита ведь невесту тоже дома ждет? – спросила, смеясь, Раиса Степановна.

– Да, – засмеялась Катя.

Войдя в Загс, Катя подумала: «Наверное мне показалось, что в Загсе вообще никого нет». До того было тихо и спокойно. Ни одного человека, кроме них в Загсе не было.

«Господи, неужели ты мне специально так сделал, чтобы в Загсе никого не было, как я и просила?» – подумала Катя.

Оглядевшись по сторонам, Катя удивленно посмотрела на Федора Михайловича. Тот похоже вообще ничего вокруг себя не замечал. Он ходил взад и вперед, держа руки за спиной и ворчливо бормотал что – то себе под нос. Видно был недоволен, что зрителей нет. Он так тщательно собирался в Загс. Надеялся концерт закатить перед публикой молодоженов, но в Загсе стояла гробовая тишина.

– Господи, спасибо тебе большое, что избежала позора, – сказала Катя шепотом. – Как хорошо, что в Загсе вообще никого нет.

– Молодые люди, вас регистрировать в торжественном зале или не в торжественном? – спросила подошедшая женщина и удивленно посмотрела на Катю.

Ведущая церемонии видно пыталась вспомнить, где она раньше могла ее видеть.

– Нет, спасибо, – тихо произнесла Катя, опустив глаза. – Нам не в торжественном зале, пожалуйста, если можно.

– Хорошо, – понимающе улыбнулась работник Загса, глядя на Федора Михайловича. – Проходите, пожалуйста, молодожены, еле сдерживая смех произнесла она. Федор Михайлович как раз в это время остановился и отрешенно смотрел в другую сторону.

– Федя, пойдем, – робко произнесла Катя, боясь, что Федор Михайлович опять передумает жениться. – Пойдем, нас приглашают в зал, – повторила она.

На что «жених» опять никак не прореагировал. Потихоньку взяв его за рукав свитера, Катя потрясла его и сказала: «Федя, нас приглашают в зал».

И тут громко во весь голос Федор Михайлович как закричит:

– Что, уже пора идти?!

И вытаскивая вату из ушей, обратился к приглашавшей сотруднице Загса:

– Вы понимаете, на улице такой ветер. Я всегда вату в уши заталкиваю, чтоб не дуло. А то знаете как бывает? Надует и мучайся потом с ушами.

– Правильно нужно беречься, уже не сдерживая смех, произнесла женщина. – Вы ж молодожен! Вам обязательно нужно беречь уши. Проходите, пожалуйста на роспись.

Так же смеясь, она произнесла свою рабочую торжественную речь в торжественном зале. Регистрация брака прошла очень быстро. На прощанье работник Загса пожелала счастья молодой невесте.

– А вам, жених, здоровья с молодой женой, – все также смеясь сказала она. – Берегите уши, – засмеялась ведущая церемонии.

Видно было, что за годы своей работы она понасмотрелась на разных брачующихся.

Но Катю и «уши» Федора Михайловича, она точно не забудет никогда. Понимающе подмигнув Кате, женщина проводила их до дверей, сказав на прощанье: «Вы, жених, вату не забудьте засунуть обратно. На улице такой сквозняк!».

– Спасибо большое, что напомнили. Здоровье прежде всего, – важно ответил Федор Михайлович.

Как только они вышли на улицу, «жених» взял Катю под локоть и сказал совершенно серьезно: «Ну, что жена, пойдем в гостиницу, брачную ночь отпразднуем».

И Катя вдруг вспомнила стихи Сергея Острового: «В жизни по – разному можно жить! В горе можно и в радости. Вовремя есть, вовремя пить, вовремя делать гадости…».

А в слух сказала:

– Федор Михайлович, вот я сейчас позвоню Раисе Степановне

и расскажу, что вы мне тут предлагаете, тогда посмотрим, чей вы завтра будете муж.

– Да ладно, не хочешь и не надо, будем считать, что я пошутил, все также серьезно, – сказал «жених» и, пожав Кате руку на прощание, они разошлись в разные стороны.

В редакции работа шла полным ходом. Все готовились к новому году. Кабинеты украшали гирляндами, самодельными снежинками, наряжали елку в актовом зале и у всех было предпраздничное настроение.

Праздничный номер на вычитку принесли еще тепленьким. В живую нужно было пробежать все статьи и объявления. Как всегда второпях делалось много ошибок, потому что тут и там нужно сократить текст и срочно поместить поздравление заслуженному работнику никому неизвестного подразделения. Критический материал необходимо выбросить из номера, а хвалебную оду обязательно поместить на первую полосу!

– Катя, давай быстрее вычитывай и отдавай шефу, пусть быстрее ставит свою неземную подпись, которую он любит больше всего на свете. И давай присоединяйся к нам. У нас сегодня маленький предпраздничный сабантуйчик. Да, кстати, а вы когда переезжаете в новую квартиру? – спросила Яна, прищурив один глаз.

– Да не знаю еще, Раиса Степановна сказала, чтобы я звонила по телефону и если никто трубку в квартире не возьмет, мы можем смело заезжать. Она так и сказала: «Если никто не ответит, значит уехали и квартира ваша, – ответила Катя. – Вот я и здороваюсь с Раисой Степановной каждый день и говорю ей, – «спокойной ночи» каждый вечер.

– А вдруг она вообще не уедет? – поинтересовалась Яна встревожено. – Зачем ей уезжать? Денег она с тебя взяла, квартиру вроде как продала. Потом будешь жить и с Никитой, и с ними. Дохаживать их будешь за свои собственные деньги, – продолжала ехидничать Яна.

– Значит, буду! Тебе – то что, до моей квартиры? У тебя стройка уже закончилась или так и стоит замороженная? – подхватила тон разговора Катя. – Яна, давай не будем гадать, – у кого квартира будет быстрее. Ты же за меня переживаешь? Вот и я за тебя тоже. Я так же как и ты, хочу, чтобы у тебя квартира получилась раньше, чем у меня. От души хочу, честное слово, – продолжала Катя.

– Ладно, Катюха, давай не будем. Я и правда хочу, чтобы у меня квартира была быстрее, чем у тебя. Думаю, так оно и будет. Только жить со мной ты не будешь, как я и тебе говорила, – опять язвительно произнесла Яна.

– Послушай, подруга моя сердечная, баб Маня была права, что плохие люди похожи. Ты мне очень напоминаешь Людмилу. – сказала Катя. – Почему в тебе столько злости? Почему ты так ненавидишь людей? Ведь у тебя ведь все в жизни замечательно и на работе тебя ценят. Что тебя не устраивает? Почему не живется спокойно? Где сострадание к ближнему?

– Ой, страдалица, – передразнила ее Яна. – У тебя тоже все есть, – И молодой человек, который тебя любит, и мамочка, что денег на квартиру дает, и работа, на которой тебя ценят. Что тебя не устраивает? Почему не живется спокойно? Хватит сострадать ближнему, вот в чем разница между нами. Я тебе не верю, что ты вся такая добрая. Всех жалеешь, всем помогаешь. Да ты со всего этого ищешь выгоду! Что я не права?! – подойдя очень близко к Кате, прошипела Яна. – Я не верю в людское сострадание и в бескорыстие не верю, – крикнула она в след уходящей Кате. – Ты все равно где – нибудь проколешься.

Катя ничего не сказала, только посмотрела с такой болью в глазах на подругу и ей действительно стало жаль ее.

«Как можно жить, никому не веря и подозревая всех и вся в фальши. А выражение лица было очень знакомое. Да это же «лицо зависти», – подумала Катя. – Точно! Никита как – то сказал, люди разные, а лицо у зависти одно. Зависть имеет лицо – это точно!».

Отнеся на подпись главному редактору газету, Катя засобиралась домой. Почему – то очень хотелось к Никите; он весь день собирал вещи в надежде, что новый год они все – таки встретят в новой квартире. Катя тоже метала о таком подарке судьбы. Ей очень хотелось иметь свое жилье, свое гнездышко.

Катя летела к Никите на всех парусах. Она торопилась помочь ему собрать вещи. На улице было тихо и спокойно: снежок, медленно танцуя, падал и напевал песенки. Белые, нежные снежинки убаюкивали Катю своим мягким падением с небес. Они ласково поглаживали Катино лицо, ресницы.

В переливах дневного освещения снежинки сверкали и радовали глаз своей красивой чистотой. Невольно хотелось улыбаться зиме. – такой понятной и близкой твоему настроению погоде. Катя бежала и радовалась любимому северу.

– Никита, привет. Ты хоть ел что – нибудь? – спросила Катя, открывая дверь. – Я купила колбаски вкусненькой и курицу гриль, – сказала она, забегая в квартиру вместе с облаком холода, как в русской бане, когда забегаешь в нее вместе с морозцем.

Ее всегда поражал этот пар, который вваливался бесцеремонно вместе со всеми, кто приходил из обледеневшего подъезда. Но это привилегия только квартир первого этажа и не

отапливаемых подъездов.

– Ты все уже собрал? Вот это ты молодец! Ты, наверное, вообще не приседал?

– Катя, было бы нам с тобой что собирать, мы пока еще не обросли большим имуществом. Вот будем жить в своей квартире, тогда и будем добра наживать. А сейчас, смотри, все уместилось в два чемодана и в три пакета, – засмеялся Никита. – А ты не звонила Раисе Степановне сегодня?

– Нет, что – то мне не очень хочется с нею опять здороваться. Может, ты позвонишь? – спросила Катя неуверенно.

– Давай, позвоню. Какой там у нас телефон? – с важным видом спросил Никита, набирая номер.

Послышались гудки, потом еще гудки, потом еще…

– Никита, клади трубку и через некоторое время позвонишь еще раз, – быстро проговорила Катя. – Неужели они уехали?! Они сели друг против друга и смотрели глаза в глаза, молча, боясь спугнуть удачу.

– Давай, позвоним еще раз, – попросила Катя, глядя на часы.

Телефон опять молчал, потом еще раз позвонили и еще раз и еще, еще, еще…

– Все, поехали, – сказал Никита. – Пора! Вызываем такси и едем.

– Я боюсь, а вдруг они дома и разыгрывают нас, – испуганно произнесла Катя.

– Ну, поздороваемся и поедем обратно, ничего страшного, – произнес Никита. – Неопределенность хуже всего. Поехали, на месте сориентируемся.

И стал подносить вещи к выходу.

Позвонив в дверь своей новой квартиры, ребята долго стояли, прислушиваясь не идет ли кто открывать. Потом снова позвонили. Никто не ответил. Они открыли своим ключом дверь и робея, зашли в общий коридор.

Их квартира и квартира соседки располагались рядом и были закрыты общей дверью. Получался такой маленький общий коридорчик.

Дальше наступил торжественный момент, – ключ в двери щелкнул и ребята зашли в свою собственную квартиру! Нащупав выключатель, Никита зажег свет и о чудо – квартира была совершенно пустая!

– Ой, как классно! Эта наш с тобой дом! – закричала Катя и стала целовать стены и приговаривать: «Здравствуй, моя первая собственная квартира. Привет, хозяин. – Никита, ты тоже поздоровайся с хозяином. В каждой квартире есть хозяин – домовой. Он будет нас охранять. Будет с нами жить. Вернее, мы с

ним. В народе есть такое поверье», – сказала Катя шепотом.

– Привет, домовой! – сказал Никита весело. – Будем жить дружно.

Ребята прошли по всем комнатам и стали радоваться, как дети, новому жилью. Они зашли в спальню и увидели ту самую двуспальную кровать, которую они купили у Раисы Степановны. Больше не было никакой мебели, но от этого квартира не казалась неуютной. Наоборот, для ребят она была самая шикарная на свете! Никита и Катя готовы были спать и на голом полу, лишь бы в своей квартире.

– Так, жена, давай накрывай стол на полу, – сказал Никита. – А завтра позвоним друзьям и насобираем у кого, что есть из мебели.

– Никита, я до сих пор не верю, что эта наша новая квартира?! И что мы тут – хозяева. Ура! Давай праздновать переезд! – радостно обнимая Никиту, сказала Катя.

– А у меня есть очень хороший ликер, – сказал Никита. – Я его специально для этого случая берег. Давай за нашу новую жизнь в этой новой квартире и за маму, которая нам ее помогла купить.

– Вернее купила, – добавила Катя грустно!

– Не переживай, Катя, мы обязательно отдадим ей долг за квартиру, – пообещал Никита. – Я схожу в море. Ты будешь работать на берегу. Мы с тобой заработаем денег и отдадим ей наш долг! Не переживай!

На следующий день баба Маня отправила новоселам свой старенький кухонный стол. Катя побежала, купила шторы и квартира стала иметь вид такой красивой невесты на выданье. Стояла квартира совершенно свободная без мебели, но одета в белые как фата шторы.

Никита насобирал досок во дворе и стал сколачивать, как хозяин, мойку и разделочный стол. Лучшего произведения зодчества никто и никогда не делал. Это была самая любимая мебель их семьи.

В годы «Блата» в магазинах вообще ничего не было. И поэтому были у тебя деньги или их не было не имело никакого значения. Все жили при строящемся коммунизме. Все жили одинаково плохо, потому что все деньги уходили на строительство этого самого коммунизма. Хорошо жили только те люди, которые могли дружить с нужными людьми. Слова «Блат» и «Дефицит» были словами – синонимами. И если ты не умел дружить только по душе, а дружил, потому что так нужно было, ты ничего не имел, кроме денег. А если выбирал себе в друзья веселых, надежных друзей, которые тоже не умели заводить

дружбу с нужными людьми, то у них было все, кроме денег и были они от этого очень счастливы! Потому что им вместе было очень комфортно и весело, даже в пустой квартире. Вот и собирались близкие по духу люди и радовались тому, что у них есть. Они всегда занимали друг другу деньги до зарплаты или на машину, чтобы хоть у кого – нибудь из друзей она была. И даже не подозревали, что за эти деньги, данные взаймы, нужно брать проценты.

– Ребята, – однажды сказала баба Маня, приехав к ним в гости посмотреть на их новое жилье. – Я стою в очереди в ветеранском магазине, а покупать мне нечего, у меня все есть. А вам вон нужен диван. Где я буду спать, когда к вам приезжать буду? – спрашивала бывшая квартиросдатчица.

– Ура! Давайте купим диван. Когда поедем покупать? – радостно спросила Катя.

– Да хоть завтра. Я позвоню, спрошу, что у них есть из мебель и перезвоню вам.

На следующий день красивый темно – зеленый диван с оранжевыми розами и два точно таких же кресла стояли в зале. Лучшей квартиры и красивее мебели не было ни у кого.

Баба Маня, как заслуженный друг, стала приезжать в гости к ребятам с ночевкой и все спрашивала: «А, Янка знает про то, что вы переехали?».

– Пока нет. Я не хочу ее расстраивать или радовать, в общем, пока не хочу. Потом расскажем. Я вообще боюсь сглазить удачу. А вообще нужно ее позвать. Пусть к нам переезжает и живет, неизвестно, когда ее дом построят, – сказала Катя расстроено.

– Ты что в своем уме?! – закричала баба Маня. – Ты еще ее со своим мужем в постель уложи. Давно она тебя не подставляла. Ты еще вспомни, как она тебе говорила, что она квартиру быстрее тебя получит и тебя к себе на порог не пустит, ты все забыла? Ты и так ей в жизни помогла. Парня своего на ней женила. Все, хватит быть хорошей для всех. Все равно тебя никто не любит, кроме нас с Никиткой. Правильно?! – подмигнув Никите и размахивая руками, продолжала ругаться баба Маня.

– Делать добро нужно не для того, чтобы тебя любили, – сказала Катя. – А для того, чтобы ты любила. Нужно любить плохих и хороших людей. Людей нужно любить разных. Дети не рождаются сразу плохими, они становятся таковыми в силу разных обстоятельств. Каждому человеку нужно стараться быть хорошим. Если у другого не получается быть таким, нужно ему помочь. А если он не захочет стать лучше, то это уже будет его грех. Каждый человек будет отвечать только за свой грех, за чужой точно отвечать не придется, – напомнила Катя улыбаясь. –

Мне это кто – то говорил, не вы ли бабушка Маша?

– Конечно я, а кто ж еще? Каждая овечка будет повешена за свой хвостик! Это точно! – произнесла баба Маня. – Но для подстраховки, на всякий случай, тогда просто помолчи и ничего никому не рассказывай о квартире. Пусть так и думают, что вы у меня живете, а я буду отвечать на телефоны и говорить всем, что вы только что вышли…

– Врать тоже нехорошо, баб Маня, – помахав пальцем, сказала Катя. – Но помолчать и, правда, можно.

– Катя, а сегодня Семен прилетает. Я ему уже похвастался, что мы в квартиру переехали. И он попросился у нас переночевать. Я согласился, – сказал Никита виновато.

– Ты что, Никита? Ты все правильно сделал. Светлым людям наш дом всегда будет открыт! Мы говорим о плохих людях, которые не хотят становиться хорошими. А на счет Семена? Твои друзья – это мои друзья! Вспомни, мы тоже по квартирам бегали. Поэтому, конечно, пусть приезжает. Только ты пошути над ним. Скажи, что у нас нет кроватей и что мы сняли двери с петель и спим на них. А он потом приедет и упадет в обморок. Зайдет в квартиру, а у нас, – и кровать есть, и диван. Во как живем! Он знаешь, как обрадуется за нас. Представляешь, из всех наших друзей, у нас у первых квартира в Мурманске. Да еще и с мебелью, вот он удивится. Уходил в море, не было у нас квартиры, пришел, бац, и есть. Я представляю, как ребята обрадуются. Теперь будет, где переночевать им. Ведь все, как и мы, приезжие. Ой, Никита, мне до сих пор не верится, что у нас своя квартира! Спасибо, Господи, тебе за все! Я даже об этом и мечтать не смела. Как нам все – таки повезло! – сказала Катя кружась.

– Ну все, я побежал Семена встречать, а то точно опоздаю, – сказал Никита, натягивая пальто.

– И я тоже поеду домой, теперь мне ночевать негде из – за этих ваших гостей, – проворчала баба Маня и стала натягивать свои валенки.

– Баб Маня, не выдумывай, ляжешь на кровать, а мы с Никитой на полу. Мы любим на полу спать. Оставайся, если хочешь.

– Нет, я и так у вас загостилась. Домой поеду. Спасибо, – сказала она и обратилась к Никите: «Подожди, милок, я с тобой пойду. Мне одной скучно».

И она быстро приняла пальто из рук Никиты. – Да я быстро за тобой пойду, не задержу тебя, не бойся. Не ворчи, как старый дед, – добавила она, целуя Катю.

Семен был лучшим другом Никиты. У него самыми близкими

были два друга, – Семен и Володя. Они дружили с Никитой еще со школы. Семен учился на механика. А Володя на штурмана в местной мореходке. Они забрали Никиту с собой в море, когда узнали, что им требуется переводчик.

Семен занимался спортом, как и Никита. Они были кандидатами в мастера спорта по боксу. Но в отличие от Никиты, Семен был небольшого роста, коренастого телосложения он производил впечатление этакого бойца – тяжелоатлета. Только постоянно улыбающегося. В нем сочеталось два великолепных качества, – он был уверенным мужчиной и стеснительным молодым человеком. Эти два несовместимых качества были настолько притягательны, что его любили все без исключения, – и друзья и их подруги.

Родом он был из Горловки. Из Украины. Чернявый хлопец с огромными карими глазами. Но отец у него был моряком и поэтому они переехали жить с Астрахань. И в старших классах он учился с Никитой вместе. Семен был частым гостем у ребят, когда они еще жили у бабушки Мани.

И вот, наконец, долгожданный момент и первый близкий гость в новой собственной квартире!

Катя стала быстро накрывать на стол. Ощущение было невероятно приятным. В своем собственном доме она будет встречать первых гостей.

«Очень радостные хлопоты, – подумала Катя. – Все – таки очень приятно иметь свое жилье, а не радоваться чужим окнам во всех домах, где горит свет. И мечтать о своем маленьком окошке со своей маленькой судьбой в этой огромной жизни».

Раньше Катя постоянно смотрела в светящиеся окна девятиэтажных домов, представляя, какие люди, с какими судьбами живут в квадратном светящемся мирке. Ей всегда хотелось, чтобы люди, жившие за этими окнами, были счастливы и никогда не болели. Окна всегда успокаивали Катю, когда она на них смотрела. Что-то загадочное было от светящегося в ночи окна.

«Ой, как радостно и уютно от одной только мысли, что у меня тоже теперь есть свой собственный мир и есть свое собственное светящееся окошко в ночи», – подумала Катя улыбаясь.

Глава 43

Время пролетало в новой квартире, с ее каждодневными хлопотами, мгновенно, поэтому Катя и не заметила, как наступило лето. Это очень прекрасное время года, особенно на севере. Людей в Мурманске остается летом очень мало. Все люди, при первых летних лучах солнца, снимают куртки и выходят на улицу сине – голубого цвета. Но они выходят счастливые, только потому, что они в летних майках. Ветерок обнимает их прохладными нежными объятиями. Вокруг все цветет фиолето – розово – желтым цветом. Северные полевые цветы очень отличаются от южных тем, что вытягиваются высоко к солнцу и стоят стройными рядами. Их не сломить северным климатом. Они гордо красуются поднятыми к солнцу цветочками и кивают прохожим, колышась на ветру.

Мурманчане бегут веселые на работу, приветствуя друг друга, как старые знакомые, потому что город становится тихим и родным для всех. У каждого такое ощущение, что ты один во всей Вселенной. А город и ты – это одно целое.

Летом вывозят детей в отпуск, да и большинство взрослых тоже с удовольствием уезжают погреться в лучах южного солнца. У Кати тоже было отпускное настроение и она шла и напевала про себя: «А я иду, шагаю по Москве, и я еще пройти смогу…»

Она бежала к своей новой родственнице – землячке тете Шуре. Катя последнее время не могла часто приходить к ним в гости, потому что не хотела, чтобы у них были из – за нее неприятности, и еще потому, что в последнее время она очень много работала. Ей хотелось побыстрее отдать маме долг за квартиру. Но она каждый день вспоминала добрым словом своих новых мурманских родственников, которые ей очень помогли в ее новой жизни. Зайдя в магазин, и как всегда набрав всяких вкусностей, она позвонила в квартиру под номером тринадцать.

«Интересно, кто это придумал, что «тринадцать» несчастливая цифра? – подумала Катя. – Еще не известно кому какая цифра достается в везении? Кто сказал, что рожденный тринадцатого числа человек должен быть обязательно невезучим? Вот, например, Никита, – думала Катя, он тоже родился тринадцатого числа, – и у него в жизни получается все замечательно. А его два друга – вообще не вылазят из неприятностей, хотя родились под другими цифрами».

Катя где – то слышала, что цифра тринадцать вообще символизирует двенадцать апостолов и Иисуса Христа. И Кате эта цифра приносила только удачу.

За потрепанной старой дверью тринадцатой квартиры послышались шаркающие шаги и ворчливый заспанный голос как всегда произнес: «Кого это принесло в выходной день?».

– Можно подумать он у вас отличается от всех остальных? – смеясь сказала Катя, открывающей дверь тете Шуре.

– Ой, Катюха, как я рада тебя видеть, заходи, любовь моя. Самая моя любимая племянница. Надеюсь, «горючее» принесла, а то после вчерашнего голова болит.

– Только после вчерашнего? А после, после вчерашнего не болит? – смеясь, спросила Катя.

– Да, ладно тебе, подкалываешь больного человека. Ты думаешь, я так мечтала жить, – от бутылки до бутылки? Я вообще была очень красивая, поднимая вверх палец, указывая, что это было где – то там высоко на небесах. Это было давно и не в этой жизни.

– Принесла я «горючее» хорошего качества, чтобы не отравилась моя любимая тетя. Только я хочу сказать, – не там и не тогда ты была красивая, – указывая вверх, произнесла Катя. – А сейчас и здесь, ты у меня самая красивая и душой и телом. Пошли, пошли на кухню, – обнимая маленькую старушку без возраста, но очень любимую и дорогую, сказала Катя.

За столом как всегда в дымке сигарет сидел дядя Вася. Он постоянно курил сигарету в прозрачном коричневом мундштуке.

– Привет, привет любовь наша, мы уже успели за тобой соскучиться, – проговорил улыбающийся мужчина.

Следы красоты, которого не смогла уничтожить даже такая злосчастная привычка, как увлечение спиртным. Видно, что судьба ему готовила другую участь.

У него была очень театральная внешность, красивый голос, манера держаться выдавала в нем спившегося графа. Он был аристократически обаятелен. Но самая главная красота его заключалась в долголетней любви к тете Шуре. В каждом взгляде читалась эта любовь. И в том, как он пел для нее, как слушал ее, когда она говорила, как переживал за нее, когда она болела. Такой любви можно было позавидовать, что, наверное, и сделали не совсем светлые люди.

Потому что жизнь после свадьбы пошла наперекосяк. Молодыми людьми они приехали на север, чтобы заработать. Выдержали все трудности. Родили троих детей, но не выдержали испытание судьбой, – и сломались. Дядя Вася не вылезал из тюрем, а тетя Шура не вылезала из вытрезвителей. Но, несмотря на такой образ жизни, они оставались детьми Бога. У Бога старых или молодых людей нет, так же, как плохих и хороших, живых или мертвых. Для Бога все люди живы и все равны. И самое

главное, – у них есть свобода выбора, – кто кем станет, зависит только от них самих. Он спросит позже с каждого, – почему он выбрал тот или иной путь!

Тетя Шура и дядя Вася оставались людьми, хоть и были больны алкоголизмом. Они были очень отзывчивыми, очень добрыми детьми Бога и очень искренне переживали за всех. Чужие проблемы считали своими. Всегда готовы были придти на помощь. Они знали о своей беде, но ничего не могли изменить, потому что сделали свой выбор сами…

– Я тоже за вами очень соскучилась, – сказала Катя. – Я вам деликатесиков принесла и хорошее спиртное, в котором вы знаете толк. Вот виски для дяди Васи. Мартини для тети Шуры.

– А водку принесла, чтобы мы эту гадость заграничную запивали? – шутила тетя Шура. – Что у нас тут на закуску? Смотри, отец, семга, икра моя любимая красная. Какая у нас все – таки племянница золото! Дождались, хоть от нее помощи, а то от детей видно никогда не дождемся. Видите ли, брезгуют родителями, плохие они у них. Хорошо, хоть, Светка иногда приезжает. Ну, Сашка, понятно, сидит в тюрьме. А Сонька, та вообще уехала в другой город, замуж вышла, нарожала деток, а мы бабушка с дедушкой так их и не видели ни разу. Это разве справедливо? – спросила она у Кати, сморкаясь в фартук.

– Тетя Шура, хватит плакать, сколько можно уже. Каждый человек распоряжается своей судьбой сам. Ты дала Соне все необходимое, – жизнь, высшее образование. А дальше все пусть остается на ее совести.

– Ой, и правда твоя, пусть сама свою жизнь строит, без нас. Бабушке и дедушке могла бы внуков привезти на лето.

– Мать, ты еще не пила, а уже пургу несешь. Какое лето на севере? – засмеялся дядя Вася.

– Ну на зимних каникулах привезла бы. Хоть снег бы внуки увидели. Мы же ее родили, воспитали, как смогли, и школу помогли закончить, и институт. А она вместо того, чтобы поблагодарить нас, отказалась от нас совсем.

– Молодая, наверное, была, глупая, но со временем обязательно поймет, что зря маму обидела, – сказала Катя. – Сейчас она тоже мама и за вас ей отомстят ее собственные дети, поверьте мне. Начнут так же свои претензии высказывать. Она сразу о вас вспомнит. Конечно, судьба сама свои коррективы вносит в нашу жизнь. Не все знают, что давным – давно наша судьба уже кем – то написана. Нам стоит только достойно сыграть все по уже существующему сценарию, выбирая для себя хорошие или плохие роли.

– Это точно ты сказала. Выбор ролей остается за нами! –

согласился дядя Вася. – Ты нас, наверное, не уважаешь за то, что мы любим выпить? – неожиданно спросила он.

– Нет, я вас очень люблю, вы мои самые родные и близкие люди на земле. Я буду всегда помнить о том, что вы для меня сделали. Спасибо вам большое за все. Мне никто не смог помочь здесь ни с пропиской, ни с жильем. Одни вы мне помогли. Другие только тянули с меня, что могли и не могли, издевались надо мной, как хотели, кормили меня обещаниями и использовали кому как вздумается. А вы по – настоящему меня поняли и поддержали. Единственные из всех, бескорыстно взялись и помогли мне. Поэтому я хочу выпить только за вас, мои дорогие люди! За вашу любовь, за вашу доброту, за ваше гостеприимство! За то, что вы просто есть!

– Катюша, спасибо за такие добрые слова, – вытирая слезы, сказала тетя Шура. – Нам с отцом никто и никогда не говорил таких хороших слов.

– Ладно, хватит ныть, – произнес своим басом дядя Вася. – Вроде еще не пила, а уже водка плачет. Терпеть не могу, когда женщины плачут. Все в этой жизни могу вынести, кроме женских слез. Почему – то это мне очень не нравится. Я начинаю душой болеть за них. А они, бабы, этим пользуются, бывает просто так и фиг их разберешь, когда они по – настоящему переживают, а когда хотят что – нибудь выпросить. А мы, мужики, живем открыто. Не премудрствуем лукаво.

И он, как всегда, встал в свою театральную позу и стал читать любимые Катины стихи поэта Андрея Дементьева: «В дружбе, в буднях быта, завистью не болен! Я живу открыто, как мишень на поле!». Однажды Катя ему прочла эти стихи и с тех пор, он постоянно их декламировал. Ему они очень понравились.

Вообще приходить в дом к дяде Васе и тете Шуре всегда было приятно. К ним многие тянутся. Они знали много хороших стихов, песен и не только водка объединяла всех этих интересных людей вместе. Их объединяет родство душ. У них плакала душа по чужому горю, по несправедливости устроенного бытия, по тому, что они не смогли реализовать свой творческий и жизненный потенциал, как им этого хотелось.

Нет, они не были слабы духом! Но что – то в них когда – то надломилось, они не смогли с этим справиться. Сломались и стали заливать свое горе водкой. Это оказалось самым простым и легким способом уйти, как им казалось, от проблем. Они тогда не понимали, что при помощи этой пагубной привычки, они не только притягивали еще большие проблемы, но так же притягивали скорое приближение смерти. Очень многие из их знакомых, просто не просыпались утром. Многие в страшных

муках умирали от цирроза печени. Кажется, все понимали, что те, кто болен алкоголизмом, – живут очень мало. Но это, как ни странно, не удерживало от такой пагубной привычки. Это была болезнь многих людей, но не многие осознавали, что больны.

Катя выбежала из гостей счастливая и довольная тем, что увиделась со своими любимыми новыми родственниками. Она пробегала мимо дома, где жила Маша. Вспомнила, как она встретилась у нее с Никитой, как они всегда по – девичьи секретничали. Маша всегда поддерживала Катю, когда ей было плохо, пока между ними не встал мужчина и та неприятная история, связанная с придуманным племянником, подорвала их дружбу.

«Наверное, нужно помириться. Все не очень хорошо получилось, – подумала Катя. – В жизни все бывает. Яну я простила, почему Машу не могу. Нужно гордыню сломить. Постараться все забыть! Трудно сделать первый шаг, а второй, третий – это уже как Судьбе будет угодно! Маша часто передает мне приветы через тетю Шуру. Вот и сегодня, меня они даже поругали, сказали, что Маша очень переживает и хочет со мной снова дружить. Кто я такая, чтобы осуждать людей, – Божьи создания? Если я осуждаю его творения, значит иду против Бога?! Судить всегда легко, а простить очень сложно. Гордыня тоже очень большой грех. Нельзя перечеркивать дружбу, – думала Катя. – Нужно все забыть и постараться наладить отношения.

Ее размышления прервали чьи – то объятия.

– Привет! Сто лет и сто зим тебя не видела?!

Катя обернулась и не поверила своим глазам! Она даже не узнала жену капитана. Ту самую вечно пьяную женщину, капитаншу Галю, которая была постоянной гостьей у тети Шуры. Та, которая ходила по городу в изъеденном молью платке и всем рассказывала, что у нее муж капитан. Но ей никто не верил. В том числе и Катя.

А сейчас перед нею стояла очень красивая женщина, с модной прической, с профессиональным макияжем. Галя была одета в роскошную норковую шубу и в руках держала очень красивую дорогую сумочку. Она вся светилась от счастья. На лице не было и следов от ее беспробудных пьянок. Красивая молодая ухоженная женщина стояла перед Катей и держала под руку не менее красивого мужчину в морской военной форме. Три больших звезды на погонах, говорили о том, что мужчина, – капитан первого ранга.

– Знакомься, это мой муж, капитан Вячеслав Викторович. А это Катя, я тебе о ней писала в письмах. Она в редакции работает, подруга нашей соседки Маши. А Слава сегодня пришел с моря.

Мы отмечаем его приход. Так что пошли с нами. Маша тоже должна подойти. А то она обижается, что ты к ней не приходишь. Забыла, говорит, совсем. Пошли, посидим, поболтаем. Байки морские послушаем. Пошли, пошли!

Они схватили под руки не успевшую опомниться девушку и потащили к себе в гости.

Квартира, в которой они жили, была очень красиво обставлена. Вкус хозяйки бесспорно хорош, потому что каждая вещь находилась на своем месте. Дорогая мебель стояла и приветствовала гостей!

– У вас очень уютно и красиво, – сказала Катя. – Мне очень нравится! А вы знаете, уют исходит от людей. Значит вы тоже красивые и светлые!

– Это все Слава. Он у меня очень практичный муж, такой хозяйственный. Я же врачом у себя в Ростове работала, а он молодой красивый моряк пришел ко мне на прием. Вот и остались мы с ним на двадцать лет вместе. Любовь была сумасшедшая. Двух деток родили, но они уже взрослые. Сыну – двадцать, дочери – восемнадцать. Они у нас очень красивые и умные. Сейчас уже студенты. Живут и учатся в Санкт – Петербурге. Приедут как всегда на один день, а потом на учебу бегут. Они у нас от того красивые, что любовь у нас очень красивая была, – продолжала вспоминать Галина – капитанша.

– А почему была? Я тебя и сейчас очень люблю, – сказал Вячеслав Викторович. – Дети жаль, конечно, что уже выросли. Разлетелись. Спасибо вам, что вы хоть мою жену поддерживаете. Она мне о вас много рассказывала и про вашу тетю Шуру тоже. Так что, присаживайтесь к столу. добро пожаловать!

В тот вечер Катя помирилась с Машей, которая пришла в гости со своим новым молодым человеком Кириллом. Он тоже был моряком и ходил с Никитой ни один раз в море. Он расспрашивал с интересом о Никите, который был в очередном рейсе, и много интересного рассказал ей про ее будущего мужа. Как его все на корабле боятся. Ведь он политрук. А это даже страшнее, чем капитан. Катя очень удивилась, что Никита может быть очень строгим и злым, каким его знал Кирилл. Новая сторона характера ее любимого друга открылась ей. С такой стороны, она своего Никиту еще не знала.

Маша была счастливая, что Катя ее простила за тот обман при знакомстве с Никитой. И они решили больше никогда не вспоминать о случившемся. В тот вечер, Катя и Маша очень удивились тому, что капитанша Галя на глазах у всех преобразилась из алкашки в рваном тряпье в эту красивую молодую ухоженную женщину. Они просто не понимали, как

такое могло произойти, что один и тот же человек мог быть и красавицей и пьяным чудовищем в одном лице…

Вспоминая красивую капитаншу Галю, выходя из подъезда, Катя шла и улыбалась, но ее взгляд привлек какой – то непонятный шум возле тети Шуриного подъезда. Катя увидела несколько милицейских машин. Один из милиционеров держал распечатанное фото Кати и говорил: «Да, клянусь я тебе. Я видел ее сегодня, когда она заходила вот в этот подъезд. Я не мог ошибиться. Это была она! Шеф сказал, чтобы мы под любым видом доставили ее в участок.».

Другой милиционер взял у него фото, посмотрел и зло произнес: «Тетка ее не колится, говорит, что она давно уехала на юг. Может быть, она зашла в другой подъезд, к своей подруге?» – произнес он возмущенно, направляясь в сторону Кати.

Катя накинула капюшон, резко повернула направо в сторону остановки и медленно, не привлекая внимания, завернула за угол. В это самое время бомж, ковыряющийся в мусорке возле дома, накинул на Катю брезентовый рваный дождевик и затянул ее в подвал соседнего подъезда. Катя даже не успела испугаться.

Запах гнили ударил в нос. Она посмотрела на лежащего и спящего на широкой отопительной трубе пьяного бомжа. Затем перевела взгляд на похитителя и ахнула. Перед нею стоял в оборванном тряпье с огромной грязной бородой ее друг и соратник по кооперативу – Юрик – еврей.

– Господи! Как ты меня напугал?! – воскликнула Катя. – Юра, ты почему в таком виде? – удивилась она. – Что у тебя произошло?!

– Да, ничего не произошло, не бойся! Твой Ангел Хранитель просто решил опять спасти тебя. Я узнал от Игоря Сергеевича об облаве, которую тебе приготовили, вот и переоделся в бомжа, чтобы прикрыть тебя в случае чего. Дело в том, что Игорь Сергеевич сегодня опять прилетел из Москвы. Он у нас теперь депутат Госдумы, неприкосновенная личность. С собой решил забрать твою тетю Люду с ее муженьком. Здесь остаюсь я и Анна, дочь Людмилы. Игорь Сергеевич сказал, что с тобой нужно кончать срочно. В общем, дал приказ своим холуям из милиции, стрелять на поражение. У него начинается новая жизнь и он говорит, что ты – единственный свидетель какого – то его прошлого. Катя, я его убеждал в обратном и почти убедил, но он дал мне задание, чтобы я разыскал тебя, втерся к тебе в доверие по старой дружбе и без лишних свидетелей убрал тебя.

Они искали тебя на твоей бывшей квартире у Бабы Мани. Она бьет себя в грудь, машет своей палкой и говорит, что понятия не имеет куда ты переехала жить. Короче, бабуля у тебя, еще та

вояка – боевая! Недаром, что войну прошла! Она даже ружьем угрожала отморозкам Игоря Сергеевича и грозилась их всех перестрелять!

Катя, знаешь, что я думаю, – тебя они все – равно в покое не оставят. Тебе нужно, как – то защититься. Послушай, меня, своего старого друга. Уговори Никиту поступить в юридический институт. Вдвоем нам будет легче защитить тебя. Думаю, что в Москве Игорю Сергеевичу будет пока не до тебя. Тем более, что у него родился сын Иван от Анны, они с женой получили все – таки огромное наследство от всемогущего дядюшки.

– Юра, ты не знаешь, узнали они или нет, кто их всемогущий дядюшка? Может быть, попросить его, чтобы Игорь Сергеевич оставил меня в покое. Объяснить ему, что я не знаю никакую страшную тайну.

– Катюша! Нет, никто не знает, кто это? Или они своего дядюшку тщательно скрывают от всех, или действительно не знают, кто за всем этим стоит.

– Юра, я тебе так благодарна, что ты постоянно оберегаешь меня. А насчет Никиты, большое спасибо, это действительно хорошая идея, – юридический институт. Я обязательно поговорю с ним об этом, когда он придет с моря, – сказала Катя.

Когда она рассталась с Юрой, она все время думала, что будет здорово, если Никита поступит в юридический институт. Тогда он сможет работать на берегу. И они всегда будут вместе. Она так устала быть одна. И тогда он действительно сможет защитить ее от Игоря Сергеевича. Он найдет способ. Он обязательно найдет способ, чтобы спасти ее.

Глава 44

Никита пришел с моря как и предполагалось с опозданием. Карьерный рост шел в гору. От простого переводчика стал членом комсостава. Никиту назначили помощником капитана по политической работе. И, конечно, уходил он с корабля самым последним. Между собой ребята его называли «Переводчиком». Катя очень скучала за ним. Волнение возрастало с каждым днем, приближающим эту встречу. Яна ходила и всем говорила, что скоро ее муж придет с моря, потому что Андрей тоже был на том же пароходе вместе с Никитой. А так как все в редакции уже не понимали, где и чей муж? Все ходили и дружно повторяли: «Скоро придут все наши мужья. Только один муж, вернее «шестидесятилетний жених» остается на берегу».

Все делали вид, что никто ничего не знает и в то же время все делали вид, что знают все. На улице, как всегда мело; присвистывая, шипя и завывая природа бушевала и запугивала маленьких человечков. Природа угрожала всему человечеству своею мощью бытия и говорила: «Сидите и не высовывайтесь, а то захвачуууууу, закручуууууу и заметууу».

Было от этого завывания ветра чуть жутковато и не хотелось никуда вообще выходить в такую погоду. Дома было тепло и уютно от насвистывающего в такт метели чайника. Никита привез с рейса много подарков. Катя примеряла на себя каждую вещь, которая была подобрана с любовью и вкусом и самое интересное было то, что он, не зная Катин размер, привозил ей вещи точь – точь по ней.

– Никита, а как ты подбираешь мне вещи?

– На ощущениях! Я тебя очень люблю, поэтому знаю, какая у тебя ножка, какая талия, какой рост. Вот и брал за основу то, что ты у меня дюймовочка. Я покупал все вещи на глаз. Мне еще штурман не поверил, что у тебя такая тонкая талия и сказал, что таких талий не бывает. В общем, я старался брать качественные вещи. Я очень рад, что тебе понравились покупки и тебе они очень идут.

– Смотри, какая кофточка красивай! Белая, мягкая и теплая! Я и не думала, что вязаные вещи могут быть такими красивыми, да еще и вышитыми жемчугом! А джинсы вообще оригинальные, я тоже таких не видела нигде, с таким корсетным широким поясом, – кружась перед зеркалом, щебетала Катя.

Никита смотрел влюбленными глазами на Катю и думал:

«Как приятно дарить подарки любимому человеку. Были бы деньги, я еще больше купил бы Кате вещей. Но, ладно, потом

обязательно буду дарить ей много красивых подарков. Всегда буду баловать Катю и наших детей. А у нас их будет двое: мальчик и девочка, мне они даже снились. У нас будет хорошая и дружная семья.».

– Кстати, нас в гости позвала Маша. Мы с ней помирились. Я подумала, что не нужно обижаться на нее. Нужно уметь прощать, ведь любая ссора – это разрушение в душе и кроме печали и неприятного осадка ничего не дает ни той ни другой стороне. Вот и получается, что в обидах нет победителя, есть одни проигравшие. Кстати, Яна с Андреем тоже идут. Пойдем, сходим, я так хочу похвастаться перед ними обновками.

– Мне, если честно, не хочется туда идти. Может быть, не пойдем, – осторожно спросил Никита. – Ты же знаешь, что я вообще не очень любил туда ходить. Я понимаю, вы с ней подруги. Но я недолюбливаю ее, мягко говоря, а вообще я ее терпеть не могу. Она какая – то фальшивая. Поверь мне, она неспроста к себе в гости зовет. Это точно что – то придумала, – подозрительно произнес он.

– Нет, она сожалеет, что все так произошло и даже прощения просила у меня. Подумаешь, в жизни всякое бывает. Тем более она знает, что мы любим друг друга. Все, что раньше было, давай, оставим в прошлом. Она сейчас с Киррилом Сергеевым живет. Кстати, он тебя знает. Говорил, что в море с тобой ходил раньше. У них все замечательно. Я очень за нее рада, а ты?

– С Кириллом?! Вот это новость?! Я бы хотел его повидать, – сказал Никита. – Я тоже рад, что она с ним. Вернее, мне собственно все равно, но я рад, что у нее хоть кто – нибудь появился. Только надолго ли?

– Хватит, Никита! Можно подумать, она такую жизнь хотела, просто ей с мужчинами не везет. А вообще она очень хороший человек, а дочь Аленка, от первого брака, – просто красавица. Маленькая еще, а какая умница растет! Я тоже очень хочу детей. Неужели Бог не даст мне детей? – вздохнула Катя.

– Конечно, даст, ты не переживай, – постарался успокоить ее Никита. – Ладно, пошли в гости. Успеем еще дома насидеться, когда дети у нас будут.

– Точно успеем, а сейчас пойдем веселиться. Я знаешь, что думаю, когда мы, после всех наших фиктивных браков, получим разводы, тогда Бог нам даст детей. Мне так этого хочется. Но если врачи скажут, что у меня не может быть детей, после того аборта, тогда тебе придется искать другую себе подругу – жену, – грустно добавила Катя.

– Ну ты и придумала, ты умнее ничего не могла сказать? – рассердился Никита. – Если не сможешь забеременеть, возьмем

ребенка в детдоме. Но расставаться мы с тобой никогда не будем. Я что зря столько лет тебя добивался? Зря на север приехал?

Он подхватил Катю на руки и начал ее кружить.

– Нет, нет, не зря. Север нас объединил, – смеясь, произнесла Катя. – Пойдем в гости, хочу похвастаться своим счастьем!

– Так для тебя шмотки счастье? – поставив руки в боки, шутя, произнес Никита.

– И шмотки, купленные тобой, тоже счастье. Все, что связано с тобой и есть составляющая моего счастья, – целуя Никиту, весело сказала Катя.

– Ну, если купленные только мной, тогда уговорила, пойдем.

На улице мело и завывало, а влюбленные весело и быстро бежали на троллейбус, не замечали ни холода, ни людей, никого вокруг. Они бежали, смеялись, падали на мягкий, пушистый снег и обнимались, кружась, в такт завывающей метели. Им было очень тепло и даже жарко от любви, от чувств, от того, что им хорошо было вместе. И казалось, что все вокруг тоже счастливы и нет вообще ни у кого никаких проблем. Жизнь для них была прекрасна и удивительна и вся Вселенная в эту минуту принадлежала только им двоим. Розовощекие и веселые они и позвонили в Машину дверь.

– Входите, открыто, только вас влюбленные и ждем, – произнесла хозяйка с искусственной улыбкой на лице. – Привет, молодожены, мы вас заждались. Мы, правда, начали уже без вас.

– Ага, еще с двух часов дня, – произнесла Наташа, еще одна Машина соседка и общая подруга из клуба «одиночек», которая уже еле стояла на ногах. – Ладно, проходите, тоже мне молодожены, – зло произнесла она.

Маша толкнула подругу и, вежливо раскланиваясь, стала извиняться за нее.

– Не обращайте внимание, она просто вам завидует, просто перебрала чуть – чуть, – попыталась Маша разрядить обстановку и обращаясь к Наташе, строго произнесла: «Помолчи, пусть гости с мороза зайдут и вообще иди спать, надоела всем уже».

– Не хочу я одна в холодную постель. Хорошо вам рассуждать, вы все с мужиками. А я молодая, красивая вдова с маленькой дочкой на руках.

Наташа действительно была вдовой, – ее муж загулял с другой женщиной, тоже замужней и их обоих убил ее ревнивый муж, застав вместе в своей квартире. Лида хоронила своего любимого, оплакивала его и винила во всем распутную девку, которая ушла вместе с ее мужем навсегда…

– Ладно, вдова, ты не понимаешь, что они действительно молодожены, отвали от них. Найдем тебе неженатого, пытаясь

превратить все в шутку, – сказала Маша. – Проходи, Никита, там Кирилл тебя уже ждет, не дождется, – добавила она. – Говорит, что ему скучно с бабами, хочет с мужиком пообщаться. А то говорит у вас, у баб, одни проблемы – мужики.

Катя забежала в комнату, где сидели девочки и радостно воскликнула: «Посмотрите, какая я красивая, какие наряды на мне», – весело демонстрируя обновки, кружилась перед подругами Катя.

Яна выглянула из кухни и говорит:

– Боже ж ты мой, на какой барахолке куплено? Вот мой Андрей привез мне чисто фирменные вещи. Так их видно, что это фирма, а ты, Никитос, все, небось, экономишь? Скажи честно, что подешевке ходил скупал, да?

– Да, ладно тебе! Завидуют молча, – смеясь сказал Никита. – У Андрея спроси, что за барахолка. Мы с ним вместе вам подарки брали в одном бутике.

– Вот то – то я и думаю, почему он мне все на вырост берет. Наверное, чтобы потом не покупать. Вдруг я поправлюсь, а ты прям молодец с размерчиком угадал!

– Яна, тебе понравились мои обновки? А тебе, Машуля? Наташе вижу, что понравились. А где капитанша Галя? – спросила Катя, оглядываясь по сторонам.

– Галина на кухне, ты же знаешь, она любит одиночество. Сидит там мечтает, когда муж с моря придет и пьет «сам на сам», – засмеялась Маша.

– Ладно, прошу к столу! Девчата, давайте побыстрее рассаживайтесь, а то водка стынет, – подхватил на правах хозяина Кирилл.

Никита, Андрей и Кирилл весь вечер сидели и вспоминали последние свои рейсы. Какой был капитан, как несправедливо заплатили в очередной раз и как их брату моряку не просто в шторм быть посредине стихии. Они говорили, что если бы не их верные жены и подруги, которые молятся за них на берегу, многие бы и не вернулись. Очень тяжел хлеб моряка.

– Катя, ты как всегда со своей красной икрой и маслом, ну никак не даешь нам опьянеть, – засовывая очередной бутерброд, – сказал Андрей.

– Нет, я не всегда с красной икрой, ты что забыл? Летом мы с черной икрой, мы же из Астрахани, – засмеялась Катя.

– Кто из Астрахани? Давай не примазывайся! Никита, ты слышал, она уже из Астрахани, – сказала возмущенно Маша.

– Я же живу и дружу с астраханцами, значит, уже опылилась и тоже из Астрахани теперь. Осталось только научиться говорить как вы. Вы же не говорите, а поете. Ну в общем, вы меня поняли?

И Катя растянула последнюю фразу нараспев. Все дружно засмеялись. Компания была очень веселая, все друг друга знали давно и поэтому вечер проходил в приподнятом настроении.

– Что вам спеть? – сказала Яна, беря гитару.

– Давай, начинай нашу любимую, – предложила Катя.

Яна заулыбалась и начала петь: «Призрачно все в этом мире бушующем! Есть только миг за него и держись! Есть только миг, между прошлым и будущим, именно он называется жизнь…».

Все дружно подхватили знакомую песню – гимн! Голоса, конечно, желали быть лучше, но душа пела громко и в унисон.

Наоравшись вволю и устав от такого песенного релакса, девчата захотели танцевать.

– Музыку давай! Ритмичные танцы! Давайте! Зажигаем! – кричала больше всех Наташа. – Танцевать хочу, почти так же как мужика, – добавила она.

– Вот начинается, – смеясь, сказала Маша. – Сейчас будет на наших мужиков кидаться.

И не успела она это сказать, как Наташа подбежала к Никите и начала его тащить танцевать.

– Да не люблю я танцевать, отстань от меня, Наташа. Я тебе обещаю, я тебя обязательно познакомлю с хорошим молодым человеком и выдам тебя замуж. Не переживай, только отстань, пожалуйста, – отбивался от навязчивой девушки Никита.

– Кирилл, а ты со мной потанцуешь? – настаивала на своем Наташа.

– Спасибо большое, но я не могу, Машу боюсь. Она у меня ревнивая, а я тебя тоже познакомлю с хорошим мужиком, как Никита, и мы выдадим тебя замуж.

– Да пошли вы все, только обещаете. Буду одна танцевать и жить буду одна. Вы все кабели, ненавижу вас всех! Бегаете от юбки к юбке. Девчата, они все сволочи, слышите, побросайте их и будем одни жить. Зачем они нам.

Девушки вышли на лестничную площадку посекретничать и покурить. Только непонятно вышли покурить, чтобы посплетничать или вышли посплетничать, чтобы покурить. Наташу, конечно, прихватили с собой за компанию, хотя она никогда не курила. Но они всегда брали ее с собой, чтобы она не портила мужчинам вечер своими приставаниями.

– Не хочу я с вами стоять тут и дышать вашими сигаретами, – говорила она, шатаясь и размазывая тушь со слезами по лицу. И за что вас мужики любят? Я вот и хозяйка хорошая, и не курю, и работящая. Пью редко, а вот несчастливая я. Никак не могу замуж выйти.

Наташа и правда была очень хорошей хозяйкой и внешне

была похожа на подростка. Маленького роста, худенькая, как девочка. Никогда не догадаешься, что у нее уже есть пятилетняя дочь. Она была самой настоящей хохлушкой из Украины.

Наташа быстро говорила, быстро все делала, быстро ругалась и быстро отходила. Работала она нянечкой в детском садике вместе с Машей и подрабатывала уборщицей, в какой – то крупной компании. Замуж мечтала выйти только за владельца именно этой компании. Но никогда его не видела, потому что приходила убирать его кабинет рано утром, когда его еще не было, или поздно вечером, когда его уже не было. Все над ней подшучивали и говорили, что он старый, страшный, толстый, слепой и глухой. На что она всегда отвечала: «Лишь бы у него к инвалидной коляске был мешок с долларами подвешен, остальное не имеет значения. Я буду хорошей сиделкой, – и кашкой манной накормлю, и покатаю на свежем воздухе. Мне все равно с дочкой возиться. На одного больше, на одного меньше, какая разница, лишь бы у него деньги были.»

– Катюха, тебе нравится за дедом замужем быть? – спрашивала, смеясь Маша. – Вот Янка замужем за молодым, ей, конечно, нравится.

– Конечно, нравится, только очень плохо, что подарки «мой муж» Катьке возит, – засмеялась Яна.

И Яна показала на новую Катину кофточку и джинсы. Девчата начали смеяться.

– Катя, тебе одной повезло, замуж за деда вышла, подарки от молодого получаешь, да еще столько желающих подарки тебе подарить и замуж тебя взять осталось. Вон, Леха капитан, Серега – весельчак все время о тебе спрашивают.

– Не хочу за молодого, буду ждать я пожилого! Загс мы дружно насмешим, купим дом и сто машин! Вот стихи, экспромт, – сказала Катя улыбаясь.

– А свадьбу зажала. Я по – честному с твоим Никиткой справила свадьбу, – возмутилась Яна. – А ты – нет.

– Короче, вызывай своего деда сюда и стол накрывайте нам, – поддержала подругу Маша. – А мы придем и тебя опозорим. Будем плакать и причитать: «Ой, на кого ты нас покидаешь, да в неравный брак вступаешь! Куда государство смотрит, что молодые за квартиры в старые руки отдаются.»

Девчата катались со смеху, изображая старика и молодуху.

«Вот классно отдыхаем, – подумала Катя, а Никита боялся какого – нибудь подвоха. Вот и Маша хорошо нас встретила. Все замечательно, я рада, что все забыли обиды навсегда!».

И в это время Наташа странно на Катю посмотрела и сказала: «А ты знаешь, тебя менты разыскивали. Фото твое показывали. Я

им все про тебя рассказала и кто ты и где живешь, правильно?»

– Наверное правильно, – ответила Катя, о чем-то задумавшись.

Когда все вернулись в квартиру после перекура. Яна задержала Катю на лестничной площадке и тихо сказала: «Кать, ты поосторожней с Машей. Я случайно услышала как она Наташе и капитанше Галине говорила, что их задача тебя отвлечь, а Никитку, сказала, напоить и соблазнить. Так что лучше еще чуть посиди, забирай Никиту и езжайте домой.».

– Спасибо, Яна. Но я верю своему молодому человеку, думаю ничего у них не получится. Пусть пробуют, как ты когда-то, правильно? Ты же не для себя старалась, а для меня. Вот они тоже для меня, наверное, стараются. Настоящие подруги!

Зайдя в зал, где стоял стол, Катя заметила, что девочки как – то подозрительно на нее смотрят и стараются ее заболтать. Они старались ненужными вопросами отвлечь ее, спрашивали невпопад и сами себе отвечали. Катя посмотрела вокруг и увидела, что Кирилл и Андрей сидят за столом, а Никиты нет.

«Наверное, он вышел на балкон подышать свежим воздухом», – подумала Катя.

Наташа лезла ко всем с разговором о том, за кого все – таки лучше выходить замуж.

– За молодого лучше выходить замуж или за старика? По любви или по расчету?

Вот мой муж был на тринадцать лет старше меня. Это не помешало ему завести себе любовницу на десять лет старше его самого. А я – то думала, что он никуда от меня молодой и красивой не денется. Вот ведь как бывает. Что им нужно всем, неизвестно.

– Катя, пойди, принеси компотику с кухни, пожалуйста, – сказала неожиданно Маша.

– Хорошо, мне не трудно, сейчас принесу.

Открыв дверь на кухню Катя увидела, что на коленях перед Никитой стоит заплаканная капитанша Галя и читает стихи Сергея Есенина: «Чужие губы разнесли мое тепло и трепет тела.».

Никита пытался ее пьяную поднять и успокоить:

– Очень хорошие стихи, очень хорошие, но вам, Галина, нужно идти отдыхать.

– Катя, как хорошо, что ты пришла. Она мне такие красивые стихи читала. А еще она призналась, что письма, которые она мужу высылает в рейс, она пишет под копирку и перед приходом их перечитывает, говорит, что все жены моряков это делают, чтобы не забыть о чем врут мужьям! И еще очень много мне интересного рассказала – как нужно обманывать жен и все в этом

роде. Именно этому, Галина меня обучала. Она сказала мне по секрету, что это задание она получила от Маши.

– Какое задание? – удивилась Катя.

– Никиту твоего соблазнить, – икая произнесла капитанша-Галина.

– Видишь, как я и говорил, – сегодня получился очень показательный вечер. Надо же письма под копирку. А я этого не знал.

– Никита, а ты ей расскажи, что можно жить и не обманывать. Сразу правду писать, вот и все. И не нужна будет копирка…

– Так, где компотик? Вы что ругаетесь? – поинтересовалась Маша, заглядывая на кухню.

– Нет, мы просто стихи интересные слушаем, – сказала Катя весело.

– Стихи интима требуют, – зло заметила Маша и добавила, улыбнувшись: «Пошли танцевать!».

Она вытащила Катю в коридор, где проходили танцы. Наташа с Яной уже тащили в круг Андрея и Кирилла.

– Я люблю шустрые танцы! – выкрикивала счастливая Наташа и пустилась в пляс, затягивая Катю и Никиту. Они присоединились, чтобы не портить вечер. Капитанша Галя тоже вышла танцевать, еле держась на ногах, и падала то на одного, то на другого, отдавив всем ноги. Мужчины быстро ретировались. У них был повод выйти на балкон, – покурить. Им было неприятно смотреть на жену капитана, которая была в таком состоянии.

Вообще, что касается Галины, как специалист, она была очень хорошим врачом. Она работала вместе с тетей Шурой в одной больнице, но, пристрастилась к спиртному, что и сделало ее очень плохой матерью, женой и, конечно же, очень плохим медицинским работником. Довольно молодая женщина превращалась на глазах у всех знакомых в деградирующую алкашку с постоянными депрессиями и отвратительным характером, пока ее муж был в море. И ее сразу же уволили по статье за прогулы. Первое время ей еще удавалось восстанавливаться перед приходом мужа с помощью масок и прочей косметической фальши. Но со временем от былой красоты и ума ничего не осталось. Сокращая с помощью бутылки время ожидания мужа – капитана с рейса, она сокращала свою собственную молодую жизнь. Таких женщин в портовых городах всегда было очень много.

Танцуя и веселясь, Катя увидела, как Маша дала девочкам какой – то знак и вдруг Галина толкнула Катю на Наташу, та, хохоча, толкнула ее с силой в сторону Маши, Катя не удержалась и Маша с удовольствием толкнула Катю в сторону Наташи снова.

Они толкали ее друг на друга, как – будто играли в волейбол. И это очень их веселило.

Лица, искаженные выпивкой и злостью – завистью, – к Катиным нарядам, к любви, к благополучию, – были настолько безобразны, что на них страшно было смотреть.

«Вот как выглядит лицо зависти!» – подумала Катя.

И не успела закончить мысль, как Наташа толкнула Катю на Галину так, что капитанша от такого толчка не удержалась на ногах и упала с таким грохотом, что прибежали мужчины. Катя стала поднимать Галину, а Маша в это время со всей силы толкнула Катю на Наташу.

Никита выскочил, схватил Катю на руки и стал танцевать, держа ее как маленького ребенка на руках.

Он кружил ее в танце, не давая завистливым подругам дотронуться до своей любимой. Кружась, он медленно подходил к вешалке, взял свою и Катину дубленку, и сказал громко и весело:

«Спасибо вам, добрые хозяева, за хлеб и соль, но нам пора домой».

Помог Кате одеться, наклонился и сказал ей на ухо: «Нас пригласили, чтобы отомстить».

Ребята быстро оделись и, не дав хозяйке опомниться, смеясь, выбежали из квартиры.

– Никита, а почему они со мной так поступили? Какие – то детские толкания, издевки, что я им сделала? – спросила Катя, когда они выбежали на улицу.

– Катя, это обыкновенная зависть, что у нас все хорошо, что мы счастливы, что у нас есть жилье. Я бы на твоем месте вообще с ними больше не общался. Ты не представляешь, они пытались говорить мне о тебе всякие гадости. Это не подруги тебе. Я знал, что так и будет. Но я очень хотел, чтобы ты сама увидела все своими глазами. И когда ты уже научишься разбираться в людях? – спросил он, вздыхая. А Маша никогда не простит ни мне, ни тебе нашей любви. Даже если она и никогда не любила меня, она все равно тебе не простит, что я остался с тобой. Женское самолюбие не позволит забыть ей, как с ней обошлись. Никогда она с этим не смириться. Тебе нужно осознать это и понять, что я люблю только тебя и никогда больше никого не полюблю. Поэтому тебе нужно сделать окончательный выбор между подругами и мной в мою пользу. Я постараюсь быть тебе и мужем, и любовником, и другом, и подружкой. Я тебя очень люблю, и у меня получится стать всем для тебя. А главное, мужем и отцом твоим детям.

Катя шла домой, держала Никиту под руку, а слезы сами собой катились и жгли щеки горячими струйками.

«Почему девочки так ко мне относятся? Может, я сама виновата? Может во мне что – то не так? Может сама заслужила такого к себе отношения? Начни с себя, измени себя и мир вокруг тебя тоже изменится. Если ты себя изменишь в худшую сторону, то и мир изменится в худшую, а если в лучшую, то и все лучшее будет тебя окружать в твоей новой жизни», – думала Катя. А вслух спросила:

– Никита, а может мне измениться самой? Что – то во мне не так, да?

– Нет, я не хочу, чтобы ты менялась и дело вовсе не в тебе. Дело в том, что генетически в человеке заложен уже характер. Я не верю в эволюцию личности и не верю, что деньги меняют человека. Я думаю, что ничто и никогда не изменит человека в худшую или лучшую сторону, потому что, если ты рожден добрым и честным, то несмотря на испытания приготовленные для тебя, никогда не изменишь себе. А бывает, что человек неискренен, он просто притворяется хорошим и ему многие верят. Но в один прекрасный момент его настоящее «я» вылазит наружу и тогда ты думаешь, что его изменили деньги, произошла деградация или эволюция личности, но человек просто ходил в маске и только что ее снял.

Я тебя уже очень давно знаю и могу тебе сказать правду: ты самая красивая, умная и добрая и тебе не нужно меняться, а девушки, которых ты считала своими подругами, они не были ими. Они играли в подруг. На них были надеты маски зависти. Ты заметила, что женщины разных возрастов, разные внешне имеют одно лицо? И это лицо называется – зависть. Я тебе как – то говорил, что зависть имеет лицо, помнишь? Ты понаблюдай как – нибудь за людьми. Люди разные, а если больны завистью, то выражение лица у них одно и то же. Я насмотрелся уже. У нас у мужчин тоже встречаются одноликие. Реже правда, но попадаются такие экземплярчики.

Никита состроил такую рожицу, что Катя сквозь слезы, увидев расплывчато – искаженную гримасу, засмеялась.

– Хватит меня успокаивать и смешить, лучшая моя подружка. Ты тоже теперь будешь моей верной подругой, которая будет завидовать моим обновкам, которые сам и привезешь? Ты знаешь, а мне и правда, никто кроме тебя не нужен. Я очень счастлива, что у меня есть ты. Зачем я цепляюсь за подруг, которые не рады моему счастью. У вас у мужчин, получается, дружба, правда, есть, а у женщин, ее получается, – нет, – сказала она вздохнув.

– Правильно, всегда слушайся меня. Мужчину Бог создал первым, – засмеялся Никита.

– Ты как всегда прав. Представляешь, хорошо, что я тебя

послушалась и не сказала девочкам, где мы купили квартиру. Наташа моим врагам сдала меня с потрохами. Вот она женская солидарность. Я всегда всем доказывала, что женская дружба есть. Всегда спорила со всеми по этому поводу. А сегодня поняла, что из всего, что нам преподает жизнь нужно выносить правильные уроки…

Глава 45

Настроение Кати подняло новоселье, которое они с Никитой устроили. К ним в гости приехали мама и папа Кати. Ольга Семеновна с Катей счастливые накрывали на стол. А Евгений Петрович с Никитой ушли в коммунизм за продуктами. У них еще оставались свадебные талоны в магазин «Мечта».

– Оленька, – восхищенно рассказывал Евгений Петрович, – ты не представляешь, я видел Коммунизм.

– Я тебя с этим поздравляю. И как он выглядит?

– Полки ломятся, чего только нет. Я никогда такого не видел, – продолжал удивляться Евгений Петрович.

В этот момент в дверь кто-то робко позвонил.

– Наверное, тетя Шура пришла со своим семейством, – закричала Катя и пошла открывать дверь.

На пороге стояла зареванная с узелком вещей Баба Маня. Она увидела Катю бросилась к ней и зарыдала еще сильнее.

– Что случилось, Баб Маня? – испуганно спросила Катя.

– Дочка моя, мафия, продала и мурманскую квартиру и выгнала меня на улицу, – запричитала Баба Маня.

Катя обняла старушку и стала ее успокаивать. Она предложила ей пожить у них, а дальше они что-нибудь придумают. Баба Маня стала успокаиваться, когда Никита ей сказал, что он не против того, чтобы она жила. Но строго предупредил, чтобы она подчинялась его законам. Баб Маня счастливая просеменила с узелком в спальню, где она уже привыкла жить. Катя улыбалась, глядя на свою старенькую подружку.

В коридоре послышался голос Дяди Васи, который на весь дом, растягивая меха гармони пел любимую песню: «Помнишь, мама моя, как девчонку чужую, я привел к тебе в дом и тебя не спросил. Строго глянула ты, на жену молодую и заплакала вновь нас поздравить забыв, нас поздравить забыв…».

Он с шумом открыл дверь, и за ним следом в полусогнутом состоянии заносили красивый бордовый палас Света и Роман. Они все время возмущались, что отстояли огромную очередь и ругали Горбачева с его политикой.

– А где тетя Шура? – поинтересовалась Катя.

– За цветочками побежала, – ответила Света, целуя Катю в щечку. – Ты же ее знаешь. Мама Кати с радостью обняла Свету и Рому. Они же каждое лето гостили у нее дома. И были уже частью их семьи.

Никита повел гостей к столу, а Катя пошла на кухню,

посмотреть, как чувствует себя в духовке жареный гусь с яблоками. Мама решила помочь ей и последовала за нею на кухню.

– Мама, ты помнишь, что мы с тетей Шурой держим версию, что мы родственники, – осторожно спросила Катя.

– Да, конечно, ты не переживай, – не успела ответить мама, как дверь открылась и на пороге появилась тетя Шура с огромным букетом роз. Но, увидев Ольгу Семеновну, она встала в ступор. Затем закричала, заплакала и бросилась обнимать Катину маму:

– Оленька, сестричка, это ты?!

Ольга Семеновна тоже зарыдала и расцеловывала тетю Шуру, как самую близкую родственницу. Но она все время называла ее «Ирочкой». Катя ничего не понимала. Она с открытым ртом смотрела на эту встречу двух сестер. Вот это была настоящая сенсация!

Тетя Шура оказалась средней сестрой Ольги Семеновны Снежко, – Ирой Снежко, которая много лет назад пропала без вести при странных обстоятельствах. А произошло вот что. В селе Горькая Балка ее сбил на огромной скорости прокурор района. И чтобы не понести наказание, оттащил потерпевшую в ближайшую лесополосу. Он бросил ее замерзать и был уверен в летальном исходе. И надо же было в это время проезжать мимо этой лесополосы только что вышедшему из тюрьмы местному авторитету по кличке «Цыган». Ему приспичило в туалет. Вот он и натолкнулся в лесополосе на умирающую Иру. Он подобрал ее и спрятал. Вместе с нею лег, – как он сам говорил– «На дно». Вылечил ее и забрал с собою в Мурманск. Сделал новые документы, заставил поступить в медучилище и дал ей свою фамилию. Так она и стала Мищенко. Имя Шурочка ему очень нравилась и он выдал ей это имя вместе с новыми документами. А ей наплел, что она из Михайловска, осталась сиротой и что они завербовались с нею на север. Она смутно вспоминала свое прошлое, пыталась с ним поделиться. Но дядя Вася убеждал ее в том, что это всего лишь дурной сон. Вот так Катя сама того не желая восстановила связь с родственниками.

Катя всегда улыбалась, когда вспоминала версию тети Шуры, что все люди друг другу родственники, потому что Адам и Ева наши предки.

Глава 46

Пришла зима. Новый год в своей новой квартире Никита и Катя встречали со своими старыми друзьями: Андрей, Яна, ребята из мореходки со своими женами. Серега Весельчак со своей молодой женой, – Ларисой, на которой он все-таки женился. Но ни Маши, ни Наташи с Галиной, Катя больше в своей жизни не видела, потому что вынесла правильный урок после последнего визита к Маше. Она поняла, что они никогда не были настоящими подругами и уж точно никогда ими не станут.

«С мужской дружбой веселее иметь дело. Ни сплетен, ни зависти, ни дешевых интриг! Не нужно было все – таки портить ребро Адама, – думала Катя, вглядываясь в лица Никитиных друзей».

Веселее нового года у Кати еще не было. Друзья придумывали розыгрыши, танцевали и просто бесились. Столы накрывались совместными усилиями. Купили все, что необходимо! Праздник получился на славу, потому что веселыми, добрыми и самое главное, бескорыстными, были их лучшие друзья. Все вместе они действительно были дружной, единой семьей из приезжих на север молодых людей!

Все это и было настоящим счастьем. Всем хватало места в новой квартире Никиты и Кати. Все чувствовали себя как дома. Было уютно и весело! Как всегда, все друзья улеглись спать кто на диване, кто на полу. Благо подушки с кресел снимались и ребята стелили их на полу. Получалась неплохая десятиместная напольная кровать: очень удобная и комфортная. В головах лежали дубленки и шубы, а на них укладывались подушки, которые приобретались по мере пребывания друзей. Катю все называли: «Наша прекрасная мать Тереза», потому что ей всегда и всех было жалко. Баба Маня уже давно отдыхала в своей комнате. Это была ее вотчина. Ей купили телевизор на ее военные талоны и она смотрела все подряд.

Катя сама намучилась бегать по съемным квартирам, поэтому хотела хоть немного облегчить участь всех знакомых. Между ребятами не было фальши, все были открыты друг для друга. Поистине стали друг для друга больше, чем родственники. Катя знала всех невест Никитиных друзей. Иногда выбор не одобряла. Иногда сама знакомила ребят с подругами. Но почему – то, друзья всегда говорили, что понимание красоты для девушек одно, а для мужчин другое. Если одна девушка говорит, что другая девушка красивая, то мужчины уверены, что страшнее ее не найти.

А если парни говорят на какую – нибудь девушку, что они находят ее привлекательной, то девушки, недоумевая, смотрят друг на друга, потому что девушкам, она совершенно не нравится. У мужчин оказывается свое видение красоты и оно очень отличается от видения красоты у девушек. Получается так, что одного и того же человека, мужчины и женщины воспринимают по – разному. И не нужно удивляться, почему такой красивый мужчина женился на страшненькой девушке? Просто для него она – самая красивая на свете! Вот и у ребят были свои подружки, которые мизинца не стоили этих парней. Достойных девочек, по мнению Кати, они не замечали.

«Может быть, их нужно было знакомить со страшненькими девочками, – думала Катя. – Тогда они точно бы женились на них, потому что им эти уродины казались бы красавицами».

Это новая Катина теория взаимоотношений имеет место быть.

– Володя, а почему тебе не нравятся девочки, с которыми я тебя знакомлю? – обратилась Катя ко второму закадычному другу Никиты. Семен и Володя были самыми близкими друзьями ее любимого Никиты. Они были частью их семьи, потому что по распределению приехали на север вместе с Никитой и уже никогда не расставались. Ребята стояли у истоков зарождения всех семей. Святая троица друзей была для Кати самым надежным тылом. У нее никогда не было от них секретов. И у них от нее тоже. Они полностью одобряли ее выбор ни в пользу завистливых подруг, а в пользу Никиты. Для Кати их судьба тоже была не безразлична. Они единственные из друзей ходили до сих пор в холостяках. Она очень переживала за них. Ей не нравилось, что у них нет постоянных девушек, потому что они очень много работали. И она старалась устроить их судьбу.

Володя пришел на Новый год в гости как всегда один. Он не хотел даже слушать о том, что его все хотят познакомить со своими незамужними подругами.

– Да отстаньте вы от меня. Мне хорошо и с проститутками. Пришел с моря, заплатил и не нужно в ресторан вести, цветы дарить, ухаживать, а потом еще уговаривать. Нет, это не по мне. Я заплатил и не заморачиваюсь, – прощаюсь с нею, не вставая с постели. Класс!

– А жениться ты собираешься? А детей собираешься иметь? – спрашивали жены друзей. – Катя, ну скажи ему, что жениться нужно. Смотри, даже Сергей женился, Андрей женат, Никита женат, вроде как.

– Так, я не поняла, как это вроде как? – возмущалась Катя.

– Ну на Янке женат, а живет с тобой, – смеются жены

моряков.

– Не обижайся! Шутим мы! – продолжала веселиться молодежь.

Ребята из Астрахани приехали по распределению в Мурманск, сразу нашли своих однокурсников, стали общаться, поддерживать друг друга в трудную минуту, в общем, стали жить одной КМУшинской семьей, с которой и познакомили и Катю. Многие из них женились на мурманчанках, многие привезли жен из дома.

А вот два друга, – Семен и Володя, никак не могли встретить свою судьбу. У всех друзей была только одна задача – женить их как можно быстрее. Это желание стало навязчивой идеей для всех замужних пар. Все от души хотели им семейного счастья!

Новый год весело шагал по стране, а за ним и ребята выскочили на улицу и побежали к Центральной елке. Все были веселые и счастливые. Даже незнакомые люди обнимались друг с другом и поздравляли с праздником, желая всем счастья в новом году.

Потанцевав перед праздничной елкой, навалявшись в снегу и покатавшись с огромной Ледяной горки, все дружно опять проголодались и побежали домой к Никите с Катей продолжать свой новогодний праздник.

Два холостяка быстрее всех торопились домой тоже. Они давно уже жили у Никиты с Катей и поэтому их дом считали своим. За праздничный стол сели как всегда с шутками, анекдотами и розыгрышами. Все были от северного морозца розовощекие и веселые!

– Нет, я точно вас женю, – сказала Катя, глядя на ребят. – Это не дело, что мы все замужем, а вы – одинокие. Ребята вы хорошие, поэтому пора и вам кого – нибудь осчастливить. У меня, кстати, есть две сестры двоюродные. Дочери тети Гали, маминой младшей сестры.

– Это которую ты здесь в Мурманске разыскала?

– Да нет, это средняя сестра нашлась. А у мамы в семье было три дочери: Оля, моя мама, тетя Ира, которая теперь тетя Шура и тетя Галя, самая младшая.

– А мы поняли, это те твои тетушки про которых ты написала роман «Круговорот»? – напомнили они.

– Да, они самые. А вы уже его прочли?

– Конечно, мы же первые твои читатели, ты забыла?

– Нет, самая жесткая критика, я помню. Но речь не обо мне. Звать сестер в гости или нет?

– Зови, конечно. Пусть они посмотрят на нас, а мы на них. Может быть, мы понравимся друг другу. Я бы хотел иметь таких

родственников! – сказал Володя.

– А я других зятьев и не хочу. Никита, давай их женим на Насте и Маше. Скажи, какие у меня красивые двоюродные сестры!

– Да, правда, красивые, – сказал Никита, обнимая Катю. – Ты когда успокоишься, сваха? – добавил он. – Видите, какая Катя красивая и они такие же.

– Ну если такие, тогда звони, пусть приезжают, будем жениться, – серьезно сказал Семен.

– Звони, мать Тереза, – поддержал его Володя, кивая. – Мы согласны. Пусть сегодня прилетают, нам сегодня очень нужно.

– Никита, я точно приглашу их к нам в гости. Пусть познакомятся. Вдруг правда что – нибудь у них получится. У Маши отпуск скоро, она точно приедет, а вот Настя недавно была, ей, наверное, не удастся в этом году приехать погостить у нас. Ладно, парни, кому – то из вас повезет. Я позову в гости одну из сестер. Только не скажу ей, что хочу познакомить ее с вами. Иначе она точно не приедет. В вашем возрасте уже нужно через знакомых жениться, чтобы не вляпаться. Я вам плохого не посоветую.

Володя был очень серьезным молодым человеком. Он говорил всегда очень мало. Только по существу. И был очень внимательным мужчиной. Он всегда замечал все мелочи, происходившие вокруг него. Всегда приходил на помощь ко всем друзьям первым! Хорошо воспитанный молодой человек был очень тактичный, умный и добрый.

В гости приходил всегда только с цветами. Темно – зеленые глаза и необычный цвет кожи, с интересным золотистым отливом не оставляли равнодушным ни одну девушку, которая с ним знакомилась. Они постоянно спрашивали, глядя на него: «С какого курорта он только что приехал? И где принимал солнечные ванны?».

Но Володя всегда неторопливо отвечал и продолжал рассуждать о вечности бытия, при этом никогда не забывал осыпать девушек комплиментами, за что те его очень любили. Они называли его самым настоящим русским джентльменом.

Катя смотрела на Володю и представляла рядом с ним свою двоюродную сестру Машу. Ей очень нравились оба Никитиных друга. Но, она была почти уверенна, что Маша выберет из них двоих – Володю.

– Никита, а ты как думаешь, кто из ребят понравится Маше больше? Веселый, жизнерадостный Семен или серьезный и рассудительный Володя? – спрашивала Катя у Никиты шепотом.

– Я думаю, ей больше подошел бы Семен. Маша сама по себе

очень спокойная девушка. Такая же как Володя. А плюс на плюс даст только минус!

– Ладно! Приедет Маша в гости тогда и узнаем, – засмеялась Катя.

В этот момент неожиданно кто – то настойчиво позвонил в дверь. Катя вскочила с места и побежала открывать дверь. Но, как только она открыла дверь, то сердце у нее сжалось и оборвалось, потому что она увидела перед собой мужчину в милицейской форме.

– Здравствуйте, – осторожно произнесла Катя.

– Здравствуйте. Я, Смирнов Петр Ильич, участковый.

Катя внимательно посмотрела на милиционера и сразу вспомнила Петьку – участкового, друга тети Шуры. Холод какого – то неприятного чувства зашевелился в душе у Кати. Она с ужасом произнесла: «Что случилось?».

– Случилось самое страшное! Тети Шуры и всей ее семьи больше нет! Они погибли в пожаре. Сегодня ночью от сигареты загорелась их квартира. Пока соседи спохватились. Пока пожарную вызвали, скорую помощь. В общем, мы их не успели спасти, – продолжал срывающимся голосом участковый.

Катя уже ничего не слышала. Слезы душили ее и она зарыдала в голос, она не хотела верить в случившееся.

«Почему такая нелепая смерть? Почему забрала ее близких людей? Почему именно тогда, когда они отказались у Кати встречать Новый год, пришла беда?».

Перед Новым годом Катя забегала к ним с подарками и поздравлениями. Она долго уговаривала их встретить этот праздник в ее новой квартире. Но они сказали, что все соседи подъезда празднуют этот новый год много лет вместе, ходят в гости друг к другу без приглашения, что провожать старый год они начнут еще за неделю до праздника и закончат месяцем позже.

Катя винила себя, что не смогла уберечь их от этой трагедии. Она спрашивала позже у Юры, – мог это сделать Игорь Сергеевич? Но Юра категорично отрицал Катины предположения. Он вместе с Никитой поддерживал Катю в эту трудную минуту. Катя полностью взяла на себя вместе с участковым Петей похороны любимых друзей. Все мурманские Бомжи плакали за своей кормилицей. Мурманск провожал своих любимцев и все жители городской свалки прощались с главными их обитателями, которые больше не вернуться в город своей юности, любви и бескорыстной дружбы.

Катя очень долго не могла оправится от такой потери. Она в каждом идущем навстречу человеке видела тетю Шуру.

«Но почему таких добрых и честных людей забирает Создатель так рано? – думала Катя. – Почему они не смогли побороть эту болезнь – пьянство?».

Катя плакала и задавала себе все эти вопросы. Может быть их миссия на этой земле закончилась и они в другой жизни будут успешными бизнесменами? Как говорится, если человек при жизни обижает бродягу, то в следующей жизни станет бродягой точно и с ним будут поступать так же, как он когда – то поступал, только в десять раз хуже.

А если человек не испугался трудностей, помогал ближним, то в следующей жизни он будет жить лучше всех и сам не будет знать за что ему так в этой жизни повезло. А соседи так же будут удивляться, почему одним – все, а другим – ничего? И будут сожалеть о том, что не знали, что получат наказание по грехам, которые накопили.

Глава 47

К весне Катя после такого потрясения стала немного приходить в себя. Она понимала, что на этом жизнь не заканчивается, что нужно, не смотря ни на что, продолжать жить.

Весной Никита с Катей собрались ехать в гости к родителям и отвезти деньги за купленную квартиру. Катя очень хотела помочь родителям рассчитаться с долгами. Она чуть по чуть собирала с зарплаты деньги, но их было все равно очень мало.

Никита удачно сходил в рейс, заработал много денег и пообещал Кате, что они обязательно отдадут деньги маме за квартиру хотя бы частично. – Только поедем сначала к моим родителям, – сказал Никита Кате. – Познакомишься с моими родственниками, а то ты видела только маму, когда она приезжала ко мне в Мурманск.

– Хорошо, а потом поедем к моим. Они тебя тоже очень любят.

– Я хочу попросить у них твоей руки, – сказал Никита серьезно, – хочу, чтобы мы с тобой поженились.

– Подожди чуть – чуть. Сначала я разведусь с дедушкой, ведь мы только тогда сможем расписаться, – грустно посмотрела на него Катя.

– Катя, тебе нужно сменить обстановку, чтобы ты смогла отдохнуть и не вспоминать семью Мищенко каждую секунду. Их уже не вернешь. Завтра же выезжаем в Астрахань.

Катя очень волновалась перед встречей с Никитиной семьей. Какое – то неприятное предчувствие не покидало ее.

Катя знала, что Никита жил в Ставрополе у дедушки и бабушки. Мама второй раз вышла замуж и родила сына. И он стал семье помехой. Она, конечно, навещала его. Да и он часто приезжал в Астрахань. В старших классах жил с мамой, пока не окончил школу. А затем вернулся в Ставрополь к бабушке с дедушкой и решил поступить на журфак. Но что-то его остановило и он устроился работать в районную газету города Михайловска, где и познакомился с Катей. Но маму с отчимом очень любил и каждое лето ездил к ним в гости. Пока не уехал в Мурманск. Наверное, именно потому что рано стал жить самостоятельно, он стал взрослым не по годам. Катя всегда чувствовала мужскую силу, исходившую от этого человека. С ним ей было спокойно.

Приехав в Астрахань и выйдя из поезда, Катя с Никитой увидели мужчину невысокого роста, который их встречал.

Мужчина был худощавый, темноволосый и черные глаза–буравчики сверлили Катю насквозь. Он казался очень серьезным. Исподлобья глянув на подругу Никиты, молча кивнул, взял чемоданы и, не сказав ни слова, пошел к автобусной остановке.

Молодой человек, который встречал Катю и Никиту вместе с ним, был очень похож на этого серьезного мужчину. Он был такого же телосложения, только высокий. Глаза у него были серые, волосы – темноруссые и такой же нос с горбинкой, как у отца.

Очень симпатичный и очень улыбчивый юноша представился Алексеем, младшим братом Никиты, взял сумку и стал весело расспрашивать, как они добрались. У Кати сразу отлегло от сердца, потому что она очень испугалась серьезного мужчину, перед которым молчали и стеснялись говорить оба сына.

«Вот это неприкасаемый авторитет?! – подумала Катя. – Очень серьезные люди, Никитины родственники».

Маму она уже видела, когда та приезжала в Мурманск. Они тогда еще жили у баб Мани на квартире. Тогда Катя точно знала, что она ей не понравилась. Когда мама Никиты увидела Катю в первый раз, то почему – то заплакала. Она завела Никиту в ванную комнату и стала говорить ему, что если Катя старше его на пять лет и была замужем, значит, у нее есть ребенок и она прячет его от тебя. Никита тогда очень грубо осек ее и ответил, что он все равно женится на Кате, даже если у нее есть ребенок.

– Ведь отчим, – сказал он, – женился на тебе, когда у тебя был я. – Он ведь взял тебя в жены и не побоялся, что ты с ребенком. Почему ты против Кати?

На что мама сказала, что Катя ей не нравится и заплакала. Катя тогда очень сильно переживала и понимала, что мужчина их встречающий, уже наслышан о Кате не очень приятных вещей и как бы присматривался к ней.

«Может, нужно было сначала к моим родителям поехать?», – думала Катя, жалея об этой поездке. Но дома ее встретил улыбающийся дедушка Ваня, это был самый позитивный человечек в этой семье. Он так радовался приезду Кати, что сразу побежал за тортом и когда вошел в дом с покупкой, был весь им перепачкан. В автобусе его толкнули и торт прилепился к его куртке. Он виновато разводил руками и говорил: «Ёка яще!». Никто не знал, как переводится это ругательство, но что это было ругательство, точно, знали все. Дедушка был совершенно глухой, он был из той еще гвардии дореволюционных богачей, которые пили горячий шоколад и знали, что такое вафли, потому что жил в зажиточной семье, но простудился еще ребенком, потерял слух и поэтому плохо умел говорить. Его женили на молоденькой

прислуге при дворе и он прожил с нею счастливую, а может и не очень, жизнь. Жена его, Никитина бабушка, умерла рано. Дедушка Никиты стал жить у своей дочери. Иногда ездил в гости к сыну с невесткой. А в остальное время был дома.

Для него специально была повешена лампочка, которая загоралась, когда кто – нибудь звонил в дверь. Катя в дедушке Ване увидела своего человека, а с ним и глоток свежего воздуха. У них сразу возникла взаимная симпатия и они понимали друг друга только по взгляду. Катя радостно подбежала к дедушке, взяла из его рук торт, низко поклонилась, дав ему понять, что очень благодарна ему за такую заботу.

Мама Никиты встретила Катю вежливо – сдержано, произнеся сквозь зубы:

– С приездом!

И, повернувшись спиной, ушла на кухню. Квартира была трехкомнатная, но комнаты были очень маленькие, поэтому все, что говорилось шепотом было очень хорошо слышно. Катя слышала, как мама нашептывала Никите, что – то насчет денег. Нужно отдать ей должное, она все делала искусно и была очень умной и осторожной женщиной.

Когда она душевно беседовала со своими сыновьями, то они всегда думали, что то или иное решение они принимали сами. Сыновья раболепствовали перед нею. И Катя, все никак не могла понять, каким образом эта женщина, которая по жизни была кукушкой, могла воспитать таких сыновей. Никиту она родила от первого брака и отдала на воспитание бабушке в деревню, куда приезжала редко и только, чтобы взять продуктов в город.

Работала она на заводе, образования так и не получила, хотя была очень способная ученица, но или от лености, или от того, что ей было некогда, потому что устраивала свою собственную жизнь, она так и не получила даже средне – специального образования. Когда забеременела во второй раз и вышла замуж, то забрала Никиту, когда ему было уже восемь лет, чтобы он помогал ей по хозяйству и по уходу за младшим братом. А в десять он снова жил у бабушки. В четырнадцать лет приехал домой, поступил вместо школы в мореходку. Она не дала ему даже закончить десять классов. Говорила, что ему нечего штаны просиживать, потому что у него была одна четверка, а остальные пятерки. Второго сына, от второго брака, Алексея, отправила учиться в электротехникум, не дав тоже закончить десять классов. Ребята сами получили высшее образование, когда уже стали самостоятельно зарабатывать. Никита после мореходки сдал экзамены за среднюю школу и хотел поступать на журфак. Он очень хорошо писал сочинения и в совершенстве знал английский

язык. И жизнь его развернула в сторону иняза, после знакомства с Катей. Он получил высшее образование экстерном. И вот эти два молодых человека, просто носили свою маму на руках. Они боготворили ее, выполняли все, что она им прикажет. Для Кати это было загадкой, почему и за что они так любили женщину, которая кроме себя никогда и никого не любила?

– Никита! – сказала строго мама. – Ты понимаешь, что квартира не твоя еще. И поэтому не надо за нее ничего отдавать. А еще лучше сделай вот что: ты привез чемодан духов и губной помады на продажу. Пусть Катина мама продаст это все и хоть какую – то часть денег отдаст за квартиру.

Катя услышала это и чуть не упала в обморок. Она подумала, что ей, наверное, показалось. Мать с сыном шептались на кухне.

«Может, это моя больная фантазия все придумала? – задавала себе вопрос Катя. – Наверное, мама Никиты просто хочет добавить к деньгам, которые с таким трудом нашли мои родители на квартиру, еще и этот чемодан с духами?! Ну как бы в благодарность за то, что старые люди унижались и просили в долг. Да еще заняли деньги под большие проценты. Наверное, я просто, что – то не так поняла?! Ладно, не буду думать об этом, пусть шепчутся».

– Пойдем к моим друзьям в гости, – предложил Никита, заходя к Кате в комнату. – У меня есть друг по мореходке, ты его не знаешь. Он не попал по распределению в Мурманск. Пойдем, пожалуйста, я очень хочу повидаться с ним.

– Конечно, пойдем! – с радостью ответила Катя.

Потому что находиться в такой тяжелой атмосфере ей было неприятно. Не смотря на чистоту в квартире, Катя задыхалась в ней. Ей нечем было дышать, не хватало воздуха. Она сразу вспомнила Люду из Мурманска. Люди были совсем не ее круга. Люди были сами по себе очень закрытыми и всегда чем – то недовольными. Зло смотрели на Катю, всячески задевая ее ехидными замечаниями по поводу и без. Всегда открытая Катя вся сжалась и хотела казаться незаметной в этой обстановке. Она с удовольствием выскочила на улицу, глубоко вздохнула, и радостно взявшись за руку с Никитой, уверенно пошла по улице с высоко поднятой головой. Микрорайон, где жил Никита, был очень маленький и все очень хорошо знали друг друга. Какого же было Катино удивление, когда выходя из подъезда, местные молодые «старушки» с ног до головы оглядев Катю, вслух произнесли вердикт: «Худовата, а так ничего невеста у тебя, Никита. И чего это ты со своим самоваром в гости ездишь. У нас тоже девчата красавицы, а ты привез с севера себе жену».

– Жен не мы выбираем, а Бог, – ответил им Никита и,

подмигнув бабулькам, сидевшим с открытыми ртами, нежно обнял Катю и добавил: – А мне за хорошее поведение выдал самую лучшую!».

– Ой, подумаешь, – перебивая друг друга продолжали что – то громко шептать местные эксперты красоты.

Они были удивлены, что их красавец Никита, любимец всех девчонок в округе, выбрал себе в жены женщину старше себя…

Но Катя с Никитой уже бежали к автобусной остановке и ничего этого не слышали.

Глава 48

Квартира у друзей была вся заставлена пустыми бутылками. Хлам занимал все комнаты. Только кухня и зал были заполнены не до конца.

– Заходите, гости дорогие! – сказала с порога хозяйка, очень красивая женщина, на вид которой было лет тридцать. Хотя, как потом выяснилось, ей всего двадцать один год.

«Просто после родов она стала выглядеть чуть старше», – подумала Катя, увидев девочку лет пяти, выбегающую навстречу Никите.

– Пливет, дядь Ник. Я могу уже букву «л» выговаливать, – радостно произнесла она, хватая протянутую конфету и ревниво глядя на новую Никитину девушку. – А к нам сегодня плидет твоя невеста Вика, ей мама позвонила и сказала, что ты с новой невестой плиехал. Вика слазу захотела тебя увидеть.

– Дашка, прекрати болтать! – схватив за руку ребенка и сильно сжав ее, произнесла хозяйка квартиры.

Девочка расплакалась и стала кричать, что ей больно. Она другой рукой старалась дотянуться до мамы и посильнее ударить ее, причитая: «Ты, мама похая, похая, мне больно…

Катя сделала вид, что ничего не поняла из сказанного. Она украдкой посмотрела на Никиту и заметила, что его взволновали девочкины слова.

– Так, проходите за стол, – улыбаясь, предложила хозяйка, обращаясь к Кате и тут же добавила: – Мужики, идите есть!».

Она посмотрела на Катю и тихо произнесла: «Вот засели и будут теперь болтать до утра. Так что Катя вам сегодня придется остаться ночевать у нас».

Катя обрадовалась. Ей очень не хотелось идти в квартиру Никитиных родителей и чувствовать на себе испытующий взгляд мамы Никиты.

– Отлично! – ответила Катя. – Мне у вас нравится, вы – настоящие и с вами легко.

– Ты не обижайся на мою дочку, болтает, выдумывает всякие небылицы, она тайно влюблена в Никиту, поэтому и несет без разбору всякую ересь.

– Да, нет, ничего. Я и не поняла о чем речь, – соврала Катя.

В дверь позвонили и хозяйка квартиры пошла открывать дверь. – Ой, привет, Викуся, – сказала она, целуя подругу.

Она что – то шептала на ухо бывшей невесте Никиты и они, смеялись, заходя на кухню.

– Познакомься, это девушка Никиты, – нарочито подчеркнуто

сказала хозяйка, показывая на Катю. – А это моя подруга, Вика.

Вошедшая девушка оценивающе посмотрела на Катю и в ее глазах Катя увидела не то сожаление, не то жалость, что очень удивило ее.

«Почему бывшая девушка Никиты с жалостью смотрит на меня, – задумалась Катя. – Наверное, она жалеет, что рассталась с ним?».

Катя знала историю их любви из рассказа Никиты. Они долго встречались, но Вика так и не смогла полюбить Никиту и была инициатором их разрыва. Что послужило причиной распада этой пары на самом деле, Кате было неизвестно. Никита рассказывал, что Вика была цинична, лжива и очень любила деньги, которых у Никиты не было. Но эта сторона одной медали. А что было на самом деле она не знала, да и не хотела знать.

– Катя, можно тебя на секунду, – попросил выйти ее из кухни Никита.

Видно было, что он хочет ей что – то сказать.

– Да, конечно, что случилось?

– Просто я порезал нечаянно палец и мне нужна твоя помощь. Вот зеленка и бинт, – протянул Никита Кате лекарство.

– Что случилось? – испуганно глядя на Никиту и беря его за руку, спросила взволнованная Катя.

– Да ничего страшного, – ответил он, просто царапина. – Я ножом точил Дашке карандаш и нечаянно чиркнул по пальцу.

Катя выскочила к нему на помощь и, взяв его за руку, увидела, что порез был не глубокий, просто чуть задета кожа и кровь маленькой капелькой медленно выступала на пальце. Обработав, как настоящая медсестра, рану, Катя посмотрела внимательно на Никиту и спросила его, глядя прямо в глаза: «А ты ничего не хочешь мне сказать?».

– Хочу, та девушка на кухне и есть та самая Вика, которая когда – то бросила меня, но я честно не знаю, что она здесь делает, я ее не звал, это точно!

– Скажи мне честно, – спросила Катя, посмотрев серьезно на Никиту. – У тебя к ней остались еще чувства?

– Нет! – не задумываясь и очень быстро ответил Никита. – Я люблю только тебя. Она мне не пара, потому что она всегда говорила, что я бедный, а ей нужен богатый жених, который много зарабатывает, пусть он даже будет старый. Ей не нравились подарки, которые я ей привозил с моря, ей не нравились вещи, косметика, ей хотелось шубы, бриллианты и машины. Я не мог ей всего этого дать.

– Никита, давай проучим ее, ты, пожалуйста, не говори ей, что вот эти вещи и джинсы и кофту с жемчугом ты привез мне с

моря. Пусть она думает, что я очень богатая невеста и не посмотрела на то, что ты мало зарабатываешь, и что в жизни вот так бывает, что богатые невесты, если влюбляются, то выходят замуж за бедных. И это очень хорошо, что она пришла. Теперь ты можешь сравнить, правильный ли ты сделал выбор или нет.

Ребята вернулись за стол вместе. Катя постоянно чувствовала на себе оценивающий взгляд всех присутствующих. Вика бесцеремонно расспрашивала Катю, из какой она семьи, ее интересовало, кто Катины родители, кем работает сама Катя, есть ли у нее своя машина, квартира?

Причем вопросы задавались в грубой форме, с каким – то сарказмом и иронией. Катя отвечала на каверзные вопросы мягко и решила, что ни в коем случае не даст повода для ссоры, на которую хозяева рассчитывали.

«Провокацию нужно задушить на корню, – говорила себе Катя. – Никита у меня очень умный молодой человек, поэтому все поймет и без слов».

Все дружно поднимали бокалы, вернее рюмки, говорили какие – то бессмысленные тосты, говорили о чем – то своем, вспоминали смешные истории, происходящие с ними в молодости. Катя смеялась вместе с ребятами, потому что истории действительно были очень смешные.

– Никита, а почему Катя так мало пьет? Она что беременна или больная? – смеясь, спрашивала Вика.

– А почему, Вика, вы у меня не спросите? Я ведь лучше знаю причину, почему я не пью так много, – ответила Катя, мило улыбаясь.

– Я не у тебя спрашиваю, – зло процедила сквозь зубы девушка, которая была не очень хороша собой, а самое главное не очень умна. У нее была завышена самооценка до беспредельных высот. Как ни странно, но чем страшнее девушка, тем она более уверена в себе.

Может быть, в зеркале она видит не себя?! Или таким образом хочет обратить на себя внимание? Вот и Вика вела себя так, будто весь мир принадлежит ей. Такие девушки обычно очень нравятся молодым и неуверенным в себе юношам. Они наглое поведение девушек принимают за недоступность и серьезность.

Перед хамством робеют и раболепствуют, потому что принимают за чистую монету заржавевшую фальшивку. Молодым людям кажется, что с такими девушками будет легко жить, потому что они знают, чего хотят от жизни. И это ошибочное мнение многих приводило в дальнейшем на скамью подсудимых. Это происходило от того, что такие девушки были склонны к криминальным действиям. Если у них не получалось взять свое

самим, они силой заставляли взять это других. И, попавшиеся в их сети мальчики, начинали опережать события, торгуя наркотиками, оружием или просто убивая, чтобы заработать своим любимым на красивую жизнь.

Никита, перебрав немного спиртного, вдруг повернулся к Кате и, взяв ее за рукав кофты двумя пальцами, сказал Вике: «А ты Вика, дура! Все, что сейчас надето на моей невесте, могло быть надето на тебя. Вот эту кофту и вот эти джинсы, и куртку, все это я привез Кате из – за границы!».

Катя почувствовала, что земля уходит из – под ног. Сразу стало не хватать воздуха. Она очень внимательно посмотрела на Никиту и ей показалось, что с нею сидит совершенно другой человек.

«Господи, что он сейчас говорит? Что он делает?», – подумала она.

В Кате сразу что – то надломилось. Она поняла, что Никита любит эту девушку до сих пор.

«Нет, этого не может быть! Нет, это не Никита, это кто – то другой говорит эти гадкие слова. Да так пренебрежительно, будто я вешалка для демонстрации этих тряпок, чтобы жадная бывшая подруга пожалела о том, что его бросила», – продолжала размышлять Катя, вспоминая фильм «Жестокий роман» в главной роли с Ларисой Гузеевой и Андреем Мягковым, где он пьяный хвастался дорогим вином и дорогими этикетками, приклеенными на бутылках – фальшифках.

И увидев ухмылки на лицах девушек, она улыбнулась и сказала: «А еще он купил мне квартиру в центре города Мурманска и машину, ну я просто не хотела хвастаться, а вообще он очень щедрый кавалер…»

– Неужели, – удивилась Вика, а по молодости он был очень жадным чуваком.

– Да не жадным я был, а глупым, просто не знал, что вам нужны только деньги, продажные вы твари, – сильно стукнув кулаком по столу, закричал, Никита.

– Так, начинается! – произнесла Вика, опять глядя с сожалением на Катю.

Она быстро ретировалась, демонстративно встала и даже не попрощавшись, пошла к себе домой.

– Никита, догони Вику! – сказала хозяйка квартиры. – Ты же ее обидел, ты разве не заметил, нагрубил ей, оскорбил ее, бедная девочка убежала.

– А мне, что до нее? У меня есть жена, которую я очень люблю, правильно, Катюха?

Но, Катя уже ничего не слышала и не видела. Глаза

наполнились слезами, к горлу подкатил предательский комок и чтобы никто ничего не заметил, она весело сказала, отвернувшись: «Конечно, любимый, что нам еще с тобой нужно!».

Катя, говоря эти слова, встала и побежала в ванную комнату.

Только закрывшись там, она осознала, что все рухнуло, что больше нет любви и что опять предательство. Но самое страшное для нее было то, что она скажет родителям? Как она будет смотреть им в глаза? Где она возьмет денег на квартиру? Ведь сама она никогда в жизни не отдаст такую сумму. А проценты идут и доллар растет, и квартира скоро будет, – «золотая».

От безысходности Катя уткнулась в эту злосчастную вязанную, вышитую жемчугом белую кофту, схватив ее зубами за рукав, она неслышно заливалась слезами. Катя не могла унять дрожь обиды во всем теле и чтобы не закричать во весь голос, она сильнее закусила рукав и, содрогаясь всем телом, прощалась с мечтой, любовью и Никитой.

– Катя, ты скоро? – позвала девушку хозяйка квартиры. – А то мы тебя заждались.

– Сейчас, бегу! – приветливо откликнулась Катя, выходя из ванной комнаты. Только носик припудрю.

«Только бы никто ничего не заметил, умывшись холодной водой и подправив макияж, – подумала Катя. – Хотя они все пьяные. А мне нужно продержаться до утра, утро вечера мудренее.

И она, как ни в чем не бывало, вышла к столу.

– Так за что пьем? – спросила Катя.

Она взяла полную рюмку водки и залпом выпила содержимое.

– Вот, это по – нашему! – обрадовалась Хозяйка. – Давай по второй!

И праздник стал продолжаться дальше.

«Все, теперь хватит!»– подумала Катя.

В голове тоскливо шумело и сердце пощипывало от обиды.

– Спасибо большое, хозяйка! Но я очень хочу спать, – сказала, вставая из – за стола, Катя.

– Она у меня очень слабая до спиртного, не пьет и не курит. – Это сегодня она от радости, что от свекрови вырвалась, напилась, а так вообще почти не пьет, – сказал гордо Никита.

– Мы вам постелили на матраце, на полу в третьей комнате. Извините, но недавно только купили эту квартиру, поэтому пока так. Мы самогоном промышляем, поэтому бутылки собираем и в них разливаем горючее, а потом продаем. Очень хороший навар получается! – гордо сообщила Хозяйка.

– Может вам помочь со стола убрать, – предложила Катя

хозяйке.

– Нет, спасибо. Мы еще посидим, поболтаем с Никитосом. Слабые вы все такие, ужас и муженек спать завалился и ты тоже теперь готова, – сказала она. – Ладно, иди уже спать, спокойной ночи!

– Спокойной, – только и успела произнести Катя, и быстро пошла в ванную.

Только здесь она смогла наконец – то прокрутить пленку памяти и весь момент предательства Никиты: «… Это все я купил, а ведь все эти вещи могли быть твоими…».

Но слез уже не было, обиды тоже, была одна пустота и «мысли – оправдания» проносились в голове.

«Наверное, Никита не услышал, когда я ему говорила, чтобы мы проучили эту высокомерную дешевку, которая его бросила и забыл сделать вид, что эти все вещи мои и что я очень богатая невеста. Он все перепутал – это точно! – успокаивала себя Катя. – Да как я сразу не догадалась, что он говорил, думая, что выполняет мою просьбу».

И Катя сама себя стала уговаривать простить Никиту. Она легла на разложенный на полу матрац и, немного поворочавшись, отдала себя в руки Морфея. Она сладко уснула, только изредка вздыхая во сне.

– Вставай! Быстрее просыпайся! – толкая гостью, взволнованно кричала Хозяйка. – Одевайся быстрее, и уходите домой! Мой муж с ножом на твоего бросается. А мы не говорили тебе, ведь он только – что из тюрьмы вышел. Он точно его зарежет, – кричала лохматая женщина.

– Кто кого зарежет? Кто из тюрьмы вышел? – не понимала Катя. – Она быстро оделась и спросила сонно: «А что произошло?».

– Да мой, придурок, твоего приревновал ко мне. Ему почудилось, что мы с твоим Никитой трахаемся. Быстрей забирай своего и уходите живо.

Катя выскочила в зал и увидела, что Никита провоцирует Федю, крича ему в лицо, расставив руки в стороны:

– Давай! Засади мне нож прямо в сердце, давай, тебе ж все равно скольких людей убивать, на одного больше, на одного меньше, давай, что ссышь?

Катя не сразу увидела в этом искаженном злостью лице, своего Никиты. Спросонья она мало понимала реальность происходящего и думала, что это страшный сон.

Но, увидев нож в руках крупного мужчины, у которого были стеклянные глаза убийцы, Катя испугалась за своего любимого и, ни о чем не думая, бросилась закрывать своим маленьким

худеньким тельцем Никиту, раскрыв руки, чтобы побольше защитить его.

– Не трогай его! Режь меня, давай убивай, если хочешь!

В глазах ее было столько силы и смелости, что Федя даже немного протрезвел, глядя на Катю. Испытания, происходившие с нею за последнее годы настолько закалили ее, что она знала точно, что ни за что не даст в обиду своего любимого человека. Да и не только его. Она может защитить целый город обиженных людей. Вот такая сила Духа присутствовала в ней и взрывной волной откинула уголовника убийцу Федю, который подходя к ней очень близко, сказал: «Отойди, Катя! Ты очень хороший человек, он твоего ногтя не стоит. Кого ты защищаешь? Уйди, а не то я двоих завалю!»

– Не трогай их! – закричала его жена. – Ты что опять сесть захотел, ведь только что откинулся?

И, схватив и оттащив пьяного мужа, она вытолкала Никиту и Катю за дверь. Затем выбросила их вещи на лестничную площадку и быстро произнесла: «Убегайте от греха подальше!».

Щелкнул замок и загремела цепочка на дверях. Крики стали стихать за дверью. Катя и Никита молча оделись и также молча вышли на улицу.

Рядом с домом, в котором происходили эти неприятные события, находилась красивая старинная церковь. Катя всегда любовалась ею! Такого красивого здания она не видела нигде. Белоснежная церковь стояла на берегу реки, как невеста. И самое странное, что она не была действующая, – в ней находился автовокзал.

«Как всегда, – подумала Катя, – именно этот чистый храм, нужно отдать грязным пассажирам?! А как же я поеду домой? У меня нет ни копейки денег, – спохватилась она. – Очень хочется все бросить, снять с себя вещи, купленные Никитой и бежать домой побыстрее. Это не мой Никита, это чужой Никита. Я не знала такого Никиту раньше. Получается, он не тот человек, за кого себя выдает».

– Ты почему молчишь?! – спросил Никита, обнимая Катю. – Представляешь, я сижу спокойно, разговариваю с его женой. Сидим, выпиваем и тут вскакивает из спальни Федя, подходит к нам и говорит: «Налейте – ка мне тоже водки, а чего это вы тут вдвоем делаете?».

И зло так смотрит на меня и добавляет: «Скажи мне, Никита, а правду говорят, что ты с моей женой спал, когда я в тюрьме был? Ты, представляешь, Катя, а мне так стало обидно, что меня оболгали, как это можно, чтобы с женой друга спать? Я взял и говорю ему: «Ты что в своей тюрьме с ума сошел?».

А он мне говорит: «Мне жена сама все рассказала, как ты к ней ходил, поэтому тебя Вика и бросила». – Представляешь, оказывается, она ему сама такое выдумала и рассказала. Для чего не пойму? Ну я взял и вылил ему водку прямо в лицо, и тут такое началось. Он мне говорит: «Ты мне водку в лицо, в моем собственном доме вылил?».

И бросился на меня драться, а потом и за нож схватился, вот дурак!

– А, ты чего молчишь, Катя? Ты что мне не веришь? – зло спросил Никита.

Катя слушала и не слышала, смотрела и не видела. Она как будто находилась под стеклянным прозрачным колпаком и слова доносились, как эхо. Они шли ночью одни через мост и вокруг них была черная воронка, которая затягивала их в какую – то черную яму.

– Что ты молчишь? Ты что меня не слушаешь, что ли? – спросил Никита недовольно.

– Дыма без огня не бывает, – только и успела сказать Катя.

Сильный удар в голову сбил ее с ног. Краем глаза, она увидела, что Никита на нее замахнулся, щелчок и она упала в лужу грязи. Она не успела ничего подумать, кроме: «Вот и все кончено!».

Никита сам не сообразил, что произошло, быстро упал перед Катей на колени и начал целовать ее руки.

– Прости, прости, – только и успевал повторять он. – Катя, я не знаю, что со мной произошло. Катя, прости меня, пожалуйста, прости. Он поднял Катю на руки и понес ее к остановке.

– Оставь меня в покое, – попросила Катя.

У нее не было сил сопротивляться, плакать, переживать, даже думать не было сил. Внутри одна черная воронка, которая затягивала ее душу все глубже и глубже. Она сквозь серую пелену видела, что Никита что – то говорит, размахивая руками, плачет, вытирая слезы рукавом. Затем становиться опять на колени, целует руки и опять что – то говорит, говорит…

Но, Катя ничего не видела вокруг себя, только повторяла одно и тоже:

– Дай мне денег на билет домой, пожалуйста. – Я тебе верну. Мне больше ничего от тебя не нужно. Мы расстаемся.

– Нет, а как же деньги за квартиру? Ты очень расстроишь своих родителей. Ты не должна делать поспешных выводов. Дай мне еще один шанс исправиться. Я, если ты меня не простишь, брошусь в реку, – закричал он, поднялся и поспешил к реке.

Было очень холодно. Никита, поднимая с земли тяжелые камни, совал их в карманы и уже бежал к реке.

– Никита, остановись, хватит мне рвать душу! – закричала Катя и побежала за ним следом. Она успела схватить его за руку, стала кричать на него, колотить его своими маленькими кулачками и громко плакать: «Я не хочу верить, что ты такой, я ведь тебя любила, по – настоящему любила! Поломать все очень легко, построить сложно. Как дальше жить? Как верить тебе? Как вернуть любовь?», – кричала Катя, продолжая стучать своими маленькими кулачками по спине, по рукам, по всему, что попадалось под руку.

– Я тебе клянусь, – сказал Никита тоже рыдая. – Я в жизни никого не любил как тебя. Я не смогу без тебя жить. Я все понял, я все исправлю, поверь мне и не бросай меня. Прошу тебя, поверь мне. Я по – настоящему тебя люблю. Я больше никогда на тебя руку не подниму.

Рассвет застал влюбленную парочку, сидящими на скамейке. Они заворожено наблюдали за красавицей Церковью – вокзалом. Белоснежная невеста стояла в обрамлении красных автобусов в сиянии розово – золотого начала дня. Церковь, казалась, приподнятой над всем этим грязным городом.

Черная вода реки отражала нежно – голубое, появляющееся после сна, небо, слегка подсвечиваемое лучами восходящего солнца и чистую, воздушно – белую красавицу Церковь. Стояла красивая тишина и розовый рассвет осторожно окутывал свою белоснежную любимицу нежным туманом. Катя и Никита сидели, обнявшись, молчали и каждый думал о том, что ждет их там в красивом рассвете новой жизни?!

Глава 49

– Когда вы едете к Катиным родителям? Что – то вы все недовольные оба ходите. Вы случайно не поругались? А то мы знаем этих молодых. Из гостей, вы почему – то приехали рано утром. Почему задержались? Эти пьянки никого еще до добра не доводили. Ты смотри, а то будешь, как твой отец, алкаш, вечно пьяный, вечно меня бил. Хорошо, что я с ним вовремя развелась. Хоть с отчимом повезло. В жизни на меня руку не поднял. А твоего отца в тридцать лет закололи колом от забора, добегался. Смотри у меня, если как отец будешь, прибью сама тебя, – кричала мама Никиты.

Она, почему то, очень громко разговаривала. Казалось, что она постоянно ругается.

– Ладно, езжайте уж. Там хоть не пей, а то опозоришься, – ворчала как всегда недовольная мама.

– А он вообще – то не пьет, – попыталась защитить Никиту Катя. – Просто допоздна засиделись, поэтому приехали утром.

– Катя, ты не сильно его защищай. Он тебе еще покажет!

– Ма, ну хватит уже. Что ты на меня наговариваешь, – возмутился Никита.

– Ну, смотри у меня, я ж тебя знаю, – пригрозила Никите мама.

Катя посмотрела внимательно на опустившего голову Никиту и подумала: «Нет, так претворяться нельзя. Он действительно переживает о случившемся. Он меня и правда очень любит!».

На следующий день автобус уже мчался на Катину родину. Сердце билось все сильнее и сильнее, подъезжая к дому.

– Никита, смотри, вот видишь, сколько у нас зелени. У нас очень много кислорода, потому что зеленая зона. А у вас одни верблюжьи колючки и лужи с соляркой. А у нас – дендропарк!

Михайловск был небольшим провинциальным городком и от этого приветливым и тихим. Дома были похожи один на другой. Когда город начинали строить, наградили всех однотипными проектами: дом, двор, времянка. Архитектурных ансамблей, которые создавали лицо города, в нем не было. Район многоэтажек был тоже не многолик. Но спокойствие маленького провинциального городка сразу передавалось всем, кто когда – либо сюда приезжал. И вообще для гостей из соседних сел, сельских жителей, он казался мегаполисом. Достопримечательностью был местный рынок, который находился в центре города. И сюда съезжались все как на праздник. Катя очень любила свой маленький мегаполис и всегда

с удовольствием приезжала домой.

У родителей был двухэтажный коттедж, который маме подарили коммунисты за отличную работу в школе. Она была директором школы. А коммунисты дарили всем, кто хорошо работал квартиры, машины, коттеджи и путевки в санаторий. На партсобрании вручался ордер или орден лучшим из лучших. И, конечно же, – денежные премии. Это были не плохие традиции того времени. Ведь все строили коммунизм. А самым ярким строителям коммунизма дарили загранкомандировки. И они были сродни инопланетян, когда приезжали из Америки, Германии, Франции с круглыми глазами, – ведь они увидели, наконец-то, «бедный» запад и побежденных немцев. Они встретились лицом к лицу с врагами…

Тогда были совершенно другие ценности: любовь, дружба, верность, взаимовыручка. А с приставкой «со» были только слова, – Соревнование, Сопереживание, Соперничество, Согласие. Социалистические Соревнования – это честные соревнования между коллективами рабочих, крестьян и интеллигенции. Они в то время были очень модными. Люди соревновались бригада с бригадой, село с селом, город с городом. Всем хотелось быть, есть и стать лучше всех! Но если не лучшими, то хотя бы первыми. И праздники были добрыми и веселыми. Люди радовались от души и для души! Злых людей было намного меньше. Завистливые люди всегда были, но озлобленных на жизнь, в то время, было намного меньше, чем в постсоветское время.

– Здравствуйте, – весело встретила гостей Ольга Семеновна. – Ой, как я рада, что вы, наконец – то, приехали, заходите. А мы вас завтра ждали.

– А мы вот решили пораньше приехать, – целуя маму, сказала Катя. – Мамочка, Никите понравился наш зеленый городок, только он сказал, что он тебя стесняется, уткнувшись в рукав Никиты, нежно обняла друга.

Никита смущенно посмотрел в глаза Катиной мамы и добавил смущаясь: «Я с молодости боюсь учителей, тем более директоров школ».

– А я дома просто мама, – улыбаясь, призналась Ольга Семеновна.

По ее выражению лица, видно было, что Никита ей очень нравился.

Нужно сказать кавалеров у Кати было великое множество, но все они не входили в понимании мамы в число мужей, с которыми можно было связать свою дальнейшую жизнь. А теперь она увидела высокого стройного юношу, с очень умными глазами и серьезным отношением к жизни. Ольге Семеновне стало сразу

спокойно за дочь.

– Папа, смотри, твоя любимица пожаловала с долгожданным гостем.

– Иду, иду. Ну – ка, покажись мне, красавица, привет, Никита, – сказал Евгений Петрович, спускаясь со второго этажа. – Ну что же вы стоите, проходите в комнату для гостей, располагайтесь. А вещи я помогу донести.

– Что ты, папа?! Никита у меня очень сильный и сам все прекрасно донесет, а я ему помогу! Катя запорхнула к себе в отчий дом, легко поднимаясь по ступенькам на второй этаж.

– Ну как тебе дом моих родителей? – спросила она Никиту. – Комфортно тебе тут?

– Мне очень нравится! Коттедж такой большой и здесь столько комнат! Я же все время в квартирах жил. Не верится, что это коммунисты подарили твоей маме такой дом бесплатно, – сказал он, оглядывая комнату для гостей. – Ой, фортепиано, а оно откуда? – спросил Никита. – Кто играет?

Катя подбежала, открыла крышку пианино и грациозно сев за инструмент, виртуозно сыграла «К Элизе» Бетховена.

Никита посмотрел на Катю удивленно и сказал: «А я ведь многого о тебе не знаю. Почему ты мне никогда не говорила, что умеешь играть на музыкальном инструменте?».

– Да хвастаться особенно нечем, я не очень талантливая ученица. Это так для общего развития ходила в музыкальную школу. Модно было, у нас все дети ходили, а у вас разве не так? Но когда документ давали об окончании музыкальной школы, преподаватель сказал мне: «Катенька, большая просьба к тебе, никому не показывай этот документ», – засмеялась Катя.

– А я марки собирал в детстве и поделки из дерева делал, – сказал гордо Никита.

– Ой, какой ты молодец! Ты у меня лучше всех, я горжусь тобой. Ты в море ходишь. Английский лучше меня знаешь. По всему миру ездишь, а я нигде еще не была. Родителям путевку в Болгарию и Румынию давали коммунисты, опять же бесплатно они ездили заграницу. А я только по нашей огромной стране разъезжаю и все.

– Я тебе обещаю, повезу тебя обязательно отдыхать за границу. Слово джентльмена.

Никита обнял Катю и нежно прижал к себе.

– Я очень тебя люблю, очень, очень, – сказал он, обнимая Катю.

– И я тебя тоже, очень, очень, – ответила ему Катя.

На следующий день мама сказала Кате, что Никита попросил

ее руки.

– Мы с папой против не были, – сказала она, а папа вообще учудил, сказал, что он не против того, что они живут гражданским браком.

Мама посмеялась с Катей над советом отца, но Ольга Семеновна посмотрела на дочь и все-таки спросила, – кто его родители, из какой он семьи?

– Мамочка, ты мне всегда говорила, что люди все равны. Что нет ни бедных, ни богатых. Что мы все черви перед Богом. Один жирнее, другой худее. Что выбирать нужно сердцем, душой, а не мозгами. Что по расчету выходить замуж плохо, нужно по любви. А теперь ты какие – то вопросы задаешь непонятные?

– Катя, знать кто его родители, – это тоже немаловажная часть совместной жизни! Модель поведения новой семьи строится на предыдущем опыте родителей и здесь ничего нет такого, – успокоила Катю мама.

– Мамочка, там все нормально. Папа Никиты тоже пил. Его убили под забором в тридцать лет. Так что у нас очень хорошая с ним наследственность, – засмеялась Катя. – Наш папа тоже любитель выпить. Тети мои, твои сестры, тоже не против были повеселиться, а дети у них вообще не пьют. Чушь это все наследственность и ее последствия.

– И то правда, что это я про наследственность, давай лучше про любовь. Вижу, что влюблена ты, да и он тоже. Очень рада за вас. А вообще-то, знаешь, почему раньше выдавали замуж с обязательным условием, чтобы невеста была девственницей, а ее муж, – девственником. А потому что от такого брака получались очень крепкие дети. А если уже была связь половая у одного из супругов, то, считалось, что потомство их, – выбраковка.

– Мамочка, что и правда так считалось? А в этом что-то есть, – согласилась Катя. – Я буду дочь свою воспитывать в этом духе. Мне нравится такой подход.

– Мне тоже, ведь сильное потомство дольше живет. Кстати, теперь у вас жилье есть, вам можно подумать о ребеночке.

– Нет, мама. Мы после свадьбы запланировали, – опустила глаза Катя. – Спасибо тебе за квартиру большое. Никита отдал тебе деньги за нее? Я ему говорила, чтобы сразу отдал, как приедем.

– Знаешь, доченька, я все понимаю, что вам нужно на нее еще очень много зарабатывать. Хоть частями, потихонечку, вы отдадите за квартиру деньги, ты не переживай!

– Мамочка, а сколько мы на этот раз отдали? Сколько Никита дал денег? У нас весь семейный бюджет ведет он. Никита меня считает транжирой и я все заработанные деньги отдаю ему.

Сколько он тебе отдал денег?

– А он разве тебе не сказал? Он мне сказал, что у него только четвертая часть денег есть, а до половины всей суммы он сказал, что нужно продать какие – то духи и губные помады. Он их с моря целый чемодан привез и оставил в рабочем кабинете. Я, правда, не знаю, как я буду выглядеть, продавая учителям в школе косметику, ну я попробую. Боюсь, что у меня ничего не получится, доченька. А он разве тебе ничего не сказал, сколько денег, сколько косметики он привез?

– Нет, мамочка, он что – то говорил, но я же знаешь, в одно ухо влетело, в другое вылетело.

– На будущее, конечно, решайте все вместе, особенно, что касается денег. Вместе зарабатывайте и все вместе в семейный бюджет складывайте. Потом запланируйте, на что их нужно будет потратить, обязательно отведите графу для непредвиденных расходов. Это очень необходимо, чтобы контролировать свои деньги.

– Хорошо, мамочка, я с ним поговорю, обязательно. Спасибо тебе большое за все.

– Да, и еще! Обязательно разбирайте все ситуации и не молчите, не скрывайте друг от друга плохие мысли. Сразу честно высказывайте все свои сомнения, чтобы не было у вас в семье недомолвок. Обида – это дорога в никуда. Мужчина должен обязательно изложить свою точку зрения, а ты делай вид, что полностью согласна, делай все по – своему, а потом хвали его за то, что так хорошо все придумал. Он к тому времени и забудет, что это была совсем не его идея.

– Спасибо большое, мама, за совет, мне так стыдно ты не представляешь, что я такая глупая в этих житейских вопросах, – обнимая маму, плача от стыда и обиды, что с нею так обошлись, сказала Катя.

«Я должна была, не стесняясь, посадить за стол переговоров Никиту, его маму и набраться смелости поговорить с ними о квартире напрямик».

Катя знала, что Никита очень хорошо заработал за этот рейс и она была уверенна, что они смогут отдать родителям в первый приезд уже половину суммы. Но она никак не предполагала, что Никита все деньги оставит своей маме, которая все время намекала, что они строят кооперативную квартиру для него в Астрахани.

– Наверное, деньги он отдал маме на эту кооперативную квартиру, которую она собирается покупать, а со мной жить вовсе не собирается? – высказала свое предположение Катя, прижимаясь к маме.

– Катюша, это все не так! Не придумывай себе лишних проблем. И хорошо, что у вас будет еще и кооперативная квартира, стройте. Мы с папой выкрутимся как – нибудь. Отдадим деньги за мурманскую квартиру, не переживай. Ты их тоже пойми, вы еще не в браке, он в квартире не прописан, почему они должны деньги отдавать. Они просто побоялись и решили все верно, – половина денег, ну если мы продадим косметику, будет их, а половина денег – наша. Разумно.

Вечером, сидя в своей комнате, Катя внимательно посмотрела на Никиту и спросила: «Никита, скажи мне честно, ты не собираешься строить со мной серьезные отношения? Почему, зная положение моих родителей, которые нам помогли с жильем, ты отдаешь все деньги, заработанные тобой и мной, – своей маме, которая ничего не сделала, чтобы у нас была квартира?».

– Катя, понимаешь, мама в Астрахани строит кооператив тоже. Нужно было заплатить первый взнос, ну я и отдал деньги, – сказал Никита, честно глядя в глаза Кати.

– А ты сказал своей маме, что деньги мои родители занимали под большие проценты, чтобы купить нам квартиру? – продолжала спрашивать Катя.

– Да, я ей говорил, Катя. Ты не переживай, я сейчас схожу в море, заработаю еще. Мы обязательно отдадим долг твоей маме. Ты понимаешь, очередь на кооперативную квартиру была раньше, чем мы купили эту, – сказал Никита виновато.

– А почему я только сейчас узнаю о ней? Почему у меня от тебя нет секретов, а вы со своей мамочкой все что – то хитрите, шепчетесь, ведете какую – то двойную игру? – возмущенно спросила Катя. – Я так понимаю, если мы живем вместе, у нас должно быть все вместе, и не должно быть никаких секретов друг от друга. Я тебя очень прошу, не лги мне никогда, очень тебя прошу. Иначе пока не поздно, давай лучше закончим нашу совместную жизнь, не начиная ее. Мне вся эта ситуация неприятна, прости, но мне пока очень тяжело все осознать, понять, простить.

– Катя, ты себя накручиваешь, из мухи слона делаешь. Мы отдадим твоим родителям деньги обязательно, ты не переживай. Хочешь, я сейчас пойду и поговорю с ними. С папой поговорю.

– Нет, только не с папой, он думает, что ты все деньги отдал. Мама его очень оберегает, все удары судьбы принимает на себя одна, без него. Пожалуйста, пообещай маме, что мы сделаем все, чтобы отдать ей деньги. Ты видишь, какая она растерянная ходит. Получается, я опять ее обманула.

«Господи, за что ей все это?! Господи! Прости меня и моего молодого человека, а больше всего прости его маму…».

Глава 50

«Ура! Мой любимый теплый север! Как я соскучилась за тобой, – подумала Катя, спускаясь по трапу самолета. – Как легко дышится здесь дома. Дома! Север – мой дом, такой родной и близкий! Заждался? – спросила про себя Катя.

– Зажжжжждался! – ветерок лаская Катю, ответил на ее вопрос.

«Как хорошо, что у нас здесь есть квартира, своя собственная квартира!», – подумала Катя, нащупав ключи, которые весело побрякивали в кармане плаща.

– Никита, ты рад, что мы дома?

– Да, очень. В гостях хорошо, а дома лучше. Это наш с тобой дом, самый первый наш дом, – добавил радостно Никита.

– А что у нас будет много домов? – спросила изумленная Катя.

– Ну, думаю, по крайней мере, три.

– Почему? – удивленно спросила Катя.

– Один на севере и два – на юге. Дом твоих родителей и моих – это тоже наш дом, – утвердительно сказал Никита.

– Ваша мужская логика мне не понятна. Я знаю одно – у меня есть мой север и мой дом. Я очень люблю их обоих. Смотри, смотри, а облака так близко и так низко, как будто окутывают нас и согревают. Только в Мурманске бывают такие волшебные облака. Смотри, Никита, розово – фиолетовое небо с одной стороны и бирюзово – синее с другой! Ой, как красиво здесь в конце августа: лето закончилось, вокруг все деревья в лучах солнца сияют золотом, и яркими желто – красными оттенками осени. На юге все зелено, а здесь на севере уже вовсю осень. Резкая смена цвета, контраст пейзажей бросаются в глаза, когда ты возвращаешься на север после южного отпуска.

– Здесь все намного нежнее и мягче! Почему говорят, что Север жестокий и злой, – сказала Катя. – Он самый лучший и родной! Люблю тебя мой золотой!

Катя раскинула руки пытаясь обнять любимый Север! Нежные порывы ветра обнимали их вдвоем с Никитой и тащили к автобусной остановке сто шестого маршрута.

На следующий день, убирая квартиру, Катя очень удивлялась. Почему так получается, – ты отсутствовал в квартире два месяца, никто в ней не жил, а ощущение такое, что квартира жила по-своему. Она и веселилась, и плакала, и прыгала, и бегала. Наверное, хозяин-домовой беспокоился, что Кати с Никитой не было долгое время и успел в ней покуролесить.

А может Баб Маня не успела убрать, когда собиралась навестить своих родственников в Питере и оставила небольшой беспорядок. Но явных следов пребывания чужих людей в квартире не было. И это успокоило Катю. Ей не хотелось, чтобы Игорь Сергеевич вычислил, где она теперь живет.

Баб Маня не захотела ехать с Катей. Ей было противопоказано солнце. Она поехала к своим родственникам, которые жили на Черной речке в Питере, – так она всегда говорила. Она перед тем, как уехать, приказала Кате, – как только они вернуться, – сообщить ей, чтобы она тоже смогла приехать в Мурманск. Ей нравилось жить у Никиты и Кати. Она забыла, что они ей не родные внуки.

Когда Катя убирала перед приездом Бабы Мани, она заметила, что в квартире было столько после отпуска хлама, будто целый полк квартировался здесь. Ребята были в море. Да и соседи обычно выезжают из Мурманска весной. Они вывозят детей на юг и возвращаются только в конце августа. До их возвращения город живет таинственной жизнью одинокого, брошенного на произвол судьбы, тихого морского порта.

Осенью Мурманск радуется каждому вернувшемуся из отпуска и северное солнце радуется вместе с ним. Оно светит в натертые до блеска окна, которые Катя только что вымыла и заигрывает с ней, бегая по квартире. Выстиранные шторы сушатся, нежно колышась на лоджии. Запах чистоты со своим особым ароматом пробирается сквозь одежду, волосы, и кожу. Казалось, омывается сама душа, радуясь свежему глотку чистого воздуха.

– Катя, поедем в магазин, купим новые полотенца, покрывало на диван, – вдруг предложил Никита, глядя на чистоту, веселящую глаз. – Давай и квартире сделаем подарок в честь нашего возвращения. Возьми с собой паспорт обязательно, а то может по – прописке будут сегодня продавать, – сказал серьезный, предусмотрительный друг.

– Хорошо, не забуду, возьму. Давай сходим в универмаг «Волна», – это был единственный центральный универмаг в городе, где на полках можно было найти все, – мне он очень нравится качество товара там, – предложила Катя.

– Конечно, туда и пойдем, – обняв девушку, сказал Никита.

Поход по магазинам никогда не нравился Никите, но сегодня он был точно в ударе?! Ходил вместе с Катей по всем этажам и, молча, стоял с нею в очередях. Он даже шутками сокращал время ожидания. Вечно эти километровые очереди «Блата»!

– Главное, чтобы всем досталось, – говорили союзники по ожиданию.

Обиднее всего было отстоять часа три, успев познакомится со всеми соседями, которые находились в очереди и впереди и сзади и неожиданно услышать, – «Извините! Расходитесь! Товар закончился!».

Но, слава Богу, в этот день этого не произошло и ребята купили все, что наметили. Счастливые Никита и Катя сели в троллейбус и, весело хохоча, поехали домой.

– Все, выходим, выходим! – подтолкнув к выходу Катю, быстро произнес Никита. Он выскочил из троллейбуса первым, подал руку растерявшейся девушке и сказал: «Нам нужно срочно зайти еще в одно место!».

– Куда зайти? Это не наша остановка. Куда ты меня тащишь? Почему мы здесь вышли?! – не понимая, оглядывалась по сторонам Катя.

– Потому что здесь Загс, – ответил Никита. – А так как я очень давно тебя люблю, то очень хочу остаться с тобой на всю оставшуюся жизнь и предлагаю тебе руку и сердце. Прошу тебя взять вот это скромное колечко в знак согласия, – выпалил Никита скороговоркой.

Люди, стоявшие на остановке, с любопытством разглядывали странную парочку, которая держала огромный пакет с тяжелыми покрывалами, какими – то огромными тазами и пластмассовыми ведрами в руках. Их внимание привлекла не вписывающаяся в эту бытовую картинку красная бархатная коробочка, которую Никита достал из кармана куртки.

Люди улыбались, наблюдая за влюбленными и стояли, пропуская троллейбусы один за другим, не желая пропустить такое оригинальное признание в любви.

Более романтичного предложения руки и сердца Кате никто никогда не делал. Момент неожиданности сыграл свою роль и не понимая, что ее хотят взять в жены, Катя сказала: «Ой, Никита, а мы еще стиральный порошок забыли купить?».

– Вот после Загса и купим, тем более Загс нам уже как дом родной! Только я не понял, ты меня любишь или нет? Выйдешь за меня замуж или откажешь? – испуганно произнес он.

Катя поставила на землю таз, сложила в него все пакеты, повернулась к Никите, протянула руку ладошкой вверх и спросила: «Где кольцо?»

– Вот! – ответил Никита и аккуратно поставил красную бархатную коробочку на маленькую ладошку.

Катя потихоньку открыла ее, достала красивое обручальное колечко с тремя бриллиантами и попросила Никиту надеть его. Кольцо играло всеми цветами радуги и очень понравилось Кате. Она очень удивилась, что с размером он угадал и удивленно

сказала: «Подошло! Значит, все у нас будет хорошо! Да, я очень тебя люблю и согласна быть твоею женой навсегда!».

Они нежно обнялись, шепча друг другу слова любви. Люди на остановке захлопали в ладоши и закричали: «Вот это, по – нашему, по – северному! Совет да любовь вам! И радостные побежали по своим делам дальше».

Глава 51

– Лариска, смотри какое красивое свадебное платье мы купили! Так мне надоело выходить замуж в обносках. Мы взяли и купили все новое мне. А шляпу ты видела? С лебяжьим пухом! Я буду как настоящая леди. И туфли купили белые, – говорила, показывая свадебное платье, Катя.

– Я не поняла, вы, что вместе все покупали? – спросила возмущенно Лариса, которую пригласили быть подругой невесты. – Вы в своем уме?! Вообще жених не должен был видеть платье невесты до свадьбы. Дура ты, Катька. Набитая дура, а не невеста. Я во все приметы верю, вот вы точно идиоты. Мы с Серегой вообще неделю в разных квартирах все свои наряды друг от друга прятали. А вы, как маленькие дети. Мало того, пять лет прожили гражданским браком, десять раз женились непонятно на ком, а теперь еще и платье с фатой вместе выбирали, вот ужас! Представляю, что у вас за жизнь будет?! Может, мне и не нужно было соглашаться быть дружкой. А то еще и на меня как – то перейдет, – причитала подруга, их бывшая соседка по съемной квартире и жена их общего друга весельчака Сереги.

Того самого двухметрового Сереги, который был Яне и Кате «подружкой». Того самого Сереги, который безнадежно был влюблен в Катю. Того самого Сереги, который был весельчак и балагур и душа любой компании.

– Если ты в приметы веришь, ты вообще не должна была быть дружкой, потому что замужем, – сказал, смеясь, Семен. – Вот я настоящий дружок, – я не женатый и навряд ли когда – нибудь буду. А вот вы все орали, что Яна разведенная и ей нельзя быть дружкой на свадьбе.

– Нет, ты точно идиот, Семен, – подхватила разговор Яна. – Как ты вообще себе эту картину представляешь. Я бывшая «жена» Никиты становлюсь дружкой его новой невесты. Я и в Загс не пойду, чтобы не светиться. Нас там точно запомнили. Вот пусть Лариска – грешница замужняя дружкой становится. Эту семью уже ни чем не испугаешь.

– Ладно тебе, я сейчас не замужем, муж в море. Поэтому я холостая сейчас, – добавила Лариса.

– А если мой муж весь с проката, костюм взял на прокат, не захотел покупать, решил сэкономить, даже рубашку белую и то одолжил, – сказала, смеясь, Катя. – То, тогда как?

– Туфли взял у моего мужа, между прочим, – вставила Лариса.

– Ну, носки – то его! Поэтому нормально жить будут! –

перебил девчонок Семен. – Никита парень у нас основательный, серьезный. Зачем зря тратиться, правильно он сделал. Только вот свадьба сразу после нового года, никто еще не отошел от пьянок, а тут опять похмелье. Ребята наши не придут точно, – сказал Семен уверенно. – Они болеют после праздника.

– Как не придут? Я им не приду! Сейчас позвоню им, – сказала Катя, – устрою им взбучку. У меня для них невесты из нашей редакции уже наготове. Я девчонок специально позвала, чтобы познакомить с нашими вечными холостяками. А они, видите ли, спят после пьянок новогодних. Они что не знают, что мы женимся? – спросила Катя у Семена.

– Прости. Но я им ничего не сказал, боялся, что сглазят, – передразнив Катю, сказал испуганно Семен. – Ты так обычно говоришь. А если честно, то я думал, что ты их сама пригласишь или Никита. Ведь я один в вашей компании не сплетник.

– Хватит шутить! – прервала его Катя. – Никита, а ребята знают, что мы сегодня женимся? – спросила Катя взволнованно.

– Не знаю, мы же с тобой в секрете все держали, чтобы нас никто не сглазил, – ответил Никита, повязывая галстук.

Катя, ужасаясь, что никто не придет из друзей на свадьбу, быстро схватила трубку телефона и позвонила Володе.

– Алло, – ответил заспанный голос.

– Привет, Вовочка, как дела? Как здоровье? – спросила Катя ласково.

– Да болеем после вчерашнего, ужас как плохо, – ответил, жалуясь как маленький ребенок своей маме, – Володя.

– Ребята все наши еще у тебя?

– В прошлом году были. В этом еще никого не видел. Сейчас посмотрю, – отшучивался Володя.

– Я знаю точно, что мы в этом году у тебя отмечали новый год. Значит, они точно еще у тебя. В прошлом году у Семена праздновали, так на восьмой день только разошлись. Видишь, как хорошо, что у вас теперь у всех квартиры есть? – спросила Катя. – А помнишь, как все начиналось, как скитались мы по квартирам, по гостиницам, по друзьям, ужас, да?

– Нет, почему ужас?! Классно было, весело! – добавил Володя.

– Вова, а теперь мы с Никитой приглашаем вас к себе на бракосочетание.

– Брака-чего? – удивленно произнес Володя.

– На свадьбу нашу, которая состоится сегодня в 16–00 и всех приглашаем в Загс, – радостно сообщила Катя.

– Ну, хватит, пошутила и будет, очень смешно, – сказал Володя. – Я шутку оценил и пошел дальше спать.

– Да я, правда, замуж выхожу за Никиту сегодня. Ты меня

прямо разозлить хочешь в день моего бракосочетания? – закричала в трубку Катя.

– Ой, правда, что ли? И бабульки будут неизвестные и дедульки – родственники? – спросил Вова.

– Нет, никто не приедет. Одна баб Маня как всегда. Мы их звали, а они сказали, что очень далеко мы забрались и приехать на нашу свадьбу они не могут.

– Так это класс! Настоящая молодежная свадьба будет? Баб Маня, – наш парень. А ты меня не разыгрываешь, точно?

– Нет, конечно, точно не разыгрываю. Ребятам скажи, что мы их всех приглашаем, – сказала Катя быстро и добавила: «Ну, все, ждем вас в 16–00 в Загсе. Я вас всех очень люблю!».

– Подожди, – крикнул вдогонку Володя. – А форма одежды какая, парадная, аль нет? Так наглаживаться не хочется.

– Да нет, не парадная, все как всегда, замуж в рабочем режиме. Ты же знаешь, как мы в Загс ходим, как на работу. Все, пока, целую, ждем, – сказала Катя и повесила трубку.

Баб Маня в квартире накрывала свадебный стол. Катя наготовила всякой вкуснятины, – мясо запеченное, мясо жареное, девочки сделали множество салатов. Купили фруктов и конфет. Спиртное по талонам отоварили все знакомые еще до нового года, потому что сразу после праздников опять начинаются праздники, – Старый Новый год, Рождество и свадьбы…

– Никита, а ты когда уезжаешь в свадебное путешествие в Москву? – смеясь, допытывала его Лариса. – Кать, он же на сессию едет сразу после свадьбы?

– Да. Он прокурором у меня будет. В Московском юридическом институте учится. Я ему ультиматум поставила, – или я или море. Не хочу я без него жить, даже три месяца, когда он в море ходит, а хочу, чтобы он был всегда со мною рядом. Поэтому мы решили получить еще одно образование. Я думаю о будущем, о детях.

Катя после разговора с Юрой – евреем из кооператива, переодетым в Бомжа, очень серьезно поговорила с мужем и убедила его поступить в Московский юридический институт. После свадьбы он должен был ехать на зимнюю сессию. Никита учился на последнем курсе и собирался распрощаться с морем навсегда. Игорь Сергеевич с головой ушел в политику и, похоже, совсем забыл о существовании Кати. Во всяком случае, Кате хотелось в это верить. Ей не хотелось даже вспоминать о той, другой стороне ее жизни. Она жила настоящим и радовалась каждому новому дню. Катя ничего не боялась в этой жизни. Она боялась только одного, что в одночасье сама может измениться, – из доброй, веселой молодой женщины превратиться, – от

испытаний судьбы, – в злую ненавидящую всех старушку.

«Хотя возраст – это не состояние души! Можно иметь за плечами свои восемнадцать и быть в душе старой, злой, всех ненавидящей старухой. Так, к сожалению, в жизни тоже бывает, – думала Катя, одевая свое белое красивое свадебное платье».

– Кстати, вы еще почему расписываетесь, чтобы вам разрешили в детдоме ребеночка взять, да? – спросила Яна.

– Яночка, мы не только поэтому расписываемся. Ты, наверное, не знаешь, что люди еще женятся, потому что любят друг друга.

– Но ты права, Яна, детей Бог не дает за наши прошлые грехи, вернее, мне не дает за мои грехи. Вот мне Никита и предложил взять ребенка в Доме малютки. А там сказали: «Извините, не можем на это пойти. Если бы вы были в браке, тогда, без проблем. Так что Никита вернется из Москвы после сессии, мы осуществим нашу мечту, возьмем нового человечка в семью, – нежно добавила Катя. – И в этом нет ничего страшного.»

– А может к тому времени и свой получится, – добавила Лариса задумавшись.

– На все воля Божья, мы тут бессильны, – сказала Катя и перекрестилась на иконку «Всех Святых», которую подарила ей баба Маня.

– Ой, Катя, послушай! – подбежала Лариса, ты ведь старше Никиты, да?

– Да, на семь лет, а что?

– Да так, ничего, просто у меня есть новый тональный крем, классный такой, давай я тебя им намажу, ты будешь на фотографии красивая без бликов и вообще. Давай свадебный макияж сделаю тебе, я умею, – радостно предложила Лариса.

– Хорошо, давай, я ни разу еще тональным кремом не пользовалась. Все говорят, он годы скрывает очень сильно. Ладно, уговорила, накладывай свой макияж свадебный, чтобы я выглядела восемнадцатилетней девушкой в душе, – весело сказала Катя.

– Катя, какая ты красивая! – восхищенно уставившись на невесту, сказал Никита. – Ты у меня самая красивая из всех невест и жен и подруг.

Он обнял Катю, нежно взял ее на руки и стал кружить по комнате, качая, как маленького ребенка.

– Никита, ты изомнешь мое свадебное платье, – закричала Катя! – А для тебя я самая красивая, потому что любишь меня. Поставь туда, где взял, – капризничала невеста. – Кстати, вы такси вызвали? Похоже, мы опаздываем на роспись. Давайте выходить, подождем машину на улице, а то опоздаем.

– Никита, ты тоже самый красивый мужчина на свете! – добавила Катя, целуя своего будущего мужа.

Выйдя на лестничную площадку, Катя услышала первый «комплимент» в свой адрес от соседки напротив тети Дуси, которая столкнулась с ними в общем коридорчике.

– Ой, а, че это? Глянь, Райка, ряженные в новый год! – обратилась она к своей дочери, – Видишь, как веселятся?! В карнавальные костюмы наряжаются!

И стала громко смеяться, показывая на Катю и Никиту пальцем.

– Ой, умора! Прям, как настоящие жених и невеста!

– Баб Дуся, а мы настоящие, я же замуж выхожу сегодня, – радостно сообщила ей Катя.

– Какой замуж! За кого? За Никитку? Ой, рассмешили старую, да вы ж давно женаты и живете вместе. Вот молодежь пошла веселая! Ой, рассмешила старушку, не могу, – смеялась соседка тетя Дуся.

И, хохоча во весь голос, зашла к себе домой.

– Вот, первое поздравление получила, – сказала Катя, смеясь.

Все дружно и весело выбежали на улицу. Такси не было. Зато был сорокаградусный мороз. От света фонарей снег переливался разноцветными бриллиантовыми огоньками и свежий морозный воздух окутывал новобрачных своею чистотой и любовью. Он даже затаил дыхание, чтобы не спугнуть счастье влюбленных. На улице было тихо – тихо. Полярная ночь успокаивала всех торжественным величием и всесильная властная мать – природа поздравляла Катю и Никиту красивым северным сиянием, разрывавшим небо огненными реками растекающимися повсюду. Мать природа благословляла молодоженов, осыпая их крупными нежными снежинками, плавно опускающимися с черного неба. Узорчатые кружева опускались на Катю с Никитой и поздравляли их с этим счастливым событием в их жизни!

– Лариса, – сказала Катя на ухо свидетельнице. – Посмотри на меня, у меня такое ощущение, что моя тональная штукатурка потрескалась на морозе! Мне кажется, что я даже слышала звук, – тр-тр-тр… по всему лицу, – забеспокоилась Катя.

– Да нет, тебе показалось, поворачивая Катю к свету фонаря и всматриваясь в ее лицо, – засмеялась Лариса.

– Ура, такси! – закричали ребята, увидев ослепивший их свет фар.

Белый красивый лимузин подъехал весь разукрашенный, как невеста.

Из него вышел мэр города Мурманска, – Юрий Саммуилович с огромным букетом белых роз и протянул их Кате. Он

повернулся к Никите, заулыбался и сказал: «Никита, ты не будешь против, если я поведу Катю к венцу вместо ее отца?».

– Конечно, нет, как я могу отказать мэру города Мурманска! – ответил Никита лучшему другу.

Юра был настоящим Ангелом Хранителем их семьи, он много раз приезжал к ним домой, убеждал Никиту поступить в юридический институт, помогал Никите с работой на берегу и оберегал Катю, пока Никита был в море. Юра знал о каждом Катином шаге и в трудный момент всегда был рядом.

Катя улыбнулась и подумала: «По – настоящему верные друзья не только в беде оказываются рядом, но и в самые счастливые минуты тоже.». А вслух сказала:

– Ты же был в Москве?», – удивилась Катя. – Я была уверенна, что ты не приедешь.

– Ну как я могу пропустить столь важное событие в твоей жизни, – сказал Юра, улыбаясь, преподнося ей красивый свадебный букет. – Садитесь в свадебный кортеж машин! – пригласил всех гостей Юра и показал на стоящие в ряд белые иномарки. – И откажитесь от такси.

«Белые корабли – друзья моей молодости!», – вспомнила Катя.

Юра и Катя переглянулись и поняли друг друга с полуслова. Катя помнила каждую минуты прожитую на севере. Она прошла за эти годы не только курс молодого бойца, она прошла академию выживания в условиях экстремальных стечений обстоятельств, приготовленных ей судьбой.

Благодаря этому, Катя закалилась и окрепла, и превратилась не просто в стену прочного тыла для Никиты, а в глыбу духовного противостояния всем темным людям, которые появятся на пути ее семейного счастья.

– Кажется, мы опаздываем, – сказал Семен. – Где шампанское, бокалы? Лариса, ты конфеты взяла? – спросил он как заправский свидетель. – Все – таки я уже четвертый раз в таком статусе. Наверное, точно не буду жениться, буду по свадьбам ездить. У меня вон сколько друзей. Можно с моря увольняться, смело! – шутил Семен усаживаясь в белый лимузин.

– В машине все есть! – смеялся Юра. – Давайте, наливайте бокалы! За молодоженов! – продолжал веселить он гостей.

Никита сидел молча, держа Катины руки в своих руках, и согревая их своим дыханием.

– Ой, мои маленькие ручки замерзли совсем, – шептал он нежно.

– Катя ничего не говорила, потому что какое – то волнение перед столь ответственным шагом все – таки присутствовало.

– Никита, а ты волнуешься? – спросила она.

– Есть чуть-чуть, – сказал он и крепко сжал Катины руки.

В Загс ребята залетели с шумом и громким смехом, чем разбудили сидевших у окна своих гостей. Друзья – моряки, держась за свои желтые нарциссы, сидели и медленно засыпали. Видно было, что они устали от проведенных праздников. Равнодушно глянув на вошедших, они опять опустили головы и стали дальше опираться на свои примерзшие от мороза цветы. Катя, проходя мимо них с высоко поднятой головой, мельком на них глянула и ожидала услышать много счастливых похвал в свой адрес, но гости, а их было десять человек: пятеро моряков и пять девушек из Катиной редакции сидели рядом друг с другом и даже не познакомились. Они не догадывались, что приглашены на одно торжество.

– Гости, дорогие! Почему не встречаете невесту? – громко сказала Катя, подбегая к гостям!

– Ой, Катенька, какая ты красивая! – первыми заговорили девушки из газеты, а потом уже забасили и мужчины моряки: «Катя, ну, ты как всегда в своем репертуаре! Не в парадной форме! Вот лиса, опять обманула», – сказали они, восхищенно рассматривая Катю и Никиту с головы до ног.

Вернее будет сказать с ног… До головы видно не дошли, потому что стали расхваливать платье и причитать, – какая Катя красавица – невеста! Катя и Никита счастливые пошли в зал бракосочетания. Каково было удивление Кати, когда фотограф, проходя мимо красавицы – невесты, так отшатнулся от нее, что она подумала: «Вот это я его ослепила своей красотой?!».

В торжественном зале, где проходила свадебная церемония, все та же знакомая женщина не переставала улыбаться, когда смотрела на Катю.

«Узнала, – подумала Катя. – Она, наверное, вспомнила уши Федора Михайловича и сломанную руку Яны. Смотрит на меня, как на старую знакомую. Наверное, думает, что наконец – то эта брачная аферистка успокоилась и нашла очередную жертву?», – думала Катя, улыбаясь.

Но ведущая церемонии, заученные годами слова, говорила еле сдерживая смех. До тех пор, пока не подошел Юрий Саммуилович и не взял Катю под руку, чтобы вести к жениху. Вот тогда у нее расширились от удивления глаза. Она подумала, что Катя, – дочь мэра города Мурманска и закашлялась, едва не сорвав церемонию.

– А теперь свадебный вальс! – сказала ведущая церемонии бракосочетания.

Кружась в своем первом замужнем вальсе, Никита взял Катю

на руки и под звуки нестареющего Мендельсона вынес уже теперь жену в комнату для гостей. Ребята разливали шампанское, радостно кричали: «Горько!».

И, поздравляли Катю и Никиту, тиская их своими похмельными объятиями.

Дружная компания во главе с Юрой, который рассадил всех гостей по машинам, поехала продолжать веселье к Никите и Кате домой. Юра предложил всех отвезти в ресторан, но Катя с Никитой поблагодарили старого друга и сказали, что Баб Маня прибежит туда со своей палкой и его первого отлупит. Они пригласили его в свою квартиру, где уже были накрыты столы.

Как только Катя зашла в квартиру, глянула на себя в зеркало, то тут же разразилась таким хохотом, что гости подумали, что невеста от счастья сошла с ума, обрадовавшись, что, наконец – то вышла замуж по любви!

Из зеркала на Катю смотрело лицо, – с потрескавшейся от мороза «тональной штукатуркой». Катя тут же вспомнила, как отшатнулся от нее фотограф.

«Видно он единственный смотрел на невесту, как на объект своего творчества и увидел этот изъян. Но кроме него никто ничего не заметил», – засмеялась Катя.

Она побежала умываться и продолжала смеяться над собой. Катя поняла лишь одно, что люди смотрят только на себя на таких свадебных мероприятиях и думают, в первую очередь, как выглядят они, а во – вторую, если очередь дойдет, то тогда, может быть, посмотрят и на жениха и невесту. Ведь никто из друзей ничего не увидел, что произошло с Катиным «свадебным макияжем», а жених невесту будет любить такую, какую сам себе придумал в первый момент знакомства, потому что, когда Катя спросила у ребят, видел ли кто – нибудь, как у нее на лице потрескался от мороза тональный крем, все сказали, что она сама себе все это придумала и что ничего не было. Девушки с интересом разглядывали ребят. Парни еще долго не могли отойти от долгих праздников и не очень четко видели «невест», – приготовленных для них Катей. Или делали, как всегда, вид, что девушки им не интересны. Молодые люди от того, что стесняются завести разговор первыми, начинают подшучивать друг над другом и тем самым ненавязчиво привлекать внимание особ противоположного пола.

«Вот точно также Лермонтов подшучивал над Мартыновым, пока тот не вызвал его на дуэль, – подумала Катя, наблюдая за старыми друзьями. – И почему нельзя просто открыто кому – то симпатизировать, а не скрывать свои чувства под маской безразличия?».

Свадьба была очень веселой! Володя сходил в библиотеку, взял всякие свадебные ребусы, игры, отдал их Семену и тот всех веселил. Танцевали тоже много. Моряки – друзья в приподнятом настроении подарили очень много денег, которые совали в огромную свадебную корзину с белыми розами, которую подарил Юра. Говорили хорошие нужные пожелания, все были счастливы за молодоженов и чувствовали себя как дома и поэтому, когда закончилась водка, то с разрешения невесты и жениха, доставали деньги, опять же из свадебной корзины, и бежали на трассу за горячительными напитками.

Это был такой способ добывания спиртного при сухом законе. Водители занимались частным извозом и приторговывали заодно водкой. Большой доход в те времена приносила подпольная торговля. Люди не могли нигде ничего достать, кроме как у таксистов. «Блат» процветал, как всегда, на ночных улицах города и у Юрия Саммуиловича в ресторане тоже, куда вся дружная компания во главе с ним отправилась на второй день свадьбы.

Свадьба продолжалась четыре дня. Девушки старались понравиться молодым людям. Тем более, что состоявшиеся в профессиональном плане молодые мужчины имели к тому времени уже все, – и квартиры, и машины. Единственно, чего у них не было так это жен. Катя сказала, что все равно женит ребят в ближайшее время.

– Быть неженатым очень неприлично в вашем возрасте, – говорила она своим друзьям.

– Ничего это неприличие мы переживем. Главное у нас есть хороший пример вашего гражданского брака. Вы курс молодого бойца прошли, окрепли за пять лет и теперь не страшно жениться и выходить замуж.

Веселье продолжалось с утра до утра. Гости, похоже, не собирались уходить. Четыре дня после новогоднего свадебного веселья пролетели очень быстро. На пятый день все разошлись по домам. А на шестой, Никита уехал на сессию в свадебное путешествие…

Глава 52

– Машуля, привет! Я здесь, – кричала Катя, встречая двоюродную сестру и заглядывая в окно поезда. – Какая ты умница, что приехала в гости! А то вас не дождешься. Ко мне, кроме мамы с папой, никто из наших не приезжал. – Отлично, что хоть ты добралась. Люблю тебя!

– Привет, сестричка! – сказала Маша, целуя Катю. – Здравствуй, Никита. К вам в гости, наконец то, выбралась. У вас тут холодно, это что север?

– Да, самый настоящий и мой любимый, – обнимая сестру, подтвердила Катя.

– Мне здесь нравится! – сказала Маша. Снега так много! У нас на юге столько не бывает. Я вам картошки привезла, мяса, фруктов и овощей.

– Спасибо, любимая сестренка. Знакомься, а это наши друзья – Семен и Володя, – сказала Катя, показывая на ребят, стоявших рядом. – Они наши родственники северные. Здесь у нас свой клан семейный КМУшинский. Они друзья Никиты, еще с Астрахани. Они после мореходки приехали работать по распределению в Мурманск. И Никиту моего прихватили переводчиком на судно. А мы теперь как одна семья и очень хорошо дружим!

– Очень приятно, меня зовут Маша. Я двоюродная сестра Кати, – представилась она.

– Отлично, нам такая красавица подходит, – сказал Семен и взял Машу под руку. Он стал рассказывать ей о чудесах севера, показывая на небо, на сопки.

С другой стороны к ним присоединился Володя. Он как всегда стал оспаривать версию Семена и тут же быстро перевел все внимание девушки на себя. Парни тащили тяжелые сумки Маши, не замечая своей ноши. Так они увлеклись разговором.

Катя потихоньку толкнула Никиту, показывая ему, что Маша понравилась обоим ребятам. Никита как сообщник подмигнул ей, дав понять, что это очень хорошо.

– Так, садимся в нашу машину, – сказала счастливая Катя и показала на желтую «жигули – копеечку», стоявшую неподалеку. – Эта наша первая и любимая машина. Мы ее купили, заняв денег у Семена. Теперь мы на колесах.

– Ой, какие вы молодцы и квартира у вас есть и машина. Я очень рада за вас, – сказала Маша.

Ребята похвастались ей, что у них тоже все есть. И продолжали показывать достопримечательности города.

– Спасибо, мальчики! – только и успевала повторять Маша.

Ребята осыпали ее комплиментами. Маша была молода, хороша собой, стройна. Они с Катей были чем – то похожи. У них у обеих были глаза темно – зеленого цвета, овал лица одинаков, цвет волос тоже. Только Катя была живой и активной, а Маша очень спокойной и стеснительной.

– Никита, я очень хочу, чтобы она осталась с Семеном. Они, прям, пара, правда? – шептала Катя, наклоняясь к Никите.

– А мне кажется, что Володя ей больше понравился. Смотри, как парни друг перед другом пытаются ее охмурить. Ой, я не могу, ну, точно, кто – то будет мне родственником! – сказал, смеясь Никита.

Дома был накрыт стол в честь приезда Маши. Володя не сводил с молодой девушки глаз. Видно было, что она ему очень нравится. Семен тоже не отставал, засыпал Машу комплиментами и, казалось, заинтересовался ею серьезно. Он настойчиво ухаживал за нею. Сказался его характер спортсмена. Он чувствовал себя на ринге.

Неожиданно Володя вышел и позвал с собой Семена. Выйдя в коридор, Володя подошел к Семену и сказал: «Давай на чистоту. У меня серьезные намерения на счет этой девушки, давай договоримся, что ты мне не мешаешь, я буду добиваться ее и думаю, что у меня получиться. Очень прошу тебя, уйди с моей дороги.».

– Хорошо, договорились! Я не буду мешать, но если она, как все девушки, выберет меня, тогда уж, друг, прости! Ну, ладно, я шучу. Я же профессиональный сват, так что буду у вас на свадьбе дружком тоже. Удачи, – сказал Семен и добавил: «Так и быть, я буду ждать вторую Катину сестру» и, подмигнув Володе, зашел в комнату уже другим человеком.

После разговора с другом, Семен больше не осыпал Машу комплиментами, а начал расхваливать претендента на Машину руку и сердце. А Володя на правах полноправного хозяина положения стал в красках описывать красоты настоящего севера и говорить Маше, что она большая умница, что приехала погостить к сестре. Он обещал показать ей город со всеми его прелестями. Но было уже поздно и ребята понимали, что Маша с дороги устала, ей нужно отдохнуть, поэтому они попрощались с друзьями и договорились встретиться на следующий день.

– Машуля, похоже, они оба в тебя влюбились, – шепталась Катя с сестрой на кухне. – Тебе уже двадцать один год. Тебе пора замуж. Честно сказать, я с таким трудом покоряла север и не хочу, чтобы ты пошла по моим стопам. Буду с тобой откровенна, мне кажется, что лучшего мужа, чем Семен, ты не найдешь. А тебе кто больше из них понравился?

– Мне больше понравился Володя. Ты знаешь, прямо в сердце. Любовь с первого взгляда, очень понравился, – покраснев, произнесла Маша.

– Ну, я очень рада. Хотя честно сказать, характер у него посложнее. Семен проще. Он наш любимец и душа компании. Очень веселая душа! Всегда всех смешит. Но, самое главное, он не сплетник. Никогда ни о ком не говорит плохо. Во всяком случае, я его знаю уже много лет и никогда не видела, чтобы он чем – то был недоволен, но выбирать тебе, – сказала Катя, обнимая сестру.

Немного помедлив и не решаясь спросить сестру о самом сокровенном, Катя все же спросила: «Скажи, только честно, ты уже была с мужчиной или нет?».

– Нет, Катенька, я вся в тебя. Ты в двадцать один первый раз, так ведь? Я помню, ты мне рассказывала.

– Да, был такой момент в моей жизненной истории, – сказала Катя.

– Вот и я, еще девочка до сих пор, как и ты тогда.

– Как давно это было?! Я знаешь, очень хочу устроить вашу жизнь и твою и Настину. Ребята очень хорошие, правда. Я их знаю уже много лет. Они мне как братья стали. Они будут очень хорошими мужьями, поверь мне.

На следующий день Володя взял шампанское, конфеты и пригласил всех прокатиться по ночному городу. Он не отходил от Маши ни на шаг: оберегал ее, постоянно обнимал, якобы закрывая от ветра, и очень переживал, что она одета в тоненькое пальто. Как настоящий мужчина и будущий муж, он повез Машу на рынок и купил ей красивую норковую шубку.

События разворачивались очень стремительно. Катя просила Машу только об одном, – быть поосторожней с молодым человеком, она умоляла сестру не бросаться в отношения, как в омут с головой, но Маша уже не спрашивала ее совета, она была влюблена и ничего вокруг не замечала.

Каждый день она надолго уезжала с Володей к нему на квартиру. Они ездили в гости ко всем друзьям, но на вопрос Кати, была ли у них близость, Маша отрицательно качала головой.

Но однажды все друзья собрались у Никиты с Катей в гостях. А когда гости разошлись, Володя остался с Машей ночевать у Кати.

Утром мужчины ушли на работу в порт. Моряки, если не ходили в море, все равно каждый день должны были находиться на пароходе и заниматься ремонтом. Комсоставу необходимо было следить за работой моряков, выписывать необходимые запчасти, следить за тем, чтобы монтеры делали свою работу

исправно. А Никите следить за их моральным обликом советского человека.

– Катя, это случилось, – сказала Маша, разбудив сестру рано утром.

– Машуля, я же тебя просила, чтобы ты была поосторожней. А если ты забеременеешь?

– Катя, он понял, что он первый у меня и, кажется, не обрадовался этому. И еще он сказал, чтобы я выходила за него замуж, а я сказала, что подумаю. Ой, Катя я такая счастливая!

– Я тоже очень рада за тебя, сестренка! Если это судьба, то ты от нее все равно не убежишь. Теперь главное не повторять ошибок наших родственников, ты знаешь, о ком я говорю. Да, я говорю о твоей маме, моей любимой тете Гале. Помнишь, какая несчастная первая любовь у нее была? Тебе нужно будет переехать жить к нему, если он тебя зовет. Мужчину нельзя оставлять надолго одного.

– Нет, я сейчас не могу, потому что мне нужно окончить техникум. Если он захочет жить со мной, он может приехать ко мне, – сказала Маша.

– Нет, здесь нельзя пускать все на самотек. Нужно пожить вместе, привыкнуть друг к другу. Ты понимаешь, я до сих пор после каждого рейса начинаю привыкать к Никите, и он ко мне тоже привыкает каждый раз. Нельзя уезжать, нужно все бросить и остаться с Володей здесь и сейчас, – не уставала повторять Катя.

– Нет, нет, я так не могу, все бросить и переехать сюда жить. Мне нужно получить образование, я хочу еще в институт поступить, а для этого я должна окончить техникум. Мне последний год остался, – сказала серьезная сестра. – Если Володя по – настоящему любит меня, он подождет… А если нет, то значит и не любовь все это.

– Машенька, это только в книгах так бывает. Настоящая любовь – он останется со мной, не настоящая, – он меня бросит. А в жизни мужчине и женщине нужно жить вместе и не испытывать судьбу, – не уставала повторять Катя.

– Я еще поживу здесь неделю, а потом поеду на юг домой, – повторяла Маша. – Дела, прежде всего.

Через неделю Маша улетела, как Володя ни упрашивал ее остаться. Он говорил ей, что купит этот диплом техникума. Что оплатит учебу в институте. Что у них будет очень хорошая семья, дети. Но Маша была непреклонна и пообещала обязательно приехать к нему после окончания техникума. Они созванивались все время и Володя обещал приехать к ней летом, после рейса.

Глава 53

Весной, никого не предупреждая, в гости приехали Раиса Степановна и Федор Михайлович, бывший фиктивный муж Кати.

– Катя, мы приехали получить пенсию. Ты понимаешь, северная пенсия побольше будет, чем южная, поэтому мы Федора Михайловича не будем пока выписывать из квартиры, ты же не против? А если надумаете квартиру продавать, тогда мы его выпишем и все. Пусть он будет пока прописан, ты же знаешь, мы тебя не подведем и не обманем. Просто нам выгодней получать побольше денег.

– Хорошо, Раиса Степановна. Ну, а мне нужно мужа прописать в квартире. Он хочет в милицию на работу устроиться и ему нужна прописка. Он же до сих пор на пароходе прописан.

– Без проблем, Федор Михайлович, как собственник квартиры, пропишет Никиту, как ты и скажешь.

На следующий день Федор Михайлович, Катя и Никита пошли в паспортный стол.

Когда вошли в кабинет, женщина, увидев их, с ужасом переспросила: «Так вы, значит развелись? Ваша бывшая жена вышла замуж, а вы хотите прописать молодого мужа жены в свою квартиру, я правильно поняла?».

– Да, все правильно, – серьезно шутил, как всегда, Федор Михайлович. – Вы же сами понимаете, я человек старый, уже не могу удовлетворить свою молодую жену, поэтому я теперь только тем и довольствуюсь, что сижу потихоньку рядом, смотрю на них и радуюсь, вот и все, что мне осталось.

Говоря это, он театрально вздохнул и добавил: «Прописывайте, прописывайте, не расстраивайте старика».

Женщина изумленно посмотрела на странную троицу и, покраснев, отдала распоряжение прописать нового мужа «бывшей жены».

Получив свою пенсию, прописав Никиту в квартире, Раиса Степановна и Федор Михайлович уехали к себе на юг, а Катя с Никитой стали собираться в отпуск тоже.

«Зря Маша уехала! – думала о сестре Катя, выходя из ванной комнаты и собираясь ложиться спать. – Нельзя мужчин оставлять одних.».

Неожиданно зазвонил телефон, Катя подбежала, схватила трубку и услышала леденящий душу «голос из прошлого», – голос Игоря Сергеевича. Его нельзя было ни с кем спутать. Голос был с хрипотцой отживавшего свой век злого человека.

– Ну что, красавица, жива еще?! – сказал Игорь Сергеевич. –

Хорошо замаскировалась под чужой фамилией. Значит, еще не попала под задние колеса никакого автомобиля? Но это пока не попала, потому что удачно спряталась под замужеством. Ну, ты же прекрасно знаешь, что от меня ведь никуда не скроешься! Ты живешь еще потому, что молчишь?! – угрожающе добавил он и бросил трубку.

Катя села, опустив телефон, и слушала устрашающее монотонные гудки.

Игорь Сергеевич, переехав в Москву, обосновался там основательно. Он через подставных лиц скупал земли в близлежащих селах Подмосковья, строил огромные торговые центры, которые приносили ему баснословную прибыль. Правда говорят, что деньги к деньгам. Он увеличивал свой доставшийся ему в наследство капитал с огромной скоростью. Но имея все, он не был счастливым человеком. Он был очень болен. Рак крови беспощадно высасывал из него последние силы…

– Катя, кто звонил? – спросил тревожно Никита.

– Ошиблись номером, – произнесла Катя тихо.

Встав как всегда рано утром, Катя приготовила завтрак и хотела позвать Никиту к столу.

– Никита! – только хотела произнести Катя.

А вместо этого, она только и смогла жестикулировать руками. Она медленно с большим трудом произнесла по буквам: «Н-И-К-И-Т-А».

Язык, будто бы существовал отдельно от нее, был тяжелым грузом для Кати. Она не могла понять, что с нею было не так. Катя испугалась, пыталась снова и снова что – то сказать, но только беспомощно разводила руками, из глаз лились ручьем слезы. Она подошла к Никите и попыталась сказать ему, что у нее отнялась речь, но у нее ничего не получалось. Тогда она взяла ручку, блокнот и написала Никите: «Я ничего не могу сказать. У меня отнялась речь».

Никита испуганно глянул на Катю и сразу повез ее в больницу. Пройдя тщательное обследование, врачи удивлялись, потому что они не могли определить причину, по которой Катя не могла разговаривать? Оставалась одна надежда на томографию головного мозга, но и она ничего не помогла выяснить.

– Вы езжайте в отпуск, попробуйте хорошо отдохнуть, а приедете, будем оформлять инвалидность, – говорили врачи. – Извините, другого выхода мы не видим.

Катя никак не могла понять, за что ей послали еще одно испытание? Она везде и всюду ходила с блокнотом и ручкой, писала все, что хотела сказать. Самым страшным было то, что эмоции как бы вдогонку бежали за той жалкой попыткой

высказаться. Выглядело это очень печально и комично одновременно.

«Никита, как мне дальше жить? Что со мной происходит? Я боюсь! Никита, вдруг я навсегда останусь немой. Почему это произошло именно со мной?», – писала она ему в блокноте.

Никита поддерживал Катю как мог. Юра нашел очень хороших врачей для обследования Кати, но все они удивленно разводили руками.

Катя похудела, стеснялась выходить на улицу. Ребята сначала подшучивали над ней, потом поняли всю трагедию происходящего, старались больше рассказывать всякие смешные истории и вообще не задавали Кате никаких вопросов.

В очередной раз пребывания в больнице к Кате подошла незнакомая женщина и сказала: «Я хочу вас предупредить, я видела все результаты ваших анализов, поэтому у меня к вам пожелание, вам нужно найти хорошую бабку, которая снимет порчу. Очень похоже на проклятие все, что с вами произошло. Я понимаю, вы не верите, но вам обязательно нужно сходить к знахарке и обязательно идите в Церковь, обязательно идите и просите Всевышнего, чтобы он вам помог. Бог ведь всегда бывает рядом в трудную минуту? Он подает нам знаки судьбы, а мы о нем забываем, когда нам хорошо и вспоминаем, когда нам плохо…».

И также незаметно, как и появилась, незнакомка исчезла.

– Яна, подскажи, пожалуйста, ты знаешь какую – нибудь бабку – гадалку? – спросил Никита у Яны, ничего ей не рассказывая о случившемся.

– Ой, а зачем она тебе. Меня хочешь приворожить. Поздно. Я уже замужем, – смеялась Яна.

Но посмотрев на Никиту добавила: «Я знаю одну очень сильную бабку, она и порчу снимает и сглаз. Я у нее недавно была. У вас, что-нибудь случилось? А?! Вы, наверное, хотите к ней попасть, чтобы у вас дети получились? – спросила она изображая сочувствие.

И она продиктовала адрес одного очень сильного экстрасенса.

Никита с Катей поехали на машине по адресу, который указала Яна. Они очень долго искали дом, в котором жил провидец. Яна сказала, что девятиэтажный дом стоит сразу за кинотеатром. На всем поле этот дом один и его трудно не заметить.

Но на том месте, где должен быть дом, Никита с Катей видели только чистое поле. Они проехали вокруг этого поля, осмотрели все остальные дома, но такого дома и под таким

номером здесь не было.

Никита снова позвонил Яне и еще раз уточнил, где именно стоит этот дом. Яна уже ни раз была у этой женщины. Она точно знала, где живет этот экстрасенс, но она никак не могла понять, почему ребята не могут его найти. Яна только кричала в трубку и доказывала, что именно на этом поле стоит вот этот самый дом, где живет эта женщина – экстрасенс. Она недоумевала, почему они его не видят.

Никита с Катей так и не смогли найти этот дом. Билеты на самолет у них были куплены на следующий день. И Катя написала Никите, что она сходит к бабке у себя в Михайловске. Катя знала одну знахарку, она у мамы работала в школе уборщицей. Это была очень хорошая женщина, которая лечила молитвами. Все говорили, что она очень верующая женщина, у нее есть разрешение из Церкви и что она очень многим помогла.

Катя с Никитой, прилетев к Катиным родителям, сразу поехали к этой женщине. Она посмотрела на Катю и сказала: «Я все поняла, это самая настоящая порча.».

Достав церковный воск и разогрев его в обыкновенной железной кружке, тетя Зина начала читать очень старинные молитвы, Катя сидела и с недоверием смотрела на этот странный ритуал. И тут она вспомнила, что уже однажды видела именно этот ритуал, когда была замужем в первый раз. Она вспомнила странную историю, происшедшую с нею в ее первом браке. Тогда она жила с первым мужем в Михайловске.

Это было поздним вечером, в дверь позвонили. Катя открыла дверь и очень удивилась, что никого не было. Только на пороге под дверью, лежал какой – то конверт. Катя быстро взяла его и, забежав в дом, стала махать им перед своим первым мужем, и смеясь говорить ему: «Ой, как интересно, кто подкинул нам любовное письмо?». Она открыла его и увидела, что в конверте ничего не было, кроме маленького свернутого кулечка, в котором лежали какие – то металлические стружки, деревяшки и еще какой – то мусор.

Катя вспомнила, как она схватила железяку из свернутого кулечка и, также смеясь, стала покусывать ее, проверяя драгоценный металл или нет. Она кусала и, шутила, приговаривая: «Ну – ка, а что это у нас серебро или золото?».

Даже мама Кати, прирожденный атеист, подбежала к дочери и сказала испугано: «Быстро возьми святую воду и прополощи рот. А этот конверт и все, что в нем есть, сожги, да не во дворе, а на улице.».

После того случая, даже несмотря на то, что Катя все сделала, как ей сказала мама, с Катей стали происходить непонятные

вещи. Она постоянно хотела развестись со своим первым мужем, устраивала ему беспочвенные сцены ревности, ночью боялась засыпать, казалось, что если уснет, то обязательно умрет. И вот тогда Катина бабушка пригласила домой женщину, которая также выливала воском и читала молитвы над головой Кати. А когда воск застыл, ее первый муж увидел девушку, изображенную на воске. Он узнал в ней свою первую любовь и спросил: «А как вы это сделали, что Танька получилась на воске? И еще сказал, что он во все это не верит».

Тогда женщина сказала, что ему срочно нужно вылить порчу, потому что «сделано на смерть». Но Катин первый муж так и не согласился участвовать в этом ритуале. Совпадение это или нет, но после того, как Катя с ним развелась, она почувствовала, будто что – то с нее спрыгнуло и ей сразу стало легче дышать.

А вот ее первый муж умер еще совсем молодым человеком. Вспомнив все это, Катя сразу стала верить во все происходящее. Она расслабилась и стала слушать слова молитвы, которые произносила тетя Зина. Но, самое странное, ждало ее впереди. Когда воск остыл, Катя посмотрела и замерла от изумления, – на воске она отчетливо увидела Яну, подругу, на которой женила своего Никиту, чтобы та смогла получить квартиру.

– Запомни сегодняшнее число, – сказала тетя Зина. – Сегодня восемнадцатое июля, запомнила? – спросила она еще раз, разрезая ножом воск и снова бросая его в кружку.

Катя кивнула головой в знак согласия. Тетя Зина неторопливо стала растапливать воск на огне снова. Затем она делала это еще много – много раз, пока воск не стал чистым и гладким, как зеркало.

Перед уходом тетя Зина посмотрела на Катю и сказала: «Сразу все не пройдет, но запомни одну вещь, если ты надумаешь, что – либо делать, никогда никому не говори об этом. У тебя очень открытая аура и ты притягиваешь сглаз и порчу, поэтому твое спасение в том, чтобы ты все держала в секрете. Это нужно для того, чтобы темные силы тебя не опередили и не навредили тебе. И обязательно ходи почаще в Церковь. Это твое спасение. Бог нас всех любит и оберегает всегда. Но если темные силы берутся за кого – нибудь, то нужно попытаться самой от них защититься. Защита для нас, – это Церковь, а самая главная защита, – это Причастие! Даже у Ангелов такой возможности нет, какую дал человеку Бог. Это возможность спастись называется: «Тайна Исповеди», которую Бог подарил только человеку! А он, человек, оказался настолько глупым и ленивым, что ищет оправдание тому, чтобы в Церковь не ходить. То ему священники не такие, то он «в душе верит», то он стесняется. А кого

обманывает? Ведь, кроме Бога и себя, – никого! А потом удивляется, почему ему так плохо живется? А темные силы уже окружили и почти утащили неочищенного ленивого глупца. Катя, не ленись, ходи в Церковь! Тебе защита как никому нужна! Ты сама понимаешь, о чем я говорю, – сказала тетя Зина, грустно смотря на девушку.

Катя вышла от тети Зины летая. Ей сразу стало легче и она подбежала к ожидавшему ее Никите. Она уже успела за ним соскучиться и, тесно прижавшись к нему, ласково посмотрела ему в глаза. Они долго стояли и смотрели друг на друга. Казалось, что Никита читает ее мысли и разговаривает с нею молча.

Глава 54

Отпуск пролетел как один день, нужно было возвращаться в Мурманск. Ребята решили приехать пораньше и оформить Кате инвалидность. Она все так же не могла говорить, язык был тяжелым грузом для нее.

«Почему это произошло именно со мной? – все время думала Катя. – Может мне вообще нельзя выходить замуж. Я очень люблю Никиту и он меня тоже. Мы оба счастливы, хотели взять ребенка в детдоме. А теперь что будет? Если инвалидность, они не разрешат взять ребенка. И при чем здесь Яна? Как получилось, что она была на воске? А вдруг Никита не выдержит этого испытания судьбы и бросит меня? Мне, наверное, нужно самой с ним расстаться. Зачем я молодому красивому мужчине, инвалид и без детей? Зачем ему такая обуза? Но унывать нельзя. Я, – сильная, я, – справлюсь. Уныние – грех. Я где – то слышала об этом. Мне нужно идти в Церковь и просить у Бога прощения за мои грехи. Ничего в жизни не бывает просто так. Все, что с тобой происходит для чего – то и за что – то. Это и есть испытание судьбой».

Катя полностью отдалась работе над книгами. У нее уже в арсенале было несколько романов и сборник рассказов: «Где же ты, правда?!». Все это были рукописные работы. Тетради Катины увеличивались в объеме и количестве. Было несколько вырезок из газет с ее главами романа «Круговорот», который она посвятила маме и папе и селу, в котором они нашли свою любовь, селу Горькая Балка Советского района. Там они молодыми красивыми учителями-шестидесятниками познакомились, когда их отправили по распределению. Читателям нравились эти работы. Много хороших отзывов было о них. Катя успокаивала себя тем, что у нее есть спасение от этого недуга, – это ее романы, которые снова помогают ей выжить…

В Мурманске снег уже начинал срываться, Катя бежала из поликлиники, сдав опять очередной анализ. Ее проверили врачи всех направлений, – начиная от терапевта и заканчивая сосудистым хирургом. В лицо дул свежий ветер, еще и не холодный, но уже и не теплый. Листья шуршали под ногами. Осень на севере очень напоминала начало лета там же. Срывающийся снег и ветерок опять весело приветствовали Катю, которая большую часть своего времени проводила в пеших прогулках. Из поликлиники она как всегда шла пешком. Не нужно было ни с кем разговаривать. Не нужно было кивать на заданные

вопросы, не нужно было писать ответы в блокноте и ссылаться на боль в горле. И все остальное не нужно было…

Никита собирался уходить в море, но все откладывал и думал, как он оставит Катю одну. Ей нужна сейчас моя помощь. И он усиленно искал работу на берегу. Он учился на пятом курсе юридического института, на заочном отделении, и думал, что в милицию уже можно будет устроиться. Единственное, что останавливало, это то, что стажеры должны были работать бесплатно.

Катя не хотела с ним расставаться и согласна была, чтобы он пошел работать в милицию даже без зарплаты.

«Никите нужно нарабатывать стаж, – думала Катя. – А я отдам рукописи в издательство, пусть их опубликуют. Будем жить на гонорары и переводы.

Катя занималась переводами текстов для редакции и знала, что сможет прокормить семью. Она была уверена, что все будет хорошо. Она решила найти причину своей болезни и сделать все, чтобы остаться в рядах работающих людей.

Перспектива остаться инвалидом совершенно не радовала ее. А ветер гладил Катю, которая почти бежала домой и приговаривал: «Все будет хорошшшшшоооо…,хорошоооооооо…,хорошшшшшшшоооооооооо!

«Я тебе верю», – мысленно разговаривала с природой Катя.

Никогда еще так осознанно она не ощущала себя маленькой частичкой огромного мира неизведанного бытия.

«У меня все будет хорошшшшшо! – в унисон повторяла она. – Все будет хорошоооооо!».

Катя не заметила, как дорогу ей перегородило какое – то препятствие. Она не сразу поняла, что ей помешало идти дальше. Катя хотела обойти, она отошла влево, препятствие тоже влево, Катя – вправо, препятствие тоже вправо. Только вглядевшись, Катя увидела Яну, которая стояла перед нею, поставив руки в боки. Она радостно улыбалась и, толкнув Катю в плечо, спросила: «А ты куда пропала? Спрашивали бабку-гадалку и исчезли. Вы хоть попали к ней? Как вы дом не нашли? Я ездила, дом стоит, бабка живет, все нормально. Не знаю, почему вы ее не нашли? А почему прячешься? Говорят, ты отпуск взяла за свой счет. Ты что лечиться хочешь, чтоб дети были? – не переставая задавала вопросы Яна. – А что ты со мной не разговариваешь, обиделась что ли? – спросила Яна грозно. – За что? Ну, говори, где вы пропадали? Когда на работу выйдешь? Там наши за тобой соскучились все. Меня замучили вопросами о тебе. Когда, говорят, наша любимая Катенька выйдет из отпуска?

Катя полезла в сумочку за блокнотом и ручкой, написала Яне,

что у нее отнялась речь и она не может говорить.

– Вот это да, а Никита на берегу? – спросила изумленная Яна.

Катя кивнула головой.

– Андрей тоже. Тогда приходите сегодня в гости, я стол накрою. У меня для тебя куча новостей. Приходите обязательно, если не придете, обижусь, поняла? – спросила Яна и, помахав рукой, побежала к троллейбусной остановке.

Кате никого не хотелось видеть, но подумала, что Никите захочется пообщаться с Андреем, тем более, они давно не виделись. Поэтому она пришла и написала Никите о том, что их пригласили в гости.

– Ты хочешь пойти? – спросил Никита.

– Да, – кивнула Катя.

– Ну пойдем, сходим, поболтаем.

И тут же осекся и, покраснев, добавил: «Поужинаем, я хотел сказать».

– Проходите, проходите, гости дорогие! Сколько зим, сколько лет, – щебетал довольный Андрей. – Как дела, немая? – смеясь, спросил он.

– Катя, подняв палец вверх, подхватила шутку и показала, что все отлично!

– Катя, иди сюда, представляешь, мы все никак не получим эту злосчастную квартиру. Они то заморозят стройку, то разморозят. Вот до сих пор живем на съемной квартире. Надоело, ужас как! Так можно всю жизнь прожить на чужих площадях. Как я тебе завидую, что ты в своей квартире живешь, хотя тоже относительно, эти крохоборы вас и кинуть могут. Они все еще прописаны у вас? Все так же приезжают за пенсией? Они, наверное, себе сделали по два паспорта и получают и северную пенсию, и южную пенсию. Я тебе говорила, что эта Раиса Степановна, еще та стерва хитрожопая.

Помнишь, сначала запросила за квартиру шесть, потом восемь, а потом десять… У вас друзья молодцы все – таки! – восторгалась Яна. – Андрей, прикинь, мама дала Кате денег, а те сволочи, опять цену подняли. Тогда мы еще на квартире все жили у Баб Мани. Ребята, друзья их, у кого сколько было денег, собрали им на квартиру. Всем миром собирали. Нашли нужную сумму.

– Да, парни все молодцы! Тогда здорово нас выручили, – сказал Никита. – Катина мама привезла первоначальную сумму денег, а они с каждым разом увеличивали ее. То Катю прописать нужно было, то меня. Спасибо друзьям спасли положение. А этой Раисе Степановне все мало. Затем я им сказал, что больше не дам ни копейки. Вот тогда они успокоились и расписку отдали, что мы им больше ничего не должны. Мы в Астрахани с

кооперативной квартирой пролетели, а тут еще эти качели, – вздохнул Никита.

– Хорошо, что ты у Кати есть, а то бы они вообще ее до нитки обобрали, – подхватила Яна.

– Значит, Никита, ты рост цен на квартиры остановил? – спросил, улыбаясь, Андрей. – А мы уже и не надеемся, что они когда – нибудь наш дом сдадут. Каждый день ходим, ругаемся, а воз и ныне там. Я же с морем завязал. На берегу тоже можно прилично получать! Может быстрее и квартиру купим, хоть и не новую, но побыстрее, чем эту в долгострое.

– Все идите, садитесь к столу. Хватит болтать, мужики! Вот кто сказал, что бабы болтливые? Да эти мужики, больше чем мы любят поговорить. Ты знаешь, Катя, дети по болтовне стоят на первом месте, моряки на втором, а мы, женщины, вообще на третьем, а ты, Катюха, – вообще, на самом последнем, – засмеялась Яна, – Только я не поняла, ты прикалываешься, что говорить не можешь? Лучше расскажи, от какой радости онемела? – смеясь, добавила Яна. – Рассказывай, как вы отдохнули? Где были?

Катя удивленно посмотрела на Яну.

– Правда что ли немая? Ну это даже хорошо, что ты не можешь говорить. У меня столько новостей! Я тебе сейчас расскажу. Вы представляете, я же чуть не умерла этим летом, – начала свой рассказ Яна. – Короче, я утром выхожу на работу, как всегда позавтракав, – чай, масло, сыр, все свежее, как всегда.

Кроме бутерброда с чаем больше ничего не ела. Ты же знаешь, отпуск я брала зимой, вот все лето в редакции и проторчала. Я, Владимир Алексеевич, – старый бабник, и молокососы, студенты журфака с Галкой корректоршей.

Короче, прихожу я на работу, все нормально и вдруг мне ни с того, ни с сего, как затошнило. Меня как начало полоскать, не к столу будет сказано. Синий круг вокруг рта, я бегом в туалет. Яна наклонилась и сказала Кате на ухо: «Еле добежала, у меня такая рвота была, прямо струей из меня лило, фонтаном, и одновременно понос у меня был, представь, мое состояние. Лило из всех дыр! Я чуть не померла! Но, в общем, меня в том туалете нашла Галка-корректорша. Они испугались, вызвали скорую. Реанимация приехала, представляешь, очень быстро. Вот тут я очнулась уже в больнице, – в инфекционной. Врачи бегают не знают, что со мной, сказали, что очень похоже на отравление. Промыли меня, кучу анализов взяли и ничего не поймут. Ты не поверишь, ничего у меня не нашли, какая – то мистика, чертовщина какая – то?! Всех держат месяц в больнице, а меня на третий день выпустили. Кошмар, представляешь, как вспомню до

сих пор плохо».

Катя внимательно слушала, а перед глазами стояла одна и та же картинка, как тетя Зина выливала воском лицо Яны, затем резала его ножом, потом снова выливала и снова резала. И говорила: «Запомни сегодняшнее число. Сегодня восемнадцатое июля».

Неожиданно Катя очень быстро и громко спросила Яну, сама испугавшись того, что тяжесть с языка исчезла: «А когда это произошло?»

Катя от собственного голоса, даже подпрыгнула. Никита радостно посмотрел на нее, а Яна стукнув по плечу, произнесла: «Я же говорила, что она претворяется. Смотри, болтает!».

Катя посмотрела на Яну удивленно и быстро переспросила: «Ты помнишь, когда это с тобой произошло?».

– Еще бы, конечно, помню, это было восемнадцатого июля.

Катю бросило в холодный пот, она подумала, что все это только снится. Она очень серьезно посмотрела на Яну и сказала: «В жизни всякое бывает, вот у меня речь вернулась, так же внезапно, как исчезла. Ой, ребята ощущение свободы, как будто оковы сорваны с языка! Никита, я опять умею говорить! – закричала Катя радостно, обнимая мужа. – Господи, спасибо тебе большое! Завтра же пойду в Церковь, Яна и ты обязательно сходи, пожалуйста. Ведь все, что с нами происходит это не просто так. Яночка, поверь мне!

– Да, ладно тебе, а зачем ты соврала, что говорить не можешь? – спросила расстроенная Яна.

Катя не ответила, прижалась сильнее к Никите и прошептала: «Я так счастлива, что опять могу тебе рассказать, что у меня на душе!».

– Я и так знал, мысленно с тобой разговаривал. Даже знаю, о чем ты думаешь. И, наклонившись к Кате, произнес: «Я знаю, что ты очень хочешь домой, я прав?».

– Да, но пока нельзя уходить, нужно уважить хозяев. Побудем еще немного.

Они продолжали общаться с друзьями, рассказывали друг другу про отпуск, вспоминали общих знакомых, смеялись. Яна говорила, что Сергей-весельчак, тоже стал писать рассказы. И собирается переехать к Азовскому морю с Ларисой навсегда. Катя улыбалась и все равно старалась больше слушать, чем говорить. Она вспомнила слова, которые говорила тетя Зина: «Бог дал человеку два уха и только один язык, чтобы он в два раза больше слушал, чем говорил…»

Глава 55

– Екатерина Евгеньевна, зайдите к шефу, – противный голос секретарши Люси, позвал Катю.

– Иду, но я только что была у него, что опять случилось?

– Екатерина Евгеньевна, завтра выходной день, вам нужно быть в редакции, – категорично заявил Михаил Михайловия.

Главный редактор газеты «Северное Сияние» был очень оригинальным человеком. Он мог в конце рабочего дня дать задание, которое нужно было сделать, как он говорил, срочно. И ему никто не мог отказать, потому что он преподносил это таким образом, что если не выполнить его просьбу, то будет точно конец света.

Человеком он был довольно пожилым, но годы нисколько его не портили. Он был очень красив и в свои шестьдесят лет. Михаил Михаилович Терентьев всегда держался так, будто весь мир ему должен. И не только потому, что был начальником, но потому, что боялся, что заметят его ранимую душу, которая все принимает близко к сердцу.

За маской такого неприступного и жесткого руководителя, скрывался обыкновенный отец двух легкомысленных дочерей и дед двух избалованных внучек. Жена его умерла и вся ответственность за четырех девиц, легла на него одного. Внучки спрашивали деда: «Ты случайно не собираешься умирать? А то мы хотим, чтобы ты наших детей воспитывал.».

Такое признание в любви о многом говорило.

В молодости, их дедушка был очень красивым молодым человеком. Всегда энергичный, полон творческих идей комсомолец становится хватким и неподкупным коммунистом, который делает блестящую карьеру, став грамотным и принципиальным руководителем.

Редакция полностью была его детищем, он подбирал толковые кадры и сам всегда проверял работу каждого сотрудника. О каждом имел свое собственное мнение, которое не всегда совпадало с мнением коллектива. Его боялись все: от уборщицы до мэра города. Он смело высказывал свое мнение при любой власти. Авторитетов для него не существовало. Интриги он пресекал еще в зародыше. Терпеть не мог осведомителей, которые не подозревали о том, что таковыми являются, рассказывая ему о личной жизни его рядовых работников. Когда они видели приказ о своем увольнении, то очень удивлялись – за что? А формулировка была одна и та же, – не соответствует должности.

– Екатерина Евгеньевна, не хотели бы вы стать моим

заместителем? Я уже подал нужные документы в правительство, а теперь у меня просто личный интерес. Понимаю, работы прибавится, но радует, что и зарплата увеличится тоже. Поэтому, думаю, вы не будете возражать, если придет приказ о вашем назначении. Владимир Алексеевич сбежал от нас в Израиль. И мы осиротели, вместе с тем, как он разбогател, – сказал веселящий себя редактор газеты.

– Нет, я буду возражать, – сказала уверенно Катя. – У Яны очень хорошо получается руководить. У меня нет такой руководящей хватки, как у нее. Я не смогу быть вашей правой рукой, – оправдываясь, тараторила Катя. – А если быть совсем откровенной с вами, Михаил Михайлович, я должна уделить внимание своему здоровью. Мне очень хочется иметь детей. Я хочу обследоваться у самых лучших врачей. Узнать, что у меня не так, и, наверное, это мечта и даже не мечта, а предназначение каждой женщины – стать матерью, должна быть на первом месте, если расставлять приоритеты.

– Матерью стать – это хорошо! А, заодно, будешь зарабатывать много, будут у тебя средства на лечение, и станешь ты мамой, поверь мне. Поэтому это не обсуждается, я подписал добро насчет тебя. Яну ставлю шеф – редактором вместо Владимира Алексеевича. А тебя я хочу видеть моим заместителем! И не забывай писать свои романы дальше. На четвертой полосе они очень хорошо смотрятся, тираж вырос, мурманчане подшивки газет собирают, ради твоего романа.

Катя домой шла со смешанным чувством, ей казалось, что против нее ополчился весь мир. Я и так работаю на трех работах, еще эта дополнительная нагрузка. Я очень хочу родить детей. Я уже наметила, каких врачей нужно пройти. Теперь придется работать в редакции все двадцать четыре часа в сутки и обязательно все выходные. Зарплата, конечно, будет меньше, чем у меня с моих двух дополнительных работ. Вот это я выиграла в деньгах…Когда я буду лечиться? Мне уже тридцать лет. Почему я должна Никиту оставлять без детей? Нужно обязательно сделать все, чтобы вылечиться и родить ему сына и дочку. Мне кажется, что я просто не имею права быть за ним замужем, если у меня не получаются дети. Он молодой парень. Ему может родить какая – нибудь другая девушка. Я не буду эгоисткой. Сейчас приду и сообщу ему, что нам нужно расставаться. Но как набраться смелости, у меня совсем не осталось времени. Наверное, Бог не дает мне детей, за грехи мои, за аборт. Я много знаю таких случаев, когда после первого аборта детей не давал Бог женщинам никогда.

В раздумьях, Катя не заметила, как проехала свою остановку,

вышла в другом районе и пешком пошла по улице Зеленой, где находилась Церковь.

– Значит, я уже готова придти к Богу?! Меня как будто кто – то ведет за руку, – подумала она.

Катя вообще и не знала, где в Мурманске находится Церковь. Много лет назад, когда она искала прописку, она проходила в этом районе и видела Божий Храм. А сегодня, чудесным образом, Катя оказалась здесь?!

«Мне нужно обязательно зайти сюда, – подумала она. – И правду говорят, что к Богу приходят тогда, когда он сам тебя позовет! А придти к Богу нужно было давно, еще тогда, когда начинала свою новую жизнь на Севере… Тогда Бог был у меня в Сознании, но не в Душе. Я все сопоставляла, меня все удивляло, я понимала, вернее, догадывалась, и кажется даже отчетливо видела, что Бог есть! Я всегда чувствовала Его присутствие, присутствие Бога, который был со мною постоянно рядом, но я, ни разу, не показала Ему свою искреннюю любовь. Мне было лень идти в Церковь и показать, как сильно Его люблю, и насколько предана Ему! А я только признавалась сама себе, и то шепотом, что Бог у меня в Душе. И убеждала себя в том, что необязательно идти в Церковь, можно попросить помощи у Бога и дома. Ведь в Церкви много злых прихожан и служащих, которые мне навредят! Тем самым я просто оправдывала свою лень, как говорила тетя Зина и отказывалась от Бога, предавая Его!

«Как мне здесь хорошо, спокойно и как красиво поет Церковный хор, здесь так легко дышится. Почему я раньше никогда сюда не ходила? Это общий дом, дом всех людей. Все стоят одни со своими мыслями и вместе с Создателем. И каждый просит Его о своем».

– Господи, прости меня грешную, помоги мне, я очень хочу иметь детей. Помоги мне, пожалуйста, подскажи, что делать? – поднимая глаза к куполу Храма, произносила Катя.

Она отстояла всю службу. Вся жизнь пролетела перед глазами. Вспоминала Катя все, что происходило с нею и плохого, и хорошего. Она понимала, что для Бога плохих людей нет, но все же, было стыдно за те или другие совершенные поступки. За видимые и невидимые прегрешения. Вслушиваясь в слова молитв, она поражалась мудрости каждого слова.

– Как это все правильно звучит, что не слово, то прямо в цель. Как же так получается, что мы черствеем душой от того, что так не справедлив мир. Почему люди становятся злыми, раздраженными, грубят друг другу, завидуют тому, чему вообще нужно радоваться. Ведь кто – то родил ребенка, счастье такое для друзей, знакомых, родственников. Кто – то купил машину, кто –

то построил дом, кто – то успешен в бизнесе. Вот если научиться радоваться за всех так же как за себя! Радость становиться огромная, как вся Вселенная. И человек становится счастливым и добрым. И главное, – здоровым!

А зло разрушительно, оно уничтожает все, всех и вся вокруг себя. А самое главное, – не приносит радости и счастья. Зло приносит болезни, потери, разочарования и затяжные черные депрессии.

Почему так создан мир? Почему есть и плохие люди и хорошие? Для чего нужны плохие люди? Для чего нужны злые люди? Их, наверное, испытывает Дьявол. Он окутывает злом всех людей и многие не проходят испытания из – за слабости духа, они становятся злыми и грубыми и совершают преступления. А ведь самое главное, что у Бога плохих детей нет. Для нашего Создателя нет ни злых людей, ни мертвых людей. Для Бога все люди добрые и живые! – вспоминала она слова тети Шуры.

«Где же ты теперь, тетя Шурочка, моя любимая подружка и советчица?», – вспоминала свою землячку и родную тетю Катя.

Неожиданно ее кто-то толкнул и строго произнес:

– Девушка, от лампадки свечку свою не зажигайте, ишь ты чего удумала, – сердилась женщина, вытирая пол в церкви.

Служба давно закончилась. Люди разошлись. А Катя все стояла и общалась один на один с Создателем. И вот эта старушка или девушка без возраста, служащая в Церкви, – зло глянув на Катю, произнесла еще раз: «Я кому говорю, зачем делаешь, все мне на зло. Я же сказала, что нельзя зажигать свечку от центральной лампады. Зажги от любой другой свечки, какая – то непонятливая стоит, как первый раз здесь?».

Катя удивленно посмотрела на нее и спросила: «А, в Церкви разве можно делать замечания, это не грех?».

Женщина зло посмотрела на Катю и сказала, сквозь зубы: «Да, благословит тебя Бог!».

– И вас тоже! – сказала Катя. – Простите меня, если я вас обидела, – добавила она, опустив голову.

– Бог простит, и я прощу, – улыбнулась грубая женщина и добавила: «Чего это я правда сорвалась? Господи, прости меня грешную. Соблазн большой для грехов, особенно у нас, кто в Церкви работает. Не справляемся. А ведь заберем с собой только грехи, когда уходить будем! Больше ничего не сможем забрать из земной жизни!..».

– Господи, прости меня грешную, – перекрестилась Катя, и так запали ей в душу слова этой женщины: «А ведь заберем с собой только грехи, когда уходить будем.»

– Точно ведь. Ни машины, ни дворцы, ни драгоценности, а

только накопленные грехи, – согласилась Катя.

Домой Катя возвращалась опять пешком. Путь был не близким, но она решила подышать свежим воздухом и пообщаться с Создателем побольше. Ведь мы общаемся с Богом ежесекундно. Когда остаемся со своими мыслями, мы думаем, что разговариваем сами с собой, а на самом деле мы разговариваем с нашим Создателем.

Вечный, никем неслышимый, кроме Бога, диалог продолжается даже тогда, когда мы идем и молчим. Это только нам кажется, что мы наедине со своими мыслями, а на самом деле мы, – с Богом. Жалуемся ему на свои какие – то нехорошие поступки, спрашиваем у Него совета, как вести себя с плохими людьми, пытаемся узнать, что делать дальше?

А Он ведет нас незримо и улыбается, потому что знает, когда придет время получить то, что мы хотим, Он нам этого не даст. Ведь Создатель приготовил то, что для нас будет лучше того, что мы просим. И даст это нам немного позже. А мы плачем, злимся на Судьбу, если не получается по – нашему. А Бог улыбается, зная, что мы очень удивимся, когда сбудутся наши мечты. И произнесем: «Надо же, а я об этом даже мечтать боялся!».

Нужно научиться ждать без злости и без сожаления. Нужно научиться прощать, без обид и оскорблений. Нужно уметь отпускать ситуацию, не требуя и не переживая. Нужно самому придти к Вере и тогда у тебя все обязательно получится.

– Катюша, а ты где была? Я уже начал беспокоиться. Зашел за тобой на работу, мне сказали, что ты давно ушла. Я побежал домой и уже успел приготовить ужин. А тебя все нет и нет, – сказал Никита, помогая Кате снять пальто. – К нам ребята в гости пришли. Сказали, что с ночевкой сегодня. Мы тут сидим ужинаем.

Семен и Володя сидели и очень удивленно смотрели на Катю.

– А ты куда запропастилась? Мы уже стали беспокоиться за тебя. Как дела? Как работа? – спросили друзья.

– Отлично все! И работа и семья, и дружба, если вы не против? – ответила вопросом на вопрос Катя.

– Нет, мы не против. Мы за вами, прям, соскучились. Привыкли с вами жить, а дома нам теперь без вас скучно. Сидим одни как бобыли. Невесты надоели со своими приставаниями. Такие девчата стали прилипчивые, ужас. Мне кажется, раньше такого не было, – возмущался Семен.

– Ой, не смешите меня. Раньше у вас ничего не было, а теперь вы с квартирами, с машинами и вам теперь будет очень непросто жениться. Вы в каждой девушке будете видеть только алчных барышень, которым нужны ваши квартиры, машины, ведь так? –

смеясь, сказала Катя.

– Ну, не без этого, конечно. Что – то раньше мы таким успехом у женщин не пользовались. А теперь прямо нарасхват, – сказал Семен, прищурив один глаз.

– Семен, вам нужно было жениться, когда у вас ничего не было. И тогда вы точно знали, что это по любви, – сказал Никита. – У меня ничего не было, да и у Кати тоже. Мы грелись с нею в телефонных будках, потому что идти было некуда. И проверенная временем и невзгодами любовь одержала победу! И вот мы вместе, да, Катюша?

– Правильно, правильно, так и было. Мы и к знакомым просились погреться и к не очень знакомым. Одни открывали дверь, другие, подойдя к дверному глазку, прятались за дверью, не желая видеть гостей. Все было, и вообще, что с нами происходит, все происходит не просто так. Все это для чего – то и ради чего – то, – уверенно сказала Катя.

– Может ты и права, жили мы, ни о чем не думали, молодыми приехали в Мурманск, оторвались от мамкиной юбки и давай по ресторанам, да по танцулькам бегать, – смеясь, пританцовывал Семен. – Потом, смотрим, вы квартиру купили. Во! – думаем, нам же тоже надо!

– Точно! Так и было, – подхватил Володя. – Остановились, задумались и стали зарабатывать уже с мозгами, – продолжил Володя. – Купили квартиры. Ходим теперь, покупаем мебель и гордимся собой! Думаем, какие молодцы! А раньше, когда после мореходки приехали в Мурманск, были совсем детьми, которых после окончания училища бросили сразу во взрослую жизнь.

– Прямо в открытое море! – засмеялся Никита. – Я помню, как я иду в шторм по пароходу, лампочка качается, а я думаю, только не погасни, только не погасни. У самого ноги ватные от испуга. Думаю, не дай Бог, что – нибудь сломается, ведь утонем все!

Мужчины остались сидеть, вспоминать молодость, мореходку и вообще они любили посидеть посекретничать по – мужски. А Катя пошла и пораньше легла спать, потому что ей нужно было утром идти к врачу.

– Придти к Богу нужно самой, – думала Катя, лежа в постели. – Он любит всех. Господи, спасибо тебе большое за все! Господи, – подумала Катя, – муж есть, друзья есть, жить есть где. Господи, дай мне, пожалуйста, ребеночка! Господи, дай мне сыночка, – просила все время Катя, так и уснула с такими мыслями.

Глава 56

– Девушка, а кто последний в очереди? – спросила Катя, зайдя в женскую консультацию.

Осторожно села на край скамейки и смотрела на будущих мамочек, которые с округлившимися животиками, сидели красивые, ухоженные и счастливые, весело болтая друг с другом.

– А вы на каком месяце беременности? – спросила молодая девушка, сидевшая рядом с Катей?

– Я не беременная, – ответила Катя. – Я просто пришла на консультацию.

– А меня, представляете, вообще не тошнит, токсикоза нет, а подруги так меня напугали, что беременной ходить плохо. – У вас, сколько детей? – продолжала допрос разговорчивая соседка.

– У меня почему – то не получается забеременеть, – сказала Катя, немного краснея.

Катя прекрасно понимала, что для этой девочки, она кажется просто старушкой в свои тридцать лет.

– Ну ничего страшного, получится обязательно. Вы, наверное, боитесь, как и я. Но вы не бойтесь. Меня, правда, вообще не тошнит. Говорят, что токсикоз не у всех бывает.

Девушка продолжала рассказывать, как хорошо быть беременной, как ее носит на руках муж… Но подошла Катина очередь и ее вызвали к врачу.

– Екатерина Евгеньевна, у вас же талончик на одиннадцать, заходите, – сказала медсестра.

Катя осторожно вошла и увидела мужчину средних лет, который был дежурным гинекологом на ее участке.

– Что беспокоит? – спрашивает врач с театральной внешностью.

В спектаклях он мог смело играть француза. Вьющиеся черные волосы поддерживали белую шапочку. Узкое лицо и живые черные глаза, манера общаться напоминали французского актера Пьера Ришара.

– Я хочу провериться, сдать все анализы, – посмотреть, что со мной не так, – заикаясь, начала говорить Катя.

– Хорошо, проходите за ширму, раздевайтесь, я посмотрю, что с вами не так, – улыбаясь, сказал гинеколог – театрал.

И также, театрально встал и пошел, напевая, мыть руки.

– Лена, – обратился он к медсестре, подай, пожалуйста, перчатки.

Катя вообще чувствовала себя неуютно в кабинете гинеколога. Нахлынули воспоминания, которые она больше всего

хотела забыть. В полуобморочном состоянии, находясь на кресле, сквозь какую – то пелену, она видела, как доктор присвистнул, и Катя издалека услышала: «Ну, что будем делать аборт или рожать в таком возрасте?

– Что вы сказали? – охрипшим голосом, не слыша саму себя, переспросила Катя.

– Вы сударыня плохо слышите? Бывает так при таком сроке. У вас, Екатерина Евгеньевна, восемь недель беременности, – сказал врач. – И что будем делать рожать или аборт? – повторил он громче.

– Спасибо большое, доктор! – радостно закричала Катя. – Конечно, буду рожать. Я не думала, что когда – нибудь вообще это услышу.

– Да, что вы говорите? Если собираетесь рожать, то нужно поберечься, – говорил ей доктор, подавая руку как королеве, помогая спуститься с кресла.

Катя от радости чуть не прыгала!

– А вы не ошиблись, ошибки быть не может?

– Никогда! Вы сомневаетесь в моей компетентности? А это очень зря вы делаете, потому что я буду наблюдать вас всю беременность. вы возрастная первородящая, поэтому ходить нужно медленно, потихоньку. В консультацию приходить часто и беречься, беречься, беречься.

– Я обязательно буду делать все, что вы мне будете советовать, доктор. Спасибо большое, – радостно сказала Катя!

Она встала и медленно пошла домой. В троллейбус Катя не села, – «чтобы не дай Бог не толкнули, – подумала она и решила пройтись домой пешком. Такой счастливой она не была никогда!».

– Господи, спасибо тебе большое! Мне до сих пор не верится. Я не думала, что это когда – нибудь произойдет, – повторяла Катя про себя. – Получается, Вера в Бога помогла мечте исполниться.

Катя осторожно шла по улице и улыбалась всем прохожим. В лицо веял свежий северный ветерок. Мороз был как всегда очень крепкий и, пощипывая Катины щечки, приговаривал: «Привет, молодая мамашшшшша! Сделаем тебе северный массажжжжжж лица! На севере все остаются молодыми и здоровыми надолгоооо! Ты моя любимая северянка. Я тебя много раз проверял на прочность. Любишь ты Север. Зимы наши любишь. Не боишься меня, а радуешься мне. Январь месяц самый морозный, а ты идешь и улыбаешься мне. Радуешься, что сбылась твоя мечта. Мы тоже очень рады. Осторожно, гололед! Иди по над стеночкой», – подсказывал Кате любимый северный ветер.

– Никита, можно тебя на минутку, – сказала Катя

таинственно, зайдя домой.

– Что случилось, Катюша? Ты будешь меня ругать, что мы вчера с парнями долго сидели, да? Они еще спят, – шепотом, произнес Никита. – Ты сходила к врачу? Что он сказал? – спросил Никита взволнованно.

– Никита, ты только никому не говори. Я тебе по секрету скажу, что у нас будет ребенок. Мне доктор сказал, – радостно и тоже шепотом, произнесла Катя.

Ей очень хотелось посмотреть на реакцию Никиты, но она увидела только, как Никита сделал такой важный вид и ответил: «А, я об этом знал».

– Да, не ври ты, знал он, откуда? – удивленно спросила Катя.

– Я сон видел и мне показалось, что именно так все и происходило. Вот точно так у нас спали ребята и я им сказал, что я скоро буду папой, – гордо сказал Никита.

И тут же обнял Катю и счастливый спросил: «Можно я ребятам похвастаюсь? Они точно обрадуются, ну, пожалуйста».

– Ну ладно, говори, им можно, они нам как родственники.

– А кто будет девочка или мальчик? – парни наперебой стали спрашивать Катю и Никиту. – Давно пора, мы воспитаем его в лучших традициях нашей мореходки! Если парень будет, пройдет курс молодого бойца, а если будет девочка, то научим ее, как избавляться от моряков, которые чтут лучшие традиции КМУ.

И как всегда они начали хохотать сами над своими шутками.

– Хватит вам болтать, а то дети внутри нас все слышат. Начнет смеяться над вашими шутками и может родиться раньше времени. Теперь никаких грубостей, только приличные манеры. Растим первенца в нашей дружной компании, – приказным тоном сказала Катя.

– А Лариска с Серегой, почему не рожают, нужно им замечание сделать, – продолжали рассуждать ребята.

– Всему свое время, помните?! Я вчера вам об этом говорила и у всех своя судьба, поверьте мне. И давно уже написана, я даже знаю Кем. Наша судьба написана нашим Создателем. А мы все бежим, торопимся, хотим опередить события, которые нам предначертаны Судьбой. А ведь никто из нас не сможет ее изменить, поверьте мне. То или иное событие дается нам в дар или в наказание. То или иное событие, которое происходит с нами не просто событие, а урок, который нам преподносит Судьба. И главное мы должны хорошо усвоить этот урок. Понять для чего все. И сказать, как бы нам ни было плохо сейчас, – Спасибо, Господи тебе за все! Потому что все, что происходит с нами, – это правильно. Пройдут годы и ты поймешь, что все, что с тобой происходило, было нужно. Это как проверка тебя на

прочность. Выдержишь ты или сломаешься? Если слаб, ты должен уйти и начать жизнь заново. Но уже не в это время и не с этими людьми и не в этой жизни. Запомни одно – с тобой, в следующей твоей жизни, будут обходиться люди точно так же, как ты обходишься с людьми в этой жизни сейчас, но только в десять раз хуже.

И это нужно для того, чтобы опять проверить тебя на прочность. И так будет происходить до тех пор, пока ты не поймешь и не усвоишь урок, преподнесенный Судьбой!

Ребята внимательно слушали Катю и каждый думал о своем: о снах, о Мурманске, о том, что встретились они не случайно в этой жизни. О том, что уже однажды это с ними было. Как говорят французы. Однажды уже видел. «deja vu».

Глава 57

Время пролетело быстро. Подошел срок родов. Катю положили в больницу, чтобы подготовить к появлению нового человечка и продержали там неделю. Все сроки вышли. Врачи боялись, что роды будут протекать тяжело и постоянно наблюдали возрастную первородящую. Катя сидела в коридоре роддома и ждала своей очереди для планового осмотра. Она очень сильно переживала о предстоящих родах и хотела, чтобы побыстрее этот счастливый день настал.

– Проходите, что там у вас, – грубо спросила женщина – врач, приглашая Катю к себе в кабинет. – А кто это вам сказал, что вы беременна? – глядя, на Катин большой живот, спросила гинеколог. – И что вы так медленно поднимаетесь на кресло? Побыстрее не можете? Все бережете себя, бережете, – приговаривала она недовольно.

Казалось, что Катя виновата была во всех проблемах ее на сегодняшний день. Грубо засунув зеркало, и также грубо заорав, она вскрикнула:

– Вон, смотрите, кровь идет? Скорее всего, вы и не были беременной, это ложная беременность. Вам, в вашем возрасте, всем очень хочется быть мамашами. Вот вы и выдумываете себе эти беременности. Ладно, не реви, хватит реветь ты не дома, – грубо сказала гинеколог. – Посидите и подождите в коридоре.

Кате не хватало воздуха, крик из глубины души рвался наружу. Где-то я уже видела этого доктора, – вспоминала Катя. – Господи, да это же Светлана Семеновна Ермакович. Та самая подружка Игоря Сергеевича, которую выгнали из диспансера за взятки. Но может быть она меня не вспомнила? Может быть у меня действительно ложная беременность.».

Катя не выдержала и, прикрываясь платком, не смогла сдержать слезы, громко зарыдала. Воздуха не хватало. Она очень испугалась, что теперь от нее точно избавятся. Да и заодно с ее ребенком тоже.

«Я больше всего именно этого и боялась», – подумала Катя и быстро выскочила на улицу. Она поймала такси и рванула домой всю дорогу рыдая.

Когда она выходила из такси, то никак не могла успокоиться. Мимо нее проходила соседка, главврач другого роддома. Женщина остановилась и спросила: «Что случилось?».

Катя не смогла произнести ни слова. Она только часто дышала, хватала ртом воздух и, заикаясь, произнесла: «Мне сказали, что у меня ложная беременность, но я же слышала, как

ребёнок толкается! Почему она такое сказала?»

– Кто сказала? – спросила недоумевающая главврач.

– Дежурный врач сказала, что у меня ложная беременность, что я все себе выдумала и у меня течет кровь. А мне, кажется, она просто зеркало не по размеру взяла и поцарапала меня, поэтому и кровь, – рыдая, рассказывала Катя.

Соседка-главврач быстро распорядилась поместить Катю в больницу, где она работала, и лично взяла Катю под свой контроль. Она успокоила ее и сказала: «В наш современный век УЗИ всегда показывает, как развивается плод. В вашем случае, у вас все отлично и вы скоро станете мамой. У вас будет все хорошо. Беременность протекает нормально. И простите меня, пожалуйста, за некомпетентность и грубость моих коллег. Я буду сама принимать у вас роды, не переживайте. Вопрос о территориальности тоже возьму на себя».

В другом роддоме Катя подружилась с остальным медперсоналом. Девочки были очень внимательные и добрые. Они очень профессионально принимали роды, которые почему – то проходили в основном по ночам. Поэтому иногда приходилось просыпаться от очередных криков поступивших рожениц.

После этого маленькие новые человечки начинали свои песни – мурлыканья. И жизнь продолжалась с рождением новых мальчиков и девочек. Под окнами стояли счастливые отцы, которые наперебой выкрикивали имена своих любимых жен. Они рассказывали о своих огромных проблемах, которые у них появлялись, после того, как жены уезжали рожать. Они выглядели такими потерянными и беспомощными, что на них было просто больно смотреть. И уже хотелось поддержать их самих, что молодые мамаши и делали, понимая, как нужна в это время сильному полу помощь.

– Катя, сегодня будешь рожать! – безапелляционно заявила главврач родильного отделения. – Ты нам всем надоела. Лежишь здесь две недели. По срокам давно должна родить. Тебе неправильно установили срок беременности. Поэтому сегодня понедельник и у тебя плановые роды, все. Так, предвестники были у тебя в пятницу? В субботу и воскресенье тебе на ночь укололи успокоительное. А сегодня понедельник все – рожаешь!

Утром вскрыли пузырь, поставили капельницу. Не было уже ни предвестников, ни схваток и поэтому, в половине пятого вечера, Катя сама вместе с медсестрой и капельницей пошла в родильный зал.

– Катюха, ты куда идешь? – спрашивали ее сострадалицы – роженицы.

– В родзал, рожать! – весело ответила Катя. – У меня

плановые роды.

– Вот везет, что и боли даже нет? – спрашивали ее будущие мамочки.

– Нет, иду весело, с анекдотами, только боюсь очень, – сказала Катя.

Медсестра всякое видела, но чтобы с анекдотами шли рожать, видела впервые. Акушерка сделала уже все приготовления к родам и тоже странно посмотрела на Катю, которая, улыбаясь, поздоровалась с нею и спросила, как лучше забраться на кушетку?

Все проходило как во сне. Вернее Кате показалось, что она уже была в точно такой комнате и рожала, когда – то. Что это с нею происходит не впервые. Она очень – очень давно все это видела, но не здесь, а там далеко, в другой жизни. У нее было опять то же самое ощущение, что это с тобой уже было. «Дежавю!»

– Поздравляю, мамаша, мальчик! – только и успела сказать Лилианна Анатольевна, грузиночка по национальности, заведующая отделением.

Соседка главврач стояла рядом и улыбалась.

– Хорошо тебе, ты лежала, отдыхала, а мы вместо тебя рожали, вытирая пот, – сказала главврач. – Вот экземплярчик, ужас.

Грубый голосище только что родившегося мужчины, рассмешил акушерку. Посмотрите на него, не нравится ему, что его трогают. Какой недотрога. Ой, а серьезный какой? А папа знает, что у него сын родился? – спросила Лилианна Анатольевна.

– Нет, муж не знает, что сегодня плановые роды.

– Так куда звонить? – спросила главврач.

– В прокуратуру, – ответила Катя. – Наш папа работает там следователем.

– Ого, папа у нас прокурорский? А чего ж вы сразу не сказали. Мы бы вас в отдельную палату, да и внимания побольше было бы. Мы прокуратуру уважаем, – сказала она смеясь.

– А какая разница? – удивилась Катя. – Если Бог бы не помог, то никакая прокуратура не помогла бы, – сказала она уверенно. – Да он недавно там работает, – добавила она. – А вообще он в море ходил. Просто учился в московском юридическом институте заочно. А как я забеременела, то больше в море не пошел. Сразу пошел работать в прокуратуру. Сказал, что будет мне помогать.

– Это он так думает, а как узнает, что это такое и какой ужас ночами его ждет, так сразу сбежит опять в море, вот увидишь.

Сын Максим рос умным и красивым мальчиком. Дома все друзья звали его, – сын полка. Любили, баловали, привозили с

моря много подарков. Катя занималась воспитанием сына. В три года он уже знал все буквы в букваре и пытался читать. Максим был точной копией Никиты. Он был любимцем всех ребят. Они таскали его за собой. Он был от рождения философом. Катя не могла налюбоваться сыном. Умненький, красивый мальчик был серьезным и спокойным. «Точно станет президентом», – говорили все вокруг. Кате очень нравилась роль мамы президента…

– Никита, знаешь у меня не так много времени. Мне уже за тридцать, поэтому откладывать не будем, а родим еще одного человечка. Я очень хочу двоих детей, поэтому я буду рожать. Двоим им будет не так скучно.

– Хорошо, Катя, так и будет, – сказал Никита. – Я тоже хочу, чтобы у нас было двое детей, радостно добавил он.

Но счастье длилось недолго. На очередном УЗИ Катю и Никиту снова ожидал удар судьбы.

– Вы знаете, молодые люди, у вас, скорее всего, этого ребенка не будет. Нужно делать искусственные роды. Мы наблюдаем гидроцефалию головного мозга у ребенка. Он будет инвалидом. Я, как врач, не могу сказать, что именно будет с вашим ребенком. Может он не сможет ходить или слышать или говорить. Но я вам настоятельно рекомендую не испытывать судьбу. Срок уже большой, поэтому только искусственные роды, – сказал строго врач.

Катя, не переставая плакала, и все время спрашивала мужа: «Никита, что будем делать? Я не могу убить своего ребенка. Вдруг это ошибка, ведь бывает, врачи ошибаются. Нет, я не буду его убивать, что Бог даст, то и будет».

Катя ходила ко всем врачам, ее посылали к генетикам. Нужно было выяснить причину болезни ребенка в утробе. Катя не находила себе места. Никита заканчивал в этот момент юридический институт. Он ездил на сессию, а с Максимом помогали мама и папа Кати. Ребята остались временно жить на юге, у Катиных родителей. Все вокруг старались успокоить Катю. Посоветовали пойти к светиле медицины, который сам лично делает ультразвуковое обследование и говорит самый точный диагноз. Никита и Катя поехали на обследование в надежде услышать, что диагноз не подтвердится.

– А кто вам сказал, что у ребенка гидроцефалия? – спросил профессор. – Нет никакой гидроцефалии. Но этого ребенка у вас не будет. У него очень слабенькое больное сердце и он не выдержит родовую деятельность. Так что чудес не бывает. Кате оставалось до родов совсем немного. Мама Кати пришла от гадалки и сказала, что будет девочка и что очень будет любить Катиного брата. Еще гадалка сказала, что девочка будет очень

умная и красивая и будет талантливая танцовщица. И самое главное очень здоровенькая. Только почему – то гадалка сказала, что сегодня срочно нужно ехать в роддом.

Катя легла спать со спокойным сердцем и с уверенностью, что завтра пойдет к врачу. Ночью Катя проснулась от ощущения, что схватки усилились и роды начались. Катю увезли в роддом. Роды проходили тяжело, Катя поняла во вторых родах, что такое схватки. Она промучилась всю ночь и когда к ней подошла утром акушерка, Катя жалобно попросила помочь ей, она сказала, что она обязательно отблагодарит ее. Кате было очень страшно и больно. Акушерка дала ей обезболивающее, а Катя сказала, что она уже рожает и просила позвать врача.

Молодой мальчик в очках подошел и представился врачом. Когда он увидел, что показалась головка ребенка, он тут же дал распоряжение рожать здесь же в палате. Туда привезли передвижной родильный стол и, едва Катя успела лечь на него, как вдруг увидела, что в палате находятся молодые студенты – практиканты. Сначала Катя не поняла для чего они здесь. Акушерка вместе с молодым врачом еле успели подхватить только что родившегося ребенка, который тихо пискнул и замолчал.

– Делайте что – нибудь! – кричала Катя. – Спасите моего ребенка! Это девочка? – спрашивала она.

– Нет, это мальчик, – сказал молодой доктор, который пытался сделать все от него зависящее, чтобы ребенок выжил. Но мальчик больше не издавал, ни звука и вдруг голос акушерки произнес: «Вот черт, шабашку сбила, мертвого приняла!».

Катя думала, что ей все снится, что это дурной сон, только позже она поняла, что и студенты здесь неслучайно. Скорее всего, им уже заранее сообщили, что будет сложный случай. Они знали, что ребенок не выдержит родовую деятельность и родится мертворожденным.

Как потом объяснили Кате и сказали, что если бы мальчик жил хотя бы пятнадцать минут, то считался бы живородящим. А так, как он мертворожденный, они не имеют права отдать его родителям, чтобы те его похоронили. После родов, Катя бросалась то к одной роженице, то к другой, когда им приносили кормить детей. Она просто сходила потихоньку с ума. Единственное, что ее останавливало, так это то, что она думала о Максиме.

«Маленький сыночек, ждет меня дома», – думала Катя. – Я должна жить ради него. Нельзя унывать. Нужно побыстрее отсюда уходить. Я больше не могу находиться в роддоме».

Она просила врачей отпустить ее домой. Но врачи были

категоричны. И Катя попросила Никиту, чтобы подруги на машине приехали и привезли ей теплые вещи и забрали ее домой.

«Новое испытание Судьбой», – подумала Катя.

Переживания были очень сильными. Глубокий след отчаяния остался после этих родов. Катя сидела, обхватив руками голову и раскачиваясь из стороны в сторону, не переставая рыдала. Неожиданно откуда – то появилась все та же пожилая женщина, которая к ней постоянно приходила в трудную минуту. Она подошла к Кате и сказала: «Перестань плакать, ты топишь его, своего мертвого ребенка, слезами, ему тяжело теперь там. Перестань плакать и скажи: «Господи, спасибо тебе за то, что у меня не родился больной ребенок, который бы мучился живя. Благодари Бога за то, что он оградил его от этого».

Сказав это, женщина так же, как всегда, незаметно исчезла.

Заключение о родах было таким: «Вскрытие показало, что мертворожденный имел множественные пороки развития внутренних органов».

Катя узнала об этом позже, а пока она убегала, рыдая, из роддома через окно, когда ее подруги детства, – Оля и Рита, примчались к ней на машине и выкрали ее из роддома, чтобы никто и ничто не напоминало ей о этом красивом мальчике, который был точная копия Никиты. Не родившийся сын был очень красивый мальчик, с длинными черными волосами и огромными голубыми глазами. Катя очень переживала, что они не могли забрать его из роддома и похоронить. Никита несколько раз ездил и просил, чтобы ребенка отдали, но врачи сказали, что его отвезли на вскрытие и они не имеют право отдавать его, так как он мертворожденный.

После этих родов, Кате постоянно снился один и тот же сон, что красивый мальчик лет трех бегал по зеленой травке на большой лужайке, на которой стоял один памятник и мальчик бегал постоянно вокруг него. Он будто что – то или кого – то искал.

Катя просыпалась и опять рыдала в подушку одна. Но самым страшным было, что она постоянно чувствовала его присутствие. Она все время ощущала, что он ходит за нею следом, где бы она ни была. Она даже слышала звук его шажочков – топ, топ, топ. Вечером, когда Никита с Катей шли из гостей, она отчетливо услышала, что он опять за ними идет. Когда она сказала о своих ощущениях Никите, то он сказал, что тоже их слышит. Однажды, возвращаясь от Оли домой, невидимая рука опять взяла Катю за руку и завела ее в Церковь. Посредине всего зала на полу был накрыт огромный, во весь зал, стол и вокруг стояли свечи. Люди клали конфеты, хлеб, сладости. У Кати были глазированные

сырки и она положила их тоже на общий стол и спросила: «А что сегодня за праздник?».

– Сегодня большая поминальная суббота, – сказала стоявшая рядом женщина. – За всех тех, которые погибли от аборта или были мертворожденными младенцами.

Катя отстояла службу, помянула своего родившегося и не выжившего сыночка и ей стало намного легче. Она не сразу заметила, что после той поминальной субботы, ей больше не снился тот маленький мальчик, который бегал по лужайке вокруг памятника и больше никогда она не слышала ни чьих шагов…

«Господи, спасибо тебе за все!» – подумала Катя и прости меня за мои видимые и невидимые прегрешения.

Глава 58

Оправившись от очередного потрясения, Катя с Никитой и Максимкой вернулись на север. Жизнь протекала как обычно. Катя воспитывала сына, Никита ходил на работу в прокуратуру. И время стремительно неслось вперед. Дни летели очень быстро, сын полка, как называли Катиного сына Максима, уже вовсю умел сам высказывать свои мысли и советовал воспитателям, что нужно делать. Весна ворвалась на Север с порывами ветра. Снег и не думал таять. Морозы и не думали отступать. Природа и не думала просыпаться. Но у всех было весеннее отпускное настроение. Весной все собирались уезжать на юг. Все с большим нетерпением ждали как всегда отпуск! Маша, сестра Кати, должна была родить. Будущий отец семейства, друг семьи, – Володя собирался ехать с ними вместе, чтобы встретить Машу и ребенка из роддома. Все с радостью ожидали эту поездку в отпуск. Катя очень хотела, чтобы у ребят все получилось. Но, как старшая сестра, она понимала, что нельзя надолго оставлять мужчину одного. Она постоянно звонила Маше и уговаривала ее переехать жить к Володе. Тем более, что он постоянно ее звал и уже дважды сам летал к ней на юг. Летом возил ее на море. И все время уговаривал ее выйти за него замуж. Маша просила его еще немного подождать. Она говорила ему, что беременность протекает с осложнениями и ей лучше побыть дома на юге. Однажды Катя с Никитой и Максимкой пришли к Володе в гости и были очень удивлены, что дверь открыла молодая страшная незнакомка. Очень высокая девушка лет двадцати, а может тридцати, не сразу определишь, потому что очень уж вид был у нее потрепанный. Возраст трудно определялся, потому что девушка была опухшая от пьянки. Алкоголичка имела длинную рыжую косу, а самое интересное, что бровей вообще не было, а вместо них десять сантиметр в ширину коричневой краской был наколот татуаж.

Девушка, если честно, была ужасающего вида. Максим очень ее испугался и начал плакать. Володя провел ребят в комнату и видно было, что ему неудобно было и стыдно перед ними.

Он стал оправдываться, что девушка просто помогает ему по дому. Но она ничем не напоминала домработницу. Все сделали вид, что поверили ему. Накрывая на стол, девица постоянно вставляла разные словечки, как хозяйка дома. Потом, как хозяйка положения, села за стол и стала спорить о чем – то с Володей. И видно было, что отношения у них совсем не такие, как Володе хотелось показать…

– Володя, – спросила Катя? – У тебя планы не поменялись насчет поездки за Машей.

– Нет, нет, – ответил он быстро. – Это не то, о чем ты подумала. Я говорю насчет Иры. Она просто моя подруга и помогает мне по хозяйству. В отпуск я еду с вами – это точно. Машу нужно из роддома забирать, я же понимаю.

Немного посидев в гостях, Катя и Никита вернулись домой с неприятным осадком на душе.

Через неделю нужно было ехать в отпуск. Ребята с волнением ждали эту поездку, потому что они должны были ехать на своей собственной машине через всю Россию. В предвкушении отдыха, они счастливые и веселые собирали вещи.

– Нужно обязательно взять с собой деревянную кроватку Максима, она ведь из натурального дерева, из дуба. Маше она очень нравилась, – сказала Катя. – Максим из нее вырос. А кроватка очень хорошего качества и в хорошем состоянии. Никита прочно привязывал ее к багажнику машины, чтобы не сорвалась, когда они будут ехать на юг. Самое главное, все были в предчувствии ожидания появления на свет нового человечка. Катя очень переживала за сестру, как пройдут роды, кто родится? И волнение охватывало ее с каждым приближающимся днем поездки.

Перед самым отъездом пришел Володя и, пряча глаза, что – то сказал Никите. Они поговорили наедине и после этого Никита сказал Кате, что Володя должен уходить в море и что он не поедет с ними на юг.

– Из роддома Машу должен буду забирать я, – сказал Никита, разводя руками.

– Как не поедешь? – закричала Катя на Володю. – Не понимаю, как ты можешь так поступить с Машей? Если ты не поедешь, я обижусь на тебя на всю жизнь. Возьми сейчас трубку телефона, позвони ей и сам все ей объясни, – плакала Катя.

– Я уже позвонил, – сказал Володя. – Она все поняла. Я сказал, что я еду зарабатывать деньги на кроватку. Понимаешь, родится маленький ребенок и нужно будет много денег, да и работа у меня такая, что я сам от себя не завишу. Приказали я и пошел. Маша даже не ругалась как ты, – сказал обиженно Володя.

– Ну, я не знаю, – сказала Катя Володе. – Я так думаю, что дети рождаются не каждый день и поэтому нужно все отложить, все бросить и поехать встречать нового человечка! Какая может быть работа и другие отмазки? Ты мне лучше расскажи правду всю. Ты с этой рыжей что ли? – продолжала Катя кричать на Володю? Или с какой – нибудь другой? Рассказывай всю правду мне. Мы дружим очень много лет. Я чувствую, что у тебя, что – то

происходит в жизни. Расскажи мне лучше всю правду, только не ври.

– Правду хочешь знать?! – спросил раздраженно Володя. – Тогда слушай:

– Я запутался, – сказал Володя, пряча глаза. – Ты понимаешь, мне кажется, что я больше не люблю Машу. Понимаешь, она Джульетта, а я далеко не Ромео. Мне нужен грязный секс, она у тебя деревянная и ничего не умеет. Я просто не ожидал, что у нас будет ребенок. Так все быстро произошло. И если быть до конца честным, то я звал твою сестру очень долго, чтобы она приехала и вышла за меня замуж. Она сама не захотела ко мне приезжать. А потом я же мужчина все – таки и я познакомился с этой рыжей Ирой. У нас был секс, а потом она привела в мою квартиру свою подругу такую же высокую, только очень красивую девушку. Она похожа на русскую красавицу и если она тебе не понравится, то я не знаю, кто тебе вообще может понравиться. Они вдвоем выпили и стали показывать мне стриптиз. Кстати, очень профессионально его исполнили. Анна и Ира, так зовут этих девушек, стали у меня на глазах заниматься любовью. Я думал, что они лесбиянки. Потом они и меня затащили к себе в постель и я сразу изменил твоей сестре с двумя. Они признались мне, что они, – «Бисексуалки». Они сказали, что спят и с мужчинами, и с женщинами. Катя, ну что, услышала правду? Зачем твоей сестре такая грязь? – добавил он. – Понимаешь, мне очень понравилась Анна и мне даже кажется, что это любовь с первого взгляда.

Катя слушала Володю и стала задыхаться от негодования. Она не узнавала в этом новом человеке своего старого хорошего друга. Искаженное злостью лицо и безысходность положения превратили этого молодого мужчину в старика.

– А ты почему сразу мне не сказал, что Машу уже не любишь? Почему ты разрешил ей рожать? Почему ты не рассказал ей всю правду. И ты теперь женишься на этой дегенератке? – осуждающе спросила Катя.

– Нет, ты что?! Мне такая жена не нужна. Но я не знаю, что мне теперь делать? Я даже очень рад, что ухожу в море. Время все расставит на свои места. Мне нужно разобраться в себе. Я не пойму, чего я хочу. И что мне делать, я тоже не знаю. Можешь ты мне посоветовать, что мне делать? – добавил Володя, обращаясь к Кате.

– Что делать теперь мне? – схватилась за голову Катя. – Как мне сказать обо всем Маше? У нее роды на днях, что ты наделал?! Я не хочу делать ей больно, что ты наделал, кошмар, какой, – плакала Катя. – У меня такая чистая и добрая сестра, ты попользовался ею и бросил перед самыми родами. А я получается

тебя покрывала и общалась с этой твоей рыжей Ирой. Теперь такую грязную правду знаю. Зачем ты мне все это рассказал? И что мне теперь делать?

– Ничего не нужно делать. Маша должна родить нормально. Потом я приду с моря, приеду к ней и ребенку, а дальше видно будет. Подожди не беги быстрее паровоза. Время все расставит на свои места, – сказал грустно Володя.

– Ничего не расставит, подлость и останется подлостью. Ничего уже не изменишь. Ты должен быть честен, хотя бы перед ребенком, который скоро появится на свет. Было бы по – мужски, – поехать и забрать Машу из роддома. А уже потом идти в море или к своим лесбиянкам – дегенераткам, куда угодно. И если ты завтра не поедешь с нами, можешь забыть, что у тебя вообще были такие друзья как я и Никита, – категорично заявила Катя.

На следующий день ребята ждали Володю до последнего. Они думали, что он одумается, изменит свое решение и поедет с ними. Но Володя позвонил и сказал, что он ушел в море.

Всю дорогу Катя оглядывалась назад, ожидая, что Володя все – таки рванет за ними на своей машине. Она всю дорогу возмущалась, все время ругала, кляла Володю. Хотя понимала, что нельзя проклинать людей, что все проклятия возвращаются бумерангом, но она так сильно разозлилась на него, что не в силах была удерживать злость, которая кипела у нее в душе.

Она не представляла, как она приедет домой, как глянет сестре в глаза, что она ей скажет? Переживания настолько захватили Катю, что она возненавидела своего старого друга. Ей очень было жалко сестру. Она ругала себя за то, что вообще познакомила Машу с ним. Почему так распорядилась Судьба, что не Семен понравился Маше, а Володя? Почему так получилось? Все было хорошо! Ничто не предвещало разрыва в отношениях. Володя, когда приезжал в гости к Маше, обещал ее родителям, что все будет у их дочери хорошо. Говорил, что любит ее и женится на ней. А на самом деле, все было сплошное вранье!

Машина неслась на юг, за окнами мелькали карликовые березки, однобокие ели, и огромные валуны – камни по краям дороги напоминали сказочных героев – великанов. Сопки располагались слева и справа. На самом верху сопок стояли высокие красивые сосны, совершенно лысые с северной стороны. И чем ближе к небу они были, тем огромнее и выше становились. Они тянулись к яркому холодному солнцу, в надежде дотянуться до тепла.

Катя все время оглядывалась назад и все еще надеялась, что Володя одумается и обязательно догонит их на своей машине.

Она никак не могла понять, как можно было не встретить из роддома нового человека, частичку себя самого? Как можно было на одну чашу весов ставить рождение сына и какие – то оргии с лесбиянками?

– Катя, хватит оглядываться все время, он не поедет следом за нами. Володя совсем не романтик и он действительно ушел в море. Он – мужик, а у нас у мужиков совершенно другие эмоции. Хотя, честно сказать, я его совсем не понимаю. Можно подумать дети каждый день рождаются. Но его тоже можно понять. Человека вызвали в море. Так часто бывает. Ты забыла, как я всегда уходил? Просто так получилось, совпало так, он действительно собирался ехать с нами в отпуск, – защищал друга Никита.

– Ты не представляешь, как я сейчас ненавижу Володю! Я до сих пор думаю, что он образумится и догонит нас. Я даже не хочу думать, что он подонок. Просто ошибся, оступился в жизни. Но, как я его ненавижу, я и впрямь проклинаю его. Ужас, какой – то! Меня изнутри прямо рвет на части это чувство обиды за сестру. Мне кажется, что я сейчас взорвусь, и маленькие кусочки разлетятся во все стороны, – говорила, жестикулируя руками Катя.

– Катя, смотри, смотри! – весело произнес Никита. – Мы на нашей «копеечке» обогнали девятую модель! Вот какой я – Асс!

Катя посмотрела направо и успела заметить, что за рулем сидел пожилой мужчина.

– Никита! – произнесла она испуганно. – Водитель опытный, старый, только и успела произнести она.

Машину начало крутить по всей дороге на большой скорости. Она вращалась вокруг себя как на ледяном катке! На огромной скорости машина вылетела на встречную полосу. Катя пыталась схватить маленького сынишку. Боковым зрением она увидела, как мимо пронесся огромный КамАЗ.

К счастью, больше не было встречных машин. Их машина неслась с бешеной скоростью, крутясь по встречной полосе. Никита был пристегнут, и просто держался за руль. Он повернулся в сторону жены и сына и, прощаясь, грустно смотрел на них. Катя ничего не успела подумать, только одна фраза крутилась в голове: «Вот так наступает смерть при аварии!».

Сильный удар о бордюр дороги, машина перевернулась и летела в пропасть. Катю и трехлетнего Максима бросало по всей машине, переплелось все, – вещи и люди. Страх сковал все тело и никто даже не кричал.

Шок был у всех. Зацепившись деревянной дубовой кроваткой за снег, машина стала переворачиваться медленнее еще раз и еще

раз. Эта маленькая кроватка, привязанная к багажнику стала спасательным кругом этого происшествия. Она сбила скорость и машина последний раз медленно перевернулась, повисла боком над пропастью и задымилась.

Диким ревом мотора машина распугивая все живое вокруг. Стекла на боковых дверях потрескались, боковые стойки были изогнуты вовнутрь, крыша сверху примята, две двери заклинило.

Катя схватила свою дубленку, завернула в нее Максимку и быстро полезла через окно задней двери. Ей казалось, что еще секунда и машина взорвется. Так сильно она рычала на всю тайгу.

– Никита, ты как? – крикнула она мужу, который пытался отстегнуть ремень безопасности.

– У меня все нормально. Как Максим? Как ты? – протягивая руки, пытаясь осмотреть Максима, спросил Никита.

– Мы целы. Нужно быстрее выбираться! – крикнула Катя и, схватив в охапку Максима, царапая в кровь колени, карабкалась по склону пропасти наверх. Катя пыталась убежать от ревущей машины и спасти сына.

Ей подали руку какие – то люди. Людей было много. Остановились КамАЗы, Джипы, еще какие – то свидетели аварии побежали к упавшей машине. Катя выскочила на дорогу и побежала подальше от этого страшного места.

Машина вдруг замолчала. Наверное, видавшие много чего на дороге водители, заглушили ее. А Катя, показывая на высокие сосны, говорила плачущему Максимке веселым голосом: «Вон, смотри, белочка прыгает! Вон, смотри, орешки к себе в домик несет».

– Г – г – где орешки? – спрашивал плача Максим. – Г-г– где белочка?

Интерес вскоре взял верх над испугом и он уже показывал маме, где белочка, где мишка, где лисичка – сестричка.

А возле машины велась оживленная работа по вытаскиванию ее из пропасти. Все были очень удивлены и говорили, что вы родились в рубашке и с вами был очень сильный Ангел – Хранитель! Трос уже был привязан к КамАЗу. Профессионалы – водители аккуратно вытаскивали помятую машину на трассу. Катя, не переставая, читала молитву и говорила: «Прости меня Господи, я все поняла, никогда нельзя никого проклинать, прости и спасибо, Господи, тебе за все! Я больше никогда не буду, ни о ком говорить плохо. Господи, помоги нам! Сделай так, чтобы мы на этой машине смогли и дальше поехать в отпуск на юг. Я не хочу возвращаться обратно, хочу ехать вперед к маме, к сестре».

– Хорошоооо, – шептали качающиеся сосны. – Хорошоооо, – шептал пролетающий ветер. – Хорошоооо, – шептали

проезжающие машины.

Мужчины пожали друг другу руки, обнялись как старые знакомые и еще раз попытались завести машину. Как дорожные доктора скорой помощи, они послушали, как работает двигатель и вынесли вердикт, что все нормально и можно дальше на ней путешествовать. Никита подъехал на помятой машине к Кате и виновато спросил: «Ну, что, Кать, домой поедем или на такой измятой машине поедем на юг?».

– Поедем потихоньку дальше. Встретим сестру из роддома, а машину отремонтируем в Михайловске, вернуться мы всегда успеем. Если она поломается, оставим ее на стоянке, а сами поедем на поезде дальше.

– Ну, ладно, поехали потихоньку. В этой красивой Карелии ни одного гаишника не видно все – равно. Да и возвращаться обратно, ни одного населенного пункта нет, а впереди, хоть какая – нибудь, цивилизация. Представляешь, мужики говорят, что в этом месте все переворачиваются, какая – то аномальная зона. Я думаю, что везде лес, а в этом месте прогалина, ветром продувается дорога, и лед образуется. Вот нас как на катке и закружило. Точно с нами был Ангел – Хранитель, раз мы так легко отделались, – уже слегка отходивший от шока, сказал Никита. – У нас ни одного синяка, ни единой царапины.

– Да, с нами все время Бог, он нас просто предупредил, что нужно ехать осторожно и не говорить всяких гадостей про друзей, это я точно поняла, – сказала Катя, улыбаясь.

Максим довольный, что все веселые и в машине тепло, стал дальше играть своими машинками и постоянно они у него переворачивались и летели в обрыв. Катя смотрела на сына, на мужа и на душе становилось радостно, что все живы – здоровы, а машина – дело поправимое подремонтируем и все.

– Господи, вы откуда и куда такие красивые и побитые? – спросили Никиту на первом попавшемся посту работники ГиБДД. – Ну, вы смельчаки, на такой машине и на юг по МКАДу через Москву поедете? – спрашивали они, рассматривая, прокурорское удостоверение Никиты.

Вот людей порадуете. Скажут, все видели, а такого никогда. Машина действительно выглядела, как после бомбежки. Вся помятая, крыша согнутая вовнутрь. Никита сидел за рулем согнувшись, а ноги доставали почти до лица, комичнее водителя на дороге нельзя было встретить.

Все на машину показывали пальцем как на уродца и хохотали, глядя на горбатого водителя. В Москве уступали дорогу, а пассажиры оглядывались и с интересом разглядывали побывавшую в аварии машину. Но чем ближе к югу машина

приближалась, тем лучше она ехала, предчувствуя скорый ремонт.

От желтого цвета почти ничего не осталось, и видимость была только в лобовое стекло. Но поездка была непринужденной, неторопливой, останавливались на ночлег в кемпингах. И самое главное, больше никуда не торопились. Ребята были спокойны, что такую машину точно никто не угонит: оставляли ее на стоянках, даже не закрывая. Вместо четырех дней, ехали на юг шесть дней.

Приближаясь к дому, Катя начинала волноваться и попросила Никиту, чтобы он не подъезжал близко к дому.

– Никита, ты остановись, пожалуйста, возле соседей. А я пойду, подготовлю маму, что мы перевернулись, но все живы остались, чтобы не так сильно испугалась, хорошо? – спросила Катя. – А потом мы машину покажем, чтобы в обморок мои не упали.

– Есть, мой генерал! – отрапортовал довольный Никита, что, наконец – то они доехали до дома. – Ты правильно решила, иди, подготовь своих.

– Не называй меня генералом, пожалуйста, я Людмилу начинаю вспоминаю, – попросила Катя.

Никита закивал головой, соглашаясь, потому что все сразу понял.

Катя с Максимом на руках пошла домой. А Никита стоял и уже рассказывал, выбежавшим соседям, что произошло.

– Катя! А мы переволновались, что вас так долго нет, – обрадовалась мама, когда увидела Катю. – Вы, почему так долго ехали? – спросила Ольга Семеновна.

– Мамочка, ты только не волнуйся, мы все живы и здоровы, только машина помялась, вернее, перевернулась в дороге.

– Так, так, так, – сказал обнимавший Катю, ее родной брат Михаил.

Миша был младшим братом Кати. Он был высоким красивым молодым человеком. Умнее мужчины никто не видел. Он знал всё, и про него говорили, что он, – «Ходячая энциклопедия». Не было вопроса, на который он не знал ответа. Много очень читал с детства. Имел феноменальную память. Окончил МГУ, исторический факультет. Но пристрастие к спиртному загубило всю его жизнь. С женой развелся, дочь очень любил, но не смог ей ничего дать. Из мирской жизни ушел в Монастырь. Приехал повидаться с родными и снова собирался уезжать в Оптину Пустынь, в свой любимый монастырский дом.

– Катя, я же говорил родителям, – сказал Миша назидательно. – Я сказал им, что нельзя работать на «Троицу».

Это очень большой церковный праздник. А они меня не послушали и стали обои клеить к вашему приезду. – А вы когда перевернулись?

– В воскресенье прошлое, – удивленно произнесла Катя.

– Вот как раз это «Троица» и была, – тыча пальцем в новые обои, сказал Миша. – Я им говорил, что это большой грех, так они не верили. Нужно к приезду обои на кухне поклеить, – твердили они. – В результате, вы перевернулись. Но я за вас молился!

– Спасибо, Господи! Хорошо все, что хорошо кончается! У нас скоро родится новый родственник, вот это счастье, а остальное не имеет никакого значения, – сказала счастливая Катя, обнимая брата. – А я точно знаю, что Бог есть!

Глава 59

– Папаша! Подходите, забирайте сына! – обратилась к Никите акушерка. – Очень красивый получился мальчик! Самый лучший из всех!

– Цветы, торт отдай акушерке и возьми ребенка, – подтолкнув Никиту, шепнула на ухо Катя.

– Маша, какая ты красавица! – воскликнула Катя, обнимая сестру. – Вообще нет животика, будто и не рожала совсем. Умница, что ни пополнела нисколечко! Какая ты счастливая! Ну, как роды тяжелые были или нет?

– Очень тяжелые, но самое интересное знаешь, что было? Я все время пока рожала слышала вальс из кинофильма «Мой нежный ласковый зверь». Даже не знаю почему? – удивленно сказала Маша.

– Значит, мой племянник будет музыкантом или танцором, раз тебе слышался такой красивый вальс. А то, что роды были тяжелыми, то это все уже позади. Говорят, нет такой боли, которую бы человек не смог выдержать. Бог так сделал, что любая боль терпима и быстро забывается.

Ты такая счастливая, Машуля! Ты стала мамой молодой, красивой, – обнимая сестру, сказала Катя. – Если бы я была моложе, я бы тоже родила, – добавила она. – А мне уже тридцать пять лет. Но, я так хочу еще девочку себе, сестренку Максу. А ты придумала, как назовешь мальчика? А назови его Миша, очень хорошее имя. У меня знакомый в Питерском аэропорту был, его Мишей звали, он очень хороший человек. Доктор наук. Говорят, что он где – то в Штатах живет. Но, в общем, жаль, что ничего о нем не знаю. Но, вспоминаю очень часто его и Наталью Владимировну. Назови сына Михаилом, пожалуйста, не пожалеешь.

– А, что?! И, правда, хорошее имя! Я думаю, что Володя не будет против. Я ему напишу в море письмо и спрошу у него, – понравилось ему это имя или нет? Он мне звонил и сказал, что ему очень жаль, что малыша не может встретить из роддома. Говорит, что нужно деньги зарабатывать теперь на троих. Представляешь, он придет с моря, а Мише уже будет три месяца. Честно сказать, это и хорошо, что он в море ушел. А то мне из – за ребенка ему некогда будет много времени уделять. Конечно, я очень за ним соскучилась, но мне ребенком нужно заниматься. Да и я как раз в форму приду. А как он там один?

– Что ни делается все к лучшему! – подхватил их разговор Никита. – Так, а теперь все по машинам, едем домой. Там ему

такую спальню дедушка с бабушкой приготовили! Ему будет интересно посмотреть свою комнату, поехали, поехали, поехали…

Катя ласково посмотрела на мужа, что поддержал в трудную минуту. Она все время боялась выдать свое беспокойство по поводу поведения Володи. А про себя подумала: «Рассказывать пока не буду, пусть все идет, как идет. А там видно будет…».

Дни пролетали очень быстро, машину отремонтировали, вернее все в ней заменили и крышу и двери. Покрасили ее опять в желтый цвет, она стала даже красивее, чем была. Деньги на ремонт, как всегда, дали Катины родители, а Катя с Никитой, как всегда, обещали их отдать.

– Ладно, за квартиру уже «отдали», – подмигнув, сказал папа Кате. – Мы же, доченька, для того и живем, чтобы вам помогать, пока вы на ноги станете. Ты не переживай по этому поводу. Мы все же надеемся, что наступит время, когда вы будете заботится о нас тоже.

– Папа, мы ваши должники навеки.

– Боюсь, что я не успею увидеть, как вы будете долги отдавать, – добавил он грустно.

– Не нужно так говорить, ведь мысли материализуются. Поэтому говори всегда: «Я буду жить долго и счастливо!», – сказала Катя уверенно. – Даже и про себя нельзя об этом думать, папочка, ты меня понял?

– Да, конечно, буду стараться. Только болячек у меня много. Думаю, надолго меня не хватит.

– Па, ты точно меня не понял?! – рассерженно спросила Катя. – Все будет хорошо! Раз мы в такой аварии выжили, значит, все будет хорошо! Мы очень любим и тебя и маму, спасибо вам большое за все, что вы для нас делаете.

Глава 60

Север. Осень. Грибы. Это самое красивое время года для Севера. Идешь по мягкому моховому ковру и вдруг на большой зеленой опушке ярко – оранжевым пятном сидит и дожидается тебя гриб! Ты присаживаешься, чтобы его срезать, а там их целое семейство в округе, полным – полно, так и не поднимаясь, переползая от одного гриба к другому, набираешь их полное ведро! Такая красотища! Грибы имеют свою известную только им жизнь. Они играют с тобой в прятки и смеются над тобой, когда ты пробегаешь мимо них. Они высовываются из-под земли и ты случайно наступаешь на них. А затем глянешь по сторонам, и видишь, как оранжевые красавцы зазывают тебя подальше в лес и показывают тебе невиданные северные красоты! Вот они, ягоды, – черника, брусника и морошка сверкают яркими переливающимися бусинками на низеньких кустиках! Черные жемчужины черники и рубиновые ожерелья брусники, подмигивая тебе на солнце, зовут тебя вместе с собой за грибами вглубь леса. А там ты видишь бирюзовые северные озера! Эти озера отличаются от остальных водоемов своей нетронутой девичьей чистотой. Они прозрачно – прозрачные и на дне ты сможешь увидеть каждый камушек и каждую песчинку. Север сам по себе очень чистый, красивый и добрый. Очень, очень добрый и отзывчивый для хороших людей!

– Катя, иди сюда! – кричала Яна. – Мы уже и удочки наладили. – Давай, попробуем северную рыбалку. Хватит грибы собирать. Смотри, какая бурная речушка! Вот видишь, плотина ее перегораживает, здесь точно будет рыба, давай попробуем сюда закинуть удочки.

Яна с Андреем ездили каждую субботу по грибы и ягоды. В этот раз они позвали с собой Катю с Никитой и решили взять с собой удочки, чтобы заодно порыбачить. Никто из них ни разу не был на северной рыбалке. На юге любили ловить рыбу все. Там все понятно, – крючок, червь и, бац, – рыба!

Рыбалка на юге – это не отдых, а работа. Не успеешь закинуть удочку, на нее сразу две или три рыбешки попадаются. Вот эту рыбалку отдыхом и впрямь не назовешь. Не успеешь снять рыбу с крючка, как нужно снова забрасывать удочку, руки устают червя насаживать. За пятнадцать минут ведро рыбы. Но это астраханская рыбалка.

А вот северная рыбалка, – это что – то непохожее ни на что. Руки сводит колом от холода. Каждый думает, что рыбы в такой ледяной воде точно нет! И чем она питается? Ведь дно и есть

вечная северная мерзлота?!

– Девочки, смотрите, как нужно забрасывать, – сказал Никита. – Давайте спорить, что вы ничего не поймаете. – Макс, иди сюда, посмотри, как настоящие мужики рыбу ловят, – подзывал он сына.

Катя забросила удочку и вдруг отчетливо поняла, что леску кто – то дернул.

«Господи, неужели в такой холодной воде рыба водится?» – подумала она.

И в то же время стала медленно наматывать леску на катушку, но леску кто – то усиленно тянул назад в воду, Катя как закричит от удивления, когда увидела, что на крючке сидит странная рыба! Такую рыбу она на юге точно не ловила.

– Ого! – закричали мужчины. – Да, это же форель! Смотри, Катя, опять что – то поймала, – закричали они снова, когда она стала подтягивать вторую удочку, явно что – то вытаскивая.

– Вот это окунь?! Да, здоровенный какой! Ура, точно уха у нас будет! Вот это рыбалка! Прямо как в Астрахани! – закричали радостно мужчины.

Вечером развели костер, сварили уху, стали петь свои любимые песни под гитару. И вдруг Кате стало плохо. Закружилась голова. Сил не было. Ее мутило. Она вообще не поняла, что с нею происходит.

«Может, я отравилась? Наверное, плохо из – за ухи северной?» – подумала Катя.

Но все чувствовали себя хорошо. И все ели из одного котла. На следующий день Кате опять стало плохо.

«Может я заболела?» – подумала она.

И это была самая лучшая болезнь на свете! Она опять стала мамой.

«Как же так? – задавала Катя себе один и тот же вопрос. – Значит, когда мы забирали Мишу из роддома, я говорила Маше, что хотела бы, чтобы у меня родилась девочка. Я уже была беременна?! Спасибо, Господи, тебе за все! Но я боюсь, что Никита будет против! Все – таки мне уже тридцать пять лет и он очень за меня переживает. А я вот что сделаю, я пойду на хитрость. Я скажу ему, что его мама сказала, что один ребенок это полребенка и что она очень хочет внучку. Так и сделаю, – подумала Катя. – Я выдержу, я обязательно все выдержу и сложные роды тоже. Очень хочу родить девочку! Было бы очень здорово, – мальчик и девочка. Сын и дочь, – мечтала Катя.».

Максимке было четыре года. Уже готовый помощник маме. Мальчик был любознательный и всегда пел только патриотические песни. «Там вдали за рекой» была излюбленная

песня всех друзей. Они ставили Максима на табуретку и он с серьезным видом, насупясь, орал во все горло свою любимую песню.

Любимым занятием на рыбалке у Максима была игра в войну с грибами – мухоморами. Он брал палку и ходил, сбивая их красивые шляпки. Слова «отравленные грибы» вызывали в нем ужас и он представлял себя спасателем Вселенной и защищал всех людей от вредных грибов.

Оставив удочки мужчинам, которые увлеклись рыбалкой, Катя пошла в лес собирать грибы и ягоды. Проходя вглубь леса, она очень удивилась, потому, что везде были разбросаны гильзы от патронов. Сначала она подумала, что они валяются после пьяных мужчин – начальников, которые любят пострелять в пустые банки, а потом, – в пустые головы.

И Катя сначала даже не придала этому никакого значения. Но ей стало не по себе, когда она увидела каску, пробитую и заржавевшую. Каска лежала еще со времен войны. Аура этого места настолько была сильная. Тишина стояла пугающе – устрашающая. Слышно было, как бьется сердце. Катя огляделась по сторонам и ей показалось, что она стоит ни одна в этом месте. Ей также показалось, что кто – то за нею наблюдает. Она чувствовала холодное прикосновение к ней невидимых существ. Было очень жутко!

Катя подошла к ручейку с прозрачной родниковой водой, наклонилась, чтобы напиться и увидела, что на дне лежит нож. Лезвие ножа было стальное и блестело на солнце. Блики от солнца играли очень весело на этом странном ноже. Катя осторожно его достала и удивленно посмотрела на него, – это была немецкая финка. На рукоятке была сделана надпись на немецком языке и стояла дата, – 1941 год. Катя побежала к ребятам и показала им свою находку. Мужчины долго смотрели на нее и восторгались. Пролежав столько лет в воде, финка даже не поржавела и была как новенькая.

– Куда вы нас завезли? – спросила Яна испуганно. – Здесь столько всего осталось после войны. Такое ощущение, что здесь не ступала нога человека с тех самых пор. А ведь именно здесь шли самые ожесточенные бои в Великую Отечественную войну.

Ребята действительно очень долго ехали вглубь леса, когда искали речку для ловли рыбы и нашли это странное место. Дух прошлых лет неотступно шел за ребятами по пятам. Место было на самом деле легендарным. Они чувствовали, что души умерших солдат наблюдали за ними со стороны. И холодок страха пронизывал каждого, потому что они ощущали, что рядом с ними находились те, кто воевал здесь.

«Память о тех, кто защищал нашу землю от врагов должна всегда жить в наших сердцах и в сердцах наших детей, – подумала Катя. – И тогда они не будут стоять рядом и немым укором наблюдать за нами…».

Ребята насобирали очень много грибов, ягод и привезли домой очень много рыбы. Природа Севера успокаивает так, что когда приезжаешь домой уставший и умиротворенный, хочется лечь и ничего не делать. Но дары природы необходимо обласкать, обработать и положить на хранение. Северяне всегда грибы отваривают и замораживают в морозильнике. И к столу у них, – вкусная жареная картошка с ароматными грибами! И, конечно же, курица с северными грибами обязательное блюдо на столе в каждом доме.

– Кто – то звонит в дверь. Пойди, открой, пожалуйста, – попросила Катя Никиту.

– Катя, ты сейчас упадешь в обморок, когда увидишь, кто к нам приехал, – сказал Никита, увидев в дверях Настю, еще одну двоюродную сестру Кати и старшую родную сестру Маши.

– Неужели все – таки ты к нам доехала?! – радостно обнимала сестру Катя.

Настя очень отличалась от своих сестер особой строгость. Ее побаивались все родственники. Она была очень целенаправленным человеком. Самостоятельность проявляла еще в детстве. Всегда надеялась только на себя и в своих решениях не сомневалась никогда. У нее был отпуск и она решила поехать на север проведать будущего зятя Володю, и двоюродную сестру Катю, которая давно жила на севере. Тем более, что Катя постоянно звала ее к себе в гости.

– Ну, что я вам скажу, друзья мои, – сказала Настя. – Я привезла фотографии Мишеньки его папаше Володе, и поэтому очень хочу посмотреть на его реакцию. Он приезжал к нам на крестины Никиты, а потом опять куда – то исчез. Машка ходит грустная, переживает очень. Володя очень редко пишет, звонит. Что вообще происходит?

– Настя, ты правильно сделала, что приехала. Я с ним вообще больше общаться не хочу. Мы как приехали из отпуска, видели его один раз. Я очень сильно на него обиделась. Знаю, что обида тоже грех, это своего рода гордыня. Ну, ничего с собой поделать не могу. Я его никогда не прощу, что он за ребенком в роддом не поехал.

Никита с ним общается по телефону, а я злая на него и все тут. Ты расскажи, он ездил на крестины к сыну? И как он себя вел там? – спросила Катя.

– Ты знаешь, приехал весь такой щедрый, привез грибы, рыбу,

как всегда много подарков. Маму с папой облобызал. Мишутку на руках держал. Даже в Церковь ходил на крестины. Стол накрыли, посидели. Он с крестными познакомился. Все было хорошо. Но я видела, что его раздражает, что мы не такие богатые, как ему хотелось бы. Он, наверное, хотел жениться на состоятельной невесте. А мы же бедные. Ну, в общем, носом повертел и уехал.

– Машу звал на север с собой или нет? – спросила Катя осторожно.

– Этого я не знаю, она мне ничего не говорила, только очень расстроенная ходила, после его отъезда. Молчит, ничего не рассказывает. Ты же ее знаешь, она никому ничего и никогда не говорит. Я тебя очень прошу, Катя, давай сходим к Володе в гости, посмотрим, как и с кем он живет. Может у него уже другая женщина появилась?

– Настя, я тебя в прошлый свой приезд, когда мы Мишу из роддома забирали, не хотела расстраивать. А если честно, боялась сказать тебе правду. Ну, в общем, хочешь, обижайся на меня, хочешь нет, но он живет с другой женщиной.

– Катя, ну как ты могла? Почему сразу не рассказала все Маше?

– А чтобы это изменило? Маша не стала бы рожать? Или ребенок рассосался от этой новости? Или Маша вообще бы не разродилась от переживаний? Мне, конечно, было бы намного легче все рассказать вам. Сбросить груз со своих плеч. А там будь, что будет. Но я одна знала и мучилась сама.

Я узнала об этом перед самыми Машиными родами. Он к нам пришел и выложил мне все как на духу. Он сказал, что его новая девушка, – бисексуалка, и что он никогда на ней не женится. Но он точно живет с этой самой лесбиянкой или кто она там есть? – сказала Катя уверенно.

– А как ты узнала? – спросила Настя.

– Когда мы приехали из отпуска, наши общие друзья сказали, что он живет с какой – то женщиной. Ее зовут Анна. Он всем говорил, что его девушка – студентка, что он с нею познакомился, когда подрабатывал извозом. Но, я чувствовала, что это та самая девица легкого поведения. Прилипала! Ты же знаешь, что от них не так – то просто отвязаться. Только такая беспринципная дегенератка может забрать мужчину у маленького сына. Я специально собрала всех наших друзей к себе в гости, накрыла стол и позвала его с этой новой подружкой тоже. Настя, ты знаешь, когда он привел ее к нам домой. Я чуть в обморок не упала, когда ее увидела. Ты знаешь, кто она?! Она, та самая Анна, дочь Людмилы, которая в гости каждое лето приезжала. Мало того, что она была донором у Игоря Сергеевича и родила ему

сына, Ванечку. Самое страшное, что она выполняла задание Игоря Сергеевича. Мне мой друг по кооперативу, Юра, рассказывал, что Игорь Сергеевич дал ей задание отбить у меня Никиту.

Она пришла по моему адресу. Мы были все на работе. А, Володю попросили дождаться сантехников, которые у нас ремонт в ванной делали. Он как раз был у нас в квартире. Она подумала, что это мой муж, попросила машину вытолкать, завязала знакомство, назначила свидание и отработала по полной программе.

– Катя, а ты пробовала рассказать Володе, кто она на самом деле? – спросила Настя.

– Никита пытался, но он даже слушать ничего не захотел! Думал, что мы за Машку ему мстим! Он даже не хотел признаваться мне, что эта Анна и есть та самая бисексуалка, с которой он кувыркался в кровати, пока наша Машуля в роддоме мучилась.

– Катя, а как ты поняла, что она бисексуалка? – повторила свой вопрос Настя.

– Ту, бисексуалку, о которой мне рассказывал Володя, тоже звали Анной. Я подумала, что может просто совпадение, и я решила выяснить все до конца. И вот, когда я чуть отошла от шока, увидев Анну, я решила узнать всю правду. Я вспомнила, что у той лесбиянки была подруга Ира. Она с нею как раз и соблазняла Володю в день своего первого знакомства. Я подумала и спросила ее по – хитрому: «Анна, а где твоя подруга Ира? Ну та, у которой брови выщипаны и коричневой краской покрашены? Мой сын Максим ее так испугался, когда увидел первый раз. Мы потом ему испуг выливали».

Я это спросила специально, когда все сидели за столом. Володя тоже сидел с нами, и все наши друзья были здесь. Своего рода я делала следственный эксперимент. А она тупая и злая, попалась в ловушку. Ей очень понравилось, что я про ее подругу плохо сказала, что она сильно страшная и что Максим испугался, и тут же Анна сама себя выдала. Она сказала:

– А ты знаешь, я Ирку сразу выгнала, как только осталась с Володей. Что я дура ее в свой дом пускать. На следующий день, когда она пришла к нам, я открыла дверь и прямо с порога произнесла: «Пошла, вон отсюда! Теперь я здесь живу!».

– Настя, ты представляешь, какой это страшный человек?! Она все это говорила своим грубым мужицким голосом, ржала как лошадь. Никак не пойму, как так получилось, что с такой кукольной внешностью у нее ужасно грубый голос? Мы все, кто сидел за столом были в шоке! Нам так Володю было жалко, что он связался с низкосортной женщиной. Мы все только

переглянулись и вздохнули.

Володя понял, что я ее вычислила, покраснел весь и стал на нее кричать, чтоб она заткнулась. Но ей все по боку. Потому что, я знаю, она ходит по бабкам, колдует на него, чтобы он ее не бросил. Дети у них не получаются. Но она очень часто ходит к разным гадалкам и делает так, чтобы он никуда не ходил и держался только за ее юбку. Мне это рассказала Лариска, Серегивесельчака жена. Она ее там видела.

Пока сестры секретничали, кто – то позвонил в дверь. И Никита радостно воскликнул, что второй жених пришел. Дверь на кухню открылась и в комнату зашел Семен, их второй закадычный друг.

– Привет, девчонки, – весело сказал Семен. – Я прямо чувствую, когда к вам в гости приезжает кто – нибудь с юга. – Ну, привет, красавица! Давай будем знакомиться. Я, старый холостяк, который ищет именно такую, как вы, жену. Не хотите сходить замуж?

– Насколько сходить? – спросила Настя улыбаясь. – На ночь или на неделю?

– Нет на всю жизнь. А вы что не верите в любовь с первого взгляда? – спросил Семен, гипнотизируя Настю своим томным взглядом.

– Никита, ты посмотри! – толкнула мужа Катя. – Наш Сеня, кажется, влюбился, – кричали грузчики в порту.

– Ну, наконец-то, – подхватил Никита. – Смотри, Настю первый раз видит и замуж зовет. А что может это судьба?

– Никита, теперь ты перенял эстафету? Хочешь вместо меня сватом стать? Я уже потерпела фиаско в роли свахи. Теперь вообще больше никого не хочу ни с кем знакомить.

– Вот, и правильно, – обняв жену, сказал Никита. – Пусть сами разбираются. Я в жизни никого не сватал и не собираюсь.

– Ребята, а давайте возьмем арбуз, который я с юга привезла и сходим в гости к моему несостоявшемуся зятю, – весело предложила Настя.

– Я не пойду, – категорично заявила Катя.

– Хватит тебе с ними ругаться, пошли в гости к ним сюрпризом, – согласился с нею Семен. – Давайте, одевайте Макса и поехали в гости!

– Спасибо, держи арбуз, – сказала Настя, опуская зеленую ягоду в руки новому другу.

Глава 61

Володя даже «обрадоваться» не успел, а гости дружной компанией уже ввалились в его квартиру. Катя с Никитой стали раздевать Максима. Семен сунул арбуз Володе в руки. Анна высунула свой нос из кухни и сразу спрятала его обратно.

– Боже, ты видела, как она изменилась, что у нее со вкусом произошло? – ужаснулась Настя. – Как она одета? – шепотом спросила Настя у сестры. – Черные капроновые колготки, а сверху бежевые летние шорты, ужас. Катя, меня чуть – чуть потряхивает, сравни ее и нашу красавицу Машу. Куда мужики смотрят, она же в два раза выше его? Он ей по пупок, – удивлялась Настя, глядя на Володю и Анну.

– Что ты хочешь, он же заколдованный. Он видит вместо этого чудища, – красивую маленькую, худенькую принцессу. Все, хватит сплетничать, давай вести себя скромнее в гостях. Видишь, они, и так, занервничали, что мы пришли.

Хозяева забегали из комнаты в комнату и стали почему – то прятаться на кухне. Зашел Семен и, улыбаясь, сообщил, что Володя не узнал Настю.

– Он спросил у меня, – смеясь, рассказывал Семен. – Кого это Катя опять с работы привела? – Ничего, пусть чуть свыкнутся, а то перепуганы очень, после того, как я им сказал, что это сестра Маши приехала рожу им бить.

Всем было смешно смотреть на эту странную бегающую туда – сюда парочку.

– Ребята, ну хватит смеяться, может у них и правда любовь, – сказала Катя. – Давайте дружить, только я вас очень прошу, – никакого негатива. Время все расставит на свои места.

– Катя, смотри, Анька, ведь, и впрямь, конспиратор! – шепнула Настя. – Делает вид, что не узнала меня. Знакомится со мной после двадцати лет общения.

Анна зашла, ехидно улыбаясь, стала накрывать на стол. Следом за стол сел Володя и, извиняясь, стал говорить, что Настя будет очень богатая, потому что он не узнал ее, и просил не сердится на него, за то, что сразу не проявил должного внимания. Настя, улыбаясь ему дружелюбно, продолжала расточать комплименты ему и его квартире. И незваный ужин стал входить в праздничное русло.

Все непринужденно болтали. Анна пыталась, как всегда, изображать жертву. Это был самый тупой прием недоразвитого существа. Она хотела, чтобы все чувствовали себя неуютно и виновато. Но все понимали, что нужно сделать все, чтобы не дать

разгореться скандалу, которого так хотела их давняя знакомая, и делали вид, что не заметили ее настроения.

Настя нашла подходящий момент и попросила Володю выйти на кухню. Она показала ему фотографии его сына Михаила и сказала:

– Володя, если у тебя серьезные отношения с Анной, ты должен все рассказать Маше и расстаться с моей сестрой навсегда.

– Да ты что? – возмутился Володя. – У меня нет ни каких чувств к Анне. Я собираюсь поехать скоро на день рождения Миши, и все будет в лучшем виде. Ты даже не заморачивайся на этот счет. Просто ты меня пойми, что любому мужику без женщины нельзя. А эта легкодоступная и временная.

И, пошептавшись по – дружески, на кухне, они довольные зашли к гостям.

Анна сидела и зло, улыбаясь, смотрела на незваных гостей. Она уже почувствовала опасность со стороны Насти, потому что их общий друг, – Семен, все время твердил, что Настя выходит за него замуж и остается жить в Мурманске. Такого поворота событий она не предполагала.

– Здесь нет ничего хорошего, – говорила она. – На этом севере все болеют онкологическими болезнями. Нечего тебе тут делать, – советовала она Насте раздраженно.

Анна была вечно всем недовольна. Всех во всем исправляла и от нее шел такой негатив, что было неприятно с нею сидеть рядом, не то, чтобы общаться. Она была копия своей мамы, – Людмилы, которая продала Катю как дешевого донора. Всем было ясно, что Анна хочет скандала. Но вокруг были очень умные ребята и никто ей такой возможности не дал.

– Настя, завтра едем на турбазу, – гостеприимно обхаживая сестру Кати, сказал Семен, – может, посчастливится, и ты насобираешь много настоящих северных грибов.

На следующий день вся дружная компания поехала на шашлыки в лес. Настя и Катя общались с Анной, как в старые добрые времена, когда они еще были детьми и когда она приезжали гостить к ним каждое лето. От пиявки на подобии Анны трудно было отделаться и они очень жалели Володю, что он так влип. Они знали точно, что на таких женщинах, как Анна, не женятся.

– Наиграется, да бросит, – говорила Настя.

– Посмотрим, – отвечала, вздыхая Катя.

Максим, единственный ребенок в компании, везде ездил с ними. Его называли сыном полка. Он всегда любил путешествовать с родителями и чувствовал себя совершенно

взрослым человеком.

Он знал, что мама скоро подарит ему или сестренку или братика. И тщательно готовился к этому событию. Он говорил, что будет помогать маме и папе и всем кто еще родит ему ребеночка.

Катя хорошо переносила эту беременность. Она очень обрадовалась, что Настя приехала в Мурманск, и ей хоть немного будет легче с «помощником» Максимом. На турбазе, три друга и три их девушки, и, конечно, сын полка – Максим, весело проводили время. Насте очень понравился Север и ребята.

Природа севера не могла не нравится. Она завораживала и притягивала всех, кто сюда приезжал впервые. Северная природа околдовывала своей необыкновенной красотой. Первый осенний снег мягко ложился на огненно – красный ковер из опавших листьев. Огромные ажурные снежинки красиво спускались с неба стройными рядами. Нежная тишина окутывала всех своим спокойствием. Девушки сидели в беседке туристической базы и, улыбаясь, ловили первые снежинки мурманской осени.

– Катя, давай все оставим как есть. Ты знаешь, у Володи все еще может получиться с Машей, – сказала Настя. – Он мне сказал, что он поедет со мной на день рождения Миши, и там определится. Ну, давай, еще чуть подождем. Посмотри на эту каракатицу – Анну. Он не будет на ней жениться – это точно.

Ну, побаловался парень, да и все. Разве на ней можно жениться? Она вся какая – то дефектная. Несуразная вся. Руки длинные, ниже колен. Ноги толстые короткие. Туловище длинное, голова большая. Ходит на полусогнутых ногах, как кол проглотила. Она похожа на неандертальца. На первобытного человека.

– Это ее так после родов разнесло? Она же донором была у Игоря Сергеевича. – Слушай, Настя! Я знаешь, о чем постоянно думаю, глядя на Анну, – сказала Катя. – Куда делась та красавица девочка с лицом восковой куклы, которая с детства мечтала оттяпать ту самую кастрюльку с золотом у своей мамы Людмилы? Наверное, подлые поступки, которые Анна совершила в жизни, дали именно такой результат в телесном воспроизведении. Почему у нее действительно такая некрасивая фигура? Хорошо хоть на лицо симпатичная. Но, как говорится, – «с лица воду не пить». Настя, я тоже думаю, что он не будет с ней. Там семья, там Маша красавица, там сын, он не совсем подлый, – поверь мне.

Никита, как всегда, рассказывал анекдоты. Он любил веселить всех и быть душой компании. Они жарили шашлыки с Семеном и наперебой соревновались в остроумии. Анна заливала одну рюмку за другой, как заправский мужик. Пристрастие к

спиртному ее не отличало от других таких же девиц низкого сорта.

У нее на лице было написано, что она очень глупая девушка. Своим наглым поведением она хотела прикрыть недостаток образования, но тем самым только подчеркивала свою ничтожность. Она пыталась поддержать разговор со всеми одновременно и спорила с каждым в отдельности. Громкий мужеподобный голос создавал резонанс в воздухе. Природа пыталась смягчить неприятный тембр голоса эхом, но Анин сумасшедший смех заглушал все вокруг.

– Посмотри, Катя, она еще и пьет, как мужик. Вот ужас! И пьет и курит. Да, точно, он на ней не жениться. Какие дети могут появиться от этого брака?

– Настя, смотри, она, кажется, на тебя глаз положила, – шепнула Катя сестре. – Смотри, подмигивает тебе.

– Девчата! – вдруг пробасила бисексуалка Анна. – Пошли на понтон, пописаем!

Она встала и, шатаясь, пошла на причал. В этот момент к ней подошел Володя и очень громко стал на нее кричать, чтобы та вела себя поприличнее. Видно было, что ему очень стыдно за нее. Девочки, чтобы не смущать Володю, заступились за Анну.

– Хватит орать, мы приехали отдыхать, не нужно никого ругать. Пусть человек отдыхает.

И они все дружно пошли на понтон. Постояли, посмеялись над Володей. Анна стала изображать его орущую физиономию, показала, как он на нее всегда кричит. Катя передразнила Семена и Никиту, как они выпендриваются друг перед другом.

Девочки посмеялись вволю, стоя на понтоне. Глядя на темную ночь, вспомнили, как Катя, будучи студенткой, пугала их рассказывая всякие страшилки. Это было, когда Людмила с детьми приезжала в гости к тете Гале в Михайловск. И как Анна с Настей постоянно прятались, чтобы напугать ее. Они вспоминали свое детство, будто это было только вчера. Никита позвал их на готовый шашлык и девушки стали возвращаться к костру.

Впереди шла Настя, за нею Анна, а последняя завершала процессию Катя. Неожиданно Анна пошатнулась и упала в реку. Осень в Мурманске была очень холодной. Везде уже лежал снег. Река еще не замерзла, но вода была в реке ледяная. Катя очень испугалась за Анну. Она подумала, что та может утонуть или замерзнуть и умереть от переохлаждения.

– Помогите, ребята! Анна упала в воду! – звали на помощь девушки.

Настя и Катя протянули руки Анне и пытались вытащить ее из воды самостоятельно. Но она была очень тяжелая и хрупкие

девушки никак не могла с нею справится. Подбежали ребята, и с большим трудом вытащили Анну из реки. Володя продолжал кричать на нее и потащил в сторону домика турбазы.

– Ужас! – произнесла Настя. – Как она умудрилась туда упасть? Хорошо, что мы были рядом? А если бы она сюда пошла одна и упала, кошмар.

Семен побежал в домик и отнес бутылку водки, чтобы Володя смог растереть Анну. Снега уже лежало много, он, не переставая, продолжал медленно спускаться на землю. Не было ни единого дуновения ветра. Этой ночью была такая красивая тишина, что казалось, даже огромные сосны, которые стояли вокруг, затаили дыхание от увиденного.

– С одной стороны хорошо, что мы без них посидим, – сказала Настя. – У меня от голоса Анны голова успела разболеться. Почему она так громко разговаривает? Все время всех перебивает, не дает никому ничего сказать. Ведет себя как – то неадекватно.

Не успела Настя договорить, как все увидели, что Володя, завернув Анну в одеяло, несет ее к столу.

– Боже ж ты мой, как он поднял такую лошадь?! – удивленно произнес Никита.

– Успокойся! – толкнула его Катя. – Видишь, он ее любит, заботится о ней.

Володя аккуратно посадил Анну на пенек, подоткнул одеяло со всех сторон, как маленькому ребенку, и сказал:

– Хорошо, хоть у меня были теплые вязанные носки. Наливайте ей большой стакан водки, пусть согреется и почему – то зло посмотрел на Катю.

Весь оставшийся вечер Анна сидела молча, изображая, как всегда, жертву! «Потерпевшая» на полном основании опрокидывала один стакан за другим, а Володя весь вечер грубил Кате.

Никто так ничего и не понял, почему Володя обиделся на Катю. Для всех было удивительно, почему Володя так себя ведет по отношению к ней. Они пытались расспросить его, какая кошка пробежала между ними? Но он не хотел отвечать ни на один их вопрос.

Только по истечении многих лет, Анна в пьяном угаре, хвасталась Кате, что соврала Володе в тот вечер. Она сказала ему, что Катя ее специально толкнула в воду, потому что хотела отомстить за сестру.

– На самом деле, вы все марионетки в моих руках, – сказала Анна, смеясь. – Я сама прыгнула в воду, потому что спланировала все заранее.

Глава 62

Девочка у Кати родилась в срок. Она была очень красивая и умная. Она сразу установила свой режим жизни и питания. Спала по восемь часов, как взрослая, была очень спокойной и всегда серьезной. На мир смотрела широко открытыми глазами. Она внимательно изучала людей, глядя прямо в глаза. Казалось, что она читала их мысли на расстоянии. Кожа у нее была бархатная и смуглая. Кристина, – так назвали девочку, очень рано стала ходить, говорить и сразу стала любимицей всех ребят.

Сама она выделяла только папу, которого любила с обожанием. Кристина всегда радовалась, встречая его с работы и стараясь «проагукать» ему все новости дня. Иногда она просто не слезала с его рук. У них была та самая связь противоположности полов, которая улавливалась даже на расстоянии.

В отпуск Кристина поехала в первый раз, когда ей было всего четыре месяца и не было с нею никаких проблем. В отпуске она вела себя великолепно! Никто и никогда не поверил бы, что младенцу всего четыре месяца. Она рассматривала окружающий мир и улыбалась увиденному. Время отпуска пролетело быстро и вся семья, вернувшись домой, была счастлива снова оказаться в своей любимой квартире. В конце лета в Мурманск возвращались загоревшие отпускники, и город становился веселым и шумным.

В Мурманск из отпуска не вернулась только Настя, хотя Семен очень ждал ее. Она осталась дома ухаживать за больным отцом. Настя сказала, что она еще не готова выйти замуж за Семена и ей нужно все обдумать, а сейчас она должна остаться дома: помочь сестре с маленьким Никиткой и ухаживать за больным отцом.

Все знали, что Семен и Настя собирались пожениться. Дело шло к свадьбе. Еще зимой они втроем решили поехать на юг на одной машине, – Семен, Настя и Володя решили поехать на юг вместе.

У Насти заканчивался отпуск, ей нужно было увольняться, чтобы переехать жить в другой город. Володя сказал, что едет на день рождения сына Михаила, как и обещал, вместе с Настей на своей машине. А Семен, сославшись на то, что ему нужно срочно навестить родителей, поехал вместе с ними до Ростова. На обратном пути Семен договорился встретиться с ними и вернуться в Мурманск.

Незадолго до их поездки, Кате приснился очень странный сон, Катя его сразу рассказала ребятам. Она увидела во сне, что Володина машина марки «Опель» белого цвета, перевернулась на

том же месте, где, когда-то перевернулись они с Никитой. Но Катя увидела, что Насти в машине не было. Был один Семен и Володя. Кате приснилось, будто она открыла разбитую машину и увидела ребят, которые лежали в ней совершенно голые и держали свечки. Затем они повернули голову в сторону Кати и сказали: «Не переживай за нас, мы живы!».

Тогда все посмеялись над Катей и над ее сном и не придали этому никакого значения. А сон оказался вещим!

После аварии, все сразу вспомнили этот сон. Володя на своем белом Опеле приехал к сыну Мишутке и Маше. Они отпраздновали день рождения сына. Он побыл у них неделю и уехал обратно.

Настя так и не решилась ничего рассказать сестре. Она подумала, – может все еще у них получиться. Володя был таким внимательным к сыну, к Маше. Родителей называл мама и папа. И все будто налаживалось, но, уехал он в Мурманск один. Сказал, что заберет Машу и сына весной, потому что сейчас ребенку лучше побыть на юге. Настя тоже осталась на работе, ее никто не отпустил без отработки. Сказали, – нужно отрабатывать два месяца, а потом увольняться.

Свадьбу решили сыграть после того, как Семен придет с моря. Настя и Маша оставались на юге, а Володя поехал в Ростов один. Ему нужно было забрать Семена, чтобы вместе поехать в Мурманск. Зима была очень снежная.

– Алло! – сказала Катя в телефонную трубку. – Володя, – это ты? Что случилось? – тревожно спросила Катя.

– Мы в Карелии, за Медвежегорском. Произошла авария. Семен возле машины жжет резину, чтобы нас кто – нибудь заметил. Попроси Никиту пусть приедет за нами, иначе мы замерзнем здесь.

– Володя, а Настя с вами? – закричала Катя.

– Нет, мы только вдвоем. Машина вдребезги, восстановлению не подлежит. Мы чудом остались живы, – взволнованно сказал Володя.

Никита сразу выехал за ребятами. А Катя ходила из угла в угол и молилась, чтобы с ними ничего не случилось.

Они приехали под утро. Катя чуть не упала в обморок, когда их увидела. Ребята все были в крови. Лица в мелких порезах.

«Господи, за что вы это получили? За какие грехи? А я догадываюсь, за какие?!» – подумала Катя.

И, посмотрев, в глаза Володе, она сказала:

– Нельзя детей своих бросать и разгульный образ жизни вести нельзя!

– Да хватит им читать нотации, – произнес Никита. –

Накрывай на стол лучше. Доставай водку, будем испуг выливать.

Ребята пошли приводить себя в порядок в ванную комнату. А Катя стала быстро накрывать на стол и все время приговаривала:

– Ну, ничего, главное, живы остались! Главное, все живы и без переломов обошлись!

– Катюха, а ведь твой сон не был случайным, – вспомнили ребята. – Помнишь, ты рассказывала, что открыла дверь в машине, а мы со свечками лежим и говорим тебе: «Не переживай, мы живы!».

– Нужно в церковь идти обязательно. Мы сами в шоке от случившегося. Мы же не курим, а Семену мама, почему – то, дала спички в этот день и говорит, что могут пригодиться. И если бы не эти спички, мы бы точно замерзли, когда выползли из машины.

Семен достал из кармана коробок спичек, потряс ими и говорит: «Спасибо, мамочка, вот и пригодились!». Он стал деревья ломать, но они замерзшие. Тогда мы достали сиденья из машины и все, что могло гореть. Зажгли и только тогда нас заметили. Машины останавливались. Все водители, глянув на машину, вернее на то, что от нее осталось, не могли поверить, как можно было остаться живыми в такой аварии, – рассказывал Володя.

– Да, это было как во сне! – подхватил разговор Семен. – Мы ехали, как нам казалось, ни на очень большой скорости, а впереди шел КамАЗ с прицепом и прицеп этот бултыхало туда – сюда по всей дороге. Мы подумали, что нужно его обогнать и чем скорее, тем лучше. Он очень достал нас своим прицепом. Мы решили пойти на обгон. И в эту минуту машину начало крутить, как на коньках.

– Мы сразу вспомнили про вас, как вы тогда говорили, что на этом месте перевернулись.

– Все произошло так быстро, мы даже испугаться не успели, – перебил его Володя.

– Как же не успели?! – запротестовал Семен. – Я, как увидел, что моей стороной несемся на столб. Сразу вспомнил, что я – спортсмен. Вспомнил, что боксом занимался. Все с перепугу вспомнил. Я сгруппировался и в ноги Вовчика сразу упал. И тут машина срезает моей стороной столб, ломается пополам, превращаясь в треугольник и начинает переворачиваться в кювет. Мы перевернулись раза четыре, – вздыхая сказал Семен. – Машина «Опель», – стал объяснять Володя, – имеет в двери толстенную трубу для защиты, вот если бы была другая машина, нас бы точно не было уже в живых. Помню только треск разбивающихся стекол, бегущую теплую кровь по лицу и как машина остановилась.

Хорошо, что мы пристегнутые были. Подушки безопасности сработали, мы остались живы. Мы, если честно, еще не можем отойдя от этой страшной аварии. Потом гаишники приехали и были в шоке от нашей машины и от нас, что мы стоим целые и невредимые рядом с грудой металла.

– Катя, я, когда увидел машину, я подумал, что это чудо, что они остались живы после такой аварии, – сказал Никита. – Это просто куча металлолома. Мы даже ничего не могли забрать от нее, ни одной детали, там ничего не осталось. Просто действительно, это мистика какая – то, что они остались живы!

«Господи, спасибо тебе, что оставил их в живых. Они, правда, очень хорошие люди», – подумала Катя и ласково посмотрела на постаревших в одночасье друзей.

Семен и Володя жили у Никиты с Катей пять дней. Домой не торопились. В больнице им выписали заживляющую мазь, потому что порезы не были глубокими, только поверхностные царапины от разбитых стекол. Зашивать ничего не пришлось. Со временем стали забывать этот ужасный случай. Но сон – предупреждение вспоминали постоянно. В мире нет ничего случайного. И все, что с нами происходит – это не просто так. Это напоминание о том, что мы сделали что – то неправильно. Это был знак, что нужно остановиться и пересмотреть свои поступки и свое отношение к окружающим тебя людям.

Глава 63

Наступило лето. Друзья решили поехать в гости на малую Родину Никиты, – в Астрахань, заодно зайти к себе в мореходку. У родителей Никиты на берегу Волги была дача, и всем очень хотелось порыбачить, отдохнуть. Володя продолжал жить с Анной. А Катя с Настей все – таки решились рассказать обо всем Маше.

Она и сама догадывалась, что с Володей что – то происходит. Маша не раз пыталась вызвать его на откровенный разговор, но он как всегда струсил и ничего ей не сказал.

Маша не стала даже выяснять с ним отношения. Просто отошла в сторону и поняла, что ей придется воспитывать сына одной. Она очень обиделась на своих сестер, что они ей ничего не рассказали раньше.

Но со временем она простила и их.

Кате было очень тяжело в этой ситуации, потому что Володя был лучшим другом ее мужа, их очень многое связывало, прекращать дружить со своим другом он не собирался. Сказал, что в жизни всякое бывает и ничего страшного в этом нет, что полюбил Володя другую женщину. Но это его выбор, а помогать Маше материально Володя обязан.

– Катя, понимаешь, этот ребенок для меня виртуален. Я не чувствую себя отцом. У меня странное чувство, как будто у меня нет детей вообще. Я не отказываюсь помогать Маше. Но я понял, что эта женщина не для меня, – оправдывался перед Катей Володя.

– Бог тебе судья, а не я, – сказала Катя. – А со временем ты поймешь, что ты сделал неправильный выбор и сам себя наказал. Маша была бы тебе настоящим тылом. Для твоей работы в море тебе нужна верная женщина, которая ждала бы тебя честно с моря и увеличивала заработанные тобой деньги, а не преуменьшала их, – сказала Катя, с сожалением глядя на Володю.

От общих знакомых Катя узнала, что Анна делала вид, что ходит на работу. На самом деле она брала деньги в долг у подруг, приносила их Володе, отдавала ему и радовала тем, какая она труженица!

Катя всегда удивлялась, почему Володя не видит, что Анна очень ленивая и глупая девушка. Видимо, любовь действительно слепа и он вообще не видел в Анне никаких недостатков. Когда уходил в море и оставлял ей деньги, Анна раздавала долги своим подругам и смеялась над тупым женихом.

И так было всегда. Детей Бог им не давал. Хотя она часто

ходила в Церковь и просила. Но это не мешало ей вести разгульный образ жизни и колдовать. Пила Анна постоянно и много. Ходила по барам и ресторанам. Обожала мужчин кавказской национальности. И весело проводила с ними время, пока «тупой жених» зарабатывал деньги для семьи.

А Маша работала на трех работах, чтобы свести концы с концами. Днем работала на основной работе на телеграфе. Вечером после работы ходила мыть полы в кафе «Сказка». А ночью таскала мешки на мукомольном заводе. В тридцать лет она была похожа от усталости на старуху.

Анна продолжала пить с подругами, нигде не работала и занималась своим любимым делом, – сплетничала и плела интриги. Володя замуж ее не звал. Но она прекрасно понимала, что лучшей партии ей не найти и держалась за него обеими руками и ногами, выжидая время. Она была девицей наглой, циничной, завистливой и жадной. Но все эти качества умело скрывала под маской «скромной девочки», когда находилась рядом с Володей. Она классически опускала глаза и всем видом показывала, что она очень стеснительный человек. Но когда Володя уходил в море, она мигом перевоплощалась. Анна вульгарно себя вела, громко разговаривала только матом и грубила всем и каждому у себя во дворе. Анна становилась сама собой, закрывая за Володей дверь и сбрасывая с себя маску приличия. Она ходила постоянно с бутылкой пива и сигаретой в зубах и любила ночные клубы и рестораны.

Не успевала запоминать имена своих любовников, – Дато, Давид, Ара или Камо. И, естественно, всем было понятно, что такая девушка вообще никогда не выйдет замуж. В квартире Володи она чувствовала себя полноценной хозяйкой с первой минуты, как только зашла в квартиру.

– Лучшего лоха я не могла себе представить, что смогу найти так быстро в Мурманске, – хвасталась она своим подругам – лесбиянкам.

– Купился на мои пирожки, дебил. Как мало нужно мужикам! Показать, что ты отличная хозяйка и он, – твой навеки. Ну, потерпеть этого дефектного падагрика можно три месяца, а там может, повезет, – и на восемь месяцев в море уйдет!

Анна была хитрой и коварной девицей. Она, как только стала жить с Володей, сразу внушила ему, что квартира принадлежит ей. С первой минуты пребывания в Володиной квартире, она стала всем говорить: «У меня в квартире…, моя квартира…, я…».

Если Маша боялась проявлять инициативу и чувствовала себя гостьей у Володи, то Анна всем видом показывала, что это ее территория, а Володя здесь у нее в гостях. Природная наглость

иногда может пригодиться, потому что вызывающее поведение девиц легкого поведения, многие юноши принимают за «уверенность в себе», и невольно принимают этого человека за достойного. Грань между хамством и уверенностью очень тонка. А мужчины, в большинстве случаев, просто чувствуют себя защищенными рядом с такими женщинами. Не умея анализировать те или иные поступки своей избранницы, они невольно становятся заложниками в своей собственной квартире. Им нравится, что им поют фальшивые дифирамбы. Они не видят ничего вокруг. Все принимают за чистую монету. И даже не догадываются, как на самом деле к ним относятся. Даже не подозревают, что в глубине души их ненавидят, смеются над ними, рассказывают о них интимные подробности своим подругам и считают их лохами. Они даже не догадываются, что на самом деле их «любимые», – грязную ложь умело маскируют под чистую правду.

Все друзья очень жалели Володю, но ничем не могли ему помочь. Они надеялись, что он сам со временем поймет, что ошибся.

Настя все же приехала по просьбе Семена в Мурманск и у них начинались самые серьезные отношения. Дело шло к свадьбе, что очень не нравилось Анне, которая имела на своем счету уже несколько разрушенных браков. Болезнь Анны была глубоко засевшей в подсознании обиды брошенной девушки. От нее все мужчины уходили к другим женщинам. С нею никогда никто не строил серьезных отношений, и она всю свою жизнь, завидуя, мстила парам, у которых была любовь.

Поэтому для нее было делом чести разрушить ту или иную семью. Она нисколько не сомневалась, что у нее все получится. Анна знала точно, что она сделает все возможное, чтобы Семен и Настя разбежались. Ее полуразрушенный пьянками мозг, способен был только на такие ухищрения.

«Все мы родом из детства!» – подумала Катя.

Вот и Анна рассказывала, напившись как всегда, что будучи еще юной девушкой пятнадцати лет, Людмила хотела продать ее подороже Игорю Сергеевичу, но он не согласился, поэтому ей пришлось вызвать Катю. А после того, как сорвалась сделка по продаже «дешевого донора» с дальнейшем убийством, то Игорь Сергеевич взял донором Анну.

– Я так хорошо заработала тогда, – хвасталась Анна. – А ты, дура, Катька, отказалась, – кричала Анна на Катю возмущенно.

Игорь Сергеевич в это время выписал Лиду из Украины, сестру своего друга Владимира и тоже требовал, чтобы она ему родила. Но у нее был выкидыш.

– Вы все недоделанные, одна я, – умная! – продолжала орать на турбазе Анна, когда осталась с Катей наедине. – А ведь когда Игорь Сергеевич мне отказал в шестнадцать лет, то мамочка моя нашла способ, как на мне заработать. Она продала меня одному старенькому депутату за очень хорошие деньги, – засмеялась пьяная Анна, вспоминая детство.

Катя знала эту историю. Ей рассказал все про Анну, Юрий Саммуилович.

Шестнадцатилетняя Анна, покатавшись с депутатом по всей России, быстро ему надоела и была брошена им в одной из командировок в городе Георгиевске. Там же Анну подобрал местный барыга. Надоев и ему, Анну увез бизнесмен с бандитским прошлым в Мурманск. Она у него тоже недолго задержалась. Он в ней разочаровался и привел к себе в дом свою бывшую любовь, – Асю.

Анна, со своим изощренным воображением, понимала, что нужно как – то отомстить, и придумала свой простенький план мести:

– Из врага нужно сделать друга, – советовала она своим подругам, рассказывая эту ужасную историю. – План мести всегда сработает.

И она делилась опытом, как это сделать на примере того, что она придумала для Аси. Анна рассказывала, что напоила подружку своего бывшего любовника и выведала нужную ей информацию. Ася поделилась с ней секретом о своей первой любви и призналась, что до сих пор любит этого молодого человека. А бандит – бизнесмен ей совсем не нравится, хоть и любит ее без памяти. В результате у них скоро свадьба. Анна продолжала входить в доверие к Асе, продолжала оставаться жить в квартире бизнесмена – бандита, который никак не мог ее выгнать. Она умоляла его подыскать ей квартиру или общежитие и просила остаться подругой его любимой Асеньке, и ему.

В день их свадьбы, Анна преподнесла им обоим «подарок», – в виде первой Асиной любви, того самого молодого человека, о котором ей рассказывала Ася.

Юноша пришел к ним на торжество и тайно выкрал невесту со свадьбы. Позже бандит – бизнесмен вернул любимую и пообещал Анне оторвать при встрече голову.

Но интригантка к тому времени исчезла и стала донором для Игоря Сергеевича. Она родила ему сына и продала его за кругленькую сумму, которую благополучно пропивала в кабаках, и в лесбийских семьях вместе с рыжей Ирой.

В дальнейшем, Игорь Сергеевич перебрался на постоянное место жительства в Москву, забрал с собой своих

верноподданных, – ее мать Людмилу вместе с ее мужем Ильей и Владимира, начальника службы безопасности. А Юру и Анну оставил в Мурманске. Они все были членами этой бандитской группировки Игоря Сергеевича и выполняли его поручения.

Анна получила очередное задание от Игоря Сергеевича, – отбить Никиту у Кати, но она успешно его провалила. Юра знал, что Анна ошиблась и закрутила роман с мужем сестры Кати. Но Юра не стал выдавать ее Игорю Сергеевичу, и они сообщили в Центр, что задание выполнено. Анна благодарила Юру за то, что тот ее второй раз вытаскивает из неприятной ситуации. Первый провал, – это фиктивное донорство. Она обманула Игоря Сергеевича и родила от его личного охранника Виктора, – сынишку Ванечку. Тогда Юрий Саммуилович тоже ее спас. И теперь Анна ждала из Центра самого главного задания, – она готовилась убить Катю.

Но Анна понимала, что годы идут и нужно устраивать свою собственную жизнь и что лучшего варианта, чем моряк Володя, который очень редко бывает на берегу, ей не найти. Анна бегает к бабкам, привораживает его и выходит за него замуж.

Но ей очень сладок на вкус показался первый опыт, – «испорченной свадьбы» бандита – бизнесмена и Аси. И она как наркотики стала применять разводы для других семей. В арсенале у нее была много разрушенных браков. Из-за скудости ума, она работала по одной и той же схеме. Шаблон был один: Анна рассказывала секрет жены, – мужу, а секрет мужа, – его жене. Применяя все ту же тактику спаивания собеседников и выуживания нужной информации.

Поехать в отпуск вместе со всеми в Астрахань, было для нее очень хорошим поводом развести Настю с Семеном. Когда все решили поехать к Никите и Кате в гости, Анна строила из себя, как всегда, чудную подругу. Настя не шла с ней на контакт. Но ехать вчетвером в одной машине Володи из Мурманска на юг и не общаться было очень сложно.

Катя с Никитой уже давно были с детьми на юге. Они вывезли Максима и Кристину еще в апреле месяце и теперь ждали всю честную компанию к себе в гости. К ним должна была присоединиться еще одна счастливая парочка из Мурманска, – крестный отец Кристины, их общий друг весельчак Сергей с женой Ларисой. Но, как выяснилось, в их семье уже побывала Анна, – и Сергей позвонил друзьям, что они разводятся с женой. Он добавил, что приедет один. Все ребята очень расстроились, потому что им нравилась эта пара. Анна ликовала и даже не скрывала своей радости от этой новости. Наркотик разводов приносил ей кайф!

– Этого и стоило ожидать! – говорила она весело! – Ведь там уже давно намечался разрыв.

Катя посмотрела на нее удивленно и спросила:

– Какой разрыв? Ребята очень любят друг друга!

Сергей женился на Ларисе, взяв ее с двумя маленькими детьми. Вырастил их, и вдруг как снег на голову, – развод. Никто еще не знал о «чудесах – разводах», которые устраивала Анна. Никто даже и не подозревал, что это не простое совпадение, что число разводов, ссор, сплетен, выяснений отношений увеличилось с появлением в их дружной компании, – Анны.

– Ребята, нужно уговорить Сергея и Ларису не разводиться, – уговаривала всех Катя. – Столько лет прожили вместе. В их семье была любовь, причем очень большая. Почему развод?

Не успели они отойти от этой печальной новости, как неожиданно случилось еще одно недоразумение.

Из Астрахани Никита с Катей и детьми собирались поехать к Катиным родителям, а затем в Мурманск. Остальные собирались ехать сразу в Мурманск.

Катя очень удивилась, когда увидела, что Настя садится к ним в машину.

– Что случилось? – спросила Катя у сестры.

– Мы расстались с Семеном, и я еду домой, – ответила заплаканная Настя.

– Почему расстались?! – спросила удивленно Катя. – Что произошло?!

– Семен сказал, что он больше меня не любит и не может простить мне, что я предала его, когда уехала от него к больному отцу. Он сказал мне, что очень переживал разрыв, и что свадьбу пришлось отложить. Но мне кажется, что ему что – то наплела Анька, что – то плохое обо мне. Потому что весь вечер он просидел с ней за бутылкой водки вдвоем. Я легла спать, а утром он мне сказал, что он решил со мной расстаться.

– Да пошел он подальше! Не хочет и не надо! Подумаешь, значит, это не любовь и тебя впереди ждет другой мужчина. Все, поехали! – сказала Катя и, улыбаясь, помахала рукой оставшимся друзьям. Катя посмотрела на Анну и весело крикнула:

– Пока, увидимся в Мурманске!

И добавила, повернувшись к Насте:

– Настя, улыбайся, пусть они думают, что мы все очень довольны случившимся. Я никак не могу понять, почему мужики такие слабые существа, идут на поводу у алкашек и мошенниц? Почему им нравится вся эта грязь? Наверное, потому что у многих нет своего мужского стержня.

– А они едут сейчас в Воронеж к Сергею в гости, а потом в

Мурманск, – сказала грустно Настя. – Мне кажется, что все эти разводы, – дело рук Анны, – добавила она. – Вы знаете, она все время твердила Сергею в Астрахани на даче, что без Ларисы ему будет лучше, что он правильно сделал, что развелся с нею. И если бы вы видели, как радостно она со мной прощалась. Она мне на ухо сказала: «Я не знаю, какая муха укусила Семена. Он настоящий дурак, что потерял такую девушку как ты». А я ей сразу ответила:

– Зато я знаю, что это твоя работа и притом, – топорная!

– Но, раз мужики такие слабаки пошли, то нам они не нужны! Правильно, Настя? – спросила Катя весело, стараясь поддержать сестру. – Ура! Начинаем новую жизнь и поверь мне, она будет намного лучше предыдущей.

Глава 64

В Михайловске их встретил улыбающийся папа, – Евгений Петрович Черкашин. Он выглядел немного уставшим и постаревшим. Катя посмотрела на отца и почему – то у нее очень защемило сердце. Она подошла, крепко обняла его и сказала:

– Папа, как ты себя чувствуешь?

– Ты знаешь, доченька, хорошо. Только скучаем за вами с мамой очень. Ой, как выросла моя красавица внучка, – Кристина! Тебе уже целый год! – умилялся он.

Дедушка не отходил от Кристины ни на шаг, катал ее на коляске в Дендропарке, гулял с нею целыми днями и вообще не мог нарадоваться их приезду. Максим ходил и всем указывал, что нужно делать так и не иначе. У него всегда был начальственный вид.

– Клубника на огороде, смотрите, спелая и сладкая, прямо на грядке, как в магазине? – удивлялся он. – Мама, почему девушки ходят в ночных рубашках по улице? – возмущался Максим, показывая на девушек в летних сарафанах.

Вечерами ужинали, накрывая стол на улице, в беседке.

– На свежем воздухе аппетит лучше! – всегда говорила Ольга Семеновна, подливая из супницы добавки.

– Катя и Никита, вы такие молодцы, что деток привезли. У нас и клубника, и смородина, и крыжовник поспели. Витамины детям очень нужны. Было бы хорошо, если бы вы подольше побыли в Михайловске. Мы очень скучаем с отцом за вами.

Миша вернулся из монастыря, но приходит редко. Он у себя в доме живет. У них с женой не ладится что-то, потому что он пьет. А Наташа все к маме ездит. Бросит его одного, возьмет дочь и поехала. Миша сам себе предоставлен. Работает брат твой, зарплату получит и в запой. Уже и кодировали его семь раз и три раза зашивали. Не проходит эта болезнь у него. Поддержки нет со стороны жены, вот и все лечение напрасно.

– Мамочка, но он пока не захочет бросить пить сам, никакая поддержка не поможет. Я все никак не могу забыть, когда я была беременна еще Максимом, мы решили заработать денег. Помнишь? Миша такой умница. У него было столько идей всегда.

Помните, как он привозил в Мурманск на продажу шубы нутриевые с юга? Нам друг Никиты давал эти шубы под реализацию. А Миша тогда бросил как раз пить, помните? И мы смело давали ему огромные суммы денег за проданные шубы, чтобы он отвозил их другу в Пятигорск. Бизнес шел хорошо и не было никаких проблем. Однажды, мы передали через него

доллары, очень большую сумму. Я ему еще зашила эти деньги в спортивные штаны, которые он надевал под брюки. Мы его посадили в поезд, попрощались. И вдруг ночью звонок из милиции, у Никиты спрашивали, про деньги и кто такой Миша? Сказали, что его ограбили. Мы тогда с Никитой молились день и ночь, потому что если бы даже продали все свое имущество, мы бы не смогли расплатиться за эти шубы. Такая огромная сумма была!

А Миша тогда выпил в поезде с какими – то случайными попутчиками и сошел с ними в Кондопоге, в Карелии. Собутыльники стукнули его по голове, забрали деньги, и оставили замерзать в сорокаградусный мороз на улице. Слава Богу, он очнулся и дополз до медпункта.

А какие молодцы ребята из милиции в Карелии! Они очень оперативно сработали, быстро нашли этих воров, которые, не успев выйти из тюрьмы, снова совершили преступление. Хорошо, что не убили они нашего Мишу.

Они думали, что, стукнув пистолетом по голове, и выбросив его на улицу, он умрет от переохлаждения. А в медпункте ему забинтовали голову, вызвали милицию и Миша вместе с ребята из милиции ездил по населенному пункту в четыре часа утра.

Они заходили во все дома, где горел свет. Случайно они нашли этих воров. Те даже не удосужились свет выключить. Сначала, они не признавались, куда спрятали деньги. Но испугавшись, показали, что положили их в сушилку для посуды. И, самое главное, ребята из милиции не взяли ни копейки из этих денег, все вернули. Дай Бог им здоровья! Есть честные милиционеры в наше время. Я бы на месте нашего правительства, платила работникам правоохранительных органов очень большие зарплаты и тогда точно коррупции не было бы, правильно, мама? – спросила Катя.

– Да, это точно. Ребята сработали профессионально и быстро. Они ведь видели, что Миша алкаш. Могли запросто себе деньги забрать. Деньги были очень большие. Но есть люди, которые понимают, что на тот свет, кроме грехов ничего не унесут. Эти люди и в следующей жизни будут жить лучше всех! Что касается Миши, я помню, как он мне рассказывал сказки, что был совершенно трезвый, что его ограбили и выбросили из поезда. Помню, все помню. Но это болезнь, – алкоголизм. Может с годами образумится наш Миша, – печально сказала Ольга Семеновна.

Никита с папой Кати сидели и душевно беседовали на крыльце, когда Катя с мамой подошли к ним.

– А я бы хотел, – говорил в этот момент папа Кати. – Я бы хотел умереть сразу, чтобы даже не смог понять, что умер.

– Папа, ты опять за свое?! – строго спросила Катя. – К чему такие разговоры? Ты еще такой молодой, ты даже не на пенсии. Ты же мечтал на пенсии посидеть, отдохнуть, а сам сидишь, болтаешь всякую ерунду.

– Мне до пенсии еще год остался, – сказал, улыбаясь, папа. – Вот выйду на пенсию, оставите мне внуков, буду с Кристиной и Максимом в дендропарке гулять. С ними сейчас дружить одно удовольствие! А ты за Никиту держись, Катя. Хороший у тебя муж, серьезный и тебя любит. Мне он очень нравится. Правильно сделала, что поехала на север мужа искать. Но могла бы сэкономить и в Астрахань за ним съездить, он же оттуда? – как всегда шутил Евгений Петрович. – А вон как в жизни бывает, поехала на Север и нашла мужа, который под боком был, – продолжал философствовать отец. – Ну, ладно, пошел я книгу читать. У меня очень интересный роман. Молодежь обнищала, потому что меньше стала читать. А это такое удовольствие и такой отдых! Лежишь в постели, читаешь, а сам представляешь прочитанное и тем самым будишь такие глубинные слои своей фантазии, что видишь все в очень ярких красках, которых в компьютере никогда не найдешь.

– Папочка, а ведь ты прав. Молодежь себя не любит, потерять такое удовольствие, как чтение книг?! Может, компьютерные игры, тоже будят воображение? Но, ясно одно, что они не могут разбудить полет собственной фантазии и не могут остаться один на один с героями полюбившейся книги. А энергетика бумажных книг какая мощная и лечебная! Берешь книгу в руки, от нее такое тепло идет. Ведь книги, они, как люди, – живые! Потому что в них человеческие судьбы с их испытаниями, – согласилась с папой Катя.

– Я все время удивляюсь, почему у вас нет комаров, как у нас в Астрахани? – спросил, задумавшись, Никита. – У нас молодежь с веточками ходит, отмахивается от комаров и мошек. У вас красота для молодежи, – целуйся сколько хочешь.

– Никита, ты что стареешь, что ли? О молодежи заговорил, как старик. Тебе самому, сколько лет, молодой папаша? – смеясь, спросила Катя.

– А мне бабушка говорила, что я родился старичком, – ответил Никита, улыбаясь. – И еще она говорила, что я смотрю на всех, как прокурор.

– Значит, точно станешь прокурором! Институт юридический ты окончил, следователем работаешь. Значит, будешь прокурором обязательно. Скажи, а за морем скучаешь? – спросила у мужа Катя.

– Иногда думаю, сходил бы с удовольствием месяца на три.

– Нет, папочка, ты должен видеть, как дети растут. Поэтому мы и попросили тебя получить второе высшее образование и остаться с нами.

– Насколько мне известно, наш общий друг Юрик – еврей тебе посоветовал меня уговорить поступить в юридический институт, – засмеялся Никита.

– Мамочка, я забыла тебе рассказать. Помнишь, к нам в гости приезжал мой старинный друг Юра, тот самый, что в кооперативе со мною работал. Мой Ангел Хранитель! Так он теперь работает мэром города Мурманска. Он мне идею подал, чтобы Никита в юридический институт поступил, а теперь он пророчит Никите должность прокурора области. Сказал, что из Никиты отличный прокурор получится.

– Никита, а коллектив у вас дружный? – спросила Ольга Семеновна.

– Да, дружный, прокурор у нас очень хороший человек. Он до сих пор смеется, когда вспоминает, как я на работу устраивался. Я пришел с улицы, без рекомендаций, и говорю ему: «Здравствуйте! Я хочу у вас работать, но я только на третьем курсе заочного Московского юридического и мне нужно на сессию еще съездить, если вы меня подождете, то я к вам устроюсь на работу?». А он так странно на меня смотрит и спрашивает: «А кто вас ко мне послал?» А я ему говорю: «Да, Семен, дружок мой, глазастый такой, вывеску увидел, – прокуратура, и послал. Я вон в том доме живу, короче сосед ваш.». Прокурор, как начал смеяться и говорит: «Я вообще – то по звонку человека ждал, но раз у тебя дружок глазастый и ты наш сосед, тогда, конечно, подождем. Тем более у тебя одна всего запись в трудовой, да еще и командирский состав. Такие люди нужны нам в прокуратуре». Только потом я узнал, что в прокуратуру очень сложно устроится и люди ждут своей очереди годами.

– Никита, ну, во – первых, прокуроры все сильные психологи. Во – вторых, ты его обескуражил своей наивностью и чистотой, – добавила мама. – А, в третьих, такой наглости он еще не видел. Да и блатные надоели, ему нужна была рабочая лошадка.

– Я стараюсь его не подвести, я же понимаю, что с улицы невозможно устроиться в такую организацию. Но прокурор доволен моей работой и похоже не жалеет, что меня взял. А мне нравится работа на берегу и что я постоянно в семье.

– Мне тоже очень нравится, что Никита со мной, – обняла мужа Катя. – Мне намного легче. Он и с детьми занимается и мне помогает по дому. А Кристина души в папе не чает. Такая любовь у них, просто жить друг без друга не могут. А Максим такой помощник мне! Уже все делает по дому, хотя ему всего шесть лет.

В школу скоро пойдем. Так что жизнь продолжается.

Глава 65

Мурманск встретил Катю, Никиту и детей радостной осенью. Красивые желто – красные деревья весело приветствовали дружную семью. Свежий северный ветер обнимал, ласкал ребят и радостно шептал: «С возвращщщщщщением, любимые люди, с возвращщщщщщением, большое семейство!»

Не успели ребята перенести из машины вещи, как раздался телефонный звонок и крестная мама Кристины, – Яна, сказала весело, что они очень соскучились и приезжают вместе с сыном Артуром и мужем Андреем к ним в гости. Возражения не принимались.

– Приезжайте, конечно. Мы столько вкуснятины всякой привезли с юга, так что ждем, – сказала весело Катя.

– А мы тоже недавно вернулись. Но, правда, сходили уже за грибами. Грибов в этом году было очень много, как никогда! Мы и замариновали, и засолили, и наморозили. Мы прихватим вам тоже грибочков!

Дружно болтая за столом, старые друзья наперебой рассказывали друг другу об отдыхе, показывали фотографии. Дети играли в соседней комнате.

– Катя, а почему Семен приехал без Насти, что там у них произошло? – спросила удивленно Яна. – И мой кум, длинноногий Сергей развелся с Ларисой, расскажи, что случилось?

– Яна, происходит что – то странное! Все вокруг разводятся и заметь, все кто очень близко общаются с Анной. Мне кажется, что у нее какое – то психическое заболевание. Вот посмотри, у нее жизнь вроде бы налаживается. Володя ее не бросает. Ей бы радоваться и жить спокойно, не мешая другим. А она вечно лезет со своими сплетнями. Ты заметила, что пока Анны не было в нашей компании, мы так сильно не ругались. Вообще никогда не было утечки информации в наших кругах. А теперь только и слышно, что тот про тебя это сказал, а этот, – вот это.

– А самое главное, знаешь что, – спросила Яна, – самое страшное, что Анна говорит, что ты их развела, – возмущалась Яна.

– Я развела? А Сергей что? – спросила Катя удивленно.

– Он злой такой на тебя, – добавила Яна. – Говорит, что в Воронеже они проституток вызывали, что ли? Сказал, что ты не успела еще приехать в Мурманск, а уже побежала и все рассказала о них его жене.

– Подожди, подожди, так я же не была в Воронеже, Яна?! –

напомнила Катя. – Я только в Астрахани была. И только сегодня приехала. А потом мы из Астрахани поехали к моим родителям вместе с Настей.

– Все, я все поняла, – сказала Яна. – Семен, Анна и Володя приехали из Воронежа в Мурманск раньше вас. И Анна сразу побежала и рассказала Лариске все, что произошло в Воронеже. Так сказать, контрольный выстрел, чтобы наверняка развелись. Вот сволочь, – сказала Яна. – Я все Сереге расскажу, кто его сдал. И кому нужен был этот развод. Хватит с нею интеллигентничать.

– Сергея нужно срочно помирить с Ларисой, – предложила Катя. – Нужно с ним поговорить, чтобы дурью не маялся.

– Ты еще одну новость не знаешь?! Аньку видели в ночном клубе как всегда, с кавказцами. И пьяная в баре кричала, что добавила Володе клофелину в чай и он спит как убитый. А когда ребята пытались Володе открыть глаза на нее, она ему сказала, что у нее есть клон, то есть ее двойник. И Володя теперь всем рассказывает, что Анна с ним спала, а ее клон в ночном клубе с кавказцами зажигал, – быстро протараторила Яна.

– А знаешь, Яна. Мне кажется, что Володя сам заслужил себе такую жену. Анна дана ему в наказание за то, что он сына своего бросил. Он сам ее выбрал. И он заслуживает именно такую женщину рядом с собой. Он большего недостоин. Жизнь все расставит на свои места, – уверенно сказала Катя.

– Женщина, которая забирает отца у ребенка, уже психически больна. Ее устраивает, что свекрови нет, парень с квартирой, с машиной, да еще в море ходит. А куда ей с восемью классами образования деваться? Это только держаться за «лоха», как она его называет, – возмущалась Яна.

Мужчины вернулись за стол. Андрей все никак не мог бросить курить, и они постоянно выходили на лестничную площадку.

– Вы знаете, – вдруг сказала Катя, – сегодня еще один кум с юга должен приехать, крестный Максима. Он работает дальнобойщиком и едет сюда.

– Катя, хватит сочинять! Он действительно работает дальнобойщиком, но в Мурманск не собирался. Вот с чего ты сидишь и выдумываешь, что он должен приехать?! – спрашивал Никита.

– Не знаю, вот сижу и мне кажется, что он сюда едет. Картошку везет на продажу. Я даже не знаю, почему мне так кажется? Может они что – нибудь говорили о поездке, – добавила Катя.

– Да, не собирались они сюда приезжать. Они поехали в Липецк. У них заказ был в Липецк.

Прошло минут пять и вдруг позвонили в дверь. Уже все и забыли об этом разговоре. Никита пошел открывать дверь и радостно воскликнул: «Катя, иди сюда, ты не поверишь, кто приехал?!»

– Кто? – с интересом спросила Катя.

– Кум наш с юга, – ответил Никита.

– Ой, – обнимая друга, сказала Катя. – Я пять минут назад тебя вспоминала. Я прямо чувствовала, что ты едешь. Сама в шоке, как это так получилось. Вы картофель привезли?

– Нет, арбузы, – сказал крестный Максима. Два друга были дальнобойщиками: Петр и Вадим ездили всегда вместе. Петр был мужем Ольги, подруги детства и студенческих лет Кати, которая на стажировку с нею в Питер ездила и вместе с Катей спасала свою третью подругу Риту, отправляя ее беременную жить в Ленинград.

Петр был крестным отцом Максима. Катя была у мамы в Михайловске, когда Никита ходил в море и они крестили Максима там. Эти крестины надолго запомнятся служащим Церкви. Они до сих пор, наверное, смеются, вспоминая, как Катя с ребенком на руках шла по красной ковровой дорожке и говорила: «Ничего себе!? Как здесь проходят красиво крестины!».

И вдруг увидела бегущего навстречу им, одетого в нарядную одежду, служащего церкви, который размахивая руками, показывал шествующей процессии, чтобы они уходили в сторону.

Катя оглянулась и увидела, подъехавшую машину, из которой вышел Московский Архиепископ, который приехал с официальным визитом. Катя с ребятами отошли в сторону и тоже встретили важного гостя. А когда проводилось Таинство Крещения, Максим так сильно плакал, что Катя ничего не услышала, что говорил батюшка. И когда Катя подошла к священному писанию, то не знала, что делать. Она попробовала взять библию в руки, но та не отрывалась от стола. Тогда Катя стала поднимать какие – то книги, блокноты и целовать их. На что рассерженный батюшка строго произнес:

– Мамаша, вы все мои личные записи перецеловали. Наклоняйтесь и целуйте Библию!

Катя покраснела. Все в церкви стали смеяться. Петр, когда они выходили из церкви сказал: «Ты чуть батюшку не изнасиловала. Кинулась целовать его личные вещи.».

Рассказывая эту историю новым друзьям, Петр, как всегда, смеялся вместе со всеми.

– Север, конечно, хорошо. Но мы пока искали ваш дом, понасмотрелись на детей с голубой кожей, – сказал Петя. – Хватит вам вообще здесь находиться. Возвращайтесь, давайте,

домой на юг. Ради детей нужно возвращаться, – сказал твердо крестный отец Максима.

– Да ты что? Север – эта наша жизнь! Север – это наша любовь! Север – это наши мечты! А где мы там работать будем? Нет, мы только на пенсии вернемся. Очень плохо, что тебе, Петя, север не понравился.

– Нет, ты не поняла, мне понравился ваш Север, но по дороге одни мертвые деревья стоят. Здесь невозможно жить. Дышится с трудом, кислорода вообще нет. Я не понимаю, как вы здесь вообще живете? – недоуменно произносил Петр.

– Вы у нас грибы соберите, озера наши посмотрите, небом полюбуйтесь и вы влюбитесь в наш Север, как и мы, – сказала Яна. – А завтра мы с Андреем ждем вас к себе в гости. У нас очень красивая квартира и, главное, – своя! Обидимся, если не придете, – добавила она, помахав пальцем.

– Придем обязательно, – сказали гости с юга. – Нам вы очень понравились. Мы и вас в Михайловск заберем.

Погостив с недельку, ребята получили заказ на Санкт – Петербург и по – военному быстро собрались в поездку.

– До скорого! – сказал Петя, обнимая Катю.

– Да нет, мы теперь только летом к вам.

– Это не факт. Мы не знаем, что с нами будет через минуту. Только Бог знает все, – сказал он, и подмигнул Кате.

Пожав руку Никите, он уверенно сказал:

– Скоро увидимся!

Ребята сели в машину и уехали в следующее путешествие.

Глава 66

Ровно через месяц раздался ночной телефонный звонок. У Кати сжалось сердце, она всегда боялась, приносящих неприятности, длинных звонков.

– Как умер?! – закричала Катя в трубку.

Никита тревожно смотрел на Катю и спросил:

– Кто умер? Миша? Мама? Кто?

– Отец! – крича и плача, произнесла Катя. – Мама позвонила и сказала, что его повезли в морг. Внезапная смерть, я ничего не знаю. Господи, почему он, он ведь еще такой молодой. Никита, мне срочно нужно лететь. Катя ходила по комнате взад и вперед и не могла поверить. Может ошибка вышла? Может не подтвердиться? Может это дурной сон?

Никита поехал и купил Кате билеты до Москвы, из Москвы до Ростова, а с Ростова до Минвод. Пришлось брать три билета, потому что билетов вообще не было. Катя взяла с собой годовалую Кристину. Решили, что Никита с Максимом выедут на поезде сегодня же и прибудут на похороны немного позже. Катя вообще не понимала, что происходит. Она, как в тумане, прошла регистрацию. Андрей, муж Яны, привез ее в аэропорт, помог перед отлетом, грустно посмотрел на Катю и сказал:

– Яна передала денег и просила выразить соболезнование. Затем внимательно посмотрел на Катю и добавил: «А ведь ты больше не вернешься на Север?! Ты останешься на Юге навсегда.».

Катя не придала значения его словам. Она знала только одно, что Судьба приготовила ей еще одно испытание. Пересаживаясь с маленьким ребенком с самолета на самолет, Катя вдруг осознала, как далеко она забралась. В Минеральных Водах, Катю встретил Петр с Ольгой на машине Евгения Петровича.

Когда она увидела машину отца, она расплакалась и поняла, что все произошедшее не просто страшный сон, а самая настоящая страшная правда.

– Как это произошло? – спросила она у ребят.

– Он поссорился с двоюродным братом Ольги Семеновны и очень разозлился на него.

Двоюродный брат мамы, – дядя Федя, не имел своей семьи и всю жизнь жил с Катиными родителями. Его все жалели, понимали, что человек одинокий, и что ему некуда податься. Он чувствовал в семье Катиных родителей, что он полноценный член семьи. Иногда вел себя как хозяин. Иногда как наглый гость.

В силу своей интеллигенции, родители Кати никогда не делали ему замечаний. Со временем дядя Федя совсем забыл, что

он не хозяин. Иногда покрикивал на Катиных родителей на правах старшего, иногда откровенно показывал свою ненависть к ним. В тот злополучный день, он даже поднял руку на Катиного папу.

– Сначала он стал кричать на Евгения Петровича, – рассказывали соседи. – Затем ударил. Мы как раз на улице были и видели эту картину. Твой папа сильно на него разозлился и сказал, чтобы ноги его больше в доме не было. Он расстроился и стал совсем бледный. Затем побежал на второй этаж, в комнату дяди Феди. Забежал разъяренный и стал вытаскивать из – под дивана его чемоданы, наклонился и упал замертво…Сердце остановилось мгновенно. Он даже не понял, что с ним произошло.

– Он об этом и мечтал, – грустно сказала Катя.

После похорон Катя просила маму поехать с ними в Мурманск. Но мама сказала, что она останется там, где любимый похоронен, будет ходить на могилу и разговаривать с ним. Миша возвратился из Монастыря и остался с нею. Кате очень хотела жить с мамой тоже. Но ее напугал мамин рассказ, что приезжал, какой-то московский депутат на красивой машине с охраной. Очень интересовался ею и мужем Никитой, спрашивал, – не развелись ли они? В браке живут или нет? И не собирается Катя вернуться домой? Сочувствовал, что сестра сгорела в пожаре и предупредил маму, чтобы она была поосторожнее с огнем.

«Все-таки это Игорь Сергеевич причастен к смерти тети Шуры и ее семьи», – подумала Катя и решила вернуться на север, чтобы Игорь Сергеевич не смог навредить маме.

Глава 67

По приезду в Мурманск, Катя не находила себе места от того, что страшное предчувствие беды надвигалось с новой силой. Катя давно вышла на работу. Дети оставались с Баб Маней – помощницей. Катя продолжала писать свои романы по ночам. Однажды, среди ночи, раздался душераздирающий телефонный звонок. «Господи, хоть бы не с мамой», – подумала Катя, испуганно посмотрев на Никиту, который разговаривал по телефону.

– Что случилось? – спросила Катя.

– Меня срочно вызывают в командировку в Москву.

– Среди ночи? – подозрительно спросила Катя.

– Да, – опустив глаза, произнес Никита, – работа такая!

Он быстро оделся и вышел из квартиры.

«Странный какой-то Никита в последнее время», – подумала Катя, вздохнула, и продолжала набирать текст дальше. Она подняла голову, посмотрела на рукопись. На ум пришли строчки из стихотворения Владимира Маяковского:

«Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Катя подумала, что Маяковский был прав, вздохнула, подошла к окну и не увидела милицейского Уазика, который обычно забирал Никиту.

Никита действительно вел себя подозрительно. Он поздно приходил с работы. от него пахло женскими духами, он очень мало стал говорить с Катей. Отвечал всегда невпопад на ее вопросы.

Катя сама справлялась с двумя детьми, с работой и с бедами, которые на нее сыпались постоянно. Благо помогала Баб Маня, которая все время ворчала и ругала Катю, что она квартиру записала на Никиту.

– Я тебе говорю, что он сразу изменился, как квартира стала его.

– Баб Мань, не начинай, какая разница, на ком квартира? Мы же в Загсе клялись, что все у нас общее и беда и радость.

– Вот-вот, только беда общая. Радость у него видно на стороне, – продолжала бубнить Баба Маня.

Катя вздыхала и уходила к себе в комнату.

Через неделю среди ночи снова раздался тревожный телефонный звонок. Сердце у Кати очень сильно застучало. Она схватила трубку, на другом конце провода молчали, слышно было, что в трубку кто-то дышит и хихикает, неожиданно женский голос произнес:

– Муженька встречай в семь утра. Он с любовницей. Купе восьмое, вагон третий Москва-Питер.

В трубке послышались короткие гудки.

Что-то голос до ужаса знакомый, – подумала Катя, – что это все значит, никуда я не поеду.

Но ровно в семь ноль-ноль Катя уже бежала по перрону, сталкиваясь с прибывшими пассажирами. Катя выискивала в толпе Никиту. Но его нигде не было видно. Она забежала в третий вагон, подошла к восьмому купе, и чуть не упала от увиденного. В купе Никита нежно обнимал Анну. Она спрашивала его, любит ли он ее. Он отвечал, что очень сильно любит».

Никита стоял спиной к Кате, Анна подняла глаза, увидела ее, ехидно подмигнула Кате и помахала рукой, чтобы та зашла в купе.

Катя задыхалась от предательства мужа. Она схватила побольше воздуха в легкие и рванула к выходу.

По перрону она бежала, ничего не видя, только повторяя одну и ту же фразу: «Единожды предавший, предаст тебя еще раз, единожды предавший, предаст тебя еще раз.».

Навстречу ей, расставив руки, бежала Яна.

– Куда несешься, успеешь еще трудовую забрать!

– Какую трудовую? – удивилась Катя.

– Ты что не в курсе, редакцию «прихватизировал» твой Игорь Сергеевич Севрюк, а нас всех на улицу.

Терентьев плачет, трудовые и сэкономленные за год деньги отдает сотрудникам.

Катя думала, что все это ей снится.

– Как отдает сотрудникам?

– Как-как, со слезами. Он сам в шок…, – не успела Яна закончить фразу. В это время мимо них проходил счастливый Никита, в обнимку с Анной. Он к ней наклонился, что-то весело рассказывал на ушко, в руках держал ее багаж. Они были заняты друг другом и никого вокруг не замечали.

Яна посмотрела им вслед круглыми глазами.

– Что это? – спросила она удивленно.

– Я с Никитой развелась, – соврала Катя.

– Он что, с Анной теперь?!

– Да.

– Вот, гад. Говорю тебе, они все кобели. Я за билетами иду, мы с Андреем в Курск уезжаем. Мы никому не говорили, что дом там строили. Ну ладно, подруга, пока, не переживай. Может, ты с нами в Курск?

– Спасибо, мне нужно еще кое-что выяснить, – сказал Катя невпопад, и побежала к выходу.

Катя не знала, что делать. Боль царапала сердце и рвалась выйти наружу. Слез не было. Была только одна огромная пустота и больше ничего. Катя не помнила, как взяла такси, как решила поехать и рассказать все Юре. Он был единственным ее верным другом.

Был обеденный перерыв и Юра всегда в это время находился в кафе «Старый друг».

Катя поехала к нему за советом. Она не знала, как дальше жить.

Но когда она подъехала к кафе, то увидела, припаркованную красную иномарку Анны. Окно в такси было открыто, Анна прижалась к заднему сиденью, чтобы ее не заметили.

Из кафе выходили, смеющиеся, – Анна и Никита. Он игриво ее обнимал, пропуская вперед. А следом за ними шел улыбающийся Юрий Саммуилович.

– Провалили дело и радуются. Игорь Сергеевич будет недоволен, что Катька еще жива, – заметил он Никите. – Таня позвонила ей ночью, вызвала к вам в купе поезда, все сделала чисто. Вам оставалось только убить ее.

– А что я могла сделать, – ответила, поднимая плечи Анна. – Я действовала точно по инструкции.

– В любовь вы играли, а не по инструкции действовали, – кричал Юра.

– Шеф, мы уже и яда подсыпали в чай, все как вы учили. Если бы Катька не захотела выпить, мы залили бы ей силком. Но она не зашла в купе.

– Я тоже думал, что она, как нормальная баба, начнет истерить, драться бросится. А мы дверь закрыли бы и все, – зло произнес Никита. – Но она так быстро убежала, что мы не поняли даже. Ну почему я не могу убить ее дома? – нервно спросил Никита.

– Потому что у тебя алиби должно быть, что ты в командировке. И ничего не знаешь, я для чего тебе отмычку от двери тамбура дал, чтобы вы свинтили оттуда, как только сделали свое дело. Вы в поезде ехали по фальшивым паспортам?

– Да, нам Игорь Сергеевич их дал.

– Вот– вот, а что я ему теперь доложу? – орал Юрий Саммуилович. – Что он до мелочей все продумал. А вы операцию сорвали.

– Давай я ее дома сегодня отравлю, вдруг она никому не рассказала, что я приезжаю сегодня.

– Да, выхода нет, придется, рисковать, – зло сплюнув произнес Юрий Саммуилович. – Только тогда придется убирать всех, – детей и бабку.

– Я смогу это сделать с радостью, – заявила Анна уверенно.

– Хорошо, Катьку нужно кончать, тянуть дальше нельзя, думаю, вы вдвоем справитесь, – подвел итог Юра, и пошел обратно в кафе «Старый друг».

Молодой водитель такси сидел и пританцовывал под музыку, звучащую у него в наушниках. Катя, как глухонемая, толкнула его в плечо показала, везти ее обратно.

Водитель удивленно посмотрел на Катю, вытащил один наушник и спросил: «Вы передумали выходить?»

– Да, – ответила Катя, везите меня срочно к Ледовому озеру.

Катя бегала по квартире и собирала вещи в спортивную сумку. Она поторапливала бабу Маню и рассказывала ей на ходу, что с нею произошло.

– Ничего, дочка, в Питере спрячемся, город большой, – твердила баба Маня.

Баб Маня быстро одела детей и сказала, что они едут к ней в гости, в большой город Питер. Дети запрыгали и счастливые стали складывать свои любимые игрушки в рюкзаки. Они были рады тому, что поедут в Питер на поезде.

Таксист ждал терпеливо возле подъезда так же пританцовывая под свою любимую музыку, которую никто не слышал. Катя попросила водителя быстро ехать на железнодорожный вокзал.

– Баб Маня, вы покупаете билеты на любой проходящий через Питер поезд. А я в редакцию, за документами и деньгами, – давала распоряжение Катя.

В редакции все было разбросано. Катя осторожно переступала через подшивки газет, рулоны верстальных полос, испуганно оглядывала «Северное Сияние», которое на глазах угасало.

– Михаил Михайлович, что все-таки произошло? – спросила Катя, забирая трудовую книжку.

– Катенька, забрали у меня мое детище, забрали, сволочи, – не переставая причитал редактор, – депутат московский рейдерский захват устроил. Место ему приглянулось, – центр города. Сказал, что здесь будет другой орган СМИ, – развлекательный Торговый Центр». -так и сказал. Все, говорит, поразвлеклись, теперь мы будем. А мэр с ним заодно, такой сволочью оказался. Никогда не думал, что он такой гад. Стоит рядом, ухмыляется.

Катя быстро получила деньги, поцеловала редактора, забрала свои рукописи романов из типографии, где верстались по одной главе ее творения, и быстро побежала на вокзал.

Глава 68

Питер, как всегда встречал Катю с распростертыми объятиями в виде морозного солнечного дня.

– К моим знакомым ехать нельзя. К вашим тоже, – уверенно заявила Катя, – Никита нас сможет вычислить там. – Будем снимать жилье.

Катя увидела женщин, которые стояли с табличками и предлагали посуточное счастье. На долгое время никто не соглашался его дать.

– Да еще с маленькими детьми, – недовольно отказывали квартирные дельцы.

Катя увидела женщину, которая очень внимательно рассматривала ее.

– Наталья Владимировна, это вы?! – удивилась Катя.

– Катюша, – заулыбалась бывшая ректор Питерского Университета, – какими судьбами к нам? Да еще с такими ангелочками.

– Кризис, в Мурманске работы нет. Вот решили в Питер перебраться.

– А, понимаю, понимаю. – Меня вот знакомые попросили комнату на Лиговском проспекте сдать, недалеко от Московского вокзала. Пойдем, покажу, если устроит, снимете.

– Уже устроила, – засмеялась Катя. – А где Миша?

– Миша живет теперь заграницей. У него там новая научная работа. Он у нас теперь доктор наук с мировым именем.

– Я рада за него, – сказала Катя и улыбнулась. – Я очень часто вас вспоминала. Лучше бы я тогда вас послушалась и осталась в Питере.

– Да, судьба давала тебе знак. А ты, – нет, в Мурманск хочу, – засмеялась Наталья Владимировна. – Ну что, убежала от судьбы?

– Больше никуда не побегу. Я Питер люблю. Он меня тоже. Остаюсь здесь навсегда, – уверенно заявила Катя.

Наталья Владимировна отдала ключи от квартиры, выпила с ними чайку и побежала дальше на свою подработку, рассматривать лица приезжающих и провожавших.

На следующий день Катя шла по Невскому проспекту, осторожно ступая на асфальт.

«Здесь прогуливался Достоевский, Гоголь, Пушкин, Лермонтов и я», – улыбалась своим мыслям Катя. – Как я люблю тебя, Питер! Ты один мне не изменяешь! – грустно вздохнула она.

Душа рвалась ввысь, Катя посмотрела на небо и заметила, что оно немного выше, чем в Мурманске. С небом у Кати была

связующая нить. Она всегда думала о том, что оно, как одеяло укрывает всю землю. И лежим мы под одним одеялом все вместе, невзирая на вероисповедания и границы. Небо одно на всех.

В руках Катя несла толстую папку со всеми своими романами и рассказами. Она несла их в Издательство на Морской.

– Добрый день, обратилась она к издателю.

Мужчина был небольшого роста, лысоват, но глаза светились таким умным, добрым светом. Так бывает, что человек настолько образован, что светится интеллектом и окутывает своими знаниями других.

«Психолог», – подумала Катя, – Вон как внимательно рассматривает меня».

– Я принесла вам мои романы и сборник рассказов, – «Где же ты, правда?!»

– Вот как?! И где же она?! – спросил издатель, улыбаясь.

– Правда в нас самих, в нашей жизни», – вздохнув ответила Катя.

– Согласен. Меня зовут Иван Ильич. Вас, вижу, зовут – «К. Правдин». Это псевдоним?

– Да. А зовут меня Екатерина Евгеньевна.

– Мне нравится псевдоним, – улыбнулся Иван Ильич.

– Мне тоже, – поддержала его Катя.

– Ну что ж, оставляйте свою папочку, я ознакомлюсь с вашими работами, позвоните мне на следующей неделе, – протянув визитку, произнес издатель.

Катя счастливая бежала обратно домой и увидела на автобусе объявление, что требуется экскурсовод со знанием английского языка. Она записала телефон. И на следующий день уже работа стажером по «Невскому проспекту. Это была обзорная экскурсия для иностранцев, которые любили ночные экскурсии по маршруту, – «Исторический Центр». В этот маршрут входил Невский проспект от Казанского собора до Александро-Невской Лавры и обратно мимо Марсового поля, Летнего сада, по Миллионной улице к Казанскому собору.

Работу Катя знала хорошо. Ее устраивали ночные экскурсии, потому что днем она пыталась заработать торговлей. Ей нужны были живые деньги. Она скупала вещи на Апраськe, – центральном рынке города, и продавала тут же у метро «Сенная площадь». Этому научила ее попутчица в поезде. Она сказала, что этим сейчас все живут. Когда Катя стояла с очередным красивым сарафаном, она очень стеснялась и бубнила себе под нос, опустив глаза на обувь. Никто из прохожих ее не замечал.

Баб Маня приехала с детьми ее поддержать и посоветовала быть посмелее. Она показала Кате мастер класс и орала в ухо

прохожим, внушая им, что они очень хотят купить этот сарафан. И те благодарили ее за то, что им об этом напомнили. Когда Катины конкуренты стали прогонять ее с места, Катя дала им такой отпор, что они поняли, что лучше не иметь с нею дела. Катя знала, что ей нужно выжить во чтобы то ни стало. Она помнила одно, что за ее спиной двое маленьких детей и старушка. Им не на кого больше надеяться, кроме как на нее. Катя вышла немного вперед из общей линии торгашей и стала громко нахваливать свой товар.

– Подходите, покупайте, батистовый хлопок, лечебная ткань, дышащая! Будете носить и меня вспоминать добрым словом. Летом они будут еще дороже!

Покупатели стали останавливаться, изучать лечебный сарафан. И у Кати дела пошли в гору. Она стала успешной «бизнесменшей», как она смеясь, говорила баб Мане. А ночами сидела возле окна под светом уличного фонаря, чтобы не будить детей и Баб Маню, и строчила свои романы. «Господи, сделай так, чтобы меня надолго хватило», – просила Катя, когда писала свои рассказы про коллег по уличной торговле. Она работала без выходных, спала по три часа. И, конечно, боялась, что свалится, не справившись с очередными трудностями.

Баб Маня вздыхала, глядя на Катю, и думала, чем же ей помочь.

Однажды Катя бежала после первой работы домой перекусить. Она очень торопилась на ночную экскурсию.

Во дворе, где обычно в песочнице игрались Максим с Кристиной, она увидела огромную очередь. Катя подошла и удивилась, – баб Маня набирала из тазика стакан семечек худенькому студентику и причитала: «Внучек, ты своим скажи, что у бабки соленые семечки фирменные, очень вкусные и дешевые, пусть тебе денег побольше дают, а ты ко мне приходи и на всех будешь брать. Я тебе за это бесплатно полный карман сыпать буду».

– Отлично, бабуля, начинаем бизнес!

– Это что такое? – спросила Катя, улыбаясь.

– Пизнесменша я тапереча, – гордо заявила баба Маня. – Ты мне купи еще ниток шерстяных ярких, буду носки студентам вязать.

Носки, как ни странно, приносили тоже хорошую прибыль. Баб Маня сидела с ними возле Московского вокзала и предлагала взять на подарок, забывшим второпях о ближних. Детей они определили в ближайший садик, Наталья Владимировна помогла, по старой дружбе. И Катя с баб Маней стали настоящие бизнес-лошади. Потому что пахали, как мужики, говорила баба Маня,

завязывая в узелок деньги. Кристина игралась с клубком ниток в теплой комнате на Лиговском проспекте. А Максим уже зарабатывал, на леденцы, поливая соленой водой баб Манины семечки.

– Мамуля, а когда папа приедет, – интересовалась Кристина. – Он уже заработал деньги на своем пароходике?

– Скоро приедет. А куклу обещал прислать почтой.

– Ура! – радовалась Кристина и бежала хвастаться Максиму. Он тоже хотел получить машинку почтой и Катя обещала, что папа ему тоже пришлет.

– Сыночек, конечно, пришлет тебе машинку, – обещала Катя, – ведь ты у меня самый лучший, одна надежда не тебя! – хвалила Катя сына.

– А на папу? – удивленно спрашивал Максим.

– И на папу, – говорила Катя, вздыхая.

На рынке к Кате подошел местный «рекетмен», – как говорила баб Маня. Он крутил возле ее лица ключами от своей иномарки.

– Ну что, красавица, гони полтинник.

– У меня еще нет.

– Снимай цепочку, работать не дам, слышишь?

Катя презрительно на него посмотрела и сказала, глядя в глаза:

– А кто ты по национальности, цыган?

– Что ты сказала, мразь?! Все, больше стоять вообще не будешь.

– Правда выжигает глаза? Чем ты от цыганей, которые подаяния просят, отличаешься? А словом каким противным называешься – «Рэкет». Работать не пробовал? – надсмехалась над ним Катя.

Торгаши хихикали, наблюдая за этой сценой. И удивлялись тому, что Катя его не боится. Кто-то из толпы пошушукал, что она из бывших прокурорских. Рэкэтир, здоровый детина, от такого напора Катиного, даже немного спасовал и уже тише произнес:

«С тебя двойной тариф, долялякалась».

Он схватил Катину сумку с товаром и потащил ее к машине.

– Дарю! На бедность твою! – крикнула ему вслед Катя, развернулась и пошла к метро.

На следующий день все торгаши уже договаривались с «ментами», чтобы они были их крышей. Они обещали платить исправно только вдвое меньше, чем Рэкету-спортсмену. У которого голова была похожа на помятый баскетбольный мяч, такого же размера, а нос свернут набок, зубы выбиты. Это был типичный представитель их нищенской организации, – «Вышибалы». Так их называли за спиной, или – «Рэкет». Все

поголовно носили знаки отличия, – темно-вишневые пиджаки и цепи. Видно соскучились за женским туалетом и потихоньку из мужчин превращались в баб. Вот тогда-то и начали развиваться гейменьшинства, видно им очень нравились цветные пиджаки.

Катю на Апраське все сразу зауважали. Называли ее «Королевой рынка» и старались подсунуть ей товар поинтереснее и подешевле.

Глава 69

Дети ходили в детский сад рядом с домом с удовольствием. Им очень нравился Питер.

– Мама, а здесь детский сад лучше. Здесь есть даже бассейн, – восхищенно делился новостями Максим, надевая новый махровый халат с капюшоном. Кристине тоже очень нравился город. Она ходила, нюхала цветочки и пыталась пританцовывать, гуляя по Екатерининскому саду.

Баб Маня продолжала торговать семечками и вязанными носками. Это была своего рода подработка. У них с баб Маней была цель купить хотя бы маленький ларечек на рынке, чтобы не стоять на улице. Они бросили все силы на осуществление этой мечты. Катя хотела открыть магазин для малоимущих, которых в это время стало намного больше.

Но однажды пробегая по Невскому проспекту, ее окликнула Яна. Катя очень обрадовалась, увидев подругу. Яна поделилась с нею последними новостями. Рассказала, что в Курске нет работы, что она теперь тоже на вольных хлебах. И, самое главное, что ее Андрей ушел в море вместе с Никитой в Аргентину на восемь месяцев.

– Не может быть, он же устроился работать в Прокуратуру?! – удивлялась Катя.

– Там не платят тоже. Наверное, Анна его заставила уйти в море. Она же деньги любит больше жизни, – не забыла напомнить Яна. – Я тебе точно говорю, что они в Аргентине стоят в ремонте. И будут там восемь месяцев.

Катя просила Яну, ничего не писать своему мужу про нее, особенно просила не говорить ему, что она в Питере. Яна обрадовалась, что Катя работает экскурсоводом и прицепилась с нею на экскурсию. Заодно похвасталась, что теперь работает фотографом и на мыльницу снимает иностранцев на речной экскурсии. А затем тут же на скорой печати в ларьке делает снимки и продает их иностранцам. Яна уговорила Катю поработать снять ее туристов перед экскурсией тоже. Она клялась, что это не займет много времени. Катя не смогла отказать подруге и Яна стала приходить к Казанскому собору каждый день, продолжая фотографировать Катиных туристов и раздавать по окончании экскурсии готовые фото. В скором времени она перебралась жить к ним на Лиговский проспект, потому что платить за комнату было на троих выгоднее. Баб Маня, как всегда, ругалась с Янкой и обзывала ее фашисткой. Но Катя мирила их и смеялась, что они ведут себя, как дети.

Наконец-то, они решили все вместе сложится и купить ларек на Апраське. Яна сказала, что будет так же складываться на товар и прибыль, конечно, делить пополам. Пришла зима, цены на ларьки упали и они смогли купить маленькое помещение на рынке.

В свой первый рабочий день в собственном ларьке, Катя счастливая приехала на рынок.

Глава 70

– Слушай, Катька, – закричала, заскакивая к ней в ларек Яна. – Я знаю, как заработать очень много денег.

– Я не хочу очень много, я хочу, чтобы было столько, сколько нужно.

– Ну ты, как была дура, так и осталась. В наше время видишь, что может произойти. Ты можешь остаться без работы, без средств существования, нужно откладывать на черный день!

– А зачем его приближать этот черный день, лучше откладывать на светлый, – смеялась Катя.

Катя опять сидела в ларьке над своими рассказами и набирала текст на компьютере, который недавно приобрела.

Яна ходила вокруг нее и продолжала возмущаться.

– Вот скажи, зачем тебе эта писанина? Ты хоть копейку за нее заработала?

– Еще нет, но обязательно заработаю, – утвердительно заявила Катя. – Что ты хотела мне предложить? – перевела Катя тему разговора.

– Я знаешь, что подумала, нужно бомбить школы и детские сады.

– Как это бомбить? – испуганно посмотрела Катя на подругу.

– Это, значит, ты будешь бегать по классам, рекламой зазывать учеников, а я буду фотографом – художником, снимать буду группы и портреты на альбомчики выпускные.

– Хорошая идея, а почему бы не сделать альбом с виньетками цветными – спросила Катя.

– Ты что дура, их еще никто не придумал. Цветные виньетки она захотела. Если бы мы могли это сделать, мы бы стали миллионершами.

– Давай, попробуем сделать их. Хотя бы попытаемся стать миллионершами.

– Слушай, а это идея! Давай ими станем, что мы хуже всяких там Березовских и Абрамовичей? Завтра пойдем к Менялам, сдадим валюту и купим хорошую оптику, начнем пробовать.

– Будем первопроходцами в фото-бизнесе! – поддержала подругу Катя. А вдруг и правда получится?!

– Если за дело берется Яна, то все получится! – гордо произнесла подруга.

На следующий день они пошли к Гостиному Двору искать валютчиков. Менялы отличались от людей тем, что были все коротко-подстриженные, ходили в кожаных куртках и обязательно с цепями имели мощный золотой браслет на

запястье. Они все ходили под одной статьей. Естественно прятались и думали, что ничем себя не выдают. Хотя их видно было за километр. У Яны был один знакомый «Меняла». Она быстро его разыскала, попросила Катю постоять на «стреме», – как она сама выразилась и побежала менять валюту на рубли.

Это был хороший бизнес в то время. Разница между покупкой и сбытом была огромная. Именно эта разница и давала «Менялам» шанс безбедно жить, пока они еще не были в Зоновском санатории.

Катя оглядывалась по сторонам, иногда поглядывая на подругу, которая считала деньги.

Неожиданно «Меняла» повернулся, и Катя увидела Виктора, личного телохранителя Игоря Сергеевича.

«Неужели Игорь Сергеевич в Питере?», – молнией пронеслось в голове у Кати. Она махнула Яне, чтобы та к ней подошла. Но Яна в это время уже объясняла Виктору, что это действительно Катя и очень удивилась, что они знакомы.

– Откуда ты Виктора знаешь? – удивленно спросила она, подойдя к подруге.

Но Катя краем глаза видела, что Виктор дал знать другим отморозкам, чтобы они следили за девушками. Катя схватила Яну за руку и потянула в сторону. Бандиты следовали за ними.

– Яна, это мои убийцы, – быстро сказала Катя. – Они идут за нами.

Яна оглянулась и помахала Виктору, как бы прощаясь с ним. Девушки побежали по Невскому проспекту в сторону Московского вокзала очень быстро. Катя схватила Яну за руку и слилась с толпой, которая повернула на светофоре в другую сторону.

Катя и Яна быстро перебежали переход и рванули в сторону Дворцовой площади. Они видели, что Виктор с подельниками потеряли их из виду.

Но Катю это не успокоило, и она решила отсидеться до ночи в библиотеки Маяковского. Она точно знала, что их там искать не будут.

Когда они оформили читательские билеты, уселись в огромном зале и попросили принести литературу по фото-делу. Проходя мимо молодого человека, Катя увидела у него в руках яркую красивую книгу, на которой была нарисована дорога в никуда, по ней шла одинокая женщина, и огромными буквами на обложке было выведено название: «Где же ты, правда?».

Катя удивленно посмотрела на юношу, спросила у него, что это за книга. Он посоветовал ей прочесть этот сборник рассказов, сказав, что ничего подобного раньше не читал. Он сообщил Кате, что это очень интересная книга.

– Катька, так это же твоя книга? – прошептала Яна на ухо Кате. – Тебя что напечатали? Поздравляю!

– Спасибо, – ответила Катя и вспомнила, что она забыла позвонить издателю.

На следующий день, Катя забежала на Морскую, спросила, как обстоят дела с рукописями. Иван Ильич очень обрадовался Кате, обнял ее, как старую знакомую.

– Наконец-то объявилась, я уже думал в розыск подавать. Давай, ставь подписи на всех договорах. Я тебя издаю за свой счет. Думаю, что в тебе есть потенциал. Будешь работать на меня.

Катя подписывала, не читая, все документы. Она доверяла этому доброму человеку, который был со светлой энергетикой. Она теперь научилась распознавать этот свет, исходивший от людей. Это был светлый человечек.

В кабинет в это время заскочил Женя – риелтор. Тот самый, который сбил Катю, когда она бежала первый раз сдавать свои рукописи в издательство. Он натолкнулся на нее и все листочки разлетелись по Невскому проспекту. Тогда он еще очень извинялся и бегал, собирая эти рукописные творения.

– Наконец-то нашли! – весело сказал он.

Помимо риелторской службы, Женя подрабатывал курьером в Издательстве. И относил нужные документы и договоры заказчикам поставок в Дом Книги. Он всегда был в центре всех событий.

– Ну что, Катя, поздравляю, вас покупают очень хорошо, – сообщил он. – Такого успеха у нас давно не было.

Катя счастливая смотрела на ребят.

– Спасибо большое! – радостно произнесла она, – это случайно не сон?

Нет, это происходит сейчас и с вами, ущипнуть вас? – засмеялся он. – Если так дела пойдут, вы быстро себе дом писателя заработаете, – сказал Женя уверенно. – Может начать уже подбирать?

Катя засмеялась, махнула рукой в сторону Жени.

– Хватит шутить надо мной. «Дом писателя», – это мечта всей моей жизни и чтобы обязательно с английским кабинетом, – попросила она, улыбаясь.

– Само собой! – ответил Женя и предложил подвести ее до дома.

Катя сразу согласилась. Ей последнее время везде мерещился Игорь Сергеевич. Она была очень осторожна, старалась поменьше ходить по улицам города. Благо Яна тоже купила «Постамент», – как она называла свою старенькую шестерку, всю загрунтованную и сто раз перекрашенную, с номерами, – «Три Шестерки». Она

тоже возила Катю на работу и с работы.

Единственная радость была у Кати, что она набирала с каждым днем гвардию новых читателей. Они передавали друг другу новости о новинках, рекламировали ее работы между собой. Катя не успевала писать. Благо жизнь подбрасывала новые сюжеты. Она относила рукописи в издательство. Иван Ильич правил их со всей строгостью и указывал Кате на ошибки. Таким образом, он был ее «Сэнсэй», как она его называла. Вместе они продумывали фабулу нового произведения, согласовывали ее и Катя продолжала вести героев по роману дальше. В общем, издатель был доволен ее работой.

К тому же, как из рога изобилия, стали сыпаться на Катю деньги от их фото-бизнеса. Они с Яной все же стали первопроходцами, и научились делать цветные виньетки для выпускным альбомчиков. Правда, пришлось помучиться, чтобы этого достичь. Они клеили маленькие портреты на ватман, на компьютере набирали полукругом фамилии учеников, расклеивали виды Питера вокруг портретов, и пробовали фотографировать этот кусок бумаги двумя зонтами. Как у них хватило терпения дойти до конца, они сами не понимали.

– Один метр, двадцать пять сантиметров! – кричала Катя, отсчитывая расстояние между зонтом и ватманом.

Яна фотографировала и называла Кате номер кадра. Та все записывала в толстую тетрадь и снова кричала:

– Полтора метра ровно!

Сколько переведено было пленки на эти пробные кадры?! Страшно было представить.

Катя засмеялась и провела аналогию между своим писательским творением и фото-бизнесом.

– Вот так и я пишу свои романы, – говорила Катя и цитировала Яне Владимира Маяковского: «Изводишь единого слова ради, тысячи тонн словесной руды», и тут же перефразировала, смеясь: «Изводишь единого кадра ради тысячи пленок, снимая шедевр!».

И, действительно, счастливый момент все же настал.

– Есть! – кричала Яна, тыча пальцем в один единственный четкий кадр!

Катя посмотрела и запрыгала от радости возле нее.

– Ура! Получилось! – ликовали девочки. – Победа! Мы – миллионерши!

Отложив все дела в сторону, «миллионерши» с огромными сумками фотоаппаратуры бегали из школы к школе, от детского сада до следующего детского сада. Катя носилась по этажам вверх– вниз, показывая образцы красивых выпускных альбомов.

От клиентов не было отбоя. По утрам, закрывшись в комнате на Лиговском проспекте, они высыпали деньги на стол огромной кучей, и раскладывали их по купюрам. Это было самым приятным занятием, после трудовой ночи. Ведь печатались они только по ночам, потому что днем печатали, – «Улицу». Так назывались любители фотодела. Катя с Яной были профессионалами. К ним подходили конкуренты, грозились повыдергивать миллионершам ноги, пытались узнать секреты их фото-мастерства. На что девочки отвечали, что приобрели специальную насадку на фотоаппарат за бешеные деньги. Они, конечно, врали. Их аппаратура состояла из двух мужских зонтов, обшитых внутри белым атласом, как посоветовала Баба Маня, и фотоаппаратом «Зенит». Для фона они купили два куска голубой и розовой материи. Вот и все премудрости их мастерства. Они рано утром, пока дети спали, подсчитывали свою прибыль и вновь бежали зарабатывать свои миллионы.

В магазин наняли продавца, красивую девочку Галю, которая так же была светлой и честной. Она торговала намного лучше Кати. Товар поставляли в магазин вовремя, продавали его малоимущим по самым низким ценам. В нашей стране так заведено, с испокон веков, что малоимущими являются все жители страны. Поэтому магазин тоже процветал. Брали оборотом. Вечерами, за ужином, успокаивали пьяного соседа в коммуналке, который рвался к ним в комнату и ругался на новое правительство. А когда просил на бутылку у бабы Мани, то всегда получал таблетку аспирина на стакан воды.

– Все равно похмеляться придется рано или поздно водой, – орала на него баба Маня, тряся перед его носом палкой.

Он ее только и побаивался, вернее, побаивался Баб Манино «ружье». И всегда повторял, – «Что палкой тоже может убить эта фронтовичка-психичка», – так он называл Баб Маню с Яниной подачи.

Катя с Яной часто вспоминали, как они снимали у нее квартиру в Мурманске, как ругались и как помогали друг другу. Они стали почти родственниками. Катя отдавала свою долю баб Мани на сохранение, так как ее муж был писарем, который – «грамоту знал, читать умел». Она была довольна и говорила, что он отдавал зарплату ее маме, потому что она была безногой.

– Пора вам прикупить красивые зонты, хватит позориться, бизнесменши, – укусила их баб Маня.

Девочки переглянулись и засмеялись.

– Хорошо, завтра приобретем, – пообещали они ей.

Глава 71

Катя старалась помогать всем. Она высылала деньги сестре Маше, которая воспитывала сына одна.

– У меня один единственный любимый мужчина на свете, – говорила Маша по телефону. – Это мой сын, Михаил. И когда он вырастет, он поймет, что его мамочка не хочет ему навредить и поэтому никакого папу ему не приведет. Я – сильная, говорила она всем и я справлюсь сама. Я воспитаю сына достойным человеком и мужчиной с большой буквы.

Катя помогала сестре всем, чем могла. Но денег все – равно не хватало. И, однажды, когда они в очередной раз встретились с сестрой, Катя посмотрела на Машу и ужаснулась. Перед собой она видела, не тридцатипятилетнюю девушку, а старуху. Недосыпание и тяжелая работа сделали свое дело.

– Маша, хватит над собой издеваться. Я тебя очень прошу, нельзя работать на трех работах и превращаться в старую бабку еще в молодости.

– А сама-то не такая?! – смеялась сестра.

– Не переживай. Я в этом году оканчиваю институт, – сказала Маша. – Мне будут хорошо платить, как только у меня будет высшее образование. Да и перед тобой неудобно, что ты тащишь наших детей одна и оплачиваешь полностью обучение танцами. Я что могу со своими копейками, – сказала Маша грустно.

Михаил занимался бально-спортивными танцами. И был очень успешен в этом виде спорта. Не зря при родах она слышала музыку из вальса «Мой нежный и ласковый зверь».

– Машуля, давай подадим на алименты. Но сколько можно ходить с протянутой рукой и выпрашивать у Володи эти копейки. Его Анна больше пропивает.

Скажи ему, что парень растет и требует больших затрат.

Узнав про алименты Анна пришла в бешенство.

– Ты что своему ублюдку, своему сыночку помогаешь? – спрашивала она у Володи. – Если ты дашь ему хоть копейку, я тебя брошу, – орала она на Володю, когда была пьяная.

Проводив своего любовника, – Никиту, в море, она требовала, чтобы Володя ушел в море тоже. Он не мог больше выносить ее пьянок.

А пьяная она была почти каждый день. Под маской пива закладывала в гараже и напитки покрепче. Или придумывала всевозможные поводы для принятия гостей. Всегда, как бы, невзначай, сама напрашивалась в гости то к одним друзьям, то к другим и преподносила это Володе таким образом, что их срочно

нужно тоже позвать. А то как-то неудобно…

И принимала гостей с ответным визитом. И таким образом она обеспечивала себя дозой недельного алкоголя. И каждый день мечтала об одном: «Скорее бы этот Подагрик ушел в море! Чтобы не изощряться в придумывании поводов выпить».

Катя вспомнила Анну, посмотрела на постаревшую сестру и сказала:

– Вот видишь, Маша, почему ты должна тянуть сына одна? Почему Анька пропивает больше, чем ты тратишь на его сына. Почему ты его жалеешь? Он ведь тебя не любит и не хочет даже понять, что тебе одной очень тяжело воспитывать ребенка.

Вот уже шесть лет он тебе платит от случая к случаю, а ты, превратившись в бабку, работаешь на трех работах, и все время находишь ему оправдание. Почему не подаешь на алименты? Я тебя очень прошу, подумай о себе и о сыне.

Володя не очень сильный духом человек. Он полностью заговорен Анькой. Она ведь недавно к бабке опять ходила, с одной моей общей знакомой. Так она просила эту бабку, чтобы та сделала так, чтобы Володя от нее никуда не делся. А бабка ей говорит:

– Я могу сделать, но он тогда долго жить не будет, он проживет у тебя до сорока пяти лет. Анька говорит: «Ну и пусть, мне все равно. Лишь бы все мне досталось одной. Делайте, – говорит, делайте. Пусть только меня одну любит, и ни на кого больше не смотрит».

Наша общая знакомая, чуть со стула не упала, а бабка спрашивает:

– А сколько ему сейчас лет? Анька отвечает: «Тридцать. А раньше нельзя сделать, что б умер?»

Бабка так глянула на нее, и говорит:

– Могу сделать тогда ему останется жить всего три года.

– Ну и пусть, – засмеялась, Анна своим идиотским смехом.

Хватит с него и три года нам нервы мотать.

Тогда бабуля сказала, чтобы она купила замок и принесла ей, а ключ потом выбросила в колодец. И все три года он от нее никуда не денется. А потом помрет.

– Катя, и что она это сделала? – с ужасом спросила Маша.

– Да, сделала. Знакомая говорила, что она на следующий день ходила к бабке и принесла замок. И та ей сделала приворот на Володю.

– Катя, узнай, пожалуйста, кто эта бабку. Давай поможем ему. Я не хочу, чтобы он так рано умирал, – со слезами на глазах просила сестру Маша.

– Маша, – воскликнула Катя. – Так ты его до сих пор

любишь?! Столько лет прошло, а ты ведь его любишь, – с удивлением сказала Катя. – Ты самая счастливая на свете женщина! Ты знаешь, что такое любовь!

Володю от заговора Маша освободила. Она поехала к той самой гадалке и все ей рассказала. Гадалка обещала помочь. И еще гадалка сказала Маше: «Ты – мертвая и поэтому мужчины тебя не видят. У тебя «венец безбрачия» на роду. Но я тебе помогу. Я сниму с тебя эту порчу. Тебе сделала этот венец на безбрачие, по описанию, опять же, Анька выходит, давно сделала пять лет назад.».

– Если честно, – сказала Маша. – Я не верю во все это, вот ты веришь, а я – нет. Только мне, почему – то жалко его стало. Я первый раз в жизни действительно испугалась за Володю.

– И зря, что не веришь! Ты и в Бога не веришь! Человек без веры – мертвый человек, понимаешь? Нужно верить, без веры нельзя жить. – сказала Катя. – На алименты подавай смело, – добавила она. – Это не твои деньги, а сына. Подавай на алименты, не жалей его!

Глава 72

– Девушка, на вас что столбняк напал? – спросили у Маши, когда она пришла получать первые алименты в сбербанк.

– Сколько?! – переспросила Маша.

Она не поверила услышанному. А про себя подумала: «Может это ошибка какая – то?! За шесть лет я получила всего пятьдесят рублей от Володи! А за два месяца двести пятьдесят тысяч рублей?!

– Господи, спасибо тебе большое за все! – сказала Маша.

Анна была ужасно взбешена, когда узнала, что Маша получила алименты.

– Сука! – кричала Анна. – Родила без мужа, да еще умудрилась алименты высудить. Вот твои, хваленые друзья! Помогли ей – это точно! Без твоего дружка, Никиты, вряд ли она получила бы эти деньги. Точно прокуратура помогла. Анна была очень зла на Никиту, который ушел в море, после того, как получил задание убрать Катю, предоставив все сделать ей и Юрию Саммуиловичу.

– Я значит, этого «подагрика» терплю, а она, дрянь, на всем готовеньком! Не справедливо это, – кричала на каждом углу Анна.

Маша окончила институт. После всех своих мытарств осталась работать на своей основной работе. С двух других ушла. Анна продолжала пить и проклинать мужа и Никиту одновременно.

Анне за ее увлечением спиртным было некогда следить за собой. Она превращалась в алкашку. В пьяных беседах Анна насмехалась над своим мужем – лохом, как она его называла и говорила, что он из – за своей жадности, потерял в деньгах на алименты:

– Вот, давал бы этой сучке по пять тысяч рублей в год. Та бы никогда не подала на алименты. Она же, дура, его любит. А как можно такого урода – подагрика любить? – смеялась она над Володей и Машей.

Семен тоже обустраивал свое новое жилище с «молодой» женой. Девушка была лучшей подругой Анны. Неприятная внешность невесты Семена компенсировалась, тем, что она хорошая хозяйка. После сорока лет найти хорошую жену было уже нелегко. Потому что все достойные женщины были уже замужем и приходилось довольствоваться тем, что осталось. Вот и жена Семена выглядела не лучшим образом. В таком случае, в народе говорят: «Перебирал, перебирал, и что негоже взял». У его

жены были желтые выжженные волосы, маленькие свинячьи глазки, близко посаженные к носу и очень безобразная квадратная фигура.

Она ко всем своим недостаткам была очень жадная и хитрая. Наташа, – так звали его жену, устроила Семену истерику и заставила его ходить в море, якобы там он больше заработает, чем на берегу. А на самом деле, ей нужна была полная свобода в ее гулянках с партнерами по строительному бизнесу, в котором она числилась риэлтором. Хитрая жена уговорила Семена продать все заработанные им до брака квартиры и купить домик в деревне, уже будучи, замужем. Как только это произошло, она тут же стала требовать развода с Семеном и свою долю. Ребята не знали, что произошло в семье Никиты. Они думали, что Катя уехала на юг к родителям, пока Никита будет в море. Анна продолжала приходить к ним в гости с бутылкой, шушукалась с женой Семена, и смеялась над дебилом – мужем. Пока не исчезла из его жизни совсем. Она получила новое задание от Игоря Сергеевича, – ей срочно нужно было выходить замуж за Виктора, его охранника, который все еще любил ее…

А Володя хотел возобновить отношения с Машей, но ему было стыдно, что он оставил ее с ребенком одну. За Машу ему отомстила его собственная жена. Однажды он пришел с работы, дома Анны не оказалось. Мало того, что она забрала все вещи из квартиры, золото и деньги, она еще продала машину, которую он купил для нее, квартиру и просто исчезла с охранником Игоря Сергеевича, – Виктором. И переехала жить в Питер. Но Катя этого не знала…

У Кати в Санкт – Петербурге жила самая близкая подруга детства. – Рита. Та самая, в судьбе которой Катя сыграла не последнюю роль. Та самая, которую Катя забрала беременную из их маленького городка Михайловска и привезла в Ленинград. Никита тоже про нее знал. И поэтому Катя не решилась к ней поехать тоже. Хотя часто вспоминала своих друзей детства.

Судьба Риту и Игоря тоже испытывала на прочность. Рита испытание выдержала. А вот Игорь – нет. Город они завоевывали вместе. Конечно, было много трудностей. Рита в данный момент работала заместителем главы администрации по хозяйственной части города Санкт – Петербург. Причем работать начинала она дворником этого самого любимого города. Игорь был ведущим хирургом. Он окончил первый медицинский институт.

Но судьба – злодейка повела его по легкому пути алкоголизма, – выпил и забыл о проблемах. Протрезвел, увидел, что их поприбавилось и снова выпил, и снова забыл. И так до тех пор, пока он не развелся с Ритой, которая тянула двоих детей

сама. Пока не нашел свою смерть в подвале одного из домов на окраине любимого города.

А Рита и сейчас живет в квартире, где у них была их дворнецкая комната. Но теперь вся трехкомнатная квартира в центре Питера принадлежала только ей. Она ее заработала честно, своим трудом, не испугавшись трудностей. В этой квартире так и осталась «коммуналка», – как она говорила. Только в ней жили Ритины две дочки с мужьями и детьми. А Рита дохаживала свою строгую и больную маму, которую вместе с папой давно перевезла из Михайловска в Питер. Папа Риты умер, а мама все такая же строгая и красивая женщина воспитывала Риту и ее детей.

Однажды Катя в метро случайно увидела Риту и вторую подругу Ольгу, с которыми дружила в детстве. Она хотела броситься к ним на шею, но подумала, что это очень опасно, за нею могут следить люди Игоря Сергеевича, и она может навредить им. Катя быстро отвернулась от подруг в другую сторону и вспомнила, как сложилась жизнь у Оли. Ее муж Петр был крестным отцом Максима. В отличие от своих подруг, Оля работала в школе и не предпринимала никаких авантюрных действий в своей жизни.

Замуж вышла не по любви за шофера, который боготворил ее и больше ничего не делал. Тридцать лет строил для любимой дом, а любимая жила в сыром шалаше – хатке и подрабатывала репетиторством на хлеб с макаронами. Неудачная в молодости любовь к другому русскому парню вылилась в трагедию всей ее жизни. Оля была карачаевка по национальности. У нее было пять родных братьев и три родных сестры. В те времена выйти замуж за русского мужчину было сверх предательством для нации. И родственники отказались от нее на добрых шесть лет. Когда ее младшему сыну исполнилось четыре года, а старшему сыну – семь лет, только тогда ее пригласили в гости с детьми в родовое гнездо. Простили и приняли в семью. Родственники помогали всем, чем могли выживать влюбленной паре. Резали баранов, делали сыры и айран и подкармливали непутевую родственницу – предателя. На весь род легла печать «неисполнения воли родителей». И она всю свою жизнь корила себя за свой проступок.

Родители были очень уважаемые люди в ауле, видели, что дочь сама себя наказала и очень несчастна в браке. Но, ради сохранения семьи и чтобы у детей был отец, наставляли дочь на путь истинный.

Оля часто брала детей, уезжала к родителям в аул, как ей казалось, насовсем. И после очередного ухода их гордой дочери от русского мужа, отец сажал свою блудную дочь с детьми на

КамАЗ мужа Пети и отправлял домой. Того самого Пети, который приезжал к Кате с Никитой в Мурманск. «Смешанные браки», – это тяжкое бремя для обоих супругов.

Всегда в таких браках очень сложно добиться взаимопонимания людям, у которых разные традиции и разное вероисповедание. В жизненных ситуациях они постоянно испытывают недопонимание друг к другу. К тому же это большая ответственность перед родственниками. Проблем было очень много, – начиная от незнания языка и заканчивая разными мироощущениями.

Но Петр очень любил Олю. А его неумение жить очень раздражало ее. Он не мог добывать все необходимое для семьи. Их полная несовместимость характеров привела к такому печальному итогу – тридцатилетней стройке дома.

Ранний уход из жизни родителей Оли, именно тем числом, когда у Оли с Петей была свадьба, для Оли казалось было не случайным. Оля всегда говорила, что они даже в день смерти хотели показать, что были против ее замужества.

Катя вздохнула, посмотрела на подруг и подумала: «Когда все это закончится, я обязательно приглашу их к себе в гости в дом писателя.».

Катя улыбнулась своим мечтам и стала звонить банкиру, в чей банк они с Яной положили деньги.

Яна хотела купить машину, она сказала, что ее «Постамент» уже рассыпался на ходу. А Катя решила купить в ипотеку квартиру, чтобы не платить за коммуналку на Лиговском.

Яна нашла банкиршу Вику, которая принимала от них деньги в банк, когда они заработали на фотографиях. Та пообещала выдать им их единственные сбережения. Но что-то пошло не так.

Банкир был очень серьезный человек. Он убедил Катю, что она получит деньги первой. Слушая голос банкира по телефону, Кате показалось, что она его уже где – то его слышала. Она очень удивилась такому совпадению. Понимая всю серьезность положения, он дал ей слово джентльмена.

– Вы понимаете, – сказала ему Катя. – Моя знакомая Вика, которая рекомендовала мне ваш банк, заверила меня, что вы очень надежный человек и сказала мне, что вы все знаете о покупке квартиры и машины для моей подруги.

– Конечно, Екатерина Евгеньевна. Вы не переживайте, – сказал банкир по телефону. – Вы получите деньги первыми.

– Виктория, я тебя очень прошу, позвони ему, – попросила Катя.

– Сейчас позвоню, – быстро добавила новая знакомая. – Он же знает, что вам срочно нужны деньги. Ведь обещал, что вы будете

первыми. Знаешь, он начинает меня злить. Я ему десять человек привезла таких как ты предпринимателей. А он что – то темнит, нервно набирая номер телефона, – тараторила Вика.

– Мне тоже все это очень не нравится, – произнесла, задумавшись, `Катя. – Меня раздражают мужчины и женщины, которые не держат слово. Люди иногда ведут себя так, будто им не стыдно за свои поступки.

Мимо них прошла женщина, остановилась и с интересом посмотрела на Катю. Она пристально посмотрела на нее и узнала в ней Татьяну, – жену Игоря Сергеевича, которая была бухгалтером всех его кооперативов.

Когда в Мурманске Юра открыл Кате правду о том, что она всего – навсего дешевый донор, Катя только тогда узнала, что Таня, ее бывшая подруга и хозяйка ресторана в Коле, – его жена, которую он «похоронил»…

Прошло столько лет Татьяна сделала неудачную пластическую операцию, поэтому Катя не сразу ее узнала. А вот Владимира, начальника службы безопасности, а теперь управляющего банком, вкладчиком которого она являлась узнала сразу.

«Как тесен мир?! – подумала она, глядя на своих давних врагов. Они поджидали меня здесь.».

Владимир Владимирович подошел к ней и стал убеждать, что она деньги сейчас получит, чтобы не волновалась. Но Катя уже ничего не слышала. Она очень обрадовалась тому, что он не узнал ее. Фамилия у Кати была другая.

– Хорошо, давайте только побыстрее, – заявила Яна.

– Я знаю точно, что он нам денег не даст, – вздохнула Катя, – она увидела, как к нему подошла Татьяна и что-то стала говорить.

– Как это не отдаст, – заорала Яна на весь банк.

– Яна, это банк принадлежит Игорю Сергеевичу, – тихо произнесла Катя.

– Что?! – заорала Яна. – Ты опять меня подставила. Иди, забирай мои деньги. Мне все равно, убьют тебя или нет.

Катя вздохнула, посмотрела на Вику. У той лицо перекосилось от злобы.

– Ну что, девочки, поняли, куда попали? – ехидно спросила она. – Не будешь мою мать вместе с ее пенсией забирать, – сказала Вика, глядя с отвращением на Катю.

– Какой пенсией?

– Моя мать, – Мария Федоровна.

– Баб Маня?! – спросила Катя и только сейчас узнала в Вике ту самую дочь – мошенницу, как баб Маня говорит, – «Мафию».

– Вот в чем дело. Так ты работаешь на Игоря Сергеевича? – спросила Катя. – Теперь я понимаю, почему ты мать на улицу выгнала и все у нее забрала, и откуда он узнал номер телефона, когда звонил на съемную квартиру Никите.

Глава 73

В это время в кабинет управляющего зашел Юрий Саммуилович, он показал Володе пачку фотографий с сожженным трупом и сказал одну единственную фразу: «Тебе привет от Дядюшки! Я за деньгами».

Володя весь побелел, упал перед Юрием Саммуиловичем на колени, и слезно просил, чтобы он не убивал его.

– Я отработаю, я все сделаю, – рыдал Владимир, стоя на коленях.

Но Юрий Саммуилович протянул ему пистолет и так же тихо вышел через потайную дверь.

Татьяна подала какой-то знак Вике и та позвала охранников. Они схватили Катю и Яну, надели на них наручники и потащили в кабинет начальника. Девочки пытались вырваться из цепких лам Бандитов, но их тут же пристегнули к батарее.

Вика сидела, ухмылялась, Татьяна подошла к Кате, зло посмотрела ей в глаза:

– Ну что, подруга, набегалась? – рассмеялась она ей в лицо.

В дверях показался Юрий Саммуилович с Анной и Виктором.

Катя увидела их и подумала: «А где же, Никита? Или они оставили его для последнего прощального аккорда.»

– Яна, не переживай ты так, – успокаивала подругу Катя. – Я попрошу, чтобы тебя отпустили. Им нужна только я.

– Но что поделаешь, ты и так всю жизнь бегаешь от них. – Давай тормози, хватит уже. Разберись с ними навсегда, – поучала подругу Яна.

– Да, ты права! – ответила Катя задумавшись. И стала стучать по батарее наручниками.

– Ты что делаешь, тварь, – спросила Вика зло. – Сиди, тихо, иначе уйдешь на тот свет раньше времени.

Но Катя продолжала сильнее громыхать железками. Яна подхватила вместе с нею этот единственный звук на спасение.

– Заткнитесь, дуры, – орала Вика. – Я сейчас Игоря Сергеевича позову.

Но Игорь Сергеевич не заставил себя долго ждать и открыл дверь.

– Соскучилась? – спросил он, смеясь Кате в лицо. Все в сборе? Нет только одного. Ну что ж начнем.

– Яну отпусти! – строго произнесла Катя. – Зачем она тебе?

– А зачем мне лишний свидетель? Ты вон как мне нервы потрепала, сколько я за тобой гонялся. Если бы ни твоя книга,

сроду бы тебя не нашел.

Игорь Сергеевич показал Кате ее сборник рассказов, – «Где же ты, правда?!». На обложке крупным планом светилась Катина фотография. Вот ты, красотка, – «Правдина К.». Хорошо замаскировалась. Если бы не Иван Ильич, не знал бы куда Вику к тебе подсылать, – возмущался Игорь Сергеевич. А теперь вы у меня все тут.

Игорь Сергеевич сжал сильно кулак и поднес его к лицу Кати. Затем махнул рукой, дал кому-то знак, чтобы заходили. И в кабинет ввели Баб Маню и Катиных детей.

Катя рванулась к ним.

– Ну что ты дергаешься. Сейчас все вместе разом погибните и все. Это не страшно. Знаешь, как двадцать душ молодых матросиков умирали, когда я им кислородное оборудование заменил на подводной лодке?

– Знаю одно, – закричала Катя. – Сколько вас, уродов, по белу свету мыкаются, – возмутилась Катя. – Вы, ведь, правда, не живете, а мыкаетесь и ныкаетесь. Ходите, от своей поганой тени отпрыгиваете. Боитесь сами себя. Вам самим за себя противно, – врете друг другу всегда и даже себе. Я бы вам придумала наказание – поймали убийцу, доказали его вину и, бац, язык вырвали, ноги, руки отрезали. И отпустили. Люди видели бы и знали, что мычит горемыка-убийца, потому что наказание получил.

– Смотри смелая стала. Даже смерти не боится! – возмутился Игорь Сергеевич. – А знаешь, как умирали двадцать матросиков молодых на подводной лодки, когда я им кислородное оборудование подсунул старое.

– Да вы ведь не живете, а все время оглядываетесь назад. Когда голова задом наперед, то у людей нет будущего. У них есть одно зловонное прошлое, – говорила Катя. – Глаза смотрят в пустоту. В никуда. В себя. Вовнутрь. В темноту. Они очень несчастные люди, хоть и кричат на каждом углу, что они – все, потому что у них есть деньги.

Такое ощущение, что они всю жизнь хотят убедить себя в том, что счастливы. А на самом деле они глубоко несчастные люди, прожившие не свою судьбу, не свою жизнь, не свою любовь. Они ничего в жизни не видели, кроме этих мертвых бумажек. Сначала кооперативы открывали, затем, – Торговые центры, а теперь вот – Коммерческие банки.

По сути они всю жизнь производили «Адские машины» по увеличению денег. И топтались на месте. Самое главное не произошло эволюции личности: они продолжают бегать за мамонтом! Даже лозунг все тот же, хотя прошло уже столько лет:

«Вы все никто, потому что у вас нет денег. Мы – все, потому что они у нас есть!».

– Ладно, последнее слово ты сказала, теперь нужно кончать тебя и твое семейство. Кстати, а где, Владимир Владимирович? Он что пропустит такое шоу, – спросил Игорь Сергеевич удивленно.

И толкнул дверь в соседний кабинет.

В кресле, опустив руку и держа пистолет, в странной позе полулежал его заместитель.

– Что с ним? – удивился Игорь Сергеевич.

Он подошел к нему ближе, взял из рук записку и прочел вслух: «Дядюшка, прости, все деньги забрал Игорь Сергеевич и перевел на свои счета в Швейцарский банк.»

– Опять Дядюшка?! Кто же все-таки эта сволочь? – закричал Игорь Сергеевич раздраженно.

Юрий Саммуилович вышел вперед и громко произнес:

– Это я, Игорь!

В это время раздался страшный грохот, стекла полетели на Катю и Яну. В окна на невидимых нитях влетала группа спецназа «Альфа».

– Лежать! – кричали они таким голосом, что казалось гипнотизировали тебя.

Все невольно упали на пол от такого приказа.

Люди в черных масках по-одному выводили в наручниках Юрия Саммуиловича, Игоря Сергеевича, Таню, Вику, Анну и Виктора.

Катю с Яной освободили от наручников. Дети бросились к маме. И взахлеб стали рассказывать, что они знают, что их снимали сейчас в кино. Баб Маня специально им так сказала, чтобы они не испугались того, что здесь происходит. Только сама Баб Маня едва отошла от шока, который произошел с фронтовичкой – психичкой, – как говорит Яна. Врачи скорой помощи тут же оказались рядом с нею, сделали ей успокоительный укол.

Катя молилась и просила об одном: «Господи! Помоги мне! Господи, помоги, все выдержать, – молилась про себя она. – Я буду спокойней. Господи, я приму все, что со мной будет происходить, как очередной жизненный урок. Я уже чувствую, что у меня происходит переоценка ценностей. Когда я уже научусь разбираться в людях? Юрий Саммуилович, – Дядюшка! Боже, как такое могло произойти?! Когда я буду осторожна в общении? Откуда взялась на мою голову эта Вика и нужно было такому случиться, что бывший начальником службы безопасности Игоря Сергеевича застрелился у меня на глазах? – думала Катя. – А я с

детьми висела на волоске от смерти…

Катя подбежала к детям, обняла их, поцеловала. И похвалила, что они очень хорошо снялись в этом фильме.

– Максим, Кристина, вы настоящие артисты, очень хорошо себя вели, – плакала целуя детей Катя.

Она была счастлива от того, что все наконец-то закончено.

«Теперь я за них спокойна», – думала Катя, обнимая детей и сажая их в такси.

Она помахала им рукой, когда машина повезла их домой с баб Маней. Катя решила пройтись с Яной по городу, чтобы хоть немного придти в себя.

– Ужас какой! – причитала Яна, – ты слышала, что мы теперь с тобой без копейки денег остались, они все перевели в швейцарские банки.

– Деньги – это пустое. Главное, мы живы остались! – успокаивала подругу Катя.

– Екатерина Евгеньевна, я за вами! – послышался голос Жени-риелтора из машины, которая поравнялась с ними.

Катя увидела его остановилась, строго посмотрела ему в глаза и отвернулась.

Она вспомнила слова Игоря Сергеевича, – что если бы не Иван Ильич, он бы ее не нашел.

– Спасибо, мы пешком пройдемся, – грубо произнесла Катя.

– Катя, а что случилось? Чем я вас обидел? – удивился Женя.

Яна отодвинула Катю, поставила руки в боки и вплотную подошла к машине Жени.

– Слушай, езжай своей дорогой! – заорала на него Яна. – Ты со своим Иваном Ильичом чуть нас всех на тот свет не отправил, зачем адрес постороннему человеку дали?

– Никто никому ничего не давал, – ответил Женя растерянно.

– Имя Игорь Сергеевич тебе ничего не говорит? – продолжала возмущаться Яна.

– Говорит, это старый друг Кати. Так он представился нам. Он еще фотографии совместные с нею показывал, сказал, что очень хочет повидаться. Он известная личность, серьезный политик из Москвы. Я его даже по телевизору видел. А что случилось?

– Извини Женя, что мы тебе нагрубили, – произнесла Катя и улыбнулась, – Ничего не случилось. У нас все хорошо. Просто сегодня был очень тяжелый день, – сказала Катя, – мы согласны, чтобы ты нас подвез.

И Катя потянула Яну к машине.

Когда они сели на заднее сидение, Женя загадочно намекнул им на сюрприз, который приготовил, и повез их на Крестовский

остров. Неожиданно он остановился возле красивого двухэтажного особняка с кованным резным балкончиком.

– Ну как нравится? – спросил Женя.

– Что нравится? – удивилась Катя.

– Дом писателя? – ответил Женя, улыбаясь. – Вот документы, теперь это ваш особняк. Иван Ильич купил его и оформил документы на вас.

– За что такая щедрость? – спросила Катя.

– Так он же заключил контракты с ведущими киностудиями мира на экранизацию ваших романов. Их перевели на многие языки. В Америке уже снимают, как они говорят: «Современную сестру Керри». Вы же сами подписали договор на экранизацию всех ваших работ, не помните? Иван Ильич открыл вам счет в банке и клал туда ваши заработанные деньги. Так что вы сами себе купили эту мечту.

Катя забежала во двор, красивая зеленая плитка с желтыми ромбиками сияла от дождя. Посредине брызгал в разные стороны фонтанчик в виде открытой книги. Катя прошла на террасу, полюбовалась зеленным только что подстриженным газончиком, на котором покачивался гобеленовый навесной диванчик. Вдалеке были посажены несколько фруктовых деревьев.

Кате не терпелось зайти вовнутрь коттеджа. Яна ходила следом за нею и разводила руками, молча. Так ей все здесь нравилось.

– Катька, у меня в Курске дом побольше будет, – хвасталась Яна.

Катя обняла подругу, прижалась к ней и сказала, глядя на красивое питерское небо:

– Яна, я такая счастливая! Господи, спасибо большое за все!

Катя повернулась к Жене, поблагодарила его и спросила, смеясь, на счет английского кабинета. Женя утвердительно махнул головой и протянул Кате ключ от ее нового дома.

Женя не обманул ее ожиданий: в доме был самый настоящий английский кабинет: элегантная роскошь в виде натертых воском деревянным панелей и книжных стеллажей во всю стену и, конечно же, камин, встроенный в стену гармонично сочетался со всем интерьером. Посредине стоял красивый дубовый стол с обласканными полукруглыми ножками.

– Настоящий английский кабинет! – засмеялась Катя, падая на мягкий кожаный диван в углу. – Я напишу здесь очень много интересных романов! – закричала она радостно.

– Дом полностью меблирован, под вашу мечту, – произнес Женя.

И Катя поняла, что неспроста он заводил с нею разговоры,

расспрашивая, каким она видит дом ее мечты. Катя обняла Женю, поблагодарила и сказала, что ее дом открыт для него в любое время дня и ночи.

На следующий день Баба Маня оценила кухню-столовую и осталась очень довольна красивой мебелью, длинным разделочным столом и стеклянным овальным предметом, – для «привичания гостей», – как она сказала.

Вечером красиво накрыли стол, зажгли свечи и камин. И решили отпраздновать новую Катину жизнь.

Дети носились по дому и визжали от счастья, в прямом смысле. Им все здесь нравилось. Баб Маня была счастлива, что у нее, наконец-то, будет свой личный санузел, который она обнаружила рядом со спальней. Это ее радовало больше всего. Хотя, после того, как ее дочь-мафия повесилась в камере, или ее повесили, никто толком ничего не знал, потому что слишком многие на нее держали зло за ее мошеннические махинации. Она умудрилась продать баб Манину квартиру нескольким людям, даже обманув какого-то местного авторитета. Баб Мане, как прямой наследнице, от дочери перешло все ее оставшееся имущество. Но она все равно сказала, что Катю не оставит. Яна притащила с собой, как всегда, гитару и они пели, вернее, как всегда, орали на весь Крестовский остров, надрывая глотки от радости: «Призрачно все, в этом мире бушующем. Есть только миг за него и держись…».

«Интересно Никиту, наверное, Интерпол тоже задержит в Аргентине, как члена бандитской группировки, – думала Катя, глядя на бегающих детей. – Жаль, что у них теперь нет папы. Но ничего, мы справимся со всеми трудностями.»

В дверь позвонили. Звонок был с мелодией «Марсельезы», Катя улыбнулась и пошла, открывать дверь.

На пороге показались подруги детства, – Рита и Оля. Они бросились в объятия Кати, восхищенно рассматривали ее новый дом, ругались, что она была в недосягаемости, когда ей звонили. И счастливы были, что снова встретились. Рита сказала, что Оля приехала к ней в гости и что они собирались ехать разыскивать Катю в Мурманске. Подруги засиживались за разговорами до утра, проведя у Кати все выходные.

А в понедельник Катю и Яну вызвали в самое высокое здание Санкт-Петербурга, в – ФСБ.

Глава 74

– Яна, смотри, – нас с тобой пригласили в качестве потерпевших этими повестками в Федеральную Службу Безопасности? – сказала Катя.

– Наверное, всех вкладчиков этого банка вызывают, – засмеялась Яна. – Конечно, все деньги оказались в Швейцарском банке. Кому понравится?

В коридоре не было никаких табличек на дверях, только трехзначные цифры.

– Заходите, вы– первая, – пригласил Катю молодой человек в военной форме.

Катя зашла огляделась, в кабинете никого не было. Из боковой двери вышел Юрий Саммуилович с чайником.

– Ну что, Катя, здравствуй, – улыбаясь, произнес он.

Катя с расширенными от испуга глазами смотрела на Юрия Саммуиловича. Дверь в кабинет открылась и в кабинет кто-то зашел. Но Катя даже не оглянулась. Она не могла оторвать взгляда от Юры. Она не понимала, что здесь происходит. Его же у нее на глазах арестовали. Она это видела и вдруг он в кабинете ФСБ, да еще с чайником в руках.

– Товарищ генерал, вызывали, – прозвучал до ужаса знакомый голос.

– Да, майор, заходите, – ответил Юрий Саммуилович.

Катя повернулась и с ужасом смотрела на Никиту.

– Что это все значит? – спросила она.

– А то, что твой Никита, – майон ФСБ, а я генерал ФСБ, – засмеялся Юрий Саммуилович.

– А кто же тогда дядюшка?

– Мой брат-близнец, которого ты видела возле районо. Он и есть Юрий Саммуилович, а я, – Яков Саммуилович Гельштейн.

– Как это?

– А так, твой муж первым его вычислил по шелковой косынке под рубашкой. Мой брат имитировал свою смерть. Сжег вместо себя восковое чучело и вел наших ребят по ложному пути. Вот так то. А Никита был внедрен в ФСБ, когда был студентом иняза. Это я набирал группу. Я встретил Никиту и сказал, что нужно лететь со мною в Мурманск. Никита сразу согласился, потому что у него там была ты.

Катя не могла поверить, что с нею все это происходит наяву. Никита подошел к жене, обнял ее, поцеловал. И сказал, что Катя чуть не сорвала им операцию, когда прибежала на вокзал. Нужно было срочно тебя прятать, потому что Анна хотела убить тебя.

Она получила задание от Игоря Сергеевича. Вот Никита и сыграл роль влюбленного юноши, чтобы знать каждый ее шаг. В поезде он подсыпал ей снотворного, а потом увел ее подальше от тебя. Неужели ты думаешь, что майор ФСБ не видел тебя на перроне, или в окно купе поезда, когда ты вошла. Все очень просто, – улыбаясь, сказал Юрий Саммуилович. – Тебя нужно было спасать.

– Как у вас все просто. Я сейчас буду вас убивать, – возмущалась Катя и бегала за Никитой по кабинету начальника ФСБ.

– Катя, зато столько материала на новые романы, – кричал Никита, хватая ее в охапку и нежно целуя. Он очень за нею соскучился. Но такая вот у него работа.

Съездив отдохнуть на юг к маме, Катя была самая счастливая на свете женщина. Снова в семье все вместе.

Никиту перевели работать в Прокуратуру Ленинградской области. Катя продолжала писать свои романы. А дети потихоньку росли.

– Мама, я буду заниматься танцами! – заявила Кристина в пять лет.

– А я буду президентом! – кричал как всегда Максим.

Катя сидела за столом в новом Доме писателя рядом с сестрой Машей, держала в руке бокал вина и смотрела на сестру Настю и красавца баскетболиста – .юриста, – ее мужа Дмитрия.

Катя смотрела на сестер и не могла нарадоваться, что у них все хорошо. Она очень любила их. Никита ухаживал за всеми красиво, как всегда смешил их и рассказывал свои черные прокурорские анекдоты.

– Катя, я так рада за тебя, – сказала Маша. – У меня тоже здесь все получится.

Она решила переехать жить в Питер.

– Конечно, – говорила Катя, обязательно. Питер тебя принял.

В этот самый момент, Машин сын Миша пригласил Кристину танцевать. Они вдвоем пытались танцевать вальс, передразнивая танцоров, которых показывали по телевизору.

– Смотрите, получилась новая танцевальная пара! – восхищенно произнесла Катя. – Завтра же отведу их в Дом творчества.

Кристина и Михаил стали заниматься бально-спортивными танцами профессионально. За семь лет семь раз становились золотыми призерами международных чемпионатов по бально-спортивным танцам.

Маша жила в доме Кати, благо места хватало всем и работала на телеграфе. Она мечтала заработать денег на собственную

квартиру. Она не догадывалась, какой ей сюрприз на день рождения приготовила Катя. Она решила подарить сестре квартиру в Питере.

Когда Женя – риелтор нашел ей подходящий вариант, – трехкомнатную квартиру на Невском проспекте, то Катя очень удивилась, что эту квартиру продает ученый – психолог с мировым именем, – Михаил. «В этой квартире могла бы жить я, если бы тогда не улетела в Мурманск, – подумала Катя. – Но тогда я никогда бы не стала писательницей. Нет, испытания судьбы нужно выдержать достойно и получить награду, – ценою в жизнь» – улыбнулась своим мыслям Катя.

Михаил очень обрадовался, когда увидел Катю и сказал, что Питер самый маленький город на Земле. И здесь всегда можно встретиться.

Он так до сих пор не был женат. Видно ждал Катину сестру, – Машу. Двое молодых людей были настолько стеснительными, что дочь Кати, Кристина, не выдержала и выступила в роли свахи, переняв эстафету свахи у мамы.

Она поговорила со своим партнером по танцам, – Мишей, тезкой ученого-психолога, в честь кого он был назван. И сказала: «Миша хочет, чтобы вы стали его папой». Вот так создалась еще одна семья.

Михаил получил Нобелевскую премию за свою научную разработку и построил новый Дворец Молодежи, где Кристина и Миша подрабатывали тренерами. Позже он увез Машу с ее сыном в Америку. Его пригласила одна ведущая корпорация банковского дела, в качестве ведущего психолога, предложив ему должность, – «Председатель совета директоров». Вот так Маша сама того не желая вышла замуж за банкира.

Глава 75

ЭПИЛОГ:

Прошло пять лет.

Алло, Машенька, привет! Ну как тебе за рубежом? – спрашивала Катя по телефону. – Нравится? А как моя любимая племянница Катенька? Очень рада, что назвали ее в мою честь. Передавай обоим Михаилам большой привет! Ждем в гости! Конечно, очень скучаем. Кристина готовится к открытию нового сезона во Дворце Молодежи. Передавай Мише большое спасибо, очень красивое здание получилось! Все в городе говорят, что ничего лучше не видели. Кристина набрала очень хорошую команду тренеров и хореографов. Все ждут приезда Чемпиона мира по бально – спортивным танцам, – Михаила Владимировича. На мастер – классы записываются уже за месяц вперед. Да, местное телевидение тоже на Кристине. Но ты знаешь, у нее любовь к цифрам проснулась от отца.

Думает поступать в МГУ на экономический. А у Максима выборы на носу. В политике, а где еще? Ему нравится, хочет переделать весь мир. Хорошо, что больше в Никиту пошел, чем в меня. Важный такой и серьезный. Хотя такой же добрый, как и я. Просто прячет свою доверчивость под маску строгости. А Никита? Да что с ним будет?! На пенсии он, преподает в Питерском университете Уголовное право. Недавно видели с ним твоего не состоявшегося мужа, – Володю. Он мне признался, что очень жалеет, что тебя не рассмотрел, как следует. Что жизнь тебе испортил, да и себе тоже. И что сына потерял.

А я книгу свою «Испытание судьбой», только сейчас закончила писать. И очень люблю всех своих будущих читателей…

ЗАМУЖ ЗА МИЛЛИОНЕРА

Посвящаю моей дочери Ивановой Ксении

Глава 1

Какое красивое бирюзовое небо! Изредка проплывают взбитые сливки пушистых облаков!

«Почему природа такая красивая, кристально чистая и совершенно не отталкивающая, почему человек, частица природы, такой грязный и неискренний, почему именно он, в отличие от природы, может говорить?! И самое страшное, человек может говорить не то, что думает?!» – размышляла красавица, с утонченными чертами аристократки, двадцатилетняя Кристина.

Она рассматривала красивые облака, подсвеченные золотым солнечным сиянием.

– Боже, какие они красивые! Ты только взгляни!» – восхищенно произнесла Кристина, глядя на облака.

Под руку она держала любимую подругу, деревенскую хохотушку Светлану, которая последнее время была всем недовольна и ворчала на подругу, как старая злюка.

Вдалеке виднелась сельская церковь и слышался колокольный перезвон, завершающий утреннюю литургию. Внезапно под ноги Кристины бросилась черная кошка, она изящно прогнулась, зыркнула золотыми глазами и перебежала ей дорогу.

– Ой, не к добру, – забеспокоилась Кристина. – Что-то случится.

– Что ты несешь?! – возмущалась Света. – У нас этих котов черных полная деревня, и если в приметы верить, вообще можно из дома не выходить.

Она с раздражением глянула на Кристину, которая в один миг стала белой. У Кристины беспокойно застучало сердце, тревожный холодок растекался внутри, душа заныла, предчувствуя беду. В унисон биению сердца громко зазвонили церковные колокола. Кристина остановилась, о чем-то задумалась, резко повернула в сторону церкви и уверенно пошла к главным воротам.

Женщины, выходя из церкви, осеняли себя крестным знамением. Кристина попыталась повторить все это за ними. Но у нее получался неуклюжий взмах ладошкой возле лба.

Света залилась громким смехом, глядя на подругу. Но женщина строго посмотрела в ее сторону и сделала ей замечание. Она показала, как нужно молиться, вздохнула и вслух произнесла: «Откуда у вас жизненные силы берутся, когда вы в церковь не ходите?»

– А что можно подумать там этими силами человека

заправляют, – ехидно произнесла Света, косясь на прихожанку Храма.

– Эх, растеряли веру, совсем растеряли, на чем только душа держится? – тихо произнесла женщина.

Кристина с волнением подходила к Храму, с легкостью открыла тяжелую дверь и осторожно зашла. Здесь было спокойно и тихо. Она с интересом разглядывала его расписные своды, как умела, перекрестилась, повторив все за женщиной. И с радостью взяла платок, который та ей протянула. Света повторяла все за подругой, и прокручивала пальцем у виска, намекала ей, что та сошла с ума. Кристина купила десять свечей, поставила возле каждой иконы и почему-то заплакала, увидев седовласого мужчину в черной рясе, который с интересом ее разглядывал.

Женщина подтолкнула Кристину и сказала, сложив руки крест– накрест, положив правую руку поверх левой.

– Попроси благословения у отца Игоря, – прошептала она.

Кристина повторила все за нею.

Отец Игорь внимательно посмотрел на Кристину и спросил: «Вы некрещеная?»

– Нет, – ответила Кристина, смущаясь.

– Вам нужно срочно принять таинство крещения. Без Бога вы не преодолеете те трудности, которые вас ожидают, – вздохнул отец Игорь и погладил Кристину по голове. – А трудности вас не заставят долго ждать, поверьте мне.

– А можно сейчас? – выпалила Кристина.

– Конечно, дочь моя, это нужно сделать, как можно быстрее. Подождите меня здесь, – сказал отец Игорь и зашел в церковную лавку.

Кристина слышала, как отец Игорь давал распоряжение, чтобы все приготовили к обряду крещения, при этом называя ее имя. Он сказал, чтобы с Кристины не брали ни копейки и что крестным отцом и мамой записали того, кого она назовет.

«Откуда он знает, как меня зовут? – удивлялась Кристина. – Я же не говорила ему свое имя. Может в деревне все знают: кто к кому приехал и как кого звать, – продолжала размышлять Кристина. – А заодно стала усердно вспоминать, кого она может назвать крестной.

– Кого мне назвать крестным отцом и мамой? – спросила Кристина, поворачиваясь к подруге за советом.

Света наклонилась к ней и зашипела в ухо всякие гнусности, возмущаясь, что Кристине приспичило стать воцерковленной. Она не понимала, что это за желание ходить с крестиком, который надевали на шею служители церкви.

– Света, наверное, я запишу тетю Машу.

– Правильно решила записать тетку, которая живет в Америке? – поддела Кристину подруга. – А крестным запиши ее мужа-банкира, – продолжала злорадствовать Света, – пусть он заодно деньжат в нашу деревенскую церковь подбросит.

Кристина назвала крестных и с волнением приняла Таинство крещение, которое перевернуло в ее душе все. Она почему-то плакала, когда Отец Игорь читал молитвы. У нее непроизвольно текли слезы по щекам. Кристина никак не могла их остановить. Ей было немного не по себе оттого, что она такая несдержанная.

– Это очень хорошо, – поддержал ее отец Игорь. – Слезы – это благодать Божья, радуйся, Он тебя увидел. Но так же запомни, Бог будет тебя проверять, готовься к трудностям, Создатель тебя немного пожурит, что поздно пришла в Церковь. А дальше всегда будет с тобой.

– Ой, можно подумать Бог есть, – запротестовала Света.

И внезапно ей стало очень плохо. Лоб покрылся испариной, не хватало воздуха, она резко пошатнулась и рухнула на руки Антону, красивому коренастому пареньку, бывшему однокласснику, который стоял немного позади.

Юноша очень любил Свету еще с детского сада, и непонятно, каким образом оказался в Церкви тоже. Он вывел девушку на свежий воздух, побрызгал из кружки святой водой и ласково посмотрел на нее.

– Откуда ты здесь? – спросила удивленно Света. – Ты же должен быть в Питере, у тебя же сессия?

– Я позвонил твоей маме, узнал, что ты приехала, вот вырвался на выходные, чтоб повидаться. Свет, выходи за меня замуж, – вдруг произнес Антон, краснея.

Света зло оттолкнула одноклассника, поправила на себе задранное платье, и высокомерно подняв голову, произнесла, что этого не будет никогда, что они друзья и что ей нужно еще учиться. Антон убеждал ее, что скоро будет зубным врачом, будет хорошо зарабатывать, и что они будут жить счастливо. Он продолжал махать на нее букетом полевых ромашек, которые она очень любила, и продолжал уговаривать ее выйти за него замуж.

Но Света смеялась ему в лицо и вспоминала, что он вот так же, на выпускном вечере, предлагал ей выйти за него замуж, обмахивая таким же букетом цветов.

Благо ромашек в их деревне было огромное количество. Они росли везде: возле дороги, возле школы, в поле, издавая полынный аромат горечи. Деревня была излюбленным местом этих неприхотливых цветов, олицетворяющих собой маленькое солнышко. Ромашки всем влюбленным доставляли радость с мая до глубокой осени.

– Да убери ты от меня эти вонючие цветы, – возмущалась Света, отталкивая букет от лица. – И когда эта верующая выйдет, уже достала меня. Из-за нее мне плохо в церкви стало. Не люблю запах ладана!

– А мне в церкви нравится, там спокойно! – только успел произнести Антон, – как дверь церкви открылась и на пороге показалась Кристина, сияющая от радости и покрасневшая от нахлынувших чувств. Девушка сбегала по ступенькам Храма, и ей казалось, что она летит, и все в ней на самом деле наполнилось настоящей жизненной силой.

– Света, я смогу все скошенное поле в одиночку сложить в огромный стог! – радостно делилась своими ощущениями с подругой Кристина.

– Это хорошо. А то привезла помощницу, а она в Церкви прохлаждается. – Света выхватила букет ромашек из рук Антона, смеясь, стукнула им Кристину и произнесла: «Это Кристина, моя подруга, ко мне в гости приехала. Ладно, Антон, до вечера. А то нам нужно еще посекретничать», – помахала Света парню букетом ромашек, взяла Кристину под руку и повела к выходу.

Антон еще долго смотрел, не отрываясь на Свету, не замечая никого вокруг. А затем вышел со двора церкви с опущенной головой и пошел в сторону деревни.

– А кто это? – спросила Кристина, оглядываясь и провожая взглядом юношу.

– Это и есть Антон, мой одноклассник, бегает за мной, с самого детского сада, я тебе о нем говорила.

– Да припоминаю. Ты говорила, что он страшный. А он такой симпатяга, зря ты так с ним, – вздохнула Кристина, глядя в сторону Антона.

Глава 2

– Как хорошо пахнет скошенная трава! – медленно вдыхая аромат, произнесла Кристина.

Она лежала на стоге сена, раскинув свои красивые белокурые кудряшки, и восхищенно смотрела на небо. – И все-таки облака очень красивые на этом бирюзовом небе!

Рядом с нею кусая травинку, лежала недовольная Света.

– Облака как облака! С рожами наших деревенских уродов. Вон, смотри, точь-точь дядя Семен! С бородой, справа, видишь?! – засмеялась Света.

– Ну почему уродов? Каждое лицо – это целая жизнь. Морщинки, как реки, растекающиеся по лицу, показывают, какая у человека судьба – горькая или сладкая, – философски заметила Кристина. – А вообще, и, правда, люди похожи на облака. Вон там, смотри, видишь, наша вахтерша, Тетя Полина за руку тащит первокурсника Петьку, который опять друзей без документов в общагу протянул.

Девочки хохотали на все скошенное поле. Ярко зеленая трава, только что уложенная в небольшой стожок, окутывала их свежим ароматом. А солнце ласково гладило последними лучами вечернего заката.

Каждое лето Кристина приезжала в гости к подруге Свете на настоящий деревенский сенокос! Рабочих рук не хватало, в деревне радовались всем, кто приезжал! Девочки на выходные приезжали попить домашнего свежего молочка, сытно поесть свежего мяса, и, конечно, помочь Светиным бабушке и дедушке собрать подсушенное сено, которое было разбросано тонким слоем на поле. Это делалось для того, чтобы сено быстрее сохло.

Для городской девочки Кристины деревня казалась раем. Здесь все было настолько чистым и свежим, настолько настоящим, что задымленный городской воздух не шел ни в какое сравнение с деревенскими запахами и пейзажами.

– Света, я бы осталась жить в деревне на всю жизнь! Я, почему – то, не очень хочу жить в городе.

– А это от того, что человек такая скотина, что ему везде плохо, где он живет.

Для Светы все люди были скотами, тварями, сволочами. Другого определения слову «человек» она не знала. Она ненавидела всех вокруг, как она говорила – терпеть не могла животных, и людей через одного. Она считала, что все маленькие дети уже суровые и злые зверьки. «Вот родился новый человек и сразу стал скотиной», – говорила уверенно Света. Сама же была

сгустком злой энергии. От нее исходили такие флюиды раздражения, что дружить с нею никто не мог. Все удивлялись, насколько у Кристины хватает терпения выносить ее злой нрав. А Кристина искренне верила в то, что человек рожден на свет только для того, чтобы как можно больше вокруг себя людей сделать счастливыми. Она в это верила и точно знала, что это предназначение каждого человека на земле. Кристина всегда спорила с теми, кто настаивал на том, что люди бывают только двух видов. Это пчелы и мухи. Пчелы всегда всех хвалят, всем восхищаются, всему рады. А категория людей-мух отличается от них тем, что эти люди всем недовольны, всех ненавидят и всегда во всем ищут только плохое.

– Нет, я, правда, хочу жить в деревне! – настаивала Кристина.

– Ты еще скажи, что и за скотиной ухаживать тоже хочешь, и навоз после них выносить? А осенью по колено в грязи ползать тоже хочешь, да?!

– Ой, думаешь, ты меня напугала?! Я прекрасно знаю деревенскую жизнь! Я до десятого класса в селе Горькая Балка у бабушки жила и все это знаю. Я хочу жить в деревне, потому что здесь очень легко дышится! И природа здесь живая, красивая и добрая. И люди здесь проще, чем в городе! Они к Богу ближе, сказал отец Игорь. Он знаешь, что мне сказал. Он сказал, что у нас не спросят после того, как мы проживем жизнь, как ты жил, бедно или богато? А спросят у нас: «Скольким людям ты сделал добро?!».

– Хорошо, я тебя поняла! Ты хочешь осчастливить собой деревенского парня, хочешь замуж за бедного? – спросила Света, смеясь.

– А даже и так! Они все сильные и смелые, не то, что городские. Хотя бы взять твоего Антона. А судьба уже написала облаками имя моего мужа. Смотри, видишь, вон там справа от меня большими буквами написано: «ВАНЯ!» Он точно будет деревенским, и звать его будет Иван.

– Ты меня не смеши, деревенские все алкаши. Сейчас сенокос закончится, им делать будет нечего, все уйдут в запой, как медведи в берлогу зимой!

– Не уйдут! Вот за тобой Антон твой деревенский бегает. А он вообще не пьет, ты говорила.

– Он же стоматолог! И для него, что сенокос, что не сенокос, все – равно, он лошара, – грубо заметила Света.

– Зря ты так о нем. Он за тобой как преданная собачонка ходит, – сказала Кристина, поднимаясь со скошенной травы, поправляя платье и отряхиваясь! – А я точно выйду замуж за деревенского, вот увидишь.

– И за кого же мне интересно знать? – спросила удивленная подруга. – Не за Антона ли. Что-то ты все время про него вспоминаешь?

– Нет, чужих женихов забирать грех. Антон твой суженый, я за него не пойду. Я выйду замуж за первого попавшегося, кого встретим по пути домой, – засмеялась Кристина.

– Ловлю на слове тебя, подруга! А если этот первый встречный будет наш Вовка алкаш, я тебя отговаривать не буду, смотри, не мели языком. Ты теперь христианка, верующая. Тебе врать нельзя.

Девочки разбросали тонким слоем траву по полю и, смеясь, побежали домой.

– Навстречу судьбе! – закричала Кристина. – Суженый, появись!

Кристина из Санкт-Петербурга, стройная красивая девушка была с внешностью фотомодели: длинные светло-русые волосы, зеленые немного раскосые глаза, в оправе темных ресниц и светлая нежная кожа, не тронутая загаром никого из парней не оставляли равнодушным. А эти длинные стройные ноги! Они всем девочкам были на зависть. Каждая из подруг подходила и старалась помериться с нею длиной ног. Кристина была самим совершенством. Одним словом красавица с великолепной фигурой, нежнейшее создание в контрасте с ярко-выраженным холерическим нравом.

Этакий борец за справедливость, защитник всех угнетенных и обиженных. Она смело бросалась в любую драку, чтобы защитить своих друзей. Вообще ничего не боялась в этой жизни. И привыкла всего добиваться сама.

Она очень рано стала работать. В двенадцать лет вставала в пять утра и на велосипеде мчалась в другой конец Санкт-Петербурга мыть полы на время основного работника. Так она проводила лето, в отличие от своих сверстников. Да к тому же никто не догадывался, что этот Торговый центр, в котором она мыла полы принадлежит ее отцу. Она добросовестно справлялась со своими обязанностями уборщицы и пряталась от него, когда он приезжал туда по делам службы.

– Эй ты, краля, ты точно из благородных! – обратилась к ней Света, оглядывая ее с головы до ног. – Почему я ни разу тебя не видела загоревшей?

– Не знаю, загар вообще никогда ко мне не прилипал. Во всяком случае, я этого не помню, – оглядывая себя, произнесла Кристина, у которой нежно – розовая кожа, слегка покраснеет от солнца днем, а к вечеру опять становится матовой и бархатистой.

– Не зря тебя в общаге называют Белоснежка. Только у тебя

нет семь гномов, у тебя вообще ни одного нет. Принца ищешь? – засмеялась Света.

– Нет, любовь! Она мимо меня не пройдет, вот увидишь! – ответила Кристина и вновь посмотрела на небо.

В университете все девочки уже ни по одному кругу сходились, расходились с мальчиками. Все усиленно искали свою любовь. Только Кристина держалась со всеми мальчишками очень строго. Она была непрекословным авторитетом для них. Что-то в ней было необычное, она не была просто девчонкой. Она была другом, Ангелом Хранителем. А это намного серьезнее, чем строить глазки. Именно к ней все приходили со своими секретами. И точно знали, что они останутся с нею.

А девочки от этого злились, ревновали своих парней и постоянно подшучивали над Кристиной.

– Кристина, ты у нас самая красивая девочка на курсе, почему у тебя до сих пор нет жениха? Или у тебя комплекс неполноценности? – спрашивали удивленные подруги.

– Еще не время! Мой суженный ждет меня и обязательно дождется, вы не переживайте. А размениваться на случайные знакомства и влюбленности я не хочу! – говорила она, заплетая красивую косу.

Никто в университете не верил, что она столичная штучка. Всем казалась, что она серьезная деревенская девушка, не знающая, что такое тусовки и молодежные выкрутасы в вечерних клубах.

«Она, к тому же, еще девственница, представляете, на третьем курсе универа и ни разу ни с кем не встречалась?!» – шептались в комнате общежития девчонки. – Может быть, она все – таки из деревни, ведь она со Светкой деревенской дружит и каждое лето к ней ездит.

– Точно, ведь со Светкой никто не хочет дружить, хоть она и красавица, но очень простовата: нос картошкой, маленького роста и одевается так безобразно, как деревенский отстой! Помните, как мы над Светкой всегда смеялись и говорили, что кличку тебе даем: «Быдло». Она еще бегала и орала на нас, что мы – скоты! А Кристина сразу ее под свое крыло взяла, и сказала, что никому в обиду ее не даст! А кто ж против старосты попрет? Ведь страшновато, как– то, – шептались однокурсницы в общаге.

Глава 3

– Кристина! Давай быстрее беги навстречу своей судьбе! – кричала, размахивая косынкой, взятой из церкви, Света.

– Бегу! Бегу! Вон там за тем поворотом первый кто будет, тот и мой суженный!

Из-за поворота медленно выезжал черный Джип. Откуда он здесь взялся никто не знал. Чистенькая машина металлическим блеском отливала на солнце. Три семерки на белом номере, припорошенные серой пылью бросались девочкам в глаза. Джип оставлял за собой шлейф темного облака серой пыли. Притом пыль длинным хвостом тянулась до самой деревни.

Девочки, открыв рот, переглянулись и опустили головы.

– Это еще ничего не значит, они могут и не остановиться и тогда суженный будет за другим поворотом, – растерянно сказала Света.

– Конечно, конечно, так и будет, – проговорила Кристина, глядя куда-то вниз.

Но ожидания девочек не оправдались, и машина, сбавив скорость, медленно стала прижиматься к обочине, поджидая идущих девушек.

Из машины вышел красивый высокий парень, аккуратно стукнув дверьми, он уже шел навстречу Кристине и Свете.

– Здравствуйте, красавицы, куда путь держите? – услышали они громогласный голос чернявого высокого парня.

Девочки переглянулись и уставились на ухмыляющегося юношу.

– А мы за вами, кстати, едем, – подхватил Антон, выбегая из машины.

– Познакомьтесь, мой лучший друг, Иван Севрюк, – сказал, улыбаясь, Антон. – Он тоже врач, мой однокурсник. Только теперь бывший врач, потому что стал бизнесменом. Он меня проведать заехал, – гордо добавил Антон.

Девочки переглянулись. У Кристины широко раскрылись глаза. Она покраснела, услышав имя «Иван». Антон повернулся к Ивану, взял Кристину за руку и сказал: «Вот об этой невесте я тебе говорил. Знакомься, Кристина, подруга моей Светы.»

– Что значит невесте? – замахала возмущенно руками Света. – С какого перепугу Кристина ею стала?

– У тебя не спросили? Извини, забыли, что мы не решаем, кто они друг другу станут, – твердо заявил давнишний друг Светы, Антон Петров.

– Иван, – проговорил, новый знакомый и протянул Кристине

руку.

– Кристина, – сказала девушка – модель и медленно оторвала взгляд от сельской дороги.

В это время она заглянула в темно – карие, почти черные глаза своего суженного Ивана и сразу в них утонула. Новое неизвестное до сих пор чувство накрыло ее всю без остатка. Бабочки летали в душе и щекотали тебя изнутри.

«Неужели так бывает?! Прямо как в кино!» – только и успела подумать она.

– Все, садимся в машину, едем в город веселиться! – быстро затараторил Антон.

– Какой веселиться?! – запротестовала Света. – Мы сейчас домой, приведем себя в порядок, мы даже еще не ели. А потом, может быть, поедем с вами, мы еще не решили.

– Насчет приведем в порядок, – согласен. А вот, насчет, поесть и не вздумайте! Мы в ресторан едем ужинать, понятно?! А то у тебя ума хватит поесть перед рестораном! – обнимая Свету, сказал Антон.

Вечером того же дня, девочки веселились в новом ресторане в районном городке. Они так много смеялись над шутками кавалеров, что у них от смеха, в прямом смысле, стали болеть все мышцы лица. Иван постоянно приглашал танцевать Кристину. Антон очень красиво ухаживал за своей давней любовью Светой. И точно также они через два месяца дружной компанией сыграли две свадьбы в один день. В деревне удивлялись, что судьба свела четырех молодых людей именно на сельской дороге, которая серой змейкой тянулась у них за поворотом. Но самое смешное было то, что Иван хоть и был деревенским парнем, давно жил в северной столице, в городе Санкт – Петербург. Он имел свой строительный бизнес. Кристина, как и хотела, вышла замуж за деревенского. Родители не ожидали такого быстрого решения от своей единственной дочери. Но любовь есть любовь. Тем более, написанная облаками на небе. И, правда, говорят, что браки рождаются на небесах.

Преподаватели и студенты университета тоже никак не ожидали такого быстрого замужества от двух лучших студенток. Оставался всего один год обучения.

– Можно было и потерпеть? А теперь, что ж получается, мужья живут отдельно от своих двух половинок и приезжают к ним только на выходные. Этакие выходные мужья! – опять шептались подруги в общежитии.

– Кристина, а ты не боишься оставлять своего красивого мужа в Санкт-Петербурге? – спросила, сидя за учебниками, Света. – Я, честное слово, опасаюсь, что мой Антон может в нашей деревне

еще кем – нибудь увлечься.

– Нет, что ты?! Я вообще даже нисколечко в Иване не сомневаюсь. Он меня по – настоящему любит! Видела, какие цветы постоянно дарит? А как смотрит на меня. Нет, я не думаю, что какая – нибудь девушка может перейти мне дорогу.

Света исподлобья косилась на Кристину, но та ничего не замечала от счастья, переполнявшего ее девичью чистую душу. Она знала одно, что любит и любима!

Глава 4

– Отстанешь ты от меня, или нет?! – кричал взбешенный Иван на лучшую подругу жены – Свету. – Ну и что из того, что я приказал тебе выходить замуж за Антона. Ты же была беременна от меня до свадьбы. Так хоть у ребенка отец теперь есть. Дура, ты мне спасибо должна сказать, а не упрекать. А теперь оставь меня в покое. Сама виновата, почему Кристине не рассказала, что мы с тобой давно знакомы и трахаемся уже два года? Пойми, ты мне совершенно неинтересна, понимаешь. Света, прекрати меня преследовать! Ты – лучшая подруга Кристины. Какая может быть сверхземная любовь?! Я тебя не люблю, понимаешь, не люблю. Я люблю Кристину и очень прошу тебя, прекрати эти истерики. Иначе я вынужден буду все рассказать Антону и Кристине, и ты сразу потеряешь двух друзей.

– Ну и пусть. Лишь бы с тобой быть! Я что-нибудь с собой сделаю, ты в такое меня втянул. Почему ты не сказал им правду, когда ехал за нами на сенокос? Почему не сказал, что у нас любовь с тобой! – рыдала Света в гостиничном номере в центре Москвы! – Признайся, ты же мне ехал предложение делать, а не этой белобрысой курице. Как я теперь брюхатая объясню Антону, твоему лучшему другу, что срок уже три месяца, а свадьбу сыграли неделю назад?! Ты же знал, что я беременная, почему не сказал им обоим правду?!

– Ты что, дура? Как бы я это сделал, если Антон всю дорогу пока мы за вами ехали, рассказывал о том, как тебя любит. И что чище девушки у них в селе нет, и что без тебя жить не может! Нужно было всю грязь на тебя сразу вылить, чтоб он не мучился, да? А ты как бы поступила на моем месте? Твой лучший друг тебя из плена в Чечне вытащил, жизнью рисковал, в армии только о тебе говорил, и вдруг узнал, что ты бл…? Нужно было так сделать? Теперь заткнись, Кристину не трогай. Я ее как увидел, сразу понял – мое это, понимаешь, мое! А тебя я никогда не любил. Ты – легкая добыча. Просто развлекался по-молодости и радовался жизни. Сейчас я тебя только жалею. Хочешь, больше никогда не будем встречаться?!

– Нет! Только не это! Я убью себя и ребенка убью, и Кристину твою тоже убью. Как я ее ненавижу! Она у меня, скотина, из – под носа тебя увела! – рыдала Света, стаскивая в порыве страсти рубашку с Ивана.

Она как тигрица набросилась на объект своего обожания, целовала ему руки, прижималась к нему налитой грудью, и ласкала, не переставая, его упругое мускулистое тело. Она

задыхалась от нахлынувших чувств и была почти без сознания. Ее всю трясло от одного прикосновения к этому мужчине. Она не могла надышаться его запахом. Она пожирала поцелуями каждую клеточку его тела. И он не мог спокойно переносить эти мучительные ласки и принимал их, отвечая звериными инстинктами. Он сжимал со всей силы ее грудь, хватал всей пятерней своих цепких рук, оставляя синяки на теле, и принимал игру ее страсти, отвечая на ее сладкие поцелуи. Она сладко стонала и отдавалась этой грязной любви, как в последний раз.

– Я никому ничего не скажу, если ты будешь рядом. Мы всегда будем вместе. Пусть две семьи, как на свадьбе, я согласна на все. Я обещаю тебе, что никто и никогда не узнает о нашей с тобой любви. Я хочу раствориться в тебе навсегда. Прости, меня за мою любовь. Я ничего не могу с собой поделать. Я люблю только тебя, и хочу только тебя, ты мой, понимаешь, только мой, ты – вся моя жизнь. Я рожу тебе столько детей, сколько захочешь. И никто не узнает, что это твои дети. Слышишь, никогда и никто. Я знаю, что тебе очень хорошо со мной. Иначе бы ты не приезжал ко мне в Москву, тайно от Кристины.

Иван не мог устоять перед чувствами своей бывшей любовницы. Он не понимал, что с ним происходит?! Он не любил Свету, но животным инстинктам не мог противостоять. Он всегда хотел ее как женщину. Это был секс на грани нервного срыва. Как будто с рассудком что – то происходило. И ты уже не мог ничего с собой сделать, как только отвечать на ее, захватывающий дух, ласки.

Он не мог устоять перед напором этой сумасшедшей молодой женщины, которая так искренне любила его и целиком принадлежала только ему. Он был ею заколдован. Он знал, что есть такие деревенские заговоры, от которых трудно избавиться, он догадывался, что в прямом смысле приворожен любовью Светы.

Эта двойная жизнь двух живущих в тебе людей с одной стороны мучила его, а с другой возбуждала необъяснимым чувством победителя-самца, который может заставить эту сумасшедшую сделать для него все, что он пожелает. Он радовался тому, что она терпела все его выходки, что исполняла любую его прихоть. Он был властелином ее тела и хозяином ее души. Эти частые встречи приводили Ивана в тонус, как допинг на соревнованиях. Он приезжал в Москву за очередной порцией сексуального адреналина намного чаще, чем к молодой жене, которая ни о чем не догадывалась.

– Привет! А где ты была вчера? – спросила Кристина после лекции у Светы. – Я к тебе забегала в общежитие. Мне сказали,

что ты срочно уехала после какого – то важного звонка?

– Мне нужно было показаться врачу. Ты знаешь, мне никак не могут правильно поставить срок беременности, – ответила Света, отводя глаза.

Кристина внимательно посмотрела на подругу. Затем обняла ее и стала успокаивать.

– Ты не переживай. Все будет нормально. Света, я буду за тебя молиться.

– Заткнись, ты, со своим молиться. Ты помешалась на этом Боге! – заорала Света.

Кристина грустно посмотрела на нее, вздохнула и произнесла: «Света, это мой выбор, извини, что я тебя расстроила. К Богу никто не может придти сам, пока Он не позовет».

Кристина встала, взяла конспекты и тихо вышла из аудитории. Света догнала ее в коридоре.

– Ну ладно, ты что, обиделась? Я же просто беременная, у меня поэтому бзики.

Кристина улыбнулась, обняла подругу.

– Ты правильно сделала, что сохранила беременность. Самое главное – это быть мамой! Мой Ванечка говорит, что главное предназначение женщины стать матерью! Но почему – то пока детей не хочет. Говорит, что нужно университет закончить, а потом планировать все остальное. Хорошо, что Антон врач и понимает, что аборты делать нельзя, молодец, что отговорил тебя от этого. Видела, как он обрадовался, когда узнал, что станет папой. А я уже люблю вашего ребенка. Попробуй только меня в крестные не возьми.

– Возьму, кого же мне еще брать? У меня другой подруги нет, – отводя глаза в сторону, процедила Света.

Они шли по коридору под руку. Неожиданно навстречу им выскочил из аудитории какой-то первокурсник и едва не сбил Свету с ног. Но Кристина быстро закрыла собой подругу, и оттолкнула хохочущего студента.

– Ты что носишься, как безумный, ты уже не школьник! – закричала на него Кристина и стала отодвигать Свету к стене, испугавшись за нее.

– А ты ходи теперь аккуратней. Ходи по – над стеночкой, чтобы никто тебя не сбил.

– Ты прям как мой Антон надо мной трясешься? – запротестовала Света.

Кристина взяла у Светы из рук сумку и беспокойно заявила, что тяжести тоже поднимать не стоит и, улыбаясь, добавила: «Ты знаешь, я думаю, что ребенок у вас будет похож на Антона, потому что кто любит больше, на того ребенок и похож. Очень

заметно, что Антон любит тебя больше, чем ты его. Почему ты к нему постоянно придираешься?

– Не болтай всякую ерунду! – нервно произнесла Света. – Каждый ребенок похож на себя. И потом дети меняются, пока растут!

– Нет, любовь все перебивает, – не успокаивалась Кристина. – Доминирует всегда любовь того человека, кто больше любит. Ребенок будет точной копией Антона, вот увидишь.

Кристина настолько была светлым человеком, что не могла даже и подумать, что люди могут быть совсем не такими, какими она их знает.

«Человек самое страшное животное, которое существует в природе», – говорят люди. И доля правды есть в их словах. Никто так не двуличен, как человек. Животные намного честнее. Даже волки знают, что такое любовь.

Глава 5

В маленькой деревенской церкви никого не было, только запах ладана окутывал своды Храма сизым облаком и плавно парил в воздухе, пропуская через себя редкие солнечные лучи.

Отец Игорь стоял на коленях и тихо читал молитвы Богородице. Он не смел поднять глаза на святое изображение, опустил голову и молил только об одном, чтобы раба Кристина была счастлива, чтобы видимые и невидимые враги оставили это чистое чадо, и она смогла справиться со всеми невзгодами в своей жизни. У священнослужителей всегда имеется духовное видение того, что может с тем или иным человеком произойти.

Отец Игорь отчетливо видел беду, которая надвигается над его новым чадом. Он понимал, что Кристина находится в опасности, но не мог своим земным существованием изменить ее судьбу.

Незаметно в Храм зашел мужчина очень похожий на Отца Игоря. Только вместо рясы на нем был костюм из дорогого темно-серого сукна и красивый галстук. На вид ему было лет пятьдесят. Он был таким же седовласым высоким стройным человеком. И так же немного наклонял голову в бок, когда разговаривал. Их нельзя было вовсе различить.

Это были братья– близнецы: Юрий и Яков Гельштейны. В миру отца Игоря звали Юрий Саммуилович. Но после того, как он стал отцом Игорем, он нашел свое место на этой грешной земле. И понял, что по-настоящему стал жить только сейчас.

Никто не узнал бы в отце Игоре, бывшего криминального авторитета, вора в законе, смотрящего города Москва. Да и никто из подельников не знал, где он находится. После последней отсидки, он просто исчез. Город нуждался в порядке, потому что криминальные ублюдки города почувствовали себя вольными птицами, началась смута, и порядок в Москве был нарушен.

Так не должно было продолжаться. Все знали, что нужен новый смотрящий. Даже правоохранительные органы города находились в некотором смущении от того, что криминальные элементы из различных городов вели себя в Москве, как у себя дома. Решено было заменить – на время смуты, исчезнувшего бывшего смотрящего его родным братом – близнецом.

– Привет, – сказал Яков, обнимая брата.

– Знаю, зачем пожаловал, – улыбнулся Отец Игорь. – Ну что ж так будет угодно Богу. Наконец-то, смогу спокойно уйти в Монастырь. А тебе придется прожить за меня жизнь в миру.

– Сам знаешь, пока Севрюк в городе, нужно что-то решать, –

напомнил ему Яков Саммуилович.

– Знаю, слуги дьявола, они всегда видимы, как ни странно, – ответил Отец Игорь и передал ему черную папочку с документами.

– Здесь все рекомендации. Я знал, что ты придешь и все подготовил.

– Спасибо. Есть еще какие-нибудь пожелания? – спросил Яков.

– Я совершил таинство Крещения над рабой Кристиной, Катиной дочерью. Она очень похожа на свою мать. Хочу тебя предупредить. Ее ждут большие неприятности. Если в жизни тебе придется с нею свидеться, очень прошу, помочь ей. А я буду молиться за нее.

– Юра, не переживай, я все сделаю.

– Я – Отец Игорь. Это ты, Яков, с сегодняшнего дня – Юрий Саммуилович Гельштейн.

– Спасибо, Отец Игорь, даст Бог свидимся.

– Конечно, во втором пришествии Христа обязательно, – улыбнулся Отец Игорь брату.

Духовная связь братьев-близнецов еще в детстве многих удивляла, когда они после гибели родителей в автокатастрофе оказались в детском доме. Но, несмотря на это, наш жестокий мир разделил их на два разных города. Одного брата забрали из детского дома в семью на юг страны, а другого на север. Они потеряли связь друг с другом на долгое время. Жизнь у каждого сложилась по-разному, но духовная составляющая была одинаковой. Это были дети своих родителей.

Глава 6

Новый год! Какой чудесный и светлый праздник. Люди всегда ждут его с нетерпением, как будто он за одну волшебную ночь сможет изменить их существо, их внутренний мир. Злых людей сделает добрыми, добрых – счастливыми, счастливых – здоровыми!

В общем, каждый верит, что в этот день происходят самые настоящие чудеса изменения жизни к лучшему. Пахнет в доме хвоей, а значит свежестью леса, нетронутого ни одним человеком. А то, что эту елочку кто-то срубил под самый корешок, не считается, потому что она выросла именно для этого праздника, чтобы разделить счастье всеобщей людской радости.

Ведь человек и природа – это единое звено в долгой цепи эволюции. Пусть человек намного грязнее природы и ведет себя не очень красиво в некоторых случаях и пусть не придумывает альтернативу запаху новогодней хвои. Ни одни французские духи не заменят этого своеобразного новогоднего запаха.

А к нему присоединяется аромат любимых мандарин и эфирные запахи брызгающей корки апельсина. Такие родные и ничуть не изменившиеся с детства запахи: чистоты и благополучия. А куда же все это потом девается?

И прыгающий пушистый зайчик в маске вдруг не может эту маску с себя содрать, когда вырастает. Только маска зайчика уже ему маловата и комично смотрится на грушевидном лице с двумя подбородками, которыми он трясет, когда злится и вот уже перед нами давно не зайчик, а огромный зубастый серый волк, который под этой маской забыл, что такое любовь! А ведь волки, в отличие от людей, это знают. Мы не забываем про это.

А зефир в шоколаде – это тоже целая фиеста детских воспоминаний и, конечно же, игристое, резвящееся в бокале Шампанское, которое настолько вкусное и по-новогоднему холодное в запотевшем бокале, что не хочется отрывать от него руку, и ты улыбаешься, глядя, как нажевывают свои желания взрослые, до сих пор веря в новогоднюю мечту.

Во все времена новый год был настоящим семейным праздником! Рождались новые семьи, в них рождались новые традиции, основанные на старых давно забытых семейных ценностях. И в каждой семье был свой зайчик и волк. И все было как всегда: запах елки, шампанское и фейерверк!

Вот и две семьи молодоженов решили отпраздновать свой первый семейный новый год вместе, как и свадьбу. Они собрались в большой квартире Кристины, которую купили ей родители в

ипотеку, когда она поступила в университет.

Мама Кристины была знаменитая писательница, книги которой издавались большим тиражом, экранизировались, гонорары она получала большие и могла позволить купить квартиру студентке в центре города.

А для подстраховки у них был папа, который по жизни был везунчиком. За всю свою жизнь, он один раз купил лотерею и выиграл крупную сумму денег. Не зная, куда их деть, по совету друга, построил с ним Торговый центр в новом районе города. Сдавал его в аренду и радовался жизни, поэтому полностью поддержал идею мамы – «Согласен. Лучше отдавать деньги за свое жилье, чем за съемное», – сказала он. И нашел подходящий вариант в центре Москвы.

Перед домом на площади сверкала огнями высокая новогодняя елка. Дети прыгали вокруг нее и столько энергии выплескивали друг на друга, что можно было подумать, что в каждого из них вкручен аккумулятор, приводящий их в движение. Они совсем не уставали. Бросали друг в дружку снежками, визжали и просто валялись в снегу, ожидая новогоднего фейерверка, который будет провожать старый год. И фейерверк не заставил себя ждать. Брызги разноцветных огней озарили небо! Огромными шарами медленно скатывались вниз и освещали окно, перед которым стояла Света. К ней подошел Антон, обнял ее за плечи.

– Красиво как! У вас такой вид из окна! Намного красивее, чем у нас в деревне, правда, Светыч, очей моих, – глядя в окно, произнес Антон.

– Прям красивее. У нас елка такая же в центре возле Дома Культуры, не хуже московской.

– Ладно, Светик, завидуют молча. Скоро мы тоже загородный дом достроим в Питере, отвезу тебя туда жить, – пообещал Антон.

– Тоже мне, загородный дом, это громко сказано, просто дача из дерева, – перебила его Света.

– Зато там банька есть, настоящая русская! Мы с вами в ней обязательно попаримся! Нальем на камушки водички с эвкалиптовым маслом, я по вам веничком пройдусь, красотища! – мечтал Антон, обращаясь к ребятам.

– Здорово! Я очень люблю русскую баню, – поддержала друга Кристина. – У меня тоже мечта есть: хочу дом, красивый, двухэтажный, обязательно чтобы была детская площадка с каруселями и, конечно, баня с бассейном. Я еще девочкой была, все время о таком доме мечтала.

– А эту квартиру нам с Антоном оставишь, – засмеялась

Света. – И будете праздновать у нас все праздники, да, папа Антон?

Иван от слова «папа» вздрогнул, испуганно посмотрел на Свету. Она незаметно ему подмигнула.

Кристина ставила на стол запеченного деревенского гуся и улыбнулась.

– Какой все-таки красивый деревенский гусь?! Это ж надо, когда я его в духовку совала, он мне сырым показался вкусным, – сказала Кристина, пододвигая эту красоту в центр стола.

Она не знала, что лучшая подруга специально привезла из села самого огромного гуся с желтыми кусками жира. Она специально выбирала гуся пожирнее и постарше, потому что была уверенна, что Кристина с ним не справится и опозорится, как хозяйка.

Она уже представляла, что гусь будет как уголь черный, да и вообще вспыхнет и сгорит от выливающегося из него жира. Или он будет жестким, что его не прожуешь. В любом случае, она была уверенна, что Кристине не удастся с ним что-нибудь сделать.

Но Кристина видела, как ее любимая бабушка готовила гуся в деревне. И легко с этим заданием справилась. Она обрезала весь жир, положила гуся в рассол с душистым перчиком и лаврушкой, затем нашпиговала его яблоками и шприцом влила в него красного вина, а сверху обмазала гуся медом и положила сверху фольгу. Гусь получился отменный, очень красивый, вкусный и сочный.

Света сверлила его глазами и не могла поверить, что Кристина с этим заданием справилась. Иван нахваливал жену и гордился тем, что у него такая хозяйка, но Кристина увидела, что это не очень нравится Свете и решила поддержать подругу.

– А Света, какая умница, какие салаты приготовила, пальчики оближешь. В этом плане, Ванечка, тебе со мной не повезло, – засмеялась Кристина! – Я не такая уж и хозяйка. У меня руки точно не на том месте.

– Зато голова на месте. Красный диплом МГУ! – хвалил жену Иван. – Жена у меня в бухгалтерии Бог, и в постели красотка. А кухня, это удел бездарных. Пусть они на кухне возятся, – произнес он, брезгливо поглядывая на пополневшую Свету. – А Кристина – моя вторая голова, помощница моя.

Антон зашел из кухни с холодным шампанским и поддержал разговор не в том ключе, как хотелось Свете.

– Иван, ты хвастаешься, что Кристина тебе в бизнесе помогает. Так что будешь мне благодарен всю жизнь! Это ж я тебя с нею познакомил, – смеясь, напомнил Антон. – Считай, мозговой центр тебе подарил.

– Да прекратите вы, как в детском саду! – закричала Света и бросила с грохотом вилки на стол. – Расхваливаете Кристину, будто замуж выдаете!

– Не обращайте внимание, – постарался исправить неловкую ситуацию Антон. – Самый настоящий предродовой синдром! Это у всех будущих мамаш бывает.

– Светику можно капризничать, – заступилась за подругу Кристина, вынося из кухни мясную нарезку. – Она будущая мамочка. Мне кажется, если я забеременею, сразу начну всех строить, как в группе!

– Ладно, строитель. Здесь я – хозяин, забыла, любовь моя, как я тебя успокаиваю, – щекоча Кристину, заметил Иван. – Дома я командир над всеми!

– Ой, можно подумать, Кристина – строитель. Да в группе ее тоже никто не боится. Так делают вид, что уважают. А сами в уголке шушукаются, как ее обдурить и с пары свалить! – зло процедила Света.

– Еще никто не свалил, как ты говоришь! Дисциплина у меня, как в армии. Мне Ванечка рассказывал, что у них там строго было! Антон, – обратилась она к другу, – в армии дисциплина была?

– Еще бы! В армии без нее нельзя! Там нельзя вообще расслабляться. Иначе можешь расстаться, всего – навсего, с жизнью! Если тебе ее не жаль, конечно, то можно и схалтурить, поиграв со смертью, – сказал Антон, расставляя тарелки.

– Это истинная, правда! Из одного такого недисциплинированного мы в плен и попали! Если бы не Антон, не знаю, сидел бы я с вами сегодня или нет?! – сказал грустно Иван.

Он стал вспоминать тот злополучный день. И стал рассказывать, что это было жарким летом. Что в тот год продолжалась активная фаза боевых действий в Чечне. Что они чудом остались живы.

В то время боевики вели партизанскую войну, активизировались случаи террористических актов. Иван, выполняя задание, получил ранение в ногу от своего же солдата, который настолько растерялся от шока, когда увидел рядом с собой чеченцев, что стал палить вокруг себя, пока Иван не выхватил у него пистолет. Но было уже поздно, солдата убили, а Иван, с тяжелым ранением, попал в плен и долгое время про него никто ничего не слышал. Но Антон, не говоря ничего своему командиру, решил сам найти Ивана. И придумал план, как его спасти.

В то время командование российских войск успешно

применяло военные хитрости. Они заманивали боевиков на минные поля, которыми обложили свою собственную военную часть, в которой находился Антон. Но он не испугался, а ночью тайком перебежками, пробирался через минное поле в аул, который находился неподалеку.

Антон у местных мальчишек за пачку сигарет расспросил, в каком подвале держат пленного раненного. Он не знал, был ли это Иван, но очень надеялся проверить версию. «Хоть одного человека, но спасу», – подумал Антон и разобрав черепицы старого погреба вытащил друга, пока пьяные вояки громко между собой спорили, что войне конец и что их обложили минами, как зверей в берлоге и что с той стороны не стоит ждать опасности.

Но Антон, рискуя жизнью, тянул на себе друга через все минное поле и все-таки спас его от смерти.

– Хватит, мы уже слышали эту историю, – прервала разговор Света. – Всем известно, какой Антон смелый и сильный. Давайте праздновать Новый год! – закричала Света.

– Опять очередной синдром. Мы не обижаемся на будущих мамаш. Потерпим, ради нашего будущего ребенка! – обнимая жену, произнес Антон.

– Ребята, садимся! – перевела разговор Кристина. – Нужно провожать старый год! Пусть все самое плохое останется в прошлом! А в Новый год мы заберем наши счастливые семьи с пополнением, – весело предложила Кристина.

Дружная компания, звеня бокалами, стала провожать уходящий Старый год! Звучала новогодняя музыка из любимых кинофильмов. Кристина улыбалась и радовалась, ожидая появление нового счастья!

Мужчины, как всегда, торопились проводить Старый Год и наливали одну за одной, отправляя проблемы в прошлое, чтобы они не вернулись.

– Хватит частить! – ругалась на своего мужа, Света. – Куда ты все время спешишь?! Если будешь так усердно провожать Старый год, можешь не встретить Новый.

– Света, почему ты меня все время ругаешь? Ведь я и так самый настоящий подкаблучник. Все делаю, как ты захочешь. Оставь хоть в праздник свои нотации. Поучись у Кристины, они вообще с Иваном не ругаются.

– Я его не ругаю, потому что я не беременная! У меня нет гормонального всплеска эмоций. Я еще не мама, – заступилась в очередной раз за подругу Кристина. – Хватит спорить, лучше пошли танцевать!

Кристина резко вскочила, пошатнулась, схватилась за стол, побледнела и сказала испуганно: «У меня очень закружилась

голова. Я, наверное, быстро встала, и не рассчитала свои силы. Два дня уже тошнит и голова кружится.

Антон посмотрел на Свету, затем на Ивана и весело сказал:

– А у нас ведь дети родятся в один год! Кристина, я думаю, ты точно беременная!

– Нет, нет, этого не может быть, мы с Ваней все запланировали. Хотя, это могло произойти до того, как мы проектировали свое будущее, – засмеялась Кристина. – Это произошло в первую брачную ночь.

– А может ты просто заболела?! – спросила Света испуганно. – Простуда тоже дает такой эффект: так же голова кружится, тошнит, слабость. А давление у тебя не высокое?! Знаешь, инсульт сейчас не выбирает возраст. У нас в деревне, соседка моя, двадцатилетняя, лежит парализованная от инсульта!

– Вообще с ума сошла, подруга называешься, – зло выкрикнул Иван. – Хватит каркать! Просто Кристина ничего не ела, готовила праздничный стол. Я ей говорил, чтобы перекусила, так она сказала, что аппетит перебьет!

– Ванечка, не кричи на Свету, она просто испугалась за меня. Я ее понимаю. Пойдем, Света, ты мне давление померишь, – попросила Кристина подругу и потихоньку поднялась из – за стола.

Глава 7

В Санкт-Петербурге красивая пятидесятилетняя писательница Катя, мама Кристины, бежала по Невскому проспекту в сторону Дворцовой площади. Она очень торопилась в издательство на Большую Морскую, неся очередную рукопись своего романа. Мама Кристины была очень хороша собой. Она сумела сохранить фигуру, потому что каждый день делала пробежку по Крестовскому парку. Выглядела моложе своих лет, была полна сил, не только физических, но и творческих. Ее изумрудные глаза, той же формы, что у дочери, пытливо рассматривали гостей Санкт-Петербурга. Эта была чисто писательская манера поведения, – подхватывать характерную деталь, вглядываясь в лица удивленных японцев, которые с открытыми ртами любовались архитектурными ансамблями любимого города.

Катя обожала экскурсии по рекам и каналам Санкт-Петербурга и пешие прогулки от Дворцовой площади до Александро-Невской лавры по изящному Невскому проспекту.

– Это мой отдых для души, – признавалась она мужу Никите, когда приходила с очередной прогулки.

Мама Кристины очень много работала, она не знала, откуда берутся все эти романы, рассказы, которые она издавала. «Мы, пишущая братья, проводники чужих мыслей и опыта», – думала она, неся в издательство очередной роман. Неожиданно ее взгляд привлек седой мужчина, лицо которого было до ужаса знакомо.

«Этого не может быть?! – подумала Катя, – Яков погиб в Дагестане, выполняя важное задание Центра».

Но перед нею стоял Яков.

– Яков Саммуилович? – окликнула она его.

Мужчина невидящим взглядом посмотрел на Катю и холодно произнес: «Вы обознались».

Катя отступила от него в сторону и краем глаза заметила, что к нему подошел ее давний враг – Игорь Сергеевич Севрюк.

«Господи, опять он. Сколько можно уже с ним сталкиваться?! И, конечно, с ним рядом не Яков, а Юра, местный криминальный авторитет, его брат. Значит, он вышел из тюрьмы раньше», – грустно вздохнула Катя.

Катя хорошо помнила то громкое дело, ведь именно ее муж Никита разоблачил эту бандитскую группировку, работая в органах.

«Как давно это было», – подумала Катя.

Всю жизнь она ненавидела этого человека. Она помнила, все испытания, которые он ей преподнес в ее такой короткой и такой

длинной жизни.

Кате казалось, что она в одной жизни прожила уже их штук сто. Иногда ей казалось, что все это с нею происходит, как в том страшном сне с двумя свиньями, иногда ей казалось, что все это длинный, надоевший сериал, иногда она смотрела на все эти события со стороны. Как будто душа вышла из тела и спокойно лицезрела свои дела и поступки откуда-то сверху.

«Но почему этот ничтожный человек всегда находится где-то неподалеку? Сколько уже можно напоминать о совершенных тобой проступках, сколько можно дышать с этим ненавистным человеком одним воздухом, сколько можно бояться его…», – думала Катя вздыхая.

Она была уверенна, что именно он причастен к убийству Якова. Конечно, она никогда не забудет тот день, когда Яков вместе с ее мужем уезжал в последнюю командировку в Дагестан.

Никита вернулся оттуда один, с тяжелым ранением ноги. Яков погиб, выполняя задание. Вертолет, в котором находился Яков, был сбит террористами. Тело Якова нашли. Никиту комиссовали, отправив на пенсию. Теперь он пенсионер со стажем. А Якова больше нет.

Вот так бывает в жизни, что люди, которые не заслужили быть живыми, спокойно прогуливаются по городу, отсидев в тюрьме, а люди, которым суждено наслаждаться заслуженным отдыхом, погибают, исполняя служебный долг в горячих точках.

Катя до сих пор не могла понять, почему это происходит именно с нею. Ее злейший враг, Игорь Севрюк, вдруг становится ее родственником.

Почему именно в его сына, влюбляется любимая и единственная дочь? Почему она не послушала совета мамы? Почему она проходит тот же путь, что проходила она. Дочь всегда повторяет судьбу матери. Это ясно! Но для чего это нужно, не понятно.

Как говорится, каждая жизнь – это новый роман, потому что ни в одной жизни нет одинаковых сюжетных поворотов. Нет даже одинаковых проблем, которые повторяла бы жизнь. Проблемы у всех разные. Это так страшно, когда слушаешь рассказы своих друзей, знакомых и понимаешь, что жизнь ни у кого не повторяется. У всех она разная. И одна страшнее другой. Вы обратите внимание, поговорите с друзьями и поймете, что жизнь каждому человеку преподносит разные сюрпризы и разные проблемы.

Катя шла, задумавшись по Невскому проспекту, и не заметила, что оказалась в Казанском соборе, где и поставила свечку – «За упокой близкого друга – Якова Саммуиловича

Гельштейна».

В Казанском соборе, как всегда в конце рабочего дня народу набилось так много, что очередь к Иконе «Казанской Божией Матери» тянулась к самому западному выходу собора.

Люди разных национальностей и цвета кожи: желтые, черные, белые выстаивают, чтобы прикоснуться к Святыне. У всех на лицах своя особая проблема, о которой не знает, стоящий рядом.

Но все точно уверены, что Богородица всех слышит, видит их нужды и обязательно им поможет. Вдалеке слышатся успокоительные слова вечерней молитвы, которые лечат прихожан этого Храма. Люди внимают каждому слову и стоят осветленные каким-то непонятным сиянием исходящим откуда-то изнутри.

Недаром ученые, проводя эксперимент над силой Святого духа в Храме, были поражены, когда увидели, что обыкновенный человек до прихода в Храм на датчиках выглядел, как семидесятилетний старик, а войдя в Храм, был подобен младенцу.

Вот почему, многие после службы ощущают себя побывавшими в санатории. Вот и Катя, стоя в очереди, обратила внимание на прихожан, которые слушали слова молитвы. Они на глазах молодели. На лицах у них расправлялись морщинки, следы прожитой жизни стирались и вместо скорби, выражение лица отображало спокойствие и счастье.

Поговорив негласно с Богородицей и попросив у нее помощи, Катя вышла из Храма помолодевшая и успокоенная, что все в этой жизни происходит так, как должно происходить, а мы все перед Богом маленькие букашки, которые барахтаются в пыли, пытаясь изменить мир.

Придя домой, Катя поделилась с Никитой своей случайной встречей с братом-близнецом Якова. Она рассказала, что видела его с отцом Ивана, бывшим политиком и убийцей в одном лице, Севрюком Игорем Сергеевичем.

– Их ничего не разлучает, ни тюрьма, ни города, ни время, – возмущалась Катя, готовя мужу обед. – И почему Кристина выбрала именно его сына. Может быть, стоило настойчивее отговорить ее от этого опрометчивого шага.

– Родители не выбирают вместо детей им мужей и жен. В данном случае, наша дочь довольно взрослая и вправе делать выбор сама, тем более она вся в меня. А любовь сильный аргумент. Против него не попрешь. Забыла, как я добивался тебя? – улыбался отец Кристины, целуя жену.

Немного прихрамывая, после ранения, он потянулся к полке с книгами и взял любимый детектив.

– Скучаешь за работой, – улыбнулась Катя, глядя на мужа. – Почему ты не читаешь мои романы?

– Боюсь узнать всю правду о себе, – произнес он, подмигивая жене. – Не хочу знать, как ты ко мне относишься.

Катя вздохнула, посмотрела в окно и подумала: «Что-то мне тревожно, почему Кристина не звонит. Ничего у них там не случилось?».

Глава 8

А в это время Кристина с Иваном вели неприятный разговор. Конечно, он должен был состояться рано или поздно. Иван был уверен, что его авторитет сыграет определенную роль, и он сможет убедить Кристину, что ребенок не нужен. Он, поглядывал на себя в зеркало, и поправлял красиво уложенную модельную стрижку. Иван был доволен увиденным. В отражение зеркала, на него смотрели черные как смоль глаза, сверкавшие злым высокомерием!

– И не нужно плакать, Кристина, ты должна понять, нам еще рано иметь детей! Давай подождем, пока ты университет закончишь. Я тебя очень прошу, давай повременим, – умоляюще добавил Иван.

– Ваня, я не пойму тебя. Ты говоришь ужасные вещи, вместо того, чтобы обрадоваться и поздравить меня?! – плакала Кристина. – Я лучше с тобой разведусь, и буду воспитывать ребенка сама. Но я никогда не сделаю аборт. Ты слышишь? Никогда! Я никогда не убью нашего ребенка.

– Кристина, ты очень слабенькая! Тебе нужно побольше отдыхать, чтобы родился здоровый, полноценный ребенок, понимаешь?

– Прекрати, пожалуйста, Ваня! Не заставляй меня разочаровываться в тебе! Зачем ты меня оскорбляешь?! Врачи сказали, что есть угроза выкидыша, но это угроза есть у каждой мамочки. Они так всем говорят! И Свете то же самое говорили.

Кристина подошла к мужу, погладила его по голове, прижалась к нему нежно.

Последнее время он даже не прикасался к ней. Она догадывалась, что он боится навредить ребенку. Но ее желание против воли росло с каждым днем беременности. Она ощущала в себе, что становится настоящей женщиной. Даже к мужу стала относиться более трепетно. Как женщина она очень хотела его. В душе все переворачивалось, когда она прикасалась к мускулистому телу своего драгоценного Ванечки. Но он был холоден. Раньше она не замечала за ним такого. Помог гормональный всплеск эмоций!

Беременная женщина всегда видит все в более ярких тонах и сильнее ощущает как положительные, так и отрицательные стороны. И Кристина, конечно, заметила изменения в поведении мужа. Но она тут же нашла оправдание его холодности.

– Я тебя прекрасно понимаю, ты очень за меня переживаешь, за мое здоровье беспокоишься. Не волнуйся, все будет хорошо. Я

рожу тебе очень здорового мальчика, поверь мне. И со мною ничего не случится. У молодых папаш тоже бывает предродовой бзик. Я теперь вижу, какой он.

Кристина обняла мужа и стала успокаивать его еще сильнее. Она приводила массу примеров, как можно учиться в университете и родить здорового ребенка. Она убеждала его в том, что можно зарабатывать деньги, сидя дома, выполняя контрольные для неуспевающих и ленивых студентов. Она же этим подрабатывала раньше. Иван слушал ее и понимал, что Кристину не переубедить.

Дни летели с бешеной скоростью. Учеба в университете занимала большую часть времени. Иван продолжал приезжать из Питера в Москву чаще, чем об этом догадывалась его жена. Он продолжал жить двойной жизнью удачного бизнесмена, который постепенно из миллионера превращался в миллиардера.

В его правилах значилось, один раз в месяц покупать новую машину, которая очень ему нравилась. В свободное время он занимался только собой и деловыми переговорами. Создав сеть риэлтерских офисов по всему городу, скупал свободные земли вокруг города Санкт – Петербург. Все деревни были его частной собственностью. Барин, так звали его партнеры по бизнесу. Барин соизволил приехать! Барин едет! Барин велит его выслушать! Барин везет деньги!

Деньги это была отдельная история всей его жизни! Деньги – это была единственная и настоящая его любовь. Жаднее не было человека на свете. Он настолько любил деньги, что любое прикосновение к ним других лиц приводило его в бешенство. К деньгам он мог прикасаться только сам лично и в любое время суток. Он боготворил деньги. Он ими жил. Он ими бредил. Он их по – настоящему любил неземной любовью. В отличие от своего фронтового друга Антона, который любил только свою жену Свету и уважал ее подругу Кристину.

– Девочки, мои беременные подружки, я вам привез фруктов и продуктов из деревни. Все экологически чистое и полезное, – говорил вечно улыбающийся Антон Петров, заглядывая в больничную палату к неразлучным подругам – Свете и Кристине.

Девочки лежали на сохранении. У обеих была угроза выкидыша. Они лежали в одной палате, и были очень благодарны Антону.

– Девчонки, не переживайте, я с вами! От Ивана вам большой привет. Он постоянно спрашивает, как вы себя чувствуете. У него опять грандиозные проекты. Ну, как говорится, будет богат мой друг, буду богатым и я!

– Антон, какой ты молодец! – говорила Кристина, – если бы

не ты, мы не выдержали эти долгие, не заканчивающиеся дни?! А ты нам палату отдельную выбил, телевизор привез, балуешь нас витаминами. Почти каждый день приезжаешь. Да еще денег не берешь. Ты не переживай, у меня деньги есть. я сама зарабатываю, контрольные работы однокурсникам делаю, да и мама мне подкидывает. Возьми, пожалуйста! Почему ты должен нас обеих содержать. У тебя жена есть. А тут еще я?!

– Прекратить истерику! Кристина, сколько раз тебе говорить, что Иван мне присылает денег, чтобы я тебе гостинцев привозил, – соврал как всегда Антон.

– Света, скажи ему, пожалуйста, пусть он не врет! Я звонила Ивану. Он сказал, что ничего тебе не присылал. Сказал, что при личной встрече отдаст.

– Кристина, давай не будем считать, твое – мое! Мы же никогда ничего не делили между собой, – запротестовала Света.

– Света, и ты туда же! Я что не понимаю, как эти деньги Антону достаются?! Он днем и ночью работает. Посмотри на него, как он похудел весь. Ты же знаешь, как врачам платят.

– Кристи, он же тебе ясно сказал, что они сами с твоим мужем разберутся. И нечего лезть в мужские дела. Ваня приедет и все сполна ему отдаст. Ваня еще никогда никого не подводил. Тебе должно быть очень стыдно, что ты не веришь своему мужу. Зачем вообще тогда жить, если не веришь?!

Но в том-то и беда, что Кристина очень доверяла своему мужу. Она даже не догадывалась, за какого человека она вышла замуж. Она ловила каждое его слово и не хотела обременять его своими женскими сомнениями.

Кристина была терпеливым надежным другом. Старалась даже в больнице быстрее сделать для него смету и проверяла его новые проекты. Большую часть тех новаторских идей, которые Иван использовал в своих бизнес-планах, она подготавливала для него одна и подтверждала их точными расчетами и гарантией успеха.

Но Иван ни разу даже не соизволил навестить ее в больнице. Да и не только ее, но и свою любовницу Свету и друга Антона, с которым он давно уже не виделся. Он продолжал жить двойной жизнью, которая ему очень нравилась.

Глава 9

На огромной скорости Иван мчался на очередной строительный объект в Санкт-Петербурге. Из динамиков новенькой Паджеро, громко вопила песня: «Мальчик бежит по дороге, сшибая столбы…».

За окном машины вьюга сильно кружила свои вальсы на Университетской набережной. Мороз усиливался. Нева замерзла, покрылась толстым слоем снега. Черная Паджеро мчалась через Дворцовый Мост со стороны Васильевского острова.

Слева проносился зеленый красивый Зимний Дворец, вдалеке виднелся высокий Александровский столп, а желтая подкова Главного штаба впереди обнимала весь этот архитектурный ансамбль.

С высоты тридцати шести метров на машину Ивана косилась из триумфальной колесницы Ника, восседавшая над аркой в повозке. Она простирала левой рукой штандарт над площадью. А в правой руке богиня держала лавровый венок, символ воинской славы. Неподалеку застыли в этот момент в своих античных доспехах фигуры часовых, которые приветствовали всех, кто мчался мимо них. Сквозь пелену снега открывался вид на Невский проспект.

– Что косишься? – закричал Иван в сторону Ники. – Что победила ты всех? Да была б моя воля. Я бы здесь все снес», – брезгливо произнес Иван и повернулся в сторону сидящего рядом отца. – Представляешь, папан, стоят новые произведения искусства, мои личный Дворец на площади, которая будет называться «Ивановой площадью». И весь Невский проспект будет состоять из одних моих новеньких коттеджей! Зачем эта старая рухлядь, для разведения клопов?! А у меня сверхсовременные, ультрамодные, и самое главное, усовершенствованные памятники архитектуры! Что там Петр Первый! Я – Иван Первый, создатель новых человеческих возможностей! Только я используя новейшие материалы и строю новый современный Питер, который весь в стекле и в сверкающем металле. Вот моя мечта!

– Барин, не смешите меня, – сказал Ивану отец и партнер по бизнесу – Игорь Сергеевич Севрюк! – Еще в те страшные времена, когда Россия продавалось самим Меньшиковым. Еще тогда таких, как ты, дельцов, было превеликое множество. Но в центре города дворцы строили только Шереметьевы и Строгановы. Они к кормушке были ближе, чем ты теперь. Сколько можно тебе, дураку, говорить, чтоб в политику шел. Они в то время даже не могли предположить, что русский Иван-дурак подомнет под себя,

спустя каких – то 300 лет, земли Питера. Если бы они знали, что люди без роду и племени захватят Невский проспект и переделают его в один огромный Мотель, они бы не поверили.

– Папан, почему вы злитесь все время. Вам обидно, что Мурманск под себя в свое время засунуть не смогли, что в депутаты подались. И Питер не успели захватить, в тюрьму загремели. И что вы теперь не очень молодой человек! Силенки-то не те. Заграбастать все не удастся. Зря нервничаете. У вас же и так все есть! Я имею в виду, что у вас есть деньги. У вас есть бизнес! Вы открыли банки. Душите людей процентами. Сидите на нефтяной жиле. Скупили весь Невский, сделали Мотели и Хостелы. Тем самым зарабатывая больше генерала Смирнова и ему подобных, которые, как вы говорите, каких-то сто лет назад, имели от своих доходных домов меньше, чем вы сейчас, – подшучивал Иван над отцом.

– Иван, я доволен абсолютно всем. И самое главное, я доволен работой израильских медиков, которые продлили мне жизнь и подарили самое главное, что у меня есть – «время для мести».

– Я тоже ждал этого времени, – отозвался на заднем сиденье мужчина намного моложе, чем Игорь Сергеевич. – Это был его личный охранник, Виктор.

Виктор все время внимательно слушал Ивана и смотрел в зеркало на его отражение. Он увидел, что к нему повернулся Игорь Сергеевич, который подмигнул ему.

– Слышал, сынок, Виктор тоже хочет кому-то отомстить после отсидки. Жаль, Витек, что в девяностые мы не смогли завладеть всеми деньгами Дядюшки. Но теперь, мы точно будем поумнее. Ты знаешь, я вчера с ним виделся.

– С кем? – удивился Виктор.

– С Дядюшкой, с кем же еще?

– Неужели объявился. Он же пожизненный получил.

– Сказал, что недавно откинулся. Ты же знаешь, что деньги, – ключ к любому сейфу! – засмеялся Игорь Сергеевич, шлепнул Ивана по плечу и радостно произнес: «Иван, я обязательно тебя познакомлю с Дядюшкой. Тебе будет чему у него поучиться».

Иван посмотрел на отца, заулыбался и подумал: «Конечно, имя Дядюшки в семье всю жизнь звучало, как нарицательное. И я должен еще у него чему-то учиться».

– Сынок, кстати, Дядюшкину явочную квартиру в Москве, которую он подарил маме, мы тебе дарим. Надеюсь, у тебя ума хватило ничего о ней не говорить жене. Я думаю, ты усвоил урок, когда я отправлял тебя ухаживать за Кристиной в деревню. Ты прекрасно знаешь, кто ее родители. Они наши кровные враги и

мы должны нанести им удар под самый дых. Ты – состоятельный жених и поэтому ты – заказываешь музыку, которую мы тебе сочиним. Или ты думаешь, что в жизни все решают деньги? Нет, все решает папа, у которого они есть! – захохотал Игорь Сергеевич. – Запомни, пока у тебя есть деньги, ты – Человек! А когда у тебя их нет, ты – Грязь!

– Опять вы за свое, папенька?! Вы еще вспомните мореходку! Как вы на подводке служили, как кооперативы в Мурманске открывали, как на севере было некомфортно! Как в Москву рванули и все там скупили, а теперь вот Питер к рукам подбираете. Только есть одно «но». Кристину, я, когда увидел, сразу полюбил. Собственно говоря, даже не думал, что она такая красавица? Поэтому ваше задание выполняю с удовольствием. Так что, папан, давайте побольше таких приятных дел.

– Ну, стервец, ты похлеще моего будешь?! Ты как с отцом разговариваешь?! Смотри у меня, лишу наследства, тогда узнаешь.

– Позвольте вам напомнить, что я у маман тоже единственный наследник! Так что не из бедных я! Это мой дружок по институту Антон Петров, что у вас ночами на мойке подрабатывает, как родился нищим в Горькой Балке, так на нищенке Светке и женился, вот в грязи так и живут. Жена его тоже из черни, как раз для Антона подходит. Он взял в жены простушку, как вы говорите, из деревенской грязи. Работал, работал Антошка, а в князи так и не попал. Не удалось ему, во мразях так и ходит. Кстати, его жена моя временная подстилка по совместительству. А жену я люблю.

– Ладно, умник, весь в меня пошел, «однолюб», – засмеялся Игорь Сергеевич. – Мы тебе верим, конечно, что Кристину ты по – настоящему любишь, но рано или поздно с ней нужно будет распрощаться.

Игорь Сергеевич еще раз повернулся к Виктору и признался ему: «Витек, а ты знаешь, ведь любовь на свете есть. Только странная какая – то эта любовь! Вот вроде бы у меня баб было, как грязи. Но запомнил я почему – то одну из всех, Екатерину Воронцову, которая свахой моей стала. Жду не дождусь, когда снова свидимся.

– Папан, ты что мою тещу до сих пор любишь? А как же моя ненаглядная матушка? – засмеялся Иван. – Вы ее не любили совсем, получается? Если не любили, откуда у вас я такой красивый и умный получился. Кристина говорит, что кто больше любит, на того ребенок и похож. И вообще, я слышал, что красивые дети бывают только от любви?!

– Я расскажу тебе об этом как-нибудь в другой раз, сынок! Не

все сразу! Мы еще с тобой в разведку вместе не ходили. А то, что мы партнеры по бизнесу, так это пока временное явление. Пока я этого хочу. Ставки еще не сделаны, господа! Ох, месть, сладкая на вкус, скажу я вам, хоть и подается холодной.

Виктор всю дорогу молчал и только исподлобья косился на своего шефа. А Игорь Сергеевич продолжал болтать, ничего не замечая.

– В общем, слушайте сюда, от Кристины в ближайшее время будем избавляться. Позже скажу, когда нужно будет это сделать. Пришла пора платить по счетам, господа офицеры.

Игорь Сергеевич Севрюк, в прошлом капитан подводной лодки, загубил не одну душу молоденьких матросов, бежал из тюрьмы, жил по чужим документам в Мурманске. Благодаря таинственному дядюшке жены, сделал политическую карьеру. Жажда наживы сыграла свою роковую роль и, несмотря на депутатскую неприкосновенность, был разоблачен вместе с главарем коррупционной группировки, тем самым «Дядюшкой жены» и получил заслуженный срок в тюрьме.

Отсидев, вышел по амнистии, стал предпринимателем! Еще в девяностые слыл известным в мире бизнесменом. К тому ж он был своеобразным человеком. До того разным, что никто не знал, что от него ожидать в данный момент. Темное прошлое этого пожилого мужчины, немым укором отражалось на его отвисших веках злого человека. Взгляд, казалось, пронизывал собеседника насквозь. Он ни одному человеку не доверял и на всех смотрел из-под лобья.

Единственным близким человеком был сын Ванечка, в котором он души не чаял. В молодости он переболел страшной болезнью крови. Ему несколько раз в Израиле делали чистку, через сепарирование и полную замену. Как ни странно, деньги сделали свое дело, он остался жив. Может быть, для чего – то Бог его оставил на этой грешной земле?! Но об этом читатель узнает чуть позже…

Глава 10

– Кристина, любимая моя, как я за тобой соскучился! – обнимая и поглаживая живот жены, признавался Иван после пяти недель расставания.

– Как вы здесь без меня жили? Извини, что оставил одних, много работы было. Мы с любимым папашей летали заключать контракт в Париж. Дело было очень сложным. Торги были закрытыми, пришлось попереживать. Но благодаря тебе, любовь моя, мы тендер выиграли. Все прошло замечательно, у нас все получилось. Теперь дело за Лондоном.

– Ванечка, я тебя очень прошу, отдай, пожалуйста, деньги Антону. Он за мной и за Светой ухаживал, фрукты носил. У них и так денег нет, а тут я еще. Я очень переживаю за ребят, за Свету переживаю, за Антона. Они тянуться из последних сил. Антон мясо, молоко, закрутки нам из деревни постоянно привозил. Не знаю, как бы мы без него прожили.

– Было бы о чем переживать?! У них скотины полные загоны. Не обеднеют от лишнего барана, подумаешь, из сада фруктов нарвал, картошки в огороде накопал, свинью зарезал. Не обеднеют. Деревня должна кормить город. Не стоит вообще об этом париться.

– Ванечка, я тебя очень прошу, отдай Антону деньги. Он заплатил за отдельную палату, привез нам телевизор, врачам деньги постоянно совал. Ваня, от меня он денег не берет, понимаешь.

– Понимаю я все, – недовольно заметил Иван. – Хорошо, мы с ним поговорим на эту тему, не переживай. Лучше расскажи, как там мой сын красавец поживает?!

– А может будет девочка, откуда ты знаешь? Я специально не спрашиваю, кто там. Пусть сюрпризом будет. А так у нас все хорошо. Врачи говорят, что беременность протекает нормально. Только на Узи сказали, что нужно сходить к генетикам. Просили, чтобы мы с тобой вместе генетикам показались. Вот я тебя и ждала. Свете с Антоном тоже сказали придти. У них такие же проблемы. Может это плановая процедура, раз у всех одно и то же.

– Хорошо. У меня есть в запасе три дня, сходим. А сейчас накрывай стол, зови Светку, пусть приезжает в гости. Она все так же в общаге живет?! – спросил Иван, делая безразличный вид.

– Да, все так же. Я ее просила ко мне переехать, но она ни в какую, говорит, – пока Иван не скажет, она переезжать к нам не будет. Видно, стесняется тебя, боится, что ты против будешь.

Иван отвернулся к окну, заулыбался, даже облизнулся, как паршивый блудливый кот. Мысль о том, что две его женщины будут у него под боком, очень ему приглянулась. Он как всегда рассматривал себя в отражении ночного стекла, поправлял прическу и наблюдал за женой, которая торопливо набрасывала на стол скатерть. Она расправляла каждую складочку, наклонялась к столу, затем немного отошла, посмотрела, на одном ли уровне свисают концы скатерти, затем держась за спину, повернулась в сторону мужа и предположила: «Света точно стесняется переезжать к нам, чтобы помехой нам не быть, ты бы поговорил с нею».

– О чем речь? Можешь сказать, что я все – равно в командировках. А вам скоро рожать. Насколько там у вас разница между детьми?

– Она не знает. Врачи никак не могут ей установить срок беременности?

– А с ребенком все нормально? Кто у нее там?

– На Узи сказали, будет сын. Представляешь, если у нас будет девочка, у них сын. Может у них любовь будет. Они возьмут и поженятся. Вот будет здорово!

Иван резко повернулся к жене, глаз у него предательски задергался, он весь затрясся от злости.

– Ты вообще из – за этой беременности рехнулась? Какая любовь? – закричал взбешенный Иван. – Точно говорят, что беременные тупеют. И что ты опять рыдаешь?! Хоть вообще домой не приезжай. Там намаешься с договорами, все пытаешься денег заработать, вкалываешь, как проклятый, а она опять со своими слезами. Ты же знаешь, что я этого не люблю!

– Извини, Ваня, извини, я просто не знаю, почему я все время переживаю, что ты меня не любишь.

Иван смягчился, подошел к жене, погладит ее по голове, прижал к себе.

– Глупенькая, моя, я тебя больше своей жизни люблю! И тебя и нашего ребенка. Ну, перестань! И ты меня извини. Давай, звони Светке, пусть приезжает.

Иван с детства думал, что этот мир принадлежит ему одному. В семье родители Ивана очень баловали. Ему дарили дорогие хорошие подарки. У него было все самое лучшее: лучшие элитные детские сады, лучшие школы, занятия в различных секциях, музыкальной школе.

Мать Ивана, Татьяна, работала главным бухгалтером сначала в Мурманском порту, затем главным бухгалтером в Правительстве Москвы, а теперь, будучи на пенсии, имела свой маленький бизнес – консервный завод на рыболовецком судне.

Несмотря на то, что в девяностых она была соучастницей экономического преступления, она почему-то из временного изолятора вышла очень быстро. Грамотные адвокаты добились того, что это дело замяли. Татьяна забрала Ванечку и уехала в Горькую Балку на юг нашей огромной Родины, подальше от города Мурманска. Она зализывала свои раны в деревне. Но, как всегда, была очень занятым человеком. Начинала с городской администрации, затем продолжала карьеру бухгалтера в правительстве края, а затем стала главным бухгалтером правительства Москвы.

Татьяна отдала единственного сына не воспитание бабушке Антона. Сначала взяла ее на работу, как няньку, а затем и вовсе оставила Ивана ей, снабжая деньгами каждый месяц.

Собственно говоря, она бросила сына, переехав устраивать свою собственную жизнь в Москву. Она успешно пользовалась деньгами и связями влиятельного Дядюшки, которым оказался Юрий Саммуилович Гельштейн, ее бывший любовник, по кличке – «Еврей», смотрящий города Москва.

В детстве Дядюшка рос с нею в одном детском доме в Калининграде и всю жизнь любил ее. Он помогал ей, хоть и получил, как говорили, пожизненный срок. Авторитет его был настолько велик, что Таня всегда находилась под охраной и поддержкой сильных мира сего, которые не последнее место занимали у кормушки власти.

Таня, за дядюшкины деньги, стала открывать коммерческие банки. Они приносили ей огромную прибыль. Она жила в свое удовольствие и даже не вспоминала о сыне Иване, который прозябал в деревне Горькая Балка. Когда Игорь Сергеевич вышел из тюрьмы, она забрала сына в Москву. Татьяна испытывала жуткий стыд перед своим брошенным сыном и, как могла, наверстывала упущенное.

Отсюда появились элитные детские сады, лучшие школы, курсы английского, финского и норвежского языков и множество различных спортивных секций. Но любовь сына она так и не смогла вернуть. Мальчик рос ужасным эгоистом, жил только для себя, и всегда делал все назло своим родителям. Он даже в армию пошел наперекор им. Попал в Чечню, был в плену, чудом выжил, и, пересмотрев свою жизненную позицию, решил помогать постаревшему отцу в его строительном бизнесе. Там же и получил кличку «Барин» за его вальяжное отношение к жизни.

У Ивана была такая манера общаться: немного высокомерно – пренебрежительная к окружающим его людям. Он даже с отцом всегда говорил, глядя на него сверху вниз. И не потому, что был намного выше ростом, что очень удивляло окружающих. Ведь

мать и отец были коротышками. И не потому, что не уважал своих родителей. И не потому, что был влюбленным в себя эгоистом.

А потому что он не знал цену деньгам. Они слишком легко ему доставались. Он думал, что на этой земле он может владеть всем, чем захочет. Он потерял простую человеческую душу, которая может радоваться, грустить, переживать и мечтать. Он перестал вообще понимать, что значит хотеть. У него не было никакого желания даже думать. Он превращался в пустышку, в машину по производству денег, которую заклинило именно в том месте, где мигало слово «сумма».

А Кристина росла в семье, где царила любовь. Она видела, как мама относится к отцу. Как папа ухаживает за мамой. Кристина очень любила их обоих. Но другом для нее был больше отец. Очень уж высокую планку он поднял. Он был сильным, красивым и очень добрым. А самое главное – надежным. Вся семья держалась только на нем. Он был добытчиком семьи, был ее тылом и ее фронтом. Он был настоящим другом.

Кристина была уверенна, что все мужчины такие, как ее отец. Она верила каждому слову своего мужа. У нее было много друзей мальчишек, которых она воспитывала с первого класса. Она с ними находила общий язык лучше, чем с девочками и всегда подражала папе.

Кристина защищала слабых, помогала не зазнаться сильным, и хвалила надежных. Все мальчишки в классе были в нее влюблены. Они открывали ей свои тайны, которые она умела хранить. И старались заполучить ее в друзья.

А затем Кристина переехала жить в Москву, поступила в университет на факультет, где учились одни девчонки. И ей приходилось уже хранить их тайны и так же защищать слабых и обиженных. Поэтому она и взяла под свое крыло Свету, деревенскую девочку, которую все обижали.

А как красиво она могла дарить подарки! С самого раннего детства, когда еще не могла зарабатывать, делала поделки своими руками, затем сочиняла стихи и песни ко всем дням рождениям друзей и близких.

Однажды она нашла старые заброшенные фотопленки на чердаке. Долго искала мастера, но все же сделала оригинальный альбом, который посвятила родителям. Это был альбом любви и молодости ее родителей.

Некоторые фотографии, они даже не помнили, когда фотографировались. Они прослезились, когда получили этот подарок.

Кристина как никто умела дарить людям радость, она умела дружить и она умела любить.

Она была настолько чистым и светлым человеком, что даже не подозревала, что в этой жизни могут ей встретиться совершенно другие люди, которых даже людьми-то невозможно назвать. Да и зверьми тоже. Звери в стае живут намного чище, чем некоторые из людей, рожденные от каинского семени.

Глава 11

– Света, приезжай сейчас же, Ваня очень хочет тебя видеть! – говорила по телефону Кристина! – Он не против того, что ты будешь жить у нас. Он очень обидится, если не переедешь. Он вообще думал, что ты давно переехала ко мне. Кстати, Антону будет тоже спокойнее, если ты будешь жить у нас. В общаге везде сквозняки, еще толкнут нечаянно на лестнице. Тебе нужно беречься. Ведь срок уже большой. Живот у тебя намного больше, чем у меня. Может у тебя там двойня, – продолжала настаивать Кристина. – И к сессии будет легче готовиться вдвоем!

– Пусть Иван мне сам позвонит. Скажи, что я буду ждать его звонка. Еще скажи, что я готовлюсь усиленно к сессии, хочу сдать экстерном и уехать к себе в деревню.

– Я тоже буду сдавать досрочно. Мне нужно опять ложиться на сохранение. Что-то там не так. Мы с Ваней должны сходить к генетикам.

– Они определили, чья патология у ребенка?

– Нет, сказали, что мы вдвоем должны сдать анализы, тогда установят причину нарушений.

– А Ваня надолго приехал?

– На неделю.

– Так мало? Хорошо, тогда ничего ему не говори, я приеду, – сказала Света и положила трубку.

Беременность проходила у нее нормально, но она не могла сказать Кристине, что проблема не в ней, а в Иване. Света не знала, что делать, если правда о сроке беременности откроется. Она злилась на то, что Иван перестал с нею общаться и бросил все на самотек.

Конечно, родить от одного и того же мужчины разным женщинам, – это мука для той, которая знает, что отец ее ребенка, еще отец ребенка подруги. К тому же, что ребенок на три месяца старше ребенка Кристины, хотя свадьба у них была в один день, она не могла никак объяснить Антону.

Единственное, что она могла сделать, это скрыть информацию о сроке беременности. И поэтому она всячески пыталась выкрутиться, чтобы он не понял, что взял в жены беременную от своего лучшего друга, девушку.

Никто не обратил внимания, что у невесты платье было, как у Наташи Ростовой – пышное от груди. Света никогда не была худышкой, и поэтому беременность удалось до последних недель очень удачно спрятать. Антон был счастлив, что Света согласилась выйти за него замуж, потому что давно был влюблен

в нее и ничего подозрительного не замечал.

Когда Света была еще совсем маленькой девочкой, она приезжала в гости к своей родственнице тете Кларе в Горькую Балку. Там она познакомилась с Антоном Петровым и Ванечкой Севрюком, которые жили у бабушки Антона в этом селе.

У них завязалась пылкая детская любовь на троих. А потом Ванечка уехал жить к своей маме в Москву. Встретились они уже позже, когда из гадкого сельского утенка, Света превратилась в красивого гордого лебедя. Ваня был первым мужчиной у Светы. Это произошло еще задолго до того, как он познакомился с Кристиной.

Собственно говоря, Кристина, как и хотела, вышла замуж за сельского паренька – Ивана, который вырос у бабушки в деревне. Долгое время семья Игоря Сергеевича жила в Москве, но бизнес решено было расширить и они переехали в Санкт – Петербург.

Его друг, бывший охранник Виктор Викторович, со своей женой Анной остался жить в Москве. Когда Игорь Сергеевич решил заняться бизнесом в Питере, он взял с собой бывшего охранника и подельника в совместный проект. И когда дела пошли в гору, они заскучали и вспомнили старые обиды.

Игорь Сергеевич и Виктор решили, что пора уже отомстить своим врагам, которые упрятали их в тюрьму. Они очень лихо придумали план, который состоял в том, чтобы женить Ивана на Кристине.

С этой миссией они отправили Ивана за Кристиной к его другу детства Антону, который подрабатывал у Игоря Сергеевича. Антон брался за любую работу, ночью – на мойке, днем, после лекций, – курьером.

Именно он сообщил Игорю Сергеевичу, что едет в деревню, потому что его невеста Света с подругой, дочерью знаменитой писательницы, Екатерины Воронцовой, едут на выходные в деревню.

Вот так он узнал, что Кристина, дочь его врага. Он тут же приказал Ивану выехать следом и соблазнить Кристину. Но этим они не хотели довольствоваться. Им нужен был их брак.

Иван не знал, как выглядит его будущая жена, когда ехал по заданию отца. Он представлял самую страшную девушку деревни. Но понимал одно, что его судьба предрешена, слишком он зависел от отца. Он не мог его ослушаться. Он знал, если отец что-то решил, с ним бесполезно было спорить.

И, конечно, он был очень удивлен, когда увидел свою будущую жену. Она нисколько не разочаровала его. Кристина была красавицей под стать ему.

Ванечка, гордость отца, живя до восьми лет в деревне Горькая

Балка, у бабушки Антона считал ее своей бабушкой. Даже после того, как переехал жить в Москву, продолжал каждое лето приезжать к ней погреться и окрепнуть. К тому же он всегда был очень общительным молодым человеком и любил быть в центре внимания. Отличался от своих сверстников ростом и храбростью. Всегда подкупал ребят коробками дефицитной жвачки и, конечно, импортными ликерами.

Когда молодежь подрастала, в ход шли все ухищрения ухаживания за красивыми девушками села. Они со своим другом Антоном Петровым славились еще тем, что казались самыми преуспевающими молодыми людьми. У них всегда были деньги. Антон рано начал подрабатывать в отличие от Ивана, который пользовался благами родителей и был завидным женихом.

Иван раскатывал на иномарке с ветерком по селу и обдавал пылью местных жителей, которые смотрели на иностранную машину, как на космический корабль. Все в округе твердили, что Ваня сын депутата, к которому нельзя прикоснуться.

Света хоть и не была дочерью депутата, тоже не позволяла никому к себе дотронуться. Она была красавицей и умницей и возле пухленькой розовощекой девушки постоянно вились парни села, как пчелы на пасеке.

Она всем нравилась своим открытым характером и грудью четвертого размера. В юности, все мальчики обращали внимание на грудь, как будто в ней был собран весь интеллект молоденькой собеседницы. Когда парни разговаривали с девушкой, они смотрели не в глаза красавицы, а бесцеремонно разглядывали ее грудь.

Вот так же Иван обратил внимание на «интеллект» Светы и тайно от всех увел ее в стог сена.

– Привет, – сказала Света, занося сумку в квартиру Кристины. – Ты представляешь, еле дотащила. Думала рожу по дороге.

– Почему не позвонила, Ваня тебе помог бы, – возмущалась Кристина. – Вечно ты со своей самостоятельностью. Не бережешь себя, а где Антон?

– У него работы очень много. Осенью у всех обострение зубов. Чуть простыли и пошли флюсы. В общем, ему сейчас не до меня. Антон – один врач на всю деревню!

– Ну, ничего, у нас с тобой есть Ванечка. Если нужно отвезет, привезет, так что не переживай.

Кристина повернулась в сторону кухни и закричала:

– Ваня, смотри у нас радость какая, Света приехала!

Иван неспешащей походкой с газетой в руках вышел из

кухни, подошел к Свете, поцеловал в щечку небрежно, взял сумки и занес их в гостевую комнату.

– Вот твоя комната, на первое время, – сказал Ваня, ставя чемоданы. – Потом что-нибудь придумаем. Тебе, наверное, на днях рожать? – шепнул он ей на ухо.

Она махнула ему головой.

Вечером после ужина, когда Кристина крепко уснула, Иван на цыпочках пробрался в комнату для гостей. Он юркнул под одеяло к Светлане и прижал к себе ее разгоряченное тело. Света вся обмякла и совсем забыла, что ей вот-вот рожать. Она набросилась на Ивана с поцелуями и стала шептать ему на ухо, как сильно она за ним соскучилась, как ей не хватает его. Что она скучает за его запахом, за его руками и за всем без остатка. Она грозилась, больше никому его не отдавать. Света не шутила, когда говорила, что сегодня ночью, возьмет нож и зарежет эту белобрысую курицу, которая стоит у них на пути. Света изгибалась под его ласками и настолько потеряла контроль над собой, что не забыла, что беременна. Неожиданно резкая боль сквозной полосой резанула низ живота.

– Ой, я не знаю, что делать? – простонала она, держась за низ живота. Мне же рожать на днях. – Как я объясню Антону? Я просто с ума схожу от всей этой истории. Что мы с тобой наделали?

За дверью послышались шаги Кристины. Иван беспокойно оглянулся на дверь, быстро вылез из постели и тихо произнес: «Успокойся! Я все устрою, не переживай. Я поэтому и приехал. Это я уговорил Кристину, чтобы она тебя позвала. Так будет лучше для нас всех».

– Спасибо, Ванечка. Я знала, что ты меня не оставишь, что ты меня любишь.

– Дура, я не люблю тебя, просто использую и на этом мы ставим точку, поняла?! – строго приказал Иван и вышел из комнаты.

В коридоре он столкнулся с Кристиной лицом к лицу, которая удивленно смотрела на Ивана в свете уличного фонаря.

– Светка, что-то закричала, я не стал тебя будить, зашел к ней узнать, что случилось, – опуская глаза, произнес Иван.

– Что с нею? – испуганно спросила Кристина.

– Да так ничего, живот что-то разболелся.

– Нужно ношпу найти, – забеспокоилась Кристина и побежала доставать аптечку.

А в комнате для гостей, после ухода Ивана, Света, уткнувшись в подушку, рыдала над своей несчастной судьбой. Ей было обидно, что Иван не скрывает от нее, как он к ней

относится. Что с нею обращается не так как с Кристиной. Ее злило, что он рядом, но она не может до него дотронуться. Она ненавидела свою подругу, винила ее во всех бедах и мечтала избавиться от нее.

Света плакала, закусив краешек наволочки от злости. Но от резкой боли она так сильно закричала, что на ее зов прибежала Кристина и Ваня.

– Светочка, что случилось?! – спросила испуганно Кристина, держа в руках упаковку ношпы.

– Кажется, воды отошли. Я вся мокрая или это кровь?! – запричитала Света, хватаясь за живот.

– Ваня, вызывай быстрее скорую! – закричала Кристина. – Похоже, у нее начались роды!

– Какие роды?! Ты в своем уме?! Еще рано рожать. Я сам отвезу ее в больницу. Приготовь, что там нужно. Ладно, потом привезешь, – крикнул растерянно будущий папаша.

Когда они прибыли в роддом, врач сказала, что роды проходят точно по срокам, как она и предполагала, на что Иван сказал, что именно этого она не должна говорить отцу ребенка. Иван протянул врачу кругленькую сумму за молчание и попросил, чтобы она сообщила отцу, что у Светы преждевременные роды.

Глава 12

– Папаша, мы вас поздравляем всем дружным коллективом, – сказала изумленному Антону главная врач родильного дома! Сын родился точная ваша копия. Не переживайте, просто преждевременные роды. Но сейчас с новейшим оборудованием, это не страшно. Малыш здоров и это главное. Еще раз поздравляю от всех нас, – произнесла врач, протягивая Антону ребенка.

Иван незаметно подмигнул врачу и, повернувшись к Антону, громко произнес:

– Антон, что стоишь, как истукан?! Бери сына на руки, а не то, я сейчас возьму, я же его крестным отцом буду. Вы мне обещали.

– Да, конечно, будешь, – растерянно произнес Антон. – Не думал, что так волнительно быть отцом, – сказа, прослезившись, Антон и взял своего первенца дрожащими руками. – Спасибо вам большое, что спасли мою жену и ребенка.

– Поехали, поехали, нас ждет праздничный ужин! – подхватила Кристина.

– Правильно сегодня переночуете у нас, – заявил Иван. – А завтра я вас отвезу домой в деревню. Я все продумал. Торт отдали, цветы тоже, поехали!

– Светочка, я так рада за тебя! Ты очень хорошо выглядишь! Живота совсем не видно. Можно я взгляну на вашего первенца?! – спросила осторожно Кристина.

– Нельзя! – громко закричала Света. – Примета плохая! Нельзя смотреть сорок дней. Потом я тебе его покажу. Говорят, можно только мужчинам смотреть, а женщинам нельзя. Извини, Кристи. Я тоже на твоего ребенка смотреть не буду, когда родишь, – ответила Света, прикрывая сына одеяльцем.

– Ну, ладно! Нельзя так нельзя! А я буду всем показывать! Теперь я в приметы не верю! Я же теперь с Богом. А с ним мне ничего не страшно. Ваня, а ты веришь в приметы?

– Не верю, любовь моя! Я же твоя половинка, как ты, так и я.

– А я верю, – отрапортовал Антон. – Я, когда Свету в роддом отвезли, увидел, что кошка черная дорогу перебежала. Я еще тогда подумал, что будет проблема.

– Ты тоже кошку видел? – засмеялась, Кристина. – А Света говорит, что их полная деревня, поэтому проблема не работает.

– Да ладно тебе, проблема не работает! – перебила ее Света. – Проблема в том, что сумки таскала. Вот от этого преждевременные роды и начались. Тебя ж никогда нет рядом, – надувая губки, произнесла обиженно Света.

– Я же деньги на коляску зарабатывал. Думал, что все в срок будет. Я же подсчитал. А тут раз сюрприз, – на три месяца раньше сделала меня папой. Конечно, я не успел приготовиться к такому повороту событий.

Вечером всей дружной компанией ребята сидели за столом, который накрыла Кристина в честь возвращения любимой подруги. Все думали, как назвать нового человечка.

– Давайте его назовем Сергеем, – предложил Иван. – В честь моего деда, которого я никогда не видел.

– Ванечка, что ты в чужую семью лезешь со своими советами. Они сами назовут, как захотят. Прекрати, руководить. Ты лучше подумай, как нашего сына назовешь.

– А что мне нравится имя Серега, пусть будет, – поддержала Ивана Света. – А у тебя тоже сын будет? – спросила она удивленно.

– Нет, я не знаю, кто будет. Просто хочу, чтобы был сюрприз не только для мужа, но и для меня. Я так на УЗИ и сказала, главное, чтобы ребенок был здоров, а пол ребенка мне не говорите. Пусть подарком мне будет.

– Моя жена как всегда оригинальна! – Я в последний момент буду знать, кто родится и переживать. Вот Антону хорошо, ему заранее было известно, что будет сын.

– Хватит Антону завидовать, – закричала Света. – Можно подумать если узнаешь пол ребенка, будешь больше его любить?!

– Светик, тебе нельзя нервничать, потому что молоко исчезнуть может, – забеспокоилась Кристина.

– У нее теперь начинается послеродовая депрессия, – зло сказал Иван. – То была дородовая, а теперь послеродовая, да Света?

– Да, у меня депрессия?! В деревне поживи с маленьким ребенком на руках, без нормальных условий, без отопления, без воды. Ты, Ваня, даже не представляешь, что это такое?!

– А мне не нужно ничего представлять. Я как старый друг Антона, приготовил сюрприз: я снял вам квартиру, которую буду оплачивать первое время. А для Антона нашел работу в элитной стоматологической клинике. Он будет получать очень большую зарплату. Только Света, запомни одно: его часто не будет дома, потому что это Москва, пробки, випклиенты, для которых не бывает слова, – «Нет».

– Ванечка, какой ты молодец у меня! – целовала мужа Кристина. – Я так переживала, если честно, что Свете придется далеко от меня жить, и я не смогу ей помогать.

– Спасибо, Иван! Но я не могу принять такой подарок, – сказал Антон. – Мы лучше домой поедем. У меня там своя

клиника, свои клиенты. В конце концов, любимая теща, которая самая лучшая на свете. Мы не останемся в Москве.

– Антоша, ты что дурак, отказываешься от такого предложения, – заорала на мужа Света. – Мне здоровье сына важнее, чем твоя клиника. Мы переезжаем в Москву и точка. А твои клиенты, если им будем нужно, к тебе приедут сами. Можно подумать колхозники будут вставлять керамику. В Москве ты клиентуру богатую наработаешь. Со временем квартиру сможешь оплачивать. Я не вернусь обратно в деревню, вплоть до развода, – категорично заявила Света.

Антон очень любил жену. И, конечно, не смог пойти против ее воли. Он очень переживал о своих брошенных клиентах, о своей сельской клинике, о чистом воздухе, и, конечно, о том, что ему придется жить в большом городе, который ему не нравится. Но они переехали в квартиру, снятую Иваном, так как интересы Антона никого не волновали.

Это была та самая явочная квартира, на которой происходили грязные свидания его жены и друга детства, за которую он со своей женой должны были платить Ивану кругленькую сумму. Иван наврал, что будет оплачивать им жилье первое время. Он сразу стал брать с них плату за квартиру.

Антон очень много работал, чтобы оплачивать съемное жилье, коммуналку и еще покупать продукты в семью. Но работы он не боялся. Антон с детства был приучен к труду. Его мама, учительница русского языка и литературы родила Антона вне брака, это была темная история, о ней в семье не принято было говорить, и Антон был единственным кормильцем мамы и бабушки. В деревне всегда было у них хозяйство: коровы, гуси, свиньи. Приходя из школы, Антон первым делом начинал чистить в базах, затем кормил домашних животных. А летом всегда подрабатывал в поле. На комбайне.

При этом он отлично учился, у него была мечта: он всегда хотел быть стоматологом. Зубного врача в деревне не было, людям приходилось ездить далеко в районный центр. И Антона всегда это возмущало. Как будто деревенские люди не берутся в расчет. Как будто они не люди, прокаженные, не такие, как все.

Когда он поступил в первый медицинский институт в Санкт-Петербурге, он сразу нашел себе ночную работу. И высылал деньги маме и бабушке. Когда бабушка умерла, ее усадьбу мама продала, посоветовалась с Антоном, и они решили построить за эти деньги для Антона дачу в пригороде Санкт-Петербурга. Мама знала, что город будет дальше расти и Антон построит на этом месте себе добротный дом. Она очень хотела, чтобы со временем Антон жил и работал в Санкт-Петербурге. Она об этом мечтала.

Она не верила в перспективу села и очень хотела, чтобы ее единственный сын был счастлив.

Антон, в свою очередь, знал, что мама тоже очень любит Санкт-Петербург, поэтому не был против того, чтобы мама купила этот участок земли. Он знал, что в перспективе она будет нянчить внуков, а они со Светой ездить навещать бабушку на дачу под Питером. И, конечно, привозить в гости любимых друзей: Ивана и Кристину попариться в русской баньке!

Глава 13

После родов Света с каждым днем становилась еще злее, чем была. Ее все раздражало в людях. Она выискивала в них одни недостатки, и не замечала, вернее не хотела замечать в людях никаких достоинств. Она считала, что в жизни ей все обязаны, потому, что она обездоленная. Ее жизнь сложилась хуже, чем у других.

Но жизнь выбирает именно таких как Света, чтобы испытать их и сделать лучше. Сложность состояла в том, что такие люди, как Света не могли мириться с трудностями, выпавшими на их долю. Они не понимали того, что все испытания им даны во благо, а не в наказание. Если бы Света знала заранее, что ждет ее впереди. Она никогда бы не поступила так, как она поступила.

– Антон, – кричала Света. – Когда ты уже начнешь зарабатывать нормально, чтобы мы от Ивана не зависели. Тебе самому не стыдно быть его нахлебником.

– Светочка, милая моя, поверь мне, я все для этого делаю. Я очень люблю тебя и, конечно, сделаю все от меня зависящее, чтобы сделать тебя счастливой. Ты захотела жить в Москве, мы здесь. Захотела, чтобы я работал в этой клинике, я работаю. Но ты даже не представляешь, какая здесь идет борьба за каждого клиента. Если бы мы остались в деревне мы бы не зависели от Ивана, получали стабильный заработок, были уважаемыми людьми. Но ты сама захотела жить в столице, поэтому какие претензии могут быть ко мне. Потерпи еще немного, все наладится.

– В конце концов, в своей несостоятельности ты обвиняешь меня? – орала на всю квартиру Света. – Ты хочешь, чтобы я винила себя в том, что у нас нет денег. Знаешь, что я хочу сказать. Да у тебя их никогда не будет! Ты в деревне тоже всех будешь жалеть, и лечить бесплатно. Но посмотри на Кристину. Она, скотина, всегда была богатой, всегда жила в шоколаде. А что я? Чем я хуже ее? Почему я и мой сын должны жить на съемной квартире? Что ты собираешься ему дать, как отец?

– Я не хочу тебя ни в чем убеждать, потому что это бесполезное занятие. Когда ты выходила за меня замуж, я думаю, ты знала, какой я.

– Конечно, знала. Но я думала, что ты повзрослеешь. Но ты как был Антошка с картошкой, так и остался. И ничего не изменилось с тех пор, когда мы купались в речке Горькая Балка детьми.

– Все правильно. Я рад, что не изменился. Зато ты

изменилась очень. Ты стала злее. От той веселой беззаботной девочки ничего не осталось. Мне очень жаль, что ты изменилась не в лучшую сторону.

– Конечно, а почему, задай мне этот вопрос? А я отвечу, потому что беззаботная девочка теперь не одна. И, конечно, переживает, как будет в дальнейшем жить ее сын.

– Я постараюсь, чтобы он вырос хорошим человеком. Именно поэтому детям даны родители, чтобы воспитать их замечательными людьми на собственном примере. Я никогда не был поддонком, поэтому и сын мой не будет им. С деньгами или без них, он никогда не будет подлецом, это я знаю точно.

Света продолжала нападать на Антона, совершенно его не слушая.

– Вот, смотри, у Вани денег очень много, но он же хороший человек? И его ребенок будет жить лучше, чем твой сын. Скажи мне, зачем растить доброго и несчастного сына. Когда можно богатого и счастливого вырастить. Нужно быть лишь немного хитрее и жаднее, а не жалеть своих клиентов, как ты. У тебя всегда есть оправдание тому, почему ты не взял побольше денег с больного. Ты вечно за чужих переживаешь, чем за своих. Ты можешь поднять цены для своих клиентов, но ты стесняешься. Ты лучший специалист в городе, потому что ты – дебил. Бери с клиентов побольше, лечи им здоровые зубы, в конце-то концов, вешай им лапшу. Как-то нужно выживать.

– Я не буду этого делать. Я даже готов бесплатно выполнять свою работу, но добросовестно, потому что я – врач, а не коммерсант, – сказал Антон, глядя жене в глаза.

– Неудачник и простофиля, вот ты кто! – крикнула Света зло. – Одним словом «Лох».

Она громко хлопнула дверью и вышла из квартиры.

Антон грустно посмотрел ей в след. Он видел, что послеродовая депрессия жены затянулась. Антон очень переживал за нее, но не мог поступить так, как она ему советовала. Он был настоящим врачом. Выполнял свою работу честно. Его ценили и уважали на работе. Но работа врача в нашей стране, как ни в какой другой, оценивается очень дешево. Зарплату платили маленькую, а вынуждать клиентов платить за якобы «качественный» наркоз, он не умел.

Многие врачи уже не практиковали, потому что ушли в бизнес. Многие просто ненавидели свою работу и получили по второму более престижному образованию. Иван тоже плюнул на мединститут, окончил юридический и прекрасно продолжал строить свою карьеру на поприще недвижимости. Открыл несколько офисов в России и за рубежом. Скупал меблированные

апартаменты в Великобритании, Германии, Франции. Он понимал, что в нашей стране нужно заниматься чем – то более существенным. Начиналась эра нового века. Кто был половчее, стал хозяином жизни и сумел вовремя скупить все: заводы и фабрики, и, конечно, земли.

Никому не нужные земли на окраине городов Иван скупал за бесценок, а затем Центр недвижимости «Иван и Компания», а сокращенно «ИКО» строил на них огромные торговые площади, которые продавались по баснословной цене. Города росли, окраины превращались в центры. Ранее купленные земли теперь пользовались спросом, и получалось, что Иван добывал деньги из воздуха: от разницы в цене, которая была огромной.

Строительный бизнес процветал. Иван нанимал дешевую рабочую силу из людей, прибывших на заработки из бывших братских республик. Они занимались строительством красивых комфортабельных коттеджей, замков и многоквартирных домов.

Деньги портят людей, которые родились от природы жадными эгоистами, коим был Иван. Внешне добродушный малый, нужным людям всегда улыбался и был хорошим другом. При этом ласково смотрел в глаза собеседнику и всего-навсего ненавидел.

У него была своего рода паранойя, которая не давала ему покоя. Он всегда всех подозревал во лжи, потому что сам никому не говорил правды. «Если человек Лох, то почему его не использовать?!?» – думал Иван, улыбаясь очередному клиенту в лицо.

Даже Антон не догадывался, что он и есть тот самый Лох, которого использовал Иван. Антон не знал, что Иван сдает ему свою собственную явочную квартиру, на которой он раньше устраивал сексуальные оргии с его женой. Он сдавал ему эту квартиру за очень высокую цену, так сказать по – дружески. Конечно, квартплату приходила получать пожилая женщина, прислуга родителей Ивана. Но об этом не догадывался Антон, как и о том, что он растит и воспитывает чужого ребенка. Получается, Иван брал деньги за квартиру у собственного сына.

Он не давал деньги сыну ни на питание, ни на одежду, даже за все время не купил ему ни одной игрушки. Антон, если бы узнал, никогда не поверил бы, что Иван так с ним поступил. Настолько у него была вера в бескорыстную дружбу, в человеческую порядочность и в любовь.

Антон был любимцем всех деревенских бабушек и дедушек в Горькой Балке. Его любимая бабушка Валя Гуляева, веселая казачка и великолепная хозяйка, всегда прививала любовь внуку на своем личном примере. Она рассказывала, что в годы ее

молодости, дружба была на первом месте. Рассказывала об огромной любви его деда к другой женщине. И что та женщина была ее лучшая подругой и никогда не позволяла даже взглядом разрушить их с дедом отношения.

В то время никто не знал слова «Предательство». Казалось, что это слово относится только к военному времени. В мирной жизни такого понятия не существовало. За глаза никто никого не осуждал. Если нужно было – говорили друг другу правду в глаза. И никаких сплетен среди друзей.

Дед Антона тоже ценил дружбу больше всего на свете. Всегда поддерживал всех своих знакомых. И был как Антон врачом, только ветеринаром. «Лечил зубы животным», – шутил дед, – и в Горькой Балке был непрекословным авторитетом.

Поэтому Антон на примере своих родных был воспитан добрым и честным человеком. Он никогда не просил в долг, всегда рассчитывал только на себя. И когда дед умер, то Антон вместо него стал надежной опорой для мамы и бабушки. Не пережив разлуки с любимым мужем, вскоре ушла из жизни и бабушка. Антон с мамой остались одни. Отца своего он ни разу не видел. Он привык, что в деревне его дразнили байстрюком. Но никогда не спрашивал маму про отца. Она была благодарна ему за это. Да и о чем говорить, и так вся деревня судачила о том, что она его нагуляла. Но она знала, что Антон никогда ее в обиду не даст и что за его широкой спиной, ей ничего не страшно.

Как специалисту ему не было равных. В мединституте он учился лучше всех. Когда все гуляли, он сидел за учебниками. Когда бегали на дискотеки, он подрабатывал медбратом в морге. Когда шутили, рассказывая о своих шпаргалках на экзаменах, он говорил: «Может быть какая – нибудь другая профессия может допустить халтуру, но только не профессия врача. Мы отвечаем за жизни людские. А за них Бог с нас спросит сполна!».

Антон подошел к окну, по стеклу стучали крупные капли дождя, разбиваясь вдребезги, как жизнь их со Светой. Он не знал, куда она ушла и молча качал ребенка на руках. Он был замечательным папой, сам искусно готовил для малыша кашу, кормил его, купал. Все заботы по уходу за ребенком взял на себя. А Света категорично отказалась кормить сына грудью, чтобы не потерять форму.

Антон уложил ребенка спать, позвонил Кристине и спросил, нет ли у нее Светы. Но Кристина ответила, что давно ее не видела, что тоже соскучилась за ней и поняла, что они опять поругались. Да у них тоже в семье не все было благополучно: Иван последнее время очень часто стал отлучаться. Она не знала, что и думать.

Приезжая из Санкт-Петербурга, он быстро бросал вещи, принимал душ и куда-то мчался. Кристина понимала, что беременная она не сильно сексуально выглядит и не вызывает желания у мужа. Да и ни к чему это ей сейчас. У нее дипломная работа. Она торопится успеть ее сдать. Да еще весь стол завален новыми проектами, которые она разработала для Ивана. Когда ей думать о пустяках, таких как, – куда побежал ее муж. Наверное, к компаньонам. От него всегда разит спиртным и женскими духами, когда он приходит с переговоров. Но странно, что запах духов именно такой, как у нее. Это был запах тех духов, которые он всегда ей дарил. Она даже не догадывалась, что Свете он дарил точно такие же.

Как ни странно, Иван последнее время стал за собой замечать, что он, то-ли привык к Свете, то – ли у него появились к ней чувства. Но он стал проявлять ее персоне больше внимания. Даже стал баловать ее подарками. Дарить ей духи. А может быть оттого, что Кристина беременна и он боялся, что начнутся у нее роды, так же стремительно, как тогда у Светы. Но он убеждал себя в том, что именно поэтому он боится прикасаться к супруге. Он целовал ее в щечку и бежал признаваться в любви своей любовнице, которая уже родила и ждала его в очередном гостиничном номере на окраине Москвы.

Глава 14

– Иван, помоги мне я не могу и не хочу жить с этим неудачником Антоном, – плакала Света. – Я его ненавижу! Он меня раздражает. Ему даже за квартиру съемную нечем платить. Мне ребенка кормить нечем. А он в своей клинике бесплатно пропадает. Ему старухи беззубые важнее и роднее нас!

– Прекрати, ныть, потерпи немного. Ты же понимаешь, что я тоже не могу ничем помочь. Он денег от меня не берет. Если я дам денег тебе, то начнутся вопросы – откуда ты их взяла? А оно тебе надо? Он может догадаться, что я тебе денег даю, не просто так, тогда начнутся подозрения насчет сына. Поэтому потерпи немного. Сейчас, пока Сергей маленький, расходы небольшие нужны, а вот подрастет, я ему квартиру подарю и образование дам хорошее. Ты же знаешь, что я вас не брошу. Но что поделаешь, если в жизни так произошло. Не мы первые, не мы – последние.

– Ванечка, я же только тебя люблю! Ты же прекрасно знаешь, что я больше никого и никогда не полюблю! Ты меня заставил за Антона выйти замуж. Ты обещал, что будешь поддерживать меня всегда. А сам так редко приходишь. Скажи честно, ведь тебе Кристина не дает ко мне почаще приходить? Ты только прикажи, и я уберу ее с нашей дороги. Она мне всю жизнь испортила. Прикидывается, сволочь, добренькой, подарки таскает. Меня тошнит от ее любви и заботы. Вечно она меня жалеет. Ты же не знаешь, что она мне деньги сует. Твои, между прочим, деньги, которые ты кровью и потом зарабатываешь.

– Ладно, хватит ныть! Все вы любите, когда вам нужно! Ну – ка покажи мне любовь свою. Я сегодня добрый! Разрешаю меня любить, – ухмыляясь, расстегивал рубашку Иван. – Насчет Кристины, потерпи. Она меня тоже уже раздражает. Амеба, недоделанная. Ходит со своим животом по квартире, жаба, смотреть не могу. Скорей бы отец дал добро.

– Какое добро? – удивилась Света.

– Придет время, все узнаешь. Я тебе потом расскажу. Эта аморфная кукла уже давно не интересна мне. Секс ее не интересует, похоже, она фригидная.

– А может тебе просто есть с кем сравнивать, – обнимая и целуя Ивана, кокетливо заявила Света. – А ты, Ванечка, меня только обещаниями кормишь. Ведь знаешь прекрасно, как я тебя люблю, никто тебя любить так не будет. Я – твоя судьба, а эта курица тебя у меня украла. Ты Ваня ошибся в выборе, понимаешь. Ведь любовь не выбирает, кого любить, а кого ненавидеть. Ты

свою увлеченность новой девушкой принял за любовь. А любовь она все расставит на свои места. Видишь, когда тебе плохо, ты ко мне бежишь, а не к Кристине своей.

– Хватит философствовать. Давай лучше делом займемся. Сама знаешь, что я тебя люблю. Ты – с живой энергетикой, трудностей не боишься, если нужно по трупам пойдешь, а Кристина из благородных. Она даже не знает, что такое быть бедным человеком. Мажорка. Я бы на ней никогда не женился. Но родители захотели, сама понимаешь – деньги к деньгам. Так что потерпи еще немного, Светик. А ты у меня сладкий персик, в руках таешь, люблю тебя очень, пышечка моя ненаглядная. Сейчас проглочу тебя разом, ягодка моя душистая, – покрывая поцелуями, и жадно прижимая Свету к себе, ворковал похотливый самец. – Вот видишь и живота уже нет, а ты боялась.

Их встречи становились неотъемлемой частью двойной жизни, которую они продолжали вести за спиной Кристины и Антона. Они смеялись над своими вторыми половинками, считали их ущербными лохами: их возбуждало то, что Кристина и Антон не догадываются, что есть на свете «настоящая» любовь со страстью, грязью и предательством. Адреналин лжи делал свое безумство и дарил счастье обмана кратковременным встречам.

– Ванечка, а твоя мать знает, что у нее внук родился? – спрашивала Света с интересом, лежа с Ваней в постели.

– Ты думаешь, ей внук нужен? Ей сын родной был всю жизнь помехой. Она, когда отца посадили, гуляла по кабакам, по магазинам и целыми днями пропадала в своих же собственных салонах китайской красоты. Под восковой маской рук и тела проводила всю свою жизнь. А гувернантки, повара и другая прислуживающая челядь со мной возились, как с родным любимым ребенком.

– Бедненький ты мой, получается, ты ласки и любви не знал? Я теперь понимаю, почему ты ко мне прикипел, потому что заласкала я тебя и дала то, чего ты в жизни никогда не видел, – любовь!

– Ой, можно подумать любовь?! Тебя же деньги мои интересуют, а не я сам. Ты же на них, наверное, рассчитываешь? Думаешь, окручу богатого дурака, заберу его наследство. Я вообще не верю в бескорыстную щедрую любовь и ласку.

– Дурак ты, Ванька! Это ты за наследство, между прочим, женился на Кристине. Кто из нас по расчету любовь выбирал, еще вопрос? – разозлилась Света.

– Да ладно тебе, успокойся! Вот Кристину со свету сживем, тогда и поженимся. Сейчас нужно, чтобы о наших отношениях никто не знал, иначе нам тогда вообще наследства не видать

будет.

– Ты знаешь, пока мы ее со свету сживать будем, она тебе еще троих детей родит.

– Не родит! Я ей подсыпаю порошок в еду, чтобы она не разродилась вообще. После него у нее вообще детей не будет, так что не переживай!

– Хорошо! А мне ты случайно ничего не подсыпаешь? – спросила Света, смеясь.

– Подсыпаю! Тебе особенно, ты много разговариваешь и много знаешь. Так что тебе подсыпаю больше, чем Кристине, – подхватил шутливый тон Иван.

Неожиданно зазвонил телефон. Иван вздрогнул, затем глубоко вздохнул. Его последнее время все чаще преследовал странный телефонный звонок. В трубке молчали, дышали и ничего не говорили. Обычно так продолжалось минут пять. Сначала Иван не придавал этому никакого значения. Затем его стало это раздражать. А дальше звонки преследовали чаще и стали его пугать больше.

Иван поднял трубку телефона. Никто на другом конце провода не отвечал. Он несколько раз переспросил, кто звонит, в трубке молчали. Он зло сплюнул, выругался и бросил телефон на кровать. Света заметила, что Иван чего-то боится. Она, молча, наблюдала за ним: Иван поспешно оделся, у него резко испортилось настроение, он хлопнул дверью, даже не попрощавшись.

Иван шел по темным улицам Москвы, не вызвав такси. Он всегда брезгливо ретировался из этой грязной гостиницы, которую ненавидел. Но он знал, что только в таких нищенских местах он не встретит своих компаньонов. Иначе ему пришлось бы оправдываться, почему он живет в гостинице, когда его жена ждет дома.

Конечно, взять такси и примчаться в эту тьму-таракань ничего ему не стоило. Но он считал, что экономия всегда должна быть целесообразной. Зачем баловать низкие слои населения, поселив их в дорогостоящую гостиницу. Светка должна быть счастлива тем, что он вообще снизошел до ее плебейского уровня и позволяет себя любить. Она сама должна понимать, что в каждом городе при его статусе ему просто необходимо иметь любовницу. Это как иметь лишний рулон туалетной бумаги. Вроде бы и не зачем, но в тоже время и не помешает.

Иван усмехнулся своим мыслям, оглянулся не спеша, в поисках, проезжающего зеленого мотылька, поднял руку, останавливая свободную машину.

«Нужно возвращаться домой, – думал Иван, садясь в такси. –

Еще нужно выяснить, что это за телефонные ночные звонки. Кому я перешел дорогу. Неужели отморозки-конкуренты хотят убрать меня с дороги? Сейчас же позвоню тестю, пусть своими прокурорскими связями поможет любимому зятю».

Глава 15

На Крестовском острове в уютной обстановке в это время отдыхала Екатерина Воронцова со своим мужем Никитой, тем самым тестем, о котором рассуждал Иван. Бывший прокурорский работник, конечно, мог пробить любую информацию. К тому же он был частым гостем в прокуратуре вместе со своими студентами. Никиту пригласили преподавать Уголовное право в Питерский университет. Конечно, он со своим торговым центром мог вообще не работать. Да и пенсия у него была приличная. Но ему очень нравилась новая работа: он хотел многому научить будущих юристов. Студентов не смущала хромота преподавателя. Они даже не догадывались, что этот интеллигентный мужчина был боевым офицеров в самых горячих точках во многих странах.

Никита в совершенстве владел английским языком, был толковым специалистом и всегда подшучивал над студентами. Он был их любимчиком. На обзорной лекции, когда встречал первокурсников, только что поступивших в университет, всегда говорил им, что рад видеть половину аудитории, хотя зал был забит полностью.

– После первой сессии, вас останется ровно половина, – уверенно заявлял он. – Начинайте учиться хорошо с этой же минуты. А то можете не успеть.

И студенты прислушивались к его советам. Многие были ему благодарны за лекции и за разбор практических заданий. Они очень уважали своего преподавателя. Катя радовалась успехам мужа, продолжала писать свои романы, выращивать красивые цветы в саду и нянчить единственного внука. После смерти Кристины, любимый сын Максим, часто оставлял внука бабушке и дедушке, чтобы они не впадали в черную депрессию.

Максим работал в правительстве любимого города и очень часто навещал родителей с семьей: сыном и женой. Они любили приезжать в сосновый бор, где у родителей был коттедж.

Воздух, в этом чудесном месте, окутывал тебя запахом вековых сосен. А их мохнатые лапы приветствовали всех, размахивая над головами как опахала. Здесь Катин писательский домик выглядел сказочно. Он построен был на опушке разросшегося леса, который стеной стоял за новыми участками под застройку. Их приобрел молодой бизнесмен, любитель эко-зоны. Он очень ревностно относился к этому соседству с лесом. И лечил его как мог. Лес был на грани вымирания. В девяностых его беспощадно уничтожали и едва не превратили в большую долголетнюю стройку. Но бизнесмен выкупил этот уничтоженный

участок леса и прекратил дальнейшее его вырубку. Катя очень была довольна новым соседом. Он так же бережно относился к лесу, который окружал их дома, как и она. Задачей всех жителей этого красивого местечка было обязательное его лечение. Они бережно относились ко всем растениям в округе. Жители должны были подкармливать деревья, очищать лес от бурелома и подсаживать молодые саженцы, для улучшения эко-зоны.

Катя любила ходить по этим местам под руку с Никитой, дышать свежим воздухом и вспоминать молодость. Время неумолимо бежало вперед и не останавливалось передохнуть. Но им казалось, что они все так же молоды и красивы. Они точно могли сказать, что чувство любви не притупляется с годами, а, напротив, крепнет, набирает силу и становится намного качественнее, потому что любит душа, а она не имеет возраста и никогда не стареет. Мы помним себя в пять лет, в десять, в пятьдесят, в восемьдесят, помним себя худенькими, полненькими, молодыми, старыми, то есть разными. Только душа у всех остается без изменений.

В семье у Никиты и Кати все было замечательно. Любовь и дружба не веки – лозунг их семьи. Чувства, проверенные временем, только с годами крепли, и уважение друг к другу усиливалось.

Прогуливаясь, Никита рассказывал Кате последние новости, произошедшие в ее любимом городе, а она делилась с ним смешными проделками внука, которого Максим оставил на выходные.

– Катя, а ты знаешь, ведь Кристина приезжает со своим мужем к нам в гости, скорее всего, в воскресенье, – сообщил радостно Никита. – Вчера вечером мне звонил Иван, сказал, что есть разговор, что нужно посоветоваться.

– Послушай, Никита, ну как он тебе? Никак не могу к нему привыкнуть. Сколько раз себя убеждала, что это не мое дело. Раз Кристина полюбила сына нашего врага, что ж нам теперь делать?

– Я знаю только одно, нам нужно не вмешиваться в их семью. Не нужно открывать никаких тайн Мадридского двора. Если что, дети сами во всем разберутся.

– Все правильно, – соглашалась Катя. – Пусть все идет своим чередом. Время покажет.

– Я его пробил по своим каналам. Как будто ничего криминального за ним не числится. Будем надеяться, что не пойдет в отца, – подытожил Никита.

– Ладно, хватит об этом вспоминать. Удар был для нас потрясающим, когда Кристина объявила нам о своем решение выйти замуж за Ваню, – вздохнула Катя. – Но любовь не

спрашивает ни у кого, когда приходить в семью.

– Мне тоже не нравится Иван, наследственность отвратительная, боюсь, что ничего из этого замужества не выйдет путного, – согласился Никита.

– Ладно, давай успокоимся. Будем решать проблемы, когда они придут. Ты сам знаешь, какой у Кристины характер, так что подождем, лезть туда не будем. Кристина сама во всем разберется. А то будем виноваты, в любом случае: хоть скажем, хоть промолчим. Главное, чтобы наши дети были счастливы. Давай вспомним себя, мы никого не слушали, сами шишки набивали.

Катя с Никитой подходили к своему красивому дому, который был уютным от горевших в камине дров, от запаха вкусной курицы на кухне, от яркого освещения во всех комнатах. Он был по-настоящему светлым и красивым.

Рабочий английский кабинет на втором этаже был обставлен книжными шкафами с подсветкой. В углу стоял кожаный диван красного дерева, на котором Катя любила поваляться и почитать интересные книги. В другом углу – письменный стол с компьютером и удобное кожаное кресло. Это была святая святых – творческая кузница. Катя очень любила эту комнату. Здесь было ее личное пространство, когда она творила свои шедевры. Никто из близких ее не отвлекал, и она была очень благодарна родным людям за это.

В дверь настойчиво позвонили, Никита, как всегда, пошел открывать. Внизу послышался радостный возглас.

– Мама, смотри, кто к нам приехал, – кричал радостно Никита.

Катя в предвкушении радостной встречи быстро спускалась вниз. Она увидела свою любимую дочь Кристину, приехавшую ее навестить. Катя обнялась с дочерью и зятем, расцеловала их.

– А мы вас завтра ждали, опять сюрпризом?!

– Я специально вчера вечером позвонил, разузнать, – дома вы или нет. А утром – в аэропорт. Но ваша дочь как всегда не одна прилетела, а с подругой, – делился впечатлениями Иван.

– Кристина, что ж ты не сообщила, мы бы вам стол накрыли, – размахивала руками мама.

– Мы специально не сообщили, не хотели лишний раз вас беспокоить, – сказала, обнимая маму Кристина.

Ваня важно пожал Никите руку и не спеша понес вещи на второй этаж в комнату Кристины, которая всегда их ждала.

– Ой, Светочка, здравствуй! А с кем ты ребенка оставила? – забеспокоилась мама Кристины.

– Антон заставил поехать отдохнуть. Сказал, что сам с ним

справится.

– Молодцы, что приехали. Но Антона с сыном взяли бы тоже, я их давно не видела, успела соскучиться, – произнесла мама Кристины.

– Ничего мы скоро тоже переберемся в Питер, дачу с баней построили на Черной речке. Антон будет теперь в Питере работать. Его позвал к себе бывший декан, он клинику здесь открыл, – хвасталась Света, поглядывая на Ивана.

– Вот и хорошо. Будете к нам в гости ходить. Ну что ж мы стоим, давайте проходите, будем сейчас празднично ужинать.

Катя быстро стала накрывать на стол, позвонила, чтобы доставили свежий любимый шашлык к ужину. Благо ресторан открыли недалеко. Катя хвалилась, что там всегда быстро и вкусно готовят и можно заказать ужин на дом.

Никита достал из духовки запеченную курицу и сообщил, что лучше домашней еды ничего нет. Стол быстро был накрыт. Вино разлито по бокалам. Мужчины как всегда предпочли водку. Ужин плавно и красиво перетек в хорошее застолье.

Кристина пила один сок. Света грудью не кормила и поэтому позволяла себе немного выпить крепленного.

– Екатерина Евгеньевна, как я люблю к вам приезжать, – тараторила безумолку Света. – Я еще студенткой была, всегда вами восхищалась и хотела, чтобы у меня тоже была такая талантливая мама.

– Светочка, мам плохих не бывает. Мамы все талантливые и красивые. Ведь Бог талант раздал всем одинаково. Твоей маме ее талант, мне – мой, Никите – его, и вам молодым – каждому свой!

– Нет, я все это понимаю. Но вот писательский талант он дал единицам.

– Ты не права, писательский талант Бог дал всем, только испытания дал писателям, чтобы они про них рассказали другим, – смеялась Катя. – Пишем не мы, пишет Бог!

– Нет, это все понятно. Испытания Бог дает всем, но пишут – то единицы.

– Пишут все, а не единицы. Ты в своих одноклассниках сколько раз на день пишешь?

– Я много пишу, но это же не считается, это не талант.

– Считается, считается, просто вы этот талант зарываете в компьютерные репосты, в обсуждения ненужных вещей и тратите впустую свое драгоценное время, а могли бы сесть и записать свои мысли, которые у каждого оседают на душе, так сказать, выплеснули бы на бумагу жизнь, обрамленную в роман! Раньше, помнишь, модно было писать дневники?

– Да, в этом что-то есть, а если дневник прочтет кто-нибудь

другой, а там тайна будет, тогда что? – хитро прищурившись, спросила Света, поглядывая на Ивана.

– А ты дружи с теми, кто чужих тайн не читает, – ответила Катя, внимательно посмотрев на подругу своей дочери.

Ваня решил прекратить этот бессмысленный диалог и предложил всем пойти прогуляться. Катя с Никитой отказались, а Света вообще предложила съездить на их новую дачу, посмотреть, как там обстоят дела. Благо белые ночи были в самом разгаре. И молодежь не торопилась ложиться спать. Когда они вышли, то решили пойти на звуки живой музыки, которая звучала из ресторана.

Катя, не разрешила гостям помочь ей убрать со стола. Она прекрасно сама с этим справлялась. Когда она мыла посуду, то вздохнула, посмотрела на Никиту и вспомнила слова Светы насчет дневника.

– Никита, а мы ведь такими не были, – мы не боялись, что наши дневники кто-нибудь прочтет. И тайн мы от друзей не держали.

– Во все времена, старики считают, что они лучше молодежи, – подмигнул жене Никита. – Мы тоже стареем, раз сплетничаем.

Катя засмеялась, обняла Никиту и подумала: «Вот точно так же говорили наши мамы и папы, дедушки и бабушки о нас. Ничего в жизни не меняется с годами, остаются те же людские страсти и пороки.

«Мы такими не были, когда были молодыми», – продолжаем твердить мы, став немного взрослее.

Катя много чего видела на своем веку и не переставала удивляться, как мало она знает людей. Для писателей это непростительное качество. Она много наблюдала за характерами людей, часто устраивалась на работу в то или другое место, чтобы войти в положение своих героев и узнать их жизнь изнутри. Но так и не научилась разбираться в людях.

В данный момент она работала над романом: «Света белого не видно» про российских предпринимателей и решила устроиться работать в магазин женской одежды.

– Точно, завтра же пойду на работу в твой торговый центр продавцом! – весело поделилась она идей с мужем.

– Катя, тебе уже пятьдесят пять лет, уже силенки-то не те. Ты знаешь, как это трудно? – отговаривал ее Никита. – А вдруг кто-нибудь тебя узнает, что ты хозяйка.

– Нет, меня там никто не видел. Да и вообще, знаешь, сколько похожих людей?

Никита видел, что Катю было уже не остановить. Она твердо решила пожить некоторое время в роли продавца.

Глава 16

Пробегая мимо магазина женской одежды на Васильевском острове, Катя обратила внимание на объявление: «Требуются продавцы в магазин женской одежды».

«Замечательно, я сейчас же устроюсь на работу», – подумала Катя и забежала в магазин.

Но не успела она открыть рот, как на нее набросились продавцы и сообщили, что в их магазине мест нет. Сказали, чтобы позвонила по телефону, который указан в объявлении. В трубке Катя услышала красивый голос молодой женщины-коллеги – Татьяны, так она ей представилась. Хозяйка магазина доходчиво объяснила, что на работу можно выходить с завтрашнего дня. Катя обрадовалась и поинтересовалась – куда? На что ее коллега сообщила, что у нее пятнадцать магазинов по городу. И что она расширяет сеть магазинов, поэтому ей нужен продавец, имеющий опыт работы. Катя скрыла, что у нее есть свой собственный торговый центр, в котором Татьяна снимает аренду. Она просто сообщила, что имеет опыт работы. И спросила, куда ей выходить? Молодой голос предпринимателя Татьяны спросил, где Катя живет и предложил ей на выбор несколько адресов. Катя выбрала Литейный проспект.

На следующий день, Катя пришла к назначенному времени. Ее встретила немолодая дама с нездоровыми амбициями и хитрозлым выражением лица, которая с ходу начала осыпать Катю приторными комплиментами.

– Боже! Как мы вас давно ждали. Вы – эталон продавца! У вас есть опыт работы?

– Да, десять лет, – ответила Катя и сразу получила в руки ведро и тряпку, чтобы убирать помещение перед работой.

«Ну что ж правильный подход к делу! – подумала Катя. – Ведь весь день нужно дышать этим воздухом в магазине. Так что придется потрудиться.»

– Вы у нас сегодня стажер! – произнесла великовозрастная дама с лохматой седой прической. – Вы всегда должны ходить на работу ухоженная, на каблуках и не дай Бог без маникюра.

– Конечно, я думаю, что так должна ходить женщина всегда и не только на работу, – улыбнулась Катя, глядя на седую голову наставника.

– Меня зовут Лидия Иосифовна, – произнесла высокомерно дама.

– Меня Катя, – ответила писательница и подумала, что Лидия очень колоритный персонаж, про который уже хочется писать.

– Все, милочка, заканчивайте уборку, мы открываемся! Сегодня вы работаете бесплатно. А с завтрашнего дня, вам нужно будет сделать шесть продаж, чтобы попасть в штат, понятно?! – грубо спросила Лидия Иосифовна и добавила, что еще никто с первого раза не сделал себе шестерку продаж.

В этот момент зашла симпатичная женщина лет тридцати, улыбнулась Кате и сказала, наклоняясь к ней, что она стажер уже пятый день и эта старая стерва не дает ей сделать шесть продаж. Катя пообещала помочь ей. Ведь она все равно стажер. Девочки стали работать над этим проектом. Неожиданно к ним подошла интеллигентного вида женщина, но с фальшиво-приторными глазами. Так бывает, что человек тебе улыбается, а сам тебя уже ненавидит. Она оглядела Катю с ног до головы, делая выражения лица добрым, но у нее ничего получалось. Осторожно эта дама из Баку – Елена, расспросила, откуда Катя родом, поинтересовалась семейным положением и опытом работы. Предложила посмотреть Катю в работе.

Зашел очередной посетитель, Катя находилась в магазине, как рыба в воде. Она была довольна ассортиментом и для себя заметила, что ее коллега, Татьяна, очень хороший предприниматель. Товар был для всех возрастов и размеров, начиная с сорок второго и заканчивая шестидесятым. Качество было тоже на высоте.

«Какая умница!» – подумала Катя про хозяйку магазинов. – Ей не терпелось увидеть ее и познакомиться с нею поближе.

Катя быстро обслужила покупателя, и тот пошел с покупкой к кассе. Но Лидия Иосифовна была почему-то очень недовольна.

– Следующий раз, пожалуйста, стойте возле примерочной, как вешалка, и не вступайте с покупателем в контакт, – зло произнесла она.

И тут же Лидия Иосифовна побежала к следующему покупателю и стала отпускать в его сторону ненужные похабные шутки: «Вы будете покупать или просто пришли поглазеть на наш товар!» – кричала Лидия Иосифовна приказным тоном покупателю, который так растерялся, что тут же выбежал из магазина.

«Странный подход к работе? – подумала Катя. – Может быть они не заинтересованы в продажах! Тогда мне очень жаль мою коллегу, Татьяну».

Катя решила больше не проявлять инициативу, а присмотреться, как работают в этом коллективе и помочь стажеру, который уже пятый день не может выполнить норму.

Лидия Иосифовна прошла быстрым шагом мимо Кати толкнула ее, как бы невзначай, не извинилась и всячески хотела

поскандалить.

– Вы неправильно вешаете вешалку, не так. А вот так, – кричала она и вешала точно так же.

Катя улыбалась и повторяла все за Лидией Иосифовной. Она не хотела ее злить и давать ей повод поругаться. Она вообще не хотела ее расстраивать. Катя удивлялась тому, почему она не пришлась ко двору. Катя совершенно не была конфликтным человеком. Она со всеми по-доброму общалась, никогда не кому не грубила и вообще считала, что человек пришел в этот мир для того, чтобы как можно больше вокруг себя сделать людей счастливыми. Она искренне думала, что это его предназначение на земле. И вдруг такой экземпляр. «Боже, в центре Питера, все древнее, даже продавцы, – подумала Катя, глядя на Лидию Иосифовну. – Ладно, может быть, у нее что-то случилось сегодня дома, а завтра она будет добрее».

Но завтра Лидия Иосифовна встретила Катю крепким русским матом вместо приветствия. Катя удивленно посмотрела на нее и спросила: «Скажите, пожалуйста, а где стажер?».

– Она нам не подходит, – зло произнесла Лидия Иосифовна.

– Как не подходит? Она вчера сделала шесть продаж, а я всего одну? – поинтересовалась Катя. – И я, значит, вам подхожу?

– Ты украшение нашего магазина! – зло произнесла Лидия Иосифовна.

– А продавать мне можно сегодня или нельзя? – робко спросила Катя.

– Конечно, если сможешь?

Катя странно посмотрела на Лидию Иосифовну, улыбнулась, и с первого раза продала три вещи. Затем Катя очень долго работала с еще одним покупателем. И, наконец-то, покупатель соизволил взять тоже три вещи. Катя счастливая, что сделала шесть единиц и, значит, с первого дня попала в штат, вела покупателя с вещами к кассе в хорошем расположении духа.

Но в это время с круглыми глазами из кухни выскочила, как ведьма на метле, с всклокоченными седыми посеченными волосенками на голове, которые стояли дыбом от злости, Лидия Иосифовна. Она была похожа в этот момент на злую старуху Шапокляк. Она кривыми ножками семенила к Кате и, выхватив у нее эти три вещи, заорала на весь магазин, напугав этим покупателей: «Это моя клиентка, я ее неделю назад обрабатывала. Она должна была переспать с этой мыслью и с этими вещами!».

Лидия Иосифовна неслась, спотыкаясь с этими вещами к кассе и орала, чтобы записывали эти продажи на нее.

Катя в шоке пребывала некоторое время. Затем вздохнула и подумала: «Боже ж ты мой, а я ведь могла умереть и не увидеть,

что такие люди вообще бывают!».

– Не переживайте Вы так, – стала успокаивать Лидию Иосифовну Катя. – Здесь так много товара, что хватит всем!

И тут же Катя развернулась и продала молодой красивой паре четыре вещи сразу. Она довольная, что справилась с заданием в первый же день, счастливая поехала домой.

На следующий день уже в роли полноценного штатного работника Катя пришла в магазин, как всегда привела рабочее место в порядок, затем стала изучать прибывший ассортимент. В это время мимо нее прошла высокая статная молодая женщина. Она была похожа на королеву. Уверенная в себе, как Екатерина II, но очень уставшая. Она тянула огромный мешок с товаром по полу и с интересом взглянула на Катю, которая поспешила ей помочь. В это время к Кате подбежала Лидия Иосифовна, схватила ее за руку и потянула к выходу, протягивая ей мешок с мусором. Она приказным тоном как рабыни произнесла: «Вынеси мусор! У нас с этим заданием, не очень-то справляются».

– Хорошо, а куда выносить? – спросила Катя и повернулась к столу, за которым сидела Лена из Баку и еще одна продавщица этого магазина – Александра, странного вида девушка-тень, с черными мешками под глазами. Александра была такая измученная и несчастная. Она всем своим видом показывала, что очень сожалеет о том, что вообще родилась. Казалось, девушка боялась собственной тени. Ходила, молча, ни с кем не разговаривала. Она не скрывала, что не имеет права на собственное мнение. Она была тенью Лидии Иосифовны и Лены из Баку. Той самой двуличной крали, которая зло улыбалась. Это был клубок настоящих змей. Они не разговаривали между собой, они шипели, переговариваясь шепотом.

– Куда нести мусор? – повторила свой вопрос Катя и повернулась к сидящим за столом. Покупателей в этот момент в магазине не было.

Все три мадам показывали руками в три разные стороны. Катя засмеялась, глядя на них, и спросила: «Вы выносите мусор прямо на Невский проспект или вы не знаете, где мусорка?».

Александра мило улыбнулась своими черными кругами под глазами и сказала: «Я вообще выношу мусор в арку налево».

Лидия Иосифовна зыркнула на нее своими желтыми глазами и заорала: «А я выношу в арку направо».

– А я вообще не выношу мусор. Мне по статусу не положено. Я техникум оканчивала, – произнесла Бакинская девушка-блондинка.

– Хорошо, я поняла, почему у вас не справляются с таким трудным заданием выбрасывания мусора. Для этого же Кембридж

нужно заканчивать, – сказала Катя и вытащила мешок с мусором на улицу.

Александра наконец-то улыбнулась шутке и проводила Катю милым взглядом. В этот момент, Катя зачем-то повернулась в ее сторону и с ужасом увидела, как улыбка на лице Александры резко превратилась в злой оскал. Катя заметила черную зависть, вдруг вылезшую из глазниц темных кругов этой немой тени. Александра в мгновение превратилась в страшного злого монстра.

– Александра, скажите мне честно, Питер так сильно изменился за последние годы? В нем что люди не доедают, не досыпают, почему здесь так много злых людей стало? А где же питерская интеллигенция, где питерская доброта, питерская внимательность к людям?

– Я не знаю, я живу здесь всего двадцать лет, – ответила ей Александра и отвернулась, пытаясь снова состроить улыбку на злой физиономии.

Катя вышла из магазина, увидела, что узбек из арки вывозит мусор, попросила принять ее груз. Узбек улыбнулся, быстро взял у Кати мешок из рук и обдал ее теплым взглядом. И Кате сразу стало легче на душе, от того, что хоть узбеков жизнь в Питере не озлобила.

– Хорошо, что успела, – добродушно произнес узбек. – А то ворота бы до вечера закрылись, и ты бы туда не попала. Я просто вчера не вывез мусор, поэтому тебе повезло.

Катя зашла в магазин без мусора, чем очень удивила эту черную троицу.

– Куда ты мусор дела? – заорала Лидия Иосифовна.

– Я его высыпала на Невский проспект, – произнесла, смеясь, Катя. – Ведь вы же туда его выбрасываете?

Мимо них опять прошла своей царской походкой девушка-носильщик. Лидия Иосифовна ничего не ответила Кате, а плебейско-рабской походкой побежала за этой красивой статной уставшей женщиной.

– Татьяна, эта новенькая хочет разорить ваш магазин, она всем покупателям предлагает скидку, уберите ее от нас! – кричала Лидия Иосифовна на весь магазин. – А еще она грубит покупателям и мешает нам всем работать. У нас упали из-за нее продажи.

Высокая королева – грузчик подошла к Кате и, улыбаясь, спросила ее: «Ну как вам у нас работается?».

– Вы Татьяна? – спросила Катя, улыбаясь.

– Да, я хозяйка этого магазина. Это я с вами говорила по телефону.

– Замечательно работается, – засмеялась Катя. – Коллектив очень дружный и видно поэтому я не пришлась ко двору.

– Ну это мы еще посмотрим, кто не пришелся, – строго произнесла Татьяна и сердито обратилась к Лидии Иосифовне: «Лидия Иосифовна, я вас предупреждала, чтобы вы не обижали стажеров. У меня на вас столько жалоб.»

– Да как же можно, я только из-за продуктивности работы, она совершенно не умеет работать, – врала Лидия Иосифовна.

– Скажите мне, пожалуйста, вы ей мстите за то, что вы на седьмой день сделала продавца, а она в первый? – громогласно засмеялась Татьяна.

В это время, к Татьяне подошла менеджер, Светлана, из другого магазина, который находится на Петроградской стороне. Она заулыбалась и сказала: «Татьяна, я за этой девушкой наблюдаю уже два дня. Мне очень нравится, как она работает. Разрешите ей поехать работать в наш магазин?».

– Ну что, Катя, поедете? – спросила хозяйка магазинов.

– Да как же я брошу такой замечательный коллектив, который меня всему научил, – засмеялась Катя, подмигнув Лидии Иосифовне, и пошла собирать вещи. – Конечно, я поеду. Ведь это почти рядом с моим домом.

– Вот и замечательно! – произнесла Татьяна. – Я видела, как вы работаете, и вы поможете наладить торговлю в новом магазине.

Катя действительно произвела фурор в новом магазине. Она в одни руки сразу же продала одиннадцать единиц. Девочки ее приняли очень хорошо. Она вместе с командой единомышленников, девчонками-красавицами: Светой, Элей, Инной и Настей наладили работу нового магазина. Покупатели их полюбили. Катя точно знала, что судьба у этого магазина будет такой же светлой и радужной, как эта новая команда.

И самое главное, это были настоящие питерские девчонки, новое поколение, добрых, светлых, красивых питерцев, которое, не смотря на свой молодой возраст, несут достойное звание жителей этого города на Неве.

А сколько интересных историй они поведали Кате после работы, сидя в скверике их любимого города. И Катя услышала много житейских интересных историй и столько набрала материала для своего нового романа, что его хватит теперь ни на один роман. Самое страшное, что жизнь в каждой истории не повторяется, что у каждой из них есть свой сценарий и свой закрученный сюжет.

А девочки всего-навсего достойно играют главную роль в сериале под названием: «Жизнь». И, благодаря им, Катя точно

знала, что в ближайшее время она напишет еще четыре романа про каждую из них.

А Татьяне, хозяйке магазинов, Катя призналась, что она писательница, что это их с мужем Торговый центр, в котором Татьяна арендует два этажа. Катя призналась ей, что восхищается ей, как предпринимателем, которая тоже света белого не видит из-за таких нерадивых продавцов, которые съедают профессионалов, чтобы заработать самим, пусть меньше, пусть таким путем: угрожая покупателям и выгоняя их из магазинов.

«Они не стараются делать нужных выручек для хозяйки, которой завидуют и считают змеиным шепотом ее еще незаработанные деньги», – вот хорошая фабула нового рассказа: «Здравствуйте, я старуха Шапокляк с Литейного», – думала Катя, приползая домой после работы.

У нее горели ноги от двенадцатичасового рабочего времени, она подставляла свои убитые ноги под ледяную воду и говорила Никите: «Да, на каблуках бегать и обслуживать покупателей не очень легко без сноровки, – но все писатели так и живут, чтобы написать очередной шедевр, залазят в шкуру тех людей, про которых пишут и терпят все их лишения, чтобы поделиться затем с читателями жизнью своих героев»!

Никита целовал жену, жалел, но ничего не мог изменить. Катя была непреклонна. Она каждый вечер, падая от усталости, садилась за компьютер, ноги предательски ныли, но руки быстро бегали по клавишам, набирая очередную строчку романа.

– Ну как, дело спорится? – спросил ее Никита, глядя, как она быстро набирает очередной текст.

– У меня сейчас самый трудный этап. Я пишу конец романа. Все ниточки должна связать в единый узелок. Это самое сложное. Ты знаешь, я нисколько не жалею, что побывала в шкуре предпринимателей. Мне их так жалко. Давай аренду им снизим!

– Да куда уже ниже? – запротестовал Никита. – У нас они и так работают только на электричество. Я его продам, одни убытки от него стали.

– Но этот торговый центр дорог Кристине, как воспоминание. Она ж в нем уборщицей, еще школьницей подрабатывала, помнишь?

– Помню, еще от меня пряталась, – засмеялся Никита.

– И все-таки у нас самая лучшая дочь на свете, – вздохнула Катя и резко откинулась на спинку кресла, закрыв глаза.

Сердце неожиданно защемило, запекло, и предчувствие беды угрожающе сковало грудь. Катя почувствовала, что надвигается что-то очень плохое, о чем ее сердце пыталось поведать ей.

– Никита, что-то мне не спокойно на душе, – вдруг

проговорила она и сделала глубокий вдох.

И почему-то Катя опять вспомнила своего врага, – Игоря Сергеевича Севрюка.

«Что же он еще придумает?» – с тревогой пронеслось в голове.

Глава 17

Игорь Сергеевич в это время прохлаждался в Санкт-Петербурге напротив Казанского собора в ресторане «Терраса». Он брезгливо рассматривал шрам, который остался от пули на голове его бывшего компаньона, такого же поддонка, как он сам. Их «святая» троица: Игорь Сергеевич, его личный охранник – Виктор и его правая рука, компаньон всех его дел, начальник службы безопасности – Володя, всегда приводила в ужас всех, кто с ними сталкивался в те страшные девяностые. Да и сейчас, седые с виду солидные мужчины, вызывали страх у обслуживающего персонала.

Они сидели, развалившись на мягких диванах, потягивали виски и высокомерно рассматривали окружающих. Игорь Сергеевич наклонился к Володе поближе, дотронулся до шрама на голове.

– Слушай, Вовчик, скажи мне честно, почему ты тогда в банке, в голову так неудачно выстрелил, что остался жив? – захохотал Игорь Сергеевич.

Володя посмотрел на него, вздохнул и улыбнулся.

– Да разве я знал, что пистолет заряжен холостыми патронами.

Игорь Сергеевич с шумом поставил стакан на стол, зло посмотрел на Володю.

– Я тебя не про это спрашиваю. Я не понял мотива твоего поступка. К чему вообще было делать такой жест? Или ты знал что-то, чего не знал я?

– Да не знал я ничего. Просто черная депрессия навалилась. У тебя что так не бывает?

– Бывает. Но ты никогда не был трусом? Для меня это остается загадкой до сих пор, которую я все равно отгадаю, ты меня знаешь. Нас бы тогда не взяли, если бы не ты. Я все понимаю, что записку предсмертную тебе Дядюшка в руки сунул. Хотел все на тебя повесить в очередной раз, но не успел свалить. А вот ты в этой истории, какую роль играл?

Володя безразлично посмотрел в сторону старого друга, протянул к нему свой бокал.

– Паранойю твою уже терплю тридцать лет. Напридумываешь себе проблем и решаешь их в одиночку.

Игорь Сергеевич засмеялся.

– Конечно, особенно когда за спиной у тебя сын, единственный между прочим, кровинушка моя долгожданная. А я вынужден терпеть дочь врага и ждать момента, чтобы отомстить.

А мой сыночек все терпеливо сносить.

– Да брось ты, «сносить». Иван, если бы не захотел, никогда не женился. Он же весь в тебя.

– Да, это точно, весь в меня. Только в кого он такой высокий? – подозрительно взглянул Игорь Сергеевич на друга.

– Не в меня уже точно. Я тоже маленького роста. Может у Аньки в роду кто высокий был? Ты же не знаешь ничего о ней. Когда выбираешь донора своему ребенку, должен знать всю подноготную о том человеке, кто будет тебе рожать. Жаль, Танька у тебя бездетная оказалась.

– Заткнись! Не твое дело. У тебя вообще никого нет, вот ты и завидуешь. Хоть бы кто-нибудь тебе родил? А то постоянно возле Антона на моечной станции ошиваешься.

– Кстати, парень толковый, хоть и врач, да и мойкой не брезгует. Я вообще хочу его повысить в должности.

– Ты его еще усынови вместе с его женой, – засмеялся Игорь Сергеевич.

– А ты Таньку вместе с дядюшкой, – ответил ему Володя. – Кстати, что тебе говорит твоя паранойя на счет Дядюшки? Ведь он тоже высокий?

– Молчит, притом очень подозрительно. Видно боится его.

Разговор двух немолодых мужчин привлек внимание, вытирающей стол, уборщицы, которая крутилась у них за спиной. Пожилая женщина с интересом наблюдала за импозантными мужчинами. Она продлевала уборку, как могла. Женщина тщательно вытирала ножки у стульев, медленно стряхивала крошки со стола и подслушивала их разговор. Мужчины неторопливо допили содержимое бутылки и, лениво потягиваясь, направились к двери.

Игорь Сергеевич продолжал с прищуром поглядывать в затылок своему старинному другу, нажимая на сигнализацию своего «Астон Мартина».

– Знаешь, мне никогда не нравился Питер. Он мне напоминает каменный капкан. Этот город как пещера. Я чувствую себя в нем, как в тюрьме.

– Говорят, Питер с живой энергетикой. Он либо принимает, либо – нет. Значит, он тебя не принял.

– Куда денется! Зато я скоро приберу его к рукам. – Он сжал руку в кулак и протянул его к носу Володи. – Ты знаешь, весь Невский проспект уже мой. Ты думаешь, я зря баланду хлебал на зоне? Я обдумывал, куда вложить мои спрятанные капиталы, чтобы завоевать мир после отсидки.

– Турция тоже твоя. Сколько там отелей твоих осталось?

– Компаньон, что ты считаешь чужие гроши? Завидуешь, что

ли?

– Дурак ты, Игорь, сколько лет дружим, а ты еще не понял, кто я? Я же твоя правая рука. Отрубишь, больно будет.

– Ладно, садись в машину, не баклань, правая рука. Куда же я без тебя? Поехали, мне еще нужно к сыну заехать, цветы полить. Представляешь, где я и где – цветы.

– Знаю, какие цветы поливаешь. Как тебя на этих баб хватает? У меня уже одной проблемой стало меньше. Они мне больше не нужны. Как говорится, в моем возрасте отказ больше радует, чем согласие.

– Тебе по – молодости тоже не сильно хотелось. Видно, бромом перекормили, когда на подводке служил. Признайся, мою дозу себе забирал от жадности.

Машина «Астон Мартин» цвета стального металлика неслась по красивому ночному городу. Переезжала Дворцовый мост. Стрелка Васильевского острова манила Ростральными колоннами, которые украшали город еще с тысяча восемьсот десятого года, когда архитектор-француз украсил эти колонны рострами кораблей, чтобы показать, как ни странно, величие морского флота российского государства. Они зазывали всех заблудившихся яркими огнями маяков и манили влюбленных. В небольшом скверике Стрелки тоже было тихо. Ночью не гуляли молодые мамаши с колясками и не орали свои песни студенты. Только изредка слышался шепот влюбленных и волны шумели так же, как триста лет назад.

Только Игорь Сергеевич летел по мосту на огромной скорости и орал свои блатные песни. Для него не существовало запретов садиться за руль пьяным. Весь город принадлежал ему и его деньгам.

«Астон Мартин» повернул на Университетскую набережную, рванул в сторону набережной Шмидта. Впереди вырисовывался красивый Собор Оптинских Старцев. Так же величественно подсвеченный огнями ночного города.

По набережной каталась молодежь на роликовых коньках, из ресторанов звучала музыка, приглашая любителей ночного стриптиза. Жизнь продолжалась, власть менялась, только пороки оставались прежними, такими, какими были всегда.

– Кристину нужно убрать, – вдруг неожиданно произнес Игорь Сергеевич.

Володя удивленно на него посмотрел и спросил: «Что прямо сейчас?».

Игорь Сергеевич махнул головой в знак согласия и больше не произнес ни слова.

Они не знали, что в эту ночь не спал еще один человек в городе Санкт– Петербург, – Яков Саммуилович Гельштейн. Он лежал с открытыми глазами в гостиничном номере гостиницы «Балтика» и глубоко вздыхал.

Конечно, он мог поехать к своей бывшей возлюбленной, которая глубоко была несчастна от того, что у нее все было в их отношениях именно так. У нее было много денег, которые он ей отправлял. Но не было самого главного: любимого человека рядом, о котором она почти ничего не знала.

Она исправно получала причитающийся ей соц. пакет и растила в одиночку их умного, красивого сына Петра, которому сегодня исполнилось двадцать пять лет. Он был высок, красив, с великолепной кучерявой шевелюрой роскошных темных волос, зачесанных назад.

Не нужно было делать никакое ДНК по поводу того, кто его отец. Он был вылитый Яков Самуилович Гельштейн. Сын знал, что отец был геологом и постоянно находился в долгосрочных экспедициях. Он любил, когда отец был дома. Но его пребывание в их шикарной квартире на Васильевском острове было всегда неожиданным и краткосрочным.

Он всегда приезжал с дорогими подарками, хвалил сына за то, что тот поступил в аспирантуру и полностью посвятил себя науке.

Место в самом престижном Вузе страны было для Петра неожиданностью. Притом, его без всякого протеже оставили на кафедре с очень хорошим окладом.

Единственное, что было плохо, это то, что Петр никак не мог найти себе девушку по душе. Он принимал знаки внимания противоположного пола. Но ни с кем не заводил серьезных отношений. Петр для всех женщин оставался загадкой.

Неординарный, хорошо воспитанный молодой человек, жил в своих грезах. Он очень любил и уважал свою маму, которая была человеком добрым и верующим. Она соблюдала все посты, ходила в Церковь на Смоленке, и не пропускала ни единой воскресной службы. Хотя была кандидатом медицинских наук. Именно поэтому, она говорила, что знает точно, что Бог есть. И что все научные открытия сделаны с его помощью. Она сама была подобна Ангелу.

К выбору мамы Петр относился с огромным уважением. Он понимал, что только ее молитвами отец еще жив. С его трудной работой, с его постоянными командировками, с его нерегулярным питанием. Он знал, что отец часто бывает за рубежом, где проводятся раскопки затонувших городов и где отцу приходилось работать в акваланге, находясь по многу часов под водой. Отец не

был многословен.

Он всегда говорил, что пока работа не закончена, о ней нельзя много говорить. Но у Петра с отцом была какая-то странная духовная близость. Он всегда чувствовал, что отец где-то рядом. Когда тревожно начинало биться сердце, он знал, что через день – два отец позвонит в дверь. Вот и сегодня сердце как-то тревожно защемило. Он почувствовал, что отец уже в городе.

– Мама, папа не звонил?

– Нет, а что?

– Я уверен, что он скоро приедет.

Мама как всегда улыбнулась и посмотрела на сына радостно.

– Ты же мой провидец! И ведь ни разу не ошибся. Лучше скажи, когда женишься?

– Мама, не смейся. Ты знаешь, я уже во сне видел свою будущую жену. Очень отчетливо видел. У нее светлые волосы, глаза как у Лани, и она вся изящная и нежная. Только у нее какая-то неприятность. Я видел, как она падает с огромной лестницы. Притом кувырком летит прямо к моим ногам.

– А ты знаешь, что сны расшифровывать нельзя. Что только те сны, в которых тебе снятся «Святые» или «Иконы», называются – «Вещими». Остальные – от «рогатых!». Их даже вспоминать нельзя.

– Согласен, мама. Но моя будущая жена была вся в белом, как Ангел. Значит, это вещий сон и я скоро тебя с нею познакомлю.

– Это говорит ученый – химик. Ой, не могу. В иные времена, тебя бы уже сожгли на костре за такие речи. А сейчас все можно?

– Мама, ты самая лучшая мама на свете. И ты сама твердила, что все открытия даны только по попустительству Божьему. Ведь так?

– Правильно и врачи, и наука, и все – в этой жизни от Него. Ты читал послание Серафима Вырицкого – «От меня это было!». Если не читал, обязательно прочти. Ты все сразу поймешь.

– Хорошо, мама, обязательно прочту.

В дверь неожиданно позвонили, мама удивленно посмотрела на Петра, пожала плечами, и попросила сына открыть.

– Собирайся, – закричала с порога двоюродная сестра Лика. – Ты забыл, что я теперь тоже аспирантка и ты в свой день рождения, в этот раз не отвертишься от меня. И ничего не говори. Я знаю, что ты не празднуешь свои дни рождения. Ты их празднуешь, когда приезжает отец, – закричала красивая пухленькая девушка с рыжими как огонь волосами.

Она схватила любимого брата и пыталась приподнять его от пола. Затем просто покружилась вокруг него и побежала к тете Вере. Она схватила ее в жаркие объятия, и поделилась с нею

своей необъемной радостью. При этом успевая, прикрикнуть на брата, чтобы быстрее собирался.

– Давай, побыстрее. Я отвезу тебя в самое романтичное место на земле. Там только звезды и шум океана и больше ничего нет. Я уже заказала столик.

– Лика, у меня сегодня отчет. И ты в мои планы не входила, – сказал Петр, смеясь.

Он обнял свою единственную родственницу, которая в нем души не чаяла. Это была любимая племянница мамы из Ростова на Дону. Яркая рыжеволосая казачка. Такие тоже встречаются. К тому же Лика была его студенткой, а теперь аспиранткой его же университета. Жила Лика в своей собственной комнате на Московском проспекте. Девушка была прямая противоположность своему двоюродному брату. Она была совершенно неуправляемая с вихрем эмоций и предложений. Как все южанки, с особым темпераментом, и, конечно, не признавала слово – «нет».

– У тебя пять минут! И это не обсуждается, понятно?

Петр улыбнулся, вздохнул, подмигнув маме, пожал плечами.

– Да. Это точно не обсуждается. Придется отложить отчеты на ночь. Хорошо. Поехали в твою сказку.

Глава 18

В ресторане возле Финского залива было немноголюдно. За столиками сидели несколько пар. Играла живая музыка. Когда Петр и Лика вошли в зал. К ним поспешно подбежала администратор зала.

– У вас какой столик?

– Тринадцатый! Моя любимая цифра, – быстро выпалила Лика.

– И моя. Двенадцать апостолов и Иисус Христос, – добавил Петр.

– Надо же обычно эту цифру боятся?! – улыбнулся официант.

– Мы ничего не боимся, – засмеялась Лика. – Мы ученые!

Петр не сразу понял, что его вообще потянуло в сторону столика, находившегося в углу зала. Он оглянулся и очень удивился, – за столом сидела та самая девушка из его сна.

Он подошел к столику, долго смотрел на Кристину, не отрывая взгляда. И даже не заметил, что девушка была беременной. Он увидел, что с нею два спутника: мужчина и женщина. В это время к нему подбежала Лика и схватила его за руку.

– Пойдем, у нас вон тот столик, ты что заблудился?

Петр, оглядываясь на Кристину, пошел к своему столу.

– Странный какой-то тип, – произнес Иван, рассматривая юношу. – Ты его знаешь?

Кристина улыбнулась и удивленно пожала плечами.

– Наверное, обознался. Меня часто путают с кем-нибудь, – ответила она.

– А может быть это твой любовник? – с ехидцей заметила Светлана. – Он смотрел на тебя как на давнишнюю знакомую.

– Да нет, Света, я его не знаю. Он точно обознался.

– Ну, смотри у меня. А то может быть пока я в командировках, ты флиртуешь с ботанами, – произнес Иван, смеясь. – С тебя станет. Ты же вообще в людях не умеешь разбираться.

Кристина поднялась, улыбнулась подруге и мужу, схватилась за спину.

– Ой, что-то мне нехорошо от ваших разговоров, я лучше пойду на балкон, подышу свежим воздухом, – сказала Кристина и пошла в сторону лестницы, которая вела на второй этаж.

«И зачем им захотелось в этот ресторан. Мы же на дачу хотели съездить?» – подумала Кристина, поднимаясь по лестнице на огромный балкон, окружающий его по кругу. Но тут же

пожалела о своих мыслях, когда вышла на террасу.

Перед нею открывался красивый вид на Финский Залив, подсвеченный ярко-красным закатом. Облака над заливом поддерживались нежно-розовой подсветкой и плавно проплывали над водой в свете природной иллюминации. Это были необычные волшебные облака. Нужно сказать, что Питерское небо всегда имело свою собственную жизнь. Оно было живое, менялось на глазах, чем очень удивляло гостей и жителей этого города.

Иногда небо становилось иссиня-черным, с фиолетовыми разводами посредине. Иногда питерское небо становилось волшебно-воздушным с золотыми капельками на облаках. Иногда оно было очень сердитым, и черные тяжелые тучи придавливали тебя с одной стороны, а яркое солнышко манило с другой. Ветер расчищал бирюзовое солнечное небо, которое становилось похожим на золотой сияющий слиток.

Небо в Питере всегда было разным. Но всегда было живым! Казалось, оно разговаривает с тобой, когда ты на него смотришь.

«Боже, как красиво! Зарево такое необычное, просто волшебное. Как я люблю питерское небо!», – подумала Кристина, улыбаясь.

Над заливом огненно– красное небо тушило свой природный пожар в темных водах Вселенной и ярко освещало весь залив, который выглядел необыкновенно красивым и поглощал тебя целиков, ощущение было не передаваемым, будто ты находишься на другой планете.

– Здравствуйте, – неожиданно раздалось за спиной. – Вы, Ангел?

Кристина вздрогнула, удивленно повернулась и серьезно посмотрела на Петра.

– Вы меня с кем – то перепутали, – сказала она строго.

– Извините, я не представился, меня зовут Петр, – не бросаясь в долгие объяснения, произнес Петр. – Назвали в честь Петра Первого. Из-за роста. Правда, я родился всего шестьдесят сантиметров.

Петр рассматривал живот Кристины и моргал глазами.

Кристина засмеялась, глядя на симпатичного юношу, который так неумело с нею знакомился. Но Петр вообще ничего не видел, а продолжал и дальше свой натиск.

– А те влюбленные, муж с женой, ваши друзья?

– Нет. Это не муж с женой. Это мой муж и моя подруга, – засмеялась Кристина.

Петр удивленно посмотрел на нее. Затем опустил глаза в пол, извиняясь, стал оправдываться перед девушкой.

– Извините, я не знал. Просто хотел себя успокоить. Как-то

нехорошо получилось.

Кристина попыталась его остановить.

– Не переживайте, просто мы давно дружим вместе, нас часто путают. У нее тоже есть муж. Только он в Москве.

– Понятно. Извините. А вы мне снились. Так странно, именно сегодня ночью и ресторан этот тоже. Вы здесь часто бываете?

– Нет, мы вообще здесь впервые, – ответила Кристина, – муж захотел зайти, послушать живую музыку.

Неожиданно к Петру и Кристине подошли Иван и Света.

– Слушай, полуумок, ты что пристаешь к моей жене, ты что не видишь, что она беременная?

– Считаю лишним оправдываться перед самодуром, – произнес Петр.

– Ты что сказал, ботаник?! – произнес подвыпивший Иван и схватил Петра за грудки. Но тот одним махом оттолкнул его от себя, ударив по рукам.

– Ваня, прекрати, молодой человек просто дышал свежим воздухом, – заступилась Кристина.

– Конечно, дышал. Он тебя точно знает. Весь вечер на тебя пялится. Ты, долбаеб, пойдем, выйдем на улицу, поговорим по душам, откуда ты ее знаешь?

– Пойдем, поговорим. Мне тоже есть, что вам сказать, – ответил Петр. Они вдвоем стали спускаться по лестнице. Кристина поспешила за ними. Но Светлана схватила ее за руку и заставила остаться на балконе.

– Не лезь в мужские дела, хочешь родить раньше времени? – строго спросила Света.

Иван и Петр вышли на улицу. Они зло смотрели друг на друга, девушки наблюдали за ними с балкона и все слышали, о чем они говорят.

– Ты что, полуумок, вообще рамсы попутал? Беременная женщина, замужняя, а ты ухаживать решил, – кричал Иван, выпячивая вперед грудь, как бойцовский петух.

– А что беременные женщины не заслуживают внимания? Да к тому же я был уверен, что ваша жена – вторая спутница. Вы думаете, я не заметил ваш долгий поцелуй? Или вы – многоженец?

– Ты, урод, еще пойди моей жене расскажи о поцелуе! – орал как потерпевший Иван. – Или тебя сразу тут прибить?

– Давай, попробуй, убери свидетеля, – засмеялся Петр, который с шести лет профессионально занимается каратэ. Да и отец научил кое-каким приемам.

Иван зло посмотрел на Петра и замахнулся, чтобы ударить. Но Петр ловко опередил его, сделал удушающий и вывернув ему

руку.

– За недоумка и урода ответишь, – быстро произнес Петр, заламывая руку еще сильнее.

– Ой, больно, отпусти! – заверещал, как маленький ребенок, Иван. – Отпусти, кому говорю!

– Проси прощение у дяди Пети, – требовал Петр. – Говори, простите, дядечка, что обознался, что нагрубил. Я сейчас же уйду из ресторана, потому что мне стыдно, что я двоеженец.

– Отпусти, дурак, больно же! – орал Иван на весь лес. – Где ты так приемам научился, дебил!

– Не слышу слов извинения и просьбу об уходе, – продолжал диктовать условия Петр, закручивая руку еще сильнее.

– Ладно, извини, я ухожу. Скажешь бабам, что меня вызвали по звонку.

– Нет, так не пойдет. Скажи правду, кто из двух жен тебе роднее?

– Да обеих ненавижу! Курицы в меня влюблены по уши, и обе рожают от меня детей. Одна уже родила. А вторая на сносях. Хочешь, забирай их себе. Они мне не нужны!

Кристина стояла на балконе и слышала все, что говорил Иван. У нее округлились глаза, не стало хватать воздуха. Она посмотрела на ликующее выражение лица у Светы, которая была рада, что Кристина обо всем наконец-то узнала. Кристина удивленно спросила: «Я не поняла, ты родила ребенка от Ивана?»

– Да! А ты дура, туполобая, ни о чем не знала, ненавижу тебя! Это из-за тебя он терпит такие унижения, – прошипела Света. – Он всю жизнь любил только меня. И Сергей – это его ребенок, дебилка.

Кристина, полными слез глазами, смотрела на любимую подругу, не понимая, как она могла так с нею поступить. Комок разочарования предательски сковал горло, она хватала ртом воздух и пыталась расстегнуть верхнюю пуговицу блузки.

– Света, мы же подруги?! Боже, какая грязь! А как же Антон?!

Кристина развернулась и, заливаясь слезами, побежала к лестнице, Света рванула за нею следом. Она в мгновение догнала ее и зло закричала: «Подожди, не смей ничего говорить Антону. Пусть остается все как есть.».

Кристина, не оглядываясь, поставила свою маленькую ножку на край лестницы и уже приготовилась сбежать вниз, как почувствовала сильный толчок в спину. Света со всей силы толкнула ее сзади, и Кристина покатилась по ступенькам, не успев даже вскрикнуть.

В это время в ресторан забежал Петр. Он в ужасе увидел, как безжизненное тело Кристины, перекатываясь от ступеньки к

ступеньке, летит прямо к его ногам, как в том его сне. Он мгновенно бросился к девушке, ища глазами ее Яну.

А трусливый Иван в это время уже мчался в Москву, проклиная всех. Он звонил по телефону начальнику охраны отца, – Владимиру, чтобы тот наказал ресторанного ублюдка.

Но тот не поднимал трубку, видно был в стельку пьян. Потому что после встречи с его отцом, он всегда напивался до беспамятства. Ему не нравились эти допросы про неудачное самоубийство, про шрам на голове. Он до сих пор боялся Игоря Сергеевича. Хотя и не показывал вида.

«Какая же все-таки дрянь эта Кристина, даже беременная мужика подцепила», – злился Иван. – Скорей бы ее грохнуть! Одни неприятности только от нее.

Иван был очень зол на Кристину и считал ее виновницей этого неприятного инцидента. Он просто ревновал ее и даже не догадывался об этом.

Глава 19

Светлана в эту же ночь села на самолет и рванула в Москву следом за Иваном. Когда она забежала в квартиру Ивана, то сходу набросилась на него с кулаками, обвиняя его в том, что он оставил ее в такой трудный момент.

Сам приказал ей столкнуть Кристину с лестницы и как трус сбежал с места преступления, оставив ее одну. Она кричала на него, что теперь боится, что все раскроется, ведь Кристина умерла. Иван ходил из угла в угол в квартире и все время бормотал себе под нос, что же он скажет отцу. Как ему объяснит, что сорвал планы. Иван наливал виски полный стакан, выпивал один за другим и зло смотрел на Светлану.

– Это ты ее убила? Поняла? Я же не думал, что ты примешь за чистую правду мою болтовню.

– Да, я только рада была это услышать, потому что я тебя предупреждала, что никому тебя не отдам. И ты прекрасно это знал.

– Дура ты, Светка, нельзя было принимать мои слова в расчет. Я же много выпил в этот вечер. Еще немножко бы подождала, и мы навсегда были бы вместе. А теперь будем прятаться по углам, чтобы отец ничего не пронюхал.

– Давай уедем, куда глаза глядят, давай за границу сбежим, – умоляла Света.

– Прежде чем за границу бежать, нужно нам новый бизнес открыть. Отец обещал мне длительную командировку в Лондон. Но теперь мне не видать заграницы, как собственных ушей.

– А ты скажи отцу, что с Кристиной произошел несчастный случай.

Иван замахнулся на Свету и процедил сквозь зубы.

– Сказать, что она случайно упала и умерла с твоей помощью?

– Нет, давай скажем, что она сгорела в бане у Антона. Я ради этого дачу спалю.

– Что ты несешь? Какая баня? – зло сплюнув, произнес Иван.

– Послушай, тело Кристины не опознали. Ее увезли без документов. Вот сумочка ее у меня. Никто не знает, кто она. Давай любой труп сожжем в бане и скажем, что это она.

– Сериалов насмотрелась, дура! Тогда твой труп и сожжем.

Иван меряет огромными шагами свою квартиру. О чем-то думает. Затем останавливается, внимательно смотрит на Свету.

– Слушай, а в какой морг ее отвезли? Попробуем забрать.

– Ваня, ты что, ее нельзя забирать. Тебя следователи

замучают на допросах. Пусть она числится у них как неопознанный труп. Пусть ищут, кто это?

Иван быстро остановился, набрал чей-то номер телефона и быстро сказал, что нужно увидеться. Затем рассказал Свете, что у него в морге работает сторожем дружок полукриминальный. Он хвастался, что бесхозных бомжей пачками сжигает, подрабатывает. Что он ему любой бесхозный труп продаст.

– Все, я поехал в морг, – быстро сообщил он. – А ты езжай на дачу, топи печь. Быстро давай. Это будет для нас хорошим алиби, а для ее родителей отличная версия гибели их дочери.

– Хорошо, я все поняла.

– Сумку Кристины с документами нужно тоже сжечь, чтобы никаких следов.

Иван посмотрел на Свету, схватил с вешалки кожаную мужскую сумку с документами, на ходу накинул ее через плечо и быстро вышел из квартиры.

Похороны Кристины были очень тихие. Народа было мало. Мама Кристины рыдала, уткнувшись в плечо мужа. Максима успокаивала его жена.

Иван стоял в сторонке один. Света держала под руку Антона, который тайком утирал слезы и приговаривал:

– Эх, Кристи, Кристи, зачем я эту дачу купил?

– Не трави душу, – тихо прошипела Света. – Ее теперь не вернешь, что так изводиться.

– А что ж ты ее в бане одну оставила?

– Я все уже объяснила следователю. Я сама себя десять раз прокляла, что пошла к соседке и заболталась с ней. А потом видим – все полыхает. Соседка не даст соврать. Мы с нею прибежали, пожарную вызвали, но было уже поздно, одни угольки остались. А что мы сделаем одни бабы. Ваня же в Москву еще вечером уехал по делам. Его отец вызвал. А Кристина сама захотела в русской баньке попариться. Скажи спасибо, что мы весь дачный поселок не сожгли.

Мама Кристины, держась за руку мужа, медленно подошла к Ивану.

– Ваня, как же так?! Как же так?! Почему не уберег?!

Катя громко рыдала, Никита стоял рядом и шмыгал носом, как маленький ребенок. Затем достал из кармана нитроглицерин, быстро брызнул под язык и заплакал.

В этот момент к ним подошел Игорь Сергеевич Севрюк.

– Соболезную, сваха! – зло произнес он. – Это мои проклятия тебе. За все нужно платить. Признаюсь, хотел по миру твою дочку пустить, но не успел.

Катя смотрела на него невидящим взглядом. Она с трудом понимала, что он несет.

Никита схватил его за грудки и потащил подальше от могилы.

Игорь Сергеевич громко смеялся ему в лицо и кричал на все кладбище, что он инвалидов не боится, что они все это заслужили, что смерть Якова тоже его рук дело. Никита вышвырнул его за ограду кладбища и очень пожалел, что нельзя пристрелить его как собаку.

Он замахнулся на него, но Ваня успел подхватить отца под руки и быстро потащил к машине.

А Игорь Сергеевич продолжал сыпать в сторону кладбища проклятья, не задумываясь, что все эти проклятья бумерангом в скором времени настигнут его самого.

Глава 20

А в ту роковую ночь в ресторане вот что произошло, после того, как Иван ретировался. Кристина лежала на полу без дыхания. Петр подбежал к ней, взял девушку за руку, прощупал пульс. Его не было, он не прощупывался. Петр громко крикнул Лике, чтобы она вызывала скорую, но она стояла без движения, вытаращив испуганно глаза.

В зале все продолжали танцевать, в полумраке мигала светомузыка, громко стучали ударные инструменты, весело прыгали, выкрикивая междометия молодые люди, никто ничего не слышал, и никак не реагировал на этот инцидент.

Петр схватил Кристину на руки, громко закричал Лике, чтобы срочно подогнала машину ко входу в ресторан. Лика наконец-то очнулась, мгновенно исполнила его просьбу. Когда Петр выносил Кристину на руках из ресторана, он поднял глаза и увидел злорадное лицо Светланы, которая смотрела на Кристину мертвыми от злости глазами.

Видно было, что она мечтала о ее смерти, больше всего на свете. Светлана держала в руках сумочку Кристины и обводила зал змеиным выражением лица. Затем быстро сбежала с лестницы, бросила деньги на столик, выскочила из ресторана и поехала в аэропорт.

В новом ресторане единственная официантка весело проводила время в кабинете управляющего в то время, когда все это случилось. И когда вышла, то увидела брошенные наспех деньги на двух столиках и не увидела посетителей, но они ей и не нужны были. Чаевых оказалось предостаточно. «Побольше бы таких клиентов!» – подумала официантка и поправила на себе юбку.

Лика, оставив деньги на столе, выскочила на улицу и быстро открыла заднюю дверь машины. Петр аккуратно положил Кристину на сиденье и сел рядом, придерживая ее голову. Взгляд его упал на окровавленные руки. Он закричал Лике, чтобы гнала машину в ближайшую больницу. Лика со всей скоростью мчалась по трассе. По дорожному знаку определила, где больница и свернула к ближайшему медицинскому учреждению.

– Срочно, готовьте операционную! – кричал дежурный врач, – положение тяжелое. Девушка потеряла много крови.

Когда длилась операция, Петя и Лика в ужасе ходили взад и вперед по коридору. Петр молился о жизни Кристины. Лика тоже вздыхала, глядя на своего любимого брата. Она видела, как ему тяжело. Видела, как он переживает за эту девушку.

– Все будет хорошо, не переживай. А как ее зовут? За кого молиться? – спросила Лика у Петра.

– Я не знаю. Я ничего о ней не знаю, – ответил, вздыхая молодой человек.

Врачи судорожно бегали из палаты в палату, медперсонал таскал капельницы и передвижную станцию по переливанию крови.

– Она очень много потеряла крови. Но вы вовремя ее доставили к нам в больницу, – сказал врач, снимая с себя маску. – Правда, ребенка спасти не удалось. Скорее всего, она не сможет больше иметь детей.

Петр подбежал к врачам и стал трясти хирурга за руки.

– Спасибо, доктор, спасибо, что спасли ее. К ней можно?

– Не сегодня. А вы кто?

– Я, я…, муж, – быстро нашелся Петр.

– Как же это произошло?

– Мы были в ресторане. Она оступилась и упала с лестницы. Я был на улице, забежал и не успел ее подхватить.

– Вы ничего не говорите ей о том, что она не сможет больше иметь детей. Сейчас у нее будет очень трудный период. Нужен только покой и позитив. Пожалуйста, берегите ее. Вы можете навестить ее завтра.

– Нет, я буду здесь всю ночь. Я подожду.

– Ну как знаете. Только к ней вас пустят завтра.

Доктор посмотрел на него, удивленно пожал плечами.

Петр был бледен. Он упросил Лику предупредить маму, что он домой не приедет, что будет ночевать в больнице.

Мама тут же примчалась в больницу. Эта клиника относилась к ее кафедре. Она на ходу надевала белый халат и бежала в кабинет главврача. Лика все ей рассказала, что произошло.

Вера Михайловна, доктор медицинских наук, была женщиной волевой, смелой и немного отчаянной. Она очень любила своего единственного сына, который был ей настоящим другом. Единственное счастье в ее жизни. Она очень испугалась за него, что он попал в этот переплет. Понимала, что врачи обязаны сообщить обо всем случившемся в полицию. Она была немного зла на Петра, что он так опрометчиво поступил и, не думая о последствиях, привез незнакомую девушку в клинику. Конечно, у полицейских будет много вопросов к Петру, если с этой девушкой что-нибудь случится. Но она нисколько не сомневалась, что ее сын правильно поступил в данной ситуации.

Лика объяснила, что все произошло очень быстро и что она вообще не уверенна, что кто-нибудь видел, что произошло в ресторане в эту ночь. Она с трудом могла рассказать, что сама

видела. Она помнит окровавленную девушку и рядом с нею Петра. Вот и все, что она видела.

Мама Петра сразу поехала на помощь сыну, она знала, что нужно договориться с главврачом этой клиники, чтобы о случившемся не сообщали в полицию. Петру предстояла командировка в Лондон и ему не нужны были проблемы именно сейчас.

Рано утром Петра толкнула в бок медицинская сестра. Она объяснила Петру, что его жена ничего не помнит, и просила Петра назвать ее фамилию и дату рождения. Ему ничего не пришло на ум, как назвать свою фамилию, год рождения и число. Насчет имени он замялся, медсестра на него странно посмотрела, и он быстро произнес – Ирина.

– Хорошо, вы можете зайти в палату, – произнесла быстро медсестра, закончив писать.

Петр замахал головой, улыбнулся, быстро зашагал за медработником.

– Только недолго, – попросила медсестра и вышла из палаты.

В палате с забинтованной головой лежала Кристина. Она была бледная, как больничная стена, с запекшейся кровью на губах.

Петр подошел к ней поближе, взял осторожно за руку и, не отрываясь, смотрел на ее ангельское лицо. В бинтах она была похожа на младенца. Кристина глубоко вздохнула, медленно открыла глаза и обвела взглядом помещение.

– Где я? – спросила она шепотом.

– Не переживайте все в порядке. Вы в больнице, – постарался успокоить ее Петр.

– Вы кто? – удивленно спросила Кристина.

– Я – Петр.

– А почему я здесь?

– У вас небольшое сотрясение, – тихо произнес он.

Кристина оглядела палату, затем попыталась встать. Петр нежно поправил подушку и заставил Кристину лечь.

– Я ничего не понимаю. Как я здесь оказалась?

– Вы упали с лестницы, помните?

– Нет, я ничего не помню.

Петр погладил Кристину по руке.

– Ничего страшного, позже вспомните. Я сегодня отвезу вас домой.

Кристина еще раз оглядела помещение, носик недовольно дернулся, она ощутила этот ненавистный больничный запах. С детства Кристина не переносила запах медицинских учреждений.

Ее подташнивало. Даже, когда она была на сохранении по поводу своей беременности, она с трудом переносила этот запах хлорки и лекарств.

– Хорошо, заберите меня, пожалуйста, отсюда побыстрее.

А где вы живете? – спросил Петр у девушки.

Кристина приподнялась на подушке снова, оглядела больничную палату и снова рухнула на подушку. Она ничего не понимала, что с нею происходит. Она не знала, где она живет, как ее зовут, и что было в ее жизни именно до этого момента. Она пыталась вспомнить, что же с нею произошло, но у нее ничего не получилось.

– Я не помню, – растерянно произнесла Кристина. – Помогите мне, что со мною происходит. Это как страшный сон. Скажите, где я живу?

– На Васильевском острове, – сказала медсестра, заглядывая в документы. – Медсестра обратилась к Петру и попросила его выйти.

– Я ничего не помню? – растерянно произнесла Кристина.

– Это из-за сотрясения. Память в скором времени восстановится, и вы обязательно все вспомните, – равнодушно произнесла медсестра.

– Хорошо. А сейчас увезите меня отсюда побыстрее, – взволнованно произнесла Кристина и схватила Петра за руку. – Я не переношу этот больничный запах.

– Хорошо, я сейчас договорюсь с врачом, подождите немного.

Петр быстро вышел из палаты, широкими шагами в два счета достиг ординаторского кабинета.

В кабинете сидел врач больницы и писал что-то в истории болезни.

– Могу я забрать жену домой?

Доктор посмотрел на него удивленно.

– Конечно, нет.

Доктор отодвинул с грохотом стул, недовольно встал и громогласно произнес: «Вы что хотите ее убить? За ней нужен профессиональный уход.»

– У меня мама врач. Я настаиваю.

– Как хотите, жена ваша. Но знайте, она может на всю жизнь остаться калекой. Пишите расписку, что мы в ее смерти, если что не виноваты и увозите.

Петр берет лист бумаги, быстрым размашистым почерком пишет заявление, кладет перед врачом.

– А сейчас я должен сообщить о случившемся в соответствующие органы. Вы, пожалуйста, присаживайтесь.

– Извините, а можно никуда не звонить? – попросил Петр.

В это время в кабинет вошла Вера Михайловна.

Врач почтительно встал и быстро побежал к ней здороваться.

– Не нужно никуда звонить! – уверенно произнесла Вера Михайловна.

– Почему? Вы видите, экземпляр какой. Из-под ножа жену с операционного стола забирает.

– Ладно, Саша, – обратилась к врачу Вера Михайловна. – Я за нею присмотрю, не переживай. Это моя невестка.

Петр с благодарностью посмотрел на маму. Он знал, что она поймет его и примет его сторону.

– Ах, вон оно что. Тогда я за пациентку спокоен. Сейчас с историей болезни закончу, и можете ее забирать, – пообещал врач. – Я ж ваш должник, Вера Михайловна.

– И самый лучший студент.

Доктор зарделся, улыбнулся, и размашисто поставил подпись в истории болезни.

– Спасибо доктор, – быстро произнес Петр, – пожал врачу руку и открыл дверь, пропуская маму вперед.

– Мама, я знал ее в прошлой жизни, это точно, – шептал ей на ухо Петр, когда они шли по коридору больницы. – Главное сейчас ей нужен покой и хороший медицинский уход. Думаю, ты, доктор медицинских наук, не забыла, как ухаживать за больными?

Мама улыбнулась, потрепала Петю по голове. Прижалась к его плечу.

– Я все сделаю, чтобы быстрее поставить ее на ноги. Я слишком долго мечтала о невестке и вот наконец-то дождалась. Я уже внуков хочу.

Конечно, Вера Михайловна понимала, на какой шаг идет ради сына. Но она не могла не видеть в его глазах любовь. Да ради этого блеска в глазах сына, она отдала бы все. Неужели сын повзрослел и по-настоящему влюбился. Вера Михайловна знала, что лучше нее никто не сможет поднять эту девушку на ноги. Значит так должно быть! «От меня это было!», – вспомнила она слова Серафима Вырицкого.

Глава 21

Петр на руках занес Кристину в комнату, положил ее аккуратно на свою двуспальную кровать. Поправил у нее под головой подушку. Кристина спала, как младенец.

– Она еще долго будет спать после успокоительных, – произнесла мама тихо и продолжила устанавливать капельницу возле ее кровати. – Не переживай, сынок, она скоро поправится.

Петя обнял маму.

– Я знаю, ты у меня самая лучшая на свете мама. Спасибо большое, что ты есть!

– Ладно, пойдем я тебя покормлю. Ты ведь двое суток не ел, – потрепала мама сына по голове.

– Спасибо мама, я не голоден, в ресторане поел, – грустно улыбнулся Петр и подошел к окну.

– Мама, папа приехал, – радостно воскликнул он.

– Что?! – просияла Вера Михайловна.

– Отец приехал. Вон его джип во дворе припарковывается. Накрывай быстрее на стол. Он точно проголодался.

Мама быстро побежала на кухню, на ходу открыла холодильник, поставила на плиту кастрюлю с его любимым борщом. И побежала к зеркалу прихорашиваться. Она очень любила своего мужа. Жизни без него не представляла. Его частые командировки только усиливали ее любовь. Она любила его безгранично. Когда еще девчонкой училась в медицинском институте и была на практике в хирургии.

Вера Михайловна очень хорошо помнила этот день. К ним ночью поступил с огнестрельным ранением молодой человек лет тридцати пяти. Для всех студенток это был старик, только не для Веры Михайловны. Она увидела его и сразу поняла, что это ее будущий муж.

Яков Гельштейн был очень хорош собой: высокий, стройный, с вьющимися густыми волосами, зачесанными назад. А какие у него были глаза! Он взглянул на нее жгуче– черными глазами и сразу прожег ей сердце насквозь. Она знала эти глаза Яшки-хулигана с детства.

Рано оставшись сиротой и живя в детском доме по соседству с Верочкой, он всегда гонял мальчишек у нее во дворе. Никому не давал подходить к ней. Только ее водил на любимую голубятню и на затонувший танкер. Она была его лучшей подружкой. Яков с такою нежностью относился к ней, что рядом с ним она всегда чувствовала волнительное спокойствие.

Так бывает, что тебе с этим человеком легко и сложно

одновременно. Волна любви накатывает на тебя и захватывает дух, и ты не в силах противостоять этому чувству. Сердце учащенно начинает биться, и теплая нега разливается по всему телу. Она всегда знала, что Яков будет ее первым мужчиной. И она ждала его. Ждала очень долго. И вот он появился. С огнестрельным ранением груди. Она не отходила от его постели ни на минуту. Девчонки хихикали и подшучивали над нею, что наконец-то она влюбилась. А то все считали ее уже старой девой. Яков очень удивился, что она столько лет берегла себя только для него.

– В таком возрасте разве бывают девственницы, – растерянно спросил он, когда предложил им жить вместе.

– Бывают, если сильно любят, – ответила Верочка, опустив глаза.

С тех пор он никогда ей не сказал грубого слова. Он боготворил ее, любил и мечтал прожить с нею всю оставшуюся жизнь.

– Вот это сюрприз, – произнес Яков, увидев Кристину.

– Да, отец, вот мы и дождались. А то думали, что будет бобылем наш сын всю жизнь, – прошептала Верочка, прижимаясь к мужу. – Она говорила тихо, боясь разбудить девушку.

– А как же звать у нас эту красавицу? – спросил он удивленно.

– Ты не поверишь, как назовешь, так и будем звать. У нее амнезия.

– Тогда давайте назовем ее Кристиной. Фамилию дадим мою – Гельштейн. А что вполне приличная фамилия, звучит красиво: Гельштейн Кристина.

Вера Михайловна рассмеялась и произнесла: «Да куда уж приличнее. Даже Петру ее не дал, убеждая, что это опасно. А Кристине значит можно?»

– Сейчас другое время, страхи остались позади! – произнес он, задумавшись.

Яков Саммуилович продолжал рассуждать, о том, что время быстро летит, жизнь меняется и обещал через свои связи сделать Кристине новые документы, безапелляционно заявив, что Кристина будет выходить замуж за Петра, и ей нужна будет другая фамилия.

Почему он не разрешал Верочке носить свою фамилию, это тоже было загадкой. Но Вера никогда про это не спрашивала. Она была любимой и любящей женой, а все остальное, как она говорила, – «Пустое».

Петр обнял отца, крепко пожал его мужскую руку и сказал: «Спасибо, папа, я знал, что ты меня поймешь.»

– Конечно, я думаю точно так же, как и ты, потому что в тебе течет моя кровь. Только хочу предупредить, что сердце этой красавицы не так просто будет заслужить. – А про себя подумал: «Если она пошла в свою мать».

Вера заметила удивленный взгляд мужа, когда он впервые увидел их будущую невестку. Было такое ощущение, что он знает, кто она. Но Вера Михайловна ничего ему не сказала. «Когда придет время, он мне все расскажет сам. Рано или поздно этот человек откроет мне все свои тайны», – подумала Вера, наблюдая за мужем.

Но слова отца на Петю произвели впечатление. Он не знал, как ухаживать за Кристиной, чтобы она заинтересовалась им. У него не было опыта общения с девушками. И Петя очень боялся, что Кристина не полюбит его.

Он поправлял на Кристине одеяло, рассматривал каждую черточку ее лица и все время вздыхал, глядя с опаской на заканчивающийся раствор в капельнице, которая стояла рядом с кроватью. И бежал звать маму с круглыми глазами, когда лекарство заканчивалось.

Кристина уже не удивлялась, когда открывала глаза, видя одно и то же лицо.

– Это опять вы?

– А вы кого-то другого ждали? – улыбаясь, произносил Петр.

– Если бы я могла вспомнить кого, то я бы обязательно вам ответила.

– И не вспоминайте. Знайте, что я всегда был, есть и буду рядом с вами.

– Хорошо, мне спокойно, хоть одно знакомое лицо рядом.

Петр засмеялся, быстро поставил перед Кристиной столик с ужином. Он кормил ее из ложечки, как маленькую, признавался, что специально готовит для нее сам. Она удивлялась, что меню было разнообразным.

Он признавался ей, что смотрит передачу по телевизору: «Как вкусно готовить». Петр ненавязчиво узнавал ее вкусовые пристрастия и всегда старался угодить ей.

Кристина смеялась, когда он объяснял ей, на что похож вкус апельсина или клубники. Он давал ей клубничку и спрашивал, на что похожа эта ягода? Кристина смеялась и специально неправильно отвечала, что клубника похожа на грушу. Они оба закатывались от смеха, и счастливее в этот момент не было на свете людей. Только иногда Кристина, поправляя одеяло, задумывалась о чем-то и становилась грустной.

– Мне кажется, что я уже была мамой, – говорила Кристина, – Только вы не смейтесь надо мной, что я так говорю.

– Да вы что? Конечно же, мы все в прошлой жизни были папами, мамами, бабушками и дедушками, – успокаивал ее Петр.

– Наверное, вы правы. А Вера Михайловна скоро придет? – переводила тему разговора Кристина.

– Вы уже успели за нею соскучиться?

– Да. Она так интересно читает мне романы Лескова вслух.

– Вы любите классиков, как и мама. Она всегда говорит, что у них каждое слово переливается, как жемчуг.

– Мне почему-то кажется, что есть современные авторы, которых я тоже люблю читать.

Петр посмотрел на Кристину, улыбнулся и пообещал ей, что мама что-нибудь принесет из современных прозаиков и обязательно почитает вслух.

– Нет, нет, – заволновалась Кристина. – Вы ей ничего не говорите. Пусть читает Лескова. Я тоже люблю его слушать. Я очень хочу начать читать.

– Еще рано. Ничего, вот поднимешься, – Петр незаметно перешел на «ты». – И почитаешь моей маме тоже, договорились?

– Договорились, – улыбнувшись, произнесла Кристина.

– Вот и хорошо, а сейчас ужинать.

– Я стану у тебя толстой, – тоже перешла на «ты» Кристина.

– Конечно, станешь, – передразнил ее Петр. – Только не у тебя, а у нас.

Кристина засмеялась и, раздувая щеки, показала, какой она станет пышкой.

Петр тоже засмеялся и признался, что будет любить ее, какая бы она не была.

– Хорошо, расскажи мне по порядку еще раз – кто я и откуда?

– Ты Кристина Гельштейн, моя невеста. Живешь с нами: с моей мамой, папой, который часто ездит в командировки, и, конечно, со мной. Ты из детского дома. Родителей своих не знаешь.

– Понятно. Очень хорошая биография, – заулыбалась Кристина. – Скажи честно, я тебя любила в то время, когда все помнила?

– Этого я не знаю.

– Каков хитрец. Так любила или нет? – засмеялась Кристина.

– Сама все вспомнишь, – засмеялся ей в ответ Петр.

Кристина пальцем поманила Петра к себе.

Петр наклонился, и она ему на ухо прошептала: «Мне кажется, что я тебя любила».

Петр поправил на голове у Кристины волосы и прошептал ей в ответ: «Вот когда ты уберешь слово «кажется», тогда ты точно все вспомнишь. А пока мне придется снова воевать за твою руку и

сердце.

Петр поцеловал ладошки Кристины и добавил шутя: «Столько лет потеряно!».

– Да уж, жаль, конечно, что я не помню, как ты за мной ухаживал. Но думаю, это было очень красиво.

– Я все обязательно повторю еще раз, – пообещал Петр, целуя Кристину в щечку.

Дни бежали очень быстро. Кристина потихоньку начала самостоятельно вставать с кровати. Она училась заново ходить, готовить, пыталась читать. Но у нее это не очень хорошо получалось, потому что она в словах видела цифры. Затем она брала тетрадь и ручку, чертила какие-то схемы и писала непонятные формулы.

Когда она рассматривала книги в доме Веры Михайловны, она все время искала литературу, связанную с математикой. Она производила в уме расчеты, и все время говорила про дебет и кредит.

– Мама, у нее работа связана с цифрами, – говорил Петр. – Принеси ей учебник высшей математики, пусть она его просмотрит.

– Хорошо, я возьму в бухгалтерии годовые отчеты. Может быть это ее профессия. Нужно помочь ей все вспомнить, – согласилась Вера Михайловна. – Я очень переживаю, мы неправильно поступили с тобой, когда не сказали ей правду, что с нею произошло, – вздохнула она, глядя на сына.

– Мама, когда она все вспомнит, мы не будем ее насильно здесь держать, – ответил Петр и сдвигал недовольно брови.

По вечерам Кристина выходила с Петром на прогулку. Они долго смотрели на черные воды реки «Смоленки», на тихий и какой-то таинственный лес на границе Смоленского кладбища. Кристина почему-то любила гулять именно в этом месте, где плавным изгибом река обвивала лес и была настолько черной и маслянистой, что вековые деревья, отражались в ней как картины с пейзажной живописью. А небо таинственно утопало в бездне черных вод. В этом месте была какая-то волшебная тишина. Хотелось стоять здесь часами и наблюдать за веселым семейством уток, которые важно проплывали, как истинные хозяева этого уголка, оставляя шлейф струящихся разводов.

Впереди виднелись высотные дома современной цивилизации из синего стекла, и долетал шум города. Петр с Кристиной сидели на берегу реки и бросали хлеб уткам. А те наперегонки хватали на лету белые шарики лакомства и ревностно относились к тем, кто успевал первым. Петр рассказывал Кристине, что первые жители Васильевского острова были захоронены именно в

этой его части, поэтому здесь присутствует истинный дух настоящего Питера. И поэтому здесь такая величественная тишина! Эта речка о многом могла бы им поведать, если бы могла говорить!

Когда они возвращались и проходили по набережной, Кристина посмотрела на красивый золоченый крест Храма «Христа Спасителя», который стоял вдалеке, украшенный белым и красным ажуром. Он возвышался в своем великолепии над Черной речкой. От него нельзя было оторвать глаз.

– Я почему-то единственное что помню, – это Церковь. Там было очень хорошо. Помню, мужчину, кстати, очень похожего на твоего отца. Но не помню, как его звали. Не то Сергей, не то Игорь, не помню. Но то, что не Яков, это точно, – делилась своими воспоминаниями Кристина.

Возвращаясь домой, с прогулки, Кристина и Петр садились на скамеечку в маленьком скверике. Вокруг них бегали дети. Они резвились и бросали в воду камешки. Кристина на них смотрела, улыбалась и признавалась Петру.

– Ты знаешь, я почему-то очень хочу детей, семью. Мне кажется, что мы были женаты? – говорила Кристина, глядя на Петра.

– К сожалению, нет, но я готов хоть завтра отвести тебя в Загс.

– Извини, я знаю, что дело только во мне. Я уже почти все вспомнила, но мне нужно еще немного времени.

– Я не тороплю тебя. Я хочу, чтобы ты все вспомнила сама. Я буду ждать сколько нужно.

Кристина прижималась к Петру сильнее, улыбалась и говорила ему, что совсем скоро, она ему ответит. И Петр терпеливо ждал.

Он каждый день покупал Кристине огромные букеты цветов, водил ее в театры на все премьеры, на концерты с любимыми артистами. По дороге они заглядывали в ювелирный магазин, и Петр покупал ей красивые ювелирные украшения. Даже не спрашивая ее об этом. Он ловил взгляд Кристины, упавший на колечко с бриллиантом, и тут же его покупал.

Нужно сказать, что Петр был очень щедрым молодым человеком. Он одел Кристину, как настоящую королеву. У нее было несколько пар сапог, три красивых норковых шубки, не считая красивых платьев разных фасонов и цветов.

Петя продолжал много работать, писал сценарии тут же, сидя рядом с Кристиной. Это было, как он говорил, его хобби, помимо научной работы. Он советовался с нею по поводу того или иного сюжетного поворота и Кристина умело ему во всем помогала.

Петр писал сценарии на английском языке и получал огромные гонорары от зарубежных кинокомпаний.

Она даже не знала, что он в совершенстве владеет несколькими языками, что родители дали ему очень хорошее образование, что он много лет прожил в Англии, что он имеет огромный особняк в Лондоне и Пентхаус в Америке.

Она знала только, что он жил в своем любимом Санкт-Петербурге, в трехкомнатной квартире своей мамы.

Петр с удовольствием тратил на свою любимую женщину все деньги, которые зарабатывал. Хотя он мог вообще не работать, потому что его научная работа ученого-химика получила Нобелевскую премию за научное открытие века: он изобрел формулу искусственных бриллиантов, которые были идентичны настоящим.

Хотя всем доподлинно известно, что алмаз – это чистый углерод, но долгое время никто не мог создать искусственный бриллиант нужного размера. Многие умы бились над созданием дешевой формулы, используя высокую скорость нагрева и высокое давление. Но ни у кого не получалось создать алмаз больше 7 миллиметров. И вдруг российский ученый смог разгадать эту тайну при помощи точных расчетов и создать крупный искусственный бриллиант ничем не уступающий настоящему.

Запатентованная технология позволила ему открыть производство российских бриллиантов и сеть ювелирных заводов по всему миру. Кристина не догадывалась, что дружит с миллионером, бриллиантовым королем. Ее наоборот все это пугало. Кристина постоянно думала, откуда у него столько денег?

«Ведь в нашей стране невозможно быть богатым», – навязчивая мысль доставала ее из глубин подсознания. Как ни странно, но она точно знала, что живет в России, в своем любимом городе Санкт-Петербург. И самое удивительное, она знала, что такое православная вера, исповедь и причастие.

Вера Михайловна часто брала ее с собой в Смоленский Храм и удивлялась, когда Кристина рассказывала, что наш Создатель всех любит и многое нам прощает, надеясь, что мы услышим его. Что Бог послал своего безгрешного единственного сына на Землю, чтобы он спас праведников. И когда она Кристина говорила это, она точно знала, что праведником был Петр, его мама и его отец. Настолько они были светлыми и добрыми людьми.

Кристина почему-то помнила только все хорошее. Помнила, как выглядит Часовня Святой Ксении Блаженной. Кристина рассказывала, что Святая носила кирпичи на строительство Смоленского Храма и предсказывала наводнение тысяча

девятьсот двадцать четвертого года в Питере. Вера Михайловна очень удивлялась, когда слушала Кристину.

– Мне нужно обязательно сходить в Часовню и попросить Ксению помочь мне, – говорила Кристина Вере Михайловне. – Я обязательно все вспомню.

– Конечно, девочка моя, мы обязательно к ней сходим, – с радостью соглашалась Вера Михайловна и вела ее в Часовню.

Но в то же время подсознание Кристины твердило ей, что она не хочет вспоминать прошлое. Она не до конца понимала, почему оно не хочет его вспоминать, но что-то тревожное неприятным холодком обдавало сердце, и оно начинало грустно завывать.

Вот и в этот день, Кристина стояла на старинном балконе бывшего Доходного дома и выглядывала своего рыцаря Петра, который решил отнести очередной сценарий на Ленфильм. Эта был сценарий, события в котором, происходили в их любимом городе – Санкт-Петербурге. Петр нашел нового автора, чей роман ему очень понравился и решил написать сценарий, предварительно получив согласие автора.

Кристина улыбалась воспоминаниям и не сразу увидела идущего размашистыми шагами Петра I, своего Петю.

Когда она его заметила, она стала весело махать ему рукой, но Петя нес огромный букет белых роз двумя руками и на ходу пытался поставить Лексус на сигнализацию.

Неожиданно перед ним остановился черный Джип ее бывшего мужа– Ивана. Дверь резко открылась, он вышел из машины и подошел к Петру.

– Обана, какая встреча?! А я все думаю, когда же я тебя, гада, повстречаю, – зло, сплевывая, произнес Иван. – Кому цветочки несешь?

– Слушай, отвали, пока снова не получил, – строго предупредил Петр.

Иван воспользовался тем, что у Петра руки заняты, размахнулся и со всей силы ударил его кулаком в глаз. Петр от неожиданности отшатнулся. Но на ногах удержался. Он аккуратно положил букет на капот машины и не успел повернуться к Ивану, как получил удар со спины, каким-то острым предметом.

Петр не успел ничего сообразить, в глазах помутнело, он стал медленно оседать на землю, схватившись рукой за машину.

– Все, готов! – процедил Иван, сплевывая. – Мы в расчете.

Иван, трусливо озираясь по сторонам, быстро запрыгнул в машину и рванул с места преступления.

Кристина ничего не успела понять, что произошло. Она кричала с балкона, звала своего Петра, но он не реагировал. Она

заметалась по балкону, стала звать на помощь. Северный ветер уносил звуки ее голоса в другую сторону.

Кристина рванула к выходу и, не дожидаясь лифта, побежала босиком вниз. На ходу Кристина кричала, чтобы вызвали скорую.

Люди от ее крика о помощи, повысовывались из своих окон, смотрели испуганно по сторонам, не понимая, что произошло.

Кристина в домашнем халате неслась к Пете, который лежал в непонятной позе возле машины.

– Скорую вызывайте! – кричала Кристина. – Пожалуйста, скорую!

Кристина гладила Петра по голове, целовала его и приговаривала:

«Я умру, если с тобою что-нибудь случится? Слышишь меня, я люблю тебя! Я больше всего на свете люблю тебя! Только не умирай!».

Кристина стояла перед Петей в луже крови, халат был распахнут, ночная рубашка вбирала в себя кровь любимого друга.

К счастью, быстро подъехала машина скорой помощи. Врачи оттащили Кристину, которая причитала в голос, хороня своего лучшего друга, мужа, брата, любовника. В этот момент он был для нее всем.

– Спасите его, пожалуйста, я вас очень прошу, – кричала она, хватаясь за халат медработника.

– Вы кто ему?

– Жена, жена я его. Помогите, пожалуйста! Я с ним поеду!

Врач скорой помощи оглядел Кристину с ног до головы.

– Вы что в таком виде?

– Я позвоню маме, она все привезет.

– Хорошо, садитесь в машину рядом с шофером. Не мешайте нам работать.

– Хорошо, я сяду с шофером.

Кристина босиком запрыгнула в машину, села на переднее сидение и продолжала, не переставая тараторить: «Его мужчина ударил. Он упал. Его мужчина ударил, он упал. Понимаете, ему мужчина ударил…».

Шофер посмотрел на Кристину равнодушно. Столько историй он за свою работу наслушался. Ему за дорогой следить нужно. А тут еще под руку, что-то болтают.

– Я не знаю, обо что он ударился. Он стоял и вдруг упал…», – продолжала объяснять шоферу Кристина, когда машина с тревожной сигнализацией неслась по улицам города.

Для Кристины в этот момент закончилась вся жизнь. Она в панике металась по машине скорой помощи, постоянно оглядываясь назад. И молилась только известными ей одной

словами. Она просила, чтобы Петр остался живым. Он ведь такой еще молодой…

Глава 22

В самолете первого класса разносили спиртные напитки. Иван, откинувшись в кресле, улыбался, видно, вспоминая вкус своей мести.

– Что ты все время лыбишься? – раздраженно спросила Света, держа на руках сына Сережу.

– Справедливость восторжествовала, – произнес Иван, стиснув зубы.

Света посмотрела на него недовольно.

– Борец за правду. Кому твоя правда нужна?

– Не скажи, я – чистильщик! Очищаю нашу грешную землю от барахла.

Света качала ребенка на руках, он начал потихоньку засыпать. Самолет стал набирать высоту, ребенок заплакал. Иван зло схватил Сергея, сдавил его, и ребенок еще больше закатился в истерике.

– Я его сейчас выброшу в иллюминатор, – прошипел Иван зло.

Света испуганно выхватила сынишку из рук Ивана, прижалась к нему губами, успокаивая его. Она очень быстро стала его качать и все время приговаривала: «У-у-у; У-у-у».

– Что ты с ним сюсюкаешься, бабу хочешь из него вырастить. Будет, как твой Антон, лохом!

– Между прочим Антон тебя с того света вытащил, сам говорил.

– Когда это было. А теперь, где твой Антон, в деревне? Что ж ты ко мне прибежала от него? Что ж не осталась возле своих корней, со свиньями? Думаешь, от сохи оторвалась, поумнела, деревня? Тебя даже показать на людях стыдно. Радуйся, что свозил тебя в Питер к этому костоправу. Что ж ты и родить сына не смогла здоровым, что он у тебя весь кривой вышел.

– Ты же знаешь, что к генетикам нужно было идти, чтоб распознали патологию, – вздохнув, произнесла Света.

– Заткнись лучше, убила мою жену и сына и радуешься.

– Сам заткнись! А кто меня надоумил до этого. Кто сказал в ресторане, чтобы я ее с лестницы столкнула, забыл?

Иван сильно схватил Свету за руку, потянул ее на себя.

– Еще раз повторяю. Я пошутил тогда! Еще слово, я тебя выброшу из самолета вместе с твоим ублюдком!

Света отвернулась от него, прижала ребенка к себе и заплакала.

– Что, себя жалко? Человек плачет от того, что жалеет себя.

– Ты не плачешь, потому что ты не человек, – произнесла, всхлипывая Света.

– Рот закрой, еще одно слово и будешь там же, где Кристина.

Света даже не догадывалась, во что выльется украденная у Кристины любовь к Ивану. Ей было больно находиться с этим человеком рядом. Смешанное чувство разрывало душу. Она так же любила его какой-то животной страстью и в то же время ненавидела его своей человеческой сущностью.

Как будто два разных человека жили в ней одной. К сыну Иван относился без всякого чувства. Так бывает, что смотришь на человека, как на пустое место. Смотришь, как на игрушку, которая запылилась и лежит в углу, смотришь, как на ненужную вещь. Единственное чувство, которое Ивану было присуще, – это раздражение. Его раздражало в ребенке все. И когда он спал и когда ел, и когда играл.

– Зачем ты его вообще родила? – задавал он один и тот же вопрос, брезгливо рассматривая сына. – Может, он заболеет и окочурится?

Света с ужасом наблюдала за Иваном и жалела лишь об одном, что рассказала всю правду Антону, когда он застал их в кровати. Она не только не пожалела его в тот момент, а хотела сделать ему больно.

Света в лицо кричала Антону: «Что ты смотришь? Мы любовники давно. И сын не твой, а Ивана».

Антон хватал ртом воздух, не мог поверить в предательство двух близких людей. Он смотрел непонимающим взглядом то на Ивана, то на Свету, и задыхался от правды, к которой был не готов.

Иван, скривив рот в безобразной улыбке победителя, смотрел на своего теперь уже бывшего друга пустыми глазами животного.

Антон выскочил из своей квартиры, повторяя одно и то же несколько раз: «Хорошо Кристина этого не видит! Боже, хорошо, что Кристина этого не видит…».

С этими словами он заскочил в рейсовый автобус и рванул к себе в деревню, к бабушкам, которые уже заждались своего любимого врача.

А Иван после ухода Антона сразу же оставил Свету в этой квартире одну, ходил к ней, как к любовнице, брал деньги за аренду своего собственного жилья и не торопился жениться.

А Света ждала его, как приблудившаяся собачонка. Она плакала по ночам, подрабатывая уборщицей, и часто вспоминала свою подругу Кристину, которой ей так теперь не хватало. «Мне нужно найти ее. Может быть, она жива? – думала Света. – А зачем, что я ей скажу? Что я наделала? Я думала, что все будет

совсем не так».

Дни тянулись для Светы очень медленно. Иногда нечего было есть. В холодильнике было пусто. Она так никогда не бедствовала. Ведь Кристина всегда ей помогала. А теперь ей приходилось из остатков муки варить суп с клецками, чтобы хоть что-то было в прозрачной воде.

Когда звонила Ивану, часто слышала женский смех и пьяные голоса. Он постоянно кричал, чтобы возвращалась к сохе, откуда она родом. Света плакала целыми сутками напролет, очень жалела сына и в один прекрасный момент набралась смелости и пришла к отцу Ивана вместе с ребенком.

Она просила только одного, не дать умереть внуку. Игорь Сергеевич брезгливо оглядел ее, и произнес крамольную фразу: «Нужно начинать делать добро, может правда есть продолжение в следующей жизни? Ну что ж, я сделаю экспертизу ДНК, – вырывая волос у Сергея, говорил Игорь Сергеевич безразлично, – и если подтвердится, что это мой внук, тогда я его приму».

В это время, услышав плач Сергея, в комнату зашла мать Ивана, – Татьяна.

– О чем здесь идет речь. О каком ДНК ты говоришь?

– Таня, у нас оказывается есть внук, – усмехаясь, произнес Игорь Сергеевич.

Таня подозрительно осмотрела Свету, так же брезгливо передернула плечами и ласково посмотрела на ребенка.

– Иди ко мне, мой маленький, я тебя накормлю, ты ж небось голодный? – протягивая конфетку, слащаво произнесла Таня.

Сергей испугался, что его заберет незнакомая тетя и заплакал еще громче. Он, хромая на одну ножку, подошел к Свете и сильно прижался к ней.

– Он не пойдет. Я его приучила не брать ничего у незнакомых людей.

Сергей заплакал и спрятался за спину Светы.

– Надо же, как собачонку приучила, – с отвращением произнесла Татьяна.

Женщина была очень ухожена, видно любила себя и ни в чем себе не отказывала. Татуаж на глазах, накаченные губы, превратили ее из человека в подобие состарившейся обезьянки, которая считала себя красивой и сексуальной.

– Знаете, что я решила, – покровительственным тоном произнесла благодетельница. – Иван баллотируется в депутаты, и ему нужна вот такая деревенщина для имиджа. А тут уже ребенок готовый есть. Вроде как полноценная семья, так сказать.

– Но я все равно сделаю тест ДНК, – запротестовал Игорь Сергеевич.

– Делай. Ты становишься похож на Дядюшку, гори оно пропадом это ДНК, – раздраженно произнесла Татьяна.

– Ты права, я у него научился. Пусть справедливость восторжествует. Где гарантия, что эта девица не нагуляла этого ребенка от кого-нибудь другого?

Таня посмотрела на Свету, затем на ребенка, затем на Игоря Сергеевича и рассмеялась.

– Нет, он похож на Ванечку в детстве.

– Давай, Таня, выстриги у него клок волос побольше, а то я мало выдрал. А я отнесу, куда нужно.

– Ты еще на передачу к Малахову сходи, – засмеялась Татьяна, доставая из шкатулки ножницы.

– Стригите сколько хотите. Это Ванин сын, – произнесла Света строго.

– Смотри, девица с характером. Не то, что Кристинка была: ни рыба ни мясо. Она мне никогда не нравилась.

– Тебе ее мать, писательница, не нравилась, а Кристинка была тебе побоку, – возразил Игорь Сергеевич.

– Вот как раз Катька мне очень нравилась, – произнесла Таня, выстригая у Сергея клок волос. – Мы с нею дружили.

Мальчик пытался оттолкнуть рукой противную тетку, которая чикала возле его головы ножницами.

– Мама, пошли домой, – плакал Сережа.

– Сейчас, дорогой мой, сейчас пойдем, – натягивая на голову вязаную шапочку, произнесла Света.

Игорь Сергеевич даже не встал со своего места, и не глядя на Свету, грубо произнес:

– Результаты ДНК получим и сообщим вам о нашем решении.

Света выбежала из квартиры вся в слезах. Ей было обидно, что она, как нищенка, просит подаяние у родных бабушки и дедушки Сергея.

Она схватила сына на руки, уткнулась ему головой в курточку и зарыдала от унижений и той жизни, которую она себе выбрала. Она только теперь поняла, что за все нужно платить. А за украденную любовь, похоже, в два раза больше. Но она не знала, что это еще не расплата за предательство. Что все у нее еще впереди. Если бы она знала, что ее ждет? Но хуже этой жизни, которой она жила сейчас, она была уверенна, что больше не бывает. Но как она ошибалась!

Света пробиралась с голодным сыном на руках под проливным дождем к своей съемной квартире, в которой столько раз сгорала от животной страсти, превращаясь в бездушную куклу, которую использовали и выбросили на помойку. Она в очередной раз вспомнила о Кристине, как они девчонками

бежали по их скошенному полю, как радовались теплому летнему дождю, как рассматривали небо с именем суженного. И как бежали навстречу судьбе, написанной на небесах. И так ей стало жаль себя, что мысль о самоубийстве промелькнула у нее в голове.

«Но нет, не дождетесь! Я буду бороться за свою жизнь до конца! Вы еще узнаете, кто я такая!» – зло стряхнув капли дождя, подумала Света и уверенно зашагала дальше.

Глава 23

В больнице никого не было. Только свет ночников освещал коридор. Кристина неслышно ходила по коридору больницы, затем останавливалась, читала молитвы, осеняла себя крестным знамением и шагала дальше.

Неожиданно дверь открылась, и вышел уставший доктор. Он посмотрел на Кристину, вздохнул и сказал: «Ну все, крепитесь…».

В глазах у Кристины помутнело, она схватилась за стенку и медленно начала опускаться на пол.

– Что вы? – подхватил ее доктор. – А кто будет молиться о его выздоровлении дальше? Операция прошла успешно, важные органы не задеты, единственно плохая новость, что он потерял много крови. Но организм молодой, справится.

Кристина бросилась обнимать доктора, как родного человека.

– Спасибо, доктор, спасибо большое. Я буду молиться за вас тоже. Обязательно буду. К нему можно?

– Только завтра. Сегодня подержим его в реанимации.

С точностью наоборот все происходило, как и тогда, когда она попала в больницу. Только Кристина и Петр теперь поменялись местами.

«Господи, какое страшное слово «реанимация», – подумала Катя, глядя на врача. – А впрочем, такое же страшное, как «операция». Господи, прости меня за эти мысли, ведь болезни, эти названия и врачи нам посланы Богом», – думала Катя, ругая себя.

– Завтра во сколько к нему меня пустят?

– Ночь покажет, – произнес доктор, вздыхая.

– Тогда я здесь подожду. Вот здесь в коридоре.

Доктор посмотрел на Кристину удивленно, посмотрел на ее босые ноги, на которых надеты только бахилы.

– Точно муж и жена одна пара сапог! Он так же говорил, когда вас привозил в больницу. Вы меня не помните? Я же ваш лечащий врач, Сан Саныч. Меня сейчас повысили, и я теперь возглавляю эту больницу. Пойдемте ко мне в кабинет, а то замерзните здесь в таком виде находиться. Вы что хотите напугать нашего пациента, когда он очнется?

В коридор с шумом влетела Вера Михайловна с пакетом в руке. Она подбежала к врачу и Кристине.

– Саша, что с Петей?

Доктор улыбнулся, обнял Веру Михайловну по-дружески и, поглядывая на Кристину, произнес: «Вера Михайловна, с вашим сыном все в порядке. Лично я делал ему операцию.»

Вера Михайловна внимательно посмотрела на своего бывшего

аспиранта, вздохнула, обняла его.

– Сашенька, как я рада, что ты оказался в больнице.

– Я как услышал фамилию, кого везут, сразу побежал в операционную. Я же ваш должник, помните, как я растерялся на защите?

– Спасибо Сашенька, ты сам знаешь, что талант у тебя от Бога, а скромность от мамы?

Вера Михайловна обняла Кристину.

– Узнаешь мою невестку?

– Конечно, как ее можно не узнать. Пациент, который летает кувырком с лест…

– Не будем о грустном! – внезапно перебила его Вера Михайловна.

Кристина удивленно посмотрела на Веру Михайловну и не поняла, почему она так бесцеремонно оборвала речь доктора. Кристина вообще ничего не поняла, о чем они говорили.

«Странные эти люди – врачи, у них какие-то черные шутки, анекдоты, живут себе на своей волне», – подумала Кристина, забирая пакет с одеждой из рук Веры Михайловны. – Ну ладно, я потом у него спрошу, что он хотел сказать.

– Давай, быстро переодевайся! – подтолкнула ее Вера Михайловна. – Нечего тут больных пугать. Саша, где можно ей переодеться?

– В моем кабинете, я ее туда как раз вел, вот ключи.

Доктор протянул Кристине ключи, улыбнулся и добавил: «Она говорит, что останется в больнице до утра.».

– Если сказала, пусть остается.

– Хорошо, тогда располагайтесь у меня в кабинете. А завтра я вас проведу к вашему любимому мужу.

Кристина счастливая поблагодарила доктора и пошла в его кабинет.

– Теперь говори всю правду, – произнесла Вера Михайловна, проводив Кристину взглядом.

– Положение тяжелое. Повреждено правое легкое.

– Понятно, главное, чтобы не начался абсцесс и отек. Сутки решают все, – вздохнула мама Петра.

– В реанимации дежурит Олег, вы не беспокойтесь. Думаю, все будет хорошо.

Олег и Саша были двумя лучших кандидатами медицинских наук и гордостью Веры Михайловны.

– Я буду с ним, – сказала не терпящим возражения тоном, Вера Михайловна. – Кристине скажи, что я уже ушла. Да, и не нужно напоминать ей о падении с лестницы. Вообще, ничего не говори!

– Хорошо, – ответил доктор, смущаясь, – Извините, как – то само вырвалось.

В реанимации лежал бледный с трубками по всему телу Петр. Грудь медленно поднималась и опускалась. Вера Михайловна вытерла бежавшую по щеке слезу, села рядом с сыном и стала гладить его по руке.

– Петя, она тебя любит, у вас все будет хорошо, нарожаете мне внуков. Я буду очень-очень любить их. Так же как и тебя, мое единственное долгожданное счастье. Ты поправишься и женишься на Кристине.

Дверь открылась и на цыпочках зашла в бокс Кристина. На ней так же был надет белый больничный халат. Она подошла, села с Верой Михайловной рядом, наклонилась к Петру, взяла его руку, прижала к губам и произнесла: «Я согласна выйти за тебя замуж, мой родной человек. Я вспомнила, я люблю тебя. Я всегда тебя любила, и буду любить вечно».

Рука Петра дрогнула, он попытался поднять большой палец кверху. Но у него очень плохо получилось. Зато улыбнуться у него получилось лучше всего.

– Смотрите, Вера Михайловна, он нас слышит, – быстро произнесла Кристина. – Он поправится, теперь точно поправится!

– Да, – сказала Вера Михайловна. – Отключай, Олег, его от аппарата. Слава Богу, он с нами!

Петя медленно открыл глаза.

– Выйду, сыграем свадьбу, – медленно произнес Петр.

– Я согласна, – улыбаясь, ответила Кристина.

Петр быстро шел на поправку, следователям объяснял, что этого молодого человека уже однажды видел. Он сообщил номер машины, который успел заметить. Описал внешность нападавшего. Оставалось дело за малым – найти Ивана.

– Ты знаешь, это очень плохой человек, – шепотом произнесла Кристина. Он – черный.

– Как это?

– Есть светлые люди, а есть черные, – строго сообщила Петру Кристина. – Вот ты – светлый, а он-черный.

– Брюнет что ли?

– Нет, по энергетике. И самое страшное, мне кажется, я его где-то видела. Я даже боюсь вспоминать, – где?

– Не бойся, я для чего выздоровел, чтобы защищать тебя.

Выйдя из больницы, Петр и Кристина подали заявление в Загс. И в скором времени, Кристина в белом красивом платье счастливая шла по Английской набережной, держа Петра под руку.

Все прохожие улыбались красивой паре и приветствовали их

поздравлениями. «Какая красивая пара, – шептались люди. – Невеста настоящая принцесса, а принц истинный Лорд!».

Кристина была сама нежность. Петр не мог налюбоваться ею, постоянно целовал и поправлял на ней каждую складку ее платья.

– Я сейчас задохнусь от нахлынувших чувств, – шептал он на ушко Кристине. – Пусть они едут в ресторан, а мы с тобой рванем домой. Я уже успел соскучиться.

– Тебя так надолго не хватит, – смеялась Кристина. – Тебе нужно поберечь силы после такой сложной операции. Ты нужен мне здоровым!

На правом берегу Невы сияли золотые купола Монастыря «Оптиных старцев». Колокола звали к вечерни.

– Я хочу повенчаться, – неожиданно для всех произнесла Кристина.

– Пойдем, прям сейчас, хочешь? – спросил Петр.

– Нет, сейчас будет служба, давай завтра.

– Хорошо, завтра пойдем и все узнаем.

– Спасибо, я очень люблю тебя, – произнесла Кристина и обняла своего суженного. – Если повенчаемся, то ни один человек не сможет нас разлучить и никакая темная сила к нам не подступится.

– Согласен. С Богом будет поспокойнее, – улыбнулся в ответ Петр.

На следующий день новобрачные стояли перед алтарем. Отец Алексей держал их за руки и водил по Храму, читая защищающие семью молитвы. В руках они держали два красивых шелковых платка, крепко связанных одним узлом.

– Теперь вы никогда не разлучитесь. И в горе и в радости будете вместе, как этот узелок на этих шелковых белых платках. Вы начинаете жизнь с чистого листа. Именно с этого момента вы стали настоящим мужем и женой. Потому что стоите перед Богом! – говорил отец Алексей.

В Храме воздух был наполнен глубочайшим смыслом. Почему-то опять слезы текли по щекам. Она чувствовала необъяснимое волнение, будто Божья благодать омывала душу изнутри.

Кристина тайком глянула на Петра и увидела его строгий профиль и философскую складку на лбу. Он заметил взгляд Кристины, повернулся к ней, в глазах тоже стояли слезы, лицо выражало огромную благодарность Богу, за то, что он подарил ему настоящую любовь.

Он где-то читал, что некоторым людям за всю свою жизнь не дано испытать чувство истинной любви, потому что Бог дарит настоящую любовь только тем, кто ее заслуживает. И, к

сожалению, таких людей очень мало. Вот живет человек, думает, что любит. А на самом деле это только иллюзия любви, ее неудачная подделка. С годами человек начинает понимать, что это и не любовь вовсе. И вспоминает, где он мог ее упустить? На каком витке жизни разойтись с нею? И начинает искать фрагменты любви в своих воспоминаниях. И только, в конце жизни поймет: – «Что тот человек, которого он будет с нежностью вспоминать до конца дней своих, и была его настоящая любовь. Но он ее почему-то не заслужил. И к тому времени уже будет знать, – почему.»

– Спасибо тебе, что ты есть, – тихо произнес Петр, обращаясь к жене. – Я буду любить тебя до конца жизни. И никогда, слышишь, никогда не обижу тебя!

– И я тоже, – так же тихо ответила Кристина. – Я так счастлива! Мне кажется, что я никогда не была так счастлива, как сегодня!

Именно в этот момент, она уже точно знала, что в скором времени станет мамой. Что Бог приготовил еще один подарок судьбы, который она заслужила.

«Ты будешь скоро мамой!» – отчетливо услышала Кристина под куполом Храма голос отца Игоря. – Ей казалось, что он лично молится о ней.

В это время Петр стоял и молил Бога, чтобы Кристина смогла стать матерью, чтобы тот диагноз, которые установили врачи исчез навсегда вместе с ее прошлой жизнью.

Глава 24

– Что это за бред, что ребенок не мой, – кричал Иван на отца. – Какое ДНК, что ты несешь?

– Я сделал ДНК-тест, этот пацан не твой сын.

– Я тебе не верю, – разрывался Иван. – Что я лох растить чужого ребенка.

– Не веришь, сделай анализ сам.

Игорь Сергеевич в бешенстве орал на Ивана, что он неудачник, что его какая-то прохвостка обвела вокруг пальца, что так ему и нужно, – растить чужого сына, потому что он неразборчив в связях и подбирает пустышек деревенских, на которых и смотреть нужно только за деньги, которые они должны платить за это.

Иван, округлив глаза, пялился на отца, не ясно понимая, о чем он говорит.

– Да сын копия моя в детстве. Извини, я забыл, откуда же тебе знать, как я выглядел, ты ж в тюрьме сидел. А теперь придумал ДНК-тест, чтобы внуку не помогать.

Иван зло хлопнул дверью и выскочил в бешенстве из квартиры.

Татьяна наливала пустырник в стакан и протягивала его мужу.

– Слушай, вот сучки пошли молодые, да ушлые. Нагуляла пацана и давай вешать лапшу богатенькому дурачку, чтобы он на ней женился.

Игорь Сергеевич выпил залпом стакан с пустырником.

– Я ее, стерву, порешу, блатным отдам, по кругу пущу, тюрьма раем покажется. А ты говоришь, Дядюшка, Дядюшка. Помнишь, как он требовал ДНК от меня, чтобы убедится, что Ваня мой сын, чтоб наследство оставить?

– Конечно, помню, – ухмылялась Татьяна.

– Хорошее дело, между прочим, чтоб лохами не ходить.

– Ваньку жалко, дурак. Он же к этому пацану так привязался, – произнесла Татьяна, делая сочувственный вид.

Иван избивал Свету до изнеможения. Он очень устал от того, что наносил удар за ударом. Он бил Свету по голове, по животу. Он зверел, глядя на кровь, которая лилась по несчастному лицу его бывшей любовницы.

– Тварь, ты убила моего настоящего ребенка. А мне подсунула Антоновского ублюдка.

– Это твой ребенок, скотина! – кричала Света, захлебываясь

кровью. – Давай сделаем ДНК снова. Я была уже беременна, когда за Антона замуж выходила, дурак.

Иван толкнул Свету на диван, сам с грохотом уселся в кресло.

– Хорошо, мы сделаем повторную процедуру. Я посмотрю, что она покажет. И если подтвердиться, что ребенок не мой, убью тебя. Ты оставишь расписку, что сама повесилась. Не переживай, я задушу тебя легко, ты мучится не будешь.

Света с ужасом смотрела на Ивана и махала головой в знак согласия.

– Завтра пойдем, куда скажешь, – произнесла Света, закрывая испуганно лицо, ожидая очередного удара.

На следующий день анализ ДНК показал сто процентное отцовство Ивана и он из больницы сразу помчался к отцу со всеми документами, чтобы доказать, что у него все в порядке. Но когда он показал отцу результат анализа, Игорь Сергеевич еще больше разозлился и стал кричать на всю квартиру, что всех отдаст блатным и пустит по кругу, что всех вывернет наизнанку, пока не узнает правду. Он блуждающим взглядом обводил квартиру в поисках поддержке у своей любимой жены Татьяны, которая в это время просто умирала от смеха.

– Таня, что это значит, я не пойму, – кричал взбешенный Игорь Сергеевич, – что ты все время ржешь, поделись счастьем!

Таня стояла с ненавистной ему ухмылкой, вытирая слезы от смеха, и говорила одно и то же: «Я знаю, где собака зарыта, и даже знаю, кто это собака!».

– И где же? И кто же? – орал, разрываясь, Игорь Сергеевич, – ты хочешь сказать, что Иван не мой сын? Что я – Лох?!

– Да, – злорадно произнесла Таня. – Срочно вызывай сюда Анну. – А ты, – обратилась она к Ивану, – иди домой, не о чем не переживай.

– Как это не переживать? – спрашивал ничего не понимающий Иван. – Может быть, и мать у меня не ты?

– Я сказала, иди домой, – металлическим голосом произнесла Татьяна.

Когда Иван ушел, она подошла к Игорю Сергеевичу, посмотрела ему в глаза и поделилась своей догадкой, что их провела вокруг пальца их донор – Анна.

Дело в том, что Татьяна не могла иметь детей из-за того, что ей все удалили по-женски, а богатый дядюшка Татьяны пообещал огромное наследство ее сыну. Вот тогда Игорь Сергеевич придумал план, каким образом заполучить дядюшкины деньги и нанял донора-роженницу Анну, беспринципную молодую особу, которая за деньги, как говорится, могла продать мать родную, что

она и сделала.

Она продала свою мать в прямом смысле, получив за нее крупную сумму денег, от бывшего любовника, а ныне мужа Виктора, который имел сеть ресторанов и кафе в Санкт-Петербурге. Тот самый охранник Игоря Сергеевича. Анна продала свою мать Людмилу ему, как бесплатную уборщицу, которая питалась объедками, оставшимися после богатых клиентов, и таскала все, что могла украсть из ресторана домой.

Именно Людмила подслушивала все разговоры Игоря Сергеевича – с кем встречается, о чем говорит. Она всегда в кармане рабочего халата носила диктофон. И, конечно, записывала все разговоры Игоря Сергеевича с его правой рукой, компаньоном Володей. А вечером доносила мужу дочери – Виктору, который давно хотел подмять под себя бизнес Игоря Сергеевича.

Теща выглядела, конечно, не очень. В этой, заплывшей жиром, беззубой старухе никто и никогда не узнал бы ту самую Людмилу – властную, высокомерную женщину, которая мечтала весь мир прибрать к рукам. Та, которая имела кастрюльку с золотыми украшениями, у которой крышка не закрывалась. Та, которая шла по трупам и хранила доллары в коробке из-под обуви. Та, которая была уверенна, что деньги сделают ее счастливой. Но деньги сделали свое дело. Они утянули ее на дно жизни. И в старости у нее ничего не осталось, кроме ее утиной походки и злости, которой она была переполнена всю жизнь.

Бывший охранник был недоволен хозяином, а теперь компаньоном. И не мог простить ему, что тот забрал у него единственное дорогое, что у него было, – сына Ванечку. Они с Анной обманули Игоря Сергеевича, подсунув ему липовый анализ ДНК. Игорь Сергеевич был слеп и не мог вычислить – в кого же Иван был таким высоким. Он ничего не видел у себя под носом. Ведь самым высоким в его логове был его охранник Виктор. Вот в кого и пошел Иван.

Это Виктор названивал сыну и пугал его ночными проверками. Он переживал, где тот находится и успокаивался, когда слышал его голос. С самого рождения он всегда был рядом с ним. В отличие от Анны, у него были отцовские чувства к ребенку, и он до последнего не мог простить Игорю Сергеевичу, что тот оставил его без сына.

Когда он говорил в машине, что хочет тоже отомстить, он имел в виду Игоря Сергеевича. Настолько ему был ненавистен этот самодовольный начальник, который строил из себя благодетеля, ничего не замечая вокруг. Игорь Сергеевич был настолько влюблен в себя, что даже подумать не мог, что Виктор

ему совсем не благодарен, за то, что он подтянул его в свой бизнес. А напротив, ненавидел его и считал виновником всех своих проблем.

Когда Игорь Сергеевич заключил контракт с суррогатной матерью – Анной, он не знал, что ей уже приглянулся его охранник – Виктор. Она соблазнила его и родила от него сына Ивана, подложив фальшивый анализ ДНК Игорю Сергеевичу, что это его ребенок. Виктор очень любил Анну, уговаривал ее бежать с ним, с Ванечкой от этого криминального бизнесмена, который подмял весь Мурманск под себя. Но Анна играла двойную игру. Она была из категории тех женщин, которые получали прибыль, не брезгуя ничем.

Вот так все эти годы Игорь Сергеевич и его жена Татьяна растили чужого ребенка, даже не подозревая о подлоге. И когда они узнали правду, после того, как Света подняла всю эту историю с якобы их внуком, они лишили Ивана всякого довольствия и отправили за границу, поднимать с ноля новую фирму, которую Игорь Сергеевич только что открыл.

Ивану они ничего не сказали о его происхождении и решили хоть напоследок использовать его на всю катушку. Они подозревали, что подставная фирма рано или поздно прогорит, и за все будет отвечать их несостоявшийся сынок.

Иван улетел, а Свете пришлось устроиться на завод «Поршневых колец» бухгалтером, чтобы прокормить ребенка. Но там она долго не продержалась, так как все заметили ее новую беременность. Света была уже на четвертом месяце.

Иван был в бешенстве, когда узнал, что Света снова ждет ребенка. Он велел немедленно избавиться от него. Она пообещала, что сделает аборт, но ребенка оставила, в надежде, что получит от Ивана алиментов больше за двоих детей, чем за одного.

У нее уже не осталось никаких чувств к этому человеку, а только голый, холодный расчет.

Глава 25

В отличие от нее Кристина была самым счастливым человеком на земле. После того, как она повенчалась с Петром, она, действительно, вопреки всем прогнозам врачей, забеременела. Ей хотелось кричать на весь город: «Я скоро стану мамой!», «Я самая счастливая на свете женщина!», «Я люблю и любима!».

Петр не отходил от Кристины ни на шаг. Он, как и обещал, охранял ее долгожданное счастье. Петр как всегда выполнял все ее прихоти. А Вера Михайловна со знанием дела готовилась стать бабушкой. Она скупала все в магазине «Малютка» для будущей внучки. Она была уверенна, что будет девочка.

Живот у Кристины был кругленький и не заострен, как обычно, когда носишь мальчика. Она как врач и без Узи знала, кого родит Кристина. Вера Михайловна покупала, как она говорила, – «Косметику для леди». Все банно-мыльные принадлежности, наборы гигиенических средств с маслами, кремами, присыпками. В общем, жила только этим. Кристина очень любила родителей Петра и восхищалась их отношениями. Яков Саммуилович приезжал из командировок с огромными сумками подарков и с нетерпением тоже ждал своего первого внука или внучку.

– Когда же мне быть дома? – радостно спрашивал, потирая ладошки, Яков Саммуилович. – Я не хочу пропустить важное событие, такое как встреча с новым членом моей семьи.

– Угомонись ты, дед, – кокетничая, одергивала его Вера Михайловна. – Сам Петю из роддома не забирал. Как всегда находился в срочной командировке, а здесь за внуком собираешься придти.

Кристина смеялась, потому что ей нравилось наблюдать за влюбленной парочкой Петиных родителей. Они смешно пытались скрыть свою долгую любовь друг к другу, но у них ничего не получалось. Кристина замечала нежный взгляд Якова Саммуиловича на Веру Михайловну, когда она журила его по – матерински за то, что он выскочил на улицу, набросив на себя незастегнутую куртку или не выпил вовремя лекарство. Ему было приятно ее внимание. Так бывает, когда прожив долгую, не совсем спокойную жизнь причаливаешь к семейному берегу с полным багажом нерастраченных чувств.

– Петя, я хочу, чтобы у нас была такая же как у твоих родителей долгая и счастливая любовь, – говорила Кристина, целуя мужа.

– Конечно, а как же иначе, не для того я тебя искал столько лет.

– Я хочу родить тебе дочку, чтобы она любила тебя сильно-сильно и никогда не оставляла, если со мной что-нибудь случится.

– Ты что с ума сошла, – откуда такие грустные мысли в твоей маленькой головке, – сердился на нее Петр.

Он даже сердился на Кристину с любовью. И когда хотел ее отругать. обращался к ней в уменьшительно-ласкательном ключе. Кристина всегда заливалась громким смехом, когда он пытался читать ей нотации. Петр, рассердившись, говорил так: «Кристиночка, ты не бережешь свои ножки и много ходишь пешком!» или «Почему Ангелочек не съела весь завтрак, который я приготовил». Вот так ругался Петр. Но на следователей он орал так, что Кристина даже подпрыгнула от неожиданности, когда услышала его возмущенный грубый голос.

– Вас что научить разыскивать преступника, который безнаказанно разгуливает по Питеру, после того, как я вам дал номер его машины?

– Понимаете, дело в том, что машина, на которой раскатывал преступник, была похищена у одной благочестивой вдовы, которая была в это время на приеме у знаменитого костоправа. Преступник бросил ее в аэропорту, не оставив никаких следов. Кто эту машину угнал и для какого умысла никому неизвестно.

Петр размахивал фотороботом перед глазами следователя и требовал, чтобы портрет показали по телевизору. Он сказал, что очень хорошо запомнил лицо нападавшего и сам лично сделал набросок. Но следователь, казалось, не слышал Петра или не хотел слышать. Было такое ощущение, что за этим отморозком стояли серьезные люди, и следователю было это очень хорошо известно.

Петр не за себя боялся. Он переживал, что случайная встреча жены с этим бандитом может навредить ей. Он отчетливо слышал в ресторане, что этот отморозок приказал Светлане столкнуть Кристину с лестницы. Но тогда он подумал, что ему это показалось. После всего случившегося, Петр очень боялся за Кристину и за их будущего ребенка.

Ему даже один раз показалось, что он видел Ивана в Лондоне на выставке «Российских бриллиантов». Но это не были догадки больного воображения. Это действительно был Иван. Как же он не будет там, где бриллианты. Он специально приехал, чтобы скупить самые крупные из них.

После последней ссоры с отцом, Иваном управляла навязчивая идея – сберечь свои миллионы в камушках. Что-то

последнее время его настораживало поведение родителей. Эти санкции, которые они ему предъявили, очень злили его. «Единственная валюта, не поддающаяся девальвации, была его собственная жизнь», – так он считал после того, как всего лишился. Он ко всем своим недостаткам приобрел еще один: – «Недуг накопительства».

Обворовывая свою фирму, он не знал, к чему это приведет. В Лондоне Иван занимался сдачей в аренду съемочных павильонов. «Я построил Россию в Англии!» – любил шутить он.

Он построил точную копию Красной площади с Кремлем и Мавзолеем и сдавал ее киностудиям по баснословным ценам, которые устраивали англичан больше, чем траты за натурные съемки в Москве. И они заключили договоры на построение Исаакиевского, Казанского соборов, на Зимний Дворец. Даже заказали Невский проспект в одной локации. Они переводили кругленькие суммы на его счет.

Это был проект Игоря Сергеевича. Его строительный бизнес процветал. Он занял новую нишу. Но знал, что никаких Казанских, Исаакиевских и других дорогостоящих объектов он строить в Англии не будет. Он собирался быстро срубить, как он говорил, «бабло» и обанкротить эту фирму-однодневку. А все деньги перевести на подставную с другим названием. Игорь Сергеевич точно знал, что финансовые махинации скоро выйдут наружу и тогда он пустит Ивана по миру.

Игорь Сергеевич так же как российские чиновники, украинские политики, мексиканские наркокартели, азиатские триады, международные торговцы оружием использовал одни и те же офшорные компании, одних и тех же операторов и одни и те же банки для легализации своих доходов. Его фирмы в Великобритании отмывали деньги, занимаясь контрабандой в Румынии. Его российские фирмы перечисляли миллиарды долларов на счета его же компаний в Новой Зеландии. Его фирмы-однодневки всего за несколько месяцев перечисляли около пятьсот миллионов долларов из российских банков на счета оффшоров. Он знал, что это не пройдет мимо спецслужб и кандидатура Ивана была самой подходящей для роли козла отпущения в этой ситуации.

А бриллиантовый король Петр, запустив очередной ювелирный завод, устроив рекламную выставку– продажу новых изделий, торопился быстрее в Санкт-Петербург, к своей любимой Кристине. Они созванивались по несколько раз в день, он очень скучал по ней. И мчался к ней так стремительно, что забыл дать распоряжение насчет особняка, который строил. Он не зря торопился, потому что Кристина должна была вот-вот родить.

Петр не успел войти в квартиру, как услышал крики о помощи Кристины.

– Что случилось, любовь моя, – испуганно произнес Петр, видя Кристину, держащуюся за живот.

– У меня отошли воды. Я не могу больше терпеть. Я вызвала скорую.

– Умница, ты все правильно сделала. Скорая отвезет тебя к маме в больницу.

– Хорошо, пусть отвезет.

Но все пошло не так и скорая как всегда задержалась, Кристина начала рожать прямо в машине скорой помощи, которая ее не довезла в клинику Веры Михайловны, а доставила в ближайший роддом на Двенадцатой линии Васильевского острова.

– Господи, мне не нужно было уезжать, – корил себя Петр. – Понадеялся на маму. Почему она оставила тебя без присмотра.

– Я сама виновата, – оправдывалась Кристина, – я ее не послушалась, сказала, что не хочу ложиться в больницу, пока не приедешь ты.

Кристина виновато посмотрела на Петра, который был бледнее халата медсестры.

– Не переживайте вы так, мы уже готовим родзал, – успокаивала Петра врач, принимая новую роженицу – Вы сами вот-вот родите, судя по вашему испуганному лицу. Успокойтесь, не пугайте будущую маму. Дышите, дышите глубже и чаще, – обратилась она к Кристине, а то ваш папаша родит раньше вас.

Кристину быстро везли по коридору в родзал. Прижавшись к стенке, на нее с ужасом смотрела Света. Глаза у нее округлились, когда она увидела Кристину, корчившуюся от схваток.

«Господи, она жива? – пронеслось у Светы в голове. – Этого не может быть.».

Для Светы было большим ударом, что Кристина осталось жива. Она не такой исход событий представляла после той коварной ночи в ресторане.

Она была уверенна, что Кристина исчезла из ее жизни навсегда…

Глава 26

Иван должен был на днях прилететь. Света боялась рассказать, что оставила ребенка. Она очень сильно переживала и не знала, что делать. Она ходила по коридору роддома, ожидая кормления младенца. Она родила сына. Света слышала, как Кристина рожает. Схватки начали учащаться, Кристина стонала, схватив зубами простынь, она старалась не кричать. Но от боли крик вырывался сам. Кристина старалась дышать, как учили. Она набирала полной грудью воздух и пыталась помочь ребенку увидеть свет. Акушерка кричала громче, чем Кристина.

– Давай, давай, девочка, еще немного! Пожалуйста, потерпи, вот уже головка показалась, сейчас родим. Давай, давай, давай!

Кристина снова набирала воздух и как под воду ныряла в очередную схватку. Боль нестерпимая мешала Кристине думать. Она очень хотела помочь своему ребенку. Не хотела навредить ему. Старалась расслабиться, чтобы случайно не придавить его. В голове проносились различные пугающие мысли, что ребенок задохнется или очень быстро выскочит и упадет. «Господи, откуда это все у меня в голове именно сейчас», – думала Кристина и продолжала выполнять все советы акушерки.

– Я больше не выдержу, помогите мне, пожалуйста! Я, наверное, сейчас умру, – умоляюще просила Кристина.

– Не умрешь, ты уже почти родила, давай еще разок! – кричала врач. – Вот молодец, еще немного, давай, вот она, красавица!

Неожиданно ощущение полной свободы охватило Кристину. Она приподнялась, чтобы посмотреть, что же случилось с ребенком.

Но акушерка уже быстро перерезала пуповину, поднимала девочку, высоко на руках, шлепая ее по маленькой попке. Девочка громко заплакала.

Кристина быстро подскочила, но акушерка уже подносила смуглую красавицу к ее лицу.

– Вы кого ждали? – спросила акушерка, кладя ребенка на живот.

– Я не спрашивала на Узи, хотела сюрпризом. Какая она красивая! – восхищенно произнесла Кристина, глядя, как она быстро, прильнула к груди.

– Сюрприз удался, я забираю принцессу. Хватит, молодец, вон как схватила грудь, значит, будет умненькая! Все, на первый раз достаточно, садимся на диету! – обратилась она к младенцу, улыбаясь!

Катя пыталась вскочить, не отпуская ребенка из рук.

Врач осторожно передала ребенка акушерке и заставила Кристину лечь, сказав, что еще не все, что очень много разрывов и необходимо зашивать. К тому же уверенно спросила:

– У вас же вторая беременность?

– Первая, – настороженно ответила Кристина.

– Нет, у вас шрамчик еще один на стенке матки есть. У вас уже была беременность. На аборт не похоже, больше на выкидыш.

Кристина удивленно посмотрела на врача.

– Не может быть, хотя, я не знаю. У меня частичная потеря памяти.

Врач с подозрением посмотрела на Кристину.

– Хорошо, я спрошу у вашего мужа. Он бегает под роддомом. Мы не можем никак его выпроводить.

Кристина все время думала об этом разговоре с врачом. О первой беременности, про которую она говорила. «Что она имела в виду?», – задавала себе вопрос Кристина, когда ее зашивали. Больно не было, только ощущение, что кусают комарики. Но она не обращала на них никакого внимания. Смешанные чувства переполняли ее, она была счастлива, что у нее родилась дочь, что теперь за Петей, будет, кому присмотреть. И в тоже время волнение неизвестности нахлынуло на нее с новой силой. «Откуда у меня опять эти мысли, что со мною что-то случится», – подумала Кристина.

Через некоторое время ее перевезли в общую палату, где уже лежали роженицы. В том числе и перепуганная Светлана. Она вжалась в кровать, увидев Кристину, когда заметила, что та внимательно на нее смотрит, будто что-то вспоминает. Света кормила ребенка и махнула Кристине головой, как старой знакомой и виновато произнесла: «Кристи, здравствуй!». Кристина улыбнулась и спросила: «Здравствуйте, а мы разве знакомы?». Света вытаращила глаза на Кристину и до нее стало доходить, что Кристина ее не узнает.

– Я в коридоре была, когда вас привезли. Меня Света звать.

– Очень приятно. А у вас кто родился?

– Мальчик.

– Поздравляю, первенец? – спросила Кристина.

– Нет, у меня уже есть сын. Ему три года.

– Значит, теперь у вас будут два богатыря. Папа, наверное, очень рад.

– Да, очень. Только он в командировке.

– А наш папа уже приехал, слава Богу, – улыбаясь, сказала Кристина.

В палату принесли новорожденную. Кристина радостно

попыталась встать.

– Лежите на боку, – приказным тоном произнесла медсестра. – А то швы разойдутся. Вы аккуратней, я вам ребенка подам к груди сама.

Как назовете красотку? – полюбопытствовала Света.

– Вика, Виктория, победа! – гордо произнесла Кристина.

Медсестра подала ей ребенка, приложила к груди, девочка с жадностью схватила первые капли молочка и, причмокивая, приступила к завтраку.

– Ух, какая смышленая девчушка. Она не просто красавица, она у вас еще и умница! – засмеялась медсестра.

Света зло покосилась в сторону Кристины, и переложила своего сына к другой груди.

– Сюда нельзя, – услышала Кристина голос медсестры, которая держала дверь и не давала кому-то войти.

– Тогда передайте, пожалуйста, букет моим девочкам: Кристине и Виктории, – послышался громогласный голос Петра.

Медсестра, улыбаясь, захлопнула дверь и повернулась к Кристине с огромным букетом белых роз.

– Ну и папа у вас, шустрый. Еле выпроводила, – сказала медсестра, с трудом удерживая цветы.

Кристина улыбнулась и сказала: «Он у нас самый лучший!».

– Я сейчас принесу ведро из подсобки. А то эти цветы ни в одну вазу не влезут.

В коридоре, сидя на подоконнике, Света расспрашивала у медсестры все о муже Кристины. Та ей в красках описала ее мужа-миллионера и его знаменитую мать, доктора медицинских наук. Она рассказала, что у них заводы бриллиантовых украшений по всему миру, недвижимость в Англии и в Америке, что на обложке журнала «Форбс» напечатана его фотография и что все невесты Европы сохли по этому жениху долгое время.

– Надо же, везет некоторым, – зло произнесла Света. – И что в ней такого особенного, что миллионеры в нее влюбляются?

– Не знаю, – ответила, пожимая плечами, медсестра. – Я сама не понимаю, где таких мужиков можно подцепить. Вот почему одним везет, а другим – нет?

Света еще долгое время вместе с медсестрой сплетничала о несправедливости бытия, не замечая, что грешит и получает за это по заслугам, не понимая одну простую вещь, что мы все находимся на этой грешной земле на испытании. Только одни это испытание проходят, а другие – нет.

Свету выписали за два дня раньше Кристины. Она специально пришла к роддому в день выписки бывшей подруги. Сидела в такси поджидала выхода ее из роддома.

Петр с охапкой цветов стоял перед входом в ожидании своих принцесс. Из больницы вышла веселая Вера Михайловна. Она поддерживала под руку свою любимую невестку Кристину. Врач, которая принимала роды, выносила красивый розовый конверт. За нею следовали акушерка и сплетница – медсестра. Врач, улыбалась Петру и говорила громко: «Папаша, ну что ж вы растерялись, идите, забирайте дочку».

Петр не пошел, а побежал навстречу этому маленькому чуду. Он поцеловал Кристину, отдал ей красивый букет, раздал по коробке французских духов и бархатной коробочке ювелирных украшений каждому из медработников, и осторожно взял дочь на руки.

– Ой, а я ее не чувствую, – тихо произнес Петр.

– Ничего, ночами спать не будешь, почувствуешь, – смеясь, произнесла Вера Михайловна.

Вера Михайловна объявила благодарность медперсоналу. Они заискивающе приглашали ее в гости еще раз. Но Вера Михайловна сказала, что это зависит только от Кристины и Петра, когда они в следующий раз надумают подарить ей внучку или внука. И пообещала, что рожать они будут непременно в этом роддоме.

Петр, счастливый, заглядывал под одеяло, и у него от любви сияли глаза, когда он смотрел на Кристину.

– Спасибо тебе большое, – радостно говорил он Кристине. – Это такое счастье стать отцом.

– И бабушкой, – весело подхватила Вера Михайловна.

Они быстро направились к «Бентли» Петра и не заметили завистливый взгляд Светланы, змеиным блеском сверкающий из окна такси.

– Поехали за ними, – зло произнесла Светлана.

Таксист рванул за «Бентли». Петр ехал очень медленно, боясь растрясти свое сокровище. Они проехали по Двенадцатой линии, выехали на Большой проспект и направились в сторону Морского порта.

Таксист старался не отставать от машины Петра. Он следовал за ним, и наконец, припарковался недалеко от дома, в котором жила Вера Михайловна.

Светлана узнала, где живет Кристина, толкнула водителя в плечо, и приказала везти ее домой.

Глава 27

В это время в ресторане на «Террасе» сидел Виктор и рассказывал Якову Саммуиловичу о всех передвижениях Игоря Сергеевича.

– Дядюшка, его нужно остановить! – кричал возмущенно Виктор. – Хватит, беспредела.

Яков Саммуилович, прищурившись, смотрел на Виктора и о чем-то думал.

– Говоришь, что он специально втягивает Ивана в эту авантюру?

– Да, он все счета контролирует полностью, и ждет удобного момента, чтобы нанести удар.

– Хорошо, я пошлю туда своего человека, пообещал Яков Саммуилович. – Слежку за «Подводником» продолжай вести.

Погоняло «Подводник» Игорь Сергеевич получил на зоне. Эта кличка так к нему прилипла, что он даже не заметил, что пора ложиться на дно. Он разошелся в своих планах так, что даже задумал покушение на собственную жену Татьяну. Он вообще перестал верить окончательно всем, после того, как правда про Ивана открылась. Игорь Сергеевич хотел отомстить теперь Ивану тоже, за ту любовь и дружбу, которой он его одарил, не зная, что Иван не его сын. Он решил поставить последнюю точку и уничтожить Ивана навсегда. Игорь Сергеевич приказал Ивану прилететь из Лондона, чтобы подписать фальшивые документы.

– Алло, Светка, слушай, я завтра прилетаю, – вопил в трубку, как всегда злой Иван.

– Во сколько самолет? – спрашивала испуганно Светлана.

– А тебе что? Боишься, хахаля своего не успеешь выпроводить?

Света что-то невнятное молола Ивану, оправдываясь тем, что не знает, что приготовить к его приезду.

– Слушай, овца, ты, надеюсь, аборт сделала? Не зли меня! Если ублюдка еще одного принесешь, утоплю его в Неве вместе с тобой, поняла?

– Да, поняла я, поняла. А мы к твоим родителям пойдем, когда ты прилетишь?

– Не знаю, как получится. А что, соскучилась за мандюлями?

– Дурак ты, я хочу, чтобы Сережа знал своих бабушку и дедушку.

– Узнает, когда наследство будет получать, – захохотал Иван и бросил трубку.

Света бегала по комнате, подбирая разбросанные пеленки,

бутылочки, игрушки. Сергей смотрел на маму и не понимал, что происходит. Он потянулся за соской своего младшего брата, но Света быстро выхватила у него ее из рук.

– Не трогай, не свое! – заорала она на Сергея.

– Подумаешь, у брата взять поиграть нельзя.

Света схватила Сергея за плечи, начала трясти его.

– Какого брата, какого брата? – кричала она не своим голосом. – Он ни брат тебе. Это чужой мальчик. Нам его дали на время, понял, только покормить молочком. А потом его заберут родители, понял?

– Понял, – понуро ответил Сергей. – Это чужой ребенок.

– Запомни, ты у папы единственный сын, понял? Зачем наследство делить на двоих. Слышал, что папа сказал, что тебе бабушка и дедушка подарят все свои дома, машины, рестораны?

– Слышал, – недовольно произнес Сергей.

Света быстро запеленала ребенка, завернула его в теплое одеяло, положила в корзинку, сунула ему в рот соску, надела быстро пальто и строго приказала Сергею никуда не лезть. Включила ему телевизор и разрешила смотреть любимые мультики. Она быстро выбежала из квартиры, три раза щелкнув ключом и села в поджидающее ее такси.

В ту же ночь она подсунула корзинку с ребенком под дверь Веры Михайловны, нажала на звонок, быстро забежала в лифт и выскочила из дома, проклиная свою судьбу и Кристину.

Когда Кристина открыла дверь, на пороге увидела маленькую корзинку с новорожденным ребенком и записку, написанную крупными печатными буквами от руки: «Его мать умерла, позаботьтесь о нем, назовите, как хотите».

Кристина занесла корзинку в квартиру, удивленно посмотрела на мужа.

– Петя, смотри, что я нашла под дверью.

Петр развернул одеяло, посмотрел на младенца, который лежал и улыбался ему.

– Кристина, нужно звонить в полицию.

– Подожди, Петя, смотри, какой он милый. Давай оставим его себе. Я тебя очень прошу.

Из зала вышла Вера Михайловна, она услышала звонок.

– Кто пришел?

– Еще один внук, – улыбаясь, произнес Петр.

Вера Михайловна подошла к ребенку, посмотрела на него, затем на Кристину, поймала ее умоляющий взгляд.

– Кристина, ты хочешь оставить этого ребенка?

– Да, да, очень хочу, – протараторила Кристина.

– Ты понимаешь, что это большая ответственность?

– Я все понимаю. Я справлюсь. Мне врач сказала, что у меня до Виктории был выкидыш или неудачные роды, мне кажется, что это знак мне, что я должна взять этого ребенка.

– Конечно, я могла бы помочь тебе усыновить этого ребенка. Но не знаю, что ты думаешь по этому поводу, Петя?

Петр обнял Кристину и сказал: «Никто этого ребенка не воспитает лучше нас. Мы будем ему хорошими родителями.»

Кристина обняла мужа крепко, прижалась к нему и умоляюще посмотрела на Веру Михайловну.

– Хорошо, как мы его назовем?

– А давайте Федей, хорошее русское имя, – улыбаясь, произнес Петр.

– Ну что, здравствуй, Федя, – засмеялась Вера Михайловна и достала улыбающегося малыша из корзинки.

Она посмотрела на Кристину и добавила: «Молока у тебя хватит на двоих. Так что иди к мамочке, внучок!».

Вечером, сидя за праздничным столом, Яков Саммуилович категорически заявил, что не отпустит молодую семью с двумя детьми ни в какой Лондон. Он сказал, что первые два года они будут жить под присмотром бабушки Веры, потому что им нужно хорошее медицинское обслуживание.

– Лондонские клиники не смогут проследить за здоровьем его любимых внуков, – утверждал Яков Саммуилович.

Кристина с Петром улыбались, глядя на то, как радовался дедушка появлению двойняшек.

– Надо же мальчик и девочка, вот это сюрприз! И почему я задержался в командировке и не встретил этих двух очаровательных созданий.

Вера Михайловна решила ничего не рассказывать мужу, чтобы лишний раз не расстраивать его не устоявшуюся психику. Она и так часто замечала за мужем, что он Кристину называет Катенька. И так у него это лихо получалось, что имя «Катя» прилепилось к Кристине тоже.

– Но какая она тебе Катя, – возмущалась Вера Михайловна. – Она Кристина.

– Для вас пусть будет Кристина, а для меня Катенька, – отшучивался Яков Саммуилович.

Жена подозрительно на него косилась, но никогда не спрашивала его о том, где он пропадал до ее тридцатилетия. «Может быть, у него была первая любовь Катенька», – думала Вера Михайловна, глядя на то, как муж смотрит на Кристину.

Глава 28

Виктор, поговорив в ресторане с Яковом Саммуиловичем, ходил по квартире и толкал разбросанные вещи на полу. Он как всегда возмущался беспорядком, который учинила его пьяная жена. Анна превратилась в живой труп: из красавицы с кукольной внешностью в опустившуюся грязную старуху. Анна никого в своей жизни не любила. А своего единственного родного сына Ивана просто ненавидела. Она всегда вспоминала с раздражением, как она его рожала. Возмущалась, что Игорь Сергеевич ее обманул. Обещал золотые горы, а дал кучку пепла. Когда она ему была нужна, он купил ей коттедж, сделал директором ресторана, выдал замуж за своего охранника Виктора. В общем, облагодетельствовал, как она говорила, – на один месяц. А затем у нее все забрали.

Игорь Сергеевич сдал ее со всеми потрохами, и она села в тюрьму, как соучастница в том громком деле финансовых махинации липовых коммерческих банков. Но это было не единственное обвинение их коррупционной группировки. Еще похищение людей и покушение на убийство. Много томов этого дела лежало в шестом отделе ФСБ. Никто из ее подельников за нее тогда не заступился. Они выложили крупные суммы денег, чтобы им скостили срок, а за нее не дали ни копейки. Она отсидела от звонка до звонка. Привыкла к унижениям, как к средству существования. Анна считала это нормой дальнейшего поведения на воле. На радостях, что освободилась и, наконец-то, увидела солнце не через решетку, пристрастилась к спиртному. Алкоголь стал смыслом ее жизни. Виктор лечил ее, несколько раз кодировал, но Анна опускалась все ниже и ниже человеческого уровня, превращаясь постепенно в жирную грязную свинью с замасленными седыми волосами.

– Что смотришь? – покачиваясь на корточках, процедила Анна.

Она жевала оставшимися двумя зубами окурок потухшей сигареты и зло смотрела на Виктора.

– Не нравлюсь я тебе, зато сыночку понравлюсь, когда за деньгами пойду.

– Не смей в таком виде ему показываться! – кричал Виктор. – На, возьми деньги, иди за бутылкой!

– Вот так бы давно, папаша?! – зло засмеялась Анна, толкая ногой пустую банку из под пива.

Анна подошла к Виктору вплотную, зло посмотрела в глаза, и плюнула ему на кожаные начищенные ботинки.

Алкоголизм никогда никого не красил. Особенно женщин. Одутловатость лица, мешки под глазами, потухший взгляд. Это все равно, что ты живешь мертвым. Ты ничего не видишь вокруг себя. У тебя все цвета одинаково черные. И вечный токсикоз! Зеленоватая желтизна лица плавно переходящая на белки глаз показывает, что печень уже не справляется с количеством выпитого. Внутренности начинают противно ныть, напоминая тебе, что ты еще живой. Вот и Анна схватилась одной рукой за правый бок и мысленно послала к черту всю эту требуху, которая у нее воспалилась. Нужно было бежать за спиртовой анестезией, но ноги не слушались и предательски подкашивались. Голова болела.

«И что за чушь несут, будто женский алкоголизм не излечим, – сплевывая, думала Анна. – А кто пьет? Я? Да захочу, завтра брошу и вновь стану красавицей. Я их всех заставлю себя любить! А сына в первую очередь. Интересно, Катька тоже беззубая ходит, как и я или нет», – размышляла Анна, следуя привычным маршрутом к магазину, опираясь на палку, как старуха.

Глава 29

А Катя, выплакав за дочерью все слезы, продолжала писать свои романы. Она часто вспоминала прожитые годы. Часто думала про свою двоюродную сестру Анну, надеясь, что у нее жизнь изменилась в лучшую сторону после того, как она вышла из тюрьмы. Анна покушалась на ее жизнь. Так получилось, что двоюродная сестра всегда завидовала Кате и настолько ненавидела ее, что согласилась на убийство.

Никита вел как раз расследование того самого громкого дела. Катя знала, что Анна получила большой срок и что стала донором у Игоря Сергеевича, что любила деньги и поэтому решила продать себя в шестнадцать лет, чтобы разбогатеть.

Катя стряхнула с себя набежавшие воспоминания, посмотрела в окно. Никита возился с удовольствием в саду. Сажал новые фруктовые деревья, убирал старые. Катя полюбовалась мужем и снова села за компьютер, набирать очередной текст.

«Господи, только не забери у меня этот дар, – постоянно просила Катя. – Иначе, я просто в один день не проснусь. После гибели дочери это все, что у меня осталось. Мне еще многое нужно рассказать людям.»

Катя стучала по клавишам компьютера, и невидимая сила диктовала ей очередную главу.

Странное это действо – творчество. Ты пишешь и не успеваешь задуматься, о чем ты пишешь, герой уверенно берет тебя за руку и ведет по очередному роману. Ты следишь с интересом за дальнейшей его жизнью.

«Почему это произошло с Кристиной? – оторвавшись от рукописи, подумала Катя. – Как я была против этой свадьбы с Иваном. Я знала, что все этим закончится. Откуда взялся этот Игорь Сергеевич со своим сыном?».

Катя вздохнула, встала из-за письменного стола, выпила таблетку успокоительного и стала ходить взад и вперед по комнате, вспоминая прошлое.

Почему жизнь нами распоряжается так, а не иначе? Живешь, встречаешь ненужных людей, надеешься больше их не увидеть, Понимаешь, что эта встреча дана тебе в наказание за что-то, делаешь выводы, уверен, что больше никогда не встретишься с прошлым. Но, нет, прошлое неотступно следует за тобой и напоминает тебе о твоих бывших грехах. И наказывает тебя еще сильнее за то, что не справился с ними.

«Как хорошо, что я обо всем этом написала в своем романе «Испытание судьбой», – подумала Катя. – Может быть, мои грехи

помогут многим, не повторять их», – вздохнула она и услышала родной голос мужа.

– Катя, ты у себя? – кричал Никита, поднимаясь в рабочий кабинет.

– Да, а где мне еще быть, – отвечала Катя.

Никита всегда поддерживал жену. Он переживал, что несчастье, произошедшее с дочерью, не отпустит ее никогда. Катя последнее время очень часто жаловалась на сердце, но говорила, что это пустяки, всего-навсего невралгия. Но это была не невралгия! Никита замечал сердечную отечность, появившуюся на веках. Он очень переживал, что с Катей что-нибудь случиться. Ночами просыпался и слушал биение ее сердца, боясь, что в один момент может его не услышать.

– Катя, тебе нужно отдыхать! Кстати, на выходных к нам приедет Максим с семьей, – радостно сообщим Никита. – Он только что звонил. У него появилось время для отдыха. Эта политика ему всю жизнь испортила. Можно подумать, он может что-то изменить в нашей стране?!

– Никита, он может. Он все может. Единственный голос тоже может повернуть коллег в нужное русло. Он хороший аналитик. Характер у него твой. Максим прямолинеен, честен. Я думаю, у каждого свое место на Земле, которое принесет пользу.

Никита сел рядом с женой, обнял за плечи, внимательно посмотрел.

– О, вижу по тебе, опять плакала, рассказывай, что случилось, опять Кристина снилась?

– Да, представляешь, она была во всем чистом, такая красивая с длинными волосами, а рядом с нею два Ангелочка: девочка и мальчик. Они были такими веселыми!

– Да, Кристина и при жизни была Земным Ангелом, – произнес Никита вздыхая. – Всегда всех жалела и оберегала.

– Земные Ангелы существуют, это точно! – подтвердила Катя. – Это люди, от которых идет тепло и они светятся добротой. Они такие светлые, как Лена с Николаем из Астрахани. От них такое сияние исходит. И когда их видишь, хочется жить. Они такие естественные, без фальши. Вот чистые Земные Ангелы, готовые всем помочь. Я никогда не забуду, как их сын, Женя, забежал на огород и говорит: «Мама, а где баклажан, который такой огромный вырос, я его хочу своему другу Андрею подарить», – а Лена ему отвечает, что она его баб Нюре снесла, у нее же поминки. Вот так одно доброе дело опередило другое доброе дело, помнишь?

– Да, конечно, помню, – смеялся Никита. – Давай, завтра вместе с Максом и его семьей рванем в Астрахань на рыбалку?

– Правильно, вам нужно тоже отдохнуть, а мне послушать новые рыбацкие байки, – вставая с дивана и потягиваясь, произнесла Катя. – Отличное предложение! Я уже соскучилась за Леной и Николаем.

– Решено, тогда я звоню Максу, согласовываю с ним наше решение.

– Звони, – радостно произнесла Катя и снова села за компьютер писать новый рассказ: «Здравствуйте, я старуха Шапокляк с Литейного».

После того случая, когда она работала в магазине «Женской одежды», нарабатывая материал для нового романа: «Света белого не видно», она часто вспоминала совсем других людей, не похожих на Лену и Николая. Тех, которых нельзя было назвать Земными Ангелами. Это люди были другого сорта. Злость в них настолько глубоко въелась, что они ее в себе не замечали. Они думали, что это их сущность. Люди были уверенны, что они такими родились. А кто знает, что способствовало их черствости. Может быть жилищные проблемы? А может одиночество? Или зависть? А может, какая-нибудь болячка?

Но злость настолько разрушает человека изнутри, что приводит к серьезным проблемам здоровья. А ведь страшнее болезни ничего быть не может. Боль, нестерпимая боль она уносит все: и жилищные проблемы, и одиночество, и зависть. Она перекрывает все другие ощущения, и ты готов отдать все, чтобы этой боли не было. Но ты не в силах ничего изменить. Боль – это расплата за грехи. Если бы человек знал, что ничто в этой жизни не проходит безнаказанно, что за все в этой жизни нужно отвечать – за каждый взгляд, за каждое слово, за каждое действие и мысль. И самое главное человек должен понести за все это – наказание! И он получает быстрее, чем ожидал. Он получает наказание в виде потери близких, в виде неизлечимых болезней, в виде нахлынувших проблем. И то и другое и третье полностью меняет взгляд на жизнь. И ты начинаешь видеть жизнь совершенно в другом ракурсе.

«Да глупости, человек никому ничего не должен!», – кричат многие, обращаясь в никуда. Наоборот человеку все должны! И природа, и цивилизация, и государство! А человек никому ничего не должен!».

Тогда почему у одного все болит, а другой даже не знает, что такое запах больницы и попадает в нее первый раз в девяносто три года? Он что не человек? Он что жил на другой планете? Он что мало в этой жизни видел? Вы возразите, что это наследственность, физиологические особенности, среда проживания.

Нет, ученые-геронтологи доказали, что долгожитель был просто другим – он был добрым!

Глава 30

Света собирала чемоданы и рассматривала Ивана, который вальяжно курил трубку и пускал дым кольцами. Они тоже собирались ехать на рыбалку в Астрахань. Каждую весну они туда ездили. Сначала с родителями Кристины, затем сами.

Иван выкупил в низовьях Волги очень красивый уголок земли, о котором ничего не знал Игорь Сергеевич. И построил на необитаемом острове, как он говорил, курортную зону – турбазу «Иван да Марья» – целый городок для богатых отдыхающих. С номерами люкс, с бассейнами на берегу реки и, конечно, с егерями и рыбалкой. Задумка была неплохой. Сутки такого дикого отдыха с егерем, моторной лодкой, ресторанами и развлекательной программой стоили огромных денег. Но в выигрыше оставались все и мамочки и дети, которые купались в чистом бассейне, наблюдая, как папа ловит рыбу. Да и в контрасте с проселочной дорогой и мутной рекой, голубые прозрачные бассейны казались совершенством цивилизации в диком месте. И присутствовал некий шарм превосходства богатых над бедными.

По первой их прихоти повара готовили изысканные блюда из свежих овощей, сорванных здесь же на приусадебном участке. Вечером пахло на всю округу жареными шашлыками, звучала музыка и были танцы.

Иногда Иван брал с собой на рыбалку нужных людей. У него были постоянные клиенты, которые снимали апартаменты, с дополнительной опцией – девушками легкого поведения, – о которых не знали жены. И богатенькие дельцы, уложив жен спать, весело проводили время с проститутками, тут же через стенку.

Свету и сына Иван постоянно оставлял в деревне – у Лены и Николая, чтобы они не мешали ему веселиться в апартаментах тоже. Никому не было отказано в гостеприимстве этих добрых людей. Они всем людям всегда были рады. Лена и Николай не разделяли людей – на плохих и хороших. Всех принимали, какими они есть.

– Слушай, а ты нас поселишь на Турбазе или опять у Лены? – спросила Света, складывая вещи в чемодан.

– Рожа не треснет, на Турбазу они захотели, – заорал на Свету Иван. – У тебя деньги есть, чтоб я вас там селил? Вот заработаешь, тогда и заселю.

Света вздохнула, посмотрела на Сергея, который, молча, собирал игрушки в коробку и боялся сделать лишнее движение. Сергей как всегда испуганно косился в сторону отца.

В маленькой деревне Астраханской губернии, где не было даже дорог, кривенько расположились несколько улиц, состоящих из десяти дворов, – с покосившимися хатами, которые цеплялись подоконником за землю. Эта была родина Никиты. Его родная и любимая деревня. Вернее теперь село.

Но село имело звучное название: «Царское». И поэтому здесь гордо паслись овцы, коровы и, конечно, козы. Скудная растительность, состоявшая из верблюжьих колючек и жухлой травы, было единственным их деликатесом. Коровы в основном находили мусорки и с удовольствием ели из них бумажные пакеты от молочных продуктов. Даже не подозревая, что эти изделия сделаны из их собственного молока. Только в Астраханской области можно было увидеть таких несчастных облезлых коров, на коротеньких низких кривых ножках. Они не жили, а выживали в этой скудной местности с жестким климатом, где жужжали, угрожающе, комары и суховеем наносило барханы местной пустыни Сахара.

Мимо этих барханов мчался Джип Максима со всем его семейством в составе красавицы жены Дарьи, пятилетнего сына – Данила и любимых бабушки Кати и дедушки Никиты.

Данил очень громко пел песню: «Мы едем, едем, едем в далекие края, хорошие соседи, веселые друзья». Сразу видно, что он был солистом в их хоре. На подпевках у него были папа и вся дружная компания. Каждый подхватывал припев песни, стараясь выбиться в солисты. И все орали на всю машину: «Трам – та – та, Трам– та-та, мы везем с собой кота, чижика собаку, кошку забияку, обезьяну, попугая. Вот! Компания какая!».

Неожиданно Данил увидел верблюдов на дальнем фоне пустыни и закричал: «Папа, давай сфотографируй меня, смотри, какой кадр получится!».

Максим резко остановил Джип, свернул на обочину и предупредил сына, что верблюды не очень гостеприимные животные. Он объяснил, что к ним лучше не подходить, потому что не знаешь, что у них на уме. Катя вышла из машины, сорвала полевую ромашку и протянула своей любимой невестке – белокурой розовощекой блондинке Дашеньке, которая улыбнулась, кивнула головой в знак благодарности и стала отрывать лепестки, приговаривая: «Любит, не любит».

– Ты сомневаешься? – удивленно спросила Катя. – Мой сын тебя со школы добивался и до сих пор пылинки сдувает.

– Знаю, просто детство вспомнила, как в Горькой Балке рвали ромашки и гадали на них с подружками.

Катя посмотрела на невестку, улыбнулась, и вспомнила, как они с Ларисой Вышаковой, одноклассницей, царство ей небесное,

так же гадали на ромашках. Она поделилась этой историей с Дашей.

– Мама говорила, что ваша подруга от передозировки наркотиков умерла. Вы знаете, я не думала, что уже тогда была эта гадость.

Катя вздохнула, посмотрела на Дашу и вспомнила, сколько жизней забрали наркотики в ее родном селе. Но в СССР об этом говорить было нельзя. В стране советов не могло быть ничего западного, растлевающего нашу молодежь. В новостях не освящалась криминальная жизнь страны, людей щадили и не выливали столько проблем на их зомбированные в другом направлении головы. Наоборот трубили всегда о дружбе, о счастье, о доброте и любви. Может люди от этого были добрее?

А сейчас – стрелялки в компьютерах, чтоб крови побольше, новости ужасов, чтоб грязи погуще, передачи, где пороки поизвращенней. Вот и сидят перед телевизорами и компьютерами, – будущие убийцы, тунеядцы и проститутки. Они узнают из телевизионных сериалов, как отбить богатого мужа у лохушки-провинциалки, как совершить ограбление в ближайшем банке и смотрят показательные выступления, как жить так, чтобы попасть в ад. «Рогатые» захватили рынок информации, выпуская книги о приворотах и колдунах, забыв предупредить читателей, что это входной билет в один конец. Туда, где света белого не видно. И успокаивали всех, убеждая, что террористы виноваты в том, что у людей из карманов исчезли деньги, поэтому им нечего есть, а экономика просто переживает очередной кризис, который ведет туда же – где света белого не видно!

Катя тревожно посмотрела на небо. На нем действительно света белого не было видно. Черные тучи сбились в огромный комок и зловеще закрыли солнце. Катя вздохнула и подумала, что сегодня случится что-то плохое.

Она посмотрела на Максима, который фотографировал Данила. Внук лежал на песке и веточкой тянулся в сторону верблюдов. Животные встали в позу ожидающего нападения и, вытянув вперед шеи, неподвижно замерли, рассматривая диких невоспитанных субъектов, которые не стоят на месте, а каждую минуту, то ложатся, то встают, то подпрыгивают, задрав ноги.

– Поехали уже, хватит испытывать терпение верблюдов, – запротестовала Даша. – Нам нужно доехать к Лене засветло.

– Правильно, а то опять дороги развезет! Видите, дождь собирается! – поддержала невестку Катя и заторопилась к машине.

– Нет, лучше пусть нас с Максимом развезет после Колькиной самогонки, – пошутил Никита.

Катя с Дашей рассмеялись, вспоминая, как их мужей после семидесятиградусной жидкости действительно развозит.

Мимо промчался «Лексус» с московскими номерами. Света посмотрела в окно и позавидовала веселым людям, которые фотографировались.

«Есть же счастливые семьи, в которых есть хорошие папы», – думала Света.

Иван громче включил радио и слушал свои любимые ужасы новостей.

– Вот, гады, смотри, номера правительственные, – произнес Иван, проскочив мимо машины, стоящей на обочине. – Знаешь, в политике одни сволочи! Они ж воруют, больше чем я. – Представляешь, решили внести поправку в Закон. Что там править? Его нужно полностью менять. Дать людям больше свободы, чтоб воровали спокойно. А то давят и давят. Шагу ступить не дают.

– У тебя ее мало? – спросила осторожно Света.

– Чего мало? – зло глянул на Свету Иван.

– Свободы, – вздохнула Света.

Иван замахнулся на нее по привычке.

– Ты мне под руку не гавкай, – сказал он. – А то я вам устрою отдых.

Света повернулась, посмотрела на сына, погладила его по голове, успокаивая, но Сергей еще больше вжался в сиденье, думая, что отец снова начнет бить маму.

В деревню они въехали, как всегда со шлейфом пыли и скрежетом тормозов, разгоняя сельских общипанных кур. «Лексус» остановился рядом с домом Лены и Николая.

Красивые резные наличники только что покрашенные смотрелись ярко на деревянной избе. Николай стоял возле окна с маленькой кисточкой и выводил свои художества, опуская кисть в красивую голубую краску. Увидев гостей, он раскрыл объятия и громко воскликнул: «Какая радость, я уж думал не порыбачу на выходных».

Иван вальяжно вышел из машины, улыбнулся Николаю.

– Ты что, деда Коля, в художники подался на старости лет?

– Видишь, решил подправить свой теремок, а то перед московскими гостями неудобно. Ты Серегу со Светой привез?

– Приехал шорох навести управляющим, а Светка заодно ревизию проведет. Я ей отдых у тебя организую.

– Хорошо, мы гостям всегда рады!

Сергей выскочил из машины и подбежал к дедушке Коле.

– Деда Коля, деда Коля, смотри, какую машинку мне мама купила! – закричал он, делясь лучшим, что у него есть.

– Ух, ты! Вот это машина! А как она зовется?

– Астон Мартин, – гордо произнес Сергей. – Как у дедушки.

Навстречу гостям, выскочила из дома худенькая симпатичная женщина. Она улыбалась Свете и бежала с распростертыми объятиями к ней.

– Светочка, как я рада, что вы приехали, у меня как раз пирог ржаной рыбный поспел. Помнишь, я рецепт давала.

– Помню, но у меня он не получился, – процедила Света.

Иван зло посмотрел на Свету и произнес: «А что у курицы может получиться, только муку раскидала по всей кухни, руки растут не там!».

Лена заступилась за Свету, напомнив ему, что она хороший бухгалтер. Но не успела она договорить, как к дому подъехал Джип Максима.

Глава 31

Из машины вышла Катя, огляделась и заметила, что они в гостях не одни. Она подошла ближе и потеряла дар речи.

Перед нею стояла лучшая подруга покойной дочери с бывшим зятем. Рядом с ними бегал ребенок.

«Именно столько лет было бы внуку», – подумала Катя, глядя на Сережу.

– Здравствуйте, – медленно произнесла Катя. – Какая встреча?!

Катя наклонилась к мальчику и спросила: «А как тебя зовут, богатырь?»

– Сережа Севрюк.

На минуту Катя отшатнулась от мальчика, затем посмотрела на Светлану немым укором, который возник из глубины прошлого.

Света отвела глаза, покраснела и съежилась, как будто ее поймали на месте преступления.

– Очень красивое имя, – произнесла Катя, с интересом глядя на мальчика.

То что Сергей был сыном Ивана, не было никакого сомнения. Этот малец был похож на отца. Такой же чернявый, круглолицый, и напоминающий Кате жестокое прошлое. Он напомнил двоюродную сестру – Анну.

Прошлое неотступно преследовало Катю на протяжение всей жизни и не хотело отпускать, но Катя не предполагала, что Кристину предал не только ее муж, но и лучшая подруга.

– А сколько же тебе лет, Сереженька? – спросила Катя, глядя на мальчугана.

– Мне уже четыре, – гордо ответил Сергей.

– Большой уже, – грустно произнесла Катя.

Света грубо схватила Сергея и быстро зашагала в дом. Она прекрасно поняла, что Катя обо всем догадалась.

Иван подошел к Никите, протянул ему руку, поздоровался. Никита ответил. А Николай радостно схватил Никиту в охапку и как старого закадычного друга поднял, оторвав на десять сантиметров от земли.

– Ну что, дружище, порыбачим? – спросил он у своего лучшего друга, – я очень рад, что ты приехал. Помнишь, как мы на пароходе ловили треску. Вот это была рыбалка: полный трал рыбы! А мойва, запах свежих огурцов, помнишь? Ведь когда мы ходили в Тралфлоте на допотопных кораблях, рыба была крупнее и вкуснее, скажи, Никита!

Никита подмигнул Николаю и продолжил мысль о том, что они стареют. Иван с ними согласился и сказал: «А моему Сереге будет казаться, что сейчас все намного вкуснее и лучше».

Никита странно посмотрел на Ивана и спросил:

– Как твоему? Разве это не сын Антона?

Иван понял, что сболтнул лишнего, пожал плечами, будто сомневался.

– Да нет, он вылитый Иван, – перебил его Николай, – Ты что не видишь?

Никита ничего не ответил, только изменился в лице. Он не стал объяснять другу, что бывший зять, похоже, спал с двумя женщинами одновременно. Никита вздохнул, отвернулся от Ивана.

Николай, заметив настроение друга, решил сменить тему и быстро позвал всех к столу, который о жена с любовью накрыла. Катя, чтобы не расстраивать гостеприимную хозяйку, сделала вид, что очень рада видеть бывшего зятя с его новой семьей. Иван постоянно опускал глаза, когда видел, что Катя едва сдерживает истинное отношение к его персоне. Он понял, что Катя никогда не простит его. И в день памяти Кристины, на пасхальные праздники, больше не будет приглашать бывшего зятя к себе в гости.

Лена старалась, как всегда угодить всем гостям. Она подкладывала самые вкусные кусочки пирога детям – Сергею и Данилке, которые успели подружиться. Максим как ни в чем ни бывало общался с Иваном. Он даже не обратил внимания на то, что сын Светы похож на бывшего мужа сестры. Их жены мило беседовали и смеялись. Лена, как всегда сидела рядом с Катей, и делилась с нею своею огромной любовью к мужу. Катя запоминала все до мелочей, потому что писала про них роман: «Земные Ангелы».

На следующий день Иван с женой уехали делать ревизию на своих, как они говорили, денежных плантациях. А Николай, взяв две деревянные узкие байдарки, посадил Никиту с его большим семейством и отправился в низовья Волги на настоящую дикую рыбалку.

Вокруг красиво цвели белые лилии, розовые восковые лотосы плавно кружились вокруг них. Лодки неслись, разрезая белыми брызгами масло темной реки. Воздух искрился бриллиантами в лучах рассвета. Река Волга по-родственному встречала гостей из Санкт-Петербурга.

Максим опустил в воду руку и наслаждался энергией природы. Никита подшучивал над своим лучшим другом Николаем и рассказывал, что он, как Апостол бегает по воде,

высоко поднимая ноги, и хватает руками огромных сазанов, пряча их подмышками. Катя смеялась, когда видела этих немного постаревших рыбаков на ходу придумывающих свои рыбацкие байки. Они в этот момент на глазах превращались в озорных подростков.

Камыши по обе стороны реки шумели, зазывая на кормежку крупную рыбу. И вдруг одна из них с шумом выпрыгнула из воды, плюхнулась обратно в воду, создавая невероятно ажурные кольца на воде, догоняющие друг друга до самого берега.

– Ого! Какая рыбища возле камышей. Я там буду ловить.

Максим смеялся и уговаривал свою ревнивую жену не плыть с ним в камыши. Но Даша противилась этому и не могла позволить мужу отплыть даже на метр от своего красивого загара. Настояла на том, чтобы ловили вместе.

Они перебрались в другую лодку и поплыли в сторону камышей. Избалованная Дашенька, нежное создание, никогда не видевшая дикой природы, очень была рада такому отдыху, потому что он не был похож на заграничный отдых в отелях.

Когда Максим работал веслами, рыбаки, проплывающие мимо, с круглыми глазами уставились на Максима и выключили мотор лодки, испугавшись своего видения. Они только что видели Максима в утренних новостях, на теледебатах по поводу президентских выборов, а здесь воочию столкнулись с ним лоб в лоб. От удивления один другого толкнул в бок, испуганно спросил: «Слушай, у меня не белая горячка, это Воронцов?»

Другой рыбак испуганно рассматривал Максима и, заикаясь, спросил:

– Это вы?

– Я, – ответил Максим, – а что не похож?

– Похож! Мы вас сразу узнали! Жаль, нашим расскажем, не поверят.

– Давайте сфотографируемся, чтоб поверили, перелазьте к нам, – засмеялся Максим.

Рыбаки с радостью достали потертые мобильные телефоны, весело перелезли в лодку к Максиму, по-очереди сфотографировались с кандидатом в президенты и пообещали, что будут голосовать только за него, раз он рыбак. Они еще попросили, чтобы Волгу хорошенько почистили, а то лодка за дно цепляется. Поругали экологов, что деньги берут, а речку в болото превращают. Что нужно специальную комиссию прислать, чтобы проверила дно Волги.

– Ведь рыба дохнет, а им хоть бы что! Рыбы не станет, как жить будем? – возмущались астраханцы. – Нас тогда мошка сожрет!

Максим заулыбался, пообещал помочь, распрощался со своими избирателями и поплыл с красавицей женой поближе к камышам.

Даша гордилась своим знаменитым мужем. Она мечтательно подняла глаза к ласковому солнцу и не заметила, как муж лодкой заехал в камыши.

И вдруг темное облако мошки поднялось над ними! В мгновенье ока Даша увидела черного Максима, покрытого плотным слоем насекомых. Будущего президента стало не узнать! Он был вылитый Барака Обаму.

– Господи, ты вылитый негр! – закричала Даша, – и поняла, что выглядит точно так же.

Даша так громко заорала, что сорвала себе голос. Она попробовала согнать этих тварей со своей красивой фигуры, но они преспокойно сидели и даже не шевелились. Они не кусались, просто прилипли к ней, поняв, что здесь сидеть лучше и теплее. Даша только била нежными ручками по этим безобразным тварям и никак не могла их согнать с себя. Она размазывала их по своему загару и сверкала белками глаз.

Этого она пережить не могла! Она в полуобморочном состоянии продолжала громко визжать и ругать мужа. И так громко кричала, что распугала всю рыбу в округе.

Максим смеялся и назидательно советовал жене, всегда доверять мужу и не ревновать его. Он напомнил ей, что рыбалка сугубо мужское дело.

Даша в шоке пребывала еще несколько минут, затем бросилась в воду и спаслась от этих навязчивых поклонниц мужа.

С этого момента, она точно знала, что больше на рыбалку не поедет никогда.

Глава 32

После той рыбалки, Катя больше Ивана и Свету не видела. Она очень сильно переживала за предательство подруги. Никита успокаивал ее, и говорил, что не стоит обращать внимание на таких людей, нужно просто выбросить их из своей памяти. Одним махом, сразу.

Но память вещь упрямая. Она не хочет отпускать ненужных тебе людей навсегда. То в попутчике поезда, ты увидишь знакомые черты ненужного человека, то на улице встретишь точную его копию, то в артисте эстрады заметишь его клона и удивишься, что он нисколько не изменился.

Правильно говорят, что каждой твари в нашей жизни по паре. Только бывает этих пар несколько. Почему люди похожи друг на друга? Нет ни одного человека на земле, у которого нет двойника.

Но душа у всех разная. У нее нет отпечатков пальцев и клонов. Душа у всех особенная. Только у одних она очень чистая, у других – грязная и подлая.

Вот и Света испачкала свою душу так, что не выстирать, не отбелить и пятновыводителем грехи из нее не вывести.

Катя рассказывала это Кристине, сидя у ее могилы. Она делилась с дочерью новостями и ходила к ней, как к живой. Очень сильная связь была у нее с родной дочерью.

Кристина будто слышала ее, потому что в ту же ночь вскочила со странным чувством какой-то потери. Она посмотрела на спящего мужа. Затем поднялась и пошла на кухню. Кристина знала, что сны нельзя разгадывать, но она никак не могла понять, что ее тревожит.

Она видела какие – то очертания огромной реки, видела ее грязные воды, уносящие течением двух человек, которые сопротивляются и пытаются выбраться на берег. Это были очертания мужчины и женщины. Лица были до ужаса знакомы. Но она никак не могла их вспомнить. Откуда – то из глубины подсознания, выглянуло лицо, и Кристина отчетливо увидела, что мужчина достает огромный нож и замахивается на ее любимого мужа.

Кристина закрывает собой Петра, нож вонзается холодным лезвием в теплую плоть: алая струйка крови, обжигая, вытекает из раны. Кристина рукой хватается за липкую жижу. И с ужасом понимает, что ей не больно, только очень страшно. Сердце учащенно бьется в такт надрывающегося хохота – «ха, ха, ха», вылетает из уст знакомой девушки, лицо которой превращается в

лицо смерти с белым оскаленным черепом в черном капюшоне. Но лицо, хохочущей девушки, до ужаса знакомое и очень дорогое.

Кристина, вспомнив эти видения, умылась ледяной водой и медленно стала ходить по кухне, отгоняя это лицо от своих воспоминаний. И вдруг видит стог сена и бирюзовое небо, на котором буквами выведено – «Иван».

«Иван… Иван… Иван, что-то знакомое», – вспоминала Кристина, отпивая из чашки холодный чай.

К ней неслышно подошел Петр. Он обнял жену, поцеловал ее и спросил: «Что опять не спится, опять воспоминания пугают?».

– Послушай, – спросила Кристина, – а кто такой Иван?».

– Иван? Не знаю, – ответил Петр. – А что?

– Сон видела странный, будто тебя хотел убить какой-то Иван. Скажи, а про того убийцу так ничего неизвестно? – спросила с тревогой Кристина.

– Пока нет. Но найдут обязательно, ты не переживай, – успокоил жену Петр.

На следующий день Петра вызвал следователь. Он еще раз ознакомил его с ходом расследования. Петр объяснил следователю, что этого человека видел первый раз в ресторане на Крестовском острове. Что имел ссору с ним, и это послужило личной неприязнью убийцы к нему.

Но следователь на это ответил, что в ресторане по его наброску сказали, что видели этого человека в тот день впервые и больше он сюда не заходил.

Следователь пояснил Петру, что фоторобот на телевидение дал свои результаты, его узнал один зритель. Он сказал, что видел его на даче у соседа. Но дача сгорела, и сосед этот участок продал. Куда уехал ему не известно. По результатам расследования, хозяином дачи оказался Антон Петров, стоматолог. Он завербовался на север. В настоящее время сделан запрос в Мурманск и отправлен фоторобот для опознания личности нападавшего. Ждут результатов.

Петр поблагодарил следователя за то, что держит его в курсе дела и сказал ему, что, скорее всего, убийцу зовут Иван. Следователь очень удивился и спросил, откуда это стало Петру известно. Петр соврал, что недавно вспомнил, что к убийце в ресторане обращались именно так. Петр предупредил следователя, что они с семьей выезжают на постоянное место жительства в Лондон.

Среди прославленных городов мира, город Лондон, столица королевства, поистине был городом с королевским величием. Лондон поразил Кристину целебным климатом и христианским

целомудрие горожан. Ей нравилось сочетание тихой дождливой погоды с горящими дровами в камине.

Она знала, что этот город имеет свою вековую историю, более древнюю, чем Рим. Лондон гордился своими традициями и тем, что является ведущим мировым финансовым центром. И то, что своим нулевым меридианом он делит мир на восток и запад. Кристине очень приглянулся Тауер с его мощными укреплениями и, конечно, ее впечатлил королевский дворец над рекой. А обширные сады, пастбища, леса и реки в зеленом поясе, очень напоминали ей наши деревенские поля.

Да и погода в Лондоне ей очень напоминала питерскую. Дождь лил, не переставая. Кристина с детьми играла на застекленной террасе в Хэмпстеде, в самом престижном районе Лондона, расположенном в зеленом массиве.

Из витражных окон их особняка виднелись красивые зеленые газоны, разбитые различными геометрическими фигурами. Дети очень любили резвиться в этом английском парке, когда погода была хорошей. Они кувыркались в зеленой траве, бегали друг за другом и катались на собственных каруселях в виде разных зверюшек. Кристина любовалась красавицей блондинкой Викторией и высоким чернявым сыночком Федором.

– Виктория, осторожней! – кричала Кристина, – доченька, ты леди, не забывай. А леди не бегают за мальчиками.

– Мама, она русская леди, – передразнивал ее Федор, – поэтому ей можно!

Кристина улыбалась, наблюдая, как дети играют. Федор подсаживал сестру на лошадку и всегда возмущался, что она ест много овсянки, поэтому такая тяжелая. Дети смеялись и бегали друг за другом. Они все время были вместе. Кристина читала им сказки на русском и английском языках. Дети хорошо знали оба языка и всегда путались, когда торопились что-то рассказать. Для них что русский, что английский был родным. Но они хорошо знали, что они русские и очень гордились этим.

– Мы русские! – громко представлялись они соседским ребятам. У нас очень красивой город Санкт-Петербург. Вы к нам приезжайте.

Санкт-Петербург действительно заслужил гордость за царственный вид и пышную красоту, которая полна изящества неповторимых архитектурных творений.

Англичане обещали приехать и с удовольствием приглашали их на дни рождения. Кристина познакомилась с очаровательной соседкой, миссис Поли.

Она весело проводила с нею время, называя ее Полечка. Кристина с ней занимались верховой ездой.

Ей нравилась экипировка всадницы. Особенно шлем для верховой езды. Она красиво сидела в седле, светлые волосы из-под шлема развивались на ветру, играя золотом в лучах вечернего солнца. Петру льстило, что Кристина олицетворяла собой Россию. В ней англичане видели красоту всех русских женщин, которую прославляли во все времена. Но он так же видел, что Кристина очень скучает за своим любимым Питером.

– Радуйся жена, мы завтра возвращаемся в Россию, – улыбаясь, сообщил Петр.

Кристина очень обрадовалась этому событию. Хотя она не сидела без дела эти два года, помогала Петру вести бухгалтерские отчеты, полностью вела дом сама, занималась воспитанием детей, но все равно рвалась на Родину. Петр был восхищен помощницей, которая была на все руки мастер.

Он вспомнил, как она удивила всех на балу у миссис Поли, когда танцевала Венский Вальс, покорив гостей и его самого. Она танцевала профессионально. И Петр понял, что жена занималась в прошлом бально-спортивными танцами.

К тому же к ним подошел банкир Михаил, который был из России, но долгое время жил в Штатах. Он сказал, что Кристина очень похожа на его племянницу, которая, к сожалению, погибла при пожаре в Питере. Он очень удивился, что Кристина тоже из Питера. Михаил пригласил Петра и Кристину с их очаровательными детками к себе в гости во Флориду. Он рассказал, что они с женой Марией давно живут там и что он очень любит, когда к ним в гости приезжают русские. Петр пообещал к ним заехать с семьей.

Кристина не узнала своего любимого дядю Мишу, который столько для нее сделал. Это была давняя история. Кристина выдала свою любимую тетю Машу замуж за этого банкира, когда увидела его впервые. А танцами она действительно занималась много лет профессионально. И, конечно, была призером многочисленных международных соревнований вместе со своим двоюродным братом, который искал своей маме в то время мужа. Кристина тогда просто помогла ему. А дядя Миша построил для них новый Дворец Молодежи, в котором все желающие бесплатно занимались всеми танцевальными направлениями и вокалом и участвовали в театральных постановках. Кристина и ее брат подрабатывали тренерами в этом Дворце Молодежи и подготовили не одно поколение призеров международных чемпионатов.

Но любовь к цифрам привела Кристину на экономический факультет МГУ, где она познакомилась с подругой Светой. И этот

пожар на даче, о котором говорил ее любимый дядя Миша, был для нее загадкой.

Но Петру, наоборот, помог получить недостающий пазл в истории с Иваном. Кристина даже не догадывалась в тот момент, что именно Михаила она заочно записала Крестным отцом. Вот и сейчас она потянулась к нему и почувствовала в нем родственную душу. Это очень удивило ее.

– Жаль, что мы завтра уезжаем, – говорила Кристина этому банкиру из Америки. – Но если вы будете в Питере, обязательно со своей женой приезжайте к нам в гости.

– Конечно, заедем. Мы часто бываем в Питере, – радовался приглашению Михаил.

Он обнимал ее на прощание, как будто она была самым близким родственником. На секунду даже забыв, что они только что познакомились.

А приехав к жене, рассказал ей, что видел девушку в Лондоне очень похожую на Кристину.

– Одно лицо, – твердил он. – А какие у них чудные детки!

А чудные детки росли очень быстро. Они в пять лет чувствовали себя совершенно взрослыми людьми. Но почему-то продолжали любить кататься на каруселях.

– Мама, ура, мы возвращаемся в Питер! А ты нас повезешь на Крестовский остров в парк на карусели?

– Конечно, повезу, – смеялась Кристина и целовала своих взрослых малышей.

Глава 33

На Крестовском острове рядом с особняком Кати возвышался красивый новый коттедж. Он находился в стадии строительства. Новый хозяин всегда приезжал, давал указания рабочим. Иногда очень громко ругался, иногда хвалил. Катя слышала все, сидя на балконе и набирая текст очередного романа.

«Какой интересный мужчина, – думала Катя. – Почему он всегда один, почему нет хозяйки? Хотя и без нее все делает по уму: баню, бассейн, детскую площадку. В общем, хозяин с большой буквы. Повезло же кому – то».

Катя приписывала черты характера нового соседа своему очередному герою. Месяц за месяцем продолжалась стройка и, ближе к весне, строительство стало подходить к концу. Было заметно, что каждая деталь нового дома сделана с любовью. Все очень органично смотрелось: и летняя терраса и бассейн и сауна.

Катя налила себе свежезаваренную чашечку кофе и, наслаждалась ароматом, вдруг увидела, что новый сосед, услышав запах кофе, поднял голову на балкон и помахал Кате рукой. Это был Петр. Катя пригласила его к себе в гости. Сосед с радостью согласился. Он знал, что Катя знаменитая писательница и с удовольствием зашел, чтобы пообщаться.

Они подружились и уже как старые знакомые философствовали о будущем кинематографа, сидя в беседке возле фонтана в виде книги.

Петр показал ей свои сценарии и предложил экранизировать ее последний роман. Кате понравилась работа Петра. Она много раз видела достойные сериалы, полнометражные фильмы, снятые по сценариям Петра. Катя согласилась работать с ним вместе и подарила ему роман «Испытание судьбой» с автографом.

Когда Петр принес домой этот роман, Кристина сказала, что она уже где-то слышала это название. И с удовольствием погрузилась в жизнь этого современного прозаика. Сердце учащенно стало биться, когда она на кухне ночью сидела над этим романом.

«У меня такое ощущение, что я знаю этого человека очень хорошо», – подумала Кристина, но ничего не сказала мужу. Она одобрила его выбор и сказала, что это будет самый интересный сериал за всю историю кинематографа.

Петр продолжал работать с Катей в соавторстве. Они долгими вечерами спорили над той или иной сценой, отправляя друг другу свои варианты сценария. Петр научил Катю сценарному мастерству, а она преподавала ему драматургию. Они

в свои споры призывали Аристотеля с его поэтикой. Им очень нравился их творческий тандем.

– Кристина, я обязательно познакомлю тебя с этой выдающейся женщиной. В ней столько энергии, что хватит, кажется, на всех жителей Питера.

Кристина смеялась и говорила, что у пятидесятилетних людей открыт духовный портал, поэтому энергии у них бывает больше даже, чем у молодых.

– Посмотри, хотя бы на Веру Михайловну, – говорила Кристина. – Она ведь чистый сосуд. Поэтому жизненных сил у нее много. Ее хватает на больных, интернов, внуков и Якова Саммуиловича.

Петр с нею соглашался, улыбался и радовался тому, что они идут в том же направлении, то есть вперед к будущему «пятидесятилетию», которое, слава Богу, будет еще не скоро, – любил подшучивать он, поддерживая мысль жены.

А в это время Катя с Никитой расхваливали соседа. Петр им очень нравился. Они ждали с нетерпением все его семейство. И знали, что они скоро переедут жить в этот новый дом. Катя слышала, что его семья живет в Лондоне, что у них в Америке есть Пентхаус. Но так же знала, что этот коттедж был для Петра самым дорогим. Не в плане денег, а в плане энергетики. Ему очень нравилось это место, которое он выбрал для того, чтобы построить дом своей мечты. И он хвастался Кате, что хочет сделать жене сюрприз. Он раскрыл Кате тайну, что никто из его близких, включая маму и отца, ничего не знают про этот дом. Остались последние штрихи, и он приведет сюда хозяйку. Так же похвастался, что семья уже с ним в Питере. И что скоро у жены день рождения. Он спешит успеть приготовить ей этот сюрприз. Катя заметила, что это будет очень приятный сюрприз: получить красивый дом в сосновом бору рядом с Финским заливом в подарок на день рождения. Петр смотрел на часы и торопился уходить, так как обещал свозить семью на открытие фонтанов в Петергоф.

Фонтаны Петергофа – это гордость всех россиян, – рассказывал Петр детям и Кристине. – Фонтанный комплекс строили больше века. Наш последний царь и первый Император России – Петр I, задался целью ответить Версалю, созданному во Франции. И ответил им новым мощным невообразимым сооружением! И с тех пор водные конструкции Петербурга считаются самыми лучшими. По замыслу Петра, Петергоф стал триумфальным памятником успешного окончания борьбы России за выход к Балтийскому морю и сразился с самыми знаменитыми

королевскими резиденциями Европы.

Дети с открытыми ртами слушали рассказ папы и с интересом рассматривали Верхний парк. Кристина с любовью смотрела на мужа.

Петр каждый год с семьей приезжал на открытие этих фонтанов. Это стало уже их семейной традицией. Замечательные фонтаны притягивали его и Кристину с детьми необычной красотой и великолепием форм. Некоторые фонтаны достигали шестнадцати метров высотой, некоторые мягко переворачивались по многочисленным ступенькам, сбегая к их ногам.

Каскад «Большой», состоящий из шестидесяти четырех фонтанов и двести двадцати пяти бронзовых скульптур открылся взору Кристины золотым сиянием на фоне Большого Петергофского дворца.

Неожиданно резко взлетел столп воды в такт торжественно звучащей классической музыки. При этом каждая струя фонтана окрашена была в ярко-красные, синие, зеленые цвета и ощущение у Кристины было такое, будто все это великолепие ожило в такт любимых аккордов.

Переливающиеся брызги стали изящно танцевать, соревнуясь между собой, кто выше подпрыгнет. Они догоняли друг друга и убегали от волшебных огней. И сияли бриллиантами, отраженными в воде.

На их фоне ходили дамы и кавалеры в старинных костюмах, и начиналось театрализованное представление артистов оперы и балета.

Кристина заворожено, не отрываясь, наблюдала за этим действом, дух захватывал и ее с головой накрыли лучшие воспоминания…

Дети весело болтали ногами и ели вкусное мороженое. Они счастливо заняли первые места перед Екатерининским Дворцом и с удовольствием смотрели представление любимых артистов. Кристина сделала замечание, чтоб не болтали ножками, улыбнулась и вдруг опять из глубины воспоминаний, выплыли картинки ее бывшей жизни.

Кристина всегда, когда приезжала в Петергоф вспоминала, как она студенткой продавала воздушные шарики на открытии Фонтанов. С нею была постоянно какая-то девушка, лица которой она никак не могла вспомнить. Она помнила только одно, что с этой девочкой любила приезжать в Питер.

Она видела отчетливо поезд, на котором они приезжали.

«Интересно, из какого города, мы постоянно ездили?» – думала Кристина, глядя на красивых артистов.

Кристина хорошо знала, что всю жизнь жила в Санкт-

Петербурге. Это был ее город, с ее энергетикой, с ее мировоззрением. Город был живой, захватывал целиком, и она всегда восхищалась тем, что здесь очень много работы. Она работала всегда и везде, это она тоже хорошо помнила.

Кристина никак не могла вспомнить студенткой какого университета она была. Но то, что она училась, она знала точно. Что подрабатывала на каникулах официанткой в кафе «Пироговый Дворик» тоже. Недавно она туда ходила, навести справки, но ничего не узнала. Состав давно поменялся.

Она помнила, что в кафе была всегда веселой, доброй и никогда не забывала, что работает в сфере обслуживания. Быстро знакомилась с меню, знала стоимость каждого блюда и состав всех вкусных пирогов. Надев на себя форму, и вытащив из кармана блокнотик, она вежливо всегда спрашивала: «А что еще желаете?».

Кристина прошлое вспоминала фрагментами. Вот и сейчас сидела, улыбалась воспоминаниям забытой жизни. Петр обнимал жену, догадываясь, что она находится в своих воспоминаниях и старался не мешать ей. Дети подпрыгивали, поддерживая артистов, и принимали самое активное участие в зрелище.

Неожиданно Кристина в толпе увидела того самого страшного мужчину из своего сна. Она испуганно прижалась к Петру и показала на этого человека. Иван стоял недалеко от них, курил сигару с характерным запахом миндаля.

– Петя, вот этот мужчина мне снился. Его звали Иваном, я точно помню, – шептала Кристина, показывая в сторону Ивана.

Петр сказал ей, чтобы она не волновалась, что он пойдет, поговорит с этим человеком. Спросит, как его зовут. Он быстро поднялся, подошел к Ивану вплотную, постучал ему по плечу, как старому знакомому и дал понять, что хочет с ним отойти в сторону.

Иван округлил глаза, увидев свою жертву, затем зло сплевывая, нехотя поплелся за Иваном.

– Ты мне ничего не хочешь сказать, – спросил Петр у Ивана, отойдя в сторону.

– А ты, живучий? – ухмыляясь, произнес Иван.

– Тебя Иваном зовут? – неожиданно спросил Петр.

– Тебе какая разница?! – засмеялся Иван. – Может мне самому себе повестку с повинной выписать?

Петр закрутил ему руку назад, тем же приемом как в ресторане.

– Давай, по-хорошему, с чистосердечным признанием небольшой срок получишь. А может, и условно дадут, – предложил Петр, закручивая ему руку сильнее.

– Больно, отпусти, – промычал Иван. – Люди же смотрят?

Внезапно к Петру подбежал Федор. Он с радостью, расставил руки и закричал: «Папа, я тоже хочу играть!»

Иван, глядя на ребенка, встал в ступор. Настолько этот пацан был похож на его сына Сергея. Он бежал, казалось бы, к нему. На миг Ивану показалось, что ему все это причудилось.

– Фу, что за черт? – произнес Иван, тряхнув головой. – Вылитый Серега.

Федор подбежал к Петру, схватил его за ноги и закричал: «Папа, возьмите меня поиграть, я тоже так умею».

Петр отпустил руку Ивана, чтобы не напугать сына.

– Федор, иди к маме, я сейчас приду, – не успел произнести Петр, как огромные ручища Ивана схватили Федю в охапку, а к шее он быстро приставил нож.

– Отошел подальше! Иначе пришью пацана, – зло произнес Иван.

Петр постепенно стал отходить назад. В это время к ним неслись с одной стороны Света, а с другой – Кристина, держа на руках Вику.

Кристина увидела нож в руках Ивана и красное пятнышко крови на шее у мальчика. Она так испугалась за Федю, что отважно бросилась на Ивана.

– Отпустите его немедленно! – закричала она.

Иван убрал нож от шеи Федора и налитыми кровью глазами смотрел на Кристину. Теперь он точно подумал, что это всего-навсего кошмарный сон. Ожившая жена никак не входила в его планы.

А в это время с другой стороны на него набросилась Света, понимая, что он сейчас убьет собственного ребенка.

– Иван, очнись, не делай этого, отпусти сына!

Он направил нож в сторону Светы.

– Ты, что, мразь, какого сына? И почему Кристину жива?!

Кристина, не понимая ничего, хватала ртом воздух и рвалась к Федору на помощь. Но Иван держал ее и успокаивал, чтобы она не приближалась к убийце.

– Отпустите, ребенка, немедленно! Я позову полицию! – кричала Кристина, набирая дрожащей рукой номер телефона.

В это время музыка так громко играла, что вокруг них никто ничего не слышал. У всех взор был направлен на следующую картинку представления. Помощи ждать было неоткуда. Кристина прекрасно это понимала. Она бросилась на помощь к Федору.

– Дура, стой на месте! Безмозглая курица, иначе здесь оставлю! Еще раз похороним! – орал взбешенный Иван и наставлял нож теперь уже и в ее сторону.

В этот миг Федор понял, что это не игра и со всей силы ударил ногой Ивана в пах, как его учил в свое время сосед-драчун в Лондоне, преподавая ему уроки самообороны.

Иван от неожиданности выпустил ребенка из рук. Федор рванул к отцу. Петр обнял мальчика, спрятал его за спину и одним прыжком оказался возле Ивана, но не успел его схватить, тот трусливо вырвался и побежал в сторону выхода. Петр рванул за ним. Но Иван уже смешался с толпой.

Петр не смог пробиться через сплошную стену все прибывающих и прибывающих на представление туристов. Он попал в плотный капкан, окруживший его со всех сторон зрителей.

А Кристина целовала Федора, вытирая слезы.

– Молодец, Федор, ты поступил, как настоящий мужчина. Заступился за маму, – хвалила сына Кристина.

Света не могла оторвать глаз от Федора. Она с интересом наблюдала за ними, разглядывая своего брошенного сына. Но как только увидела, что Петр приближается к ним. Тут же отвернулась и быстрым шагом пошла прочь.

– А чем это он меня поцарапал? – спросил Федор, дотрагиваясь, до раны.

– Вот этой веточкой, – подняла Кристина палку с землю.

Внутри все клокотало от того, что Федор висел на кончике ножа и мог в любой момент стать жертвой преступника.

– Это был убийца? – спросила Кристина, наклоняясь к Петру.

– Да, – ответил Петр и повел жену с детьми к машине.

Глава 34

В кабинете Петр кричал на следователя, что убийца находится в Петергофе. Что он едва не схватил его, но помешал ребенок. Он требовал, чтобы применялись, более успешные методы в поимке этого отморозка.

– Этот маньяк, поубивает неизвестно сколько людей, пока будет находиться на свободе, – кричал на следователя Иван.

– Не волнуйтесь, личность уже установлена. Осталось за малым.

– Конечно, за малым, осталось его найти и поймать, – сердито произнес Петр. – Очень оперативно сработали.

В скором времени Иван со Светой были за пределами России. Они улетели в Лондон. Света в спешном порядке продала явочную квартиру по требованию Ивана и островок с астраханской Турбазой – «Иван да Марья» в низах Волги. Больше у них ничего не было, оставались одни бриллианты. У него были документы на их приобретение. Иван зашел к отцу попрощаться. Но лучше бы не заходил.

Иван давно заметил, что отец очень изменился после этого анализа ДНК. И почему-то всегда отводил глаза в сторону, когда смотрел на него и еще заметил, что отец вытирал брезгливо руку после того, как здоровался.

Мать, напротив, была сама вежливость. Она интересовалась здоровьем Светланы, ребенка. Говорила, что внуку нужно чаще находиться у бабушки с дедушкой. Журила Ивана, что он стал невнимателен к своим престарелым родителям. Очень удивлялась, что они собираются, насовсем, перебраться зарубеж. Она просила, чтобы перед отъездом к ней обязательно зашла Света попрощаться.

Когда Светлана, теперь уже личный бухгалтер Ивана, пришла повидать свою свекровь, то очень удивилась теплому приему. «Не к добру она ласковая» – подумала Света и не ошиблась. Таня приказала все копии документов по фирме пересылать лично ей. И сказала, что как только она заметит не выполнение требования, сразу свернет эту фирму и не даст ни одного клиента из России. И вместо процветающей фирмы они получат в наследство болванку, пообещала Свете ее ласковая свекровь. Света согласилась сотрудничать и подписала нужные, компрометирующие ее, документы.

В Лондоне Света вела двойную игру. Она отправляла все копии документов свекрови. К тому же, свекровь дала ей самые лучшие рекомендации от бухгалтерии правительства Москвы. И

Света, предоставив нужное портфолио, соответствующее всем критериям отбора, прошла множественные этапы серьезного тестирования и устроилась работать главным бухгалтером в головное предприятие всех ювелирных заводов, принадлежащих российскому олигарху.

Света имела гражданство России и США, а Татьяна зарегистрировала в Москве ООО «Алмаз», которое в дальнейшем стало липовой фирмой для совершения хищений.

Татьяна понимала, что похищенные средства будут перечисляться на счета подконтрольных фирм, и поэтому им необходимо иметь «Банк-пустышку». Она взяли под свой контроль – «Городской банк», который принадлежал Игорю Сергеевичу Севрюку вместе с его же инвестиционной компанией и с десятками фирм-однодневок, где генеральными директорами значились подставные лица, которые так же были пустышками, как и сам банк. А для приобретения документов этих компаний было создано общество «ФинМинТраст», возглавляемое начальником охраны – Володей.

Все преступные действия были хорошо скоординированы и находились в руках главного бухгалтера Правительства, – в руках Татьяны.

Роль Светлане отводилась самая «бескорыстная», если не брать в расчет то, что она умышленно составляла подложные договоры и передавала подставным фирмам Татьяны все денежные потоки Бриллиантового короля. И в скором времени обескровила его полностью. А все его деньги таким же образом оказались в банках Кипра, Франции, Швейцарии, США на счетах у Татьяны.

«ФинМинТраст» распоряжался теперь всеми деньгами Петра. Света быстро вошла в курс дела и оперативно отправляла документы не только с фирмы Ивана, но и с фирмы Петра. Свекровь была очень довольна ее работой. Особенно, когда со счетов Петра и Ивана деньги плавно перетекли на счета Татьяны. Игорь Сергеевич как всегда богател и не мог нарадоваться на свою красавицу жену.

В, конце концов, обесточив обе фирмы полностью и сделав их банкротами. Таня успокоилась полностью.

– Ну, все, Игорь, теперь мы с тобой неприлично богаты, – смеялась Татьяна в глаза мужу.

Но именно, когда ты богат, ты оказываешься болен неизлечимой болезнью. И эти деньги никак не могут облегчить твое существование на грешной земле. Таня на глазах стала таять. Она пожелтела, у нее не было сил, все тело покрылось

гнойниками. Из ухоженной женщины Таня превращалась, в обтянутый кожей, труп. Жизнь каждый день медленно вытекала из ее некогда красивого тела.

– Очень не хочется умирать, – призналась она в порыве откровения Игорю Сергеевичу.

Она не догадывалась, что именно Игорь Сергеевич и есть виновник ее болезни. Он был уверен, что все средства умершей жены достанутся ему, и он ей целенаправленно подсыпал небольшими дозами смертельный яд – «Диоксин». Таня мучительно умирала. Ей посоветовали «Волшебника Медицины», которая творит чудеса и она пригласила к себе Веру Михайловну. Когда та сделала все анализы, она поняла причину ее недомоганий и сообщила в надлежавшие органы. Вера Михайловна понимала, что спасти Таню уже не удастся. Но обязательно нужно найти того, кто помог ей уйти из жизни раньше. Только у мужа был мотив. За Игорем Сергеевичем установили слежку. Таня стала чувствовать себя хуже, внутренние органы прекращали функционировать один за другим, приближая ее к смерти. Перед кончиной она очень просила Игоря Сергеевича, чтобы к ней пришел попрощаться ее старый друг, Юрий Саммуилович Гельштейн.

– Игорь, я тебя очень прошу, скажи Дядюшке, чтобы пришел, – умоляла Таня перед смертью.

– Слушай, ты же у нас очень мудрая, все в жизни своей продумала до мелочей. Вот только со смертью договориться, не успела, – смеялся он ей в глаза.

– Игорь, как хорошо, что я всю жизнь любила не тебя, а Юру. Найди его, будь хоть раз в жизни человеком.

Но Юрий Саммуилович сам нашел его. Вместе со своим братом-близнецом Яковом и оперативными работниками следственного комитета, они взяли Игоря Сергеевича с поличным, когда он брал «Диоксин» у одного дельца.

Видеонаблюдение, спрятанное в столовой, запечатлело несколько эпизодов, когда Игорь Сергеевич подсыпал яд в пищу и нес в спальню к жене. Он не знал, что Таня давно является стукачом ФСБ, и работает на Якова Саммуиловича много лет.

Когда она говорила, чтобы он позвал Юру, она точно знала, что вместо него придет Яков. Он завербовал ее, когда отпустил на волю после того громкого дела в девяностых.

Именно о ней он говорил Виктору, что пошлет своего человека, чтобы Ивана не кинули приемные родители. Именно он пришел к Тане за последним ее желанием.

Глава 35

Иван, оставшись без копейки денег, и разбазарив последние бриллианты в Казино и на проституток, кричал на Свету, когда они вернулись в Питер, что скоро его мамочка сдохнет, и они, наконец-то, получат огромное наследство. Света, молча, наблюдала за нищим Иваном и ухмылялась.

– Что, чернь, радуешься?! – орал Иван. – Я подал на развод, чтобы ты ничего не получила со своим ублюдком. Ты сгниешь в нищете.

– А ты что гнить не будешь, когда сдохнешь? Или белая кость гниет как-то иначе? – зло спросила Света.

В этот момент в дверь настойчиво позвонили.

– Кто это может быть? – испуганно спросил Иван.

Света посмотрела в глазок и сказала, что какая-то незнакомая женщина стоит перед дверью.

Он кричал, чтобы она не открывала дверь? Но Света давно уже его не боялась, и, ничего не отвечая, щелкнула замком.

На пороге появилась беззубая лохматая Анна. От нее очень дурно пахло. Весь вид говорил о том, что она находится в долгой нирване запоя.

– Сыночек, – бросилась она в ноги к Ивану. – Дай на бутылочку, будь человеком, не дай погибнуть!

Иван брезгливо оттолкнул старуху от себя и, сморщив нос, произнес:

– Фу! Пошла прочь, чернь!

– А ты сам кто? Ты из простых деревенских холуев будешь, как и мы. Родителей, сыночек, не выбирают, – смеялась она беззубым ртом, опираясь на грязную палку.

Иван со злостью схватил Анну за шиворот и с силой потащил ее к двери.

– Что ты несешь, старая дура? Пошла вон! – кричал Иван.

В дверях он лицом к лицу столкнулся с Виктором, который, опустив голову, зашел в квартиру. Иван обрадовался.

– Как ты вовремя! Убей ее! Эта бомжиха до меня дотронулась!

– Убей меня, муженек! Не слышишь, что сынок тебе приказал. Вот дожились, отец! – орала Анна.

Иван смотрел то на Виктора, то на Анну, то на Светлану. Он ничего не понимал.

– Муженек? Сынок? Отец? Что она несет, Виктор?

Виктор молча стоял возле двери и боялся даже взглянуть на сына. Он бормотал себе под нос: «Это все Игорь Сергеевич, он нам

с Вовкой всю жизнь испортил!».

Иван услышал имя «Вовка» и сразу сообразил, что нужно звонить Владимиру, начальнику службы безопасности. Ведь Виктор был у него в подчинении. «Нужно пожаловаться на то, что его сотрудник, не может убрать эту грязную нищенку из квартиры», – подумал Иван.

– Я буду звонить Владимиру Владимировичу!

– Путину, что ли? – засмеялась беззубым ртом Анна и толкнула Ивана в плечо. – Денег давай, сыночка! А не то я тебе башку проломлю!

Виктор оттолкнул Анну, закрыл собою Ивана, поднял на него глаза полные слез и произнес:

– Ты прости нас, сынок, что мы тебя отдали в другую семью! Мы твои биологические родители.

Иван смотрел на них круглыми глазами и часто моргал. Он ничего не понимал, что происходит.

Света стояла, сложив руки на груди, с удивлением наблюдая за этой семейной сценой. Затем не выдержала и рассмеялась.

– Ваня, ты грязь, как и я! – хохотала Света. – Ну что ж; рада познакомиться. А как же богатые родственнички?

Иван дрожащими руками набирал номер телефона. Пот выступил у него на всем лице. Он был в бешенстве.

– Я звоню дядь Вове, что ты себе позволяешь! Что ты несешь!

Виктор вздохнул, положил руку на телефон.

– Володя у нотариуса. Он Антону Петрову передает все свое состояние, всю недвижимость, все миллионы. Он его родной отец.

– Какому Антону Петрову? Какие миллионы? Антон теперь миллионер? – заорала Света.

– Да, миллионер. Я же говорю, что Игорь Сергеевич нам с Вовкой всю жизнь испортил! Он, как и я, сына своего не растил.

Света схватилась руками за голову и прислонилась к стене, чтобы не упасть.

«Боже! Антон теперь миллионер! Какая ж я была дура!», – пронеслось в голове у Светы.

Анна посмотрела на нее с ухмылкой и громко рассмеялась.

– Что, не на ту лошадку поставила, лохушка?! Не переживай, я – тоже!

Иван некоторое время после этих новостей пребывал в шоке, но от действительности не убежишь. Нужно набраться сил и посмотреть в глаза своим настоящим родителям. Он пытался позвонить Володе, Игорю Сергеевичу, но в телефоне беспощадно слышалось, что абонемент вне доступа…

Виктор рассказал Ивану все, как есть, что Таня подписала

детскому дому все движимое и недвижимое имущество, что перевела на их счет все свои сбережения, а Ване не оставила ни копейки. Что Игоря Сергеевича взяли с поличным, потому что он отправил свою жену на тот свет.

Вот и получается, что они с таким усердием служили темным силам и с такой радостью делали зло, что не заметили, как земную жизнь превратили для себя в ад.

Виктор захотел реабилитироваться перед сыном и отдал ему все свои сбережения, чтобы он бежал в Лондон и открыл там свое дело. Он знал, что его объявили в розыск, и сделал ему новые документы, поменяв ему внешность, образование, жизнь. Но, к сожалению, характер поменять он ему не смог.

Иван опять ускользнул от правосудия.

Глава 36

А Кристина в это время поддерживала мужа, который потерял все. Она убеждала Петра в том, чтобы он не отчаивался и все начинал снова. Она была точно уверенна в том, что все земное наживное. А вот любовь вечна. Она клялась ему в том, что любит его и без денег. Сказала, что устроится на работу и будет кормить семью. Петр был на грани отчаяния. Он не мог даже предположить, что новая бухгалтер, которую нанял его управляющий, окажется, Светой, женой этого маньяка.

Кристина так и не вспомнила свою бывшую подругу. Она вообще не хотела вспоминать все, что с нею произошло до знакомства с Петром. Она любила его и была счастлива в семье. Что касалось денег, то их всегда можно заработать. Пусть их будет не так много. Все равно счастье не зависит от их количества. Счастье не измеряется деньгами и даже не является его эквивалентом, счастье до такой степени не материально, что эти два слова: деньги и счастье не должны стоять рядом. К сожалению, к деньгам мужчины относятся не так как женщины.

Деньги мужчинам наоборот дают спокойствие, чувство защищенности, чувство превосходства. И без денег они начинают болеть. Им кажется, что без денег счастья не бывает. Мужчины больше материалисты, нежели женщины. Это только женщина может сказать: «Что с милым рай в шалаше!». И она искренне в это верит. Только женщина может бросить все и бежать, куда глаза глядят и не задумываться, как же она будет жить там, вдалеке, начиная все снова в свои неполные пятьдесят лет. А мужчина и в сорок считает, что жизнь для него уже закончилась. Только женщина способна снять с себя все и отдать нуждающимся, потому что точно знает, что это ей зачтется в другой жизни, про которую мужчины вообще ничего слышать не хотят, и уверенны, что они до нее не доживут. Только женщина готова поддержать мужчину, когда он превращается из миллиардера в нищего. Но ни один мужчина став миллионером, не захочет иметь рядом с собой состарившуюся бедную жену, он сразу будет искать кого-нибудь помоложе и богаче. Ведь у него же есть деньги! Значит должны быть и у нее, чтобы она случайно не залезла в его карман вместо своего. В общем, во всех отношениях женщины сильнее мужчин, не физически, конечно, но духовно всегда были крепче.

Вот и Кристине было смешно, когда Петр испуганно спрашивал у нее, оставит она его теперь или нет. Ведь она заслужила лучшей жизни.

– Конечно, брошу! – смеялась Кристина и добавляла, – если ты меня хоть раз обманул, то брошу обязательно, даже не сомневайся. А вдруг ты знаешь правду, что со мною произошло в тот роковой день, когда я потеряла память, и ничего мне не сказал?».

После этих слов Иван вообще закрылся и ушел в себя. Он даже стал прикладываться к спиртному, чем очень испугал Кристину.

В их комнате она стала находить под кроватью то одну, то другую пустую бутылку из-под алкоголя. Она в ужас приходила от всего этого. И часто оставалась ночевать в комнате детей, чтобы не видеть пьяного Петра.

– Никогда я не думала, что Петр так сломается, – делилась она на кухне с Верой Михайловной. – Но я верю, что мы со всем этим справимся.

– Конечно, ты, девочка моя, потерпи, – успокаивала Кристину свекровь. – Ты тоже его пойми. Он столько лет строил эту империю, которая ушла с молотка. Успокаивает себя только тем, что все средства были переданы в детский дом.

Татьяна знала, что делает, она знала, что Петр никогда не посмеет хоть копеечку забрать у сирот. На это и был сделан расчет. Она даже после смерти смогла отомстить всем. В том числе и Якову Саммуиловичу, чьим агентом всю жизнь являлась. Но хоть один достойный уважения поступок. Притом деньги ушли не только в детские дома России, но и Кипра, Франции, Швейцарии, США.

– Я уверена, что это Петра нисколько не расстроило. Он всегда занимался благотворительностью. Его расстроило то, что он, как мужчина, не смог обезопасить нас, – пыталась защитить Петра Кристина. – Но он еще не знает, на что я способна. И мне обидно, что он во мне засомневался. Как он мог подумать, что я теперь его брошу, когда он оказался в таком положении. Неужели он думает, что я живу с ним из-за денег. Да я вообще узнала, кто он, когда вышла за него замуж. Выйти замуж за миллионера никогда не мечтала, это я помню точно, – возмущалась Кристина.

Вера Михайловна посоветовалась с Кристиной и отправила детей в детский санаторий «Жемчужинка» в город Анапу. «Так будет лучше, – решили они, – пусть дети отдохнут на юге, пока Петр находится в невменяемом состоянии».

Кристина долго искала работу и случайно нашла объявление, что требуется продавец в магазин женской одежды.

Волей судьбы она попала именно в тот магазин, в котором когда-то работала ее мама. Она попала на Литейный проспект.

Но когда она пришла туда, то ее на удивление встретили там очень хорошо.

Лидия Иосифовна стала шелковой и внимательной, после того, как в газете «Питерская жизнь» прочла рассказ: «Здравствуйте, я старуха Шапокляк с Литейного», который написала мама Кристины. После этого она пересмотрела свою жизнь и как ни странно увидела себя со стороны, читая этот рассказ. Вот истинная правда, что слово тоже лечит. И благодаря маме Кристина уже пришла на работу в дружный ласковый коллектив. А Лидия Иосифовна, вглядываясь в нового стажера, всегда думала про себя: «Ну их подальше, не знаешь, кем окажется этот новый сотрудник! – И тут же вспоминала писательницу Катю».

Но Кристина ничего этого не знала. Рабочий день начинался в десять часов утра и заканчивался точно так же ночью. Двенадцать часов в день на каблуках, без перерыва на обед, с перекусами в пять, десять минут были для Кристины ужасным испытанием.

Ноги горели огнем к концу рабочего дня. Она уже не могла идти домой, а в прямом смысле ползала на четвереньках, поднимаясь по лестнице, когда лифт не работал. Открыв дверь ключом, чтобы не будить Веру Михайловну заходила в душ и совала свои раскаленные ноги под ледяную струю, чтобы хоть как-то привести их в чувство.

«Слава Богу, хоть коллектив хороший. И Леночка, и Людмила Иосифовна, и даже Александра с этими темными кругами под глазами. Боже ж ты мой, почему она такая несчастная?» – думала Кристина, выстаивая в ванной под ледяной водой.

– Кристи, я поместила Петра в больницу! – произнесла через дверь Вера Михайловна.

– Что с ним? – испуганно спросила Кристина.

– Сердечный приступ. Он в Покровской больнице, в кардиологии, – произнесла, вздыхая Вера Михайловна.

– Я сейчас же поеду туда! И не вздумайте меня отговаривать! – произнесла Кристина уверенно.

– Да кто ж тебя отговорит, – вздохнула Вера Михайловна.

Кристина вышла из ванной с мокрой головой и помчалась в Покровскую больницу.

Глава 37

Таинственное здание из красного кирпича появилось перед нею, когда она свернула со среднего проспекта Васильевского острова. Кристина шла в больницу босиком, держа в руках туфли. Ноги предательски ныли, но шли. Такси невозможно было вызвать, как всегда ночью они тоже отдыхали. Кристина зашла через приемный покой и сказала, что идет к мужу, которого привезла скорая помощь. Муж находился в триста седьмой палате. Она кружила в этих полукруглых лабиринтах больницы, никак не могла найти нужной палаты.

Больница располагалась странным образом. Кристину все время вели длинные коридоры по кругу и на стенах везде были нарисованы зеленые стрелки со словом «Выход».

«Выхода нет, выхода нет, выхода нет!» – проносилось в голове у Кристины.

Ну как же нет. Выхода из любого положения бывает два. Это известная всем истина. Не три, не четыре, не пять. А два. Это, как правило, вход и выход. Значит можно всегда найти выход двумя способами, как вошел, так и вышел. Или зашел в одну дверь, вышел в другую.

Кристина шла по лабиринтам коридоров и думала: «Значит так, Петр потерял все, наняв на работу подставного бухгалтера. Значит, я должна быть хорошим бухгалтером, чтобы вернуть Петру все. Точно! Как я сразу не догадалась?!» – воскликнула Кристина про себя и уверенно открыла дверь в нужную палату.

Она посмотрела на спящего Петра при свете фонаря, черты лица обострились, нос стал еще прямее, глубокая скорбная маска покрывала лицо. Но он был божественно красив, как всегда. Кристина поправила на нем одеяло, нежно поцеловала его и чтобы не разбудить, показала медсестре, что уже уходит.

– Я только что пришла с работы, поэтому так поздно решила навестить мужа, – объясняла она ей, извиняясь. – Вы уж, пожалуйста, передайте ему вот это, он поймет. – И Кристина передала ей связанные узлом два красивых шелковых платочка, которые они держали в Храме при венчании. – И присмотрите за ним, пожалуйста, у него сейчас очень трудный период в жизни.

– Хорошо, вы не переживайте, Вера Михайловна уже распорядилась насчет него, – произнесла медсестра. – Все будет хорошо.

На следующий день, Кристина напрямик сообщила хозяйке магазинов, Татьяне, что она очень сильный бухгалтер и что она

берется увеличить прибыль ее магазинов, если она ей позволит. На что уставшая королева-носильщик очень обрадовалась ее предложению и посетовала на то, что у нее страшная текучка кадров и что подозрительно низкие продажи при огромном количестве товара.

На следующий день Кристина принесла бизнес-план. Она убедительно рекомендовала разделить рабочий двенадцатичасовой день на восемь часов с часовым перерывом на обед и двумя выходными на человека. И сообщила, что продуктивность от этого вырастет в два раза. Что у продавцов не будет такой уставшей апатии и будет стимул трудиться лучше. Потому что у них не будут так сильно уставать ноги. Кристина предложила начинать рабочий день с девяти часов, а не с десяти и работать двумя сменами. Она убедительно предоставила все расчеты прибыли и попросила дать ей время на эксперимент. Кристина решила пройтись по всем пятнадцати магазинам Татьяны и сделать анализ продаж.

Татьяна согласилась на эксперимент. И в скором времени он дал результат очень даже положительный. Вместо четырех продавцов, в магазине оставляли в одну смену двух и в другую смену двух. То есть по зарплате все оставалось, как и прежде. Татьяна ничего не теряла. Но так же Кристина выяснила, что на Литейном проспекте работает команда, которая по возрастной категории была намного старше всех остальных продавцов, которые работали в других магазинах. И она предложила поменять этот коллектив на более молодой перспективный.

Но чтобы не обижать старшее поколение, она прибегнула вместе с начальницей Татьяной к маленькой хитрости. Она сказала, что на Большом проспекте нужны более опытные продавцы, так как клиенты еще не наработаны. И кто, как ни старая гвардия может войти в положение хозяйки… И расчет был точен. На Большом проспекте Петроградской стороны клиентура в основном была пожилого возраста и эти две категории могли вместе славно ужиться.

А девчонок – профессионалок с неуемной энергией и со знанием иностранных языков отправили в центр Питера, на Литейный проспект, где посетителями были в основном иностранцы. Выручка у них поднялась почти в десять раз! Прибыли они приносили больше, чем за все годы существования этого магазина.

Таких результатов хозяйка магазина Татьяна никак не ожидала. Она предложила Кристине сталь ее полноправным компаньоном. Кристина согласилась. И дела у обеих девушек пошли в гору.

Кризис в стране потихоньку убирал слабых, оставляя сильных. Очень много торговых помещений продавалось за бесценок в городе Санкт-Петербург и Татьяна с Кристиной скупили все помещения магазинов, которые арендовали.

Только на Литейном проспекте Татьяне не удалось выкупить помещение. Хозяин Никита решил его оставить, как он говорил в память дочери, которая очень любила это место, но снизил им все-таки аренду до минимума. Бизнес стремительно развивался.

Кристина разработала еще одну схему для увеличения прибыли. Она предложила брать товарооборотом, заключить договоры напрямую с фабриками – производителями. Теперь все было в их руках. Наценка на товар была маленькой, проходимость у магазинов огромная, рекламный ролик по телевидению про российского производителя и новые коллекции от выдающихся модельеров сделали свое дело. Качественный дешевый российский товар быстро разлетался во все страны мира. И Кристина за короткий срок вновь поднялась с колен. А Татьяна стала ходить в Храм, благодарить Бога, за то, что он прислал ей такую помощницу.

Татьяна призналась Кате, что перед тем, как Кристине появиться, она собиралась сворачивать бизнес совсем. И еще призналась, что Кристина очень похожа на писательницу, с которой она очень дружит. И рассказала эту историю про старуху Шапокляк. Про то, как Людмила Ильинична съедала своих стажеров. Кристина так смеялась, когда узнала, что Людмила Ильинична могла встретить ее совсем не так, если бы не этот рассказ.

Кристина теперь понимала, почему девочки в магазине были благодарны ей за график работы и выходные. И в один голос твердили, что у них работала женщина-писательница очень похожая на нее. Они обещали взять Кристину с собой и хвастались, что ездят к ней каждые выходные и устраивают женские посиделки, рассказывая наперебой новые истории из жизни.

Они так заманчиво описывали, какой у нее красивый дом – писателя, какой чудесный фонтан в виде книги, какие вкусные шашлыки жарит ее муж. И советовали Кристине рассказать писательнице свою историю жизни. Кристина смеялась и говорила, что ей нечего про себя рассказывать, что роман будет неинтересным, да и название банальное, каких полно: «Замуж за миллионера». Но пообещала девочкам, что в гости с ними пойдет.

Кристине так и не удалось вырваться к писательнице, потому что она ездила к Петру в больницу каждый день и пыталась вернуть его к жизни.

Понемногу Петр приходил в себя и не понимал, как могло такое случиться, что он так низко опустился. Ему было стыдно, что он причинил боль человеку, которого безгранично любил. Он не выпускал из рук этот узелок с двумя шелковыми платочками. Он пересмотрел всю свою жизнь, даже стал молиться и вышел из больницы тем Петром, которого Кристина полюбила.

Они возобновили долгие прогулки возле реки Смоленки, вместе посещали службу в Храме, и Святая Блаженная Ксения стала улыбаться им с мозаичного живого портрета, находящегося на стене Часовни.

– А ведь мы вспоминаем о Боге, когда нам плохо, – вздыхая, произнесла Кристина. – Может, нам испытания даны, чтобы мы вообще от Бога не отошли?

– А мне правда стало легче, когда я причастился, – признался Петр. – Может это самовнушение. Но я больше не хочу спиртное вообще.

Кристина улыбнулась, прижалась к своему любимому мужу.

– Нет, это не самовнушение. Это Бог помогает!

– «Кстати, как стал молиться, так Интерпол сразу нашел этого отморозка-убийцу в Лондоне! – радостно сообщил ей Петр. – К тому же они помогли ему вылезти из петли, в которую он полез, когда промотал все деньги Виктора. Представляешь, он орал на стражей законнопорядка, что эти англичане даже повеситься не дают нормально, снимают его в белых перчатках, боясь, испачкаться о его мерзкое тело бедняка.»

Обо всем этом ему поведал следователь, когда приходил в больницу подписать кое-какие бумаги. А все произошло так.

Антон в присланном фотороботе узнал Ивана. Он сообщил следователю фамилию и имя подозреваемого, а те в Лондоне вышли на его след, когда он в стельку пьяный, совал полицейским документы на имя другого человека, а при этом говорил, что его зовут Иван Севрюк. Никак не мог привыкнуть, что он стал «другим» человеком. Иван до последнего не мог поверить, что его приемные родители обобрали его как липку и выбросили, когда он стал им не нужен.

Света попыталась связаться с Татьяной перед смертью и забрать у нее компромат, что у нее есть еще один сын, которого она отдала Кристине. Но Татьяна в последнюю минуту жизни, с трудом могла говорить и успела только сообщить ей, что все это теперь находится в архиве у ее шефа. А кто шеф она не успела сказать…

Света все чаще стала вспоминать Антона. Ведь кроме него, никто не любил ее по-настоящему. И как она могла так в нем ошибиться. Она очень жалела, что сломала ему жизнь. Она не

знала, что наоборот она помогла ему обрести настоящее счастье.

Глава 38

Антон был женат и очень любит свою жену. Когда вся эта ужасная история получила развязку, Антон не находил себе места. И понял одно, что ему нужно срочно уехать куда угодно, лишь бы не вспоминать то, что с ним произошло.

Конечно, он никогда бы не оставил маму одну. Но ее не стало. И перед смертью она ему призналась, кто ее настоящий отец. Она сообщила Антону, что написала ему письмо. И что он в скором времени Антона найдет. Она знала, что Володя очень любил ее, но обстоятельства не позволили им быть вместе.

Улетая в Мурманск, в аэропорту Антон заметил яркую веселую рыжеволосую девушку, которая ехала на Север по своей научной работе. Она, увидев, что парень очень грустит, решила помочь ему и весело щебетала ему о своих проблемах.

Незаметно они подружились, в Мурманске несколько раз встречались на разных мероприятиях. Затем решили снять жилье вместе, чтобы было дешевле платить. И не заметили, как вспыхнула любовь и они стали мужем и женой. Лика позвонила своему двоюродному брату по скайпу, поделилась с ним, как всегда, своим счастьем и передала привет его жене и любимым племянникам.

Когда Лика общалась с Петром по скайпу, Кристины дома не было. Она в это время гуляла с детьми и очень обрадовалась, когда Петр ей рассказал, что Лика нашла хорошего мужа.

Когда Кристина попала в семью Петра, то Лика стала для Кристины настоящей подругой. Жаль, что они мало виделись, но созванивались часто и она, как могла, поддерживала Кристину, когда узнала о недуге Петра. Ей не верилось, что темные силы смогут его утянуть на дно. Она знала своего брата и была уверенна, что он победит эту болезнь. Так оно и случилось.

Петр, глядя на Кристину, на ее успехи в бизнесе, тоже все начинал с ноля. Он открыл в Питере собственную школу по изучению английского языка. Нанял преподавателей, живших за границей, и придумал свою индивидуальную программу обучения. После двух месяцев обучения, на английском языке могли говорить свободно даже те, кто никогда его не изучал. Петр расширил диапазон обучения, перейдя на индивидуальные компьютерные программы.

Кристина радовалась успехам мужа. И все время говорила, что Бог не дает таких испытаний, какие человек не может выдержать. Она говорила, что ее враг пойман, а значит, справедливость восторжествовала. Кристина часто вспоминала

Отца Игоря, его молитвы, его взгляд исподлобья, вспоминала, этот наклон головы. Каждое слово, произнесенное Отцом Игорем, как ни странно, она помнила очень отчетливо.

«А ведь он был прав, когда говорил, что меня ждут большие неприятности, и что без Бога я с ними не справлюсь, – вспоминала Кристина. – Только где это было?».

Тогда она совсем не понимала его слова. А сейчас они наполнились настоящим смыслом. Без Бога мы ничто!

Но Отца Игоря вспоминала не только Кристина, отца Игоря часто вспоминал еще один человек. Это была Татьяна. Она перед смертью, не переставая, твердила Якову, что любила всю жизнь его брата Юру. И, взяв Якова Саммуиловича за руку, открыла ему перед смертью еще одну тайну, что часть денег с фирмы Петра она хранит в Швейцарии, и продиктовала ему кодовый номер ячейки. Она сказала, что Петр знает, как ими распорядиться.

Петр, посоветовавшись с Яковом Саммуиловичем, решил отдать все эти деньги в монастырь, где находился его любимый дядя – Отец Игорь. Они передали последнюю волю умирающей и сообщили ему ее последние слова, что она всю жизнь любила его одного. Отец Игорь пребывал, как всегда, в молчании, но они знали точно, что он будет молиться за ее погибшую душу, так как очень любил ее тоже.

«Для чего люди приходят в эту жизнь? – думала Кристина, когда слушала эту историю. – Может быть для того, чтобы разобраться в себе, в своих пороках, грехах, чтобы суметь сделать кого-то счастливым или наоборот. Нет, человек приходит в эту жизнь для любви. Какая она разная эта любовь! Она многогранна, совершенна и неповторима!

И Кристина вдруг вспомнила слова Фридриха Ницше: «Поэтому хочу я, чтобы искренне говорили друг другу: «Мы любим друг друга, посмотрим, будем ли мы любить и впредь! Или обещание наше ошибочно? Дайте нам время и недолгий союз, чтобы увидеть, годимся ли мы для истинного союза! Великое дело – всегда быть вдвоем!»

Кристина улыбнулась и согласилась: «Великое! Мне нравится, что мы с Петей все начинаем с ноля и что он снова вернулся к своим сценариям. Интересно, какой же сюрприз он мне хочет сделать, о котором сегодня проболтался?», – думала Кристина, глядя на мужа.

День рождения Кристины приближался. Гости получили пригласительные, на которых стоял совершенно другой адрес: «Крестовский остров, улица Сосновая, дом двадцать три, корпус один».

«Скорее всего, это адрес ресторана», – думали друзья.

Кристина даже не догадывалась, что ее муж пригласил столько людей на ее день рождения…

Глава 39

Дети прыгали вокруг Кристины и требовали каруселькиОни очень любили на них кататься. Кристина журила деток и говорила, что знает, в кого они у нее получились, потому что сама в детстве бредила этими каруселькими.

Она, конечно, лукавила, потому что совсем не помнила свое детство. Но то, что она была в детстве оторвилой, знала точно. Она помнила, как у нее захватывало дух от аттракциона, в котором она летала в огромной трубе, даже ей казалось, что с парашютом она тоже прыгала.

И что особенно ей нравились – закрученные горки в аквапарке. Кристина помнит, как она тайком проскочила между ног у взрослых и покатилась с высокой горки в самый глубокий бассейн. Она помнила, что тонула, и что ее оттуда вытащил высокий симпатичный мужчина. Молодой, но уже весь седой. Это был ее отец – Никита, но она про это не знала. Никита рванул за ней в бассейн, так как знал, что Кристина не умела плавать, и успел, слава Богу, ее спасти.

Ох, и досталось тогда Кристине, любительницы экстремального отдыха, от Кати и Никиты. А на каруселях она выбирала самый опасный аттракцион. Вот и сейчас, прогуливаясь с детьми по Крестовскому острову, она заглядывалась на «Ракету».

Но детям показывала участников соревнования по ловле рыбы. Она радовалась вместе с детьми, когда видела, пойманную рыбку.

– Ура, смотрите, какую рыбу дядя поймал, – восхищалась Кристина.

– Ма, давай и мы рыбу половим, – умоляли ее дети.

– Немного подрастете и будете ловить рыбу тоже, – успокаивала детей Кристина.

Она иногда вспоминала большую реку, лотосы, лилии. И рыбалку! Но никак не могла до конца вспомнить, где это было. И перед глазами всплывала красивая и очень добрая женщина и веселый мужчина, их кто-то называл Земными Ангелами. Катя шла в раздумьях по парку и опять чувствовала, что прошлое неотступно шло рядом с нею. Дети бегали по Крестовскому острову так же, как у себя в своих английских парках.

Федор кружил вокруг фонтана и требовал, чтобы Виктория его догнала. Он постоянно хитрил, останавливался и поджидал бегущую сестренку, пугал ее, та визжала и снова делала круг. Она не понимала, каким образом Федор появлялся перед нею снова.

Затем Федор выбирал новый путь и убегал от Вики, а леди вновь неслась следом за ним. Она и не заметила, как добежала к новым коттеджам, красиво выстроенным в ряд.

Кристина побежала следом за детьми, отгоняя от себя воспоминания, и неожиданно очутилась перед красивым коттеджем с небольшим кованым балконом. Она остановилась перед ним, почувствовав, что сердце сжалось так, что нечем дышать. Кристина отчетливо поняла, что очень хорошо знает этот дом. Дети оглянулись и увидели, что с мамой происходит что-то неладное. Она схватилась за сердце, побледнела, и, не отрываясь, смотрела на этот балкон. Они мгновенно притихли, подошли к Кристине, взяли ее за руки и стояли вместе с нею, рассматривая красивый дом.

– Вика, что с мамой? – тихо спросил Федор.

– Не знаю, может балкон нравится? – предположила сестра.

Кристина долго смотрела на балкон, затем подошла к дверному звонку и нажала. Знакомая мелодия «Марсельезы» зазвучала в ушах, Кристина вздрогнула от воспоминаний.

– Иду, иду, – прозвучал знакомый голос мамы.

Вспышка света перед глазами! И Кристину мгновенно воспоминания унесли в этот дом. Она отчетливо увидела себя с огромным животом, как она стояла на этом самом балконе, а рядом с нею тот страшный мужчина, убийца из ее сна. Кристина разливала из кофеварки кофе и звала маму. И мама вот так же кричала: «Иду, иду». Затем перед Кристиной появилось лицо любимой подруги Светы, и она со змеиным выражением лица прошипела: «Да, мы с ним давно любовники, а ты – сдохни!». Кристина вспомнила сильный удар в спину и как она покатилась по лестнице…

В этот момент дверь плавно открылась, и в голове Кристины раздался взрыв, когда перед нею появилась мама. Она все вспомнила!

Глава 40

Катя открыла дверь, увидела Кристину и подумала, что в этот миг она уже на небесах, потому что перед нею стояла «умершая» дочь и двое очаровательных детей из ее сна.

– Кристина?! – ахнула Катя, – доченька моя, это ты?

Кристина бросилась к ней в объятия. Мамочка, я вспомнила, я все вспомнила, – закричала Кристина и стала целовать Катю и душить ее в объятиях. Она зарылась в ее каштановые немного вьющиеся волосы. Вдыхала запах ее любимых духов и плакала.

– Ты что-нибудь понимаешь, – спросила Вика у Федора, глядя на эту картину.

– Кажется, у нас есть еще одна бабушка, – сказал уверенно Федор.

– Господи, а это что за Ангелочки?! – заплакала Катя, обнимая и целуя детей Кристины.

– Это мои дети.

– Внученька, внучочек, – запричитала Катя. – Да что же мы стоим, проходите в дом. Отец, только не падай в обморок! Смотри, кто ожил!

Кристина глотнула полной грудью родного воздуха, подтолкнула ко входу детей. На крики и радостные возгласы вышел, хромая из-за угла дома Никита. Он как раз возился в саду со своими любимыми фруктовыми деревьями. Никита непонимающе смотрел то на Кристину, то на детишек, то на радостную Катю.

– Сообщите мне, пожалуйста, что я не умер, – произнес Никита, раскрывая объятия для дочери и внуков.

– Это ваш дедушка Никита, – сообщила радостную новость Кристина, целуя отца.

– Значит, я жив в своих внуках, – произнес философски Никита. – Это радует, что фрукты будет, кому есть.

Катя расцеловала внуков и повела их счастливая в дом. Никита крепко обнял Кристину, не боясь испачкать ее грязными руками.

– Господи, я думал, никогда тебя больше не увижу. Ведь за свои грехи я должен быть в аду, а ты, райская душа – в раю. Хорошо, что задержалась на Земле. Где же ты пропадала, душа моя, и что с тобою произошло?

– Я сейчас вам все расскажу, все, все, все. Я так рада, что память ко мне вернулась, – обнимая отца, плакала Кристина.

Радость переполняла ее полностью, только теперь она вспомнила первое знакомство с Никитой и привкус горечи, обиды

перемешался с волнением, и она не знала, как реагировать теперь на новые открывшиеся обстоятельства.

Конечно, она любила Петра, но как он мог ее предать? Как мог не сказать ей правду про ее прошлую жизнь. Или хотя бы о том несчастном случае, произошедшем в ресторане. Она, конечно, только теперь отчетливо поняла, что Света ее толкнула с лестницы. Она вспомнила, что ждала ребенка, что была замужем за Иваном. И так много всего сразу на нее навалилось. Что она боялась, что не справится со всем этим. Катя наливала ей в стакан любимого пустырника, плакала вместе с нею и никак не могла усидеть на месте. Она бегала вокруг своих красивых внуков, не переставая, целовала их в макушки.

Вика с Федором, сидя за столом и наминая бабушкины вкусные пирожные, видели радостную маму, рассматривали с интересом новых родственников. Они удивлялись, что в доме от пола до потолка вся стена уставлена книгами.

– Ты видел, сколько книг? – спросила Вика у Федора. – Как думаешь, у них сказки есть?

– Конечно, вон видишь, игрушки. Значит, дети тоже есть.

– А какие дети? – спросила тихонько Вика.

– Не знаю, может еще внуки есть.

– Хорошо бы было, – подтвердила его мысль Вика и тут же спросила про игрушки у Никиты. Он с удовольствием повел их в детскую комнату на второй этаж и предоставил в их распоряжение все богатство их двоюродного брата Антона.

– Можно мы здесь немного поиграем? – спросила Вика, рассматривая плюшевого медвежонка, первую игрушку Кристины, которую родители сохранили для ее детей.

– Конечно, вы вправе делать здесь все, что хотите. Это теперь ваш дом! – радостно произнес Никита и, услышав рыдания двух любимых женщин, поторопился спуститься вниз, пока дети были заняты изучением новых игрушек.

Никита на правах хозяина и главы семейства взял управление эмоциями в свои руки. Услышав, что Кристина плакала от обиды, что муж ей не сказал всей правды, а значит, предал ее. Он сразу твердо сообщил, что никаких разборок в доме не потерпит и если так случилось, что у Кристины есть муж. То она просто обязана его принимать таким, какой он есть. На слова Кристины, как он мог ее предать, Никита отвечал, что это было сделано в целях безопасности. Что он поступил бы точно так же, если бы увидел, что близкому человеку что-то угрожает.

Кристина плакала и рассказывала снова и снова, что с нею произошло в ту роковую ночь.

Как она попала в больницу и познакомилась там со своим

мужем. Как она потеряла память. Катя, услышав это, достала семейный альбом и стала показывать Кристине ее фотографии.

Когда Кристина увидела фотографию Светы, она вся напряглась и призналась маме, что видела Свету в роддоме, когда рожала Вику, и что на следующий день ей подбросила ребенка под дверь. Она только теперь вспомнила, что это был ребенок Светы. Она тогда в роддоме хорошо запомнила этого мальчика. И только сейчас поняла, что это ее сын.

Катя рассказала дочери, что видела их на рыбалке у дяди Коли и тети Лены и все про них поняла. Но Кристина не уставала повторять, что не отдаст ей Федора. И была уверенна, что Света вернула ей то, что когда – то у нее украла. Ведь Света столкнула Кристину с лестницы беременную, после чего она потеряла ребенка. Кристина узнала, что дача Антона сгорела и что там якобы нашли ее обгоревший труп.

Боже! Как мама с отцом только пережили это несчастье. Обе долго плакали, вспоминая годы разлуки. Катя призналась Кристине, что у нее есть могила, на которую она постоянно ходит. Кристина успокоила маму, что теперь будет жить долго, потому что это хорошая примета.

Катя не отрывалась от мамы, она не могла надышаться запахом ее любимых духов Коко – Шанель. Она не могла насмотреться на свою любимую мамочку. Она заметила, что в ее изумрудных глазах все так же искрились золотые звездочки, и Кристина только сейчас поняла, что глаза не имеют возраста, так же, как и душа. Мама была такой же красивой, а счастье встречи еще больше украсило ее.

Никита подошел к дочери и жене, обнял их, из глаз у него текли слезы, которые он неумело пытался скрыть. Вот так они и стояли, обнявшись втроем, и в этот момент знали точно, что такое счастье!

Счастье – это быть вместе! Счастье – это оставаться людьми! Счастье – это принимать жизнь такой, какая она есть. Счастье – это быть самим собой!

Как часто бывает, что мы не замечаем любви близкого родного человека. Часто обижаем его. И больше всех достается родителям. А они нас любят такими, какие мы есть. Они вынимают сердце из груди и освещают нам дорогу в жизнь. Но мы этого не ценим, пока наши родители живы.

Мы хватаемся за прошлое, когда их с нами уже нет. И уже нет шанса извиниться, поплакать на плече. Даже поругаться, больше шанса у нас нет. И мы хотим все вернуть, чтобы исправить. Но, увы, поздно.

И только после того, как их не станет. Мы вдруг в Библии в

пятой заповеди находим такие простые и понятные слова: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе».

И все так просто: хочешь прожить долго, не обижай родителей!

А мы это узнали слишком поздно. Когда их уже не вернуть. И не у кого попросить прощения.

И мы вспоминаем обиды, которые им нанесли, споры до хрипоты, которыми пытались доказать свою детскую наивную правду. И боль, которую мы им незаслуженно причинили.

Эх, это вечная проблема отцов и детей, переходящая из поколения в поколение. Остановитесь! Любите мгновения! Из них состоит наша такая длинная и такая короткая жизнь.

Глава 41

С первых шагов мы как будто начинаем набирать обороты земного бытия. Сначала медленно делаем шаг за шагом, и нам кажется, что дни тянутся очень медленно. И вдруг замечаем, что с каждым годом они летят все быстрее и быстрее. И вот с ужасом видим, что годы пролетают, как дни, а дальше еще страшнее, они набирают такую скорость, что несутся уже, как минуты, секунды, а затем, вдруг вспыхивают как мгновения. И все…

…И снова где-то начинается новая жизнь, которая медленно набирает обороты, за которыми мы к концу жизни не поспеваем.

Конечно, мы обязательно все встретимся, как сказал Отец Игорь: «Во втором пришествии Христа». Но там с нас спросят за все сполна: за все обиды, за все неприятности, за всю ложь, которой мы прикрывали свои грехи, думая, что их никто не увидит.

Нет, их видно. И наш Создатель спросит за каждый из них. Только у нас уже не будет шанса реабилитироваться. Спешите делать добро, быть может еще успеете спасти себя! И никогда не обижайте своих родителей, какими бы они не были. Это мы их выбрали для себя, задолго до того, когда родились.

– Мамочка, прости меня за все! – плакала Кристина. – Я была такой эгоисткой, я так мало с тобой виделась. Теперь все будет по-другому. Отец прав, нужно уметь прощать! Я ничего не скажу Петру. Наверняка, он сделал это, чтобы спасти меня. Он по-настоящему меня любит и еще больше, чем я корит себя.

– Вот и правильно, дочка, что той жизни, чтобы ее тратить на ссоры, – вздохнув, произнесла мама. – А мужа нужно слушаться. Его первым сделал Бог! Так что не перечь ему!

– Хорошо, – ответила Катя и крепко обняла маму.

Когда Кристина с Катей вышли во двор, Кристина заметила красивый дом по соседству.

– Дом моей мечты, – напомнила она маме. – Помнишь, я всегда говорила, что буду жить с тобой по соседству, и у меня будет свой собственный дом с бассейном и баней.

– Да, именно такой дом строит местный миллионер, жаль, конечно, что он женат. Я так мечтала о таком зяте, еще задолго до того, как ты вышла замуж за Ивана.

– Его, кстати, посадили. У него обвинение по нескольким статьям.

– Значит, он уже получил наказание за все. Хотя, честно сказать, Иван получил наказание давно. Он просто не жил,

постоянно всего боялся. Даже, когда организовывал твои похороны, все время оглядывался, боялся, что ты войдешь. Интересно, они знали, что ты жива?

– Света точно знала, она меня в роддоме видела.

– Ты знаешь, доченька, она ведь взяла твою несчастную судьбу вместо тебя, когда вышла за Ивана замуж.

– Они обманывали меня с первого дня знакомства. Света призналась перед тем, как столкнула с лестницы, что они были любовниками давно. А несчастье приходит тогда, когда ты кому-то делаешь плохо.

– Ты права. Я рада, что ты поменяла судьбу. Мне очень хочется увидеть твоего мужа, – сказала Катя, обнимая дочь.

– Ты с ним сегодня познакомишься. У меня же сегодня день рождения. Мы за вами вечером заедем. Так что готовьтесь.

– Ой, а мы совсем забыли тебе купить подарок! – вдруг спохватилась Катя.

Кристина посмотрела на маму, засмеялась, обняла ее и сказала: «Живите долго, это и будет ваш подарок мне!»

– Хорошо, ну вы быстрее приезжайте, я уже начинаю скучать.

Глава 42

Вечером Петр узнав, что Кристина нашла родителей и все вспомнила, пряча глаза от жены, стоял на коленях и просил у нее прощения.

Он все это время переживал, что не сказал ей правду. Но он так боялся ее потерять!

Петр признался Кристине, что ходил в ресторан и пытался все разузнать про ее обидчиков. Но служащие ресторана ничего не знали. Они сказали, что видели этих посетителей впервые. Петр так же объяснил ей, что долго искал этого мужчину, который назвался ее мужем.

А про ребенка, которого она потеряла, он не сказал ей, только потому, чтобы не вызвать приступ депрессии, так как она проходила курс психотерапии, после тяжелого сотрясения мозга.

А самое главное, Петр боялся, что Иван, спланированное убийство, доведет до конца, поэтому и прятал ее. Ведь Петр слышал, как Иван приказал Свете столкнуть ее с лестницы.

Кристина строго смотрела на Петра. И Петр неожиданно зарыдал, схватив ее в объятия.

– Не уходи, – умолял ее Петр. – Я умру без тебя.

– И я без тебя тоже, – заплакала Кристина, уткнувшись ему в плечо. – Я очень люблю тебя. Ведь это правда «Великое дело – Всегда быть вдвоем!»

На радостях, Петр очень торопился увидеть своих новых родственников. Он любил уже их потому, что они подарили ему такую жену. Петр, не переставая, целовал Кристине руки и благодарил за то, что она простила его.

Но волнение перед знакомством с родителями Кристины с каждой минутой усиливалось. Он даже не думал, что так будет бояться этой встречи. И, поглядывая на Веру Михайловну и Якова Саммуиловича, искал у них поддержки.

– Не волнуйся ты так, – утешала его мама. – У такой дочери, как Кристина, будут замечательные родители.

– В этом я как раз не сомневаюсь. Я боюсь за себя, вдруг я им не понравлюсь. Ладно, быстрее садитесь в машину, поехали, – поторапливал он родителей.

Кристина и дети уже сидели в «Феррари» и с нетерпением ждали папу. Они наперебой делились впечатлением, что у них есть много бабушек и дедушек.

– Теперь вы богатые родственниками, – констатировала факт, садясь в машину, Вера Михайловна.

Яков Саммуилович, как всегда, был рядом. Он никогда не садился впереди. Это была одна из особенностей его бывшей работы.

– Ну, слава Богу, наконец-то, будет с кем по-стариковски поговорить. А то все молодежь, да молодежь, – подмигнул он жене.

Петр довольный поглядывал на Кристину, внимательно слушал указания, куда ехать и в тоже время таинственно улыбался предстоящему сюрпризу.

Но для него сюрприз начался раньше, с того момента, когда Кристина произнесла, где живут родители. Он очень удивился, что они живут на Крестовском острове тоже.

Когда «Феррари» остановился возле дома родителей, то мама Кристины, увидев в окно машину соседа, очень удивилась, что он припарковался возле их дома.

– А что случилось, почему сосед к нам подъехал? – спросила Катя у Никиты.

– Может, хочет на новоселье пригласить. У него с утра шашлыками пахнет и накрываются столы.

– Мы никуда не пойдем. К нам Кристина должна приехать с семьей, – категорично заявила Катя.

Когда они открыли дверь, то увидели дружную процессию во главе с Кристиной, соседом и детьми. И главное, со старинным другом Никиты – генералом ФСБ – Яковом Саммуиловичем Гельштейном.

Никита с Катей стояли, открыв рты. Ничего не могли понять. Они не верили своим глазам. И не смотрели ни на соседа, ни на дочь. Они смотрели во все глаза на «погибшего» друга.

– Вот это сюрприз, ты жив?! – громко произнес Никита, обнимая друга. – Откуда ты здесь?

– По роду службы был приставлен защищать твою дочь. Ведь Кристина вылитая Катя в молодости.

Вера Михайловна улыбнулась, посмотрела на мужа и поняла, что теперь он точно расскажет ей всю правду про себя. Что настал тот самый момент, когда показывают скелетов в шкафу.

Петр с широко открытыми глазами смотрел на все происходящее.

– Вот это новости, я думал сюрприз жене в день рождения сделать. А вы тут что устроили?

– Знакомьтесь, это мама и папа, – растерянно произнесла Кристина, показывая на родителей. – А это мой муж Петр.

Писательница-соседка засмеялась, обняла Петра, расцеловала и сказала: «Велики твои чудеса, Боже! Мечтала о таком зяте и получила».

Теперь пришло время Кристине удивляться.

– А вы что знакомы?

– Это же и есть наш сосед – миллионер, – смеясь, произнесла Катя, обнимая дочь.

– Как сосед? – удивилась Кристина.

Петр обнял жену, подвел ее к воротам соседнего коттеджа, широко распахнул их и пригласил всех пройти с ним.

– Любимая жена, твой подарок на день рождения. Дворец твой, моя королева! Вот пакет документов. Прошу любить и жаловать, – выпалил он скороговоркой.

Никита протянул Кристине папку с документами и открыл дверь в дом ее мечты. Удивленные родственники с круглыми глазами рассматривали усадьбу.

Кристина плакала от счастья, когда рассматривала комнаты в доме. Она не могла поверить, что Никита до мелочей изучил ее вкус и сделал все, о чем она мечтала. Во дворе все тоже было идеально. И баня и бассейн, и цветные музыкальные фонтаны, почти как в Петергофе. Все, что она любила!

Дети, увидев во дворе, точно такие же карусели, какие у них были в Лондоне, запрыгали от радости и побежали на них кататься.

В это время к соседу заглянул удивленный Максим с женой и сыном.

– Хозяева! – крикнул он. – Ваши соседи не у вас? Мне показалось, что я слышу их радостные голоса и…, не успел закончить фразу встал как соляной столп.

Максим увидел живую и красивую Кристину.

– Господи, это не сон? – закричал он и побежал обнимать сестру.

– Нет, любимый братец, это явь и сказка жизни. Это я. А это мой новый дом, подарок мужа. Заходите!

Гости один за другим приезжали в новый дом Кристины на день рождения. Они были очень удивлены, ведь искали ресторан по этому адресу, а нашли веселую Кристину и ее новый дом.

Кристина была так счастлива в этот вечер. Все любимые друзья были рядом. По стечению обстоятельств в день памяти Кристины, в ее день рождения всегда приезжала Катина сестра из Америки – Маша вместе со своим мужем-банкиром Михаилом.

Как они радовались, что Кристина жива. Они вспоминали Лондон и смеялись, вспоминая прошлое и настоящее. Приехал Антон с Ликой из Мурманска, пришли девочки-коллеги из магазина во главе с Татьяной.

В новом особняке до утра звучала музыка, и не прекращались

танцы и смех.

А какой красивый салют заказал Петр в честь своей любимой жены! Такого дня рождения у Кристины точно никогда не было. Самые любимые люди были с нею рядом.

Но Кристина не знала, что под забором ходит еще одна ее подруга.

Глава 43

Это была Света. Она пришла попрощаться и попросить прощение за все у Кристины и ее мамы. Света давно ходила рядом с домом и не решалась войти.

Жизнь в одно мгновение пронеслась перед нею, когда она услышала приговор: «У вас последняя стадия рака. Мы уже ничего не сможем сделать. Вы обратились слишком поздно!».

После этих слов произошла переоценка ценностей жизненных устоев полностью. Она увидела себя со стороны. И поняла, что за все нужно платить. Так бывает, что боль физическая сводит тебя с ума, и ты не в силах ей противостоять. Ты не в силах ничего изменить. И ты терпишь эту невыносимую боль, когда грязная болезнь очищает тебя изнутри. Она выскребает всю грязь из тебя и начищает до блеска, стирая накопившиеся годами грехи. А ты кричишь и плачешь от безысходности! И требуешь одного – побыстрее умереть.

Как ни странно, именно болезнь делает тебя другим человеком. Ты вмиг меняешься. Становишься совершенно другим. Был злым – стал добрым. Был буйным – стал тихим. Был дураком – поумнел. Но как все это не вовремя!

Жаль, что жизнь – это миг зажженной спички. Вот она эволюция личности – узнав, что болен, начинаешь меняться.

Болезнь заставляет чувствовать все намного острее. И ты точно знаешь, что, наконец-то, стал лучше, потому что понял, что ничего не заберешь с собой с этой грешной земли, кроме накопленных грехов.

После того, как Света узнала, что смертельно больна, она вспомнила ту Церквушку, в которой таинство Крещения принимала Кристина и, как все это ее бесило. И только тогда она поняла, что точка отсчета ее грехов началась именно с того момента. И ей очень захотелось увидеть Отца Игоря, который стал монахом, исповедоваться ему. Света нашла Отца Игоря в Монастыре.

Отец Игорь принял обет молчания. Но давал письменные ответы на крик души, людям, которые готовились уходить с этой грешной земли. Выслушав Свету, написал ей, что ей нужно срочно попросить прощение у тех, кого она предала. И чем раньше, тем лучше.

«Спасти Вас может только Бог, – написал ей Отец Игорь, – потому что по Вашим грехам он попускает Вам болезни».

И она, слава Богу, услышала его и пришла в день рождения Кристины попросить у нее прощения. Она боялась не успеть.

Света робко позвонила в дверь. Никто не ответил. Громко звучала музыка. Веселье было в самом разгаре. Тогда она открыла дверь и вошла во двор.

Первого кого она увидела, была Кристина. Света побледнела, ухватилась за калитку, чтобы не упасть и заплакала. Кристина подошла к ней, посмотрела ей в глаза, сердце сжалось и похолодело. Она увидела, что Света умирает.

Перед нею стояла старуха с зелено-желтым цветом лица. Глаза ввалились и безжизненно выглядывали из обтянутых кожей глазниц. Она была похожа на смерть. Ту самую смерть, которую она видела во сне.

После химии у нее совершенно не было волос на голове, платочек туго покрывал маленькую головку, которую она втягивала в плечи. От бывшей розовощекой хохотушки ничего не осталось. Одежда висела на два размера больше, и взгляд был как у затравленного зверька.

В этот момент к ним подошла возмущенная Катя. Она испугалась за дочь и бросилась на защиту.

– Кристина, не подходи к ней, – закричала Катя.

– Все хорошо, мамочка, все в порядке, – ответила Кристина, плача.

Света ничего не успела сказать. Она еще громче зарыдала и упала перед обеими женщинами на колени.

– Простите меня, ради Бога, простите, если сможете.

В стороне стоял Антон и наблюдал за бывшей женой. Столько боли у него было в глазах! Ему было жаль ее.

– И ты, Антон, прости, если сможешь, – прошептала она.

Антон незаметно кивнул головой, смахнул предательскую слезу, подошел к ней и помог подняться с колен. Как всегда отряхнул ее, как маленького ребенка.

Света больше не в силах была видеть, что они все так же добры к ней, как и прежде. Она еще громче заплакала и повернулась, чтобы уйти.

Кристина остановила ее, обняла и сказала: «Я давно простила тебя, давно. Ты за все уже ответила в этой жизни, приняв мою судьбу на себя. Самое страшное, это разлучиться с собственными детьми, поверь мне. Но ты ведь не заберешь у меня Федю?»

– Нет, ему с тобой будет лучше. Если со мной что-нибудь случится, прошу тебя, не оставь Сергея тоже, – умоляюще попросила Света.

– С тобой ничего не случится. Я буду за тебя молиться, – произнесла Кристина. – Я знаю много случаев, когда болезнь отступает! И никто не знает, что будет с нами через секунду. Это

знает только Бог! Ты главное не сдавайся!

Света с благодарностью в глазах посмотрела на подругу. Эх, если бы можно было все вернуть! Если бы это был просто страшный сон! Если бы опять оказаться в деревне, на том стоге сена и рассматривать беззаботно небо, которое написало уже твою судьбу!

Кристина как будто прочла ее мысли и они обе посмотрели на бирюзовое питерское небо.

Эти красивые Белые ночи, сколько вы всего видели? И любовь и предательство. И встречи и расставания. И жизнь и смерть. И остались такими же волшебными, как триста лет назад.

Ничего не изменилось с тех пор – ни пороки, ни добродетель, ни сами люди. Они все так же подвержены искушениям, соблазнам и все так же не желают понять одного, что все мы ответим за то, что сделали.

И с нас не спросят: «Как ты жил, бедно или богато? А спросят: «Скольким людям ты успел сделать добро?».

Кристина с грустью посмотрела на Свету, которая садилась в такси, помахала ей рукой, вздохнула и крепко прижалась к маме.

– Мама, почему природа такая красивая, кристально чистая и совершенно не отталкивающая, почему человек, частица природы, такой грязный и неискренний, почему именно он, в отличие от природы, может говорить?! – спросила Кристина, глядя на облака.

– На этот вопрос я тебе отвечу в романе: «Света белого не видно», – сказала Катя, обняла дочь и повела ее к веселившимся гостям.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»